Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 14.

1-124 н. 150/260 п.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 14-го нумера.

Воскресенье, 4-го апрѣля 1899 г.

Статьи:

„На городской окраинѣ". Стихотвореніе В. Лебедева. — „Злое дѣло". Разсказъ. Н. Позникова. — „Избранникъ". Разсказъ. И. Потапенко. (Продолженіе). — *** Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго. — „Среди сугробовъ, діорита и бѣлоснѣжныхъ тундръ". (Изъ путешествія по Сѣверу). Н. Максимова. (Окончаніе). „Слуша-а-а-й!" Повѣсть Матильды Серао. Пер. С. Шульгиной. — „Первый домъ трудолюбія спб. столичнаго попечительнаго общества о домахъ трудолюбія". А. Фаресова. (Окончаніе). — Хроника.

Рисунки:

Весна. Г. Бухнера. — Христосъ и Магдалина. А. Хаккера. — Переходъ князя Аргутинскаго чрезъ снѣжный хребетъ. Ф. Рубо. — Становище Трящино на Мурманѣ. — Пароходная пристань въ Архангельскѣ. — Соламбала. Часть г. Архангельска. — Буксировка лѣса. — Промышленники на льдахъ Сѣвернаго океана — Перенесеніе гроба Бисмарка. — Мавзолей въ Фридрихсруэ. — Саркофагъ. — Королева и король о. Самоа. — Придворныя дамы королевы. — Четырехъ-колесный велосипедъ бреславльскихъ пожарныхъ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ"

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

СРОКЪ ВТОРОГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что

СРОКЪ ПЛАТЕЖА ВТОРОГО ВЗНОСА ДЕНЕГЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ МАРТѢ,

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдуемаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО АПРѢЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

МОДНЫЕ ДУХИ — Віола Одората Ауриха

О-ДЕ-КОЛОНЪ — Віола Сдората Ауриха

ЖИРНАЯ ПУДРА — Віола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Лиговская № 44. 2795-20.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

СТРАХОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

САЛАМАНДРА

УЧРЕЖДЕННОЕ въ 1846 г.

НОВЫЯ ОПЕРАЦІИ ТОВАРИЩЕСТВА:

1. **Страхованія отъ несчастныхъ случаевъ,** какъ коллективныя, служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, **съ участіемъ** или безъ участія **въ прибыляхъ** Товарищества. Страхованія отдѣльныхъ лицъ **съ возвратомъ всѣхъ премій** послѣ смерти или при достиженіи 45—65-ти-лѣтняго возраста. Значительно уменьшенныя преміи и другія преимущества.

2. **Страхованія транспортовъ,** морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ, равно какъ и страхованія пароходовъ и судовъ.

По прежнему принимаются:

3. **Страхованія отъ огня** всякаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ.

Подробныя свѣдѣнія выдаются въ Правленіи Товарищества въ С.-Петербургѣ (Гороховая, 6) и у агентовъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

3039

„CAPILLIFER“.

Средство для укрѣпленія луковицъ волосъ, уничтоженія перхоти и микробовъ; благодаря ему, волосы выростаютъ густые и крѣпкіе, что испытано долголѣтнимъ опытомъ. Цѣны флаконовъ:

2, 3, 4 и 6 рублей, МЫЛО 20, 30 и 40 коп.

Примѣчаніе: Во избѣжаніе поддѣлки каждый флаконъ снабженъ на пробкѣ и донышкѣ одинаковыми марками; № 1036 разрѣшенія Врачебной Управы, портретомъ и подписью изобрѣтателя **Ѳ. Л. Грабовскаго,** у котораго исключительная продажа. **ВАРШАВА Іерусалимская 70.** Заказы принимаются отъ 2 руб. за наличныя. Упаковка отъ 20 к. Пересылка по почтовому тарифу. 28.0-23

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи.
Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ
И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

(№ 2821 12)

Пожизненныя страхованія отъ несчастій

на желѣзныхъ дорогахъ и водяныхъ путяхъ

заключаются въ Правленіи Общества «Россія» (С.-Петербургъ, Б. Морская, 37) и у всѣхъ агентовъ Общества въ городахъ Имперіи.

3038

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 14. Воскресенье, 4-го Апрѣля 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде

ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА Г. БУХНЕРА.

Весна.

НА ГОРОДСКОЙ ОКРАИНѢ.

Вечеръ насталъ. Зачернѣла морозная тьма.
Люди простились съ тяжелымъ и сумрачнымъ днемъ;
Въ улицахъ тихихъ дома
Свѣтятся тусклымъ огнемъ...

* * *

Дальняго города шумъ и тревога, и громъ
Смутно, неясно порой долетаютъ сюда...
Въ небѣ, горя серебромъ,
Первая блещетъ звѣзда..

* * *

Прочь отлетаетъ печаль и тревога моя;
Здѣсь такъ отрадно отъ хмураго дня отдохнуть!
Стужи вечерней струя
Льется въ усталую грудь..

Мирно гляжу я на окна рабочихъ лачугъ,
Гдѣ замираетъ движеніе жизни людской...
Ночь имъ — товарищъ и другъ,
Ночь имъ — и миръ и покой...

* * *

Спятъ они, спятъ, потрудившись на черствый кусокъ;
Спятъ безъ разбору—въ дыму, въ тѣснотѣ, въ холоду...
Завтра фабричный гудокъ
Вновь ихъ погонитъ къ труду.

* * *

Смолкни-же, городъ, горящій въ далекихъ огняхъ!
Тише, о тише, ты — шумъ суеты городской!
Въ этихъ убогихъ домахъ
Дорого купленъ покой!..

В. Лебедевъ.

ЗЛОЕ ДѢЛО.

(Разсказъ).

„Аминь!“ ему грянули камни въ отвѣтъ.
Я. Полонскій.

I.

ОЩУПью, осторожно постукивая палками по тротуару, пролагая себѣ путь, шли они изъ своего пріюта въ тотъ пріютъ, гдѣ мѣсто всякому, кто потребуетъ и заплатитъ. Они шли изъ пріюта для слѣпыхъ въ ближайшій трактиръ. Хоть и слѣпые, но и они подвержены были той-же слабости, какъ и зрячіе: они хотѣли выпить и повеселиться. У одного изъ нихъ на ремнѣ, перекинутомъ черезъ плечо, висѣла съ боку большая, увѣсистая гармоника, съ разными клапанами, колокольчиками и прочими ухищреніями музыкально-столярно-слесарной техники. Щеточники по ремеслу, усталые отъ работы, которую они ловко исполняли, хотя никогда ея не видѣли,— они искали отдыха и веселья въ это воскресенье, котораго они, наконецъ, дождались. Они подвигались, держа другъ друга подъ руку. Некому было провести ихъ; но эту дорогу они знали твердо: живя въ одномъ пріютѣ, они и въ другомъ были частыми гостями. Цѣпляясь за ступеньки чугунной лѣсенки, скрипѣвшей подъ ихъ ногами какъ-то жалобно, они поднялись и очутились тамъ, гдѣ было людно и шумно, смрадно и душно, а для непривычнаго человѣка вообще скверно. Но они были привычны къ этому шуму и къ этой духотѣ. Они не видали этой обстановки—ни этихъ столиковъ съ сѣрыми отъ грязи скатертями, ни этихъ половыхъ съ засаленными передниками; но этотъ воздухъ, наполненный чадомъ кухни, запахомъ лука, спирта и селедки, этотъ гулъ, эти хрипдые переливы органа оживляли ихъ, и тутъ они по-своему находили отдыхъ и отраду, когда по ихъ приказанію мальчишка-половой выкрикивалъ для нихъ у буфета:

— Двѣ — коньякъ, одна — лимонадъ!

За этимъ лаконическимъ возгласомъ они вскорѣ слышали, какъ хлопала пробка, вливался лимонадъ въ стаканы, а за этимъ слѣдовали уже вкусовыя ощущенія: сладковатый, пахучій напитокъ, похожій на разбавленную помаду, чуть-чуть пощипывая языкъ, вливался въ глотку мягкою струей. Двѣ-три порціи такой помадки — и уже въ головѣ легкій шумокъ, и по жилкамъ теплота пошла... Совсѣмъ не то, что сидѣть за щетками! Еще порція, другая — и шумокъ еще сильнѣй, а по карманамъ денегъ уже маловато... При подсчетѣ оказалось, что денегъ остается всего семь гривенъ — совсѣмъ мало, чтобы продолжать такое роскошное пиршество: надо умѣрить желанія, спросить чего подешевле.

— Ну-ка, ты... Какъ тебя?.. Дай-ка пивка!— потребовалъ щеточникъ, и если-бы въ его стоячихъ бѣльмахъ могъ проблеснуть свѣтъ, то былъ-бы свѣтъ торжества надъ своимъ положеніемъ: деньги еще есть, и распорядиться еще можно!

Пиво, стаканъ за стаканомъ, подвеселило ихъ еще больше.

— Сыграть-бы пѣсенку, — проговорилъ одинъ.

— И то!—отозвался другой.

И полились сильные, горячіе звуки. И позваниваютъ имъ въ тактъ колокольчики. Все притихло кругомъ — всѣ невольно заслушались. Потомъ кто-то въ сторонѣ подтянулъ, подтянулъ кто-то еще изъ угла, и вотъ уже вся зала поетъ дружнымъ хоромъ, и буфетчикъ въ отчаяніи мечется за стойкой и велитъ половому остановить слѣпыхъ.

— Господа! здѣсь играть нельзя.

Слѣпые остановились. Остановился и хоръ.

— Зачѣмъ? зачѣмъ не даешь?.. Хорошо вѣдь больно! Ахъ, хорошо играетъ! Зачѣмъ не даешь? Дозволь!—послышались съ разныхъ сторонъ упреки.

— Нельзя, господа, нельзя. Запрещается. Полиція не разрѣшаетъ.

Залъ успокоился. Прошло съ полчаса. А пиво все играетъ да играетъ въ головѣ. И хочется повеселиться, хочется попѣть, поиграть на гармоникѣ. Одна отрада! другой нѣтъ вѣдь отрады... Недѣля—работа, сплошная и нелегкая, праздникъ — скучно: безъ дѣла, да свѣта Божьяго не видать.. Скучно! Эхъ, сыграть развѣ еще пѣсенку!

И полились опять звуки — задушевные, сильные, горячіе И опять въ залѣ притихли, и опять кто-то подтянулъ, и уже вся зала поетъ, охваченная словно какою волной. И несется стройный гулъ даже на улицу. Буфетчикъ мечется за стойкой, велитъ половому прекратить музыку, и самъ выбѣгаетъ на средину залы.

— Пожалуйста, довольно... Прошу прекратить... Заведеніе закроютъ.

Слѣпой остановился, прекратилось и пѣніе. И посыпались опять укоры:

— Ну, и закроютъ! И пусть!.. Что намъ твое заведеніе? Твое закроютъ — другія есть... Какое это заведеніе, коли пикнуть нельзя? Пѣсня-то больно хороша... Ахъ, хороша!

Но порядокъ возстановленъ. Слѣпой ужъ не играетъ, молчитъ и хоръ. Всякій занялся своей бутылкой и своимъ разговоромъ. Про слѣпыхъ уже забыли, и они собираются уходить: деньги у нихъ совсѣмъ уже на исходѣ.

— Послушайте, какъ вы хорошо играете! Просто, заслушаться можно, — мягко звучитъ у нихъ надъ ухомъ чей-то басокъ

— Что-жъ, по возможности... Только и отрады, что поиграть,—конфузливо и съ удовольствіемъ отвѣчаютъ они. — Мы люди темные, свѣта Божьяго не видимъ...

— Послушайте, вотъ что я вамъ скажу. Пойдемте ко мнѣ на квартеру. Живу я тутъ неподалечку. У меня и повеселимся. Я по дорогѣ пивка захвачу. Угощу. И повеселимся — поиграемъ, попоемъ...

— Что-жъ, отчего не пойти? Очень даже пріятно. Въ пріютѣ намъ теперь неудобно: потому въ головѣ малость муха есть. А къ вамъ съ удовольствіемъ.

— Ну, вотъ и отлично! Идемъ. Держитесь за меня.

И пошли. Онъ повелъ ихъ между столиками къ темному коридору, что велъ къ черному ходу. Никто не обратилъ на нихъ вниманія: всѣ были заняты своими разговорами и своимъ весельемъ. Встали и пошли, осторожно пробираясь между столиками. Почему не повелъ онъ ихъ чистымъ ходомъ, прямо на улицу? Зачѣмъ ему этотъ темный коридоръ? Тамъ сыро и тихо: пахнетъ плѣсенью и слабо отдается говоръ и смѣхъ изъ комнатъ. Они идутъ, слѣдуя за нимъ. Онъ молчитъ, не слышно его баска. И вдругъ... Кто-то сильно рванулъ ремень — такъ рванулъ, что ремень лопнулъ. Послышался глухой, мягкій, отрывистый шумъ, какъ-будто кто всѣмъ тѣломъ шлепнулся о стѣнку. Слѣпой протянулъ руки, но гармоника проскользнула между ними. Оба они слышали шаги. Кто-то убѣгалъ по коридору, спускался съ лѣстницы. Они остались одни въ темномъ коридорѣ. Гармоники при нихъ не было. И звучало у нихъ въ ушахъ, какъ кто-то шлепнулся о стѣнку и убѣгалъ по коридору, по лѣстницѣ, по двору...

II.

Было судоговореніе.

Прошлю десять мѣсяцевъ съ того дня, какъ кто-то рванулъ ремень на плечѣ у слѣпого и шлепнулся всѣмъ бокомъ о стѣнку. Въ окружномъ судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ, сидѣлъ истощенный, блѣдный, съ торчавшими на головѣ вихрами и съ длинными, висячими усами человѣкъ въ сѣромъ халатѣ, — сидѣлъ спокойно, какъ-бы уже привычно. По справкѣ о судимости оказывалось, что ранѣе онъ уже четыре раза занималъ это мѣсто, два раза былъ оправданъ, а два — отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ. Опытность вызывала въ немъ спокойствіе духа и вида. Съ отвѣтами на вопросы предсѣдателя онъ обращался не къ нему, а прямо къ присяжнымъ засѣдателямъ: онъ зналъ, кто рѣшаетъ дѣло и отъ кого зависитъ все.

— Подсудимый, признаете вы себя виновнымъ?

— Нѣтъ, господа присяжные, не признаю. Потому какъ былъ я въ этотъ самый день въ трактирѣ. Это вѣрно, это дѣйствительно. Праздникъ былъ, значитъ... А только-что слѣпыхъ я такъ никакихъ не видалъ. Раньше меня они были, что-ли, или позже — ужъ этого не могу знать... И сказать не могу.

— Такъ не признаете?

— Никакъ нѣтъ, господа присяжные, не признаю.

— Господинъ судебный приставъ, введите свидѣтелей.

Дверь залы отворилась, и потянулись въ нее вереницей свидѣтели. Былъ тутъ и буфетчикъ съ краснымъ галстухомъ и неимовѣрной величины булавкой; былъ мальчишка-половой въ засаленномъ передникѣ, какъ-будто онъ не снималъ его съ того памятнаго воскресенья; былъ какой-то человѣкъ страннаго вида, съ глазами, которые рыскали по-низу, словно искали чего-то подъ столомъ; была и дѣвица съ сильнымъ голосомъ и несовсѣмъ правильнымъ носомъ. А за ними, постукивая впередъ палками, нащупывая себѣ дорогу, взявшись другъ за друга подъ руку, шли нетвердою поступью два человѣка. Они держали головы немного вверхъ, и только въ этомъ выказывалось ихъ достоинство, котораго не могли выражать ихъ бѣлесоватые глаза, не выражавшіе даже хотя-бы простой человѣческой мысли. Вмѣстѣ съ другими, и они подняли правыя руки предъ крестомъ и евангеліемъ; вмѣстѣ съ другими, и они повторяли за священникомъ слова присяги, воздымая глаза, какъ-бы надѣясь увидѣть Того, Кто все знаетъ, каждый помыселъ человѣческій, каждый шагъ, — и про темный коридоръ, и про гармонику, и про того, кто шлепнулся о стѣнку.

— Буфетчикъ Иванъ Спиридоновъ.

— Я

— Вы останьтесь здѣсь. Остальные свидѣтели, удалитесь.

Начались показанія. Вопросы предсѣдателя, прокурора и защитника такъ и сыпались перекрестнымъ огнемъ на свидѣтелей, которые едва успѣвали давать отвѣты. Буфетчикъ зналъ подсудимаго, видѣлъ его въ трактирѣ нѣсколько разъ, но когда тотъ былъ тамъ въ памятное воскресенье и какъ вышли слѣпые, съ кѣмъ, въ какую дверь,—не замѣтилъ, занятый своими рюмками и бутербродами... Сильная дѣвица совершенно не могла опредѣлить, почему она попала сюда свидѣтельницей: въ трактиръ она пришла за своимъ дѣломъ, и ее угостилъ какой-то незнакомый мужчина, только не этотъ, что вонъ тамъ сидитъ, а совсѣмъ, совсѣмъ другой, этого-же она ни въ жизть не видала, и, ахъ Ты, Господи, что такое приключилось, рѣшительно не знаетъ а что на гармоникѣ играли слѣпые, это точно, это вѣрно, играли, только имъ не позволили, и все тутъ, и больше ничего.. Человѣкъ съ рыскавшими по-низу взорами тоже ничего не зналъ: правда, онъ былъ въ трактирѣ, потому дѣло праздничное, сидѣлъ въ своей компаніи, выпили бутылку, а потомъ сотку, а потомъ еще сотку, спросили пива, спросили разъ, спросили другой и третій спросили, а потомъ, значитъ, протоколъ...

— Почему протоколъ? Напились вы? подрались?

— Никакъ нѣтъ. Отъ слѣпыхъ протоколъ вышелъ.

— Вы не видѣли, куда они пошли? въ какую дверь?

— Никакъ нѣтъ. Играли они сперва-началу, на гармоникѣ играли. Ну, не дали имъ. Вотъ, буфетчикъ не далъ.

— Почему не далъ?

— Заведеніе, говоритъ, закроютъ.

— Что-жъ они? перестали?

— Какже, какже... Перестали.

— Не видѣли вы—подходилъ къ нимъ кто-нибудь?

— Не запримѣтилъ.

— И вы не подходили?

— На что намъ? У насъ своя компанія.

— Садитесь. Господинъ судебный приставъ, пригласите потерпѣвшаго.

Въ залѣ затихло, какъ въ гробу. Все обратилось въ ожиданіе и во вниманіе. Всѣ смотрѣли на дверь. Слѣпой долженъ былъ придти и вѣщать правду. Казалось, отъ него и его друга зависѣлъ приговоръ. Онъ вошелъ медленно, ведомый за плечи судебнымъ приставомъ. Что-то торжественное было въ этомъ шествіи. Слѣпой долженъ былъ раскрыть истину, и всѣ, казалось, ждали, жаждали истины.

— Скажите, свидѣтель, вы слѣпы?

— Слѣпы. Такъ точно, слѣпъ я.

— Совсѣмъ ничего не видите?

— Какъ есть ничего.

— Давно?

— Отъ роду. Такъ и родимшись.

— Что вы можете сказать по этому дѣлу?

— А то, что о стѣнку шлепнулось.

— Что?

— А вотъ какъ гармонику-то сорвалъ онъ, ремень лопнулъ, да что-то о стѣнку такъ и шлепнулось...

— Съ такой силой, значитъ, сорвалъ, что даже о стѣнку ударился? Вы такъ это объясняете?

— Такъ точно. О стѣнку... всѣмъ бокомъ. Иначе и быть не могло.

— Знакомый это вамъ былъ человѣкъ? Раньше онъ говорилъ съ вами когда-нибудь?

— Нѣтъ, незнакомый. А только его голосъ мнѣ и по-сейчасъ помнится: басокъ такой. Пойдемте, говоритъ, ко мнѣ на квартеру: тамъ повеселимся.

— Такъ что, если-бы онъ сейчасъ заговорилъ, вы узнали-бы его по голосу?

— Узналъ-бы. Какъ не узнать?

— Подсудимый, вы говорите, что не видали этихъ слѣпыхъ?

Подсудимый промолчалъ одно, два мгновенія: онъ понималъ значеніе своего отвѣта. Потомъ собрался съ силами, рѣшился, и высокимъ теноркомъ, какъ-то удало и бойко, возгласилъ:

— Такъ точно. Не видалъ!

— Свидѣтель, похожъ его голосъ на тотъ?

Слѣпой подождалъ въ раздумьи и нерѣшимости. И всѣ ждали, всѣ затихли.

— Похожъ?—переспросилъ его предсѣдатель.

— Кажется, что похожъ.

— Кажется? А навѣрно вы не можете сказать?

— Кажется.

Тутъ защитникъ попросилъ слова у предсѣдателя.

— Пожалуйста, — предоставилъ тотъ.

— Свидѣтель, вы говорили, что у того незнакомца, который взялъ у васъ гармонію, былъ басокъ. А у этого развѣ басокъ? какъ по вашему?

— Нѣтъ, этотъ фистулой пустилъ.

— Какъ-же похожъ?

— Фистулой, а все-таки... похожъ.

— Значитъ, этотъ поддѣлываетъ голосъ? не своимъ говоритъ?—подсказалъ слѣпому прокуроръ.

— Не могу знать. А только... похожъ.

Опять пронеслась тишина. Всѣ переглядывались въ недоумѣніи: кому-же вѣрить? тотъ или не тотъ? онъ или не онъ?

— И объ стѣнку шлепнулся, — прогоговорилъ слѣпой, но уже какъ-то нерѣшительно, въ раздумьи, какъ-бы искалъ, что-бы ему еще припомнить въ укоръ за понесенную обиду.

— Садитесь, свидѣтель.

Ввели другого слѣпца. И этотъ оказался слѣпорожденнымъ. Такъ-же напряженно слушали его присяжные, и судъ, и публика, такъ-же ловилъ его на словѣ защитникъ подсудимаго, такъ-же и прокуроръ старался подсказать ему, что обвиняемый поддѣлалъ голосъ. Но отвѣтъ былъ одинъ:

— Похожъ голосъ. Хошь и не тотъ самый, а похожъ. То басокъ былъ, а этотъ... Ну, а все-таки... похожъ.

III.

Дѣло подвигалось къ приговору.

Обвинитель доказывалъ присяжнымъ, что въ этомъ дѣлѣ все говоритъ за обвиненіе, за полное обвиненіе, безъ всякаго снисхожденія: что тутъ открытое похищеніе среди бѣла дня усугубляется еще и тѣмъ, что это дѣло, это гнусное насиліе совершено надъ беззащитными убогими, надъ слѣпцами, да и не надъ какими нибудь нищими, а надъ людьми рабочими, которымъ даже убожество ихъ не помѣшало стать наряду съ зрячими и здоровыми... не по тѣлеснымъ, конечно, качествамъ, господа присяжные засѣдатели, а потому, что эти калѣки поддерживаютъ въ себѣ и доказываютъ присутствіе въ нихъ человѣческаго достоинства, снискивая себѣ насущный хлѣбъ тяжкимъ трудомъ... Взгляните на нихъ, на этихъ темныхъ людей, прошу я васъ. Они лишены одного изъ лучшихъ даровъ Бога человѣку — лишены зрѣнія. Что-же остается имъ въ этомъ темномъ для нихъ мірѣ на утѣшеніе? Остаются лишь слуховыя ощущенія, которыя у слѣпцовъ, какъ извѣстно, несравненно воспріимчивѣе и тоньше, чѣмъ у насъ, зрячихъ. Музыка пѣсня, гармоника (за которую, замѣтьте, они отдали свои заработанныя убогимъ трудомъ, вотъ ужь въ истинномъ смыслѣ слова кровавымъ трудомъ — деньги), музыка, пѣсня,—гармоника — единственный лучъ свѣта, доступный этимъ несчастнымъ, одна ихъ отрада. И этотъ лучъ свѣта у нихъ отнять, грубо съ предательскимъ обманомъ, среди бѣла дня, почти на глазахъ у цѣлой толпы народа... Какое-же это безнравственное, злое дѣло!..

Защитникъ говорилъ не такъ горячо, какъ прокуроръ. Спокойно и осторожно, взвѣшивая впередъ каждое слово, доказывалъ онъ, что его кліентъ говоритъ фистулой, тогда какъ у похитителя гармоники, по показанію самихъ слѣпцовъ, былъ басокъ, что нельзя довѣрять ихъ мнѣнію, будто голосъ этого похожъ на голосъ того, ибо по ихъ тону и по ихъ „кажется“, очевидно, какъ они сами не увѣрены въ сходствѣ голосовъ, я что, наконецъ, если-бы даже и признать его кліента совершившимъ преступленіе, то оно отнюдь не можетъ быть признано за открытое похищеніе днемъ, а есть не болѣе, какъ простая кража, потому что совершено оно было въ темномъ коридорѣ... да наконецъ, господа присяжные засѣдатели, вы не можете не согласиться съ тѣмъ, что для слѣпого человѣка не существуетъ различія между днемъ и ночью: онъ всегда во тьмѣ, у него вѣчная ночь!

— Господа присяжные! — воскликнулъ прокуроръ и отскочилъ отъ своего стула. — Пусть у слѣпого вѣчная ночь! Но поэтому - то именно за него и надо заступиться. Потому-то онъ и беззащитенъ, что онъ всегда во тьмѣ. А человѣка, который посягнулъ на слѣпого, мы не можемъ, мы не должны терпѣть въ нашемъ обществѣ! мы не смѣемъ дать ему свободу!

— И все-таки, господа присяжные, я прошу васъ оправдать моего кліента по недоказанности преступленія, — спокойно, съ легкимъ поклономъ и улыбочкой заявилъ защитникъ.

Присяжные ушли совѣщаться. Совѣщались не долго. Споровъ, вѣроятно, почти не было. Вошли и сказали твердо и увѣренно:

— Нѣтъ, не виновенъ

Они боялись совершить еще злое дѣло.

— Подсудимый, вы свободны. Можете идти, — объявилъ предсѣдатель.

Блѣдный, истощенный человѣкъ, съ вихрами на головѣ отвѣсилъ поклонъ присяжнымъ засѣдателямъ и опрометью кинулся къ двери.

Слѣпые стояли молча, съ разведенными руками, и ничего нельзя было понять въ ихъ бѣлесоватыхъ, неосмысленныхъ глазахъ. Въ публикѣ и между присяжными звякали монеты, хрустѣли бумажки: шелъ сборъ слѣпымъ на гармонику. А они все стояли и о чемъ-то думали. Когда же судебный приставъ, осторожно взявъ ихъ за плечи, направлялъ ихъ къ двери, они, медленно подвигаясь впередъ и нащупывая дорогу палками, все еще недоумѣвали вполголоса:

— Какъ-же это?.. Такъ объ стѣнку и шлепнулся... И вдругъ...

Н. Позняковъ.

ИЗБРАННИКЪ.

Разсказъ. (*Продолженіе*).

Посвящается Владиміру Николаевичу Ладыжинскому.

Выпили за упокоеніе и началось уже заупокойное веселье. Оно, конечно, не было такъ игриво, какъ заздравное, и въ немъ чувствовалась нѣкоторая сдержанность, но все же ѣли и пили преисправно и при этомъ вспоминали, какой хорошій человѣкъ былъ покойный ктиторъ.

Старый протоіерей помнилъ всю его дѣятельность и зналъ наизусть всѣ жертвы, какія онъ принесъ въ храмъ. Онъ съ чувствомъ вспоминалъ о томъ, какъ ктиторъ Мимоносовъ на свой счетъ позолотилъ главный куполъ храма, какъ онъ пожертвовалъ дорогую плащаницу и двухъ серафимовъ шестокрылыхъ, нарисованныхъ въ притворѣ въ лѣвый предѣлъ, и многое другое изъ благодѣтельныхъ дѣяній покойнаго ктитора вспомнилъ отецъ протоіерей.

— Осиротѣла наша соборная церковь, истинно осиротѣла, сказалъ отецъ протоіерей: и кто-то теперь сможетъ стоять съ честью на мѣстѣ покойнаго Арефы Викуловича, кто?

И всѣ начали обсуждать этотъ вопросъ: кто?

Казалось, во всемъ городѣ нѣтъ такого гражданина, который былъ бы достоинъ занять мѣсто ктитора соборной церкви. Были граждане, способные на должности всякаго рода: гласныхъ, членовъ управы, разныхъ попечителей, и даже, важное мѣсто, городского головы съ достоинствомъ занимали разные граждане, но на должность ктитора соборнаго храма не оказывалось способнаго подходящаго кандидата.

— Позвольте, господа, сказалъ протоіерей. Какъ же вы говорите, что нѣтъ достойнаго? Есть, и очень даже есть, и даже не одинъ, а цѣлыхъ два.

— Да кто-же, кто-же? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да какъ кто? Во - первыхъ, нашъ многолюбивый амфитріонъ Ардальонъ Назаровичъ. Вѣдь онъ, можно сказать, прямо созданъ для этой почтенной должности. Щедрый, любящій церковное благолѣпіе, доброхотный даватель, богобоязненный, смиренный и гостепріимный. Да какого-же еще ктитора намъ надо?

— Ура! Урр-ра! подхватили всѣ гости. Само собою— Ардальонъ Назаровичъ. Какого-же еще ктитора намъ надо? Да онъ будетъ выше самого Мимоносова. Помилуйте, Мимоносовъ! Что такое Мимоносовъ? Купецъ, не болѣе, какъ купецъ. Конечно, онъ былъ человѣкъ почтенный, но нечего и говорить, что далеко ему до Ардальона Назаровича, у котораго есть и значительный чинъ и важность сановника. Подумайте, какая разница! Но другой, кто-же другой?

Впрочемъ, задавая этотъ вопросъ, гости отлично знали, что другимъ не можетъ быть никто иной какъ Григорій Антоновичъ Волокитскій, который былъ тутъ-же и сидѣлъ, скромно опустивъ глаза. Но нужно было всеже, чтобы имя его было произнесено, и произнесъ это имя тотъ-же отецъ протоіерей; онъ даже и не садился, а только ждалъ, когда уймется радостное волненіе по поводу имени Ардальона Назаровича, и, когда волненіе унялось, онъ сказалъ:

— И уже само собою разумѣется, что равный ему по достоинству есть не кто иной, какъ нашъ общій другъ и любимецъ Григорій Антоновичъ Волокитскій.

— Урр-ра! раздалось со всѣхъ концовъ стола, и опять всѣ начали перечислять достоинства Григорія Антоновича. Безъ сомнѣнія, и Волокитскій имѣлъ достоинства, совершенно затмѣвавшія почтеннаго ктитора Мимоносова. Вѣдь тотъ подъ старость уже ожирѣлъ и опустился, часто болѣлъ и ставилъ на свое мѣсто помощника. Григорій же Антоновичъ въ цвѣтѣ силъ, характера кипучаго, при немъ соборный храмъ зацвѣтетъ благолѣпіемъ, а въ щедрости, конечно, онъ не уступитъ Мимоносову. При этомъ припоминались ризы и паникадилы и другія жертвы Волокитскаго.

— Какъ видите, сказалъ протоіерей, мы совсѣмъ уже не такъ осиротѣли. И теперь я такъ полагаю, что пусть уже они сами между собой порѣшатъ, кому болѣе пріятно и возможно посвятить свои труды соборному храму, а мы уже подхватимъ.

Поднялся хозяинъ, Ардальонъ Назаро-

Христосъ и Магдалина. Съ картины художника А. Хаккера.

вичъ и сказалъ:—господа, прежде всего позвольте васъ поблагодарить за честь, которую вы оказали мнѣ, посѣтивъ мой домъ, а за симъ, переходя къ высказанному здѣсь лестному для меня предположенію о томъ, что я достоинъ занять важное и почетное мѣсто ктитора соборной церкви, я скажу: господа, ктиторъ это есть должность, которую можетъ занимать не всякій. Онъ на виду у всѣхъ. Онъ, такъ сказать, хозяинъ храма, блюститель порядка въ томъ мѣстѣ, гдѣ присутствуютъ ангелы. Господа, благодарю васъ за ваше лестное мнѣніе о моей личности, но никакимъ образомъ не могу согласиться съ вами, что я подхожу для занятія этой должности. Конечно, я всѣми силами стараюсь вести образъ жизни, достойный христіанина, но слабости человѣческія мѣшаютъ мнѣ достигать на этомъ пути идеала. И потому, если бы отъ меня потребовали, чтобы я сдѣлалъ указаніе, то, конечно, я не нашелъ бы никого лучшаго для занятія этого мѣста какъ моего сердечнаго друга и благопріятеля Григорія Антоновича Волокитскаго. Здѣсь говорили о моемъ усердіи къ храму. Но что такое мое усердіе въ сравненіи съ его пламеннымъ рвеніемъ? Я не буду перечислять жертвы, какія онъ принесъ нашему храму—это всякій знаетъ; итакъ, никто другой, какъ онъ, достоинъ занять эту должность.

— Урр-ра! опять раздалось со всѣхъ концовъ.

Тогда всталъ Григорій Антоновичъ Волокитскій и проговорилъ своимъ ангельски нѣжнымъ, въ душу проникающимъ голосомъ:—Господа, вы слышали сейчасъ краснорѣчивое и въ то же время скромное слово нашего достолюбезнаго хозяина и моего друга Ардальона Назаровича. Вы всѣ знаете, какъ я его уважаю и люблю. Но, не смотря на это, не могу съ нимъ согласиться. Онъ указалъ на мои жертвы. Но жертва храму есть не болѣе какъ плачъ согрѣшившей души, и потому я не могу поставить въ заслугу себѣ свои жертвы. Жертвуетъ тотъ, кто грѣшенъ, и, если, можетъ быть, я жертвовалъ болѣе кого-нибудь другого, то слѣдственно я и грѣшенъ былъ болѣе другого. Но не грѣховность же можетъ послужить качествомъ для человѣка—достойнаго занять должность ктитора соборной церкви? Нѣтъ, нужны другія достоинства. А какія у меня достоинства? Я человѣкъ маленькій, изъ маленькаго званія, вышелъ въ люди, благодаря только можетъ, быть, своей горячей природѣ. Жизнь моя суета: я все хлопочу, и хлопочу все о земномъ, о корыстномъ. Нѣтъ, не я долженъ занять должность ктитора соборной церкви, а онъ,—онъ, мой наисладчайшій другъ и наперстникъ моей души Ардальонъ Назаровичъ Чепраковъ, нашъ досточтимый амфитріонъ, какъ справедливо выразился глубокоуважаемый отецъ протоіерей, ему, ему, а не мнѣ принадлежитъ право быть хозяиномъ перваго въ городѣ храма, ему, обладающему и почтеннымъ званіемъ, и чиномъ, и осанкой, и необходимымъ благолѣпіемъ!

— Урра! ура! ура! съ такимъ же точно энтузіазмомъ воскликнули гости. Очевидно, присутствующіе были одинаково расположены къ обоимъ друзьямъ, зато имъ удалось быть свидѣтелями рѣдкой по своей трогательности сцены. Ардальонъ Назаровичъ и Григорій Антоновичъ протянули руки, всенародно обнялись и расцѣловались.

Это была заключительная сцена. Гости во всякомъ случаѣ остались при пріятномъ убѣжденіи, что соборный храмъ не останется безъ ктитора. Первымъ оставилъ домъ Ардальона Назаровича отецъ протоіерей, объяснившій, что долженъ идти къ преосвященному владыкѣ доложить о кончинѣ первой гильдіи купца Мимоносова. Затѣмъ поднялись второй священникъ и третій и объяснили, что пойдутъ въ квартиру покойнаго ктитора соборнѣ отслужить панихиду. Тогда встали и протодіаконъ и дьяконы, и простые граждане.

И почти всѣ гости, бывшіе у Ардальона Назаровича, въ полномъ составѣ отправились къ Мимоносову и присутствовали на панихидѣ.

III.

Казалось бы, все шло именно такъ, какъ надо. Казалось бы, было полное согласіе между обоими кандидатами и между прихожанами соборной церкви. Всѣ слились въ общее желаніе, въ общей волѣ. Казалось, что все это было такъ.

Но дьяволъ, врагъ человѣческаго рода, непримиримый ненавистникъ всякаго согласія, какъ оказалось, не тратилъ напрасно время, и воспользовался смертью первой гильдіи купца Мимоносова для того, чтобы посѣять свои вредоносныя сѣмена.

Очень можетъ быть, что онъ мстилъ обывателямъ губернскаго города за то, что душа ктитора Мимоносова явнымъ образомъ ускользнула изъ его рукъ, такъ какъ несомнѣнно эта почтенная душа, столько лѣтъ заботившаяся о благѣ соборнаго храма, пошла прямо въ рай.

Вообще нельзя съ увѣренностью проникнуть въ убѣжденія, какія руководили дьяволомъ, но достовѣрно извѣстно, что онъ не зѣвалъ.

На другой день послѣ пиршества у Ардальона Назаровича, каждый часъ служились панихиды у бывшаго ктитора. Всѣ прихожане перебывали у него въ домѣ, ихъ было неизмѣримо больше, чѣмъ сколько бывало ихъ при жизни ктитора. А на третій день были торжественныя похороны.

Самъ архіерей совершалъ ихъ, и по улицамъ губернскаго города раздавалось стройное благолѣпное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ. Басъ протодіакона звучалъ проникновенно, и въ глубинѣ его низкихъ нотъ слышалась затаенная скорбь.

Толпа народа шествовала за гробомъ, у всѣхъ были печальныя лица. А надъ всѣмъ этимъ господствовалъ глубокій, веселый звонъ большого соборнаго колокола—того самаго, что былъ воздвигнутъ и вознесенъ на колокольню иждивеніемъ и усердіемъ покойнаго ктитора. Архіерей разрѣшилъ звонить въ него до тѣхъ поръ, пока гробъ съ прахомъ ктитора не будетъ опущенъ въ могилу и засыпанъ землей.

А пока все это совершалось, сѣмена, посѣянныя дьяволомъ, успѣли произрасти и дать не только зелень, но и цвѣтъ.

Тотчасъ послѣ похоронъ естественно возникъ вопросъ о выборахъ новаго ктитора. Храмъ не могъ оставаться безъ ктитора, какъ государство безъ правителя, и отецъ протоіерей, хотя и были у всѣхъ на устахъ имена кандидатовъ, но нельзя было ожидать какого бы то ни было разногласія, тѣмъ не менѣе, желая быть неуязвимымъ, назначилъ выборы черезъ недѣлю, чтобы дать прихожанамъ время обсудить положеніе. Самъ же онъ отправился къ Ардальону Назаровичу и сказалъ:

— Ну, такъ вотъ, Ардальонъ Назаровичъ, слѣдовательно мы поставимъ ваше имя для избранія.

— Вы все-таки на этомъ настаиваете, отецъ протоіерей? спросилъ Ардальонъ Назаровичъ, у котораго во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ справедливость была на первомъ планѣ.

— Обязательно. Иначе и быть не можетъ. Какъ же иначе, сами посудите.

— А почему же именно я, а не другъ мой Григорій Антоновичъ? спросилъ Чепраковъ, желая по обыкновенію уступить первое мѣсто Волокитскому.

— Да видите ли, Ардальонъ Назаровичъ, я, конечно, сердечно люблю и уважаю Григорія Антоновича, сказалъ протоіерей, но, что касается меня, то-есть, моего истиннаго мнѣнія, то скажу вамъ, и это, конечно, останется между нами двоими—скажу я вамъ, что, разумѣется, не будь васъ, я бы горой стоялъ за Григорія Антоновича, но такъ какъ у насъ есть вы, то я въ глубинѣ моей души всегда отдаю предпочтеніе вамъ.

— Почему же это такъ, отецъ протоіерей?

— Ну, какъ почему? Это ясно, какъ день. Григорій Антоновичъ человѣкъ почтенный, я его уважаю и люблю — это я готовъ тысячу разъ повторять, но между нами сказать, что же такое Григорій Антоновичъ? Онъ почтенный гражданинъ — это такъ, но почему? Потому что онъ имѣетъ средства и своимъ любезнымъ характеромъ умѣетъ, такъ сказать, взять въ плѣнъ всякаго. Но у него нѣтъ никакого званія. Покойный Мимоносовъ былъ, по крайней мѣрѣ, купецъ первой гильдіи. Это не Богъ знаетъ что, а все же званіе. И родители его, родъ его, купеческій, старинный. Мимоносовы всѣ жили въ нашемъ городѣ и всегда были купцами первой гильдіи. Теперь вотъ и сынъ его, унаслѣдовавшій ему, тоже сталъ купцомъ первой гильдіи. А Григорій Антоновичъ даже чина не имѣетъ. Ну все же, согласитесь, Ардальонъ Назаровичъ, соборный храмъ не простая приходская церковь. Ктиторъ соборнаго храма долженъ имѣть что нибудь, онъ у всѣхъ въ виду, вотъ что я говорю. А вы, Ардальонъ Назаровичъ, вы совсѣмъ другое дѣло. У васъ и чинъ почтенный, и въ прошломъ вашемъ имѣется служебное положеніе. Захотѣли бы и могли бы пойти высоко и имѣли бы какой угодно чинъ и всякія награжденія. Я это говорю между нами, а, конечно, мое уваженіе къ Григорію Антоновичу не можетъ даже сомнѣнію подлежать. Притомъ же самъ онъ, во время трапезы у васъ же, въ вашемъ домѣ, прямо объявилъ, что на должность эту и претензіи не имѣетъ и указалъ на васъ, и — указалъ, прямо скажу, по заслугамъ и по достоинству. Ну, значитъ, и спора быть не мо-

жетъ. Не такъ ли я говорю? Словомъ сказать, Ардальонъ Назаровичъ, вы и насъ, священнослужителей, и прихожанъ, можно сказать, осчастливите своимъ согласіемъ и уже болѣе нечего вамъ кобениться.

— Что-же, сказалъ Ардальонъ Назаровичъ, убѣжденный доводами отца протоіерея. Если вы такъ говорите, отецъ протоіерей, а въ искренности вашей я не могу сомнѣваться, то я согласенъ послужить приходскому дѣлу.

— Согласны? радостно воскликнулъ отецъ протоіерей.

— Согласенъ, согласенъ, если вы такъ говорите.

— Ну, вотъ спасибо вамъ, спасибо, Ардальонъ Назаровичъ. Я на-дняхъ буду у преосвященнаго и объявлю ему. А ужь онъ, навѣрное, лучшаго выбора и не придумаетъ.Онъ благословитъ, благословитъ.

Получивъ, такимъ образомъ, согласіе Ардальона Назаровича, протоіерей пошелъ домой и, такъ какъ въ это время у него былъ второй дьяконъ, то онъ и сообщилъ ему:

— Ну, слава Богу, Ардальонъ Назаровичъ согласенъ выбираться въ ктиторы!

Второй дьяконъ пошелъ домой и, такъ какъ у него въ это время былъ приказчикъ изъ бакалейной лавки, находившейся въ соборномъ приходѣ, то онъ сказалъ ему:

— Ну, слава Богу, отецъ протоіерей былъ у Ардальона Назаровича, и онъ согласился выбираться въ ктиторы.

Приказчикъ пошелъ въ свою лавку и тамъ, въ присутствіи другихъ приказчиковъ и самого хозяина, сказалъ:

— Ну, слава тебѣ, Господи! сейчасъ мнѣ сообщилъ дьяконъ, который пришелъ отъ отца протоіерея, что Ардальонъ Назаровичъ далъ согласіе выбираться въ ктиторы.

А у хозяина бакалейной лавки было какое-то дѣло къ страховому агенту жившему въ среднемъ этажѣ дома Волокитскаго, и онъ, отправившись къ нему, у воротъ встрѣтилъ Григорія Антоновича и сказалъ ему:

— Ну, какъ это хорошо, что Ардальонъ Назаровичъ, вашъ закадычный другъ, согласился выбираться въ ктиторы; по крайней мѣрѣ, всѣ будутъ согласны и не будетъ споровъ. А ужь чего лучше, какъ миръ да любовь!

— Какъ? Онъ согласился? спросилъ Григорій Антоновичъ, и почему-то въ глазахъ его выразилось удивленіе.

— Согласился, согласился, подтвердилъ хозяинъ бакалейной лавки. — Какъ же не согласился? Отецъ протоіерей былъ у него и уговорилъ его. Какъ же! Согласился! А я къ агенту на минутку, по дѣлу. Прощайте, Григорій Антоновичъ.

— Гм... сказалъ самъ себѣ Волокитскій, когда хозяинъ бакалейной лавки ушелъ во второй этажъ. Такъ онъ согласился. Скажи, пожалуйста! А вѣдь отказывался и говорилъ, что недостоинъ, а будто бы я достоинъ. Вотъ и поди теперь, и довѣряйся дружбѣ. И, кажется, человѣкъ вѣрный и все такое, а вѣдь поди же, поди.

И вмѣсто того, чтобы пойти по дѣлу, для чего онъ и вышелъ изъ квартиры, Григорій Антоновичъ вернулся на дворъ и безъ всякой надобности прошелся по немъ раза три взадъ и впередъ.

Очевидно, онъ что-то придумывалъ и затѣмъ стало очевидно, что онъ придумывалъ нѣчто. Онъ опять вышелъ на улицу и направился прямо къ церковному дому соборнаго храма. У квартиры настоятеля онъ встрѣтилъ горничную и спросилъ, дома ли отецъ протоіерей?

— Отецъ протоіерей дома, отвѣтила горничная.

— А нельзя-ли мнѣ его повидать?

— Повидать его можно.

И Григорій Антоновичъ былъ допущенъ къ отцу протоіерею.

— А, Григорій Антоновичъ, очень пріятно, сказалъ протоіерей, но въ душѣ слегка смутился — такъ страннымъ показалось ему совпаденіе этого визита съ недавнимъ визитомъ его къ Ардальону Назаровичу. — Ну, какъ поживаете? какъ идутъ дѣла? спросилъ онъ.

— Благодарю васъ, отецъ протоіерей, мои дѣла всегда идутъ хорошо. Я полагаю, что это зависитъ отъ человѣка. Всякій человѣкъ можетъ направить свои дѣла и хорошо, и дурно.

— Это правильно, отвѣтилъ протоіерей и началъ ждать со стороны гостя какого-то приступа.

— А что же въ пятницу будетъ архіерейское служеніе, спросилъ Волокитскій, не желая такъ ужь прямо приступать къ дѣлу.

— Не знаю. Не было еще распоряженія. А ежели интересуетесь, такъ узнавши, сообщу.

— Какъ же не интересуюсь, отецъ протоіерей. Вы знаете я всегда, я ни одной архіерейской службы не пропускаю.

— Знаю, знаю, какъ не знать. Такого усерднаго прихожанина поискать.

Григорій Антоновичъ съ полминуты помолчалъ и у него даже былъ такой видъ, какъ будто онъ уже собрался уходить, но потомъ вдругъ вспомнилъ.

— Ахъ, да, совсѣмъ забылъ! Ну, какъ же стоитъ дѣло насчетъ ктитора?

— А! насчетъ ктитора. Да дѣло ничего, хорошо... Я вотъ побывалъ нынче у Ардальона Назаровича.

— Ага! ну и что-жь? И слышать не хочетъ?

— Нѣтъ, не того...

— А какъ же... Все-таки поддается?

— Да какъ вамъ сказать, Григорій Антоновичъ, не то, что поддается, а даже поддался...

— Вотъ какъ. А мнѣ ничего не говорилъ.

— Да, сперва не хотѣлъ, а потомъ согласился.

— Ахъ, согласился! Вотъ что!

— Да, согласился! Спасибо ему! Выразилъ готовность послужить...

— Гм... Скажите пожалуйста.

— А что-жъ? Вы развѣ какъ на этотъ счетъ?

— Да ничего, я ничего... Вы знаете, какъ я его люблю. Вѣдь это мой первый другъ.

— Ну, какъ же не знать. Кто же этого не знаетъ? Вѣдь васъ иначе и не называютъ, какъ Оресть и Пиладъ.

— Вѣрно такъ, это и есть — Оресть и Пиладъ.

И опять Григорій Антоновичъ нѣкоторое время помолчалъ. А потомъ сказалъ:

— только знаете, подходящее ли это дѣло ктиторство, вотъ вопросъ?

— Гм.. Любопытно знать ваше мнѣніе, Григорій Антоновичъ? сказалъ осторожно протоіерей.

— Мнѣніе мое такое, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, при всей своей, такъ сказать, почтенности, Ардальонъ Назаровичъ какъ будто не очень ужь подходитъ.

— И почему именно?

— Да какъ вамъ сказать? Свѣтскости въ немъ этой много... Онъ, конечно, хорошій христіанинъ, а все-таки, такъ сказать, болѣе любитель...

— Такъ, такъ, отозвался протоіерей.— Любитель, именно любитель.

— Ну, да, я и говорю. Конечно, отецъ протоіерей, это останется навѣки вѣчные между нами... Я говорю вамъ это потому, что вы человѣкъ вѣрный, не выдадите. А только при всей моей сердечной любви къ Ардальону Назаровичу... Позвольте, какъ же это онъ будетъ церковнымъ старостой, можно сказать, ктиторомъ соборнаго храма, возжигать, такъ сказать, лампады и, быть можетъ, самый престолъ украшать, когда... ужь я полагаю вы сами, отецъ, понимаете, о чемъ я рѣчь веду...

— Какъ вамъ сказать? Догадка есть... только недостаточно ясно, Григорій Антоновичъ, сказалъ протоіерей, давно уже понявшій, къ чему клонитъ свою рѣчь Волокитскій. Но зачѣмъ спѣшить съ предположеніями, когда человѣкъ самъ можетъ высказать, а слѣдовательно и отвѣчать за высказанное въ случаѣ надобности.—Догадываюсь, говорю, да не то, чтобъ ужь очень... Такъ вы договаривайте, Григорій Антоновичъ. Вѣдь, конечно, между нами останется...

— Само собою. А то я говорю, отецъ протоіерей, что какъ мнѣ ни грустно, а долженъ я сознаться, что чистота тѣлесная есть, такъ сказать, родная сестра чистоты духовной, а ежели въ домѣ имѣется женщина незамужняя и у нея потомство, можно сказать, возрастаетъ каждогодно, то согласитесь, что это бросаетъ тѣнь. И о чистотѣ тѣлесной тутъ такъ сказать, не можетъ быть и рѣчи.. Я это только и говорю.

— Я вамъ отвѣчу на это вотъ что, Григорій Антоновичъ, сказалъ, наконецъ, протоіерей: хотя я сердечно люблю и уважаю Ардальона Назаровича и онъ въ моемъ сердцѣ, можно сказать, занимаетъ второе мѣсто послѣ васъ, но, признаться сказать, я и самъ немного изумился, когда онъ далъ свое согласіе.

— Ну, вотъ видите.

— Да и, если ужь пошло на правду, я именно это самъ подумалъ. Но, разумѣется, я никогда бы ему не сказалъ это. Боже сохрани. И вы, Григорій Антоновичъ, будете хранить въ тайнѣ это мое мнѣніе.

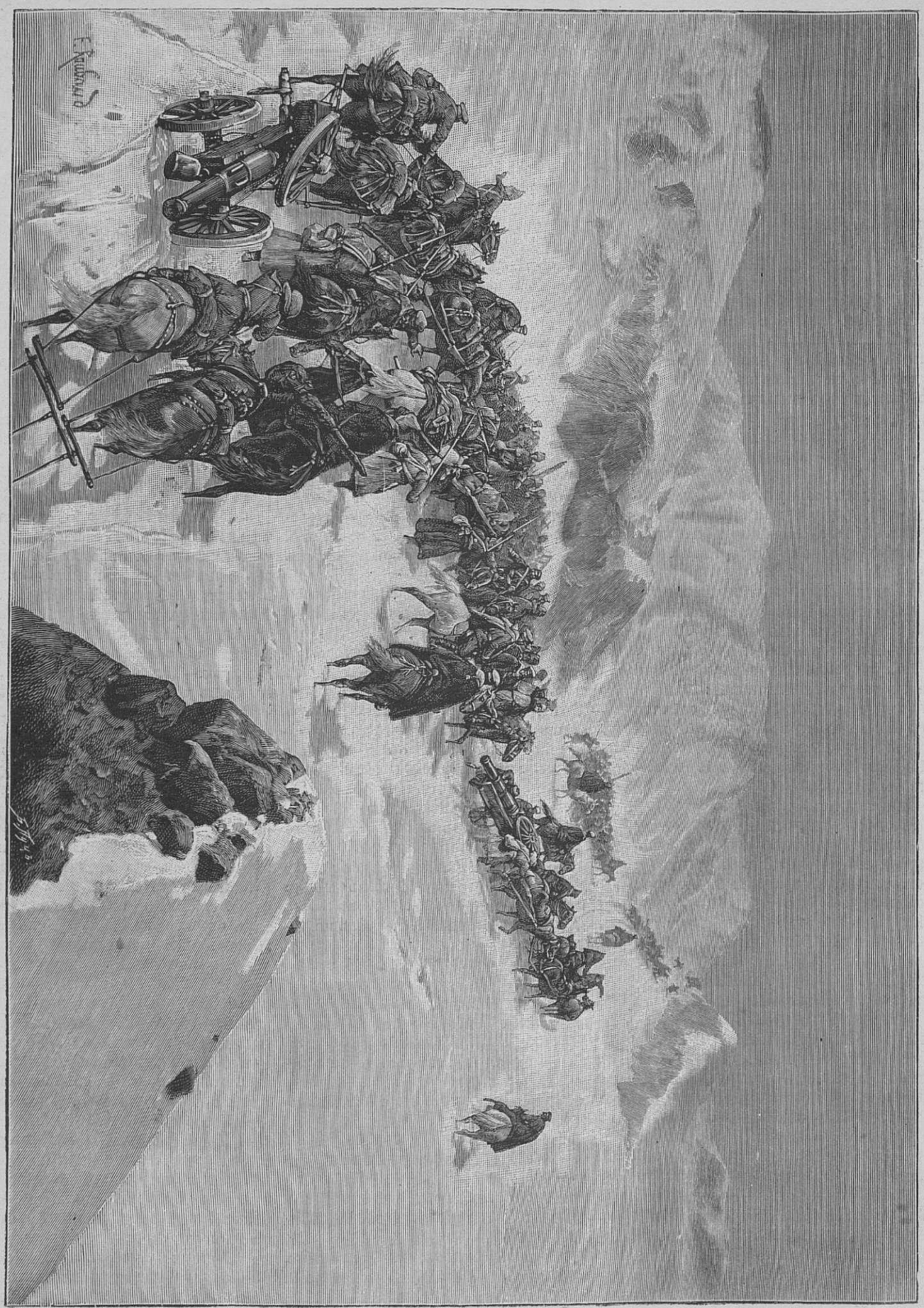
— Ну еще-бы, отецъ протоіерей.

— Я уважаю Ардальона Назаровича, но не могу сказать, чтобы считалъ его вполнѣ достойнымъ должности ктитора. Должность ктитора—должность дѣятельная, а Ардальонъ Назаровичъ человѣкъ спокойный, мягкій и даже, можно сказать, лѣнивый. Конечно, не будь васъ или откажись вы, я безъ колебаній сказалъ бы: Ардальонъ Назаровичу, никому другому

нельзя быть ктиторомъ, какъ ему. Но, пока есть у насъ Григорій Антоновичъ, столь извѣстный у насъ рвеніемъ къ ду-

— Да, ужъ можете положиться. Если я говорю, то значитъ это такъ. А вы, Григорій Антоновичъ, все-таки скажите, вамъ

у меня давно уже есть эта мысль, давно хочется мнѣ занять эту должность. Конечно, вы сами знаете, что она безко-



Переходъ князя Аргутинскаго чрезъ снѣжный хребетъ. Картина Ф. Рубо. Гравировалъ Б. Пуцъ.

ховнымъ дѣламъ, то тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

— Я очень, очень вамъ благодаренъ, отецъ протоіерей, сказалъ Волокитскій,— я буду на васъ надѣяться, только на васъ.

дѣйствительно доставило бы удовольствіе, если-бы васъ выбрали въ ктиторы?

— Да, да, я этого отъ васъ не скрою. Можно сказать, истинное удовольствіе. Я вамъ признаюсь, отецъ протоіерей, что

рыстная, да я за корыстью и не гоняюсь. У меня довольно есть другихъ дѣлъ, которыя даютъ мнѣ корысть, а просто такъ, духовно хочется. Я признаться таки часто посматривалъ на по-

койнаго Мимоносова, когда онъ, бывало, стоитъ за свѣчнымъ столомъ. Нѣтъ, говорилъ я себѣ, не такой долженъ быть ктиторъ соборной церкви. Какой-же онъ ктиторъ? Ктиторъ, такъ сказать, носитель благолѣпія. На немъ держится все благоприличіе во храмѣ. Онъ долженъ подавать примѣръ.. Покойный Мимоносовъ, конечно, былъ человѣкъ хорошій—этого отъ него никто не отнимаетъ, ну, и жертвовалъ, конечно, жертвовалъ. Но, помилуйте, какъ-же можно, чтобы ктиторъ, такое, можно сказать, лицо, которое постоянно у всѣхъ на виду—и вдругъ сморкается безъ платка... Я наблюдалъ не разъ. Стоитъ это, приложитъ два пальца къ правой ноздрѣ, да лѣвой на сторону и дунетъ, а потомъ къ лѣвой приложитъ и правой дунетъ... Какъ же это? Это можетъ простой мужикъ сдѣлать, но для ктитора это не красиво. Для этого есть носовые платки. Конечно, я повторяю, онъ былъ усердный жертвователь,—колоколъ воздвигнуть не легкое дѣло, это большихъ денегъ стоитъ. Такъ вѣдь никто-же не знаетъ, что другой пожертвуетъ? Можетъ быть, другой такой колоколъ воздвигнетъ, какой Мимоносову и не снился... Будущее никому неизвѣстно.

— Это такъ, это вѣрно... О будущемъ никто и не говоритъ, подтвердилъ отецъ протоіерей.—А вотъ какъ-же быть съ Ардальономъ Назаровичемъ?

— А ужь это, отецъ протоіерей, вы возьмите на себя.

— То-есть, какъ на себя, даже съ легкимъ испугомъ спросилъ отецъ протоіерей. За что же это?

— Да вѣдь мнѣ никакъ невозможно. Сами знаете, какія у насъ отношенія?

— Это вы хотите, чтобы я ему сказалъ...

— Да зачѣмъ же говорить? Вы ничего не говорите, а только этакъ намекните, но, разумѣется, не отъ меня, а отъ себя и тонко, претонко... Вы человѣкъ умный и тонкій, вы это сумѣете сдѣлать. Или, напримѣръ, вотъ какъ: будто вы у преосвященнаго побывали, а ему-молъ, кто, то наговорилъ про Аглаю и прочее .. Ну и преосвященный, само собою, не одобряетъ... Понимаете?

У отца протоіерея, очевидно, въ это время созрѣла въ головѣ какая-то мысль, которая успокоила его. Онъ сказалъ:

— Отлично... Мы это такъ и сдѣлаемъ.

И, чтобы окончательно отдѣлаться отъ Григорія Антоновича, отецъ протоіерей прибавилъ:—вѣрьте, не вѣрьте, какъ хотите, а я вамъ прямо скажу: Ардальона Назаровича я люблю и уважаю, а ужь васъ, Григорій Антоновичъ, не знаю какъ и сказать...

Затѣмъ Григорій Антоновичъ, заключивъ такой союзъ, ушелъ Утромъ у него было намѣреніе побывать у Чепракова, какъ это бывало каждый день. Послѣ обѣда они обыкновенно встрѣчались и пили вмѣстѣ чай, и дажевыкуривали по одной сигарѣ. Но теперь Григорій Антоновичъ раздумалъ и пошелъ прямо домой.

Вечеромъ отецъ протоіерей надѣлъ рясу и камилавку и вышелъ со двора... У воротъ онъ встрѣтился съ тѣмъ самымъ вторымъ дьякономъ, который былъ у него утромъ. Онъ остановилъ его и сказалъ ему:

— Послушайте, отецъ дьяконъ, давеча я сказалъ вамъ, что Ардальонъ Назаровичъ согласенъ, а теперь сомнѣваюсь... Такъ вы не того... Не торопитесь распространять... Оно еще неизвѣстно.

Дьяконъ удивился такой перемѣнѣ, потому что утромъ отецъ протоіерей очень опредѣленно сказалъ ему насчетъ согласія Ардальона Назаровича. Тѣмъ не менѣе, чувствуя какъ бы особое призваніе онъ счелъ своимъ долгомъ завернуть въ бакалейную лавку. Тамъ онъ объяснилъ:

— Насчетъ Ардальона Назаровича оно собственно еще неизвѣстно.

Становище Трящина на Мурманѣ.

— Какъ же такъ? А вы, отецъ дьяконъ сказали, что онъ согласенъ. Будто и отецъ протоіерей вамъ то сказалъ

— То-есть, онъ и согласенъ, а въ то же время и неизвѣстно. Отецъ протоіерей погорячился. Должно быть, это только такъ себѣ, разговоры одни

— Ахъ, ты, Боже мой! воскликнулъ хозяинъ бакалейной лавки, а я какъ разъ таки того... встрѣтилъ Григорія Антоновича и бухнулъ ему... Эхъ, эхъ...

И въ соборномъ приходѣ въ этотъ вечеръ пронеслась странная волна—сперва стремительная, со всѣми признаками увѣренности и несомнѣнности—насчетъ того, что Ардальонъ Назаровичъ согласенъ, и потомъ, вдругъ, какъ бы сбавила силы и замерла. Волна шла прямо изъ бакалейной лавки, куда каждую минуту покупатели приходили и вмѣстѣ съ товаромъ получали новости.

— Вамъ два фунтика сахару, спраши-

валъ приказчикъ покупателя. Извольте, сейчасъ свѣсимъ... А знаете, Ардальонъ Назаровичъ согласенъ насчетъ ктиторства-то.

Это говорилось въ первую половину дня. А къ вечеру уже начались другія рѣчи.

— Вамъ фунтикъ чаю? Извольте, получить. А, вѣдь, это еще неизвѣстно насчетъ Адальона Назаровича. Это только такъ разговоръ одинъ будто онъ согласенъ. А можетъ онъ и не согласенъ.

И. Потапенко.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Блѣдно желтымъ луннымъ свѣтомъ
Зимній садъ насквозь залитъ;
Словно скатертью, просвѣтомъ
На полянахъ снѣгъ блеститъ;
Ели мощныя вздымаютъ
Великачый рядъ колоннъ;
Вѣтви имъ снѣга склоняютъ,
Ихъ покоитъ мирный сонъ,

Ризой чистой бѣлоснѣжной
Иней липы облачилъ,
И почіютъ безмятежно,
Набираясь новыхъ силъ...
Звукъ не дрогнетъ ни единый.
Стала полная луна.
И царитъ въ коронѣ льдиной,
Вся въ алмазахъ, Тишина.

Въ волосахъ ея лучистыхъ
Серебрится свѣтъ луны,
И въ мѣха снѣговъ пушистыхъ
Плечи ей облачены.
И цвѣтетъ, дрожа пугливо,
Неземная красота,
И сомкнула ночь стыдливо
Непорочные уста...

Б. Бера.

СРЕДИ СУГРОБОВЪ, ДІОРИТА И БѢЛОСНѢЖНЫХЪ ТУНДРЪ.

(Изъ путешествія по Сѣверу). (*Окончаніе*).

На Терскомъ берегу.

ДЕРЕВНЯ Кандалакша стоитъ на перепутьи, представляя станцію, съ которой одна дорога идетъ на г. Колу, а другая сворачиваетъ на сѣверный берегъ Кандалакскаго озера и ведетъ на Терскій берегъ. Изъ Кандалакши на Терскій берегъ везутъ обыкновенно на оленяхъ. Оленеводство сосредоточивалось здѣсь въ былыя времена въ рукахъ лапландцевъ. Съ открытіемъ-же рынка для сбыта оленьяго мяса и шкуръ въ Петербургѣ, со времени постройки улеаборгской желѣзной дороги, оленеводствомъ начинаютъ заниматься и русскіе обитатели Терскаго берега.

Я поѣхалъ по Терскому берегу на оленяхъ и продолжалъ наблюдать дикую, угрюмую, суровую, безотрадную и некрасивую природу. Дорога идетъ по хвойнымъ, рѣдкимъ, низменнымъ лѣсамъ, изрѣзаннымъ маленькими бухточками, то по холмамъ со спусками и косогорами, то по отлогимъ берегамъ, песчанымъ, безъ всякой растительности, гдѣ зимою трудно бываетъ отличить землю ото льда. Такъ глухо кругомъ, что только вѣтеръ свидѣтельствуетъ о присутствіи живой силы, вольно разгуливая по челу горы, по скату ущелья, по глади моря и срывая съ поверхности снѣжнаго покрова слой снѣга, закручивая его въ воздухѣ и разсыпая въ видѣ порошка. Когда наступаетъ вьюга—она заметаетъ оленей, сани и людей до головы.

Всѣ жители Терскаго берега ведутъ кочевой образъ жизни. На всемъ протяженіи берега поставлено много губъ, или, вѣрнѣе говоря, „срубовъ“, безъ крышъ, о 7—9 вѣнцахъ. Эти срубы служатъ помѣщеніемъ какъ во время „свиданія на тоняхъ при ловлѣ семги“, такъ и при зимнемъ тюленьемъ промыслѣ, чтобы укрыться отъ непогоды.

Семга—рыба удивительная. Она вылавливается жителями Терскаго берега во всѣхъ рѣчкахъ, вытекающихъ изъ этихъ береговъ. Она кочуетъ ежегодно, съ моря стремясь почти во всѣ рѣки Бѣлаго моря и возвращаясь изъ рѣкъ обратно въ море. Едва вскроются рѣки, семга начинаетъ пробираться съ моря въ порожистыя рѣки. Она обладаетъ способностью прыгать черезъ пороги; а если она не въ состояніи осилить порогъ, то дожидается обыкновенно росы и по этой росѣ переползаетъ сухопутьемъ выше пороговъ. Въ рѣкѣ семга живетъ все лѣто, а около 20 сентября бросаетъ. Самецъ и самка сидятъ по цѣлымъ недѣлямъ, уткнувшись рыломъ въ берегъ ямы, гдѣ ихъ собирается много. Въ этотъ промежутокъ времени семга превращается въ „лоха“; красное мясо ея дѣлается бѣлымъ какъ у трески; изъ головы надо ртомъ вырастаетъ костяной крюкъ; внѣшняя сторона серебрится, хвостъ становится тоненькимъ; сама рыба дѣлается тощею съ дряблымъ мясомъ. Пробывши въ рѣкѣ всю зиму, она возвращается весною обратно въ море, а къ осени приходитъ опять въ ту-же рѣку безъ крюка и съ краснымъ мясомъ, настоящею семгою для метанія икры.

Лѣтній ловъ семги въ морѣ и на тоняхъ начинается съ 12—15 іюня. Къ тому времени всѣ жители берега выселяются изъ своихъ селеній съ дѣтьми, съ женами и съ домашнимъ скотомъ на тони, на берегъ моря, и оканчиваютъ лѣтній промыселъ въ Прокопьевъ день, 8 іюля. Осенній промыселъ начинается съ 20 іюля и продолжается до 5—8 ноября. А когда вскрываются рѣки, то попадается особый видъ семги, называемый „залеткой“.

Способы ловли семги разнообразны: на тоняхъ, сѣтями, неводами, „гарвами“, „поѣздами“, „заборами“, „завѣсками“. Изъ сѣтей образуютъ нѣсколько стѣнъ, вблизи морского берега, на морѣ. „Завѣска“ представляетъ собой болѣе сложную камеру, въ сущности двѣ камеры изъ сѣтей вдоль берега съ длинною сѣткою, раздѣляющею пространство воды, протянутою отъ берега къ серединѣ этихъ двухъ камеръ. Уловъ „поѣздами“ производится съ карбаса простою сѣтью. Уловъ „заборомъ“ называется способъ, при которомъ, во днѣ рѣки вбиваются частоколомъ длинныя жерди, образующія заборъ. Посреди забора дѣлаются верши изъ восьми еловыхъ палокъ, на которыя натянута сѣтка, кончающаяся мѣшкомъ.

Семга лѣтняго улова вылавливается товарищами по тонѣ, солится ими на мѣстѣ улова и хранится около тони, на берегу, въ срубахъ. Осенній уловъ продается больше въ свѣжемъ видѣ прямо на суда, на которыхъ доставляется въ амбары хозяевъ и солится тамъ.

Но самый интересный и трудный промыселъ—это на нерпу. Когда настаетъ теплая погода, около Пасхи, жители Терскаго берега начинаютъ промышлять нерпу. Тогда еще плаваютъ льдины, нерпа лежитъ на льдинѣ и грѣется на солнышкѣ, спитъ, дѣлая около себя прорубь, „вану“, въ которую она ныряетъ въ случаѣ опасности. Уходя въ море верстъ за 20 отъ берега, они берутъ съ собой лодку и собаку, съ которыми переходятъ на плавающія льдины; собака везетъ „кережку“—маленькое корыто, сдѣланное наподобіе лодочки, въ которое кладутъ хлѣбъ, ружье и запасное платье. Они переѣзжаютъ на лодкахъ между льдинами, а встрѣчая ледъ, перебираются на льдины.

Увидя нерпу, оставляютъ собаку назади, а сами пробираются къ нерпѣ пѣшкомъ. Ползутъ иной разъ саж. 200 и стрѣляютъ на 50 саж. отъ нея. Крестьянинъ убьетъ одну нерпу, а цѣлое стадо бросается при выстрѣлѣ въ воду; поэтому вы можете судить о выгодности промысла и о степени труда. Въ сутки убива-

ютъ штукъ 5, при дурномъ промыслѣ 1 или 2 штуки. Шкуру съ жиромъ сдираютъ, а мясо бросаютъ въ воду. Укладываютъ промыселъ на лодку и возвращаются домой.

Зимою ходятъ также на лысуновъ. Промыселъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „торосоваго“—отъ слова „торосъ“,—наносный, движущійся ледъ. Первый періодъ промысла—періодъ родовъ—начинается съ 30 января и оканчивается 9 марта.

Второй періодъ—періодъ спариванія, съ 9 марта до конца мая. Звѣрь изъ породы тюленьей входитъ въ Бѣлое море огромной массой около 9 января. Онъ гребетъ въ водѣ до 30 января, когда онъ ложится на ледъ и родитъ. Къ этому времени собираются и промышленники. Они складываютъ изъ длинныхъ палокъ кибитки, покрытыя ихъ оленьей шкурой, и разводятъ по серединѣ огонь, грѣются и варятъ пищу. Масса такихъ палатокъ представляется въ видѣ военнаго лагеря. Промышленники одѣваются въ „юпы“—родъ малицы изъ оленьей шкуры, на головѣ—лопская шапка, на ногахъ—бахилы-сапоги изъ черной кожи. У каждаго промышленника виситъ черезъ плечо сухарникъ, лямка, которою онъ тянетъ лодку или сало убитаго звѣря, за поясомъ ножъ, а въ рукахъ—„кокотъ“—длинная палка съ желѣзнымъ крюкомъ, которымъ бьетъ звѣря по переносицѣ.

Сначала звѣрь плаваетъ массой и купается на солнышкѣ, плещется, ныряетъ. Вдругъ, около 30 января, одинъ лысунъ вылѣзаетъ изъ воды на ледъ. Всѣ идутъ за нимъ и залегаютъ въ шахматномъ порядкѣ. Иногда въ туманный день, когда солнца нѣтъ и съ моря дуетъ легкая бриза послѣ страшной мятели, промышленникъ, выйдя изъ палатки на берегъ слышитъ словно голосъ ребенка, который пищитъ: „пи...пи...пи...“ А самка уговариваетъ ребенка: „уръ...уръ...уръ...“ А самецъ болѣе грубымъ голосомъ приказываетъ имъ молчать: „у...у...у...“

Звѣрь ложится на ледъ для родовъ. Періодъ этотъ продолжается съ 30 января до 11 февраля. Съ одной стороны на льдинѣ лежитъ лысунъ (самецъ), съ другой—утельга (самка), а между ними помѣщается „бѣлекъ“—ребенокъ. Самецъ дѣлаетъ около прорубь, въ которую и спускается по временамъ для спасканія себѣ прошитанія. Мать кормитъ своего ребенка. Льдину несетъ по вѣтру.

Когда минуетъ періодъ родовъ, то начинается періодъ „спариванія“. Отецъ и мать бросаютъ ребенка, не теряя льдины, на которой онъ родился. Лысякъ и утельга начинаютъ играть на полыньяхъ между льдинами, гонятся другъ за другомъ въ водѣ, а ребенокъ пріучается умываться, оставаясь на льдинѣ, опускаетъ свои катары въ воду и учится какъ надо „лязгать“ въ воду. Льдина пустая, на ней никого нѣтъ, звѣри плывутъ, наконецъ, устаютъ, одинъ лѣзетъ на льдину, за нимъ лѣзутъ мать, отецъ, братья, сестры и вся семья. Теперь уже подрастающій тюлень повелѣваетъ движеніями „юра“ (семьи съ многочисленнымъ родствомъ). Вокругъ юра помѣщаются караульныя „бѣлоуски“, преимущественно женскаго пола, прожившія года два, очень злые звѣрки, которые свирѣпо бросаются на людей. Когда они сторожатъ юро, то становятся на катары, какъ на ноги. Если караульные завидятъ дымъ кочующаго на льдинкѣ промышленника или парохода, услышатъ стрѣльбу—сейчасъ же дѣлаютъ сигналъ, т. е. бросаются въ воду. Вслѣдъ за ними бросаются и всѣ другіе.

Звѣрь залегаетъ на льдинахъ верстъ за 30 отъ берега. Далѣе отъ береговъ движется ледъ, плыветъ по теченію или по вѣтру, взадъ и впередъ, крутится, надвигается льдина на льдину, лѣзетъ ребромъ, образуя торосъ, крошится въ „щепки“. Каждая артель промышленниковъ бѣжитъ на льдину на лыжахъ или на оленяхъ, смотря по состоянію льда. Лямка надѣта на промышленникѣ, какъ подтяжка, на концѣ хвоста желѣзная или костяная рукоятка или крюкъ. Лодку оставляютъ позади, а сами промышленники бѣгутъ впередъ, минуя полыньи, перескакивая со льдинки на льдинку и, врываясь въ стадо тюленей, бьютъ „кокотомъ“ направо и налѣво, стараясь попасть по переносицѣ. Если ледъ нажимаетъ, то звѣрю некуда броситься въ воду; въ случаѣ возможнаго спасенія—самецъ бросается въ воду, а самка остается при ребенкѣ. Она защищаетъ его, урчитъ, бросается на человѣка, стараясь укусить или повернуться на своихъ ластахъ такъ, чтобы сбить человѣка съ ногъ. Другая покоряется судьбѣ, плачетъ, а третья старается вырвать зубами кокотъ. Вдругъ она замѣчаетъ, что ребенокъ убитъ—тогда она спасается отъ промышленника, который ее настигаетъ, звѣрь убираетъ голову въ сало, такъ что видны только носъ и глаза. Тогда промышленникъ колетъ кокотомъ звѣриный хвостъ. Чувствуя боль въ позвоночникѣ, звѣрь высовываетъ голову, получаетъ ударъ по переносицѣ, отъ котораго и умираетъ.

Подбѣжавъ къ убитому звѣрю, промышленникъ переварачиваетъ его на спину и распарываетъ ножомъ его животъ отъ пупка до головы и отрубаетъ ноги, т. е. ласты; потомъ онъ дѣлаетъ ножомъ два разрѣза на животѣ вправо и влѣво и отдѣляетъ сало отъ „роушки“, т. е. мяса, и надрѣзаетъ руки, т. е. катары, и сало выходитъ наружу. Вокругъ головы перерѣзывается тонкій слой сала и губы такъ, чтобы свободно можно было отодрать сало отъ шкуры. Перетащивъ сало черезъ „зубъ“ и „пайду“, третій промышленникъ связываетъ куски сала и шкуры двухъ, трехъ, нѣсколькихъ звѣрей и впрягаетъ оленя, который вытаскиваетъ добычу на берегъ.

Вообще промыселъ представляетъ безчисленное множество случаевъ всевозможныхъ опасностей и несчастій и, конечно, не могъ бы производится такимъ допотопнымъ способомъ тамъ, гдѣ просвѣщенная мысль приходитъ на помощь народу — гдѣ капиталистъ прислушивается къ выводу ученаго, затрачиваетъ капиталъ на паровые двигатели и заботится о лучшихъ способахъ промышленности.

Н. Максимовъ.

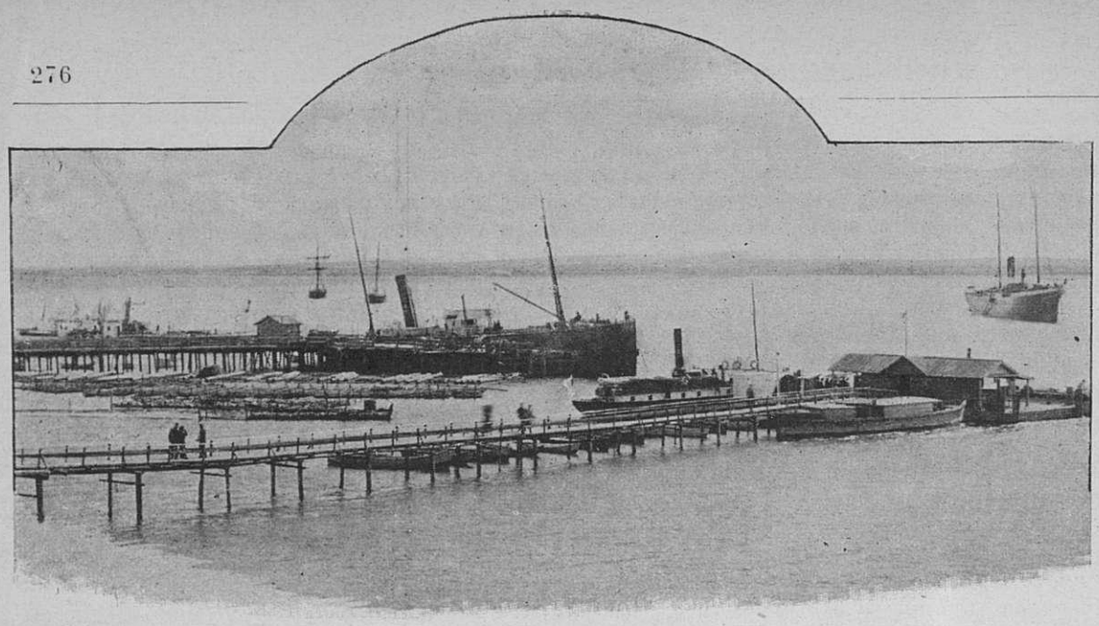
СЛУША-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао**. Переводъ **С. Шульгиной**.

Въ свѣтлый и жаркій августовскій день пустынныя и безмолвныя окрестности Неаполя, облитыя яркимъ свѣтомъ тропическаго солнца, спали глубокимъ сномъ. Ни одной человѣческой тѣни во время долгаго полуденнаго отдыха—отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ—на обширной плодородной Баньольской долинѣ,—ни одного экипажа, ни одной телѣжки на пыльной дорогѣ, которая идетъ по лѣвой сторонѣ ея изъ Позилиппа, и огибаетъ послѣдніе зеленые склоны этого холма. Этотъ холмъ образуетъ здѣсь мысъ, и пользуется особенной любовью какъ иностранцевъ, такъ и коренныхъ жителей Неаполя; ни одного экипажа и ни одной телѣжки на другой дорогѣ, которая тянятся прямой линіей изъ Фуоригротта и сворачиваетъ въ первый разъ въ Баньоли, направляясь въ Пуццоле, Кумы и Байу; ни одно судно не огибаетъ роскошнаго мыса по пути къ дальнимъ берегамъ, оставляя за собой легкіе клубы дыма, ни одного бѣлаго паруса на каналѣ Проциды, ни одной лодки въ окрестностяхъ Низида — покрытаго зеленью и цвѣтами островка, раскинувшагося во всю длину противъ песчаной полосы морского берега.

Въ Баньоли, маленькое купальное заведеніе съ отворенными настежь дверями, сквозь которыя виднѣлись пустыя купальни, было также совершенно пусто. Не слышно кругомъ ни пѣсни, ни крика, ни малѣйшаго звука человѣческаго голоса. Казалось, что посреди глубокаго сна людей и природы заснуло даже сверкающее на солнцѣ море. По временамъ, дулъ только съ запада легкій вѣтерокъ, поднимая маленькія облачки пыли на Позилиппской и Фуоригротской дорогахъ, пригибая и выпрямляя на зеленыхъ бугоркахъ цвѣтущіе маки, образуя на берегу миніатюрные смерчи сѣраго песка, раздувая спущенныя занавѣски въ бѣлыхъ домикахъ и обрывая въ бесѣдкахъ трактировъ лепестки страстоцвѣта. Но, какъ всѣмъ извѣстно, западный вѣтеръ только убаюкиваетъ своимъ шелестомъ дремлющія неаполитанскія окрестности; пѣсня его обладаетъ удивительнымъ свойствомъ усыплять людей, дома и даже растенія.

День начиналъ уже клониться къ вечеру. По наступавшей въ воздухѣ тишинѣ чувствовалось приближеніе долгихъ лѣтнихъ сумерекъ. Изъ купальнаго заведенія вышла высокая худощавая смуглая женщина, же-



Пароходная пристань въ Архангельскѣ.

на рыбака, съ бронзовыми икрами, босыми ногами и принялась снимать висѣвшее на жердяхъ высушенное солнцемъ бѣлье. Въ большой продавленной соломенной шляпѣ съ краснымъ бантомъ она весело пѣла:

E lacce songh'e seta,
E buttune songh'e velluto,
E o primo unamurato
M'a lassato e se un'é ghiuto!.. *)

Продолжая набирать охапку бѣлья, за которой исчезала вся ея высокая фигура, она поглядывала по временамъ на виллу Корано, какъ бы поджидая кого-то. Дѣйствительно, вскорѣ изъ воротъ виллы высыпала цѣлая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, прелестныхъ англійскихъ *бэби*, въ сопровожденіи гувернантки, позади которой шла служанка, нагруженная множествомъ свертковъ и мѣшечковъ съ провизіей. Женщина остановилась, перебросила черезъ плечо набранную охапку бѣлья и посмотрѣла на нихъ, защитивъ рукой глаза отъ солнца.

Но дѣти уже добѣжали до нея, окружили ее и, не обращая вниманія на замѣчанія гувернантки, прыгали и скакали на деревянномъ полу, потрясая своими прелестными бѣлокурыми волосами, разсыпавшимися дождемъ по ихъ плечамъ. Женщина смѣялась во весь свой большой ротъ съ крупными, испещренными черными полосками, зубами. Двери трехъ или четырехъ купаленъ заперлись, а спустя десять минутъ, вся толпа мальчиковъ и дѣвочекъ бросилась храбро вплавь, между песчанымъ берегомъ Баньоля и островкомъ Низиды; всѣ они фыркали, издавали странные горловые звуки и протягивали свои ученки къ плоту, съ котораго купальщица бросала имъ пирожныя. Весь берегъ, казалось, смѣялся вмѣстѣ съ этими дѣтьми и женщиной.

Но вотъ по дорогѣ изъ Фуоригротта появилось нѣсколько телѣжекъ, повернувшихъ направо къ Пуццолю: телѣжка садовника, распродавшаго въ Неаполѣ всѣ привезенные утромъ помидоры и баклажаны, и роспуски виннаго торговца, сдавшаго въ городъ вино и возвращавшагося домой съ пустыми боченками. Возницы, въ накинутыхъ на плечи курткахъ, сидѣли на свободномъ уголкѣ около оглоблей, спустивъ ноги; они ѣхали полной рысью на своихъ опорожненныхъ и подпрыгивающихъ телѣгахъ, насвистывая веселыя пѣсенки, составлявшія какъ бы аккомпаниментъ бойкому шагу лошади. Спустя нѣсколько минутъ проѣхала еще длинная телѣга, наполненная пузатыми заткнутыми кувшинами, влажными еще отъ наполнявшей ихъ минеральной воды, оставившей послѣ себя свой острый запахъ. Возчикъ, одѣтый въ бѣлую холщевую рубаху, такіе же панталоны и длинный темнаго цвѣта колпакъ, державъ въ зубахъ матросскую носогрѣйку.

Потомъ показалось нѣсколько экипажей и на Позилиппской дорогѣ, но это были уже городскія коляски, набитыя провинціалами, съѣзжающимися въ Неаполь на морскія купанья. Они посѣщали очень добросовѣстно городскія окрестности не потому, чтобы это доставляло имъ удовольствіе, а для того, чтобы выдать себя за иностранцевъ. Кучеръ останавливалъ лошадей у самаго берега, объяснялъ, что это Баньольскій полигонъ, и что на немъ каждое утро на зарѣ солдаты учатся стрѣльбѣ въ цѣль, а что находящійся противъ нихъ островокъ называется островомъ Низида.

— Какой прелестный островокъ! восклицали провинціалы, любуясь зеленымъ островомъ, смотрѣвшимся, какъ въ зеркало, въ отливавшее сталью море.

Кучеръ пожималъ плечами, ѣхалъ дальше, поворачивалъ на дорогу въ Фуоригротту и везъ своихъ провинціаловъ „въ гротъ“. Иногда же, на краю мыса виднѣлся собственный экипажъ, въ которомъ каталась какая-нибудь нарядная барыня, отказавшаяся отъ путешествія и оставшаяся въ Неаполѣ случайно, или, можетъ быть, вслѣдствіе каприза или ссоры. Кучеръ ѣхалъ обыкновенно шагомъ, а бѣлый зонтикъ съ красной каймой окружалъ своимъ сіяніемъ задумавшуюся головку. И этотъ экипажъ останавливался также на самомъ берегу, чтобы дать полюбоваться на красивый островъ Низиды; а когда экипажъ, продолжая свою медленную прогулку, сворачивалъ, возвращаясь въ городъ, къ Фуоригротту, барыня думала о томъ, что это была за блестящая точка, которую ея зоркіе глаза замѣтили между зеленью на верхушкѣ острова.

Теперь всѣ окна трактира, выходившія на море, въ долину къ Фуоригротта, были отворены настежь. Подъ навѣсомъ страстоцвѣта, защищавшаго отъ солнца террасу, двое мужиковатыхъ и еще заспанныхъ лакеевъ начинали накрывать самые простые съ выкрашенными ножками столы, разстилали на нихъ скатерти и ставили на самой серединѣ солонку и пару опрокинутыхъ стакановъ. У одного изъ оконъ стояли, смотря на море, молодая, бѣлокурая и худощавая женщина въ очень простенькомъ темно-синемъ холстинковомъ платьѣ и лѣтъ сорока смуглый мужчина съ мужественнымъ и задумчивымъ лицомъ.

Женщина наклонилась два раза съ улыбкой къ мужчинѣ, дотронулась слегка до его руки, спрашивая о чемъ-то; мужчина отвѣчалъ ей, повидимому, неопредѣленно, точно думалъ о чемъ-то другомъ. Онъ не сказалъ также ни слова, когда молодая женщина вышла изъ комнаты и отправилась на террасу любоваться англійскими бэби, возившимися съ веселыми криками въ водѣ. Она сорвала подъ навѣсомъ крупный цвѣтокъ страстоцвѣта и общипывала задумчиво своими маленькими зубками его лепестки. Но подъ вліяніемъ какой-то неотступной мысли, она подошла снова къ окну и долго говорила что-то тихонько, указывая жестами на островъ Низида; онъ слушалъ ее, покачивая головой и слабо улыбаясь, какъ бы одобряя ея разсказъ о какой-то странной мечтѣ.

Море какъ будто проснулось въ этотъ сумеречный часъ отъ своего долгаго лѣниваго отдыха. Три большія рыболовныя лодки переѣхали черезъ каналъ Процида и, пользуясь вечернимъ вѣтеркомъ поплыли, надувъ паруса, одна за другой къ Пуццола, спуская незамѣтно, но непрерывно въ море длинный неводъ, употребляемый обыкновенно соединившимися между собой для совмѣстной рыбной ловли рыбаками.

Вдругъ, позади прачекъ возвращавшихся черезъ Фуоригротту въ Неаполь, съ большими узлами бѣлья на головахъ, послышался глухой, мѣрный топотъ конскихъ копытъ. Лошадь была впряжена въ закрытый фургонъ, не походившій ни на почтовый фургонъ съ маленькимъ сидѣньемъ впереди, ни на лазаретную солдатскую фуру. Этотъ черный фургонъ былъ герметически закрытъ со всѣхъ сторонъ и были подняты деревянныя ставни. Больше всего онъ напоминалъ муниципальныя телѣги, служащія похоронными дрогами для перевозки на кладбище покойниковъ во время эпидеміи, которыхъ неаполитанцы, видя ихъ днемъ, или слыша ихъ стука ночью, непропустятъ никогда не перекрестившись, не прочитавъ тихонько молитвы или не прошептавъ про себя заклинанія. Между тѣмъ, это не была покойницкая телѣга.

Фургонъ ѣхалъ быстро. Когда онъ проѣзжалъ мимо виллы Каррано старая миссъ, читавшая у дверей въ ожиданіи возвращенія племянниковъ съ купанья, поправила свои очки, чтобы разсмотрѣть хорошенько мрачный экипажъ. Когда онъ ѣхалъ мимо трактира, молодая женщина, смотрѣвшая въ окно, отскочила отъ него съ какимъ-то ужасомъ; но любопытство одержало верхъ надъ страхомъ, и она высунулась опять изъ окна, слѣдя глазами за ужаснымъ фургономъ, но уже уцѣпившись за руку своего возлюбленнаго и какъ-бы отдаваясь ему подъ защиту. Когда онъ поравнялся съ купальнымъ заведеніемъ, купальщица, подметавшая въ это время уз-

*) Шлуры то были шелковые,—пуговички бархатныя,—и мой первый любезный—уѣхалъ и бросилъ меня.

кій досчатый проходъ къ купальнымъ будкамъ, остановилась неподвижно отъ изумленія, сжавъ руками палку метлы, а дѣти, растянувшіяся въ своихъ красивыхъ, мокрыхъ еще костюмахъ на пескѣ, приподнялись всѣ, вытаращивъ глаза.

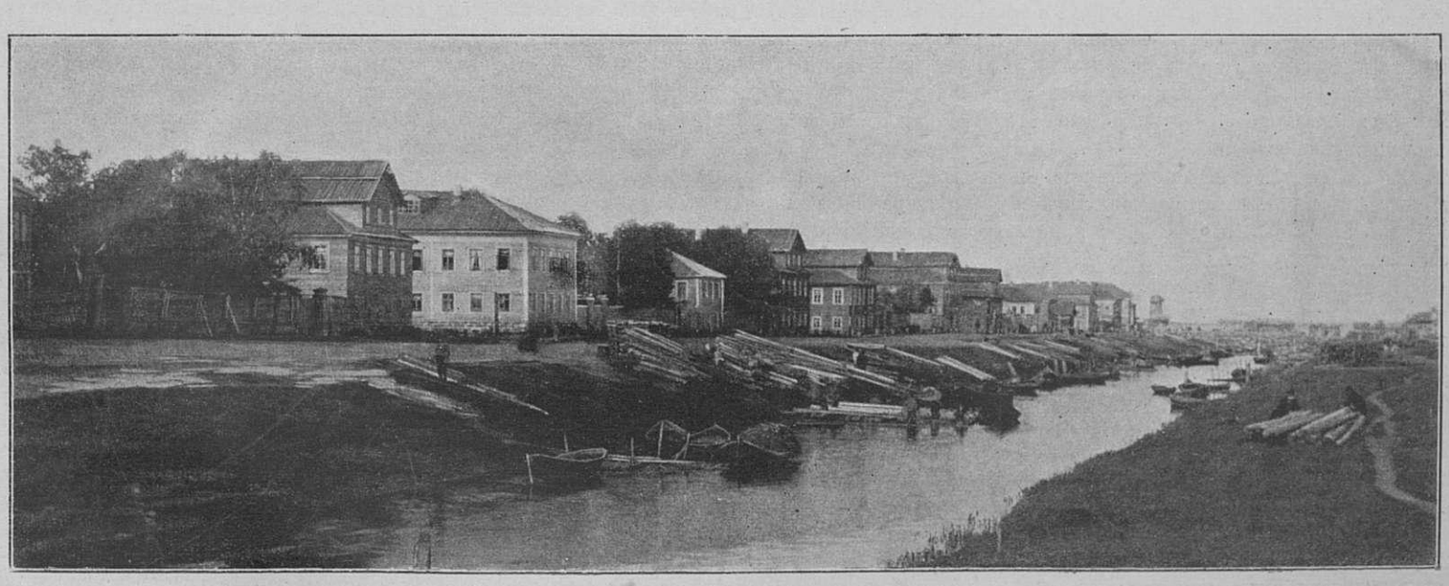
Фургонъ остановился на песчаной полосѣ морского берега. Изъ единственной его дверцы позади вышелъ сначала одинъ карабинеръ, потомъ, за нимъ, другой, а въ зловѣщей темнотѣ экипажа виднѣлся еще третій красный султанъ. Двое вышедшихъ карабинеровъ ждали терпѣливо, стоя вытянувшись на пескѣ, бросая часто осторожные взгляды на островъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, съ нашивками, наклонился къ окошечку въ дверцахъ, какъ-бы разговаривая съ сидѣвшими еще въ фургонѣ. Всунувъ голову въ окошечко и поговоривъ двѣ или три минуты, онъ отодвинулся немножко отъ дверцы. Тогда показался, въ свою очередь, еще третій карабинеръ, а вслѣдъ за нимъ выскочилъ прямо на землю, не прикасаясь къ подножкѣ молодой человѣкъ и остановился неподвижно, съ угрюмымъ видомъ, посреди образовавшагося около него узкаго треугольника солдатъ.

Это былъ плотный, двадцати пяти-лѣтній мужчина высокаго роста, съ нѣсколько сгорбленными плечами, съ кожей матовой, молочной бѣлизны—той женской бѣлизны, какою отличаются всѣ рыжіе люди. Это бѣлое безбородое лицо съ чистой кожей, слегка отмѣченной нѣсколькими родинками, освѣщалось большими блѣдно-голубыми ясными и спокойными, какъ у невиннаго ребенка, глазами. На немъ были старыя, запятнанныя и обтрепанныя внизу панталоны и старый, истасканный коричневый пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлась сорочка. Старая, засаленная фуражка едва прикрывала рыжую гриву волосъ. Онъ стоялъ въ этой жалкой ливреѣ бѣдняка прямо и спокойно, вдыхая съ силой морской вѣтеръ, точно свѣжій воздухъ доставлялъ ему какое-то особенное наслажденіе. Руки его были скованы не тѣми кандалами, которые надѣваются только на большіе пальцы обѣихъ рукъ, и не наручниками, сковывающими запястья, но настоящей цѣпью, охватывающей объ руки и запертой большимъ замкомъ — плачевнымъ украшеніемъ острога. Глаза всѣхъ присутствующихъ,—обитателей виллы Каррано, жильцовъ гостиницы, путешественниковъ изъ Позилиппа и Фуоригротта, посѣтителей купальнаго заведенія,—всѣ были прикованы, какъ-бы загипнотизированы этимъ желѣзнымъ браслетомъ. Но арестанту эта цѣпь не доставляла, казалось, никакого страданія; онъ не смотрѣлъ на свои руки, не старался ихъ поднять и, выйдя изъ душной, запертой тюрьмы, отдавался, повидимому, всецѣло наслажденію дышать свѣжимъ воздухомъ. Не будь этой цѣпи, онъ могъ-бы сойти за обыкновеннаго свободнаго и довольнаго человѣка, пріѣхавшаго съ карабинерами по какому-нибудь судебному дѣлу; онъ могъ быть служащимъ, свидѣтелемъ, или, наконецъ, какимъ-нибудь родственникомъ одного изъ поставщиковъ, живущихъ на островѣ. Но эта цѣпь съ ея несокрушимыми кольцами выдавала его положеніе и его исторію; она была приговоромъ, объясненіемъ ужасной тайны. О! что изъ того, что онъ молодъ и силенъ, что у него бѣлое, нѣжное лицо и ясные глаза незнающаго зла ребенка? Что изъ того, что онъ стоитъ спокойно, не разглядывая окружающихъ его людей и наслаждается прелестью широкаго ландшафта? Что изъ того что у него простой, спокойный видъ и что онъ выказываетъ невинное любопытство, бросая украдкой взглядъ на островъ Низида. Что-бы тамъ ни было и не смотря ни на что, цѣпь говоритъ о жестокой кровавой дракѣ, объявляетъ громогласно всѣмъ, что онъ человѣкъ опасный, злодѣй, осужденный приговоромъ справедливыхъ человѣческихъ законовъ.

Цѣпь! эта цѣпь заставляла умолкать веселый смѣхъ дѣтей, громкій голосъ купальщицъ, веселыя шутки рыбаковъ, любовный шепотъ молодой женщины у окна, пѣсни извозчиковъ и пощелкиваніе ихъ бича на Пуццольской дорогѣ. Казалось, что отъ лязга этой цѣпи дрожала въ ужасѣ вся окрестность, вся природа покрывалась смертельной блѣдностью. Вся зеленая цвѣтущая долина, все глубокое сверкающее море, окружающее Низиду какъ бы поэтическимъ ореоломъ, даже самый островокъ, выступавшій изъ волнъ какъ прохладная, роскошная рощица: все, подъ вліяніемъ удручающаго чувства, овладѣвшаго внезапно людьми и неодушевленными предметами, ощущало, казалось, болѣзненную тяжесть этой цѣпи. При появленіи этого человѣка, служившаго олицетвореніемъ злодѣйства и преступленія, все казалось оскорбленнымъ, поруганнымъ въ своей невинности, смущеннымъ и загрязненнымъ навѣки позорнымъ присутствіемъ убійцы.

Тѣмъ временемъ, отъ острова отчалила лодка и направилась къ морскому берегу. Двое гребцовъ въ синихъ курткахъ и черныхъ колпакахъ налегали молча на весла, не производя почти никакого шума. Когда лодка врѣзалась съ глухимъ шумомъ въ песокъ, въ нее вошелъ сначала одинъ карабинеръ, потомъ другой, затѣмъ вскочилъ легкимъ и увѣреннымъ движеніемъ арестантъ и, наконецъ, третій солдатъ. Вслѣдъ затѣмъ лодка отъѣхала отъ берега, и въ ту же минуту, ожидавшій ихъ черный фургонъ повернулъ и помчался по Фуоригратской дорогѣ въ Неаполь.

Наполненная пассажирами лодка поплыла по направленію къ острову. Она двигалась теперь медленнѣе прежняго, не смотря на то, что гребцы наклонялись ниже, налегая на весла, точно имъ приходилось везти какую нибудь страшную тяжесть. Она плыла по прелестному морю, вызывающему вздохи у влюбленныхъ и поэтовъ, составляющему счастье рыбаковъ и матросовъ, радость дѣтей и бѣдняковъ, — угрюмая и нѣмая, даже болѣе угрюмая и нѣмая, чѣмъ если бы везла трупъ. Карабинеры, сидя около самаго арестанта, не спускали съ него глазъ, удваивали свое вниманіе и бдительность, боясь, чтобы во время этой опасной переправы черезъ морской рукавъ, арестанту не пришло въ голову броситься въ море. Они смотрѣли ему пристально въ глаза, точно долгая практика внушила ихъ здравому смыслу, что даже самое скрытое желаніе человѣка непремѣнно промелькнетъ невольно въ его взглядѣ. Но арестантъ, очевидно, и не помышлялъ о побѣгѣ: сидя въ лодкѣ, онъ велъ себя такъ-же тихо, какъ по выходѣ изъ фургона. Ему, казалось, доставляло даже нѣкоторое удовольствіе наблюдать все окружающее его, онъ казалось почти доволенъ этой прогулкой по водѣ, на чистомъ воздухѣ, въ лодкѣ, съ ея убаюкивающимъ движеніемъ. Скованныя руки его лежали на колѣняхъ такъ естественно, что можно было подумать, будто онъ просто скрестилъ ихъ такъ. Странно было только то, что онъ молчалъ, сидя посреди карабинеровъ и безмолвныхъ гребцовъ. Всѣ суда, скользящія по этому прелестному морю, грубыя рабочія барки и кокетливые ялики съ яркими куполами красныхъ зонтиковъ, всѣ были оживлены веселыми голосами



Соламбала. Часть г. Архангельска.

женщинъ, дѣтей рыбаковъ. Только эта злополучная лодка, увозившая арестанта съ его конвоемъ, была угрюма, безмолвна, нѣма и зловѣща подъ тяжестью человѣческой трагедіи, которую она везла для искупленія.

II.

— Вотъ и пріѣхали! прошепталъ арестантъ, какъ бы про себя.

Лодка причалила къ маленькой каменной лѣсенкѣ, дающей доступъ на островъ Низида. Конвойные вышли на берегъ въ томъ же порядкѣ, какъ вошли въ лодку, посреди ихъ помѣстился попрежнему арестантъ.

— Мы сейчасъ вернемся, сказалъ начальникъ конвоя одному изъ гребцовъ.

— Хорошо.

Процессія начала подниматься на островъ по широкой, тѣнистой дорогѣ, наполняющейся вечеромъ веселымъ пѣніемъ птицъ. Въ то время какъ внизу на пристани начинало уже темнѣть, наверху, куда они поднимались все выше и выше, было еще совсѣмъ свѣтло. Осужденный поднималъ тоскливо голову, точно упиваясь этимъ свѣтомъ, точно опьяненный гармоніей природы. Дорога была длинная, но подъемъ былъ до самой вершины отлогій, точно аллея парка, ведущая къ обители роскоши и блеска. По временамъ, между группами деревьевъ и за заборами изъ розовыхъ кустовъ мелькалъ какой-то странный блескъ; но арестантъ, прожившій такъ долго между четырьмя каменными стѣнами тюрьмы—точно дикій звѣрь въ клѣткѣ,—былъ такъ доволенъ этой загородной прогулкой, что только смотрѣлъ кругомъ, ничего не замѣчая. Случилось, однако, такъ, что въ то время какъ онъ шелъ, почти не обращая вниманія на свой конвой, ему послышалось вдругъ, что кто-то тихо пошевельнулся подъ деревьями. Чуткое ухо его уловило этотъ звукъ, а зоркій глазъ замѣтилъ блескъ. Онъ понялъ, что шевелился подъ деревьями часовой, а блескъ шелъ отъ дула ружья. Лицо его покрылось мгновенно-смертельной блѣдностью, и онъ понурилъ голову, точно у него отняли, вдругъ, дорогую ему иллюзію. Обманутый деревенскимъ ландшафтомъ, не смотря на свою цѣпь, не смотря на сопровождавшій его конвой, можетъ быть, онъ вообразилъ себя одну минуту свободнымъ. Только одну минуту... И вдругъ мечта его разсѣялась и никогда уже больше не вернется назадъ.

Они подошли къ каменной оградѣ и остановились у охраняемыхъ часовымъ большихъ желѣзныхъ воротъ съ желѣзными перекладинами. Начальникъ конвоя показалъ бумагу; часовой поставилъ свое ружье и отодвинулъ огромныя задвижки. Створы воротъ распахнулись съ металлическимъ визгомъ и снова тяжело захлопнулись, пропустивъ арестанта и конвоировавшихъ его солдатъ.

Они очутились на площади, окруженной маленькими одноэтажными домиками, за исключеніемъ одного двухъэтажнаго зданія, въ которомъ помѣщалась контора королевской каторжной Низидской тюрьмы. Хорошо знакомый съ мѣстностью начальникъ конвоя вошелъ безъ всякаго колебанія въ одну изъ залъ нижняго этажа. Обстановка была довольно скудная: два стола, диванъ, нѣсколько стульевъ, а на стѣнѣ распятіе и портретъ короля. Бѣдно одѣтый секретарь съ лысымъ лбомъ, наклонившись, писалъ что-то въ большой книгѣ.

— Здѣсь господинъ директоръ? спросилъ начальникъ конвоя.

— Сейчасъ придетъ, отвѣчалъ секретарь.

Онъ принялся снова за свое дѣло, не удостоивъ арестанта взглядомъ.

Наконецъ, явился директоръ. Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, съ добродушнымъ, но серіознымъ лицомъ. Карабинеры отдали ему честь. Онъ поклонился имъ, бросилъ бѣглый взглядъ на преступника и сѣлъ у другого стола. Начальникъ конвоя подалъ ему бумагу. Взявъ ее въ руки, директоръ обратился къ арестанту:

— Какъ ваше имя? спросилъ онъ его.

— Рокко Траетта, отвѣчалъ тотъ тихо.

— У васъ не было никакого прозвища?

— Они прозвали меня Векшей.

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Неаполя.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать шесть.

— Сынъ?.. продолжалъ онъ, поднявъ голову.

— Покойнаго Дженнаро, отвѣчалъ арестантъ безъ малѣйшаго дрожанія въ голосѣ.

— Вы осуждены за отцеубійство, прибавилъ директоръ, содрогнувшись, и отвелъ отъ него глаза.

Рокко Траетта ничего не отвѣтилъ. Онъ ждалъ другого вопроса.

Секретарь внесъ между тѣмъ въ книгу новаго каторжника.

— На пожизненную? спросилъ онъ равнодушно директора.

— На пожизненную, отвѣчалъ отрывисто директоръ.

Секретарь написалъ на листкѣ бумаги: *Нумеръ 417, колпакъ красный.*

Директоръ позвонилъ. Вошелъ человѣкъ въ сѣромъ платьѣ, съ чернымъ колпакомъ на головѣ. Директоръ подалъ ему листокъ бумаги и указалъ жестомъ на колодника.

— Отведите его въ экипировочную, сказалъ онъ.

Окончивъ свою обязанность, карабинеры сдали Траетта на руки сторожу. Тотъ шелъ впереди, читая бумагу, не обращая, повидимому, никакого вниманія на колодника. Они прошли нѣсколько широкихъ улицъ съ тратуарами, обсаженными цвѣтущими акаціями. Въ окнахъ домовъ виднѣлись за желѣзными рѣшетками горшки съ цвѣтами. Сдѣлавъ три или четыре поворота, они подошли, наконецъ, къ большому и темному уже сараю, въ глубинѣ котораго ярко горѣлъ кузнечный горнъ, а двое кузнецовъ били молотами по наковальнѣ. Тутъ, на кучѣ мѣшковъ сидѣлъ еще сторожъ. — Переодѣли Рокко очень быстро: прежде всего сняли цѣпь, сковывавшую ему руки, и бросили ее въ уголъ, потомъ дали ему толстую холщевую рубашку, панталоны, куртку, темно-коричневый парусинный жилетъ и ярко-красный колпакъ. Всѣ вещи были заклеймены 417 нумеромъ. Но процессъ заковыванія протянулся нѣсколько дольше. Присѣвшіе на корточки кузнецы заклепывали горячее желѣзо.

— Такъ не будетъ тѣсно? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, такъ ладно, отвѣчалъ каторжникъ.

Цѣпь была слишкомъ въ метръ длиной; Рокко, чувствуя уже невыносимую тяжесть на ногѣ, не могъ удержаться, чтобы не спросить съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Теперь, вѣрно, мнѣ прицѣпятъ еще другую?

— Нѣтъ, отвѣчалъ сторожъ.—Можешь повѣсить цѣпь на поясъ.

Дѣйствительно, къ поясу панталонъ былъ приспособленъ для этой цѣли крючекъ Но и повѣшенная цѣпь была все-таки очень тяжела, а отъ кольца, обхватывавшаго ладыжку, чувствовалось постоянно невыносимо тяжелое ощущеніе.

Толпа колодниковъ, къ которой Рокко примкнулъ, какъ-то машинально крайне недовѣрчиво: и отнеслась къ нему отъ новичка всѣ сторонились, на рѣдкіе вопросы его никто не отвѣчалъ, всѣ косились на него, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ присутствія. Въ мѣстахъ скопленія преступниковъ выступаютъ обыкновенно особенно ярко двѣ черты, обличающія лучше всего ихъ инстинктивную грубость, это—страхъ и эгоизмъ: смутный, неопредѣленный, захватывающій страхъ всѣхъ и всего и низкій, мрачный, почти звѣрскій эгоизмъ.

Новый каторжникъ пошелъ вслѣдъ за товарищами въ часовню, величиной съ церковь, съ обнаженными, только-что выбѣленными стѣнами. Всѣ размѣстились по деревяннымъ скамьямъ. Нѣкоторые изъ каторжанъ дѣйствительно молились такъ горячо и съ такимъ усердіемъ, что по временамъ, подъ вліяніемъ неудержимаго волненія слышался ихъ громкій шопотъ. Остальные только дѣлали видъ, что молятся—изъ лицемѣрія, ясно виднѣвшагося на ихъ блѣдныхъ лицахъ, на тонкихъ губахъ и въ бросаемыхъ ими косыхъ взглядахъ. При входѣ въ часовню, красные и зеленые колпаки съ нашитымъ на нихъ бѣлымъ нумеромъ, замѣнявшимъ имя колодника, были сняты, такъ что первыя вечернія тѣни падали уже прямо на уродливые черепа преступниковъ. Не смотря на поздній часъ дня и святость мѣста, сторожа, постоянно опасавшіеся какой-нибудь неожиданности, оставались стоять, зорко наблюдая за присутствующими. Отвѣтомъ на слабый голосъ старика священника, благословлявшаго народъ, слышался только заглушенный шепотъ молитвы и монотонный звукъ постоянно шевелившихся цѣпей, то подбираемыхъ, то иногда падавшихъ съ громкимъ металлическимъ лязгомъ.

Рокко забился въ свой уголокъ, и вдругъ имъ овладѣло какое-то странное чувство робости. Онъ не молился и не разговаривалъ У него было только одно ощущеніе страшной тяжести отъ кольца, охватывавшаго его лодыжку. Чтобы не шумѣть своей цѣпью не слышать ея невыносимаго звяканья, онъ положилъ руку на крючокъ, на которомъ она висѣла. Здоровый, спокойный и сильный молодой человѣкъ, мѣнявшій съ такой радостью свою каменную тюрьму на открытый и свѣжій островокъ, начиналъ чувствовать въ груди душившее его стѣсненіе. Молитва не шла ему на умъ. Его мозгъ сверлило, подобно ранѣ, единственное болѣзненное ощущеніе—отъ визга этого желѣза. Онъ понималъ, что каждый изъ этихъ несчастныхъ терпитъ пытку отъ своей цѣпи, ставшей неразлучной спутницей всей его жизни; понималъ, что каждый, страдая отъ этой тяжести, двигается безпокойно на мѣстѣ, стараясь облегчить по возможности свое страданіе. Объятый какой-то незнакомой ему мучительной тоской, отцеубійца Рокко сидѣлъ неподвижно въ своемъ углу, удрученный, подавленный, чувствуя во всемъ своемъ молодомъ и здоровомъ тѣлѣ только охваченную желѣзнымъ кольцомъ лодыжку.

Вдругъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго ожиданія, священникъ поднялъ Святые Дары, благословляя этихъ воровъ и убійцъ. Колодники пали ницъ, съ такимъ грохотомъ желѣза, точно обрушилась цѣлая кузница. Увлеченный примѣромъ, Рокко также опустился на колѣни, и тяжелая, холодная цѣпь ударила его вдоль всей ноги. О! нѣтъ. Рокко былъ человѣкъ не романическаго характера; это было простое первобытное, буйное, неразвитое и жестокое созданіе, но въ то время, когда чаша сверкала въ золотомъ сіяніи въ дрожащихъ рукахъ священника, онъ поня ъ, что весь опутанъ этой цѣпью, что онъ пойманъ и побѣжденъ. И тогда въ душѣ его возникла неотступная, настоятельная мысль о бѣгствѣ—мысль живущая всегда въ глубинѣ сердца даже людей, предавшихся полному отчаянію.

Бѣжать? А почему-бы и нѣтъ? Въ то время, когда они шли ужинать въ обширную столовую; все время, когда они пожирали съ звѣрской жадностью вареный картофель, приправленный помидорами, которые они накладывали себѣ въ чашки, черпая изъ большого жестяного котла,—все время онъ думалъ о томъ, что долженъ бѣжать, что это неизбѣжно, что онъ найдетъ какое-нибудь средство, хитрость, что онъ бросится въ море и убѣжитъ. Дороги въ Низидѣ охраняются, повидимому, такъ плохо! Мечта о бѣгствѣ росла въ его душѣ все больше и больше: при смѣлости и хитрости, ловкій и сильный молодой человѣкъ найдетъ всегда возможность бѣжать... Каторжане вышли на вечернюю прогулку во дворъ, но и тамъ его преслѣдовало пылкое, неотступное желаніе бѣжать. Онъ вертѣлся взадъ и впередъ, волоча свою цѣпь, въ то время, какъ надъ головой его сверкала теплая звѣздная ночь, и поднималъ глаза къ небу все съ болѣе и болѣе съ неистовой и безумной жаждой свободы.

Въ девять часовъ колоколъ прозвонилъ на покой. Разбившись по отдѣленіямъ, каторжане разошлись черезъ безлюдные дворы по своимъ камерамъ, устремивъ глаза на сверкавшіе огоньками Баньоли и Пузоль.

Въ камерѣ, гдѣ для Рокко была отведена скамья съ соломенникомъ и парой толстыхъ простынь, находилось большое окно, изъ котораго видно было звѣздное небо и фосфорическое море. Окно это никогда не закрывалось, иначе чрезмѣрная жара и запахъ всѣхъ этихъ человѣческихъ тѣлъ были бы совсѣмъ невыносимы. Какъ только газъ былъ спущенъ, а колоколъ прозвонилъ второй разъ приказаніе молчать, на большей части постелей поднялся уже храпъ. Но Рокко лежалъ, широко открывъ глаза, смотря въ окно на море и на небо. При малѣйшемъ движеніи колодниковъ, ежеминутно раздавалось звяканье цѣпей — этихъ ледяныхъ соночлежницъ каторжныхъ; звяканье это воспламеняло еще сильнѣе воображеніе Рокко. Какъ легко было бы убѣжать черезъ это окно!

Вдругъ, вдали, но совершенно ясно, раздался голосъ:

— Слуша-а-ай!

Черезъ минуту, другой голосъ, поближе, закричалъ:

— Слуша-а-ай!

Еще ближе и сильнѣе раздалось:

— Слуша-а-ай!

Еще ближе:

— Слуша-а-ай!

Затѣмъ подъ самымъ окномъ, у котораго Рокко не могъ заснуть... А за нимъ—другіе, все болѣе и болѣе удалявшіеся и ослабѣвавшіе голоса, оглашавшіе кругомъ весь островъ.

И снова раздалась перекличка голосовъ, посылавшихъ другъ другу:

— Слуша-а-ай!

— Слуша-а-ай!

Затѣмъ все утихло. Пораженный Рокко пытался собрать обрывки своей мечты. Но спустя четверть часа, въ то время какъ онъ пытался вернуть къ себѣ въ темнотѣ свое мужество, первый голосъ прокричалъ вдали свое:

— Слуша-а-ай!

Протяжный, громкій и спокойный крикъ передавался отъ поста къ посту, приближался и звучалъ второй разъ подъ окномъ, гдѣ лежалъ Рокко. Когда онъ обошелъ кругомъ весь островъ, оттуда пронеслось снова въ отвѣтъ ясное и рѣзкое:

— Слуша-а-ай!

И такъ каждые четверть часа, каждые четверть часа! Что за мучительный кошмаръ!

Какъ только начиналась эта перекличка, спящіе каторжники принимались безпокойно ворочаться на своихъ жесткихъ постеляхъ, гремя цѣпями. Но Рокко не могъ спать и вскакивалъ каждые четверть часа.

Добрые честные голоса говорили, казалось: „Мы здѣсь, не спимъ, держимъ ружье на готовѣ и чутко прислушиваемся; мы не дадимъ никогда никому убѣжать и никогда не перестанемъ кричать по ночамъ“. Рокко весь дрожалъ отъ безсильнаго гнѣва. Кошмаръ давилъ ему горло. Каждые четверть часа!

Какая ужасная вещь! Сильные, звонкіе голоса продолжали раздаваться въ темнотѣ звѣздной ночи. Нѣтъ, ему никогда не удастся бѣжать!.. Въ половинѣ ночи, когда онъ услышалъ еще разъ, эти неумолимые голоса, его грубое сердце убійцы и отцеубійцы разорвалось, казалось, на части, и онъ принялся плакать.

(*Продолженіе будетъ*).

Первый домъ трудолюбія спб. столичнаго попечительнаго общества о домахъ трудолюбія.

(*Окончаніе*).

— Мальчишкамъ и инструмента въ руки нельзя никакого дать; ну, дѣвочки еще научатся немного владѣть иглой... А что потомъ — не знаю.

Привыкнетъ бѣгать въ домъ трудолюбія съ дѣтства и потомъ не отучится.

— Это хорошо сказано, замѣтилъ я. — Задачи домовъ трудолюбія заключаются во временной помощи, а не въ постоянной однимъ и тѣмъ же лицамъ. Каждому изъ нихъ надо устроиться на волѣ и, въ концѣ-концовъ, забыть домъ трудолюбія.

— Конечно, такъ, а здѣсь иначе...

Рабочіе заняли каждый свое мѣсто, и я обратился къ ближайшей группѣ съ вопросомъ о томъ, насколько они довольны работой и платой.

— Чѣмъ тутъ быть довольнымъ, прониченски отвѣтили они.—Пять копѣекъ-то! За ночлегъ одинъ... А вѣдь и ѣсть хочется и одежда носится! Такъ и не выходимъ изъ нужды: завтра то же, что сегодня. Разъ пообѣдаешь здѣсь въ полдень, да чаю попьешь, и такъ до слѣдующаго утра. Развѣ не голодно?

Подумавъ о томъ, какъ много и часто ѣдятъ обезпеченные люди, я вполнѣ уразумѣлъ эту жалобу. Не могу не обратить также своего вниманія на идиллическій отзывъ С. Уманца («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., № 8: «Дома Трудолюбія») о кухнѣ описываемаго мною дома. Говоря объ обѣдѣ трудолюбцевъ, г. Уманецъ замѣчаетъ: «кухня дома поражаетъ какъ своей удивительной чистотой, такъ и комфортабельностью и красотой помѣщенія. Блистающая чистотой кухонная утварь, въ порядкѣ разставленная по полкамъ посуда и изящный, лакированный, съ пестрымъ рисункомъ бетонный полъ производятъ удивительно пріятное впечатлѣніе. Смѣемъ думать, что въ рѣдкомъ первоклассномъ ресторанѣ Петербурга встрѣтите вы такую во всѣхъ отношеніяхъ образцовую кухню, какъ въ этомъ скромномъ домѣ труда для самаго «сѣраго» населенія столицы».

О томъ, что кухня здѣсь «красна углами», не спорю, но тощаго обѣда изъ двухъ блюдъ на весь день, конечно, недостаточно для чернорабочаго.

— Мы тутъ трудимся, говорили рабочіе:— что значитъ рабочему человѣку на весь день кружка чаю, да за обѣдомъ щи съ кашей? Если вечеромъ истратишь пятачокъ на себя, то и бродишь ночь по улицѣ. Невольно залѣзешь за пазуху къ спящему извозчику...

— А если-бы здѣсь была хорошая работа и оплачивалась бы болѣе?

— Разговоръ другой тогда...

— Одинъ и тотъ-же разговоръ, перебилъ насъ смотритель. Вѣдь лѣтомъ вы зарабатываете по рублю, а все на зиму идете сюда почти безъ одежонки. Всякій годъ такъ.

— Поденная плата—не постоянная, отвѣтилъ одинъ расторопный рабочій. Три дня по рублю получишь, а потомъ два дня безъ работы. Постоянную, а не поденную работу нужно намъ, съ приличнымъ заработкомъ.

— Ну, какую же работу? укажи такую, перебилъ я его.

— Какъ мы можемъ это знать! Насъ никто объ этомъ никогда не спрашивалъ здѣсь. Заглянутъ къ намъ на минуту, да и прочь.

— Все равно. Подумай теперь. И вы также, обратился я къ прочимъ рабочимъ. Что можно, вмѣсто щипавръ и щипанья веревокъ, предложить вамъ за болѣе дорогую плату? Что вы знаете и на что способны?

Въ толпѣ чернорабочихъ произошло смущеніе, которое увеличилось еще болѣе, когда я сказалъ:

— Вы не можете сами подумать о себѣ; сами не знаете что для васъ лучше, чѣмъ эти пенькощипная работа и щипавры, а другіе еще менѣе могутъ помочь вашему горю...

Толпа безмолвно и тяжело дышала предо мной.

— Насъ не спрашивали никогда, произнесъ, наконецъ, въ срединѣ ея одинъ голосъ.

— Никто не разговаривалъ съ нами объ этомъ, поддержали его вокругъ.

— Это все равно... Вотъ, подумайте теперь и скажите мнѣ.

— Что же тутъ думать!!

— Не хотите сами думать и другіе не станутъ.

Черезъ минуту одинъ старикъ выговорилъ тихо:

— Картонную бы работу... Коробки.

— Хорошо, ты знаешь клеить коробки, осадили его. А мы матеріалу перепортимъ болѣе, чѣмъ наклеимъ.

— Вотъ хорошо бы картузы изъ бумаги въ лавки для крупъ и муки, сказалъ сбоку меня оборванецъ, додѣлывающій швабру.

— Да, картузы хорошо.

— Что хорошаго-то? зашумѣли голоса. Сколько за тысячу положатъ—разочти. Тѣ же швабры! Пустая все работа.

— А ты укажи получше, если все это пустая работа, продолжалъ я преднамѣренно.

— Гдѣ же намъ указывать вамъ, отвѣтили въ заднихъ рядахъ.

— А самому мнѣ и вовсе не придумать за васъ...

Въ эту минуту изъ толпы выдвинулся рабочій, приличнѣе другихъ одѣтый, и смѣло отвѣтилъ мнѣ:

— На городскія работы слѣдуетъ гонять насъ, какъ въ Царскомъ Селѣ! Подрядчики приходятъ въ домъ трудолюбія и просятъ смотрителя отпустить ему шестьдесятъ — сто рабочихъ, смотря по работѣ. А вечеромъ эти рабочіе получаютъ разсчетъ по рублю и возвращаются въ домъ трудолюбія. Послѣ вычета изъ дневного заработка за чай, обѣдъ и ночлегъ, у нихъ все-таки останется довольно денегъ... Не на ши 5 коп., а гораздо болѣе! Вся очистка города: уборка площадей и улицъ, садовъ, казенныхъ мѣстъ, помойныхъ ямъ — исполняется чернорабочими изъ дома трудолюбія. Вотъ это такъ... Этотъ трудъ можно любить, а не нашъ пятикопѣечный. Можно будетъ одѣться и искать себѣ мѣста. А теперь меня никуда не возьмутъ, оборваннаго-то...

— Еще бы, какое сравненіе! поддержали товарищи, обрадованные его находчивостью.

Мнѣ и самому стало казаться правильнымъ его указаніе на необходимость созданія такихъ работъ, которыя оплачивались бы по рыночной цѣнѣ.

— Вы приходите каждый день сюда? началъ я вновь разспрашивать ихъ.

— Куда же больше... некуда и идти! Одежонки нѣтъ, а изъ пяти копѣекъ ничего не сбережешь.

— Такъ все время до весны вы и пропиты ваетесь въ домѣ трудолюбія!

— Все время...

— А еслибы имѣли выгодную работу на сторонѣ, то не пришлибы сюда?

Буксировка лѣса пароходомъ по Двинѣ въ Архангельскѣ.

— Конечно, не пришли бы! Испробовать надо... Работъ нѣтъ для оборвышей нигдѣ, окромя здѣсь.

— Но почему послѣ лѣта опять идете сюда?

— Лѣтомъ есть работа, а зимой опять нѣтъ ее... Лѣтомъ подрядчики берутъ насъ сотнями на суда, а съ морозами работа кончается, и мы опять становимся нищими и ночлежниками.

Промышленники морского звѣря на льдахъ Сѣвернаго океана.

— Вотъ теперь мнѣ ясно ваше положеніе, отвѣтилъ я имъ. Только тогда, въ крайнемъ случаѣ, вы пойдете въ домъ трудолюбія, когда найдется на волѣ для васъ болѣе дорогая работа, чѣмъ здѣсь.

— Совсѣмъ тогда на одну минуту будемъ ходить сюда!.. Запьешь, заболѣешь или прогонятъ съ работы, ну и зайдешь сюда, пока не отыщешь новой работы на волѣ. А теперь нѣтъ ее... хоть разыщись по всему Питеру! Да, это такъ, думалъ я, уходя отъ нихъ. Они вѣрно говорятъ о себѣ. Зимой они возвращаются сюда не потому, что имъ не въ помощь рублевый заработокъ, а потому, что къ зимѣ прекращается на волѣ для нихъ всякій заработокъ и они рады даже пятикопѣечному въ домѣ трудолюбія. Если старанія попечительства будутъ направлены къ созданію производительныхъ работъ по городу на которыя можно привлечь бѣдняковъ, то дома трудолюбія дѣйствительно будутъ оказывать безработнымъ людямъ существенную помощь. Такими работами для безработныхъ лицъ могла бы, между прочимъ, служить и Гавань, грунтъ которой необходимо поднять значительно для огражденія отъ наводненій, и работы лѣтомъ по канализаціи города, и его очистка зимой и т. д.

Я также вспомнилъ при этомъ объ огромномъ залу для чтеній, которое остается въ домѣ трудолюбія запертымъ, и гдѣ чтенія для трудолюбцевъ происходятъ очень рѣдко, А между тѣмъ и это зало могло бы служить отличной на ночь спальней для тѣхъ же трудолюбцевъ, вмѣсто того, чтобы находиться на запорѣ, а трудолюбцамъ на улицѣ. Хотѣлось также думать и объ умственныхъ и нравственныхъ въ немъ развлеченіяхъ для рабочихъ. Среди изможденнаго голодомъ и безработицей люда несомнѣнно преобладаетъ въ значительной степени деморализованный и порочный элементъ. Это тѣ изъ нихъ, которые недѣлю работаютъ, а на другую запиваютъ и теряютъ мѣсто. А чѣмъ удержать ихъ отъ этого запоя, этой потребности удовольствія и обмѣна мыслей въ обществѣ себѣ подобныхъ, какъ не привлеченіемъ несчастныхъ къ интересамъ умственнаго и эстетическаго міра? Вотъ почему попечительству о рабочемъ народѣ предстоитъ обезпечить ему не только спросъ на его физическія силы, но и отвлечь его культурными и умственными наслажденіями отъ винныхъ питей.

А. Фаресовъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

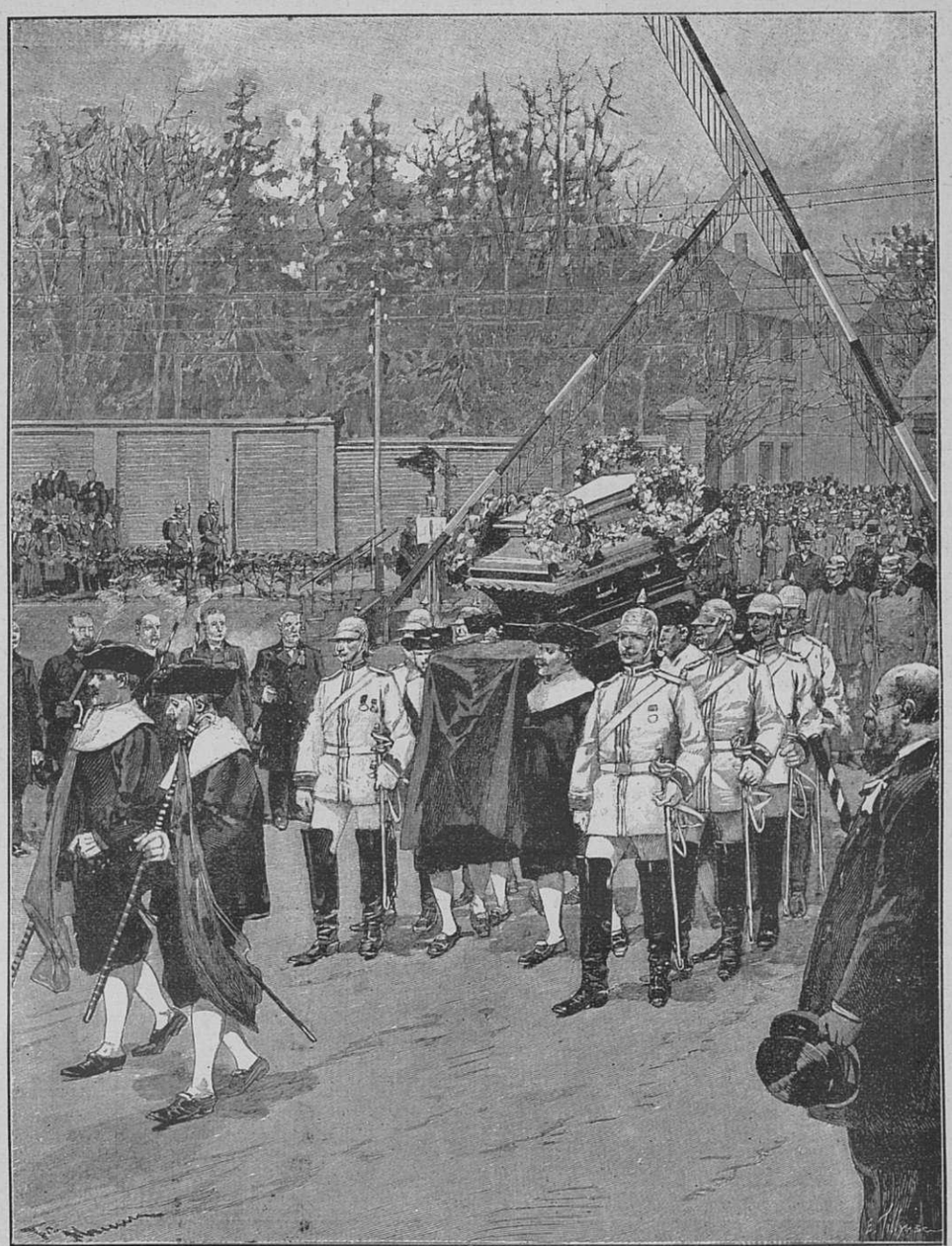
Франція.—По поводу дѣла Дрейфуса въ «Figaro» напечатаны показанія бывшихъ министровъ Девелля и Пуанкаре и директора кабинета военнаго министра генерала Роже.

Пуанкаре подтвердилъ предъ уголовной палатой, что узналъ объ арестѣ Дрейфуса только изъ газетъ. Затѣмъ военный министръ Мерсье принесъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ bordereau и сказалъ, что оно, по-видимому, писано Дрейфусомъ, потому что говоритъ о документахъ, знать о которыхъ могъ только Дрейфусъ. Мерсье говорилъ также о диктовкѣ, которую устроилъ Пати-де-Кламъ Дрейфусу, и которая тоже служитъ уликой. Никакихъ другихъ вещественныхъ доказательствъ Мерсье не предъявлялъ и ни о какомъ тайномъ документѣ не говорилъ. Пуанкаре нѣсколько разъ бесѣдовалъ послѣ того съ генераломъ Мерсье, но ни разу не слышалъ отъ него о сообщеніи суду тайнаго документа; генералъ говорилъ только, что въ военномъ министерствѣ имѣются доказательства вины Дрейфуса, поступившія туда послѣ процесса 1894 года. Пуанкаре прибавилъ, что въ присутствіи нѣкоторыхъ товарищей спрашивалъ позднѣйшаго военнаго министра Кавеньяка, получены-ли были тайные документы до или послѣ осужденія Дрейфуса, но Кавеньякъ отвѣта не далъ. Позже, на одномъ обѣдѣ у г-жи Карно, Пуанкаре подѣлился своими сомнѣніями съ тогдашнимъ военнымъ министромъ — генераломъ Бильо. Послѣдній отвѣчалъ, что убѣжденъ въ винѣ Дрейфуса, но нисколько не удивится, если измѣнникомъ окажется и Эстергази и даже еще кто-нибудь. Эта бесѣда происходила до разбирательства дѣла Эстергази въ военномъ судѣ. Въ заключеніе Пуанкаре сказалъ, что Дюпюи говорилъ ему и Ланессану, что начинаетъ думать, не было-ли правительство въ 1894 году жертвой ужасной мистификаціи.

Девелль, который былъ въ 1893 году министромъ иностранныхъ дѣлъ, показалъ, что еще въ названномъ году зналъ о документѣ, въ которомъ упоминается начальная буква Д., и что въ военномъ министерствѣ относили эту букву къ Дрейфусу, хотя документъ и не касался военныхъ вопросовъ. Девелль думалъ одно время, что этотъ документъ находится среди тайнаго dossier. Онъ спросилъ объ этомъ генерала Бильо, но тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о подобномъ документѣ. «Вина Дрейфуса, — прибавилъ генералъ, — впрочемъ, доказана. Не сомнѣвайтесь въ его виновности. Намъ понадобился мѣсяцъ, чтобы привести въ порядокъ документы, составившіе теперь «дѣло объ измѣнѣ». Моему преемнику понадобится не болѣе двухъ часовъ, чтобы удостовѣриться въ винѣ Дрейфуса. Я, съ своей стороны, думаю, что виновенъ и Эстергази». О развѣдочномъ бюро военнаго министерства Девелль сказалъ, что это одно изъ крайне плохо организованныхъ учрежденій Франціи, что часто агенты этого учрежденія совершали неосторожности, которыя могли тяжко повредить странѣ.

Генералъ Роже, напротивъ, показалъ, будто контроль въ военномъ министерствѣ до такой степени строгъ, что самъ онъ, генералъ Роже, подвергся наблюденію и былъ, — по словамъ начальника развѣдочнаго бюро Сангларра,—«отмѣченъ красными чернилами» за то, что какая-то надоѣдавшая ему по частному дѣлу дама дважды показала неправильно свой адресъ. Когда Роже просилъ у Сандгерра совѣта, какъ ему отдѣлаться отъ этой дамы, Сандгерръ, смѣясь, сообщилъ ему, что благодаря этой дамѣ онъ уже находится подъ надзоромъ. Роже, подобно Кавеньяку, считалъ невозможнымъ, чтобы bordereau было произведеніемъ Эстергази или Анри, или обоихъ вмѣстѣ, потому что обоимъ имъ не доставало техническаго образованія для обсужденія вопросовъ, встрѣчающихся въ bordereau. Это возможно было только для офицеровъ главнаго штаба, подобно Дрейфусу. Роже увѣряетъ, что на островѣ же, куда сперва Дрейфусъ былъ отвезенъ, подъ подкладкой его жилета былъ найденъ дубликатъ bordereau, но свидѣтель не могъ сказать, была ли это копія, врученная Дрейфусу во время процесса, или дубликатъ, списанный имъ самимъ съ оригинала до отсылки послѣдняго заграницу. По словамъ Роже, измѣна, по обнаруженіи, была сначала приписана низшимъ служащимъ. Но одинъ офицеръ развѣдочнаго бюро узналъ отъ г-жи Б., — занимавшей въ Парижѣ общественное положеніе и принимавшей въ извѣстные дни агентовъ иностранныхъ державъ, — что ничего не обнаружатъ, если поиски не «будутъ подняты выше». Въ мартѣ и апрѣлѣ 1894 года одинъ агентъ въ двухъ донесеніяхъ сообщилъ, что одинъ офицеръ изобличается въ измѣнѣ. Позже г-жа Б. устно подтвердила это полковнику Анри. Утвержденіе Пати-де-Клама, что въ своихъ отношеніяхъ съ Эстергази онъ исполнялъ волю своихъ начальниковъ, Роже признаетъ невѣрнымъ, какъ невѣрно, и утвержденіе Эстергази, что онъ былъ орудіемъ главнаго штаба. Что касается bordereau, то Роже сказалъ: «Если бы мнѣ доказали, что bordereau писалъ Эстергази, я бы, конечно, не сталъ этого оспаривать, но если самъ Эстергази будетъ это утверждать, я ему не повѣрю». Petit Bleu, по словамъ Роже, подложно.

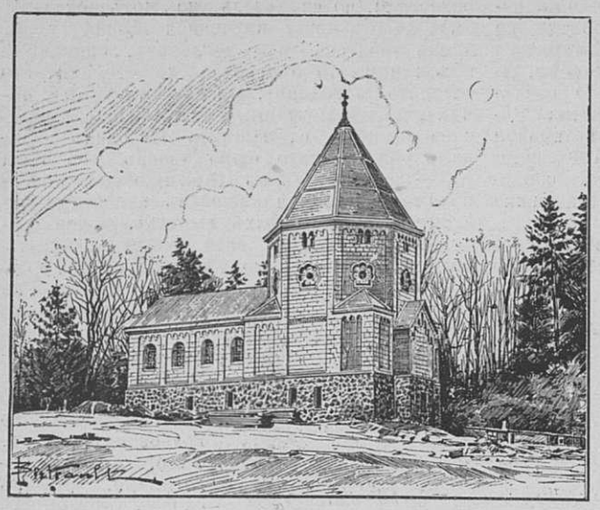
По поводу показаній Кавеньяка, Рейнакъ пишетъ въ «Siècle»: «Я сообщаю страшную, но точную истину подъ полной своею отвѣтственностью, не опасаясь опроверженія со стороны какого-нибудь авторитета. Эта истина состоитъ въ слѣдующемъ: Шварцкоппенъ многократно заявлялъ, что Эстергази увѣрялъ его, будто проданные имъ Шварцкоппену документы получены имъ отъ Анри и другого лица, которое я пока не называю. Эстергази внушалъ сперва Шварцкоппену недовѣріе: полковникъ не допускалъ, чтобы подобный мошенникъ принадлежалъ къ французской арміи. Чтобы доказать Шварцкоппену, что онъ — офицеръ, Эстергази обѣщалъ проѣхать предъ Шварцкоппеномъ въ мундирѣ на лошади и въ сопровожденіи одного генерала, что онъ и исполнилъ. Я знаю это отъ одного свидѣтеля въ процессѣ вдовы Анри. Эстергази указывалъ на Анри какъ на того офицера второго бюро главнаго штаба bureau (S. S. = service statistiqu), который давалъ ему свѣдѣнія. Это отмѣчено Шварцкоппеномъ на бумагѣ, которая въ процессѣ Дрейфуса была сообщена суду съ примѣчаніемъ дю-Пати-де-Клама».



Перенесеніе гроба Бисмарка изъ замка въ мавзолей.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Распоряженіе министра народнаго просвѣщенія. Въ виду возобновившихся среди сту-



Мавзолей въ Фридрихсруэ.

дентовъ технологическаго института Императора Николая I безпорядковъ, препятствующихъ правильному ходу учебныхъ занятій, всѣ студенты сего института увольняют я. Объ условіяхъ обратнаго пріема сдѣланы указанія начальству института.

— Отъ совѣта горнаго института Императрицы Екатерины II. На основаніи сдѣланныхъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ указаній, уволенные изъ института студенты, которые пожелаютъ быть принятыми обратно, подъ условіемъ полнаго подчиненія установленнымъ правиламъ, обязаны, не позднѣе 26-го сего марта, прислать по почтѣ, на имя директора института, заявленіе въ соотвѣтствующемъ смыслѣ и прошеніе о принятіи въ институтъ, съ приложеніемъ входного билета и адреса. Обратный пріемъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія институтскаго начальства.

Неподавшіе въ срокъ требуемыхъ заявленій и прошеній, а равно и тѣ, прошенія которыхъ не будутъ уважены, получатъ свои документы на дому. Также на домъ будутъ высланы и поные входные билеты тѣмъ, кто будетъ принятъ въ институтъ.

Принятые въ студенты будутъ допущены къ экзаменамъ, которые, согласно составленному уже росписанію, начнутся 29-го марта и окончатся 24-го мая.

— Согласно ходатайству казанскаго губернскаго продовольственнаго совѣщанія, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ мы слышали, отпущенъ дополнительный кредитъ въ размѣрѣ 28 т. руб. на покупку новаго количества муки для выдачи кормовыхъ ссудъ нуждающимся однолошадным крестьянамъ Чистопольскаго уѣзда Означенное ходатайство вызвано обнаружившимся, послѣ произведенной провѣрки, довольно значительнымъ увеличеніемъ числа нуждающихся противъ первоначально предполагавшагося количества таковыхъ.

— Изъ числа десяти тысячъ степныхъ лошадей, назначенныхъ на всю Самарскую губернію, для раздачи нуждающимся безлошадным крестьянамъ, въ настоящее время туда доставлено уже изъ Оренбурга до трехъ тысячъ. Остальныя семь тысячъ будутъ доставлены изъ Уральскаго района. Изъ Оренбурга же сообщаютъ, что 22-го марта оттуда отправляется первая партія лошадей въ Симбирскую губернію, а именно 810 лошадей въ Сызрань.

— 19-го марта, какъ сообщаютъ „Петерб. Вѣд.“, выѣхалъ въ Уфимскую губернію для борьбы съ эпидеміями санитарный отрядъ подъ начальствомъ фрейлины Е. П. Васильчиковой. Отрядъ состоитъ изъ двухъ женщинъ-врачей, трехъ фельдшерицъ и трехъ сестеръ милосердія. Отрядъ организованъ россійскимъ обществомъ „Краснаго Креста“. 21 марта выѣзжаетъ новый отрядъ въ составѣ 17 сестеръ милосердія, отдѣленный Георгіевскою и Евгеніевскою общинами для борьбы съ эпидеміями въ другихъ пострадавшихъ отъ недорода губерніяхъ.

— Правительственныя ссуды на прокормленіе скота въ неурожайныхъ мѣстностяхъ постановлено выдавать исключительно однимъ лишь нуждающимся однолошадным крестьянамъ. Недавно, какъ намъ передаютъ, нѣкоторые двулошадные крестьяне Мезенскаго уѣзда, Уфимской губерніи, обратились по телеграфу въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ пользоваться кормовыми ссудами наравнѣ съ однолошадными въ виду испытываемой ими крайней нужды и невозможности собственными средствами прокормить свой рабочій скотъ. Ходатайство это не встрѣтило препятствій со стороны министерства, и вопросъ переданъ на усмотрѣніе мѣстнаго продовольственнаго совѣщанія.

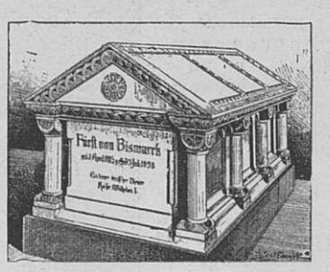
— По предложенію одного изъ земскихъ начальниковъ Казанской губерніи, при нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ названной губерніи устраиваются, какъ намъ сообщаютъ, особые склады яровыхъ сѣмянъ для продажи ихъ населенію по заготовительной цѣнѣ. Цѣль такихъ складовъ—съ одной стороны, предоставить населенію доброкачественныя сѣмена для наступающихъ яровыхъ посѣвовъ, а съ другой — воспрепятствовать ожидаемому къ веснѣ возвышенію цѣнъ на сѣмянной хлѣбъ.

— Цифра кредита, отпущеннаго по настоящее время правительствомъ на прокормленіе рабочихъ лошадей для нуждающихся однолошадныхъ крестьянъ въ семи неурожайныхъ губерніяхъ, опредѣляется: для Казанской—1.328,641 р., Уфимской—867,500, Самарской—661,586, Симбирской—406,806, Пермской—351,300, Саратовской — 281,600, Вятской—212,432 р.

— Недавно правительствомъ утвержденъ уставъ русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла. Въ настоящее время, кромѣ 20 учредителей, въ составъ общества изъявили желаніе вступить на правахъ дѣйствительныхъ членовъ до 40 представителей столичныхъ газетъ, владѣльцевъ типографій, литографій и т. п. Учредители вошли въ сношенія съ главнѣйшими московскими фирмами и русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей и здѣсь также встрѣтили сочувствіе. Первое общее собраніе членовъ новаго общества предполагается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

— Переселенческое управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ даетъ интересный подсчетъ «ходачества» за 1897 и 1898 гг. въ Сибирь, съ цѣлью отысканія мѣстъ для переселенія. Оказывается, по словамъ «Нов.», въ эти два года въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири перебывало 66,513 крестьянскихъ ходоковъ, изъ которыхъ только 18,191 устроились въ Сибири, а остальные 48,322 ходока возвратились на родину ни съ чѣмъ, напрасно потративъ и время, и деньги.

— Въ виду поступающихъ въ министерство путей сообщенія жалобъ на несоблюденіе нѣкоторыми дорогами правилъ при отдачѣ въ аренду торговли произведеніями печати на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, министерство, какъ сообщаютъ «Пет. Вѣд.», предложило дорогамъ представлять на разсмотрѣніе и утвержденіе департамента желѣзныхъ дорогъ проекты договоровъ, заключаемыхъ дорогами съ контрагентами на право производства книжной и газетной торговли на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, съ указаніемъ, когда и въ какихъ именно газетахъ дѣлалась публикація о вызовѣ желающихъ арендовать право торговли произведеніями печати и объясненіемъ мотивовъ, послужившихъ къ выбору того или другого контрагента.



Саркофагъ.

— Коммиссія по введенію всеобщаго обученія и по разработкѣ нормальной сѣти школъ въ Петербургской губерніи въ настоящее время усиленно занята разработкой финансовой стороны вопроса съ цѣлью опредѣленія размѣра содѣйствія со стороны губернскаго земства и момента, когда тѣмъ или другимъ уѣзднымъ земствамъ предоставится надобность въ матеріальной помощи губернскаго земства. Всѣхъ школъ предположено открыть свыше 400, при расходахъ около 230 тыс. рублей.

— Въ главное управленіе общества «Краснаго Креста» поступило ходатайство отъ общества взаимопомощи учителей и учительницъ Казанской губерніи о пособіи преподавательскому персоналу сельскихъ начальныхъ училищъ мѣстнаго края въ суммѣ

Императоръ Вильгельмъ и князь Г. Бисмаркъ возвращаются съ похоронъ.

50,000 рублей. Ходатайство мотивируется тѣмъ, что, вслѣдствіе неурожая цѣны на жизненные продукты значительно поднялись, а между тѣмъ большинство учителей и учительницъ получаютъ жалованье въ суммѣ около 200 рублей, а есть и такіе, какъ, напр., преподаватели школъ духовнаго вѣдомства, которые получаютъ менѣе 100 рублей въ годъ. Въ то же время трудъ учителей и учительницъ удвоился, потому что вслѣдствіе открытыхъ обществомъ «Краснаго Креста» столовыхъ при сельскихъ училищахъ для продовольствованія дѣтей пострадавшаго отъ неурожая крестьянскаго населенія, число учащихся въ нѣкоторыхъ школахъ увеличилось втрое противъ обычнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на завѣдующихъ сельскими школами учителей и учительницъ возложены еще обязанности по завѣдыванію школьными столовыми.

Королева о. Самоа.

— Въ финляндскій сенатъ внесенъ обширный проктъ организаціи на новыхъ началахъ рыболовнаго управленія. Проектъ выработанъ особой коммиссіей, назначенной еще въ 1895 г. Коммиссія закончила свои работы въ апрѣлѣ 1898 г., и означенный проектъ является докладомъ этой коммиссіи сенату.

— Министерство земледѣлія вошло въ комитетъ министровъ съ представленіемъ объ отклоненіи поступившаго въ министерство ходатайства курскаго губернскаго земства, просившаго о разрѣшеніи созвать въ настоящемъ году въ Курскѣ, для обсужденія вопросовъ изъ области мѣстнаго сельскаго хозяйства областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ губерній: Курской, Орловской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской и Черниговской. Мотивомъ для такого рѣшенія министерства послужило то обстоятельство, что недавно въ сосѣднихъ районахъ происходили съѣзды для обсужденія подобныхъ же вопросовъ: областной —въ г. Орлѣ и общій сельско-хозяйственный съѣздъ, созванный Императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства.

— С.-петербургское отдѣленіе русскаго общества содѣйствія торговому судоходству и мореплаванію возбуждаетъ ходатайство о продленіи отпуска денегъ изъ государственнаго казначейства на производимыя имъ изслѣдованія условій рыбнаго промысла въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, для какового изслѣдованія заканчивается постройкою спеціальный пароходъ.

— Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ признало необходимымъ подвергнуть вопросъ о правильной постановкѣ вырубки лѣса предварительному обсужденію на особыхъ губернскихъ съѣздахъ лѣсныхъ чиновъ.

— Составленные министерствомъ финансовъ проекты измѣненія узаконенія о мѣрахъ и вѣсахъ, устройства мѣстныхъ повѣрочныхъ учрежденій и расширенія штатовъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ, какъ мы слышали, внесены уже министерствомъ въ Государственный Совѣтъ.

— Комитетомъ министровъ разсмотрѣнъ и разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о передачѣ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ липецкихъ, старорусскихъ, кеммернскихъ и сергіевскихъ минеральныхъ водъ.

— На устройство русскаго отдѣла россійскаго общества «Краснаго Креста» на всемірной парижской выставкѣ 1900 года главнымъ управленіемъ общества ассигновано 15 тыс. руб.

— Въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ возбуждается вопросъ о разработкѣ общаго устава для крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

— Въ настоящее время уфимскими губернскимъ дворянствомъ, земствомъ и городскимъ обществомъ возбуждено, какъ сообщаетъ «Торг.-Пр. Газ.», предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство объ открытіи въ городѣ Уфѣ реальнаго училища съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія приступлено къ разработкѣ проекта объ открытіи при женскихъ гимназіяхъ безплатныхъ школъ для бѣдныхъ неграмотныхъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы преподавательницами этихъ школъ были воспитанницы педагогическихъ классовъ гимназій.

— По сообщеніямъ финляндскихъ газетъ, метеоритъ, упавшій 28 февраля близъ Борго (у мѣстечка Бьюрбели, въ 20 верстахъ отъ Борго и въ 40 отъ Гельсингфорса), какъ показали изслѣдованія геолога Брофельда, ушелъ въ слой глины на глубину $3^1/_2$ саженъ (25 фут.). Для извлеченія его изъ такой глубины, вѣроятно, придется устроить шахту. Во всякомъ случаѣ пройдетъ еще весьма немало времени, пока удастся извлечь на свѣтъ Божій этотъ колоссальный (можетъ быть, небывалый) «даръ неба».

Придворныя дамы королевы о-ва Самоа.

— Вятскому губернскому земству присуждена на-дняхъ большая золотая медаль Императорскаго вольнаго экономическаго общества за просвѣщенную и энергичную дѣятельность по изданію въ 1864—1899 гг. «Вятской Газеты» и за широкое распространеніе ея въ народѣ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Относительно празднованія въ учебныхъ заведеніяхъ столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, министромъ Народнаго Просвѣщенія разосланъ слѣдующій циркуляръ:

„По обсужденіи сообщенныхъ попечителями учебныхъ округовъ предположеній относительно предстоящихъ празднествъ по случаю исполняющагося, 26 го мая сего года, столѣтней годовщины съ дня рожденія А. С. Пушкина, считаю нелишнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно устройства сказаннаго торжества въ подвѣдомственныхъ министру народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ, причемъ, однако, указанія эти предлагаются мною лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и усмотрѣнію начальства подлежащихъ заведеній предоставляется допускать отъ нихъ отступленія, если таковыя будутъ признаны необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Посему, придавая высокое воспитательное значеніе предстоящему торжеству, но не желая стѣснять распоряженій мѣстнаго учебнаго начальства, я нахожу нужнымъ ограничиться слѣдующими указаніями:

Король о. Самоа.

I. 26-го мая, въ присутствіи имѣющихся на лицо въ учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, отслужить заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ поэтѣ.

II. По отправленіи богослуженія устроить:

1) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ — торжественныя собранія съ произнесеніемъ соотвѣтственныхъ рѣчей, гдѣ то окажется возможнымъ;

2) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—акты съ произнесеніемъ рѣчей, чтеніемъ статей о значеніи Пушкина для русскаго народа и отрывковъ изъ сочиненій поэта и исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ на слова Пушкина;

3) въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ — чтеніе статей о Пушкинѣ и отрывковъ изъ его произведеній.

Къ сему нелишнимъ считаю присовокупить, что министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ въ виду: 1) выбиваемыя Императорскою академіею наукъ медали въ память А. С. Пушкина, для раздачи выпускнымъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, которые

будутъ удостоены награжденія въ настоящемъ году; 2) сборникъ избранныхъ стихотвореній Пушкина, изданія министерства финансовъ, для раздачи лучшимъ ученикамъ и ученицамъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, и 3) портреты Пушкина, издаваемые по иниціативѣ академіи наукъ, для разсылки въ народныя школы. Если предположенія министерства осуществятся, то о количествѣ и порядкѣ распредѣленія медалей и экземпляровъ сборника и портрета ваше превосходительство будете поставлены въ извѣстность особымъ сообщеніемъ.

Временемъ празднованія юбилея устанавливается 26-е мая, каковой день приходится между двумя свободными отъ учебныхъ занятій днями; такимъ образомъ, учащіеся будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи три дня, которые и могутъ быть удѣлены на устройство торжества безъ особаго обремененія воспитанниковъ, если только они не будутъ заняты сложными приготовленіями къ этому торжеству. Что же касается прекращенія всѣхъ учебныхъ занятій къ сроку празднованія юбилея, то изъ высказанныхъ начальствами нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ соображеній, я убѣдился въ крайней затруднительности и нежелательности окончить ученіе въ текущемъ году къ 26 мая, такъ какъ учебное время вслѣдствіе этого сократилось бы почти на двѣ недѣли, что могло бы вредно повліять на ходъ ученія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ году Пасха поздняя, и для производства испытаній остается слишкомъ мало времени. Наконецъ, откладывать торжество на осень, какъ предполагалось то въ нѣкоторыхъ округахъ, я нахожу неудобнымъ такъ какъ при столь запоздаломъ празднованіи юбилея учащаяся молодежь отстала бы по времени отъ остального населенія Имперіи, не говоря уже о неизбѣжной въ такомъ случаѣ потерѣ учебнаго времени.

Четырехколесный велосипедъ Бреславльскихъ пожарныхъ.

— Въ «Придв. Кр.» помѣщено за подписью артиста В. Никулина «открытое письмо провинціальнымъ сценическимъ дѣятелямъ» въ которомъ сценическіе дѣятели приглашаются принять участіе въ юбилеѣ.

«Я-бы предложилъ, говоритъ г. Никулинъ, такую программу: 26 го мая, утромъ, устроить для народа (если учащимся будутъ устроены педагогами въ учебныхъ заведеніяхъ литературныя утра) безплатные спектакли, съ литературными отдѣленіями, исключительно изъ произведеній Пушкина. Въ антрактахъ музыкальныя произведенія П. И. Чайковскаго и др., написанныя на пушкинскія произведенія. Вечеромъ спектакли платные по такой-же программѣ, но чтобы половина валового сбора съ этихъ спектаклей во всей провинціи поступила въ кассу русскаго театральнаго общества на образованіе фонда на стипендіи имени Пушкина въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣтей нуждающихся артистокъ и артистовъ. Разумѣется, программа можетъ быть и иная. Такимъ образомъ, и мы, служители сцены, не отстанемъ отъ нашей дорогой родины въ ея торжественномъ, всенародномъ праздникѣ!...»

— Открытіе французскаго отдѣла франко-русской выставки комитета Краснаго Креста, состоящей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, произошло 28-го марта. Французскій отдѣлъ выставки занялъ роскошный залъ музея барона Штиглица. Многочисленные экспонаты размѣщены по бокамъ и срединѣ зала, а также на ея хорахъ. Въ цѣломъ рядѣ стекляныхъ витринъ выставлены разнообразные предметы роскоши и украшенія, среди которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить художественныя, весьма цѣнныя издѣлія наиболѣе выдающихся парижскихъ ювелировъ. Нѣсколько витринъ занято не менѣе художественно исполненными серебряными и другими металлическими предметами: столовыми и кофейными сервизами, вазами, статуэтками и проч. Громадная витрина отведена подъ мѣха и дамскія платья. Другими многочисленными экспонатами являются: художественная мебель разныя античныя вещи, скульптурныя работы, фотографическіе снимки, ковры, образцы вышиванія шелками и золотомъ, шелковыя матеріи, музыкальные инструменты и проч. Въ выставкѣ принялъ также участіе французскій «Красный Крестъ», представившій тележку для перевозки раненыхъ и больныхъ, бѣлье, перевязочные предметы и проч. Экспонентовъ, исключительно изъ Парижа, приняло участіе въ выставкѣ 93. Кромѣ того, 32 редакціи парижскихъ періодическихъ изданій представители экземпляры своихъ журналовъ и обозрѣній. Выставка продолжится два мѣсяца. По разнообразію и цѣнности собранныхъ на ней предметовъ, выставка представляетъ несомнѣнный интересъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Весна. Рисунокъ *Г. Бухнера.*

Первымъ вешнимъ пухомъ покрылись деревья, зазеленѣла трава на лужайкахъ, и ясное солнце улыбаясь смотритъ на преображенную землю съ лазурныхъ небесъ, разливая тепло и свѣтъ. Кругомъ все дышетъ, все живетъ и шлетъ свой радостный привѣтъ могучей чаровницѣ—красавицѣ веснѣ.

Христосъ и Магдалина. Съ картины. *А. Хаккера.*

Знакомый библейскій сюжетъ трактованъ художникомъ А. Хаккеромъ замѣчательно своеобразно. Фигуры Христа и у ногъ его склонившейся Магдалины полны жизни и выразительности.

Переходъ князя Аргутинскаго черезъ снѣжный хребетъ. Съ картины *Ф. Рубо.*

Художникъ Рубо баталистъ по преимуществу, онъ черпаетъ сюжеты для своихъ картинъ изъ военной жизни; особенно удались ему картины, переносящія зрителя въ мрачныя ущелья Кавказа, къ его суровымъ обитателямъ, къ этимъ сынамъ горъ, интересъ къ которымъ пробудился въ нашемъ обществѣ еще со временъ Марлинскаго, когда „лико-страстный Аммалатъ приводилъ въ восторгъ читателей и въ особенности читательницъ“.

Покореніе Кавказа составляетъ одну изъ благодарныхъ для художника-баталиста темъ, гдѣ можно щегольнуть и яркостью красокъ и широкимъ размахомъ кисти. Помѣщая настоящую картину, мы продолжаемъ серію картинъ означеннаго художника, не безъизвѣстнаго вообще и хорошо знакомаго читателямъ нашего журнала.

Перенесеніе праха Бисмарка.

16 марта текущаго года совершилось перенесеніе праха Бисмарка и его жены изъ Варцина въ новый мавзолей въ Фридрихсруэ. Въ этотъ самый день, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, происходили похороны Вильгельма I. Несомнѣнно, что въ такой только день могло произойти перенесеніе праха того, кто всегда называлъ себя „вѣрнымъ слугою императора Вильгельма I“. Согласно желанію покойнаго, которое сынъ его Гербертъ старался исполнить свято, церемонія была обставлена возможною простотою. Кромѣ императора Вильгельма II и его свиты, присутствовала только семья Бисмарка и нѣкоторые близкіе друзья. Отряды жандармовъ не пропускали ни корпорацій, ни зрителей. Мавзолей выстроенъ на возвышеніи въ лѣсу, который Бисмаркъ особенно любилъ. Вильгельмъ II возложилъ на гробъ роскошный вѣнокъ изъ лавровыхъ вѣтокъ, завязанный бантомъ изъ атласной ленты, на которой видѣлся вензель W подъ императорской короной. Гробъ Бисмарка несли на рукахъ члены гамбургскаго похоронаго кружка Служба въ мавзолеѣ продолжалась съ четверть часа, послѣ чего троекратные выстрѣлы изъ ружей возвѣстили объ окончаніи церемоніи.

Король и королева острововъ Самоа.

Выборы новаго короля Самоа вызвали смуты въ Апіи. Подъ вліяніемъ Чемберса, нѣсколько противъ воли народа, выбранъ королемъ Малиетоа. Мы даемъ портреты короля, королевы и придворныхъ дамъ королевы.

Бреславльская пожарная команда.

Электрическіе велосипеды нашли себѣ за послѣднее время превосходное примѣненіе въ Бреславлѣ,—они употребляются для пожарныхъ командъ, которыя такимъ образомъ являются на мѣсто пожара много разъ быстрѣе, чѣмъ на лошадяхъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Не будутъ напечатаны слѣдующія рукописи, поступившія въ редакцію за мартъ 1899 года.

Статьи: *Ив—ова*: Переводы и стихи; — *Ст—инъ*: „Виноватъ-ли онъ?“ *К—цова*: 1) Осень; 2) въ Великобританіи; *У—нскій*: Мнемоника Файнштейна.

Стихи, присланные въ редакцію въ теченіе марта, слѣдующихъ авторовъ: *К. С.*; *А. Ев—хова*; *Гур—ча*; *Дм—ева*; *Дэ—га*; *Д-н-ва*; *Ул—нова*; *Мих—и*; *Каз—скаю.*

Статьи, не принятыя редакціей, размѣрами болѣе печатнаго листа (35,000 буквъ), сохраняются ТРИ мѣсяца со дня извѣщенія редакціей авторовъ. Мелкія статьи и стихотворенія уничтожаются и, по поводу послѣднихъ, ни въ какую переписку съ авторами редакція не входитъ, извѣщая ихъ лишь въ почтовомъ ящикѣ журнала.

Личный пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11—1 ч. дня. Внѣ этого времени пріема нѣтъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ **ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ**

Косметика А. Энглундъ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ.

3019 С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ

ТОВАРИЩЕСТВА

ЭЙНЕМЪ

ВЪ МОСКВѢ.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (crême amycos).

Новый кремъ, составл. по указан. спеціалист. Придаетъ и сохраняетъ на долго свѣжій и здоровый цвѣтъ лица: уничт. веснушки, пятна, загаръ и красн. лица.

КРЕМЪ АМИКОСЪ необходимъ для сохраненія на долго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европ. Россію высыл. 2 банки за 3 р. 50 к. Получ. можно во всѣхъ аптек. и косм. маг. Россіи. Опт. торг. у изобрѣтат. торг. домъ „Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ", С.-Петерб. Разъѣзжая, № 13.

LE TRÈFLE INCARNAT DE L·T·PIVER PARFUM A LA MODE

3025—7

О рисованіи красками на стеклѣ.—Среди любителей большой популярностью пользуются рисунки бронзой и акварельными красками на бѣломъ прозрачномъ стеклѣ. Для этого, стекло должно быть обработано спеціальнымъ образомъ. Способъ такой подготовки стекла, по словамъ «Neueste Erfindungen und Erfahrungen», очень несложенъ и состоитъ въ слѣдующемъ. Берется лучшаго качества рыбій клей, расщепляется на мелкія части, обдается холодною водой и затѣмъ ставится на огонь. Когда весь клей распустится до консистенціи обыкновеннаго жидкаго клея, его фильтруютъ и профильтрованный растворъ наливаютъ на поверхность стекла, которое затѣмъ въ слегка наклоненномъ положеніи помѣщается надъ спиртовымъ пламенемъ. Разумѣется стекло должно быть обращено къ пламени поверхностью, противоположной, покрытой растворомъ рыбьяго клея, и притомъ на такомъ разстояніи отъ самаго пламени, чтобы оно лишь слегка нагрѣвалось. Стекло въ этомъ положеніи удерживается, пока весь избытокъ покрывающаго стекло раствора не стечетъ и слой, оставшійся на стеклѣ, совершенно не высохнетъ. Стекло, обработанное такимъ образомъ, вполнѣ сохраняетъ свою первоначальную прозрачность; положенный слой клея совершенно незамѣтенъ: на этомъ, незамѣтномъ для глаза слоѣ, можно отлично рисовать (съ помощью чертежнаго пера) бронзовой краской, любой акварельной, а также тушью.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. Невскій 68—40.

Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ФИЛОСОФІЯ ШОПЕНГАУЕРА

въ общепонятномъ изложеніи д-ра Рибо. Посмертный переводъ Э. К. Ватсона. *Цѣна 50 к.*

Примѣненіе лампочекъ накаливанія къ телефонированію. — Въ городѣ Базелѣ стали недавно примѣнять лампочки накаливанія въ видѣ сигнальныхъ аппаратовъ при телефонныхъ сообщеніяхъ. Примѣру Базеля послѣдовало въ настоящее время одно крупное общество въ Огайо, и установило лампочки накаливанія при телефонныхъ сообщеніяхъ. Когда абонентъ снимаетъ съ крючка свой телефонъ, на центральной станціи вспыхиваетъ лампочка съ обозначеннымъ на ней № абонента, и служащій на станціи возстанавливаетъ соединеніе, находящееся подъ ней, вслѣдствіе чего лампочка потухаетъ сама собою. Кромѣ того, для каждаго соединенія имѣются еще по двѣ лампочки,— одна изъ нихъ свѣтитъ до тѣхъ поръ, пока вызванное лицо не сниметъ съ крючка свой телефонъ. Такимъ образомъ служащій можетъ видѣть, установлено ли соединеніе. Третья лампочка загорается по окончаніи разговора и свѣтитъ, пока соединеніе не будетъ прервано.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.*

Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

проф. **М. Неймайера.**

Вышло 30 выпусковъ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей

заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).

Подписная цѣна за всѣ 30 вып. **12** руб. **80** коп.

При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Открыта подписка на соч.

ЧЕЛОВѢКЪ

проф. **І. РАНКЕ.**

Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета **А. П. Синявскаго** подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго.**

30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

Кристаллизація бѣлковины. — Бѣлковина играетъ весьма важную роль въ животной и растительной жизни. Очищенный яичный бѣлокъ можетъ служить представителемъ бѣлковины, которую до сихъ поръ считали отчасти смѣсью различныхъ некристаллизующихся тѣлъ. Предполагалось, что желатинъ, легуминъ, казеинъ, бѣлковина и другія подобныя вещества неспособны кристализоваться. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гофмейстеръ заявилъ, что ему удалось кристаллизовать бѣлковину. Но тогда на это мало обратили вниманія,— способъ кристаллизаціи былъ слишкомъ сложенъ. Въ послѣднее время однако, Гопкинсъ и Пинкусъ упростили этотъ способъ. Онъ состоитъ въ дѣйствіи насыщеннаго раствора сѣрнокислой амміачной соли съ небольшимъ количествомъ уксусной кислоты на яичный бѣлокъ или бѣлковику крови. Подъ вліяніемъ этого раствора образуется осадокъ бѣлковины въ видѣ очень тонкихъ иголъ, безъ аморфныхъ веществъ. Иглы растворяютъ въ водѣ и нѣсколько разъ повторяютъ ту-же операцію. Кристаллизованнаго вещества по вѣсу получается 40 частей на 100 частей бѣлковины. Что же такое остальныя 60 частей? Этимъ вопросомъ по словамъ Nature, занялся Панормовъ.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

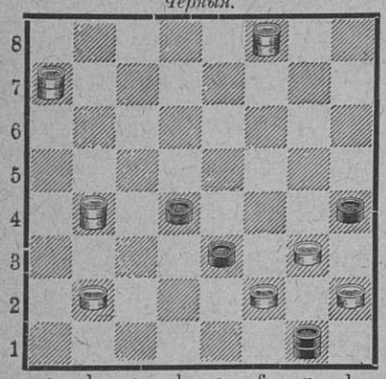
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 96.

П. М. Нѣмцова (въ Москвѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

ЭТЮДЫ И КОНЦЫ ПАРТІЙ.

№ 50. В. Волгина (въ С.-Петербургѣ).

—a1, b2, b4, c3, e3, e5.

—a5, b8, c7, g5, g7, h6.

Выигрышъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ФРИДРИХЪ ВИНТЕРЪ,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

по Невскому пр., № 78, уголъ Литейной. Существуетъ съ 1867 г.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ 1896 г.

Громадный выборъ часовъ всякаго рода

съ ручательствомъ на два года.

Часовые приборы и инструменты для часовыхъ дѣлъ мастеровъ.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ.

Новые подробные прейсъ-куранты высылаются безплатно.

3057

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ. Невскій пр., 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

По новѣйшей методѣ „ВОРТА“ Высылаю безплатно проб. лекціи и услов. заочнаго обученія крою и шитью дамск., дѣтск. нарядн., верх. плат., бѣлья и корсетовъ. Школа Е. Д. Ашмариной, Кіевъ Б. Васильковская, № 89.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ.

КАХЕТИНСКИХЪ ВИНЪ садовладѣльц.

А.С. ВАРТАЗАРОВА

ВО ВЛАДИКАВКАЗѢ.

Удостоенъ за натуральн. бѣл. и крас. вина, Высш. награда на рус. и иностр. выставкахъ.

Ведро вина 5, 6, 7, 8, 10, 12 р. Цѣны безъ ящ. 36 б. 10, 12, 14, 16, 20, 24 р. посуды. Провозъ по жел. д. всюду 30—45 к. съ пуд. Церков. вино съ перес. и посуд. ведро 8 руб.

Присылать задатокъ. Прейсъ-кур. безплат.

PÂTE DENTIFRICE GLYCÉRINE

S'en servir une fois c'est l'adopter.

GELLÉ FRÈRES

6, Avenue de l'Opéra

PARIS

2598-11

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей И. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЪЯКОВЪ А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

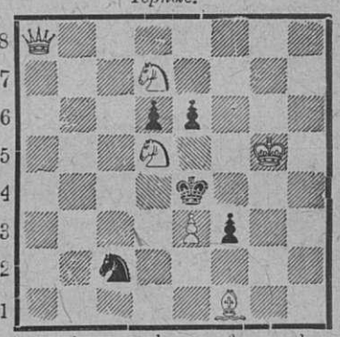
Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 109.

Д. Кальянова (въ Маріуполѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 99. *Максимова.* 1. Ф b3—d1,∞; 2. Ф×.

№ 100. *Квичала.* 1. f2—f4,∞; 2. Ф или С×.

№ 101. *Эрлина.* 1. С e3—g5, К b3—a5; 2. К e4:f3,∞; 3. К f5—h4×. 1... К b3—c5; 2. К f5—e3+ и 3. Ф b5—b2×. 1... К b3:d4; 2. К f5—d6+ и 3. К d6—f7×. 1...∞; 2. К d4—c6,∞; 3. К f5:g3×.

№ 102. *Котрча.* 1. Л a6—c6,∞; 2. Ф или Л×.

№ 103. *Лисснера.* 1. Кр f2—f1,∞; 2. Ф или К×.

№ 104. *Музиля.* 1. Ф e8—a8,∞; 2. Ф×.

Рѣшили: Е. Ф. Андрезенъ (Спб.) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—всѣ; Н. Н. Сергѣевъ (Вологда)—№№ 99, 100, 102, 103 и 104; М. Ивановъ (Москва)—№№ 103 и 104.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р.—Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 14 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 16 рисунками и обложки.

Кромѣ того, при этомъ нумерѣ журнала «Живоп. Обозрѣн.» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается четвертая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній: «Новые романы, повѣсти и разсказы» (за апрѣль 1899 г.).

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Позв. цензурою. С.-Петербургъ, 1 апрѣля 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 15.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 15-го нумера.

Воскресенье, 11-го апрѣля 1899 г.

Статьи:

*** Стихотвореніе Д. Михаловскаго. — „Страсти Христовы". Ораторія Себастьяна Баха. Б. М. Соловьева. — „Избранникъ". Разсказъ. И. Потапенко. (Продолженіе). — *** Стихотвореніе Влад. Юревичъ. — „Христіанка". (Историческая миніатюра). Н. Филиппова. — „Памяти В. В. Чуйко". Стихотвореніе С. Уманца. — „Слуша-а-а-й!" Повѣсть Матильды Серао. Пер. С. Шульгиной. (Продолженіе). — VII выставка картинъ. П. К. — Памяти В. В. Чуйко. А. Михайлова. — Хроника.

Рисунки:

Святое семейство. Фугеля. — Шествіе на Голгоѳу. Рубенса. — Христосъ предъ народомъ. — Свершилось! И. Геннера. — Погребеніе Христа. В. Заля. — I. С. Бахъ. (Портретъ). — В. В. Чуйко. (Портретъ). — Шлюпка изъ алюминія. — Яхта, построенная изъ алюминія. — Закаспійская желѣзная дорога. Вокзалъ въ Самаркандѣ. — Царскіе вагоны на закаспійской желѣзной дорогѣ. — Ѳ. Н. Щербина. (Портретъ).

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

PARFUMERIE
BOUQUET
du SACRE
GELLÉ FRÈRES, PARIS
3596-11.

„ПОГРОМЪ“
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.
Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.
Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.
Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.
Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“.
Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.
ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**
Спб., Невскій пр., № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ КНИГА, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ
СЧАСТЛИВЫЕ №№ ВЫИГРЫШ-
ныхъ бил. 1, 2 и 3 з. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к. (съ налож. 1 р. 30 к.) Спб. Вознесенскій 37, кв. 32. **Красильниковъ.** 1-го Марта с. г. на доказ. №№ пало 255 выигрышей на сумму 483 тыс. рубл. 3058-1

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.
ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.
СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“
Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
для нѣжности и свѣжести лица.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Цѣна за фаянсовую банку 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.
№ 3020

Я УПОТРЕБЛЯЮ **ЭЛЕОПАТЪ**
ПР. КИНУНЕНА,
ДЛЯ ВОЛОСЪ?

ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНЪ!
рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.
Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ 20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинуненъ имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 руб. Адресъ для писемъ „Главный Складъ Элеопата Провизора Кинуненъ“, въ С.-Петербургѣ Разъѣзжая № 13.
№ 3051-1

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“
Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Новое изданіе **Ф. Павленкова:**
ВѢЧНЫЙ МИРЪ И РАЗОРУЖЕНІЕ
М. А. Энгельгардта. Ц. 25 к.

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
«ИЗДАТЕЛЬ»,
Спб., Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ИЗЯЩНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КЪ ЖУРНАЛУ
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» 1898 года
изъ лучшаго англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ, съ роскошнымъ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 1 р. 25 к., пересылка за 2 фунта.
Главная Контора Спб. Акціонернаго Общества „Издатель“: Спб., Невскій пр., д. 68—40.

ЖИРНАЯ ПУДРА АУРИХА
ДЛЯ БѢЛИЗНЫ ЛИЦА
НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
С. ПЕТЕРБУРГЪ ЛИГОВСКАЯ 44.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:
1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»
С.-Петербургъ. Невскій 68—40.
Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.
ХИРЬЯКОВЪ А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.
КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.
Спб., Невскій пр. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

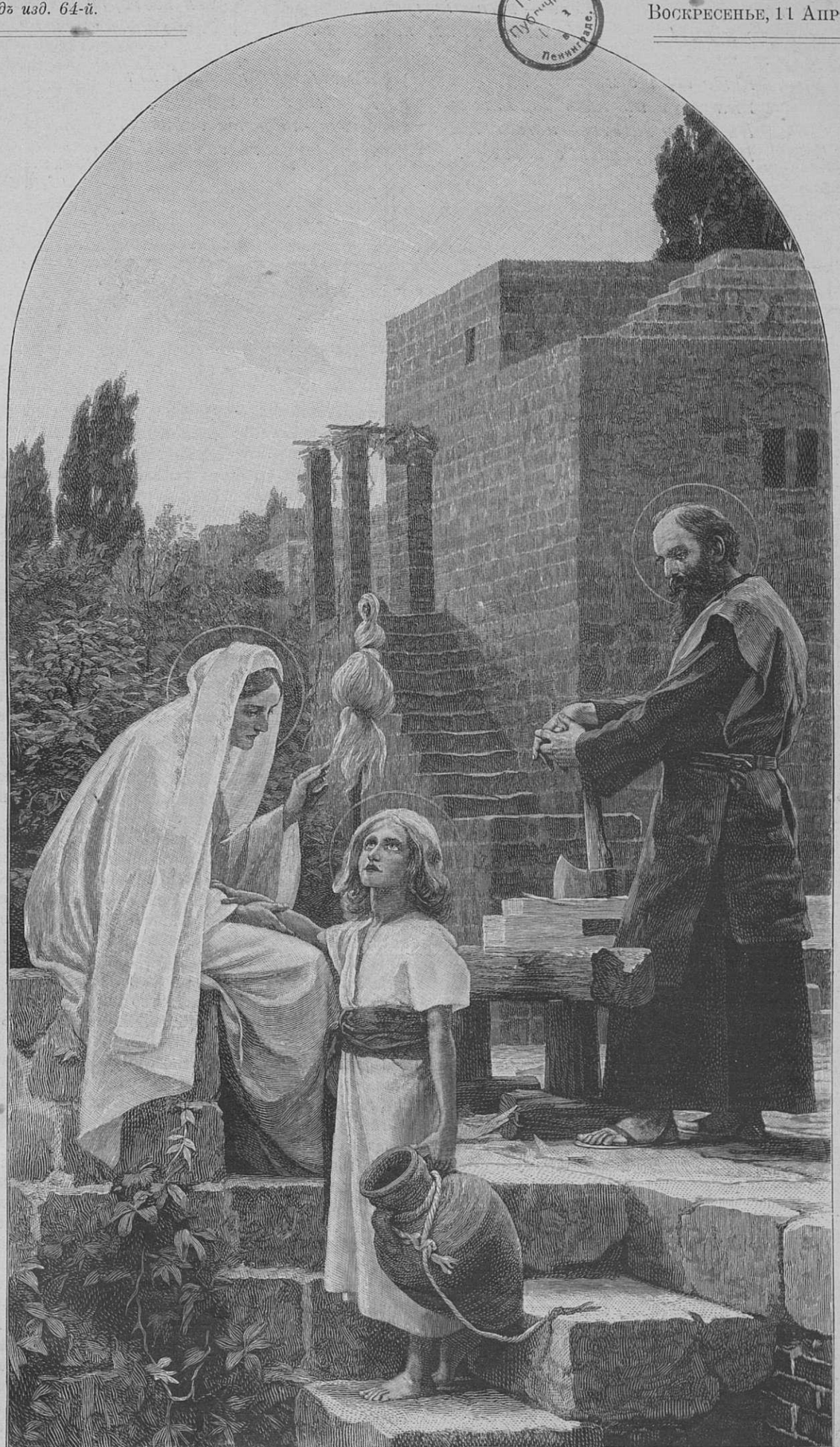
ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ Д. Афанасьева. Спб. 1896. Ц. 1 р.
НА ВОЛОСКѢ. Романъ А. Д. Апраксина. Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.
СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**
С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 15. — Годъ изд. 64-й.

Воскресенье, 11 Апрѣля 1899 г.

Гос. Публичная Ленинград.



Святое Семейство. Съ картины художника Фугеля. Гравировалъ В. Адтъ.

* * *

Искренно, жарко, глубоко
Вѣришь ты чувствамъ своимъ...
Ты ошибешься жестоко:
Другъ мой, не вѣрю я имъ!

Всѣ эти клятвы и слезы
Вызвала юная кровь;
Это — весеннія грезы,
Пылкій порывъ, не любовь.

Первая страсть — это звуки,
Облако, дымъ, ароматъ;
Эти восторги и муки
Скоро какъ сонъ пролетятъ.

Юное сердце мечтаетъ,
Вылетитъ въ міръ мотылькомъ,
Къ свѣту несется—и таетъ,
Первымъ плѣпясь огонькомъ.

И мотылекъ не замѣтитъ,
Жизнію весь трепеща,
Солнце-ли ясное свѣтитъ,
Или мерцаетъ свѣча...

Д. Михаловскій.

„СТРАСТИ ХРИСТОВЫ“.

Ораторія **Себастьяна Баха**.

(Passionsmusik nach dem Evangelisten Matthäus).

I.

БЛИЗКО время, когда свершившаяся въ ниссанѣ (апрѣлѣ) мѣсяцѣ великая трагедія на Голгоѳѣ перечувствуется христіанскимъ сердцемъ и возстанетъ передъ его духовными взорами въ потрясающихъ картинахъ ея отдѣльныхъ эпизодовъ.

Для весьма многихъ это единственная пора въ году, когда душѣ хочется насытиться атмосферой религіознаго, возвышеннаго, тайнаго, надъ которой чувствуется непознаваемое Абсолютное.

Не своевременно-ли поэтому предложить читателю историческій обзоръ возникновенія одного изъ величайшихъ художественныхъ произведеній, передающаго въ звукахъ, этихъ энергичныхъ проводниковъ человѣческаго чувства, то состояніе человѣческой души, въ которомъ она находится въ минуты духовнаго созерцанія ряда событій послѣднихъ дней Христа на землѣ.

Музыка, какъ искусство исключительно субъективное, воспроизводитъ лишь то, что нашло себѣ гармоническое соединеніе съ психическимъ міровоззрѣніемъ художника. Она является поэтому какъ бы выразительницей его убѣжденій, а вдохновленная сказаніями евангелиста, она отражаетъ слѣдовательно его религіозныя вѣрованія.

Чѣмъ глубже и совершеннѣе вѣра художника, тѣмъ интереснѣе тотъ подъемъ вдохновенія, который въ результатѣ даетъ намъ музыкальное произведеніе. Невѣрующій человѣкъ, берущійся за духовную музыку, далъ-бы такое же неудачное твореніе, какъ художникъ съ испорченнымъ зрѣніемъ, предпринявшій перенести на холстъ великолѣпную панораму, развернувшуюся передъ его глазами.

Бахъ въ этомъ отношеніи представляется для насъ весьма интереснымъ художникомъ, такъ какъ при глубинѣ его религіозныхъ убѣжденій, его музыка къ Страстямъ Христовымъ есть высшее совершенство, котораго достигло въ искусствѣ творчество художниковъ.

Главный интересъ, который мы находимъ въ изученіи художественнаго произведенія, которое по своему значенію занимаетъ видное мѣсто въ исторіи искусства, состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы разсказать его содержаніе и попытаться указать на его выдающіяся характерныя достоинства. Есть произведенія, передъ которыми можно стоять въ восхищеніи и не находить словъ, чтобы высказать все то, что чувствуешь. Да, наконецъ, восторги одного могутъ показаться совершенно неподходящими и фальшивыми для другого. Правильный и общій эстетическій критеріумъ еще не существуетъ, да и врядъ-ли будетъ существовать когда-либо, для оцѣнки художественнаго произведенія.

Поэтому неоспоримо правильнѣе постараться замѣнить эти восторги историческимъ очеркомъ тѣхъ предшествовавшихъ фактовъ, подготовившихъ почву, на которой развивалось искусство, разрабатывались его формы и слагался характеръ художника, его идеалы и пріемы творчества.

Фамилія Баха происходила изъ Саксоніи и Тюрингіи, народы которыхъ принимали участіе въ ожесточенной тридцатилѣтней войнѣ, отстаивая себѣ свободу религіознаго вѣроисповѣданія. Родоначальникъ Баховъ, Вейтъ-Бахъ, былъ одинъ изъ тѣхъ протестантовъ, которые предпочитали изгнаніе и разореніе, нежели отреченіе отъ религіозныхъ принциповъ и подчиненіе вѣрнымъ Ватикана. Твердость въ религіозныхъ убѣжденіяхъ была имъ передана въ наслѣдіе и всему потомству. И мы видимъ Баховъ въ теченіе датскаго и шведскаго періодовъ войны, переживающими гоненія и насилія Фердинанда II, безпощадно разорявшаго, подъ давленіемъ своихъ учителей іезуитовъ, протестантскія семьи. Но тяжелая школа закаляла этихъ убѣжденныхъ послѣдователей Лютера. И когда стихли грозы войны, то пережитыя бѣдствія лишь послужили прочнымъ звеномъ, связавшимъ одно поколѣніе съ другимъ въ преданности и стойкости ученію Лютера.

Такимъ образомъ неоспоримо, что протестантизмъ имѣлъ громадное вліяніе на образованіе характера всѣхъ Баховъ, прошедшихъ эту школу, и въ частности Себастьяна Баха. Подобное же вліяніе протестантизмъ оказалъ и на искусство Германіи, которое прогрессировало настолько успѣшно, что слѣдуетъ признать, что безъ него оно никогда не достигло-бы полученныхъ результатовъ. Подъ вліяніемъ протестантизма искусство Германіи оживаетъ и съ побѣдой оспариваетъ первенство у Италіи.

Музыкальное образованіе самого Лютера было незначительно. Начало его онъ получилъ въ Мансфельдѣ и закончилъ въ Магдебургѣ, но, занимаясь съ дѣтства пѣніемъ, Лютеръ достигъ большого умѣнія читать съ листа церковную музыку, равно какъ и первую попавшуюся подъ глаза музыкальную рукопись. Это на первый взглядъ кажущееся незначительнымъ обстоятельство играетъ, однако, не малую роль въ дѣятельности Лютера. Дѣйствительно, умѣніе читать съ листа и горячая любовь при этомъ къ музыкѣ влекли Лютера въ общество музыкантовъ, съ которыми онъ проводилъ свое свободное время, въ совмѣстномъ исполненіи произведеній замѣчательныхъ композиторовъ своего времени, какъ Жоскинъ-де-Пре (Jodocus Pratensis), Людовикъ Сенфель и др. Лютеръ любилъ искусство и артистовъ. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Альбертомъ Дюреромъ, съ братьями Кранахъ, съ музыкантами Рау, Вальтеромъ и въ особенности съ Сенфелемъ, который, не смотря на свой католицизмъ, питалъ къ реформатору нескрываемое обожаніе и преданность, которыя остались въ немъ неизмѣнными въ теченіе всей жизни.

Такое тѣсное знакомство съ искусствомъ расширило взгляды Лютера на его значеніе въ общественной жизни. Онъ понималъ, что искусство способно дѣйствовать облагораживающимъ образомъ на душу человѣка и что оно занимаетъ не менѣе почетное мѣсто, нежели всѣ доктрины нравственности. Поэтому онъ съ негодованіемъ возстаетъ на тѣхъ, которые изъ чрезмѣрнаго усердія изгоняютъ искусство изъ церквей. „Совершенно наоборотъ, восклицаетъ Лютеръ, я хочу видѣть всѣ искусства, а въ особенности музыку, при служеніи Тому, Который

ихъ создалъ и далъ намъ!“ Но существовавшая тогда церковная музыка не могла удовлетворить музыкальную душу Лютера, и онъ не задумываясь изгоняетъ изъ церковнослуженія обветшалыя, вычурныя мелодіи, не имѣвшія ничего религіознаго и даже не годныя къ тому, чтобъ служить внѣ храма подходящимъ развлеченіемъ для народа.

Лютеръ находилъ, что пѣніе, бывшее при немъ въ римской церкви, напоминало ужасный ревъ осла. Извѣстный французскій музыкантъ — писатель Шоронъ, говоря о запутанности рисунка въ церковныхъ вокальныхъ композиціяхъ (contrapunto alla mente) того времени, уснащенныхъ еще при этомъ многочисленными украшеніями, добавляетъ, „что все это привело къ такой какофоніи, что Божій храмъ походилъ скорѣе на притонъ жуликовъ, нежели на мѣсто молитвы. Это была мерзость запустѣнія, стоящая на святомъ мѣстѣ!“

Наиболѣе интересное для насъ нововведеніе, которое дѣлаетъ Лютеръ въ церковнослуженіи, мы находимъ въ хоралѣ, форма котораго по своей простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгости въ совершенствѣ соотвѣтствовала исполненію его въ храмѣ. Даже противники Лютера, которые убѣдительно говорили, что его хоралъ есть не что иное, какъ мотетъ*), гдѣ слова священнаго писанія замѣнены вульгарными стихотвореніями, не могли не признать, что Лютеръ сумѣлъ придать въ немъ церковному пѣнію невѣданную до него строгость, торжественность и библейскій лиризмъ.

Главная при этомъ забота Лютера была направлена къ тому, чтобы слова были произносимы ясно, „безъ всякой болтовни и растягиванія“.

Протестантскій хоралъ представлялъ изъ себя соединеніе грегоріанской мелодіи съ гармоніей, которая во многомъ сходна съ существующей въ настоящее время. Но мало по малу форма эта отрѣшилась отъ грегоріанской мелодіи и, въ концѣ концовъ, приняла совершенно народный характеръ. Это послѣдовательное видоизмѣненіе совершалось подъ непосредственнымъ руководствомъ Лютера, который, слѣдуя своему эстетическому вкусу, дѣлалъ удачный выборъ мелодій для хораловъ, беря ихъ весьма часто изъ народныхъ или даже просто популярныхъ пѣсенъ, произведенія неизвѣстныхъ композиторовъ. Понятно, что подобные хоралы, имѣвшіе въ основѣ хорошо знакомую народу мелодію, пользовались наибольшей распространенностью и порождали еще новые такого же характера.

Энергичные сотрудники Лютера, музыканты: Сеперель, Кульперъ, Рау, Мартинъ Агрикола и Вальтеръ, оказали ему весьма существенную услугу въ этомъ дѣлѣ.

Въ особенности Лютеръ былъ обязанъ Вальтеру за его работу надъ музыкальной частью реформированной литургіи. Онъ же занялся разложеніемъ хорала на четыре голоса. Этотъ четырехголосный хоралъ и дѣлается типомъ протестантскаго пѣнія. Слѣдуетъ лишь отмѣтить существенное измѣненіе хорала, полученное имъ въ концѣ XVI вѣка. Первая партія, которая вела мелодію, была передана отъ тенора сопрано, въ виду того, что теноровая партія окружена другими и народу было затруднительно подчасъ улавливать ее, чтобъ присоединиться своими голосами къ пѣнію клира, тогда какъ это весьма просто было дѣлать, разъ мелодія перешла къ сопрано, пѣніе котораго доминируетъ въ хорѣ.

Музыкальная реформа Лютера быстро распространялась въ Германіи. Весьма многіе музыканты берутся за форму хорала и еще болѣе способствуютъ этому успѣху. Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ Жанъ Эккардтъ, ученикъ знаменитаго Орландо Лассо, написавшій рядъ великолѣпныхъ хораловъ (5 голосныхъ), которыхъ исполненіе и теперь можно слышать на его родинѣ въ городѣ Мюльгаузенѣ.

Реформы, выполненныя Лютеромъ, не были, сами собой, совершенной неожиданностью для общества XVI вѣка. Идея обновленія религіи зарождалась въ весьма многихъ умахъ, разногласія лишь были въ вопросахъ о выборѣ способовъ для ея реализаціи. Одни хотѣли полнаго отложенія отъ понтификата, другіе находили, что можно достигнуть тѣхъ же результатовъ безъ шума при посредствѣ самой церкви. Къ такимъ людямъ принадлежалъ святой Филиппъ Нерійскій, знаменитый основатель братства Святой Троицы.

Какъ и многіе люди того времени, святой Филиппъ не могъ помириться съ неурядицами и безобразіемъ, которыя ему приходилось видѣть ежедневно въ храмѣ. Народъ вмѣсто того, чтобъ навсегда отставать отъ средневѣковыхъ обычаевъ, казалось, весь былъ погруженъ въ заботы возстановить ихъ въ большемъ количествѣ. Наряду съ сумасброднымъ фанатизмомъ, онъ проявлялъ крайнюю разнузданность нравовъ и совершенное непониманіе религіи и ея догматовъ. Но вина въ этомъ падала и на духовенство, смотрѣвшее подчасъ на свою паству алчными глазами волка, а не бдительными глазами добраго пастыря.

Но между духовенствомъ, къ счастью, находились такіе замѣчательные люди, какъ св. Филиппъ Нерійскій, который былъ увѣренъ, что можно многаго достигнуть, если позаботиться о воздѣйствіи на нравственный духъ народа. Для этой цѣли онъ и основалъ свое знаменитое духовное общество, ставившее религіозныя мистеріи, которыя впослѣдствіи послужили образцомъ для размножившихся конгрегацій.

Съ весьма давняго времени,—къ сожалѣнію, трудно указать въ точности, съ какого именно, но весьма вѣроятно, что съ конца X вѣка, мы видимъ драматическій элементъ проникающимъ въ культъ вѣрованій христіанъ. Наивная аудиторія, которая еще не была въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ прежнихъ вѣрованій, была, судя по историческимъ свѣдѣніямъ, потрясаема до глубины души эпизодами изъ священной исторіи, разыгрывавшимися передъ нею на сценѣ. И это ознакомленіе съ религіей по ея исторіи было единственнымъ въ то же время не безрезультатнымъ способомъ воздѣйствія на нравственность массы, который имѣлся въ распоряженіи духовенства, чувствовавшемъ себя совершенно изолированнымъ среди полуварварскаго народа.

Къ такимъ же религіознымъ представленіямъ рѣшилъ прибѣгнуть и св. Филиппъ. Но онъ дѣлаетъ при этомъ замѣчательное нововведеніе въ мистеріи, въ видѣ музыкальнаго элемента. Правда, что много ранѣе этого времени, а именно въ 1250 году, существовала уже мистерія съ музыкой подъ названіемъ Daniel-spielen, но очевидно, что это была лишь попытка, которая не привилась, какъ появившаяся несвоевременно, не нашедшая достаточно подготовленную почву. Энергичное развитіе въ области музыкальныхъ мистерій мы замѣчаемъ лишь со временъ Анимучіа и Палестрины, за которыми слѣдовалъ и Кариссими.

Анимучіа (родомъ флорентинецъ, родился въ концѣ XV в.) былъ связанъ узами тѣсной дружбы со св. Филиппомъ Нерійскимъ, и ему-то главнымъ образомъ мы обязаны существованіемъ величайшихъ произведеній въ формѣ ораторій, такъ какъ онъ былъ тѣмъ первымъ композиторомъ, съ котораго уже берутъ примѣръ его послѣдователи и, постепенно развивая форму, доводятъ ее до совершенства.

Въ Германіи главнымъ образомъ привилась форма, развитая талантомъ Кариссими, который сильно раздвинулъ ея музыкальную часть. Его речитативы не многимъ уступаютъ речитативамъ самого Баха по своей выразительности и правдивости, точно также и хоры его получаютъ нѣкоторую долю драматизма.

Оратория исполнялась такимъ образомъ. Одно духовное лицо читало повѣствованіе евангелиста, другое слова Христа, третье и другія — слова прочихъ участниковъ эпизода, наконецъ, хоръ изображалъ толпу (turba) и учениковъ. Въ такомъ видѣ исполняется и по сейчасъ мистерія „Страстей“ въ Сикстинской капеллѣ.

У лютеранъ музыка къ „Страстямъ Христовымъ“ появляется, по словамъ знатока протестантской духовной музыки Винтерфельда *), съ 1573 года. Текстъ написанъ для псалмодіи и отъ времени до времени прерывается четырехголосными хорами. Къ 1587 году относится другая оратория на тотъ же сюжетъ, фактура котораго весьма малымъ отличается отъ перваго. Таковыми же были и всѣ позднѣйшія произведенія этого рода, написанныя подъ несомнѣннымъ вліяніемъ итальянскихъ композиторовъ. Наконецъ, знаменитый Шютцъ, не смотря на то, что былъ ученикомъ венеціанской школы, сумѣлъ придать своимъ композиціямъ для протестантской церкви совершенно оригинальный германскій характеръ. Сравнивая его „Страсти Христовы“ съ сочиненіями его предшественниковъ, мы не находимъ у этихъ послѣднихъ ни грандіозности, ни мощи, ни того священнаго, молитвеннаго настроенія, которыми проникнуто сочиненіе Шютца. И съ этой-то поры начинается широкое развитіе этого рода композиціи въ духѣ протестантской религіи, высшую точку котораго мы находимъ въ Себастьянѣ Бахѣ.

*) Весьма интересныя свѣдѣнія о мотетѣ желающіе могутъ найти въ прекрасномъ трудѣ проф. Л. А. Сакетти „Историческая музыкальная хрестоматія“, стран. 63 и 64 и нотныя приложенія №№ 20 и 29.

*) Der Evangelische Kirchengesang.

ШЕСТВІЕ НА ГОЛГОѲУ. СЪ КАРТИНЫ РУБЕНСА.

Дѣйствительно, со времени Шютца мы находимъ большія преобразованія въ ораторіи. Такъ, у Себастіани (род. въ Веймарѣ) въ его „Страстяхъ“ псалмодія замѣнена речитативомъ, который при этомъ по большей части сопровождается струннымъ квартетомъ. Народъ изображается всегда четырехголоснымъ хоромъ въ формѣ хорала и роль его уже весьма значительная.

Слѣдуетъ еще назвать Кейзера, тѣмъ болѣе, что его произведенія были хорошо знакомы Себ. Баху. Кейзеръ жилъ въ Гамбургѣ, и его великолѣпное произведеніе „Агонія и смерть Іисуса Христа“ было исполняемо въ этомъ городѣ, куда совершалъ свои путешествія Себ. Бахъ, чтобы послушать игру органиста Рейнкена. Многіе писатели находятъ, что Бахъ былъ даже вдохновленъ въ своихъ музыкальныхъ композиціахъ къ „Страстямъ Христовымъ“ талантомъ Кейзера.

Кейзеръ, Себастіани и Шютцъ, прозванный отцомъ нѣмецкой музыки, были родомъ саксонцы. И слѣдуетъ замѣтить, что Арнштадтъ, Веймаръ, Гота, Мюльгаузенъ, Эрфуртъ и Эйзенахъ, города Саксоніи и Тюрингіи, были главными разсадниками музыкальнаго искусства въ протестантской Германіи XVI и XVII вѣка.

Такимъ образомъ ученіе Лютера весьма замѣтно отражается на музыкальномъ искусствѣ. Можно даже сказать болѣе: ученіе Лютера создаетъ искусство Германіи.

Условія, при которыхъ воспитывалось протестантское юношество, были особенно благопріятны для развитія музыкальныхъ способностей. Взгляды Лютера на этотъ вопросъ представляютъ большой интересъ. Онъ высказывался всегда въ томъ смыслѣ, что искусство и воспитаніе должны всегда идти рука объ руку. Въ одномъ письмѣ къ Зенфелю Лютеръ говоритъ, что „музыка — половина дисциплины и укротительница людскихъ нравовъ; обращая ихъ къ покорности и кротости, она дѣлаетъ ихъ нравственными и разсудительными. Пѣніе—одно изъ лучшихъ искусствъ и упражненій. Кто знакомъ съ нимъ, тотъ хорошаго нрава и способенъ ко всему хорошему. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ міромъ и не будетъ судимъ за сварливость. Пѣвцы не знаютъ никакихъ заботъ, они прогоняютъ ихъ пѣніемъ; они всегда веселы... Юность всегда слѣдуетъ пріучать къ этому искусству, оно дѣлаетъ людей ловкими и деликатными. Музыку необходимо удержать въ школѣ, а учитель долженъ знать пѣніе, иначе я его не признаю“. Вслѣдствіе этого по указанію Лютера заботы школъ о музыкѣ не отличались той микроскопичностью, которую мы видимъ, къ сожалѣнію, теперь.

Среди школъ, которыя мы находимъ уже въ XVII вѣкѣ, вниманіе наше останавливается на двухъ изъ нихъ, основанныхъ въ главныхъ городахъ Саксоніи, Дрезденѣ и Лейпцигѣ, Kreuzschule и Thomasschule. Въ этой послѣдней Себастьянъ Бахъ провелъ 27 лѣтъ въ должности кантора. Музыка въ этой школѣ занимала такое же мѣсто, какъ и философія и изученіе классиковъ, а поэтому и на должность кантора смотрѣли какъ на одну изъ важныхъ профессорскихъ должностей.

II.

Когда мы застаемъ Баха въ 1729 году въ Лейпцигѣ надъ рукописью „Страстей Христовыхъ“ по евангелисту Матѳею, ему было сорокъ четыре года. Его религіозныя убѣжденія были болѣе чѣмъ когда-нибудь преданы ученію Лютера, величіе котораго мы находимъ отраженнымъ на большинствѣ произведеній Баха, а въ особенности въ „Страстяхъ“ по евангелисту Матѳею.

Бахъ благоговѣлъ передъ Лютеромъ и, быть можетъ, болѣе чѣмъ кто-либо понималъ его величіе и поэзію. Когда ему приходило на мысль заняться разработкой мелодій доктора Мартина, онъ дѣлалъ это съ величайшей тщательностью, боясь испортить это священное въ его глазахъ произведеніе. Бахъ любилъ вводить ихъ въ свои композиціи. Такъ, напримѣръ, въ первой части ораторіи „Рождество“ мы видимъ рождественскую пѣснь Лютера: „Gelobet seist du Jesu Christ“ и далѣе пѣсню того же Лютера: „Vom Himmel hoch da komm ich her“. Точно такъ-же какъ и Лютеръ, Бахъ былъ мистикъ и въ то же время человѣкъ, полный энергіи. Гейне сказалъ про Лютера, что его мысли не только крылаты, но имѣютъ и руки. Это такъ же прекрасно примѣнимо къ Себастьяну Баху. Его произведенія созидаютъ въ нашей душѣ цѣлые міры невѣданнаго величія и торжественности, а порой грусти и ничтожества. Бахъ былъ настолько проникнутъ ученіемъ Лютера, что между тѣмъ и другимъ чувствуется какое-то единеніе, переданное Баху въ крови его предковъ, боровшихся за свою любовь къ новой религіи.

Ежегодно въ Лейпцигѣ, въ Вербное воскресенье исполнялась ораторія „Страстей Христа“ по ев. Матѳею. Темами служили всегда эпизоды 26 и 27 главъ этого евангелія. Музыка на эту тему была написана очень многими композиторами. Когда Бахъ принялся за работу надъ своимъ произведеніемъ для исполненія его въ Лейпцигѣ, то онъ обратился къ поэту Хенричи, по псевдониму Пикандеръ, съ просьбой написать необходимые тексты для хора. Поэтъ этотъ послѣ многолѣтнихъ неудачъ пользовался къ этому времени значительной популярностью, и, обращаясь къ нему, Бахъ разсчитывалъ найти въ немъ болѣе удачнаго сотрудника, нежели бывшіе у него ранѣе, когда онъ писалъ музыку къ четыремъ прежнимъ ораторіямъ на тотъ-же сюжетъ, но по сказанію другихъ евангелистовъ *).

Свое произведеніе Бахъ раздѣлилъ на двѣ части. Первая начинается со словъ Христа: „Вы знаете, что черезъ два дня будетъ пасха и Сынъ человѣческій будетъ преданъ на распятіе“, и оканчивается взятіемъ Христа стражей и бѣгствомъ его учениковъ. Вторая заключаетъ въ себѣ допросъ у Каіафы, отреченіе Петра, судъ у Пилата, эпизодъ Іуды-предателя у фарисеевъ, предупрежденіе Пилата его женой, шествіе на Голгоѳу, распятіе, крестную смерть и погребеніе. Подобное распредѣленіе говоритъ за предусмотрительность и эстетическій вкусъ Баха. Все произведеніе должно быть облечено грустнымъ настроеніемъ. Тѣмъ болѣе требовалось искать контраста, чтобъ избѣгнуть монотонности. Въ раздѣленіи, сдѣланномъ Бахомъ, мы и находимъ этотъ контрастъ. Первая часть преобладаетъ лирическими моментами, вторая вся полна драматическими.

Партитура состоитъ изъ 78 нумеровъ, большее количество которыхъ приходится на речитативы, передающіе пунктуально евангельскій текстъ. Первенствующее за ними мѣсто занимаютъ хоры, которые у Баха подраздѣляются на ординарный и двойной. Ординарный хоръ употребляется имъ для исполненія 13 хораловъ, которыми расчленяются евангельскіе эпизоды, выражая чувства человѣка и его размышленія при воспоминаніи потрясающихъ событій въ Іерусалимѣ. Двойной хоръ подраздѣляется Бахомъ на I—сіонитовъ и II—вѣрующихъ и, за исключеніемъ трехъ случаевъ *), онъ употребляетъ ихъ всегда вмѣстѣ, что при великомъ умѣніи его достигаетъ колоссальнаго эффекта. Хораловъ въ этой партитурѣ, какъ мы сказали, 13. Пять разъ Бахъ употребляетъ для нихъ тему его любимаго гимна Жана-Леона Хасслера: „O Haupt voll Blutt und Wunden (см. п. 63 партитуры), мелодіи остальныхъ принадлежатъ ему. Можно-ли сказать что-нибудь объ этихъ хоралахъ, когда сказано, что они написаны Себастьяномъ Бахомъ? Это равносильно всякимъ указаніямъ на ихъ совершенство. Когда читаешь ихъ, то положительно затрудняешься, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе.

Каждый изъ двойного хора имѣетъ свой оркестръ и свой органъ. Этотъ двойной хоръ поражаетъ своей грандіозностью, и онъ безспорно производитъ наибольшее впечатлѣніе. Никому изъ позднѣйшихъ композиторовъ, даже самому Глюку, не удавалось достигнуть въ хоровой музыкѣ той степени выразительности и драматизма, которую мы видимъ въ этой партитурѣ Баха. Его хоры вызываютъ фактически слезы у слушателя, въ особенности заключительный „Ruhet sanft“. Берліозъ, слыхавшій его въ Берлинѣ, покинулъ залу, совершенно потрясенный его удивительными звуками. Этотъ заключительный хоръ великолѣпно вѣнчаетъ геніальную партитуру Баха. Въ немъ какъ бы соединено выраженіе всѣхъ чувствъ, которыя пробуждались въ слушателѣ въ теченіе развитія произведенія. Но въ немъ доминируетъ покой и стушевывается драматизмъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ вступительный хоръ, которымъ начинается партитура. Преобладающій интервалъ сексты въ голосахъ звучитъ безпокойствомъ и подготовляетъ слушателя къ ожидающему его трагизму. Написанный въ ми-миноръ хоръ неожиданно заканчивается фортиссимо въ звучной ми-мажорной тональности.

*) Бахъ оставилъ 5 ораторій на сюжетъ „Страсти Христовы“, которыя достались его сыновьямъ Эммануилу и Фридману. Первый получилъ „Страсти“ по Матѳею и Іоанну, второй получилъ остальныя. Но, по своей безпечности, онъ ихъ затерялъ или отдалъ неизвѣстно кому. Случайно найдена была музыка къ „Страстямъ“ по ев. Луки, которую долгое время не рѣшались признать за подлинную музыку Баха. Теперь это, впрочемъ, доказано, остальныя двѣ партитуры „Страстей“ потеряны безвозвратно.

*) Въ мѣстахъ не требующихъ выраженія сильной степени эмоціи. Это, конечно, опять потребность въ контрастѣ. Такое раздѣленіе двойного хора Бахъ называетъ Soliloquia.

Извѣстный Зельтеръ, усердный корреспондентъ Гете и основатель берлинскаго лидертафеля, даетъ не безъинтересное описаніе участія хора въ „Страстяхъ“. Оркестръ, говоритъ онъ о вступленіи, раздѣленъ на два хора: на сіонитовъ и вѣрныхъ. Эти послѣдніе разсѣялись, тогда какъ сіониты собрались, чтобъ присутствовать при страданіяхъ Истиннаго, и созываютъ къ этому зрѣлищу своихъ братьевъ по вѣрѣ.

Въ интервалахъ времени, раздѣляющихъ одинъ хоръ отъ другого, слышенъ столь знаменитый хоралъ: „O Lamm Gottes unschuldig“.

Хоралъ этотъ поетъ soprano ripieno и представляетъ изъ себя cantus firmus, между тѣмъ какъ два хора и два оркестра сопровождаютъ его въ контрапунктѣ. Продолжимъ слова Зельтера: „Тогда только церемонія начинается. Текстъ св. Матѳея переданъ пунктуально. Дѣйствующія лица говорятъ, соблюдая присущій имъ характеръ; хоръ по временамъ вступаетъ и принимаетъ такимъ образомъ участіе. Хоръ толпы (turba) изображаетъ безпокойную массу народа, безпощаднаго, фанатическаго, коварнаго, тогда какъ люди мира и любви, ученики Іисуса и бывшіе съ нимъ, разсѣяны тамъ и сямъ въ группахъ народа. Будучи въ меньшинствѣ, они не въ силахъ отважиться къ борьбѣ, когда они видятъ, что все погибло, но они остаются вѣрными и слѣдуютъ за своимъ Господиномъ до его гробницы съ надеждой въ торжество ихъ вѣры“ *).

Наивысшее развитіе драматизма въ роли этого двойнаго хора мы находимъ въ томъ мѣстѣ, когда разъяренная и подстрекательствомъ фарисеевъ іудейская толпа закричала: „распни, распни Его“. Шестнадцать тактовъ этого хора (№ 59), гдѣ голоса вступаютъ по очереди (канонъ), какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ ситуаціи.

Сольные нумера написаны для сопрано (3 аріи), контральто (5 арій), тенора (2 аріи и соло съ хоромъ) и баса (4 аріи). Какъ и 13 хораловъ, каждый изъ нихъ передаетъ размышленіе по поводу происшедшаго передъ этимъ эпизода и въ то же время служитъ ниѣ да разъясненіемъ его значенія.

Своимъ глубокимъ настроеніемъ насъ привлекаетъ къ себѣ соло тенора съ хоромъ (№ 26): „O Schmerz! hier zittert das gequälte Herz“. Въ немъ всего 30 тактовъ, но впечатлѣніе, остающееся отъ нихъ, непередаваемо. Въ медленномъ темпѣ и ведомое все время пianissimo это пѣніе пронизываетъ вашу душу и невольно охватываетъ васъ религіознымъ трепетомъ.

Необыкновенно красива мелодическая фактура въ аріи альта (№ 10): „Buss und Reu“, равно какъ и въ аріи: „Erbarme dich mein Gott“ (№ 47), которая, кромѣ того, проникнута великолѣпнымъ пафосомъ.

Речитативы этой партитуры представляютъ не меньшій интересъ, нежели прочія музыкальныя ея формы. Такъ какъ этимъ способомъ Баху пришлось работать надъ большей частью своего произведенія, то ему отдано было много заботливости и вниманія, чтобы не впасть въ однообразіе, избѣжать невѣрной декламаціи и поддержать отъ начала до конца соотвѣтствующее настроеніе.

Бахъ употребляетъ recitativo secco, для словъ евангелиста, Христа и прочихъ участниковъ. Чтобы слова Христа были слышны съ особенной ясностью, онъ пишетъ голоса струннаго квартета, который поддерживаетъ речитативъ, въ высокихъ частяхъ діапазона, и лишь иногда допускаетъ незначительное украшеніе въ скрипичной или альтовой партіи. База речитативовъ остальныхъ участниковъ оратоpіи написана для клавесина. Кромѣ того, Бахъ пользуется речитативомъ съ аккомпаниментомъ. Такихъ въ партитурѣ девять (№№ 9, 18, 26, 40, 57, 60, 65, 69, 74). Сопровожденіе всегда поручается деревяннымъ инструментамъ, чтобы сдѣлать болѣе замѣтное отличіе ихъ отъ речитативовъ Спасителя. Но иногда, какъ, напр., въ речитативѣ баса: „Am Abend da es Kühle war“ (№ 74), сопровожденіе дается струннымъ инструментамъ.

Красота этихъ речитативовъ усиливается для насъ благодаря пользованію Баха инструментами, которые теперь совершенно забыты, какъ, напримѣръ, hautbois d'amour, hautbois d'accacia, а также и оттого, что нашъ слухъ отвыкъ отъ продолжительной роли одного и того же инструмента, поющаго скорѣе дуэтъ съ голосомъ, нежели ограничиваясь обязанностью сопровождать его. Оркестръ Баха невеликъ по роду инструментовъ. Ни мѣдной, ни ударной группъ нѣтъ. Оркестровка проста, и мы готовы сказать—бѣдна, если бъ не сознаніе, что эта простота достигаетъ богатыхъ эффектовъ. Роль оркестра незначительна, такъ какъ весь центръ тяжести лежитъ на хорахъ. Онъ вступаетъ въ речитативахъ Спасителя, сопровождаетъ всѣми голосами пѣніе хора и, наконецъ, имѣетъ отъ времени до времени по нѣсколько тактовъ для самостоятельнаго исполненія. Во всѣхъ случаяхъ при оркестровкѣ этой партитуры хочется сказать, что она прозрачна. Хиллеръ сказалъ про нее, что она подобна тончайшей вуали, чрезъ которую видно благородное лицо, орошенное слезами*).

Чѣмъ болѣе удается постигнуть это величайшее произведеніе музыкальнаго искусства, къ сожалѣнію, весьма мало знакомаго русской публикѣ, тѣмъ болѣе преклоняешься передъ его красотами. „Разсматриваемая въ своемъ цѣломъ, говоритъ знаменитый біографъ Баха, Спитта, эта ораторія есть произведеніе народное въ полномъ смыслѣ этого слова. Это качество не основывается исключительно на значительной роли хорала, на связи съ извѣстными умозрѣніями народа или на точныхъ подражаніяхъ обычаямъ, дорогимъ для церкви, нѣтъ, оно заключается въ общемъ характерѣ музыки, которая, не смотря на глубину, ширь, полноту и все искусство, въ ней воплощенное, даетъ всюду, какъ характерныя черты, чистоту и простоту“ **).

Первое исполненіе „Страстей по св. ев. Матѳею“ было дано въ Лейпцигѣ, въ страстную пятницу, 15 апрѣля 1729 года. Первое знакомство публики съ этимъ произведеніемъ не вызвало тѣхъ востор говъ, которые оно находитъ теперь, лишь только приходитъ счастливая мысль заняться его разучиваніемъ.

Бахъ нѣсколько разъ работалъ надъ исправленіемъ этой партитуры. Въ томъ видѣ, въ которомъ мы ее имѣемъ теперь, съ измѣненіями и добавленіемъ нѣкоторыхъ нумеровъ, она была впервые исполнена не ранѣе 1740 года.

Б. М. Соловьевъ.

*) Изъ предисловія брошюры Зельтера „Страсти Христовы по Еванг. Матѳею“ Себастьяна Баха.

*) Adam Hiller. — Lebensbeschreibungen berühmter Musikgelehrten und Tonkünstler neuerer Zeit. Leipzig. 1784.

**) Spitta. — Johann Sebastian Bach. Leipzig. 1873—1880. 2. Aufl. in 8°.

ИЗБРАННИКЪ.

Разсказъ. (*Продолженіе*).

Посвящается Владиміру Николаевичу Ладыжинскому.

IV.

Когда отецъ протоіерей вторично шелъ къ Ардальону Назаровичу, въ головѣ его усиленно работали мысли.

Протоіерей въ сущности былъ лицо вполнѣ самостоятельное, отъ ктитора онъ не зависѣлъ ни капли, но онъ очень дорожилъ миромъ и согласіемъ. А съ ктиторомъ надлежитъ больше, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ, жить въ мирѣ. Отецъ протоіерей любилъ свой храмъ и ради его благоустройства могъ многимъ пожертвовать. А когда духовенство находится въ хорошихъ отношеніяхъ съ ктиторомъ, то и ктиторъ больше жертвуетъ для храма.

И про отца протоіерея нельзя было сказать, что онъ кривитъ душою. Онъ просто хотѣлъ сдѣлать какъ лучше для всѣхъ, а особенно для своего прихода. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось сохранить двухъ хорошихъ прихожанъ, каковыми были Чепраковъ и Волокитскій.

Въ глубинѣ души своей онъ былъ весь на сторонѣ Ардальона Назаровича. Волокитскаго онъ всегда слегка остерегался. Исторія въ мѣщанской управѣ, всѣми забытая, произошла на его, отца протоіерея, памяти. И хотя Волокитскій былъ оправданъ, но на немъ тяготѣло сильное подозрѣніе. Притомъ же у Волокитскаго

есть въ характерѣ какая-то крючковатость, какой-то вывертъ.

И опять касательно жертвъ. Чепраковъ, правда жертвуетъ всего только масло и вино, но за то онъ и молчитъ о своихъ жертвахъ. Скромно пришлетъ ктитору и никогда даже и не упомянетъ объ этомъ. Волокитскій дѣлалъ большія жертвы — это правда. Онъ пожертвовалъ и ризы и паникадила, но зато и трубилъ объ этихъ жертвахъ по всему городу. И теперь онъ же осуждаетъ покойнаго Мимоносова. Хорошо-ли это? Осуждать вообще нехорошо. Мертвыхъ въ особенности, а притомъ же ему, Волокитскому, что тамъ ни говори, далеко до Мимоносова.

Что же изъ того, что Мимоносовъ сморкался безъ платка. Человѣкъ познается не въ томъ, какъ онъ сморкается, а въ дѣлахъ его.

Но, идя къ Ардальону Назаровичу, протоіерей испытывалъ внутреннее волненіе. Какъ быть ему со всѣмъ этимъ? Какая была дружба, можно сказать, единственная на весь городъ, и вдругъ все распадается. Заваривается какая-то каша. Нѣтъ, мало тутъ пріятнаго! И что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно.

У Ардальона Назаровича въ домѣ были зажжены уже свѣчи. Чепраковъ, казалось, когда узналъ, что пришелъ отецъ протоіерей, чрезвычайно удивился.

— Вотъ и опять пришелъ, воскликнулъ отецъ протоіерей, и у него при этомъ былъ какой-то поджарый видъ, точно онъ виноватъ въ чемъ-нибудь. Что, удивились, Ардальонъ Назаровичъ? Да, да, конечно, это удивительно. Вѣдь два раза въ день. Зачастилъ, зачастилъ...

— Садитесь, отецъ протоіерей, сказалъ Чепраковъ. — Два раза вдвое лучше, чѣмъ одинъ разъ, прибавилъ онъ, смѣясь. — А ну, кто тамъ, Аглая, прикажите-ка самоварчикъ намъ подать и закусить чего-нибудь. Садитесь же. Мнѣ всегда пріятно васъ видѣть, отецъ протоіерей.

Христосъ предъ народомъ.

Отецъ протоіерей сѣлъ недостаточно увѣренно, и ему все казалось, что стулъ подъ нимъ долженъ разлѣзться во всѣ стороны, и полъ тоже не внушалъ ему довѣрія И вообще все казалось ему непрочно.

— Ну-съ, въ чемъ же дѣло, отецъ протоіерей? Ужь, должно быть, что вы по дѣлу, коли вторично сдѣлали мнѣ честь, промолвилъ Ардальонъ Назаровичъ.

— Такъ-то оно такъ, да не знаю, какъ и сказать. Былъ у васъ сегодня Григорій Антоновичъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Вотъ то-то и оно. Я думаю и вамъ удивительно?

— Очень даже удивительно. Каждый день бывалъ. Если я къ нему не пойду, такъ ужь онъ ко мнѣ придетъ, а сегодня мы даже не видались.

— А не замѣтили вы, Ардальонъ Назаровичъ, — я говорю такъ, вообще, — не замѣтили вы съ его стороны нѣкоторое, такъ сказать, стремленіе къ славѣ?..

— Право, я не задавался этими вопросами.

— Гм... Оно, конечно! Въ душу человѣка не проникнешь.

— Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло, отецъ протоіерей? воскликнулъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Ардальонъ Назаровичъ.

— Ахъ, ахъ... Просто, знаете, тяжело говорить. Ну, вотъ просто тяжело.

И въ голосѣ отца протоіерея слышалось дѣйствительно сильное волненіе, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ начать свой разсказъ.— Вышелъ это я отъ васъ, Ардальонъ Назаровичъ, и пришелъ домой. Пришелъ я радостнымъ, потому что вы согласились, а былъ у меня въ это время дьяконъ. Я и говорю ему: радуйся, говорю, дьяконъ. Слава Богу, Ардальонъ Назаровичъ согласился выбираться въ ктиторы. Сказалъ я

ему это, и дьяконъ пошелъ къ себѣ домой. Ну, дьяконъ-то, должно быть, не стерпѣлъ и кому-нибудь тоже разсказалъ и, должно быть, дошло до Григорія Антоновича.

— Ну что-жъ тутъ такого? Вѣдь это же не секретъ.

— Нѣтъ, вы погодите. И вдругъ приходитъ ко мнѣ самъ Григорій Антоновичъ. И вижу я, что не спроста. Хотя и говоритъ онъ и то, и другое, и третье. А все-таки вижу, что не то у него на умѣ. Спрашиваетъ онъ меня, будетъ-ли въ пятницу архіерейское служеніе, а я смотрю ему въ глаза и думаю: нѣтъ, тебѣ не надо знать про архіерейское служеніе, а надо тебѣ что-то другое. Наконецъ, онъ это собрался уходить и вдругъ спрашиваетъ насчетъ положенія ктиторскаго дѣла. Я и сказалъ такъ какъ, было. Говорю, Ардальонъ Назаровичъ согласился.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА ГЕННЕРА.

СВЕРШИЛОСЬ!

Конечно, я пояснилъ: онъ, говорю, согласился, хотя не сразу. Долго отказывался и не желалъ, но я уговорилъ его. Однимъ словомъ, сказалъ всю правду, какъ есть. И что же вы думаете? Я полагалъ, онъ будетъ радоваться, а онъ вотъ какую рѣчь повелъ: говоритъ, думаю, что Ардальону Назаровичу не подходитъ эта должность. Я говорю: почему же не подходитъ, нѣтъ—очень даже подходитъ. А онъ говоритъ: нѣтъ, едва-ли подходитъ. И сперва это онъ такъ вообще вокругъ да около, а потомъ ужь такое понесъ, что я даже руками развелъ... Насчетъ, говоритъ, чистоты душевной и тѣлесной... Понимаете, Ардальонъ Назаровичъ?

— Нѣтъ, не понимаю, совершенно искренно отвѣтилъ Чепраковъ.

— Ну какже. Ктиторъ, говоритъ, обязанъ быть благочестивъ, а ежели, говоритъ, въ домѣ имѣется дѣвица и у дѣвицы каждый годъ возрастаетъ потомство...

— Онъ сказалъ? Григорій Антоновичъ?

— Сказалъ, сказалъ. Очень это невѣроятно, а сказалъ. Я даже обѣщалъ, что это между нами останется, да вотъ не выдержалъ—и выложилъ передъ вами, Ардальонъ Назаровичъ, все.

— Не можетъ быть, не можетъ быть, Григорій Антоновичъ? Не можетъ быть!

Ардальонъ Назаровичъ вскочилъ и началъ бѣгать по комнатѣ; протоіерей старался успокоить. Но Ардальонъ Назаровичъ не могъ успокоиться.

— Помилуйте, какъ же мнѣ успокоиться, отецъ протоіерей? Вѣдь съ этимъ человѣкомъ я, можно сказать, пополамъ дѣлилъ душу. Какъ же мнѣ успокоиться?

— Напрасно вы это дѣлали, напрасно, Ардальонъ Назаровичъ! Ни съ кѣмъ не слѣдуетъ дѣлить душу. Право, повѣрьте моей опытности. Я человѣкъ старый и много видѣлъ на своемъ вѣку. Нѣтъ такого друга, который не продалъ бы, конечно, когда подойдетъ хорошій случай.

— Что вы говорите, отецъ протоіерей? вѣдь такъ думать ужасно!

— Ужасно, но справедливо!

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, повторите еще разъ, какъ онъ сказалъ. Можетъ быть, и вы, и я что-нибудь не такъ поняли.

— Нѣтъ, Ардальонъ Назаровичъ, все такъ, какъ я вамъ разсказалъ: ежели, говоритъ, въ домѣ имѣется незамужная женщина, вотъ такъ именно онъ сказалъ, незамужняя да и притомъ потомство возрастаетъ... ну... и прочее. Ну и слѣдовательно, говоритъ, никакой тѣлесной чистоты быть не можетъ, а ежели нѣтъ тѣлесной, такъ и духовной нѣтъ..

— Ха! ха! Чистота тѣлесная! ха! ха! Это превосходно! Почти въ изступленіи восклицалъ Ардальонъ Назаровичъ. И что же, по вашему, по вашему, этецъ протоіерей, я, дѣйствительно, такой уже грѣшникъ, что въ меня можно бросать камнемъ? Ну, я не буду скрываться отъ васъ, человѣкъ грѣшенъ и я грѣшенъ. Такъ это и есть, какъ онъ говоритъ, дѣти эти мои, но что же изъ этого? Я ихъ кормлю, пою. Даже грамотѣ обучаю и въ школу отдамъ. Да, отдамъ и, если окажутся особыя способности, то дамъ имъ хорошее образованіе. Такъ, по вашему, это противно нравственности?

— Нѣтъ, не то, Ардальонъ Назаровичъ. Вѣдь это зависитъ отъ обстоятельствъ. Бываетъ, что человѣкъ не имѣетъ возможности законнымъ образомъ... Мало-ли какія бываютъ соображенія. Вѣдь и до сихъ поръ такъ было и всѣ знали это? и всѣ уважали васъ. Только зачѣмъ болтать? А ужь онъ, то-есть, Григорій Антоновичъ, если рѣшился уже прибѣгнуть къ этому, такъ и болтать начнетъ. Ужь это непремѣнно. А знаете, — люди подвержены злобѣ. Дай только имъ поводъ, сейчасъ съ удовольствіемъ охаютъ самаго почтеннаго человѣка и, именно, почтеннаго-то съ особеннымъ удовольствіемъ. Эту самую почтенность его имъ особенно пріятно грязью забросать.

— Да, я теперь понимаю, почему онъ не пришелъ сегодня ко мнѣ: а какъ краснорѣчиво говорилъ на обѣдѣ! Выходитъ, что онъ еще лицемѣръ и предатель.

— Ардальонъ Назаровичъ, а скажите: вамъ очень хочется быть ктиторомъ? спросилъ отецъ протоіерей.

— Нѣтъ, до сихъ поръ мнѣ было все равно. Я уступалъ только вашей просьбѣ. А теперь, теперь, я желаю показать ему, что подлость не всегда торжествуетъ. Я изъ-за этого одного буду бороться съ нимъ.

И. Потапенко.

(*Продолженіе будетъ*).

* * *

„Умри“, твердитъ мнѣ умъ свободный,
„Живи, инстинктъ мнѣ говоритъ.
Къ виску поднесъ я стволъ холодный,
Но жутко мнѣ... рука дрожитъ.

* * *

Умъ прошепталъ: „Прочь, робость духа!“
Блеснулъ огонь, и до меня
Донесся выстрѣлъ какъ-то глухо
И чей-то крикъ и бѣготня.

Стоятъ родные надо мною,
Усердно пулю ищетъ врачъ.
Я тѣломъ слабъ, но бодръ душою,
Рѣшилъ одну я изъ задачъ,

* * *

И жалкой кажется отвага...
Я много понялъ въ страшный мигъ
И то, что наша жизнь есть благо,
Всѣмъ существомъ своимъ постигъ.

Мнѣ говоритъ теперь сознанье,
Что былъ безуменъ мой порывъ,
И шло отъ сердца восклицанье:
„Я буду живъ, я буду живъ!“

Влад. Юревичъ.

ХРИСТІАНКА.

(Историческая миніатюра).

Еще только-что ввергли въ Туллiанъ, самое страшное подземное отдѣленіе страшныхъ Мамертинскихъ темницъ Рима... Это болѣзненное, слабое, хрупкое созданьице показалось суровымъ судьямъ крайне опаснымъ. Они боялись его, да, они боялись его,—его странной, звенящей рѣчи, его пафоса и увлеченія, съ которымъ это маленькое созданьице громко исповѣдывало свои убѣжденія передъ ними и передъ невѣжественною, темною массою народа.

Когда судья (впрочемъ, сначала только лишь для одного страшенія) приказалъ принести и показать ей многообразныя орудія пытки, а палачъ сталъ подробно разъяснять ей различные способы ихъ употребленія, ни одинъ мускулъ не содрогнулся на этомъ красивомъ и благородномъ лицѣ.

Когда, наконецъ, по требованію толпы, судья приказалъ пытать юную „преступницу“, — то и тутъ Эмилія не выказала ни малѣйшаго смущенія. Она только подняла свои бездонные, темно-синіе глаза на судью, въ упоръ взглянула въ его безстрастное, холодное лицо и перевела ихъ на яркое, безоблачное небо, какъ-бы желая этимъ доказать, что только оттуда ожидаетъ себѣ и помощи и заступленія...

Пытка состояла въ накладываніи жома на ручные пальцы, т.-е. въ свинчиваніи и медленномъ раздавливаніи пальцевъ. Эмилія охотно и довѣрчиво протянула палачу свою маленькую, изящную, благородную руку... Даже посѣдѣлый и озвѣрѣвшій преступникъ, понаторѣвшій въ своемъ кровавомъ ремеслѣ, — и тотъ вздрогнулъ, взявъ эту руку, и пробормоталъ сквозь зубы, вполголоса, но такъ, чтобы его было слышно:

— И жома-то не найдешь на такую ребячью руку... Для дѣтей нужно-бы было придумать новыя орудія пытки!..

— Молчать! закричалъ префектъ. — Начинай свое дѣло...

И палачъ, дѣйствительно, началъ его!

Наложивъ жомъ на маленькую, руку, онъ стремительно завинтилъ его на всѣ винты. Дѣйствіе жома было ужасно: рука мгновенно побагровѣла, посинѣла и страшно вспухла, изъ-подъ ногтей брызнули тоненькія струйки яркой крови. Эмилія сильно поблѣднѣла и пошатнулась, но ни стона, ни вздоха не исторглось изъ ея груди; только крупныя капли холоднаго пота выступили на лбу и, какъ слезы, покатились по щекамъ.

— Ну, и теперь ты еще вѣруешь въ Христа? — спросилъ префектъ, исподлобья глядя на дѣвушку.

— Вѣрую... что Онъ придетъ избавить меня отъ мукъ... съ усиліемъ отвѣтила дѣвушка.

— Сожми сильнѣе, приказалъ префектъ палачу.

— Винтъ не дѣйствуетъ, отвѣтилъ тотъ грубо, но, по настоянію префекта, попробовалъ еще разъ завинтить жомъ туже. Раздался легкій хрустъ переламываемыхъ костей пальцевъ; лицо Эмиліи все исказилось выраженіемъ муки, и она опять сильно пошатнулась, но снова не издала ни вздоха, ни стона...

Толпа притихла, затаила дыханіе, ожидая, что будетъ дальше. Префектъ нахмурилъ свои густыя брови и опустилъ глаза; палачъ, отвернувшись въ сторону, усиленно теръ зачѣмъ-то свой носъ и глаза.

Молодой, красивый центуріонъ, приведшій „преступницу“ подъ стражею, съ нескрываемымъ состраданіемъ смотрѣлъ на юную мученицу, и глаза его непроизвольно наполнялись слезами.

Эмилія на секунду закрыла глаза, но потомъ снова еще шире открыла ихъ и стала глядѣть на небо. Лицо ея вдругъ озарилось какою-то необыкновенною, неземною радостію...

— Не Христа-ли ты видишь?.. съ злою насмѣшкою спросилъ римскій префектъ.

— Да, я вижу небо, отверзтое надо мною, Сына Божія, возсѣдающаго на престолѣ одесную Отца, и безчисленные чины ангельскіе, восклицающіе и поющіе хоромъ: „Слава въ вышнихъ Богу“.

— Уберите прочь эту безумную! загремѣлъ префектъ, вставая съ курульнаго кресла.

Эмилія еще разъ пошатнулась и тяжело опустилась всѣмъ тѣломъ къ низу. Рука, сдавленная тяжелымъ желѣзнымъ жомомъ, глухо ударилась о землю.

Чьи-то глухія, сдержанныя женскія рыданія раздались въ толпѣ. Сквозь густую цѣпь воиновъ къ пытаемой пробился высокій мужчина, въ полной силѣ и красотѣ зрѣлаго возраста, въ бѣлой тогѣ всадника, отороченной неширокою красною каймою.

Онъ нагнулся надъ Эмиліей и положилъ около ея ногъ букетъ роскошнѣйшихъ бѣлыхъ гіацинтовъ и миртъ. Затѣмъ выпрямился и, обернувъ лицо къ префекту, заговорилъ, вытянувъ впередъ обѣ руки:

— Благородный префектъ! Едва-ли высшая правда, представляемая твоимъ судилищемъ, требуетъ столь жестокой пытки для этой благородной дѣвицы... Во всякомъ случаѣ, на сегодня она не въ состояніи болѣе выдержать дальнѣйшихъ допросовъ, и ты бы оказалъ величайшее человѣколюбіе, отправивъ ее домой для излѣченія ея изувѣченной руки...

Громкіе аплодисменты раздались въ толпѣ народа по окончаніи этой рѣчи. Префектъ, однако, ничего не отвѣтилъ гуманному всаднику, но обратился къ центуріону:

— Снести ее обратно въ тюрьму!

Центуріонъ кликнулъ своихъ подчиненныхъ, палачъ приказалъ своимъ помощникамъ принести носилки, на которыя и была положена безчувственная мученица. Воины плотно окружили носилки, и шествіе двинулось среди молчаливой толпы. По мѣрѣ прохожденія процессіи, зрители, приподымаясь на ножныхъ пальцахъ, жадно заглядывали въ лицо мученицы, а она лежала, блѣдная, спокойная, чудно-прекрасная, съ закрытыми глазами и съ изломанной, окровавленной рукой на груди. Цвѣты такъ и сыпались на ея носилки, на ея одежду. Всѣ удивлялись мужеству и твердости молодой христіанки, почти еще дѣвочки, но кое-гдѣ раздавались и бѣшеныя, звѣрскія восклицанія: „Смерть христіанамъ! — звѣрямъ всѣхъ христіанъ!“

Центуріонъ шелъ за носилками и не спускалъ глазъ съ прекраснаго лица юной мученицы. Какая-то затаенная дума, повидимому, волновала его, а красивые глаза были затуманены слезами.

Шествіе направилось въ Мамертинскія тюрьмы. Тамъ измученную сдали на руки тюремной стражѣ, и воины удалились въ свои казармы, но центуріонъ не послѣдовалъ за ними, а остался въ тюрьмѣ, въ томъ отдѣленіи ея, куда помѣстили мученицу.

Это помѣщеніе биткомъ было набито христіанами. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти, и старики.—Когда Эмилію внесли и переложили съ носилокъ прямо на холодный и нечистый полъ, то женщины тотчасъ-же окружили ее и приняли къ себѣ на попеченіе. Изломанная рука была обмыта отъ крови, перевязана и забинтована.

Діаконисса филадельфійской церкви, дѣва Гликерія, высокая, красивая гречанка, проявила самую трогательную заботливость въ отношеніи къ юной мученицѣ. Сама два раза уже подвергнутая бичеванію и еще не вполнѣ оправившаяся отъ вынесенныхъ ею при этомъ страданій, она подостлала свою циновку, на которой спала, для Эмиліи, а сама легла подлѣ нея на голомъ полу, покрытомъ гнилушками, плѣсенью и различнаго рода насѣкомыми.

* * *

Центуріонъ, прошедшій въ то отдѣленіе тюрьмы, куда помѣщена была Эмилія, сначала было остановился въ нерѣшимости, какъ-бы смутясь при видѣ множества осужденныхъ, ждущихъ своей очереди мучительной смерти... Но никто изъ христіанъ не обращалъ на него ровно никакого вниманія. Только нѣкоторые поглядывали на него, да и то совершенно равнодушно, думая, что онъ здѣсь исключительно лишь по дѣламъ своей службы.

Это ободрило молодого воина, и онъ робко сталъ пробираться черезъ сидящихъ и лежащихъ на полу тюремныхъ сидѣльцевъ, направляясь въ сторону все еще бывшей безъ сознанія Эмиліи.

Гликерія, омывъ и перевязавъ изуродованную руку юной мученицы, легла на полъ рядомъ съ нею и, устремивъ въ потолокъ тюрьмы свои большіе, строгіе и красивые глаза, какъ-бы сторожила ея покой и неприкосновенность.

Внезапно раздавшіеся поблизости чьи-то осторожные шаги вывели ее изъ этого оцѣпенѣлаго состоянія. Она быстро вскинула глазами и увидѣла воина, зашедшаго со стороны стѣны и остановившагося надъ Эмиліей.

Повидимому, воинъ глубоко задумался, смотря на мученицу. Онъ опершись на свое длинное копье и долгимъ, внимательнымъ взглядомъ озиралъ юную красавицу.

Діаконисса поднялась съ пола; она заподозрѣла воина въ нечистыхъ намѣреніяхъ относительно мученицы. Ея глаза на минуту вспыхнули огнемъ негодованія, но она поборола въ себѣ это нехристіанское чувство и, подойдя къ центуріону, тихо сказала:

— Воинъ, что ты здѣсь дѣлаешь?.. Оставь насъ однѣхъ передъ смертію... Мы для тебя чужды...

Центуріонъ поднялъ голову; красивое, молодое лицо его было полно печали... Однимъ взмахомъ копья онъ начерталъ на мокромъ, скользкомъ каменномъ полу темницы изображеніе рыбы и едва слышно произнесъ слово:

— Ἰχθύς —

Діаконисса приложила палецъ къ губамъ и молча глядѣла на воина. Сердце ея учащенно билось.

— Сестра! заговорилъ центуріонъ тихимъ, глубокимъ душевнымъ голосомъ. — Сестра моя о Христѣ! Я такъ же точно, какъ и ты, какъ и эта жертва римской жестокости и нетерпимости, вѣрую во Христа... Зовутъ меня Маркомъ-Плиніемъ-Руфиномъ, и я уже давно познакомился съ этимъ дивнымъ ученіемъ жизни. Но узы, связывающія меня съ землею, были до сихъ поръ настолько крѣпкими, что у меня не хватало мужества свободно и безбоязненно исповѣдать вѣру во Христа, какъ это дѣлаете вы всѣ, и я таился и таюсь еще и сію минуту... Нынѣ обстоятельства измѣнились... При мнѣ пытали эту благородную дѣвушку, и я воочію увидѣлъ, на какіе подвиги способна доблесть римская, соединенная съ доблестью христіанскою! Теперь я ничего не боюсь, ничего не желаю, какъ только соединенія со Христомъ... Я люблю эту дѣвушку, какъ виновницу ожидаемаго мною блаженства пребыванія на лонѣ Христовомъ, и хочу соединиться съ нею узами мученичества... Но пусть она скажетъ мнѣ, что она не отвергнется меня передъ Христомъ, когда Онъ пріидетъ во славѣ Своей судить живыхъ и мертвыхъ...

Глаза воина метали чудное пламя. Въ эту минуту пришла въ себя и Эмилія.

— Чудная дѣва, заговорилъ Маркъ Пленій Руфинъ, склоняясь передъ нею на колѣни,—я пришелъ просить тебя сочетаться со мною узами брака во Христѣ — мученичества... Пока ты свершаешь еще свой земной подвигъ, я буду здѣсь служить тебѣ и охранять твою чистоту.. Но когда ты уйдешь въ загробный міръ, то я немедленно-же послѣдую за тобою, и тамъ мы свидимся и будемъ вмѣстѣ, потому что я люблю тебя, моя чистая голубица... Будь моею женою, позволь мнѣ сѣсть рядомъ съ тобою во Царствіи Христовомъ...

Восторгъ слышался въ его словахъ, и темносиніе глаза Эмиліи озарились новымъ радостнымъ блескомъ.

— Передъ Богомъ моимъ и Христомъ Іисусомъ привѣтствую тебя, воинъ, моимъ мужемъ... *Гдѣ ты, Кай, тамъ и я, твоя Кайя,* повторила она древнюю римскую формулу брака и вновь закрыла свои утомленные глаза.

* * *

Черезъ два дня Эмилію снова вывели изъ тюрьмы и доставили на судъ префекта. Ее сопровождали центуріоны: Маркъ Пленій Руфинъ и Гай Люцилій Форръ.

Префектъ сидѣлъ, сгорбившись, въ своемъ курульномъ креслѣ... Блѣдное, гладко-выбритое лицо его носило на себѣ жесткое, злое выраженіе; углы рта судорожно кривились и подергивались. Онъ безпрерывно дотрогивался то тою, то другою рукою до своего лба и проводилъ ею по рѣдкимъ сѣдымъ волосамъ...

Недалеко стоялъ палачъ съ цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ пыточныхъ орудій...

— Дѣвица, оставила-ли ты свои заблужденія и воротилась-ли на правый путь?—такъ началъ префектъ свой допросъ.

— Надѣюсь, благородный префектъ, — съ достоинствомъ отвѣтила молодая дѣвушка, — что не тебѣ придется учить меня правому пути?!.

— Помогъ-ли тебѣ твой Христосъ?.. Освободилъ-ли Онъ тебя изъ тюрьмы, въ которую я приказалъ запереть тебя?..

— Христосъ поможетъ мнѣ освободиться отъ тяготъ жизни и возьметъ меня къ Себѣ..

— О, да! Ты догадлива... Если у тебя есть еще хоть сколько-нибудь здраваго смысла, то ты должна, разумѣется, понять, что я осужу тебя на смертную казнь...

— Христосъ поможетъ мнѣ избѣжать ее...

— Итакъ, ты остаешься при своемъ?!.

— Христосъ былъ вѣренъ Своему ученію даже до смерти, до ужасной крестной смерти... Почему-же я не должна слѣдовать Ему, если слѣдую уже Его ученію?..

— Ты безумна, но ты и прекрасна... Заклинаю тебя именемъ твоей молодости, твоей красоты, твоей свѣжести, брось ты эти бредни, глупыя и пустыя, откажись отъ увлеченія этимъ ученіемъ, сознайся, что ты послѣдовала ему только лишь изъ пустого желанія слѣдовать одной модѣ, современному теченію, а отнюдь не по внутреннему влеченію духа...

— Сознаюсь и утверждаю, что послѣдовала ученію Христа вполнѣ сознательно и искренно, по глубокому влеченію духа, такъ какъ оно одно только очищаетъ, просвѣщаетъ и животворитъ душу человѣка... Въ немъ одномъ только спасеніе...

— Довольно!.. Это твои послѣднія слова?..

— Да, мнѣ больше и прибавлять нечего...

— Хорошо!.. Твое безуміе само приводитъ тебя къ надлежащему концу..

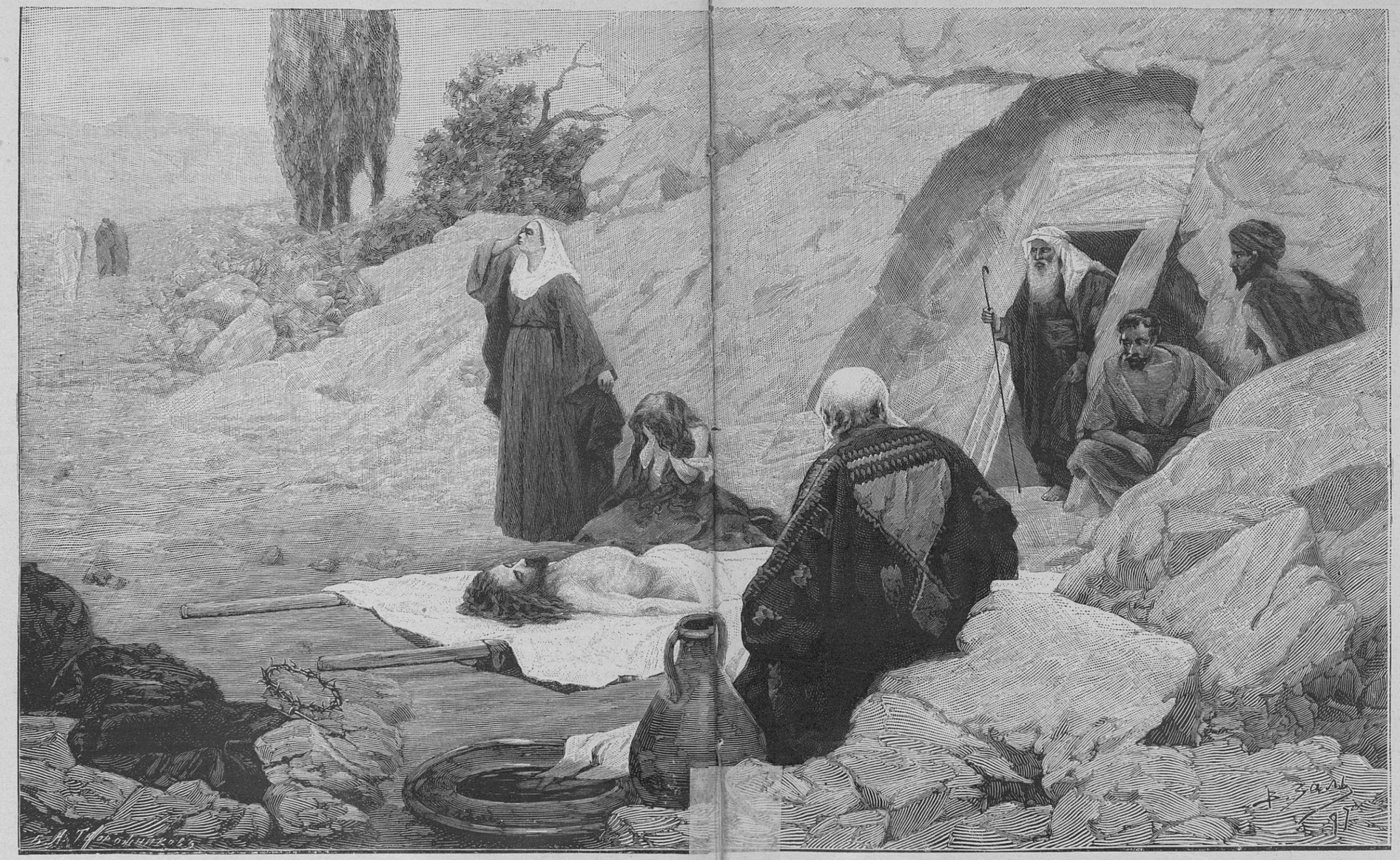
Онъ беззвучно пожевалъ своими сухими, тонкими губами и, подумавъ съ минуту, сказалъ, какъ-бы разсуждая про себя:

— Наше солнце—императоръ, желаетъ увидѣть въ циркѣ что-либо очень новенькое и интересное... Приготовимъ-же ему пріятное развлеченіе, а пока я прикажу посадить тебя въ Тулліанъ и выжечь тебѣ глаза... Эй, палачъ!

* * *

Въ глубокомъ подземельѣ Туллiана третій день уже томилась молодая узница.

Она была совершенно одинока въ своей тюрьмѣ. Подземелье было огромно, и въ немъ было темно, ибо незначительный свѣтъ, проникавшій сквозь немногія отдушины въ потолкѣ и стѣнахъ, разсѣявался въ обширномъ помѣщеніи. Да и къ чему ей былъ



Погребеніе Христа. Съ картины В. Зля. Гравировалъ А. Творожниковъ.

нуженъ свѣтъ, когда бѣдная узница была лишена возможности ощущать его?!—Огромныя черныя язвы, вмѣсто глазъ, зіяли на ея чудномъ, молодомъ, теперь истомленномъ пытками лицѣ... Красный рубецъ отъ ожога каленымъ желѣзомъ, невѣрно направленнымъ дрожащею рукою, шелъ наискось черезъ весь лобъ, задѣвалъ високъ и щеку правой стороны лица.

Но въ своей бѣлоснѣжной туникѣ, еще какимъ-то чудомъ сохранившей цвѣтъ среди нечистотъ и мерзости Мамертинскихъ темницъ, съ маленькими изящными ножками и съ маленькой уцѣлѣвшей лѣвой рукою (правая была изломана пыткой), — она и теперь напоминала еще роскошную патриціанку, избалованнаго ребенка любимицу богатой семьи...

Она лежала навзничь на земляномъ полу страшной тюрьмы и ощупью искала кувшинъ съ водою, который ей долженъ былъ принести стражникъ. Увы,—она не пила уже цѣлыя сутки... — Стражникъ не приходилъ къ ней вчера и не приносилъ ей ни воды, ни лепешки ячменнаго хлѣба... То же и сегодня...—А сколько-то времени теперь?.. Вѣроятно, уже полдень... — Можетъ быть, онъ и сегодня не принесетъ?.. Можетъ быть, это такъ и нужно?..

Она собрала послѣднія свои силы, сдѣлала отчаянное движеніе, приподнялась и сѣла, прислонившись спиной къ колоссальной стѣнѣ тюрьмы и нѣсколько разъ отъ слабости ударившись о нее головою.

— Пить! простонала она. — Христосъ мой, неужели Ты не сжалишься надо мною, неужели Ты не пошлешь ангела Своего взять изъ меня душу мою?.. Я доказала Тебѣ свою вѣрность муками, которыя перенесла... Пошли-же мнѣ одного изъ слугъ Твоихъ, чтобы утолить мою жажду, омочить изсохшіе горло мое и языкъ...

Голова ея горѣла и кружилась, мысли путались, въ ушахъ начиналъ слышаться зловѣщій звонъ...

„Это смерть! подумала она, и смерть отъ голода!..“

Но и послѣднее сознаніе вскорѣ оставило ее...

Сидя у стѣны, она грезила уже галлюцинаціями... Ей представлялось, что она прозрѣла, что она вновь на свободѣ и идетъ гдѣ-то далеко — въ полѣ, не въ полѣ, по водѣ, не по водѣ,—а что-то такое ясное, чистое, свѣтлое и голубое и конца ему не видать... Пахнетъ ароматами: народомъ, кинна-момъ и аравійской камедью.

„Но что это?.. Чьи это голоса?.. Сотни голосовъ звенятъ и заливаются въ пѣснѣ... Гдѣ они, гдѣ эти пѣвцы?..—Сердце ея учащенно бьется... — „Господи, какая мука! Я ихъ не вижу, я не знаю, гдѣ они, а мнѣ такъ хочется, такъ хочется ихъ увидѣть... Господи, возьми меня къ Себѣ..“

И она чувствуетъ, какъ она все выше и выше подымается къ облакамъ.

Вотъ уже первый слой ихъ пройденъ вотъ второй, третій, четвертый... Дальше душно становится, дышать нечѣмъ.. Что-же это? Смерть?--О, нѣтъ, нѣтъ! Это — блаженство, это — начало вѣчной жизни.

Съ нечеловѣческимъ усиліемъ, не сознавая и не ощущая, что она дѣлаетъ, этотъ чудный ребенокъ, этотъ живой трупъ, замученный пыткой и трехдневнымъ голодомъ, поднялся во весь ростъ и прислонился къ выступу каменной стѣны.—Глухо зазвенѣли цѣпи на ногахъ и на рукахъ юной страдалицы, а въ ея разгоряченномъ мозгу представлялись ей торжествующіе голоса, приближающіеся къ ней...

Наконецъ, она видитъ и тѣхъ, кому принадлежатъ эти голоса. Вотъ опередившій всѣхъ въ своемъ полетѣ херувимъ пристально воззрился на нее міріадами своихъ глазъ. Вотъ шестикрылые серафимы порхаютъ прямо около ея лица, а вотъ и лики остальныхъ семи чиновъ ангельскихъ... Все это поетъ, гремитъ и наполняетъ всю вселенную своей торжествующей пѣснью:

„Слава въ вышнихъ Богу!“

А вотъ и Христосъ сходитъ къ ней навстрѣчу по облакамъ небеснымъ. На челѣ Его капли крови, убогая багряница одѣваетъ Его станъ... Онъ протягиваетъ къ ней Свои изможденныя, пробитыя гвоздями руки и говоритъ:

„Не постыдилась ты Меня исповѣдывать передъ людьми, потому и Я не постыжусь исповѣдывать тебя передъ Отцомъ Моимъ. Въ маломъ ты была Мнѣ вѣрна, надъ многимъ теперь Я тебя поставлю... Войди въ радость Господина Своего“.

Затрепетала радостью Эмилія и почудилось ей что-то странное... Свободнымъ, чистымъ духомъ своимъ возносилась она на небо, окруженная со всѣхъ сторонъ ангелами и архангелами, встрѣчаемая Христомъ, а тамъ, далеко внизу, на грязной, преступной землѣ, въ грязномъ Тулліанѣ Мамертинскихъ темницъ Рима, въ тѣсномъ выступѣ каменной стѣны, стояло, согнувшись, ея блѣдное, безжизненное тѣло, изможденное двукратной пыткой и трехдневнымъ голодомъ, забытое въ Тулліанѣ тюремщикомъ такъ же, какъ забывались и сотни другихъ, осужденныхъ на смерть раньше и позже Эмиліи...

* * *

На третій день, когда тюремщику, наконецъ, заблагоразсудилось вспомнить объ Эмиліи, отперли Тулліанъ и нашли ея тѣло, стоявшее въ полусогнутомъ положеніи у стѣны въ тѣсномъ выступѣ подземелья.

Все тѣло какимъ-то чудомъ держалось въ самомъ неестественномъ положеніи; голова была запрокинута назадъ, и лицо, обращенное къ небу, сіяло безумно-радостною, несказанно-блаженною улыбкою надежды, счастья и свободы...

* * *

Когда подземелье наполнилось многочисленнымъ собраніемъ родныхъ, друзей и сверстниковъ замученной Эмиліи и кліентами ихъ рода и семьи, когда все это множество людей и пришедшіе съ ними христіане стали плакать и разливаться въ пеняхъ и жалобахъ по усопшей, изъ толпы вышелъ центуріонъ Маркъ Пленій Руфинъ и приблизился къ трупу. Онъ опустился на колѣни и долго покрывалъ поцѣлуями волосы и лицо мученицы. Потомъ, поднявъ руки, заговорилъ слѣдующее:

— Владыко Христосъ! Я обѣщалъ Тебѣ, послѣ смерти жены своей Эмиліи, которую Ты призвалъ къ Себѣ, сочетавши сначала со мною Своею благостію, исповѣдать громко и безбоязненно имя Твое и раздѣлить съ нею вѣнецъ мученичества въ Царствѣ Твоемъ. Се, иду за тобою, голубица моя чистая, не замедлю и скоро возсоединюсь съ тобою въ мирѣ и любви за трапезою Христовою...

Сказавъ это, онъ поднялся съ колѣнъ и подошелъ къ военному трибуну, начальнику когорты, въ которой самъ былъ центуріономъ, и, подавъ ему свое оружіе, тотчасъ же добровольно отдался подъ стражу...

Въ тотъ-же день и старый палачъ, изуродовавшій правую руку мученицы и выжегшій ей каленымъ желѣзомъ глаза, былъ распятъ на крестѣ въ оврагѣ за Капенскими воротами.

П. Филипповъ.

ПАМЯТИ В. В. ЧУЙКО.

Мы съ нимъ встрѣчались много разъ...
Споръ часто закипалъ межъ нами,
Но никогда не ссорилъ насъ,
И, жарко на словахъ борясь,
Мы были добрыми друзьями.

* * *

Я въ немъ любилъ свободный умъ
И сердца честныя волненья,
И къ свѣту смѣлыя стремленья,
И чистоту завѣтныхъ думъ;
Любилъ его горячій споръ,
Его огонь, его порывъ,
Полетъ идеи прихотливый
И заразительный задоръ!

* * *

Чѣмъ онъ казался — тѣмъ онъ былъ...
Въ немъ фальши не было намека —
И сердца вѣчно-юный пылъ
Съ собой онъ вмѣстѣ схоронилъ
Отъ насъ навѣки и глубоко...

С. Уманецъ.

СЛУША-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао.** Переводъ **С. Шульгиной.** *(Продолженіе).*

III.

Директоръ низидской каторги сидѣлъ послѣ завтрака въ креслѣ, читая внимательно газету. Онъ читалъ всегда все съ первой до послѣдней строки и такъ медленно, что, казалось, хотѣлъ запечатлѣть все прочитанное въ своемъ мозгу. Онъ обдумывалъ, переживалъ каждую статью, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, живущіе далеко отъ центровъ, одинокіе, но не безстрастные, удаленые отъ общества, но интересующіеся всѣмъ, что относится къ общественной жизни. Этотъ превосходный человѣкъ, на честномъ лицѣ котораго совершенно утрачивалось, когда онъ былъ въ сѣмьѣ, выраженіе холодности, замѣнявшееся выраженіемъ только глубокой врожденной доброты, покачивалъ время отъ времени головой, какъ будто газета сообщала ему какія-нибудь прискорбныя извѣстія.

Это былъ пылкій патріотъ и мужественный служака. Его патріотизмъ и мужество оставались попрежнему пылки и на каторгѣ, куда его назначили, чтобы дать ему случай примѣнить къ дѣлу свою энергію.

Дни, послѣдовавшіе за погромомъ въ Лисса и Кустоцца тяжело отозвались на Италіи, счастливая звѣзда ея начинала, казалось, блѣднѣть. Если директоръ качалъ такъ грустно головой, то это потому, что онъ не могъ драться въ 1866 году, какъ дрался въ 1860. Хотя, правда, и думалъ онъ про себя, что можно служить отечеству различными способами, и даже живя съ каторжниками, но ему было бы гораздо пріятнѣе рисковать жизнью на полѣ сраженія, чѣмъ оставаться здѣсь на островѣ и трепетать отъ великодушнаго и безсильнаго гнѣва. Какъ и всѣ люди, рожденные для войны и любящіе ее чистосердечной и пылкой любовью, но вынужденные утѣшаться только прежними воинственными воспоминаніями, онъ не могъ преодолѣть своей грусти.

— Вѣрно, какія нибудь дурныя извѣстія? спросила его жена, сидѣвшая около балкона за шитьемъ дѣтской рубашечки.

— Да, нехорошія, отвѣчалъ онъ.

Она наклонила голову къ работѣ, не спрашивая больше ни о чемъ. Если она и обратилась къ нему съ первымъ вопросомъ, то совсѣмъ не потому, что ее интересовала политика или война, ей хотѣлось только сказать мужу ласковое слово и прервать длившееся слишкомъ долго молчаніе.

Это была молоденькая женщина съ задумчивымъ, нѣсколько поблѣднѣвшимъ личикомъ и худенькимъ станомъ, въ скромномъ, черномъ шерстяномъ платьѣ. Нѣжный взглядъ ея устремлялся поминутно на ребенка, который сидѣлъ на полу, на маленькомъ коврикѣ, и вырѣзалъ очень спокойно картинки изъ иллюстрированнаго журнала.

Блѣдный трехлѣтній ребенокъ, съ вьющимися мягкими каштановыми волосами и кроткимъ, задумчивымъ личикомъ, велъ себя очень благоразумно; страстно любя картинки, онъ вырѣзалъ ихъ съ наслажденіемъ, не портя лицъ и не обрѣзая себѣ пальцевъ.

— Маріо! позвалъ его отецъ, смотрѣвшій нѣсколько минутъ съ снисходительнымъ любопытствомъ на ребенка.

— Что, папа? отвѣчалъ мальчикъ, под-

пявъ на отца свои большіе, ясные и добрые глазки.

— Что ты вырѣзаешь?

— Солдатъ.

— Красивы они, твои солдаты?

— Да, папа.

— Подойди сюда, поцѣлуй меня.

Ребенокъ всталъ съ пола. Онъ былъ великъ для своихъ лѣтъ, но такой же нѣжный и хрупкій, какъ мать. Подойдя къ отцу, онъ протянулъ ему ручонки, потомъ, положилъ головку на отцовскія колѣни, не то съ усталымъ, не то съ соннымъ видомъ. Маленькое бѣлое личико его было не тяжелѣе цвѣтка.

— Не боленъ ли онъ? спросилъ отецъ жену.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она поспѣшно.

— Тебѣ слѣдовало бы взять его погулять. Почему онъ не выходитъ каждый день на воздухъ?

Развѣ Дженнаро Кампаниле не починилъ еще колясочку?

— Нѣтъ, она готова, отвѣчала слабымъ голосомъ мать.

— А принесъ онъ этажерку для книгъ, которую обѣщалъ сдѣлать нѣсколько недѣль тому назадъ?

— Да.

— Почему же она не повѣшена на свое мѣсто?

— У насъ съ Граціеттой не хватило силы поднять ее и повѣсить на стѣну... ты знаешь, что мы не особенно сильны, прибавила она со слабой улыбкой.

— Дженнаро очень ловкій малый, нужно было дать ему это сдѣлать. Онъ сработалъ ее и могъ бы также и повѣсить на мѣсто.

Молодая женщина бросила на мужа тревожный взглядъ, и вдругъ щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ. Онъ смотрѣлъ на нее, ничего не понимая.

— Мы попробуемъ повѣсить ее сами, возразила она очень тихо, точно устыдившись вдвойнѣ за свой недосмотръ и за румянецъ.

— Ты будешь только напрасно утомляться, душа моя, продолжалъ онъ отеческимъ тономъ. — Прикажи сказать Дженнаро, чтобы онъ пришелъ; онъ явится сейчасъ же и повѣситъ ее вотъ здѣсь, направо.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она поспѣшно, лучше я сама устану.

На этотъ разъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло; доброе лицо его покрылось облакомъ грусти.

— Тебѣ непріятно видѣть въ своемъ домѣ каторжника? спросилъ онъ.

Она обратила на него умоляющій взглядъ, какъ бы прося простить ей ея отвращеніе.

— Они бываютъ тутъ цѣлый день, прошептала она.

— И приводятъ тебя въ ужасъ?

— Да, прошептала она едва слышно.

— У тебя нѣтъ милосердія, заявилъ онъ, стараясь говорить строгимъ тономъ.

— Это правда, смиренно созналась она, наклонивъ голову.

— Во всякомъ случаѣ, они все-таки люди и христіане, Сесиль.

— Но они грабили, убивали!

— Но все-таки они люди и христіане, повторилъ онъ еще разъ.

Молодая женщина замолчала. Она шила лихорадочно, стараясь скрыть нервную дрожь своихъ пальцевъ; щеки ея горѣли огнемъ. При наступившемъ молчаніи, ребенокъ поднялъ свое изящное личико, посмотрѣлъ на отца, потомъ на мать и протянулъ ручонки къ отцу, чтобы обнять его за шею и поцѣловать. Взволнованный отецъ спросилъ, гладя ребенка по головѣ:

— И ты также ненавидишь каторжниковъ?

Мальчикъ не понялъ смысла вопроса и смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами.

— Каторжники — несчастные люди, сказалъ ему отецъ вполголоса.

— Несчастные, повторилъ ребенокъ съ жалостью.

Директоръ сложилъ, между тѣмъ, газету и положилъ ее аккуратно на мѣсто, какъ всѣ люди, ведущіе одинокій и правильный образъ жизни. Пора была отправляться въ контору, и онъ принялся чистить свое пальто. Ребенокъ внимательно слѣдилъ за движеніями отца. Мужъ подошелъ проститься съ женой.

— Прикажи прислать сюда насчетъ этажерки Дженнаро, сказала она торопливо. Вели его прислать сейчасъ же.

— Не надо, дорогая моя, если это тебѣ непріятно, отвѣчалъ онъ, лаская ее, какъ ребенка.

— Но мнѣ это совсѣмъ не непріятно, продолжала молодая женщина, стараясь пересилить свое непобѣдимое отвращеніе.

— Полно, полно, не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Меня не будетъ дома, я погуляю съ Маріо по острову. Такимъ образомъ, его увидитъ только одна Граціетта.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ онъ уходя.

Но когда нѣжный, ласковый мужъ отправился исполнять свой тяжелый долгъ, обязывавшій его жить посреди воровъ и убійцъ, она наклонилась къ ребенку и облила его шею своими слезами. Это были жгучія, долго сдерживаемыя и рѣдко проливаемыя слезы. Вначалѣ, она храбро согласилась вести жизнь жены и матери въ этой странной средѣ, гдѣ абсолютное одиночество чередовалось съ присутствіемъ множества преступниковъ. Бѣдная дѣвушка, не имѣвшая ни родителей, ни приданого, она пріютилась у своей старой тетки и жила трудомъ, едва зарабатывая себѣ кусокъ хлѣба. Вотъ чѣмъ она была, когда капитанъ Жигли, человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ, женился на ней ради ея самой, только изъ любви и состраданія. Развѣ она не знала, выходя замужъ, что ей придется жить посреди колодниковъ, на островѣ? Онъ предупредилъ ее, и она согласилась, сказавъ себѣ, что будетъ держаться въ сторонѣ и прильнетъ къ этому великодушному человѣку, который утѣшитъ ее за все остальное. Темперамента она была хрупкаго и чуткаго, дрожавшаго при малѣйшемъ прикосновеніи отъ нѣжности или боли; но у нея не было недостатка въ силѣ воли, свойственной всѣмъ прямымъ и добрымъ людямъ.

Пріѣхавъ на островъ въ послѣднемъ періодѣ беременности, чтобы избавиться отъ приводившаго ее въ ужасъ зрѣлища, она сидѣла у себя въ домѣ взаперти. Но ни окна, ни двери не могли уберечь ее отъ ночныхъ криковъ дежурившихъ сторожей. Сколько безсонныхъ ночей провела она, слушая эту протяжную перекличку, повторявшуюся съ неутомимымъ упорствомъ каждую четверть часа. Въ тѣ часы, когда она сидѣла въ своемъ маленькомъ домикѣ, убранномъ ею просто, но со вкусомъ, когда ея внимательное ухо слышало шумъ моря, когда она могла бы, можетъ быть, вообразить себѣ, что живетъ одна на прекрасномъ островкѣ между небомъ и водой, посреди цвѣтущаго крутого холма и благоуханія, доносившагося до нея съ берега, — и тогда неумолимый голосъ шепталъ ей:

— Помни, помни! это каторга...

Посреди одной-то изъ такихъ долгихъ-долгихъ ночей, появился на свѣтъ малютка Маріо. Это былъ худенькій и тщедушный ребенокъ съ материнскимъ тѣлосложеніемъ, сохранившій на своемъ блѣдномъ личикѣ отпечатокъ кошмаровъ и ужасовъ, пережитыхъ матерью въ безсонныя ночи. Это уничтожало большую часть поэзіи, внесенной въ жизнь матери появленіемъ у домашняго очага ребенка, родившагося въ тюрьмѣ, на каторгѣ, посреди колодниковъ. Когда мать наклонялась, чтобы поцѣловать малютку, въ поцѣлуяхъ этихъ было что-то такое раздирательное! Она, казалось, жалѣла его за такое дѣтство, воспоминаніе о которомъ будетъ лежать тяжелымъ пятномъ на всей его жизни. Напрасно она старалась окружить его уединеніемъ, устранить отъ себя и для сына всякое соприкосновеніе съ каторжниками. Колыбель, гдѣ спалъ Маріо, вышла изъ тюремной мастерской; башмачки его, первые башмачки, приводящіе всегда въ такой любовный трепетъ всѣ материнскія сердца, были сшиты въ тюремной мастерской.

(*Продолженіе будетъ*).

VII выставка картинъ с.-петербургскаго общества художниковъ.

Вся выставка производитъ впечатлѣніе сѣренькаго, пасмурнаго петербургскаго дня, когда особенно живо чувствуются тоскливость и однообразіе жизни средняго человѣка: напередъ знаешь, что будетъ завтра, черезъ недѣлю, мѣсяцъ, годъ. И собственное, прилично-умѣренное бытіе кажется до того безотраднымъ, ровнымъ, безразличнымъ, что начинаешь мечтать чуть не о „гладѣ“ и „морѣ“ — только-бы выбиться изъ сѣрыхъ будней. Это — выставка для „большой“ публики. Здѣсь нѣтъ ни „декадентщины“, ни „археологіи“, ни „грубаго реализма“, но зато все необычайно мило, понятно даже ребенку, просто и прилично. Прилежанія и трудолюбія — горы, таланта — маловато, а то, такъ и совсѣмъ нѣтъ.

Въ качествѣ, должно быть, пролога, въ маленькомъ вестибюлѣ (выставка помѣщается въ зданіи академіи наукъ) расположены: „Хороводъ“ — г. Маковскаго (К. Е.), „Un bravo“ — г. Степанова, „Утро на старой просѣкѣ“ — г. Мещерскаго. „Хороводъ“ поразительно напоминаетъ, по колориту, эрмитажныхъ „Русалокъ“, хотя здѣсь дѣйствіе происходитъ среди бѣла дня. Въ общемъ, картина очень „эффектна“. — „Un bravo“ — довольно шаблонный типъ наемнаго убійцы и бреттера, повидимому, XVII столѣтія: въ фетровой шляпѣ съ необъятными полями, брови мрачно нахмурены, глаза злодѣйски сверкаютъ, пальцы судорожно сжали ручку увѣсистаго „пистоля“. — Наконецъ, произведеніе г. Мещерскаго, „Утро на старой просѣкѣ“, является добросовѣстной поддѣлкой подъ колоритъ и манеру покойнаго И. И. Шишкина.

Жанръ во многихъ случаяхъ отзываетъ сильно подчеркнутой тенденціей, а есть даже и нѣчто, похожее на фельетонную „злобу дня“. Такова, напримѣръ, картина

г. Гофмана, „Finis“: негодяй-бѣлоподкладочникъ обольстилъ невинную дѣвушку, что истерически рыдаетъ теперь, стоя посреди „студенческой“ комнаты и прижимая огромными пальцами платокъ къ глазамъ; „извергъ“ сидитъ и адски-спокойно чиститъ ногти; на стулѣ брошенъ сюртукъ, разумѣется, на бѣлой подкладкѣ, видна шпага, чуть не въ сажень длиной, и малюсенькая фуражка. Право, смѣяться хочется, глядя на сей лубокъ. Чтобы умѣло „обличить“, нужны талантъ и чувство мѣры, напримѣръ, покойнаго Н. А. Ярошенки, а то — и смѣхъ, и грѣхъ. — Совершенно въ томъ-же „стилѣ“ и работы г. Малышева: „Два полюса“ и „За что?!!“ особенно первая. „Полюсы“, это — старый художникъ и молодой студентъ академіи художествъ, горячо проповѣдывающій „новые“ взгляды на искусство; atelier, гдѣ происходитъ эта сцена поражаетъ бутафорской чистотой; фигуры „полюсовъ“, равно какъ и дочери стараго художника („экваторъ“, надо полагать), жесты, экспрессія лицъ, — все до того неудовлетворительно, что отъ картины остается только претенціозное заглавіе. — Нѣсколько лучше по исполненію жанры г. Винцмана: „Срѣзался“, и г. Кицлика: „Защищайтесь“. „Срѣзался“ мальчуганъ на пріемныхъ экзаменахъ въ гимназіи, и стоитъ повѣся голову, передъ матерью; кругомъ любопытныя лица „родителей и родственниковъ“ прочихъ экзаменующихся; вдали отецъ мальчика униженно проситъ монументальнаго инспектора. Но въ картинѣ мало движенія, большинство фигуръ точно изъ дерева, а центръ, сынъ и мать, не останавливаютъ на себѣ глаза, такъ какъ отодвинуты черезчуръ вглубь комнаты. — „Защищайтесь“ является болѣе живымъ и удачнымъ жанромъ: хорошенькая, граціозная дѣвушка, въ фехтовальномъ костюмѣ, дѣлаетъ, лукаво улыбаясь, выпадъ на зрителя; рапира вотъ-вотъ блеснетъ въ воздухѣ, и веселое „защищайтесь!“ срывается съ румяныхъ губъ.

Жизнь древнихъ въ изображеніи большинства художниковъ представляется какой-то сплошной фееріей, не смотря на существованіе огромной литературы по этому предмету, доказывающей рядомъ кропотливыхъ изысканій и изслѣдованій совершенно обратное, т. е. будничность и сѣрость повседневнаго существованія какого-нибудь египтянина, финикійца, грека, римлянина. Нечего ужь говорить о музеяхъ и раскопкахъ. — На выставкѣ, вызвавшей предлагаемую замѣтку, также имѣется античный жанръ. Представителемъ его является между прочимъ г. Бакаловичъ, давшій рядъ иллюстрацій къ роману Г. Сенкевича, „Quo vadis“. Все вышесказанное болѣе, чѣмъ когда-нибудь, примѣнимо къ этимъ произведеніямъ. „Свадьба въ Помпеѣ“, „Встрѣча Виниція съ Лючіей“, „Благословеніе Виниція и Лючіи св. Петромъ“ сразу наводятъ на мысль о театральныхъ подмосткахъ, до того „антично“ въ нихъ все, начиная съ декоративнаго пейзажа и кончая необычайной и неестественной красотой всѣхъ дѣйствующихъ лицъ („Свадьба въ Помпеѣ“), заученными позами Виниція, Лючіи и св. Петра. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ эти недостатки отчасти объясняются вліяніемъ польскаго писателя, далеко не чуждаго ходульности въ своихъ историческихъ романахъ. — Въ томъ-же, къ сожалѣнію, духѣ и картина „День памяти“, г. Бѣляева. „Фамильный кубикулумъ“ (усыпальница) въ катакомбахъ. Христіане собираются къ могилѣ уважаемаго (?) умершаго; могила украшена цвѣтами и пальмовыми вѣтвями; внизу различныя приношенія, изъ которыхъ послѣ всеобщей молитвы и чтенія дѣяній усопшаго совершались вечери любви (агапы)“ — беремъ сіе „изъясненіе“ изъ каталога выставки, чтобъ дать образчикъ любезной предусмотрительности г. художника: „могила украшена цвѣтами“... и т. д., очевидно, цвѣты не всегда похожи на цвѣты. —

Батальной живописи, вообще, немного на выставкѣ. „Эпизодъ изъ сраженія при Арсисъ-сюръ-объ“, г. Мазуровскаго, интересенъ только по сюжету: Наполеонъ I едва не былъ захваченъ со всѣмъ своимъ штабомъ казаками, которые лавой налетѣли на

I. С. Бахъ.

слѣдившаго за ходомъ битвы полководца; моментъ дикой паники, и полкъ гвардейскихъ драгунъ выручаетъ императора. Въ обработкѣ г. Мазуровскаго этотъ благодарный, но трудный сюжетъ не возбуждаетъ особаго вниманія.

Переходя къ портретамъ и этюдамъ, упомянемъ прежде всего о работахъ г. Маковскаго (К. Е.), давшаго цѣлый рядъ женскихъ головокъ и недурной портретъ Д. В. Григоровича. За типъ этихъ „головокъ“ можетъ быть взята „головка Louis XV“, написанная весьма хорошо. Все въ этомъ тонко очерченномъ личикѣ: глубокіе, наивно-лукавые синіе глаза, стрѣльчатыя дужки бровей, тонкія розовыя ноздри, алый маленькій ротикъ, прихотливые завитки пушистыхъ волосъ, взбитыхъ въ высокую прическу, — все насквозь пронизано той изящной, граціозной чувственностью, порывомъ и призывомъ къ наслажденію, которыя являются существенной особенностью парижской салонной жизни конца прошлаго вѣка. Головка дышетъ жизнью. Остальныя головки совершенно въ томъ-же стилѣ Louis XV, хотя, во первыхъ, исполнены похуже, а, во-вторыхъ, судя по заглавію и одеждѣ, къ XVIII вѣку отнюдь не принадлежатъ. — Г. Галкинъ выставилъ портретъ г. Тартакова: сходство, вѣроятно, есть, но ничего болѣе. — „Nu“, можетъ быть, для вящаго контраста съ минувшей французской выставкой, на русской выставкѣ почти отсутствуетъ: „Нѣга“ — г. Егорнова, „Модель“ — г. Вахтера, „Въ облакахъ“ — г. Штембера, да и все тутъ. Скромность и цѣломудріе гг. художниковъ заслуживаютъ, на этотъ разъ, лучшаго примѣненія. А то, помилуйте: въ „Нѣгѣ“ (г. Егорнова), обнаженное женское тѣло разметалось въ истомѣ по ложу, а посмотришь на лицо — точно рѣшаетъ задачу: „летѣло стадо гусей“... Художникъ — не аскетъ, когда творитъ. Надо-бы это помнить.

Трудолюбіе и прилежаніе, о которомъ помянуто въ началѣ рецензіи, съ особенной силой и яркостью выразились въ пейзажахъ. Съ этой точки зрѣнія, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены работы г. Сергѣева: „При восходѣ солнца“, „Лучи“, „Аллея цвѣтущей сирени“. Еще на народной выставкѣ прошлаго года г. Сергѣевъ обратилъ на себя вниманіе, благодаря невиданному доселѣ количеству этюдовъ и этюдиковъ всевозможныхъ „восходовъ“, „закатовъ“, „ночей“, „дней“, „уголковъ“ и пр. Оставалось только удивляться его, поистинѣ, титаническому терпѣнію и усидчивости. Результатомъ его усилій являются между прочимъ и указанныя выше картины. Изъ нихъ наиболѣе удалась — „При восходѣ солнца“: розовое полымя заливаетъ песчаный, обрывистый нагорный берегъ; по рѣкѣ пугливо стелется утренній туманъ; здѣсь, на этомъ берегу, ночная сырость еще притаилась среди зеленыхъ вѣтвей; спозаранку поднявшіеся труженики разогнули спину, забыли на мигъ работу, и охватила ихъ чудная свѣжесть свѣтлаго утра. Картина написана съ необычайной добросовѣстностью, „вѣрностьюприродѣ“ и, въ общемъ, не безъ душевности. — Изъ произведеній г. Лагоріо, „Усадьба на югѣ Россіи ночью“ была-бы интересной, если-бъ не лодка съ какими-то манекенами въ лѣтнихъ костюмахъ, что скользитъ по ночнымъ водамъ. „Эльбрусъ съ Бермамута утромъ“, того-же автора, совсѣмъ не удался: кто видѣлъ и чувствовалъ это грандіозное зрѣлище тотъ и слѣда его не найдетъ въ данной картинѣ. Изъ работъ г. Вельца выразительнѣе другихъ: „Къ веснѣ“ и „На берегу острова Капри“.

Въ заключеніе, упомянемъ о „юбилейныхъ“ картинахъ г. Кондратенки: „Видъ на Тригорское, съ дороги въ Михайловское, отъ 3-хъ сосенъ“, „У могилы А. С. Пушкина“, „Домъ А. С. Пушкина въ Михайловскомъ“, „Платанъ А. С. Пушкина въ Гурзуфѣ“. Неужели воспоминаніе о родоначальникѣ русской поэзіи не могло ничего дать художнику кромѣ идеи — кстати познакомить публику съ „мѣстомъ дѣйствія“? Подобныя вещи вполнѣ умѣстны въ качествѣ иллюстрацій къ историко-біографическому очерку, но выставлять ихъ, какъ самостоятельныя и въ самихъ себѣ носящія смыслъ произведенія, по меньшей мѣрѣ, наивно.

П. К.

ПАМЯТИ В. В. ЧУЙКО.

Въ 1854 году я встрѣтился и дружески сошелся съ Владиміромъ Викторовичемъ Чуйко, въ семьѣ доктора Конради. Этотъ маленькій ростомъ, худощавый и казавшійся по лицу старше своихъ лѣтъ, человѣкъ сразу привлекалъ къ себѣ своею искренностью, живымъ характеромъ и большою начитанностью. Мы сошлись съ нимъ дружески, и эта дружба сохранилась у насъ на всю жизнь. Поссориться съ этимъ человѣкомъ «не отъ міра сего» было очень трудно; онъ былъ десятки лѣтъ душою кружка близкихъ ко мнѣ людей, которые искренно любили его. Уже въ 1866 г. онъ сдѣлался сотрудникомъ, редактировавшагося мною, «Женскаго Вѣстника», а потомъ сотрудничалъ подъ моею редакціей въ «Живописномъ Обозрѣніи». Это былъ человѣкъ, никогда не умѣвшій подлаживаться къ кому бы то ни было: ни къ публикѣ, ни къ редакціямъ. Онъ любилъ литературу и искусство искренно и никогда не слѣдовалъ за модой, за тѣмъ, что ходко въ данную минуту. Тэнъ, Стендаль, Шекспиръ были его кумирами, которыхъ онъ изучалъ и которымъ онъ служилъ, чуждаясь тѣхъ злободневныхъ вопросовъ, которые, особенно въ русской жизни, выскакиваютъ на поверхность на минуту, а затѣмъ лопаются, не оставляя даже и слѣда.

Въ этой чертѣ характера Владиміра Викторовича, да въ его неумѣньи браться за практическія дѣла и заключалась главная причина того, что онъ во всю свою жизнь оставался тѣмъ же пролетаріемъ, какимъ и вышелъ на литературное поприще, хотя если бы онъ пожелалъ, то, при помощи своихъ знаній и родственныхъ связей, онъ могъ-бы пойти въ матеріальномъ отношеніи очень далеко.

Владиміръ Викторовичъ Чуйко родился въ Варшавѣ въ 1838 г. Малороссъ по происхожденію, онъ провелъ дѣтство въ Сибири, гдѣ и протекла его ранняя юность. Первоначальное образованіе В. В. получилъ въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда поступилъ въ с.-петербургскій университетъ.

Но будучи уже на 3-мъ курсѣ, онъ оставилъ университетъ и уѣхалъ заграницу, гдѣ и закончилъ свое образованіе.

На литературное поприще В. В. выступилъ въ 1866 г. въ «Женскомъ Вѣстникѣ» и до самой кончины уже не оставлялъ пера. Его произведенія хорошо знакомы читающей публикѣ по книгамъ о Тэнѣ, о Шекспирѣ, по переводамъ Данта, Свифта, Стендаля и, наконецъ, по тѣмъ статьямъ, которыя печатались почти во всѣхъ лучшихъ повременныхъ изданіяхъ.

А. Михайловъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

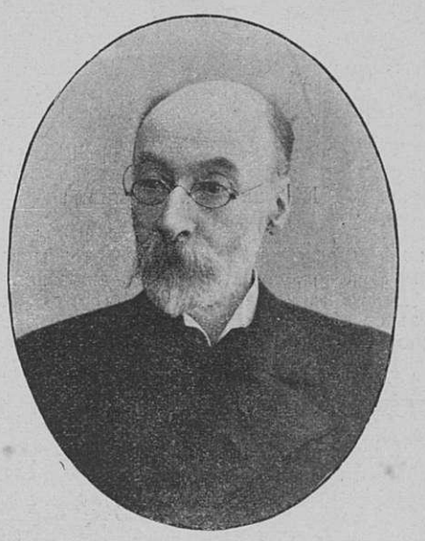
Указомъ Святѣйшаго Синода настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ, архимандритъ Борисъ—назначенъ ректоромъ с.-петербургской духовной академіи.

Архимандритъ Борисъ — уроженецъ отдаленной Енисейской губерніи. Высшее образованіе получилъ въ казанской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса (въ 80-мъ году), Владиміръ Владиміровичъ Плотниковъ (мірское имя архим. Бориса) поступилъ преподавателемъ «словесности» и «логики» въ томскую духовную семинарію. Въ 84 году онъ былъ приглашенъ въ казанскую академію на освободившуюся каѳедру «метафизики». Въ 86 году, по принятіи монашества, Борисъ былъ возведенъ въ архимандриты и сдѣланъ инспекторомъ московской духовной академіи. Въ 88-мъ году архимандритъ Борисъ получилъ новое назначеніе на постъ ректора кіевской семинаріи. Въ 92 году мы видимъ уже Бориса въ С.-Петербургѣ, куда онъ былъ вызванъ на чреду священнослужителя и проповѣданія слова Божія; въ это время арх. Борисъ былъ членомъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ и вмѣстѣ членомъ духовно-цензурнаго комитета.

Въ томъ-же году, послѣ преосвященнаго ректора с.-петербургской дух. академіи Антонія, нынѣ митрополита с.-петербургскаго, на каѳедру финляндскую, архимандритъ Борисъ заняль постъ ректора академіи. Только годъ пробылъ здѣсь архимандритъ Борисъ и получилъ назначеніе въ Константинополь — настоятелемъ нашей посольской церкви.

Теперь, по удаленіи преосвященнаго ректора спб. академіи Іоанна на каѳедру саратовскую, архимандритъ Борисъ снова вызванъ на постъ ректора столичной академіи.

Архимандритъ Борисъ извѣстенъ въ ученоболоховскомъ мірѣ, какъ даровитѣйшій и глубокій богословъ, человѣкъ блестящаго ума и обширной эрудиціи. Онъ писалъ и пишетъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ-то: «Филологическихъ Запискахъ», «Вѣрѣ и Разумѣ», «Православномъ Обозрѣніи», «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», «Чтеніи въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» и др. Подробный перечень сочиненій и статей арх. Бориса, въ которыхъ всюду неизмѣнно проглядываетъ его свѣтлый и всесторонне развитой умъ, отнялъ бы у насъ много времени и мѣста. Ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ его произведеній. Таковы: «Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніи къ древней греко-римской



† В. В. Чуйко.

образованности»—3 выпуска, «Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ»—2 выпуска; «О сравнительной миѳологіи Макса Миллера», «Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ», «О началѣ міра», «Апологетическое изслѣдованіе», «О невозможности чисто физіологическаго объясненія душевной жизни человѣка», «О значеніи и пользѣ образованія», «Средне-болгарскій служебникъ 1532 года». «Полеографико-глоттологическое изслѣдованіе», «Главныя черты арійской доисторической культуры, по даннымъ сравнительнаго языкознанія» и др. **И. Л.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

8-го минувшаго февраля въ с.-петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, выразившіеся въ прекращеніи студентами посѣщенія лекцій до удовлетворенія предъявленныхъ ими къ учебному начальству требованій. Къ этому движенію, изъ чувства товарищества, примкнули студенты и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и Имперіи. Въ виду непрекращавшагося движенія, 20-го февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложеніи на генералъ-адъютанта Ванновскаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ возникшихъ въ С.-Петербургѣ съ 8-го того же февраля студенческихъ безпорядковъ. Встрѣченное съ глубокимъ сочувствіемъ и почтеніемъ тою частью учащейся молодежи, которая примкнула къ движенію для поддержки товарищей, Высочайшее повелѣніе оказало вліяніе на прекращеніе волненія. Такое же успокоеніе было достигнуто и въ с.-петербургскомъ университетѣ, но затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ побочнымъ причинамъ, а также подстрекательству со стороны студентовъ кіевскаго университета, данъ новый толчокъ къ возобновленію безпорядковъ, принявшихъ болѣе рѣзкую форму и характеръ сравнительно съ предыдущими. Тайная студенческая организація университета св. Владиміра, присвоившая себѣ названіе «кіевскаго союзнаго совѣта», въ воззваніи отъ 3-го марта, разосланномъ въ другіе университеты, выразила порицаніе с.-петербугскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки, безъ соображенія съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ университетахъ и не выждавъ исполненія начальствомъ предъявленныхъ студентами требованій.

Воззваніе это распространилось между студентами университета около 12-го марта, одновременно съ сообщеніемъ изъ московскаго университета о ходѣ мѣстныхъ волненій. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній многіе студенты стали склоняться къ мнѣнію о необходимости собрать сходку въ университетѣ съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду положенія дѣлъ въ Кіевѣ и Москвѣ, вновь возбудить вопросъ о возобновленіи «обструкціи». Сходка эта состоялась 16-го марта въ актовомъ залѣ, куда силою вошли до 1,000 студентовъ и куда прибылъ также находившійся въ С.-Петербургѣ делегатъ кіевскаго университета, обратившійся къ собравшимся съ просьбою поддержать кіевскихъ товарищей и ихъ требованіе о возвращеніи высланныхъ студентовъ. Большинство присутствовавшихъ на сходкѣ высказалось за закрытіе университета и продолженіе обструкціи.

17-го марта студенты, собравшіеся въ университетъ, раздѣлились на двѣ партіи. Часть «обструкціонистовъ» ходила по аудиторіямъ, препятствуя правильному чтенію лекцій, а другіе уговаривали въ это время слушателей примкнуть къ рѣшенію, принятому наканунѣ сходкой. Студенты, желавшіе продолженія лекцій, устроили сходку въ IX аудиторіи: туда, однако, стали проникать и «обструкціонисты», грозившіе и мѣшавшіе говорить своимъ противникамъ. Сходка эта, тѣмъ не менѣе, отправила депутатовъ къ ректору съ заявленіемъ, что часть студентовъ не могла быть на лекціяхъ не по своему желанію, а исключительно, чтобы не вступать въ столкновеніе съ «обструкціонистами». Черезъ нѣкоторое время въ аудиторію прибылъ ректоръ, но, встрѣченный сильными свистками студентовъ-демонстрантовъ, вынужденъ былъ удалиться, послѣ чего около 1,400 человѣкъ *) вновь собрались въ актовомъ залѣ на сходку, на которой предсѣдательствовавшій студентъ предложилъ ораторамъ обѣихъ партій высказаться по вопросу о продолженіи обструкціи, такъ какъ рѣшеніе, и притомъ окончательное, необходимо принять немедленно, въ виду проявленія уже вновь безпорядковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ сговориться объ образѣ дѣйствій въ случаѣ закрытія университета. Послѣ рѣчей и взаимныхъ пререканій, во время коихъ часть студентовъ покинула залъ, началась баллотировка, причемъ большинство высказалось за «забастовку».

Руководящую роль въ агитаціи захватила въ свои руки часть студентовъ, назвавшаяся «организаціоннымъ комитетомъ», который и началъ съ 18-го марта продолжать изданіе ежедневныхъ бюллетеней о ходѣ безпорядковъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ заявлено было, какъ лозунгъ—возвращеніе всѣхъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и предъявленіе вновь «прежнихъ требованій».

Въ виду указанныхъ безпорядковъ, 17-го марта сдѣлано было распоряженіе объ увольненіи изъ университета всѣхъ студентовъ, при условіи допущенія черезъ извѣстный срокъ, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, новаго пріема по прошеніямъ. Эту же мѣру предположено примѣнять затѣмъ ко всякому учебному заведенію, въ коемъ обычный порядокъ занятій будетъ нарушенъ.

Въ виду невозможности собираться въ университетѣ, съ слѣдующаго дня начались собранія демонстрантовъ, доходившія до 1,000 человѣкъ, въ помѣщеніи университетской столовой, по 10-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ продолжалась раздача разныхъ изго-

*) Всего въ университетѣ около 3,700 студентовъ.

товленныхъ бюллетеней и воззваній отъ имени группъ какъ обструкціонистовъ, такъ и ихъ противниковъ. Въ столовой же впервые появилась 18-го марта крайне дерзкая, печатанная ручнымъ способомъ, прокламація, со штемпелемъ «кассы взаимопомощи», указывавшая на противоправительственный характеръ движенія и на необходимость борьбы для достиженія политическихъ реформъ.

Чтеніе этой прокламаціи вызвало, однако, въ большей части присутствовавшихъ негодованіе и заявленія, что «организаціонный комитетъ» поступаетъ нечестно, придавая дѣлу нежелательную окраску, почему воззваніе это и не получило большаго распространенія.

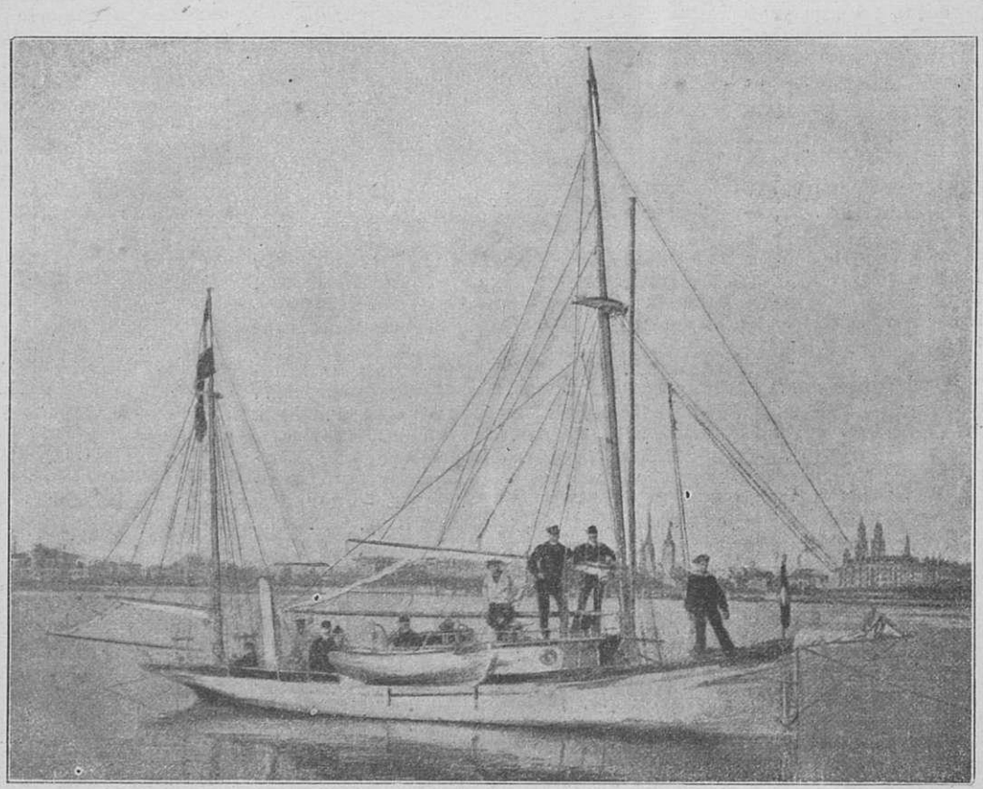
Въ виду вышеизложенной прокламаціи и въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія агитаціи и устройства сходокъ, было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ выясненныхъ уже главныхъ агитаторовъ и руководителей. Лица эти, въ числѣ 20, въ ночь на 21 марта арестованы, причемъ въ квартирѣ одного студента задержанъ почти весь составъ «организаціоннаго комитета», собравшійся туда на совѣщаніе. Обыскомъ, произведеннымъ въ упомянутой квартирѣ, обнаружено: редакціонный складъ «бюллетеней и воззваній кассы взаимопомощи» и «комитета», мимеографъ съ оттискомъ послѣднихъ бюллетеней, а также масса переписки и другихъ замѣтокъ, касающихся студенческаго броженія. Въ фуражкѣ студента, предсѣдательствовавшаго на сходкѣ 17-го марта, найдено 2 экземпляра № 4 революціонной подпольной газеты «Рабочая Мысль» и 1 экземпляръ 5 нумера той же газеты. Въ квартирахъ прочихъ лицъ обнаружены: дѣловая переписка «кассы» и «комитета», списки лицъ, прикосновенныхъ къ «кассѣ», пригласительные на сходки билеты, отчеты прихода и расхода суммъ «кассы» и пожертвованій на студенческое движеніе, черновики рукописей многихъ изданныхъ «кассою» бюллетеней и воззваній; коробка съ 3-мя штемпелями: каучуковымъ — «кассы взаимопомощи студентовъ с.-петербургскаго университета», такимъ же—«организаціоннаго комитета при с.-петербургскомъ университетѣ» и металлическимъ — того же «комитета» и гектографъ съ принадлежностями и свѣжими оттисками послѣднихъ бюллетеней и объявленій; 250 экземпляровъ революціонной брошюры, отпечатанной въ подпольной типографіи въ 1896 году, и нѣсколько экземпляровъ другихъ изданій революціоннаго характера.

Шлюпка изъ алюминія.

На слѣдующій день въ университетской столовой вновь собралась, въ томъ же приблизительно количествѣ, часть студентовъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Среди присутствовавшихъ циркулировали опять разныя изданія агитаторовъ той или другой партіи, а также извѣщеніе объ арестѣ «комитета», взамѣнъ коего въ тотъ же день сорганизовался «2-й комитетъ».

22-го, 23-го и 24-го марта группы студентовъ, собиравшихся въ той же столовой, вели оживленныя пренія по поводу забастовки и положенія дѣлъ и знакомились съ послѣдующими изданіями какъ «комитета петербургскаго университета», такъ и документами, получавшимися изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, 22-го числа было въ обращеніи новое воззваніе «кіевскаго союзнаго совѣта», присланное въ отвѣтъ на вышеуказанную печатную прокламацію, появившуюся 18-го марта, въ коемъ содержится упрекъ на несвоевременное разоблаченіе главарями агитаціи будто бы истинныхъ, революціонныхъ цѣлей движенія.

Вечеромъ 24-го марта въ квартирѣ одного изъ студентовъ былъ арестованъ «2-й организаціонный комитетъ», въ числѣ 8 человѣкъ.



Яхта, построенная изъ алюминія.

Лица эти застигнуты расположившимися вокругъ стола, на коемъ были разложены послѣднія изданія «комитета» до 27-го бюллетеня включительно; въ углу комнаты найдены брошенными свѣже-изорванные клочки бумаги, составляющіе изъ себя разорванную въ моментъ входа полиціи черновую рукопись только-что составленнаго для слѣдующаго дня 28-го бюллетеня и рукописный матеріалъ для послѣдняго.

25-го, 26-го и 27-го марта сходки въ столовой продолжались при тѣхъ же условіяхъ, поддерживаемыя послѣдующими изданіями и сообщеніями, а также агитаціей членовъ «3-го комитета», заступившаго мѣсто арестованныхъ наканунѣ, причемъ особыя старанія прилагались къ тому, чтобы распространить «обструкцію» и на экзамены, а части студентовъ, принадлежащихъ къ партіи «обструкціонистовъ» и получившихъ новые входные билеты въ университетъ, даны надлежащія указанія.

28-го и 29-го марта въ средѣ обструкціонной партіи сталъ замѣчаться нѣкоторый упадокъ духа; оставшіеся агитаторы, однако, продолжали употреблять всѣ усилія для достиженія своей ближайшей задачи—недопущенія экзаменовъ. Окончательно овладѣвъ, во главѣ съ третьимъ комитетомъ, студенческой столовой, они производили тамъ систематическую раздачу разныхъ изданій, не допуская никакихъ возраженій противъ своихъ рѣшеній и требуя продолженія прежняго образа дѣйствій, въ виду наступленія самаго серьезнаго момента борьбы.

29-го марта подвергнуты задержанію выясненные участники 3 комитета и нѣкоторые другіе, наиболѣе выдающіеся, агитаторы, въ числѣ 15 человѣкъ.

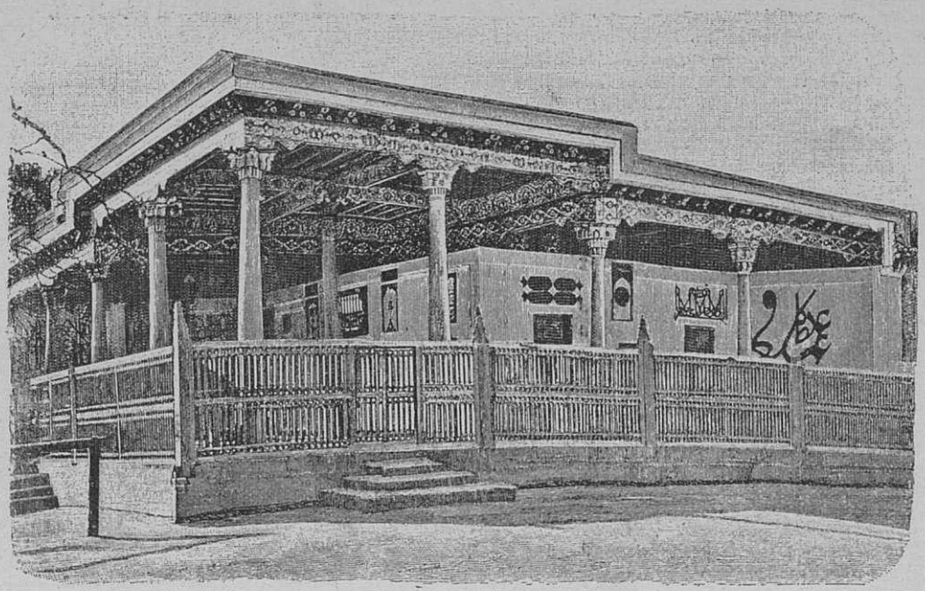
18-го марта начались сходки въ технологическомъ институтѣ, причемъ первоначально студенты, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, высказались противъ обструкціи; сходки повторились и въ послѣдующіе дни, въ виду чего всѣ студенты института 20-го марта уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты с.-петербургскаго университета.

Безпорядки въ лѣсномъ институтѣ возобновились съ 17-го марта; означеннаго числа въ институтѣ, въ присутствіи присланнаго изъ университета делегата, собрана была сходка, на коей присутствовало 312 человѣкъ изъ общаго числа 506 студентовъ; сходка эта большинствомъ голосовъ высказалась за продолженіе обструкціи. Тогда же для руководства безпорядками изъ числа агитаторовъ образовался особый комитетъ, проявившій затѣмъ свою дѣятельность также изданіемъ бюллетеней и разныхъ воззваній.

18 марта къ безпорядкамъ примкнулъ также и горный институтъ, гдѣ собрана была сходка изъ 385 студентовъ (общее число слушателей названнаго учебнаго заведенія 485). На сходкѣ присутствовали делегаты университета и лѣсного института, но, несмотря на старанія агитаторовъ, по произведенной баллотировкѣ только меньшинство присутствовавшихъ высказалось за обструкцію. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько человѣкъ составили изъ себя мѣстную «группу иниціаторовъ», которая и продолжала волновать товарищей и тѣмъ выпуска бюллетеней и другихъ воззваній; лица эти 26-го марта, въ моментъ сходки, были задержаны, причемъ по произведенному тогда же обыску найдены и вещественныя доказательства ихъ агитаціонной дѣятельности.

Затѣмъ, въ виду продолжавшагося волненія и невозможности правильнаго чтенія лекцій, было признано необходимымъ 21-го марта уволить всѣхъ студентовъ горнаго института съ правомъ подачи прошеній о пріемѣ, который производится по усмотрѣнію начальства.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи волненія, возникшее для поддержки



Закаспійская желѣзная дорога. Вокзалъ въ Самаркандѣ.

петербургскихъ товарищей, подъ вліяніемъ разосланныхъ писемъ и отправленныхъ делегатовъ, выразилось въ нижеслѣдующемъ.

Москва. Волненія среди студентовъ московскаго университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ половины февраля по полученіи свѣдѣній о петербургскихъ безпорядкахъ, но, благодаря своевременно принятымъ со стороны учебнаго начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допускавшихъ возможность благоразумной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ университетѣ. При самомъ началѣ движенія изъ среды студенчества выдѣлились наиболѣе горячія головы, старавшіяся усилить безпорядки и волновать громадное большинство студентовъ, державшихъ себя спокойно. На дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе какъ университетскаго начальства, такъ и со стороны полиціи.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе не имѣло никакихъ мѣстныхъ поводовъ и возникло на почвѣ товарищеской поддержки, и пользуясь приближеніемъ Масленой недѣли, а также полагая, что волненіе уляжется само собой ко времени возобновленія учебныхъ занятій, было рѣшено, до наступленія поста, временно удалить въ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеозначенныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а правленіе университета, съ своей стороны, исключило 2-хъ и уволило 162 студента университета, предполагая ходатайствовать предъ министромъ народнаго просвѣщенія о возвращеніи таковыхъ по возстановленіи академическаго порядка. Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, за исключеніемъ лишь 16-ти, наиболѣе виновныхъ въ агитаціи, коимъ пребываніе въ Москвѣ воспрещено въ теченіе года, на основаніи положенія объ охранѣ.

Лишившись значительнаго числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе безпорядковъ, тѣмъ не менѣе продолжала всѣми способами поддерживать волненія между учащеюся молодежью, не останавливаясь даже передъ угрозами физическаго воздѣйствія *) въ отношеніи посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, независимо сего, распубликованы были ими для общаго свѣдѣнія.

Выпущенное по этому поводу 20 февраля отъ имени «группы борьбы противъ университетскаго режима» воззваніе, съ обращеніемъ къ товарищамъ, указывая, что, изъ-за посѣщенія отдѣльными лицами лекцій, университетъ «не закрытъ», предъявляло нижеслѣдующее требованіе: «Въ виду того, что наши цѣли безконечно велики по сравненію съ низкими побужденіями этихъ отщепенцевъ, въ виду того, наконецъ, что было бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ прилагать къ поведенію этихъ вредныхъ для среды существъ принципъ свободы «взглядовъ» и «убѣжденій», мы просимъ товарищей о принятіи по отношенію къ нимъ слѣдующихъ мѣръ: установивъ ихъ личность, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздѣйствію, считая при этомъ допустимыми всѣ формы и всѣ степени въ виду указанной уже вредности этихъ антиобщественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ: безъ свидѣтелей, съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ виднѣе взявшимся за это дѣло».

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ, которыя издаваемы были стоявшимъ во главѣ движенія «исполнительнымъ комитетомъ», а также присылались въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ. Особенно вредное въ этомъ отношеніи вліяніе имѣли: воззваніе «кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій», отъ 12 февраля, и появившаяся въ Москвѣ прокламація «Къ учащейся молодежи», отъ имени «союза соціалистовъ-революціонеровъ». Первое воззваніе указывало на цѣли студенческаго движенія, признавая таковое «не минутной, быстро гаснущей вспышкой возмущеннаго чувства, а сознательнымъ и стойкимъ протестомъ противъ общаго режима», и на «близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ вырастетъ общественное движеніе», а упомянутая прокламація «Къ учащейся молодежи» выражала сочувствіе студентамъ со стороны революціонеровъ и указывала на важность движенія въ смыслѣ политическаго воспитанія молодежи, которая, несомнѣнно, должна затѣмъ придти къ сознанію необходимости примкнуть къ активной борьбѣ съ правительствомъ.

По полученіи въ университетѣ свѣдѣній о состоявшемся 20 февраля Высочайшемъ повелѣніи о разслѣдованіи причинъ петербургскихъ безпорядковъ, «исполнительный комитетъ» 23 февраля выпустилъ особое воззваніе о необходимости «держаться прежней тактики впредь до выясненія дѣла и возвращенія высланныхъ изъ Москвы товарищей»; 26 февраля появилось подобное-же «извѣщеніе» отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища.

Несмотря на происки неблагонамѣренной части студенчества, цѣль агитаціи — закрытіе университета — не могла быть достигнута къ началу марта, и съ понедѣльника первой недѣли поста назначено было возобновленіе занятій въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, временно пріостановленныхъ по случаю Масленой недѣли. 1 марта на лекціи явилось сравнительно незначительное число слушателей (въ университетѣ 450, техническомъ училищѣ 100, сельскохозяйственномъ институтѣ — 25), причемъ медики одного изъ курсовъ, собравшись на сходку, отправили отъ себя депутацію къ ректору, съ заявленіемъ, что студенты не могутъ приступить къ занятіямъ до возвращенія высланныхъ товарищей.

2 марта лекціи въ университетѣ продолжались, за исключеніемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человѣкъ, стали шумѣть и кричать, а затѣмъ толпою удалились. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признав-

Царскіе вагоны на Закаспійской желѣзной дорогѣ.

*) Чему и было нѣсколько примѣровъ.

шая необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищей и 2) устраненія на будущее время высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академическаго характера.

Въ прочихъ учебныхъ заведеніямъ Москвы занятія въ это время возобновились.

3 марта лекціи въ университетѣ посѣщались весьма немногими; въ 2 часа на дворѣ собралась сходка болѣе 1,000 человѣкъ, впущенныхъ затѣмъ, съ разрѣшенія ректора, въ актовый залъ. По окончаніи сходки, къ ректору отправлена была депутація, заявившая, что изъ числа 1,055 присутствовавшихъ 724 высказались за продолженіе обструкціи до удовлетворенія ходатайства правленія университета о смягченіи участи уволенныхъ студентовъ; по вопросу же о продолженіи обструкціи до обнародованія генералъ-адъютанта Ванновскаго 800 голосовъ высказалось противъ.

4 марта лекціи вновь слушались незначительнымъ числомъ, съ 12 часовъ начались сходки по факультетамъ, причемъ медицинскій и естественный факультеты изъявили желаніе посѣщать лекціи, а юристы младшихъ курсовъ высказались за забастовку.

На слѣдующій день на лекціи явилось большее число слушателей (въ клиникахъ присутствовало до 700); на всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ числѣ 1,130 за прекращеніе обструкціи, а 622 — за продолженіе ея.

6 марта университетъ посѣтило 1,829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8 марта количество слушателей увеличилось еще болѣе; сходки хотя и происходили, но внѣ опредѣленнаго для занятій времени. Университетское начальство признало порядокъ возстановленнымъ, и, съ согласія министра народнаго просвѣщенія, 8 марта въ университетѣ, ректоромъ было выставлено объявленіе слѣдующаго содержанія: «Въ виду возстановленія нормальнаго порядка учебной жизни въ университетѣ, ходатайство правленія объ обратномъ принятіи студентовъ, исключенныхъ и уволенныхъ правленіемъ 15, 17 и 18 февраля сего года, утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 7 марта. Вмѣстѣ съ симъ объявляется, что сходки запрещены § 15 правилъ для студентовъ, собранія же, разрѣшенныя временно ректоромъ университета для нѣкоторыхъ разъясненій, въ настоящее время безусловно воспрещаются". Того же числа московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи уволеннымъ по распоряженію правленія университета студентамъ о разрѣшеніи вернуться имъ въ Москву для обратнаго поступленія въ университетъ.

Стоящая за продолженіе «обструкціи» партія (до 600 человѣкъ), съ «исполнительнымъ комитетомъ» во главѣ, съ перваго дня занятій возобновила свою агитаціонную дѣятельность, дѣйствуя на студентовъ, главнымъ образомъ, посредствомъ ежедневно выпускаемыхъ особыхъ бюллетеней, въ коихъ, отчасти съ извращеніемъ фактовъ и помѣщеніемъ въ своихъ цѣляхъ ложныхъ свѣдѣній, излагался ходъ движенія, результаты голосованій на сходкахъ, сообщались фамиліи студентовъ, посѣщавшихъ лекціи, и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о движеніи пожертвованій въ пользу товарищей, и давались указанія на слѣдующіе дни. Изъ другихъ листковъ, ходившихъ по рукамъ, наибольшее вліяніе опять оказало воззваніе «кіевскаго союзнаго совѣта» отъ 3-го марта, заключающее въ себѣ порицаніе петербургскимъ студентамъ, по поводу ихъ отказа отъ обструкціи, и указаніе на необходимость продолженія начатой борьбы.

9-го, 10-го и 11-го марта лекціи продолжались, причемъ студенты ежедневно собирались также и на сходки; 10-го, по распоряженію и. д. ректора, въ университетѣ выставлено было новое объявленіе, гласившее, что «принятыя временно чрезвычайныя мѣры теряютъ силу и взамѣнъ ихъ вступаютъ въ дѣйствіе обычныя правила» и съ указаніемъ, между прочимъ, на то, что «посылка депутатовъ дѣйствующими правилами воспрещается».

Это объявленіе, а равно таковое же ректора отъ 8-го марта, истолковано было главарями обструкціонной партіи въ смыслѣ нарушенія ректоромъ даннаго имъ ранѣе согласія собираться на курсовыя совѣщанія и притомъ внѣ надзора чиновъ инспекціи. «Исполнительный комитетъ» тотчасъ же воспользовался въ своихъ цѣляхъ появившимся среди студентовъ недовольствомъ на университетское начальство и развилъ на этой почвѣ сильную агитацію, внушая студентамъ надежду на отстрочку предстоящихъ экзаменовъ, распространяя слухи, что не всѣ уволенные по распоряженію правленія университета будутъ возвращены обратно, и т. п. Благодаря этому, къ 11-му марта число сто-

Θ. Н. Щербина.

ронниковъ обструкціи возросло на нѣсколько сотъ человѣкъ; на сходкахъ же, состоявшихся 9-го и 10-го марта, рѣшено собрать къ 12-му числу окончательныя свѣдѣнія о количествѣ стоящихъ за продолженіе безпорядковъ и установить самую форму послѣднихъ.

По подсчету курсовыхъ голосованій оказалось, что 1,366 студентовъ высказались, противъ 679, за забастовку, указавъ, какъ на причину послѣдней: 1) оскорбленіе студентовъ-делегатовъ, которымъ даются обѣщанія, тотчасъ же отмѣняемыя, и 2) недостаточность гарантій слова ректора относительно упорядоченія дѣйствій инспекціи (бюллетени 12-го и 13 марта), а къ этимъ двумъ причинамъ сходка, собравшаяся на слѣдующій день, прибавила еще требованіе о допущеніи со стороны ректора частныхъ совѣщаній по вопросу объ отношеніи къ студентамъ чиновъ инспекціи, впредь до выработки правленіемъ новой инструкціи неделямъ (бюллетень 13-го марта).

15-го марта на занятія явилось незначительное число студентовъ; остальные, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, явились въ университетъ лишь для присутствія на сходкахъ; 14 человѣкъ, собравшихся въ аудиторіи для слушанія лекціи профессора Соколовскаго, силою выгнаны были оттуда своими товарищами-забастовщиками.

(*Окончаніе будетъ*).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Великіе дни страданій и смерти Христа, пришедшаго въ міръ и за міръ умершаго. Наши рисунки посвящены именно воспоминаніямъ объ этихъ дняхъ, когда поруганный и осмѣянный толпою, одѣтый въ багряницу, снова представъ предъ іудейскою толпою Христосъ. И снова Пилатъ не нашелъ въ немъ вины, и іудейскій правитель сказалъ, обратившись къ разъяренной толпѣ слѣпого народа:

„Вотъ, я вывожу Его вамъ, чтобы вы знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины. Тогда вошелъ Іисусъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряницѣ. Сказалъ имъ Пилатъ: „Се Человѣкъ"! (Ев. Іоанна, 19, 4—5)

Но толпа продолжала безумствовать въ своемъ ослѣпленьи. И тогда, наконецъ, Пилатъ, видя упорство толпы, имъ предалъ Іисуса на распятье.

„И взяли Іисуса и повели. И, неся крестъ Свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое Лобное, по-еврейски Голгоѳа, тамъ распяли Его и съ Нимъ двухъ другихъ, по ту и другую сторону, а посреди Іисуса". (Ев. Іоанна, 19, 16—18).

Свершилось!

„Послѣ сего Іосифъ изъ Аримаѳеи (ученикъ Іисуса, но тайный — изъ страха отъ іудеевъ) просилъ Пилата чтобы снять тѣло Іисуса; и Пилатъ позволилъ. Онъ пошелъ и снялъ тѣло Іисуса. Пришелъ также и Никодимъ (приходившій прежде къ Іисусу ночью) и принесъ составъ изъ смирны и алоя, литръ около ста. И такъ они взяли тѣло Іисуса и обвили его пеленами съ благовоніями, какъ обыкновенно погребаютъ іудеи. На томъ мѣстѣ былъ садъ, и въ саду гробъ новый, въ которомъ еще никто не былъ положенъ. Тамъ положили Іисуса ради пятницы іудейской, потому-что гробъ былъ близко". (Ев. Іоанна 20, 38—42).

Закаспійская желѣзная дорога.

Желѣзная дорога, выстроенная русскими инженерами отъ Красноводска, лежащаго на берегу Каспійскаго моря, до Самарканда, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ предпріятій въ свѣтѣ. Большую часть своей длины она проходитъ по песчаной пустынѣ. Затѣмъ, она отличается выдающимися инженерными постройками. Самаркандомъ желѣзная дорога не кончится: предполагается ея продолженіе отъ Ташкента черезъ Семипалатинскъ на Омскъ, т.-е. соединеніе съ великимъ сибирскимъ путемъ, а изъ Андижана вѣтвь пойдетъ на Кашгаръ для соединенія съ сѣверной китайской дорогой. Эту дорогу началъ строить генералъ Анненковъ и военное вѣдомство, теперь же она перешла въ вѣдѣніе министерства путей сообщенія.

Н. Θ. Щербина.

10 апрѣля исполнилось тридцать лѣтъ со дня кончины одного изъ талантливыхъ и оригинальныхъ поэтовъ Н. Θ. Щербины (род. 2 дек. 1821 г. † 10 апр. 1869 г.). Антологическія пьесы Щербины еще до сихъ поръ не утратили своей свѣжести, его эпиграммы носятъ характеръ злой, мѣткой сатиры, но имя Щербины давно забыто и мало кто знаетъ о немъ. Нельзя назвать подобное забвеніе заслуженнымъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Жив. Об." мы дадимъ подробный очеркъ жизни и творчества Н. Θ. Щербины.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть снабжены именами, фамиліей и адресомъ автора.
2. На отвѣтъ должна быть приложена почтовая марка.
3. Рукописи не принятыхъ редакціей статей, размѣромъ болѣе печатнаго листа (35,000 буквъ), сохраняются ТРИ мѣсяца, по истеченіи какового срока уничтожаются.
4. Стихотворенія и рукописи объемомъ менѣе печатнаго листа, непринятыя редакціей, не сохраняются вовсе и не возвращаются авторамъ.
5. Авторовъ непринятыхъ стихотвореній редакція извѣщаетъ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ «Почтовомъ ящикѣ» журнала.
6. Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 11 ч.—1 ч. дня. Внѣ этого времени пріема нѣтъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Опо — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи

В. АУРИХА,
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Лиговская 44.

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и антекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-9.

Черезъ Ла-Маншъ на воздушномъ шарѣ. Въ концѣ декабря прошлаго года два извѣстныхъ воздухоплавателя Лоренсъ Суинбернъ и Персиваль Спенсеръ, задались мыслью переправиться черезъ Ла-Маншъ на воздушномъ шарѣ. Въ 11 ½ часовъ утра они поднялись на шарѣ изъ Хрустальнаго дворца въ Лондонѣ, и въ 4 ½ часа пополудни спустились въ Сенъ-Ромэнъ де-Кальбо, во Франціи; путешествіе продолжалось слѣдовательно пять часовъ. Шаръ этихъ воздухоплавателей былъ совершенно такъ же устроенъ, какъ шаръ Андрэ. Утро, когда смѣлые путешественники рѣшились подняться, было холодно и ясно. Когда шаръ былъ отвязанъ, онъ сразу поднялся на высоту 1,200 футовъ и съ земли можно было видѣть, какъ огромная корзина понеслась къ югу. Сначала шаръ поднялся на высоту 2,000 футовъ, но потомъ сталъ такъ сильно спускаться, что корзина цѣплялась за скалы Бичи-Гида; пришлось выбросить балластъ. Надъ моремъ шаръ находился на высотѣ 5,850 футовъ, и воздухоплаватели не видали ни судовъ, ни птицъ. Но скоро шаръ снова сильно опустился, оказалось нужнымъ выбросить послѣдній балластъ, и шаръ поднялся на высоту 7,000 футъ. Когда путешественники очутились надъ французскимъ материкомъ, они открыли клапанъ, и шаръ опустился надъ полемъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.*
Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

проф. М. Неймайера.

Вышло 30 выпусковъ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей

заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).

Подписная цѣна за всѣ 30 вып. 12 руб. 80 коп.

При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Открыта подписка на соч.

ЧЕЛОВѢКЪ

проф. І. РАНКЕ.

Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета А. П. Синявскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.

30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

Благодареніе Всевышнему! Съ Божія благословенія 6-го Декабря прошлаго года совершили мы закладку Православнаго храма въ Буэносъ-Айресѣ—перваго на своемъ обширнѣйшемъ южно-американскомъ материкѣ—во имя Св. Живоначальныя Троицы, съ придѣломъ въ честь Свв. Николая Чудотворца и Маріи Магдалины, въ память Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, за что Государь Императоръ изволилъ выразить лично Свое Августѣйшее согласіе.

На дальнѣй чужбинѣ, гдѣ до сихъ поръ не сіялъ Православный Крестъ, съ помощію Всевышняго поздвигнется Домъ Божій, Домъ молитвы, въ стилѣ небольшихъ московскихъ церквей XVII и XVIII вв., который внутри и снаружи будетъ напоминать всѣмъ о дорогой нашему сердцу Св. Руси православной; въ нижнемъ этажѣ подъ храмомъ будетъ помѣщеніе для школы, а позади его причтовый домъ. По смѣтѣ стоимость всего исчислена въ 93,000 песо бумажками (по теперешнему курсу 80,000 рублей кредитными, а раньше это было только 60,000 рублей), безъ внутреннихъ украшеній. Постройка ведется подъ руководствомъ одного здѣшняго архитектора, предложившаго свои услуги совершенно безвозмездно.

Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было обратить Свое милостивое вниманіе на это дѣло и пожертвовать 5,000 руб. отъ Своихъ щедротъ. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна со Своими Августѣйшими Дѣтьми, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и Великою Княжною Ольгою Александровною, соблаговолила пожертвовать также 5,000 рублей. Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергій Александровичъ, Константинъ Константиновичъ и Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна также вложили свои щедрыя лепты на дѣло Божіе.

Не откажите и вы, дорогіе соотечественники, по примѣру возлюбленнаго Монарха, принести свою посильную жертву для окончанія и внутренняго украшенія воздвигаемаго храма въ славу родной вѣры и русскаго имени въ далекой странѣ!

Пожертвованія принимаются въ Хозяйственномъ Управленіи Св. Синода, въ конторѣ „Новаго Времени“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Московскаго Листка“.

№ Б. Н. В. Г. Настоятель, прот. *Конст. ИЗРАЗЦОВЪ.*

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи міросозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

«ВѢЧНАЯ СЛАВА». Историческая хроника изъ временъ борьбы Нидерландовъ за свою независимость XVI столѣтія, извлеченная изъ голландскихъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ и изложенная **Н. А. Рубакинымъ**. Съ рисунками К. Лебедева и др. художник. М. 1899. Ц. 75 к

Столѣтіе веселящаго газа. Въ настоящемъ году исполнится сто лѣтъ, какъ открыты замѣчательныя свойства закиси азота. Еще въ 1722 году химикъ Пристлей открылъ закись азота, но она оставалась безъ всякаго примѣненія до 1799 года, когда извѣстный англійскій химикъ Дэви открылъ анэстезирующую способность этого газа. Вдыхаемый въ смѣси съ атмосфернымъ воздухомъ или кислородомъ, при обыкновенной температурѣ и давленіи, онъ вызываетъ особое чувство опьяненія уничтожающее боль, но не чувствительность, за что его назвали веселящимъ газомъ; безъ этихъ примѣсей онъ производитъ полную потерю сознанія. Пробужденіе наступаетъ довольно скоро безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Не смотря на блестящіе опыты, веселящій газъ долго оставался безъ примѣненія. Въ 1844 году химикъ врачъ Кольтонъ горячо рекомендовалъ это средство. Первые воспользовались его совѣтомъ два лондонскихъ дантиста. Одинъ изъ нихъ, Горасъ Уэльсъ, заставилъ Джона Ригса вытащить ему зубъ подъ наркозомъ закиси азота; операція прошла такъ легко, что Уэльсъ не могъ съ точностью опредѣлить время, когда зубъ былъ вырванъ. Съ тѣхъ поръ примѣненіе веселящаго газа въ зубоврачебной практикѣ распространилось по всему земному шару съ удивительною быстротой. При наркозѣ этимъ средствомъ больного раздѣваютъ и кладутъ въ почти горизонтальномъ положеніи; для того, чтобы ротъ оставался во время операціи открытымъ, между челюстей ущемляютъ толстую резиновую пробку. Вдыханіе газа производится посредствомъ маски особаго устройства, прикрывающей ротъ и носъ; послѣ 50 или 60 секундной наркотизаціи больной теряетъ сознаніе, и въ такомъ положеніи остается столько времени, сколько нужно для безболѣзненной операціи. Во время наркоза у больного часто являются веселыя сновидѣнія, заставляющія его громко хохотать. На этомъ основаніи этотъ газъ получилъ названіе веселящаго газа.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ **А. Михайлова.** Цѣна 1 рубль.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

LE TRÈFLE INCARNAT DE L·T·PIVER PARFUM A LA MODE

8025—7

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ

«ВОРТА»

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Кіевъ, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.

№ 2992

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ.

КАХЕТИНСКИХЪ ВИНЪ садовладѣльц.

А. С. ВАРТАЗАРОВА

ВО ВЛАДИКАВКАЗѢ.

Удостоенъ за натуральн. бѣл. и крас. вина, Высш. награда на рус. и иностр. выставкахъ.

Ведро вина 5, 6, 7, 8, 10, 12 р. Цѣны безъ ящ. 36 б. 10, 12, 14, 16, 20, 24 р. посуды.

Провозъ по жел. д. всюду 30—45 к. съ пуд. Церков. вино съ перес. и посуд. ведро 8 руб.

Присылать задатокъ. Прейсъ-кур. безплат.

3040

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

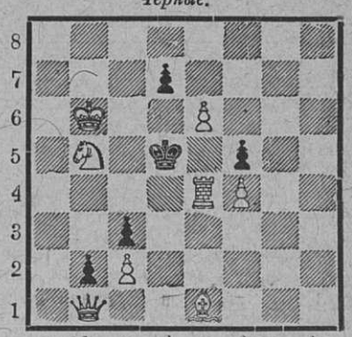
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 110.

Ф. Бреде (въ Либавѣ).

Изъ „Baltischen Schachblätter“.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

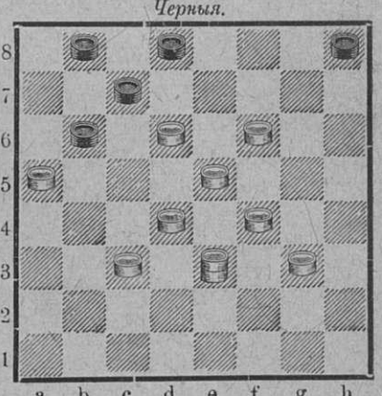
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 97.

М. Н. Цѣпалиной (въ Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть простую.

ЭТЮДЫ И КОНЦЫ ПАРТІЙ.

№ 51. В. Г. Кульчицкаго (въ Кіевѣ).

Изъ журнала „Шашки“.

—a7, f8; —b6.

—e3, g3.

Выигрышъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 15 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 12 рисунками, обложки и приложеній, I) Новѣйшія Парижскія Моды, № 4 (за апрѣль 1899 года), II) Листъ выкроекъ и узоровъ для вышиванія III) Раскрашенная картинка: Модные туалеты.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 8 апрѣля 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, соб. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 16.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 16-го нумера.

Воскресенье, 18-го апрѣля 1899 г.

Статьи:

„Христосъ воскресъ". Стихотвореніе В. Ив.— „На закатѣ". Разсказъ. Николая Носкова. — „Кудіаровъ кладъ". (Пасхальная быль). В. Лебедева. — „Мироносицы". Стихотвореніе Леонида Афанасьева. — „Забытый долгъ". Очеркъ Александра Клюкина.— „Воистину воскресъ!" Стихотвореніе Павла Попова. — „Свѣтлое Христово Воскресеніе". (Изъ семейной хроники). П. Россіева. — Празднованіе Пасхи и Юрьева дня у болгаръ и у сербовъ. Г. — *** Стихотвореніе Михаила Майкова. — Правительственное сообщеніе. (Окончаніе). — Хроника.

Рисунки:

Христосъ воскресе! Съ картины худож. Райляна. — Въ ожиданіи парома. Съ картины худож. Мираллеса-Дарманена. — Итальянская цвѣточница. — Плата впередъ! Съ картины худож. Э. Мейзеля. — Весенній сонъ! Съ картины худож. Винченцо Иролли. — Шіонъ. Съ картины худож. М. Гайссера. — Весенній день на затонѣ. (Шесть рисунковъ). — Профессоръ Н. В. Склифасовскій. — М. Г. Савина. — † А. Ѳ. Бычковъ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ Вѣнѣ. 2982
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкою. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Лиговская, 44.

Большое депо часовъ
Невскій пр. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. Петербургъ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
безъ боя отъ . . . . 120 до 300 руб.
съ боемъ „ . . . . 250 до 10,000 руб.

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
«ИЗДАТЕЛЬ»,
Спб., Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.
МИНДАЛЬНОЕ
МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. **А. ЭНГЛУНДЪ.**
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ. — Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Михайловская площ. д. № 2 Жербина.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.
ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.
ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.
КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.
РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.
ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.
«ВѢЧНАЯ СЛАВА». Историческая хроника изъ временъ борьбы Нидерландовъ за свою независимость XVI столѣтія, извлеченная изъ голландскихъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ и изложенная **Н. А. Рубакинымъ**. Съ рисунками К. Лебедева и др. художник. М. 1899. Ц. 75 к.

Fleichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Цѣна коробки 1 рубль.
Лучшая пудра для вечера, а также и дня. Незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!
ТЕАТРАЛЬНЫЯ ГРИМИРОВКИ!
РУМЯНА, БѢЛИЛА и КАРАНДАШИ ДЛЯ БРОВЕЙ!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ. БЕРЛИНЪ. Поставщикъ королевскихъ театровъ Берлина и Брюсселя.
Главное депо для Россіи у В. АУРИХЪ, Лиговская, № 44. Спб. 2796—4.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
вазелиновое туалетное, кусокъ 30 коп.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ
вазелиновую, коробка въ 60 и 30 коп. 3053
Поддѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла Голлендера явились въ продажѣ, а потому торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ», обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать во избѣжаніе покупки поддѣлки, только мыло «Голлендеръ» вазелиновое туалетное, высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ. Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Оптовая продажа у изобрѣтателей: С.-Петербургъ, Разъѣзжая № 13, торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ».

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ КНИГА, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ
СЧАСТЛИВЫЕ №№
ВЫИГРЫШ-
ныхъ бил. 1, 2 и 3 з. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к. (съ налож. 1 р. 30 к.) Спб. Вознесенскій 37, кв. 32. Красильниковъ. 1-го Марта с. г. на доказ. №№ пало 255 выигрышей на сумму 483 тыс. рубл. 3058-1

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
НЕМНОГІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
пользуются такимъ
ВСЕМІРНЫМЪ распространеніемъ
и популярностью, какъ извѣстная уже въ теченіе 20 лѣтъ слабительная вода Францъ-Іосифъ, о чемъ блестяще свидѣтельствуютъ **10 золотыхъ** медалей, присужденныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта.
ОНА ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
Дирекція слабительной воды ФРАНЦА-ІОСИФА въ Будапештѣ. (4)

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“
Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

„ПОГРОМЪ“
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.
Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.
Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ВЫИГРЫШНЫЕ
3-й заемъ на тиражъ 1 мая продаетъ Банк. Кон. **Е. П. ФЕДОРОВА.** Спб. Невскій пр. 97. 1 взносъ — 10 руб съ уплатой остальной ссуды частями на льготныхъ условіяхъ. Порученія гг. иногор. исполняются добросовѣстно. Страхованіе бил. отъ гг. иног. по 1 р. 10 к. и 15 к. марк.
ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.
3061

БЕРНДОРФСКІЙ МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
АРТУРЪ КРУППЪ.
ART. KRUPP BERNDORF
ВЪ МОСКВѢ НА КУЗНЕЦКОМЪ МОСТУ
РЕКОМЕНДУЕТЪ ГОСТИННИЦАМЪ И ХОЗЯЙСТВАМЪ СВОИ ИЗДѢЛІЯ
ИЗЪ МАССИВНАГО МЕТАЛЛА „АЛЬПАКА“
БѢЛО СЕРЕБРИСТАГО ЦВѢТА: ВЪ НАТУРАЛЬНОМЪ ВИДѢ,
И ПОКРЫТЫЯ ГУСТЫМЪ СЛОЕМЪ ЧИСТАГО СЕРЕБРА.
А ТАКЖЕ **КУХОННАЯ ПОСУДА** ИЗЪ **ЧИСТАГО НИКЕЛЯ.**
И. Анофріевъ Гр.
Представитель для Петербурга, О. ШПЕННЕМАНЪ, Чернышевъ пер. 12—66.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 16. Воскресенье, 18-го Апрѣля 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.

Христосъ Воскресе!

Рисунокъ Райлянъ. Гравировалъ В. Адтъ.

„ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ“.

Мракъ полночный небо кроетъ,
Надъ землею тишина.
Лѣсъ могучій тихо воетъ,
По кустамъ идетъ весна.

* * *

Чу! раздался гдѣ-то низко
Колокольный тихій звонъ...
Вотъ еще, совсѣмъ ужь близко..
И пошло со всѣхъ сторонъ.

Вотъ сверкнулъ тамъ огонечекъ,
Вотъ еще, вотъ тамъ еще.
Милліономъ красныхъ точекъ
Загорѣлось въ церкви все.

* * *

Вотъ разнесся легкій ропотъ,
И, какъ будто-бы съ небесъ,
По полямъ пронесся шопотъ:
Смерть поправъ, Христосъ воскресъ!“

В. Ив.

НА ЗАКАТѢ.

Разсказъ.

I.

УЖЕ смеркалось, когда Антонъ Прохорычъ, весь обвѣшанный мѣшечками и кулечками, въ ватномъ пальто на распашку и въ шляпѣ-котелкѣ, съѣхавшей на затылокъ, прошелъ своею нетвердою, дряблой походкой по корридору. Длинный и сумрачный корридоръ хранилъ суровое молчанье, угрюмо чернѣя безконечными рядами своихъ желтыхъ дверей. Въ корридорѣ было безлюдно и пусто, и никто не обратилъ вниманія на проходившаго Антона Прохорыча, ничей любопытный взглядъ не проводилъ его до дверей той каморки, въ которой онъ обиталъ.

Центръ обывательскихъ интересовъ всецѣло былъ перенесенъ въ кухню, откуда долеталъ цѣлый гомонъ стозвучныхъ голосовъ. Только одно чуткое ухо уловило шаги Антона Прохорыча, и маленькая, понурая фигурка, копошившаяся около плиты, какъ-то болѣзненно вздрогнула, насторожилась и пробормотала озабоченно:

— Никакъ Антонъ Прохорычъ? Будетъ мнѣ теперь, будетъ!

— Енъ и есть, легокъ на поминѣ, отвѣтила, просовывая носъ въ двери, вѣчно грязная и вѣчно находившаяся въ растрепанныхъ чувствахъ корридорная стряпуха и корридороправительница Маланья, неизмѣнно признававшая лишь одинъ авторитетъ своей собственной особы и уступавшая его только по праздничнымъ и высокоторжественнымъ днямъ вліянію своего кума.

— Ишь застрекозила-то... Подумаешь, и дѣло какое важное, а всего только что Антонъ Прохорычъ домой явился.

— Эка невидаль, прости Господи! пустила Маланья въ догонку удалявшейся старухѣ и снова принялась скрести полъ мочалкой съ неменьшимъ ожесточеніемъ, съ какимъ отбивала посягательства кума на свое добро, сложенное въ красномъ сундучишкѣ, который торчалъ подъ кроватью на кухнѣ.

Но старуха ничего не слышала, она бѣжала впередъ во всю прыть своихъ ногъ, несясь къ комнатѣ Антона Прохорыча. Она легонько толкнула дверь и быстро захлопнула ее снова и, остановясь у притолки, сказала быстро, виновато глядя по сторонамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ соберу на столъ. Вы ужь не серчайте, Антонъ Прохорычъ, замѣшкалась я.

— Вы постоянно замѣшкиваетесь, Марья Петровна, отвѣчалъ, отдуваясь и еле переводя духъ отъ отдышки Антонъ Прохорычъ. Онъ сидѣлъ въ углу въ драномъ креслѣ, въ ватномъ пальто на распашку и въ томъ же котелкѣ, съѣхавшемъ на затылокъ.

— Вы вотъ лучше объясните мнѣ, Марья Петровна, съ какихъ это поръ вы стали пренебрегать моими приказаніями?

Лицо Марьи Петровны, сморщенное, маленькое, похожее на печеное яблоко, сморщилось еще больше.

— Развѣ я посмѣю, начала было она, соображая, какъ бы выразится попочтительнѣе, потому-что слово „пренебрегать“ ей рѣшительно было не по сердцу, но Антонъ Прохорычъ перебилъ ее и, тыча по направленію къ двери указательнымъ пальцемъ, сказалъ:

— Дверь опять не была заперта. Я вамъ тысячу разъ приказывалъ не дѣлать ничего подобнаго. И, повернувшись на каблукахъ, онъ закончилъ величественно:

— Давайте обѣдать.

Марья Петровна, какъ птица, выпущенная на свободу изъ клѣтки, выпорхнула изъ комнаты, оставя Антона Прохорыча съ величественнымъ жестомъ наединѣ съ самимъ съ собою посреди комнаты.

Величественность его разомъ пропала, и онъ понурясь поплелся къ столу и, теребя концы затасканной скатерти, покрывавшей столъ, положилъ голову на руки и замеръ.

Ему было не по себѣ; что-то томило и мучило его сердце, какая-то тоска неясная, неопредѣленная, какъ предчувствіе чего-то недобраго, уже давно овладѣла имъ. Онъ пытался срывать ее въ безпричинномъ гнѣвѣ, но гнѣвъ не давалъ удовлетворенія; гнѣвъ утихалъ, проходилъ, но тоска не проходила и мучила еще больше. Онъ пробовалъ обратиться къ другому средству, и на столѣ его не разъ горделиво возвышалась бутылка вина или убогій флаконъ съ водкой, но и вино и водка, во-первыхъ, стоили денегъ, а во-вторыхъ, не помогали. А тоска томила попрежнему и сны снились по ночамъ одинъ другого страшнѣе и гаже.

Когда Марья Петровна снова появилась въ дверяхъ, то Антонъ Прохорычъ не обратилъ на нее ровно никакого вниманія. Напрасно она умышленно стучала тарелками и ножами, Антонъ Прохорычъ былъ безчувственъ даже къ ѣдѣ, къ той самой ѣдѣ, которую онъ любилъ больше всѣхъ и вся въ своей жизни.

— Что это у васъ всегда такъ долго? сказалъ онъ ворчливо, поднимая голову, но прежняго ѣдкаго сарказма, которымъ онъ изводилъ всегда свою сожительницу, не слышалось въ этихъ словахъ, въ тонѣ его голоса. Онъ былъ скорѣе мраченъ, чѣмъ золъ. И больше ничего не сказалъ и уткнулся въ тарелку. Но скоро бросилъ ложку, поднялся, нахлобучилъ на лобъ шляпу, надѣлъ пальто и, прихвативъ палку, направился къ дверямъ.

Въ комнатѣ было тихо и томительно-уныло, только стѣнные ветхіе часы стучали своими ржавыми колесами, да маятникъ глупо качался изъ стороны въ сторону, отбивая тактъ. И также стучало сердце Марьи Петровны, слезы застилали ея глаза, выражавшіе полную покорность судьбѣ. Наружно она давно привыкла ко всѣмъ выходкамъ Антона Прохорыча, только это глупое сердце привыкнуть никакъ не могло, и волновалось оно, и терзалось оно, не видя и не ожидая просвѣта въ жизни. Но она сидѣла молча, не выдавая душевнаго волненія. Антонъ Прохорычъ смѣрилъ ее взглядомъ и остановился у двери, потомъ досталъ изъ кармана скомканную кредитку и, подавая ее женѣ, сказалъ отрывисто:

— Приготовьте все, чтобы какъ у людей было... какъ прежде... И скрылся въ дверяхъ.

II.

Онъ не видалъ взгляда, которымъ проводила его жена. Но съ ней самой творилось что-то неладное. За эти два слова „какъ прежде“ она готова была забыть всю свою изжитую въ конецъ жизнь, — жизнь, полную попрековъ, нѣмой тоски и

ежедневныхъ униженій. Она терпѣливо и молча сносила ихъ, платя за нихъ какою-то рабьей привязанностью. Быть можетъ, Антонъ Прохорычъ былъ правъ, чуть-ли не ежедневно повторяя: „глупая вы женщина, Марья Петровна, я не знаю, что у васъ въ головѣ, но увѣренъ, что только не мозги. Мозговъ у васъ очень мало“, но Антонъ Прохорычъ былъ несправедливъ, потому что у Марьи Петровны было золотое сердце. Онъ не цѣнилъ его вовсе и на ея рабью привязанность отвѣчалъ насмѣшками и униженіями. Впрочемъ, онъ надъ всѣми насмѣхался и ничего не признавалъ, кромѣ своего собственнаго „я“, выше котораго онъ не зналъ ничего. Онъ считалъ себя человѣкомъ большого ума и немалыхъ добродѣтелей, хотя эти послѣднія и понималъ нѣсколько по своему. Это своеобразное пониманіе доставляло ему не мало гордости: онъ вѣрилъ твердо въ самого себя и считалъ себя человѣкомъ рѣдкой индивидуальности, не похожимъ на остальныхъ людей. Людей онъ вообще не любилъ и относился къ нимъ не лучше чѣмъ затравленный звѣрь къ охотникамъ. Его главнымъ догматомъ было, что окружавшіе его люди всѣ мерзавцы, и умный человѣкъ не можетъ, не долженъ и не смѣетъ не презирать ихъ. Его сердце было озлоблено, жизнь засушила его душу, и казалось, что только ненависть да гнѣвъ и могутъ уживаться въ этомъ сердцѣ вмѣстѣ съ заботами о довольствѣ собственной особы. Онъ былъ эгоистомъ высшей мѣрки и ни отъ кого не таилъ своего эгоизма. Ко всѣмъ онъ относился одинаково высокомѣрно, а къ своей сожительницѣ даже прямо презрительно. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на вещь, которая необходима ему постольку, поскольку онъ самъ извлекаетъ для себя пользу. Она была его кухаркой и сидѣлкой и больше ничего отъ нея требовалось. Ея терпѣливость, ея молчаливая покорность, съ которой она сносила брань, гнѣвъ и даже угрозы, не примиряли его съ нею, а только возмущали. Возмущалъ и самый видъ ея; забитая, понурая фигура не возбуждала никакого состраданія, а скорѣе какую-то животную гадливость. Но ему доставляло громадное наслажденіе уже одно сознаніе, что подлѣ него живетъ человѣкъ, не похожій на всѣхъ остальныхъ, человѣкъ, надъ которымъ онъ можетъ продѣлывать все, что угодно. И въ пылу самыхъ жестокихъ попрековъ и брани это бѣдное забитое созданье съ вѣчно моргающими, вспухшими отъ слезъ глазами только кротко смотрѣло въ уголъ, гдѣ висѣла икона, а блѣдныя губы беззвучно шептали:

— Помяни царя Давида и всю кротость его.

Она вѣрила твердо, что эти слова отвратятъ гнѣвъ Антона Прохорыча и пошлютъ миръ въ его озлобленную душу. И точно, гнѣвъ затихалъ, сорвавшись подобно неудержимому вешнему ливню, и голосъ Антона Прохорыча переходилъ на низкія ворчливыя ноты. Эти ноты хорошо знала Марья Петровна, изучила ихъ за долгую совмѣстную жизнь.

— Что вы теперь скажете въ свое оправданіе, Марья Петровна? спрашивалъ обыкновенно уже безъ крика, но насмѣшливо, Антонъ Прохорычъ затихая.

— Ничего не могу сказать я, вамъ лучше вѣдать, Антонъ Прохорычъ. Вамъ лучше...

— Видите-ли, я никогда зря не деру глотки, всегда по дѣлу, вы должны помнить это, Марья Петровна.

— Я помню-съ, все помню, Антонъ Прохорычъ.

— Обязаны помнить, выпаливалъ Антонъ Прохорычъ и закуривалъ дрянную сигару, всегда являвшуюся въ его рукахъ въ минуту упокоенія отъ душевныхъ волненій.

А она ускользала какъ школьница незамѣтно въ комнаты, воспользовавшись миновавшей грозой, и, прислонившись гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, въ сторонѣ отъ нескромныхъ глазъ докучныхъ наблюдателей, горько плакала, заглушая, рыданья, и только тихо повторяла:

— Господи, Боже, хоть смерть мнѣ послалъ бы поскорѣе, хоть-бы умереть.

Въ этомъ были всѣ ея надежды, въ этомъ угрюмомъ для многихъ призракѣ смерти она искала и находила желанное утѣшеніе.

Натура у нея была не глубокая, по крайней мѣрѣ такъ могло показаться поверхностному наблюдателю. Уже черезъ какихъ-нибудь пять-десять минутъ она „стрекозила“, по выраженію Маланьи, по корридору, и только красный обводъ подъ глазами говорилъ о недавно происшедшей драмѣ. Наружно же она была спокойна, весела даже. У нея была одна черта, за которую, помимо всѣхъ ясно выраженныхъ словъ и желаній, Антонъ Прохорычъ не могъ не цѣнить ее. Сердце у нея было могила. То, что творилось въ этомъ сердцѣ никто не зналъ, и даже на торжицѣ обывательской суеты—въ кухнѣ, представлявшей изъ себя дамскій клубъ особаго рода, никто ни разу не слышалъ о печаляхъ, волненіяхъ или страданіяхъ этого сердца. Даже болѣе: вся жизнь Антона Прохорыча, эта таинственная жизнь, проходившая на обывательскихъ глазахъ, но прикрытая какою-то таинственной завѣсой, не нашла, какъ ожидали обывательскія дамы, искусной и знающей истолковательницы. Она была со всѣми въ добрыхъ отношеніяхъ, со всѣми ласкова, но ни съ кѣмъ не дружила особенно. Корридорныя сплетни и дрязги также не касались ея. Но она была виднымъ лицомъ въ обывательской жизни. Когда нужно было призанять щепотку чая или горсть сахару, или нѣсколько копѣекъ денегъ въ долгъ до получки—всѣ шли къ Марьѣ Петровнѣ, и она тихо, шопоткомъ говорила, пугливо озираясь по сторонамъ и моргая своими подслѣповатыми глазками:

— Ужо, ужо... теперь никакъ невозможно, потому... принесу, сама принесу, и старалась какъ улитка поскорѣе забраться въ свою раковину.

Это „ужо“ для всѣхъ было понятно, оно означало, что Антонъ Прохорычъ дома, и у его сожительницы связаны руки.

Досужая обывательская сплетня, не щадившая ничего, пощадила сѣдины Марьи Петровны. Всѣ сошлись на одномъ, что сердце у нея золотое, а сама она жалкая, бѣдная — словомъ, мученица, а Антонъ Прохорычъ кровопійца, тиранъ и что этого не признавать можетъ только одна Марья Петровна.

Объ Антонѣ Прохорычѣ вообще ходили недобрые слухи.

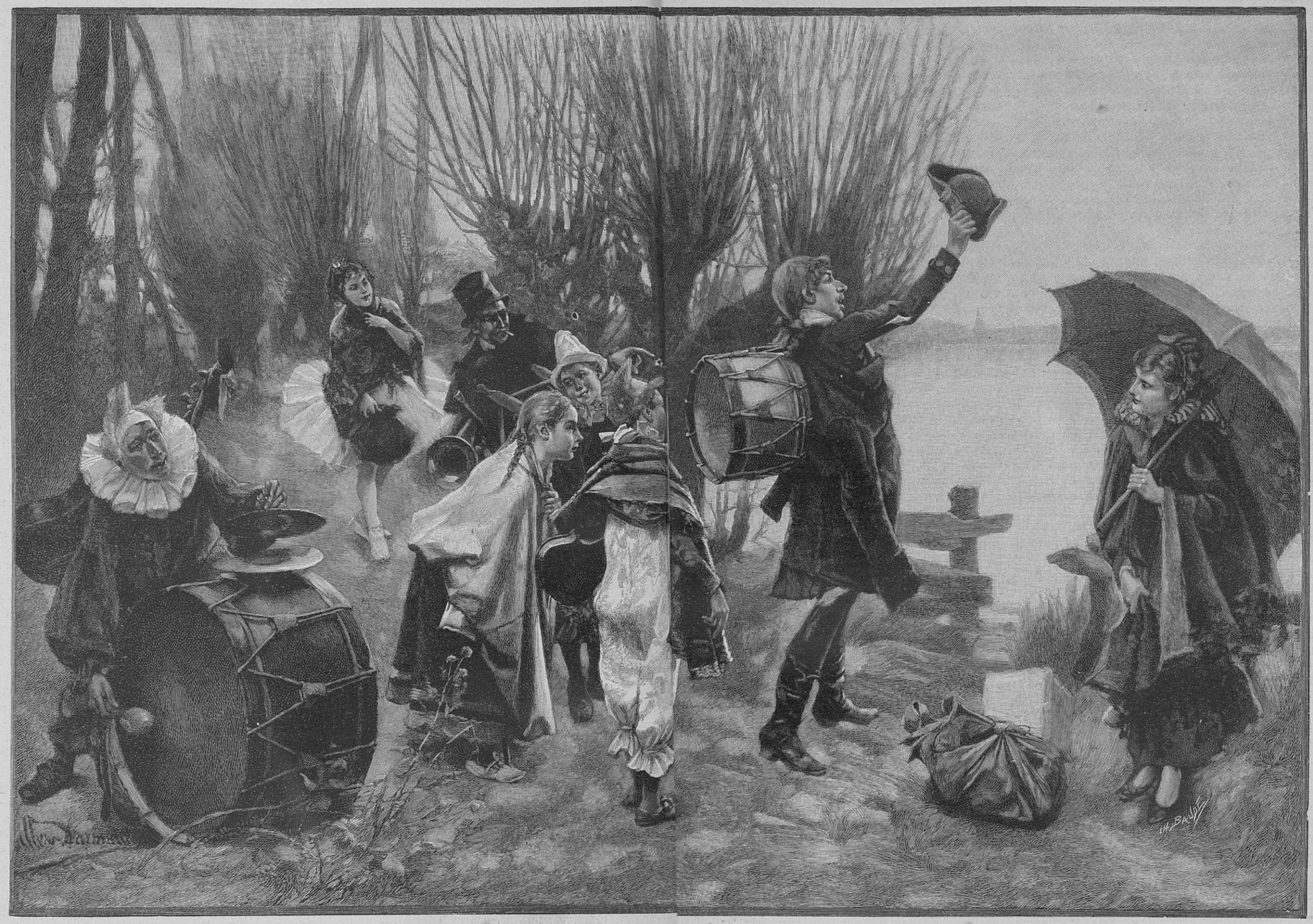
Среди трудового, нуждающагося люда, населявшаго „большой домъ“, Антонъ Прохорычъ являлся крупнымъ богатѣемъ и трутнемъ. Когда въ будніе дни обыватели вставали спозаранку и спѣшили на службу или на обычныя работы, наскоро прополаскавъ голодные желудки жиденькимъ чайкомъ, Антонъ Прохорычъ еще нѣжился въ постели; въ то время, какъ обыватели нуждались въ каждомъ грошѣ, Антонъ Прохорычъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ и жилъ если и не весело, то привольно. Никто не зналъ, чѣмъ собственно занимается и на что живетъ Антонъ Прохорычъ, но всѣ знали, что онъ ничего не дѣлаетъ, а деньжищъ у него много. Со всѣми обитателями дома онъ держалъ себя гордо: ни съ кѣмъ не кланялся самъ и никому не отвѣчалъ на поклоны, словно всѣхъ презиралъ и сторонился. Ни одна обывательская нога не переступала порога его комнаты, и тамъ, за порогомъ ея, начинался таинственный, неизвѣстный міръ, сорвать завѣсу съ котораго покушалось уже не одно любопытное „дамское“ воображеніе. Но все было безуспѣшно. За отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній, создавались легенды, и скоро имя Антона Прохорыча было опутано крѣпкими тенетами сплетней, вымысла и фантастическихъ умозаключеній досужихъ обывательницъ большого дома. Его сосѣдка справа, отъ комнаты которой Антона Прохорыча отдѣляла тонкая, досчастая перегородка и соединяла общая печь, обслуживавшая обѣ комнаты, устроила себѣ около этой печки наблюдательный постъ и скоро проникла въ тайну Антона Прохорыча. Сосѣдка могла подъ присягой показать и поклясться, что Антонъ Прохоровичъ занимается далеко не почетнымъ ремесломъ: деньги даетъ подъ проценты. Но такъ какъ у сосѣдки была хроническая болѣзнь въ карманѣ, то она сначала и порѣшила обратить занятіе Антона Прохорыча въ свою пользу. Поймавъ его въ корридорѣ, она, при посредствѣ ласковыхъ эпитетовъ и нѣжныхъ словъ, всегда бывшихъ у нея въ запасѣ, обратилась къ Антону Прохорычу. Но онъ только вскинулъ своими густыми, нависшими бровями и, смѣривъ ее взглядомъ, произнесъ отрывисто:

— Неподходящее вы дѣло задумали, сударыня: ни вы, ни я не имѣемъ чести знать другъ друга вовсе.

Но онъ жестоко ошибался: сосѣдка прекрасно знала его, а то, что знала она, скоро дѣлалось общимъ достояніемъ всего дома. И скоро всѣ уже доподлинно знали, что Антонъ Прохорычъ ростовщикъ. Къ нему ѣздили разодѣтыя дамы, изящные кавалеры, ѣздили на пять-десять минутъ и возвращались то опечаленные, то сіяющіе, словно какой кладъ нашли они у Антона Прохорыча.

— Сегодня двумъ по три сотни отвалилъ, а одному отказалъ, повѣствовала на кухнѣ сосѣдка,—потому, говоритъ, неподходящее дѣло. „Что вы мнѣ,“ говоритъ, аспидъ этакій, кровопійца настоящій, больной женою въ носъ тычетъ. Я не благодѣтель какой, а деньги въ ростъ пускаю, потому только этимъ и живу. Вотъ если-бы вы мнѣ сказали, напримѣръ, что на

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА МИРАЛЛЕСЪ-ДАРМАНЕНЪ.



ВЪ ОЖИДАНИИ ПАРОМА.

кутежку надо, да обезпеченьеце надлежащее привезли, я бы вамъ слова дурного не сказалъ, взялъ быда сотнягу и выложилъ. А то, скажите пожалуйста, жена родила, жена помираетъ! да вѣдь не моя жена, государь мой, а до другихъ женъ мнѣ нѣтъ ровно никакого дѣла. Вовсе-съ не намѣренъ я съ бѣдныхъ людей, такихъ какъ вы, да еще проценты брать, все равно не заплатите, а если и такъ, то сами съ голоду помрете и жена ваша тоже... „Такъ-таки и не далъ, колдунъ окаянный.

Среди мѣщанской голытьбы и обнищавшей голи, еще не забывшей своего благороднаго, дворянскаго происхожденія, Антонъ Прохорычъ свилъ себѣ прочное, хотя и нельзя сказать чтобы уютное гнѣздо. Легенды за легендами окружали его сѣдую, полысѣвшую голову, одна изъ нихъ забывались, за ними возникали новыя, а онъ жилъ, презрительно и высокомѣрно относясь ко всему. Въ воображеніи всѣхъ этихъ загнанныхъ нуждой и забитыхъ жизнью людей фигура Антона Прохорыча вырисовывалась въ нѣчто яркое, опредѣленное. Его скорѣе боялись, чѣмъ ненавидѣли, его жизнь болѣе интересовала, чѣмъ возмущала кого-либо. Наконецъ, и съ нимъ примирились. За десять лѣтъ пребыванія въ „большомъ домѣ“ онъ сдѣлался непремѣннымъ его членомъ, хотя и далекимъ, чуждымъ по духу для остальныхъ обывателей. Впрочемъ, этому примиренію способствовало одно обстоятельство далеко не мирнаго свойства. Прежде примиренія Антону Прохорычу былъ устроенъ со стороны обывателей настоящій подвохъ, а въ общей кухнѣ состоялся настоящій женскій митингъ, на которомъ говорили только двѣ дамы.

„Дамы“ говорили о невозможности сносить долѣе пребываніе Антона Прохорыча въ ихъ мирной обывательской семьѣ, говорили долго и много о своемъ благородномъ происхожденіи и о плебейскомъ званіи Антона Прохорыча, объ его грубости, отсутствіи всякихъ манеръ и благовоспитанности и, наконецъ, о томъ, что присутствіе мужчины въ ихъ домашнемъ обиходѣ онѣ считаютъ прямо-таки оскорбительнымъ для ихъ женской стыдливости и цѣломудрія. Говорили много, безтолково, но ни до чего путнаго не договорились.

Изъ-за „благороднаго происхожденія“, на которое оссбенно били двѣ благородныя дамы, вышелъ цѣлый скандалъ. Дамы, не имѣвшія счастья принадлежать къ разряду благородныхъ, рѣшили твердо отстаивать свою позицію и своимъ крикомъ и всѣмъ „хамскимъ поведеніемъ“ изгнали благородныхъ, изъ кухни и приступили въ одиночествѣ къ рѣшенію вопроса объ изгнаніи.

Обвиненіе въ оскорбленіи женскаго цѣломудрія исчезло само собою послѣдовалъ весьма оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которыхъ наиболѣе рельефно отразились никому изъ обывательницъ невѣдомыя обстоятельства смерти и ервой жены Антона Прохорыча, которую онъ вогналъ въ гробъ, а также и то, что Антонъ Прохорычъ ни поста не держитъ, ни церкви не посѣщаетъ. Рѣшено было жаловаться управляющему. Наконецъ, и самъ Антонъ Прохорычъ и его поведеніе наскучили въ конецъ, и тогда раздался одинъ трезвый, протестующій голосъ.

— Чѣмъ бока то старикашкѣ мыть, шли бы лучше чай пить. Вонъ и кипятокъ готовъ. А жилецъ онъ обстоятельный, за фатеру исправно завсегда платитъ, немного, чай, такихъ здѣсь-то будетъ. А правляющій, что вы тамъ ему ни говорите, и за ухомъ не почешется, и жалиться-то ему нечего.

Этотъ протестующій голосъ принадлежалъ Маланьѣ. И, гордая своимъ сознаніемъ, она высунулась изъ кухонныхъ дверей и, не смотря, что вся почти наличность жильцовъ находилась въ кухнѣ, заорала благимъ матомъ:

— Кипятокъ скипѣлъ. Кипятокъ!

Однако, рѣшеніе, принятое собравшимися, жаловаться управляющему, осталось въ силѣ, только никто не пожелалъ жаловаться первой. И тутъ выручила Маланья. Она пожаловалась первая... самому Антону Прохорычу. Антонъ Прохорычъ улыбнулся, далъ ей полтинникъ и сказалъ зло:

— Зря нечего болтать Видно будетъ.

И всѣмъ было видно, когда пріѣхалъ управляющій и обвелъ начальствующимъ взглядомъ пустые корридоры, то въ дверяхъ защелкали замки, и обывательницы попрятались въ свои гнѣзда. Только одна дверь, обыкновенно бывшая на запорѣ, распахнулась во всю ширь, и на порогѣ ея предсталъ Антонъ Прохорычъ. Но говорить съ управляющимъ на „торжищѣ“ онъ не пожелалъ, и оба удалились въ комнату Антона Прохорыча. Результатомъ этого разговора явилось полное посрамленіе враговъ. Къ вечеру всѣ знали, по разсказамъ Маланьи, что Антонъ Прохорычъ не только остается жить, но даже уплатилъ за комнату за полгода впередъ.

Марья Петровна во всей этой исторіи не принимала никакого участія, потому что въ это время она коротала свои дни въ богадѣльнѣ, куда устроилъ ее Антонъ Прохорычъ уже давно и куда отсылалъ ее въ минуты, когда ея пребываніе становилось для него почему-либо невтерпежъ. Это была своего рода ссылка, къ которой онъ прибѣгалъ нерѣдко.

Эта ссылка окончилась лишь тогда, когда, въ одинъ изъ дней, Антонъ Прохорычъ почувствовалъ, что сидѣлка и нянька ему необходимы, когда онъ болѣе сутокъ пролежалъ безъ чувствъ одинъ въ пустой комнатѣ, ничкомъ у двери, не въ силахъ ни двинуться, ни крикнуть. И нога и языкъ не слушались и не хотѣли исполнять его приказаній. Съ этого времени онъ сталъ бояться своего одиночества и сталъ бредить близкою смертью. Смерти онъ боялся и даже самой мысли о ней, а мысли сами лѣзли въ голову и во снѣ и на яву. Онъ одряхлѣлъ, погнулся, видимо, о чемъ-то мучился, о чемъ-то терзался, но крѣпился.

Разодѣтыя дамы и изящные кавалеры стали появляться все рѣже и рѣже на порогѣ его комнаты и, наконецъ, совсѣмъ изчезли. По утрамъ, спозаранку онъ уходилъ куда-то, а на столѣ появилась крошечная книжечка въ черномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ посерединѣ.

Онъ читалъ эту книжечку, сидя въ драномъ креслѣ, но продолжалъ сердиться и кричать, если-бы Марьѣ Петровнѣ случайно пришлось потревожить его, но утихалъ быстро и опять принимался читать, какъ-то украдкой, словно стыдясь и этой черненькой книжечки съ крестомъ на переплетѣ, и взглядовъ жены. Бывали минуты, когда вдругъ онъ уставится своимъ мутнымъ взоромъ въ лицо Марьи Петровны и смотритъ на нее долго, пристально, словно хочетъ что сказать ей. А она вся похолодѣетъ подъ его взглядомъ и сидитъ неподвижно, а внутри все подымается, все трепещетъ, и жутко ей и страшно дѣлается, точно глазъ-на-глазъ сидитъ она съ безумцемъ. Нѣсколько разъ она пыталась спросить его, но слова не шли съ губъ, и она нерѣшительно только заявляла:

— Вамъ не подать ли чего, Антонъ Прохорычъ?

Онъ очнется и отвѣтитъ сурово, прежнимъ тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Не надо.

А она, не постигая причины этой двойственности своимъ умомъ, сердцемъ хорошо понимаетъ, что онъ говоритъ неправду, что будто что-то и надо ему, только что именно — ни умъ, ни сердце не могутъ подсказать ей. Въ эти минуты молчаливаго разговора онъ кажется ей такимъ жалкимъ, бѣднымъ созданьемъ, что ей плакать хочется отъ прилива жалости и тоски, отъ чувства какого-то томительнаго, гнетущаго одиночества.

Она замѣчаетъ, какъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ Антонъ Прохоровичъ, какъ онъ мѣняется весь. Онъ сталъ какъ будто щедрѣе и больше началъ обращать вниманія на Марью Петровну. Прежде онъ учитывалъ ее въ каждой копѣйкѣ и всячески ругался, если случайно узнавалъ, что Марья Петровна отнесла объѣдки отъ обѣда какой либо умирающей съ голоду обывательницѣ чердака большого дома. Когда же Марьѣ Петровнѣ приходилось замѣнять лохмотья своего платья новымъ, то попрековъ и ругани не было конца. Тяжелая артиллерія всякой брани привѣтствовала появленіе каждой обновы на ея плечахъ. А за послѣднее время онъ самъ заявляетъ:

— Вамъ надо бурнусъ перекрыть, точно нищая ходите.

— Куда я хожу, Антонъ Прохорычъ?..

— Вамъ надо бурнусъ перекрыть, слышите-ли? и нѣсколько скомканныхъ кредитокъ кидались съ шумомъ на столъ. На то, что онѣ кидались, Марья Петровна уже и вниманія не обращала, къ другому способу она и не привыкла, но все же забобы Антона Прохорыча, его щедроты трогали ее. Она не благодарила, не выражала какихъ либо знаковъ благодарности, но вся расцвѣтала, и по ея расцвѣтшему лицу Антонъ Прохорычъ могъ заключить, насколько трогаетъ ее его вниманіе. Онъ не любилъ ни самъ благодарить, ни когда его благодарятъ. Марья Петровна дѣйствовала въ его духѣ, и это не вызывало никакихъ осложненій съ его стороны. Никакихъ противорѣчій своему „я“ онъ не допускалъ, и желанію этого „я“ Марья Петровна давно подчинилась со всей пассивностью своей натуры. Но въ этой пассивности была ея сила. Между ними шла глухая, невидная, будничная борьба, пережившая давно свой острый фазисъ и вступившая въ тотъ періодъ, когда даже былыя уступки являются своего рода

завоеваньемъ въ настоящемъ. Онъ былъ самодуромъ и нравъ, по убѣжденію Марьи Петровны, имѣлъ строптивый до крайности и отъ этого нрава самъ мучился больше всѣхъ". И сегодня она видѣла его мученія и въ этихъ нервныхъ движеніяхъ, съ которыми онъ хлебалъ супъ, и въ этомъ поспѣшномъ уходѣ, вызванномъ лишь тѣмъ, что ему стало совѣстно предъ женою, что онъ такъ долго мучилъ ее, ни однимъ словомъ не упоминая о праздникѣ. Она сама на свои гроши, отданные сосѣдкой, испекла украдкой булочку, чтобы имѣть подобіе кулича. Спрашивать Антона Прохорыча она ни за что бы не стала: такъ бы и разговѣлась этой булочкой наподобіе кулича, смоченной для великаго праздника солеными слезами. Первая она ни за что бы не подошла и терпѣливо выжидала бы, не образумится ли Антонъ Прохорычъ въ послѣднюю минуту, какъ терпѣливо выжидала его приказаній во всю свою невеселую, долгую жизнь. Она знала, что онъ всегда поступаетъ такъ, мучая ее и не щадя самого себя. И вдругъ, „чтобы все какъ у людей было, какъ прежде".

Она даже готова была всплакнуть отъ волненья, — такъ странно, непонятно-хорошо звучали въ ея душѣ эти два простыя слова: „какъ прежде". И прошлое, счастливое прошлое витаетъ надъ посѣдѣлой головою Марьи Петровны. Тутъ и садъ, и жасмины, и нѣжныя слова, и Антонъ Прохорычъ въ куцомъ пиджачкѣ и весь въ солнечномъ блескѣ. А затѣмъ разореніе и крахъ, жалкіе остатки капиталовъ, полулишенный разсудка Антонъ Прохорычъ, безсонныя ночи, попреки и опять деньги, деньги, векселя и проценты на первомъ планѣ. Но прошлое заволакивается туманомъ, и только столъ, уставленный всякою снѣдью, остается отъ этого прошлаго, и Марья Петровна быстро накидываетъ свой только что перекрытый бурнусъ. Она вся поглощена своими хозяйственными заботами, однимъ желаніемъ—угодить старику, чтобы все было какъ прежде. И маленькими, но быстрыми шагами она сѣменитъ уже по коридору и стремглавъ летитъ по улицѣ по направленію къ рынку. Въ головѣ ея толпятся неотвязные предметы съѣдобнаго свойства, особенно любимые Антономъ Прохорычемъ.

IV.

Съ ворохомъ тюричковъ и свертковъ она побѣдоносно возвращается домой, вся проникнутая важностью только что исполненнаго дѣла, сознаніемъ торжественности наступающаго великаго дня. Но на лѣстницѣ ее встрѣчаютъ опять мрачные будни, въ видѣ блѣдной, изможденной голодомъ и грустью, одной изъ обывательскихъ фигуръ.

— Закупочки къ праздничку дѣлали? говоритъ эта блѣдная фигура, а сухіе, воспаленные глаза съ голодной завистью смотрятъ на тюрички и мѣшечки, среди которыхъ утонула Марья Петровна.

— Такъ, кое-что, скромно отвѣчаетъ Марья Петровна, потупляя глаза. — Ну, а у васъ какъ? дѣтишки-то, поди, еще не ѣмши?.. Блѣдная фигура отчаянно машетъ рукою и разражается сухимъ, чахоточнымъ кашлемъ.

— Для насъ праздники хуже будней. Ничего у насъ нѣтъ.

Марья Петровна торопливо лѣзетъ въ бездонный карманъ своего допотопнаго бурнуса, извлекаетъ оттуда что-то звенящее и яркое и, сжимая свою крошечную руку въ кулачекъ, говоритъ полусердито:

— И больше-бы рада, да нѣтъ у меня. Все мое тутъ, все. И машетъ крыльями бурнуса, словно вспугнутый воробей крылами, и говоритъ:

— Послѣ, послѣ сочтемся. Отработаете послѣ, и разомъ перепархиваетъ на нѣсколько ступеней впередъ, оставляя чахоточную фигуру и мрачные будни далеко позади себя.

У нея въ комнатѣ давно уже все прибрано, и она терпѣливо ждетъ, чтобы праздникъ переступилъ порогъ этой комнаты.

Праздники всегда вносили въ обывательскую жизнь новый элементъ. Они были своего рода солнцемъ въ этой, по большей части, горемычной жизни.

И самъ домъ, холодный и мрачный въ обыкновенное время, зіяющій сотнею своихъ скупо освѣщенныхъ оконъ и сумракомъ своихъ длинныхъ корридоровъ, словно принаряжался и молодѣлъ. На лѣстницахъ привѣтливѣе вспыхивали огоньки убогихъ лампочекъ, въ корридорахъ смолкалъ шумъ обычныхъ злободневныхъ волненій, стихалъ крикливый гомонъ голосовъ, и надъ всѣмъ домомъ воцарялись миръ и тишина.

Эту тишину внезапно потревожили тяжелые шаги Антона Прохорыча. Вошелъ онъ молча, однимъ глазомъ окинулъ покрытый чистой скатертью столъ и молча же усѣлся въ свое драное кресло. Онъ долго сидѣлъ такъ и все смотрѣлъ своимъ мутнымъ взглядомъ куда-то въ пространство, потомъ крякнулъ и сказалъ:

— Марья Петровна.

— Что угодно, Антонъ Прохорычъ, и остановилась, выжидая его приказаній.

— Говорить съ вами хочу.

Это было уже совсѣмъ неожиданно, и Марья Петровна знала, что Антонъ Прохорычъ сейчасъ скажетъ: „глупая вы женщина, Марья Петровна", потомъ спроситъ, сколько она денегъ истратила, и начнетъ учитывать въ каждой копѣйкѣ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ сказалъ только: „Марья Петровна", и замолчалъ. Она видѣла по его лицу, что ему трудно говорить, но и молчать еще труднѣе. Что-то камнемъ лежало на его душѣ, а такихъ камней, знала Марья Петровна, было не мало. Но одинъ былъ всѣхъ тяжелѣе.

— Подите къ Амосову, понимаете, къ нему, и скажите, что Антонъ Прохорычъ кланяться велѣли и что никакихъ, слышите, никакихъ, векселей онъ не беретъ, а деньги вамъ такъ посылаетъ, въ долгъ, значитъ, на честное слово. И не на честное слово, а, значитъ, остатокъ отъ того, что переплачено было... И скажите ему еще, что пусть помираетъ спокойно, и Антонъ Прохорычъ собирается тоже помирать, а съ собой денегъ некуда брать... и что это не ради его прекрасныхъ глазъ дѣлаетъ Антонъ Прохорычъ, а потому ему такъ хочется, послѣдняя значитъ воля... и она должна быть священна. Вы-то довольны, вѣдь Амосовъ этотъ самый — другъ вашъ.

— И не другъ онъ совсѣмъ мой, Антонъ Прохорычъ только дѣло-то хорошее задумали вы.

— Хорошее, говорите? съ ироніей спросилъ онъ и взглянулъ на нее строгимъ, испытующимъ взглядомъ.

Но она не потупилась, не отступилась, она почувствовала, что здѣсь сила на ея сторонѣ, и сказала ласково:

— И все бы въ печкѣ сжечь, чтобы никакихъ не было...

— Вы-то съ чѣмъ останетесь? По міру ходить будете. Или думаете, что нажитыя деньги въ прокъ не пойдутъ?

— Не пойдутъ, Антонъ Прохорычъ, не пойдутъ, голубчикъ, все прахомъ пойдетъ и оставлять-то намъ некому, а обо мнѣ совсѣмъ не заботьтесь. Я еще помру-то скорѣе васъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее быстрымъ, скользящимъ взглядомъ и пробурчалъ:

— Нечего зря говорить. Всѣ помремъ. А кто раньше, кто позже—не намъ судить.

— Божья воля, вздохнула Марья Петровна.

— То-то что не наша.

Онъ насупился и отвернулся.

Первый гулкій ударъ колокола прозвучалъ въ вешнемъ воздухѣ и ворвался въ комнату.

Антонъ Прохорычъ взялъ со стола маленькую черненькую книжечку съ золотымъ крестомъ, и губы его беззвучно шепчутъ знакомыя когда-то, но позабытыя давно слова. А Марья Петровна забилась въ уголокъ и смотритъ на висящій въ углу образъ Богоматери, озаренный яркимъ сіяніемъ лампады, и одного только проситъ ея сердце: чтобы миръ снизошелъ въ озлобленную душу Антона Прохорыча и чтобы сегодняшній добрый порывъ не остался минутною вспышкой, однимъ только порывомъ. И кажется ей, что въ ея безпросвѣтную жизнь ворвался словно лучъ животворящаго солнца, согрѣлъ, оживилъ ее своею лаской, а сердце такъ и замираетъ въ груди, въ какой-то томительной, но сладкой истомѣ.

А колокола гудятъ и гудятъ, и бѣлесоватый сумракъ вешней ночи ползетъ въ комнату, и объемлетъ ее всю — эту убогую комнату — миромъ и тишиною.

Николай Носковъ.

КУДІАРОВЪ КЛАДЪ.

(Пасхальная быль).

I.

Въ богатомъ селѣ Боршевѣ, что стояло на опушкѣ густого, дремучаго Усманскаго лѣса, православный людъ готовился встрѣчать свѣтлый праздникъ Христова Воскресенія... Въ воздухѣ пахло весной, таяли снѣга глубокіе, покрывавшіе лѣсистый и гористый край Воронежскій...

Тяжелые дни стояли на Руси; правилъ ею царь Иванъ Васильевичъ Грозный, омрачилось царево сердце немилостью и гнѣвомъ, войны шли съ ливонцами, да ляхами. Съ бѣлокаменной Москвы доходили до глухихъ лѣсовъ воронежскихъ худыя вѣсти...

Боршевскія избушки свѣтились въ пасхальную ночь огоньками; церковь боршевская сіяла тысячами восковыхъ свѣчекъ. За глубокимъ оврагомъ, въ сторонѣ къ лѣсу, раскинулась усадьба бор-

шевскаго боярина Пріимкова, Ивана Матвѣевича. По всей округѣ шла про боярина не больно-то добрая слава... Кряжистый и скупой былъ старикъ, много плакались на него и крестьяне, и дворня — холопы безотвѣтные... Если-бы не добрая жалостливая боярышня свѣтъ-Парасковья Ивановна, то съ голоду поморилъ-бы скупой бояринъ своихъ домочадцевъ. Служба царская не удалась старику, грозный царь Иванъ Васильевичъ на него за какую-то провинность гнѣвъ держалъ, и жилъ Пріимковъ вдали отъ стольной Москвы, въ опалѣ, утѣшаясь лишь сундуками накопленнаго золота да серебра...

Ярко были освѣщены въ пасхальную ночь боярскія хоромы; суетились по горницамъ, лѣсенкамъ да переходамъ празднично одѣтые холопья. Самъ бояринъ Пріимковъ, собравшійся уже къ заутренѣ въ боршевскую церковь, ходилъ изъ угла въ уголъ по большой, богатой горницѣ; парчей и золотнымъ шитьемъ свѣтился праздничный кафтанъ старика. Бояринъ ждалъ дочку, которую обряжали въ ея свѣтлицѣ сѣнныя дѣвушки. У дверей стоялъ старый дворецкій боярина, толстый, лысый Лукашъ, вѣрный, давній слуга.

— Ты, Лукашъ, присматривай позорче за дворней-то, — говорилъ, хмурясь, бояринъ. — Они, обжоры такіе, небось, навалятся на разговѣнное-то, такъ и не удержишь... Объѣдятъ совсѣмъ...

— Слушаю, батюшка! Не изволь кручиниться...

— Да тамъ скажи въ кладовкѣ, чтобы причту дары приготовили. Допрежъ пусть мнѣ покажутъ, а то вѣдь что ни-на-есть дорогое отберутъ...

— Все исполню, бояринъ, — кланялся Лукашъ.

За окнамъ позванивали бубенцы приготовленной для боярина тройки. Вдругъ зазвенѣли еще какіе-то колокольцы... старый бояринъ прислушался и сердито нахмурился.

— Это кого-же въ такое время принесло? Взгляни-ка, Лукашъ... Мигомъ сбѣгалъ проворный дворецкій въ сѣни и, вернувшись, доложилъ робкимъ голосомъ:

— Батюшка бояринъ, Лобановъ, Яковъ Петровичъ, на тройкѣ пригналъ, хочетъ твои свѣтлыя очи видѣть...

— Въ умѣ-ли онъ?! Нѣшто въ такую пору въ гости ѣздятъ?..

— Больно ужь проситъ Яковъ Петровичъ-то... Не уѣду, говоритъ...

— Подлинно рехнулся... Ну-ка впусти...

Высокій, широкоплечій, румяный молодецъ, въ щегольской однорядкѣ, смѣло вошелъ въ горницу и отвѣсилъ низкій поклонъ хозяину. Первымъ кулачнымъ

Итальянская цвѣточница.

бойцомъ и охотникомъ слылъ по околотку силачъ и красавецъ Яковъ Лобановъ — сынъ небогатаго служилаго дворянина,

Не смутился молодецъ гнѣвомъ боярскимъ, еще разъ въ поясъ поклонился старику, руки за поясъ заложилъ,

Опять кланяюсь: отдай за меня боярышню!..

Старикъ Пріимковъ даже глазами за-

Плата впередъ! Съ картины Э. Мейзеля.

жившаго неподалеку отъ Боршева въ пожалованномъ царемъ имѣньицѣ.

— За какимъ я тебѣ спѣхомъ понадобился? — сурово спросилъ молодца боярин. — Чего мою усадьбу полошишь, на ночь глядя?..

и громкимъ яснымъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

— Не серчай, бояринъ... А я къ тебѣ все съ тѣмъ-же челобитьемъ. Думалось мнѣ, что ради свѣтлаго праздника смягчится твое сердце...

сверкалъ, даже духъ у него захватило отъ гнѣва лютаго. Отстегнулъ онъ дрожащей рукой золоченую запонку у воротника, отдышался — да какъ загремѣлъ зычнымъ голосомъ на всѣ хоромы:

— Снова за старое принялся?!. Что-же

мнѣ сдѣлать съ тобою за такую продерзость великую?.. Николи этому не бывать! Уходи отселѣ, а не то велю слугамъ тебя въ зашеи вытолкать!.. Самому съ отцомъ жевать нечего, въ домишкѣ вѣтеръ гулястъ, а туда-же ко мнѣ, столбовому боярину, въ зятья норовитъ!..

Какъ маковъ цвѣтъ, запылалъ лицомъ Яковъ Лобановъ...

— Побойся Бога-то, бояринъ! Что ты насъ, какъ нищихъ какихъ, честить почалъ? Не велико наше богачество, а всеже мы не хуже иныхъ...

— Не хуже?! — еще громче заревѣлъ бояринъ. — Глянь сюда!..

Тяжело сопя и переваливаясь, подвелъ Пріимковъ молодца къ тяжелому кованому сундуку, что въ углу стоялъ.

— Видишь, парень, каковъ сундукъ? Знай-же, что полнымъ полнехонекъ онъ казной дорогой и что та казна — моя да дочкина... Тебѣ, дурню, такихъ денегъ и не счесть!.. Вотъ добудь себѣ казны состолько-же, и отдамъ тебѣ боярышню... А теперь иди себѣ. Нечего съ тобой попусту слова тратить...

— Ладно, бояринъ! — крикнулъ Яковъ Лобановъ.—Дай срокъ!..

И выбѣжалъ молодецъ на-спѣхъ великій изъ дверей; по дорогѣ стараго Лукаша такъ плечемъ задѣлъ, что дворецкій лишь заохалъ жалобно, ударясь спиной о косякъ дверной.

Боярину злобно засмѣялся вслѣдъ гостю.

II.

Боршевская церковь хоть и въ селѣ стояла, а, пожалуй, не хуже городской смотрѣла. Не жалѣли на украшеніе храма Божьяго денегъ ни мужики, ни самъ бояринъ, скупой и привередливый на другое. Тонкой деревянной рѣзьбой былъ покрытъ высокій иконостасъ, святыя иконы блестѣли въ дорогихъ окладахъ, молящимся было свѣтло и просторно.

Впереди всѣхъ стала семья боярина Пріимкова. Благоговѣйно слушалъ пасхальную свѣтлую службу самъ Иванъ Матвѣичъ, хоть и сдвигались порой его сѣдыя брови и морщины показывались на крутомъ челѣ: нѣтъ-нѣтъ да вспоминалъ бояринъ про дерзкаго молодца Якова Лобанова. Боярышня Параша молилась горячо, глубоко вздыхая и сдерживая слезы, которыя такъ и просились изъ ея голубыхъ очей—хлынуть на шитую золотомъ соболью тѣлогрѣю. Скорбѣла и печалилась красавица, но не высказывала горя своего суровому батюшкѣ-боярину. Не за себя боялась Параша, а за того добра-молодца, ясна-сокола, кому бояринъ порогъ хоромъ своихъ закрылъ-заказалъ. Молится боярышня, а сама припоминаетъ недолгія рѣчи сладкія, что говорилъ ей статный, кудрявый Яша Лобановъ въ укромномъ уголкѣ сада усадебнаго, когда сторожили ихъ бесѣдушку вѣрныя дѣвушки сѣнныя.

— Не бывать тому! Вовѣкъ не бывать! — шепчетъ Параша поблѣднѣвшими губами между словъ молитвенныхъ. Идетъ торжественная радостная служба пасхальная... Яковъ Лобановъ тоже въ храмѣ Божіемъ стоитъ, тоже молится, у Господа помощи и заступы проситъ. Но мозжитъ и ноетъ сердце молодецкое, но хмурятся брови соболиныя, не озаряетъ свѣтлая надежда омраченную душу... Переста лъ Яковъ креститься, закрутились черныя думки въ его побѣдной головушкѣ.

„Отколѣ взять мнѣ такую казну? Добромъ не достанешь, надо на грѣхъ идти. А добытое грѣхомъ въ прокъ не будетъ... Ну, что-жъ!.. Ужли-же отдать другому Парашу, забыть-покинуть ее, любушку?!. Нѣтъ, душу продамъ, а добуду казну!..“ Еще болѣ нахмурился, потемнѣлъ молодецъ. Недвижимо стоитъ онъ въ толпѣ богомольцевъ, опустилъ въ землю гнѣвно-горящій взоръ и тяжело дышетъ.

За своими злыми думами и не примѣтилъ Яковъ Лобановъ, что слѣдитъ за нимъ чей-то зоркій взглядъ. Рядомъ съ молодцемъ стояло двое какихъ-то людей невѣдомыхъ, по одежѣ купцы, по осанкѣ ратные люди. Старшій изъ нихъ былъ весь черный — смуглымъ - смуглый — съ кудрявой бородой и волосами густыми—шапкой. Головой выше всѣхъ въ церкви, въ плечахъ—сажень косая, глаза—быстрые, огненные... Второй былъ тоже богатырь - богатыремъ, однако, посухощавѣе товарища. Оба зорко кругомъ поглядывали, а пуще всего на сосѣда, на Якова Лобанова.

— Примѣчай за парнемъ, — шепнулъ старшій младшему. — Кажись, клюнетъ!..

Младшій чуть примѣтно кивнулъ: ладно, молъ..

Все жарче и жарче становилось во храмѣ; все горячѣе и горячѣе молился сѣрый людъ крестьянскій, и дворовые холопы, и боярская семья. Но Яковъ Лобановъ не поднималъ руки для крестнаго знаменія, тоска все сильнѣе грызла его душу.

— Нѣтъ, не молельщикъ я сегодня! — прошепталъ онъ уныло, рукой махнулъ, повернулся и сталъ пробираться къ паперти. Двое невѣдомыхъ купцовъ тотчасъ-же пошли за нимъ. Спѣшно отыскалъ Яковъ за церковной оградой свои легкія санки, потрепалъ по крутой шеѣ своего любимца—вороного жеребца, и двинулся въ путь... На небѣ уже свѣтлѣло, легкій, живой морозецъ потрескивалъ легонько и ласково пощипывалъ жаркое лицо.

Полнымъ ходомъ погналъ Яковъ своего коня по узкой дорогѣ, что вилась вдоль лѣсной опушки.

„Заѣду домой, къ отцу, — думалось ему, — поклонюсь въ ноги, скажу: прости-прощай, батюшка! Ѣду счастья - удачи искать, а коли не найду, то сложу буйну голову... Живѣй, Вороной!..“ Вдругъ услышалъ молодецъ, что позади загремѣли бубенцы и колокольцы, захрапѣли-заржали какіе-то кони — кто-то нагонялъ его полнымъ скокомъ на тройкѣ.

„Чай, недобрые люди! подумалъ Яковъ. — Ну, да что съ меня взять-то... Не Кудіаровы-ли станичники?.. Намедни слыхалъ я, что опять они бродятъ здѣсь...“

Но не испугался парень вѣдомаго по всему Воронежскому и Курскому краю разбойника Кудіара, не до того ему было...

— Какъ разъ-бы мнѣ теперь къ нимъ въ товарищи пойти,—молвилъ онъ про себя, усмѣхаясь невесело. — Вотъ-бы и казну добылъ, и старому боярину-кащею глотку-бы закрылъ..

Лихо мчался вороной жеребецъ, но у ночныхъ поѣзжанъ кони, видно, не хуже были. Не успѣлъ еще Яковъ свернуть маленько въ глубокій снѣгъ дорогу дать, какъ наскакала сзади буйная тройка, обогнала санки и остановилась. Сѣдоковъ было двое...

— Слышь, добрый молодецъ, крикнулъ кто-то Якову громко и весело. — Сворачивай за нами въ лѣсъ. Поѣдемъ къ намъ въ гости, угостимъ тебя вдоволь...

— Какъ-бы съ вашего угощенья-то не захмелѣть слишкомъ, — смѣло отозвался молодецъ. — Да мнѣ все одно: ѣдемъ!.. И вправду, спорить съ ночными гостями нечего было: ускакать некуда, биться съ ними нечѣмъ..

— Ишь, ты балагуръ какой! — засмѣялись въ саняхъ. — Смѣльчакъ-же ты... Намъ такихъ и надо...

Повернула тройка къ лѣсу, цѣликомъ по-снѣгу, повернулъ за ней своего вороного и Яковъ. Недолго ѣхать пришлось, засвѣтился огонекъ въ чащѣ лѣсной, показалась за бѣлыми стволами небольшая закопченая избушка...

III.

Дверь отворилъ здоровый плечистый парень, молча впустилъ гостей и пошелъ коней держать. Въ избѣ горѣла свѣтлая лучина, въ красномъ углу виднѣлся образъ съ зажженной лампадой, досчатый липовый столъ былъ накрытъ цвѣтною скатертью и заставленъ горшками, блюдами да сулеями.

— Садись за столъ, — молвилъ старшій изъ станичниковъ Якову. — Чай, теперь скоро и весь православный людъ разговляться почнетъ... Выпьемъ зелена-винца, а тамъ и заморское найдется. Наливай, что-ль, Нехорошко! — крикнулъ онъ другому.

Вышили по уемистой чаркѣ, по второй и по третьей...

„Куда ни шло! подумалъ Яковъ. — Хоть напоятъ меня, да пришибутъ потомъ въ лѣсу — все одно!..“

Вдоволь выпили, вдоволь поѣли новые знакомцы.

— Ты, какъ видно, парень со сметкою, сказалъ старшій Якову. — Сразу призналъ, каковы мы птицы, по полету. А не пристанешь-ли, соколъ ясный, къ нашей стайкѣ вольной, что летаетъ себѣ по всей Руси безъ запрету, не боится ни тенетъ, ни охотниковъ?..

— Вы кто такіе? — подумавъ маленько, спросилъ Лобановъ, поглядывая на смѣлыя лица станичниковъ.—Есаулы, что-ль, Кудіаровы?

— Узнаешь, молодецъ... А допрежъ отвѣтъ держи: пристаешь-ли къ намъ аль нѣтъ?

Выпилъ Яковъ еще чару крѣпкаго вина и рукой махнулъ.

— Пристану къ вамъ, ей-ей, пристану!.. Некуда мнѣ дѣваться, опричь лѣса да большой дороги..

Задрожалъ голосъ у парня, слезы на глаза навернулись.

— Ай бѣда какая стряслась надъ тобой, молодецъ? — тихо да ласково спросилъ старшій, подпирая могучей рукой кудлатую голову и жалостливо глядя въ самое лицо Якову.

— Ужь такая бѣда, что упаси Господи! Не житье мнѣ на бѣломъ свѣтѣ... Гарью сгорѣло мое сердце ретивое, пропала моя головушка!. Радъ хоть въ станичники идти..

— А какъ тебя звать, молодецъ? — перебилъ его станичникъ.

— Яковомъ звать; Петру Лобанову, служилому дворянину государеву, сыномъ прихожусь...

— Лобанову, Петру?.. Не тотъ-ли, что съ Адашевымъ въ крымскомъ походѣ былъ? — громко крикнулъ станичникъ.

— Онъ самый. Не разъ мнѣ говорилъ батюшка о бояхъ съ крымцами ..

— Ну, ладно. Разсказывай, Яковъ, про свою бѣду. Авось, помогу тебѣ чѣмъ нина-есть...

И станичникъ ласково потрепалъ молодца по плечу. Другой товарищъ даже диву дался, да не смѣлъ ничего сказать: по всему видно было, что сильно боялся онъ старшого.

Началъ Яковъ Лобановъ про свое горе разсказывать; самъ не знаетъ почему, а такъ и хочется все-все повѣдать, сердце открыть этому суровому, незнаемому станичнику. Разсказалъ онъ про свою любовь неудачливую, про скупого боярина, про Парашу, ласковую боярышню... Слушалъ его старшій станичникъ молча, закрывъ глаза рукою, не проронивъ слова.

— Не тужи, парень, — молвилъ онъ, наконецъ, когда Яковъ замолкъ и тяжко-тяжко вздохнулъ. — Въ былое время мы съ отцомъ твоимъ друзья-пріятели были... Вмѣстѣ съ собаками-татарами рубились...

Удивился Яковъ, на станичника глянулъ.

— Чего дивишься? Не всегда я по разбойнымъ дѣламъ ходилъ .. Слава Богу, послужилъ я царю Ивану на ратномъ полѣ, немало пролилъ за него крови, муки вы, несъ... Ужли тебѣ не въ догадку, кто передъ тобой сидитъ?.. Вѣдь я—Кудіаръ-то!..

Всполохнулся молодецъ, какъ услышалъ имя страшнаго разбойника, отодвинулся подальше на лавкѣ... молчитъ...

— Страшно стало, Яковъ? — сумрачно усмѣхаясь, спросилъ Кудіаръ. — Нечего... Я тебя не трону, а помочь—помогу... У меня, братъ, казны не сосчитать... подѣлюсь съ тобою; уломаемъ боярина... А ежели заупрямится, я къ нему въ гости нагряну. Такъ и скажи ему: услышалъ-де Кудіаръ, что обижаешь ты своихъ людишекъ, и велитъ тебѣ нравъ свой укоротить до поры до времени... Всѣмъ вѣдомо что не дастъ Кудіаръ въ обиду темный простой людъ!..

Страшный разбойникъ гнѣвно стукнулъ по столу кулакомъ...

— Ну, да коли захочетъ боярин твоимъ тестемъ быть — не взыщу съ него прежнія обиды крестьянскія... Эхъ, Яковъ, Яковъ, тяжко жить на свѣтѣ!.. Вотъ у меня — и молодцовъ тысячи подъ рукой, и казны во всѣхъ краяхъ видимо-невидимо схоронено, а щемитъ мое сердце съ утра до ночи... Только тогда, когда поможешь кому, защитишь слабаго да обиженнаго — ну, въ ту пору и вздохнешь вольготнѣе... Была у меня, молодецъ, тоже раскрасавица, любушка-зазнобушка... Какъ велѣлъ ее Грозный исказнить-замучить — съ того времени и я не вѣрнымъ ему слугой сталъ, а врагомъ лютымъ... Летаю я съ удалой дружиной по святой Руси, граблю обозы купецкіе, да пословъ съ данью крымскою. Есть у меня и на Москвѣ могучіе, знатные други-пріятели. А все-же не весело живется мнѣ...

Понурился Кудіаръ и замолчалъ-задумался.

— А тебѣ, Яковъ, помогу! — встрепенувшись, молвилъ онъ и привѣтно засмѣялся. — Ты Петра Лобанова, давняго дружка моего, сынишка... Дамъ я тебѣ вволю казны...

Сомлѣлъ отъ радости Яковъ; всталъ съ лавки, страшному Кудіару въ поясъ поклонился...

— До смерти за тебя Богу молиться буду!..

— Эй, Нехорошко, — зычно крикнулъ Кудіаръ товарищу. — А ну-ка, вынь грамотку да погляди, гдѣ тутъ у насъ поблизости казна схоронена... Это, вишь, пищикъ *) нашъ, — добавилъ станичникъ, кивая Якову головой на второго.

Нехорошко порылся за пазухой, досталъ небольшую грамотку, подошелъ къ огню и сталъ разбирать.

— Есть поблизости немалый кладъ, — вымолвилъ онъ, наконецъ, и медленно началъ читать по грамоткѣ: — „На Усманскомъ лѣсномъ шляху, ниже Городища-колодца, суховолъ замѣченъ. Въ томъ суходолѣ могила, а отъ могилы во пяти саженяхъ сундукъ зарытъ немалый .. На кладѣ примѣта: камень, а подъ камнемъ — костякъ конскій .. Въ томъ сундукѣ—пивной котелъ золота да серебра, да котелъ жемчуга скатнаго...“ Ладно-ль, атаманъ?

— Ладно! — отвѣтилъ Кудіаръ, вставая. — Ну, идемъ, Яковъ, кладъ отрывать... Такой казны и у твоего кащея-боярина нѣту.

Еще разъ поклонился Яковъ въ поясъ атаману.

— Отъ смерти, отъ муки лютой спасаешь ты меня, добрый человѣкъ! Чѣмъ отплатить тебѣ, не знаю...

Весело засмѣялся Кудіаръ, чару вина налилъ...

— Хорошо мы съ тобой свѣтлый праздникъ встрѣтимъ! Тебѣ будетъ радость великая, и мнѣ легче вздохнется...

Вышли всѣ изъ закопченой избушки; на дворѣ уже ясное, раннее утро стояло. Зазвенѣли бубенцы коней, пробиравшихся по чащѣ лѣсной; со стороны села Боршева доносился красный перезвонъ пасхальныхъ колоколовъ...

IV.

Не мало дивилась дворня боярина Пріимкова въ утро свѣтлаго праздника. Немало дивился и самъ скупой, суровый боярин, и толстый дворецкій Лукашъ, слушая рѣчи добраго молодца Якова Лобанова, что привезъ съ собой въ усадьбу тяжелый, кованый сундукъ. Иванъ Матвѣичъ перебиралъ жемчугъ, золото да серебро на рукѣ взвѣшивалъ...

— Подлинно — казна богатая! — пробурчалъ онъ.

— Жду отвѣта твоего, боярин, — говорилъ Яковъ. — Да и тому-то, знакомцу-то моему, что отвѣтишь?

Вздрогнулъ боярин, нахмурился, да взглянулъ снова въ открытый сундукъ — и лицо прояснилъ...

— Инъ, што съ тобой сдѣлаешь! Засылай сватовъ...

— Спасибо, тестюшка дорогой! — воскликнулъ Яковъ, румянясь что твоя зорька. — Христосъ воскресе, тестюшка!..

— Воистину воскресъ, зятюшка нареченный! — отвѣтилъ старый боярин, обнимая молодца и лобызаясь съ нимъ...

В. Лебедевъ.

*) „Пищикъ“ — знающій грамотѣ человѣкъ, записывавшій для атамана примѣты спрятанныхъ награбленныхъ кладовъ

МУРОНОСИЦЫ.

Рѣдѣла мгла... Смыкали звѣзды очи..
Въ долинахъ ползъ серебряный туманъ...
Земля спала въ печальныхъ ризахъ ночи,
Блестя росой на зелени полянъ.
Но въ воздухѣ дышала свѣжесть утра,
Синѣла даль, яснѣлъ небесъ шатеръ...
Обрывки тучъ въ чешуйкахъ перламутра
Неслись толпой въ невѣдомый просторъ.
Волнуяся то страхомъ, то надеждой,
Онѣ, спѣша, въ раздумьи грустномъ шли...
Плылъ вѣтерокъ, играя ихъ одеждой,
Съ небрежностью влачившейся въ пыли.
У нихъ отъ думъ, отъ тяжести утраты
Ряды морщинъ легли на блѣдный лобъ;
Онѣ несли въ сосудахъ ароматы,
Какъ дань любви, Учителю на гробъ.
Поспѣшный ходъ, томительность дороги
И острія камней со всѣхъ сторонъ
Усталостью подкашивали ноги
Измученныхъ безсонной ночью женъ.
Еще онѣ не вѣдали о чудѣ.
Въ умахъ царилъ мятущійся хаосъ;
Вздохъ колебалъ истерзанныя груди,
Жгла очи скорбь горячей влагой слезъ.
На крыльяхъ думъ въ печали безутѣшной
Неслись къ Христу ихъ скорбныя сердца...
Имъ сокращалъ дорогу шагъ поспѣшный,
А время шло, казалось, безъ конца.
Но вотъ сквозь мглу, какъ тонкую завѣсу,
На небесахъ румяный лучъ блеснулъ,
И весело по дремлющему лѣсу
Поплылъ волной передразсвѣтный гулъ.
И скоро свѣтъ открылъ предъ ихъ очами
Знакомый путь, знакомыя мѣста,
Гдѣ шелъ народъ, стекаясь толпами
Смотрѣть на казнь безгрѣшнаго Христа.
А тамъ вдали, рисуясь передъ ними,
Уже вставалъ, примкнувъ стѣной къ горамъ,
Зеленый садъ съ кедрами вѣковыми,
Гдѣ плылъ цвѣтовъ душистый фиміамъ,
Гдѣ вѣрковъ немолкнущіе шумы
И звонъ ключей, и робкій лепетъ птицъ,
Будили грусть и горестныя думы,
Смежая шелкъ увлажненныхъ рѣницъ.
И въ этотъ садъ, подъ сводъ его зеленый,
Къ разсвѣту дня окончивъ длинный путь,
Съ тоской въ сердцахъ вошли святыя жены,
Спѣша къ Христу на гробъ Его взглянуть
Куда сошелъ Страдалецъ блѣднолицый,
Пріявшій смерть въ мученіяхъ креста,
И гдѣ лежалъ, повитый плащаницей,
Сомкнувъ на вѣкъ и очи, и уста.
И шли онѣ, и видъ ихъ былъ печаленъ,
И вотъ, полны отчаянія вдругъ:
Предъ ними гробъ, но камень съ гроба сваленъ,
И въ ихъ очахъ смятенье и испугъ.
Онѣ въ слезахъ; а у преддверья гроба,
Склонясь къ плитѣ, два ангела сидятъ,—
Свѣтлѣй зарницъ и въ бѣлыхъ тканяхъ оба—
И, видя женъ: «не бойтесь, говорятъ,
Христа здѣсь нѣтъ, — Его искать напрасно!
Его гробъ пустъ — не чудо-ль изъ чудесъ!
Но Онъ вамъ рекъ: надъ жизнью смерть не властна,
И, смерть пріявъ, воскреснуъ» — и воскресъ!
Да, Онъ воскресъ, Христосъ любвеобильный,
И одержалъ побѣду съ торжествомъ,
Какъ жизни свѣтъ надъ тлѣномъ тьмы могильной,
Надъ адомъ мукъ, надъ смертью и надъ зломъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

ЗАБЫТЫЙ ДОЛГЪ.

Очеркъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Иванѣ Ивановичѣ Крупицынѣ произошла замѣтная перемѣна. Наружность, образъ жизни, привычки — все въ немъ стало другое, до такой степени непохожее на прежнее, что видѣвшіе его полгода тому назадъ ни за что не повѣрили бы въ возможность такого перерожденія. По внѣшности уже много лѣтъ всѣ привыкли видѣть въ немъ хмураго, сутулаго человѣка невысокаго роста, небрежно одѣтаго и причесаннаго, съ некрасивой свѣтлой бородкой и безцвѣтными глазами, подозрительно глядѣвшими исподлобья сквозь синія въ золотой оправѣ очки. Шаркающая походка, лѣнивыя движенія, ворчливая рѣчь, все это заставляло думать, что у Ивана Ивановича сведены всѣ счеты съ жизнью и что она осталась у него въ неоплатномъ долгу, за каковой онъ ее презираетъ и ненавидитъ.

Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ дочерей-подростковъ, которыхъ въ первый же годъ своего вдовства отправилъ за триста верстъ къ сестрѣ, имѣвшей въ губернскомъ городѣ собственный домъ, съ просьбой опредѣлить ихъ въ мѣстную гимназію, и съ тѣхъ поръ всѣ сношенія свои съ дѣвочками ограничивалъ лишь праздничной перепиской, посылкой денегъ за воспитаніе да рѣдкими, не болѣе раза въ годъ, свиданіями, если удавалось выхлопотать непродолжительный отпускъ. Да и тогда его легче было встрѣтить гдѣ нибудь въ лѣсу или на болотѣ съ ружьемъ въ рукѣ, выслѣживающимъ какую - нибудь дичь, нежели сидящимъ или гуляющимъ съ дочерьми. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, проявлялась черствость его натуры, и нуженъ былъ сильный толчокъ, чтобы сокрушить это окаменѣлое сердце и сообщить ему воспріимчивость къ лучшимъ чувствамъ. А до тѣхъ поръ пока даже и въ развлеченіяхъ Иванъ Ивановичъ оставался вѣренъ себѣ. Игра на билліардѣ или въ кегли интересовала его болѣе всякой книги; цирковая борьба атлетовъ съ сокрушеніемъ реберъ и челюстей казалась несравненно занимательнѣе какой - либо хорошей, наводящей на добрыя мысли піесы, а если и попадала ему въ руки книга, то описаніе путешествій со смертельными опасностями или кровопролитныхъ войнъ нравились ему болѣе такъ называемой изящной литературы, къ которой онъ прямо-таки относился съ презрѣніемъ. „На кой прахъ, говорилъ онъ, читать романы, когда и безъ того на каждомъ шагу натыкаешься на нихъ въ жизни? Да ни одинъ романистъ не опишетъ такихъ приключеній, какія иной разъ случится испытать самому! Стоитъ время терять!“

Какое-нибудь бѣдствіе—общественное или единичное — не трогало его и никогда никому онъ не помогъ ни словомъ, ни дѣломъ, потому что все его міровоззрѣніе покоилось на незыблемомъ тезисѣ: живи для себя и не заботься о другихъ. Впрочемъ, тутъ была и хорошая сторона: не заботясь о другихъ, онъ и не вредилъ никому...

И вдругъ всѣ эти качества, прочно обросшія его, какъ кора вѣкового дерева, въ силу какихъ-то невѣдомыхъ причинъ, одно за другимъ, стали отпадать отъ него, постепенно обнаруживая передъ всѣми другого Ивана Ивановича, какимъ никто никогда Крупицына не видывалъ и не помнилъ. Этотъ новый Иванъ Ивановичъ до того мало походилъ на прежняго, что даже департаментскій швейцаръ въ одно прекрасное утро обознался, принявъ его за посторонняго и загородивъ ему дорогу.

— Ты, вѣрно, пьянъ? гнѣвно замѣтилъ Крупицынъ, слегка отстраняя его рукой. — Своихъ не узнаешь?

При звукѣ его голоса швейцаръ виновато осклабился и, снявъ фуражку, пробормоталъ:

— Виноватъ, в-скородіе! Не призналъ. Какъ будто помолодѣть изволили! Годовъ десять съ костей долой!

Тогда Крупицынъ самодовольно усмѣхнулся, расправилъ на двѣ стороны свою жиденькую бородку и, неестественно выпрямивъ станъ, твердой поступью совсѣмъ молодого человѣка сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Весенній сонъ. Съ картины Винченцо Иродли.

Итакъ, судя по оцѣнкѣ сторонникъ, перемѣна въ Иванѣ Ивановичѣ прежде всего коснулась его наружности. Дѣйствительно, онъ казался помолодѣвшимъ. Его лицо, вообще хорошо сохранившееся отъ морщинъ, стало почему-то еще глаже и залоснилось отъ начинавшейся полноты; глаза какъ будто окрасились болѣе опредѣленнымъ цвѣтомъ и смотрѣли уже далеко не угрюмо, а тщательно подстриженные волосы и бородка, совсѣмъ еще не тронутые сѣдиной и заботливо подправляемые то щеточкой, то просто рукой, послушно располагались въ любомъ направленіи, такъ что избранная Иваномъ Ивановичемъ, въ концѣ-концовъ, прическа сообщала ему до странности моложавый и легкомысленный видъ. Если ко всему этому прибавить проявившуюся въ немъ необычайную заботливость о костюмѣ съ неукоснительнымъ соблюденіемъ моды, то портретъ новаго Ивана Ивановича будетъ вполнѣ законченъ, а если взять въ соображеніе ходившее о немъ мнѣніе, что женщины всю жизнь были его ахиллесовой пятой и даже отчасти способствовали преждевременной смерти его жены, то, пожалуй, по этимъ даннымъ мы доберемся до причинъ его неожиданнаго перерожденія.

И если вѣрить слухамъ, то Иванъ Ивановичъ опять пережилъ одинъ изъ многихъ своихъ житейскихъ романовъ, по всей вѣроятности, уже послѣдній. Начался онъ у него прошлой осенью, а окончился нынѣшней весной.

Обыкновенно въ лѣтніе вечера, въ недѣлю разъ или два, на Елагинскомъ мосту можно было видѣть неуклюжую фигуру Крупицына въ сѣрой крылаткѣ, широкополой шляпѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ, болѣе похожую на бандита, нежели на мирнаго департаментскаго служаку въ чинѣ восьмого класса. Фигура эта нога-за-ногу, раскачиваясь на ходу и размахивая крыльями своихъ одеждъ, медленно переходила мостъ, сворачивала влѣво по пѣшеходной аллеѣ и, добравшись до „Стрѣлки“, усаживалась лицомъ къ заливу, отражавшему въ своихъ тихихъ водахъ ярко пылающій солнечный шаръ. Тутъ Иванъ Ивановичъ застывалъ въ неподвижной позѣ и задумчиво скользилъ своимъ жесткимъ взглядомъ по водной поверхности залива, останавливая его порою на камышахъ, неожиданно зашуршавшихъ отъ въѣхавшей въ нихъ съ разбѣга чьей нибудь лодки, на группѣ рыбаковъ, погружавшихъ поодаль на ночь мережки, на виднѣвшемся вдали парусѣ. Весною и осенью сюда залетали на ночлегъ дикія утки, и тогда у Крупицына дрожала и ныла охотничья жилка, глаза оживлялись, и рука, по привычкѣ, судорожно искала ружья...

Въ одинъ изъ ясныхъ вечеровъ минувшей осени онъ такъ же задумчиво смотрѣлъ на заливъ. На той - же скамейки, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, сидѣли двѣ дамы въ траурѣ, пришедшія сюда раньше его. Одна была пожилая и степенная, другая — въ томъ пышномъ расцвѣтѣ молодости и красоты, за которымъ уже сразу наступаетъ процессъ увяданія, медленнаго, но грустнаго и безпощаднаго. Брюнетка, съ живыми, черными глазами, соблазнительными ямочками на полныхъ щекахъ и роскошнымъ бюстомъ, стройная и донельзя привлекательная, держалась непринужденно, чѣмъ приводила въ немалое смущеніе свою сосѣдку.

Въ этотъ вечеръ взоръ Крупицына не такъ сосредоточенно созерцалъ горизонтъ и чаще останавливался на дамахъ, особенно на красивой брюнеткѣ, сидѣвшей ближе къ нему. Она сквозь дорогой лорнетъ безъ шнурка смотрѣла на заливъ, вполголоса напѣвая мотивъ какой-то итальянской пѣсенки, а ея пожилая спутница молча вздыхала и укоризненно покачивала головой. Брюнетка раза два мелькомъ окинула ее взглядомъ и расхохоталась.

— Какая же вы лицемѣрка, Ольга Тихоновна! Вздыхаете и возмущаетесь моимъ поведеніемъ, а сами въ тоже время отбиваете тактъ моей пѣсенкѣ... О, какъ вы низко упали въ моемъ мнѣніи!

Пожилая дама сконфуженно склонила голову, покраснѣвъ какъ институтка.

— Шутки въ сторону, продолжала брюнетка, на этотъ трауръ я смотрю, какъ на символъ освобожденія и вовсе не нахожу нужнымъ напускать на себя грусть, когда на самомъ дѣлѣ ея нѣтъ.

На брандвахтѣ пробило семь часовъ.

Солнечный дискъ нижней половиной своей уже купался въ водѣ, и нѣжный розовый отсвѣтъ бѣжалъ отъ него по заливу, какъ прощальный привѣтъ умирающаго дня. Площадка почти опустѣла и затихла. Изрѣдка только скрипъ чьихъ-нибудь запоздалыхъ шаговъ по песку нарушалъ воцарившуюся тишину. Вдругъ гдѣ-то за камышами раздался выстрѣлъ, и нѣсколько вспугнутыхъ утокъ взлетѣло на воздухъ.

— Ахъ! въ голосъ воскликнули обѣ дамы, причемъ младшая выронила лорнетъ, который ударился о камень у самыхъ ногъ Крупицына. Иванъ Ивановичъ нагнулся, поднялъ и подалъ его владѣлицѣ. Та поблагодарила его улыбкой, а пожилая дама промолвила:

— Вообразите, мнѣ представилось сейчасъ, что это непремѣнно кто-нибудь застрѣлился.

— Пустяки! засмѣялся Крупицынъ. — Просто, вздумалось кому-то пошалить — утокъ попугать... Вѣроятно, шутникъ поплатится за это, но, признаться, будь у меня сейчасъ подъ рукой ружье — и я бы не устоялъ противъ искушенія...

— А вы охотникъ?— прищурилась на него молодая женщина, разсматривая его лицо.

— Страстный. И, къ несчастію, лишенъ возможности предаваться этому наслажденію.

— Вы служите?

— Служу.

Разговоръ завязался для перваго раза довольно оживленный, и Иванъ Ивановичъ началъ смѣлѣе поглядывать на свою собесѣдницу; дерзкая мечта зажглась было въ его мозгу, но такъ какъ рѣчь не прерывалась ни на минуту, то мечта эта быстро погасла.

— У меня въ имѣніи пропасть всякой дичи, разсказывала брюнетка, — и при покойномъ мужѣ устраивались веселыя охоты, съ участіемъ дамъ, цѣлые пикники.

— Ну, это что за удовольствіе! возразилъ Крупицынъ, не замѣчая своей грубости.— Какая ужь это охота — съ дамами! Толи дѣло одному безъ всякой помѣхи, или вдвоемъ съ хорошей собакой пробродить цѣлый день по болотамъ.

Дамы засмѣялись его безцеремонности, а онъ такъ увлекся воспоминаніями о своихъ давнишнихъ охотничьихъ похожденіяхъ, что, непрерываемый слушательницами, готовъ былъ говорить цѣлую ночь. Солнце, между тѣмъ, блеснувъ послѣднимъ лучомъ, погасло за брандвахтой и въ наступившихъ сумеркахъ съ залива потянуло настоящимъ осеннимъ холодкомъ.

Дамы поднялись, слегка пожимаясь.

— Однако, мы засидѣлись! промолвила младшая.

— А далеко изволите жить? несмѣло спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Въ Старой Деревнѣ, почти у самаго моста, совсѣмъ близко.

Крупицынъ попросилъ позволенія проводить, ему разрѣшили. Онъ былъ на седьмомъ небѣ. Когда же онъ простился съ ними у богатой барской дачи и узналъ, что владѣлица этой дачи не кто иная, какъ его молодая спутница, то почему-то почувствовалъ себя побѣдителемъ. Возвращаясь домой, онъ далъ полную волю своимъ мечтамъ, и чего-чего только не рисовалось его разъярившемуся воображенію! Ни разу только въ его отуманенную голову не пришла мысль о двухъ дѣвочкахъ, которымъ онъ приходился отцомъ и которымъ, быть можетъ, только и не хватало самаго главнаго: родительскихъ ласкъ и заботъ!

* * *

Дальше въ лѣсъ — больше дровъ.

Въ слѣдующій разъ онъ опять встрѣтилъ своихъ дамъ на той-же скамейкѣ. Не безъ робости попробовалъ онъ подсѣсть, его не прогнали,—и онъ опять вступилъ въ разговоръ, затянувшійся, какъ и въ прошлый разъ, до сумерокъ. Опять онъ пошелъ ихъ провожать и при прощаньи отрекомендовался, на что младшая изъ дамъ отвѣтила:

— Очень пріятно. Меня зовутъ Зоя Платоновна Медвѣдева, а это, указала она на Ольгу Тихоновну,—мой лучшій другъ, г-жа Елеонская. Надѣюсь, мы еще увидимся. Вы такъ хорошо разсказываете.

Глаза ея заиграли, и трудно было понять, искренно она говоритъ или шутитъ. Иванъ Ивановичъ предпочелъ принимать все за чистую монету, тѣмъ болѣе, что чувство, зарождавшееся въ немъ, впервые казалось ему неизъяснимо сладостнымъ и совсѣмъ не похожимъ на прежнія увлеченія, въ которыхъ много было огня, но недоставало чистоты.

Знакомясь все ближе и ближе съ Зоей Платоновной, Иванъ Ивановичъ узналъ, что она вдова богатаго золотопромышленника, вдовѣетъ очень недавно и живетъ обыкновенно въ имѣніи или заграницей, нынѣ-же спасаясь отъ докучной родни и различныхъ искателей, вздумала на время поселиться въ Петербургѣ, гдѣ ее рѣшительно никто не знаетъ и не побезпокоитъ.

Въ свою очередь, и Крупицынъ долженъ былъ посвятить ее въ нѣкоторыя подробности своей жизни. Она очень удивилась, что онъ не живетъ съ дѣтьми.

— Безъ нихъ спокойнѣе, пояснилъ онъ.

— Такъ вы ихъ, просто, не любите...

— Нѣтъ, отчего не любить, люблю...

— Въ чемъ-же выражается эта любовь?

— Какъ въ чемъ? Забочусь о нихъ, плачу въ гимназію, плачу за воспитаніе, всегда деньги въ срокъ.

Зоя Платоновна плечами пожала.

— И это отецъ! И неужели вамъ никогда не бываетъ скучно безъ нихъ, не хочется ихъ приласкать?

Иванъ Ивановичъ отрицательно покачалъ головой. Разговоръ ему былъ непріятенъ, не смотря даже не то, что происходилъ онъ за чайнымъ столомъ на дачѣ Зои Платоновны. Приглашенный на чашку чая Крупицынъ такъ былъ чудесно настроенъ, такъ было опять размечтался — и вдругъ ему суютъ въ носъ дѣтей. Это было тѣмъ досаднѣе, что и на самомъ дѣлѣ пробудило въ немъ нѣчто похожее на угрызенія совѣсти. Третье письмо дѣвочекъ въ теченіе лѣта лежало у него почти не прочитаннымъ, благо были каникулы и не могли экстренно потребоваться деньги. Онъ молча уткнулся въ свой стаканъ, а Зоя Платоновна, переглянувшись съ молчаливой Ольгой Тихоновной, встала изъ-за стола, подошла къ роялю, сыграла двѣ-три небольшихъ пьесы и спросила Ивана Ивановича:

— Ну, а музыку вы любите?

— Нѣтъ, откровенно признался онъ.

— Вотъ человѣкъ! изумилась она. — Что-же вы любите, наконецъ?

— Все, что угодно, только не эти пустяки.

Онъ думалъ ее поразить, но она огорчилась и промолвила:

— Какой-же вы грубый и злой человѣкъ! Впрочемъ, чего-же и требовать отъ васъ, когда вы не любите даже собственныхъ дѣтей!

Она сдѣлалась молчалива и грустна, такъ что Ивану Ивановичу пришлось сократить свой визитъ. Прощаясь, Зоя Платоновна сказала:

— Конечно, мы еще увидимся... Надо попробовать передѣлать васъ къ лучшему.

Обезкураженный въ этотъ вечеръ онъ тихо поплелся домой пѣшкомъ, раздумывая о дочеряхъ и досадуя на Зою Платоновну. Что, какъ и въ самомъ дѣлѣ дѣвчонкамъ плохо живется? Можетъ быть, онѣ тамъ нуждаются въ необходимомъ, можетъ быть, тетка помыкаетъ ими? Надо разузнать, чтобы послѣ не пришлось раскаиваться.

Придя домой, онъ прежде всего отыскалъ и прочелъ послѣднее письмо. Но ничего тревожнаго въ немъ не оказалось, и всѣ помыслы Ивана Ивановича снова устремились къ Зоѣ Платоновнѣ.

Молодая вдова, между тѣмъ, была не настолько слѣпа, чтобъ не распознать, какія чувства влекутъ къ ней этого „стараго чудака“, какъ она мысленно прозвала Ивана Ивановича, но продолжала отъ скуки принимать его, причемъ всегдашнее присутствіе безмолвной Ольги Тихоновны казалось ей достаточно надежной защитой отъ возможныхъ съ его стороны изліяній. Впрочемъ, она и безъ посторонней помощи умѣла держать его въ почтительномъ отдаленіи и въ тѣхъ случаяхъ, когда компаньонка почему либо ненадолго оставляла ее съ нимъ наединѣ, Зоя Платоновна съ первыхъ словъ ставила своего собесѣдника въ надлежащую точку, всегда очень далекую отъ чувствительныхъ сценъ. И будь Иванъ Ивановичъ менѣе ослѣпленъ, онъ-бы во-время отрезвился, но, увы, сидѣвшій въ немъ бѣсъ рѣшительно все, даже явную иронію молодой женщины представлялъ, ему въ превратномъ видѣ.

Мудрено-ли поэтому, что онъ нисколько не смутился, когда Зоя Платоновна спросила его:

— Что это вамъ вздумалось такъ франтить?

— А развѣ лучше оставаться неряхой?

— Оставаться, повторила она, развѣ вы имъ были?

— Былъ.

— Скажите, а я и не замѣтила...

— Однако, замѣтили-же, что франчу.

— А, это другое дѣло! Это въ глаза бросается. Взгляните въ зеркало, какой у васъ странный, легкомысленный видъ...

Крупицынъ повернулся передъ зеркаломъ.

— Не знаю, что вы находите... видъ какъ видъ... Вотъ тутъ развѣ набѣгаетъ, показалъ онъ на воротникъ своего смокинга, но при чемъ тутъ легкомысліе? Да если оно и есть, то во всякомъ случаѣ не съ моей стороны, а со стороны портного...

Но онъ очень смущался, когда Зоя Платоновна освѣдомлялась о его дѣтяхъ. Тутъ его бѣсъ оказывался безсильнымъ. Стояла уже зима, и Иванъ Ивановичъ видѣлся съ Зоей Платоновной на ея городской квартирѣ или въ театрѣ, куда ей какимъ-то чу-

домъ удалось заманить его на старинную героическую пьесу съ пальбою и кровопролитіемъ, послѣ чего онъ второй разъ пошелъ туда довольно охотно. За вторымъ разомъ послѣдовалъ третій и т. д.

На масленицѣ Зоя Платоновна устроила ему сюрпризъ, прислалъ билетъ на утренній спектакль съ просьбой вечеромъ пріѣхать и разсказать о видѣнномъ. Давали новую мелодраму, сильно разсчитанную на внѣшніе эффекты и бьющую по нервамъ. Передъ зрителями развертывалась потрясающая картина злоключеній брошенныхъ родителями дѣтей. Залъ стоналъ отъ рыданій, которыя стали стихать только тогда, когда, наконецъ, добродѣтель, по обыкновенію, восторжествовала, а порокъ, въ лицѣ недостойныхъ, эгоистичныхъ родителей, понесъ заслуженную кару. Общее ли настроеніе отразилось на Иванѣ Ивановичѣ или пьеса сама по себѣ растрогала его, только онъ какъ-то непривычно чувствовалъ себя послѣ спектакля, не умѣя даже объяснить своего душевнаго состоянія. По крайней мѣрѣ, на вопросъ Зои Платоновны о вынесенномъ имъ изъ спектакля впечатлѣніи онъ лаконически отозвался:

— Піеса серьезная.

Сказалось это у него такъ искренно, что Зоя Платоновна болѣе обыкновеннаго остановила на немъ свой взглядъ, засвѣтившійся добротой и радостнымъ изумленіемъ. На бѣду, онъ поймалъ этотъ взглядъ и истолковалъ его по своему, вспыхнувъ до ушей. Однако, ничего не сказалъ, потому что здѣсь находилась неизбѣжная дуэнья — Ольга Тихоновна. Но порывъ его не укрылся отъ наблюдательности Зои Платоновны, и она самымъ невиннымъ тономъ обратилась къ Ивану Ивановичу:

— Разскажите-ка мнѣ о вашихъ дѣвочкахъ.

Онъ не могъ ей отказать, чувствуя надъ собой ея власть, и, странное дѣло, по мѣрѣ того какъ подвигался его разсказъ, онъ замѣчалъ, что все болѣе и болѣе проникается какимъ-то еще неиспытаннымъ чувствомъ къ своимъ дочерямъ, точно какая-то теплая и ласковая волна выноситъ его изъ мрачной бездны все выше и выше на Божій свѣтъ и просторъ...

Есть древняя латинская пословица: капля точитъ камень частымъ паденіемъ... Нѣчто подобное совершалось съ Иваномъ Ивановичемъ.

Въ тотъ-же вечеръ онъ получилъ письмо. „Дорогой папочка, писали ему дѣвочки, что съ тобою, здоровъ-ли ты? Почему такъ долго не пишешь? Или ужь совсѣмъ знать не хочешь своихъ дочекъ? Тетя очень безпокоится. Она съ самыхъ святокъ прихватываетъ, и мы боимся какъ бы не умерла. Пиши, дорогой“.

„Вѣдь любятъ меня бѣдныя дѣвчонки теплой струйкой пробѣжало по его сердцу. Любятъ, а за что? За что любить стараго грѣховодника?“

„Будто ужь и стараго?“ поднялся въ немъ предательскій протестъ и заставилъ его заглянуть въ зеркало. И оно сказало правду. Сегодняшнія впечатлѣнія не прошли для Крупицына даромъ. Что-то новое легло въ чертахъ его лица, какая-то озабоченность, состарившая его въ одинъ вечеръ. Онъ былъ пораженъ. „И какъ это я съ подобной рожей къ такой женщинѣ, какъ Зоя Платоновна?“ — шевельнулась было въ немъ трезвая мысль, но шевельнулась и замерла при одномъ имени молодой вдовы. Письмо дѣвочекъ опять осталось безъ отвѣта.

Между тѣмъ судьба карала его. Его романъ не подвигался ни на шагъ. Никакія объясненія съ Зоей Платоновной были не мыслимы. Тогда Иванъ Ивановичъ рѣшилъ написать ей, высказаться вполнѣ и, по крайней мѣрѣ, чѣмъ нибудь кончить эту скучную канитель.

Онъ засѣлъ за письмо, пропотѣлъ надъ нимъ цѣлую ночь и къ утру изготовилъ огромное, листа въ четыре, посланіе, витіеватое и страстное, кончавшееся предложеніемъ руки и сердца и согласіемъ ждать отвѣта четыре дня. Конечно, эти четыре дня должны были показаться ему цѣлой вѣчностью, и, чтобы убить тоску ожиданія, придумалъ онъ проѣхаться куда нибудь взадъ и впередъ по желѣзной дорогѣ, не выходя изъ вагона. На четвертый день прямо съ вокзала, не заѣзжая домой, онъ отправился къ Зоѣ Платоновнѣ. Не доѣзжая до ея дома, онъ отпустилъ извозчика и тихо пошелъ пѣшкомъ, умышленно отдаляя роковой моментъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ всего часъ назадъ. Страхъ и надежда боролись въ немъ и сердце билось и замирало такъ, какъ только можетъ оно биться и замирать въ его возрастѣ отъ жуткихъ ощущеній.

Вотъ сдѣланы послѣдніе два шага. Онъ на ступенькахъ подъѣзда. Швейцаръ распахнулъ передъ нимъ двери и снялъ фуражку.

— Зоя Платоновна?..

— Уѣхавши.

— Какъ?! Куда?

— Вчерашній день, заграницу по телеграммѣ...

Крупицынъ чуть не присѣлъ отъ неожиданности.

— Заграницу, ты говоришь?

— Такъ точно. Да не извольте безпокоиться, онѣ вамъ письмо оставили.

Швейцаръ сбѣгалъ на лѣстницу и подалъ ему плотный конвертикъ къ красивой монограммой.

Иванъ Ивановичъ принялъ письмо, постоялъ, пожевалъ губами и, наконецъ, опомнился подъ насмѣшливой улыбкой швейцара, готоваго, какъ ему показалось, похлопать его по плечу. Онъ свирѣпо взглянулъ на него и пошелъ прочь, чувствуя себя оплеваннымъ, обруганнымъ, вообще, оскорбленнымъ. Онъ во весь духъ мчался домой, забывая взять извозчика и не обращая вниманія на забрызгивающіе его грязью экипажи; куда дѣвался его франтоватый и легкомысленный видъ! Ощупывая письмо, онъ добѣжалъ до своей квартиры и остановился перевести духъ. На лѣстницѣ было тихо. За дверями слышались чьи-то звонкіе голоса. Отдышавшись Иванъ Ивановичъ позвонилъ. Топотъ дѣтскихъ ногъ, и дверь распахнулась передъ нимъ во всю ширину.

— Папочка! милый! Да гдѣ-жъ это ты пропадаешь?

И двѣ пары тоненькихъ ручекъ обвились около его шеи.

— Господи, Варя, Лиза! Какими судьбами?

— Тетя умерла, развѣ ты не знаешь? наперебой заговорили дѣвочки, хорошенькія блондинки, тоненькія и нѣжныя, въ траурныхъ платьицахъ. Мы телеграмму посылали и сами со вчерашняго вечера здѣсь.

— Однако-же! пробормоталъ Иванъ Ивановичъ и мысленно наградилъ себя эпитетомъ „старой скотины“.

Онъ прошелъ въ комнаты, велѣлъ подать чай и сталъ разспрашивать дѣвочекъ о послѣднихъ событіяхъ. Оказалось, что старуха давно уже была при смерти, о чемъ онъ не зналъ, не читая писемъ, что дѣвочекъ привезъ въ Петербургъ ихъ сосѣдъ и что онѣ намѣрены жить съ отцомъ.

— А то съ кѣмъ же еще? — удивленно приподнялъ онъ брови. — Неужели я васъ отдамъ кому-нибудь? Нѣтъ, ужь довольно, теперь мы не разстанемся... н-нѣтъ...

Ночью украдкой онъ прочелъ письмо Зои Платоновны. Оно было невелико. „Образумьтесь, Иванъ Ивановичъ! Вы отецъ семейства, вспомните ваши годы и обязанности“. Вотъ все, что въ немъ заключалось.

— Одно къ одному! тихо прошепталъ Иванъ Ивановичъ и успокоился.

Александръ Клюкинъ.

Воистину воскресъ!

Христосъ воскресъ! Онъ смерть попралъ
Своею смертію трехдневной
И жизнь умершимъ даровалъ,
Изъявъ изъ участи плачевной.

* * *

Во имя Сына и Отца
И благости Святаго Духа,
Творите милость безъ конца,—
Да внемлетъ ближнимъ ваше ухо.

* * *

Идите въ тѣсные углы,
Входите въ тюрьмы и больницы
Пролить среди житейской мглы
Привѣтъ, какъ свѣтлый лучъ денницы!

* * *

Отца единаго сыны,
Да не сослужимъ укоризнѣ:
Онъ жизнь далъ всѣмъ, а мы должны
Дать неимущимъ силу къ жизни.

* * *

Пускай отъ сердца отваливъ
Тяжелый камень безучастья,
Воскреснетъ къ помощи порывъ
На благо узникамъ злосчастья,—

* * *

Чтобъ въ дни святого торжества
Слились въ одной хвалебной смѣси
Ребенокъ, старецъ и вдова:
«Христосъ воистину воскресе!»

Павелъ Поповъ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе.

(Изъ семейной хроники).

I.

Въ домѣ Осениныхъ шли приготовленія къ празднику.

Прибирали комнаты, чистилась мебель, мылись полы. Поэтому, стоялъ тотъ шумъ и царилъ тотъ безпорядокъ, которые знаменуютъ собою приближеніе Рождества или Пасхи. Самая интересная работа кипѣла, въ сущности, въ кухнѣ, гдѣ поваръ съ поварешкомъ мастерили много вкуснаго и уди-

вительно ароматичнаго. Послѣ поваровъ наибольшія хлопоты приходились на долю старой няни, Минодоры Ѳоминишны, извѣстной больше подъ кличкою: „Барская барыня“. Старуха цѣлые дни бѣгала съ распоряженіями, звенѣла ключами, что-то доставала, выдавала и прятала и, вообще, „покоя себѣ не знала“.

Прибѣгала въ кухню и жаловалась на усталость.

— Моченьки моей не стало! Кажись, и до свѣтлаго праздника не домаюсь и свалюсь.

— А вы-бы, — совѣтовалъ ей поваръ Андрей, — поотдохнули, Минадора Ѳоминишна, а то вѣдь цѣлый Божій день изъ ногъ глухоту выбиваете!..

Старуха безнадежно махала рукой и снова начинала „выбивать глухоту изъ ногъ“. Въ дѣтской тоже царила суета, но въ меньшей мѣрѣ: тамъ двѣ барышни: Варвара Александровна, — одиннадцати лѣтъ и Евгенія Александровна, десяти лѣтъ, которыхъ недавно взяли изъ института, портили, подъ руководствомъ старой няньки Лизаветы, творогъ, цукаты, сахаръ и ваниль, приготовляя для себя „отдѣльную пасху“.

Въ общей суматохѣ не принимали участіе только три лица: баринъ, барыня и барчукъ. Александръ Николаевичъ Осенинъ, по обыкновенію, съ утра уѣхалъ изъ дому, по дѣламъ, барчукъ Владиміръ Александровичъ, четырнадцати-лѣтній здоровякъ, готовившійся въ дворянскіе недоросли, продолжалъ трудиться надъ грамматикой: „нигдѣ ять не писать“, а барыня Ольга Дмитріевна лежала больна. Она всегда, въ сущности, хворала, но къ постоянной грудной болѣзни, ежегодно, передъ Пасхой, присоединялась какая-то другая боль. Непреодолимая тоска, ипохондрія, отчаяніе... Ольга Дмитріевна уединялась въ спальнѣ и почти не осушала глазъ...

Домашніе знали причину этихъ слезъ и не мѣшали барынѣ плакать...

II.

Лѣтъ восемь назадъ случилась печальная исторія.

Семья Осениныхъ сидѣла за утреннимъ чаемъ, когда лакей подалъ Александру Николаевичу карточку князя Субботина.

— Такъ рано? — удивился Осенинъ и, выйдя изъ-за стола, пошелъ навстрѣчу пріятелю. Князь уже входилъ въ гостиную.

— Александръ, — небрежно здороваясь съ хозяиномъ, произнесъ онъ серьезнымъ, даже оффиціальнымъ тономъ: — я къ тебѣ по важному и, сознаюсь, непріятному для тебя дѣлу. Впрочемъ, пройдемъ къ тебѣ въ кабинетъ!..

— Пройдемъ, — растерянно протянулъ Осенинъ. — Что за исторія, однако; князь?

— Исторія не изъ Гейне, — усмѣхнулся Субботинъ, садясь на круглый табуретъ въ кабинетѣ Александра Николаевича. — Извини, я буду откровененъ и кратокъ. То, что я скажу, не должно повліять на наши дальнѣйшія отношенія: мы все-таки останемся друзьями. За сохраненіе тайны ручается мое честное слово...

— Но въ чемъ дѣло? Что случилось? — перебилъ нетерпѣливо князя Осенинъ.

— Случилось слѣдующее: вчера у меня былъ твой Юрій... Мы съ нимъ болтали около часа, потомъ онъ уѣхалъ, и я... я... прости, Александръ!.. Я не нахожу своего золотого портсигара...

Осенинъ, схватившись за грудь и мертвенно поблѣднѣвъ, отшатнулся.

— Что-о? Мой сынъ... Юрій Осенинъ... Но, князь... — шепталъ онъ, сверкая глазами.

— Александръ, послушай! — взялъ его за руку Субботинъ: — я смотрю на это, какъ на шутку, продѣланную надо мной Юріемъ, и ты, видишь, я не хочу шума! Это останется, повторяю, между нами. Повѣрь, я-бы не обратилъ вниманія, если-бы портсигаръ не представлялъ для меня особенной цѣнности,

Шпіонъ. Съ картины М. Гайссера.

какъ подарокъ человѣка, память о которомъ для меня священна. Итакъ, не правда ли, мы разрѣшимъ недоразумѣніе en trois! Вечеромъ заѣзжай за мной въ клубъ...

Князь Субботинъ уѣхалъ. Осенинъ, послѣ его отъѣзда, долго оставался въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Юрій — во... Боже, какой позоръ для Осениныхъ!“ — придя, наконецъ, въ себя, думалъ Александръ Николаевичъ. И его бросало то въ жаръ, то въ ознобъ.

Фамилія Осениныхъ едва-ли не популярнѣйшая въ N-ской губерніи и пользуется всеобщимъ почетомъ. Ихъ гербъ—старинный гербъ. Предки фигурируютъ на страницахъ исторіи, а потомки...

— Ахъ, Юрій, Юрій! На краю какой бездны онъ стоитъ! Золотой портсигаръ... Ха!.. Субботинъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобы бросать подобную вину на сына своего пріятеля. Онъ смягчаетъ выра-

женія, золотитъ пилюлю.. „Шутка“... Хороша шутка, нечего сказать.

И Александръ Николаевичъ позвонилъ.

— Позвать ко мнѣ Юрія Александрыча, приказалъ онъ вошедшему лакею.

Юрій явился минутъ черезъ пять, блѣдный, трепещущій. Можетъ быть, онъ догадывался, зачѣмъ его зоветъ отецъ тотчасъ послѣ отѣзда князя.

— Юрій... ты былъ... вчера... у Субботина? — задыхался отецъ.

Юрій опустилъ голову.

— Да, былъ, — отвѣчалъ онъ возможно спокойно.

— И взялъ золотой портсигаръ?

— Отецъ...

— Я спрашиваю: и взялъ золотой портсигаръ? — повысивъ тонъ, повторилъ отецъ.

Юрій молчалъ. Только верхнія скулы у него какъ-то нервно шевелились.

Пауза. Осенинъ саркастически расхохотался.

— Прекрасное начало, Юрій, — новый трудъ, новая карьера! — Онъ опять захохоталъ. — Выйти изъ четвертаго класса военной гимназіи, чтобы только пить, кутить, веселиться, гоняться за зайцами или стрѣлять бекасовъ, и въ довершеніе всей этой сіесты попасть въ рыцари „печальнаго образа“, но не Донъ-Кихоты, — нечего сказать, утѣха для насъ съ матерью!..

— Куда ты дѣвалъ портсигаръ?

— Онъ заложенъ мною за пятьдесятъ рублей...

— Хорошо. Вотъ 50 рублей для выкупа его, но ты толженъ оставить семью завтра же, и я до тѣхъ поръ не позволю тебѣ возвратиться въ N-скъ, пока ты честнымъ, упорнымъ трудомъ не смоешь пятна со своего и нашего имени, а Субботинъ не забудетъ о шуткѣ. Другого исхода для тебя нѣтъ, и я не перемѣню своего рѣшенія, не смотря даже на мольбы больной матери! Такъ и знай.

— Куда-же мнѣ? — зарыдалъ Юрій.

— Ау, братъ, — подумай. Впрочемъ, и думать долго нечего: ступай волонтеромъ въ дѣйствующую армію. Отличный случай, братъ, искупить свой грѣхъ... Повторяю, подумай, а вечеромъ скажешь мнѣ свое рѣшеніе. Я возвращусь сегодня изъ клуба раньше: въ одиннадцать. Жди меня здѣсь-же, въ кабинетѣ. Ступай.

Юрій не раздумывалъ долго и рѣшилъ послѣдовать совѣту отца, т. е. пойти въ дѣйствующую армію, и на слѣдующій день уже выѣхалъ изъ родного города.

III.

Время торопилось.

Дни бѣжали за днями, года за годами. Прошло восемь лѣтъ.

Давно уже взята была Плевна, давно могучій русскій орелъ омрачилъ свѣтъ турецкаго полумѣсяца; пушки перестали грохотать, смерть положила свой серпъ, и свѣтлыя воды Марицы очистились отъ крови.

Война съ турками кончилась.

Дѣйствительно, побѣдоносныя русскія войска, наши чудо-богатыри, возвратились домой — отдохнуть послѣ тяжкой, продолжительной страды. Вернулся и Юрій Осенинъ бравымъ корнетомъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ.

Изъ Кишинева онъ прислалъ отцу письмо, въ которомъ подробно описывалъ всѣ ужасы войны, свой подвигъ, за который получилъ Георгія, и просилъ позволенія вернуться въ отчій домъ. Александръ Николаевичъ отписалъ ему болѣе или менѣе ласково, но позволенія на пріѣздъ не далъ.

— Рановато еще, — пусть поплачется!

А бѣдная мать томилась въ неизвѣстности: живъ Юрій или нѣтъ? Всякая переписка имъ была строго запрещена. И Ольга Дмитріевна, какъ Ярославна въ Путивлѣ, оплакивала сына, въ своей спальнѣ. Уже сколько лѣтъ подрядъ она встрѣчаетъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ слезахъ!.. Встрѣчаетъ въ слезахъ тотъ праздникъ, который своимъ величіемъ, торжественностью и глубокимъ значеніемъ заставляетъ радоваться всякую тварь!

У Александра Николаевича — черствое сердце. Онъ ни разу еще не порадовалъ ея вѣсточкой отъ сына, скрывая отъ всѣхъ въ домѣ свою переписку съ нимъ. И почему?

Тосковалъ по роднымъ мѣстамъ и семьѣ и Юрій. Шесть слишкомъ лѣтъ умолялъ онъ отца о прощеніи — и все тщетно. Онъ уже получилъ ротмистра. Наконецъ, не выдержалъ и заявилъ въ послѣднемъ письмѣ, что если отецъ не разрѣшитъ ему и эту Пасху встрѣтить съ ними, — онъ покончитъ „о жизни вопросъ“. И сжалился-ли, или испугался старикъ угрозы, но разрѣшилъ... „Приноровi свой пріѣздъ къ пасхальной заутрени, — писалъ Александръ Николаевичъ сыну въ Москву. — Мы будемъ, какъ всегда, у Вознесенія. Передъ обѣдней подойдешь къ матери и похристосуешься. Эффектъ будетъ. Потомъ, вы съ ней вдвоемъ поѣдете домой въ каретѣ, а я съ дочерьми и грамматикомъ отправимся въ открытомъ экипажѣ... Володька-то изгнанъ изъ гимназіи: Курціуса не одолѣлъ и изъ латинскаго тоже нахваталъ дубовъ на двѣ аллеи. Нынѣ разводитъ голубей и сочиняетъ грамматику: „нигдѣ ять не писать“. Однимъ словомъ, ума палата! Такъ, понимаешь? — къ Вознесенью, что въ Слободкѣ. Олю я предупрежу о сюрпризѣ, но не вполнѣ. До скораго свиданья!“

IV.

Великая пятница кончалась. Было ужъ часовъ 10 вечера.

Суматоха улеглась въ домѣ; только на кухнѣ продолжалась горячая работа, да „Барская барыня“ шлепала по комнатамъ, выбивая изъ ногъ глухоту. Барышни давно заснули... Но барыня съ барчукомъ Владиміромъ Александровичемъ не спали. Первая мучилась, а послѣдній ломалъ голову надъ грамматикой.

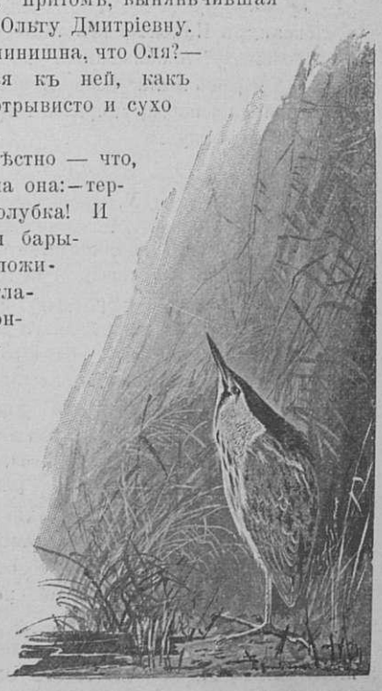
Александръ Николаевичъ пріѣхалъ изъ собранія, противъ обыкновенія, рано, прошелъ прямо въ свой кабинетъ и велѣлъ позвать къ себѣ „Барскую барыню“.

„Барская барыня“ явилась и сѣла: она имѣла право на это, какъ старѣйшая въ домѣ и, притомъ, выняньчившая барыню Ольгу Дмитріевну.

— Ѳоминишна, что Оля? — обратился къ ней, какъ всегда, отрывисто и сухо Осенинъ.

— Извѣстно — что, вздохнула она: — терзается, голубка! И „Барская барыня“ приложила къ глазамъ кончикъ передника.

Осенинъ закрутилъ усы и, заложивъ назадъ руки, про-



шелся быстрыми шагами отъ окна до двери и сказалъ нервно:

— Вотъ что... — Осенинъ остановился и выразительно посмотрѣлъ на слезоточивую старуху.—Вотъ что... Да не плачь, ради Бога!.. Завтра пріѣдетъ Юрій. Олю надо подготовить къ этому, иначе, Богъ вѣсть, какъ встрѣча съ сыномъ послѣ продолжительной разлуки можетъ отразиться на ней. Ты подготовь ее, Ѳоминишна, но о пріѣздѣ не проболтайся, все-таки, слышишь? Я хочу сдѣлать матери сюрпризъ. Понимаешь?

Старуха захлебывалась отъ восторга, кивала утвердительно головой и не могла ничего выговорить. Наконецъ, выпалила:

— Понимаю! Юрій! Барчукъ! Супризъ! — и, вскинувъ на лобъ очки, бросилась обнимать барина. Онъ снисходительно улыбался и долго не могъ высвободиться изъ ея медвѣжьихъ объятій. Наконецъ, „Барская барыня“ упыхалась сама и, плача уже отъ умиленія, вышла. Прекрасно чувствовалъ себя и Осенинъ. Ему начинало даже казаться, что съ его сердца спала обычная кора индифферентности, черствости, холоднаго эгоизма и что онъ какъ будто сразу, послѣ отвѣта Юрію, помолодѣлъ душой.

Онъ надѣлъ халатъ и отправился къ Володѣ. Здоровякъ-мальчуганъ, съ большими круглыми глазами и мясистымъ прямымъ носомъ, сидѣлъ за столомъ и что-то быстро писалъ.

— Грамматикъ, ты что мастеришь? — мягко улыбнулся отецъ, подходя къ труженику.

— Грамматику составляю, — приподнявъ голову, отвѣчалъ тотъ такимъ голосомъ, которымъ говорятъ обыкновенно чревовѣщатели.

— Ты-бы посерьезнѣе чѣмъ занялся.

„Филологъ“ обидѣлся, „надувъ“ свои толстыя губы.

— Право, мой другъ, твой походъ противъ буквы „ять“ — даже и не остроуменъ.

— Меня оцѣнятъ.

Александръ Николаевичъ добродушно засмѣялся.

— Нѣтъ, мой Тредьяковскій, потомство въ подобныхъ случаяхъ неблагодарно. А „хлѣбъ“ черезъ „е“ — нельзя писать.

— Можно и совсѣмъ не писать *хлѣбъ*.

— А какъ же?

— *Булка*.

Александръ Николаевичъ такъ и прыснулъ со смѣху. А обиженный до глубины души „Тредьяковскій“ собралъ всѣ письменныя принадлежности, закрылъ тетрадь и отвернулся къ окну...

V.

„Барская барыня“ великолѣпно выполнила возложенную на нее миссію и не только подготовила барыню къ сюрпризу, но и проболталась. И, диво-дивное! Ольга Дмитріевна ожила, физическая боль какъ-то совсѣмъ затихла, а съ души скатилось бремя. Она плакала и смѣялась, и долго ушамъ своимъ не вѣрила. „Какъ, она увидитъ скороскоро своего дорогого Юшу?! О, счастье!.. Это вѣдь двойной праздникъ!.. Господи, какая радость!..“ Она готова была броситься передъ мужемъ на колѣни и цѣловать ему ноги, и если что удерживало ее отъ исполненія этого, — просьба старой няни — „не выдавать ее, старой дуры...“

Ольга Дмитріевна считала съ нетерпѣніемъ часы, отдѣлявшіе ее отъ сына, какъ чего-то необыкновеннаго, ждала благовѣста къ заутрени, чтобы поѣхать въ церковь, гдѣ ее ожидаетъ встрѣча съ Юшею, котораго она рисовала въ своемъ воображеніи серьезнымъ человѣкомъ, героемъ, съ маленькой бородкой и спокойнымъ, ласковымъ взглядомъ черныхъ глазъ. И весь день, всю субботу, Ольга Дмитріевна не выпускала изъ рукъ альбома съ семейными портретами, и плакала, и улыбалась и, казалось, безъ конца цѣловала дорогія черты.

Торжественный звонъ висѣлъ надъ городомъ, когда Осенины, съ „Барской барыней“, второй няней и лакеемъ на козлахъ, поѣхали въ вознесенскую церковь.

Апрѣльская ночь, свѣжая, душистая, свѣтилась міріадами звѣздъ. Дорога подсохла и немного даже пылила. Въ воздухѣ пахло травой и достаточно уже зелеными деревьями... Улицы, по которымъ катили ихъ ландо и карета, были оживлены: спѣшилъ по всѣмъ направленіямъ народъ, громыхали извозчичьи пролетки, шумѣли радостные голоса. Несли святить куличи, пасхи и яйца. Ольга Дмитріевна искала глазами по сторонамъ, не встрѣтится ли Юрій среди пѣшеходовъ и ѣдущихъ, она искала его и въ церкви, украдкой отъ Александра Николаевича, но Юрія въ церкви не было. И сердце матери билось тревожно. „Не пошутила-ли няня?“

Но вотъ кончилась заутреня. Всѣ стали христосоваться.

— Поѣдемъ домой? — предложилъ Александръ Николаевичъ.

Никто—ни Ольга Дмитріевна, ни барышни, ни „Тредьяковскій“ — ничего не отвѣтилъ, но всѣ молча стали выходить изъ церкви.

Ольга Дмитріевна съ печальнымъ укоромъ посмотрѣла на „Барскую барыню“ и вышла на площадку передъ папертью. Сердце ея болѣзненно ныло, и слезы давили горло.

— Христосъ воскресе, мама! — вдругъ передъ ней выросъ офицеръ, съ Георгіемъ.

Осенина отшатнулась.

— Юрій! Сынъ мой! — воскликнула она восторженно и, рванувшись впередъ, въ безпамятствѣ упала на грудь воскресшаго для нея сына. Онъ осторожно усадилъ ее въ карету, сѣлъ рядомъ и крикнулъ кучеру: — „Пошелъ!..“ Карета покатила. Остальные размѣстились въ ландо...

Запоздавшіе странники и богомолки шли и хоромъ пѣли: Христосъ воскресе!.. Ликовала природа... Юрій прислушивался къ гимну любви, цѣловалъ мать и радовался...

П. Россіевъ.

Празднованіе пасхи и Юрьева дня у болгаръ и у сербовъ.

Въ свѣтлое воскресенье всѣ отправляются въ церковь со свѣчами еще до разсвѣта, чтобы не пропустить момента, когда священникъ, выходя изъ царскихъ дверей съ трикиріемъ, благословляетъ народъ и произноситъ: „примите Св. Духа“, послѣ чего всѣ спѣшатъ, всѣ толкаются, чтобы зажечь свои свѣчки отъ освященнаго огня и отнести ихъ горящими домой, гдѣ ихъ разставляютъ по всѣмъ угламъ для изгнанія изъ дома злыхъ духовъ. Въ это время всегда раздаются возгласы: „Христосъ воскресе“ и „воистину воскресе“. Бѣдныхъ надѣляютъ зажиточные сосѣди яйцами и куличами, а на другой день, т. е. въ понедѣльникъ, носятъ пестрыя яйца на могилы. Отъ Пасхи до Егорьева дня, отъ Петрова дня до Дмитріева — браки не заключаются, въ разныхъ городахъ въ это время бываютъ мѣстные обычаи. Какъ, напримѣръ, въ Ловецѣ и его окрестностяхъ молодые люди объясняются другъ другу въ любви и заключаются сватовства. Въ Болгаріи, вообще въ это время обыкновенно веселятся, послѣ обѣда и вечеромъ затѣваются игры и танцы подъ музыку дудки и свирѣли.

Юрьевъ день, или день святого Георгія, чрезвычайно чтится болгарами. Онъ празднуется 23 апрѣля стараго стиля (5 мая). Совпадая съ началомъ полевыхъ работъ, онъ сопровождается множествомъ суевѣрныхъ обычаевъ, и знаніе ихъ имѣетъ важное значеніе въ народной жизни болгаръ.— Мы опишемъ въ слѣдующихъ строкахъ тѣ изъ нихъ, которые еще до сихъ поръ имѣютъ вѣсъ въ глазахъ болгарскаго народа.

Юрьевъ день празднуется приношеніемъ овецъ въ жертву и передъ нимъ не ѣдятъ никакого молодого скота. Кожи съ принесенныхъ въ жертву овецъ идутъ въ пользу священниковъ. Въ этотъ день обыкновенно заключаются контракты между собственниками стадъ и пастухами, между хозяевами-промышленниками и рабочими и вообще между всѣми нанимателями и наемщиками. Здѣсь нужно замѣтить, что всѣ эти договоры заключаются на одинъ годъ. Въ странахъ южнаго Балкана рано утромъ всѣ женщины, мужчины и дѣти идутъ на зеленыя лужайки и, раздѣвшись до нага, катаются по травѣ, покрытой росой. Кромѣ того, наканунѣ этого праздника въ деревняхъ существуетъ такой обычай: всякая дѣвушка связываетъ по нѣсколько букетовъ, даетъ каждому изъ нихъ имя какого нибудь молодого деревенскаго парня и въ полночь кладетъ его на возвышенное мѣсто (обыкновенно на крышу). Рано утромъ дѣвушки спѣшатъ узнать, на которомъ изъ букетовъ больше росы, узнавая такимъ способомъ имя своего суженаго.. Все это должно дѣлаться въ тайнѣ, потому что гаданье становится недѣйствительнымъ, если узнаетъ хоть одинъ мужчина о немъ. Молодые люди, однако, отлично знаютъ объ этихъ продѣлкахъ, отправляются на поиски за спрятанными букетами и уносятъ ихъ съ собой, а вмѣстѣ съ ними, по мнѣнію бѣдной дѣвушки, и счастье цѣлаго года. Къ пучку изъ этой травы дѣвушка обращается съ словами: „омане, мой милый братъ, сдѣлай такъ, чтобы я свела съ ума такого-то“ (имя молодого человѣка).

Въ западной Болгаріи существуетъ повѣрье, что сколько дней гремитъ громъ передъ Юрьевымъ днемъ, настолько подешевѣетъ мука въ рынкахъ. — Въ этой части и другихъ мѣстахъ Болгаріи въ стадахъ овецъ—ягнята бываютъ даже въ мартѣ мѣсяцѣ, и все-таки до Юрьева дня жители никогда не зарѣжутъ ни одного. Хотя иногда бываютъ множества ягнятъ и хотя бы они продавались по самой высокой цѣнѣ,— все равно, богатые поселяне весма неохотно будутъ продавать ихъ. Такимъ образомъ, Юрьевъ день рѣшаетъ все. Утромъ считаютъ ягнятъ и выбираютъ самаго лучшаго въ извѣстныхъ мѣстностяхъ его называютъ ягненкомъ Юрьева дня. Затѣмъ его раздѣляютъ между домашними, такъ что каждому

достается по куску; при этомъ остерегаются повреждать кости, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, будто бы, овцы могутъ переломать себѣ ноги въ будущемъ году. Шкуру „ягненка Юрьева дня“ продаютъ первому покупателю, какую бы цѣну онъ ни далъ, и вырученныя деньги жертвуютъ на церковь. Какъ только съѣдятъ ягненка съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, только тогда позволяется рѣзать и продавать остальныхъ ягнятъ

Вообще, въ Юрьевъ день, большую роль играютъ обычаи, по отношенію къ домашнему скоту. Всѣми средствами его стараются защитить отъ дурного глаза, недобрыхъ сосѣдей, колдовства, нечистой силы. Поэтому въ этотъ день скотъ выгоняютъ въ поле очень поздно, цѣлый день наблюдаютъ за нимъ и никому не позволяютъ къ нему приближаться.

Юрьевъ день стараются по возможности проводить на воздухѣ. При этомъ болгары садятся подъ фруктовыми деревьями, и если къ нимъ въ стаканъ съ виномъ упадетъ цвѣтокъ, то говорятъ: „нынѣшній годъ намъ нечего безпокоиться за фрукты“, т. е. послѣдніе будутъ въ изобиліи, и т. д.

Въ Сербіи празднуется Юрьевъ день также 23 апрѣля; онъ сопровождается такимъ же множествомъ суевѣрныхъ обычаевъ, какъ и въ Болгаріи. Мы опишемъ тѣ изъ нихъ, которые еще до сихъ поръ имѣютъ вѣсъ въ глазахъ сербскаго народа. Въ этотъ день, чтобы предостеречь скотъ на цѣлый годъ отъ вѣдьмъ и дикихъ звѣрей, завязываютъ узелъ на цѣпи, которая поддерживаетъ котелъ для воды. А чтобы предотвратить градъ, наканунѣ Юрьева дня кладутъ кресты дома, на поляхъ и въ конюшняхъ и т. д., такъ какъ градовая туча никогда, будто бы, не можетъ разразиться надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежитъ такой крестъ.

Молодежь меньше думаетъ о хозяйствѣ, и потому всѣ обычаи, гаданья и привороты направлены скорѣе на мысли о личномъ счастьи.

Дѣвушки, чтобы узнать своего жениха, дѣлаютъ слѣдующее: за ужиномъ, наканунѣ Юрьева дня, онѣ прячутъ первый взятый кусокъ хлѣба, то же продѣлываютъ и съ послѣднимъ. Вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать, кладутъ подъ подушку лучину, зеркало и эти два куска. Кто изъ молодежи приснится ночью, тотъ въ скоромъ времени будетъ искать ихъ руки. Лучина кладется для того, чтобы по ней, какъ по мосту, пройти до суженаго, если онъ живетъ за рѣкой, въ зеркало оба будутъ глядѣться, а два куска хлѣба назначаются для общей трапезы и т. д.

Но вотъ насталъ Юрьевъ день. Еще только занялась заря, а ужь вся деревня на ногахъ. До восхода солнца вся деревенская молодежь купается въ рѣкѣ. Это дѣлается для того, чтобы цѣлый годъ быть чистымъ, какъ вода. Пріятно смотрѣть, когда они, обвѣшанные и украшенные ивовыми вѣтками, подобно зеленымъ, живымъ кустамъ, бѣгутъ на купанье. Затѣмъ связываютъ нѣсколько пучковъ изъ ивовыхъ вѣтвей и несутъ домой. Все это дѣлается для сохраненія чистоты тѣла. Но пріобрѣсти чистоту тѣла еще мало, сербская молодежь желаетъ быть красивою, здоровою и цвѣтущею цѣлый годъ. Дѣвушки и дѣти, возвратившись домой послѣ купанья, моютъ лицо и руки водой съ мельничнаго колеса; тѣ, которые не запаслись такой водою раньше, кладутъ въ простую воду розанъ и моются этою водою. Обычай этотъ распространенъ по всей Сербіи; даже дѣтей заставляютъ слѣдовать ему, такъ какъ, по мнѣнію родителей, ничего не можетъ быть полезнѣе для здоровья, какъ утреннее купанье въ Юрьевъ день. Напротивъ, купаться до этого дня строго воспрещается, хотябы погода допускала такое купанье за 2—3 недѣли раньше этого времени.

Для того, чтобы скотъ былъ здоровъ весь слѣдующій годъ, надъ мѣстами, гдѣ онъ ночуетъ, передъ солнечнымъ восходомъ производятъ стрѣльбу, думая, что скотъ будетъ такъ силенъ, какъ силенъ былъ выстрѣлъ.

До восхода солнца соблюдается еще такой обычай: въ Юрьевъ день пролѣзаютъ подъ кустами крыжовника, чтобы предохранить себя отъ боли въ поясницѣ. Для этого вѣтви куста сгибаютъ такимъ образомъ, чтобы онѣ касались земли своими концами. — Въ западныхъ мѣстахъ Сербіи, какъ и въ Болгаріи, въ стадахъ овецъ — ягнята бываютъ нерѣдко и въ мартѣ мѣсяцѣ, но все-таки до Юрьева дня жители никогда не зарѣжутъ ни одного.

Еще одинъ странный обычай соблюдается до восхода солнца. Въ Сербіи обыкновенно мужчины прогоняютъ скотъ на пастбище, по возвращеніи же его домой, заботы мужчинъ о немъ кончаются, а переходятъ къ женщинамъ. Женщина, ухаживающая за скотомъ, въ полночь наканунѣ Юрьева дня, раздѣвается до нага или оставляетъ на себѣ только рубашку, надаиваетъ въ такомъ видѣ немного молока, сначала отъ своей коровы, потомъ беретъ другой подойникъ (mulcha), на которомъ лежитъ веревка, и старается надоить немножко молока отъ чужой. А когда возвратится домой, она вынимаетъ веревку изъ молока чужой коровы и кладетъ ее въ свое молоко. Есть повѣрье, что, поступая такимъ образомъ, можно увеличить удой своей коровы.

О пчелахъ также не забыли въ этотъ день. Отъ каждаго зубца мельничнаго колеса отрѣзаютъ по кусочку, завязываютъ въ тряпочку и кладутъ въ улей для того, чтобы предохранить послѣдній отъ чужихъ пчелъ, или, какъ выражаются въ Сербіи, „для того, чтобы держать пришельцевъ подальше отъ нашего меда“.

Въ деревнѣ строго слѣдятъ за женщинами, слывущими за колдуній. И поэтому, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, молодой парень надѣваетъ башмаки, въ которые положенъ кусокъ серебряной монеты такимъ образомъ, чтобы онъ приходился подъ пяткой, обходитъ три раза кругомъ стада и говоритъ: „если колдунья придетъ въ серебряныхъ башмакахъ, то можетъ околдовать нашъ скотъ!“—Существуетъ повѣрье, что лошади бываютъ сыты только въ этотъ день и въ этотъ же день страдаютъ болью въ животѣ. Объ этой болѣзни существуетъ очень странное толкованіе. Когда Божія Матерь родила Іисуса Христа и положила Его въ ясли, въ хлѣвѣ находились быкъ и лошадь. Быкъ ничего не ѣлъ и головой набрасывалъ на Іисуса столько сѣна, что Онъ постоянно былъ закрытъ имъ; лошадь же была до того прожорлива, что сейчасъ же все поѣдала и обнажала Іисуса. Поэтому преданіе говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Божія Матерь прогнѣвалась и прокляла лошадь, послѣдняя страдаетъ болью въ животѣ. У сербовъ замѣчается странное отвращеніе вообще къ лошадямъ и любовь къ быкамъ. Есть даже поговорка:

„Брата и быка должно просить,
А женщину и лошадь — бить“.

Поля тоже не оставлены безъ вниманія. Цыпленка, вылупившагося къ 6 апрѣля, обносятъ вокругъ деревни. Тамъ же, гдѣ оканчивается обходъ, убиваютъ и зажариваютъ ягненка, изъ котораго приготовляется обѣдъ для присутствующихъ. Это дѣлается съ цѣлью предохранить отъ града поля и деревню. Въ противномъ случаѣ, стрѣляютъ въ ту сторону, откуда идетъ туча, или же выносятъ передъ домомъ блюдо съ ложками, и т. д.

Въ Сербіи, какъ и въ Болгаріи, стараются по возможности проводить Юрьевъ день на воздухѣ.

Такимъ образомъ понятно, что эти обычаи имѣютъ свое начало въ глубокой древности и напоминаютъ намъ первыя времена христіанства. **Г.**

* *
*

Ночь святая... ночь Господня...
Но съ любовью да привѣтомъ
Кто-бы ждалъ меня сегодня?
Никого нѣтъ въ мірѣ этомъ:
Тотъ забылъ, а тотъ далеко
Отъ меня ушелъ съ врагами;
Тѣ, уставши, спятъ глубоко
Отдыхаютъ подъ крестами...
И вокругъ свѣтло и людно,—
Я-жъ одинъ, какъ въ темномъ лѣсѣ...
Только слышу,—вѣрить трудно,—
Шепчутъ мнѣ:—„Христосъ воскресе!“

* * *

Да... нарочно иль ошибкой,
Но, гляжу, — дитя чужое
Съ доброй, ласковой улыбкой
Мнѣ даритъ яйцо простое.
Вы, — кто палъ, униженъ, брошенъ,
Кто въ груди лишь злобу носитъ,
Кто измѣною подкошенъ,
Кто всечасно смерти проситъ,—
Дай вамъ Богъ сегодня встрѣтить,
Средь людей бродя какъ въ лѣсѣ,
Такъ какъ я, — кому отвѣтить: —
„Да... воистину воскресе!“

Михаилъ Майковъ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

(*Окончаніе*).

16-го марта лекціи состоялись лишь на 5 курсѣ медицинскаго факультета, студенты коего отказались принимать дальнѣйшее участіе въ забастовкѣ; на юридическомъ факультетѣ 12 человѣкъ, прибывшихъ на лекцію профессора Алексѣева, ожидались толпою въ 150 студентовъ, угрожавшихъ употребить противъ нихъ физическое насиліе, что вынудило университетское начальство объявить имъ, что будетъ призвана полиція, послѣ чего толпа разошлась. Въ выпущенномъ того же числа бюллетенѣ „исполнительный комитетъ“, высказавъ порицаніе части студентовъ, продолжающихъ посѣщать лекціи, рекомендовалъ распространить забастовку и на предстоящіе экзамены, и, сознавая, что поведеніе демонстрантовъ должно повлечь за собою самыя рѣшительныя мѣры со стороны начальства, впередъ совѣтовалъ, въ случаѣ увольненія изъ университета всѣхъ студентовъ, „немедленно подавать прошенія о пріемѣ вновь и давать всякія вынудительныя подписки,

а затѣмъ, по примѣру Кіева, продолжать забастовку".

17-го марта занятія въ университетѣ прекращены до 22-го; всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ, зависящемъ отъ усмотрѣнія учебнаго начальства.

Въ теченіе этихъ дней, подача прошеній сначала задерживалась и положеніе было выжидательное; вышедшіе же 17, 18, 20, 22 и 24-го марта бюллетени за подписью „исполнительнаго комитета" вновь настоятельно требовали подачи всѣми прошеній, подписи всякихъ обязательствъ, возобновленія забастовки, съ распространеніемъ ея на экзамены, и затѣмъ предъявленія требованія, съ цѣлью ообщенія студенчества, о возвращеніи товарищей, высланныхъ изъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно требованія о реорганизаціи университетской инспекціи.

Благодаря этой агитаціи, университетское начальство вынуждено было съ особой осторожностью отнестись къ обратному пріему студентовъ; изъ общаго числа (4,407) прошенія объ обратномъ пріемѣ подали 4,129; изъ нихъ принято 3,318 и отказано въ пріемѣ 774, изъ коихъ 404, пріемъ коихъ обратно въ московскій университетъ нежелателенъ, и 370, кои могутъ быть приняты въ будущемъ году. Кромѣ того, отказано въ пріемѣ 37 студентамъ, о коихъ имѣлись неблагопріятныя полицейскія свѣдѣнія.

Непринятые студенты удаляются постепенно изъ Москвы въ мѣста родины, за исключеніемъ постоянныхъ московскихъ жителей, отданныхъ на попеченіе родственниковъ.

49 лицамъ, изъ числа непринятыхъ особенно замѣченнымъ въ агитаціонной дѣятельности и арестованнымъ на сходкахъ внѣ университета, воспрещено, на основаніи положенія объ охранѣ, жительство въ столицахъ и университетскихъ городахъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

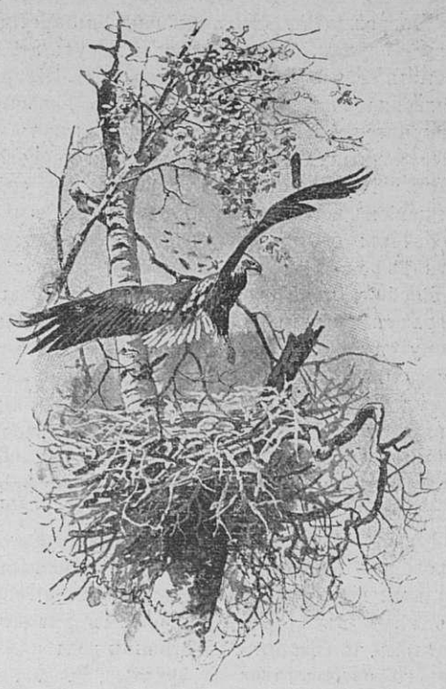
Слѣдуетъ обратить вниманіе, что за все это время громадное большинство студентовъ не принимало участія въ безпорядкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ демонстрантовъ нѣкоторая часть, не сочувствующая насильственному способу дѣйствій, высказалась за прекращеніе безпорядковъ, продолженіе коихъ не вызывалось, по мнѣнію ея, никакими основательными причинами. Выраженіемъ этого мнѣнія явилось, между прочимъ, воззваніе, выпущенное 16-го марта за подписью „группы независимыхъ студентовъ", указывающее на совершенную случайность состоявшагося 12 марта большинства, высказавшагося за повтореніе обструкціи.

Для обратно принятыхъ въ университетъ 3.318 человѣкъ предстояли еще въ теченіе 2 недѣль учебныя занятія, но, въ виду угрозъ со стороны агитаторовъ и опасенія возбудить между послѣдними и благоразумной партіей рѣзкія столкновенія, признано было необходимымъ, не возобновляя лекцій, приступить къ экзаменамъ по утвержденному росписанію, обставивъ таковые мѣрами предосторожности для охраны порядка и экзаменующихся.

Кіевъ. Въ кіевскомъ университетѣ броженіе среди студентовъ возникло еще въ ноябрѣ прошлаго года, сначала на почвѣ чисто-національныхъ интересовъ, въ виду выраженнаго нѣкоторыми студентами, преимущественно поляками и евреями, желанія послать въ Варшаву, ко дню открытія памятника польскому поэту Мицкевичу, адресъ отъ имени студентовъ кіевскаго университета всѣхъ національностей съ восхваленіемъ политической дѣятельности названнаго писателя и съ порицаніемъ постановки памятника въ Вильнѣ графу Муравьеву. Вопросъ о посылкѣ такого адреса возбудилъ протестъ среди русскихъ студентовъ, и движеніе это, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны польско-еврейской части студентовъ, привело къ открытому столкновенію представителей обѣихъ партій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣла въ университетѣ обострилось настолько, что учебное начальство оказалось вынужденнымъ исключить изъ университета 9 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ, а учебныя занятія прекратить до наступленія обычнаго срока передъ рождественскими каникулами. Во время этихъ волненій тайная организація, существующая среди студентовъ университета св. Владиміра подъ именемъ „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій", выпустила нѣсколько воззваній противоправительственнаго характера, направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Съ началомъ учебныхъ занятій въ январѣ текущаго года волненіе среди кіевской учащейся молодежи нѣсколько поулеглось, но внутренній порядокъ установился еще не вполнѣ. Такъ, 25-го января, въ университетѣ человѣкъ около 100 студентовъ произвели манифестацію въ одной изъ аудиторій, а 12-го февраля, еще до полученія подробныхъ свѣдѣній о петербургскихъ событіяхъ, кіевскій союзный совѣтъ выпустилъ воззваніе съ призывомъ къ упорной борьбѣ за свободу личности.

Такимъ образомъ призывъ с.-петербургскаго студенчества къ участію въ поднятомъ имъ движеніи нашелъ въ гор. Кіевѣ вполнѣ благопріятную почву и живой откликъ среди студентовъ университета, и проявился здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. 16-го февраля, по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о возникшемъ студенческомъ движеніи и его причинахъ, „союзный совѣтъ" особымъ воззваніемъ приглосилъ товарищей на сходку 17-го февраля, которая и состоялась въ зданіи университета, при участіи около 1,000 человѣкъ студентовъ; присутствовавшіе рѣшили присоединиться къ требованіямъ петербургскихъ товарищей и до удовлетворенія ихъ требованій отказаться отъ посѣщенія лекцій. Постановленіе сходки было прочитано ректору университета, пришедшему на сходку, а затѣмъ собравшіеся разошлись по домамъ, а человѣкъ около 80 студентовъ остались въ зданіи университета и, переходя изъ одной аудиторіи въ другую, гдѣ происходило чтеніе лекцій, заявляли профессорамъ о принятомъ сходкою рѣшеніи, послѣ чего лекціи прекратились.



18-го февраля и въ послѣдующіе дни студенты университета продолжали агитацію и не допускали чтенія лекцій, не останавливаясь даже передъ мѣрами открытаго насилія по отношенію многихъ товарищей, не желавшихъ примкнуть къ ихъ движенію. Участіе въ движеніи принимали, главнымъ образомъ, студенты первыхъ двухъ курсовъ университета, старшіе же ихъ товарищи менѣе поддавались подстрекательству агитаторовъ.

Волненіе въ гор. Кіевѣ не прекратилось и по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 20-го февраля. „Союзный совѣтъ", игравшій все время роль главнаго органа агитаціи, подстрекалъ товарищей въ издаваемыхъ имъ бюллетеняхъ и воззваніяхъ къ продолженію забастовки и указывалъ на солидарность, проявленную студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи.

Продолжавшіяся столь долгое время волненія въ университетѣ, въ связи съ рѣзкими демонстративными выходками студентовъ, вызвали со стороны учебнаго начальства необходимость исключить изъ университета 52 человѣка главныхъ агитаторовъ, которые вслѣдъ затѣмъ и были удалены административнымъ порядковъ изъ предѣловъ Кіевской губерніи, а учебныя занятія были прекращены, съ предупрежденіемъ, что всѣ нежелающіе приступить къ занятіямъ послѣ 4-го марта будутъ считаться ув ливши мися изъ университета.

Одновременно съ дѣятельностью группировавшейся около „союзнаго совѣта" партіи, стоявшей за продолженіе безпорядковъ, возникла въ кіевскомъ университетѣ другая партія, присвоившая себѣ наименованіе „русское общество націоналистовъ" и выпустившая особое воззваніе, въ которомъ хотя и выражается сочувствіе петербургскому студенчеству, но безусловно отвергается путь, выбранный студентами дла выраженія своего протеста.

Происходившіе въ гор. Кіевѣ безпорядки среди учащейся молодежи нашли себѣ горячее сочувствіе въ мѣстной подпольной революціонной организаціи, именовавшей себя „кіевскимъ союзомъ соціалистовъ-рево

люціонеровъ", которая почти тотчасъ же послѣ возникновенія броженія въ университетѣ выпустила два воззванія возмутительнаго содержанія: одно, озаглавленное „Къ учащейся молодежи, заключаетъ въ себѣ призывъ къ общей борьбѣ противъ существующаго государственнаго строя, а другое воззваніе „Къ кіевскимъ рабочимъ" указываетъ, что студенты, благодаря твердой сплоченности и полной солидарности въ своихъ дѣйствіяхъ, добились, будто бы, крупныхъ уступокъ отъ правительства; слѣдовательно, и рабочимъ, для облегченія своего положенія, необходимо дружно соединить свои силы.

Послѣ прекращенія лекцій въ университетѣ, студенты продолжали собираться на сходки въ корридорѣ при университетской шинельной и комнатѣ для выдачи заказной корреспонденціи, такъ какъ всѣ остальныя помѣщенія университета были закрыты.

Въ теченіе первой недѣли Великаго поста занятія въ университетѣ не производились, такъ какъ, по установленному учебнымъ начальствомъ порядку, недѣля эта предоставляется студентамъ для говѣнія. Тѣмъ не менѣе, студенты, собираясь значительными группами въ тѣхъ помѣщеніяхъ университета, куда имъ былъ открытъ доступъ, продолжали обсуждать вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи, въ особенности по полученіи свѣдѣній о прекратившейся въ Петербургѣ забастовкѣ. По этому поводу „союзный совѣтъ" выпустилъ два воззванія: одно отъ 3-го марта съ выраженіемъ рѣзкаго порицанія с.-петербургскому университету за то, что онъ „забылъ свои общегражданскія требованія, во имя которыхъ возстали сами петербургскіе студенты и призвали къ протесту провинціальные университеты", а другое отъ 7-го марта, въ коемъ „союзный совѣтъ" требовалъ возвращенія высланныхъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ „союзный совѣтъ" обратился съ воззваніемъ къ московскому студенчеству, и призывалъ его принять на себя руководящую роль въ студенческомъ движеніи.

6-го марта около двухъ сотъ человѣкъ студентовъ, проникнувъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, занялись обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, причемъ среди нихъ появилось новое воззваніе „союзнаго совѣта", съ призывомъ на сходку 8-го марта.

Съ открытіемъ университета спокойно прошли только 3 первыя лекціи, но затѣмъ послѣ перерыва студенты потребовали прекращенія занятій, врывались въ аудиторіи, препятствовали чтенію лекцій и, наконецъ, выбивъ дверь въ самую обширную изъ аудиторій, собрали многочисленную сходку, на которой послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ большинство пришло къ заключенію продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены высланные товарищи.

Въ противовѣсъ рѣшенію этой сходки, „группа націоналистовъ", стоявшая за водвореніе въ университетѣ порядка и начало лекцій, собралась также въ числѣ около 200 человѣкъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи. Результаты ихъ переговоровъ выразились въ появившихся вслѣдъ затѣмъ воззваніяхъ этой группы отъ 8-го и 11-го марта, гдѣ подвергается рѣшительной критикѣ дѣятельность „союзнаго совѣта" и партіи забастовщиковъ и доказывается, что разъ студенты с.-петербургскаго университета, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, отказались отъ дальнѣйшей забастовки, то странно кіевскому университету выступать въ защиту чужихъ интересовъ болѣе ревностно, чѣмъ сами потерпѣвшіе.

9-го марта въ зданіи университета произошли особенно бурные безпорядки, перешедшіе въ открытое столкновеніе представителей двухъ партій студенчества за и противъ забастовки.

Партія „націоналистовъ", къ которой присоединились студенты-юристы 4-го курса, обратилась къ ректору университета съ просьбой начать чтеніе лекцій, но на первой же лекціи забастовщики выломали скамейкой окна въ дверяхъ и пытались проникнуть въ аудиторію, гдѣ собралось около 300 слушателей. Эти послѣдніе, вооружась банками отъ физическихъ приборовъ, отгоняли нападающихъ. Безпорядки произошли также и въ клиникѣ кіевскаго военнаго госпиталя, гдѣ читались лекціи студентамъ-медикамъ, причемъ они встрѣтили вошедшаго къ нимъ начальника госпиталя шумомъ и криками.

Вслѣдствіе сего 10-го марта въ зданіи университета вывѣшено объявленіе слѣдующаго содержанія: „По распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ студенты университета св. Владиміра признаются уволившимися. Желающіе вновь поступить въ университетъ и продолжать слушаніе лекцій подаютъ о томъ прошеніе г. ректору. Обратный пріемъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія университетскаго начальства".

12-го марта происходилъ пріемъ прошеній отъ студентовъ 4 и 5 курсовъ, изъявившихъ желаніе поступить обратно въ университетъ, причемъ въ первый же день было принято 510 прошеній. Студенты впускались группами по мѣрѣ прибытія, и безпорядковъ не производили. Такъ же спокойно съ внѣшней стороны прошли и остальные дни при пріемѣ прошеній отъ студентовъ другихъ курсовъ.

Всего прошеній объ обратномъ пріемѣ поступило 2,425, принято правленіемъ обратно въ университетъ 2,181 человѣкъ, отказано въ пріемѣ 244 лицамъ, изъ нихъ 160 евреямъ. Въ общую цифру студентовъ, которымъ отказано въ пріемѣ, еще не вошли I, II, III курсы всѣхъ факультетовъ.

Тѣмъ не менѣе, внутренній порядокъ въ университетѣ далеко еще не установился, броженіе среди студентовъ продолжается, выражаясь пока въ сходкахъ главныхъ дѣятелей агитаціи по частнымъ квартирамъ и въ демонстративныхъ выходкахъ на вокзалѣ при отъѣздѣ непринятыхъ обратно въ университетъ товарищей. На ряду съ этимъ „союзный совѣтъ" не прекращалъ своей агитаціонной дѣятельности и участіе его въ студенческомъ движеніи за указанное время выразилось въ изданіи тѣхъ двухъ воззваній къ петербургскому студенчеству, которыя, повидимому, сдѣлались одной изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ безпорядковъ въ С.-Петербургѣ.

Въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ броженіе появилось съ 17-го февраля и выразилось въ сходкѣ около 300 студентовъ, которые заявили о своемъ намѣреніи отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій; въ послѣдующіе дни волненія продолжались, и 19-го студенты, стоявшіе за безпорядки, не допустили въ чертежные залы своихъ товарищей, явившихся туда съ цѣлью взять на домъ свои чертежи. 22-го февраля студентамъ института объявлена была директоромъ телеграмма министра финансовъ съ предложеніемъ возобновить занятія, приступить къ которымъ, однако, еще не оказалось возможности, въ виду возбужденнаго вообще настроенія молодежи.

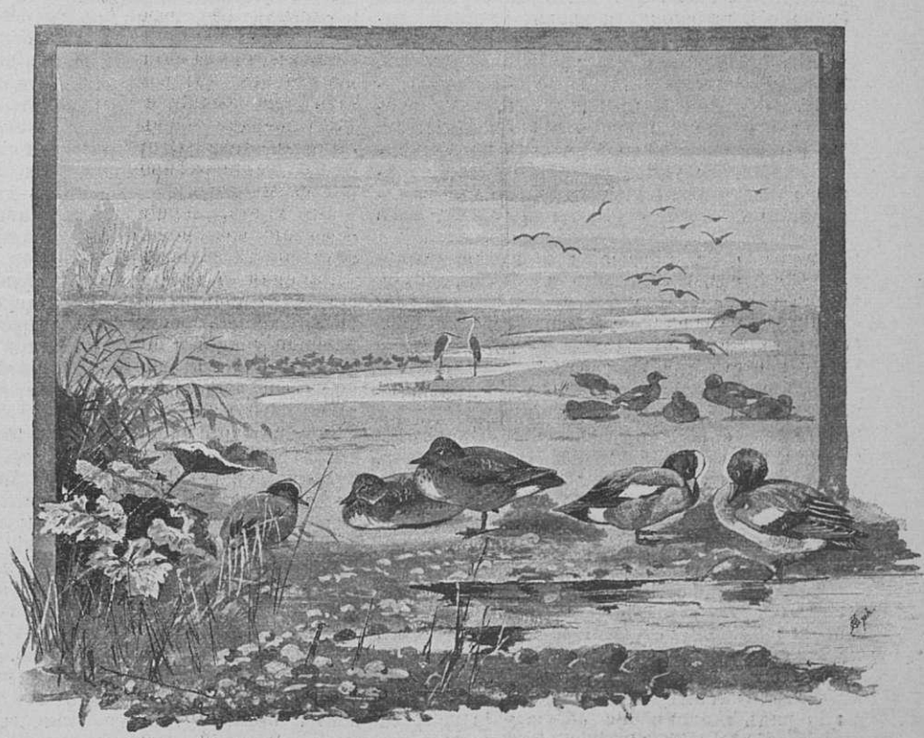
25-го студентамъ была объявлена новая телеграмма министра, заключавшая въ себѣ предостереженіе о томъ, что неносѣщающіе лекціи будутъ признаны уволенными.

По возобновленіи лекціи послѣ масленой недѣли, часть студентовъ, явясь на лекцію естественной исторіи, предложили профессору удалиться, но собранная въ тотъ же день сходка признала, однако, большинствомъ голосовъ возобновленіе занятій желательнымъ, что и было исполнено тогда же большей частью студентовъ, послѣ чего волненіе въ институтѣ стало постепенно утихать, и учебныя занятія продолжались нѣкоторое время обычнымъ порядкомъ.

26-го марта около 200 студентовъ не пошли на лекціи и съ этого времени мѣшаютъ заниматься своимъ товарищамъ; полное спокойствіе еще не возстановлено, и слушателямъ назначенъ срокъ для возобновленія всѣми слушанія лекцій.

Руководившая безпорядками въ кіевскомъ университетѣ группа „союзнаго совѣта" пыталась, съ своей стороны, оказывать по возможности вліяніе и на студентовъ политехническаго института и, смотря по ходу дѣлъ въ послѣднемъ, выражала политехникамъ въ своихъ воззваніяхъ сочувствіе или порицаніе.

Одесса. Подъ вліяніемъ полученныхъ въ Одессѣ, чрезъ посредство прибывшаго, 19-го февраля, изъ Кіева делегата, извѣстій о волненіяхъ среди студентовъ с.-петербургскаго университета, 20-го февраля въ уни-



Весенній день на затонѣ.

верситетѣ состоялась сходка студентовъ, человѣкъ до 300; явившійся на сходку инспекторъ вынужденъ былъ удалиться, а явившемуся вслѣдъ затѣмъ ректору студенты заявили, что они присоединяются къ требованіямъ своихъ товарищей с.-петербургскаго университета и прекращаютъ посѣщеніе лекцій, покуда эти требованія не будутъ удовлетворены. На сходкѣ распространялась гектографированная прокламація кіевскаго изданія, приглашавшая новороссійскій университетъ послѣдовать примѣру с.-петербургскаго и кіевскаго университетовъ и прекратить посѣщеніе лекцій.

22-го февраля было издано на гектографѣ воззваніе, въ которомъ излагалось рѣшеніе, принятое 20-го числа, и на сходкѣ, бывшей въ этотъ же день, на которой участвовало всего около 150 человѣкъ, рѣшено продолжать не ходить на лекціи и препятствовать посѣщать лекціи другимъ.

23-го февраля вновь состоялась сходка, на которую прибылъ ректоръ и, указавъ на незаконность дѣйствій студентовъ и на состоявшееся, 20-го февраля, Высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Ванновскаго для производства разслѣдованія о причинахъ волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, добавилъ, что большаго удовлетворенія не можетъ быть. Рѣчь ректора была выслушана студентами въ молчаніи, и 24-го февраля, хотя лекціи не посѣщались, но броженіе между студентами, подъ вліяніемъ сказаннаго ректоромъ наканунѣ, стало замѣтно ослабѣвать, и число противниковъ забастовки стало уменьшаться.

25-го, 26, 27-го и 28-го университетъ былъ закрытъ по случаю масленицы, и въ то время ректоръ ежедневно вызывалъ по нѣсколько человѣкъ студентовъ, убѣждая ихъ возвратиться къ нормальному порядку, причемъ всѣ вызванные ректоромъ держали себя съ нимъ вполнѣ почтительно, но заявили о своей полной солидарности съ участниками сходокъ и съ принятыми на сходкахъ рѣшеніями. Такъ продолжалось до 3-го марта, когда студенты, послѣ сходки, письменно заявили ректору, что, въ виду полученія свѣдѣній о возобновленіи занятій въ Петербургѣ, они, съ слѣдующаго числа (4 марта), прекращаютъ стачку.

Съ 4-го марта лекціи въ университетѣ возобновились и продолжались до 22-го числа. Во весь этотъ промежутокъ времени, между вожаками студенческаго движенія шли безпрерывныя сношенія съ другими университетами, преимущественно съ кіевскимъ, изъ котораго получены упреки одесскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки.

22-го марта въ университетѣ появилась прокламація, приглашающая вновь начать забастовку, около 200 человѣкъ студентовъ собралось на сходку и вновь рѣшили забастовать, что и было ими сообщено и. д. ректора. Несмотря на увѣщанія ректора, съ 23-го марта посѣщеніе лекцій большинствомъ студентовъ прекратилось, хотя значительное число продолжало приходить въ университетъ, а 30-го марта, въ виду продолжавшагося уклоненія отъ слушанія лекцій, всѣ студенты уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты петербургскаго университета.

Варшава. Въ первые дни по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о безпорядкахъ среди варшавской учащейся молодежи броженія не замѣчалось; 16-го февраля прибылъ въ Варшаву депутатъ отъ кіевскаго университета для уговора мѣстныхъ студентовъ примкнуть къ общей студенческой забастовкѣ и передалъ воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организаціи“ отъ 12-го февраля, призывающее всѣхъ студентовъ сплотиться въ одно цѣлое для начатой борьбы.

17-го числа прибылъ съ тою же цѣлью другой делегатъ отъ с.-петербургскаго университета.

Одновременно съ этимъ, изъ С.-Петербурга стали получаться во множествѣ письма съ изложеніемъ событій и приглашеніемъ учащейся молодежи къ выраженію своимъ товарищамъ сочувствія въ какой-либо формѣ.

Вслѣдъ за симъ варшавскіе студенты устроили рядъ сходокъ для обсужденія вопроса о способѣ выраженія сочувствія; сначала рѣшено было послать сочувственную телеграмму петербургскимъ товарищамъ, но затѣмъ это отмѣнено и постановлено прекратить посѣщеніе лекцій, если также поступятъ кіевскіе студенты, и предъявить свои требованія въ петиціяхъ. 19-го февраля вечеромъ изъ Кіева получены условныя телеграммы, склоняющія къ непосѣщенію лекцій, а 20-го утромъ среди студентовъ появилась прокламація, на польскомъ языкѣ, отъ „группы прогрессивной польской молодежи“, приглашавшая студентовъ-поляковъ понудить своею численностью товарищей другихъ національностей примкнуть къ всеобщему движенію молодежи. Въ тотъ же день многіе студенты на лекціи уже не явились.

22-го февраля демонстранты-студенты университета устроили шумную манифестацію: съ утра занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ во всѣхъ аудиторіяхъ; въ третьемъ часу толпа студентовъ, преимущественно младшихъ курсовъ, человѣкъ болѣе 300, заперлась въ лабораторію, а вошедшихъ туда съ трудомъ ректора, инспектора и одного изъ профессоровъ не слушали и двухъ послѣднихъ осыпали ругательствами и бросали въ нихъ разными предметами. На сходкѣ предположили подать ректору петицію о возстановленіи дѣйствія стараго университетскаго устава; но когда ректоръ потребовалъ, чтобы она была подписана, то студенты побоялись это исполнить и стали выходить, направившись сперва въ аудиторіи читавшихъ лекціи профессоровъ, гдѣ заставили ихъ силою окончить чтеніе лекцій, причемъ выдвинули изъ-подъ нихъ стулья и сдвинули каѳедры.

Въ тотъ же день, въ ветеринарномъ институтѣ, студенты, собравшись на лекціи, потребовали къ себѣ директора и хотѣли подать петицію, но директоръ отказался принять ее, и студенты разошлись.

Въ виду изложеннаго, лекціи въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, по распоряженію попечителя учебнаго округа, были временно прекращены.

Содержаніе поданныхъ петицій приблизительно однородно и сводится къ слѣдующему: студенты постановили выразить свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ другихъ учебныхъ заведеній противъ своеволія властей и требовать возвращенія исключенныхъ товарищей, гласнаго университетскаго суда, выборовъ профессоровъ профессорскимъ собраніемъ, уничтоженія должностей педелей, уменьшенія платы за право слушанія лекцій, уравненія національностей и религій, отмѣны обязательности курса русскаго языка на всѣхъ факультетахъ, кромѣ филологическаго, свободы студенческихъ организацій и сходокъ и т. д.

Послѣ прекращенія лекцій демонстранты-студенты стали организоваться въ группы и избрали изъ своей среды особый комитетъ подъ названіемъ „Общестуденческій комитетъ манифестацій“, состоящій изъ семи членовъ, которому предоставлено издавать прокламаціи и руководить сходками; 26-го февраля члены означеннаго комитета были арестованы, причемъ у нихъ обнаружены гектографированныя воззванія на польскомъ языкѣ.

4-го марта, лекціи въ варшавскомъ университетѣ возобновились, хотя и при не полномъ числѣ слушателей.

Начиная съ 18-го февраля студенты и варшавскаго политехникума стали собираться на сходки для обсужденія вопроса о прекращеніи лекцій и подачи петицій директору съ изложеніемъ своихъ требованій, въ общемъ согласныхъ съ таковыми, же заявленными прочими варшавскими студентами; 22-го на лекціи явилось только 90 человѣкъ, но затѣмъ съ 4-го марта занятія послѣ масленичныхъ вакацій возобновились, хотя и не при полномъ числѣ слушателей. Сочувствовавшіе обструкціи студенты политехникума, независимо отъ нехожденія на лекціи, проявили свое участіе въ безпорядкахъ еще и изданіемъ на польскомъ языкѣ особаго воззванія „Къ товарищамъ студентамъ“, въ коемъ призывали польскую молодежь примкнуть къ общему движенію.

По распоряженію учебнаго начальства, наиболѣе замѣченные въ агитаціи студенты были тогда же удалены изъ учебныхъ заведеній, что повлекло затѣмъ удаленіе ихъ изъ Варшавы въ мѣста, избранныя ими для жительства. Мѣра эта принята была въ отношеніи 333 лицъ.

Новая-Александрія. Въ ново-александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства первая сходка состоялась 17 февраля въ институтскомъ саду, при участіи всѣхъ студентовъ. Тутъ же было подписано, подъ вліяніемъ небольшой группы агитаторовъ, 203 студентами постановленіе не посѣщать лекцій, а также рѣшено требовать предоставленія имъ большихъ правъ и возстановленія университетскаго устава 62-го года, и съ 18-го февраля студенты на лекціи болѣе не ходили.

28-го февраля, была вновь сходка студентовъ въ частномъ домѣ, на которой рѣшено не прекращать стачки до удовлетворенія общестуденческихъ претензій и ихъ собственныхъ требованій, но, получивъ извѣщеніе о возобновленіи занятій въ с.-петербургскомъ университетѣ, ново-александрійскіе студенты на сходкѣ 3-го марта рѣшили прекратить забастовку, что и было приведено по окончаніи сходки.

По полученіи, однако, свѣдѣній о возобновленіи безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, студенты института собрали, 20-го и 22-го марта, сходки, на которыхъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ вновь рѣшили поддержать своихъ товарищей и прекратить посѣщеніе лекцій.

23 марта, въ институтскомъ паркѣ состоялись двѣ сходки, на которыхъ сторонники забастовки, составлявшіе, однако, на этихъ сходкахъ значительное меньшинство, заявили, что они считаютъ объявленное наканунѣ рѣшеніе окончательнымъ и употребятъ насиліе противъ желающихъ посѣщать лекціи; вечеромъ директору института предъявлены были требованія, аналогичныя съ требованіями с.-петербургскихъ студентовъ.

На слѣдующій день, въ виду продолженія броженія въ стѣнахъ института, всѣ студенты уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Томскъ. По полученіи въ гор. Томскѣ извѣстій о студенческихъ безпорядкахъ въ С.-Петербургѣ, 24 февраля студенты мѣстнаго университета, въ числѣ до 400 человѣкъ, собрались на сходку, отказались разойтись по требованію учебнаго начальства и постановили: присоединиться къ товарищамъ и выразить согласіе въ общемъ протестѣ, предъявить требованія объ удовлетвореніи оскорбленныхъ петербургскихъ студентовъ, о гарантіи неприкосновенности личностей студентовъ, и т. п., а до удовлетворенія требованій рѣшили не посѣщать лекцій и добиваться оффиціальнаго закрытія университета. Противъ профессоровъ, которые будутъ продолжать занятія, рѣшено принять систему обструкціи. Постановленіе сходки было издано особымъ воззваніемъ, и, начиная съ упомянутаго числа, студенты дѣйствительно прекратили посѣщеніе лекцій и занятій въ клиникахъ, являясь въ университетъ лишь для присутствованія на сходкахъ, на увѣщанія учебнаго начальства не обращали никакого вниманія, а тѣхъ изъ числа своихъ товорищей, которые хотѣли войти въ университетъ 1 марта для слушанія лекцій, силой не допустили проникнуть въ зданіе.

2 марта, по постановленію правленія университета, исключено 45 студентовъ, особенно замѣченныхъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, которые затѣмъ и удалены, въ числѣ 36 человѣкъ, изъ Томска, за исключеніемъ мѣстныхъ уроженцевъ.

4 марта, въ университетѣ занятія временно прекращены до 8-го, но въ дѣйствительности, за отсутствіемъ слушателей, возобновлены не были 15-го, въ виду настойчиваго непосѣщенія лекцій, всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подавать вновь прошенія о пріемѣ, при условіи подчиненія существующимъ правиламъ. Прошенія поступаютъ пока не въ значительномъ числѣ, вслѣдствіе мѣръ, принимаемыхъ партіей обструкціонистовъ, не допускающихъ прочихъ студентовъ въ университетъ, клинику и даже на почту. Между студентами распространяются гектографированные листки и воззванія, въ томъ числѣ перепечатываемыя въ Томскѣ воззванія

„кассы взаимопомощи петербургскаго университета“.

20 марта удалены изъ города еще 14 человѣкъ демонстрантовъ.

Рига. Въ рижскомъ политехническомъ институтѣ сходка состоялась 18 февраля, числомъ около 160 студентовъ, на которой читались письма, полученныя изъ Петербурга, съ описаніемъ студенческихъ безпорядковъ и съ призывомъ пристать къ общему движенію. Сходка постановила, въ знакъ сочувствія петербургскимъ товарищамъ, прекратить слушаніе лекцій 19. февраля утреннія лекціи въ институтѣ прошли, однако, безпрепятственно, но около 3 часовъ вновь собралась сходка, числомъ до 300 человѣкъ, причемъ сторонники безпорядка препятствовали чтенію лекцій и вынуждали профессоровъ прекращать занятія. По распоряженію попечителя учебныя занятія въ институтѣ 2 февраля прекращены.

Въ описанныхъ безпорядкахъ принимали участіе 300 — 400 студентовъ, преимущественно 1-го курса, большинство коихъ держалось довольно пассивно, активное же участіе проявила относительно небольшая группа студентовъ человѣкъ 60 — 70, причемъ болѣе замѣтное и видное участіе на сходкахъ принимали студенты еврейскаго и армянскаго происхожденія.

5 марта, лекціи въ институтѣ возобновились безпрепятственно до 27 марта, когда около 200 студентовъ, собравшись на сходку, вновь вынудили прекратить лекціи, въ виду чего всѣ студенты института уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Юрьевъ. По полученіи свѣдѣній изъ Петербурга, студенты юрьевскаго университета, въ числѣ до 508 человѣкъ, собрались, 23 февраля, на сходку въ аудиторіи патологическаго института, но, благодаря убѣжденіямъ учебнаго начальства, разошлись затѣмъ спокойно, предъявивъ, однако, предварительно свои требованія, заключавшіяся въ нравственномъ удовлетвореніи петербургскихъ товарищей, возвращеніи исключенныхъ, огражденіи студентовъ отъ дѣйствій полиціи, автономіи университетовъ и свободы сходокъ, уничтоженіи или уменьшеніи платы за слушаніе лекцій, уничтоженіи всѣхъ ограниченій по національностямъ и допущеніи пріема въ университетъ всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. До удовлетворенія же этихъ требованій, изложенныхъ затѣмъ въ особомъ воззваніи, сходка рѣшила прекратить посѣщеніе лекцій.

Волненіе въ университетѣ отозвалось и на ветеринарномъ институтѣ, гдѣ на сходку, собранную въ клиникѣ, явилось до 200 студентовъ. Директоръ института убѣдилъ, однако, студентовъ разойтись, что они и сдѣлали, заявивъ, впрочемъ, что посѣщать лекцій болѣе не намѣрены, и собрались съ цѣлью выразить сочувствіе невинно пострадавшимъ петербургскимъ студентамъ.

24 февраля, студенты университета, стоявшіе за забастовку, обходили группами аудиторіи, прося профессоровъ прекратить чтеніе лекцій и заявляя, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти нежелательныя непріятности; находившимся въ аудиторіяхъ своимъ товарищамъ они предлагали немедленно покинуть зданіе университета.

Въ виду изложеннаго, въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ 24-го февраля занятія были временно пріостановлены.

Впослѣдствіе выяснилось, что волненіемъ среди студентовъ руководилъ образовавшійся въ университетѣ „союзный совѣтъ дерптскихъ организацій“, выпустившій отъ своего имени и распространявшій два воззванія, изъ коихъ первое заключало въ себѣ весьма тенденціозное и извращенное изложеніе петербургскихъ безпорядковъ 8-го февраля, а второе призывало „дерптское студенчество“ присоединиться къ примкнувшимъ уже къ обструкціи иногороднымъ товарищамъ.

4-го марта, лекціи возобновились, первоначально при незначительномъ числѣ слушателей; къ 10-му же числу на занятія въ университетъ и институтъ начали являться почти всѣ студенты.

По этому поводу вышеуказанный „союзный совѣтъ“ выпустилъ особое воззваніе съ заявленіемъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанность дальнѣйшаго веденія дѣла, такъ какъ не видитъ смысла въ продолженіи забастовки, какъ въ виду прекращенія таковой въ С.-Петербургѣ, такъ и въ виду несоотвѣтствующаго настроенія мѣстнаго студенчества.

27-го марта, однако, около 500 студентовъ юрьевскаго университета вновь собрались на сходку и высказались за возобновленіе обструкціи, вслѣдствіе чего и въ означенномъ университетѣ принята мѣра увольненія всѣхъ студентовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ университетахъ, гдѣ эта мѣра примѣнена.

Харьковъ. По полученіи предложенія петербургскихъ студентовъ устроить забастовку впредь до измѣненія существующаго университетскаго устава, среди студентовъ университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ съ 15-го февраля начались сходки, окончившіяся рѣшеніемъ не посѣщать лекцій и препятствовать ихъ чтенію впредь до удовлетворенія требованій, выставленныхъ петербургскими товарищами.

На состоявшихся въ стѣнахъ технологическаго института сходкахъ 18-го и 20-го февраля выработаны были затѣмъ и свои требованія, которыя переданы на обсужденіе студентовъ университета и ветеринарнаго института и, на состоявшихся по сему поводу сходкахъ въ стѣнахъ названныхъ учебныхъ заведеній, приняты единогласно. 20-го февраля по городу разбросаны гектографированныя прокламаціи, по поводу происходившихъ волненій, съ порицаніемъ дѣйствій правительства.

24-го февраля, въ стѣнахъ университета, за подписью ректора, было вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Въ виду того, что студенты Императорскаго харьковскаго университета, въ теченіе значительнаго времени, настойчиво отказывались отъ посѣщенія лекцій и прочихъ учебныхъ занятій, они признаны, согласно распоряженію высшаго учебнаго начальства, уволившимися изъ университета“. Затѣмъ указывался порядокъ полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ и пріема прошеній отъ желающихъ возвратиться въ число студентовъ.

По возобновленіи затѣмъ лекцій, вновь распространились воззванія, отъ 12 марта, за подписью „группы непримиримыхъ“, съ цѣлью возобновить прекратившееся волненіе, но сочувствія не встрѣтили, и занятія продолжались до 30-го марта.

Казань. 23-го февраля, среди студентовъ казанскаго университета появилось воззваніе, приглашающее ихъ присоединиться къ протесту студентовъ с.-петербургскаго университета. По этому поводу 24-го числа студенты собрались въ университетѣ, въ значительномъ числѣ, и рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій съ 1-го марта. 25-го-же февраля, чрезъ 12 уполномоченныхъ подали ректору петицію съ заявленіемъ, что они съ своей стороны не желаютъ производить безпорядковъ, но въ видахъ сочувствія студентамъ с.-петербургскаго университета, согласились прекратить посѣщеніе лекцій впредь до рѣшенія дѣла о безпорядкахъ въ этомъ университетѣ и возобновленія въ немъ занятій. Засимъ, по изложеніи ходатайства о пересмотрѣ дѣйствующаго университетскаго устава или по крайней мѣрѣ объ измѣненіи нѣкоторыхъ его параграфовъ, въ петиціи выражалось требованіе объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ въ Петербургѣ студентовъ и возвращеніи высланныхъ.

По возобновленіи занятій къ 1-му марта, послѣ масленицы, впервые дни студентовъ на лекціяхъ было дѣйствительно весьма незначительное число, но, по полученіи свѣдѣній о возобновленіи занятій къ Петербургѣ, съ 4-го числа они начали посѣщать лекціи на всѣхъ факультетахъ въ обычномъ числѣ.

Не смотря на то, что въ безпорядкахъ принимала участіе сравнительно меньшая часть слушателей, изъ большинства высшихъ учебныхъ заведеній оказалось необходимымъ исключить довольно значительное число студентовъ, упорство коихъ къ продолженію безпорядковъ не давало возможности терпѣть такихъ слушателей долѣе въ средѣ учащейся молодежи. Эта мѣра будетъ принимаема и впредь, такъ какъ, по требованію учащихся, никакого отступленія отъ уставовъ, положеній и правилъ, дѣйствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и отъ установленнаго порядка учебныхъ занятій и времени экзаменовъ, допущено быть не можетъ. Принятіе этой мѣры не лишитъ многихъ изъ уволенныхъ, отрезвившихся отъ заблужденій, въ которыя они были вовлечены, по юношескому невѣдѣнію и неопытности — возможности быть вновь принятыми въ учебныя заведенія и окончить свое образованіе, но во всякомъ случаѣ это снисхожденіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ сознанія ими своихъ ошибокъ и заблужденій, а не результатомъ насильственныхъ дѣйствій скопомъ, въ ошибочномъ разсчетѣ, что значительное число исключенныхъ изъ заведеній поставитъ эти заведенія въ затруднительное положеніе.

Что же касается тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, направляютъ свои усилія къ тому, чтобы увлекать учащуюся молодежь на путь преступныхъ дѣйствій, преслѣдующихъ противоправительственныя и ничего общаго съ назначеніемъ учебныхъ заведеній не имѣющія цѣли, то въ отношеніи этихъ лицъ будутъ неуклонно принимаемы установленныя закономъ мѣры взысканія.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Со дня введенія въ дѣйствіе лѣтняго росписанія движенія поѣздовъ на текущій годъ, въ правилахъ примѣненія тарифа на проѣздъ пассажировъ I и II классовъ въ скорыхъ безпересадочныхъ сибирскихъ поѣздахъ, обращающихся между Москвой и Иркутскомъ, предположено включить по направленію изъ Европейской Россіи всѣ станціи назначенія на протяженіи между Москвой и Челябинскомъ, за исключеніемъ лишь Уфы и Самары, а также включить подробныя условія проѣзда дѣтей офицеровъ, чиновъ администраціи, а равно и лицъ, ѣдущихъ по безплатнымъ билетамъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Коммиссія, выбранная общимъ собраніемъ союза взаимопомощи русскихъ писателей 29 января 1899 г., для разработки проектовъ положенія и программы перваго съѣзда русскихъ писателей, въ своихъ засѣданіяхъ выработала нижеслѣдующіе проэкты:

Положеніе о первомъ всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ писателей.

1. Первый всероссійскій съѣздъ русскихъ писателей созывается въ память А. С. Пушкина союзомъ взаимопомощи русскихъ писателей, на основаніи § 2, п. к. его устава, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1899 года.

2. Съѣздъ имѣетъ цѣлью выясненіе положенія и потребностей печати въ Россіи и дѣйствуетъ въ предѣлахъ программы, утвержденной правительствомъ.

3. День открытія съѣзда, его продолжительность и подробности его организаціи будутъ опубликованы впослѣдствіи.

4. Подготовительныя работы по устройству съѣзда, а равно и веденіе самаго съѣзда, поручаются комитету союза взаимопомощи русскихъ писателей.

5. На обязанности комитета союза лежитъ выработка программы занятій съѣзда, привлеченіе къ участію въ съѣздѣ разныхъ учрежденій и лицъ, выборъ докладовъ, установленіе очереди въ докладахъ на съѣздѣ и вообще веденіе дѣлъ съѣзда и дальнѣйшее направленіе возбужденныхъ на съѣздѣ вопросовъ.

6. Избраніе предсѣдателя съѣзда и предсѣдателей его секцій производится комитетомъ союза взаимопомощи русскихъ писателей вмѣстѣ съ коммиссіею по вопросу о созывѣ перваго съѣзда русскихъ писателей.

7. Членами съѣзда могутъ быть: а) всѣ члены союза взаимопомощи русскихъ писателей, русскаго литературнаго общества и общества любителей россійской словесности; б) ученыя общества, общество драматическихъ писателей и общества, имѣющія своею задачею улучшеніе матеріальнаго

положенія писателей, участвуютъ въ съѣздѣ при посредствѣ своихъ делегацій; в) всѣ органы печати могутъ имѣть по два представителя на съѣздѣ въ качествѣ его членовъ, сверхъ тѣхъ изъ своихъ сотрудниковъ,

Проф. Н. В. Склифасовскій.

которые участвуютъ въ съѣздѣ на другихъ основаніяхъ; г) комитету союза взаимопомощи русскихъ писателей предоставляется признавать членами съѣзда всѣхъ лицъ, заявившихъ себя трудами въ области литературы, науки и періодической печати, а также и лицъ, редактирующихъ органы періодической печати и состоящихъ постоянными сотрудниками этихъ послѣднихъ, если они выразятъ желаніе быть членами съѣзда; д) тому же комитету предоставляется право приглашать сдѣлаться членами съѣзда всѣхъ лицъ, участіе коихъ, по ихъ дѣятельности, можетъ быть признано полезнымъ.

8. Желающіе быть членами съѣзда заявляютъ о томъ заблаговременно комитету съѣзда, дѣлая при этомъ опредѣленный взносъ на расходы по устройству съѣзда. Члены съѣзда записываются въ ту или другую секцію, по собственному желанію, и могутъ быть членами нѣсколькихъ секцій.

9. Занятія съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденій докладовъ и въ постановленіи резолюцій по обсуждавшимся вопросамъ. Печатаніе докладовъ и преній, вполнѣ или въ извлеченіи, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета союза взаимопомощи русскихъ писателей — по соглашенію съ авторами.

10. Доклады, поступившіе во время самого съѣзда, допускаются къ прочтенію въ секціяхъ и подсекціяхъ съѣзда съ разрѣшенія предсѣдателя оныхъ; предназначенные къ чтенію въ общемъ собраніи—предсѣдателя общихъ собраній. На отвѣтственность тѣхъ же предсѣдателей возлагается соблюденіе должнаго порядка какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ секціяхъ.

11. Засѣданія съѣзда бываютъ общія и спеціальныя по секціямъ и подсекціямъ. На каждое отдѣльное засѣданіе секціи съѣзда можетъ быть избранъ присутствующими членами товарищъ предсѣдателя.

12. Предсѣдателямъ общаго собранія и секцій предоставляется право, подъ личною отвѣтственностью и по ихъ усмотрѣнію, допускать и приглашать въ собранія посторонникъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса или въ качествѣ слушателей.

13. Средства съѣзда составляются изъ: 1) частныхъ пожертвованій, 2) взносовъ членовъ и пр.

14. По окончаніи съѣзда на комитетъ союза взаимопомощи русскихъ писателей возлагается обязанность дать дальнѣйшее направленіе возбужденнымъ на съѣздѣ вопросамъ, вмѣстѣ съ своими заключеніями.

15. Полный отчетъ о съѣздѣ, съ приложеніемъ всѣхъ трудовъ онаго, представляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Программа перваго всероссійскаго съѣзда русскихъ писателей.

На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ писателей, имѣющемъ быть созваннымъ въ память А. С. Пушкина, въ С.-Петербургѣ, осенью 1899 года, согласно положенію объ упомянутомъ съѣздѣ, предполагаются къ обсужденію слѣдующіе вопросы, вытекающіе изъ цѣли съѣзда — выяснить положеніе и потребности печати въ Россіи.

1. Упорядоченіе отношеній между литературными предпринимателями и тружениками печатнаго слова.

2. Обезпеченіе матеріальнаго положенія писателей.

3. Современное состояніе и улучшеніе условій положенія печати.

4. Статистика печати.

— По сообщенію одесскихъ газетъ, проф. А. И. Кирпичниковъ прислалъ уже въ одесскую городскую управу проредактированный имъ очеркъ біографіи А. С. Пушкина, который составила завѣдующая педагогическимъ музеемъ въ Одессѣ г-жа Цомакіонъ. По условію съ правленіемъ славянскаго благотворительнаго общества, городское управленіе обязалось принять на себя оплату составленія очерка, а общество — расходы и, вообще, заботы по изданію. Очеркъ будетъ отпечатанъ въ количествѣ 15,000 экземпляровъ. Изъ этого числа 7,500 экз. поступятъ въ книжный складъ славянскаго общества и будутъ продаваться по весьма доступной цѣнѣ, а остальные 7,500 экз. переданы будутъ городскому общественному управленію для раздачи учащимся въ городскихъ народныхъ училищахъ.

† А. Ѳ. Бычковъ.

— Сообщаемъ программу торжествъ въ Св. Горахъ на 25, 26 и 27 мая 1899 г. въ память поэта А. С. Пушкина: на 25 мая, въ 5 ч. пополудни торжественное всенощное богослуженіе въ храмѣ Святогорскаго монастыря. 26 мая, въ 9 ч. утра торжественная заупокойная литургія въ храмѣ Святогорскаго монастыря, панихида на могилѣ поэта и возложеніе вѣнковъ депутаціями. По окончаніи церковныхъ торжествъ, публичное засѣданіе по особой программѣ, посвященное памяти А. С. Пушкина. 27 мая, народное гулянье въ Св. Горахъ съ 2 ч. пополудни.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Въ ожиданіи парома. Съ картины *Х. Мараллесъ-Дарманенъ.*

Труппа бродячая артистовъ, въ отрепанныхъ, но яркихъ костюмахъ, остановилась на берегу рѣки, въ ожиданіи парома. Онъ долженъ перевезти ихъ на другой берегъ—тула, гдѣ расположился небольшой городокъ и гдѣ мерещатся обнищавшей трупѣ полуголодныхъ артистовъ и полные сборы и успѣхъ ..

Плата впередъ! Съ картины *Э. Мейзеля.*

Характерная жанровая картинка.

„Плата впередъ!“ такова трезвенная логика этой буржуазки, знающей прежде всего, что деньги и выгода должны стоять на первомъ планѣ. И ни пышный берэтъ ея собесѣдника, ни его плѣнительныя мавры, ни сладкія рѣчи, ничто не подкупитъ ея сердца, не обманетъ ея меркантильныхъ соображеній. Они несложны, но тверды: „за деньги—все, безъ денегъ—ничего“.

М. Г. Савина.

Весенній сонъ. Съ картины *Винченцо Иролли.*

Благодатный сонъ, похожій на сказку, на миражъ; подобные „сны, беззаботные, снятся лишь разъ“ въ дни первой юности, на утренней ея зарѣ. А потомъ развѣетъ жизнь грезы, разлетятся миражи обманчивыхъ сновъ, и счастливъ тотъ, кто можетъ вспомнить ихъ теплымъ воспоминаній, съ „отрадой тайною, нахлынувшихъ рыданій“, кого не обманетъ жизнь какъ сказка ребенка, какъ путника миражъ...

Шпіонъ. Съ картины *М. Гаосира.*

Онъ уличенъ и пойманъ на мѣстѣ преступленья. Позорная казнь ожидаетъ его. Но позорнѣе всѣхъ казней есть и будетъ то имя, которымъ онъ заклейменъ еще до руки палача, это имя—шпіонъ.

М. Г. Савина.

Извѣстная премьерша русской драматической труппы петербургскаго Александринскаго театра, Марья Гавриловна Савина, только что закончила съ громаднымъ успѣхомъ свои гастроли въ Берлинѣ. Репертуаръ, состоявшій изъ пьесъ Островскаго, „Родины“ Зудермана, „Чародѣйки“ Чайковскаго, крайне понравился берлинской публикѣ, встрѣтившей и проводившей русскую артистку шумными аплодисментами.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ артистической дѣятельности Марьи Гавриловны; по этому поводу „Новости“ вспоминаютъ о первомъ дебютѣ артистки.

„Весною 1874 года на одной изъ частныхъ сценъ Петербурга, именно въ благородномъ собраніи, гдѣ антрепренерствовалъ тогда покойный Сосновскій, появилась молоденькая провинціальная актриса, г-жа Савина. Дебютировала она въ роли Леночки изъ драмы Антропова „Блуждающіе огни“, тогда также начинавшей свою удачную сценическую карьеру.

Въ кружкахъ, истинно интересовавшихся театромъ, сразу съ розовыми надеждами и свѣтлыми упованіями заговорили о дебютанткѣ. Она принесла съ собой такую свѣжесть дарованія, такую прелесть врожденной граціи, такой искренній тонъ и милые пріемы художественной простоты, что уповать и надѣяться можно было вполнѣ“.

А. Ѳ. Бычковъ.

2-го апрѣля, скончался директоръ Императорской публичной библіотеки, членъ Государственнаго Совѣта, академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. Имя пок йнаго навсегда будетъ связано съ исторіей развитія Императорской публичной библіотеки. Получивъ высшее образованіе въ московскомъ университетѣ, который онъ окончилъ въ 1840 году, онъ принялся за изученіе русской исторіи. Съ этою цѣлью А. Ѳ. поступилъ на службу въ археографическую коммиссію при департаментѣ народнаго просвѣщенія, организованную для изданія историческихъ письменныхъ памятниковъ, а также занялъ мѣсто хранителя отдѣленія рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ 1868 году Бычковъ былъ назначенъ помощникомъ директора публичной библіотеки, а въ 1882 году ея директоромъ. Обнародованіемъ, собраніемъ и редакціею многихъ историческихъ памятниковъ отечественной исторіи покойный А. Ѳ. оказалъ большія услуги для нашей исторической науки. Имъ изданы и редактированы: „Письма и бумаги Петра Великаго“ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей, лѣтописи Лаврентьевская, Новгородскія, письменный памятникъ“, „Дворцовые разряды за 1612—1701 гг.“, „Походные журналы Петра Перваго за время съ 1695 года по 17 5 годъ“. Кромѣ того, имъ составлены многія другія описанія и каталоги, хранящихся рукописей въ Императорской публичной библіотекѣ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

Его-же. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравиров. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ПАРКИ

№ 3002

* П. Н. ВИНОГРАДОВА. *

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссійской Выставкѣ 1896 года.

Требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. БѢЛЬЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНѢЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостовѣр. за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Оптъ у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА

ЗАМѢНЯЮЩ. ДУХИ ВСѢХЪ ЗАПАХОВЪ ПО 60 К. и 1 Р. ФЛАКОНЪ

1846 1896 1855 1882

СПЕЦІАЛЬНОСТИ

ЦВѢТОЧНОЕ МЫЛО ВЫСШІЙ СОРТЪ

8 ЗАПАХОВЪ ПО 30 К. КУС.

ЦВѢТОЧНО ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

8 ЗАПАХОВЪ ПО 20 К. КУС.

БАРХАТНАЯ ПУДРА ДЛЯ БЛИЗНЫ и НѢЖНОСТИ ЛИЦА.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩ.

А. РАЛЛЕ и К°

ПОСТАВЩ. ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА.

Москва, Кузнецкій мостъ, Верхніе торговые ряды 34/44. С.Петербургъ, Невскій 18, Садовая 25.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.* | Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

ПРОФ. **М. Неймайера.**

Вышло 30 выпусковъ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей

заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).

Подписная цѣна за всѣ 30 вып. **12 руб. 80 коп.**

При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Открыта подписка на соч.

ЧЕЛОВѢКЪ

ПРОФ. **І. РАНКЕ.**

Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета **А. П. Синявскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.**

30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ **А. Михайлова.**

Цѣна 1 руб.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ

ТОВАРИЩЕСТВА

ЭЙНЕМЪ

ВЪ МОСКВѢ.

TEINTURE Instantanée NIGRITINE

NOIR, CHATAIN, BRUN

GELLÉ FRÈRES

6, Avenue de l'Opéra, 6

PARIS

2607-11

ИЗЯЩНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КЪ ЖУРНАЛУ

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» 1898 года

изъ лучшаго англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ, съ роскошнымъ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 1 р. 25 к., пересылка за 2 фунта.

Главная Контора Спб. Акціонернаго Общества „Издатель“: Спб., Невскій пр., д. 68—40.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ.
КАХЕТИНСКИХЪ ВИНЪ садовладѣльц.
А. С. ВАРТАЗАРОВА
ВО ВЛАДИКАВКАЗѢ.
Удостоенъ за натуральн. бѣл. и крас. вина, Высш. награда на рус. и иностр. выставкахъ.
Ведро вина 5, 6, 7, 8, 10, 12 р. Цѣны безъ ящ. 36 6, 10, 12, 14, 16, 20, 24 к. посуды.
Провозъ по жел. д. всюду 30—45 к. съ пуд. Церков. вино съ перес. и посуд. ведро 8 руб.
Присылать задатокъ. Прейсъ-кур. безплат.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Изданіе 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. универ. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ и СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

НОВЫЯ КНИГИ,
изданныя Спб. Акц. Общ.
„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, И. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.
СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.
РЫШКОВЪ, В. 1. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“
Невскій пр., 68—40,
Ростовъ н/д., Садовая ул., д. Панченко.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новое изданіе
Ф. ПАВЛЕНКОВА:
Научно-популярная библіотека для народа В. ЛУНКЕВИЧА.
ПОЯВИЛИСЬ ВЪ СВѢТЪ **10** КНИЖЕКЪ:

1) ЗЕМЛЯ. Съ 13 рис. Ц. 8 к.; 2) НЕБО И ЗВѢЗДЫ. Съ 18 рис. Ц. 8 к.; 3) ГРОМЪ И МОЛНІЯ. Съ 24 рис. Ц. 12 к.; 4) ЖИЗНЬ ВЪ КАПЛѢ ВОДЫ. Съ 14 рис. Ц. 8 к.; 5) НЕВИДИМЫЕ ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ЛЮДЕЙ. Съ 28 рис. Ц. 16 к.; 6) ЗЕЛЕНОЕ ЦАРСТВО. Съ 32 рис. Ц. 16 к.; 9) ДВА ВЕЛИКИХЪ ЦАРСТВА ПРИРОДЫ. Съ 93 рис. Ц. 25 к.; 10) ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВОТНЫХЪ. Съ 37 рис. Цѣна 20 коп.; 11) КАКЪ ИДЕТЪ ЖИЗНЬ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.; 15) РОСТОМЪ СЪ НОГОТОКЪ, А УМА ПАЛАТА. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.

Вся библіотека будетъ состоять изъ 40 книжекъ, которыя появятся въ непродолжительномъ времени. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова (СПБ., Лештуковъ переулокъ, д. № 2). 3056

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

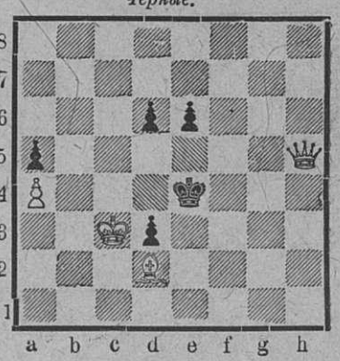
Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ
«ВОРТА»
обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Кіевъ, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.
№ 2992

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 111.
Я. Доброускаго (въ Прагѣ).
Изъ „Ceské Listy Sachové“.

Черные.



Бѣлые.

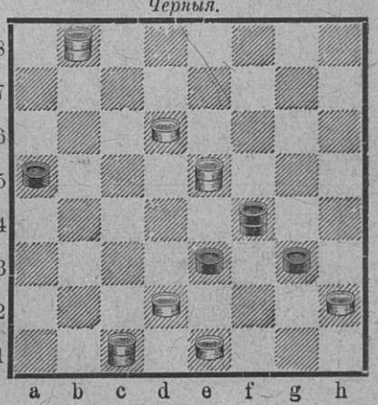
Матъ въ 3 хода.

ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 98.
П. М. Нѣмцова (въ Москвѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть простую.

ПАРТІЯ № 23.

Играна на третьемъ всероссійскомъ турнирѣ въ Москвѣ 5-го іюля 1898 г.

Θ. А. Кауленъ (бѣлыя) — *А. И. Шошинъ* (черныя).

1. c3—b4, f6—e5; 2. e3—f4, g7—f6; 3. b2—c3, f6—g5; 4. b4—a5, g5:e3; 5. d2:f4; e7—f6; 6. f2—e3, f6—g5; 7. a1—b2, b6—c5. 8. g3—h4, e5:g3; 9. h4:f2, f8—e7, 10. c3—b4, h8—g7; 11. h2—g3, g5—h4; 12, e3—d4, c5:e3; 13. f2:d4; h4:f2; 14. e1:g3. g7—f6; 15. b4—c5, d6:b4; 16. a5:c3, e7—d6; 17. c1—d2, d6—c5; 18. d4:b6, a7:c5; 19. g3—f4, c7—d6; 20. d2—e3, d8—c7; 21. c3—b4, f6—e5; 22. g1—h2, e5:g3; 23. h2:f4, d6—e5; 24. f4:d6, c5:e7; 25, b2—c3, e7—f6; 26. c3—d4, c7—b6; 27. b4—a5, f6—g5; 28. a5:c7, d8:b6; 29. a3—b4, g5—f4; 30. e3:g5, h6:f4. Ничья.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р.
БЕЗЪ ДОСТАВКИ на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
ЗАГРАНИЦУ на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 16 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 3 листовъ съ 16 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, соб. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 17.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 17-го нумера.

Воскресенье, 25-го апрѣля 1899 г.

Статьи:

*** Стихотвореніе Д. Мережковскаго. — „Избранникъ". Разсказъ. И. Потапенко. (Продолженіе).—„На кладбищѣ". Стихотвореніе А. Георгіевой. — „Хорошій порывъ". Михаила Майкова. — „Долоресъ". (Изъ испанской жизни). Владиміра Мануилова. — „Слуша-а-а-й!" Повѣсть. Матильды Серао. (Продолженіе). — Пасха во Флоренціи. Переводъ Е. М. Соловьевой. — Внутреннія извѣстія. — Литература и искусство.—М. Е. Салтыковъ. Н. Н.—Къ рисункамъ.—Шашки и шахматы.—Объявленія.

Рисунки:

Весна идетъ! В. Паппе. — На подножномъ кормѣ. Съ художественной фотографіи въ Парижѣ. — Свиданіе. Гравюра К. Бодэ. — На кладбищѣ. А. Бролинга. — „Не для меня придетъ весна". М. Іоффе.—Японскія музыканты. Г. Іомпрей-Моора. — М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. — Памятникъ на могилѣ М. Е. Салтыкова. — Къ гибели парохода „Стелла". (Четыре рисунка). — Пропитываніе духами холоднымъ способомъ. — Дистиллированіе цвѣтовъ. — Ледоколъ „Ермакъ".

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 188. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Особенный способъ сохранять дерево. Въ Соединенныхъ Штатахъ примѣняется слѣдующій способъ предохранять дерево отъ порчи. Дерево предварительно высушиваютъ, чтобы удалить гигрометрическую воду, то-есть, не входящую въ составъ дерева, удаленіе которой могло бы вызвать химическое измѣненіе органическихъ элементовъ, и затѣмъ, герметически закупоривъ въ желѣзномъ цилиндрѣ, подвергаютъ въ теченіе восьми часовъ давленію 14 атмосферъ при температурѣ градусовъ въ 200.

Подъ вліяніемъ теплоты жидкія составныя части дерева, то-есть, соки, разлагаются и переходятъ въ летучія вещества, напр., креозотъ, терпентинъ. Они перегоняются и стремятся улетучиться, но вслѣдствіе сильнаго давленія остаются въ деревѣ и проникаютъ во всѣ его клѣточки. Производство антисептическихъ веществъ внутри самаго дерева дастъ болѣе совершенную стерилизацію, нежели при введеніи посторонніхъ жидкостей, притомъ высокая температура сама по себѣ способна разрушить всякіе микроорганизмы.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ для волосъ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.

№ 3022

ROYAL-MONDAIN

EXTRAIT TRIPLE

GELLÉ FRÈRES

Parfumeurs

6, Avenue de l'Opéra, 6

PARIS

МОДНЫЕ ДУХИ — Віола Одората Ауриха

О-ДЕ-КОЛОНЪ — Віола Одората Ауриха

ЖИРНАЯ ПУДРА — Віола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Лиговская № 44. 2795-20.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО

КРЕМЪ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЕЗДѢ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбанда. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.*

Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

проф. М. Неймайера.

Вышло 30 выпусковъ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей

заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).

Подписная цѣна за всѣ 30 вып. 12 руб. 80 коп.

При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Открыта подписка на соч.

ЧЕЛОВѢКЪ

проф. І. РАНКЕ.

Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета А. П. Синявскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.

30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

Примѣненіе воздушнаго змѣя для телефона. Въ Англіи были произведены опыты примѣненія змѣя для поддержки телефонной проволоки, соединяющей два судна. Середина проволоки, идущей отъ одного корабля къ другому, прикрѣплялась къ змѣю, запускаемому съ судна. Одинъ конецъ проволоки оставался на кораблѣ, а другой по направленію вѣтра забрасывался на палубу другого корабля и тамъ соединялся съ аппаратомъ. При помощи подобнаго приспособленія корабли могли сообщаться между собою на разстояніи 2 миль приблизительно. По минованіи надобности змѣй и проволока безъ труда собираются на тотъ корабль, съ котораго спущены. Опытъ производился почти 4 часа, все это время змѣй удерживался неподвижно при помощи двухъ проволокъ, и сообщеніе происходило безъ перерыва. Вѣроятно, этотъ способъ можно будетъ примѣнить для устройства сообщенія между кораблемъ, потерпѣвшимъ крушеніе, и берегомъ или при проведеніи телефона по неудобопроходимой мѣстности, какъ болото, лѣсъ, рѣки, проливы и т. п.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. Невскій 68—40.

Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурного вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Оно — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи

В. АУРИХА,

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

Лиговская 44.

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-9.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 17. Воскресенье, 25-го Апрѣля 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде

Весна идетъ! Съ картины художника В. Папе.

* * *

Еще люблю тебя, родная,
Хотя, какъ смерть, любовь — тиха,
Какъ зелень вѣчно-молодая
Неумирающаго мха.

И пусть потухъ весенній пламень:
Я душу вѣрную твою
Любовью вѣрною люблю,
Какъ любитъ мохъ — надгробный камень.

Д. Мережковскій.

ИЗБРАННИКЪ.

Разсказъ. (*Продолженіе*).

Посвящается Владиміру Николаевичу Ладыжинскому.

БОРОТЬСЯ? Но чѣмъ, чѣмъ? Вѣдь, знаете онъ и къ преосвященному поѣдетъ, а преосвященный, какъ вамъ извѣстно, по части внѣбрачной жизни строгъ.

— О, я тоже поѣду къ преосвященному!

— Что-жъ вы скажете?

— Что я скажу? А вотъ что. Я скажу, что человѣкъ, который былъ подъ судомъ и надъ которымъ тяготѣетъ подозрѣніе въ расхищеніи общественныхъ суммъ...

— Ардальонъ Назаровичъ?! Но неужто что-нибудь было?

— Ха! Неужто? Навѣрно было. Ужь кому знать, какъ не мнѣ. Конечно, не было прямыхъ уликъ, но тѣмъ не менѣе дѣло было для всѣхъ ясно.

— Господи Боже мой, сказалъ отецъ протоіерей, до чего только доходитъ человѣкъ!

Ардальонъ Назаровичъ разволновался такъ, какъ едва-ли случалось ему когда либо въ жизни. И, надо сказать правду, въ немъ были оскорблены самыя лучшія чувства. Никогда онъ не отличался большою привязчивостью къ людямъ, даже напротивъ, со своими сослуживцами, когда онъ еще былъ въ судѣ, онъ сходился туго и между ними не избралъ себѣ ни одного друга. Но къ Волокитскому онъ привязался искренно. И почему? Теперь, когда онъ думаетъ объ этомъ онъ, и самъ не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Такой ужь это человѣкъ. Очевидно, онъ обладалъ какими-то чарами. Недаромъ у него такой мягкій и въ душу проникающій голосъ.

Можетъ быть, въ первое время онъ отнесся къ нему благосклонно, просто изъ состраданія. Григорій Антоновичъ — мы говоримъ о томъ давнопрошедшемъ времени, когда въ судѣ находилось его дѣло по обвиненію въ различныхъ грѣхахъ, совершонныхъ на службѣ въ мѣщанской управѣ—Григорій Антоновичъ очень хорошо зналъ, что дѣло находится въ рукахъ его, Чепракова, и что отъ него зависитъ направленіе дѣлъ и, слѣдовательно, его судьба. И онъ пришелъ къ нему и началъ жалобно смотрѣть ему въ глаза и говорить такія жалостныя рѣчи. И такимъ несчастнымъ казался онъ тогда Ардальону Назаровичу, что онъ, можетъ быть, и самъ того не сознавая, рѣшился покривить душой.

Такъ думалъ тогда Ардальонъ Назаровичъ: конечно, онъ виноватъ—для меня это несомнѣнно, но въ немъ видно раскаяніе, въ немъ виденъ униженный человѣкъ, который, можетъ быть, вслѣдствіе своей униженности, впалъ въ заблужденіе. Онъ исправится. Вѣдь, если погубить его, то онъ пропадаетъ окончательно. А все равно отъ обвиненія его пользы никому не будетъ. Развѣ что справедливость будетъ возстановлена. Да, вѣдь, справдливость, она вовсе не требуетъ жестокости. Словомъ сказать, Ардальонъ Назаровичъ тогда увлекся ролью человѣка, спасающаго ближняго отъ окончательной погибели.

Однако, пусть никто не подумаетъ, что Чепраковъ тогда преступилъ свои обязанности. Онъ направлялъ дѣло, — это такъ. Но судилъ не онъ, судили присяжные засѣдатели. Они судили по совѣсти и оправдали. Въ дѣлѣ дѣйствительно не было достаточныхъ уликъ. Волокитскій дѣйствовалъ очень ловко. Онъ бралъ не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и при этомъ не оставлялъ никакихъ слѣдовъ. Такъ что казалось, что будто это сдѣлалъ не онъ, а кто-то другой. И Ардальону Назаровичу ничего не нужно было ни поддѣлывать, ни подтасовывать; онъ только не сгустилъ красокъ, что, конечно, могъ бы сдѣлать.

А на судѣ Волокитскій велъ себя такъ, какъ будто былъ невиннымъ агнцемъ. Онъ ежеминутно блѣднѣлъ, дрожалъ, проливалъ слезы и падалъ въ обморокъ. И этимъ окончательно побѣдилъ судей.

— Да, отецъ протоіерей. Вотъ какіе бываютъ неблагодарные люди, говорилъ Ардальонъ Назаровичъ, съ волненіемъ бѣгая изъ угла въ уголъ. — Я тогда пожалѣлъ его, а онъ...

— Помню, помню, Ардальонъ Назаровичъ, какъ не помнить! Еще всѣ тогда удивлялись, что между вами и имъ возникла дружба. Да еще какъ удивлялись. Но, разумѣется, только въ первое время. Публика ко всему привыкаетъ и къ этому привыкла. А ему-то нужна была ваша дружба. Всѣ видѣли, что почтенный, уважаемый человѣкъ друженъ съ нимъ, ну и заключили изъ этого, что значитъ онъ и въ самомъ дѣлѣ невиненъ, и признали его. Это много значитъ. Есть даже пословица: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты. Вотъ какую вы ему службу сослужили. А онъ, видите, какимъ оказался.

— Ну, такъ ужь теперь я его щадить не буду. Все объясню. Оправданъ—это такъ... я и не говорю, что онъ оправданъ, а все же былъ подъ судомъ. Надо напомнить, напомнить .. Старые люди отлично знаютъ, что судъ оправдалъ его только за недостаткомъ уликъ.. А деньги? Позвольте васъ спросить, откуда у него взялись деньги? Жалованье онъ получалъ ничтожное... всего только тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. Ха-ха! Изъ этого жалованья не соберешь денегъ на постройку дома! Люди вѣдь слѣпы, а пускай-ка теперь подумаютъ хорошенько и поймутъ... Да, да, вы такъ и скажите всѣмъ, отецъ протоіерей, что человѣкъ, молъ, который былъ подъ судомъ и притомъ еще съ такими уликами, не можетъ быть ктиторомъ.

У отца протоіерея на лицѣ выразилось опасеніе. — Ардальонъ Назаровичъ, позвольте, я вамъ сказалъ, но я только одному вамъ... А объяснять другимъ—это ужь увольте. Неловко мнѣ какъ-то, неловко. Я и то хочу просить васъ: все, что мы говорили здѣсь, пусть будетъ между нами...

— Да, въ самомъ дѣлѣ, вамъ это неловко. Ну ладно, я и самъ сумѣю...

Ардальонъ Назаровичъ былъ теперь въ такомъ состояніи неукротимости, что готовъ былъ пойти на все. Онъ раскраснѣлся, глаза у него горѣли и не походили на тѣ, какіе бывали всегда. Не было уже въ нихъ тихаго, мирнаго выраженія. Казалось, это былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, у котораго еще недавно такъ мило трапезовали духовныя особы и гражданскія.

А отецъ протоіерей сидѣлъ подавленный и все вздыхалъ и произносилъ: „Ахъ, ахъ! Охъ, охъ!“ Онъ, дѣйствительно, внутренно страдалъ. Не говоря уже о томъ, что на его глазахъ разрушалась многолѣтняя дружба, сіявшая, какъ яркая звѣзда, на губернскомъ горизонтѣ, не говоря и о томъ, что Волокитскій, котораго онъ считалъ человѣкомъ недурнымъ, обнаружилъ черную неблагодарность,—вмѣстѣ съ этимъ разрушилась и мечта его о такомъ ктиторѣ для соборной церкви, какого онъ желалъ. Вѣдь теперь, пожалуй, ни тотъ, ни другой не будетъ избранъ, у обоихъ обнаружились слабости. Съ этими слабостями они могли много лѣтъ жить и быть почтенными гражданами. Объ нихъ никто не думалъ и не говорилъ. А теперь пойдутъ по городу разговоры. Вѣдь это такъ всегда бываетъ. Бываетъ, что у человѣка на носу растетъ бородавка, и всѣ видятъ его съ малыхъ лѣтъ съ этой бородавкой и привыкли, и, когда разговариваютъ, никто даже и не замѣчаетъ бородавки. И вдругъ кому-нибудь придетъ въ голову сказать: — да вѣдь, у него бородавка на носу. Посмотрите, какая она смѣшная; можно-ли

чтобы какъ разъ, именно, какъ разъ на носу выросла бородавка, въ такомъ-то неприличномъ мѣстѣ. И всѣ сейчасъ же начнутъ говорить про бородавку, и всѣмъ покажется, что она и смѣшна и на неприличномъ мѣстѣ.

Самоваръ уже былъ поданъ. Вышла къ отцу протоіерею сама Аглая, которая никогда не выходила при постороннихъ, но отца протоіерея часто видѣла въ домѣ, привыкла къ нему и считала его своимъ.

На ней былъ широкій свѣтлый капотъ и на головѣ наколка. Веселое лицо ея сіяло какой-то навѣки застывшей радостью, чудный цвѣтъ щекъ, высокая грудь и важная лебединая походка—все это говорило о довольствѣ и мирѣ въ ея душѣ.

Разговоръ вдругъ прервался. Аглая заваривала чай. Нѣсколько секундъ длилось неловкое молчаніе. Отецъ протоіерей, чтобы нарушить его, сказалъ:

— И вотъ, скажите пожалуйста, какая нынче ранняя весна... Можно было ожидать еще снѣгу, ань деревья уже зазеленѣли...

Аглая, съ своей стороны, тоже замѣтила что-то насчетъ весны. Но Ардальонъ Назаровичъ не принялъ участія въ этомъ разговорѣ, онъ такъ былъ взвинченъ всѣмъ происшедшемъ, что не могъ даже перестать бѣгать по комнатѣ, и все продолжалъ летать изъ угла въ уголъ, но разговора прежняго онъ не продолжалъ.

Аглая налила чай, предложила отцу протоіерею варенья и, тонко почувствовавъ, что мѣшаетъ имъ, вышла.

— А когда будутъ выборы, отецъ протоіерей? спросилъ Ардальонъ Назаровичъ.

— Назначимъ черезъ недѣлю, отвѣтилъ отецъ протоіерей.

— Вы будете у преосвященнаго?

— Завтра непремѣнно побываю.

— Пожалуйста, не откажите сообщить мнѣ, какой взглядъ выскажетъ преосвященный.

— Слушайте, Ардальонъ Назаровичъ, предложилъ протоіерей. Можетъ быть, вы сами побывали бы у преосвященнаго?

— Ловко ли это, отецъ протоіерей? Преосвященный меня, конечно, знаетъ, но такой поводъ... Нѣтъ, неловко. Притомъ же это будетъ походить на то, какъ будто бы я набиваюсь. А я совсѣмъ не набиваюсь, отецъ протоіерей. Я только уступилъ вашей просьбѣ, а теперь желаю доказать этому господину, что всѣ его подвохи ни къ чему не приведутъ.

Протоіерей напился чаю, простился съ Ардальономъ Назаровичемъ и ушелъ.

На другой день весь городъ былъ занятъ разговорами о столкновеніи, происшедшемъ между друзьями. Всѣ чрезвычайно охотно злословили, и это понятно, потому что Чепраковъ и Волокитскій давно уже не давали повода для злословія.

Совершенно понятно, что въ городѣ распространились слухи о незаконномъ сожительствѣ Ардальона Назаровича съ Аглаей. Источникъ ихъ былъ на лицо. Самъ Волокитскій, разсерженный послѣ визита своего къ отцу протоіерею, зашелъ къ одному, къ другому, къ третьему изъ своихъ городскихъ знакомыхъ и пустилъ довольно опредѣленный намекъ насчетъ принадлежности Аглаиныхъ дѣтей Ардальону Назаровичу. „Конечно, прибавлялъ при этомъ Волокитскій, онъ мнѣ другъ и я никогда не сказалъ бы ничего подобнаго, но интересы храма мнѣ дороже всего, для нихъ можно пожертвовать и дружбой“.

И странное дѣло! Всѣ давно знали о существованіи на свѣтѣ Аглаи, и никто не сомнѣвался въ томъ, что дѣти, бѣгающія по дому Ардальона Назаровича—его дѣти. И, тѣмъ не менѣе, всѣ заговорили объ этомъ.

— А знаете, вѣдь, дѣти то его! А вѣдь они не вѣнчаны! Оно, конечно,—у каждаго свои правила... Разумѣется, судить его нельзя, ну, а все-таки, что тамъ ни говорите, законъ выше всего.

— Помилуйте, говорили другіе,—какъ же можетъ онъ быть ктиторомъ? вѣдь на него будутъ указывать пальцами. Ктиторъ и вдругъ въ незаконномъ сожительствѣ!

— Да вѣдь это что, прибавляли третьи, самъ то онъ ничего, а то еще, пожалуй, дѣти его будутъ въ церковь ходить и около свѣчного столика бѣгать... Какое же это благолѣпіе?

Словомъ, говорили, что хотѣли. Но, повторяемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Объ этомъ постарался самъ Волокитскій, онъ далъ матеріалъ. Но Ардальонъ Назаровичъ никому ни слова не говорилъ о своемъ разговорѣ съ отцомъ протоіереемъ. Онъ все-таки надѣялся, что недавній другъ придетъ къ нему и покается. Онъ до такой степени хранилъ тайну, что даже не разсказалъ объ этомъ Аглаѣ, которая все-таки была изрядно заинтересована въ этомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, единственнымъ источникомъ оказывался отецъ протоіерей. И, если говорить правду, то онъ-таки не выдержалъ и, возвращаясь отъ Ардальона Назаровича вечеромъ, зашелъ къ протодіакону собственно съ тою цѣлью, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ быть въ семъ запутанномъ случаѣ. И онъ, сочувствуя Ардальону Назаровичу, разсказалъ протодіакону все, о чемъ говорили сейчасъ въ его квартирѣ. Онъ прибавилъ:

— И я самъ помню, что подозрѣніе на Волокитскаго было тогда сильное. Конечно, онъ былъ оправданъ по недостатку уликъ, но былъ все-таки подъ судомъ. Сами согласитесь, отецъ протодіаконъ, какъ же это ктиторъ и вдругъ подъ судомъ былъ... Вѣдь невозможно.

— Невозможно! басомъ подтвердилъ протодіаконъ; и, когда протоіерей ушелъ, онъ разсказалъ обо всемъ своей женѣ. А жена его была въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ купчихой Араповой, мужъ которой торговалъ дегтемъ и другими хозяйственными принадлежностями, и она отправилась къ купчихѣ на другой день утромъ, а отъ купчихи уже все разнеслось по городу.

И стали говорить о Волокитскомъ еще болѣе сурово, чѣмъ объ Ардальонѣ Назаровичѣ. Выступили на сцену старожилы и начали припоминать. Въ особенности непримиримымъ оказался одинъ мѣщанинъ, у котораго отъ старости тряслась уже сѣдая борода. Жилъ онъ давно уже въ губернскомъ городѣ и занимался скупкой и перепродажей рыбы и совсѣмъ забылъ даже думать о Волокитскомъ, а тутъ вдругъ вспомнилъ старую обиду.

— Какже, какже! я былъ тогда свидѣтелемъ, говорилъ онъ, — и какъ онъ меня сконфузилъ, какъ сконфузилъ. Я по чистой совѣсти показывалъ, потому я былъ старостой, и при мнѣ, онъ, Волокитскій, взялъ съ мѣщанина Степанова двѣсти цѣлковыхъ. При мнѣ это было, а на судѣ вышло такое, что стало похоже, будто не онъ взялъ, а я... Какъ онъ меня сконфузилъ... Ну я ему теперь напомню, я ему напомню...

И онъ гнѣвно потрясалъ кулакомъ въ воздухѣ. Нашелся и еще одинъ свидѣтель. Ужь онъ теперь только въ церковь ходилъ и молился о спасеніи своей души... Но, когда дошло до него, онъ вспомнилъ, что, въ качествѣ должностнаго лица, состоявшаго въ тѣ времена при мѣщанской управѣ, онъ уплатилъ тогда нѣсколько сотенъ рублей въ погашеніе растраты. Словомъ, дѣла Волокитскаго шли отвратительно.

Безъ сомнѣнія, это въ тотъ же день дошло до Волокитскаго, и когда онъ узналъ все, что говорятъ въ городѣ, то выронилъ изъ рукъ чашку съ чаемъ, и чашка разбилась. А лобъ и шея его сдѣлались совершенно красны. Жена даже боялась, какъ бы не случилось удара. Но онъ превозмогъ себя, схватилъ шляпу и стремглавъ выбѣжалъ на улицу.

И побѣжалъ онъ,—странно сказать, къ Ардальону Назаровичу.

V.

Аглая вошла въ гостиную, гдѣ находился Ардальонъ Назаровичъ, и съ лицомъ чрезвычайно веселымъ, съ привѣтливой улыбкой, сказала:

— Григорій Антоновичъ пришли.

Но тотчасъ же она должна была отступить на нѣсколько шаговъ.

— Кто такой? воскликнулъ Ардальонъ Назаровичъ.—Григорій Антоновичъ? Волокитскій? Этотъ... этотъ... негодяй?

— Ардальонъ Назаровичъ, нѣжно сказала Аглая,—вы, должно быть, не разслышали, я говорю, что пришелъ Григорій Антоновичъ.

— Нѣтъ, я разслышалъ, я очень хорошо разслышалъ. Про него я и говорю... Онъ-то и есть негодяй!

Аглая стояла совершенно растерянная и не знала, что ей дѣлать. Григорій Антоновичъ и вдругъ—негодяй. Это невозможно! Но разспрашивать она не рѣшалась. Она вообще съ глубокимъ уваженіемъ относилась къ Ардальону Назаровичу, считала его существомъ недосягаемо высокимъ и никогда не осмѣливалась покуситься на его душевный міръ. Она знала свою скромную роль и довольствовалась ею.

— Такъ какъ же быть? робко спросила она. Значитъ вы его не примете, Ардальонъ Назаровичъ?

— Принять? Отчего-жъ не принять? Пусть войдетъ, если хочетъ. Только едва ли онъ будетъ доволенъ. Лучше бы онъ пошелъ домой...

Волокитскій къ тому не привыкъ, чтобы его такъ долго задерживали въ этихъ сѣняхъ. Обыкновенно онъ вваливался прямо въ гостиную или въ кабинетъ, смотря по тому, гдѣ находился Ардальонъ Назаровичъ, а тутъ пришлось ждать двѣ минуты. Аглая вернулась растерянная.

—Ардальонъ Назаровичъ просятъ васъ, очень неувѣренно промолвила она и тутъ вглядѣлась въ лицо Волокитскаго и замѣтила, что и онъ не такой, какимъ былъ

всегда. И никакъ она не могла понять, что такое произошло между ними.

Волокитскій, стуча сапогами, влетѣлъ въ гостиную, гдѣ ходилъ изъ угла въ уголъ Ардальонъ Назаровичъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ его Ардальонъ Назаровичъ и при этомъ окатилъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Ардальонъ Назаровичъ, укоризненнымъ голосомъ промолвилъ Григорій Антоновичъ. Что же это вы надѣлали?

— Я-съ? Вы спрашиваете что я надѣлалъ?

— Ну да, вы. Вѣдь вы... Вы погубили всю мою жизнь.

— Я-съ? Я погубилъ? И это говорите вы, послѣ того какъ распространили гнусные намеки насчетъ моей частной жизни... Вы... вы...

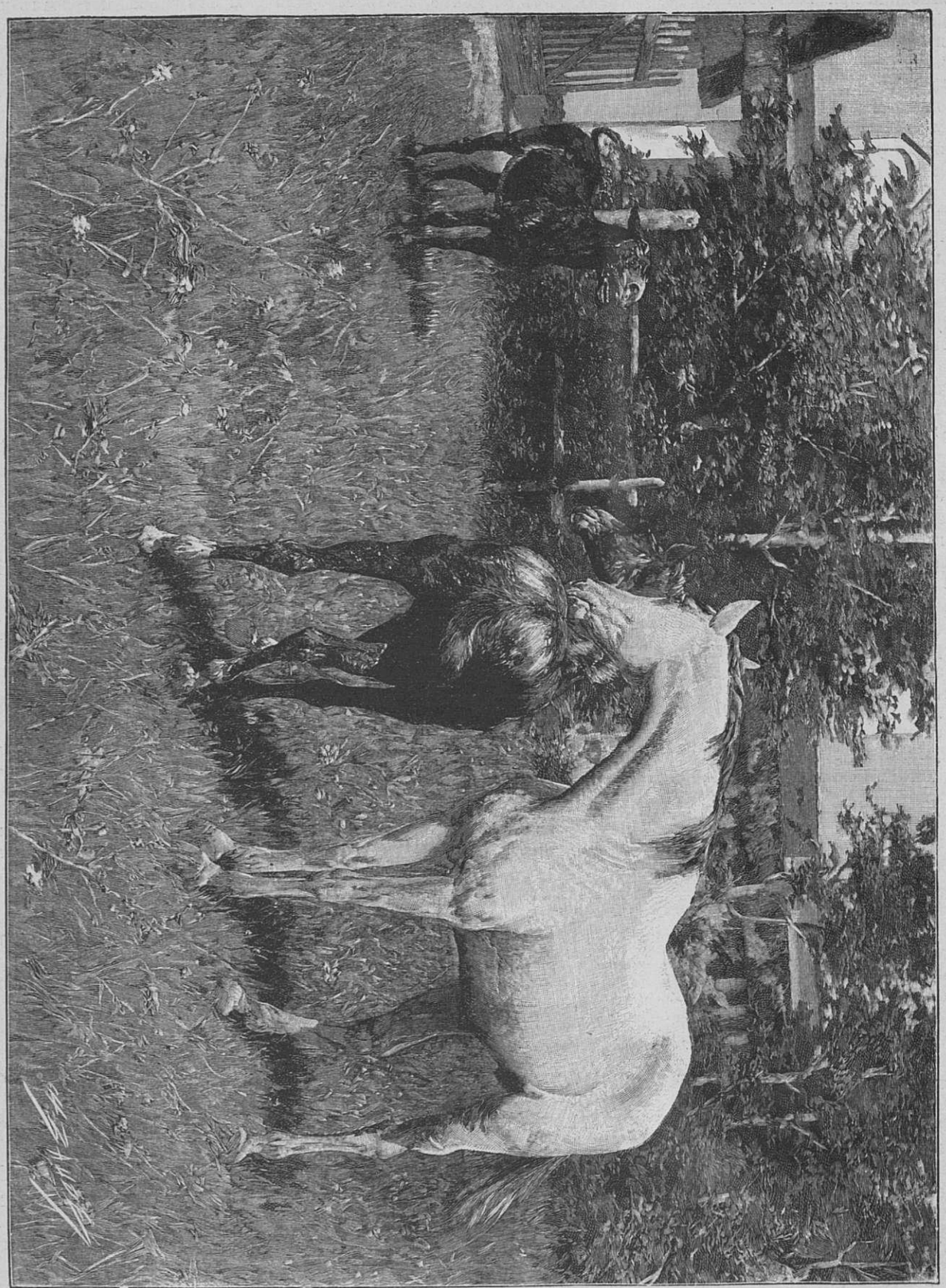
— Ардальонъ Назаровичъ, сказалъ Волокитскій, и въ голосѣ его, несмотря на всѣ происшедшія обстоятельства, все-таки звучала присущая ему нѣжность.—Это вамъ не такъ передали... А если-бъ даже и такъ... Такъ вѣдь это въ сравненіи съ тѣмъ, что вы сдѣлали – нуль.

— Нуль? По вашему, это нуль? Это потому, что у васъ нѣтъ нравственныхъ понятій и вы сами не умѣете оцѣнить свои поступки...

— Но позвольте, Ардальонъ Назаровичъ, позвольте объяснить...

— Нѣтъ никакой надобности объяснять, милостивый государь. Не то важно, что вы сказали то или другое про меня, а важно то, что вы рѣшились на это, несмотря на мою дружбу, несмотря на мое исключительное расположеніе къ вамъ. Понимаете-ли вы? Понимаете-ли вы, въ чемъ тутъ гнусность?

— Ну, я виноватъ... виноватъ... роб-



На подножномъ кормѣ. Съ художественной фотографіи въ Парижѣ.

кимъ голосомъ сказалъ Волокитскій и Ардальонъ Назаровичъ, вслушиваясь въ этотъ голосъ, вспоминалъ то время, когда обвиненный Волокитскій приходилъ къ нему и молилъ о пощадѣ, и онъ совершенно ясно понималъ, что этотъ самый голосъ тогда плѣнилъ его:—я виноватъ, Ардальонъ Назаровичъ, но только зачѣмъ же вы испортили мою жизнь?

— До вашей жизни мнѣ нѣтъ никакого дѣла, сурово отвѣтилъ Ардальонъ Назаровичъ.

— И это говорите вы, вы, который еще вчера...

— Я навсегда забылъ то, что было вчера... Я жалѣю о томъ довѣріи, какое оказалъ вамъ.

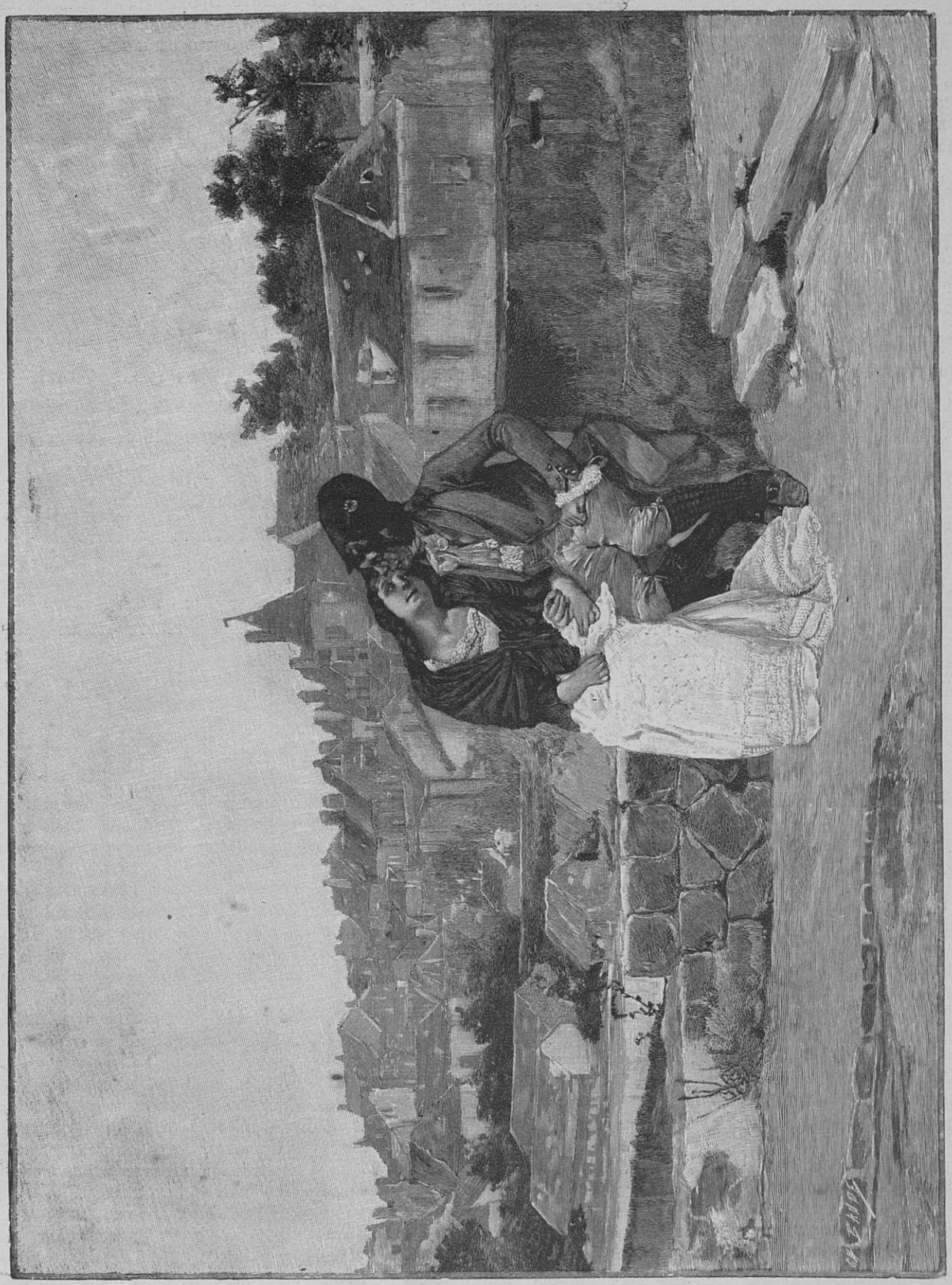
— Позвольте, Ардальонъ Назаровичъ, дайте же мнѣ высказаться.

— Не желаю слушать...

— Но прошу васъ. Только высказаться... Ну, положимъ, я сказалъ неосторожное слово... Такъ. Но вамъ оно повредить не можетъ. Можетъ быть, оно помѣшаетъ вамъ сдѣлаться ктиторомъ. Но развѣ для васъ это важно? Вы человѣкъ почтенный, съ положеніемъ. А у меня какое же положеніе. Меня уважаютъ, потому что у меня средства есть, и вотъ я хотѣлъ укрѣпить себя, да, я, именно, мечталъ укрѣпить свое положеніе, сдѣлавшись ктиторомъ соборной церкви...

— Вы могли бы сказать это мнѣ лично. А вы выбрали воровской путь...

— Я виноватъ. Дѣйствительно я долженъ былъ пойти другимъ путемъ. Но такъ ли я виноватъ, чтобы губить меня. А вы что сдѣлали? Вы напомнили имъ объ исторіи, которая одинъ разъ чуть не погубила меня. Я думалъ, что она забыта, и она дѣйствительно была забыта, а теперь объ ней такъ говорятъ, какъ будто



Свиданіе. Гравюра К. Бодэ.

бы она случилась только вчера. Теперь, основываясь на вашихъ словахъ, они всѣ снова начнутъ забрасывать меня грязью, и значитъ все, чего я добился, пойдетъ прахомъ.

— И подѣломъ, подѣломъ.

— И это вы говорите, Ардальонъ Назаровичъ, вы, у котораго такое доброе сердце.

И Ардальонъ Назаровичъ чувствовалъ, что этотъ плѣнительный голосъ уже начинаетъ проникать ему въ душу и тревожитъ тамъ самыя чувствительныя струны, и онъ сказалъ себѣ: — „нѣтъ, разъ удалось тебѣ плѣнить меня. Но теперь, нѣтъ, не удастся“.

— Позвольте васъ спросить, сурово обратился онъ къ Волокитскому, что вамъ теперь надо отъ меня?

— Ахъ, что надо? Надо, чтобы вы согласились завѣрить передъ всѣми, что дѣло мое было чисто. Вы такой важный свидѣтель Въ вашихъ рукахъ было дѣло и вамъ повѣрятъ.

— Ха! и вы думаете, что я могу сдѣлать это по совѣсти, съ ядовитой усмѣшкой спросилъ Ардальонъ Назаровичъ.

— По добротѣ сердечной, промолвилъ Волокитскій.

— Не могу-съ.

— Прошу васъ.

— Не могу-съ.

— Я умоляю васъ.

— Не-мо-гу-съ!

— Гм... Волокитскій опустилъ голову и задумался.—Такъ не можете? Нѣтъ, не можете?

— Не могу и не желаю.

— Не можете и не желаете? Хорошо-съ. Хорошо-съ. Такъ въ такомъ случаѣ прощайте. Прощайте, Ардальонъ Назаровичъ. Вы погубили всю мою жизнь... Ну, можетъ быть, вы пожалѣете обо мнѣ, да будетъ поздно.

И. Потапенко.

(Продолженіе будетъ).

НА КЛАДБИЩѢ.

Кипарисы стройные
Нѣжно шелестятъ...
Волны неспокойныя
Пѣнятся, шумятъ...

Чайки бѣлокрылыя
Вьются надъ водой,
Крики ихъ унылые
Слышны мнѣ порой.

И могилы черныя,
И на нихъ кресты...
Шепчетъ мысль проворная:
„Ляжешь здѣсь и ты!“

* * *

И сижу безъ думы
Я среди могилъ,
Мнѣ покой угрюмый
Безконечно милъ!

Кипарисы стройные
Нѣжно шелестятъ...
Волны неспокойныя
Пѣнятся, шумятъ...

А. Георгіева.

ХОРОШІЙ ПОРЫВЪ.

Ayant que faire quelque chose—pensez vous toujours de ce que dira le monde de vous même.

Изъ наставленій гусеркантки.

Большой обѣденный столъ былъ заставленъ куличами, пасхами разныхъ сортовъ и всѣмъ прочимъ, что неизбѣжно полагается отвѣдать каждому православному, — безразлично, богатъ онъ или бѣденъ, послѣ торжественной службы въ пасхальную ночь. Но этотъ столъ былъ особенно изобиленъ. Живые цвѣты — ландыши, розы, разсыпанные между приборами и блюдами изъ художественно-расписаннаго фарфора, между серебряными вазами и массивными бронзовыми канделябрами — придавали столу еще болѣе заманчивый видъ, дѣлали его изящнѣе. Около закусокъ и водокъ тѣснились фраки и мундиры, въ уютныхъ уголкахъ столовой, стоя, оживленно бесѣдовали группы нарядныхъ дамъ и дѣвицъ,—и все это общество во главѣ съ хозяевами, Петромъ Владиміровичемъ Макаровымъ и его женою, дожидалось только старушки няни,—няни, которая выходила и саму хозяйку и дочку ея, Марусю, и которая вотъ-вотъ должна вернуться изъ церкви съ освященными куличами, пасхой и традиціонными красными яйцами.

— Постнымъ закусывайте, господа, я къ пасхальному столу, пока няня „освященнаго“ ни принесетъ, и близко не подпущу. Таковъ ужь у меня обычай, — шутливо говорилъ Петръ Владиміровичъ гостямъ. Макаровъ жилъ широко, богато, да и могъ жить такъ, будучи однимъ изъ послѣднихъ желѣзно-дорожныхъ королей былого времени, правильнѣе, — даже послѣдній „изъ стаи славной“. Высокаго роста, полный, съ лицомъ красноватаго цвѣта, съ окладистой, посѣдѣвшей бородой и маленькими сѣрыми глазками онъ, строго говоря, если-бы ему подвязать бѣлый передникъ, очень походилъ на приказчика богатыхъ колоніальныхъ магазиновъ, но усиленно старался держаться самъ и держать домъ свой въ этакомъ англійско-русскомъ стилѣ. Съ одной стороны знаменитое „мы можемъ все“ и требованіе, чтобы по субботамъ во всѣхъ комнатахъ теплились лампадки, съ другой—рѣчи о благахъ парламентаризма и выходы къ обѣду всегда во фракѣ. Все это непостижимо въ немъ совмѣщалось. Супруга его изъ захудалаго дворянскаго рода, когда-то очень красивая, теперь выглядѣла совершенно безцвѣтной пожилой дамой и какъ-то вовсе не походила на хозяйку блестящаго дома, въ который и министры считали своимъ долгомъ забрасывать визитныя карточки. Ее какъ-то стушевывалъ, дѣлалъ незамѣтною при себѣ этотъ импонирующій мужъ, — король, тузъ, милліонеръ и прочая, и прочая.

Сквозь тяжелыя портьеры и кружевныя занавѣсы оконъ уже глядѣло бѣлесоватое петербургское утро,—и, выйдя на балконъ, можно было любоваться и розовой зарею и уличнымъ оживленіемъ, можно было слышать ликующій звонъ колоколовъ, дышать воздухомъ первыхъ весеннихъ дней. Но вотъ въ дверяхъ столовой появилась няня, — сморщенная, маленькая старушка, въ бѣломъ чепчикѣ, съ премилымъ, добрымъ выраженіемъ лица. Въ рукахъ у нея былъ подносъ съ освященными яйцами, который и принялъ, христосуясь съ ней, самъ Петръ Владиміровичъ. Розговѣнье началось... Я занялъ мѣсто далеко отъ хозяевъ, но рядомъ съ Марусей, этой общей любимицей, вѣчно веселой и разговорчивой дѣвушкой. Ей было 17 лѣтъ, и голубые глаза Маруси, ясно и прямо смотрѣвшіе въ ваши глаза, довѣрчиво открывали всю ея юную душу — чистую, правдивую, нѣжную. Богатство, роскошь, которыя такъ часто и такъ рѣзко портятъ многихъ, на ней не оставили ни малѣйшаго слѣда; ласковая съ прислугой, привѣтливая съ просителями, которыхъ ей иной разъ удавалось видѣть въ залѣ, простая съ важными особами, посѣщавшими домъ, и безъ кокетства ровная съ молодыми людьми, Маруся была чудный человѣкъ. Одно въ ней было нехорошо или очень хорошо, какъ хотите: при ней безусловно нельзя было солгать, сдѣлать что-либо дурное, хотя-бы эта ложь былъ общепринятой, а дурное называлось снисходительно шалостью. Маруся тотчасъ-же называла вещи своими именами, все приводила въ ясность, не стѣсняясь ни положеніемъ человѣка, ни обстоятельствами. Благодаря, ей, напримѣръ, мы всѣ, вопреки, вѣроятно, желанію почтеннаго Петра Владиміровича, знали, что Маруся не единствен-

ная дочь, что у нея есть еще и братъ, который не то служитъ гдѣ-то на востокѣ, не то опустился окончательно, вообще блудный сынъ, оставившій домъ лѣтъ десять назадъ. Въ такихъ домахъ такихъ сыновей, обыкновенно стыдятся и никогда не говорятъ о нихъ, но Маруся говорила—и только сама не знала хорошенько, что собственно съ братомъ и за что самъ-ли онъ отшатнулся отъ семьи или семья его отвергла.. „Отецъ не говоритъ ничего и сердится, а мама и няня тоже ничего не говорятъ мнѣ толкомъ о братѣ и только плачутъ“, — разсказывала мнѣ Маруся, съ которой мы были очень дружны... И вотъ.. Но теперь по порядку.

Изъ-за бархатной портьеры, маскировавшей дверь, прямо противъ меня и Маруси показалась голова няни. Показалась и спряталась, и снова спряталась. Лицо старушки было крайне встревожено, она, видимо, находилась въ затрудненіи—что ей дѣлать,— какъ будто-бы хотѣла войти въ столовую, сказать что-нибудь.

— Марья Петровна, посмотрите, — няня... И, кажется, ей что-то нужно, шепнулъ я своей сосѣдкѣ.

— Да... Правда... Узнаю сейчасъ—отвѣчала мнѣ Маруся и, отодвинувъ свой стулъ, встала и вышла.

За столомъ шелъ веселый разговоръ, говорились вполголоса тосты, дамы кокетничали, кавалеры рисовались, и, подъ этотъ легкій шумъ, — каждый былъ занятъ своимъ сосѣдомъ,—никто не замѣтилъ, что Маруся ушла, что ея что-то ужь долго нѣтъ.

— Это ужасно... ужасно... Боже мой... — тихо подошла ко мнѣ Маруся и опустилась на свой стулъ, словно разбитая, подавленная чѣмъ-то. Склонивъ голову на грудь, она, видимо, еле-еле удерживалась отъ слезъ.

— Прежде всего возьмите себя въ руки,— на васъ смотрятъ, сказалъ я.—Успокойтесь, вотъ вино. Что случилось?..

Маруся подняла на меня свои прекрасные глаза и, встрѣтивъ мой ласковый и серьезный взглядъ, дѣйствительно какъ будто-бы успокоилась.

— Братъ пришелъ... Здѣсь онъ,—у няни въ комнатѣ, — сказала она.

— Ну, что-же?.. И отлично.

— Ахъ, вовсе не отлично. То-есть, что пришелъ,—конечно, отлично... Но папа... О, Боже мой!.. Я сейчасъ только все узнала. Слушайте, что дѣлать? — опять начала она волноваться.

— Прежде всего, успокойтесь, а затѣмъ разскажите, если можно, въ чемъ дѣло?

Маруся выпила немного вина и стала разсказывать. Братъ ея—Владиміръ, старше ея лѣтъ на десять, ушелъ изъ дома, женился на какой-то дѣвушкѣ, въ чемъ-то замѣшанной, которой грозила высылка изъ столицы и которую, дѣйствительно, выслали въ одинъ изъ глухихъ уголковъ Сибири. И женился, и ушелъ противъ воли отца. Она уже умерла, оставивъ ему ребенка-сына, — и вотъ онъ, самъ больной, бѣдствовалъ, голодалъ, холодалъ съ мальчикомъ и, наконецъ, на собранныя по подпискѣ деньги пріѣхалъ только-что сегодня въ Петербургъ и хочетъ просить отца — сжалиться.

— Но отецъ не проститъ. Онъ писалъ къ нему, не разъ писалъ, — отецъ возвращалъ письма не распечатанными. Мама да няня посылали брату деньги, но вѣдь мама... Всѣ деньги у папы. Онъ даже на расходъ выдаетъ самъ.

— Полноте, Марья Петровна, Петръ Владиміровичъ не злой человѣкъ—проститъ.

— Хочу вѣрить въ это, хочу. Я буду просить папу. Сейчасъ ему скажу.

— Только не сейчасъ,—удержалъ я Марусю, которая, кажется, была готова сію минуту подойти къ отцу исполнить свое намѣреніе. Она согласилась, что это будетъ неблагоразумно и безполезно, и, видя съ моей стороны участіе, постепенно проникалась надеждой, что вотъ уйдутъ гости,—и папа ее выслушаетъ, проститъ сына... и все, однимъ словомъ, пойдетъ отлично.

— А онъ, Володя, такой блѣдный, желтый, худой. Одѣтъ плохо. А мальчикъ — прелесть что такое! Вотъ я—и тетушка, четыре года уже тетушка, — и до сихъ поръ такого солиднаго званія своего не знала совсѣмъ... Даже обидно,—и Маруся развеселилась.

Какъ развернулась-бы эта исторія, если-бы Маруся поступила согласно моему совѣту—я не знаю, но, можетъ быть, судьба хотѣла именно, чтобы мой совѣтъ ни на что не послужилъ, и распорядилась совершенно иначе. Разговаривая, мы съ Марусей и не замѣтили, что розговѣнье было уже кончено, гости сидѣли, пили шампанское, кофе, мужчины даже курили, что имъ въ этой столовой почти никогда не позволялось. Вдругъ Петръ Владиміровичъ ударилъ ножикомъ по тарелкѣ, и, когда всѣ смолкли, смотря на него,—кто съ любопытствомъ, кто съ почтительностью,—онъ началъ говорить. Говорилъ онъ, не вставая, — произносилъ пріятныя слова съ любезной улыбкой на лицѣ, касался высокихъ истинъ съ торжественнымъ выраженіемъ, а на что-либо нежелательное лишь намекалъ съ грустной задумчивостью. Наиболѣе искательные изъ гостей мѣнялись въ лицѣ совершенно такъ же, какъ и хозяинъ.

— Мы встрѣчаемъ этотъ свѣтлый день при звонѣ колоколовъ и, переживъ въ теченіе послѣдней недѣли мысленно страданія нашего Спасителя, мысленно-же радостно присутствуемъ при Его воскресеніи, которое несетъ спасеніе міру... Такъ думаютъ, конечно, не всѣ,—позитивизмъ скептиковъ не желаетъ допустить въ сердца — къ сожалѣнію, очень многихъ людей — горячей простой вѣры, которою такъ богатъ нашъ народъ. Но посмотрите и на нихъ, на этихъ людей, которыхъ такъ жалко, — и на ихъ лицахъ вы увидите въ эту чудную ночь печать особой радости, безотчетнаго умиленія. Это — дорогой отблескъ дѣтства, юности, когда такъ вѣрилось и любилось. Пожелаемъ-же, чтобы чувства, владѣющія нами въ эти торжественныя минуты, окрѣпли въ насъ, удержались возможно дольше и помоглибы намъ жить добрыми христіанами,— все прощать и всѣхъ любить, какъ прощалъ и любилъ Тотъ, Кто нынѣ воскресъ.

Петръ Владиміровичъ умиленно поникъ головой, какъ-бы стараясь глубже проникнуться только-что сказаннымъ, и потомъ весело добавилъ, готовясь встать отъ стола;— мнѣ-же, дорогіе гости, простите мою убогую трапезу!

— Рублей пятьсотъ эта убогая трапеза-то стоитъ,—шепнулъ мнѣ мой сосѣдъ слѣва, плечистый, румяный полковникъ.

— Слова, слова, слова... — громко на весь столъ прозвенѣлъ голосъ Маруси и остановилъ смущенныхъ гостей, собравшихся вставать.

— Маруся! голубушка!—только и нашелся я выговорить и хотѣлъ удержать ее, взявъ ея за руку. Она встала. Подбородокъ ея вздрагивалъ, — видимо, она сдерживала слезы,—глаза смотрѣли прямо въ лицо Петру Владиміровичу, — но въ голосѣ ея не было слышно ни гнѣва, ни раздраженія... Наоборотъ, онъ звучалъ грустно и ласково, но въ немъ-же слышалась такая властность и увѣренность, что ни Макаровъ, ни кто-другой не рѣшился остановить ее.

— Да, — слова!.. То же самое ты, папа, говорилъ и въ прошломъ году и въ третьемъ... я помню. И въ это-же время, — когда ты,— о, папа, — призывалъ все прощать и всѣхъ любить,—ты самъ не прощалъ своего сына, Колю, именно за то, что онъ такъ много любилъ. Ты ѣлъ спокойно,—онъ ничего не ѣлъ, ты пилъ шампанское, — онъ даже чаю не пилъ, больной, на чужой сторонѣ. Онъ просилъ, умолялъ,—а ты рвалъ его письма, отсылалъ не читая... О, папа, папа!. Милый, дорогой мой,—прости его, дай мнѣ возможность вѣрить въ тебя, дай мнѣ любить тебя...

Милая нервная дѣвушка вся въ слезахъ бросилась къ отцу, который стоялъ, совершенно утративши свой англійскій стиль, точно окаменѣлый. Маруся обняла его и, цѣлуя его руки, истерически плача, повторяла: „дай, дай“. Кто-то догадался предложить воды... Дамы окружили пестрою группой дочь и отца, и, кажется, успокаивали ее, хотѣли увести. Многіе были очень смущены, чувствовали себя неловко, какъ всегда чувствуютъ себя люди, находясь передъ чѣмъ-нибудь необычнымъ и не рѣшивъ еще, что имъ предпринять. И смутно въ душѣ, вѣроятно, каждаго поднималось что-то невыговоренное, пожалуй, даже неясное, но уже несомнѣнно хорошее...

— А и славная-же у тебя дочка, Петръ,— громко, увѣренно сказалъ изъ толпы гостей нѣкто Шараповъ, сибирякъ-золотопромышленникъ и большой старый другъ Петра Владиміровича... По комнатѣ пронесся одобрительный шопотъ, — всѣ какъ будто ожили, какъ будто-бы обрадовались...

— Да... что-жъ... я не прочь... Богъ съ нимъ, — смущенно, хрипымъ голосомъ, словно съ трудомъ, вымолвилъ, наконецъ, Петръ Владиміровичъ, самъ цѣлуя дочку и радостно, хотя въ то же время какъ-бы извиняясь, поднялъ опущенные глаза...

— Только и порохъ-же ты, Маруся!..

— Папа! можно?.. да?.. — и она, вся просвѣтлѣвъ, не ожидая отвѣта, не давъ никому опомниться, стремительно выбѣжала изъ столовой и почти тотчасъ-же показалась снова въ ея дверяхъ съ хорошенькимъ, бѣдно, но прилично одѣтымъ ребенкомъ. Мальчикъ, прижавшись головкой къ ея щекѣ, одною рукою обхватилъ Марусю за шею, а другую, держа въ ней красное яйцо, протягивалъ къ намъ.

— Молодая тетушка со своимъ племянникомъ, — весело, съ блестящими отъ слезъ глазками сказала Маруся. — Христосъ воскресе, дѣдушка! Христосъ воскресе, господа

— Христосъ воскресе! — очень внятно повторилъ за нею ребенокъ, улыбаясь и, повидимому, вовсе не испуганный ни блестящею обстановкой, ни чужими людьми.

Петра Владиміровича словно бросило къ этому маленькому гостю — и о позоръ!—по лицу корректнаго милліонера текли слезы... Присутствовавшіе тоже почему-то усердно кашляли и тихо, не прощаясь съ хозяевами, одинъ за другимъ выходили изъ столовой въ гостиную...

Я вышелъ на улицу вмѣстѣ съ нѣсколькими запоздавшими и въ томъ числѣ съ моимъ сосѣдомъ полковникомъ... Кто садился въ собственный экипажъ, кто на извозчика, — нѣкоторые собирались пройтись пѣшкомъ. Около подъѣзда мы замѣшкались — какъ-то не хотѣлось расходиться...

— Золото, а не дѣвушка, — сказалъ я.

— Человѣкъ, батюшка, просто человѣкъ... Вонъ онъ, человѣкъ-то, посмотрите!

Я взглянулъ вверхъ, куда указывалъ мнѣ полковникъ. На балконѣ стояла Маруся и держала на рукахъ своего племянника. Легкій утренній вѣтерокъ игралъ ея локонами, и сама цѣловала его...

— Браво, тетушка!—не сговариваясь, но въ разъ воскликнули мы съ полковникомъ.

— Воистину, воистину!—донеслось къ намъ сверху .. Она, должно быть, плохо разслышала насъ...

На улицѣ дребезжали извозчичьи дрожки, попадались люди нарядные, въ весенних костюмахъ, чирикали воробьи въ кустахъ городскихъ садовъ, въ которыхъ деревья уже наливали почки, и вѣтеръ со стороны моря, влажный и теплый вѣстникъ весны, обвѣвалъ насъ ласково, нѣжно. Надъ городомъ протяжной музыкой гудѣли колокола,

На кладбищѣ. Рис. художника Бролинга. Гравировалъ В. Адтъ.

— Elle est imposiible, говорила какая-то барыня своему кавалеру, выходя изъ подъѣзда.

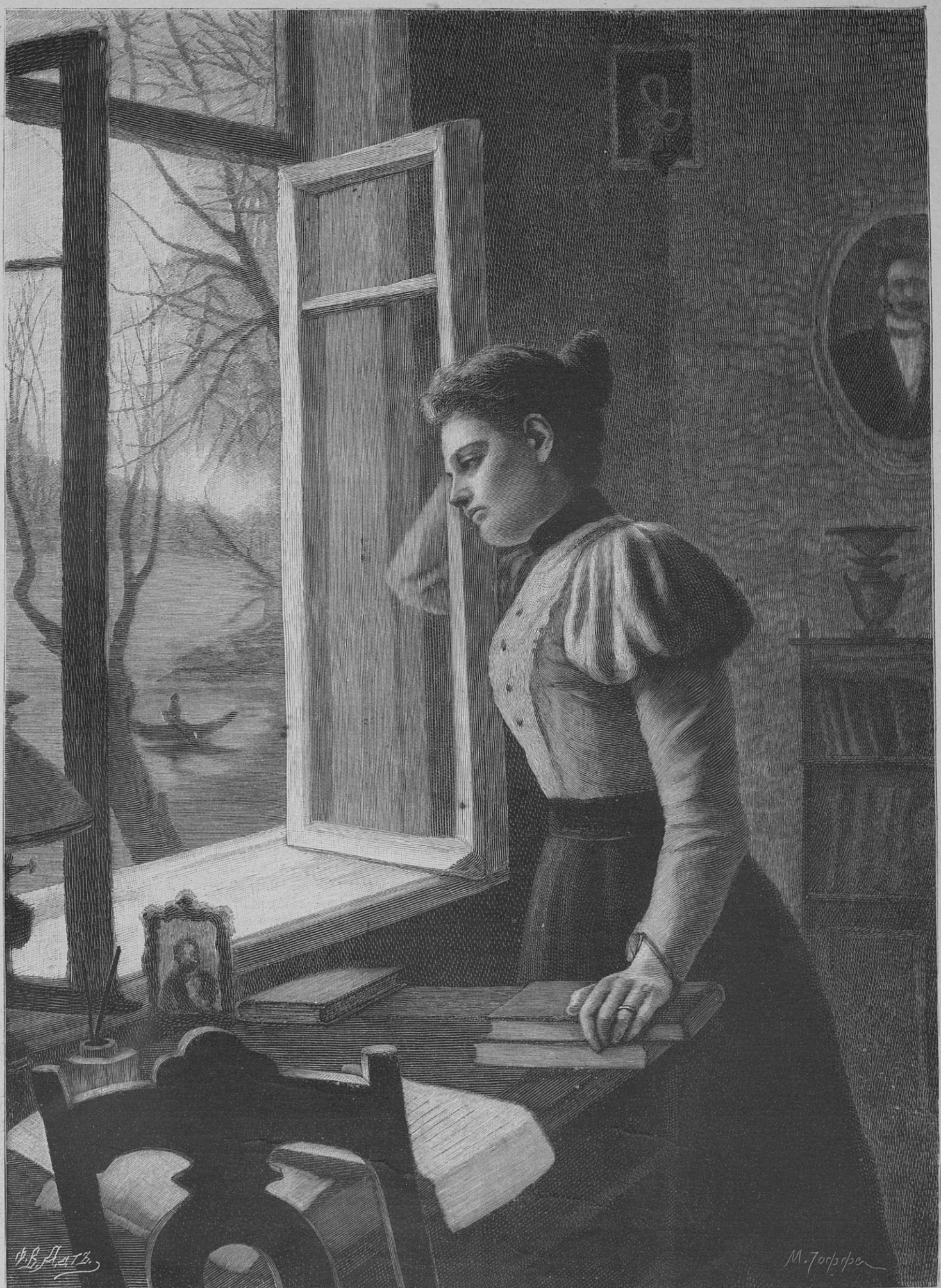
— Да... какая-то мелодрама, — отвѣчалъ онъ протяжно, нараспѣвъ выговаривая слова...

Они сѣли въ подкатившую коляску.

— Ну, и рѣчь! — обратился ко мнѣ полковникъ. — Никогда еще ничего подобнаго не слыхалъ... Скандалъ, чистѣйшій скандалъ, — но какой хорошій скандалъ!

славя „праздниковъ праздникъ . и торжество изъ торжествъ“... И мнѣ, глядя на эту улыбающуюся дѣвушку съ ребенкомъ, дыша полной грудью, казалось, что я сталъ моложе, сильнѣе, а главное, хоть немного лучше, чѣмъ былъ два-три часа назадъ,— немного добрѣе.

Михаилъ Майковъ.



«Не для меня пришла весна». Рисунокъ М. Іоффе.

ДОЛОРЕСЪ.

(Изъ испанской жизни.)

Когда Долоресъ вошла въ полуотворенныя двери севильскаго собора, гдѣ только что началась ранняя обѣдня, она, невольно, остановилась на минуту, чтобы осмотрѣться среди царствовавшаго тамъ полумрака. И дѣйствительно, узкія, готическія окна храма, украшенныя живописью на стеклѣ, не пропускали почти никакого свѣта подъ своды этого гигантскаго зданія, справедливо считающагося однимъ изъ чудесъ средневѣковой архитектуры.

Но Долоресъ была вполнѣ равнодушна къ историческимъ достоинствамъ храма, и, войдя подъ его высокіе своды, она почувствовала только холодъ, навѣваемый его каменными стѣнами, холодъ, который и безъ того завладѣлъ ея маленькимъ сердцемъ, съ той минуты, какъ она проснулась сегодня.

Передъ утромъ она видѣла страшный сонъ, заставившій ее пробудиться въ испугѣ съ первыми лучами восходящаго солнца. И вотъ почему, поднявшись ранѣе обыкновеннаго со своей постели, она выбѣжала въ въ садъ, и, набравъ тамъ букетъ изъ всевозможныхъ цвѣтовъ и пахучихъ растеній она принесла ихъ теперь въ соборъ Богоматери, чтобы положить ихъ къ ногамъ Ея изваянія и просить Ея покровительства и защиты.

Оглядѣвшись немного среди окружавшаго ее полумрака, молодая дѣвушка приблизилась къ алтарю „Скорбной Дѣвы“ — La Virgen de los dolores—и, упавъ на колѣни, принялась набожно перебирать свои чотки.

— Пресвятая Дѣва, шептала она, наклонивъ почти до полу свою хорошенькую головку: — Пресвятая Дѣва, сжалься надо мною и окажи мнѣ Твою помощь. Сегодня мнѣ снилось какое-то страшное чудовище, которое держало меня въ своихъ когтяхъ и не хотѣло выпустить меня изъ своихъ объятій. Сжалься надо мною, Patrona mia, и прими эти цвѣты въ благодарность за Твою защиту!

Но пока Долоресъ набожно творила свою безъискусственную молитву, одинъ изъ немногочисленныхъ богомольцевъ, присутствовавшихъ у обѣдни, внимательно наблюдалъ за нею изъ-за ближайшей колонны.

Это былъ, донъ Франциско Гонзалесъ, о которомъ говорили въ Севильи, что онъ родился „съ апельсиномъ въ рукѣ“. А извѣстно, что, по испанскимъ повѣрьямъ, счастливецъ, родившійся „con una naranja en la mano“, не знаетъ ни въ чемъ неудачи. И дѣйствительно, донъ Франциско, или, какъ звали его попросту, донъ Пако*), былъ однимъ изъ баловней судьбы, покровительствовавшей ему съ самаго его рожденія. Молодой, красивый, богатый, онъ не зналъ до сихъ поръ ни труда, ни печали и проводилъ все время въ веселыхъ товарищескихъ пирушкахъ и любовныхъ интригахъ.

Но, пресыщенный, наконецъ, своимъ постояннымъ успѣхомъ среди андалузскихъ сеньорасъ и сеньоритасъ, онъ принялся искать, за послѣднее время, новыхъ ощущеній въ игрѣ и въ любовныхъ похожденіяхъ, внѣ сферы его обычныхъ знакомствъ.

Такъ и теперь, проигравши въ баккара цѣлую ночь въ клубѣ и выигравъ не малое количество реаловъ, песетасъ, дуросъ и золотыхъ унцій, онъ завернулъ, на минуту, въ соборъ, чтобъ освѣжить себѣ голову и завести какую нибудь новую интрижку, если представится случай. А случай былъ всегда къ услугамъ счастливца Пако, и потому, войдя въ церковь, молодой испанецъ тотчасъ же замѣтилъ молившуюся Долоресъ и, какъ знатокъ въ женщинахъ, немедленно оцѣнилъ, по достоинству, ея изящную фигуру.

Между тѣмъ молодая дѣвушка поднялась на ноги и замерла, на минуту, въ религіозномъ экстазѣ передъ изображеніемъ Мадонны, простирая къ ней сложенныя въ молитвѣ руки. Ея немного откинутая назадъ голова, блѣдное личико, орошенное слезами, и неподвижно повисшія на рукахъ чотки придавали ей теперь видъ того изваянія, передъ которымъ она молилась. А la Virgen de los dolores, стоявшая передъ нею въ совершенно такой же молитвенной позѣ на раззолоченномъ пьедесталѣ, казалось дышала подъ мягкими складками шелковыхъ одеждъ, которыми она была украшена, по обычаю Испаніи. И обѣ эти фигуры, живая, казавшаяся изваяніемъ, и изваянная, казавшаяся живой, окруженныя таинственнымъ полумракомъ храма, вполнѣ дополняли одна другую, образуя общую группу божественнаго и земного.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ объ этомъ Пако, и, придя въ восторгъ отъ сдѣланной имъ находки, онъ порѣшилъ не упускать случая и познакомиться какъ можно скорѣе съ молодой испанкой.

Какъ опытный въ такого рода дѣлахъ гидальго, онъ подошелъ къ крапильницѣ, помѣщавшейся у дверей, и предложилъ уходившей Долоресъ святую воду. Молодая дѣвушка, не замѣтившая его до сихъ поръ, слегка вздрогнула, когда онъ прикоснулся до кончиковъ ея пальцевъ своею рукою, и разсѣянно подняла на него свои большіе, задумчивые глаза, находясь, очевидно, еще подъ впечатлѣніемъ своей молитвы. Пако галантно прошепталъ ей надъ самымъ ухомъ одинъ изъ тѣхъ комплиментовъ, которые у него были всегда на готовѣ, но Долоресъ, не разслышавъ ни слова и не удостоивъ его отвѣтомъ, вышла изъ церкви, не думая болѣе объ этой случайной встрѣчѣ и не подозрѣвая, что за нею слѣдили.

Очутясь снова на улицѣ, молодая дѣвушка почувствовала, какъ у ней отлегло отъ сердца. Укрѣпившись молитвою и поддавшись обаянію сразу охватившаго ее свѣта, заливавшаго теперь всѣ улицы Севильи, Долоресъ забыла, на минуту, свой страшный сонъ и весело улыбалась всему, попадавшемуся ей по дорогѣ.

Было около 8 часовъ утра, и весь городъ уже кипѣлъ жизнью. Извѣстно, что андалузцы начинаютъ очень рано свой будничный день, чтобы имѣть возможность покончить съ дѣлами до наступленія полудня и не жариться на солнцѣ при 50 градусахъ Реомюра. Такъ и теперь, не смотря на ранній часъ, всѣ магазины были уже открыты и полны народомъ; уличныя торговки громко выкрикивали свой товаръ, а сквозь открытыя настежь окна и двери, со всѣхъ сторонъ, доносился шумъ домашняго обихода: звонъ сковородокъ, шипѣніе масла, двиганіе стульевъ и назойливая трескотня швейныхъ машинокъ. Зеленые попугаи—любимая птица севильянъ, — цѣпляясь за перила балконовъ, наполняли воздухъ своимъ пронзительнымъ крикомъ, а желтыя канарейки, прыгая въ клѣткахъ, разставленныхъ на окнахъ, между цвѣтами, заливались оглушительной трелью. Полунагія ребята, барахтаясь посреди улицъ, ссорились между собою, а хлопотливыя хозяйки, заглядывая время отъ времени изъ оконъ, надрывали себѣ горло, безуспѣшно призывая ихъ къ порядку. Все это жило, двигалось, хлопотало, шумѣло, ссорилось или смѣялось, наэлектризованное живительными лучами южнаго солнца, и было способно развлечь хоть кого отъ любой печали.

Пройдя двѣ-три улицы, Долоресъ очутилась у Хересанскихъ воротъ, за которыми начиналась большая дорога, тянувшаяся на много верстъ по берегу Гвадалквивира. Справа отъ дороги, надъ обрывомъ, нависшимъ надъ рѣкой, виднѣлись апельсинныя и лимонныя рощи, любимое мѣсто прогулокъ севильянъ. Слѣва—красовался замокъ герцога Монпансье, изукрашенный античными статуями и гербомъ Орлеанскаго дома — тремя золотыми лиліями на синемъ фонѣ. За замкомъ, на нѣсколько верстъ, тянулся роскошный, герцогскій паркъ, справедливо считающійся однимъ изъ лучшихъ въ Испаніи.

Тамъ, сквозь золоченую рѣшетку, тоже выходившую на дорогу, виднѣлись и махровые каштаны, съ любовно вившимся по ихъ стволамъ плющемъ, и живописныя группы пальмъ, простиравшихъ къ безоблачному небу свои зубчатые листья, и серебристые платаны, со своими узорчатыми стволами, и столѣтніе дубы, казавшіеся гигантами, разставленными тамъ и сямъ, для присмотра за паркомъ.

Лиловая сирень, розовые олеандры, бѣлые жасмины, желтыя, японскія лиліи, красные гигантскіе кактусы и кусты махровыхъ розъ, посаженные группами среди зеленыхъ лужаекъ, наполняли воздухъ своимъ ароматомъ и пестрѣли на солнцѣ множествомъ яркихъ красокъ, выдѣляясь изъ собственной зелени, служившей имъ прихотливымъ, узорчатымъ фономъ.

Въ глубинѣ парка виднѣлся прудъ, обсаженный ивами и на половину поросшій водяными лиліями и зеленой ряской, а дальше, за прудомъ, начиналась чаща, въ которой водились ручныя газели, разведенныя тамъ по герцогскому капризу.

Когда-то этотъ паркъ былъ свидѣтелемъ страстныхъ признаній короля Альфонса XII своей нареченной невѣстѣ Мерседесъ, дочери Монпансье, умершей черезъ годъ послѣ брака во всемъ блескѣ красоты своихъ 18 лѣтъ. Тогда старый герцогъ, котораго подкосила эта преждевременная смерть обожаемой дочери и королевы, заперъ на ключъ свой роскошный замокъ и уѣхалъ

*) Paco, Frasco, Curro суть уменьшительныя ласкательныя отъ Francisco.

куда-то за границу размыкивать свое горе. Онъ возвратился домой только подъ стекляною крышкою свинцоваго гроба. Но суевѣрные севильяне утверждаютъ, что герцогъ Мерседесъ и самъ король, тоже вскорѣ умершій послѣ смерти жены, выходятъ иногда по ночамъ изъ фамильнаго склепа и прогуливаются вмѣстѣ по парку, при блескѣ луны или яркомъ мерцаніи звѣздъ южнаго неба, тихо разговаривая между собою о чемъ-то. И тотъ, кто вздумалъ бы прильнуть, въ такую ночь, къ золоченой рѣшеткѣ парка, могъ бы услышать, какъ столѣтніе дубы, шелестя своею листвою, и пахучія розы, съ любопытствомъ раскрывая свои разноцвѣтные лепестки, перешептывались между собою, подслушивая эти таинственные разговоры.

Но днемъ паркъ ни чѣмъ не отличался отъ другихъ парковъ и прельщалъ только своей прохладой весь пѣшій и конный людъ, задыхавшійся отъ жары и пыли на большой дорогѣ.

Дойдя до рѣшетки парка, Долоресъ отворила калитку, находившуюся недалеко отъ главнаго входа, и очутилась внутри небольшого садика, очевидно, отведеннаго въ пользованіе одному изъ служащихъ въ замкѣ. Дѣйствительно, отецъ Долоресъ былъ старшимъ надсмотрщикомъ парка и жилъ въ маленькомъ домикѣ, пріютившимся подъ тѣнью каштановъ недалеко отъ замка.

Молодая дѣвушка прошла садикъ, гдѣ она, съ часъ тому назадъ, набрала свой букетъ, и, войдя въ просторную кухню, принялась хлопотать по хозяйству. Ея отецъ, оставшись вдовцомъ, вскорѣ послѣ ея рожденія, не хотѣлъ жениться во второй разъ, чтобы не наградить мачихой свою дорогую Лолиту *), и поэтому молодая дѣвушка была единственной хозяйкой въ домѣ.

Но пока Долоресъ возилась со своимъ обѣдомъ, ей невольно припомнилось все, случившееся съ нею въ теченіе утра: и ея страшный сонъ, и церковь, и молитва передъ изображеніемъ Мадонны, и, наконецъ, незнакомецъ, предложившій ей святую воду.

Но, не успѣвъ разглядѣть его въ церкви, она, къ своему удивленію, увидѣла теперь совершенно ясно его черты, безсознательно запечатлѣвшіяся въ ея мозгу въ ту мимолетную секунду, когда она на него взглянула.

Да, она отчетливо видѣла теперь въ своемъ воображеніи и его блѣдное лицо, обрамленное черной, густой бородою, и его большіе выразительные глаза, смотрѣвшіе на нее съ любовью, и слегка вьющіеся волосы, и правильный носъ, и красиво очерченный ротъ, сложившійся въ улыбку. Ей показалось, даже, что она снова почувствовала ту легкую дрожь, которая пробѣжала по ея тѣлу, когда онъ дотронулся до ея пальцевъ, и теперь, и только теперь, она поняла смыслъ его словъ, которыя были такъ же безсознательно удержаны ея слухомъ, какъ его черты — зрѣніемъ. Онъ сказалъ ей: „Hermoza de las hermozas, te odoro y muero por ti!“ — (красивѣйшая изъ красивыхъ, я обожаю тебя и умираю по тебѣ). И она покраснѣла даже отъ удовольствія, припомнивъ эти слова, какъ будто, сказавшій ихъ еще стоялъ передъ нею.

Но почему же ей было такъ пріятно услышать сегодня этотъ довольно обыденный комплиментъ? Въ Испаніи, и въ особенности въ Андалузіи, мужчины не стѣсняются громко заявлять свое восхищеніе при видѣ женщины, поразившей ихъ своею красотою. Это называется по-испански: „echar flores“ т.-е. „бросать цвѣты“, и Лолита была постоянно забрасываема такими „цвѣтами“ вездѣ, гдѣ только она появлялась. Но всѣ эти комплименты оставляли ее, обыкновенно, вполнѣ равнодушной, тогда какъ сегодня она почему-то сознавала всю ихъ тайную прелесть.

„Hermoza!“ — повторяла она нѣсколько разъ въ теченіе дня, останавливаясь мимоходомъ передъ зеркаломъ, чтобы убѣдиться, что она была дѣйствительно красива.

Да, зорко слѣдя въ зеркалѣ за своимъ собственнымъ взглядомъ, она вполнѣ сознавала теперь, что эти большіе, черные глаза, задумчиво смотрѣвшіе изъ-подъ длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницъ, могли заставить трепетать любое мужское сердце. Что этотъ пунцовый ротикъ, казалось, былъ созданъ только для поцѣлуевъ. И что ея черная, густая коса, античная шейка, роскошный бюстъ и тонкая талья—дѣлали изъ нея одну изъ самыхъ изящныхъ женщинъ Севильи.

Правда, что все это было ей извѣстно давно, но только сегодня она вполнѣ оцѣнила свою красоту и, повидимому, гордилась ею.

Неужели же этотъ незнакомецъ, съ которымъ она такъ неожиданно встрѣтилась въ церкви и образъ котораго такъ неотступно преслѣдовалъ ее теперь, всецѣло возстановленный ея воображеніемъ, неужели онъ былъ предназначенъ ей самою судьбою? Какъ чистокровная испанка, она глубоко вѣрила въ предопредѣленіе, и ея маленькое сердечко весело трепетало теперь при мысли, что она была любима и... вѣроятно... уже любила сама.

Какъ были правы ея замужнія подруги, увѣряя ее, что любовь охватываетъ внезапно, какъ пламя, наше сердце и моментально перерождаетъ все наше существо. Дѣйствительно, она чувствовала себя теперь совсѣмъ иною. Ей сдѣлалось вдругъ необыкновенно весело и легко и казалось даже, что всѣ окружавшіе ее предметы, какъ будто, раздѣляли ее веселье. Угли жаровни, на которой она готовила завтракъ, свѣтились необыкновенно мягкимъ, розоватымъ огнемъ, какъ восходящая заря ея только что зародившейся любви. Масло, прыгавшее на сковородкахъ, напоминало ей своей трескотней щелканіе кастаньетъ, необходимую музыкальную принадлежность всѣхъ андалузскихъ свадебныхъ пиршествъ. Красные томаты, зеленый салатъ, персики и ананасы, лежавшіе на столѣ, казались ей причудливыми узорами того ковра, на которомъ ей пришлось бы стоять въ минуту вѣнчанія. Въ долетавшемъ изъ сада щебетаніи птицъ — ей слышались звуки мелодій, раздававшихся въ ея честь подъ сводами храма, а темно-зеленыя вѣтви апельсинныхъ деревьевъ, съ любовію смотрѣвшія на нее черезъ открытыя окна столовой, казалось, предлагали ей свои распускавшіеся бутоны для украшенія ея подвѣнечнаго наряда.

Упоенная своими мечтами, смѣнявшимися, какъ прихотливые узоры калейдоскопа въ ея возбужденномъ воображеніи, она принялась даже иначе объяснять свой сонъ, такъ перепугавшій ее сегодня. Очевидно, если бы она не увидѣла этого сна, то и не пошла бы въ церковь до воскресенья, а, стало быть, и не встрѣтилась бы съ тѣмъ, кто былъ предназначенъ ей самою судьбою.

Придя къ такому выводу, она окончательно развеселилась и принялась распѣвать, какъ птичка, продолжая хлопотать по хозяйству.

Но когда вечеромъ она очутилась въ своей кровати, ее снова охватило странное безпокойство, хотя она не отдавала себѣ отчета, былъ ли это страхъ, снова закравшійся въ ея душу, или только лихорадочный бредъ, возбужденный грезами. Такъ или иначе, но Долоресъ задыхалась въ своей комнатѣ, и потому, одѣвшись снова она вышла въ паркъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и успокоить свои возбужденные нервы.

Молодая дѣвушка не разъ предпринимала эти ночныя прогулки, знакомая со всѣми закоулками парка еще съ самаго дѣтства. Кромѣ того, она знала по опыту, что ей не угрожала тамъ никакая опасность: чугунная рѣшетка парка и легенда о привидѣніяхъ достаточно охраняли его отъ непрошенныхъ посѣтителей, какъ днемъ, такъ и ночью.

Выйдя въ паркъ, Лолита направилась къ пруду, — любимому мѣсту ея ночныхъ прогулокъ.

Тамъ она сиживала часто на одной изъ скамеекъ, смотря на зеркальную поверхность воды, мирно отражавшую яркія звѣзды, горѣвшія на потемнѣвшемъ небѣ брилліантовыми огнями. Плакучія ивы, окружавшія прудъ дружной семьею, плѣняли ее своей вѣчной дремотой, а водяныя лиліи, раскрывавшія свои лепестки только ночью, прельщали ее своимъ ароматомъ. Блестящіе свѣтлячки, освѣщавшіе фосфорическимъ блескомъ густую зелень, выступавшую темными пятнами изъ глубины парка, всегда казались ей фантастическими фонариками гномовъ, копошившихся между листвою, въ поискахъ за зарытымъ кладомъ. И даже лягушки, прыгавшія время отъ времени съ берега въ задремавшія воды пруда, походили, по ея мнѣнію, ночью, на отважныхъ рыцарей, бросавшихся въ воду въ полномъ вооруженіи.

Но сегодня Лолитѣ было не до этихъ фантазій, и, усѣвшись на свою любимую скамейку, она всецѣло предалась своимъ мечтамъ, не замѣтивъ даже, что, въ двухъ шагахъ отъ нея, на нее пристально смотрѣли изъ-за кустовъ два черные глаза.

Пако, разузнавъ утромъ, гдѣ жила Долоресъ, запасся, въ теченіе дня, длинной веревкой и пробрался вечеромъ въ паркъ, перелѣзши черезъ его ограду. Ему хотѣлось воспользоваться ночью, чтобы изслѣдовать мѣстность и начать атаку именно въ той формѣ, какъ она была освящена обычаями Испаніи.

Онъ зналъ, по опыту, что ни одна испанская дѣвушка не была способна сдѣлать скандалъ поклоннику, неожиданно появившемуся ночью, подъ окнами ея дома, и даже сочла бы такую смѣлость за величайшую честь, воздававшуюся ея особѣ. Промучивъ его двѣ-три ночи напрасными ожиданіями, она кончила бы тѣмъ, что открыла окно и принялась бесѣдовать съ нимъ часами, сперва о погодѣ, потомъ о цвѣтахъ и, наконецъ, разумѣется, о любви. Послѣ этого они тотчасъ же сошлись бы на „ты“ и стали бы женихомъ и невѣстой, ведя ежедневно свои безконечные разгово-

*) Lolita — уменьшительное отъ Dolores.

ры въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ и закончивъ эту платоническую идиллію или свадьбой или разрывомъ.

Правда, что изъ этого правила встрѣчается множество исключеній, но они зависятъ отъ разныхъ случайностей, которыя служатъ потомъ предлогомъ для успокоенія совѣсти виновныхъ.

Такъ и теперь. Пако, увидавъ Долорес въ паркѣ, сейчасъ же измѣнилъ свой планъ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ, очевидно, покровительствовавшимъ ему съ самаго утра.

Онъ боялся только, что надѣлаетъ шуму, выбираясь изъ-за кустовъ, и испугаетъ Лолиту своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Но и тутъ случай оказался еще разъ къ его услугамъ.

Долорес, подъ вліяніемъ своихъ грезъ, ясно видѣла Пако въ своемъ воображеніи, а теперь, повернувшись случайно въ ту сторону, гдѣ находился настоящій Пако, она замѣтила его среди зелени акацій. Но она уже не отдавала себѣ ни въ чемъ отчета и не могла отличить дѣйствительности отъ фантазіи, окончательно перепутавшихся въ ея возбужденномъ разсудкѣ.

Наэлектризованная охватившей ея любовью, находясь подъ чарующимъ обаяніемъ нѣги, навѣваемый теплымъ дыханіемъ южной ночи, и упоенная ароматами цвѣтовъ, она машинально поднялась со скамейки и простерла свои объятья къ тому, кто уже всецѣло завладѣлъ ея сердцемъ.

Въ одно мгновеніе Пако стоялъ подлѣ нея и цѣловалъ ея руки. Потомъ, взявъ ее за талію, онъ снова усадилъ ее на скамейку, разжигая своими поцѣлуями и безъ того бушевавшую въ ней страсть.

„Такъ вотъ что такое любовь!“—промелькнуло на минуту въ ея сознаніи. Она чувствовала теперь, какъ клокотала ея распаленная кровь, то приливая къ ея сердцу, то снова разбѣгаясь по ея трепетавшему тѣлу и разжигая его своимъ бурнымъ потокомъ.

У нея пересохло въ горлѣ и затуманилось въ глазахъ. Она ясно слышала теперь давно знакомый ей звонъ соборныхъ колоколовъ, перемѣшанный съ криками попугаевъ и трелями канареекъ развлекавшими ее сегодня утромъ. Потомъ ей вдругъ показалось, что весь прудъ ожилъ, чтобы быть свидѣтелемъ охватившаго ее блаженства. Она ясно видѣла, какъ мерцавшія въ немъ звѣзды кружились въ веселой пляскѣ и посылали ей издали свои лучезарные поцѣлуи. Плакучія ивы вышли изъ своей дремоты и любовно простирали надъ ней свои длинныя, гибкія вѣтви. Водяныя лиліи, окончательно раскрывъ свои лепестки, расточали въ воздухѣ, въ ея честь, свои ароматы. Безчисленные гномы, выйдя изъ-за своихъ засадъ и освѣтивъ лужайки своими разноцвѣтными фонарями, предлагали ей въ даръ разсыпанныя повсюду богатства. И даже рыцари, появившіеся теперь изъ воды въ своемъ настоящемъ видѣ и въ полномъ вооруженіи, готовы были преклонить передъ нею свои колѣни...

Но, поддавшись на минуту „этому лихорадочному бреду, подъ вліяніемъ сыпавшихся на нее поцѣлуевъ, молодая дѣвушка вдругъ неожиданно пришла въ себя и громко вскрикнула, увидѣвъ себя въ объятіяхъ Пако.

Теперь ее охватилъ внезапный ужасъ. Она поняла тѣ страшныя послѣдствія, которыя ожидали ее, если бы ея увлеченіе продолжалось еще минуту. Образъ Пако, неотступно преслѣдовавшій ее въ теченіе цѣлаго дня, облагороженный ея собственной фантазіей, предсталъ теперь передъ нею, искаженный вульгарной страстью и не имѣющій ничего общаго съ созданнымъ ею идеаломъ.

Теперь, она узнавала въ немъ воплощеніе того чудовища, которое ей приснилось прошлою ночью.

Пораженная этимъ сопоставленіемъ и напрасно стараясь вырваться изъ объятій Пако, молодая дѣвушка обратилась, еще разъ, съ пламенною молитвой къ своей покровительницѣ, Мадоннѣ.

— Пресвятая Дѣва! прошептала она,—спаси меня и окажи мнѣ скорѣе Твою защиту.

Едва она произнесла эти слова, какъ почувствовала, какъ кто-то оттолкнулъ отъ нея Пако; затѣмъ въ воздухѣ сверкнулъ ножъ, и молодой испанецъ безъ чувствъ покатился на землю.

Отецъ Лолиты, услыхавъ ея крикъ, во время подоспѣлъ ей на помощь и расправился „по-испански“ съ тѣмъ, кого онъ считалъ похитителемъ ея чести.

Къ счастью, рана Пако не была смертельна. Прохворавъ съ мѣсяцъ, онъ отказался отъ своей прежней жизни и, серьезно влюбившись въ Долорес, женился на ней вскорѣ по своемъ выздоровленіи.

Но Лолита долго не могла ему простить этой ночи и ежегодно приноситъ цвѣты въ даръ своей покровительницѣ: „la Virgen de los dolores“.

Владиміръ Мануиловъ.

Японскія музыканщи. Съ картины художника Г. Іомпрей-Моора.

СЛУША-А-А-Й!

(Продолженіе).

Жигли получалъ маленькое жалованье и не могъ отпускать каждый день жену въ Неаполь. Кромѣ того, все взятое изъ мастерскихъ обходилось гораздо дешевле, чѣмъ купленное въ лавкахъ. Въ силу этихъ соображеній, она тщательно старалась скрывать свою скорбь, свое отвращеніе и свой ужасъ. Но когда случалось, что она улыбалась въ окно мужу, идущему въ контору, и видѣла его вдругъ окруженнаго толпою каторжниковъ съ какими нибудь просьбами, сердце ея разрывалось на части, и она судорожно сжимала Маріо въ своихъ объятіяхъ. Каторжане, зная своего директора за лучшаго изъ людей, за человѣка хладнокровнаго, но добраго, строгаго, но не жестокаго, устремляли на него, прося о какомъ нибудь снисхожденіи, тоскливые взгляды, а ей казалось, что она читаетъ въ ихъ глазахъ ярость и угрозы. Увы! Ничѣмъ нельзя было убѣдить ее, что эти люди отвыкли отъ крови, и что у нихъ не спрятано въ рукавѣ ножа.

Никогда она не посылала Маріо гулять съ Граціеллой: ей всегда казалось, что кто-нибудь изъ этихъ преступниковъ, чтобы отомстить за свое осужденіе, изъ звѣрской жажды крови, повинуясь своимъ инстинктамъ убійцы, непремѣнно убьетъ ея ребенка. Выходя изъ дома, она всегда несла его на рукахъ сама, какъ любящая мать-плебейка, не обращая никакого вниманія на усталость. Встрѣчаясь съ каторжникомъ, она сейчасъ же опускала глаза въ землю. Колодники здоровались съ ней, снимая колпаки, и такъ какъ нѣжный отцовскій инстинктъ продолжаетъ жить даже въ самыхъ развращенныхъ сердцахъ останавливались полюбоваться прелестнымъ ребенкомъ. Но ее это пугало, она ускоряла шаги и почти убѣгала бѣгомъ со своимъ дорогимъ малюткой.

Особенно одинъ попадался ей безпрестанно, на каждомъ шагу. Это былъ высокій, сильный молодой человѣкъ, съ чистымъ цвѣтомъ лица, голубыми глазами, рыжими волосами, и, какъ было видно по его красному колпаку, осужденный на пожизненную каторгу. Можно было подумать, что онъ намѣренно поджидалъ мать съ ребенкомъ; а увидѣвъ ихъ, высокій колодникъ долго-долго провожалъ ихъ нѣжнымъ взглядомъ, пока они не скрывались за угломъ улицы...

Хотя время и разсѣяло до нѣкоторой степени его страхъ, но никогда не могло совершенно его уничтожить. Нѣжная и задумчивая по природѣ молодая женщина старалась превозмочь свою грусть, удвоивала внимательность, старалась, чтобы мужъ находилъ въ ней дома всегда терпѣливую и ласковую жену. Она стыдилась своего отвращенія, краснѣла за свой страхъ, изъ боязни, чтобы это не показалось упрекомъ превосходному и великодушному человѣку, который извлекъ ее изъ нищеты, обезпечилъ ея будущность, но зато бросилъ ее въ тюрьму. Мужу случалось иногда видѣть ея трепетъ отъ невольнаго ужаса; онъ всегда огорчался этимъ, чувствуя какое-то смутное угрызеніе совѣсти. Поэтому-то ея сердце, будучи закрытымъ для него, разрывалось на части.

Сесиль была дѣйствительно очень добрымъ созданьемъ, глубоко преданнымъ своему долгу, и искренно сочувствовала всякому горю. Въ тѣ минуты, когда ей удавалось пересилить свой страхъ, она упрекала себя за свою несправедливость и недостатокъ человѣколюбія. Да, каторжники также люди, и ея мужъ, относящійся къ нимъ строго, но справедливо, былъ правъ, повторяя ей тихонько: „Они также люди и христіане, быть можетъ, болѣе несчастные, чѣмъ преступные“. Тогда, переполненная стыдомъ и раскаяніемъ, она принимала твердое намѣреніе переносить видъ этихъ несчастныхъ безъ внутренняго возмущенія и давала себѣ слово отвѣчать на поклоны когда они будутъ снимать передъ ней колпакъ. Но увы! это рѣшеніе быстро исчезало. Стоило только неожиданно появиться какому либо каторжанину въ красной курткѣ, съ волочившейся тяжелой цѣпью, въ то время когда Маріо, сидя на травѣ, рвалъ своими невинными ручонками маргаритки и взвизгивалъ отъ радости, увидѣвъ какую-нибудь букашку, а она сама наслаждалась съ восторгомъ видомъ на море, какъ она, съ трудомъ удерживаясь отъ крика ужаса, блѣднѣла точно передъ смертельной опасностью, хватала съ земли ребенка и поспѣшно уносила его. Лужокъ, море, цвѣты, весь ландшафтъ, загрязненный вдругъ присутствіемъ убійцы, все дѣлалось ей ненавистно. Она не могла побороть себя. Бѣдная, слабая

женщина теряла все свое мужество, и, когда она возвращалась домой, ей казалось, что даже ея супружеская и материнская любовь поруганы въ этомъ убѣжищѣ позора и наказанія.

Въ этотъ день ее особенно мучила совѣсть: она выказала въ присутствіи мужа такую неблагодарность, что почти упрекнула его за оказанное ей благодѣяніе. Онъ отвѣтилъ ей не строго, но серьезно. Насколько онъ лучше ея!.. и на шейку Маріо полились рѣдкія слезы раскаянія. Ребенокъ, привыкшій къ этимъ материнскимъ изліяніямъ наединѣ, гладилъ мать по лицу своими свѣженькими ручками, повторяя тихонько:

— Не плачь, мама; не плачь, не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не плачу, сказала она, выпрямившись и вытирая глаза.—А теперь Маріо пойдетъ гулять со своей мамочкой.

— Въ колясочкѣ, мама, въ колясочкѣ! вскричалъ ребенокъ, уцѣпившись за платье матери.

— Да, мое сокровище, въ колясочкѣ, отвѣчала она, подавляя вздохъ.

IV.

Въ колясочкѣ, грубо и неумѣло сдѣланной каторжными кузнецами и слесарями, было больше желѣза, чѣмъ дерева. Скрипѣла она, точно ихъ тяжелыя цѣпи, прикованныя къ ногамъ и подвѣшанныя къ поясу, и безпрестанно портилась. Для худенькаго и слабаго на ноги ребенка было наслажденіемъ лежать на мягкихъ подушкахъ, набитыхъ собственноручно матерью. Для него было блаженствомъ кататься цѣлыми часами по всему острову, въ то время какъ онъ лежалъ въ коляскѣ съ полузакрытыми глазами, въ маленькой фетровой шляпѣ, закрывавшей ему уши. Мать, не отличавшаяся силой, скоро уставала; но стоило ей остановиться на минуту, какъ ребенокъ просыпался отъ своего полусна и кричалъ:

— Вези, мама, вези!

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала она съ глубокимъ вздохомъ.

Она опиралась руками на ручку коляски, чтобы отдохнуть. Но мальчикъ повторялъ умоляющимъ голосомъ:

— Вези, мама, вези, пожалуйста, прошу тебя!

И молодая женщина пускалась снова мужественно въ путь и больше уже не вздыхала. Она ни за что не согласилась бы пустить Маріо кататься въ коляскѣ безъ себя, съ прислугой, а уйти изъ дома обѣимъ женщинамъ было рѣшительно невозможно. Дома было слишкомъ много дѣла, да къ тому же, Сесиль боялась оставлять его пустымъ. Въ этотъ день, какъ и всегда, она велѣла подвезти къ крыльцу тяжелую коляску, ребенокъ влѣзъ въ нее съ радостнымъ крикомъ и растянулся съ наслажденіемъ на подушкѣ. Мать надѣла шляпу, перчатки и накинула на ноги Маріо мягкое покрывало. Граціетта смотрѣла на нее молча.

— Дженноро Компанилэ придетъ повѣсить на мѣсто этажерку, сказала съ усиліемъ Сесиль.—Смотри, будь очень, очень осторожна!

Граціетта едва замѣтно улыбнулась: она знала трусость барыни. Служанка была женщина лѣтъ около сорока, жена каторжника, осужденнаго за убійство въ дракѣ. Она осталась вѣрна этому человѣку и слѣдовала за нимъ всюду, изъ Портолонтонэ въ Искіа, изъ Искіа на Незиду, употребляя всѣ усилія, чтобы поступить на службу тамъ, гдѣ былъ мужъ; и, благодаря ея упорству и силѣ воли, какимъ-то чудомъ это всегда ей удавалось. Она отдавала ему весь свой заработокъ и оставляла всегда для него двѣ трети своей пищи. Жертву эту она приносила всегда тайкомъ, боясь больше всего лишиться мѣста. Мужъ ея, каторжникъ, плечистый мужчина свирѣпаго вида, подходилъ осторожно къ кухонному окну, бралъ блюдо, хлѣбъ и фрукты, которые она передавала ему черезъ оконную рѣшетку, и жадно уничтожалъ все это, притаившись въ какомъ-нибудь углу. А она принималась снова за работу, довольная и счастливая своимъ недоѣданьемъ. Если случалось, что барыня выказывала нечаянно въ ея присутствіи страхъ, внушаемый ей каторжанами, она, какъ женщина опытная, только покачивала головой, относясь къ боязливой молодости Сесиль съ снисходительной жалостью. Она считала убійство несчастьемъ, а никакъ не преступленіемъ, и была твердо убѣждена, что такого рода несчастье можетъ случиться съ каждымъ.

— Куда же ты хочешь ѣхать? спросила мать ребенка.

— Туда! туда! отвѣчалъ мальчикъ, указывая неопредѣленнымъ жестомъ въ пространство.

Улицы Низиды не уже, чѣмъ въ любой деревнѣ. Не смотря на то, что былъ уже октябрь мѣсяцъ, акаціи не потеряли еще своей зелени и защищали своей тѣнью тротуары изъ убитой земли. Дома чиновниковъ, поставщиковъ, подмастерьевъ и сторожей походили на изящные котэджи. Высокія и мрачныя зданія каторжной тюрьмы, камеры, столовыя, мастерскія, лазареты и карцеры возвышались посреди, точно угрюмый утесъ, господствующій надъ хижинами. Съ огибающей со всѣхъ сторонъ каторжную тюрьму и идущей между домами и деревьями дороги, при каждомъ поворотѣ открывается широкій видъ на залитое солнцемъ море. Сидя въ колясочкѣ, ребенокъ таращилъ свои глазки, продолжая шептать:

— Туда!.. туда!..

Мать везла тихонько коляску, чувствуя утомленіе и слабость, происходившую отъ слишкомъ сильнаго возбужденія ея чувствительности.

Она раскланялась машинально съ нѣсколькими женами служащихъ, съ дочерьми поставщиковъ и съ шестью или семью женами офицеровъ, жившихъ на островѣ, и продолжала медленно-медленно свой путь, устремивъ глаза также на море, о которомъ мечталъ постоянно и ребенокъ. Время отъ времени, мимо шелъ то солдатъ, то каторжникъ, пользовавшійся разрѣшеніемъ ходить на свободѣ. Она отвѣчала на ихъ поклоны легкимъ наклоненіемъ головы, а Маріо улыбался, привѣтствуя ихъ жестомъ руки.

Но вскорѣ, усталость превозмогла мужество Сесиль. Она выпустила изъ рукъ ручку коляски и опустилась въ изнеможеніи на каменную скамейку. Мѣсто было почти совсѣмъ пустое, дома кончались, и начиналась уже открытая мѣстность. Ребенокъ смотрѣлъ на поблѣднѣвшее лицо и полуоткрытые глаза матери.

Нѣсколько испуганный, онъ едва рѣшился сказать ей робко:

— Вези, мама, вези...

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала она такъ тихо, что ребенокъ не слышалъ ея словъ.

— Съ позволенія вашего превосходительства, я могъ бы повозить коляску! проговорилъ вдругъ мужественный, но кроткій голосъ.

Откуда взялся этотъ каторжникъ съ бѣлымъ лицомъ и нѣжными голубыми глазами, появившійся вдругъ передъ ней? Что ему нужно? Чего онъ хочетъ?

Перепугавшись, дрожа всѣмъ тѣломъ, она смотрѣла на него, точно на привидѣніе.

— Малютка тяжелъ, прошепталъ еще смиреннѣе каторжникъ. Позволите вы мнѣ, ваше превосходительство, покатать его?..

Она поняла, наконецъ, и прошептала сквозь зубы:

— Нѣтъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ минуту молча, и продолжалъ, попрежнему, смиренно, но настойчиво:

— Эта работа не для вашихъ рукъ. Позвольте мнѣ везти коляску.

— Нѣтъ, отвѣчала она второй разъ уже гнѣвно.

— Простите мою смѣлость. Я сумѣю покатать малютку, и мнѣ это было бы совсѣмъ не тяжело... Не бойтесь ничего! прибавилъ онъ съ такимъ волненіемъ, что въ голосѣ его слышались слезы.

— Я ничего не боюсь, отвѣчала она сухо, а просто не хочу, чтобы вы катали моего ребенка.

Она рѣшительно встала и, сдѣлавъ надъ собой геройское усиліе, повезла коляску. Каторжникъ сдѣлалъ широкій жестъ руками, и висѣвшая у его пояса цѣпь издала зловѣщій звукъ, но онъ не сказалъ больше ни слова и стоялъ, провожая глазами удалявшихся мать и ребенка. Что же касается Сесиль, то она вся трепетала отъ негодованія, точно даже смиренный тонъ колодника, предложившаго ей свои услуги, былъ уже для нея оскорбленіемъ.

Они вышли теперь совсѣмъ на открытое мѣсто, тропинка шла по лугамъ, на которыхъ паслись лошади двухъ-трехъ-офицеровъ и поставщиковъ, перевозившихъ провіантъ съ берега въ тюрьму.

— Мама? позвалъ мальчикъ, какъ будто задумавшійся о чемъ-то.

— Что, дружокъ?

— Отчего ты отвѣтила каторжнику „нѣтъ“?

— Такъ.

Ребенокъ умолкъ. Онъ замѣтилъ въ голосѣ матери смущеніе.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ:

— Тебѣ тяжело, мама, возить коляску?

— Нѣтъ, мое сокровище.

— Вынь меня, мама, пусти меня на землю.

— Нѣтъ, сиди, дружокъ. Мы проѣдемъ еще немножко, а потомъ я отдохну.

Они отправились молча дальше и миновали уже двухъ или трехъ часовыхъ. Ребенокъ смотрѣлъ на солдатъ, улыбался имъ.

— Мама? позвалъ ее опять мальчикъ.

— Что тебѣ, милый?

— Знаешь? Арестантъ хотѣлъ меня везти далеко-далеко.

— Да, да.

— Онъ несчастный, продолжалъ ребенокъ, не спуская глазъ съ лица матери.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Папа говоритъ! объявилъ торжествующимъ тономъ ребенокъ.

Она поникла головой, ничего не отвѣтивъ.

— А солдаты, мама, они также несчастные?

— Солдаты — честные люди, отвѣчала она съ живостью.

— Значитъ, каторжники несчастны, а солдаты честные люди. А я, мама, кто я? Я *piccerillo*?*)

— Ты любимый сынишка своей мамы! отвѣчала она, обнимая его и покрывая поцѣлуями.

Они доѣхали до свѣжаго, зеленаго и цвѣтущаго поля, — отдѣлявшагося невысокой стѣной отъ сосѣдняго. Мать сдѣлала привалъ. Уставъ до изнеможенія, она скорѣе упала, чѣмъ сѣла, на траву.

Ребенокъ смотрѣлъ на траву, цвѣты и море вдумчивымъ, слишкомъ вдумчивымъ и серіознымъ для его возраста взглядомъ. Воздухъ былъ пропитанъ рѣзкимъ ароматомъ осеннихъ розъ, которыя распускаются и живутъ своей полною жизнью только одинъ день. Къ запаху ихъ примѣшивался еще запахъ дикой мяты, изобилующей на островѣ Низида. Ребенокъ задремалъ въ коляскѣ, а мать отдыхала отъ усталости.

А въ томъ мѣстѣ, гдѣ они остановились отдохнуть, въ цвѣтахъ не было недостатка; но ихъ было, должно быть, еще больше на другомъ клочкѣ поля, по ту сторону отдѣлявшей его стѣны.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Малютка.

ПАСХА ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Переводъ **Е. М. Соловьевой**.

ФЛОРЕНТИНСКІЕ историки говорятъ, что съ Пасхи 1215 г. начинается эпоха внутренняго междоусобія.

Въ этотъ день, рано утромъ, черезъ Ponte Vecchio проѣзжалъ прекрасный всадникъ на бѣломъ конѣ, съ золотыми шпорами, въ высокихъ сапогахъ, роскошно одѣтый, съ гирляндой цвѣтовъ на головѣ: это былъ Буэльдемонти (Bueldemonti), первый изъ Гвельфовъ, нѣсколько минутъ спустя убитый изъ мести врагомъ противной партіи.

Образъ молодого человѣка, увѣнчаннаго цвѣтами, одѣтаго въ побѣдоносный, свѣтлый пасхальный нарядъ, служитъ какъ бы символомъ этого радостнаго дня. Странѣ этой какъ нельзя болѣе подходитъ быть страной воскресенія; печаль и покаяніе не соотвѣтствуютъ ни здѣшнему небу, ни народу, вѣра котораго состоитъ изъ радости, надежды и торжества; мысль о смерти ему ненавистна, и онъ всегда спѣшитъ отъ нея отдѣлаться по возможности скорѣй.

Цостъ здѣсь вовсе не печаленъ; чтобы нѣсколько оживить его, въ воскресные дни устраиваются маленькія, скромныя, но веселыя ярмарки, поперемѣнно въ различныхъ частяхъ города. То это ярмарка Furiosi, въ другой разъ она носитъ названіе Innamorati, или появляется подъ именемъ Signori. Веселый народъ толпится около лотковъ, гдѣ продаются орѣхи, маленькія вафельки съ каштанами въ формѣ облатокъ. Къ вечеру зажигаются цвѣтные фонари, въ тихомъ воздухѣ раздаются рѣдкіе звуки свистковъ, въ которые дуютъ дѣти, вѣтерокъ приводитъ въ движеніе бумажныя мельницы, и видъ той или другой площади, избранной для ярмарки дня, представляетъ безконечно забавную картину.

Въ воздухѣ уже чувствуется весна, наполняющая сердца своей благодѣтельной силой, повсюду ароматъ цвѣтовъ, здоровыя молодыя лица, и жизнь кажется такой прекрасной, что все существо человѣка проникается желаніемъ жить и наслаждаться.

Съ наступленіемъ Страстной недѣли, все населеніе начинаетъ съ нетерпѣніемъ ждать и приготовляться къ воскресенію. Дома внутри усиленно чистятся и готовятся, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить благословеніе священника.

Это очень милый обычай этой прекрасной страны, до того милый, что онъ нравится даже все осуждающимъ англичанкамъ, пріѣзжающимъ сюда зимовать.

Въ ясные дни конца марта или начала апрѣля на улицахъ постоянно попадаются священники, предшествуемые мальчиками изъ хора, переходящими изъ дома въ домъ, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными, чтобы окропить ихъ жилища святой водой, которая вмѣстѣ съ ихъ благословеніемъ должна принести счастье. Этотъ мечтательный и суевѣрный народъ придаетъ большое значеніе небесному вмѣшательству, проявляемому въ столь осязательной формѣ.

Мальчикъ несетъ въ рукахъ мѣдный закругленный сосудъ со святой водой; священникъ въ стихарѣ съ эпитрахилью, въ четырехугольной шапочкѣ на головѣ: это большею частью истый флорентинскій церковно-служитель съ крупными чертами и добродушнымъ выраженіемъ лица. Набожность здѣсь не проявляется въ тяжеломъ и непосильномъ подвигѣ. Самая излюбленная церковь Флоренціи, источникъ всѣхъ милостей, куда народъ стекается въ теченіе всего года съ неослабѣвающимъ рвеніемъ, церковь Благовѣщенія. Этотъ древній храмъ былъ основанъ семью знатными флорентинцами, которые учредили въ немъ орденъ сервитовъ. Конечно, они, благодаря своему знатному роду и чрезвычайному смиренію, были достойны особыхъ милостей, которыми и были награждены. Въ этой странѣ искусствъ милость эта проявилась въ чудѣ, совершенно соотвѣтствующемъ обстановкѣ.

Образъ Мадонны для этой церкви долженъ былъ писать какой-то неизвѣстный художникъ, но проникнутый религіознымъ усердіемъ, онъ совершенно не зналъ, какія придать черты Царицѣ Небесной. Въ одно прекрасное утро онъ увидѣлъ, что задача его была исполнена: этотъ трудъ взялъ на себя слетѣвшій съ неба ангелъ, и съ этихъ поръ чудотворная икона играла огромную роль въ жизни флорентинцевъ. Она входитъ въ нужды всѣхъ, начиная съ Петра Медичи, воздвигшаго часовню, гдѣ находится образъ, съ самаго бѣднаго современнаго facchino; Madonna de l'Annunziata со своимъ массивнымъ серебрянымъ престоломъ, съ причудливыми богатыми украшеніями, съ драгоцѣнными камнями, съ сіяющими лампадами, принесенными по обѣту, представляетъ изъ себя благодѣтельную и могущественную дѣйствительность. Надо идти сюда, чтобы видѣть вблизи этотъ флорентинскій народъ, способный богохульствовать какъ ни одинъ другой народъ въ мірѣ, но тотчасъ забывающій объ этомъ, лишь только дѣло коснется того, чтобы молиться своей Мадоннѣ. Эти люди, спѣшащіе отъ искренняго сердца славить Бога, не возставшаго еще изъ гроба, покрытаго цвѣтами, немногимъ отличаются отъ смиренныхъ рыбаковъ Тиверіадскаго озера, видъ котораго, безъ сомнѣнія, заставилъ бы содрогнуться нашихъ швейцарцевъ. Въ San Spirito, находящагося въ центрѣ бѣднаго квартала, украшеніе плащаницы принимаетъ болѣе свѣтлый характеръ. Въ боковой часовнѣ выставляются всѣ принадлежности Страсти Господней: крестъ, гвозди, терновый вѣнецъ, туника, игральныя кости римскихъ солдатъ, пика, губка, пропитанная желчью, пѣтухъ, пропѣвшій въ часъ отреченія князя апостоловъ. Всѣ эти вещи, довольно наивно собранныя, выставляются, чтобы дать толчокъ размышленію и набожности вѣрующихъ. Такъ какъ площадь San Spirito излюбленное мѣсто вѣчно веселыхъ „monelli“ (оборванцевъ) квартала, а ступеньки церкви служатъ постояннымъ клубомъ сосѣднихъ кумушекъ, но это убранство плащаницы какъ нельзя болѣе совпадаетъ со вкусами толпы, которая всей душой будетъ обращена къ Мадоннѣ, въ отчаяніи рыдающей красными слезами на окрававленномъ тѣлѣ распятаго Сына; послѣ чего съ каѳедры раздается громовое слово добродушнаго францисканца, который повтореніемъ одного лишь священнаго имени способенъ расшевелить души всѣхъ собравшихся слушателей.

Но съ наибольшимъ великолѣпіемъ проходитъ торжественное погребеніе въ день св. пятницы въ окрестностяхъ Флоренціи, въ Грассины, небольшомъ мѣстечкѣ на берегу рѣки Эмы, куда на этотъ день стекаются во множествѣ флорентинцы и много иностранцевъ.

Процессія начинается тотчасъ послѣ захода солнца. Лучшимъ украшеніемъ этого маленькаго, непривычно оживленнаго въ этотъ день, городка служатъ лавки мясниковъ, изобилующія вдоль всей главной улицы; но этотъ день они не только не запираютъ своихъ лавокъ, напротивъ—всячески украшаютъ вырѣзанными цвѣтными бумажками и освѣщаютъ множествомъ свѣчей зарѣзанныхъ къ Пасхѣ барашковъ. На всѣхъ окнахъ ставятся цвѣтныя лампадки, которыя съ наступленіемъ ночи должны изображать иллюминацію. Церковь находится на возвышеніи и чтобы туда добраться надо перейти необычайно живописный мостъ. На горизонтѣ виднѣется цѣпь холмовъ, самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, совершенно сливающихся съ голубымъ небомъ. Процессія

по выходѣ изъ церкви обыкновенно доходитъ до холмовъ по очень извилистой дорожкѣ и затѣмъ возвращается обратно къ деревнѣ; здѣсь, въ совершенной почти темнотѣ сидятъ женщины, собирающіяся слѣдовать за процессіей, и въ ожиданіи сигнала разговариваютъ между собой вполголоса; на небольшой площадкѣ передъ церковью ходятъ взадъ и впередъ „римскіе солдаты“ въ полномъ вооруженіи, ожидая знака, чтобы двинуться въ путь. Ночь надвигается; на невысокихъ стѣнахъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ зажигаются небольшія этрусскія лампочки, всѣ окна загораются разноцвѣтными огнями; затѣмъ въ процессіи возстановляется порядокъ, раздаются первые звуки пѣнія, ночь окончательно наступаетъ, и процессія двигается въ путь.

На дорогѣ, ведущей въ гору, раздается глухой шумъ отъ деревянныхъ башмаковъ, лошадей, римскихъ солдатъ, открывающихъ шествіе, ниже мерцаетъ длинная нить восковыхъ свѣчей, съ которыми идутъ женщины и дѣвушки; мальчишки несутъ осмоленные факелы; высоко виднѣется въ воздухѣ тяжелый, черный крестъ, который несется кѣмъ-нибудь изъ прихожанъ одѣтымъ, въ бѣлое; за крестомъ несутся хоругви, съ изображеніемъ Страстей Господнихъ.

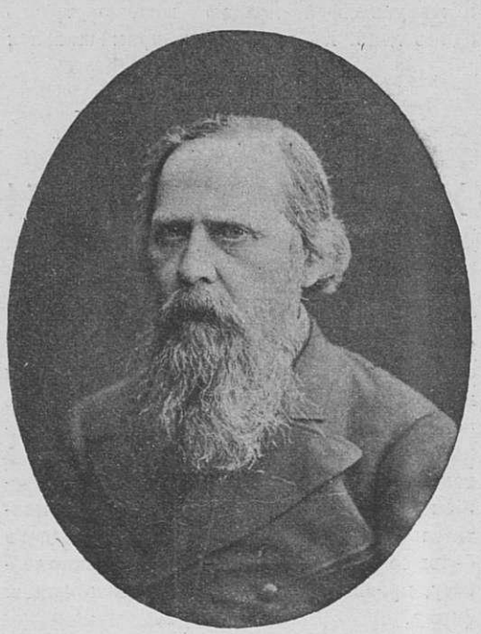
Вслѣдъ за ними идутъ съ пѣніемъ одѣтые въ красное взрослые и дѣти. Черный балдахинъ надъ тѣломъ умершаго Спасителя то поднимается, то опускается, то показывается, то снова скрывается съ глазъ въ зависимости отъ направленія дороги и движенія тѣхъ, кто его поддерживаетъ; факелы озаряютъ мрачнымъ свѣтомъ это печальное шествіе; одинъ ребенокъ несетъ лѣстницу, другой—тунику; молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и такихъ же покрывалахъ, женщины въ черныхъ мантильяхъ двигаются медленнымъ шагомъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ.

Картина эта, среди окружающей роскошной природы, прямо поразительна. Высокіе, лиловатые холмы тонутъ въ ночномъ мракѣ, причемъ ясное небо позволяетъ различать ихъ граціозныя очертанія на горизонтѣ. Пѣніе не прекращается ни на минуту, оно раздается даже и тогда, когда факелы, свѣчи, красныя и бѣлыя платья вѣрующихъ скрываются за холмами, чтобы снова показаться, но уже ниже.

Для всѣхъ участвующихъ въ процессіи оно служитъ явнымъ доказательствомъ вѣры, вдвое усилившейся послѣ землетрясенія, грозившаго разрушить весь этотъ маленькій, скромный городокъ. Около девяти часовъ все кончено, и цѣлая нить экипажей развозитъ обратно въ Флоренцію любопытныхъ богомольцевъ.

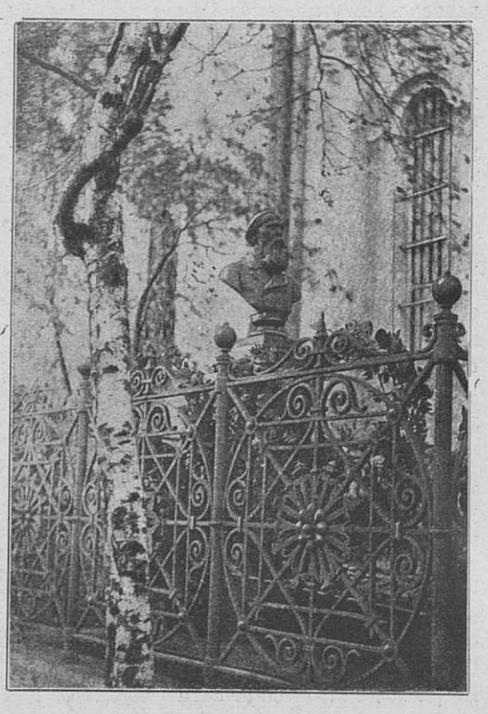
Наконецъ, засіяла субботняя заря; молчаніе колоколовъ, постоянно оглашающихъ звономъ этотъ городъ, скоро прекратится. Съ ранняго утра, кардиналъ, стоящій во главѣ этихъ торжественныхъ службъ, отправляется въ San Giovanni освящать купели. Его высокопреосвященство кардиналъ Боза (Bausa), архіепископъ Флоренціи, очень внушительный на видъ священникъ; онъ доминиканецъ, какимъ былъ и Савонарола, и носитъ свое бѣлое одѣяніе съ большимъ достоинствомъ; лицо у него смуглое, съ красивыми и строгими чертами; съ митрой на головѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ нѣсколько нахмуреннымъ челомъ, онъ очень величественно проходитъ по богатому храму.

Роскошная вызолоченная дверь храма св. Іоанна Крестителя широко раскрыта; кардиналъ и все духовенство вступаютъ въ пріятный полумракъ часовни въ благоговѣйномъ молчаніи; и уже послѣ произнесенія



М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

извѣстныхъ молитвъ, входятъ въ самый храмъ. Толпа на площади увеличивается съ каждой минутой. Народъ стекается сюда изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, изъ всѣхъ



Памятникъ на могилѣ М. Е. Салтыкова.

кварталовъ города, со всѣхъ холмовъ, чтобы быть свидѣтелемъ сожженія Carro. Это Carro (колесница) составляетъ совершенную особенность Флоренціи, которая получила начало, какъ и всякій мѣстный обычай, въ очень древнія времена.

Въ 1088 году одинъ изъ первыхъ членовъ знаменитой фамиліи Пацци (Pazzi), происшедшей отъ древнихъ римлянъ, нѣкто Паццо ди-Роньери, отправился воевать въ Святую Землю; съ нимъ пошло болѣе двухъ тысячъ ратниковъ. Они одержали настолько блестящую побѣду, что одинъ изъ этихъ воиновъ, Бонагиза дей Бонагизи (Bonaguisa dei Bonaguisi), первый взялъ приступомъ стѣны Дамьеты и водрузилъ на нихъ христіанское знамя и знамя флорентинской республики. Въ награду за храбрый подвигъ, Готфридъ Бульонскій подарилъ Паццо ди-Роньери кусокъ камня отъ святого гроба Господня. Камень этотъ былъ привезенъ во Флоренцію съ большимъ торжествомъ, при трубныхъ звукахъ, и водруженъ въ великую субботу для того, чтобы на немъ возжигать lumen christi. Исполненные глубокой благодарности за столь знаменательный подарокъ, флорентинцы провезли Паццо ди-Роньери по всей Флоренціи въ торжественной колесницѣ. Въ память этого событія фамилія Пацци, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, предоставляется въ распоряженіе города Carro, которая должна возстановлять въ памяти эти древніе воспоминанія.

Carro это громадной величины, напоминая собой огромный пирогъ, весь обвитой гирляндами изъ цвѣтной бумаги; туда садится „дофинъ“ фамиліи Пацци. Carro тащится бѣлыми быками, украшенными ленточками и цвѣтами, и привозится на площадь, гдѣ останавливается между соборомъ и часовней Іоанна Крестителя. Съ улицы Cavour и Calzaioli стекаются несмѣтныя толпы народа, удерживаемыя въ почтительномъ разстояніи отъ Carro „guardie civile“, въ треуголкахъ съ трехъ-цвѣтными кокардами. Внутри собора, также наполненнаго безпокойной толпой, нетерпѣливо ожидающей желаннаго момента, тихо совершается богослуженіе. Но вотъ неожиданно раздаются звуки Glorio, и въ ту же минуту изъ алтаря вылетаетъ ракета, въ формѣ голубя, и быстрая какъ молнія. Она облетаетъ протянутый вдоль большого нефа собора шнурокъ, причемъ всѣ стоящіе жадно слѣдятъ глазами за ея полетомъ. Мгновенно голубь появляется на площади, гдѣ его встрѣчаютъ несмолкаемые крики народа, дразнитъ въ воздухѣ и мигомъ опускается на вершину Carro, который моментально со страшнымъ трескомъ разрушается, погибая въ пламени и дымѣ. Въ это же время съ колокольни собора раздается первый ударъ колокола, подхватываемый колоколами всего города, отчего образуется торжественный благовѣстъ, сливающійся съ громкимъ пѣніемъ „Gloria“ на площади.

Поднимается шумъ, крики, говоръ, обмѣнъ впечатлѣній о полетѣ del colombina, причемъ бѣлые какъ снѣгъ голуби, обычные мирные посѣтители площади, разлетаются совершенно растерянные.

Флорентинцы празднуютъ три Пасхи: Рождества, Воскресенія, или яицъ, и Пятидесятницы, или розъ. Но обмѣнъ всякихъ дружескихъ благопожеланій происходитъ на Пасхѣ Воскресенія, и съ наступленіемъ весны въ нихъ есть какая-то особенная прелесть. Въ теченіе всего дня веселый и радостный народъ прогуливается въ Cascine на Colli, останавливается съ улыбками на устахъ, повторяя свое любезное: „Buone feste!“

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ только-что вышедшемъ изъ печати интересномъ приложеніи къ выпуску II „Сборника матеріаловъ по техническому и профессіональному образованію“ имѣются, между прочимъ, подробныя данныя о числѣ лицъ, желавшихъ поступить и дѣйствительно поступившихъ (принятыхъ) въ 1898 году въ высшія техническія учебныя заведенія. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что изъ общаго числа 7,050 прошеній:

	поступило.	изъ нихъ принято.
въ с.-петербургскій технологич. институтъ	1,227	278
„ с.-петербургскій горный институтъ	1,121	109
„ кіевскій политехнич. инст. .	781	365
„ с.-петербургскій инст. инжен. пут. сообщ.	738	160
„ варш. политехн. инст. . . .	616	271
„ с.-петербургскій лѣсной инст.	509	134
„ рижскій политехнич. инст. .	405	264
„ с.-петербургскій инст. гражд. инженеровъ.	396	54
„ московское технич. учил. . .	340	278
„ харьковскій технолог. инст. .	318	291
„ московское инж. учил. вѣдомства пут. сообщ.	223	127
„ с.-петербургскій электротехн. институтъ	180	49
„ ново-александрійскій институт. сельск.-хоз. и лѣсовод. . .	144	71
„ московскій сельск.-хоз. инст.	52	46
	7,950	2,497

— Астрономическое общество обратилось во всѣ министерства съ запросомъ относительно желательности и своевременности реформы нашего календаря. Изъ полученныхъ отвѣтовъ въ настоящее время выяснилось, что всѣ министерства безусловно сочувствуютъ дѣлу, предпринимаемому обществомъ. Всѣ министерства изъявили согласіе назначить своихъ представителей въ коммиссію по выработкѣ проекта реформы календаря. Нѣкоторыя министерства уже намѣтили лицъ, которыя примутъ участіе въ трудахъ коммиссіи. Отъ министерства финансовъ представителемъ будетъ Д. И. Менделѣевъ, отъ министерства путей сообщенія — г. Туганъ-Барановскій, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ — г. Григоровичъ и др. Всего въ коммиссіи по реформѣ календаря будутъ участвовать шестнадцать лицъ, въ томъ числѣ девять членовъ совѣта астрономическаго общества. Засѣданія коммиссіи будутъ происходить подъ предсѣдательствомъ Д. И. Менделѣева и проф. С. П. Глазенапа. Первое засѣданіе коммиссіи по реформѣ календаря состоится 30 апрѣля.

— Въ концѣ лѣта настоящаго года предполагается устроить историческую выставку. Мѣсто для устройства выставки пока еще не выяснено. Устройство ея предполагается въ Петербургѣ или въ Москвѣ.

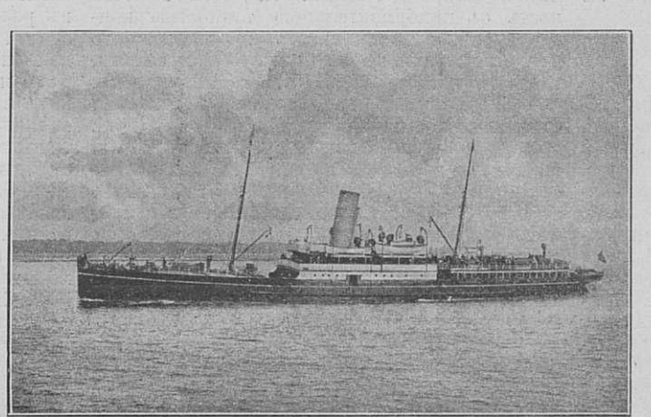
— Вслѣдствіе массы скопившихся на станціяхъ средне-сибирской желѣзной дороги грузовъ, — какъ мы слышали, — сдѣлано министерствомъ путей сообщенія распоряженіе объ увеличеніи состава товарныхъ поѣздовъ.

— Святѣйшій Синодъ, какъ сообщаютъ „Нов.“, утвердилъ новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ. Основной чертой устава является усиленіе церковно-богословскаго элемента за счетъ общеобразовательнаго. Программы математики, географіи и физики сокращены до minimum'а. Программы философіи и психологіи также подверглись сокращенію. Взамѣнъ расширены программы богословскихъ предметовъ, изъ которыхъ гомилетика исключена совсѣмъ. Инспекторами духовныхъ семинарій и духовныхъ уѣздныхъ училищъ, а также преподавателями въ духовныхъ семинаріяхъ литургики и практическаго руководства для пастырей должны быть или монашествующіе, или лица бѣлаго духовенства. Должности помощниковъ смотрителей духовныхъ училищъ упраздняются, а вмѣсто нихъ учреждаются должности классныхъ наставниковъ, которымъ ввѣряется надзоръ за воспитанниками.

— При педагогическомъ музеѣ въ Петербургѣ учрежденъ особый отдѣлъ для со-

Погибшій капитанъ „Стеллы“ Риксъ.

дѣйствія самообразованію. Отдѣлъ выработалъ энциклопедическую программу чтенія и двѣ спеціальныя программы по русской исторіи и по политической экономіи и обнародовалъ ихъ въ особомъ „Сборникѣ для содѣйствія самообразованію“, разошедшемся въ короткое время въ количествѣ 5 тысячъ экземпляровъ. Въ настоящее время занятія отдѣла по составленію программъ можно считать почти законченными, такъ какъ, кромѣ упомянутыхъ программъ, имъ выработаны спеціальныя программы почти по всѣмъ наукамъ, входящимъ въ планъ отдѣла.



Пароходъ „Стелла“, потерпѣвшій крушеніе 30 марта.

— Нѣкоторые киргизы-коноводы Уральской области, узнавъ, что закупаемыя тамъ за счетъ казны лошади назначаются для пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ, какъ сообщаютъ „Пет. Вѣд.“, пожертвовали въ пользу нуждающихся безлошадныхъ крестьянъ Саратовской губерніи 25 лошадей, желая тѣмъ выразить свое сочувствіе постигшему ихъ бѣдствію. Пожертвованныя лошади доставлены уже въ названную губернію, и раздача ихъ бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ предоставлена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на усмотрѣніе губернатора.

— Въ виду исполняющагося въ 1902 г. столѣтія основанія Императорскаго дерптскаго, нынѣ юрьевскаго университета, комиссія, озабочиваясь возможно полнымъ собраніемъ матеріаловъ для составленія какъ біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей, такъ и исторической записки о состояніи и дѣятельности университета обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ о доставленіи въ непродолжительномъ времени могущихъ у нихъ оказаться матеріаловъ въ юрьевскій университетъ, на имя г. ректора. Все доставленное будетъ принято коммиссіею съ глубочайшею благодарностью и сохранено въ цѣлости впредь до востребованія.

— Императорское Вольно-экономическое общество обратилось къ Императорскому русскому техническому обществу съ просьбой назначить представителей для разработки программы для собранія свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ при обращеніи съ сельско-хозяйственными машинами.

— Заложенная во время пребыванія Феликса Фора въ Петербургѣ больница при богадѣльнѣ для престарѣлыхъ членовъ французской колоніи, проживающихъ въ столицѣ, въ настоящее время окончена вчернѣ. Постройка обошлась въ 150,000 р. Освященіе ея, — по словамъ газетъ, — предполагается въ августѣ мѣсяцѣ.

— Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ постройкѣ средствами казны желѣзной дороги между Кіевомъ и Ковелемъ, юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

— На верфи Балтійскаго завода въ близкомъ будущемъ состоится спускъ огромнаго по размѣрамъ броненоснаго крейсера, въ 12,200 тоннъ, „Громобоя“. Одновременно съ нимъ предполагается спускъ на воду въ Новомъ Адмиралтействѣ и на эллингахъ Галернаго острова крейсеровъ „Авроры“, „Діаны“ и „Паллады“. Крейсеръ „Громобой“ предполагается еще осенью настоящаго года перевести въ Кронштадтъ для окончательнаго вооруженія.

— Министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ интересахъ нашей золотопромышленности, — какъ слышали „Пет. Вѣд.“, — проектировано устройство въ Томскѣ особаго завода для испытанія золотоносныхъ рудъ и песковъ, по образцу такого рода заводовъ, существующихъ въ Австраліи и Калифорніи.

— Съ цѣлью произвести геологическія, магнитныя и другія научныя наблюденія на Карскомъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, вице-адмиралъ Макаровъ, какъ мы слышали, намѣренъ предпринять туда путешествіе на ледоколѣ „Ермакъ“.

— Для общаго санитарнаго надзора за с.-петербургскими городскими начальными училищами и для оказанія врачебной помощи учащимся и учащимъ въ нихъ, городское управленіе содержало въ 1898 году 28 школьныхъ врачей. На каждаго врача приходилось въ среднемъ около 14 школъ. Отчетный 1898 годъ является изъ ряда выходящимъ по количеству дѣтей, обращавшихся за помощью къ школьнымъ врачамъ; въ то время, какъ въ 1897 г. дѣти обращались за врачебной помощью 33,036 разъ, въ 1898 г. это число увеличилось до 56,920 разъ. Больныхъ съ заразными болѣзнями (по преимуществу: дифтеритъ, скарлатина и корь) было въ 1898 году — 4,580.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено учредить при томскомъ университетѣ премію, въ размѣрѣ отъ 50 до 100 руб., за лучшее студенческое сочиненіе, въ память празднованія университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина, и принять къ изысканію средствъ для составленія фонда означенной преміи слѣдующія мѣры: 1) напечатать составленныя профессорами для произнесенія 26 мая рѣчи о поэзіи Пушкина и пустить ихъ въ продажу съ тѣмъ, чтобы сборъ поступилъ на образованіе фонда Пушкинской преміи; 2) съ той же цѣлью просить профессоровъ прочитать рядъ публичныхъ лекцій, и 3) обратиться черезъ сибирскія газеты, а также посредствомъ

Спускъ женщинъ и дѣтей въ лодку („Стелла“).

именныхъ писемъ съ воззваніемъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ на образованіе упомянутаго фонда.

Сберегательныя кассы. На-дняхъ опубликованы предварительныя свѣдѣнія объ оборотахъ вкладовъ въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ за январь текущаго года. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что къ началу нынѣшняго года функціонировало 4,530 государственныхъ кассъ, въ которыхъ находилось денежныхъ вкладовъ по 2.784,668 сберег. книж. на сумму 537 м. 213 тыс. рублей; въ теченіе января число кассъ увеличилось на 21, поступило новыхъ взносовъ 421,961 на 32 м. 869 тыс. руб. и сдѣлано выдачъ 251,751 на сумму 25 м. 026 т. руб.; такимъ образомъ, къ 1 февраля сего года въ сберегательныхъ кассахъ денежныхъ вкладовъ находилось 545.056 тыс. руб. по 2 м. 819,321 сберег. книж.

— Командировка сестеръ милосердія. Число сестеръ милосердія разныхъ общинъ, командированныхъ изъ Петербурга въ разное время для помощи населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая, достигло въ настоящее время почти 200 человѣкъ.

— Всѣ ветеринарные институты Имперіи будутъ переданы, — по словамъ „Нов.“, — съ будущаго академическаго года, въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго къ будущему 1900 году будетъ передана и вся ветеринарная часть Имперіи, вообще. Одновременно съ передачею ветеринарныхъ институтовъ будетъ установлено единство общеобразовательнаго ценза для поступающихъ въ нихъ наравнѣ съ другими высшими учебными заведеніями и усилены будутъ ихъ учебно-вспомогательныя средства.

— Московскія газеты сообщаютъ, что послѣднимъ распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія по московскому округу предписано начать экзамены на 8 дней позднѣе назначеннаго раньше срока. Такимъ образомъ, пушкинскія юбилейныя торжества придутся въ самый разгаръ экзаменовъ. Рѣшено распустить учениковъ во время юбилейныхъ торжествъ на 3 дня.

— Въ мѣстности Заволжья, въ которыхъ распространилась цынга, учрежденія „Краснаго Креста“ высылаютъ пожертвованія частныхъ лицъ въ видѣ значительныхъ запасовъ кислой капусты и лимоновъ. Желѣзныя дороги предоставили этого рода перевозкамъ особо пониженный тарифъ по $^1/_{150}$ к. съ пуда и версты.

— Попечительство императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, по примѣру предшествовавшихъ шести лѣтъ, снаряжаетъ съ мая мѣсяца глазные отряды въ разныя мѣстности Имперіи для подачи безплатной врачебной и оперативной помощи страждущимъ глазами. Предполагается снарядить около 35 отрядовъ, изъ которыхъ нѣкоторые посылаются въ Томскую губ., на Алтай и въ Туркестанъ. Пожертвованія на отряды принимаются въ канцеляріи попечительства (Большая Конюшенная, д. 1, кв. 24), гдѣ можно получать также и отчеты о дѣятельности отрядовъ.

— Св. Синодомъ установлены особыя правила относительно избранія и утвержденія почетныхъ членовъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ отдѣленій, а равно и правъ упомянутыхъ лицъ. Согласно этимъ правиламъ, избраніе представляется усмотрѣнію совѣтовъ, а утвержденіе въ этомъ званіи производится епархіальными преосвященными. Точно также почетные члены уѣздныхъ отдѣленій могутъ избираться послѣдними и представляться чрезъ епархіальный училищный совѣтъ на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго.

— Физическая лабораторія петербургскаго университета обогатилась новымъ, весьма цѣннымъ приборомъ, — аппаратомъ для добыванія жидкаго воздуха по системѣ Линде. Стоитъ приборъ около 2,000 рублей.

— По слухамъ, преимущество проектируемой министерствомъ финансовъ системы взиманія акциза съ пива по суслу въ фискальномъ отношеніи состоитъ въ томъ, что различные сорта пива облагаются налогомъ уравнительнымъ соотвѣтственно качеству пива, и въ доходъ казны поступаетъ полностью установленная ставка, вслѣдствіе чего увеличеніе или уменьшеніе дохода можетъ зависѣть лишь отъ умноженія или сокращенія потребленія пива. Затѣмъ, въ случаѣ надобности, система эта даетъ возможность съ приблизительною точностью контролировать правильность произведеннаго учета акциза повѣркою экстракта и спирта, какъ въ бродящемъ, такъ и готовомъ пивѣ.

— Какъ сообщаютъ „Спб. Вѣд.“, на 2 іюня окончательно рѣшено созвать въ Петербургѣ международную конференцію для выработки на зимній періодъ 1899—1900 годовъ росписанія поѣздовъ. Конференція эта имѣетъ цѣлью установить росписаніе какъ для прямого заграничнаго сообщенія, такъ, вообще, для удобнаго согласованія въ пограничныхъ пунктахъ русскихъ поѣздовъ съ поѣздами заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ. Представителями отъ министерства путей сообщенія на конференціи назначены: предсѣдатель управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ В. А. Мясоѣдовъ-Ивановъ, начальникъ отдѣла движенія К. К. Буберъ и дѣлопроизводитель этого отдѣла И. Е. Ивановъ. Для выработки программы занятій конференціи, а также пріема и чествованія представителей иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ организуется распорядительный подъ предсѣдательствомъ барона Каульбарса комитетъ.

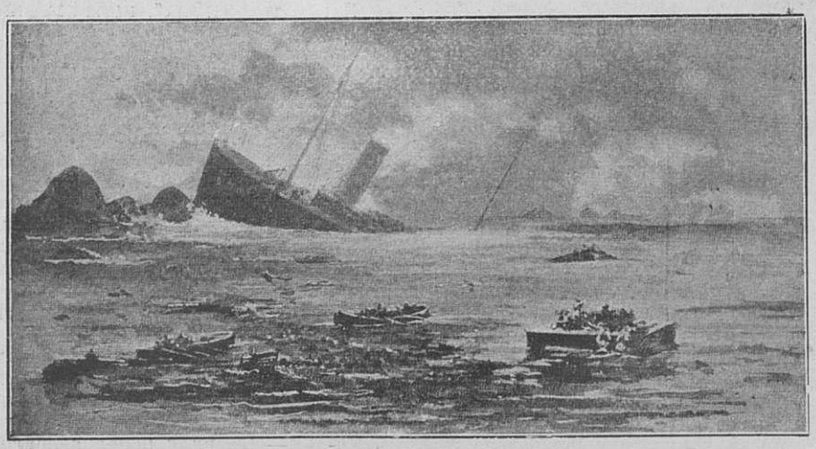
— „Уралу“ пишутъ, что въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи, — согласно послѣднимъ донесеніямъ мѣстнаго продовольственнаго совѣщанія — число крестьянскихъ лошадей, благодаря безкормицѣ и распродажамъ, убыло болѣе чѣмъ на половину. Въ первыхъ числахъ марта всѣхъ безлошадныхъ дворовъ въ уѣздѣ насчитывалось уже около 20 тысячъ. Убыль скота продолжаетъ возрастать и прекратится, вѣроятно, не ранѣе появленія свѣжаго зеленаго корма. Помимо разныхъ другихъ невзгодъ, населеніе уѣзда сильно терпитъ также отъ недостатка топлива, за отсутствіемъ котораго крестьяне стали рубить жилыя избы. Въ виду такой крайности, мѣстное продовольственное совѣщаніе возбудило ходатайство о безпрепятственномъ отпускѣ нуждающимся топлива изъ расположенныхъ въ уѣздѣ казенныхъ лѣсныхъ дачъ.

— Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія по учрежденіямъ Императрицы Маріи разъяснила, что народныя чтенія и публичныя лекціи, не заключающія въ своей программѣ какихъ-либо увеселеній, въ противоположность литературнымъ утрамъ и вечерамъ, упоминаемымъ въ § 2 дѣйствующихъ правилъ взиманія благотворительнаго сбора къ увеселеніямъ не относятся и потому, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 5 мая 1892 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, благотворительному сбору не подлежатъ.

— Храмъ Воскресенія, что на Екатерининскомъ каналѣ, сооружался по первоначальному плану на пожертвованіе частныхъ лицъ и высочайшихъ особъ, но послѣ нѣкоторыхъ осложненій въ ходѣ постройки, собранныхъ суммъ оказалось недостаточно, вслѣдствіе чего, съ 1896 г. послѣдовали на этотъ предметъ ассигнованія изъ средствъ государственнаго казначейства. По § 22 расходной смѣты департамента государственнаго казначейства, на довершеніе работъ по сооруженію храма на мѣстѣ смертельнаго пораненія въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра II ассигновано: въ 1896 г.—200,000 р., въ 1897 году—565,890 р., въ 1898 г.—563,750 р., въ 1899 г.—563,750 р.; всего — 1.893,390 р.

— Высочайше учрежденною коммиссіею по участію Россіи на всемірной выставкѣ въ Парижѣ утверждено, по словамъ газетъ, ассигнованіе профессору Докучаеву пособія въ размѣрѣ 2,200 руб. на составленіе коллекцій и матеріаловъ по почвовѣдѣнію и дополнительно 500 руб. для поѣздки на Кавказъ и въ Туркестанъ въ теченіе нынѣшняго лѣта съ цѣлью собранія разнаго почвеннаго матеріала для демонстрированія вертикальныхъ почвенныхъ зонъ въ русскомъ отдѣлѣ упомянутой выставки.

— Служащіе нижегородскаго участка тяги Московско-Нижегородской желѣзной дороги, въ томъ числѣ мастеровые и рабочіе, изъявили согласіе на отчисленіе изъ получаемаго содержанія % въ теченіе апрѣля, мая, іюня, іюля и августа текущаго года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ Россіи. По слухамъ, передаваемымъ „Волгаремъ“, этому благому примѣру послѣдуютъ и служащіе другихъ службъ и отдѣловъ соединенныхъ дорогъ Московско-Курской, Нижего-



Погруженіе „Стеллы“ на дно.

Пропитываніе духами холоднымъ способомъ.

городской и Муромской, гдѣ всѣхъ служащихъ насчитывается въ обыкновенное время при нормальномъ движеніи около 20,000 человѣкъ.

— Для помощи голодающимъ въ Либавѣ образовался особый комитетъ,который командировалъ на Страстной седмицѣ около 150 лицъ съ кружками за сборомъ по всему городу.

— Согласно проектированному министерствомъ финансовъ попудному обложенію табака акцизомъ, какъ мы слышали, разрѣшается обмѣнъ испорченныхъ на фабрикѣ бандеролей на новыя, но не иначе, какъ по предъявленіи фабрикантомъ акцизному надзору испорченныхъ бандеролей и по уплатѣ 1/4 коп. за каждую предъявляемую къ обмѣну полоску.

— Въ текущемъ году въ предѣлахъ средне-и западно-сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ, согласно предложенію особой коммиссіи, засѣдавшей по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ инженера тайнаго совѣтника Михайловскаго, будетъ приступлено къ производству новыхъ работъ, признанныхъ этою коммиссіею необходимыми для усиленія пропускной и провозной способности сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Нѣкоторыя изъ сельскихъ обществъ Изюмскаго уѣзда, владѣющія земельными надѣлами, въ которыхъ обнаружены были залежи минеральныхъ богатствъ, пригласили въ нынѣшнемъ году на свой счетъ особыхъ спеціалистовъ для геологическихъ изслѣдованій. Изслѣдованія эти уже начались и, какъ слышалъ „Южн. Кр.“, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увѣнчались хорошимъ успѣхомъ.

— 14 апрѣля, въ помѣщеніи Императорскаго общества архитекторовъ, открылась выставка представленныхъ на объявленный обществомъ конкурсъ проектовъ памятника отцу гомеопатіи доктору Самуилу Ганнеману. На конкурсъ представлено 10 проектовъ. Кромѣ перечисленныхъ, ожидается еще одинъ проектъ изъ провинціи, о чемъ въ общество поступило уже заявленіе.

— Въ фондъ Имени Императора Александра III, предназначенный на церковное и школьное строительство въ районѣ сибирской желѣзной дороги, съ начала Великаго поста поступило пожертвованій на покрытіе расходовъ по постройкѣ неоконченныхъ въ этомъ районѣ 79 церквей и 33 школъ— около 50,000 р., въ счетъ недоставшихъ на сей предметъ 250,000 р. Такимъ образомъ все еще не хватаетъ 200,000 руб., чтобы обезпечить непрерывный ходъ дѣла. Изъ нихъ къ наступающему строительному періоду нужно около 100,000 р.

Пусть всѣ тѣ, кто имѣетъ достатокъ, вспомнятъ въ эти великія, торжественно-праздничныя дни духовныя нужды сибирскихъ переселенцевъ и пришлютъ свои посильныя лепты на святое дѣло облегченія этихъ нуждъ. Если каждый, кто прочтетъ эти строки, пожертвуетъ на это хотя бы всего одинъ рубль, то можно разсчитывать, что наберется сумма приблизительно достаточная для продолженія постройки начатыхъ церквей, и не нужно будетъ, въ такомъ случаѣ, останавливать сооруженіе большей ихъ части. Пожертвованія въ названный фондъ принимаются въ канцеляріи комитета министровъ (Маріинскій дворецъ, С.-Петербургъ).

— 17 апрѣля исполняется 25-лѣтіе со дня установленія у насъ гербовыхъ марокъ, а въ первое полугодіе дѣйствія гербоваго устава 71 апрѣля 1874 года (съ 1 іюля 1875 г. по 1 января 1876 г.) было продано гербовой бумаги сорока-копѣечнаго достоинства — 1.119,086 листовъ и марокъ въ 40 коп. — 2.416,533 штуки; въ 1891 же году гербовой бумаги по 80 коп. продано 74,2.5 листовъ и гербовыхъ марокъ по 80 коп. — 8.720,800 штукъ; въ 1895 г. гербовой восьмидесятикопѣечной бумаги продано лишь 45,120 листовъ, а марокъ въ 80 коп. уже 10.113,420 штукъ.

— Для разсмотрѣнія дѣлъ по дополнительному промысловому налогу, министерство финансовъ, по соглашенію съ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, признало возможнымъ ограничиться назначеніемъ представителей отъ горнаго вѣдомства лишь въ общія присутствія казенныхъ палатъ.

— На памятникъ покойному основателю попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, К. К. Гроту, среди его почитателей, до настоящаго времени собрано 6,376 руб. 57 3/4 к. Пожертвованія на этотъ предметъ принимаются въ канцеляріи попечительства (Большая Конюшенная ул., д. № 1, кв. 24).

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія вносится въ Государственный Совѣтъ представленіе о продолженіи отпуска Императорскому русскому историческому обществу ежегодной правительственной субсидіи на изданіе историческихъ документовъ и матеріаловъ въ размѣрѣ 6,000 руб. въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1 января 1900 г.

— Въ настоящее время, по иниціативѣ крупныхъ столичныхъ коммерсантовъ, возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Петербургѣ постояннаго промышленнаго музея, для ознакомленія русской публики и иностранцевъ, посредствомъ особыхъ образцовъ, съ современной фабрично-заводской производительностью Россіи.

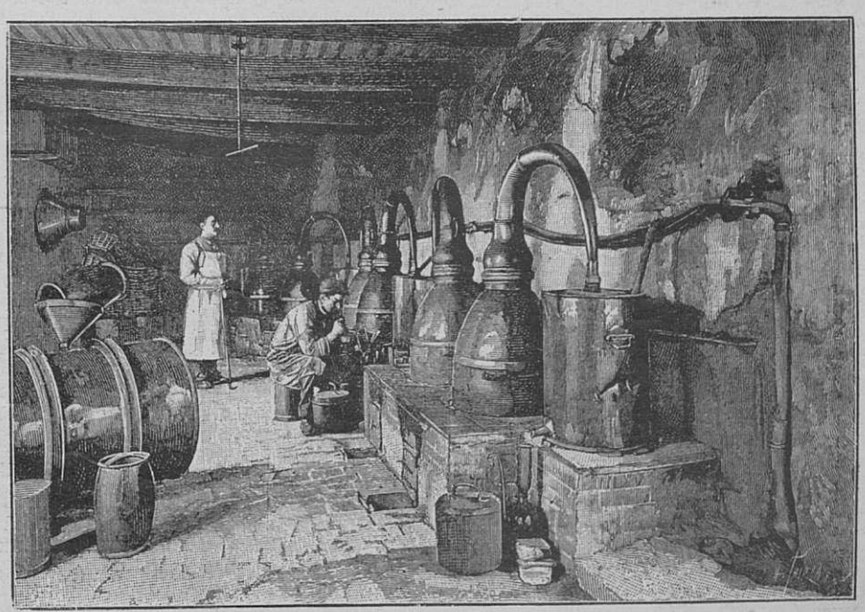
— Въ непродолжительномъ времени будетъ введенъ въ дѣйствіе новый тарифъ, взамѣнъ нынѣ дѣйствующаго, для проѣзда пассажировъ I и II классовъ въ особыхъ скорыхъ безпересадочныхъ поѣздахъ, обращающихся въ прямомъ сообщеніи между Москвою и Иркутскомъ, въ направленіи черезъ Тулу—Батраки—Челябинскъ.

— Представители горной промышленности южной Россіи ходатайствуютъ о разрѣшеніи производить нагрузку и выгрузку судовъ въ Маріупольскомъ и Бердянскомъ портахъ Азовскаго моря въ теченіе круглыхъ сутокъ, какъ днемъ, такъ и въ ночное время. Въ связи съ этимъ проектируется завести въ этихъ портахъ электрическое освѣщеніе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Въ „Новостяхъ“ напечатанъ текстъ духовнаго завѣщанія, имѣющаго общественный интересъ, покойнаго публициста М. О. Михневича. „Все движимое имущество, какое послѣ меня окажется, въ чемъ бы оно ни заключалось и гдѣ-бы ни находилось, кромѣ библіотеки и капитала, я завѣщаю въ полную собственность любезнѣйшей женѣ моей, Елизаветѣ Николаевнѣ Михневичъ. Принадлежащую мнѣ библіотеку, вмѣстѣ со шкафами, въ которыхъ она помѣщается, я отказываю въ собственность „Русско-литературному обществу“, съ тѣмъ, чтобы она всегда была сохранена, а въ случаѣ ликвидаціи означеннаго общества передана въ распоряженіе литературнаго фонда, который благоволитъ тѣмъ или инымъ способомъ обратить мою библіотеку въ пользованіе писателей.

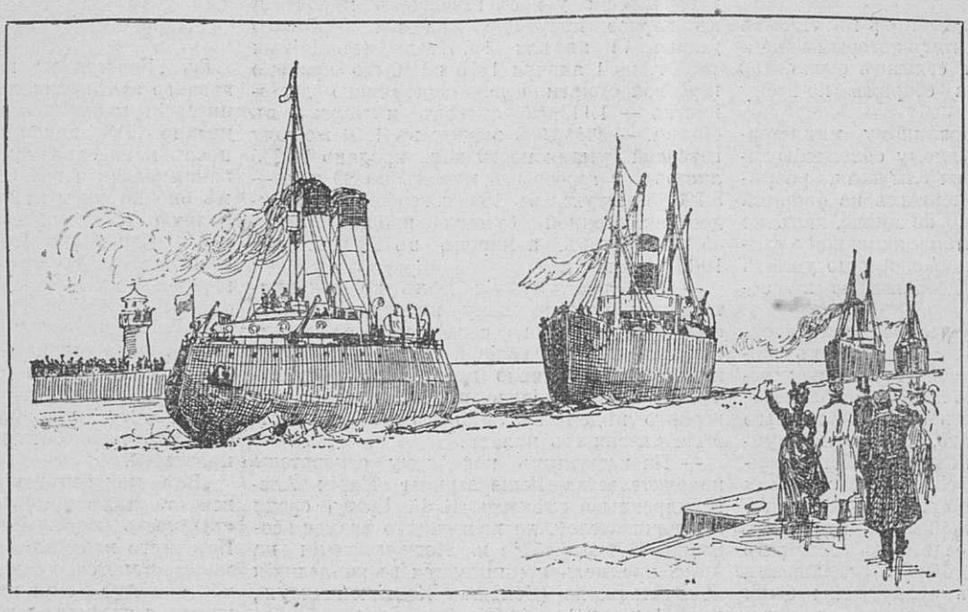
„Всѣ мои сочиненія и изданія, а равно всю отъ нихъ прибыль я завѣщаю въ собственность женѣ Елизаветѣ Николаевнѣ. Изъ всего капитала, если таковой послѣ меня останется, въ чемъ-бы онъ ни заключался и гдѣ-бы ни находился, одну третью часть я завѣщаю въ собственность женѣ моей Елизаветѣ Николаевнѣ, а двѣ трети онаго — ей-же въ пожизненное владѣніе; въ собственность-же двѣ трети моего капитала я отказываю обществу литературнаго фонда. Принадлежащій мнѣ домъ, состоящій въ С.-Петербургѣ, петербургской части,



Дистиллированіе цвѣтовъ.

третьяго участка, по Песочной улицѣ и набережной рѣки Карповки, я завѣщаю женѣ моей Елизаветѣ Николаевнѣ въ одной третьей части въ собственность, а въ двухъ третьихъ частяхъ въ пожизненное владѣніе; тъ собственность-же эти двѣ трети части отказываю „Обществу литературнаго фонда“; при этомъ предоставляю Елизаветѣ Николаевнѣ право, если она пожелаетъ, означенный домъ со всѣми постройками и землею продать и изъ вырученнаго отъ таковой продажи капитала одну третью часть получить въ свою собственность, а двѣ трети онаго, какъ собственность литературнаго фонда, должны быть обращены въ государственныя или правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги и внесены на храненіе въ государственный банкъ; проценты съ этого капитала получаетъ пожизненно жена моя Елизавета Николаевна. Я желалъ-бы, чтобы завѣщанный мною въ собственность „Общества литературнаго фонда“ капиталъ былъ обращенъ на устройство въ С.-Петербургѣ общежитія для нуждающихся литераторовъ, впавшихъ въ инвалидность“.

— С.-петербургскіе, московскіе и одесскіе художники, представители мѣстныхъ художественныхъ обществъ, вошли въ соглашеніе относительно устройства нынѣшнимъ лѣтомъ выставки картинъ русскихъ художниковъ въ Парижѣ и Прагѣ. Иниціатива устройства этой выставки принадлежитъ редакціи журнала „Искусство и художественная промышленность“. Открытіе ея въ Парижѣ предполагается въ концѣ мая, а въ Прагѣ — въ началѣ іюля. Кромѣ значительнаго числа картинъ, которыя ожидаются для этой выставки отъ одесскихъ и московскихъ художниковъ, для нея предназначены всѣ картины, фигурировавшій на закрывшейся 27 передвижной выставкѣ и академической.



„Ермакъ“ пробиваетъ путь для трехъ торговыхъ пароходовъ.

— **А. Н. Клюкинъ.** 8 апрѣля скончался молодой писатель Александръ Николаевичъ Клюкинъ. Покойный происходилъ изъ дворянской семьи. Сильно нуждаясь въ средствахъ, онъ принужденъ былъ изо дня въ день выносить тяжелую работу мелкаго почтоваго чиновника. Несмотря на слабое здоровье и природный физическій недостатокъ (горбъ), онъ находилъ время еще давать уроки и работать на литературномъ поприщѣ. Его разсказы помѣщались въ „Жив. Обозр.“ и „Сынъ Отеч.“, и еще въ прошломъ нумерѣ нашего журнала былъ напечатанъ его разсказъ „Забытый долгъ“.

М. Е. САЛТЫКОВЪ.

Имя Михаила Евграфозича Салтыкова хорошо и близко знакомо всей мыслящей и читающей Россіи; произведенія Н. Щедрина, пользовавшіяся такою огромной популярностью при жизни талантливаго сатирика, до сихъ поръ не утратили еще своей свѣжести и значенія и до сихъ поръ имѣютъ огромный кругъ читателей; поэтому въ десятую годовщину дня его кончины, исполняющуюся 10 апрѣля, будетъ умѣстно въ краткихъ словахъ напомнить читателю отдѣльные моменты изъ жизни и творчества покойнаго писателя.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15 января 1826 года въ дворянской семьѣ. Дѣтскіе годы прошли подъ кровомъ роднаго гнѣзда вплоть до поступленія въ 1836 г. въ московскій дворянскій институтъ. Но въ институтѣ Салтыковъ пробылъ не долго, и черезъ два года мы видимъ его уже питомцемъ царскосельскаго лицея. Еще на лицейской скамьѣ обнаружилась въ немъ склонность къ литературѣ и появились первые опыты въ стихахъ. По окончаніи въ 1844 г. лицейскаго курса Салтыковъ былъ зачисленъ на службу въ канцелярію военнаго министра. Первымъ печатнымъ произведеніемъ, написаннымъ въ это время, была повѣсть „Противорѣчія“, появившаяся въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 г., въ которыхъ онъ ранѣе еще дебютировалъ мелкими рецензіями и статьями библіографическаго характера.

Черезъ годъ послѣ появленія повѣсти „Противорѣчія“ въ томъ же журналѣ 1848 г. за подписью *М. С.* печатается вторая повѣсть „Запутанное дѣло“. „Въ мартѣ мѣсяцѣ я, вспоминаетъ Щедринъ, написалъ повѣсть „Запутанное дѣло“, а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія“. Зачисленіе это произошло „по обстоятельствамъ, независящимъ отъ нашего писателя“, и вынужденный отъѣздъ изъ Петербурга Салтыкова состоялся въ апрѣлѣ 1848 года. Семь лѣтъ продолжался „вятскій плѣнъ“ Салтыкова, до 1856 г., когда онъ былъ уволенъ отъ должности совѣтника губернскаго правленія и получилъ возможность свободнаго передвиженія. Въ томъ же 1856 году „надворный совѣтникъ Щедринъ“ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ первые изъ своихъ „Губернскихъ очерковъ“, сразу создавшихъ ему огромную извѣстность. Съ момента появленія „Губернскихъ очерковъ“ начинаются годы обильной журнальной работы, которой Салтыковъ, оставя службу, отдается всецѣло. Особенно обильными были годы 1863 и 64 г.; одинъ только сухой перечень произведеній, написанныхъ за эти годы, занялъ бы слишкомъ много мѣста. Отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіяся произведенія этого періода въ родѣ „Невинныхъ разсказовъ“, оставляя всю ту массу чисто журнальной работы въ „Современникѣ“, которая поглотила всего Щедрина. Съ закрытіемъ „Современника“ и переходомъ въ 1866 г. всей редакціи въ арендованныя Некрасовымъ у Краевскаго „Отеч. Записки“, Салтыковъ становится во главѣ изданія и несетъ нелегкія обязанности редактора, оставаясь таковымъ до самаго закрытія „Отеч. Запис.“ въ 1884 г. Вся его жизнь сосредоточилась въ журналистикѣ, — ей онъ отдалъ всѣ свои силы и весь свой яркій, сильный талантъ, который за этотъ періодъ времени достигъ высшаго своего развитія. Все написанное Салтыковымъ, все, на чемъ основана его извѣстность среди русской читающей и мыслящей публики, написано имъ именно въ это время наибольшаго подъема его силъ и дарованья. Каждая его строка читалась съ жадностью, каждая статья была желанной гостьей для литературы и публики.

Закрытіе „Отеч. Запис.“ подѣйствовало на него ошеломляющимъ образомъ. Здоровье его было уже подкошено и нравственная энергія ослабѣла въ концѣ. Онъ самъ признается, что закрытіе журнала, съ которымъ онъ сроднился за долгіе года работы, „окончательно сломило“ его. „Недугъ охватилъ со всѣхъ сторонъ и сдѣлался главнымъ факторомъ жизни“. Съ этого времени онъ пишетъ сравнительно мало, помѣщая свои произведенія исключительно почти въ „Вѣст. Евр.“ и „Русскихъ Вѣдом.“

Въ октябрѣ 1887 г. силы совсѣмъ оставили его, появилось сознаніе близкой смерти, и уже наканунѣ смерти, слабѣющей рукой онъ пишетъ свои послѣднія „Забытыя слова“, которымъ суждено было оборваться на первыхъ же страницахъ. Смерть подошла къ нему незамѣтно, и въ первыхъ числахъ мая 1889 г. на Волковскомъ кладбищѣ собралась многолюдная толпа народа, чтобы отдать послѣдній долгъ тому, кто, по словамъ поэта, всю жизнь вѣрный себѣ, шелъ по намѣченному пути, „со зломъ общественнымъ въ борьбѣ, карая подлости заразу“.

На могилѣ Салтыкова, согласно выраженному имъ еще при жизни желанію, поставленъ памятникъ съ бронзовымъ бюстомъ работы скульптора Беренштама.

Н. Н.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Весна идетъ! Съ картины *В. Лаппе.*

Надъ необъятною пустыней океана
Съ кошницею цвѣтовъ проносится весна,
Роняя ихъ на грудь угрюмаго титана...
Увы, не для него, веселія полна,
Любовь и счастіе несетъ съ собой она!
Иные есть края, гдѣ горы и долины,
Иное царство есть, гдѣ ждетъ ее привѣтъ...
Трезубецъ опустивъ, онъ смотритъ ей во слѣдъ...
Разгладились чела глубокія морщины, —
Она жъ летитъ, что сонъ—вся красота и свѣтъ—
Нетерпѣливый взоръ куда-то вдаль вперяя
И бога мрачнаго какъ будто и не зная...

А. Майковъ.

На подножномъ кормѣ.

Привольно и весело на зеленомъ коврѣ покрытаго душистой травою луга этимъ четвероногимъ друзьямъ человѣка. Вся картина полна солнца и красокъ, сочетанія которыхъ такъ хорошо переданы артистической фотографіей въ Парижѣ.

Свиданіе.

Мигъ желанной встрѣчи. Прекрасныя слова, увѣренія и пылкія рѣчи. А далѣе... далѣе проза жизни... И невольно вспоминаются слова поэта:

Только утро любви хорошо, хороши
Только первыя робкія встрѣчи,
Трепеть дѣвственно чистой стыдливой души,
Недомолвки и бѣглыя встрѣчи,
Перекрестныхъ намековъ и взглядовъ игра,
То надежда, то ревность слѣпая...

На кладбищѣ. Рисунокъ *Бролина.*

Старое, бѣдное кладбище. На родныя могилки собрался народъ, чтобы въ день великаго праздника принести свой послѣдній привѣтъ почившимъ. Сюда подъ сѣнь убогихъ крестовъ и покосившихся могилъ идетъ и старъ и младъ, и богатый и бѣдный — у всѣхъ есть кого навѣстить, о комъ помянуть съ тихою грустью.

„Не для меня придетъ весна“. Рисунокъ *М. Іоффе.*

Какъ бы въ дополненіе къ предыдущей картинѣ служитъ рисунокъ художника М. Іоффе. Весна любви пришла, померкло лучезарное утро — и остались однѣ утраты, горечь слезъ, безмолвная ревность и страданія...

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Гос. Публичная

№ 4. — Апрѣль. — Приложеніе къ журналу «Живописное Обозрѣніе» за 1899 годъ. — Апрѣль. — № 4.

1) **Весенняя пелерина.** Матеріаломъ для изящной пелерины послужило сукно цвѣта геліотропъ. Отдѣлка ея состоитъ изъ настроченныхъ суконныхъ біэ и венеціанскаго желтоватаго гипюра. Пелерина окаймлена воланомъ серпантинъ и спереди расходится на двухъ прямыхъ полосахъ, тоже отдѣланныхъ кружевомъ и біэ. Такая же отдѣлка на плечахъ, ниже небольшого воротника, окаймленнаго біэ. Высокій воротникъ Медичи заполненъ внутри кружевнымъ рюшемъ, который спереди кончается небольшимъ жабо.

2) **Костюмъ для прогулки.** Платье изъ сѣроземеной, затканной узоромъ шерстяной матеріи сшито фасономъ пренсессъ и застегивается съ боку. Темныя атласныя біэ окаймляютъ передъ лифа, состоящій изъ трехъ паттъ, изъ-подъ которыхъ видна шемизетка. Такое же біэ идетъ вокругъ волана серпантинъ, суживающагося назадъ. Рукава отдѣланы вверху атласнымъ біэ, а у кисти руки, кончаются угломъ. Большой галстухъ изъ желтоватаго газа. Шемизетка кончается спереди атласнымъ поясомъ.

1. Весенняя пелерина. 2. Костюмъ для прогулки.

3—8. **Новѣйшіе фасоны весенних и лѣтних шляпъ.**

9) **Нарядная денная рубашка.** Низкій вырѣзъ рубашки спереди заполненъ вставкой изъ батиста и прошивокъ. Узенькія складочки дѣлаютъ края прочнѣе. Съ боковъ вставки находятся косыя полосы батиста, положенныя въ складочку, къ нимъ пришиваются отвороты, отдѣланные прошивками и кружевами. Отвороты ложатся на узенькіе рукава, прикроенные къ рубашкѣ. Воротъ рубашки обшитъ кружевами.

10) **Пеньюаръ безъ рукавовъ.** (Съ выкройкой). Нашъ образецъ дѣлается изъ нансука, цвѣтного или бѣлаго, безъ подкладки и состоитъ изъ двухъ полосъ, передняя украшена кокеткой. Застежка на лѣвомъ плечѣ. По сторонамъ обѣ полосы соединены паттами. Складочки и широкій воланъ служатъ отдѣлкой пеньюара.

11) **Бисерная бахрома** для отдѣлки платьевъ. Весьма легко приготовить дома изъ крупнаго и мелкаго бисера. Цвѣтъ бисера безразличенъ и зависитъ отъ вкуса.

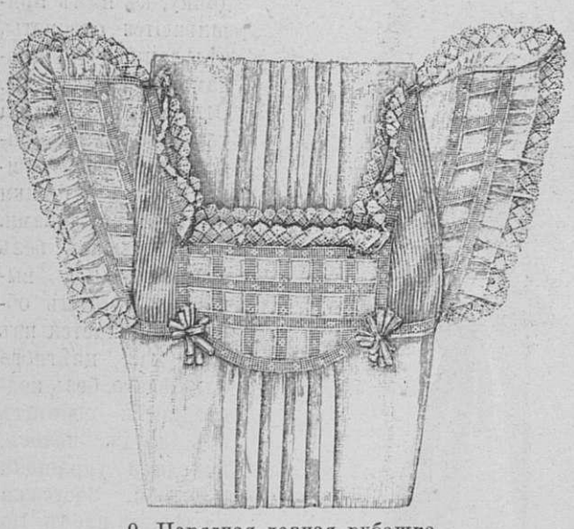
12) **Дорожное или весеннее пальто.** Пальто дѣлается изъ

сѣраго сукна, отдѣлывается отворотами, кокеткой и стоячимъ воротникомъ изъ темносѣраго муара. Въ подолѣ пальто прострочено; съ боковъ оно снабжено кармашками съ простроченными паттами. Круглая кокетка окаймлена тремя воротниками различной ширины. Пальто застегивается на крючки; большія пуговицы служатъ украшеніемъ или могутъ быть застежкой.

3—8. Новѣйшіе фасоны весеннихъ и лѣтнихъ шляпъ.

13) **Городской туалетъ.** Весьма практичный костюмъ дѣлается изъ темносиняго шевіота съ бѣлыми узенькими полосками. Отдѣлка изъ чернаго, широкаго шерстяного галуна. Юбка имѣетъ въ подолѣ 4 аршина 2 вершка ширины (288 центиметровъ), подбита альпага и состоитъ изъ передняго, двухъ боковыхъ (по одному съ каждой стороны) и задняго, безъ шва, полотнища, которое положено въ двѣ складки. Прорѣшка застегивается на крючки и помѣщается съ лѣвой стороны передняго полотнища. Пальто застегивается спереди на подшитыя петли и небольшія пуговицы. Небольшіе отвороты. Рукавъ подбитъ на 10 центиметровъ холстомъ. Всѣ края прострочены, а сверху пашитъ галунъ. Пальто на шелковой подкладкѣ. Полотняная шемизетка съ синимъ галстухомъ. Черная соломенная шляпа отдѣлана лентами. Темныя перчатки.

16) **Нарядный туалетъ.** Платье изъ сѣросеребристаго бенгалина съ гипюровой отдѣлкой. Юбка скроена изъ одного куска и подбита шелкомъ. Тюникъ кроится фасономъ пренсессъ и открывается на вставкѣ изъ вышитаго блестками сатина. Спинка сшивная. Передъ скрещивается и застегивается съ боку на стразовыя пуговицы. Воротъ обшитъ кружевами. Стоячій воротникъ. Тюникъ обшитъ кружевнымъ воланомъ. Черная бархатная шляпа отдѣлана черными перьями, пристегнутыми стразовой пряжкой.



9. Нарядная дешная рубашка.

17—18—19) **Платье съ бархатной отдѣлкой.** Изящное платье дѣлается изъ синей шерстяной матеріи и отдѣлывается черными бархатными лентами въ вершокъ ширины и отворотомъ и строячимъ воротникомъ изъ бѣлаго атласа, покрытаго желтоватымъ кружевомъ. Тюникъ окаймленъ складочками и вшивается въ одинъ поясъ съ юбкой. Лифъ отдѣланъ круглевнымъ отворотомъ и складочками ниже бархатныхъ полосъ. Нѣсколько пошире складочки украшаютъ рукава. Бархатный поясъ застегнутъ подъ розеткой.

20—21) **Весенняя пелерина.** (Съ выкройкой). Пелерина дѣлается изъ сукна песочнаго цвѣта и отдѣлывается красивой вышивкой application изъ атласа потемнѣе. Воротникъ подбитъ внутри атласомъ, покрытымъ гипюромъ. Пелерина подбита зеленымъ дама; застегивается она на крючки.

22. **Англійскій костюмъ.** (Съ выкройкой).

11. Бисерная бахрома.

Платье шьется изъ полосатой англійской ткани. Лифъ съ фракомъ. Правая сторона заходитъ на лѣвую, образуя отвороты. Юбка гладкая на подкладкѣ. Лифъ застегивается на пуговицы, которыя нашиваются съ обѣихъ сторонъ. Рукава слегка собраны у плеча и прострочены, какъ-бы образуя манжетку. Вырѣзъ у ворота заполняется манишкой.

23) **Юбка, отдѣланная аграмантомъ.** Шелковый аграмантъ, нашитый въ видѣ тюника на юбку, придаетъ ей красоту и изящество. На нашемъ образцѣ аграмантъ положенъ такъ, что онъ будто окаймляетъ настоящій тюникъ, а внизу съ обѣихъ сторонъ юбки нашиты отдѣльныя фигуры изъ аграманта.

24—25) **Весеннее пальто.** Пальто шьется изъ сукна песочнаго цвѣта и вышивается шелкомъ, нѣсколько потемнѣе цвѣтомъ. Вышивка окаймляетъ края кофточки и идетъ по всѣмъ швамъ. Пальто застегивается на двѣ большія стекляныя пуговицы. Части пальто не сшиваются вмѣстѣ, а настрачиваются одна на другую. Воротникъ и рукава также вышиты по швамъ.

26—27) **Весенняя шляпа и зонтикъ.** Черная волосяная шляпа приподнята съ одного бока, густо покрыта страусовыми перьями и съ одного бока отдѣлана букетомъ розовыхъ астръ, который отчасти ложится на волоса. Сзади поднимается бѣлая эгретка и букетъ стоячихъ черныхъ перьевъ. Ручка зонтика изъ воронепаго серебра, деревянная палочка не-

10. Пеньюаръ безъ рукавовъ.

обдѣлана, но полирована темнымъ. Шелковый верхъ затканъ атласными клѣтками.

28) **Весенній городской туалетъ.** Платье изъ легкой шерстяной матеріи сѣраго цвѣта, отдѣлано бѣлымъ. Не смотря на кажущуюся безцвѣтность, соединеніе этихъ двухъ красокъ чрезвычайно изящно. Гладкая юбка покрыта остроконечнымъ сзади и спереди тюникомъ, который окаймленъ бѣлой вышивкой. Лифъ сзади гладкій, спереди образуетъ блузу; вокругъ тальи бѣлый атласный поясъ, завязанный на боку бантомъ. Передніе края блузы вышиты и слегка перекрещиваются. Вырѣзъ у ворота заполненъ

бѣлой, атласной шемизеткой, положенной въ складку. На плечи падаетъ воротникъ, вырѣзанный зубцами и окаймленный вышивкой. На узкихъ рукавахъ вышивка

12. Дорожное или весеннее пальто.

повторяется вверху два раза, внизу разъ.

30) **Денная рубашка.** Вороть рубашки вырѣзанъ спереди квадратно, а сзади кругло и обшитъ прошивкой, къ которой съ обѣихъ сторонъ у ворота спины пристрочена вышивка. Вставка изъ вышивки и полосы складокъ дополняетъ передній воротъ рубашки. Эполеты падаютъ на короткіе рукава и состоятъ изъ широкой вышивки, скошенной къ низу.

31–32) **Панталоны.** (Съ выкройкой). Панталоны шьются изъ нансука и отдѣлываются вышивкой и прошивкой. Въ дырочки прошивки продергивается узенькая ленточка.

33) **Денная рубашка.** Вороть рубашки, скроенной безъ рукавовъ, слегка собранъ и обшитъ широкой вышивкой, которая спереди и сзади имѣетъ полтора вершка ширины, а на плечахъ одинъ вершокъ. Проймы обшиты вышивкой въ одинъ вершокъ ширины. Въ вышивку продернута узенькая ленгочка и завязана спереди бантомъ.

34) **Платьице для дѣвочки 6—7 лѣтъ.** (Съ выкройкой). Матеріаломъ для платьица служитъ полосатая шерстяная, голубая съ бѣлымъ матерія; отдѣлкой служитъ кружево бѣлое сюра и бѣлая атласная лента. Юбка прямая, лифъ-рубашечка. Пелеринка покрыта кружевами ,которыя окаймлены рюшемъ. Бѣлая шелковая шемизетка. Поясъ бѣлый шелковый.

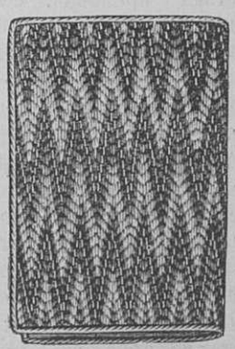
35. **Костюмъ для мальчика 5—6 лѣтъ.** (Съ выкройкой). Костюмъ шьется изъ темно синяго шевіота. Вставка и жилетъ изъ бѣлаго съ синими полосками пике. Жакетка, жилетъ и поясъ отдѣланы красивыми пуговками. Синіе чулки и суконные сапожки.

36. **Вышитое платьице для дѣвочки 2—3 лѣтъ.** Бѣлое батистовое платьице отдѣлано на подолѣ складочками, прошивками и вышивками. Лифчикъ весь дѣлается изъ прошивокъ и складочекъ. Юбочка прямая. Застежка на спинѣ на маленькія пуговки. Рукава на обшивкѣ. Поясъ изъ широкой атласной ленты, завязанной на боку.

13. Городской туалетъ.

37. **Костюмъ съ блузой и болеро.** (Съ выкройкой). Платье изъ сѣро-синей ан-

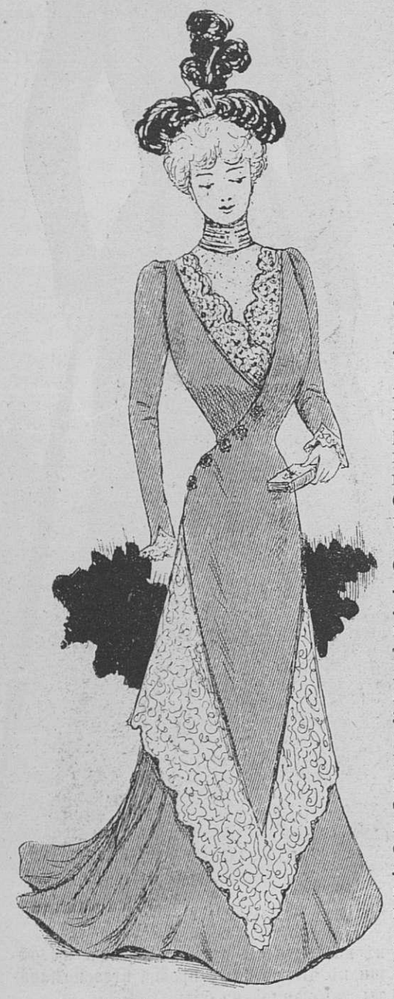
14. Узоръ къ вышитому бумажнику.



15. Книжка для визитныхъ карточекъ.

глійской матеріи, рубашечка изъ бѣлой шелковой матеріи. Юбка кроится короткая и къ ней подшивается воланъ серпантинъ, подбитый альпага, выше его нашитъ другой воланъ, но безъ подкладки. Оба волана окаймлены бѣлымъ суконнымъ кантомъ. Болеро окаймлено бѣлымъ сукномъ и украшено бѣлыми отворотами. Кругомъ идетъ двойная строчка. Воротникъ подбитъ бѣлой шелковой матеріей. Хрустальныя пуговицы.

39—40) **Нарядный лифъ.** (Съ выкройкой). Такой лифъ шьется изъ шелковой матеріи и надѣвается къ бѣлой или черной юбкѣ.



16. Нарядный туалетъ.

Подкладка лифа предпочтительнѣе шелковая. Вставка креповая, собрана въ складки, какъ это видно на рис. 39 и загибъ окайменъ розовымъ шелкомъ. Такой-же рюшъ идетъ вокругъ лифа. Передъ лифа положенъ въ складочки. Эполеты кружевные.

41) **Плащъ для мальчика 2—3 лѣтъ.** Сѣро-зеленая шерстяная матерія (лоденъ служитъ матеріаломъ для плаща, который подбивается зеленымъ атласомъ. Спинка безъ шва. Передніе полы заходятъ одна на другую. Боковые швы прострочены. Широкій отложной воротникъ; пелерина съ отворотами, пристегнутыми пуговицами, и матросскимъ воротникомъ.

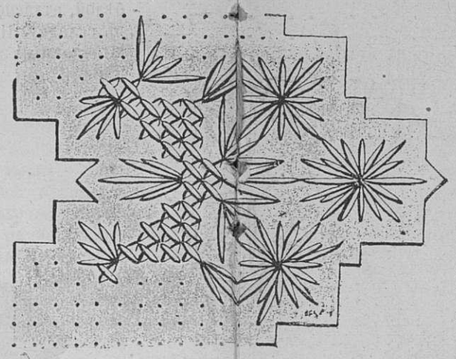
42) **Костюмъ и пальто сакъ для дѣвочки 7—8 лѣтъ.** (Съ выкройкой). Платьице и пальто дѣлаются изъ свѣтло-сѣраго сукна. Для воротника берется бархатъ потемнѣе. Подкладка сѣрая. Дальнѣйшая отдѣлка состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ строчки. Передніе полы заходятъ одна на другую и застегиваются на перламутровыя сѣрыя пуговицы. Шляпа отдѣлана перьями.

43—44—45) **Весенній или дорожный костюмъ, вышитый суташью.** Костюмъ шьется изъ коверткота песочнаго цвѣта и вышивается суташью такого же цвѣта. Довольно узкая юбка отдѣлана четырьмя вышитыми фигурами. Лифъ жакетъ имѣетъ высокій воротникъ и можетъ носиться съ отворотами, расходясь на шемизеткѣ, или совершенно на глухо закрытымъ и застегивающимся съ боку. Жакетъ отдѣланъ вышивкой, отвороты и внутренность воротника муаровые.

46—14) **Вышитый бумажникъ.** Бумажникъ дѣлается изъ бѣлаго атласа, подклееннаго картономъ и покрытаго вышивкой. Подкладка свѣтло-голубая. Узоръ для вышивокъ прилагается. На наружной сторонѣ вышита ваза и гирлянды незабудокъ и примулъ. Внутри такія же гирлянды, будто связанныя лентой, а по угламъ разбросаны маленькія вѣточки. Для бумажника берется кусокъ атласа въ 38½ центиметровъ длины и 16½ центиметровъ ширины, складываютъ его пополамъ, затѣмъ отъ каждой половины загибаютъ для кармана по 8½ центиметровъ. На наружной сторонѣ вышивается ваза и гирлянды, гладью и вѣточнымъ швомъ. Для этого берется чрезвычайно тонкій вышивальный шелкъ. Для вазы требуется четыре золотистыхъ тѣни, для вѣнка нуженъ зеленый шелкъ. Гирлянды будто придерживаются стальными блестками и вышиваются коричневыми и зелеными тѣнями; цвѣты-натуральными тѣнями. На другой сторонѣ можетъ повториться такая же вышивка или вышивается только вензель. На карманахъ вѣтки вышиваются пестрымъ шелкомъ. Затѣмъ изъ картона вырѣзаются еще два куска въ 14 центиметровъ ширины, и съ одной стороны для отворота закругляются. Отвороты покрываются вышитымъ атласомъ. Карманы подбиваются голубой шелковой матеріей. По окончаніи работы весь бумажникъ обшивается голубымъ шнуркомъ и внутри пришиваются двѣ петли для карандаша.

17—18—19. Платье съ бархатной отдѣлкой. 20—21. Весенняя пелерина.

47—29) **Портфель для газетъ.** Смотря повеличинѣ этотъ портфель можетъ служитьдля различныхъ цѣлей. Портфель дѣлается изъ золотистаго плюша. Вокругъ идетъ полоса голубого сукна, вырѣзаннаго зубцами и съ пробитыми дырочками въ ровномъ одна отъ другой разстояніи. Узоръ по сукну вышить крестомъ и длинными стежками золотистымъ шелкомъ разныхъ тѣней и блѣдноголубымъ. Изнанка подбита золотистымъ атласомъ. Четыре крючка съ медальономъ, за нихъ прикрѣплены два шелковыхъ шнурка, они служатъ для придерживанія кармана. На крючки можно что нибудь повѣсить, напр. часы. На верху портфеля помѣщается отрывной календарь; онъ придерживается металическимъ вѣнкомъ. Мы даемъ часть узора для вышивки, но предупреждаемъ, что выборъ узора вполнѣ зависитъ отъ вкуса.



Узоръ портфеля для газетъ.

48—15) **Книжка для визитныхъ карточекъ.** Наружная сторона книжечки вышивается по канвѣ шелкомъ продольными стежками, какъ бы образуя зубцы. Для книжечки берется кусокъ тонкой недѣленой канвы въ 20 центиметровъ ширины и 15 центиметровъ вышины. Стежки захватываютъ шесть нитокъ. Вышивка производится шелкомъ филозель попеременно четырьмя тѣнями сѣро-зеленаго и розоваго цвѣтовъ; затѣмъ желтовато-зеленою тѣнью. Зубцы дѣлятся тонкой золотой ниткой, взятой вдвое. Вышивку подбиваютъ толстымъ марле и пунсовымъ атласомъ, изъ котораго вьутри образуются кармашки. По окончаніи работы вся книжечка обшивается кругомъ довольно толстымъ золотымъ шнуркомъ.

Описаніе раскрашенной картинки модъ.

1) **Городской туалетъ.** Сѣро-синее суконное платье. Юбка гладкая, подбита шелкомъ или альпага. Пелерина изъ такого же сукна какъ и платье, отдѣлывается желтоватыми кружевами гипюръ и буффами. Пелерина придерживается спереди большимъ бантомъ изъ широкой сѣро-синей ленты. Черная фетровая шляпа съ большими полями, отдѣлана черными страусовыми перьями и бархатными петлями.

2) **Нарядный туалетъ для прогулки.** Платье изъ сукна песочнаго цвѣта. Юбка съ тюниками въ видѣ волановъ серпантинъ. Вмѣсто лифа кофточка-болеро. Шелковая рубашечка подъ тѣнь юбки и кофточка. Коричневый поясъ. Перехваты изъ лентъ придерживаютъ болеро. Широкій кружевной рюшъ вокругъ ворота. Свѣтлая соломенная шляпа съ бѣлымъ перомъ и лиловыми бантами.

22. Англійскій костюмъ. 23. Юбка, отдѣланная аграмантомъ. 24—25. Весеннее пальто. 26—27. Весенняя шляпа и зонтикъ.

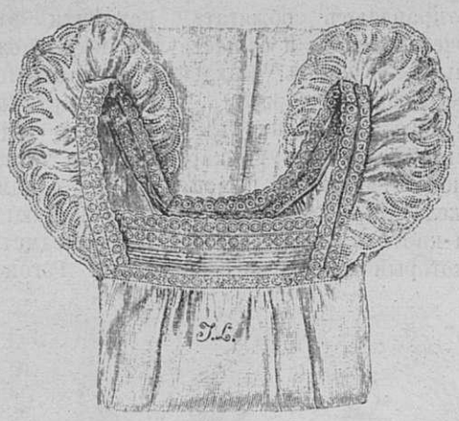
28. Весенній городской туалетъ.

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ.

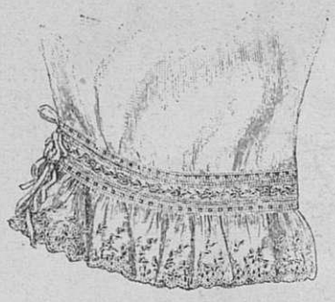
Прохладительные напитки. Муссирующій лимонадъ. Взять чистую винную бутылку и налить ее водою, но не до верху; къ водѣ прибавляютъ двѣ столовыхъ ложки арака, сорокъ граммовъ толченаго сахара, цедру съ одного лимона и шесть граммъ углекислаго натра (чистой соды) Бутылку нужно хорошенько закупорить, обвязать бичевкой и сохранять на ледникѣ или въ крайнемъ случаѣ въ погребѣ. *Апельсинное питье.* Четыре апельсина слѣдуетъ очистить и выжать сокъ изъ нихъ въ штофъ свѣжей воды, прибавляютъ сюда половину очищенной кожицы, полфунта сахару, закрываютъ и оставляютъ такъ на часъ. Затѣмъ настой процѣживается и передъ употребленіемъ на четверть часа ставится на ледъ. *Питье изъ малины.* На штофъ свѣжей воды наливаютъ полъ кварты малиноваго сока, выжимается два лимона; сахаръ прибавляется по вкусу. *Яблочный напитокъ.* Очистить 5—6 хорошихъ яблокъ, разрѣзать ихъ на небольшіе куски и варить ихъ минуть двадцать въ штофѣ воды. Отваръ оставляютъ на полчаса чтобы, устоялся, затѣмъ его процѣживаютъ сквозь салфетку и снова кипятятъ съ полфунтомъ сахара. Когда отваръ простынетъ, къ нему прибавляютъ кварту бѣлаго вина и передъ употребленіемъ ставятъ на ледъ.

Подражаніе рисованію по фарфору. Настоящее рисованіе по фарфору требуетъ не только умѣнія, но и таланта, принадлежитъ къ художественнымъ искусствамъ и не для всѣхъ достижимо. Но можно дѣлать очень красивыя и изящныя вещи и не умѣя рисовать. Въ продажѣ существуютъ картинки, которыя можно просто наклеивать на изразцы, на фарфоровыя тарелки, различную посуду и т. п., разукрашенныя такимъ образомъ предметы отправляютъ обжигать. Картинки эти очень дешевы и существуютъ всевозможныхъ велечинъ. Наклейка производится слѣдующимъ образомъ: каждую картинку слѣдуетъ положить въ тепловатую воду; спустя 10 минутъ картина сама отстанетъ отъ бумаги и останется на одномъ желатинѣ. Бумагу осторожно снимаютъ, а картинку накладываютъ на предметъ, который желаютъ разрисовать. Роговой палочкой картинку разглаживаютъ, острымъ ножомъ обрѣзаютъ оставшійся по краямъ желатинъ, а спустя двое сутокъ предметъ отправляется для обжиганія. Рисунокъ такъ прочно укрѣпляется, что его ничѣмъ не смыть.

Какъ исправить полинявшую фотографію. Полинявшей фотографіи легко можно возвратить свѣжій видъ, если ее опустить въ воду, на половину разбавленную рас-



30. Дѣтская рубашка.

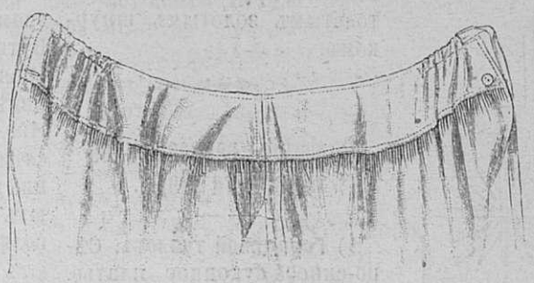


32. Панталоны.

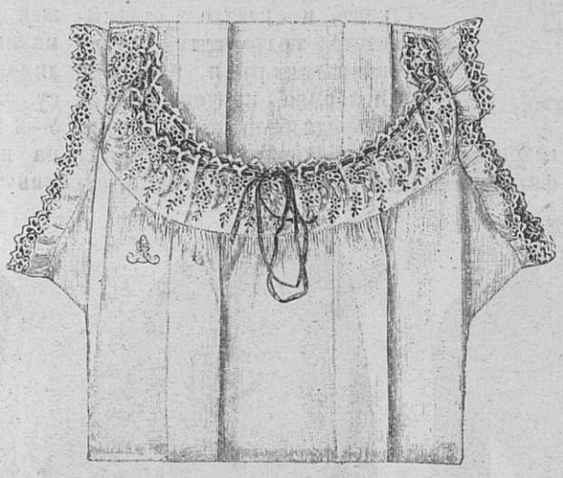
творомъ двухлористой ртути и продержать въ ней до тѣхъ поръ, пока желтыя пятна не исчезнутъ совсѣмъ и не выступятъ на свѣтъ нѣжныя полутѣни. Если невозможно опустить въ воду большую фотографію, достаточно намочить въ этой жидкости пропускную бумагу и покрыть фотографію, повторяя этотъ процессъ, когда бумага высохнетъ, до исчезновенія пятенъ. Разумѣется, стертыя мѣста не могутъ быть возобновлены, но старыя фотографіи вообще реставрируются такимъ образомъ превосходно. Этотъ процессъ повредить картинѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Чистка гипсовыхъ фигуръ. Для чистки гипсовыхъ фигуръ употребляютъ терпентинъ; намочивъ тряпочку въ терпентинѣ, вытираютъ ею всѣ грязныя мѣста на гипсовой фигурѣ. Для того, чтобы терпентинъ вполнѣ испарился, напитавшійся имъ предметъ покрываютъ отмученнымъ мѣломъ или талькомъ. Черезъ нѣсколько времени мѣлъ смахиваютъ и фигуру вытираютъ сухой тряпкой.

Сохраненіе блеска линолеума. Блескъ линолеума сохранится надолго, если линолеумъ вытирать



31. Панталоны.



33. Дѣтская рубашка.

два раза въ мѣсяцъ молокомъ, разбавленнымъ наполовину водой. Кромѣ того, линолеумъ слѣдуетъ раза три въ годъ натирать жидкимъ растворомъ воска въ терпентинномъ спиртѣ.

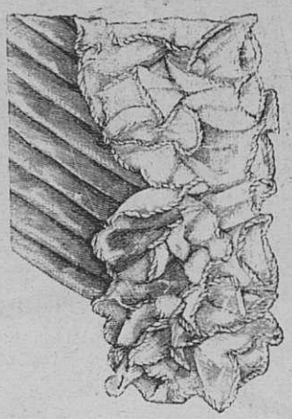
Замазка для склеиванія мрамора и алебастра вмѣстѣ. Для

4. Платьице для дѣвочки 6—7 лѣтъ.

35. Костюмъ для мальчика 5—6 лѣтъ.

36. Вышитое платьице для дѣвочки 2—3 лѣтъ.

37—38. Костюмъ съ блузой и болеро.

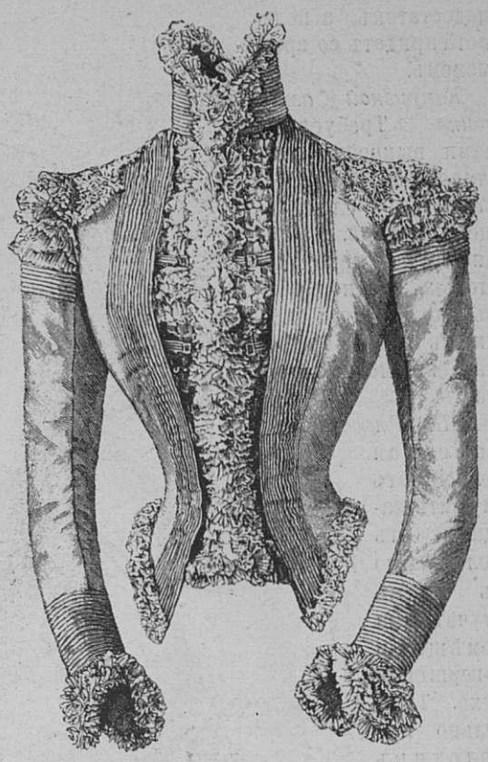


39.

такой замазки берутъ 12 частей портландскаго цемента, 6 частей гашеной извести, 6 частей мелкаго песку, 1 часть инфузорной земли и смѣшиваютъ ихъ съ кремнекислымъ натромъ въ густое тѣсто. Замазка твердѣетъ спустя 24 часа.

Почтовый ящикъ.

Подписчицѣ изъ М — ства Ин — хъ Дмтр. Намъ неизвѣстны средства противъ недостатка, на который вы жалуетесь. Средства, о которыхъ публикуютъ заграницей всѣ относятся къ области шарлатанства, и мы никогда не рискнемъ рекомендовать ихъ кому бы то ни было. Газъ или кружево могутъ нѣсколько скрыть указанный



40. Нарядный лифъ.

43—44—45. Весенній или дорожный костюмъ, вышитый сутажью.

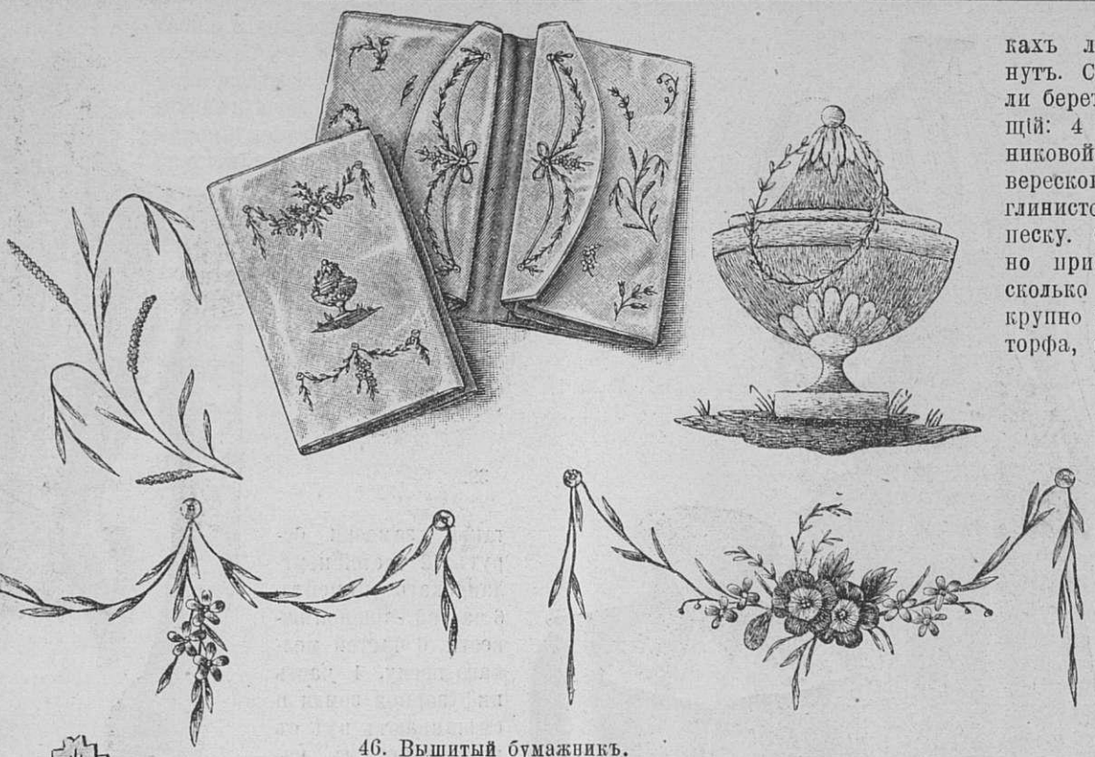
41. Плащъ для мальчика 2—3 лѣтъ.

42. Костюмъ съ пальто сакъ для дѣвочки 7—8 лѣтъ.

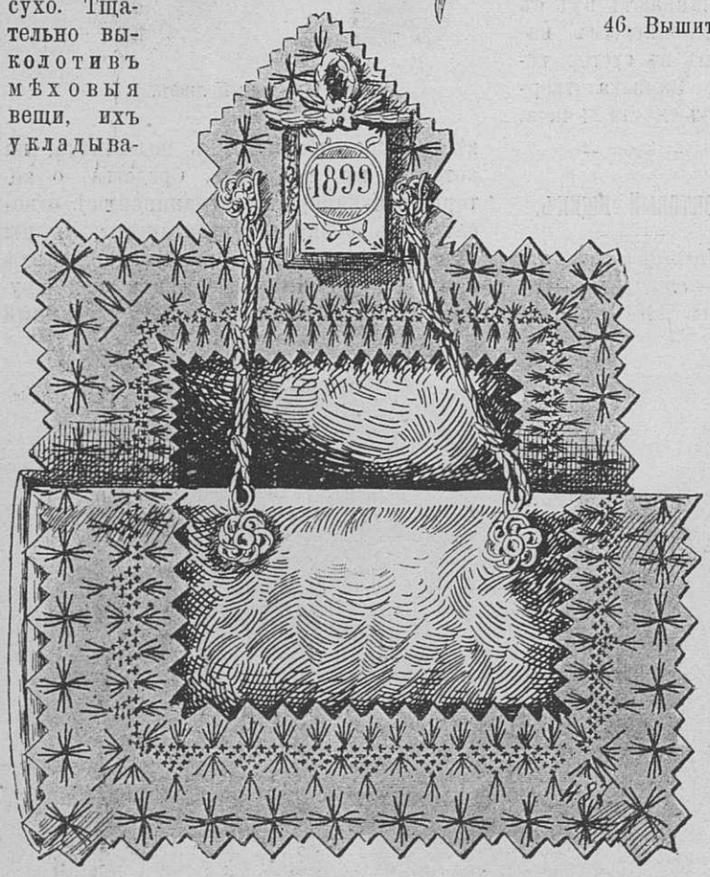
недостатокъ, а полнота придетъ со временемъ.

Капризной амазонкѣ. Требуемую вами выкройку постараемся помѣстить въ слѣдующемъ нумерѣ. Ваше письмо получено настолько поздно, что въ этотъ нумеръ она ни въ какомъ случаѣ не могла попасть.

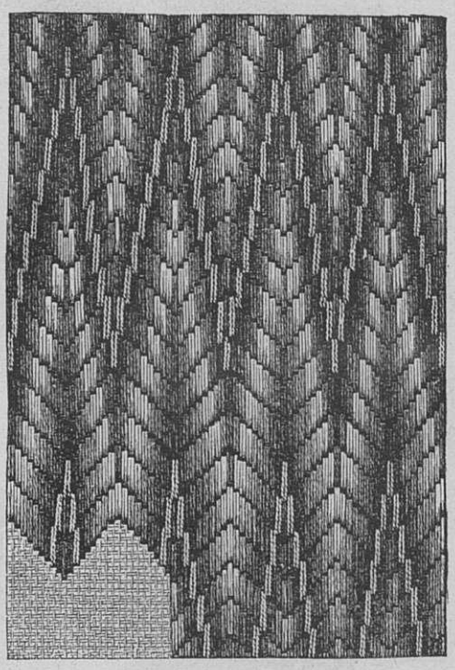
А. П.—Ряжскъ. Поваренная соль можетъ служить защитой отъ моли только въ такомъ случаѣ, если помѣщеніе совершенно сухо. Тщательно выколотивъ мѣховыя вещи, ихъ укладываютъ въ большія каменные сосуды, перекладывая двойной толстой пропускной бумагой, пересыпанной хорошо высушенной и мелко истолченной солью. Хорошо набитые сосуды перевязываютъ на крѣпко толстой бумагой, чтобы не проходилъ воздухъ и сохраняютъ ихъ въ совершенно сухомъ мѣстѣ. Соль и пропускная бумага мѣняются каждыя 4 или пять недѣль. Бѣлый толченый перецъ также употребляется съ этой цѣлью и иногда дѣйствуетъ лучше.



46. Вышитый бумажникъ.



47. Портфель для газетъ.



48. Узоръ книжки для визитныхъ карточекъ.

Любительницѣ цвѣтовъ. Лучшее время для пересадки пальмъ есть апрѣль мѣсяцъ. Пересадку слѣдуетъ производить осторожно, чтобы не повредить здоровыхъ корней, если они сильно затянуты войлокомъ, то ихъ слѣдуетъ слегка разрыхлить. Новые горшки должны быть незначительно больше старыхъ, потому что пальма медленно завивается корнями и въ большихъ горшкахъ листья гибнутъ. Составъ земли берется слѣдующій: 4 части парниковой, 1 часть вересковой, 1 часть глинистой и ½ части песку. Сюда можно прибавить нѣсколько довольно крупно расколотаго торфа, пальмы его очень любятъ. Послѣ пересадки слѣдуетъ поливать осторожно и держать растеніе на свѣту, но не на солнцѣ.

ЦВѢТЫ ДЛЯ ШЛЯПЪ
Складъ: Невскій пр., 34.
Р. ЛЮТЕРМАНЪ.
Мастерская: Невскій, 34.
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.
№ 3048 2—1

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ
БОНЕ СТАРШІЙ.
Пассажъ, № 25—27.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Невскій просп., 48.
№ 3049 1—1

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ
ВЪ БОЛЬШОМЪ ИЗЯЩНОМЪ ВЫБОРѢ.
Новѣйшія модели лучшихъ домовъ Парижа
БОНЕ МЛАДШІЙ.
С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, наискосокъ Государственнаго Банка.
№ 3050 (1—1).

При этомъ нумерѣ прилагаются: модная раскрашенная картинка и листъ выкроекъ и узоровъ для вышиванія.

Дозволено цензурою. Спб., 8 Апрѣля 1899 г. Типографія Спб. Акц. Общ. печ. дѣла «Издатель». Ковенскій, 14.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ МОДНОМУ ОТДѢЛУ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ № 4 (Апрѣль) 1899 г.

МОДНЫЕ ТУАЛЕТЫ.

См. описаніе въ „Парижскихъ Модахъ“ № 4 (Апрѣль) 1899 г.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ

«ВОРТА»

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Кіевъ, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.

№ 2992

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

«ИЗДАТЕЛЬ»,

Спб., Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ КНИГА, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ

СЧАСТЛИВЫЕ №№ ВЫИГРЫШ-

ныхъ бил. 1, 2 и 3 з. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к. (съ налож. 1 р. 30 к.) Спб. Вознесенскій 37, кв. 32. **Красильниковъ.** 1-го Марта с. г. на доказ. №№ нало 255 выигрышей на сумму 483 тыс. рубл. 3058-1

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ и свѣдѣнія изъ международнаго права. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

Вѣсъ мозга Бисмарка. Извѣстно, что средній вѣсъ мозга европейца не превышаетъ 1,400 граммъ. Принимая эту цифру за норму, окажется, что мозгъ Бисмарка принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ. Онъ вѣситъ 1.807 граммовъ. Мозгъ Данте вѣсилъ всего 1,470 гр., Шиллера 1,596, Канта 1,624, Байрона 1,792. Мозгъ Кювье былъ тяжелѣе мозга Бисмарка,—онъ вѣсилъ 1,828 гр. Но самый тяжелый изъ всѣхъ взвѣшенныхъ мозговъ принадлежалъ Тургеневу, хотя, къ сожалѣнію, взвѣшиваніе было произведено не совсѣмъ точно. Во всякомъ случаѣ вѣсъ мозга Тургенева превышалъ 1,900 гр. Замѣтимъ при этомъ, что вѣсъ мозга не можетъ ни въ какомъ случаѣ служить мѣриломъ умственныхъ способностей, потому что онъ находится въ зависимости отъ роста и отъ развитія двигательныхъ функцій организма. Нельзя сравнить мозга Бисмарка, человѣка огромнаго роста и съ развитой мускулатурой, съ мозгомъ Канта, человѣка маленькаго роста и слабо-развитаго физически. Вѣсъ мозга Тургенева тоже объясняется его огромнымъ ростомъ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ФАБРИКА ТУАЛЕТНЫХЪ РУМЯНЪ.

VELOUTINE CH. FAŸ

PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЪ

РИСОВАЯ ПУДРА

СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ БИСМУТОМЪ

Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры «**VELOUTINE**» не снабженныя русской таможенной пломбой должны считаться подѣлкой.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. І. Избранныя мысли Бѣлинскаго. ІІ. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

„ПОГРОМЪ“

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ.

КАХЕТИНСКИХЪ ВИНЪ садовладѣльц.

А.С. ВАРТАЗАРОВА

ВО ВЛАДИКАВКАЗѢ.

Удостоенъ за натуральн. бѣл. и крас. вина, Высш. награда на рус. и иностр. выставкахъ.

Ведро вина 5, 6, 7, 8, 10, 12 р. ящ. 36 б. 10, 12, 14, 16, 20, 24 р. Цѣны безъ посуды. Провозъ по жел. д. всюду 30—45 к. съ пуд. Церков. вино съ перес. и посуд. ведро 8 руб.

Присылать задатокъ. Прейсъ-кур. безплат.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть І. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть ІІ. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ИЗЯЩНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КЪ ЖУРНАЛУ

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» 1898 года

изъ лучшаго англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ, съ роскошнымъ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 1 р. 25 к. пересылка за 2 фунта.

Главная Контора Спб. Акціонернаго Общества „Издатель“: Спб., Невскій пр., д. 68—40.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“

безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Краска „Натурель“ не имѣетъ дурнаго вліянія на волосы. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 50 к. Требовать во всѣхъ аптек. и парфюм. магазинахъ Имперіи. Главный складъ: торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ“. С.-Петербургъ, Разъѣзжая № 13.

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченка.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

«ВѢЧНАЯ СЛАВА». Историческая хроника изъ временъ борьбы Нидерландовъ за свою независимость XVI столѣтія, извлеченная изъ голландскихъ архивовъ Книжнымъ Червякомъ и изложенная **Н. А. Рубакинымъ**. Съ рисунками К. Лебедева и др. художник. М. 1899. Ц. 75 к.

Постоянное пониженіе человѣческаго голоса. Въ одномъ американскомъ журналѣ напечатана статья, въ которой доказывается, что уже въ теченіе многихъ столѣтій человѣческій голосъ все болѣе и болѣе понижается. И это причина, что тенора встрѣчаются все рѣже и рѣже. Авторъ статьи говоритъ, что наши предки не знали, что такое басъ,—этимъ не трудно объяснить существованіе въ средніе вѣка такого множества пѣвцовъ, которые въ Римѣ играли женскія роли. Теперь баритонъ сдѣлался среднимъ голосомъ, и можно съ увѣренностью сказать, что постепенное пониженіе голоса приведетъ къ всеобщему басу. Это постепенное измѣненіе происходитъ какъ въ мужскихъ, такъ и женскихъ голосахъ.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

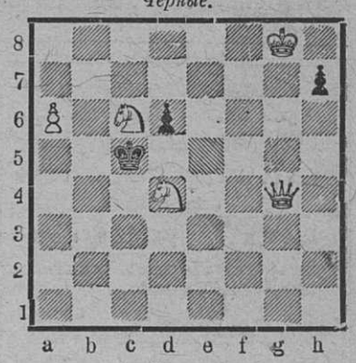
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 112.

Г. З. (въ Ставрополѣ).

Изъ журнала „Шахматы“.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

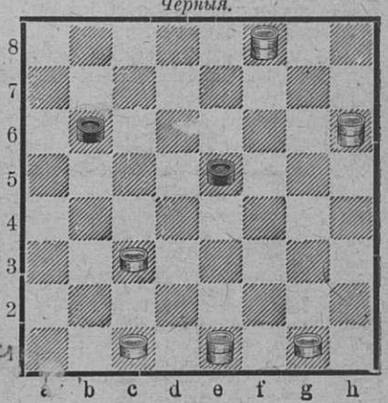
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 99.

А. В. Харьянова (въ Воронежѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть простую.

ЭТЮДЫ И КОНЦЫ ПАРТІЙ.

№ 52. В. Волгина (въ С.-Петербургѣ).

—b4, c1, d2, e1, e3, f2.

—a7, b6 b8, e5, e7, g5.

Выигрышъ.

Редакторъ А. К. Шелперъ (А. Михайловъ).

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . **8 р.** ‖ **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. **7 р.** — Въ Москвѣ . **7 р. 75 к.**

„ **ПОЛГОДА** (съ доставкою) **4 р.**—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) **2 р.** ‖ **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . **16 р.** —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ **15** руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 17 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ $2^1/_2$ листовъ съ 15 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 22 апрѣля 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 18.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 18-го нумера.

Воскресенье, 2-го мая 1899 г.

Статьи:

„У заутрени“. Стихотвореніе Влад. Юревича. „Избранникъ“. Разсказъ. И. Потапенко. (Продолженіе). — „Жена мудреца“. Разск. А. Шницлера. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Назаровой. — Пасха въ Нью-Іоркѣ. Переводъ Е. М. Соловьевой. — „Слуша-а-а-й!“ Повѣсть Матильды Серао. Переводъ Е. Шульгиной. (Продолженіе). — Выставка картинъ петербургскаго общества художниковъ. К. С. — Весенняя выставка въ академіи художествъ. П. К. — С. А. Вайнштейнъ. — Хроника. — Къ рисункамъ. — Шашки и шахматы. — Объявленія.

Рисунки:

Сынъ пустыни. В. Полѣнова. — На бульварѣ. Проф. В. Е. Маковскаго. — Бродячіе музыканты. Мейсонье-сына. — Зима и весна. А. Рёстеля. — Весенней порой. Ф. Сулакроа — На морскомъ побережьѣ. Г. Бордта. — С. А. Вайнштейнъ. (Портр.). — Адмиралъ Кауцъ. — О. Самоа: 1) Гавань Апіи. 2) Обитательница о. Самоа. 3) Королевскій дворецъ близъ Апіи. 4) Войско самоанцевъ. 5) Муменунъ, укрѣпленный американцами. 6) Переноска зажаренной свиньи. 7) Сборъ кокосовыхъ орѣховъ. 8) Самоанскій танцоръ. — Пожаръ въ Нью-Іоркѣ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Овщ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. БУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ

«ВОРТА»

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Кіевъ, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.

№ 2992

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. І. Избранныя мысли Бѣлинскаго. П. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

ГОЛЛЕНДЕРА

для уничтоженія мозолей и бородавокъ.

Самыя застарѣлыя мозоли уничтожаются, при употребленіи мозольной жидкости „Голлендера“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флак. 35 коп.; за 1 рубль почтою высылаются въ Европейскую Россію 2 флак. Главный складъ: СПБургъ, Разъѣзжая, № 13.

Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашей не имѣющими. 3055-1

Новое изданіе **Ф. Павленкова:**

ПИСЬМА О ЗЕМЛЕДѢЛІИ

(Съ „вводными предложеніями“ по адресу неомарксизма). М. А. Энгельгардта. Ц. 50 коп.

№ 3059.

PÂTE DENTIFRICE

GLYCÉRINE

S'en servir une fois c'est l'adopter.

GELLÉ FRÈRES

6, Avenue de l'Opéra

PARIS

2598

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 188. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ *А. Эйлундъ*, С.-Петербургъ, Михайловская площ. д. № 2 Жербина. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. 3023

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Добываніе асбеста на Уралѣ. Въ послѣднее время, какъ мы уже указывали на страницахъ „Живописнаго Обозрѣнія“, горный ленъ, или асбестъ, находитъ въ техникѣ все большее и большее примѣненіе. Это сравнительно рѣдкій продуктъ въ Европѣ, главнымъ поставщикомъ котораго служитъ Италія, гдѣ получаются лучшіе сорта асбеста. Уралъ даетъ продуктъ нѣсколько ниже сортомъ, но, несмотря на это онъ постепенно завоевываетъ себѣ мѣсто на рынкѣ. Асбестовое дѣло на Уралѣ возникло сравнительно недавно, не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время на нѣкоторыхъ работающихъ копяхъ добываютъ отъ 30,000 до 40,000 пудовъ асбеста. Верхъ-Исетскіе заводы съ нѣкотораго времени прекратили добычу. Мѣсторожденіе асбеста въ этихъ мѣстностяхъ прослѣжено на пространствѣ 10 верстъ въ длину и двухъ верстъ въ ширину. Вся группа копей разрабатываетъ одно и то же мѣсторожденіе. Работы ведутся вездѣ открытымъ разносомъ. Глубина залеганія нигдѣ не опредѣлена. Вся мѣстность какъ бы опутана подземною паутиной асбеста, проникающей въ щели и скважины преобладающей здѣсь породы змѣевика. Большая часть продукта поступаетъ на рынокъ въ сыромъ видѣ, но въ послѣднее время промышленники фабрикуютъ изъ него издѣлія на мѣстѣ и продаютъ ихъ по высокой цѣнѣ. Главнѣйшій спросъ на асбестъ обусловленъ, конечно, его изоляціонными свойствами. Асбестъ употребляютъ для предохраненія паровыхъ котловъ и трубъ отъ охлажденія. Изъ асбеста въ смѣси съ цементомъ дѣлаютъ бетонную черепицу для крышъ. Изъ него дѣлаютъ вату и нити для спеціальныхъ тканей. Въ Екатеринбургѣ строится народный театръ, и огнеупорный занавѣсъ въ немъ будетъ приготовленъ изъ асбеста.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

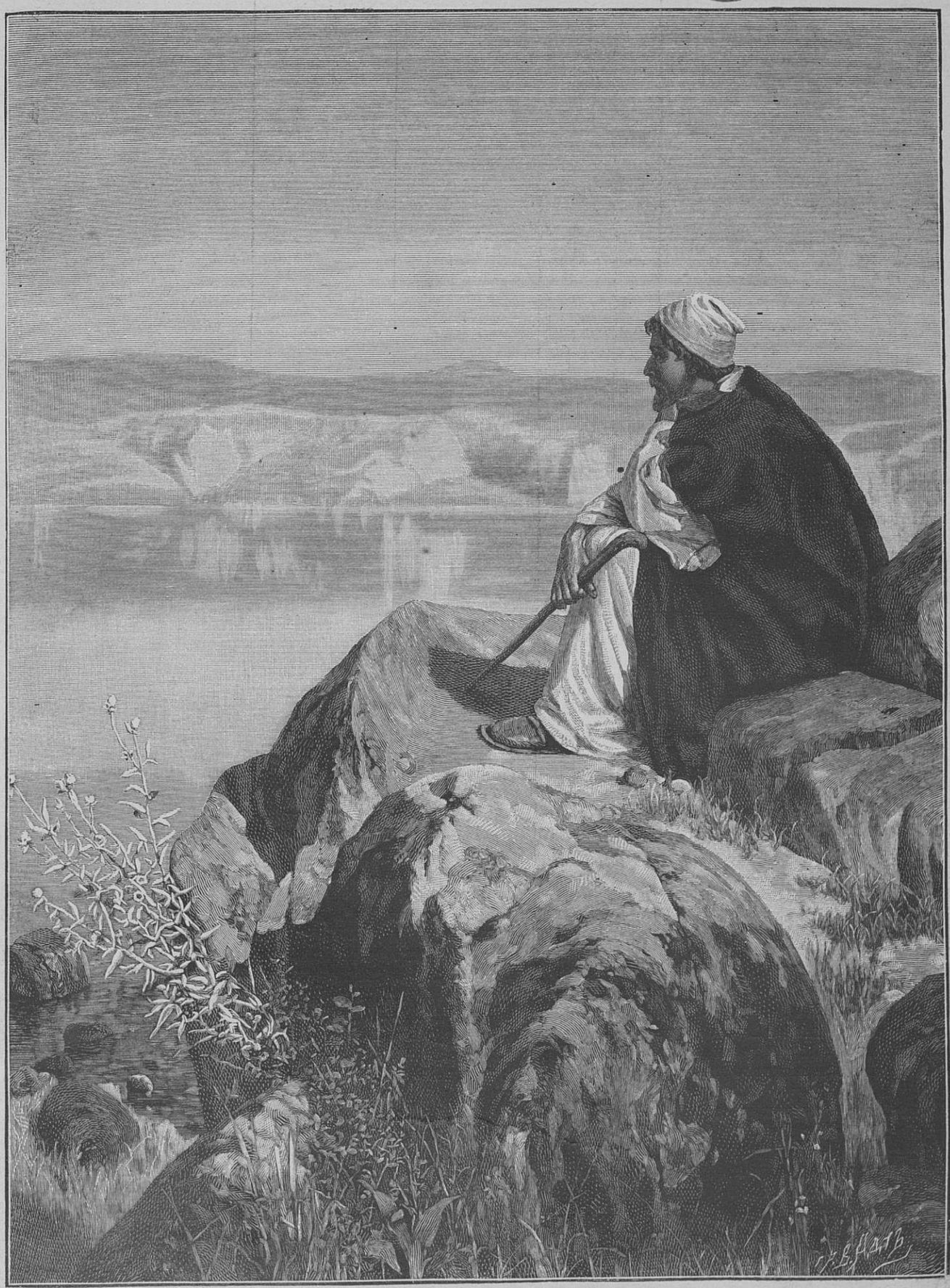
Послѣдніе янсенисты во Франціи. Монастырь въ Норъ-Роялѣ де Шанъ, въ долинѣ Шеврезъ, служившій главнымъ очагомъ янсенизма во Франціи, былъ по повелѣнію Людовика XIV упраздненъ и разрушенъ въ 1710 году; не было пощажено даже кладбище: всѣ покойники были свалены въ кучу и перевезены на сосѣднія кладбища; большинство изъ нихъ осталось въ Маньи — маленькой общинѣ близъ Трапна, гдѣ былъ женскій монастырь янсенистокъ св. Мароы. Исключеніе было почему-то сдѣлано для праха знаменитаго Расина, гробъ котораго былъ перевезенъ въ Сэнтъ-Этьенъ дю-Монъ, гдѣ онъ покоится и понынѣ. Послѣ ужасовъ революціи девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, сестры-янсенистки вернулись въ 1810 году въ покинутый ими монастырь, продолжая вести суровую жизнь монахинь. Въ 1870 году, во время франко-прусской войны, онѣ предложили себя въ распоряженіе правительства и ихъ въ качествѣ сестеръ милосердія распредѣлили по разнымъ военнымъ госпиталямъ. Въ монастырѣ св. Мароы осталось только нѣсколько больныхъ сестеръ съ престарѣлою игуменьею Адріэнь во главѣ. Послѣдней было тогда около 100 лѣтъ отъ роду, и почтенная старушка готова была на всякія жертвы, лишь бы не помириться съ папствомъ и іезуитами, къ которымъ она, какъ ярая янсенистка, относилась съ фанатическою ненавистью.

Въ 1882 году въ монастырѣ св. Мароы насчитывалось только девятнадцать сестеръ, а въ настоящее время въ живыхъ остается четыре сестры. Духовнаго клира у янсенистовъ давно не существуетъ: въ живыхъ только два священника: одинъ въ Парижѣ, а другой въ Ліонѣ, а приверженцевъ-мірянъ въ настоящее время среди янсенистовъ насчитывается только нѣсколько десятковъ человѣкъ. Послѣднею историческою личностью изъ янсенистовъ былъ Руазе Колляръ. Впрочемъ, по словамъ «Figaro», къ числу янсенистовъ принадлежитъ одинъ изъ современныхъ профессоровъ Сорбонны, который со своими приверженцами хотѣлъ примкнуть къ старокатоликамъ, находящимся подъ руководствомъ патера Гіацинта. Такимъ образомъ, въ качествѣ религіозной секты, янсенисты во Франціи болѣе не существуютъ; ихъ можно еще встрѣтить въ Нидерландахъ, куда въ 1709 году спасся отъ преслѣдованій іезуитовъ глава французскихъ янсенистовъ, знаменитый Кеннель. Тамъ у янсенистовъ имѣются клиръ, духовная семинарія, одинъ архіепископъ въ Утрехтѣ и по одному епископу въ Девентѣ и Гарлемѣ. Девентерскій епископъ посвятилъ въ 1873 профессора Рейнкенса въ епископа старокатоликовъ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 18 Воскресенье, 2-го Мая 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.



Сынъ пустыни. Съ картины художника В. Полѣнова. Гравировалъ В. Адтъ.

У ЗАУТРЕНИ.

Подъ свѣтлый праздникъ неизмѣнно
Привыкъ ходить я въ Божій храмъ.
Ничтожность, вздоръ всего, что тлѣнно,
Я постигаю ясно тамъ.

* * *

Ничтожность славы и богатства,
Всего, чѣмъ наша жизнь полна,
Возможность равенства и братства
Тамъ мнѣ становится ясна.

* * *

Сегодня въ грустномъ настроеньи
Переступивъ святой порогъ,
Что ждетъ меня, и въ помышленьи
Имѣть никакъ бы я не могъ.

* * *

Судьба мнѣ поднести хотѣла
Свое пасхальное яйцо...
Какъ сердце вдругъ захолодѣло,
И кровь мнѣ бросилась въ лицо.

* * *

Она!!! Я весь впился глазами,
Едва сдержавъ невольный крикъ...
И все забытое годами,
Все въ памяти воскресло вмигъ.

Дни счастья, дни земного рая,
Весь пылкій юношескій бредъ,
Разлука, пуля роковая
И пустота дальнѣйшихъ лѣтъ.

* * *

Мой взглядъ привлекъ ея вниманье...
На стулъ, бѣлѣе полотна,
Едва сдержавъ въ себѣ рыданья,
Вдругъ опустилася она.

* * *

Но я прочелъ въ ея смущеньи
Не гнѣвъ, не злобу, не укоръ —
Мнѣ выдалъ радость и прощенье
Давно знакомый милый взоръ.

* * *

Безъ словъ мы поняли съ ней оба,
Что счастье снова свѣтитъ намъ.
Я твой опять, я твой до гроба,
Радъ пасть, какъ рабъ, къ твоимъ ногамъ!

* * *

Звучитъ торжественное пѣнье...
И я, прозрѣвши даръ небесъ,
Свой голосъ слилъ съ нимъ въ умиленьи:
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Влад. Юревичъ.

ИЗБРАННИКЪ.

Разсказъ. (*Продолженіе*).

Посвящается Владимиру Николаевичу Ладыжинскому.

Волокитскій шатающейся походкой вышелъ изъ комнаты. Ардальонъ Назаровичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и опять ему вспомнилось что-то изъ давняго прошлаго. Точно такъ ломался Волокитскій тогда, на судѣ, то въ другъ падая въ обморокъ, то дѣлая видъ, что отъ стыда и отчаянія готовъ покончить съ собой, очевидно, онъ и теперь на это намекнулъ, думая тронуть его сердце. Но нѣтъ, нѣтъ, теперь Ардальонъ Назаровичъ былъ неумолимъ, ничѣмъ нельзя было его разжалобить. Онъ былъ оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Григорій Антоновичъ, выйдя изъ дому, не пошелъ прямо сейчасъ же домой, а остановился у калитки и чего-то ждалъ. Видѣвши это, Аглая удивилась такому странному поведенію Волокитскаго, тихонько пошла къ Ардальону Назаровичу и сказала ему:

— Григорій Антоновичъ стоятъ у калитки... Они чего-то ждутъ.

— Напрасно, рѣзко отрубилъ Чепраковъ. Онъ ничего не дождется.

— Ардальонъ Назаровичъ, что же это такое значитъ? наконецъ, осмѣлилась спросить Аглая.

Чепраковъ промолчалъ и даже не взглянулъ на нее, а только нахмурилъ брови, а она, чувствуя, что этотъ вопросъ ему непріятенъ, не рѣшилась повторить его, а повернулась и пошла къ двери...

— Аглая, услышала она дрожащій голосъ Ардальона Назаровича и остановилась. Я не хочу скрывать отъ васъ... только вотъ что... Вы не болтайте. Я долженъ вамъ объяснить, что Григорій Антоновичъ недостойный человѣкъ.

— Онъ поступилъ противъ васъ, Ардальонъ Назаровичъ? спросила Аглая, для которой достаточно было утвердительнаго отвѣта, чтобы она признала Волокитскаго недостойнымъ человѣкомъ.

— Да и противъ васъ.

— Противъ меня? Что же онъ могъ противъ меня?

— Видите ли, Аглая, есть вещи, которыя составляютъ, какъ бы сказать, интимную сторону человѣка и до которой никому не должно быть дѣла.

— Ардальонъ Назаровичъ, я и не вмѣшиваюсь, поспѣшно возразила Аглая, не понявшая его туманныхъ словъ.

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, вы меня не такъ поняли, я не о васъ говорю. Я говорю, что между двумя людьми могутъ быть такія или другія отношенія, но никто не въ правѣ обсуждать ихъ и вмѣшиваться. Вотъ что я говорю, не такъ ли?

— Конечно, такъ, Ардальонъ Назаровичъ.

— Ну, вотъ. А онъ, Волокитскій не только вмѣшался, а даже другихъ втянулъ въ нашу личную жизнь. Весь городъ втянулъ, да, весь городъ. И при томъ изъ-за корыстныхъ разсчетовъ. Понимаете?

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, Ардальонъ Назаровичъ, но ужь, должно быть, онъ что-нибудь нехорошее сдѣлалъ.

— Эхъ! вотъ въ томъ-то и дѣло, что вы ничего не понимаете, Аглая. А объяснить мнѣ вамъ трудно.

— Да вы не безпокойтесь, Ардальонъ Назаровичъ, если трудно, такъ зачѣмъ же безпокоиться. Ужь и такъ вижу, что дурно онъ поступилъ. Если бы было иначе вы бы не разсердились?

Ардальонъ Назаровичъ сдѣлалъ крайне нетерпѣливый жестъ. „Вѣдь вотъ какое невозмутимое спокойствіе у этой женщины. И ничѣмъ ее не расшевелишь, ничѣмъ не задѣнешь ея любопытства“.

Тутъ Ардальонъ Назаровичъ былъ не правъ. Онъ забылъ, что, помимо, конечно, другихъ достоинствъ, онъ и цѣнилъ-то Аглаю главнымъ образомъ за ея необыкновенно спокойный характеръ. Не было на свѣтѣ такой вещи, которая заставила бы ее выйти изъ себя, растеряться, потерять присутствіе духа. Если бы пришли и сказали, что въ домѣ пожаръ или городъ проваливается сквозь землю, она спокойно и неторопливо встала бы, собрала бы всѣхъ дѣтей, захватила бы наиболѣе цѣнныя вещи, чтобы сберечь добро Ардальона Назаровича, и только тогда вышла бы изъ дома и начала искать

убѣжища. Такой характеръ подходилъ и къ его спокойному характеру, — оттого онъ и цѣнилъ ее.

Но теперь онъ утратилъ спокойствіе и былъ взволнованъ. И уже ему это драгоцѣнное качество Аглаи казалось нестершимымъ. Что касается второй части его размышленія, то и тутъ онъ ошибался. Аглая и въ любопытствѣ не уступала всякой другой женщинѣ. И въ ту минуту, когда говорила съ нимъ, сгорала отъ любопытства узнать, что именно поссорило друзей. Но, видя какъ Ардальону Назаровичу трудно объяснить, въ чемъ дѣло, она жертвовала собой, не допытывалась и старалась облегчить его затрудненія.

Но Ардальонъ Назаровичъ все-таки полагалъ, что такъ какъ дѣло касается и ея, то онъ долженъ объяснить ей, главнымъ образомъ, для того, чтобы и она знала, какъ надо относиться къ Волокитскому.

Онъ всталъ и началъ рѣшительнымъ тономъ: — Вы должны знать, Аглая, что господинъ Волокитскій поступилъ со мною, какъ негодяй. Вамъ извѣстно, что умеръ соборный ктиторъ Мимоносовъ?

— Какже неизвѣстно. Извѣстно!

— Да, такъ вотъ духовныя лица и прихожане хотѣли меня выбрать на эту должность, и я, уступая этимъ просьбамъ, согласился. А Волокитскій, какъ оказалось, давно ждалъ смерти Мимоносова и мѣтилъ на эту должность. Ему такъ нужно было это, чтобы укрѣпить свое положеніе. И вотъ вмѣсто того, чтобы прямо мнѣ сказать это, и я, конечно, не только уступилъ бы ему, а по дружбѣ даже способствовалъ бы, онъ кривыми путями началъ распространять намеки, что я не достоинъ этой должности, такъ какъ.. Вы понимаете, Аглая?.. Ну, словомъ, намекая на то... На мои отношенія къ вамъ... И, конечно, всѣ теперь объ этомъ заговорили...

— Ахъ, Боже мой! Какой же онъ, значитъ, нехорошій человѣкъ...

— Ну-съ, такъ вотъ вы теперь понимаете, почему я такъ къ нему отнесся.

— Понимаю, Ардальонъ Назаровичъ, отвѣтила Аглая и почему-то сильно покраснѣла...

— Вотъ и все.

Аглая отлично видѣла, что Ардальонъ Назаровичъ больше не хочетъ разговаривать, и ушла, вздыхая.

Первымъ дѣломъ она вышла изъ дому и прошла черезъ дворъ, какъ будто за какимъ-то дѣломъ, но въ сущности дѣла у нея никакого не было,—она просто, въ сущности, хотѣла посмотрѣть, тутъ ли еще Григорій Антоновичъ или уже ушелъ. Волокитскій все еще стоялъ у калитки. Онъ надѣялся, что Ардальонъ Назаровичъ все-таки повѣритъ въ серьезность его намѣренія покончить съ собой, пошлетъ за нимъ, вернетъ его и пощадитъ его. Но теперь, когда прошло уже минутъ десять, его надежда ослабѣла. Онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи Аглаи.

У него былъ удивительно смиренный видъ. Это былъ человѣкъ, у котораго на глазахъ гибло все его положеніе, добывавшееся и укрѣплявшееся въ продолженіе многихъ лѣтъ. И изъ-за чего? Изъ-за одного неосторожнаго шага. Раскаяніе было теперь въ душѣ Григорія Антоновича. Правда, оно являлось не изъ добрыхъ побужденій, а отъ сознанія, что онъ погубилъ самъ себя, но все же это было раскаяніе, все же онъ упрекалъ себя за свою измѣну.

„Да, много, много еще во мнѣ этой старинной мерзости, этого пристрастія къ окольнымъ путямъ, къ тайной интригѣ, къ подвохамъ. Ну, дѣйствуй я прямо, скажи ему въ лицо, не теперь, а раньше, что желаю, молъ, укрѣпить свое положеніе ктиторствомъ—вѣдь, правда, онъ бы даже помогалъ мнѣ... Ахъ, ты старинное, неискоренимое пристрастіе къ каверзничеству...“

Аглая прошла черезъ дворъ и, постоявъ въ закоулкѣ съ минутку, повернула обратно. Волокитскій не покидалъ калитки, такъ какъ боялся, чтобъ не замѣтилъ его Ардальонъ Назаровичъ. Онъ обернулся къ ней и даже приподнялъ фуражку.

— Аглая Никитишна! нѣжнымъ голосомъ позвалъ онъ.

Аглая изумилась и, можетъ быть, даже испугалась. Не ожидала она этого обращенія. Послѣ разговора съ Ардальономъ Назаровичемъ, который былъ въ ея глазахъ высшимъ авторитетомъ, Григорій Антоновичъ сталъ ей казаться существомъ отверженнымъ.

Однако жъ, въ сущности, у ней было очень доброе сердце, и, видя жалостное выраженіе лица у Григорія Антоновича, она остановилась.

— Что вамъ угодно, Григорій Антоновичъ? спросила она.

— Аглая Никитишна, подойдите ближе, у меня есть къ вамъ просьба.

Она подошла. Ей показалось, что Волокитскій за это время даже похудѣлъ, и ужъ тутъ ей окончательно стало жаль его.

— Аглая Никитишна, ради нашего долголѣтняго знакомства, попросите за меня Ардальона Назаровича.

— Насчетъ чего это, Григорій Антоновичъ?

— Долго разсказывать. Да ужъ онъ знаетъ насчетъ чего, а вы только попросите, скажите ему, чтобъ сдѣлалъ это для васъ—онъ вамъ не откажетъ. Вѣдь онъ васъ любитъ.

Аглая покраснѣла. — Ахъ, что вы это Григорій Антоновичъ? За что Ардальону Назаровичу меня любить? Я женщина простая.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, вы попросите, онъ для васъ сдѣлаетъ. Со мной онъ суровъ и неприступенъ, его сердце ожесточилось. А для меня это—все .. Понимаете ли вы—вся, вся жизнь.

— Объ чемъ же это, Григорій Антоновичъ, объ чемъ я буду просить?

— Нѣтъ, я не могу разсказать вамъ. А ужъ онъ знаетъ. Пожалуйста, не откажитесь...

— Да вѣдь я не посмѣю, Григорій Антоновичъ... Онъ теперь такой, что ничего и слушать не хочетъ.

— Избирите минуту... Вы близко стоите къ нему... всегда можно найти такую минуту, когда у человѣка сердце склонно къ добру. Въ особенности женщина всегда сможетъ это. Обѣщайте мнѣ это, Аглая Никитишна.

— Какъ же я могу вамъ обѣщать это, Григорій Антоновичъ, когда это не отъ меня, а отъ него зависитъ.

— Обѣщайте только попросить. Только это... Ради Бога, ради вашихъ дѣтей, Аглая Никитишна. А не то мнѣ прямо гибель предстоитъ...

— Что вы это? Зачѣмъ вы такъ говорите, Григорій Антоновичъ. Какъ можно такъ отчаиваться?

— Ну, такъ обѣщайте.

— Да ужъ хорошо, я какъ-нибудь попрошу. Трудно это, а все-таки попрошу.

— Спасибо вамъ, Аглая Никитишна, спасибо! промолвилъ Григорій Антоновичъ и вдругъ схватилъ ея руку и крѣпко пожалъ.

Никогда прежде онъ этого не дѣлалъ. На Аглаю онъ смотрѣлъ благосклонно, но свысока и, приходя къ Ардальону Назаровичу, прямо говорилъ ей:—„А, Аглая, здравствуйте, какъ поживаете? Вы все съ каждымъ днемъ толстѣете“—и, сказавъ это, шелъ дальше, а тутъ вдругъ руки пожимаетъ. Ну, должно быть, ужъ въ самомъ дѣлѣ ему очень плохо приходится.

— Я на васъ надѣюсь, только на васъ, Аглая Никитишна, сказалъ Волокитскій и затѣмъ, поникнувъ головой, ушелъ, и походка у него была какая-то странная, какъ у собаки, которую только что побили, и притомъ за дѣло.

Аглая долго не могла найти удобной минуты, чтобы рѣшиться ходатайствовать. Ардальонъ Назаровичъ ушелъ въ кабинетъ и тамъ проявлялъ всѣ признаки того, что настроеніе его нисколько не смягчилось. Онъ то садился за столъ, сильно стуча при этомъ кресломъ — въ русскомъ стилѣ со спинкой дугой и съ надписью „тише ѣдешь, дальше будешь“ и даже съ вырѣзнымъ колокольчикомъ подъ дугой,—то вскакивалъ и начиналъ бѣгать по комнатѣ. Ни на минуту не остывало кипѣніе въ его душѣ.

Аглая часто подходила къ двери и заглядывала въ замочную скважину. Когда Ардальонъ Назаровичъ вскакивалъ, она, не смотря на свою тяжеловѣсность, съ легкостью тѣни быстро удалялась въ другую комнату.

Въ домѣ была тишина; Аглая строго-настрого приказала всему своему потомству ходить на цыпочкахъ и не издавать ни одного звука, всѣ говорили шепотомъ.

Было уже часа четыре дня, когда Ардальонъ Назаровичъ пріотворилъ дверь и поискалъ взглядомъ, нѣтъ ли кого поблизости. Аглая, слѣдившая за каждымъ его движеніемъ, тотчасъ появилась передъ нимъ.

— Нельзя-ли чего-нибудь перекусить? сказалъ Ардальонъ Назаровичъ, не глядя на нее. Казалось, ему было неловко, что, будучи въ состояніи оскорбленнаго человѣка, онъ все таки думалъ о такихъ бренныхъ и низменныхъ вещахъ, какъ закуска.

— А какъ же, Ардальонъ Назаровичъ, вѣдь вы сегодня даже и не завтракали?

— Да, да, я совсѣмъ забылъ объ этомъ... такъ дайте что-нибудь... мнѣ все равно что.

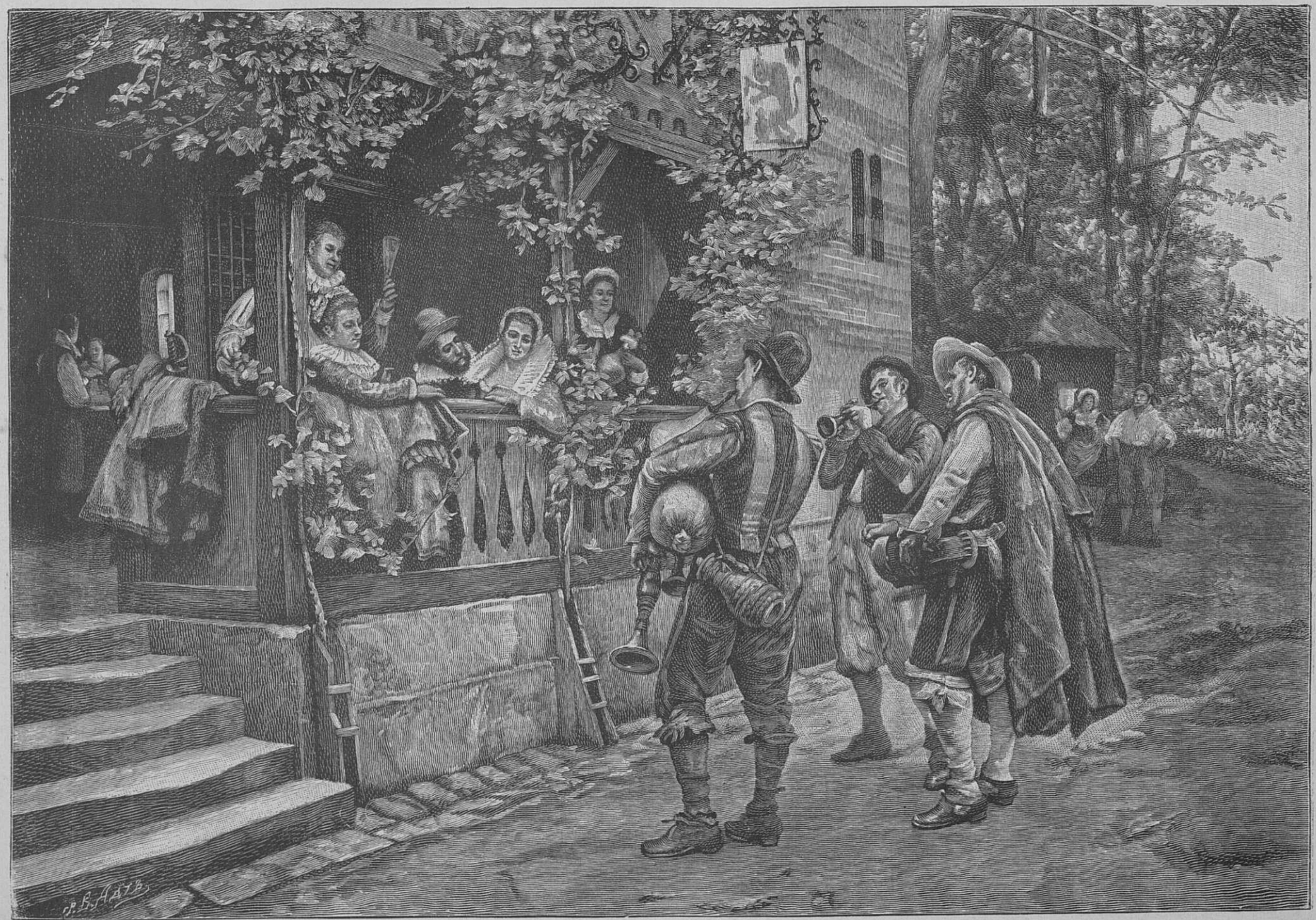
— Да ужъ разомъ пообѣдали бы, Ардальонъ Назаровичъ.

— Ахъ, мнѣ, право, все равно..

— Сію минуту.

Но Ардальонъ Назаровичъ уже не слѣзъ въ кабинетъ, съ раздраженіемъ захлопнувъ дверь. „Ну какъ къ нему подступиться теперь?“ думала Аглая и

Третьяковская галлерея. На бульварѣ. Съ картины профессора В. Е. Маковскаго.



Бродячіе музыканты. Съ картины художника Мейсонье — сына. Гравировалъ В. Адтъ.

съ только ей одной свойственной быстротой собрала на столъ въ одну минуту, сбѣгала въ погребъ, притащила для закуски маринованныхъ грибовъ и соленой рыбы, разомъ уже захватила изъ кухни супъ и затѣмъ уже, на цыпочкахъ, вошла въ кабинетъ.

— Пожалуйте, Ардальонъ Назаровичъ, обѣдъ готовъ.

Ардальонъ Назаровичъ ничего не возразилъ, пошелъ въ столовую и съ удивленіемъ увидѣлъ, что былъ приготовленъ только одинъ приборъ.—Почему же вы не садитесь, Аглая? спросилъ онъ.

— Да такъ... Вѣдь мнѣ не до того...

— Нѣтъ, садитесь, пожалуйста. А то словно я какой-то зачумленный.

— Охъ, что вы, Ардальонъ Назаровичъ! Я просто не хотѣла васъ раздражать...

— Вы, Аглая, никогда не можете раздражить меня... Странно даже, что вы это говорите... Вы обо мнѣ заботитесь, я вамъ очень благодаренъ, а вы говорите— раздражать меня... Если бы не вы, то, можетъ быть, я давно уже сгнилъ бы...

— Ахъ какъ это можно, Ардальонъ Назаровичъ... Просто даже и слушать страшно..

— Ну да, потому что я тогда былъ бы одинокій человѣкъ. Садитесь, пожалуйста, Аглая, и обѣдайте...

„Какой онъ странный, думала Аглая, никогда прежде не слышала я отъ него такихъ словъ“.

И въ самомъ дѣлѣ ничего подобнаго прежде не говорилъ Ардальонъ Назаровичъ. Аглая всегда обѣдала съ нимъ, когда они были вдвоемъ. Когда бывалъ у нихъ Григорій Антоновичъ или кто-нибудь другой, она къ обѣденному столу не садилась. Но всякій разъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда она обѣдала съ нимъ, Ардальонъ Назаровичъ точно не замѣчалъ ея. Если Аглая обращалась къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, касавшимся хозяйства (а съ другими она не обращалась), то онъ отвѣчалъ кратко, но самъ никогда ни о чемъ не заговаривалъ... А тутъ—вдругъ благодарность.

(*Продолженіе будетъ*).

И. Потапенко.

ЖЕНА МУДРЕЦА.

Разсказъ **А. Шнитцлера**. Переводъ съ нѣмецкаго **Е. Назаровой**.

Вотъ ужь отсюда меня, кажется, ничто не прогонитъ. Въ здѣшнемъ воздухѣ носится что-то унылое, даже скучное, но это нѣчто дѣйствуетъ успокоительно на меня. Все тихо и неподвижно. Тихо проходятъ бѣлыя облака; вѣтеръ несется такъ высоко, что ни деревья, ни море не шелохнутся. Меня охватываетъ чувство безконечнаго одиночества, не покидающее меня даже среди людей, въ отелѣ и т. д. Капелла въ кургаузѣ играетъ по большей части меланхоличныя датскія и шведскія пѣсни, да и въ веселыхъ ихъ пьесахъ звучитъ что то такое усталое и унылое. По окончаніи игры музыканты молча выходятъ изъ кіоска и неслышно исчезаютъ въ аллеяхъ.

Пишу я эти строки въ лодкѣ, тихо скользящей вдоль берега моря. Берегъ покрытъ свѣжей зеленью; на немъ пестрѣютъ небольшія дачи, окруженныя садами; въ садахъ около самой воды стоятъ скамейки; за дачами узкая, бѣлая улица; по ту сторону улицы тянется лѣсъ. Лучи заходящаго солнца освѣщаютъ продолговатый желтый островокъ. По словамъ лодочника, островокъ этотъ находится такъ близко, что въ два часа свободно можно туда доѣхать. Мнѣ очень бы хотѣлось ознакомиться съ нимъ получше, да рѣдко приходится бывать на той сторонѣ; я брожу по обыкновенію по ближайшимъ окрестностямъ этого мѣстечка, охотнѣе же всего отдыхаю на берегу моря или на своей террасѣ.

* * *

Полдень. Я лежу подъ буковымъ деревомъ. Надо мною развѣсились тяжелыя вѣтви; по лѣсной дорожкѣ изрѣдка раздаются шаги прохожихъ. По временамъ долетаетъ до меня звонкій, дѣтскій смѣхъ, но онъ тотчасъ же поглощается общимъ молчаніемъ и пропадаетъ гдѣ-то далеко-далеко. Стоитъ мнѣ лишь открыть глаза, чтобы почувствовать себя какъ бы очнувшимся отъ продолжительнаго сна. Такимъ образомъ я ускользаю отъ самого себя и пропадаю въ необъятной окружающей меня тишинѣ.

Увы! насталъ конецъ моему спокойствію. Не найти мнѣ его больше ни въ лодкѣ, ни подъ буковыми деревьями, все измѣнилось. Напѣвы въ капеллѣ звучатъ весело и страстно; публика много говоритъ, дѣти кричатъ и смѣются. Даже любимое мое море, казавшееся такимъ безмолвнымъ, бьется съ шумомъ о берегъ. Я весь ожилъ.

Мнѣ ни разу не приходилось уѣзжать изъ дому такимъ беззаботнымъ и свободнымъ. Я сдалъ докторскій экзаменъ; схоронилъ искусственно поддерживаемое увлеченіе въ дни своей молодости, и фрейлейнъ Женни сдѣлалась женою часовыхъ дѣлъ мастера. Такимъ образомъ я имѣлъ рѣдкое счастье пуститься въ путешествіе, не оставляя дома возлюбленной и не сопровождаемый иллюзіями.

И вотъ насталъ всему конецъ; я снова встрѣтился съ Фридерикой.

* * *

Поздній вечеръ — сижу на террасѣ; я зажегъ свѣчу и приготовился писать. Пора разобраться въ себѣ. Я припоминаю разговоръ съ нею, первый разговоръ послѣ семи лѣтъ, первый послѣ того знаменательнаго часа...

Былъ полдень, я сидѣлъ на скамейкѣ у моря. Изрѣдка проходили люди мимо меня. На мосту стояла какая-то дама съ маленькимъ мальчикомъ, но она была такъ далеко, что трудно было разглядѣть ея лицо. Впрочемъ, она и не особенно притягивала мое вниманіе; мнѣ показалось, что она долго стояла на мосту лишь тогда, когда она сошла съ него и приблизилась ко мнѣ, лицо показалось мнѣ знакомымъ; разстояніе между нами было шаговъ въ десять,—я всталъ и пошелъ ей навстрѣчу. Она улыбнулась, и я узналъ ее.

— Да, это я, сказала она, протягивая мнѣ руку.

— Я сразу васъ узналъ, замѣтилъ я.

— Надѣюсь, не составило особеннаго труда, возразила она, — да и вы почти не измѣнились.

— Семь лѣтъ... началъ я.

Она кивнула головой: „семь лѣтъ“...

Мы оба замолчали. Она была замѣчательно красива. Улыбка озарила ея лицо; она обратилась къ мальчику, котораго держала за руку, и сказала: „дай ручку этому господину“. Ребенокъ послушался, но не взглянулъ на меня.

— Сынъ мой, сказала она.

Это былъ прехорошенькій мальчикъ съ темными волосами и свѣтлыми глазами.

— Какъ хорошо, что жизнь снова сталкиваетъ людей, начала она, — я не думала...

— Да, но въ то же время это странно, замѣтилъ я.

— Почему? спросила она, улыбаясь и въ первый разъ глядя мнѣ прямо въ лицо. — Теперь лѣто... всѣ путешествуютъ, не правда ли?

Мнѣ хотѣлось спросить объ ея мужѣ, но я могъ лишь вымолвить: „какъ долго вы пробудете здѣсь?..“

— Двѣ недѣли, потомъ встрѣтимся съ мужемъ въ Копенгагенѣ.

Я быстро взглянулъ на нее; лицо ея было ясно и спокойно и какъ бы спрашивало: „ты удивляешься?“

Я волновался и какъ-то безпокоился. Мнѣ вдругъ стало странно, что нѣкоторыя обстоятельства совершенно исчезаютъ изъ памяти. Я только теперь замѣтилъ, что ни разу не вспоминалъ о томъ, что произошло семь лѣтъ тому назадъ, какъ будто никогда ничего не было.

— Вы должны мнѣ еще о многомъ разсказать, начала она опять, — о многомъ, объ очень многомъ. Вы, вѣроятно, уже давно защитили докторскую диссертацію?

— Не особенно — съ мѣсяцъ.

— Но въ лицѣ у васъ все то же дѣтское выраженіе, сказала она, — усы, точно приклеенные.

Изъ отеля раздался громкій звонокъ, возвѣщая, что пора обѣдать.

— Прощайте, сказала она; казалось, она только и ждала этой минуты.

— Пойдемте вмѣстѣ! предложилъ я.

— Мы обѣдаемъ обыкновенно въ своей комнатѣ, я не выношу шума.

— Когда же мы опять увидимся?

Она улыбнулась и указала взглядомъ на небольшую аллею у моря. „Здѣсь невозможно не встрѣтиться“, но замѣтивъ, что ея отвѣтъ меня кольнулъ, прибавила: „особенно при желаніи. — До свиданья“.

Она пожала мнѣ руку и, не оглядываясь, направилась къ дому; мальчикъ же еще разъ обернулся въ мою сторону.

Все послѣобѣденное время я пробылъ въ

аллеѣ, но она не пришла. — „Пожалуй, уѣхала“, подумалъ я, — въ сущности, въ этомъ не было бы ничего удивительнаго.

* * *

Цѣлый день прошелъ, а я ее не видѣлъ. До обѣда шелъ дождь, и никто не выходилъ на улицу. Я прошелся нѣсколько разъ мимо ея дома, но, къ несчастью, не зналъ ея оконъ. Послѣ обѣда дождь пересталъ лить, и я совершилъ продолжительную прогулку по берегу моря до слѣдующаго мѣстечка. Было пасмурно и душно.

Всю дорогу я думалъ о *томъ*, быломъ. Прошлое мнѣ живо представилось: привѣтливый домикъ, въ которомъ я жилъ; и садикъ съ зелеными стульями и столами; и маленькій городокъ съ тихими улицами; и облака, расплывающіяся въ туманѣ; и надъ всѣмъ этимъ блѣдно-синее небо, казавшееся лишь тамъ такимъ блѣднымъ и такимъ синимъ. Ярко рисовались въ моей памяти и жители этого городка: товарищи, учителя и Фридерикинъ мужъ. Но я видѣлъ его не тѣмъ, какимъ онъ показался въ послѣдній моментъ; нѣтъ, онъ стоялъ предо мной сгорбленный, съ кроткимъ, нѣсколько уставшимъ выраженіемъ лица; потомъ онъ шелъ въ школу, привѣтливо раскланиваясь по пути съ встрѣчными учениками; вспомнилъ я также, какъ онъ сидѣлъ за столомъ между Фридерикой и мною, большей частью молча, — какъ онъ работалъ, сидя въ саду за зеленымъ столомъ и поправляя ученическія тетради; вотъ вошла въ садъ Фридерика, подала ему послѣобѣденный кофе и, улыбаясь, взглянула на мое окно, тогда я этого взгляда не понималъ... до *того* послѣдняго часа.

Мнѣ стало ясно, что я и прежде часто объ этомъ думалъ. Но представлялось мнѣ все это не какъ нѣчто пережитое, а просто въ видѣ картины, мирно висящей на своемъ мѣстѣ.

* * *

Мы сидѣли сегодня у моря и вели дружескую бесѣду. Мальчикъ игралъ у нашихъ ногъ съ камушками. Мы чувствовали себя легко и свободно, какъ будто между нами никогда ничего не произошло: говорили мы о погодѣ, о мѣстности, о знакомыхъ, о музыкѣ, о какихъ-то книгахъ — однимъ словомъ обо всемъ, о чемъ говорятъ люди, едва успѣвъ познакомиться другъ съ другомъ и не имѣющіе никакихъ общихъ интересовъ. Я почувствовалъ это лишь тогда, когда она меня покинула; мнѣ стало невыносимо грустно; я хотѣлъ крикнуть ей вслѣдъ: „оставь мнѣ хоть что-нибудь“, но она не въ состояніи была понять меня. Строго говоря, чего я еще могъ ожидать?! Что она при первой нашей встрѣчѣ выказала такую радость, такъ причиною этому, очевидно, была пріятная неожиданность встрѣтить въ незнакомомъ мѣстѣ стараго пріятеля. Теперь же она успѣла все припомнить такъ же, какъ и я, и забытое снова возстало въ ея памяти со всей своей силой. Могъ ли я знать, сколько она изъ-за меня перестрадала, а можетъ быть и теперь еще страдаетъ! Съ мужемъ она во всякомъ случаѣ не разошлась и помирилась, доказательствомъ чего служитъ четырехлѣтній мальчикъ; но бываетъ примиреніе безъ прощенія, и прощеніе — безъ забвенія. Лучшее, что я могъ сдѣлать въ этотъ моментъ—сію же минуту уѣхать отсюда.

* * *

Тотъ знаменательный годъ встаетъ передо мной во всей своей красѣ, полной непонятной грусти; и я вновь все переживаю. Я припоминаю то осеннее утро, когда въ сопровожденіи отца я пріѣхалъ въ маленькій городъ, въ которомъ долженъ былъ закончить гимназическій курсъ. Я ясно вижу школьное зданіе среди парка съ высокими деревьями. Припоминаю мои мирныя занятія въ красивой, большой комнатѣ; дружескія бесѣды съ профессоромъ о моей будущности, Фридерику, съ улыбкой прислушивающуюся къ нашимъ словамъ; прогулки съ товарищами въ сосѣднюю деревню; и всѣ эти мелочи такъ глубоко охватываютъ меня, какъ будто вся моя молодость только въ нихъ и заключается. По всей вѣроятности, я бы предалъ всѣ эти дни забвенію, если бы *тотъ* послѣдній часъ не озарилъ ихъ какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ. И самое странное то, что съ тѣхъ поръ, какъ я опять увидѣлъ Фридерику, дни, пережитые мною, кажутся мнѣ ближе послѣдняго мѣсяца мая, когда я увлекался барышнею, повѣнчавшейся въ іюнѣ съ часовыхъ дѣлъ мастеромъ.

Подошедши сегодня утромъ къ окну и взглянувъ на большую террасу, я увидѣлъ за однимъ изъ столовъ Фридерику съ мальчикомъ; они были почти одни. Столъ ихъ находился какъ разъ подъ моимъ окномъ, — и я пожелалъ ей добраго утра.

Она оглянулась.

— Вы уже встали? Такъ рано? сказала она, — сойдите къ намъ!

Черезъ минуту я уже сидѣлъ съ ними. Утро было великолѣпное — солнечное и прохладное. Мы болтали о такихъ же неинтересныхъ вещахъ, какъ и въ тотъ разъ, и все же все было иначе. Въ нашихъ словахъ звучало жгучее воспоминаніе о себѣ и о своемъ родномъ городѣ.

Мы пошли въ лѣсъ. Она первая заговорила.

— У насъ все по старому, какъ *тогда*, сказала она: — только садъ сталъ красивѣе; мужъ посвятилъ уходу за садомъ все свободное время съ тѣхъ поръ, какъ у насъ родился сынъ. Въ будущемъ году онъ даже собирается построить стекляный павильонъ. Вотъ уже два года, продолжала она, — что въ городѣ построили театръ, всю зиму до самаго вербнаго воскресенья идутъ представленія. Два-три раза въ недѣлю и я тамъ бываю, большей частью съ матерью,— ей театръ доставляетъ большее удовольствіе.

— И я въ театръ! вставилъ ребенокъ, котораго Фридерика вела за руку.

— И ты, разумѣется. По воскресеньямъ, — поясняла она мнѣ: — днемъ они играютъ для дѣтей; вотъ тогда-то я и вожу его туда, да оно и для взрослыхъ довольно занятно.

Многое и я долженъ былъ ей разсказать. О моихъ занятіяхъ и вообще о серьезныхъ вещахъ она мало спрашивала; ей гораздо интереснѣе было узнать, какъ я провожу свободное отъ занятій время, и я охотно описывалъ ей общественныя развлеченія большого города.

Разговоръ велся весело и непринужденно; ни одного намека не было сдѣлано на то, общее — и, навѣрное, оно ее такъ же мучило, какъ и меня.

Мы гуляли очень долго. Я чувствовалъ себя почти счастливымъ. Мальчикъ шелъ иногда между нами, и руки наши встрѣчались тогда на его кудряхъ. Но мы оба дѣлали видъ, что не замѣчаемъ, и невозмутимо продолжали начатый разговоръ.

Но вотъ я остался одинъ, и все мое хорошее настроеніе какъ бы въ воду кануло. Я снова почувствовалъ, что нахожусь въ полной неизвѣстности о Фридерикѣ. Я не могъ постичь того, что неизвѣстность эта не мучила меня во время нашего свиданія, и мнѣ показалось страннымъ, что Фридерика не стремилась къ объясненію. Если даже предположить, что у нея съ мужемъ и не упоминалось больше о томъ часѣ, изъ ея-то памяти не могъ во всякомъ случаѣ изгладиться этотъ эпизодъ нашей жизни. Послѣ того нѣмого прощанія произошло, по всей вѣроятности, нѣчто очень серьезное — а она молчала?! Быть можетъ, она ждала, чтобы я началъ? Что же меня-то удерживало? Быть можетъ, та же нерѣшительность, которая и ее заставляла молчать? А что, если мы оба просто боялись коснуться случившагося?! — Очень возможно. Но, въ концѣ-концовъ, оно все-таки неизбѣжно: такъ какъ надъ нами тяготѣетъ нѣчто странное, отталкивающее насъ другъ отъ друга и доводящее меня до сумасшествія.

* * *

Послѣ обѣда я слонялся по лѣсу, по тѣмъ же дорогамъ, гдѣ гулялъ съ нею сегодня утромъ. Я тосковалъ, какъ будто разстался съ безконечно любимымъ существомъ. Вечеромъ, послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ, я проходилъ мимо ея дома. Она стояла у окна. Я ей крикнулъ: „вы не сойдете внизъ?“

Она отвѣтила, какъ мнѣ показалось, холодно: „Я устала! Спокойной ночи!“ и затворила окно.

Въ воспоминаніяхъ Фридерика представляется мнѣ двоякимъ образомъ. Большею частью блѣдною, покорною женою, въ бѣломъ капотѣ, сидящей въ саду и ласкающей меня какъ мать.

Если бы я ее встрѣтилъ только такою, мой покой, навѣрное, не нарушился бы, и я, какъ и въ первые дни, лежалъ бы подъ тѣнистыми буковыми деревьями и наслаждался окружающей меня тишиной.

Но было время, когда я видѣлъ ее совсѣмъ иною; случилось это всего одинъ разъ — въ послѣдній часъ, проведенный мною въ профессорскомъ домѣ.

Мнѣ былъ врученъ аттестатъ зрѣлости. Какъ и всегда, профессоръ, жена его и я сидѣли за обѣдомъ, и такъ какъ я не хотѣлъ, чтобы меня провожали на вокзалъ, мы распрощались тутъ же по окончаніи обѣда. Я не чувствовалъ ни малѣйшаго умиленія. Тоска, навѣянная предстоящей разлукой, овладѣла мною лишь, когда я сидѣлъ на кровати въ пустой комнатѣ, съ упакованнымъ чемоданомъ въ ногахъ, и смотрѣлъ черезъ открытое окно на нѣжную зелень сада и на бѣлыя облака, мирно тянувшіяся надъ холмами.

Въ этотъ моментъ совершенно неожиданно отворилась дверь. Вошла Фридерика. Я быстро всталъ. Она подошла ближе, прислонилась къ столу, заложила обѣ руки за спину и, серьезно взглянувъ на меня, произнесла едва внятно: „Значитъ сегодня?“ Я кивнулъ головой — и только теперь вполнѣ почувствовалъ, какъ тяжело и грустно покидать тотъ городъ, гдѣ я прожилъ цѣлый годъ. Она стояла молча, опустивъ глаза.

Но вотъ она какъ бы очнулась, подо-

шла ко мнѣ, положила обѣ руки на мои волосы, какъ это и прежде бывало, — и все-таки была громадная разница между прежнимъ и теперешнимъ. — потомъ провела рукой по моимъ щекамъ, и взглядъ ея остановился на мнѣ съ безконечной любовью. Она грустно покачала головой, какъ будто не могла чего-то понять. — „Неужели ты уже сегодня долженъ покинуть насъ?“ спросила она тихо. — „Да“, сказалъ я. — „Навсегда?“ проговорила она. — „Нѣтъ“, отвѣтилъ я.

„О, да“, сказала она, „навсегда“. Лицо ея выражало горечь и страданіе. — „Даже, если и пріѣдешь къ намъ... черезъ два-три года... сегодня ты насъ навсегда покинешь“. Въ ея словахъ звучала безграничная не материнская любовь.

Меня обдало ужасомъ. И вдругъ она меня поцѣловала. У меня мелькнула мысль: „этого еще не бывало“. Но уста ея не могли оторваться отъ моихъ губъ, — и я понялъ все. Я смутился, но былъ счастливъ, слезы душили меня. Она обвила руками мою голову, и я, какъ будто толкаемый ею, опустился на кровать. Фридерика стояла на колѣняхъ у моихъ ногъ и цѣловала мою голову. Потомъ она взяла обѣ мои руки и закрыла ими свое лицо. Я шепотомъ произнесъ ея имя и удивился его благозвучности. Я упивался запахомъ ея волосъ, и... Въ эту минуту — я, казалось, окаменѣлъ отъ ужаса — дверь тихо отворяется, и въ ней показывается мужъ Фридерики. Мнѣ хочется вскрикнуть, но я не издаю ни единаго звука. Я смотрю на него, но не могу разобрать выраженія его лица — такъ какъ въ тотъ же моментъ онъ исчезаетъ, и дверь за нимъ закрывается. Я собираюсь встать, освободить свои руки, на которыхъ все еще покоится лицо Фридерики, называю ее по имени, — какъ она внезапно вскакиваетъ — блѣдная какъ смерть, едва слышно говоритъ мнѣ: „молчи“, и останавливается около двери, какъ бы стараясь взглядомъ пронзить ее насквозь. Затѣмъ слегка пріотворяетъ дверь, беретъ за руки и шепчетъ: „иди, иди, скорѣй“. Она меня выталкиваетъ — я тихо крадусь по корридору, дохожу до лѣстницы, тамъ еще разъ оборачиваюсь — и вижу ее въ дверяхъ съ невыразимымъ ужасомъ на лицѣ; быстрое движеніе руки ея мнѣ ясно говоритъ: „прочь, прочь“... И я скрываюсь. — То, что послѣдовало за этимъ, мнѣ кажется какимъ-то кошмаромъ. Страшась погони, я безъ оглядки добѣгаю до вокзала, вскакиваю въ поѣздъ, — и поѣздъ благополучно отъѣзжаетъ. Въ купэ я провелъ безконечную, безсонную ночь. Я былъ увѣренъ, что родителямъ моимъ уже все извѣстно, но каково же было мое удивленіе, когда меня встрѣтили съ распростертыми объятіями. Еще нѣсколько дней я провелъ въ сильномъ возбужденіи, ожидая чего-то ужаснаго, и каждый звонокъ, каждое письмо меня бросало въ лихорадку. Наконецъ, пришло извѣстіе, вполнѣ успокоившее: это было письмо отъ одного товарища, въ которомъ тотъ мнѣ сообщалъ разныя новости и передавалъ поклоны отъ товарищей. Значитъ, тамъ ничего не знали; все обошлось, по крайней мѣрѣ, безъ скандала. Я успокоивалъ себя надеждой, что между супругами все разъяснилось, онъ простилъ, — она раскаялась.

Не смотря на то, происшествіе казалось мнѣ первое время печальнымъ, мрачнымъ, и я винилъ себя въ безсознательномъ нарушеніи покоя пріютившей меня семьи. Мало по малу и это сознаніе исчезло, и уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, познакомившись ближе съ жизнью, я глубже и лучше понялъ *тотъ* часъ, и меня охватило невыразимое чувство тоски по Фридерикѣ, подобно скорби о томъ, что скрылось чудесное знаменіе, на мигъ показавшееся на небесахъ. Но вскорѣ и эта тоска прошла, и я совершенно забылъ молодую женщину. — А теперь снова ожило все то, что казалось навѣки забытымъ. Я снова предаюсь овладѣвающимъ мною мыслямъ, но глубже, сильнѣе, чѣмъ *тогда*, потому что теперь я люблю Фридерику.

* * *

Сегодня мнѣ ясно все, что казалось въ послѣдніе дни такимъ непонятнымъ. Мы сидѣли поздно вечеромъ на берегу моря, мальчикъ уже спалъ. Днемъ я просилъ ее придти; я звалъ ее, чтобы показать ей дивную красоту моря, для того, чтобы она насладилась волшебной прелестью глубокой тьмы и окружающей насъ тишины. Она ничего не отвѣтила, но я зналъ, что она придетъ. И вотъ мы сидѣли у моря, ни слова почти не говоря, рука ея покоилась въ моей рукѣ, и я сознавалъ, что мнѣ стоило сказать одно слово и Фридерика была бы моею. „Зачѣмъ объясняться“, подумалъ я — и зналъ въ то же время, что она уже съ первой минуты такъ же думала. Тѣ ли мы еще, какими были *тогда*? Мы свободны, какъ вольныя птицы; воспоминанія уносятся все выше и выше. Можетъ быть, вчера она была еще несчастна, а можетъ быть, и легкомысленна; сегодня она сидитъ со мной, держитъ мою руку и страстно желаетъ пасть въ мои объятія.

Медленно дошли мы до дому. По улицѣ тянулись длинныя, черныя тѣни.

— Поѣдемте завтра на лодкѣ? сказалъ я.

— Хорошо, возразила она.

— Я буду ждать на мосту, въ семь часовъ...

— Куда? спросила она.

— Вонъ, на тотъ островъ... гдѣ маякъ, видите?

— О да, красный свѣтъ? Это далеко?

— Съ часъ, мы скоро вернемся.

— Спокойной ночи, сказала она и вошла въ переднюю.

Я пошелъ. — „Скоро, можетъ быть, ты меня позабудешь, — думалъ я, но завтра ждетъ меня наслажденіе“.

Я первый пришелъ на мостъ. Лодка уже ждала насъ; старикъ Янзенъ поставилъ паруса и, сидя на рулѣ, курилъ трубку. Я спрыгнулъ въ лодку и, покачиваемый вол-

Зима и весна. Съ картины художника А. Рёстеля.

Весенней порой. Съ картины художника Ф. Сулакроа.

нами, всецѣло предался ожиданію. Улица еще пустѣла. Черезъ четверть часа показалась Фридерика. Мнѣ казалось, что она шла быстрѣе обыкновеннаго. Она меня замѣтила и привѣтствовала улыбкой. Когда она перешла черезъ мостъ, я подалъ ей руку и помогъ сойти въ лодку. Янзенъ отвязалъ канатъ, и лодка отчалила. Мы сидѣли рядомъ; она взяла меня подъ руку. На ней было бѣлое платье, придававшее ей видъ пятнадцати-лѣтней дѣвушки.

— Что особеннаго на этомъ островѣ? спросила она. Я улыбнулся.

Она покраснѣла.

— Во всякомъ случаѣ маякъ?

— Быть можетъ, и церковь, прибавилъ я.

— Спросите же старика... Она указала на Янзена.

Я спросилъ его:

— Въ какомъ году построена церковь на островѣ?

Но онъ не понималъ по-нѣмецки; и мы, разумѣется, почувствовали себя еще свободнѣе.

— А тамъ, сказала она, взглянувъ на противоположный берегъ,—тоже островъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я,—это Швеція.

— Вотъ бы туда съѣздить, сказала она:— какъ бы было хорошо!

— Да, возразилъ я, но съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться... долго... долго... навсегда...

Если бы она теперь мнѣ сказала: „хорошо, бросимъ все, уѣдемъ и останемся въ чужой странѣ!“ — я бы согласился. Лодка тихо скользила по морю, ясное небо, серебряныя брызги воды, свѣжій, прохладный воздухъ, моя прекрасная спутница — все меня опьяняло и переносило въ волшебный міръ грезъ.

Но вотъ мы стали приближаться къ острову; замелькали домики, бѣлая церковь, возвышавшаяся на холмикѣ; тутъ и тамъ виднѣлись рыбачьи ладьи. Лодка наша летѣла на полныхъ парусахъ. Фридерика смотрѣла на островъ, но едва ли его видѣла; мысли ея витали въ совершенно другой области. Не прошло и часа, какъ мы въѣхали въ гавань, которая, окруженная деревяннымъ мостомъ, производила впечатлѣніе небольшого пруда.

На мосту стояло нѣсколько дѣтей. Мы вышли и медленно пошли по берегу — дѣти слѣдовали сначала за нами, но вскорѣ разбрелись.

Вотъ и самая деревня; въ ней было не болѣе двадцати домиковъ, разбросанныхъ безъ всякой системы. Мы ступали по мелкому желтому песку, въ которомъ ноги такъ и вязли. На солнечномъ мѣстѣ у самаго моря были развѣшаны рыбачьи сѣти. Бабы сидѣли у дверей и штопали дыры въ сѣтяхъ. Мы прошли еще шаговъ сто и были одни, передъ нами вилась узкая тропинка; мы завернули по ней по направленію къ маяку; виднѣлось море, отдѣленное отъ насъ лишь узкою полосою вспаханной земли; направо возвышался холмъ, по гребню котораго вела извилистая дорожка къ церкви. На островѣ царило глубокое молчаніе, и солнце ярко освѣщало пейзажъ. — Ни Фридерика, ни я не проронили ни слова. Я былъ счастливъ; мнѣ было безконечно хорошо съ ней въ этой царственной тиши.

Наконецъ, она прервала молчаніе:

— Недѣлю тому назадъ, сказала она.

— Ну?

— Я еще не знала... куда поѣду.

Я ничего не отвѣчалъ.

— Ахъ, какъ тамъ скучно, воскликнула она и схватила мою руку.

Меня безумно тянуло къ ней. Мнѣ хотѣлось обнять и расцѣловать ее.

— Развѣ? спросилъ я тихо. — Она молчала, и лицо ея было очень серьезно. Мы дошли до домика около маяка; дорога здѣсь кончалась; пришлось повернуть обратно. Узкая тропинка вела довольно круто къ верхушкѣ холма. Я остановился въ нерѣшительности.

— Пойдемте, сказала она.

Мы направились къ церкви; было страшно жарко. Я обвилъ рукою шею Фридерики; чтобы не поскользнуться, она должна была идти совсѣмъ рядомъ со мной. Я дотронулся до ея горячихъ щекъ.

— Почему мы о васъ такъ долго ничего не слышали? спросила она совершенно неожиданно, — по крайней мѣрѣ, я, добавила она, смотря мнѣ въ глаза.

— Почему? повторилъ я, удивленный.

— Ну да!

— Развѣ я могъ?

— Ахъ, потому, сказала она, — неужто вы обидѣлись?

Я былъ такъ пораженъ, что не могъ отвѣчать.

— Что же вы думали?

— Что я...

— Да... или вы уже ничего больше не помните?

— Конечно, помню. Почему вы объ этомъ заговорили?

— Я уже давно хотѣла васъ спросить, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ говорите, волновался я.

— Вы сочли это капризомъ — о, разумѣется, продолжала она горячо, замѣтивъ что я хотѣлъ возразить, — но увѣряю васъ, вы очень ошиблись. Сколько я въ тотъ годъ перестрадала, одинъ Богъ знаетъ!

— Въ какой годъ?

Да... когда вы у насъ... Зачѣмъ вы спрашиваете?.. Сначала я и сама... Но къ чему я все это говорю?

Я горячо схватилъ ея руку.

— Говорите, умоляю... вѣдь я же люблю васъ.

— И я тебя, воскликнула она; взяла мои руки и стала ихъ цѣловать цѣловать безъ конца.

— Не мучь меня, говори! сказалъ я, — и ничего, ничего не скрывай.

Она продолжала: — Сначала я сама говорила себѣ: онъ ребенокъ... я люблю его, какъ мать. Но по мѣрѣ того, какъ приближался день твоего отъѣзда...

Она на минуту остановилась, потомъ снова заговорила:

— И, наконецъ, этотъ часъ насталъ,—я не намѣревалась подняться къ тебѣ — я не знаю, что меня туда толкало. И, когда я пришла къ тебѣ, я не думала тебя поцѣловать, но...

— Дальше, дальше, говорилъ я.

— И тогда я вдругъ тебѣ сказала, чтобы ты шелъ... ты думалъ, разумѣется, что все это одна комедія?

— Я тебя не понимаю.

— Я давно въ этомъ убѣдилась. Я тебѣ даже написать хотѣла. Но къ чему?.. Итакъ... Я тебя услала... потому что... мнѣ вдругъ стало страшно.

— Знаю.

— Если знаешь, почему же ты никогда больше не писалъ? воскликнула она.

— Что тебя испугало? спросилъ я, начиная мало по малу понимать ее.

— Мнѣ послышались шаги въ коридорѣ.

— Тебѣ послышались шаги? То-есть какъ?

— Совершенно ясно. Шаги... Да, да, шаги. Я думала, что онъ... Меня охватилъ страхъ — вѣдь было бы ужасно, если бы онъ... я и думать боюсь. Но никого не было, никого. Онъ вернулся поздно вечеромъ домой, ты уже давно уѣхалъ.

Во время ея разсказа, я чувствовалъ, какъ во мнѣ что-то оборвалось. И, когда она кончила, я смотрѣлъ на нее и спрашивалъ себя: кто она? — Я невольно взглянулъ на гавань, гдѣ бѣлѣла мачта нашей лодки; въ головѣ у меня промелькнула мысль: „какъ много, безконечно много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы причалили къ острову“. Я пріѣхалъ сюда съ любимою женщиной, а уѣзжаю съ совершенно мнѣ чуждою. Говорить я не могъ.

Она ничего не замѣчала и принимала мое молчаніе за выраженіе безграничной нѣжности. Я же думалъ о немъ.

Значитъ — онъ ей ничего не сказалъ. Она не знаетъ, не подозрѣваетъ, что онъ видѣлъ ее у моихъ ногъ. Онъ тихо отошелъ отъ двери и поздно... послѣ долгихъ мучительныхъ часовъ вернулся обратно и ни слова ей не сказалъ. И онъ прожилъ столько лѣтъ, ни разу не выдавъ ей своей тайны. Онъ простилъ ей — а она этого не знала!

Церковь находилась отъ насъ шагахъ въ десяти; я завернулъ на крутую дорожку, начинавшуюся у самой церкви, то былъ кратчайшій путь къ деревнѣ. Фридерика слѣдовала за мной...

— Дай мнѣ руку, сказала она, — не то я поскользнусь. Я исполнилъ ея желаніе, не взглянувъ даже на нее.

— Что съ тобой? спросила она. Я ничего не отвѣчалъ, сжавъ лишь крѣпко ея руку, что, казалось, ее успокоило.

Молчаніе становилось неловкимъ, и я заговорилъ: — Жаль, что мы не осмотрѣли церкви. — Она засмѣялась:

— Теперь уже поздно, мы и не замѣтили ея даже.

— Хотите вернуться? спросилъ я.

— Нѣтъ, я такъ рада, что скоро отдохну въ лодкѣ. Мнѣ бы хотѣлось покататься съ вами когда нибудь вдвоемъ, безъ провожатаго.

— Я не умѣю управлять парусомъ.

— О! сказала она, но вдругъ остановилась, какъ будто боясь договорить. — Я не спрашивалъ. Скоро мы были на мосту. Насъ опять окружили тѣ же дѣти. Они смотрѣли на насъ своими большими синими глазами. Мы сѣли въ лодку и отчалили. Море успокоилось; при закрытыхъ глазахъ почти не ощущалось никакого движенія.

— Лягте къ моимъ ногамъ, сказала Фридерика. И я растянулся на днѣ лодки, положивъ голову на колѣни Фридерики. Я закрылъ глаза и не чувствовалъ ни малѣйшаго колебанія лодки. Мнѣ было хорошо, что я не видѣлъ лица Фридерики. Она говорила, и голосъ ея звучалъ какъ будто издалека. Я все понималъ и въ то же время могъ слѣдовать за своими мыслями. Фридерика приводила меня въ ужасъ.

— Сегодня вечеромъ мы поѣдемъ на море! сказала она.

Мнѣ казалось, что какіе-то призраки витаютъ вокругъ нея.

— Сегодня вечеромъ на морѣ, повторила

она медленно, на гребной лодкѣ. Грести вѣдь ты умѣешь?

— Да, сказалъ я. Меня приводило въ ужасъ глубокое прощеніе, окружавшее ее и не сознаваемое ею.

Она продолжала: — Мы поѣдемъ въ море и будемъ одни! Что же ты молчишь? спросила она.

— Я счастливъ, отвѣтилъ я.

Меня приводила въ ужасъ судьба, постигшая ее безъ ея вѣдома столько лѣтъ тому назадъ.

Мы скользили все дальше. Одно мгновеніе я колебался, не сказать ли ей, что я думалъ: „избавь ее отъ этихъ призраковъ, и она снова обратится въ обыкновенную женщину, и ты будешь ее любить!“ Но я не имѣлъ на то никакого права. — Мы пріѣхали.

Я выпрыгнулъ изъ лодки и помогъ ей выйти.

— Мальчуганъ, должно быть, ужь соскучился по мнѣ. Я пойду впередъ.

На берегу было очень многолюдно; я замѣтилъ, что за нами наблюдаютъ.

— Сегодня вечеромъ, сказала она, — въ девять часовъ я... но, что съ тобою?

— Я очень счастливъ, произнесъ я.

— Сегодня вечеромъ, говорилъ я, — въ девять часовъ я буду здѣсь, буду у тебя. До свиданія!

И она ушла.

— До свиданія! — сказалъ я, не двигаясь съ мѣста; въ эту минуту я ясно сознавалъ, что я ее больше никогда не увижу.

* * *

Теперь я уже далекъ отъ нея; я сижу въ поѣздѣ и пишу, въ то время, какъ разстояніе между нами съ каждой секундой все растетъ и растетъ.

ПАСХА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Переводъ **Е. М. Соловьевой.**

Въ Нью-Іоркѣ нѣтъ ничего прекраснѣе перваго появленія весны съ веселымъ видомъ свѣтлыхъ дамскихъ туалетовъ, сразу вытѣсняющихъ темныя мѣховыя шубы, нѣтъ ничего прекраснѣе сдержанной религіозной радости, охватывающей весь огромный городъ въ первый день Пасхи.

Наканунѣ шумъ дѣловой жизни затихаетъ нѣсколько ранѣе обыкновенныхъ субботъ. Электрическіе трамваи, летящіе надъ городомъ поѣзда, внушительные пароходы доставляютъ огромныя, торопливыя толпы народа, трудящагося и толкающагося въ теченіе дня въ центрѣ города, въ отдаленные кварталы Гарлема или въ спокойныя улицы Бруклина. Повсюду распространяется непривычная тишина. Большая часть театровъ закрыты въ продолженіе всей Страстной недѣли, тѣ же изъ нихъ, что рѣшаются оставаться открытыми, мало посѣщаются. Даже наименѣе набожные американцы считаютъ неудобнымъ пользоваться шумными общественными развлеченіями въ эти дни религіознаго траура. На Бродуэй, не смотря на яркое освѣщеніе въ кафе-шантанахъ, чувствуется отсутствіе оживленія неудавшагося праздника.

Но вотъ дни покаянія подходятъ къ концу.

Наступаетъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія! Нѣжные, розовые тона тонутъ и исчезаютъ на блѣдно-голубомъ небѣ зарождающагося утра. Люди снова начинаютъ приходить въ движеніе, направляясь къ церквамъ. Всѣ вздрагиваютъ, точно не успѣли еще какъ слѣдуетъ проснуться и кажутся блѣдными при неопредѣленномъ свѣтѣ—смѣси электричества и еле забрезжившагося утра.

Первые удары церковнаго колокола привѣтствуютъ утреннюю зарю.

Задолго до появленія утра со всѣхъ сторонъ собираются цвѣточницы и, раскрывъ огромныя повозки съ цвѣтами, преображаютъ тротуары въ настоящіе цвѣтники. Здѣсь и лиліи, чудныя полевыя лиліи, высокія и нѣжныя, масса азалій, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, кусты очаровательныхъ розовыхъ лавровъ. Купцы, заинтересованные въ результатѣ этого базара, снуютъ посреди цвѣтовъ. Отъ множества гвоздики, розъ и лилій, которыя встряхиваются и устанавливаются, распространяется дивный ароматъ, невольно привлекающій вниманіе всякаго и заставляющій желать скорѣйшаго наступленія іюня.

Говорятъ, что почти всѣ эти цвѣты получаются съ Юга, изъ Флориды. Одна только богатая, молодая чахоточная изъ Филадельфіи миссъ Люси Мастерсонъ поставляетъ нѣсколько огромныхъ, до верху нагруженныхъ цвѣтами судовъ. Ея исторія очень интересна. Три или четыре года тому назадъ доктора отправили ее на Бермудскіе острова, благодаря ихъ благодатному климату. Видя тамъ обширные цвѣтники, она плѣнилась поэзіей культуры цвѣтовъ и тотчасъ же развела невиданную дотолѣ по размѣрамъ плантацію лилій,—самую большую, изъ существующихъ на землѣ. Кромѣ тяжелыхъ заботъ, всѣ остальныя, правда, очень легкія, исполняются молодыми дѣвушками, также чахоточными, но бѣдными, которыхъ миссъ Мастерсонъ рекомендуютъ ея друзья съ материка и которыхъ она выписываетъ сюда на свой счетъ. Онѣ окружены прекраснымъ уходомъ и проводятъ счастливые дни въ сказочной, по красотѣ, странѣ, благословляя свою благодѣтельницу. Тѣмъ не менѣе будетъ небезъинтересно замѣтить, что миссъ Мастерсонъ имѣетъ съ продажи своихъ лилій ежегоднаго чистаго дохода 25,000 долларовъ. Какъ видно, филантропія помѣщена очень удачно.

На Пасхѣ самый любимый цвѣтокъ—лилія, служащая эмблемой дня. Церкви и соборы переполнены лиліями. Всѣ окна на домахъ украшаются этимъ цвѣткомъ, точно такъ же какъ и всѣ квартиры. Лиліи видны вездѣ и всюду.

Вдоль всей пятой Avenue, въ особенности начиная отъ Мадизонскаго сквера до Центральнаго Парка, и во всѣхъ примыкающихъ сюда прямыхъ нарядныхъ улицахъ, въ которыхъ богатство соорудило цѣлый рядъ роскошныхъ дворцовъ, появляющіеся на Пасхѣ на открытомъ воздухѣ рынки являются серьезными конкурентами цвѣточнымъ магазинамъ съ богато украшенными окнами.

„Easter Lilies!“ какое красивое сочетаніе слоговъ, переводъ—„Пасхальныя лиліи“, безсиленъ передать ихъ красоту!

„Easter Lilies!“ Слова эти пробуждаютъ въ фантазіи всякаго англо-саксонца чистый образъ молодыхъ дѣвушекъ, сестеръ или невѣстъ, съ огромными букетами лилій въ рукахъ. Всякому ясно приходятъ на память незабвенныя картины, радостныя улыбки, съ которыми принимались цвѣты.

Въ часъ пробужденія города, когда первые лучи свѣта, только что скользившіе въ верхнихъ окнахъ домовъ, начинаютъ быстро спускаться къ ихъ фасадамъ, цвѣточные рынки представляютъ уже очень оживленную картину. Солиднаго вида мужчины, толстые банкиры, члены разныхъ клубовъ, никогда въ жизни не встающіе такъ рано, разные business и всевозможные жуиры снуютъ здѣсь съ ранняго утра, выбираютъ, покупаютъ, дѣлаютъ наставленія, куда приколоть ихъ карточки и въ которомъ часу посылать заказы. Затѣмъ пріѣзжаютъ дамы - благотворительницы и выбираютъ цвѣты для украшенія жилищъ „своихъ бѣдныхъ“. Вскорѣ за ними появляются во множествѣ свѣтскія дамы, въ сопровожденіи компаньонокъ или лакеевъ, влекомыя сюда модой, которая требуетъ, чтобы покупка цвѣтовъ дѣлалась лично, а кромѣ того и главнымъ образомъ удовольствіемъ походить, подышать чистымъ воздухомъ ранняго утра и потолкаться въ этой оживленной, веселой толпѣ.

Это очень милый обычай—напоминать о себѣ другъ другу съ ранняго утра присылкой бѣлыхъ цвѣтовъ. Тутъ нѣтъ необходимости дѣлать дорогіе подарки, какъ это бываетъ на Рождествѣ, отчего этотъ праздникъ подчасъ становится очень непріятнымъ.

На Пасхѣ подарокъ цѣнится по сердечности, съ которой онъ дѣлается. Обычный членъ клубовъ, закоснѣлый холостякъ, старающійся сохранить за собой, вмѣстѣ съ остаткомъ волосъ, и репутацію „ladies'man“ посылаетъ снопъ лилій молоденькимъ дамамъ, у которыхъ часто обѣдаетъ и съ которыми, быть можетъ, не прочь пофлиртировать потихоньку, но отъ искренняго сердца, причемъ восхищеніе его отнюдь не лишено полнаго уваженія.

Цвѣтами обмѣниваются также подруги и женихи съ невѣстами„ From May to Nellie, with love“, „fondest remembrance“.

Въ этотъ день все это довольно искренно: люди хоть разъ въ годъ дѣлаются добры. Очень часто случается, что строго воспитанныя барышни посылаютъ въ этотъ праздникъ знакъ милаго вниманія своимъ друзьямъ другого пола, очень мало безпокоясь о томъ, что въ другое время это могло бы вызвать нареканія.

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Г. БОРДТА.

НА МОРСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ.

Если какому-нибудь учителю пѣнія, принимающему живописныя позы у рояля и вскидывающему къ небу выразительные глаза, или какому-нибудь знаменитому „cher maître“, пріѣхавшему изъ Парижа съ цѣлью малевать портреты милліонерокъ, удалось хоть немного подѣйствовать на воображеніе богатыхъ барышень, развязнымъ ли цинизмомъ или бульварной самонадѣянностью парижанина, можно съ увѣренностью сказать, что она не задумалась бы послать ему въ этотъ день какую-нибудь бездѣлушку съ милой записочкой; значеніе этой бездѣлушки самодовольный господинъ перетолковалъ бы совершенно ошибочно, что, безъ сомнѣнія, породило бы очень непріятныя недоразумѣнія, изъ которыхъ онъ вышелъ бы крайне удивленнымъ, но болѣе благоразумнымъ и ознакомившимся нѣсколько ближе со свободной американской миссъ.

Очень жаль, что мало-по-малу начинаетъ входить въ обычай дѣлать на Пасхѣ болѣе прочные подарки, чѣмъ недолговѣчные цвѣты: въ простотѣ и кратковременности также есть своя прелесть. Между тѣмъ въ этотъ день получаются маленькіе серебряные канделябры, небольшія кропильницы изъ перламутра, отдѣланнаго дорогимъ металломъ; совершенно бѣлыя четки, статуэтки изъ слоновой кости, молитвенники въ изящныхъ переплетахъ — изъ бѣлой кожи съ золотыми орнаментами или гладкаго голубого сафьяна. Тѣмъ не менѣе, какъ видно, всѣ подарки сохраняютъ религіозный характеръ, на всемъ лежитъ печать чистоты, которая неразрывна со Свѣтлымъ праздникомъ Пасхи.

Около десяти часовъ весь городъ оглашается радостнымъ колокольнымъ звономъ; тоненькіе, серебристые звуки сливаются съ густыми басами большихъ колоколовъ, затѣмъ, отдѣлившись отъ нихъ, весело трезвонятъ въ ясномъ небѣ, точно играя съ невидимыми духами. Это призывъ къ торжественной пасхальной обѣднѣ.

На прямыхъ, тихихъ и пустынныхъ, по случаю праздничнаго отдыха, улицахъ, начинаютъ появляться толпы народа, направляющіяся къ церквамъ. Нарядныя массы движутся по улицамъ очень степенно, безъ особеннаго шума. Тишина нарушается лишь непрерывнымъ ликованьемъ колокольнаго звона.

У насъ большая часть мужчинъ ходитъ въ церкви въ опредѣленные дни, большинство по убѣжденію, другіе, чтобы исполнить желаніе супруги, или чтобы доставить себѣ удовольствіе сопутствовать въ церковь молодую дѣвушку, которая интересуетъ.

„Позвольте сопровождать васъ завтра въ церковь, миссъ Флоренсъ? Или „How will you take me to church next Sunday?“

И дѣйствительно слѣдующее воскресенье, къ извѣстному часу аккуратно является молодой инженеръ, или какой-нибудь молодой чиновникъ, безукоризненно одѣтый по самой послѣдней модѣ, напоминая собой модную картинку.

Они уходятъ вдвоемъ, безъ провожатаго — родители уже ушли, — придутъ позднѣе, или отправились куда нибудь въ другое мѣсто. Въ воскресенье, если только погода позволяетъ, всѣ предпочитаютъ ходить пѣшкомъ. Это чудная прогулка вдоль всей длинной avenue, обмѣнъ поклоновъ, веселыхъ good mornings съ сосѣдями, съ другими парами, со знакомыми, которые точно такжке направляются кто въ церковь методистовъ, кто въ епископальную, кто въ католическій храмъ, причемъ разница вѣроисповѣданія не порождаетъ ни малѣйшаго удивленія или тѣни разногласія.

Послѣ того какъ молодой человѣкъ имѣлъ счастье въ первый разъ открыто пройтись съ симпатичной ему дѣвушкой, какое наслажденіе вмѣстѣ съ ней стать на колѣни или, стоя рядомъ, слѣдить за чудными проявленіями ея религіознаго настроенія! Что можетъ быть прекраснѣе молящейся красивой молодой дѣвушки?

Пасхальная служба ни что иное какъ общее восклицаніе радости всѣхъ христіанъ передъ воскресеніемъ. Органы и хоры воспѣваютъ счастье вернувшейся жизни и свѣта. Слова, произносимыя священникомъ, западаютъ въ самую глубь души молящагося и наполняютъ все существо его радостью и весельемъ.

* * *

У американцевъ существуетъ странный предразсудокъ, что на Пасхѣ нужно одѣваться во все новое: говорятъ, это приноситъ счастье. Нѣтъ ни одной женщины, ни одной молодой дѣвушки, которая задолго до праздника не заготовила бы себѣ все необходимое, точно такъ же какъ между мужчинами мало такихъ, которые не заказали бы себѣ къ Пасхѣ новаго платья. Что касается женщинъ, то вѣрятъ ли онѣ или нѣтъ этому „good luck“, но обычай укоренился въ настоящее время такъ твердо, что отказаться отъ него было бы болѣе чѣмъ трудно.

Задача эта, конечно, очень усложняется постояннымъ соревнованіемъ. Дѣло не ограничивается только тѣмъ, чтобы имѣть весенній туалетъ, въ которомъ можно было бы явиться въ церковь, но надо еще затмить туалеты другихъ. Отсюда масса волненій и хлопотъ: пасхальная шляпа, пасхальное платье, чулки, пасхальныя юбки, все это не сходитъ съ языка въ теченіе всего поста; работа кипитъ повсюду и развиваетъ малокровіе изнемогающихъ отъ усталости и голода „factory girls“. Отцы совсѣмъ замучились этой сутолокой... а что сказать о бѣдныхъ мужьяхъ!

Для тѣхъ, кто свободно распологаетъ чековой книжкой, все это происходитъ очень просто: имѣются сношенія съ лучшими представителями Парижа и на выборъ заказывается до десяти туалетовъ. Требуется по крайней мѣрѣ мѣсяцъ постоянной ѣзды, утомительныхъ совѣщаній, но зато онѣ, эти обладательницы милліардовъ, почти увѣрены въ эффектѣ, который произведутъ.

Для женъ маленькихъ чиновниковъ задача усложняется: надо стараться выйти побѣдительницей, обладая очень маленькими къ тому средствами. И увы! часто это оказывается непосильнымъ трудомъ. Какъ видите, во Франціи, въ Америкѣ, онѣ вездѣ все тѣ-же!

Въ прошломъ году, выходя изъ собора св. Патрикія, я поздравилъ съ восхитительнымъ пасхальнымъ туалетомъ одну еще очень юную жену адвоката.

— Ахъ и не говорите, это такое безуміе: вотъ уже два мѣсяца, какъ мы всего себя лишаемъ. Она мнѣ сказала это очень искренно и смѣясь, и, по всей вѣроятности, говорила сущую правду: въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ хозяйствѣ расходы были навѣрно доведены до минимума, чтобы имѣть къ Пасхѣ изящный туалетъ отъ хорошаго портного. Это стоило очень дорого.

Можно себѣ представить, сколько бываетъ такихъ случаевъ, если въ одномъ Нью-Іоркѣ ихъ ежегодно до двухсотъ тысячъ!

Усиліе это становится достойнымъ сожалѣнія, а иногда просто трагическимъ въ средѣ дѣвушекъ, работающихъ на заводахъ. Сколько жадныхъ взоровъ видѣлъ я передъ роскошными магазинами модъ на Avenue A! Сколько разъ мнѣ становилось грустно, глядя на эти толпы бѣдныхъ дѣвушекъ, съ гордостью выставляющихъ на судъ свои некрасивыя шляпы и платья — дешевыя копіи дорогихъ оригиналовъ, выставленныхъ въ нарядныхъ витринахъ. И для этого также требовались лишенія и лишніе часы ночной работы!

Нѣкогда я зналъ одну маленькую бѣлошвейку съ Wooster street, пламеннымъ желаніемъ которой было имѣть пару перчатокъ. Но при полномъ обновленіи гардероба, накидки, шляпы и платья, объ этомъ нечего было и мечтать. А между тѣмъ ей хотѣлось непремѣнно имѣть къ Пасхѣ пару перчатокъ, настоящихъ лайковыхъ перчатокъ, тонкихъ и длинныхъ. Въ продолженіе уже трехъ лѣтъ этому счастью все не было суждено осуществиться: постоянно больной братъ, или неуплаченные долги заставляли мать быть очень экономной. На этотъ разъ мечта, повидимому, снова должна была остаться мечтой; но тутъ мы сложились втроемъ и привели въ осуществленіе это недосягаемое желаніе.

Старики увѣряютъ, что съ тѣхъ поръ какъ они себя помнятъ, на Пасхѣ всегда стояла въ Нью-Іоркѣ чудная погода. Теперь надѣются, что будетъ такъ же, и дѣйствительно день Свѣтлаго Христова Воскресенія былъ всегда прекрасенъ.

Когда, въ полдень, изъ широко-раскрытыхъ дверей храмовъ толпами выходитъ народъ, улицы сразу превращаются въ свѣтскіе салоны. Исполнивъ свой долгъ передъ церковью, всѣ чувствуютъ какое-то облегченіе и довольство собой, продолжающееся весь день. „Ah! so glad indeed“, обмѣниваются быстрыми впечатлѣніями нарядовъ, сообщаютъ новости при обмѣнѣ рукопожатій и посылаются издали любезные поклоны и улыбки.

Мало-по-малу масса народа заполняетъ всю Avenue и такъ какъ изъ всѣхъ церквей выходятъ одновременно, то вскорѣ образуется два теченія, одно восходящее, другое нисходящее. Движется нарядная толпа изящныхъ дамъ и мужчинъ, среди которыхъ виднѣются представители извѣстнѣйшихъ именъ и силъ Америки.

Небольшая часовая прогулка между Waldorf-Astoria и Паркомъ совершенно достаточна, чтобы показаться, повидать другихъ и подышать передъ завтракомъ теплымъ, солнечнымъ утромъ.

Это пасхальный парадъ, знаменитый Easter Parade, одна изъ достопримѣчательностей столицы. Здѣсь можно видѣть всѣхъ этихъ желѣзнодорожныхъ королей, беззаботныхъ на видъ господъ, владѣтелей серебряныхъ рудниковъ въ Колорадо, которые приходится періодами закрывать, чтобы цѣна на серебро не упала ниже свинца; здѣсь всѣ эти знаменитые аферисты, рѣшенія которыхъ порождаютъ по временамъ панику и которые встряхиваютъ биржу, какъ плодовое дерево, когда, по ихъ мнѣнію, настала пора собирать милліоны.

Вотъ идетъ тотъ маленькій молодой человѣкъ, что одно время въ прошломъ году рѣшилъ было скупить весь хлѣбъ, чѣмъ заставилъ бы всю страну кричать о голодѣ; вотъ другой, назначающій цѣну на сахаръ, за нимъ господинъ съ кроткимъ лицомъ, выказывающій столько любезнаго вниманія къ идущимъ съ нимъ дѣвочкамъ-подросткамъ, не кто иной, какъ Рокфеллеръ; всякая горящая керосиновая лампа, на всемъ свѣтѣ, платитъ ему пошлину; у него свой флотъ, цѣлые города. Цифра его состоянія просто колоссальна.

Большинство изъ нихъ такъ же добры и порядочны, какъ и интеллигенты и предпріимчивы, не смотря на много ходящихъ о нихъ легендъ. Но особеннаго вниманія достойны женщины—прекрасныя, здоровыя американки, настоящія королевы, достойныя представительницы американской аристократіи.

Все это вмѣстѣ, въ прекрасный, яркій день, составляетъ красивую картину. Ничего подобнаго нельзя видѣть въ Парижѣ. Тамъ нѣтъ, какъ здѣсь, въ Нью-Іоркѣ, кварталовъ, не допускающихъ магазиновъ и предоставленныхъ исключительно богатымъ людямъ, гдѣ высшіе классы общества свободно могутъ выходить на улицу, не подвергая себя столкновеніямъ съ простонародіемъ и полусвѣтомъ.

СЛУШАЙ-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао**. Переводъ **Е. Шульгиной**. (*Продолженіе*).

ЛЮБОПЫТСТВО подстрекнуло молодую женщину встать и взглянуть черезъ ограду.

Удивленному, а потомъ и испуганному взгляду ея представилось странное зрѣлище.

То былъ довольно обширный участокъ, спускавшійся отлого внизъ, обнесенный невысокой каменной стѣной. Ограда обвалилась, мѣстами обратилась въ кучи заросшаго травой мусора, мѣстами была размыта дождями, расшатана вѣтромъ; она представляла теперь жалкую преграду для людей и животныхъ и, можетъ быть, даже обозначала не совсѣмъ точно границы участка. На странно изрытой землѣ, покрытой то буграми, то ямами, точно размытой волнами бушующаго моря, даже трава росла какъ-то странно, какими-то пучками. На газонѣ, гдѣ торчали засушенные жаромъ черныя маковыя головки съ ихъ снотворными зернышками, возвышались большіе кусты розъ. Воздухъ былъ насыщенъ рѣзкимъ ароматомъ дикихъ растеній и цвѣтовъ, — тѣмъ одуряющимъ запахомъ заброшенной, никѣмъ не посѣщаемой земли, на которой растительность дичаетъ, растетъ одиноко, умираетъ, опять возрождается, чтобы увянуть на свободѣ, покинутой, заброшенной, какъ будто проклятой.

Смотря на это такъ странно взрытое поле, обнесенное стѣной, но покинутое людьми, она увидѣла вдругъ... Она увидѣла въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсѣянные въ безпорядкѣ по полю маленькіе кресты, когда-то черные, но теперь полинявшіе и покосившіеся отъ дождей и непогоды. Увидѣла, что на нѣкоторыхъ изъ крестовъ висѣли грязныя, пожелтѣвшія дощечки, съ крупно написанными отъ руки двумя заглавными буквами и нумеромъ: то былъ нумеръ носившаго его при жизни покойника, которымъ людское правосудіе замѣнило его имя. Кресты были, казалось, разбросаны гдѣ попало, точно по прихоти вѣтра или по небрежности людей. Вѣроятно, когда они упали въ первый разъ, ихъ воткнули опять кое-какъ, гдѣ пришлось, и, можетъ быть, даже не томъ мѣстѣ, гдѣ было тѣло, которое они должны были прикрывать своей священной сѣнью.

Сесиль продолжала смотрѣть. Вглядѣвшись въ коричневую землю и зеленую траву, она различала совершенно ясно бѣлыя пятна, — отъ похожихъ на старую слоновую кость человѣческихъ костей. Плохо зарытые, едва прикрытые сверху землей, въ нихъ кое какъ сколоченныхъ гробахъ, мертвецы, вслѣдствіе естественнаго движенія почвы, въ которой шло прозябаніе, и вслѣдствіе естественнаго движенія разлагающихся труповъ, выходили изъ могилъ. Побѣлѣвшія и вымытыя дождями кости ихъ сверкали на солнцѣ. Посреди благоухающихъ цвѣтовъ дикой мяты, между розъ съ осыпающимися лепестками, распустилась на солнцѣ и человѣческая растительность. Ни одна благочестивая рука не возвратила ее землѣ, сквозь которую она пробивалась, какъ казалось, съ такой силой и такъ могущественно, что тревожные глаза боялись увидѣть поднимающійся съ угрожающимъ жестомъ весь скелетъ. На кладбище каторжныхъ не было даже могильщика. Трупы въ едва сколоченныхъ гробахъ бросались поспѣшно въ яму. Никто не приходилъ помолиться на ихъ могилки, и мертвецы выходили изъ земли, точно алчная жажда свободы жила еще въ костяхъ колодника. Тогда, въ то время какъ сердце Сесиль разрывалось отъ болѣзненной жалости, передъ мысленнымъ взоромъ ея вдругъ встало ужасное видѣніе. Она увидѣла мужа, сына и самое себя умершими и похороненными въ этомъ пустынномъ уголкѣ, проклятомъ, казалось, Богомъ и людьми. Она видѣла ихъ всѣхъ похороненными, забытыми посреди этой дикой растительности, подъ этой землей, разрытой бурями и выжженной солнцемъ, и потомъ воскресающими и выставляющими на Божій свѣтъ свои кости, въ перемежку съ костями воровъ и убійцъ. Страшный крикъ ужаса и отчаянія, вырвавшійся изъ груди, замеръ у нея въ горлѣ. Она упала какъ снопъ подлѣ низкой ограды, лицомъ въ траву...

Когда она очнулась, въ глубокомъ безмолвіи слышенъ былъ только легкій шорохъ. Маріо лежалъ попрежнему на подушкѣ своей колясочки. Но онъ уже проснулся и улыбался губами и глазами высокому, рыжему съ бѣлымъ лицомъ колоднику, который, лежа на землѣ, обмахивалъ широкимъ виноградным листомъ лицо ребенка, отгоняя отъ него мухъ и доставляя этимъ движеніемъ нѣкоторую прохладу. Когда виноградный листъ проходилъ передъ его лицомъ, Маріо прищуривалъ глаза и смѣялся тихимъ беззвучнымъ смѣхомъ.

— Не шуми, мама спитъ, сказалъ два раза ребенокъ колоднику, указывая на растянувшуюся во весь ростъ мать.

И Рокко началъ тихонько махать листомъ передъ лицомъ мальчика. Крупная фигура каторжника, лежавшаго на травѣ въ красной холстинной куркѣ, казалась тѣломъ добродушнаго колосса. Далеко отброшенный лежавшій между цвѣтами красный колпакъ, помѣченный 417 нумеромъ, походилъ на большой, запоздалый цвѣтокъ краснаго мака.

Опершись на локоть, Сесиль смотрѣла на сына и каторжника безъ страха и негодованія. Колодникъ вскочилъ на ноги и стоялъ въ смущеньи и вертя въ рукахъ виноградный листъ. Въ памяти молодой женщины встало, наконецъ, совершенно ясно, воспоминаніе о только-что видѣнномъ, — но теперь она уже не дрожала, только по кожѣ ея пробѣжалъ едва замѣтный трепетъ.

— Поѣдемте, сказала она, поднимаясь на ноги.

И молодая женщина указала Рокко кротко и привѣтливо на колясочку. Тотъ подхватилъ поспѣшно свой колпакъ и повезъ, очень довольный, ребенка.

Она шла позади, разбитая, побѣжденная, покорная...

V.

Въ одинъ изъ теплыхъ ноябрьскихъ дней, капитанъ Жигли, директоръ каторжной королевской тюрьмы, и командиръ Колонна, инспекторъ королевскихъ тюремъ, шли медленными шагами по улицамъ острова, разговаривая вполголоса.

Инспекторъ пріѣхалъ на островъ два-три дня тому назадъ. Это былъ пятидесятилѣтній мужчина, уроженецъ Пьемонта, человѣкъ методичный и крайне добросовѣстный. Исполняя свои обязанности, быть можетъ, съ излишней чиновничьей щепетильностью, онъ обо всемъ разспрашивалъ, входилъ во всѣ мелочи и анализировалъ всѣ малѣйшія подробности. Спокойный и терпѣливый Жигли, относившійся съ уваженіемъ къ начальству, не покидалъ инспектора ни на минуту, давалъ ему всѣ нужныя указанія, справки, объясненія, представлялъ тюремные списки, счетныя книги, не пренебрегалъ ничѣмъ для того, чтобы донесеніе о низидской тюрьмѣ вышло полнымъ и безъ всякихъ упущеній.

— Мнѣ кажется, сказалъ инспекторъ симпатичнымъ гортаннымъ голосомъ,—что, въ сущности, вы довольны.

— Да, я не жалуюсь, господинъ командоръ... Всякая обязанность кажется легче, если ее исполнять съ усердіемъ.

— Такъ что вы охотно остаетесь здѣсь?

— Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока меня оставятъ, отвѣчалъ капитанъ нѣсколько уклончиво.

— Но вашей супругѣ, кажется, не нравится здѣшняя жизнь, прибавилъ инспекторъ.

— Это правда, отвѣчалъ Жигли съ нѣжностью въ голосѣ. — Бѣднячка немножко слаба здоровьемъ, мечтательна и поэтому понятно, что вначалѣ эта среда казалась ей невыносимой.

— Но теперь-то она свыклась съ ней?

— Да, кажется, немножко... Я не могу измѣнить ея врожденнаго меланхолическаго характера... Она сдѣлалась теперь, быть можетъ грустнѣе прежняго, но покорна. У нея такое доброе сердце!

— Вамъ слѣдовало бы отправить ее въ Неаполь, сказалъ Колонна, не отвѣчая на послѣднія слова, звучавшія нѣкоторымъ волненіемъ.

— У меня нѣтъ на это средствъ, возразилъ отрывисто капитанъ.

Оба умолкли. Они подошли къ тому мѣсту, гдѣ возводилось руками каторжниковъ новое зданіе. Каторжане ходили взадъ и впередъ, носили ушаты извести, сгибались подъ тяжестью камней и взбѣгали проворно по лѣстницамъ.

— Охотно они работаютъ? спросилъ инспекторъ.

— Не всѣ. Есть у меня человѣкъ пятьдесятъ самыхъ опасныхъ и непокорныхъ; тѣхъ я никакъ не могъ пріучить къ труду.

— А пробовали вы прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ?

— Да. Но всѣ эти мѣры только раздражали ихъ, но не побѣждали ихъ упорства.

— Что бы это значило? Вы не подозрѣваете, что могло бы быть причиной такого явленія?

— Всѣ эти неукротимые колодники вели всегда жизнь бродяжническую и существовали только воровствомъ и грабительствомъ. Эти не подчиняются никогда необходимости трудиться. Вотъ, я позову вамъ сейчасъ одного изъ нихъ.

— Калама! крикнулъ онъ, обращаясь къ колоднику, сидѣвшему съ кускомъ хлѣба на камнѣ.

Тотъ даже не далъ себѣ труда оглянуться. Второй призывъ остался попрежнему безъ отвѣта. Директоръ подавилъ легкій признакъ нетерпѣнья.

— Обдуй-Смерть! крикнулъ капитанъ.

Колодникъ всталъ этотъ разъ на ноги. Это былъ маленькаго роста коренастый парень съ выдающимся животомъ, короткими ногами, съ большой головой, съ приплюснутымъ носомъ и жесткими, какъ щетина, волосами надъ узкимъ прямымъ лбомъ съ безцвѣтными глазами. Онъ не снялъ колпака съ головы и продолжалъ ѣсть хлѣбъ, ни мало не смущаясь присутствіемъ инспектора и своего директора.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ строго инспекторъ.

— Обдуй - Смерть, отвѣчалъ колодникъ хриплымъ голосомъ.

— И у васъ нѣтъ другого имени?

— Другое не идетъ въ счетъ, отвѣчалъ онъ презрительно.

— Вы отказываетесь отъ работы? На какомъ основаніи?

— Обуй Смерть не зналъ никогда что такое работа.

— Однако, васъ приговорили къ каторжной работѣ.

— Я не могу ничего сдѣлать противъ того, что правосудіе держитъ меня здѣсь. Но... Чортъ меня побери! должно же это когда-нибудь кончиться!

— Не клянитесь. Вы обязаны работать.

— Сидѣть здѣсь взаперти, да еще таскать, кромѣ того, цѣпь, поднесенную намъ въ подарокъ Викторомъ, этому я поневолѣ подчиняюсь. Но еще уставать вдобавокъ, нѣтъ чортъ возьми! никогда!

Послѣднія слова были сказаны съ дикой энергіей.

— Если бы вы согласились работать, то были бы на хорошемъ счету.

— На хорошемъ счету? Да развѣ мнѣ не придется тогда тянуть такъ же двадцать лѣтъ? Хотя неизвѣстно еще, протяну ли я эти двадцать лѣтъ! прибавилъ онъ съ вызывающимъ видомъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ инспекторъ.

— Кто знаетъ, что можетъ случиться! Я могу умереть. Могу, наконецъ, удрать.

— Изъ Низидской тюрьмы не удираютъ, замѣтилъ кротко, но строго капитанъ.

— Удираютъ, удираютъ! возразилъ торжествующимъ тономъ арестантъ. — Вашему превосходительству извѣстно, что одинъ изъ насъ удралъ.

Инспекторъ взглянулъ вопросительно на Жигли.

С. А. Вайнштейнъ.
Профессоръ соціологіи.

Капитанъ отвѣтилъ ему глазами утвердительно.

— Правда, что только одинъ, продолжалъ съ гордостью колодникъ, но что удалось одному, можетъ удасться и другимъ. Все дѣло въ томъ, чтобы не струсить и не сплоховать въ послѣднюю минуту. Да еще... кромѣ того... развѣ нынѣшніе законы вѣчны? Развѣ нынѣшнее правительство будетъ вѣчно держаться?

— Довольно! строго остановилъ его инспекторъ. — Я буду имѣть въ виду ваше неповиновеніе.

Каторжникъ пожалъ плечами и отошелъ въ сторону.

— Неукротимый, положительно неукротимый! замѣтилъ директоръ. У меня есть такихъ человѣкъ около пятидесяти.

— Они никогда не пробовали бунтоваться?

— Нѣтъ, разъ было, отвѣчалъ капитанъ.

— Только всего разъ?

— Они считаютъ себя людьми высшей категоріи и презираютъ законы и приговоры. Каждый изъ нихъ претендуетъ на первенство, и это соперничество мѣшаетъ имъ столковаться и даетъ мнѣ противъ нихъ оружіе.

— Но они все-таки взбунтовались?

— Взбунтовались.

— Но возмущеніе было тотчасъ же подавлено?

— Нѣтъ, не тотчасъ.

— И имѣло оно какія-нибудь послѣдствія?

— Я былъ раненъ камнемъ въ голову.

— Вы вышли сами къ бунтовщикамъ?

— Да, отвѣчалъ совершенно спокойно капитанъ.

— Какимъ же образомъ вамъ удалось смирить ихъ?

— Я говорилъ съ ними. Далъ и имъ высказаться. Они требовали болѣе частыхъ свиданій съ родными, требовали разрѣшенія видѣться съ ними разъ въ мѣсяцъ, а не въ два мѣсяца разъ. Просьба ихъ была справедлива, и я исполнилъ ее.

— И были вполнѣ правы. А часто ихъ навѣщаютъ родные?

— Ихъ пріѣзжаетъ очень мало, и посѣщенія ихъ очень рѣдки. У насъ есть нѣсколько уроженцевъ дальнихъ провинцій, тѣхъ никогда никто не навѣщаетъ. Есть другіе и изъ Неаполя, но и тѣ видятъ своихъ только два раза въ годъ. Есть еще преступники, совершившіе какое-нибудь преступленіе въ своей семьѣ, къ тѣмъ уже никогда никто не ходитъ. Здѣсь есть, напримѣръ, нѣкто Рокко Траетта, отцеубійца. Это молодой, кроткій и спокойный арестантъ, который пишетъ каждый день матери письма, умоляя ее пріѣхать. Всѣ его письма проходятъ чрезъ мои руки и нѣкоторыя изъ нихъ просто раздирательны.

— И мать пріѣзжала къ нему?

— Нѣтъ, никогда. Она даже не отвѣчаетъ на письма отцеубійцы.

— Это вполнѣ естественно, замѣтилъ суровый уроженецъ Пьемонта.

— Кто знаетъ? отвѣчалъ капитанъ задумчиво. Бываютъ такія странныя матери, просто чудовищныя въ своей материнской любви! Одну минуту я былъ вполнѣ увѣренъ, что она пріѣдетъ, а сынъ и до сихъ поръ убѣжденъ въ этомъ. Онъ предполагаетъ, что письма его теряются, или что мать его задерживаетъ дома работа, или что у нея нѣтъ денегъ на дорогу, или что она сбирается ѣхать.

— И онъ все это разсказываетъ вамъ?

— Нѣтъ, не мнѣ, а моему сынишкѣ, отвѣчалъ съ улыбкой капитанъ.

— Какъ, вашему сынишкѣ?

— Да. Рокко постоянно вертится около него съ любовью и преданностью большой собаки, которой поручено караулить ребенка.

— И вы оставляете своего сына съ этимъ каторжникомъ?

— Почему же нѣтъ? Я нахожу, что гораздо лучше обращаться съ этими людьми по-христіански. Впрочемъ, кому пришло бы въ голову сдѣлать вредъ такому маленькому невинному созданію? Да наконецъ, и ребенокъ становится человѣчнѣе. Это своего рода способъ сдѣлать изъ него человѣка сердечнаго.

— Странныя у васъ идеи, замѣтилъ инспекторъ съ недовѣрчивой улыбкой.

Они остановились у высокихъ дверей главнаго зданія. Въ верхнемъ этажѣ помѣщался лазаретъ, который они намѣревались посѣтить. Въ то время какъ они поднимались на лѣстницу, навстрѣчу имъ попались нѣсколько арестантовъ съ тарелками и стаканами.

— Они состоятъ служителями въ нашемъ маленькомъ лазаретѣ, сказалъ капитанъ.

— Вы находите это полезнымъ?

— Больные лучше ладятъ со своимъ братомъ. Постоянное присутствіе сторожей раздражаетъ даже самыхъ спокойныхъ. Поэтому я избавляю отъ нихъ больныхъ.

— При такихъ условіяхъ у васъ бываетъ, должно быть, много притворно-больныхъ?

— Да, много. Но нѣтъ ничего легче, какъ обличить такого рода плутовство.

(*Продолженіе будетъ*).

Выставка картинъ петербургскаго общества художниковъ.

Общество петербургскихъ художниковъ не можетъ жаловаться на неуспѣхъ. Выставка его посѣщалась публикою, расхваливалась критикою, поощрялась меценатами искусства. Судя по газетнымъ отзывамъ, можно предположить, что это лучшая изъ выставокъ въ Петербургѣ. Но шутки въ сторону. Грустно становится за ту печать, ту публику, тѣхъ меценатовъ, которые пришли къ подобному выводу. Еще грустнѣе за искусство. При всемъ желаніи увидѣть на выставкѣ что-нибудь, оправдывающее подобный успѣхъ, что-нибудь живое, искреннее, честное, что бы могло быть выраженіемъ духовныхъ стремленій художника, въ чемъ бы чувствовалось, что художникъ чего-то ищетъ, чего-то добивается, чего-то жаждетъ, что выставка не продажная лавочка,—приходится грустно поникнуть головой.

Адмиралъ Кауцъ.

На выставкѣ много „гвоздей“, много громкихъ именъ профессоровъ и знаменитостей, но, къ сожалѣнію, имена эти живутъ основнымъ капиталомъ прежней художественной дѣятельности, почили на лаврахъ и предпочитаютъ писать „гвозди“, чѣмъ настоящія произведенія искусства. Константинъ Маковскій, выставилъ цѣлую серію головокъ: „Головка съ васильками“, „Головка съ розами“, „Субретка“, „Головка съ распущенными волосами“, „Головка на розовомъ фонѣ“, „Головка дѣвочки“, „Головка Louis XV“, „Блондинка“, опять „Головка дѣвочки“, „Брюнетка“. Всѣ головки въ одномъ типѣ, написаны слащаво бонбоньерочными красками подъ вкусъ публики: „Ахъ помилуйте, Маковскій пишетъ удивительныхъ красавицъ! Его блондинки съ черными бровями и глазами, а брюнетки—съ дивными громадными голубыми глазами цвѣта морской воды! Какая прелесть!“ Напрасно разувѣрять, что это приторная манерность и насмѣшка надъ вкусами публики.

Большая картина Маковскаго „Хороводъ“ безусловно лучше его головокъ. Въ этой вещи чувствуется мастеръ, умѣющій удивительно писать аксессуары, парчу, шелкъ. Его „Хороводъ“ *удивительныхъ красавицъ* танцуетъ среди высокихъ травъ и цвѣтовъ,

О-ва Самоа. Гавань Апіи.

это все-таки не мѣшаетъ послѣднимъ оставаться невредимыми.

Клавдій П. Степановъ выставилъ тоже все „гвозди“. „Un bravo“: На рыже-красномъ фонѣ, сведенномъ на *нѣтъ*, позируетъ господинъ въ театральномъ костюмѣ, съ кремневымъ пистолетомъ въ рукахъ, причемъ руки, вѣрнѣе, уродливыя лапы,—замазаны рыжимъ тономъ и не связаны съ предплечіями. Г. Степановъ обнаружилъ явное неумѣніе справляться съ рисункомъ въ немножко большемъ масштабѣ. Вопреки его установившейся славѣ рисовальщика, рисунокъ у него ужасенъ. Детали выписаны и тщательно закончены, а общаго нѣтъ. Всякая деталь—сама по себѣ, безъ связи съ цѣлымъ. Въ его картинѣ „Дѣлежъ добычи“ это чувствуется въ каждой фигурѣ. То голова (у мрачно глядящаго бандита) спрыгнула съ шеи и приросла къ лѣвому плечу, то у другого бандита неизвѣстно откуда выросли ноги, у третьяго (держащаго дѣвицу) громадная, не по фигурѣ, голова, уродливыя, не по плечамъ, кисти, зато выписаны всѣ ноготки и рѣсницы, а это „пріятно ласкаетъ глазъ“.

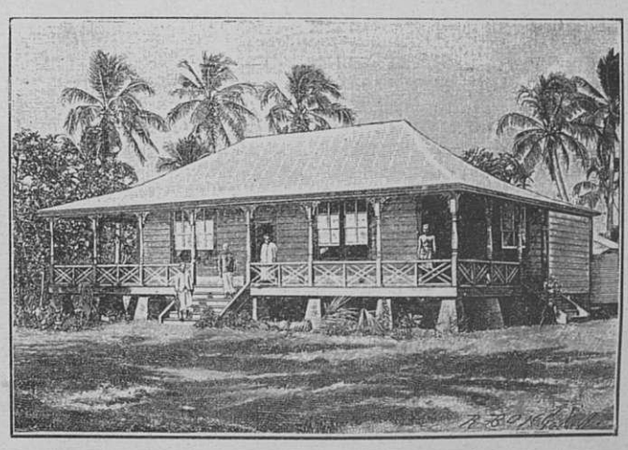
Такимъ же доживающимъ остатками прежней славы является С. В. Бакаловичъ. Во „Встрѣчѣ Виниція съ Лигіей“, „Благословеніи Виниція и Лигіи св. Петромъ“, „Свадьбѣ въ Помпеѣ“ фигуры—какіе-то безжизненные манекены съ шаблонными лицами, выписанными сухо и въ одномъ, противномъ, рыжемъ тонѣ. Сюжеты взяты изъ классической жизни. Напрасно только г-нъ Бакаловичъ пародируетъ прелестные типы Сенкевича изъ „Quo vadis“.

Свѣдомскій написалъ „Фульвію съ головой Цицерона“. При видѣ этой картины становится непріятно, потому что приходится убѣдиться, какъ можетъ опуститься и упасть крупный талантъ и заслуженный художникъ.

Цѣлый рядъ именъ профессоровъ и „знаменитостей“, какъ: Мещерскій, Клагесъ, Лагоріо, Саксенъ, Вилевальде, Шаховской, Френцъ, Венигъ, Врангель (баронесса), Томашевичъ-Бонча, наглядно доказываетъ, что никакое званіе, дипломъ и бывшая извѣстность не могутъ служить ручательствомъ художественности послѣдующихъ произведеній, что даже профессора могутъ давать картины скучнѣйшія и лишенныя всякаго художественнаго интереса.

Характерной чертою выставки петербургскихъ художниковъ является полное отсутствіе какихъ-нибудь новыхъ художественныхъ задачъ. Всѣ картины какъ бы старые знакомые, которые давно пріѣлись и намозолили глаза. Но именно это и является главною причиною успѣха выставки. Публика охотнѣе смотритъ картины, къ которымъ она привыкла и приноровилась; ей не нравится *скверное новое*, но *скверное старое* она готова восхвалять и поощрять.

Художники поняли матеріальную выгоду этого положенія и окончательно погрузились въ застой и рутину. Въ стремленіи угодить вкусамъ маловзыскательной публики петербургскіе художники начинаютъ какъ-то нивелироваться и подражать одинъ другому. Напримѣръ, „Садикъ“ Писемскаго—явное подражаніе Беркусу; Галкинъ „Въ наѣздку“ поддѣлывается подъ Васильковскаго; Краснушкиной „Первая любовь“, Пелевина „Углубленъ“—поддѣлка подъ Степанова, Кожиной „Ручеекъ“—подъ Кондратенко. (Даже Кондратенко имѣетъ своихъ подражателей). Невзыскательная публика любитъ не только розовые закатики, зеленыя лунныя ночи съ желтыми лунами, цвѣточные садики, ярко-голубыя марины и мелко выписанныя деревья, но и пикантные жанровые сюжетики, съ обнаженными тѣлами,—и такихъ на выставкѣ не мало: Сухоровскаго „Опять укладывается“—полураздѣтая толстая дѣвица; Штемберга „Между пѣснею и пляскою“, „Въ облакахъ“ и „Въ раздумьѣ“; Егорнова возмутительно скверно нарисованная „Нѣга“; Палемъ, баронесса, „Цыганка“; Вахтеръ „Модель“. Послѣдняя лучше другихъ, являющихся простымъ угожденіемъ вкусамъ публики. Большинство картинъ такъ мало-художественно, что на нихъ не стоитъ останавливаться. Оазисами на этой художественной пустынѣ нужно признать картины Берггольца „Раннее утро“, „Осенью“, „Передъ грозою“, „Къ вечернѣ“. Недуренъ „Лѣсъ въ зимнемъ уборѣ“ А. С. Егорнова, „Вечеръ въ степи“ Сергѣева и нѣкоторыя картины экспонентовъ: „День памяти“ (сцена изъ древней христіанской жизни) Бѣляева; „Въ прачечной“ Бельзена; „Первое причастіе“ Киплика (въ его же „Защищайтесь“ слишкомъ большая и, вслѣдствіе этого, уродливая голова); „Въ небесахъ и на земли (пасхальная заутреня)“ Скиргелло,—и нѣкоторыя nature mort'ы Клевера, Марто, Гирва, Менгаузена и Мертенъ.



О-ва Самоа. Королевскій домъ близъ Апіи.

Обитательница острововъ Самоа.

Войско самоанцевъ.

Эти проблески молодыхъ силъ и не вполнѣ отцвѣтшихъ талантовъ еще кое-гдѣ мелькаютъ среди этой массы рутины и шаблона и отчасти выручаютъ выставку, надъ которой слѣдовало-бы написать библейское: „Мани, Факелъ, Фаресъ“.

К. С.

Весенняя выставка въ академіи художествъ.

Когда между нами и художественнымъ произведеніемъ устанавливается та чудесная связь, подъ вліяніемъ которой мы на время забываемъ все окружающее, уносимся въ область, до сихъ поръ намъ, можетъ быть, совершенно чуждую, и почти перестаемъ жить узко-личной жизнью,—мы невольно отдаемъ художнику частицу своего „я“, взамѣнъ перенесенныхъ имъ мукъ творчества. Поэтому, какъ-бы велико ни было художественное произведеніе и къ какой бы отрасли искусства оно ни принадлежало, послѣ общенія съ нимъ всегда чувствуются нѣкоторая нравственная усталость и неспособность къ немедленному воспріятію еще новыхъ произведеній искусства.

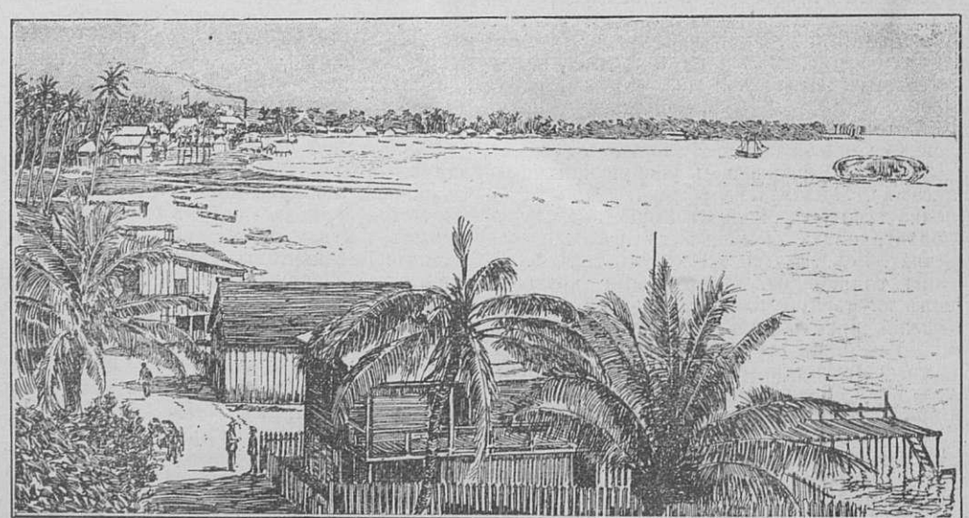
Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, единственной формой общенія художниковъ съ публикой являются выставки картинъ, скульптуры и пр. Такъ какъ выставки устраиваются, сравнительно, рѣдко, всего нѣсколько разъ въ годъ, и доступны, каждая, не всѣмъ художникамъ, то число экспонентовъ на нихъ всегда болѣе или менѣе значительно. Но той же причинѣ, каждый художникъ старается выставить не одно, а нѣсколько произведеній, обыкновенно, съ отличными другъ отъ друга сюжетами и настроеніями. Слѣдовательно, посѣтителю выставки приходится не только пройти сквозь длинный рядъ различныхъ школъ, направленій и манеръ, свойственныхъ тому или другому художнику, но даже въ творчествѣ одного какого-нибудь изъ нихъ переживать самыя разнообразныя душевныя состоянія.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что выставки, во-первыхъ, должны устраиваться почаще, а, во-вторыхъ, и количество выставляемыхъ произведеній необходимо уменьшить до размѣровъ, наименѣе утомляющихъ вниманіе посѣтителей. Качество экспонируемыхъ работъ, разумѣется, играетъ огромную роль въ смыслѣ быстраго притупленія воспріимчивости у публики: чѣмъ болѣе талантливыхъ произведеній, тѣмъ быстрѣе оно наступаетъ, и наоборотъ.

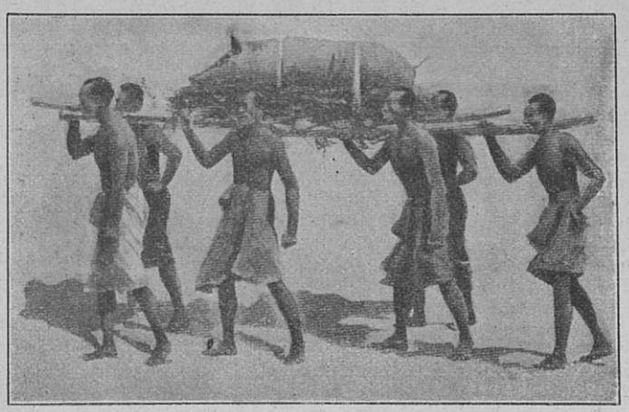
Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову посѣтителю „весенней“ выставки въ академіи художествъ, которая послужила темой настоящаго отчета. Выставлено болѣе 515 работъ 141 художника. Сто сорокъ одна художественная индивидуальность!.. И притомъ еще болѣе и менѣе талантливыхъ художниковъ. Ссылаться на примѣръ парижскаго Салона, гдѣ выставляемыя картины считаются чуть не тысячами, по меньшей мѣрѣ, смѣшно, ибо—тѣмъ хуже для французовъ.

Жанровая живопись, очевидно, переживаетъ въ настоящее время переломъ, т. е. ищетъ новаго опредѣленія своихъ задачъ. Послѣ всеобщаго увлеченія картинами изъ чиновничьяго, купеческаго, мѣщанскаго быта, всякими „моментами“ изъ жизни интеллигенціи и „мужикомъ“, послѣ работъ В. Маковскаго, Н. Ерошенко, Рѣпина и ихъ многочисленныхъ адептовъ, наступило затишье. Старыя темы обратились въ шаблонъ, трафаретку, а новыхъ не отыскивалось, или, правильнѣе, не было силъ, или таланта, охватить, понять и усвоить сложные типы и явленія текущей современности. Въ результатѣ, къ жанру сталъ все болѣе и болѣе подмѣшиваться фантастическій, даже аллегорическій элементъ. Появились картины-иллюстраціи къ сказкамъ, балладамъ, легендамъ и т. п.: полѣзли изъ гробовъ мертвецы, зашипѣли чудовища, завыли привидѣнія. Старые символы, въ родѣ „Времени съ его губительной косой“, были отряхнуты отъ пыли и смѣло вытащены на свѣтъ Божій; новыхъ и притомъ до крайности хитроумныхъ, основанныхъ на болѣе, чѣмъ субъективномъ воплощеніи идеи и чувства въ ту или другую вещественную форму, народилось еще больше (школа символистовъ). Но въ большинствѣ случаевъ наши художники продолжаютъ идти по давно проложенной, расчищенной, широкой дорогѣ бытовыхъ сценокъ, которыя или задѣваютъ современность, но очень аляповато и только съ внѣшней стороны, или принадлежатъ столько же нашему времени, сколько, напримѣръ, 60—70 годамъ. На выставкѣ имѣется жанръ всѣхъ этихъ трехъ категорій. „Наука раскрываетъ міровыя тайны, охраняемыя, по преданію, сфинксами“: туманная даль, не то въ Сахарѣ, не то вообще на земной поверхности; основательныхъ размѣровъ женщина въ причудливо-классическомъ костюмѣ самодовольно-торжественнымъ жестомъ откидываетъ съ чего-то огромное полотно; около большой сфинксъ Египта съ изумленіемъ смотритъ на публику. Это чудесное произведеніе принадлежитъ кисти г. Липгарта и написано, дѣйствительно, „по преданію“... египетскихъ художниковъ. Хороша по отлично схваченному настроенію пушкинской баллады картина г. Кандаурова: „Сраженный рыцарь“. Недвижно покоится закованное въ вороненыя латы тѣло, сумрачно чернѣя на голой, безотрадной почвѣ, и вотъ, выплываетъ изъ-за облака гигантская голова призрака коня, и косится онъ огненнымъ глазомъ на своего спящаго чуднымъ сномъ господина...— Къ жанру третьей категоріи слѣдуетъ отнести работы гг. Казакова, Шабунина, Голынскаго. „Попрядухи“ (г. Казакова), какъ указываетъ самое заглавіе,—сцена изъ повседневной жизни нашихъ крестьянъ. Молодой художникъ лишній разъ доказалъ свою наблюдательность и знаніе мельчайшихъ черточекъ народнаго быта; впрочемъ, эти качества обнаружены г. Казаковымъ еще на академической выставкѣ конкурентовъ, въ прошломъ году, а именно, въ картинѣ: „Пріемный день въ больницѣ“. Затѣмъ, „Дачныя новости“ (г. Голынскаго) свѣжо и искренне написанный жанръ: въ раскрытомъ настежь оконцѣ дачки-избы, какъ въ рамкѣ, видно оживленное лицо юноши; опершись локтями о подоконникъ, онъ въ восторгѣ о собственной роли „все знающаго и понимающаго“; обѣ барышни и подростокъ-сестра склонились надъ „дачнымъ“ вышиваніемъ и, лукаво улыбаясь, съ дурно скрытымъ любопытствомъ слушаютъ свѣжія новости „кавалера“. Наконецъ, „Загадочная будущность“ (г. Шабунина) производитъ странное впечатлѣніе демонстраціи какого-нибудь „чудо-дитяти“: на большой, неубранной постели сидитъ большеголовый мальчикъ и серьезно копируетъ одну изъ разбросанныхъ по одѣялу литографій; можетъ быть, онъ прикованъ къ этой кровати долгой болѣзнью, а, можетъ, просто еще не всталъ,—во всякомъ случаѣ, трудно понять, отчего у этого именно младенца будущность представляется загадочной, точно для прочихъ ребятъ все напередъ сказать можно... Нельзя не упомянуть и о хорошенькихъ, граціозныхъ вещицахъ г-жи Е. Бемъ, какъ, напримѣръ: „Съ балалайкой“, „Снѣгурка“, „Татарчата“, „Улитка, улитка, высунь рога!“ и пр.

„Преданья старины глубокой“, и даже не совсѣмъ глубокой, всегда привлекали фантазію художниковъ. Понятно, что, съ оскудѣніемъ жанровыхъ темъ вообще, историческій жанръ особенно выдвинулся впередъ. И на выставкѣ его достаточно. — Остановимся прежде всего на произведеніяхъ г. Котарбинскаго, которыя занимаютъ отдѣльную маленькую залу. Огромное полотно, „Поцѣлуй волны“, совсѣмъ не удалось: буря почти улеглась, но море еще грозно бушуетъ, валами накатываясь на песчаный берегъ (это не вышло, вода растрепанная, а ни вѣтра, ни простора не чувствуется); на берегу въ театрально-красивой позѣ раскинулся безчувственный человѣкъ въ богатой одеждѣ XVII — XVIII столѣтій; надъ нимъ наклоняется пѣнистая верхушка длиннаго вала,



О-ва Самоа. Муменунъ, укрѣпленный американцами послѣ очищенія его Матаафой.



О-ва Самоа. Переноска цѣликомъ зажаренной свиньи.

и, сливаясь съ пѣной, прильнула въ поцѣлуѣ красивая женщина къ блѣдному лицу юноши — утопленника. Въ картинѣ нѣтъ и слѣда какого-либо цѣльнаго настроенія; она придумана. Гораздо болѣе удачна картина „Ноктюрнъ“, не смотря на шаблонность сюжета: чудная мягкость, грусть и нѣга южно-итальянской ночи, меланхолично-граціозныя позы двухъ красавицъ-патриціанокъ на мраморной, посеребренной луннымъ свѣтомъ скамьѣ, нѣжные, сливающіеся съ шепотомъ листьевъ аккорды струнъ подъ пальцами рабыни — все соединилось въ одно цѣльное впечатлѣніе. Въ томъ-же духѣ, хотя и менѣе удачно, написанъ „Вечеръ въ Венеціи“; здѣсь хорошъ дрожащій отблескъ зари на куполахъ и вершинахъ башенъ, а гондола и ея пассажиры совершенно не вышли. Жанръ изъ древне-римской жизни: „Луцій Корнелій Сулла“ и „Память усопшимъ“, страдаетъ, какъ и у большинства современныхъ художниковъ, театральностью и книжнымъ представленіемъ о Римѣ и римлянахъ. — Крайней тщательностью исполненія отличается картина г. Рериха: „Сходятся старци“. Вотъ ея содержаніе:

За дальнимъ Перуновымъ озеромъ,
Въ заповѣдномъ отъ дѣдовъ урочищѣ
Стоитъ надъ яромъ высокій дубъ.
. . . . . .
Мѣсто вкругъ дуба утоптано.
Горитъ подъ дубомъ святой огонь,
Къ дубу сходятся родичи:
„Стоять ли земль безъ хозяина?“
Старци земли Новагорода
Сойдутся подъ дубомъ раскидистымъ,
. . . . . .
На небѣ заря разгорается —
Скоро Ярило покажется...

Очень удался только колоритъ сѣрой, предразсвѣтной тьмы, которая борется съ дымными языками желтаго пламени костра и первыми проблесками занимающагося утра; за-то фигуры, позы и жесты „старцевъ земли Новагорода“ совершенно безжизненны, хотя одежда, жезлы, даже бороды и лица — верхъ археологической точности и вѣрности эпохѣ.

Къ числу шаблонныхъ картинъ на историческія темы принадлежитъ большинство остальныхъ произведеній, въ родѣ „Лжедимитрія I“ — г. Карелина, „Покоренія Казани“ — г. Венига и пр. — Представителемъ батальной живописи является г. Розенъ, давшій рядъ типовъ и сценъ военно-боевой жизни въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Портретовъ на выставкѣ очень много. Изъ нихъ сразу привлекаютъ вниманіе портреты А. П. Чехова и художника А. П. Соколова, принадлежащіе кисти г. Браза. Не менѣе удачны работы гг. Малявина, Розанова („Портретъ Г. А.“), Судковскаго („Портретъ М-ІІе К.“). Очень хорошъ не помѣченный въ каталогѣ этюдъ г. Щербиновскаго, „Фаустъ“: это — сильное по замыслу воплощеніе Гетевскаго пантеизма, не чуждое и нѣкотораго мистицизма; колоритъ въ стилѣ Рембранта создаетъ цѣльное настроеніе.

Переходя къ пейзажу, замѣтимъ, что этотъ отдѣлъ выставки одинъ изъ наиболѣе удачныхъ, не смотря на большое число выставленныхъ картинъ. — Г. Пурвитъ далъ рядъ пейзажей, изъ которыхъ „Ручей“, „Послѣдній снѣгъ“, „Весна“, „Вечеръ“ — превосходны; особенно хорошъ „Послѣдній снѣгъ“: на лѣсной прогалинѣ, среди стройныхъ, хрупкихъ стволовъ молодыхъ березокъ, бѣлѣетъ продолговатый, низкій холмикъ разсыпчатаго, крупнозернистаго снѣга; кругомъ ужь зеленѣетъ весенняя травка, легкій паръ стоитъ въ свѣжемъ, обновленномъ воздухѣ, и „послѣдній снѣгъ“ не кажется холоднымъ, не похожъ на снѣгъ... — „Ручей“, повидимому, одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ г. Рущица: ту-же напоминающую расплавленное стекло воду среди темныхъ стволовъ бора можно было узрѣть и на международной выставкѣ этого года; впрочемъ, это, безъ сомнѣнія, очень удачно выбранный и выполненный мотивъ. Не менѣе хороши „Земля“ и „Лѣтній вечеръ“ того-же художника. — Еще все зелено вокругъ, еще не прошли золотистые дни „бабьяго лѣта“, а снѣгъ вдругъ покрылъ тонкой пудрой и необлетѣвшую листву, и коротко скошенную траву луга, и кровлю домовъ... Одинъ изъ такихъ капризовъ осени превосходно схваченъ въ картинѣ г. Крыжицкаго: „Снѣгъ выпалъ въ сентябрѣ“. Другой, классически осенній пейзажъ, въ окрестностяхъ Павловска, также удаченъ: дѣйствительно, „Золотая осень“. — Изъ массы прочихъ пейзажей, говорить о которыхъ не позволяютъ узкія рамки отчета, укажемъ на произведенія г. Вроблевскаго („Черный Ставъ въ Карпатахъ“, „Среди скалъ и снѣга“), г. Гермашева („Усадьба“), г. Цириготи („Бѣлая ночь“), г. Стабровскаго („Тишина деревни“). Скульптурный отдѣлъ выставки многочисленъ и разнообразенъ по сюжетамъ. Превосходно исполненъ бюстъ И. И. Шишкина профессоромъ Беклемишевымъ: стихійное спокойствіе и вдумчивость человѣка, близкаго къ природѣ живутъ въ каждой складкѣ, черточкѣ лица покойнаго художника, воскреснувъ подъ рѣзцомъ скульптора. Столь-же удачна и другая работа г. Беклемишева — „Бюстъ сенатора П. П. Семенова“. — Рядомъ съ этими произведеніями нужно поставить и произведеніе г. Пащенки, бюстъ М. И. Глинки, исполненный по заказу с.-петербургской городской управы для Александровскаго сквера. — Оригинальна по замыслу работа г. Гинцбурга, „У фонографа“: отлично передана цѣлая гамма чувствъ и ощущеній на восхищенномъ лицѣ мальчугана, что прижалъ къ ушамъ слуховыя трубки аппарата. Г. Гинцбургъ далъ нѣсколько хорошенькихъ сценокъ изъ школьной жизни, въ родѣ группы „Подсказываетъ“, „Наказаннаго“; ему-же принадлежатъ нѣсколько тонко исполненныхъ статуэтокъ: „Сенаторъ Кони“, „Бюстъ автора“, „И. К. Айвазовскій“. — Изъ работъ г. Адамсона наиболѣе хороша группа: „Похищеніе нимфы Aegenaee Юпитеромъ, превратившимся въ орла“.

Нѣсколько залъ академіи заняты посмертной выставкой работъ покойныхъ художниковъ, профессоровъ Н. Д. Дмитріева Оренбургскаго и А. А. Попова.

П. К.

Самоанскій танцоръ.

Софья Абрамовна Вайнштейнъ.

(Первая женщина-докторъ общественныхъ наукъ).

Софья Абрамовна Вайнштейнъ родилась въ Двинскѣ, въ многочисленной семьѣ. Вопреки практическимъ разсчетамъ родни, она съ юныхъ лѣтъ задумывалась надъ пріобрѣтеніемъ знаній, причемъ обнаруживала стремленіе къ ихъ критикѣ и философскому обобщенію: ей помогало знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ. Добившись, съ неимовѣрными усиліями, окончанія курса въ мѣстной гимназіи, съ отличіемъ, она нѣсколько лѣтъ училась, вѣрнѣе — боролась съ горькой долей бѣдной, беззащитной и цвѣтущей дѣвушки, въ Парижѣ, куда переселилась и ея семья для заработка; тамъ она вполнѣ овладѣла французскимъ языкомъ. Затѣмъ С. А. окончила курсъ, съ званіемъ лиценціатки, въ женевскомъ университетѣ, на факультетѣ общественныхъ наукъ. Но ее влекло въ Россію: одно время она была въ Петербургѣ, чтобы воспользоваться еще руководствомъ отечественныхъ профессоровъ, и посѣщала высшіе женскіе курсы. Здѣсь С. А. стала обрабатывать свой самобытный трудъ о г-жѣ Сталь, какъ соціологѣ, который окончила въ Брюсселѣ, гдѣ занималась у извѣстнаго соціолога де-Грэфа и у его товарищей по университету. Тамъ она удостоилась, первая изъ женщинъ, званія доктора общественныхъ наукъ, послѣ строго обставленнаго публич-

Сборъ кокосовыхъ орѣховъ.

наго экзамена, касавшагося наиболѣе вопросовъ о Контѣ и Спенсерѣ, и послѣ защиты своей диссертаціи. Бельгійская печать такъ описываетъ этотъ праздникъ науки и торжество женской культуры. „Въ среду, 12 апрѣля, послѣ обѣда, въ новомъ университетѣ произошло событіе: m-lle Sonia Weinstein защищала сочиненіе о г-жѣ Стаэль и объ общей соціологіи. Собралась блестящая публика, почти весь профессорскій составъ университета и масса студентовъ. Вайнштейнъ прочла весьма ясное изложеніе своей диссертаціи — важнаго труда — и затѣмъ отразила возраженіе жюри (экзаменаціонной коммиссіи) съ большой мѣткостью, находчивостью и пониманіемъ дѣла. Жюри состояло изъ 8 профессоровъ, въ томъ числѣ ректоръ университета, де-Грэфъ, де-Роберти, Макс. Ковалевскій и Исаевъ. Г-жа Вайнштейнъ получила степень доктора общественныхъ наукъ съ высшимъ отличіемъ (la plus grande distinction), по единогласному приговору жюри и съ его поздравленіями. Принося эти поздравленія докторшѣ, де-Грэфъ просилъ ее передать ихъ также ея профессору, А. Трачевскому“ („Reforme“, 13 Avril). Такъ заслуженный успѣхъ С. А. Вайнштейнъ имѣетъ не одно значеніе новаго доказательства торжества разума и таланта надъ мрачными силами застоя въ человѣчествѣ: онъ представляетъ собой еще важный шагъ въ исторіи развитія женскаго вопроса. А для насъ, русскихъ, это—свѣжее и драгоцѣнное свидѣтельство того, что наше отечество и его наука не измѣняютъ своему испытанному призванью — стоять на стражѣ этого живого, благодатнаго дѣла.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, внесено въ кассу главнаго управленія россійскаго общества „Краснаго Креста“ одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ рублей на усиленіе средствъ общества по предпринятой имъ организаціи продовольственной и врачебной помощи населенію 7-ми восточныхъ губерній.

— Императорская военно-медицинская академія разослала учрежденіямъ, принимавшимъ участіе въ празднованіи 100-лѣтняго юбилея академіи присылкою привѣтственныхъ адресовъ и депутацій, объемистый трудъ по исторіи академіи, составленный по порученію конференціи, коммиссіей подъ редакціей проф. Ивановскаго. Сочиненіе иллюстрировано множествомъ роскошныхъ рисунковъ и портретовъ. Кромѣ упомянутаго сочиненія, русское общество охраненія народнаго здравія получило въ даръ отъ академіи серебряную медаль, на одной сторонѣ которой изображены аллегорически гигіена и подача помощи во время войны, а на другой—портреты Императоровъ Павла I и Николая II.

— Находящаяся въ завѣдываніи профессора Императорской военно-медицинской академіи Н. Я. Чистовича клиника остро-заразныхъ болѣзней получила въ даръ отъ института Пастера въ Парижѣ 50 флаконовъ противодифтеритной сыворотки, изготовленной въ этомъ институтѣ. Конференція академіи постановила выразить профессору Э. Ру (E. Roux), по распоряженію котораго присланъ упомянутый препаратъ, ея искреннюю благодарность.

— 27 мая текущаго года при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ созывается особое совѣщаніе изъ представителей администраціи и земства для разработки нѣкоторыхъ вопросовъ ветеринарно-санитарнаго характера, не терпящихъ отлагательства до изданія основного закона по ветеринарной части.

— Въ виду встрѣтившихся затрудненій при извлеченіи изъ воды метеора (метеоръ упалъ въ море близъ г. Борго въ Финляндіи), мѣстное главное управленіе дорожными и водяными сооруженіями командировало туда спеціальнаго инженера для производства изысканій и проектированія надлежащихъ мѣръ къ поднятію аэролита со дна залива. Въ настоящее время удалось задѣлать течь въ сооруженномъ вокругъ него деревянномъ кессонѣ, и вода изъ него выкачана совершенно; метеоръ лежитъ въ слоѣ ила, толщиною около 1 метра.

— Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ намѣрено въ близкомъ будущемъ учредить дома трудолюбія въ городахъ: Александровскѣ-Грушевскѣ, Асхабадѣ, Бирскѣ, Болховѣ, Брянскѣ, Бѣлевѣ, Бѣлостокѣ, Варнавинѣ, Верхнеудинскѣ, Вольскѣ, Вязьмѣ, Екатеринославѣ, Зарайскѣ, Зубцовѣ, Иркутскѣ, Каинскѣ, Козловѣ, Козьмодемьянскѣ, Кологривѣ, Кашинѣ, Киржачѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Лебедянѣ, Ломжѣ, Малмыжѣ, Мамадышѣ, Маріуполѣ, Мценскѣ, Нарвѣ, Николаевѣ, Новочеркаскѣ, Острогожскѣ, Островѣ, Пензѣ, Каменецъ-Подольскѣ, въ селѣ Путской Слободѣ (Нижегородской губ.), Пружанахъ, Ржевѣ, Ригѣ, въ селеніи Ровномъ Самарской губ., въ Старой Руссѣ, Рыбинскѣ, Рѣжицѣ, С.-Петербургѣ — для дѣтей при селеніи Императорскаго фарфороваго завода, для образованныхъ мужчинъ и при убѣжищѣ для калѣкъ, въ Сарапулѣ, Свенцянахъ, Сенгилеѣ, Сердобскѣ, Симферополѣ, въ селѣ Сосновкѣ Вятской губ., Ставрополѣ, Томскѣ, Торопцѣ, Тюмени, Угличѣ, Уржумѣ, Шадринскѣ, въ селѣ Якшуръ-Ботьѣ Вятской губ. и въ Ярославлѣ. Уставъ всѣхъ этихъ домовъ трудолюбія согласованъ съ примѣрнымъ уставомъ, одобреннымъ министерствомъ.

— Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней въ Самарскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ, какъ сообщаютъ „Од. Нов.“, обнаружилось болѣе трехъ тысячъ новыхъ цынготныхъ заболѣваній. Цынга и сыпной тифъ распространяются съ ужасающей быстротой. Работающій на мѣстахъ эпидеміи медицинскій персоналъ „Краснаго Креста“ отъ непомѣрнаго труда и связанныхъ съ нимъ лишеній заболѣваетъ цынгой и заражается тифомъ. Фельдшерица Березовская, едва оправившись отъ тифа, снова заболѣла и теперь лежитъ среди тифозныхъ. Необходимо употребить всѣ средства для организаціи и отправки сюда медицинскихъ отрядовъ.

— Среди петербургскихъ фабрикантовъ возникла симпатичная мысль — объ учрежденіи „петербурго-московскаго просвѣтительнаго общества“, дѣятельность котораго спеціально предназначилась бы для удовлетворенія просвѣтительныхъ нуждъ фабричныхъ рабочихъ и ихъ дѣтей. Петербургскіе фабриканты желаютъ объединить свою дѣятельность съ московскими, для чего ими будетъ послано уполномоченное лицо для переговоровъ.

— „С. П. В.“ сообщаютъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ непродолжительномъ времени будетъ обсуждаться вопросъ объ учрежденіи такъ называемыхъ передвижныхъ губернскихъ педагогическихъ курсовъ. Курсы эти предполагаются исключительно для учителей и учительницъ, не окончившихъ спеціальныхъ педагогическихъ учебныхъ заведеній.

— На-дняхъ закончилъ свои работы комитетъ, образованный финляндскимъ правительствомъ для разсмотрѣнія вопроса о канализаціи рѣки Вуоксы, соединяющей Сайменское и Ладожское озера и могущей имѣть большое торговое значеніе, если будутъ обойдены преграждающіе ее пороги, въ родѣ знаменитой Иматры.

Пожаръ Виндзорскаго отеля въ Нью-Іоркѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Сынъ пустыни. Съ картины *В. Польнова, грав. Адтъ.*

Раскаленное море песку, голые камни кругомъ. Пустыня спитъ, протянувшись недвижной сѣрой громадой. На сотни верстъ залегли эти сыпучіе, гонимые вихремъ, пески, и слились съ блѣдной синевою горизонта. На выступѣ скалы онъ, сынъ этой пустыни, нашелъ себѣ временный пріютъ, отдыхая отъ томительно-долгой дороги. Внизу подъ ногами волнуется море песку, голые камни нависли кругомъ, и только съ тихой лаской, оживляя все и внося жизнь въ мертвое молчаніе раскаленныхъ песковъ, перебѣгаетъ съ камня на камень веселый ручеекъ.

На бульварѣ. Съ картины *В. Е. Маковскаго, грав. А. Павловъ.*

Картина извѣстнаго художника В. Е. Маковскаго врядъ ли нуждается въ описаніи. Жизнью вѣетъ отъ полотна художника, переносящаго зрителя на одинъ изъ бульваровъ большого города, преимущественно посѣщаемаго бѣдной сѣрою публикой.

Бродячіе музыканты. Съ картины *Мейсонье-сына, грав. Адтъ.*

Нестройное тріо бродячихъ артистовъ пріятно услаждаетъ слухъ невзыскательныхъ слушателей. Гудитъ и стонетъ волынка, гулко вторитъ ей визгливый рожокъ, и тихо звучитъ, выходя изъ такта, нестройная бандура подъ рукою бродячаго артиста. Но зрители довольны,— что и требовалось доказать.

Зима и весна. Съ картины *А. Рестеля.*

Старое старится, молодое растетъ; на смѣну зимы идетъ юная весна, и каждый новый день для одной—шагъ къ близкой могилѣ, для другой—является побѣднымъ шествіемъ молодой весны, когда объ осени, объ увяданьѣ не можетъ быть и рѣчи.

Весенней порой. Съ картины *Ф. Сулакрои.*

Весна—пора любви и грезъ, и солнца, и цвѣтовъ. Солнце и цвѣты ласкаютъ и нѣжатъ взоры. Любовью и грезами полна хорошенькая головка этой молодой дѣвушки, справляющей праздникъ весны своей жизни. „О, какъ хороша жизнь“, шепчетъ ей все кругомъ, улыбаясь въ весеннемъ блескѣ...

На морскомъ побережьѣ. Съ картины *Г. Борота.*

Какъ зеркало море. Повисли на мачтахъ паруса, и недвижно стоитъ черная громада корабля, засѣвшаго на мели. Онъ, какъ орелъ съ подстрѣленными крыльями, обреченъ на бездѣйствіе, и жалокъ его безпомощный видъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Жирная Пудра Аурика

для близны лица

Незамѣтна на кожѣ — С.-Петербургъ — Литовская, 44.

1846. 1865. 1882. 1896.

Поставщики Высочайшаго Двора

Т-во А. Ралле и Ко

Москва

ПАРФЮМЕРІЯ

„СНѢЖНАЯ ФІАЛКА“

ДУХИ, МЫЛО и ПУДРА.

ПАРФЮМЕРІЯ

„ВѢЯНІЯ ВЕСНЫ“

МЫЛО, ДУХИ.

Москва, Пассажъ Солодовникова. С.-Петербургъ, Невскій, 18.

И ВЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

I. Гунст. Н. С. Николаевъ, Москва.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.*

Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ

проф. М. Неймайера.

Вышло 30 выпусковъ.

Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей

заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).

Подписная цѣна за всѣ 30 вып. 12 руб. 80 коп.

При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Открыта подписка на соч.

ЧЕЛОВѢКЪ

проф. І. РАНКЕ.

Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета А. П. Синявскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.

30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ

ТОВАРИЩЕСТВА

ЭЙНЕМЪ

въ МОСКВѢ.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова. Цѣна 1 рубль.

Грандіозный проектъ соединенія всего американскаго материка непрерывною желѣзнодорожною линіею близокъ къ осуществленію. Рѣшенію крайне сложной задачи какъ въ экономическомъ, такъ и въ международномъ отношеніяхъ много содѣйствовало быстрое рѣшеніе вопроса о постройкѣ велико-африканской желѣзной дороги. Проектъ соединенія Нью-Іорка непрерывнымъ желѣзнодорожнымъ путемъ съ Буэносъ-Айресомъ впервые возникъ, какъ сообщаетъ журналъ «Globus», девять лѣтъ тому назадъ. Конференція международныхъ делегатовъ, состоявшаяся въ Вашингтонѣ 2-го октября 1889 года, рѣшила въ принципѣ вопросъ о желательности подобнаго пути и тогда же поручила состоявшей изъ инженеровъ коммиссіи, подъ названіемъ «Intercontinental Railway Commission», подробно разработать проектъ будущаго пути. Въ 1893 г. коммиссія закончила свои занятія, но затѣмъ потребовались еще дополнительныя подробности, такъ что только въ текущемъ году она могла представить въ окончательномъ видѣ выработанный ею проектъ. Приблизительное понятіе о затраченномъ коммиссіею трудѣ даютъ размѣры «Отчета»: три объемистыхъ тома текста и столько же томовъ вычисленій, до 300 картъ, плановъ и чертежей и отдѣльный 7-й толстый томъ, заключающій общій обзоръ всего проекта. Съемочныя работы при предварительныхъ изысканіяхъ начались въ Анитіи—деревнѣ, находящейся на южной границѣ Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою. Въ этой точкѣ произойдетъ соединеніе союзныхъ уже готовыхъ желѣзныхъ дорогъ съ линіею, имѣющею быть проложенною къ столицѣ Мексики. Для возможнаго сокращенія предстоящихъ чудовищныхъ размѣровъ затратъ денежныхъ и работъ рѣшено, гдѣ только возможно, включать въ общую линію имѣющіеся уже готовые желѣзнодорожные пути.

По проекту, исполинскій путь пройдетъ въ меридіональномъ направленіи, съ сѣвера къ югу, по безбрежнымъ преріямъ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво; оставшіеся въ сторонѣ крупные центры будутъ соединены подъѣздными путями и вѣтками. Магистральный путь пройдетъ по центральной оси Кордильеровъ отъ сѣверной мексиканской границы до озера Титикака; оттуда онъ, слившись съ имѣющимися уже готовыми желѣзнодорожными линіями, направится далѣе къ югу и, прорѣзавъ восточный склонъ Андовъ, вступитъ въ предѣлы Боливіи у города Гуанхака. Такимъ образомъ, исполинская дорога соединитъ всѣ штаты и государства Центральной Америки со всѣми южно-американскими государствами, до тихо-океанскаго побережья; въ общую цѣпь главной линіи не входитъ Чили, главные портовые города которой — Аутофагаста, Вальпарайзо, или Вальдивіа, примкнутъ къ магистральной линіи посредствомъ боковыхъ вѣтокъ. Точно также Аргентина будетъ связана одною общею линіею, которая будетъ нарочно построена съ цѣлью соединенія всѣхъ желѣзныхъ дорогъ этой республики главнымъ путемъ. Боковыми вѣтвями будетъ присоединена и Бразилія. Съ Парагваемъ и Уругваемъ соединеніе произойдетъ посредствомъ нарочно построенныхъ отводныхъ вѣтвей на Ассунсіонъ и Монтевидео. По проекту одна только главная линія отъ Нью-Іорка до Буэносъ-Айреса будетъ имѣть протяженіе въ 10,288 англ. миль (около 16,000 верстъ), изъ этого протяженія имѣется готовыми 4,771 миля. Стоимость магистральной линіи достигнетъ 700 милл. руб. Самые крупные расходы потребуетъ участокъ, пролегающій въ Андахъ, отъ Колумбіи черезъ Экуадоръ до Перу; наиболѣе значительныя техническія затрудненія представитъ участокъ дороги по плоскогорью отъ Боливіи до Аргентинскихъ пампасовъ. Въ Перу потребуется множество туннелей, изъ которыхъ нѣсколько будутъ впервые сооружены винтообразными. Въ расходахъ по изысканію пути, довольно значительныхъ, участвуютъ всѣ американскія государства, соотвѣтственно числу своихъ подданныхъ.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Нѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургъ. Невскій 68—40.

Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ **Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

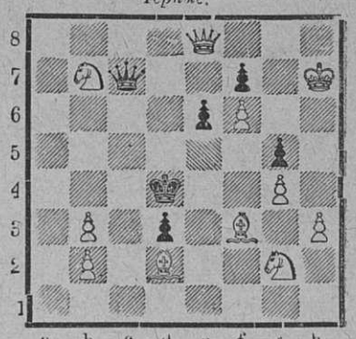
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 113.

Карштедта (въ Германіи).

Первый призъ на конкурсѣ «Der Schachfreund».

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

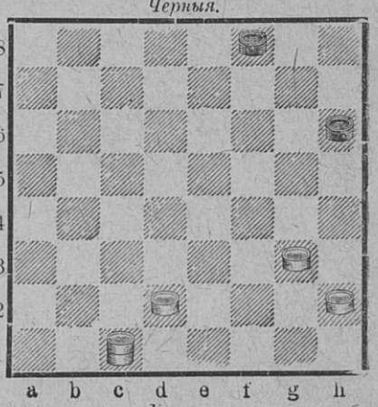
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. Н. Шошина.**

ЗАДАЧА № 100.

А. Иванова (въ Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть простую.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

№ 93. *Андрезена.* 1. e7—f6; 2. a3—c1; 3. b8:a1 и 4. a1:e1.

№ 94. *Нѣмцова.* 1. b2—a3, f4—g3 (1... f4—e3; 2. a3—b4; 3. f6—b2; 4. f2—g3; 5. e7—f8; 6. h4—g5; 7. g1—f2; 8. f8—b4; 9. b2—d4; 10. e1—f2 и 11. c1:e3); 2. c1—b2; 3. h4—g5; 4. f2:h4; 5. d4—f2; 6. f6—g5; 7. e7f6; 8. f6—c3; 9. f2—g3; 10. c3—d2; 11. e1—f2; 12. f2—e3 и 13. h4—e1.

№ 95. *А. Шошина.* 1. g3—h2, e7—f6 (1... b4—c3; 2. d2:b4, e7—f6; 3. c1—d2; 4. d2—c3; 5. c5—e7; 6. h2—c7 и 7. f8—c5); 2. f6—g7; 3. d6—b8; 4. b8:g3; 5. g3—e1; 6. h2—e5; 7. e3—f4; 8. d2—e3; 9. e1—a5; 10. c1—d2; 11. a5—b4 и 12. e5—b2. Прекрасная задача.

№ 96. *Нѣмцова.* 1. b4—a5. e3—d2 (1... d4—c3; 2. b2:d4 и т. д. a7:e3); 2. a7:c1; 3. f8—h6; 4. c1—e3; 5. a5 c3 и 6. h6—c1.

№ 97. *Цыпалиной.* 1. f8—e7; 2. e5:g7, h3:f3 (2... c7:e5; 3. d4:f6 и т. д.); 3. e3—c1; 4. a5:c7; 5. c1—a3 и 6. a3:h4.

Рѣшили: Н. В. Люхинъ, Е. Ф. Андрезенъ (Спб.), И. В. Петровъ (Кострома) и Н. Н. Сергѣевъ (Вологда)—всѣ; В. В. Локотьяновъ (Спб.)—№№ 93, 95, 96 и 97; М. Ивановъ (Москва)—№№ 93 и 97; В. С. Виноградовъ (пос. Ново-Александрія, Любл. губ.) № 97.

Редакторъ А. К. Шепперъ (А. Михайловъ).

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ"

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ГЕРМАНСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНѢ 1899 г.
20 Апрѣля—17 Сентября
съ отдѣлами: ЛУКА КРАНАХЪ. — Фарфоръ. — Худож. промышленность.
3066-1.

ИЗЯЩНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КЪ ЖУРНАЛУ
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» 1898 года
изъ лучшаго англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ, съ роскошнымъ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 1 р. 25 к. пересылка за 2 фунта.
Главная Контора Спб. Акціснернаго Общества „Издатель": Спб., Невскій пр., д. 68—41

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 18 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ $2^1/_2$ листовъ съ 16 рисунками и обложки. Кромѣ того, при этомъ нумерѣ журнала «Живописн. Обозрѣн.» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается пятая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній: «Новые романы, повѣсти и разсказы» (за май 1899 г.).

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 29 апрѣля 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель". Ковенскій, соб. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 19.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 19-го нумера.

Воскресенье, 9-го мая 1899 г.

Статьи:

*** Стихотвореніе Б. Бера. — „Избранникъ“. Разсказъ И. Потапенко. (Окончаніе). — „Майская ночь“. Стихотвореніе Евгенія Достовалова. — Два поколѣнія. Разсказъ кн. Тангіевой. — Страстная недѣля въ Римѣ. Переводъ Е. М. Соловьевой. — „Слуша-а-а-й!“ Повѣсть Матильды Серао. Переводъ Е. Шульгиной. (Продолженіе).—Хроника: 1) Политическое обозрѣніе. 2) Внутреннія извѣстія. — Жанъ Расинъ. — Оливеръ Кромвель.— Къ рисункамъ. — Шашки и шахматы. — Тиражъ.—Объявленія.

Рисунки:

Раннимъ утромъ. О. Новака. — Дѣти моря. Гакеттъ. — Горное озеро въ Норвегіи. Мортенъ-Мюллера.—Большая семья. Ю. Шенерера.—Передъ отъѣздомъ. Ф. Пенфольда.—Кромвель и его дочь. Ю. Шрадера.—К. Н. Посьетъ.—Расинъ. – Кромвель. — Домъ Расина въ Ферте-Милонъ.—Статуя Расина.—Домъ въ улицѣ Висконти, гдѣ умеръ Расинъ.—Подводная торпедная лодка „Гимнотъ“. — Торпедная лодка „Густавъ Зеде“.—Разрѣзъ лодки „Густавъ Зеде“. — Прививка широколиственнаго табака.

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

«ИЗДАТЕЛЬ»,

Спб., Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ГЕРМАНСКАЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНѢ 1899 г.

20 Апрѣля—17 Сентября

съ отдѣлами: ЛУКА КРАНАХЪ. — Фарфоръ. — Худож. промышленность.

3066-1.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

СВОЕЮ ВСЕМІРНОЮ СЛАВОЮ

СЛАБИТ. ВОДА

„ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ“

обязана своимъ ПРЕВОСХОДНЫМЪ свойствамъ, вслѣдствіе чего она получила *самое широкое распространеніе* будучи извѣстна даже въ самыхъ маленькихъ уголкахъ земного шара. Нормальный пріемъ — винный стаканъ, принимаемый утромъ натощакъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Дирекція слабительной воды Франца-Іосифа въ Будапештѣ. (5)

ИЗЯЩНЫЕ и ДЕШЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КЪ ЖУРНАЛУ

«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» 1898 года

изъ лучшаго англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ, съ роскошнымъ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 1 р. 25 к. пересылка за 2 фунта.

Главная Контора Спб. Акціонернаго Общества „Издатель“: Спб., Невскій пр., д. 68—40.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ

5% ЗАКЛАДН. СЪ ВЫИГРЫШАМИ ЛИСТЫ ГОСУД. ДВОРЯНСК. БАНКА, 1889 г. 19 ТИРАЖЪ 1 МАЯ 1899 ГОДА.

Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.	Нумера серій.	Нумера листовъ.	Сумма выигрыша.
00010	33	500	01166	47	500	02085	29	500	03559	25	500	05409	32	5000	07468	26	500	09109	23	500	11102	39	500	12713	15	500	14441	21	500
00013	24	500	01258	23	8000	02081	2	500	03561	15	500	05437	33	1000	07674	40	500	09215	40	500	11103	34	1000	12738	22	500	14441	48	500
00023	40	500	01289	39	500	02127	15	500	03603	25	500	05439	42	500	07683	37	500	09232	8	500	11200	46	500	12755	45	500	14475	21	500
00056	38	500	01292	22	500	02230	47	500	03623	28	500	05452	31	500	07789	48	500	09257	2	500	11411	16	500	12770	41	500	14487	15	500
00070	29	500	01298	30	500	02241	36	500	03634	32	1000	05730	43	500	07932	7	500	09369	24	500	11415	11	500	12812	25	1000	14521	10	500
00076	43	500	01348	27	500	02344	4	500	03679	28	500	05773	10	1000	07953	41	500	09370	1	500	11451	25	500	12851	19	500	14536	17	500
00134	36	500	01381	18	500	02556	48	500	03692	15	500	05969	46	500	08027	40	500	09378	27	500	11458	2	500	12988	42	500	14575	19	500
00167	36	5000	01382	27	500	02626	39	500	03729	17	500	05981	8	5000	08204	1	500	09419	47	500	11469	27	500	13015	27	500	14644	43	500
00198	4	500	01418	17	500	02738	36	1000	03777	43	500	06151	24	500	08220	27	1000	09428	20	500	11492	30	500	13238	7	500	14676	15	500
00208	49	500	01474	44	500	02792	6	40000	04105	32	500	06191	44	500	08251	20	500	09439	12	500	11503	25	8000	13238	34	500	14726	32	500
00311	49	500	01577	21	500	02820	43	500	04136	2	500	06196	4	500	08266	37	500	09652	11	500	11533	36	500	13317	33	500	14830	14	500
00373	39	500	01577	30	500	02873	49	500	04165	43	500	06384	40	500	08342	19	500	09724	3	500	11642	16	500	13416	49	500	14854	42	500
00459	2	500	01812	48	500	02910	19	500	04171	16	500	06391	12	500	08365	10	500	09992	28	25000	11682	22	1000	13419	10	500	14858	20	500
00473	39	500	01813	46	500	02946	8	10000	04269	35	500	06487	24	500	08422	24	500	09994	30	500	11728	38	500	13534	29	500	14963	32	500
00475	50	500	01820	43	500	02959	40	500	04313	3	75000	06522	3	1000	08472	36	500	10125	47	500	11759	9	500	13542	25	500	14978	14	500
00511	26	500	01822	4	500	02962	7	500	04363	18	500	06650	2	500	08476	39	500	10283	27	500	11788	30	500	13630	21	500	15026	30	1000
00532	49	500	01637	20	500	02968	17	500	04429	34	500	06696	19	500	08529	43	500	10342	19	500	11868	24	500	13697	4	500	15054	42	500
00534	45	500	01661	14	500	02971	42	500	04498	19	500	06740	22	500	08621	5	500	10350	35	1000	11872	28	500	13761	10	500	15058	6	500
00610	32	500	01677	4	500	03016	16	500	04520	4	500	06793	32	500	08641	8	500	10386	31	500	11922	40	8000	13970	31	500	15116	15	500
00719	11	1000	01690	40	500	03035	28	500	04638	47	1000	06909	36	500	08652	24	500	10588	11	500	12069	80	500	14003	10	500	15148	35	500
00727	19	500	01719	5	500	03035	39	500	04649	10	500	06914	15	500	08660	16	1000	10588	13	500	12080	30	8000	14006	4	500	15243	32	500
00748	43	500	01746	3	1000	03140	48	500	04657	45	500	06952	1	500	08674	30	500	10784	50	500	12099	35	500	14013	8	500	15244	45	500
00762	12	500	01753	3	500	03162	49	500	04756	2	500	06993	36	500	08749	8	5000	10926	18	500	12189	41	500	14021	9	500	15266	20	500
00770	26	500	01759	23	500	03168	49	500	04806	14	500	07167	14	500	08787	46	500	10936	48	10000	12212	31	500	14027	14	500	15321	14	1000
00834	26	500	01793	36	500	03211	29	500	04882	44	5000	07250	24	500	08823	11	500	10943	50	500	12227	40	500	14075	22	500	15412	10	500
00909	12	500	01815	11	5000	03291	42	500	04883	40	500	07278	2	500	08833	32	500	10973	30	1000	12404	31	500	14161	12	500	15428	33	500
01017	27	500	01978	20	5000	03323	36	500	05106	9	500	07304	39	500	08881	24	500	10981	9	500	12451	18	500	14184	35	200000	15515	1	500
01021	42	500	01985	6	500	03354	28	500	05190	8	500	07328	2	500	08889	2	500	10998	50	500	12453	22	500	14229	44	500	15837	44	500
01063	1	500	02032	5	500	03444	13	1000	05262	14	500	07427	25	500	08958	22	500	11061	26	500	12526	33	1000	14330	40	10000	15938	45	500
01100	38	500	02032	47	500	03506	48	500	05283	7	1000	07434	27	500	08972	5	500	11062	31	500	12526	34	500	14385	41	500	15948	36	8000

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ с.-петербургской конторѣ государственнаго банка. По ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному положенію о 5% закладныхъ съ выигрышами листахъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка, выигрыши по листамъ выдаются черезъ три мѣсяца со дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки, владѣльцы листовъ приглашаются предъявлять въ с.-петербургскую контору государственнаго банка листы, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до 1-го августа 1899 года, чтобы дать время исполнить необходимыя формальности, обусловливающія выдачу выигрышей.

ТАБЛИЦА

серій 5% закладныхъ съ выигрышами листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія 1 мая 1899 г.

НУМЕРА СЕРІЙ: каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 листовъ, съ № 1 по 50-й включительно.

00044	01021	01632	02087	02891	03169	04153	05012	05938	06147	06596	07447	07828	08267	08991	09751	10371	10912	11248	12233	12663	13449	14168	14900	15683	15875
00053	01162	01691	02245	02929	03263	04197	05288	06010	06260	06798	07532	07864	08583	09004	09752	10373	10941	11332	12241	12725	13707	14463	15022	15772	15882
00738	01231	01708	02267	03018	03450	04394	05320	06019	06383	06839	07593	07902	08716	09443	09809	10578	10981	11435	12468	12927	13908	14591	15030	15798	15951
00873	01429	01760	02333	03040	03651	04784	05421	06033	06521	07129	07647	07941	08788	09627	10046	10598	11020	11460	12467	13091	14083	14641	15429	15841	15985
00920	01540	01882	02548	03081	04070	04844	05912	06117	06585	07203	07754	08162	08965	09716	10171	10705	11230	11810	12632	13324	14128	14785	15556	15872	15989

Всего 130 серій, составляющихъ 6,500 листовъ, на сумму 845,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ листамъ, по 130 руб. за листъ, будетъ производиться съ 1 августа 1899 г. въ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка, а также въ казначействахъ тѣхъ городовъ гдѣ нѣтъ учрежденій банка.

Совѣтъ Государственнаго Банка.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 19. Воскресенье, 9-го Мая 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде

Раннимъ утромъ. Съ картины О. Новака.

* * *

Я смотрѣлъ на туманъ и на дождь цѣлый день,
На блестящіе мокрые листья
И все ждалъ, что блеснетъ торжествующій лучъ
И разгонитъ видѣнья печали.
Но былъ сѣръ и невзраченъ небесный покровъ,
Зеленѣли блестящіе листья,
Съ побѣлѣвшихъ луговъ испарялся туманъ,
Дождь окутывалъ частою сѣтью...
И тогда я закрылъ, негодуя, глаза,
И проклялъ я видѣнья печали,
И взглянулъ я въ себя, — и во мнѣ глубоко
Гимны свѣта, гремя, зазвучали:

И вставалъ и сіялъ исполинскій чертогъ,
Весь сотканный изъ мраморныхъ кружевъ;
Расцвѣталъ на немъ розой весенней востокъ,
Перламутромъ и блѣдной сиренью;
Пробуждались въ садахъ голубые цвѣты,
Слезы утра на нихъ засверкали,
И волшебныя пѣсни живой красоты
Зазвенѣли изъ трепетной дали...
И смѣялась мнѣ жизнь... И въ сіяньѣ зари
Воплощались желанныя грезы —
Хоръ блаженный все росъ, и росли алтари,
И цвѣли благовонныя розы...

Б. Беръ.

ИЗБРАННИКЪ.

Разсказъ. (*Окончаніе*).

Посвящается Владиміру Николаевичу Ладыжинскому.

ВЪ глубинѣ души Аглая во многомъ соглашалась съ нимъ. Онъ дѣйствительно сгнилъ бы, если бы она о немъ не заботилась. Она очень хорошо помнитъ, какимъ нашла его домъ, когда поступила къ нему. Все было запущено. Всюду были пыль, грязь, безпорядокъ; ото всего несло какимъ-то тлѣніемъ. Прислуга обкрадывала его и держала въ черномъ тѣлѣ. Въ особенности она ужаснулась состоянію его бѣлья. Оно все было въ дырахъ и на половину разворовано... Кормили его чортъ знаетъ чѣмъ, и онъ безпомощно ѣлъ все, что ни давали ему. И правда, продлись это еще нѣсколько лѣтъ, Ардальонъ Назаровичъ былъ бы занесенъ пылью или же умеръ бы съ голоду.

Она взяла въ руки хозяйство, и очень скоро въ домѣ появился образцовый порядокъ. Ардальонъ Назаровичъ началъ получать вкусныя и питательныя блюда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расходы сократились, по крайней мѣрѣ, вдвое.

И Ардальонъ Назаровичъ оцѣнилъ это. Можетъ быть, это и было причиной сближенія его съ Аглаей. Конечно, и личныя достоинства Аглаи были тутъ не безъ вліянія,—ужь надо сказать правду, она была красива. Въ этомъ всѣ сходились, и друзья ея и враги, а характеръ у нея былъ ангельскій. Должно быть, всѣ эти причины дѣйствовали разомъ.

И теперь она такъ оберегала интересы Ардальона Назаровича, какъ не всякая законная жена можетъ уберечь, и вотъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ сильнаго волненія, Ардальонъ Назаровичъ все это созналъ, и вдругъ у него прорвалось чувство благодарности.

Аглая поставила себѣ приборъ и сѣла. Ардальонъ Назаровичъ больше ничего не говорилъ, а просто ѣлъ. Но у Аглаи явилось другое теченіе мыслей. Замѣтила она, что глаза Ардальона Назаровича сдѣлались спокойнѣе: несомнѣнно, такъ на него подѣйствовало принятіе пищи. Грибы были дѣйствительно хороши, а передъ грибами онъ выпилъ рюмку водки. Это всегда возстановляетъ равновѣсіе духа. Соленая рыба тоже оказалась недурна. А супъ сегодня особенно удался. Между тѣмъ Ардальонъ Назаровичъ питалъ пристрастіе къ супамъ.

И, съ каждой ложкой, явно утишалась драма въ его душѣ. И тутъ Аглая рѣшила, что наступилъ моментъ заговорить съ нимъ о Григоріи Антоновичѣ Она подступила къ этому осторожно. Подавая ему тарелку съ котлетами, она очень тихо промолвила:

— Ардальонъ Назаровичъ, позвольте мнѣ сказать вамъ что-то.

— Говорите, Аглая, пожалуйста, говорите, отвѣтилъ Ардальонъ Назаровичъ, можетъ быть, думая, что она скажетъ что нибудь относящееся къ его изліянію.

— Вотъ... запинаясь начала Аглая. Когда ушелъ отъ васъ Григорій Антоновичъ...

Ардальонъ Назаровичъ сильно нахмурился, и Аглая даже на минуту остановилась. Ужь продолжать ли? Но она рѣшила все-таки продолжать, потому что другого случая такого не найдется.

— Когда онъ ушелъ отъ васъ, то не пошелъ прямо домой, а остановился у калитки и долго стоялъ. Я прошла черезъ дворъ. Дѣло было у меня тамъ... въ погребѣ... иду, это назадъ и мелькомъ взглянула на него... И такое у него показалось мнѣ жалостное лицо. И онъ подозвалъ меня...

Ардальонъ Назаровичъ, даже не кончивъ котлету, положилъ вилку и ножъ и, молча, началъ глядѣть въ тарелку. Аглая, замѣтивъ это, опять пріостановилась, но только на секунду, потому что надо же было кончать. И она продолжала:

— Подозвалъ онъ меня и... и говоритъ: Аглая Никитишна. Я, говоритъ, сдѣлалъ подлое дѣло (тутъ Аглая начала передавать своими словами), а теперь я погибаю... Вся моя жизнь погибаетъ и мое спасеніе зависитъ отъ Ардальона Назаровича. Я говорю: что же это такое? А онъ говоритъ: долго объяснять, а Ардальонъ Назаровичъ все знаетъ. И вы, говоритъ, попросите у него для меня пощады. У него, говоритъ, сердце доброе, прибавляла уже отъ себя Аглая, а только озлобилъ его мой подлый поступокъ Вы, говоритъ, попросите его...

Ардальонъ Назаровичъ покачалъ головой. — Нѣтъ не просите.. очень твердо промолвилъ онъ. Не надо!..

— Не надо, Ардальонъ Назаровичъ!?

— Не надо. Я ничего не могу. То, чего онъ хочетъ, глупо... Онъ хочетъ, чтобы я увѣрялъ всѣхъ въ томъ, чему ужь теперь никто не повѣритъ. Притомъ же знаете, Аглая, что Волокитскій для меня теперь не существуетъ.

— Какъ же такъ, Ардальонъ Назаровичъ, ужь вдругъ вовсе и не существуетъ?

— Да, да, да, Аглая. Вы не можете этого понять. У васъ слишкомъ доброе сердце. Я тоже человѣкъ не злой, но вы ужь слишкомъ добрая. Мнѣ теперь все равно, что сдѣлаетъ Волокитскій, какъ онъ поступитъ. Можетъ быть, онъ будетъ забрасывать меня грязью, швырять въ меня каменьями. Можетъ быть, онъ подожжетъ мой домъ. Ну, тогда я буду спасать свое имущество, а до него мнѣ все равно — я не хочу даже слышать о немъ. Онъ показалъ примѣръ самой черной неблагодарности. У него грязная душа... Я не могу водиться съ такимъ человѣкомъ.

Аглая вздохнула и замолкла. Этимъ и кончилась ея попытка смягчить сердце Ардальона Назаровича въ пользу Волокитскаго.

VI.

Межъ тѣмъ, отецъ протоіерей побывалъ у преосвященнаго. Преосвященный тоже былъ заинтересованъ вопросомъ о томъ, кто будетъ ктиторомъ соборной церкви. Онъ, какъ и всѣ прихожане, зналъ, что въ первомъ ряду стоятъ два почтенныхъ гражданина: Волокитскій и Чепраковъ, и сердце его лежало больше въ сторону Чепракова.

У стараго архипастыря были очень проницательные глаза, и, хотя, когда случалось ему встрѣчаться съ Волокитскимъ въ торжественные моменты, Григорій Антоновичъ говорилъ съ нимъ голосомъ, полнымъ смиренія и благолѣпія, архіерей не особенно вѣрилъ ему. Въ глазахъ

Григорія Антоновича было что-то такое, что заставляло заподозрить его искренность.

И когда протоіерей упомянулъ о двухъ кандидатахъ на ктиторство, архіерей сказалъ: — я не могу насиловать волю прихожанъ, но мнѣ болѣе по душѣ Чепраковъ.

— Я самъ придерживаюсь такого чувства, сказалъ протоіерей. Но имѣется одно обстоятельство, которое можетъ повредить.

— Какое-же? спросилъ архіерей.

— Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы докладывать объ этомъ вашему преосвященству, но долгъ выше всего... Я всегда стараюсь прежде всего осуществлять мой долгъ...

— Э, да ты, отецъ, оставь элоквенцію, а говори прямо...

— У господина Чепракова въ домѣ живетъ женщина, по имени Аглая, и всѣмъ извѣстно, и я не могу этого скрыть отъ вашего преосвященства, что между ними существуетъ неузаконенное церковью сожительство.

— Видишь-ли, отецъ протоіерей, это, конечно, похвально, что ты держишься столь твердыхъ взглядовъ на необходимость освященія церковью брачныхъ отношеній. Притомъ же должность ктитора есть должность общественная, а не духовная. Я, какъ и ты, скорблю по поводу грѣховнаго заблужденія такого почтеннаго человѣка, какъ Чепраковъ.

Отецъ протоіерей въ душѣ возрадовался такому мнѣнію преосвященнаго и, убѣдившись, что онъ ничего не будетъ имѣть противъ выбора Ардальона Назаровича, возвращаясь домой, зашелъ къ нѣкоторымъ наиболѣе уважаемымъ прихожанамъ и, между прочимъ, въ разговорѣ далъ самый лестный отзывъ объ Ардальонѣ Назаровичѣ и также далъ понять, что и архіерей противъ него ничего не имѣетъ.

Между тѣмъ, въ приходѣ происходила настоящая борьба. Григорій Антоновичъ забѣгалъ еще разъ въ домъ Ардальона Назаровича, но съ задняго крыльца вызывалъ Аглаю, и, когда узналъ отъ нея суровый приговоръ Ардальона Назаровича, окончательно взбѣсился и ужь безъ всякаго удержу пошелъ на всѣхъ перекресткахъ кричать, что Чепраковъ первый въ городѣ развратникъ, что онъ открыто ведетъ грѣховную жизнь и не только не стыдится этого, а даже съ гордостью всѣмъ показываетъ.

Отсюда дѣлался выводъ, что онъ къ тому же и безбожникъ, ибо человѣкъ, вѣрующій въ Бога, не могъ бы такъ легко мысленно относиться къ столь важному вопросу о святости брака. Безъ сомнѣнія, онъ кричалъ это не одинъ. Въ приходѣ было достаточно людей съ неустановившимися взглядами, нѣкоторыхъ можно было купить за рубль, а другимъ достаточно было просто пообѣщать что нибудь.

Съ другой стороны, было достаточно преданныхъ людей и у Ардальона Назаровича. Самъ онъ не принималъ никакого участія въ агитаціи. Собственно говоря, ему теперь было даже противно вспомнить, что онъ изъ-за должности ктитора, которая, въ сущности, и не могла доставить ему особеннаго удовольствія, сдѣлался какой-то притчей во языцѣхъ, и его частная жизнь подверглась общему обсужденію.

Но за него стоялъ протоіерей, и другія духовныя лица соборной церкви, узнавъ подъ рукою, что ему сочувствуетъ преосвященный, тоже усиленно поддерживали его.

Такимъ образомъ, двѣ партіи боролись не на жизнь, а на смерть.

Многіе прихожане, до тѣхъ поръ жившіе въ мирѣ и согласіи, жестоко поссорились между собой и начали другъ про друга разсказать всякія гадости. А день выбора, между тѣмъ, приближался. И вотъ, наканунѣ этого дня произошло событіе, важность котораго не сталъ бы отрицать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ и которое, кромѣ того, поражало всѣхъ своей неожиданностью.

Отецъ протоіерей утромъ получилъ записку отъ Ардальона Назаровича, въ которой тотъ, со свойственной ему корректностью, писалъ: „любезнѣйшій отецъ протоіерей, позвольте мнѣ еще разъ побезпокоить васъ почтительнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ дозволеніи навѣстить васъ, дабы переговорить по весьма важному для меня дѣлу или, если вы это найдете болѣе удобнымъ, позвольте надѣется, что вы не откажетесь посѣтить меня. Душевно преданный вамъ Ардальонъ Чепраковъ".

Отецъ протоіерей счелъ болѣе удобнымъ навѣстить Ардальона Назаровича и отправился къ нему. Послѣ обычныхъ привѣтствій, послѣ того, какъ Ардальонъ Назаровичъ попросилъ протоіерея сѣсть, онъ сказалъ:

— Можетъ быть, вы думаете, отецъ протоіерей, что я хочу узнать отъ васъ о томъ, какъ стоятъ мои шансы на выборахъ? Вы ошибаетесь — это меня совсѣмъ не интересуетъ.

— Какъ не интересуетъ, воскликнулъ отецъ протоіерей, вы не знаете, что сказалъ преосвященный. Владыка хочетъ вашего избранія.

— Я глубоко благодаренъ его преосвященству за эту честь, и все таки меня это не интересуетъ. Взгляните на меня, отецъ протоіерей, развѣ я такой, какимъ вы видѣли меня нѣсколько дней тому назадъ?

Протоіерей взглянулъ на него и дѣйствительно убѣдился, что онъ, дѣйствительно, былъ ужь не таковъ. Въ лицѣ его не было ужь ни тѣни прежняго раздраженія. Черты этого лица какъ бы улеглись спокойно на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Ардальонъ Назаровичъ былъ теперь совсѣмъ прежній, такой, какимъ протоіерей привыкъ его видѣть въ мирное время.

— Что-же вы хотите, Ардальонъ Назаровичъ? спросилъ протоіерей.

— Хочу я открыть вамъ свое сердечное намѣреніе. Не для толпы я это дѣлаю. Пусть говорятъ, что хотятъ, но какъ и въ пословицахъ сказано: „нѣтъ худа безъ добра", и этотъ печальный случай убѣдилъ меня, что человѣкъ, желающій пользоваться общимъ уваженіемъ, не имѣетъ права своею жизнью давать толпѣ поводъ бросать въ него грязью. Если бросаютъ грязью, то значитъ есть что нибудь, какой нибудь поводъ данъ. Въ Волокитскаго тоже бросаютъ грязью, и онъ, какъ мы съ вами знаемъ, заслужилъ это, но рядомъ съ нимъ и въ меня бросаютъ. Такъ подумайте, отецъ протоіерей, не оскорбительно ли мнѣ быть въ той же роли, какую играетъ господинъ Волокитскій?

— Въ чемъ же дѣло, Ардальонъ Назаровичъ? спросилъ отецъ протоіерей, который никакъ не могъ сообразить, къ чему онъ клонитъ.

— Я сейчасъ объясню вамъ, отецъ протоіерей. Мнѣ совершенно необходимо ваше содѣйствіе, и потому я объясню вамъ все. Я много думалъ эти дни. Я обсудилъ всю свою жизнь. Да, это вѣрно, и вамъ извѣстно, что я нахожусь въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ Аглаей Никитишной— это вѣрно. И всякій можетъ спросить, почему-же я, находясь съ нею столь долгое время въ извѣстныхъ отношеніяхъ и имѣя отъ нея дѣтей, ни разу не подумалъ о томъ, чтобы узаконить эту связь освященіемъ церкви Почему, въ самомъ дѣлѣ? Вы скажете, потому, что Аглая Никитишна принадлежитъ къ низшему кругу и не подходитъ ко мнѣ по своему воспитанію. Но позвольте же васъ спросить, если она не подходитъ, зачѣмъ же я завязалъ эту связь и сохранилъ до настоящаго времени? Что-же это? Пятнадцать лѣтъ связь эта подходила, я довольствовался ею, а для брачныхъ узъ она не подходитъ? И я отвѣчаю на заданный мною вопросъ: произошло это отъ моего эгоизма, отъ себялюбія. И я неправъ. И я говорю: нѣтъ худа безъ добра. Измѣна господина Волокитскаго заставила меня одуматься, я рѣшилъ, чтобъ въ моей жизни не было ничего такого, что давало-бы поводъ къ осужденію и бросанію въ меня грязью. И потому я хочу теперь-же, немедленно обвѣнчаться съ Аглаей Никитишной и назвать ее своей женой.

— Дивное рѣшеніе, Ардальонъ Назаровичъ! воскликнулъ протоіерей, самъ Богъ внушилъ вамъ его!

— Я зналъ, что вы одобрите, отецъ протоіерей. У васъ всегда были здравые взгляды на вещи. Но попрошу васъ сдѣлать это безъ особой огласки, я не хочу никакой торжественности, потому что, въ моемъ положеніи, это могло-бы вызвать смѣхъ; итакъ, будьте добры, приготовьте все въ церкви, мы скромно придемъ и совершимъ обрядъ.

Отецъ протоіерей, безъ сомнѣнія, былъ огорошенъ столь неожиданнымъ рѣшеніемъ, но въ самомъ дѣлѣ радовался. Даже помимо религіозной точки зрѣнія, которая заставляла его радоваться устраненію грѣховнаго заблужденія, ему казалось, что этотъ бракъ заткнетъ рты всѣмъ врагамъ Ардальона Назаровича и столь желанное избраніе его ктиторомъ совершится безпрятственно.

Отецъ протоіерей крѣпко пожалъ руку Ардальону Назаровичу и съ чувствомъ сказалъ: — Поистинѣ, говорю вамъ, Ардальонъ Назаровичъ, что васъ прямо осѣнило божественное вдохновеніе. Поистинѣ говорю вамъ это. Будемъ ждать васъ въ томъ самомъ храмѣ, въ коемъ предстоитъ быть вамъ добрымъ хозяиномъ. И, сказавъ это, онъ ушелъ.

Ардальонъ Назаровичъ тутъ вспомнилъ, что онъ забылъ совершить довольно важную вещь, безъ которой не могъ-бы состояться предстоящій обрядъ. И онъ онъ даже не могъ понять, какимъ обра-

зомъ онъ позабылъ объ этомъ. Произошло это должно быть оттого, что слишкомъ напряженно работала его голова и, можетъ быть, ему казалось, что онъ уже это сдѣлалъ, или что это сдѣлано само собой. Онъ до сихъ поръ ни слова не сказалъ о своемъ рѣшеніи Аглаѣ.

— Садитесь, Аглая, я хочу сказать вамъ одну очень важную вещь.

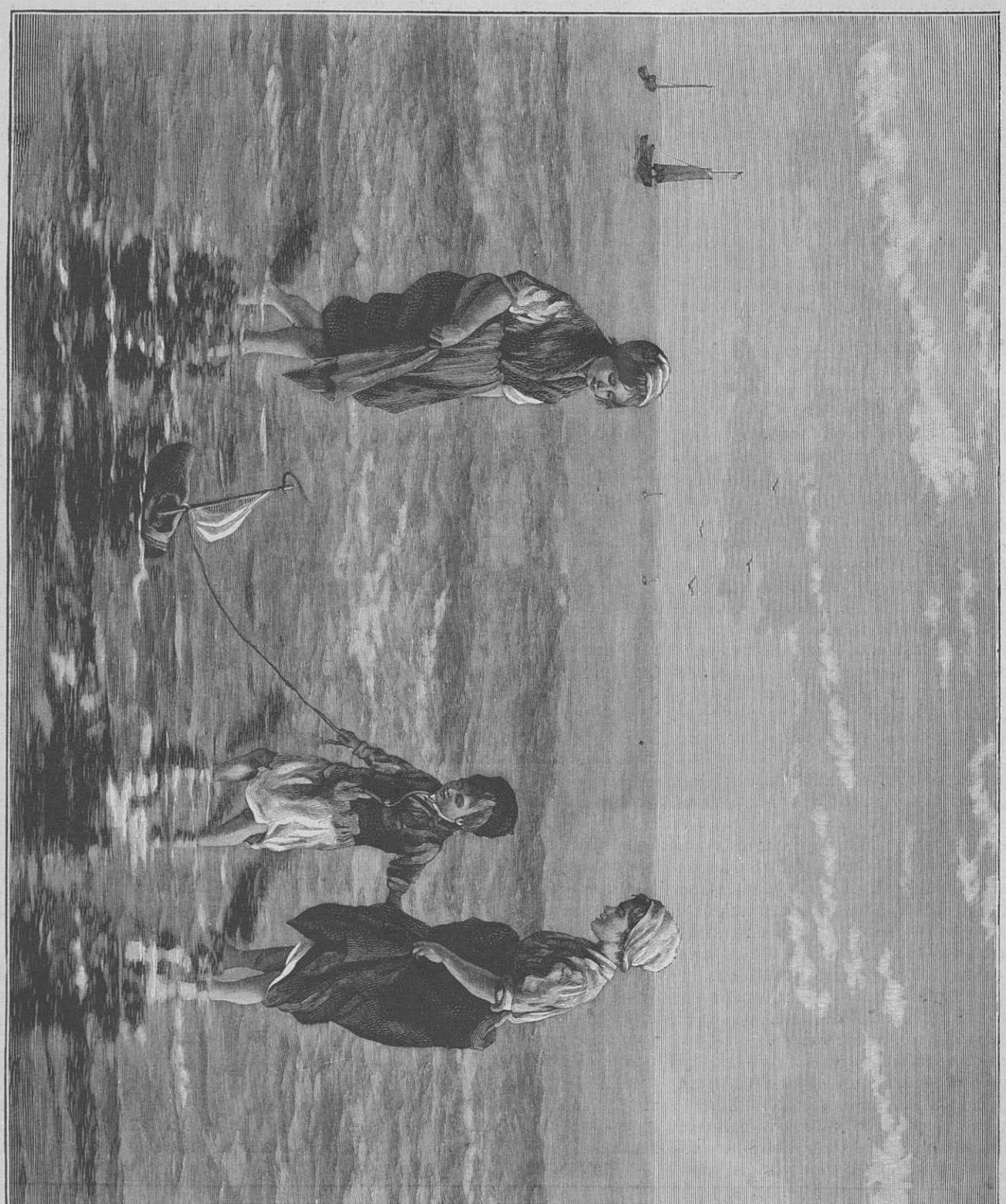
Аглая сѣла и не безъ нѣкотораго опасенія спросила:

— Что же это такое, Ардальонъ Назаровичъ?

— Скажите мнѣ, Аглая, дѣйствительно-

зать ей отъ мѣста". Трудно понять, какимъ путемъ она дошла до этой мысли, но, вѣроятно, ее слишкомъ ужь смутила торжественность.

— Я и не сомнѣваюсь, Аглая, но въ виду особаго обстоятельства долженъ былъ спросить васъ объ этомъ. Слушайте вни-



Дѣти моря. Съ картины художника Гакетть.

И онъ заторопился. Онъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ Аглаю.

— Притворите двери, Аглая, и садитесь, сказалъ онъ.

Аглая притворила двери и посмотрѣла на него съ несказаннымъ удивленіемъ, зачѣмъ это онъ приглашаетъ ее садиться? Да и тонъ у него былъ какой-со слишкомъ торжественный, никогда онъ не говорилъ съ ней такимъ тономъ.

ли вы... Какъ-бы это сказать... Чувствуете ко мнѣ душевное расположеніе?

— Ардальонъ Назаровичъ, какъ же вы можете сомнѣваться? Ужь, кажется, я предана вамъ, отвѣтила Аглая съ глубокимъ чувствомъ, и ей почему-то вдругъ показалось, — хотя для этого не было никакихъ причинъ, — что Ардальонъ Назаровичъ хочетъ разстаться съ ней, или, какъ она мысленно сама себѣ сказала: „отка-

мательно, потому что вы должны сказать мнѣ по здравому размышленію и по чистой совѣсти.

У Аглаи сильно забилось сердце отъ предчувствія чего-то страшнаго.

— Я виноватъ передъ вами, Аглая, я страшно виноватъ передъ вами, продолжалъ Ардальонъ Назаровичъ.

— Господи! Да что же это вы, Ардальонъ Назаровичъ?! Да какъ-же это можно?

Вы мой благодѣтель, и вдругъ виноваты.

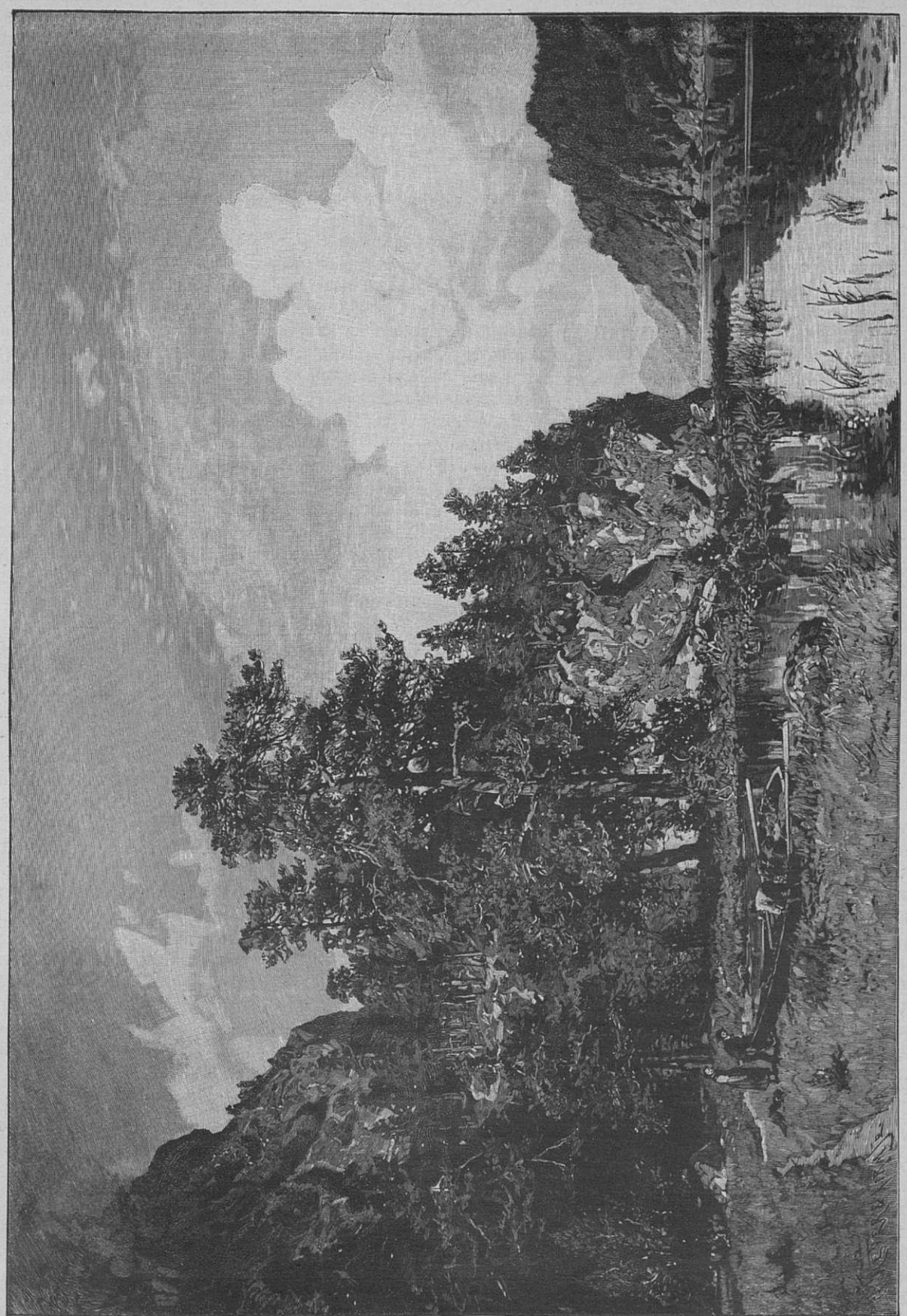
— Нѣтъ, я глубоко виноватъ передъ вами, Аглая. Пятнадцать лѣтъ я пользовался вашей преданностью, вы устроили мнѣ райскую жизнь, а я... я былъ себялюбецъ, Аглая, я слишкомъ мало думалъ о васъ. И вотъ я теперь, я пришелъ къ мысли, что надо поправить мою вину и...

— И обвѣнчаться, закончилъ Ардальонъ Назаровичъ.

Аглая вскочила съ мѣста и всплеснула руками. Сердце ея на мгновеніе остановилось. Когда началъ свою рѣчь Ардальонъ Назаровичъ, она допускала какой угодно конецъ ея, но ничего подобнаго не приходило ей въ голову, она искренно считала его своимъ благодѣтелемъ и полагала, что и такъ ужъ онъ сдѣлалъ ей величайшую честь. Конечно, неосвященную церковью связь она считала большимъ грѣхомъ, но ради него она рѣшилась нести тяжесть это грѣха. Но обвѣнчаться... На такую высокую честь никогда, ни въ одну минуту за всю жизнь не посягала ея мысль.

— Ардальонъ Назаровичъ! Да что это вы? Да зачѣмъ? Да развѣ я могу желать...

— Нѣтъ, ужъ вы не возражайте, Аглая. Если только ваше сердце лежитъ ко мнѣ, то не возражайте. Это и для васъ, и для нашихъ дѣтей и... И для меня... для моей совѣсти и спокойствія. Такъ вы согласны?



Горное озеро въ Норвегіи. Съ картины художника Хортепъ-Мюллера.

— Ардальонъ Назаровичъ, какъ же я могу не согласиться, если вы этого желаете.

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ вы этого тоже желали.

— Ардальонъ Назаровичъ... Господи... Боже мой...

И Аглая залилась слезами. Но это были слезы радостнаго волненія, и Ардальонъ Назаровичъ понималъ это. Онъ подо

шелъ къ ней, нѣжно положилъ руки на ея могучія плечи и поцѣловалъ ее въ лобъ. А Аглая неожиданно для нея схватила и облобызала его руку.

Прошло минуты двѣ. Аглая сдѣлала надъ собой усиліе, успокоилась и вытерла слезы. Все лицо ея сіяло счастьемъ и она не знала, что дѣлать и что говорить.

— Ну, вотъ, хорошо, что вы успокоились, Аглая, сказалъ Ардальонъ Назаровичъ; пойдите-же и пріодѣньтесь во что-нибудь получше, и мы сейчасъ съ вами отправимся въ церковь.

— Сейчасъ, Ардальонъ Назаровичъ?

— Сейчасъ, Аглая. Отецъ протоіерей уже тамъ приготовилъ все. Онъ насъ ждетъ. Это нужно. Это необходимо. Одѣньтесь мило, но просто. Намъ съ вами не къ лицу разряжаться. Я просилъ отца протоіерея не оглашать, такъ что и народу въ церкви не будетъ.

Какъ ни удивляла ее такая спѣшность, но она пошла одѣваться и черезъ четверть часа была готова. На ней было сѣрое шерстяное платье, единственнымъ украшеніемъ котораго былъ широкій розовый бантъ. Она вымыла холодной водой глаза, и на нихъ не осталось и слѣда недавнихъ слезъ.

Дрожащими руками она гладила головы своихъ птенцовъ, которыя на каждомъ шагу попадались ей подъ ноги, и нѣжно цѣловала ихъ. Когда она вышла въ гостиную, Ардальонъ Назаровичъ ждалъ уже ее въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и въ рукахъ у него былъ цилиндръ, который онъ надѣвалъ только на Новый годъ и на Пасху.

Они вышли на улицу и совершили свой путь въ глубокомъ молчаніи. До соборной церкви всего было нѣсколько минутъ ходьбы. Но все же на пути попадались граждане, которые останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на то, что Ардальонъ Назаровичъ шелъ съ Аглаей рядомъ. Никогда ихъ не видѣли вмѣстѣ на улицѣ. Странно также было то, что въ будній день оба они были одѣты по праздничному.

Въ церкви отецъ протоіерей ждалъ ихъ съ причтомъ. Онъ распорядился, чтобы зажгли паникадила и побольше лампадъ и свѣчей. На клиросѣ стояли три причетника, которые собирались пѣть. Самъ протодіаконъ былъ въ облаченіи и громоносно покашливалъ, готовясь начать обрядъ.

Какъ ни хранилъ втайнѣ отецъ протоіерей готовящійся свадебный обрядъ, но какимъ-то чудомъ въ церкви набралось больше сотни народу. А когда начался обрядъ, народъ торопливо прибывалъ и наполнялъ церковь. Сверхъ ожиданія, вѣнчаніе вышло торжественное.

Шаферами оказались двое добрыхъ прихожанъ, которыхъ предупредилъ объ этомъ самъ протоіерей.

А когда вѣнчаніе кончилось, къ Ардальону Назаровичу подходили знакомые прихожане и поздравляли его съ законнымъ бракомъ. У всѣхъ на лицахъ было такое удовольствіе, что, казалось, что всѣ только и ждали этого и не могли дождаться. Это не входило въ программу Ардальона Назаровича, и потому онъ сильно былъ смущенъ.

Онъ пригласилъ на чашку чаю всѣхъ духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ обрядѣ, и нѣкоторыхъ свѣтскихъ. И вотъ всѣ усѣлись за столъ.

— Ну, сказалъ отецъ протоіерей, теперь уже нѣтъ никакого препятствія къ выбору Ардальона Назаровича въ ктиторы. Теперь наши враги должны поджать хвосты.

— Нѣтъ, есть препятствіе, сказалъ Ардальонъ Назаровичъ, есть важное препятствіе.

— Да что вы? съ огорченіемъ воскликнули гости. Какое-же?

— А вотъ какое. Ардальонъ Назаровичъ пошелъ въ кабинетъ и принесъ оттуда бумагу.

— Вотъ, отецъ протоіерей, препятствіе. Читайте.

Протоіерей досталъ изъ кармана футляръ, вынулъ изъ него очки, надѣлъ ихъ и прочиталъ: „Достоуважаемый и глубокочтимый отецъ протоіерей! Имѣю честь почтительнѣйше просить васъ на имѣющемъ быть такого-то числа настоящаго мѣсяца собраніи для выбора ктитора соборной церкви снять мою кандидатуру и передать мою сердечную благодарность тѣмъ гражданамъ, которые захотѣли бы почтить меня своимъ довѣріемъ. Радѣя о благѣ всѣми нами любимаго и чтимаго соборнаго храма, я постараюсь послужить ему и въ качествѣ прихожанина, для трудныхъ же обязанностей ктитора считаю себя слишкомъ слабымъ и недостойнымъ. Съ глубокимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой. Статскій совѣтникъ Ардальонъ Чепраковъ“.

Присутствующіе гости въ первую минуту точно онѣмѣли. И въ самомъ дѣлѣ, странно было читать этотъ документъ въ то самое время, когда главное препятствіе, и въ сущности единственное, было устранено. И всѣ въ одинъ голосъ принялись уговаривать Ардальона Назаровича.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ оставьте, чрезвычайно твердо заявилъ Ардальонъ Назаровичъ: и не говорите объ этомъ.. можетъ быть, когда нибудь послѣ, а теперь никакъ не могу. Послѣ того, что сегодня произошло — ужь особенно не могу. Пусть никто не подумаетъ, что я ради нихъ обвѣнчался. Это не для нихъ я сдѣлалъ, а для себя... для насъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на Аглаю. Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ прекратить объ этомъ разговоръ.

И съ этимъ пришлось примириться. Гости должны были согласиться, что въ самомъ дѣлѣ, если бы теперь Ардальонъ Назаровичъ добивался избранія, то походило бы на то, будто онъ женился для избирателей, а не для себя и для Аглаи.

Аглая Никитична разливала чай. Она не принимала участія въ разговорѣ и все время молчала. Но лицо ея дышало неизъяснимымъ счастьемъ. И она всѣмъ гостямъ ежеминутно улыбалась.

Когда Григорій Антоновичъ узналъ объ отказѣ Чепракова, то сталъ радостно потирать руки — Ну, теперь у меня нѣтъ противниковъ, сказалъ онъ. Кто-же? Больше никого и нѣтъ. — И онъ былъ совершенно увѣренъ въ своей побѣдѣ

На другой день были выборы. Никогда еще въ предѣлахъ губернскаго города не раздавалось такихъ неистовыхъ криковъ. Партіи боролись до послѣдняго издыханія, клевреты Волокитскаго работали до кроваваго пота. И вотъ были предложены кандидаты: рядомъ съ именемъ Волокитскаго стояло нѣсколько еще незначительныхъ именъ. Начали класть шары, потомъ отецъ протоіерей, при помощи другихъ духовныхъ лицъ, добросовѣстно пересчиталъ ихъ, что-то записалъ, затѣмъ вышелъ на возвышенное мѣсто протодіаконъ и громогласно объявилъ:

— Большинствомъ голосовъ въ ктиторы соборной церкви избранъ почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Степанъ Сидоровичъ Рукопашный.

Все замерло въ собраніи. О первой гильдіи купцѣ Рукопашномъ такъ мало было разговора, что даже и тѣ, которые стояли за него, совсѣмъ не надѣялись. Вышелъ необыкновенно толстый человѣкъ съ длинной бородой и краснымъ лицомъ и началъ кланяться въ поясъ на всѣ четыре стороны, принося свою благодарность всѣмъ согражданамъ за выборы. Это и былъ почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ Рукопашный.

Такимъ образомъ кончилось это дѣло... Изъ всего, что произошло и что здѣсь разсказано, вытекли нѣкоторые, довольно важные результаты. Но мы не можемъ перечислить ихъ всѣ и ограничимся упоминаніемъ о немногихъ: дѣвицы губернскаго города окончательно перестали надѣяться на то, что Ардальонъ Назаровичъ когда нибудь на которой нибудь изъ нихъ женится. Многочисленное потомство Ардальона Назаровича — впослѣдствіи узаконенное и получившее его фамилію, а также право унаслѣдовать послѣ его смерти все его имущество, получило доступъ во всѣ комнаты, какія у него были. Волокитскій потерялъ всякій кредитъ у гражданъ. Конечно, онъ современемъ опять пріобрѣтетъ его, но для этого ему придется много поработать и можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ воздвигнуть еще большій колоколъ, чѣмъ тотъ, который остался памятникомъ ктиторской дѣятельности первой гильдіи купца Миноносова.

Отецъ протоіерей сдѣлалъ преосвященному докладъ о результатахъ выборовъ и при этомъ не преминулъ сообщить о томъ, что Чепраковъ обвѣнчался съ Аглаей. Преосвященный выслушалъ со вниманіемъ и сказалъ:

— Воистину, нѣтъ худа безъ добра!

И. Потапенко.

„МАЙСКАЯ НОЧЬ“.

Хороша эта майская ночь! Хороши
Эти звѣздочки въ небѣ далекомъ,
Эта пѣсня, что льется и тонетъ въ тиши,
Этотъ сумракъ въ лѣсу одинокомъ...

* * *

И земля, словно нѣгой и страстью полна,
Чуть покрылась туманомъ росистымъ.
На рѣкѣ голубой тихо плещетъ волна
И сверкаетъ лучомъ серебристымъ.

Полумракъ надъ землей.. Лишь за лѣсомъ, порой,
Бѣлымъ свѣтомъ зарница сверкаетъ
И уснувшую рѣчку, съ зеркальной водой,
Серебромъ въ этотъ мигъ заливаетъ...

* * *

Въ эти тихія ночи я долго не сплю,
И мнѣ чудится въ сумракѣ этомъ,
Словно гдѣ-то звучитъ еще страстно: люблю!
На горячія рѣчи отвѣтомъ...

Евгеній Достоваловъ.

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

Разсказъ.

Окно стукнуло и широко распахнулось; темная, кудрявая головка выглянула изъ него.

Яркое весеннее солнце, словно обрадованное ея появленіемъ, такъ и залило ее своими ласковыми лучами. Румяное личико дѣвушки, носившее еще слѣды сладкаго сна, озарилось счастливой улыбкой, улыбкой безпричинной, молодой радости.

— Ахъ, какъ хорошо! вырвалось у нея, и она, откинувъ отъ лица спутанные волосы, еще больше высунулась въ окно, щурясь отъ солнца и вдыхая ароматъ весенняго утра.

Утро было чудное. Садъ, убранный въ молодую яркую зелень, блисталъ росою, между деревьями рѣчка сверкала и дрожала милліонами искорокъ; а подъ садомъ, надъ рѣкой, надъ далекимъ полемъ, за рѣчкою — стоялъ гулъ отъ птичьихъ голосовъ — радостный весенній гулъ.

— Какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо! — снова воскликнула дѣвушка и безсознательно протянула руки впередъ, словно желая обнять эту юную и ликующую, какъ она сама, природу.

Протянувъ руки, она задѣла за кустъ сирени, и роса дождемъ посыпалась на ея обнаженныя плечи и руки. Дѣвушка слегка вскрикнула, потомъ расхохоталась и, притянувъ къ себѣ вѣтку съ лиловыми гроздьями, прижалась къ нимъ лицомъ, вдыхая ихъ ароматъ, и даже въ повывѣ восторга поцѣловала цвѣты. — Ахъ милые, хорошіе! Какіе вы свѣжіе, душистые! воскликнула она.

Наверху въ мезонинѣ тоже открылось окно.

— Леночка! ты уже встала? Съ кѣмъ это ты разговариваешь?

— Съ сиренью, тетенька! — отвѣтила дѣвушка, опрокидываясь на подоконникъ и щурясь, глядя вверхъ.

— Съ кѣмъ, дѣточка? — переспросила пожилая худенькая женщина изъ окна мезонина.

— Съ сиренью, тетечка! повторила дѣвушка.

— Ахъ, дѣтка, дорогая!.. Ну, одѣвайся, одѣвайся скорѣй, пойдемъ кофе пить! сказала пожилая женщина, любовно улыбаясь румяному личику дѣвушки.

— Сію минуту! Я ѣсть хочу страшно!.. А потомъ я гулять пойду далеко, далеко! Вонъ въ то поле! На лодкѣ поѣду! Жаль, что еще купаться рано, а то бы я... И не окончивъ фразы, дѣвушка, вдругъ, громко запѣла какую-то пѣсню.

— А Лида встала? спросила тетка, любуясь дѣвушкой.

— Нѣтъ, еще спитъ! Тра-ла-ла-ла.

— Такъ не кричи-же, ты ее разбудишь.

— Да вы не знаете, голубушка, какъ Лида спитъ! Ее ничѣмъ не разбудишь... хотите, я ее сейчасъ стащу съ постели и положу на полъ, — она все спать будетъ, даже не замѣтитъ! расхвасталась дѣвушка.

— Ну оставь, ее, пусть спитъ; одѣвайся скорѣй. дѣтка ты, милая! — Голосъ тетки слегка дрогнулъ, и она отошла отъ окна.

Ольга Семеновна Пряхина, отойдя отъ окна, остановилась среди комнаты и радостно оглядѣлась кругомъ, прислушиваясь къ веселой пѣсенкѣ, которую напѣвала ея племянница. — Милая, милая, дѣвочка, она съ сиренью разговаривала! — тихо прошептала Ольга Семеновна и улыбнулась счастливой улыбкой. Отъ этой улыбки ея поблекшее лицо вдругъ словно расцвѣло. — Какъ хороша эта молодость, бодрая, веселая, съ надеждами, съ свѣтлыми грезами... — Она задумалась, и ея молодость встала передъ ней, словно развернулась, картина за картиной.

Можетъ быть, со стороны эти картины показались-бы призрачными, блѣдными, но за-то какой внутренній свѣтъ освѣщалъ ихъ! Сколько воспоминаній! Мало-ли ей пришлось бороться съ предразсудками семьи, чтобы поставить на своемъ и уйти на свободу учиться! А этотъ кругъ учащейся молодежи! Какъ ее встрѣтили!.. Жизнь!.. Чудная жизнь!

Широкіе идеалы! Трудовая, хорошая жизнь! Ничто не останавливало... все неслось въ жертву этимъ идеаламъ... И она сдѣлала все, что могла. У ней было маленькое состояніе, она пожертвовала имъ на общую пользу. У нея были силы, здоровье, и ихъ она не пожалѣла. Теперь нѣкоторые обвиняютъ ихъ поколѣніе въ фразерствѣ, а развѣ она не доказала своимъ примѣромъ, что слово и дѣло у ней не расходилось, да и не одна она, а многія.

Двадцать лѣта была она сельской учительницей! Что-же дѣлать, что теперь силы ее оставили,болѣзни одолѣли. — Ничего! Вотъ на смѣну идетъ новое поколѣніе, — съ новыми силами! Дорогу!..

Умерла ея тетка, оставила ей эту усадебку, которая въ арендѣ приноситъ четыреста рублей доходу... О, она-бы и это отдала, да нужно помочь кончить курсы и встать на ноги вотъ этой веселой, счастливой дѣвочкѣ, одной изъ этого поколѣнія. Вотъ двое старшихъ племянниковъ — Вася и Лида, уже устроились. Вася медицинскую академію кончаетъ — стипендію имѣетъ, — урокъ досталъ... Лида въ конторѣ служитъ, переводами занимается...

Послѣ долгой - долгой разлуки они опять съ ней... вчера вечеромъ пріѣхали... Теперь вспомнитъ она снова свою молодость: будетъ слушать она ихъ горячія рѣчи, рѣчи молодыхъ бойцовъ, пришедшихъ на смѣну имъ, усталымъ труженикамъ... и будетъ слушать она ихъ, какъ старый израненный солдатъ съ замираніемъ сердца прислушивается къ разговорамъ молодыхъ бравыхъ усачей! Какъ хорошо!

Полная такими думами, Ольга Семеновна не замѣтила, какъ сошла въ столовую, подошла къ столу и стала наливать кофе. Счастливая улыбка продолжала играть на ея худенькомъ личикѣ.

— Вотъ и я, тетечка! Ѣсть! Ради Бога, скорѣе ѣсть, не то умру отъ голода! кричала Леночка, вбѣгая въ столовую и обнимая Ольгу Семеновну. Та весело засмѣялась и, подвигая ей чашку, спросила:

— А Лида еще спитъ?

— Лиду я посадила на постель и дала ей въ руки чулки, — теперь она непремѣнно встанетъ. Я ее всегда такъ бужу. Она, тетя, можетъ встать, вымыться и потомъ опять заснуть, но разъ она надѣла чулки, — то ужь встанетъ! — болтала Леночка, жуя хлѣбъ съ масломъ и съ аппетитомъ прихлебывая изъ чашки. Это тетечка, оттого, продолжала она болѣе серьезнымъ тономъ, что Лида иногда двѣ-три ночи почти не спитъ, когда срочные переводы наберетъ.

— Ну, зато буквально весь воскресный день спитъ. Встанетъ, пообѣдаетъ и опять спать.

— Бѣдняжка, какъ ей приходится работать, неужели въ конторѣ такъ мало даютъ жалованья? — спросила Ольга Семеновна.

— Въ конторѣ она получаетъ тридцать рублей, а сколько за переводы, — не знаю; она говоритъ, что очень дешево платятъ.

Т-съ она идетъ, не говорите про это, она не любитъ, — сейчасъ разсердится.

Ольга Семеновна съ любовью обняла вошедшую. Лида была похожа на сестру, но ни красота, ни свѣжесть не украшали этого худощаваго лица. Темные глаза смотрѣли устало, блѣдныя, тонкія губы плотно сжаты.

Вася и Лена у васъ подольше погостятъ, прибавила она.

— Ну, разскажи-же мнѣ, Лидочка, какъ вы живете, что дѣлаете, что читаете? спросила Ольга Семеновна, ласково погладивъ по плечу Лиду.

— Да что разсказывать, тетя? Право, нечего. Живемъ изо дню въ день, дѣло свое смѣшливая улыбка скривила ея блѣдныя губы.

Ольгѣ Семеновнѣ вдругъ захотѣлось обнять и приласкать Лиду, но холодное выраженіе ея лица удержало ее.

Леночка, между тѣмъ, окончивъ третью чашку кофе, замѣтила:

— Ахъ, тетичка, я люблю танцовать!

Большая семья. Съ картины художника Ю. Шенерера.

— Ну что, хорошо выспалась, Лидочка? — спросила тетка, подавая ей горячій кофе и булки.

— Благодарю, тетя, отлично. Я такъ благодарна нашему бухгалтеру, что онъ выхлопоталъ мнѣ отпускъ на недѣлю.

— Жаль, Лида, что только на недѣлю, ты и отдохнуть не успѣешь.

— Что дѣлать, тетя, большаго отпуска не дадутъ съ сохраненіемъ содержанія. Вотъ дѣлаемъ, читать мнѣ некогда. — Вотъ Леночка много читаетъ, танцуетъ, въ театры ѣздитъ, отвѣтила Лида, и въ глазахъ ея при взглядѣ на младшую сестру мелькнуло что-то теплое, ласковое.

— Она молода, пусть веселится, если имѣетъ возможность! прибавила она.

— Молода! а ты старуха! засмѣялась тетка

— Старуха не старуха, а старой дѣвой ужь можно назвать, отвѣтила Лида, и на-

И, вдругъ, неожиданно сорвавшись съ мѣста, закружилась по комнатѣ.

— Я и театръ люблю, Матвѣй Петровичъ часто привозитъ намъ билеты, прибавила она, продолжая кружиться.

— Матвѣй Петровичъ прекрасный, рѣдкій человѣкъ, замѣтила Лида серьезно.

— Кто это Матвѣй Петровичъ? спросила тетка. — Злащанскій. Очень богатый фабрикантъ, у него нѣсколько домовъ въ Петер-

Передъ отъѣздомъ. Съ картины художника Ф. Пенфольда.

бургѣ, живетъ онъ очень открыто. Онъ вдовецъ и живетъ со своей сестрой. Она тоже вдова, вотъ ея сыну даетъ Вася уроки! Очень милые люди. Лида произнесла свои похвалы сухо и сдержанно, словно читая кому-то нравоученія, и бросила искоса взглядъ на Леночку.

— Они теперь заграницей, продолжала Лида, — черезъ мѣсяцъ они вернутся, и Леночка поѣдетъ гостить къ нимъ. У нихъ на островахъ чудная дача.

— Нѣтъ, я погощу подольше у тетички! воскликнула Лена. — Тутъ такъ хорошо! Весело! Зелено! А воздухъ! Я его такъ и пью!

— Ты обѣщала и должна сдержать свое слово, — замѣтила Лида, раздражительно отодвигая свой стаканъ. — Ты знаешь, что и Анна Петровна, и Матвѣй Петровичъ любятъ тебя, балуютъ, стараются доставить тебѣ всѣ удовольствія, и будетъ прямо невѣжливо не исполнить ихъ желанія!

— Хорошо! хорошо! Поѣду, поѣду! Я очень люблю Анну Петровну, она такая веселая, а Матвѣй Петровичъ пресмѣшной: — голову повѣситъ на бокъ, поцѣлуетъ ручку и скажетъ такъ сладко, сладко: „вы свѣжи, какъ роза!“

Леночка сдѣлала умильное лицо, склонила на бокъ головку, развела руками, потомъ расхохоталась. — Вѣчно поясничаешь, раздраженно замѣтила Лида. Я тебѣ говорила тысячу разъ... начала она строго, но въ эту минуту на террасу вошелъ молодой румяный студентъ въ бѣломъ кителѣ.

— Здравствуйте, тетя! весело сказалъ вошедшій цѣлуя, Ольгу Семеновну.

— А ты успѣлъ уже нагуляться, Вася, сказала она, взявъ его кудрявую голову обѣими руками и съ любовью и гордостью смотря въ его свѣжее и веселое лицо. — Ну, садись скорѣй, да что это у тебя? спросила она, увидѣвъ въ рукахъ племянника узелокъ, въ которомъ что-то шевелилось.

— Это, тетя, гонораръ, весело разсмѣялся онъ, развязывая платокъ, въ которомъ бился большой красноперый окунь .Я уже какъ видите успѣлъ пріобрѣсть практику и получить гонораръ.

— Ахъ бѣдная, бѣдная рыба! Вася, дай мнѣ, я ее пущу обратно въ рѣку! воскликнула Леночка жалобно.

— Первый гонораръ бросить въ рѣку, ну ужь извини! Это была-бы дурная примѣта.— Ты ее лучше снеси на кухню и попроси сжарить.

— Хорошо! сейчасъ-же согласилась Леночка и, схвативъ узелокъ, побѣжала въ садъ, крикнувъ: — я снесу рыбу и уйду гулять. И ея пѣсня звонко раздалась въ саду.

Ольга Семеновна проводила любовнымъ взглядомъ Леночку и принялась наливать кофе племяннику.

— Ну гдѣ-же ты заработалъ этого окуня? спросила она, смѣясь.

— Да сейчасъ на рѣчкѣ. Вашъ дьячекъ ловитъ рыбу. Онъ занозилъ руку, я вытащилъ занозу и въ видѣ гонорара получилъ окуня. И Вася звонко расхохотался. — Какъ видите, я время не теряю, продолжалъ онъ шутить, — вотъ завтра я тоже приглашенъ на практику.

— Ого!

— Да, не шутите со мной! Дьячекъ такъ проникся уваженіемъ къ моимъ медицинскимъ познаніямъ, что попросилъ осмотрѣть больную корову. Правда, это дѣло ветеринара, но я не отказался — начинающему доктору не слѣдуетъ отказываться отъ практики. Не правда ли, тетечка? сказалъ онъ ласково, пожимая худенькую руку тетушки. Нѣсколько времени Ольга Семеновна молчала, смотря на своихъ племянниковъ, и съ лица ея не сходила радостная улыбка.

— Вотъ ты бы посовѣтовалъ Лидѣ какое-нибудь средство, чтобы она не худѣла, сказала она, смѣясь.

— Пока она будетъ работать по восемнадцати часовъ въ сутки, съ ней ничего не подѣлаешь, отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Ахъ, Лидочка, Лидочка! неужели тебѣ приходится такъ работать? всплеснула руками Ольга Семеновна...

— Что-же дѣлать, тетя! немного раздраженно сказала Лида, бросивъ сердитый взглядъ на брата.

— Да неужели-же тебѣ не хватаетъ? ну ты получаешь тридцать рублей жалованья, ну, положимъ, двадцать рублей за переводы. Вѣдь на пятьдесятъ можно жить! Неужели, чтобы заработать эти двадцать рублей на переводахъ, нужно работать, не давая себѣ отдыха?!. И Ольга Семеновна съ тревогой посмотрѣла въ лицо Лидѣ.

— Она, тетя, зарабатываетъ около ста рублей!.. Она деньги копитъ... насмѣшливо сказалъ Вася.

Лида вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и злобно взглянула на брата.

— Слушайте вы его, тетя, раздраженно заговорила она,—я едва ли зарабатываю пятьдесятъ рублей.

— Но вотъ. Вася же обходится, живетъ стипендіей?

Лида разсмѣялась какимъ-то злымъ смѣхомъ.

— Да, имѣя квартиру, столъ и тридцать рублей жалованья у Злащанскихъ за то только, что два часа въ сутки репетируетъ съ сыномъ Анны Петровны. Я думаю, на это можно жить! Да и то ему не хватаетъ, у меня денегъ проситъ—сцены дѣлаетъ... Ха-ха-ха!

Вася поморщился и насмѣшливо посмотрѣлъ на сестру

— А это дѣйствительно рѣдкое счастье получить такой урокъ. Два часа въ сутки! воскликнула Ольга Семеновна.

— Да, два часа въ сутки съ мальчикомъ, а по вечерамъ онъ долженъ посѣщать его маменьку, все съ той-же злобной насмѣшкой подсказала Лида.

Ольга Семеновна вопросительно посмотрѣла на Васю.

Онъ отхлебнулъ кофе и спокойно замѣтилъ:

— Я нисколько не тягощусь этимъ. Анна Петровна еще очень пикантная барынька, и поухаживать за ней очень пріятно.

— Фу, Вася! Какъ ты это цинично говоришь, сморщилась тетка, и ее словно что-то кольнуло.

— Полно, тетечка, морщиться. Вѣдь она репетитора пригласила больше для себя: скучаетъ барынька, а откажись я поухаживать за ней, и тю-тю мой урокъ, сказалъ онъ весело.

— Ну и Богъ съ нимъ, съ такимъ урокомъ! волнуясь, отвѣтила Ольга Семеновна.

— Э, тетя, а потомъ? Вѣдь Матвѣй Петровичъ можетъ меня выдвинуть по окончаніи курса! Вѣдь у него знакомства, связи! серьезно замѣтилъ Вася.

Ольга Семеновна съ ужасомъ устремила на него глаза.

— Что ты говоришь, Вася, обдумай, вѣдь это, что ты говоришь, очень не... не красиво. Развѣ ты самъ, своимъ трудомъ, знаніемъ не можешь добиться мѣста?

— Э, тетя, я не выдающійся ничѣмъ студентъ, я не талантъ, и слѣдовательно на какое мѣсто я могу разсчитывать? На мѣсто земскаго врача въ какомъ-нибудь захолустьѣ? спросилъ онъ, улыбнувшись.

— А что-же въ этомъ дурного? Многіе добивались этого.

— Да, идти въ народъ, помогать меньшому брату:.. съ ласковой насмѣшкой спросилъ онъ... Э, полно, тетечка, для этого нужно быть фанатикомъ, а то со скуки какъ разъ сопьешься.

— Такъ, по твоему, главное карьера, а что внѣ ея—то фанатизмъ? спросила она пристально.

— Пожалуй.

— Значитъ, ради этой карьеры, можно сдѣлать подлость? сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Ну, подлость, нѣтъ! А такъ немножко поподличать приходится. Ахъ, тетя, тетя, милая, вы идеалистка. Какой вы хорошій человѣкъ! И Вася, обнявъ тетку, крѣпко ее поцѣловалъ.

Она не отвѣтила на эту ласку и сидѣла молча нѣсколько времени, потомъ подняла голову и спросила:

— Ты это сейчасъ шутилъ?

— Нисколько, отвѣтилъ онъ просто,—я бы могъ этого не говорить, могъ разсыпаться въ прекрасныхъ фразахъ, да зачѣмъ мнѣ передъ вами ломаться?

Ольга Семеновна прикрыла глаза рукой.

— Ну, послушайте, тетя милая, ну вотъ вы, ваше поколѣніе—чудное, прекрасное съ высокими идеалами... Ну, а что вамъ дали эти идеалы? Умереть съ голоду въ старости, да? Вотъ вы цѣлую жизнь работали, ну, скажемъ, на пользу ближняго, а что изъ этого вышло въ результатѣ? Хорошо, что у васъ есть кусокъ хлѣба, такъ вѣдь это случайно Ну, а за весь трудъ, и жертвы вамъ сказалъ кто-нибудь спасибо? Даже не удивился никто. Пожали плечами, сказали: фантазерка, да и прошли мимо.

— Да никого я удивлять и не хотѣла, сказала она быстро, кого удивлять? зачѣмъ? Я дѣлала свое дѣло, я принесла сколько могла пользы!..

— Постойте, тетя... Дѣло! польза! Вы имѣли состояніе, бросили его на образованіе какого-то общежитія для студентовъ, котораго теперь не существуетъ. Вы не сообразили того, что, взявъ мѣсто сельской учительницы, вы, можетъ быть, перехватили его у другого, который безъ всякихъ идеаловъ жрать хотѣлъ, а дѣло зналъ, можетъ быть, не хуже васъ и принесъ-бы народу такую-же пользу, какъ и вы. Я-бы на вашемъ мѣстѣ, имѣя такую любовь къ народу, построилъ-бы школу, двѣ школы, если мало одной, нанялъ-бы учительницу. И сами-бы были сыты, и другому-бы кусокъ хлѣба дали. Эхъ, тетя, да я съ деньгами могу сдѣлать для народа въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ сдѣлаетъ для него цѣлая сотня вашихъ фанатиковъ. И Вася, закуривъ папиросу, откинулся на спинку стула.

— Да, это было-бы практичнѣе, съ горькой улыбкой произнесла Ольга Семеновна.

— Э, полно, что тамъ за практичность, раздражительно замѣтила Лида: ссориться съ Злощанскими онъ не долженъ, потому что не сегодня—завтра Матвѣй Петровичъ

сдѣлаетъ предложеніе Ленѣ; онъ уже со мной переговорилъ.

— Что? спросила тетка, быстро повернувшись къ Лидѣ.

— Онъ уже давно за ней ухаживаетъ, совсѣмъ растаялъ старикашка, со смѣхомъ добавилъ Вася.

— Но вѣдь это ужасно! воскликнула Ольга Семеновна. Ей ясно представился этотъ старикашка, котораго она не знала, рядомъ съ ея веселой счастливой дѣвочкой, которая сегодня утромъ разговаривала съ сиренью.

— Что-же тутъ такого ужаснаго? обидчиво спросила Лида.

— Да вѣдь вы говорите, онъ старикъ, а Леночкѣ семнадцать лѣтъ!

— Ей осенью будетъ восемнадцать, а мужчина подъ пятьдесятъ лѣтъ вовсе не старикъ. Онъ очень видный и красивый. Вы забываете, тетя, что онъ богатъ, что Ленѣ не придется весь вѣкъ изводиться на работѣ.

— А что скажетъ Лена?

— Я ей намекала, она даже обрадовалась, что у нея будетъ богатство, туалеты, лошади, только она говоритъ, что онъ старъ... да это пустяки, она согласится, она знаетъ, что ей предстоитъ въ будущемъ: грошевые уроки, скверная-скверная жизнь безъ радостей, безъ веселья. Нѣтъ, тетя, пусть моя Лена хоть поживетъ! дрогнувшимъ голосомъ сказала Лида.

Ольга Семеновна встрепенулась.

— Лида, голубушка, заговорила она поспѣшно, — я вижу, ты любишь сестру, я это слышу по твоему голосу, такъ зачѣмъ-же ты ее хочешь погубить? Вѣдь она можетъ еще быть счастлива, полюбить кого-нибудь.

— Кого? рѣзко спросила Лида, устремляя на тетку холодный взглядъ,—красиваго негодяя, который погубитъ ее, или честнаго труженика, чтобы выйти за него замужъ и тянуть ту-же лямку и плодить нищихъ. Славная любовь! злобно разсмѣялась она.

— Почему же честный труженикъ, о которомъ ты говоришь съ такой ироніей, не дастъ ей счастья? спросила Ольга Семеновна дрожащимъ голосомъ.

— Если еще таковой найдется, всякій сто разъ подумаетъ, прежде чѣмъ навязать себѣ на шею семью, не имѣя средствъ. Да и какое счастье... началъ Вася.

— Счастье! Счастье! подхватила Лида.— Нужда, недостатки, вѣчный трудъ, голодныя дѣти! Хорошо счастье! Съ милымъ рай и въ шалашѣ. Ха-ха-ха!

— Но вѣдь ты вотъ работаешь, живешь, и она можетъ такъ жить. Она молода, здорова.

— Такъ жить! Работать! уже почти закричала Лида,—работаю, да, но проклинаю эту работу, ненавижу ее, какъ врага. Я-бы лучше на содержаніе пошла, если-бы была красива. Да, это лучше, лучше! чѣмъ этотъ трудъ день и ночь! Вотъ онъ говоритъ, что я коплю деньги, да, это правда, да, я коплю деньги, чтобы скопить нѣсколько сотенъ и внести за себя въ богадѣльню, когда не хватитъ силъ работать. Чудная перспектива! работать всю жизнь, имѣя цѣлью жизни богадѣльню. Ахъ, если моей бѣдной дѣвочкѣ представляется возможность избавиться отъ этой ужасной каторги, такъ это надо устроить. Пусть она не испытаетъ этого.

— Лида!

— Да, да, что свѣтлаго въ моей жизни, ничего рѣшительно. Я не рискнула связаться съ „честнымъ труженикомъ“, чтобы погубить себя и его; я отказала, я ему сказала, что у меня достаточно совѣсти, чтобы не плодить нищихъ, — такихъ же какъ мы, обреченныхъ на эту каторгу. Да, я согласилась бы выйти замужъ и имѣть дѣтей, если бы у меня хватило храбрости внушать имъ: будьте подлецами—одни подлецы счастливы.

— Лида, опомнись!

— Я проклинаю свое образованіе, воспитаніе! Лучше бы я была бы кухаркой, прачкой, напивалась-бы воскресеньямъ съ какимъ-нибудь солдатомъ, онъ бы колотилъ меня. И это — была-бы жизнь. Хоть какая-нибудь, да жизнь. У меня нѣтъ ничего, нѣтъ луча свѣта. Мы даже не умѣемъ молиться! Да, не умѣемъ! Ваше же хваленое поколѣніе не научило насъ!.

— Намъ говорили: тамъ пусто! страстно продолжала она, указывая вверхъ. — Тамъ пусто, а вотъ есть какіе-то идеалы, — вотъ ваша вѣра, ваша религія. Мы видѣли, какъ эти идеалы лопались, какъ мыльные пузыри, и ничего намъ не осталось. А тамъ, тамъ пусто, говорили намъ!..

Голосъ ея оборвался, и она, круто повернувшись, вышла изъ комнаты.

Ольга Семеновна смотрѣла ей вслѣдъ, и ужасъ выражался на ея лицѣ.

— Полно, тетя, милая, сказалъ Вася, подходя къ теткѣ.

— Оставьте ее, она вѣдь ни о чемъ спокойно говорить не можетъ. Но все-же она отчасти права, пусть Лена выходитъ замужъ за Злащанскаго, право, будетъ лучше. Она хорошенькая, любитъ наряды, веселье, того и гляди свихнется, а не случится этого, такъ вотъ превратится въ такое же ненормальное существо, какъ наша Лидочка.

Ольга Семеновна сидѣла, опустивъ голову. Вася ходилъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ теткой и нѣсколько смущеннымъ голосомъ началъ:

— Вотъ, тетя... милая... онъ замялся, — я хочу васъ просить... вы того... вы ужь бросьте... не отговаривайте Лену, право, такъ будетъ лучше.

— Хорошо, беззвучно произнесла Ольга Семеновна, проводя рукой по лбу. — Ну, а скажи мнѣ, вдругъ подняла она голову и прямо взглянула на племянника, — скажи, всѣ вы... молодежь, теперь такая... такая практичная?

Онъ весело разсмѣялся.

— Успокойтесь, тетя, фантазеровъ еще много, но большинство, заполучивъ мѣстечко, осмотрятся, — жизни выучатся — играть въ винтъ и станутъ умѣренными.

Она повернулась и пошла машинально, словно подъ гнетомъ какой-то страшной тяжести.

Поднимаясь по лѣстницѣ, она услышала, что ее окликнули; она обернулась: передъ ней стояла Лида; лицо ея было блѣдно, губы дрожали, глаза заплаканы.

— Тетя, дорогая, простите меня, можетъ быть, я сказала что-нибудь лишнее. Но, тетя, вѣдь, вы добрая, вы не будете отговаривать Леночку? Тетя, не губите ее!

Лида съ мольбою протянула руки.

— Успокойся, я ни слова не скажу! отвѣтила Ольга Семеновна и ушла въ свою комнату.

Остановившись у окна, она безцѣльно смотрѣла въ садъ. Изъ сада неслись веселыя пѣсни птицъ и запахъ сирени; тамъ дышала счастливая, молодая весна.

Ольга Семеновна долго смотрѣла въ окно.

— Можетъ быть, они и правы, тоскливо сказала она,—можетъ быть, правы, но, Боже мой, какъ это гадко!

Кн. Тангіева.

СТРАСТНАЯ НЕДѢЛЯ ВЪ РИМѢ.

Переводъ **Е. М. Соловьевой.**

Вербное воскресенье.

Папа входитъ въ часовню du Chapitre, гдѣ папы почиваютъ вѣчнымъ сномъ до тѣхъ поръ, пока останки ихъ не перенесутъ въ сооружаемыя имъ гробницы, старшина вручаетъ каждому священнику и всѣмъ служащимъ въ церкви традиціонную пальмовую вѣтвь.

Но это уже не простая пальмовая вѣтвь съ ея граціознымъ изгибомъ, столь декоративная въ рукахъ античныхъ мучениковъ, это не вѣтвь простой пальмы временъ Спасителя, росшей въ деревняхъ — онѣ недолго удовлетворяли вкусамъ итальянцевъ. Потребовалось украшать ихъ лентами, вырѣзанными бумажками, блестками и т. под.

Добродушныя монахини, взявъ на себя этотъ трудъ, дошли въ этомъ отношеніи до совершенства, и по временамъ положительно невозможно опредѣлить, какой необычайной флорѣ принадлежатъ эти судорожно скорченныя вѣтви, которыя производятъ впечатлѣніе сдѣланныхъ изъ золоченаго сахара. Ихъ желаютъ имѣть не зелеными, но блѣдно-желтыми, блестящими, какими онѣ дѣлаются послѣ смерти, но не коричневато-желтыми и печальными, какъ осенью, когда онѣ разметаются холоднымъ, сырымъ осеннимъ вѣтромъ. Искусственно засушенныя онѣ принимаютъ золотистый оттѣнокъ, цвѣтомъ напоминая головку младенца, становятся сухими и легкими, словно безплотными.

Войдя въ часовню, поражаетъ то, что она наполнена какими-то странными существами неопредѣленнаго рода — всѣ въ клѣтчатыхъ костюмахъ, женщины въ фуражкахъ грумовъ возсѣдаютъ на складныхъ стульяхъ, тамъ и сямъ чернѣютъ платья пасторовъ, темнымъ пятномъ выдѣляясь на этомъ коричнево-желтомъ фонѣ; вся эта толпа отличается грубымъ любопытствомъ, желаніемъ страстно все видѣть, смѣлостью, которая ни передъ чѣмъ не останавливается, полной беззастѣнчивостью и непринужденностью.

Люди эти сотнями заполняютъ города,

СЪ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Ю. ШРАДЕРА.

КРОМВЕЛЬ И ЕГО ДОЧЬ.

въ которыхъ встрѣчаются съ гидами, кричащими имъ невыносимо глупыя объясненія, они всюду чувствуютъ себя какъ дома, такъ какъ у нихъ все заранѣе оплачено, почему они воображаютъ, что все существуетъ исключительно для нихъ; они обладаютъ низостью невѣжественной толпы, отбивая куски вазъ, какъ это было въ музеѣ Кампана, пачкаютъ цѣлыя стѣны своими никому неинтересными именами, какъ это было въ залѣ Дожей; грязные, безобразные, распространяя повсюду свои безсмысленныя теоріи, безтолковые и тупые отъ рожденія, безцеремонные и нахальные, потому что ихъ много и имена ихъ неизвѣстны, лица эти, взглядъ которыхъ пачкаетъ то, на что устремляется и послѣ которыхъ противно что либо смотрѣть точно такъ же, какъ было бы противно пить послѣ нихъ изъ стакана; одно ихъ присутствіе на цѣлый день оскверняетъ собранные chefs d'oeuvre'и; нашествіе ихъ — пагуба для всѣхъ музеевъ, стыдъ для дворцовъ, оскверненіе для всѣхъ церквей. Въ Римѣ ихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Появляясь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, эти жители Альбіона нарушаютъ покой какого нибудь мыслителя, писателя или артиста, здѣсь же они имѣютъ дѣло съ вѣрующимъ, у котораго похищаютъ мѣсто, нарушаютъ молитву и осмѣиваютъ вѣру!

Святой понедѣльникъ. Въ соборѣ св. Петра. Быть можетъ, благодаря тому, что въ св. понедѣльникъ не полагается никакого особеннаго богослуженія, есть надежда не встрѣтить тамъ этихъ несносныхъ путешественниковъ. Но напрасно: они и здѣсь, осматриваютъ достопримѣчательности! Метрахъ въ тридцати отъ портика, гидъ указываетъ имъ на мѣдную полосу, прибитую къ мраморному полу.

И вотъ они всѣ бросились искать надпись. Нашли; нагибаются, разглядываютъ, разбираютъ: это представляетъ для нихъ наибольшій интересъ во всемъ соборѣ св. Петра.

Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ въ мужскихъ фуражкахъ усаживаются, чтобы лучше видѣть, а гидъ, съ большимъ достоинствомъ отвѣчаетъ свой урокъ: „На этомъ мѣстѣ кончается лондонскій соборъ св. Павла, который имѣетъ длины 710 пядей или 158 мет. 51 сантиметръ. Послѣ собора св. Петра это самая большая церковь въ мірѣ. Константинопольская св. Софія имѣетъ всего 492 пяди длины, Миланскій соборъ 606, а Флорентинскій 669“. И, наслаждаясь звуками своего голоса, онъ объявляетъ, что въ соборѣ 30 престоловъ, 148 колоннъ по 42 метра въ діаметрѣ, 132 метра вышины и т. д., но его уже болѣе не слушаютъ, видѣли все, что хотѣли видѣть, и знаютъ, что надо думать о соборѣ св. Павла. Осмотръ конченъ, они уходятъ.

При выходѣ изъ собора и на всѣхъ концахъ Рима, повсюду эти туристы съ trains de plaisir.

Вторникъ. Съ самаго утра народъ толпится на Scala Santa. Это далеко, здѣсь выросъ совершенно новый кварталъ между церквами св. Маріи Великой и св. Іоанна Литранскаго. Еще всего лѣтъ двадцать назадъ здѣсь были виллы, окруженныя зеленью, теперь ничего этого нѣтъ, все слилось съ большими, однообразными, желтыми и сѣрыми домами.

Кварталъ этотъ пересѣкается цѣлымъ рядомъ полузаконченныхъ улицъ, имѣющихъ цѣлью обезсмертить имена Эммануила-Филиберта, принца Евгенія, принца Амедея, принца Гумберта, принцессы Маргариты, всѣхъ принцевъ альманаха.

И вотъ теперь по этимъ улицамъ, не боясь нарушить этикета, соединеннаго съ громкими именами, движется толпа: сельскіе жители, горожане, священники, весь старый Римъ. Всѣ поднимаются въ церковь на колѣняхъ, на каждой ступенькѣ произносятъ Ave; святая лѣстница, въ двадцать восемь ступеней бѣлаго мрамора, по преданію, принадлежавшая преторіи Пилата, была при Сикстѣ Пятомъ придѣлана къ этому портику и посвящена Спасителю; Климентъ XII велѣлъ обшить ее деревомъ, чтобы предохранить отъ порчи.

Во всѣхъ лицахъ видна глубокая вѣра, искренное благочестіе, надежда, возрастающая съ каждой ступенькой и сіяющая на всѣхъ лицахъ.

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ часовнѣ Спасителя in Thermis, гдѣ круглый годъ послѣ Ave Maria молятся по чоткамъ, благочестіе толпы выражается еще осязательнѣе. Здѣсь, въ этой старинной части Бань Нерона, нѣтъ ни мрамора, ни картинъ, ни статуй, ничего изъ обычнаго великолѣпія церквей. Бѣдность эта рельефнѣе выдвигаетъ маленькія дешевыя украшенія часовни: вырѣзанныя цвѣтныя бумажки грошовые образочки съ оловянными коронками надъ ликами святыхъ, приколотые на стѣнѣ булавками съ обѣихъ сторонъ деревяннаго распятія, раскрашеннаго яркими красками, съ кровавыми ранами, лежатъ вылинявшіе бумажные цвѣты въ старыхъ коробкахъ отъ сардинокъ; передъ распятіемъ висятъ двѣ простыя маленькія лампадки. Вечеромъ къ торжественному богослуженію приносятся, для украшенія алтаря, живые цвѣты: они вставляются въ четыре вазы, изъ которыхъ одна ни что иное, какъ старый, вышедшій уже изъ употребленія котелокъ, другая — отбитый кофейникъ, третья — бутыкла шампанскаго съ разбитымъ горлышкомъ, четвертая — настоящая ваза, у которой когда-то были ручки. Церковь биткомъ набита народомъ; сюда никто не приходитъ смотрѣть или показаться другимъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь довольно темно, сюда приходятъ молиться. Всѣхъ соединяетъ общая со священникомъ мысль, общая молитва.

Въ эту часовенку имѣютъ обыкновеніе приходить нареченные женихи съ невѣстой изъ простонародія, чтобы вмѣстѣ помолиться: молодой человѣкъ громкимъ голосомъ поетъ псалмы и читаетъ вслухъ молитвы, въ то время какъ его невѣста молится, колѣнопреклоненная. По окончаніи службы оба подходятъ приложиться къ распятію, причемъ поцѣлуй молодой дѣвушки болѣе продолжителенъ и прочувствованъ, онъ полонъ жалости женщины къ умирающему человѣку, проникнутъ любовію къ Распятому Богу.

Святая среда. Если понедѣльникъ и вторникъ страстной недѣли не отличаются никакими особенными церковными торжествами и заняты лишь обычными службами и говѣніемъ, то съ середы уже начинаются тѣ особенно торжественныя богослуженія, которыя привлекаютъ массы народа въ Римъ.

Въ Сикстинской часовнѣ хоры попеременно поютъ сочиненія Allegri, откладывая тѣмъ не менѣе до великой пятницы исполненія Miserere, исполняя вмѣсто него произведенія J. Baini. Это оригинальное, единственное въ своемъ родѣ пѣніе теперь можно услышать въ Кардинальской часовнѣ св. Маріи Великой. Правда, что обстановка уже не та, нѣтъ той роскоши, которой отличается огромная базилика, зато тамъ и настроеніе не то, туда болѣе приходятъ чтобы посмотрѣть на великолѣпное зрѣлище.

Этотъ хоръ папской часовни „Cappellani cantori“ состоитъ изъ двадцати девяти человѣкъ, включая сюда регента, распорядителя, назначающаго что пѣть, камерлинга, завѣдывающаго матеріальной частью хора, и секретаря, который замѣчаетъ отсутствующихъ и налагаетъ на нихъ штрафъ. Всѣ они холостые, ходятъ всегда въ церковномъ облаченіи, отличающимся тѣмъ, что они имѣютъ право носить лиловый collaro, родъ фальшиваго воротника, на который надѣвается еще другой—collarino. Въ часовнѣ и консисторіи они носятъ лиловые шелковые рясы и пояса. Въ видѣ особой привилегіи у нихъ свой склепъ въ Chiesa Nuova, гдѣ они всѣ и погребаются, „чтобы смерть не разлучала тѣхъ, кого при жизни соединяла одна общая мелодія“. Въ этотъ хоръ требуются soprani, contralti, тенора, басы и баритоны. Только они могутъ пѣть передъ папой и кардиналами, собравшимися въ часовнѣ или консисторіи, причемъ они не исполняютъ никакого другого пѣнія, кромѣ григоріанскаго или чего нибудь изъ сочиненій „alla Palestrina“ безъ аккомпанимента органа и читая все по рукописнымъ книгамъ. Хоры, гдѣ они поютъ въ соборѣ св. Петра, задрапированы краснымъ сукномъ и скрываются отъ любопытной толпы золоченой рѣшеткой. Сопрано, еще десять лѣтъ тому назадъ, пѣвшія въ Сикстинской часовнѣ, было всего четырнадцать, причемъ лучшимъ голосомъ, какъ недавно объ этомъ писали, обладалъ нѣкто Морески изъ церкви св. Іоанна Латронскаго.

Невозможно передать той прелести и свѣжести, которыми отличался этотъ могучій, свѣжій голосъ. По временамъ теперь чувствуется нѣкоторая усталость, которая нѣсколько мѣняетъ дивный тембръ его голоса, но манера пѣть у него остается несравненной.

Св. четвергъ. Около пяти часовъ дня высшее общество Рима направляется къ собору св. Петра, около котораго находится Карсо, любимое мѣсто прогулки римлянъ. Всѣ здѣсь встрѣчаются, кланяются, болтаютъ, чувствуютъ себя въ своемъ кругу, въ своемъ мірѣ. Говорятъ, не возвышая голосовъ, и надъ всей этой вполголоса разговаривающей толпой стоитъ глухой неясный гулъ.

Послѣ вечерней службы, по окончаніи которой римляне обмѣниваются любезными поклонами, толпа туристовъ очищаетъ часовню Канониковъ (Chapelle des Chanoines) и собирается въ соборѣ. Три церковныхъ служителя выходятъ, чтобы осѣнить толпу святыми мощами. Они дѣлаютъ это съ возвышенія, устроеннаго надъ огромной статуей св. Вероники, по сторонамъ котораго ставятся высокія, выше человѣческаго роста, зажженныя свѣчи.

Священникъ въ эпитрахили и красныхъ перчаткахъ, съ двумя помощниками въ стихаряхъ съ узкими рукавами, благословляетъ мощами молящихся. Всякій разъ передъ тѣмъ, какъ мощи поднимаются, звонятъ въ два колокольчика, причемъ движеніе священника почти невидимо.

Святая пятница. Въ этотъ день нѣтъ ничего ни въ Сикстинской часовнѣ, ни въ соборѣ св. Петра.

Въ церквахъ — или проповѣди, или крестные ходы. Въ церкви св. Николая въ Сагсеге, около театра Marcellus въ глубинѣ улицы, среди средневѣковыхъ построекъ, гдѣ современная архитектура живописно перемѣшалась съ древней, въ этой церкви, въ которой античная урна изъ зеленаго порфира съ головами Медузы служитъ украшеніемъ алтаря и гдѣ, какъ говорятъ, была нѣкогда Тульенская тюрьма, жители квартала около площади Монтанара устраиваютъ свои собранія. Общество состоитъ изъ разныхъ торговцевъ, мясниковъ и продавцовъ сыра и итальянской колбасы, бакалейщиковъ и всѣхъ маленькихъ лавочниковъ этого заселеннаго квартала, всѣ они украшаютъ плащаницу и такъ же, какъ и въ дни народнаго веселія, украшаютъ свои лавочки вырѣзанными гирляндами изъ цвѣтной бумаги, несутъ крестъ, зажженныя свѣчи и устраиваютъ процессіи.

Въ церкви св. Людовика собирается высшее общество; проповѣдь говорится на французскомъ языкѣ, причемъ считается признакомъ хорошаго тона на ней присутствовать, хотя бы и не для того, чтобы слушать ее. Нѣсколько экипажей у церкви, нѣсколько довольно элегантныхъ черныхъ туалетовъ, но въ общемъ ничего такого, чего нельзя было бы видѣть въ Парижѣ.

Святая суббота. Въ церкви св. Іоанна Латранскаго, гдѣ служитъ кардиналъ, происходитъ освященіе огня, ладана и пасхальной свѣчи, но самая интересная въ этотъ день церемонія — это крещеніе невѣрныхъ. Въ самомъ центрѣ часовни для крещенія св. Константина, почти столь-же древней, какъ и сама католическая церковь, помѣщается античный базальтовый бассейнъ, въ который спускаются по тремъ ступенькамъ. Процессія проходитъ изъ церкви въ часовню, предшествуемыя служащимъ съ пасхальной свѣчей въ рукѣ. Первыми идутъ оглашенные, каждый со своими крестными отцомъ и матерью. Затѣмъ идутъ аколиты, неся въ рукахъ св. муро и св. масло.

Шествіе заключаетъ духовенство: епископъ, окруженный священниками.

Одинъ изъ священниковъ освящаетъ воду купели, крестообразно раздѣляетъ ее, простираетъ надъ ней руки, прикасается къ ней, трижды осѣняетъ ее крестнымъ знаменіемъ, направляетъ къ четыремъ частямъ свѣта, къ четыремъ рѣкамъ, которыя, по слову Господа Бога, истекли изъ рая. Трижды онъ дуетъ на нее крестообразно, трижды опускаетъ въ нее пасхальную свѣчу, наконецъ, дыханье. ъ чертитъ на ней греческую букву „psi“, первую букву слова „Psuche“ (Духъ). Послѣ того какъ священникъ окропилъ собравшихся вновь освященной водой, епископъ вливаетъ туда масло и св. муро, размѣшивая ихъ съ водой. Послѣ этого зовутъ оглашенныхъ, которые подходятъ по одному и, снявъ съ себя верхнія одежды, сходятъ со ступеней и опускаются въ бассейнъ, причемъ каждый отвѣчаетъ священнику символъ вѣры. Священникъ кладетъ новообращенному на голову руку и трижды глубоко погружаетъ его въ воду, произнося положенныя молитвы. Затѣмъ онъ даетъ каждому изъ нихъ бѣлую одежду, въ которую они и облачаются въ заранѣе приготовленныхъ для нихъ палаткахъ. Служба, начатая въ шесть часовъ утра, кончается не ранѣе двухъ часовъ пополудни.

Пасха. Послѣ того, что приходилось видѣть прежде, что сказать о томъ, что видишь теперь? Небольшая служба въ часовнѣ Канониковъ, пѣснопѣнія и толпа. Толпа эта уже не та, что приходила на Корсо, въ соборъ св. Петра отъ четырехъ до шести часовъ, въ послѣдніе дни страстной недѣли. Теперь это все народъ, стекающійся со всѣхъ окрестностей Рима, вѣря, что, какъ въ былые дни, здѣсь можетъ совершиться чудо: откроются лоджіи св. Петра, бархатныя завѣсы спадутъ и во мракѣ засіяетъ „Бѣлый священникъ“. Мысль, что это будетъ, должно быть, продолжаетъ волновать ихъ темные умы. Всякій годъ со смерти Пія IX происходитъ то же самое. Огромная площадь св. Петра, такъ же какъ и соборъ, полна народа. Взойдетъ-ли папа въ лоджіи, чтобы благословить собравшійся народъ? Послѣ часового томительнаго ожиданія, во время котораго толпа, не спуская глазъ, смотритъ на внутреннюю лоджію, желаніе ея удовлетворяется, благословеніе получается, причемъ, однако, надежда видѣть „Бѣлаго священника“ попрежнему не осуществляется. Послѣ этого народъ, возбужденный обычной въ этотъ день радостью, торопится поскорѣе приняться за пасхальное угощеніе, состоящее изъ жаренаго барашка, освященныхъ яицъ, сахарнаго голубя съ вѣточкой вербы, торчащей изъ клюва. Утѣшившись въ несбывшейся надеждѣ и перенеся ее на будущій годъ, народъ толпами переходитъ чрезъ мостъ Св. Ангела и выходитъ на Корсо, причемъ совершенно не понимаетъ, чей это экипажъ появляется среди нихъ, запряженный парой прекрасныхъ лошадей съ сидящимъ въ немъ господиномъ съ большими бѣлыми усами, который, не переставая, механически раскланивается направо и налѣво, не глядя на того, кому кланяется, и не замѣчая, отвѣчаютъ ли на его поклоны. Не слышно ни криковъ, ни виватовъ, ни энтузіазма, ни выраженія преданности, кое-гдѣ только еле приподнимаются котелки. Большого вниманія удостоиваются два красные, затянутые въ англійскую ливрею, лакея, на которыхъ обрушиваются насмѣшки и издѣвательства толпы.

СЛУША-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао**. Переводъ **Е. Шульгиной**. (*Продолженіе*).

АРЕСТАНТСКІЙ лазаретъ состоялъ изъ одного большого зала, выходившаго четырьмя окнами на море. Стѣны были просто выбѣлены известкой, но постели были лучше, чѣмъ у здоровыхъ. Вмѣсто обычнаго бѣлаго съ синими полосками мѣшка, набитаго листьями кукурузы, больные спали на тонкомъ тюфякѣ, набитомъ шерстью, съ парой менѣе грубыхъ простынь. Восемь или девять больныхъ каторжниковъ лежали неподвижно и молча на своихъ постеляхъ, устремивъ задумчивые глаза на море, виднѣвшееся изъ всѣхъ оконъ. Одинъ изъ нихъ, исхудалый и блѣдный, подозвалъ едва слышнымъ голосомъ директора.

— Сжальтесь, господинъ директоръ, прикажите мнѣ дать кусочекъ мяса. Я такъ давно уже не ѣлъ его!

— Получишь, если докторъ прикажетъ.

— Прошу у васъ еще одной милости! Велите меня перенести на такое мѣсто, чтобы я могъ видѣть море. Здѣсь я лежу къ нему спиной и чувствую, что меня такъ душитъ, такъ душитъ!..

Онъ стоналъ слабымъ жалобнымъ голосомъ, повторялъ одно и то же и метался головой въ разныя стороны. Другіе больные смотрѣли на него съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Угрюмый директоръ обходилъ кругомъ залу, а каторжникъ все еще продолжалъ стонать и высказывать все новыя просьбы.

— О! не имѣть даже возможности выкурить трубку, чтобы переварить ту горсть бобовъ, что мы получаемъ! Да, не мочь даже набить себѣ трубку, вдыхая чудную свѣжесть моря!

— У тебя нѣтъ табаку? спросилъ долготерпѣливый директоръ.

— Кто же дастъ его такому бѣдняку, какъ я? Вотъ, если бы у меня была еще жива жена, тогда, навѣрно, эта добрая душа прислала бы мнѣ нѣсколько грошей...

— Веди себя какъ слѣдуетъ, перестань жаловаться съ утра до вечера, тогда я дамъ тебѣ табаку.

— Да развѣ я не въ правѣ жаловаться, господинъ директоръ? продолжалъ онъ тѣмъ же плаксивымъ голосомъ. — Нужно правду сказать, что вы добрый человѣкъ, скажите же по совѣсти, развѣ это христіанская жизнь? А тутъ еще эта цѣпь, не покидающая насъ ни на минуту, ни даже въ то время, когда Господь караетъ насъ, посылая намъ болѣзнь? Охъ! эта цѣпь! Хоть бы какой-нибудь ангелъ освободилъ меня отъ нея!

Онъ продолжалъ ныть, но едва онъ заговорилъ про цѣпь, у каждаго изъ этихъ людей, чувствовавшихъ на тѣлѣ прикосновеніе холоднаго желѣза, вырвался изъ груди тяжелый вздохъ.

— Это очень надоѣдливый человѣкъ, замѣтилъ капитанъ, — но онъ вѣчно боленъ. Поэтому-то я и дѣлаю ему нѣкоторыя снисхожденія.

— Онъ потерялъ жену, будучи уже на каторгѣ? спросилъ инспекторъ, спускаясь съ лѣстницы.

— Нѣтъ, онъ самъ убилъ ее. Онъ торговалъ въ Казертѣ снѣгомъ, и его звали тамъ *спѣговикъ Сиччіо*. Чтобы разрубать глыбы снѣга, эти люди употребляютъ обыкновенно очень широкій и острый топоръ. Такимъ-то топоромъ онъ почти отрубилъ голову своей женѣ.

— Вѣроятно, изъ ревности?

— Именно; онъ приревновалъ ее къ какому-то капралу и былъ арестованъ на

мѣстѣ преступленія. Узнавъ, что жена умерла, онъ плакалъ какъ ребенокъ. Онъ и теперь еще принимается иногда плакать и кричитъ, что ему слѣдовало бы простить ее, что онъ хотѣлъ бы вернуть ее къ жизни и жить, не разставаясь съ ней.

— Онъ, должно быть, невыносимъ, объявилъ въ заключеніе инспекторъ, направляясь къ управленію.

Они шли медленно и оба молчали. Кругомъ царила сумеречная теплота, сѣренькій ноябрьскій день начиналъ клониться къ вечеру.

— Сколько оконъ на морѣ! сказалъ вдругъ инспекторъ, какъ бы говоря про себя.—Какъ, кажется, просто попасть сюда и выйти обратно! Скажите, пожалуйста, что значитъ, что арестанты не думаютъ о побѣгѣ?

— Всѣ они думаютъ о немъ, отвѣчалъ директоръ, понижая голосъ. Всѣ, самые смирные, самые трудолюбивые, равнодушные, взбалмошные, лицемѣрные, всѣ они постоянно думаютъ о бѣгствѣ. Такъ какъ я позволяю имъ ходить взадъ и впередъ, и они пользуются относительной свободой, они воображаютъ себя и дѣйствительно свободными. Каждую минуту случается видѣть, съ какимъ восторгомъ они смотрятъ на море. По ихъ сосредоточенному виду и по нахмуреннымъ бровямъ, я вижу совершенно ясно, что они высчитываютъ мысленно глубину моря и разстояніе отсюда до Баньоли и Процида.

— Но островъ, кажется, очень слабо оберегается?

— Да, такъ кажется, отвѣчалъ директоръ съ улыбкой, а хотите взглянуть?

Они перешли поперекъ двѣ улицы и подошли къ береговому утесу. Голова начинала кружиться на этой невѣроятной высотѣ. Море внизу казалось пропастью.

Расинъ.

— И такъ вездѣ, со всѣхъ сторонъ, прибавилъ Жигли. Днемъ, на каждыхъ ста шагахъ стоятъ часовые, а ночью посты удваиваются. Несчастные воображаютъ, что нѣтъ ничего легче, какъ убѣжать, до той минуты, пока они подойдутъ къ берегу, съ котораго хотятъ броситься въ море. Но скачокъ слишкомъ сильно пугаетъ ихъ. Я нашелъ разъ одного въ травѣ въ обморокѣ.

— Между тѣмъ, у васъ бывали попытки бѣжать?

— Бывали, это, правда, было восемь или десять. Но въ большей части случаевъ, часовые ловили бѣглеца, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ броситься съ утеса. А изъ двухъ-трехъ другихъ случаевъ, когда предпріятіе было уже доведено до конца, только одному удалось спастись.

— Вы такъ и не поймали бѣглеца?

— Нѣтъ. Это былъ неаполитанскій рыбакъ изъ квартала св. Лючіи, одинъ изъ тѣхъ, которые привыкаютъ съ дѣтства поднимать копѣйки, которыя имъ бросаютъ въ море. Всѣ они замѣчательные водолазы. Мы такъ и не поймали его. Всего вѣроятнѣе, что

Посьетъ.

онъ покинулъ родину на какомъ-нибудь коммерческомъ суднѣ.

— А что сдѣлалось съ остальными?

— Тѣ всѣ убились до смерти... Часовой слышалъ разъ, какъ одинъ изъ нихъ вскрикнулъ, падая: то былъ крикъ человѣка, сознающаго, что онъ бросается въ объятія смерти... На слѣдующій день мы находили ихъ тѣла на утесахъ.

— Примѣръ оказался навѣрно поучительнымъ.

— Мы подняли трупы растерзанными на куски, и это привело всѣхъ въ ужасъ. Тѣмъ не менѣе они постоянно мечтаютъ о побѣгѣ. Эту энергію даетъ имъ страхъ смерти: всѣ до безумія боятся умереть на каторгѣ. Нужно сознаться, что наше кладбище находится въ ужасномъ состояніи. Не смотря на всѣ мои усилія, я не могъ найти ни одного солдата или колодника, который согласился бы по доброй волѣ смотрѣть за этимъ маленькимъ уголкомъ для успокоенія мертвыхъ. Стѣна во многихъ мѣстахъ обрушилась, и ни одинъ изъ каторжныхъ каменщиковъ не соглашается ее починить. Наказанія не дали никакого результата. Что же касается солдатъ, то они такъ угнетены своей жизнью тюремщиковъ, что я не счелъ себя въ правѣ навязывать имъ еще лишнюю тяжелую работу. Я желалъ бы добиться отъ моего начальства разрѣшенія нанять сторожа. Можно было бы найти какого нибудь крестьянина. Но я не получилъ до сихъ поръ отвѣта на мои письма по этому поводу... Могу васъ увѣрить, господинъ инспекторъ, что достаточно только одного вида этого ужаснаго кладбища, чтобы внушить арестанту желаніе бѣжать. Хорошо, если бы вы упоминули объ этомъ въ вашемъ донесеніи.

— Посмотримъ, посмотримъ, отвѣчалъ уклончиво директоръ.

VI.

При домѣ была маленькая терраса, съ которой виденъ былъ, между двумя зданіями, стоявшими напротивъ, небольшой уголокъ моря. Родители распорядились изъ предусмотрительности натянуть надъ террасой парусину, защищавшую ее одинаково отъ солнца и отъ дождя. Когда на Маріо нападала отъ слабости сильная вялость, въ тѣ дни, когда онъ не хотѣлъ ни гулять, ни спать, ни кататься, а углублялся въ угрюмое размышленіе о чемъ-то неразгаданномъ его матерью, ребенка сажали на его маленькій стульчикъ съ его игрушками и книгами подъ навѣсомъ террасы, на которой цвѣли въ горшкахъ пестрыя гвоздики, анютины глазки, ярко-красныя геранiи и душистые маеранъ и базиликъ. Его можно было оставлять такъ цѣлыми часами. Онъ не звалъ никого, сидѣлъ смирно, перелистывая бѣленькими, почти прозрачными ручками картинки, или смотрѣлъ молча, не двигаясь, на голубое море. Мать, безпокоясь, приходила по временамъ взглянуть на своего грустнаго мальчика. Иногда же, почувствовавъ вдругъ какой-то странный неопредѣленный страхъ, она становилась у маленькаго стульчика на колѣни, заключала Маріо въ свои нѣжныя материнскія объятія и спрашивала его со страхомъ:

— Что съ тобой, дружокъ?

— Ничего, мама.

— Болитъ у тебя что-нибудь?

— Нѣтъ, мама.

— Ты правду говоришь? у тебя нигдѣ не болитъ?

— Нѣтъ, мама, повторялъ онъ съ ангельскимъ терпѣньемъ и съ видомъ благоразумнаго, большого и ласковаго мальчика.

Кромвель.

— Ты доволенъ?

— Доволенъ.

— А тебѣ хотѣлось бы поѣхать въ Неаполь?

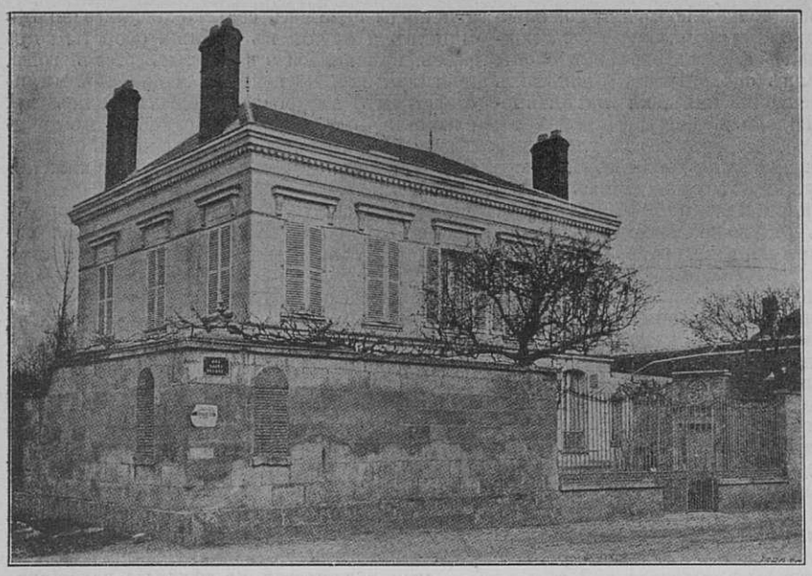
— Да, мама.

— О! мое сокровище! восклицала она, осыпая его поцѣлуями.

— Но и на Низидѣ также очень хорошо! продолжалъ онъ, обнимая мать за шею, прислонившись щечкой къ ея плечу.

— Бѣдное ты мое дитя! бѣдное мое дитя! вздыхала она, и казалось, что сердце ея разрывается отъ безграничной жалости.

— На Низидѣ также очень, очень хорошо! повторялъ онъ машинально, какъ благора-



Домъ Расина въ Ферте-Милонъ.

зумный ребенокъ, не желающій причинять никому огорченья.

Но мать была все-таки не убѣждена. Каждый разъ, когда она видѣла сына блѣднымъ и молчаливымъ, ею овладѣвала глубокая грусть, и всегда у нея являлась одна и та же мысль:

„Мы живемъ на каторгѣ!“

(*Продолженіе будетъ*).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вся болгарская „интеллигенція“ занята въ настоящее время приготовленіями къ предстоящимъ 25 апрѣля выборамъ въ народное собраніе; всѣ политическія партіи спѣшатъ выставить своихъ кандидатовъ, выбирая, конечно, людей наиболѣе, по ихъ мнѣнію, популярныхъ. Такъ, напр., партія правительственная для софійскаго округа выставила своими кандидатами министровъ: Грекова, Радославова, Начевича и Тенева, а партія каравелистовъ—Каравелова, Филиппова, Куршумліева и Калинкова. Но не ограничиваясь кандидатурой настоящихъ и бывшихъ министровъ, правительственная и оппозиціонная партіи ведутъ другъ съ другомъ войну—при помощи рѣчей и газетъ. „Всѣ, занимающіеся политикой,—пишетъ „Нар. Пр.“,—тронулись въ объѣздъ по Болгаріи. Болгарскіе граждане съ любопытствомъ созерцаютъ Стоилова, Гешева, Тодорова, Бенева, Цанкова, Люцканова, Каравелова, Данева, Величкова и многихъ другихъ и слушаютъ ихъ рѣчи, направленныя не къ благу Болгаріи, а противъ министерства, которое гарантировало свободу болгарскихъ гражданъ“. Далѣе органъ Радославова замѣчаетъ, что путешествующіе „политикане“ въ своемъ стремленіи обезпечить за своей партіей большинство въ народномъ собраніи позволяютъ себѣ нарушать законы. Конечно, въ Болгаріи, гдѣ на министерскія кресла привыкли смотрѣть только, какъ на выгодный кусокъ „казеннаго пирога“, и гдѣ выборы давно уже стали ареной беззастѣнчивой борьбы партійныхъ вождей, вся политическая программа которыхъ сводится къ полученію министерскаго кресла, никого ни удивятъ тѣ способы и мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ вожди различныхъ политическихъ партій во время подготовленія населенія къ выборамъ; но на человѣка свѣжаго все это производитъ удручающее впечатлѣніе. Особенно непріятно видѣть, когда и правительственные органы не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы очернить въ глазахъ населенія кандидата оппозиціи. Такъ, напр., „Нар. Пр.“, заявляя, что бывшій министръ Величковъ собираетъ въ Хасковѣ шайки, которыя дѣйствовали бы въ его пользу, обвиняютъ его чуть ли не въ участіи въ убійствѣ Стамбулова и Алека Константинова. „Шайки,—пишетъ органъ Радославова,—царствовали при томъ министерствѣ, виднымъ членомъ котораго былъ Величковъ, когда въ столицѣ убивали бывшихъ министровъ, когда стрѣляли изъ засады въ невинныхъ писателей“. Пріемъ этотъ, цѣль котораго—отвратить общественное мнѣніе отъ кандидата оппозиціи, едва достоинъ того правительства, которое позволяетъ себѣ гордиться тѣмъ, что оно опирается на громаднѣйшее большинство населенія. Если послѣднее заявленіе справедливо, то спрашивается, къ чему же правительство старается оказать давленіе на толпу теперь, когда законъ приглашаетъ населеніе свободно высказать свое довѣріе къ той или другой политической партіи? Прежде всего не надо забывать,—и это, конечно, прекрасно знаютъ и всѣ политическіе дѣятели Болгаріи,— что партійная взаимная борьба деморализующе дѣйствуетъ на населеніе, а правительству неудобно принимать участіе въ деморализаціи населенія той страны, служить которой оно призвано.

Кабинетъ Пеллу палъ, благодаря китайскимъ проектамъ министра иностранныхъ дѣлъ Каневаро. Въ палату были внесены запросы относительно китайской политики, но всѣ запрашивавшіе заявили, что до изложенія своихъ запросовъ хотятъ выслушать объясненія министра иностранныхъ дѣлъ. Министръ-президентъ, съ своей стороны, заявилъ, что правительство должно раньше знать, на какія стороны вопроса обращено вниманіе палаты. Пеллу предлагалъ отложить пренія до другого дня, чтобы правительство могло серіозно взвѣсить свои отвѣты, послѣ того какъ ознакомится съ поставленными ему вопросами. Джіолитти присоединился къ предложенію министра-президента, замѣтивъ, что въ виду серіознаго рѣшенія, предстоящаго палатѣ, поспѣшность можетъ только повредить дѣлу. Министръ Каневаро, однако, взошелъ на трибуну и заявилъ, что намѣренъ дать только краткое объясненіе, съ цѣлью показать, насколько онъ отвѣтственъ въ китайскомъ вопросѣ, и защититься противъ нападокъ, которыя основаны не на одной любви къ правдѣ и общему благу. Затѣмъ Каневаро прочелъ записку за подписью товарища министра иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Рудини—Бонина. Въ этой запискѣ, обращенной къ морскому министру отъ имени министерства иностранныхъ дѣлъ, предлагалось взвѣсить, не слѣдуетъ ли начать дѣйствія въ Китаѣ и добиться тамъ станціи для Италіи. Нынѣшній кабинетъ, продолжалъ Каневаро, ограничился тѣмъ, что послѣдовалъ лишь почину прошлаго кабинета. Въ палатѣ началось волненіе, вызванное тѣмъ, что еще наканунѣ Бонинъ изложилъ запросъ, въ которомъ осуждалъ направленіе политики Каневаро въ китайскомъ вопросѣ. Криспи, который рѣдко вмѣшивается въ пренія и котораго палата выслушала чрезвычайно внимательно, возсталъ противъ поступка Каневаро, сказавъ, что въ лѣтописяхъ парламента впервые встрѣчается случай разглашенія министромъ документа, не подлежавшаго гласности. Каневаро попробовалъ оправдаться тѣмъ, что документъ этотъ не дипломатическій. Бонинъ и Рудини, которые тоже выступили ораторами, доказывали, что если бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста и началъ изучать вопросъ о предпріятіяхъ въ Китаѣ, какъ этого требовалъ его долгъ, онъ, однако, не думалъ приступать къ дѣлу безъ необходимыхъ приготовленій. Рудини, кромѣ того, замѣтилъ, что ни онъ, ни Висконти-Веноста не одобряли и никогда бы не одобрили занятія Санмунской бухты.

Засѣданіе было отложено до другого дня, но кабинету все-таки не удалось удержаться на своемъ посту. Такъ какъ виновникомъ его паденія былъ Каневаро, то сформированіе новаго кабинета поручено королемъ нынѣшнему министру-президенту Пеллу, который и рѣшилъ оставить на всѣхъ постахъ своихъ нынѣшнихъ товарищей, замѣнивъ лишь Каневаро—Висконти-Веностой; въ отставку выйдетъ, вѣроятно, еще и морской министръ. „Neue Freie Presse“ увѣряетъ, что Висконти-Веноста отказывается отъ вступленія въ кабинетъ, потому что не согласенъ съ критикой, которой подвергся Каневаро, — особенно по вопросу о положеніи Италіи въ тройственномъ союзѣ.

Во внутренней политикѣ Италіи вообще происходятъ большія перемѣны.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Министерствомъ путей сообщенія на участіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ на парижской выставкѣ 1900 года отпущено 150 тысячъ рублей.

— Предсѣдательницей русскаго женскаго комитета для сношеній съ международной лигой мира получено отъ предсѣдательницы австрійскаго женскаго союза въ Вѣнѣ, Августы Фиккертъ, письмо слѣдующаго содержанія.

„М. Г. Проникнутыя твердымъ убѣжденіемъ, что единодушное и сильное выраженіе

Статуя Расина.

сочувствія идеѣ мира со стороны женщинъ должно способствовать осуществленію этой великой идеи, австрійскія женщины съ живѣйшей симпатіей присоединяются къ движенію своихъ единомышленницъ, русскихъ женщинъ, и шлютъ имъ самые сердечные привѣты. Вмѣстѣ съ симъ онѣ сообщаютъ, что 20 апрѣля (2 мая) состоится торжественное собраніе въ залѣ общества инженеровъ и архитекторовъ въ Вѣнѣ, на которомъ будетъ обнародовано согласіе австрійскихъ женщинъ съ цѣлями мирной конференціи въ Гаагѣ, въ видѣ резолюціи. На этомъ же собраніи будутъ прочтены и сочувственные адресы австрійскимъ женщинамъ отъ иностранныхъ женщинъ".

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія собраны, по словамъ газетъ, интересныя данныя, рисующія современное положеніе вопроса о высшемъ техническомъ образованіи. По сравненію результатовъ пріема въ высшія техническія училища за два послѣднихъ учебныхъ года, оказывается, что спросъ на высшее техническое образованіе возрастаетъ у насъ въ прогрессіи, несравненно болѣе высокой, чѣмъ средства для удовлетворенія такового. Предполагая же (и вполнѣ основательно), что и къ началу предстоящаго учебнаго года спросъ этотъ не ослабнетъ, а скорѣе увеличится, можно съ достаточной увѣренностью сказать, что и нынче условія поступленія въ высшія техническія учебныя заведенія будутъ крайне тяжелы.

— Перваго іюля текущаго года истекаетъ 60 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ газеты „Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства". Первый нумеръ этой газеты, подъ названіемъ „Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи", вышелъ въ субботу 1 іюля 1839 г., подъ редакціею Василія Степановича Межевича.

— Созывъ всероссійскаго съѣзда горнопромышленниковъ рѣшенъ правительствомъ въ утвердительномъ смыслѣ. При съѣздѣ разрѣшено устройство выставки, на которой, кромѣ продуктовъ горнозаводскаго производства, будутъ экспонированы инструменты и машины, употребляемые въ горномъ дѣлѣ.

— Въ министерство юстиціи поступило ходатайство отъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего крестьянскаго населенія Россіи.

— Св. Синодомъ признано, что воспроизведеніе посредствомъ фонографа на публичныхъ представленіяхъ колокольнаго звона, духовныхъ пѣснопѣній и духовныхъ чтеній не должно быть допускаемо.

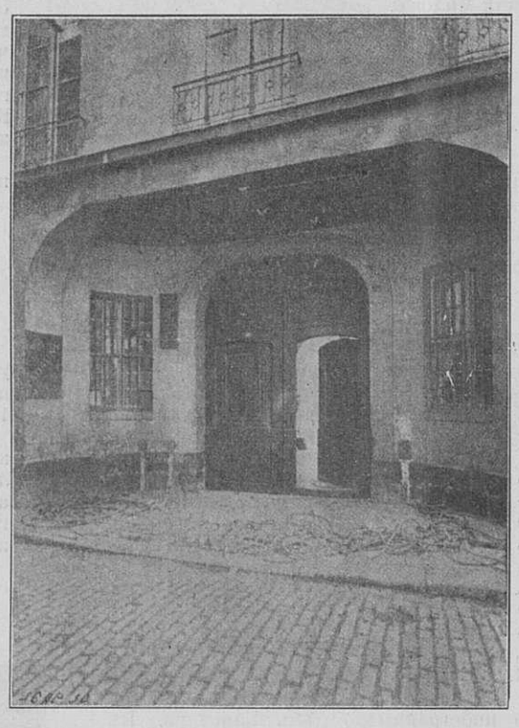
— Правленіе общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова обратилось къ министерству финансовъ съ ходатайствомъ о сокращеніи числа рабочихъ часовъ въ наиболѣе опасныхъ съ санитарной точки зрѣнія производствахъ. Въ настоящее время департаментъ торговли и мануфактуръ извѣстилъ правленіе, что возбужденные въ его ходатайствѣ вопросы, какъ заслуживающіе самаго серьезнаго къ себѣ отношенія, будутъ непремѣнно приняты министерствомъ финансовъ въ соображеніе, при пересмотрѣ правилъ 20 сентября 1897 года о продолжительности рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возникъ вопросъ о пересмотрѣ, дополненіи и измѣненіи закона 18 марта 1886 г. о самовольныхъ раздѣлахъ среди крестьянъ. Разрѣшенія семейнаго раздѣла безъ права на земельный надѣлъ проектируется не допускать вовсе и за самовольные раздѣлы установить въ законѣ наказаніе.

— Въ 11 ч. 6 м. 21 апрѣля, надъ городомъ пролетѣлъ метеоръ, который наблюдали чиновники мѣстной почтово-телеграфной конторы гг. Розе и Павловъ. Метеоръ былъ виденъ на небѣ въ продолженіе 40 сек. и летѣлъ по направленію съ востока на сѣверо-западъ, подъ угломъ приблизительно въ 45 град., по временамъ скрываясь за тучами, тянувшимися съ сѣвера на югъ. Метеоръ разбрасывалъ искры и оставлялъ послѣ себя замѣтный хвостъ. Видимую величину его гг. Розе и Павловъ опредѣлили приблизительно въ дуговой электрическій фонарь. Во время полета на почтово-телеграфной станціи гальваноскопы оставались вполнѣ спокойными, и никакихъ явленій, ни электрическихъ, ни магнитическихъ, не наблюдалось.

— Общество офицеровъ л.-гв. уланскаго Его Величества полка поручила Ю. Л. Ельцу составить мемуары объ отношеніяхъ Императора Александра II къ исторіи ихъ полка. Государь самъ былъ цензоромъ и испещрилъ экземпляръ корректуры своими помѣтками. Мемуаръ, составленный г. Ельцомъ,— по словамъ „Нов. Вр.",—выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени и представитъ сводъ замѣчаній государя, сопровожденный необходимыми историческими справками, комментаріями и разъясненіями. Къ книгѣ приложенъ будетъ портретъ Императора Александра II въ формѣ уланскаго Имени Его полка.

— Въ послѣдніе дни,—по словамъ „Крым. Вѣстн.", — въ Симферополѣ начали появляться рабочіе изъ голодающихъ губерній. По ихъ словамъ, они получили безплатные билеты на проѣздъ по желѣзной дорогѣ и направляются на югъ ко времени полевыхъ работъ. Четверо изъ нихъ—татары, уже работаютъ въ экономіи Пастака, близъ Симферополя. Всѣ они—изъ Самарской губерніи, въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. На видъ они изнуренные, одѣтые въ лохмотья съ чужого плеча.



Домъ въ улицѣ Висконти, гдѣ умеръ Расинъ.

— Одесская уѣздная земская управа продолжаетъ получать тревожныя свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ, въ особенности въ западной части Одесскаго уѣзда. Сельскія общества извѣщаютъ, что, въ случаѣ невыпаденія въ скоромъ времени хорошаго дождя, посѣвы какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ дадутъ весьма неблагопріятные результаты.

— Въ интересахъ правильности лѣсного хозяйства въ Сибири и въ виду трудности комплектованія состава лѣсныхъ чиновъ, при увеличивающейся дороговизнѣ мѣстной жизни и сравнительной недостаточности содержанія, министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ слышали „Пет. Вѣд.", проектировано открытіе въ текущемъ году, въ нестепной части Енисейской губерніи, въ селѣ Заледѣевскомъ, вблизи г. Красноярска, пятой лѣсной школы для подготовки на мѣстѣ соотвѣтствующаго персонала на низшія лѣсныя должности и для распространенія среди переселенцевъ знаній по лѣсному дѣлу.

— Вслѣдствіе особеннаго развитія дѣятельности складовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій въ Сибири, обороты которыхъ, начавшіеся съ 10 тыс. р. въ годъ, достигли за 1898 годъ до 200 тыс. р., министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,—какъ мы слышали,—предположено открыть въ текущемъ году 10 новыхъ филіальныхъ отдѣленій складовъ, для возможнаго приближенія орудій къ мѣстамъ ихъ сбыта.

— Для развитія нашей золотопромышленности въ Сибири, министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ мы слышали, — проектируется пониженіе пошлины съ золота, такъ какъ при нынѣшней пошлинѣ, въ 10%, является возможною разработка только самыхъ богатыхъ мѣсторожденій, которыя уже значительно истощились, а болѣе бѣдныя разрабатывать невыгодно.

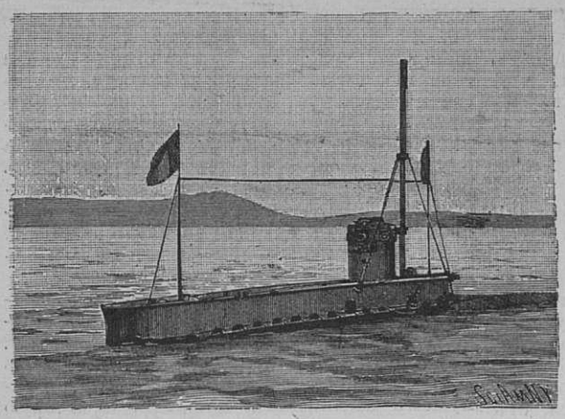
— Министерство финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, признало возможнымъ установить выдачу единовременныхъ пособій и для вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей при губернскихъ и окружныхъ акцизныхъ управленіяхъ, при упраздненіи занимаемыхъ ими должностей, на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены для лицъ складской администраціи.

— Въ виду того, что въ положеніи табачнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ и въ Семирѣченской и Закаспійской областяхъ за послѣднее время не послѣдовало существенныхъ измѣненій, министерствомъ финансовъ,—какъ мы слышали, проектировано, при введеніи поштучной системы обложенія табака, оставить помянутыя мѣстности подъ дѣйствіемъ особыхъ правилъ, издаваемыхъ въ изъятіе изъ общихъ постановленій закона административною властью по соображеніи съ мѣстными условіями, примѣненіе каковыхъ правилъ до сего времени оказалось, въ общемъ, цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія интересовъ какъ казны, такъ и мѣстной табачной промышленности.

— Созываемому, въ маѣ мѣсяцѣ, чрезвычайному петербургскому губернскому земскому собранію предстоитъ разрѣшить вопросъ о выборѣ мѣста для постройки психіатрической лѣчебницы. До настоящаго времени, земствомъ предложены подъ постройку восемь участковъ, въ томъ числѣ: пять — с.-петербургско-псковскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ, два — с.-петербургскимъ удѣльнымъ округомъ и одинъ — ямбургскимъ городскимъ управленіемъ. Изъ этихъ участковъ, наилучшимъ представляется послѣдній. Участокъ этотъ на лѣвомъ берегу рѣки Луги, по правую сторону шоссе, слишкомъ, однако, малъ (около 35 дес.) для лѣчебницы, и, кромѣ того, среди него расположена небольшая пустошь, оцѣниваемая владѣльцемъ въ 5,000 руб. Управа надѣется достигнуть соглашенія какъ съ городомъ о прирѣзкѣ необходимаго количества земли (всего до 100 дес.), такъ и съ владѣльцемъ пустоши о пріобрѣтеніи ея за болѣе дешевую цѣну.

— Коммиссіей, спеціально образованной при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова по вопросу о согласованіи методовъ санитарно-статистическихъ изслѣдованій, выработанъ рядъ положеній, которыя и предложены ею на обсужденіе открывающагося 28 апрѣля въ Казани VII пироговскаго съѣзда врачей. Коммиссія признаетъ существенно важнымъ, въ цѣляхъ сравнительнаго изученія болѣзненности населенія, однообразное примѣненіе выработанныхъ ею программъ санитарно-статистическихъ изслѣдованій и о замѣнѣ медицинскимъ департаментомъ настоящей оффиціальной номенклатуры болѣзней номенклатурой, выработанной коммиссіей, въ случаѣ одобренія ея съѣздомъ. Устанавливаемыя программы санитарно-статистическихъ изслѣдованій болѣзненности должны подлежать обязательному пересмотру по истеченіи 10 лѣтъ. Наконецъ, коммиссія предлагаетъ съѣзду признать, что положеніе статистики движенія населенія въ нашемъ отечествѣ неотложно требуетъ коренныхъ улучшеній.

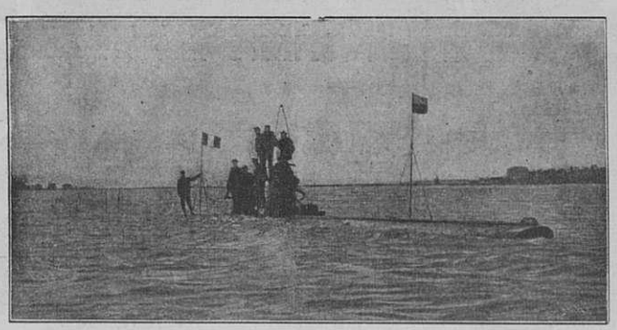
— Коммиссія по распространенію гигіени-



Подводная торпедная лодка „Гимнотъ“.

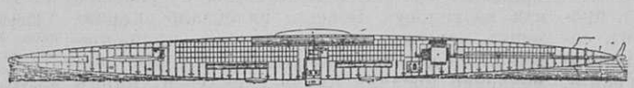
ческихъ знаній въ народѣ при обществѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова приступила къ составленію и изданію листковъ для безплатной раздачи ахъ въ амбулаторіяхъ. Такіе листки, благодаря ихъ большой дешевизнѣ, могутъ служить однимъ изъ весьма удобныхъ способовъ распространенія въ народѣ свѣдѣній по медицинѣ и гигіенѣ. Придавая большое значеніе ознакомленію народа со свойствами заразныхъ болѣзней и мѣрами къ предупрежденію распространенія ихъ, а также съ основными правилами ухода за новорожденными дѣтьми, коммиссія намѣтила на первую очередь составленіе листковъ на слѣдующія темы: наиболѣе часто встрѣчающіяся заразныя болѣзни: корь и скарлатина; уходъ за малыми дѣтьми; желудочныя и кишечныя болѣзни.

— Императорскій с.-петербургскій ботаническій садъ пережилъ въ минувшемъ году двѣ знаменательныя годовщины: 75 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ наименованіе Императорскаго, и 25 лѣтъ со времени перехода его въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. По этому поводу предпринято было, по мысли теперешняго директора сада, тайнаго совѣтника А. А. Фишера-фонъ-Вальдгейма, составленіе нынѣ появившагося въ свѣтъ „Историческаго очерка“ сада за послѣднее двадцатипятилѣтіе, съ 1873 по 1898 г. Научныя коллекціи сада за послѣднія 25 лѣтъ постоянно возростали: въ 1872 г. число видовъ и разновидностей живыхъ растеній въ немъ достигало 21,320, а въ 1898 г. было уже 30,002 вида и разновидности. Наряду съ коллекціями живыхъ растеній, всемірною извѣстностью пользуется гербарій Императорскаго ботаническаго сада, увеличившійся за истекшія 25 лѣтъ болѣе чѣмъ на полмилліона экземпляровъ и достигающій 1.500,000 экз., съ 80,000 отдѣльныхъ видовъ растеній. Третье, наиболѣе полное и цѣнное собраніе сада составляетъ его библіотека, въ которую входитъ 13,829 сочиненій, въ 26,913 томахъ. Гербарій ботаническаго сада по богатству растеній не имѣетъ себѣ равнаго, а библіотека, по численности книгъ, значительно превосходитъ библіотеку обширнѣйшаго изъ существующихъ ботаническихъ садовъ — въ Кью. Въ свою очередь, музей сада содержитъ въ настоящее время 27,255 нумеровъ карпологической коллекціи, 7,072— дендрологической, 2,026 — палеонтологической и пр. Къ музею принадлежитъ біологическая лабораторія, въ которой производятся различныя анатомическія и физіологическія наблюденія. Сравнительно новымъ учрежденіемъ при садѣ является открытая въ 1878 г. станція для испытанія сѣмянъ, на которой произведено за 20 лѣтъ ея дѣятельности 3,929 испытаній всхожести и чистоты сѣмянъ и другихъ опредѣленій. Съ 1894 года при садѣ учреждена низшая школа садоводства 2-го разряда, существующая на средства московско-нарвскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ гор. С.-Петербурга и на субсидію министерства земледѣлія. Учено-литературная дѣятельность сада выражается, помимо цѣнныхъ работъ отдѣльныхъ лицъ, служащихъ въ садѣ, въ изданіи его „Трудовъ“, начиная съ 1871 г., включившихъ уже 159 работъ, преимущественно по систематической ботаникѣ и въ частности по флорѣ Россіи. На средства сада за послѣднія двадцать пять лѣтъ были командированы нѣсколько изслѣдователей для изученія малоизвѣстныхъ въ ботаническомъ отношеніи мѣстностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ и собиранія въ нихъ растеній, сѣмянъ и луковицъ. Благодаря оживленнымъ сношеніямъ съ соотвѣтствующими заграничными учрежденіями, ботаническій садъ могъ, съ одной стороны, пополнять свои коллекціи, а съ другой—способствовалъ распространенію во всѣхъ частяхъ свѣта разныхъ воздѣлываемыхъ въ немъ растеній. Годовое число посѣтителей оранжерей сада колеблется отъ 10 до 26 тыс., а за 25 лѣтъ посѣтителей перебывало 453,327. Расходы по саду, составлявшіе въ 1872 году 60,903 руб., возросли съ тѣхъ поръ до 76,463 руб. Изъ крупныхъ одновременныхъ ассигнованій особенно слѣдуетъ отмѣтить отпускъ въ 1896 году 230,000 руб. на возведеніе теплицы для пальмъ и викторіи-регіи, взамѣнъ старыхъ зданій. Изъ другихъ работъ, предпринятыхъ за послѣдніе годы, слѣдуетъ упомянуть: снабженіе всѣхъ растеній сада соотвѣтствующими ярлыками, устройство особыхъ участковъ съ лѣкарственными, промышленными, сельско-хозяйственными, огородными, плодовыми и новыми древесными растеніями; обработка коллекцій гербарія, и пр. Составленъ также подробный планъ сада. („Тор.-Пром. Газ.“).



Торпедная лодка „Густавъ Зеде“.

† **К. Н. Посьетъ.** 26 апрѣля, скончался членъ Государственнаго Совѣта, почетный членъ Николаевской морской академіи и морского техническаго комитета, предсѣдатель Императорскаго общества спасанія на водахъ, бывшій министръ путей и сообщенія К. Н. Посьетъ.



Разрѣзъ лодки „Густавъ Зеде“.

Родился К. Н. 21 декабря 1819 г. Происходилъ онъ изъ старой франц. дворянской фамиліи. Предки его переселились въ Россію при Людовикѣ XIV. Воспитаніе получилъ въ морскомъ корпусѣ. Въ службу вступилъ въ 1835 г. Еще находясь въ офицерскихъ классахъ, покойный совершалъ мичманомъ, а потомъ лейтенантомъ, морскія плаванія въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ. По порученію адмирала Путятина, К. Н. занялся пересмотромъ нашего устава судового ученья и въ 1847 г. издалъ „Артиллерійское ученіе“.

Когда въ 1857 г. на адмирала Путятина возложено было заключеніе торговаго договора съ Японіею, покойный отправился съ нимъ на фрегатѣ „Паллада“. Цѣль миссіи достигнута была только послѣ большихъ затрудненій. Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, К. Н. снова отправился въ Японію для обмѣна трактатовъ. Возвратившись изъ Японіи въ чинѣ капитана 1 ранга, онъ былъ назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ наставникомъ и совершалъ съ нимъ постоянно лѣтомъ морскія плаванія съ 1858 по 1865 годъ, по Балтійскому морю и у береговъ Россіи. Въ 1860 г. К. Н. назначенъ флиг.-ад., а въ 1861 году произведенъ въ контръ-адмиралы Свиты Его Величества. Въ 1868 г. К. Н. произведенъ въ вице-адмиралы. 1869 и 1870 гг. имъ употреблены на ознакомленіе съ Россіей. Въ 1871 г., на фрегатѣ „Свѣтлана“, адм. посѣтилъ, вмѣстѣ съ своимъ Августѣйшимъ воспитанникомъ, Америку, Канаду, Китай, Японію, Сибирь, причемъ были пройдены Атлантическій, Индійскій и Тихій океаны.

ЖАНЪ РАСИНЪ.

Жанъ де Расинъ, величайшій французскій трагикъ, родился 21 декабря 1639 г. въ Ла Ферте-Милонѣ и скончался въ Парижѣ 26 апрѣля 1699 года. Онъ рано потерялъ своихъ родителей и воспитывался у янсенистовъ въ Поръ-Роялѣ. Леместръ де Сасе и элленистъ Лансело познакомили его съ красотами классической, преимущественно греческой литературы. Закончивъ свое образованіе, Расинъ всецѣло посвятилъ себя изящной литературѣ. За свою оду на бракосочетаніе Людовика XIV онъ получилъ вознагражденіе въ 600 франковъ, столько же дала ему и вторая ода, посвященная Людовику XIV; эта ода, кромѣ того, доставила ему знакомство съ Буало и Моліеромъ, которое много содѣйствовало дальнѣйшему развитію Расина. По совѣту Моліера, Расинъ уничтожилъ свою первую трагедію „Théagène et Chariclée“ и написалъ вмѣсто нея „La Thébaïde ou les frères ennemiç“ которая въ 1664 г. съ успѣхомъ была поставлена на сценѣ. Въ этой трагедіи, какъ и въ послѣдующей „Alexandre“, Расинъ является подражателемъ Корнеля. Только въ трагедіи „Andromaque“, написанной въ 1667 году, Расинъ сбрасываетъ съ себя чужое вліяніе и становится самостоятельнымъ. Въ этой трагедіи онъ съ замѣчательною силою и правдивостью изображаетъ борьбу страстей, что составляетъ особенность расиновскаго творчества. За этой трагедіей послѣдовало нѣсколько другихъ; къ лучшимъ относятся „Bérénice“, „Mithridate“ и „Ифигенія“. Наконецъ, въ 1677 году онъ написалъ „Phèdre“, одно изъ лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній. Его литературная карьера постоянно приносила ему почетныя и матеріальныя выгоды.

Постановка „Федры“ вызвала множество интригъ, враги Расина стремились уронить расиновскую трагедію, а вмѣсто него возвеличить „Федру“ Прадона, имѣвшую дѣйствительно блестящій, но эфемерный успѣхъ. Даже госпожа де Севинье была противъ Расина; ей приписываютъ фразу: „Расинъ не долговѣченъ какъ кофе“; въ дѣйствительности она не говорила этого, тѣмъ болѣе, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ она ошиблась; въ двухъ мѣстахъ въ своихъ письмахъ она сказала нѣчто подобное, а услужливые комментаторы сопоставили обѣ фразы и сдѣлали изъ нихъ одну, усиливъ ея значеніе. Оскорбленный Расинъ бросилъ театръ и сталъ искать утѣшенія въ религіи. Онъ хотѣлъ поступить даже въ картезіанцы, и его съ трудомъ отговорили отъ этого намѣренія, совѣтуя жениться. Онъ уступилъ, наконецъ, просьбамъ и женился на довольно богатой дѣвушкѣ въ Аміенѣ. Скоро послѣ того онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Буало исторіографомъ короля. Съ 1673 года Расинъ сдѣлался членомъ французской академіи. Послѣ двѣнадцати лѣтъ молчанія онъ, по

просьбѣ госпожи де Ментенонъ, написалъ еще двѣ трагедіи на сюжетъ изъ священной исторіи, „Esther“ и „Athalie“. Публика дурно отнеслась къ „Аталіи“, Расинъ былъ сильно огорченъ и совершенно отказался отъ литературы. Эта его послѣдняя трагедія принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ, можно сказать, что она выше другихъ. Біографы Расина разсказываютъ что, по настоянію госпожи Ментенонъ, онъ подалъ королю записку о народныхъ бѣдствіяхъ и вызвалъ этимъ неудовольствіе короля, которое такъ подѣйствовало на здоровье Расина, что черезъ два года онъ умеръ съ горя.

Слогъ Расина благороденъ и изященъ; стихъ у него мелодиченъ и чрезвычайно красивъ. Изображеніе душевныхъ движеній отличается тонкой наблюдательностью, вдумчивостью и сильно затрогиваетъ лучшія чувства зрителей.

ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЬ.

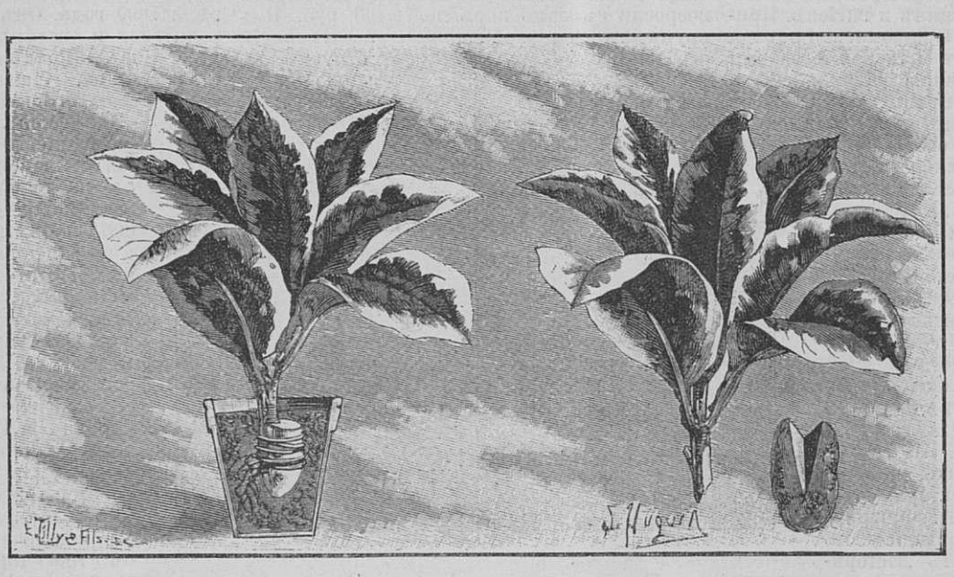
Оливеръ Кромвель, протекторъ Англіи, былъ одинъ изъ величайшихъ людей Англіи, онъ положилъ основаніе англійскому государственному могуществу. Кромвель родился 24 апрѣля 1599 года и умеръ 3 сентября 1658. Отецъ его принадлежалъ къ дворянской семьѣ и былъ помѣщикомъ средней руки, а мать, Елизавета Стюартъ, приходилась дальней родственницей королю Карлу I. Кромвель, вообще, отличался независимымъ и пылкимъ характеромъ, очень рано женился на Елизаветѣ Бурше и первые годы занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ шести дѣтей, а въ свободное время посвящалъ себя интересамъ пресвитеріанской секты, которую тогда преслѣдовали. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ онъ засѣдалъ въ парламентѣ 1628 г., который былъ распущенъ королемъ Карломъ I. Здѣсь онъ не былъ замѣченъ и только разъ говорилъ противъ успѣховъ папизма. Послѣ распущенія парламента онъ снова вернулся къ своимъ земледѣльческимъ занятіямъ. Утомленный преслѣдованіями диссидентовъ, направленныхъ противъ нихъ англиканской церковью, онъ собирался уѣхать въ Америку, какъ вышло повелѣніе короля, запрещавшее эмиграціи. Собственно, политическая дѣятельность Кромвеля началась съ 1640 года, когда собрался, такъ называемый „Длинный парламентъ“, гдѣ Кромвель сталъ на сторону своего родственника, знаменитаго Гэмпдена.

Онъ поддерживалъ всѣ мѣры, которыя клонились къ усиленію власти парламента. Но въ это время еще никто не предвидѣлъ той славы и могущества, которыхъ онъ достигнетъ. Въ немъ видѣли грубаго деревенскаго жителя, весьма убѣжденнаго, но рѣдко говорящаго и только въ случаѣ сильнаго увлеченія. Палата общинъ въ то время исключительно стремилась завладѣть государственною властью, едва ли она даже думала о торжествѣ кальвинизма надъ англиканствомъ. Но Кромвель, ревностный пуританинъ, уже смотрѣлъ далеко впередъ и думалъ о свободѣ совѣсти для всѣхъ сектъ, о преобладаніи своей партіи и, вѣроятно, о власти для себя самого. Когда съ 1642 года началась гражданская война, онъ пріобрѣлъ званіе капитана кавалеріи, и, быстро замѣтивъ причину неурядицъ въ королевскомъ войскѣ, состоявшемъ большею частью изъ наемниковъ, онъ сразу понялъ, къ какимъ силамъ нужно обратиться, чтобы побѣдить дворянъ и наемниковъ. Въ народѣ отсутствовалъ политическій духъ, онъ обратился къ религіозному, дисциплинировалъ фанатизмъ и превратилъ секты въ войско.

Набранные имъ солдаты принадлежали преимущественно къ людямъ состоятельнымъ и составили эскадроны, такъ называемыхъ, *независимыхъ*. Успѣхи Кромвеля какъ военноначальника росли съ каждымъ днемъ. Парламентъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы пріостановить возвышеніе этого честолюбца. Но всѣ еще высшія мѣста были въ рукахъ парламента, и Кромвель ловкимъ маневромъ заставилъ ихъ отказаться отъ нихъ. Онъ предложилъ законъ „Отреченія отъ самого себя“, который запрещалъ членамъ парламента всѣ военныя и гражданскія должности. Этотъ законъ затрогивалъ его самого, но онъ не сомнѣвался, что армія потребуетъ, чтобы онъ не уходилъ. Парламентъ былъ вынужденъ оставить его главнокомандующимъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался главою положенія. Король былъ разбитъ, Кромвель завладѣлъ имъ и получилъ орденъ Подвязки, титулъ графа Эссекса и т. п. и размышлялъ, не возстановить-ли Карла I на престолѣ. Но въ это время онъ перехватилъ его письмо къ королевѣ, гдѣ король обѣщалъ Кромвелю висѣлицу, едва только снова вступитъ во власть. Возмущенный вождь *круглоголовыхъ* обратился противъ ройялистовъ, возставшихъ въ это время въ Уэльсѣ и Шотландіи, и разбилъ ихъ на голову. Войско разогнало парламентъ, оставивъ только членовъ, принадлежавшихъ къ независимымъ, которые немедленно предали Карла I суду, и Карлъ былъ осужденъ и обезглавленъ. Была объявлена республика; Кромвель скоро отправился усмирять возстаніе въ Ирландіи; усмиреніе это сопровождалось жестокостями. Когда онъ вернулся въ Англію, его встрѣтили съ восторгомъ; онъ поспѣшилъ разогнать парламентъ и былъ избранъ *Лордомъ протекторомъ* съ титуломъ свѣтлости. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ онъ правилъ одинъ, а затѣмъ созвалъ парламентъ, который предложилъ ему корону. Кромвель долго не рѣшался принять ее, многіе изъ его приверженцевъ были противъ, онъ думалъ оттянуть время, но смерть остановила его замыслы. Своимъ наслѣдникомъ онъ назначилъ своего второго сына Ричарда, который совершенно не подходилъ къ назначенной ему роли, и прошло немного времени, какъ Карлъ II Стюартъ былъ призванъ на отцовскій престолъ.

Характеръ Кромвеля представляетъ смѣшеніе различныхъ, совершенно противоположныхъ чертъ. Можно сказать, что онъ вполнѣ заслужилъ всѣ похвалы и порицанія, которыя ему расточались. У этого геніальнаго человѣка можно было найти странную смѣсь величія и низости, лживости и энтузіазма, искренней вѣры и лицемѣрія, деспотизма и любви къ свободѣ, великодушія и жестокости. Смерть не дала ему достигнуть предположенной цѣли, онъ не далъ своей родинѣ прочнаго правительства—монархіи съ парламентомъ, и не оставилъ власти въ рукахъ своихъ потомковъ. Но нельзя отрицать, что его эпоха намѣтила начало величія Англіи.

Картина Шрадера, копію которой мы даемъ, изображаетъ въ нѣсколько легендарномъ видѣ отказъ Кромвеля отъ короны, выраженный имъ, будто-бы, подъ вліяніемъ его старшей дочери Елизаветы, бывшей замужемъ за лордомъ Клейполь и которую одно время сватали даже за Карла II.



Прививка широколиственнаго табака на картофель. Налѣво — укорененіе вѣтки, предназначенной для прививки; направо — подробности прививки.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Раннимъ утромъ. Съ картины *О. Новака.*

Солнце только что встало, и его первые, мягкіе еще, не грѣющіе лучи озолотили поля и луга, и вмѣстѣ съ первыми лучами проснулись и люди, и молодая поселянка спѣшитъ на поля, чтобы начать обычной работой восходъ своего трудового дня.

Горное озеро. Съ картины *Мортенъ-Мюллера.*

Среди ущелій и скалъ пріютилось небольшое озеро. Словно въ зеленой рамкѣ своихъ береговъ раскинулась его голубѣющая подъ солнцемъ поверхность, поросшая желтымъ тростникомъ и травою. Уютный дикій уголокъ, гдѣ такъ легко дышется, гдѣ такъ хорошо отдохнуть измученнымъ нервамъ городскихъ обывателей.

Большая семья. Съ картины *Ю. Шенерера.*

Въ зарослях спокойнаго пруда нашелъ себѣ временный пріютъ цѣлый выводокъ утокъ. Большая семья ихъ наслаждается безмятежнымъ покоемъ здѣсь, въ глухихъ зарослях старого пруда, вдали отъ шума и сутолоки селенья.

Дѣти моря. Съ картины *Гакетта.*

Передъ отъѣздомъ. Съ картины *Ф. Пенфольда.*

Широкое безбрежное море. Лазурная глубь, лазурное небо. Море вскормило и взлелѣяло этихъ малышей, они его дѣти. И позднѣе оно же дастъ имъ возможность трудовой жизни и унесетъ на своихъ волнахъ быстрый корабль на далекую чужбину. Быть можетъ, не разъ придется съ тоской сказать „прости“ роднымъ берегамъ, всѣмъ близкимъ и любимымъ, разставаясь съ ними. Этотъ послѣдній моментъ прощанія передъ отплытіемъ хорошо переданъ художникомъ Пенфольдомъ на его безхитростной, простой какъ вся жизнь моряка, картинѣ.

Прививка табака на картофель.

Существуетъ очень красивое пестролистенное растеніе — Nicotiana colossea variegata; листья его окаймлены блѣдно-желтымъ. Это растеніе принадлежитъ къ декоративнымъ, но, къ несчастію, размноженіе его весьма трудно. Оно даетъ сѣмена, но растенія изъ нихъ выходятъ слабыя и анемичныя и плохо развиваются. Въ послѣднее время дѣлались опыты прививать ихъ на клубняхъ картофеля, и растенія идутъ превосходно. Для этой цѣли берутся клубни здоровые, гладкіе, продолговатые. Вѣтви для прививки предпочитаются выведенныя въ оранжереѣ, потому что онѣ нѣжнѣе. У картофельнаго клубня слѣдуетъ отрѣзать всѣ глазки. Сдѣлавъ прививку, растеніе сажаютъ въ цвѣточный горшокъ въ песчаную землю и ставятъ на теплое мѣсто, слегка поливая, и растеніе быстро развивается.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ВЕ-

ЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“
„ „BELGICA“
„ „АДЛЕРЪ“
„ „БРЕННАБОРЪ“
„ „ГРЕЙФЪ“

3067

отъ 100—200 руб.
имѣются на складѣ **Э. Кинкманъ и К°.**
С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ
МЫЛО
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись А. ЭНГЛУНДЪ *красными чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ. Главный складъ СПБурга Михайловская пл. д. № 2, Жербина. 3024

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА
„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ КНИГИ,
изданныя Спб. Акц. Общ.
„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.
СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.
РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“
Невскій пр., 68—40,
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Происхожденіе чернаго цвѣта кожи негровъ объяснялось разнымъ образомъ, только казался страннымъ тотъ фактъ, что природа окрасила кожу негровъ въ цвѣтъ, не отражающій, а поглощающій тепловые лучи солнца. Кожа новорожденнаго негра изъ блѣдно-розовой быстро обращается сначала въ темно-бурую, а затѣмъ въ совершенно черную. Если положить на солнце двѣ монеты, мѣдную и серебряную, то по прошествіи нѣсколькихъ минутъ нельзя будетъ взять въ руки первую, до того она накалится, а серебряная окажется только теплою. Основываясь на этомъ опытѣ, можно бы предположить, что бѣлокожіе люди скорѣе рождены для тропическихъ странъ, въ виду свойства бѣлаго цвѣта отражать тепловые лучи, тогда какъ негры, наоборотъ, должны жить въ сѣверныхъ странахъ вслѣдствіе свойства ихъ кожи поглощать теплоту. Въ дѣйствительности природа защитила негровъ черною окраскою ихъ тѣла отъ того же солнца. Въ тропическихъ странахъ человѣкъ долженъ опасаться солнечныхъ ударовъ. Наблюденія показали, что черный цвѣтъ лучше всего предохраняетъ отъ нихъ. Альпійцы по опыту знаютъ, какъ немилосердно солнце жжетъ имъ лицо и руки на горныхъ высотахъ, но по мѣрѣ усиленія загара кожи, ощущеніе боли слабѣетъ съ каждымъ часомъ. «Чтобы предохранить лицо отъ ожоговъ, — говоритъ альпіецъ Моссо, — нужно запачкать его сажею и тогда совершать восхожденія на горы. Химическіе лучи солнца дѣйствуютъ на кожу подобно рентгеновскимъ, разрушаютъ ее, проникаютъ сквозь нее до подкожной клѣтчатки и дѣйствуютъ на кровь и нервную систему». Въ предохраненіи отъ солнца нуждается не кожа, а подкожная клѣтчатка, и черный пигментъ кожи играетъ въ этомъ случаѣ предохранительную роль. Но накопляющаяся въ черной кожѣ теплота не дѣлается невыносимою, потому что кожа негровъ обилуетъ жировыми клѣточками, и выдѣляемый ими жиръ отражаетъ часть тепловыхъ лучей, которые всецѣло поглощались бы кожею. Если въ жаркій день тропическаго лѣта дотронуться рукою до кожи негра, то получается ощущеніе прохлады. Такимъ образомъ, черный цвѣтъ кожи негровъ предохраняетъ ихъ отъ солнечныхъ ударовъ, а выдѣляемый ею жиръ умѣряетъ дѣйствіе тепловыхъ лучей.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Опо — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи

В. АУРИХА,
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Лиговская 44.

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-9.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГѢ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій, 68—40. ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Садовая ул., домъ Панченко.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.
ХИРЬЯКОВЪ А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.
КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 188. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Безцвѣтность нѣкоторыхъ естественныхъ водъ. Если разсмотрѣть чистую воду въ достаточно толстомъ слоѣ, можно замѣтить, что она имѣетъ голубую окраску; въ природѣ существуютъ нѣсколько водохранилищъ, вода въ которыхъ совершенно прозрачна и безцвѣтна. Къ такимъ принадлежитъ озеро Веттеръ въ Швеціи. Вода въ немъ вполнѣ безцвѣтна, особенно въ сѣверной части озера, но, по временамъ, темнѣетъ и становится непрозрачною. Естествоиспытатель Шпрингеръ уже ранѣе замѣтилъ, что прибавленіе ничтожнаго количества водяной окиси желѣза превращаетъ голубой цвѣтъ воды въ зеленый, и вывелъ изъ этого заключеніе, что при менѣе значительномъ содержаніи водяной окиси желѣза, вода, лишенная голубой окраски, должна казаться совершенно безцвѣтной, такъ какъ примѣсь желтой окиси этой слишкомъ мала для того, чтобы окрасить воду въ зеленый цвѣтъ. Его опыты, предпринятые въ малыхъ размѣрахъ, вполнѣ подтвердили предположеніе. Онъ не растворялъ влитую имъ окись желѣза (гематитъ) прямо въ водѣ, налитой въ высокій цилиндрическій стаканъ, но заставлялъ свѣтовые лучи, проходившіе сквозь водяной столбъ, отражаться отъ поверхности, окрашенной гематитомъ. Причину существованія подобныхъ безцвѣтныхъ водъ Шпрингеръ объясняетъ весьма значительнымъ распространеніемъ минерала гематита въ природѣ. Причиною измѣненія окраски воды въ озерѣ Веттеръ слѣдуетъ поэтому признать колебаніе процентнаго содержанія желѣзныхъ солей въ водѣ этого озера.

„ПОГРОМЪ“
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Аракчеева.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

LE TRÈFLE INCARNAT DE L·T·PIVER PARFUM A LA MODE

8036—7

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ

«ВОРТА»

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Кіевъ, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.

№ 2992

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

Островъ Пасхи открытъ въ 1722 году однимъ голландскимъ мореплавателемъ въ самый день св. Пасхи. Географы говорятъ, что капитанъ одного англійскаго судна видѣлъ этотъ островъ еще въ 1688 году. Знаменитый Кукъ посѣтилъ его въ 1774 году, а въ 1786 году Лаперузъ намѣтилъ его на картѣ. Это самый восточный островъ центральной группы тихоокеанскихъ острововъ и находится на разстояніи 4,000 верстъ отъ Вальпарайса. Площадь его равняется 118 квадр. километрамъ. Самъ по себѣ онъ представляетъ мало интереса, все населеніе его состоитъ изъ сотни-другой отшельниковъ, но особенно привлекаютъ вниманіе на немъ древніе памятники, которыми унизаны его берега. Изслѣдователь австралійскаго материка Вэръ-Бэрклей недавно сообщилъ лондонскому географическому обществу слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ этомъ островѣ. Вдоль его берега на огромныхъ цоколяхъ возвышаются каменныя статуи различной величины расположенныя цѣлыми рядами. Нѣкоторыя достигаютъ 25 метровъ вышины и вѣсятъ до 240 тоннъ. Бэрклей насчиталъ до пятисотъ статуй. Всѣ онѣ смотрятъ на океанъ; крайне любопытно въ нихъ то, что у большинства окончательно высѣчены лица, плечи и спины, и только у нѣкоторыхъ туловища все же остальное представляетъ безформенныя глыбы. На камняхъ видны надписи. Бэрклей привезъ снятыя имъ фотографіи съ этихъ загадочныхъ памятниковъ, о происхожденіи которыхъ туземные обитатели острова не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Во всякомъ случаѣ, ихъ сооруженіе несомнѣнно предпринято во времена глубокой древности. Всего болѣе поражаетъ въ этихъ громадныхъ статуяхъ ихъ незаконченность, какъ будто люди, когда-то надъ ними работавшіе, были внезапно застигнуты какимъ-нибудь катаклизмомъ, разомъ прекратившимъ ихъ существованіе. Какой цивилизованный народъ воздвигъ ихъ, быть можетъ, сотни вѣковъ тому назадъ — неизвѣстно. Бэрклей объясняетъ гибель его вулканическимъ переворотомъ, но въ подобномъ случаѣ едва-ли уцѣлѣли бы статуи и уже никакъ не сохранили бы вертикальнаго положенія. Вѣрнѣе всего допустить предположеніе, что нынѣшній островъ Пасхи составлялъ только малую часть большого архипелага, внезапно исчезнувшаго подъ водою вмѣстѣ со всѣми его жителями.

* * *

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

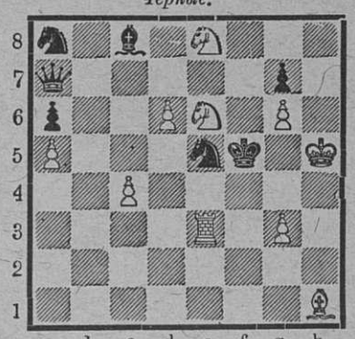
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 114.

Г. Репка (въ Прагѣ).

Второй призъ на конкурсѣ «Der Schachfreund».

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

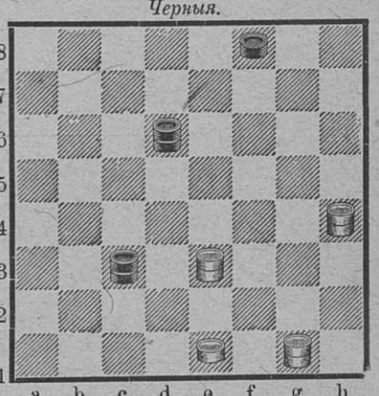
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЭТЮДЫ И КОНЦЫ ПАРТІЙ.

№ 53. В. Волгина (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Выигрышъ.

ПАРТІЯ № 24.

Играна въ Петербургѣ 22-го іюля 1896 г.

П. Н. Бодянскій (бѣлыя)—*А. И. Шошинъ* (черныя).

1. a3—b4, b6—a5; 2. b2—a3, c7—b6; 3. a1—b2, b6—c5; 4. e3—d4. c5:e3; 5. f2:d4, d6—c5; 6. d4:b6, a5:c7; 7. c3—d4, f6—g5; 8. b2—c3, g5—h4; 9. g3—f4, g7—f6; 10. d2—e3, h8—g7; 11. g1—f2, f6—g5; 12. f2—g3, h4:f2; 13. e1:g3, g5—h4; 14. c1—d2, h4:f2; 15. e3:g1, a7—b6; 16. b4—a5, g7—f6; 17. d2—e3, f6—g5; 18. c3—b4, g5—h4; 19. g1—f2, f8—g7; 20. f2—g3, h4:f2; 21. e3:g1, g7—f6; 22. g1—f2 (слѣдовало играть 22. h2—g3), h6—g5! 23. f4:h6, f6—e5; 24. d4:f6, e7:g5; 25. h6:f4, b6—c5; 26. b4:d6, c7:e1. Бодянскій сдался.

Редакторъ А. К. Шепперъ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . **8 р.** { **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. **7 р.** — Въ Москвѣ . **7 р. 75 к.**
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) **4 р.**—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) **2 р.** { **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . **16 р.** —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ **15** руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 19 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 16 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 7 мая 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Овщ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 20.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 20-го нумера.

Воскресенье, 16-го мая 1899 г.

Статьи:

*** Стихотвореніе Л. Родіонова. — „Есть на Волгѣ утесъ“. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). М. Уваръ. — *** Стихотвореніе А. Кондратьева. — „Надо учиться“. Разсказъ. Л. Авиловой. — „Одолженіе“. Разсказъ Джерома Джерома. (Пер. С. Воскресенской). — „Слуша-а-а-й!“ Повѣсть Матильды Серао. Переводъ Н. Шульгиной. (Продолженіе). — Домъ трудолюбія на Глухоозерской улицѣ. А. Фаресова. — Оноре Бальзакъ. Н Н—ва. — Эдуардъ Пальеронъ. — Къ рисункамъ. — Шашки и шахматы. — Объявленія.

Рисунки:

Цезарская забава. В. Д. Поленова. — Соперники. Ф. Хименеса. — Легкая ноша. А. Казакевича. — Голодная семья. Г. Зюсса. — Чаровница. До. — Монтезино. В. Гамахеръ. — О. Бальзакъ (2 рис.) — Буржуа. — Паунцефотъ. — Стааль. — Мюнстеръ. — Вельзергеймъ. — Изъ абиссинской жизни. — Абиссинская невѣста. — Абиссинскій солдатъ. — Э Пальеронъ. — Храмъ на Гутуевскомъ островѣ. — Внутренній видъ храма на Гутуевскомъ островѣ.

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей В. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1883. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ **ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ**

Косметика А. Энглундъ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ. С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.

3019

ВЕ-

ЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“
„BELGICA“
„АДЛЕРЪ“
„БРЕНАБОРЪ“
„ГРЕЙФЪ“

3007

отъ 100—200 руб.

имѣютъ на складѣ **Э. Кинкманъ и К°.**

С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

Большое депо часовъ
Невскій пр. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. Петербургъ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ

безъ боя отъ . . . . 120 до 300 руб.
съ боемъ „ . . . . 250 до 10,000 руб.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ

ТОВАРИЩЕСТВА

ЭЙНЕМЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Первая подводная лодка была изобрѣтена въ XVII столѣтіи. Французскій ученый того времени Бальтазаръ Монкони, уроженецъ города Ліона, путешествуя въ 1663 году по Англіи въ Страффордѣ близъ Лондона, посѣтилъ нѣкоего доктора Кейфера, который сообщилъ ему подробности устройства подводной лодки, изобрѣтенной его шуриномъ Дреббелемъ, умершимъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. «Дреббель, записалъ Монкони въ своемъ путевомъ дневникѣ, — придумалъ устроить корабликъ, по желанію находившихся внутри его людей, погружавшійся въ воду, гдѣ, при помощи особыхъ веселъ, приспособленныхъ къ его бокамъ съ обѣихъ сторонъ корпуса, онъ могъ свободно двигаться. Такимъ образомъ, онъ могъ плавать между двумя водами и не погружаться глубже 15 футовъ, такъ какъ тяжесть водянаго надъ нимъ столба не позволила бы ему вернуться на поверхность, и онъ потонулъ бы. Секретъ изобрѣтенія Дреббеля умеръ съ нимъ, у его зятя Крейфера сохранились только слѣдующія указанія: «Снарядъ въ девять или десять квадратныхъ вершковъ прикрѣпляется къ длинному шесту и, едва прикоснувшись обшивки судна, приводитъ въ движеніе особую пружину, воспламеняющую взрывчатый составъ, дѣйствующій съ такою силою, что судно, до котораго прикоснулся шестъ съ прикрѣпленнымъ къ нему снарядомъ, быстро опускается ко дну, какъ бы оно ни было велико. Самое же судно остается подъ водою невредимымъ, такъ какъ взрывъ происходитъ впереди его, на нѣкоторомъ разстояніи отъ его носа». Дреббель показалъ свое изобрѣтеніе Кромвелю, который хотѣлъ его купить, но смерть помѣшала ему. Послѣ смерти Кромвеля, англійскому королю отсовѣтовали воспользоваться изобрѣтеніемъ, съ теченіемъ времени могущимъ обратиться и противъ англійскаго флота.

Военныя собаки въ Африкѣ. Лондонскій корреспондентъ сообщаетъ въ послѣднемъ нумерѣ «Bulletin de la société protectrice des animaux» интересныя свѣдѣнія объ услугахъ, которыя военныя собаки оказали англійскимъ отрядамъ въ различныхъ экспедиціяхъ на юго-западъ Африки. Ими пользовались, главнымъ образомъ, на аванпостахъ, гдѣ даже за нѣсколько сотъ метровъ приближеніе непріятеля немедленно возвѣщалось ими. Идя впереди, особенно въ лощинахъ и въ чащахъ, эти спутники служили несравненно болѣе надежными и ловкими развѣдчиками, чѣмъ солдаты. Послѣ сраженій, они отыскивали мертвыхъ и раненыхъ и приносили послѣднимъ пищу въ мѣшкахъ, въ родѣ дорожной сумки. Поэтому ихъ назвали „санитарными собаками“.

Я УПОТРЕБЛЯЮ **ЭЛЕОПАТЪ**

ПР. КИНУНЕНА,

рекомендуется **какъ средство для волосъ, способствующее росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.**

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ **20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ**, что доказываетъ **его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинуненъ** имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 руб. Адресъ для писемъ **„Главный Складъ Элеопата Провизора Кинуненъ“**, въ С.-Петербургѣ Разъѣзжая № 13.

№ 3051-1

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ПРОТИВЪ ИЗЛИШНЕЙ ПОТЛИВОСТИ И ДЕЗОДОРИРУЮЩЕЕ
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/1 кус. 50 к. 1/2 кус. 30 к.

Главный складъ для всей Россіи у Г. Ф. Юргенсъ въ Москвѣ. № 2996

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи.
Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ
И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

КОНСУЭЛО.

(Consuélo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

«ИЗДАТЕЛЬ»,

Спб., Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

1865 1882 1896 1846

ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА

Т-во А. РАЛЛЕ и К°

МОСКВА.

КРЕМЪ-РАЛЛЕ

Банка 50 и 75 коп.

МЫЛО

УТРЕННЯЯ РОСА

кусокъ 20 коп.

МОСКВА. 1) Пассажъ, Солодовникова. 2) Тверская, д. Спиридонова.

С.-Петербургъ. Невскій, 18.

И ВЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 20. Воскресенье, 16-го Мая 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.

Цезарская забава. Картина художника В. Д. Полѣнова. Гравировалъ Творожниковъ.

* * *

Отчего я грустилъ, ты спросила меня.
Я грустилъ оттого, что весна хороша,
Что шумитъ вдалекѣ у заставы рѣка,
И поютъ соловьи и росиста трава.

Я грустилъ оттого, что прозрачная даль
Погасала въ лучахъ догоравшаго дня,
Что туманъ надъ рѣкой поднялся какъ печаль,
Какъ печаль о быломъ на душѣ у меня.

Л. Радіоновъ.

ЕСТЬ НА ВОЛГѢ УТЕСЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ)

Кто часто ѣздилъ по Волгѣ, тотъ знаетъ, что у нашихъ волжскихъ пароходовъ свои особенности и какъ бы свой характеръ. Пароходы — ова отличаются, напримѣръ, осмотрительностью и степенностію, идутъ они ровнымъ, медленнымъ ходомъ, не выдаваясь никакими другими достоинствами. Впрочемъ, когда-то давно они и во всякомъ отношеніи считались лучшими пароходами, но потомъ явились новички, которые ихъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣнили. — овы не пожелали слѣдовать модѣ; разсчитывая на невзыскательную степенную публику, они отличаются удивительной дешевизной, и осмотрительность и дешевизна несутъ имъ свое воздаянье; они всегда биткомъ набиты неторопливыми пассажирами 3-го и 2-го классовъ, въ числѣ которыхъ по какой-то случайности оказалась и я какъ-то разъ. Не разсчитывая скоро доѣхать до одной пароходной пристани, я ушла изъ совершенно пустого перваго класса внизъ во второй. Мнѣ пришлось проходить черезъ третій классъ, который, какъ и первый, помѣщался наверху. Я замѣтила, что онъ очень просторенъ и удобенъ, народу было много, но не тѣсно, у всякаго своя скамейка, на которой можно лечь, разставлены столы для чаепитія, ничѣмъ незамѣнимаго въ дорогѣ! Идешь и видишь, что всѣ себя такъ хорошо, спокойно чувствуютъ.

Во второмъ классѣ, куда мнѣ пришлось спускаться по неудобной лѣстницѣ, въ дамской каютѣ было людно, но также не тѣсно, однако, пахло сыростью и кушаньемъ; какъ это ни странно, на пароходѣ отзывалось русскою печью и напоминало столъ провинціальнаго купечества средней руки. Ѣхали же не купчихи, а учительницы, возвращавшіяся съ нижегородской выставки. Но изъ нихъ никто не жаловался ни на сырость, ни на кушанье, дешевизна не только всѣхъ подкупала, но прямо очаровывала. Къ тому же всѣ были въ восторгѣ отъ выставки; вытаскивали разныя мелкія вещицы, показывали ихъ другъ другу, любовались, съ увлеченіемъ разсуждали о слышанныхъ лекціяхъ, однимъ словомъ, всѣ были оживлены и заражены весельемъ. Время быстро летѣло, и, несмотря на то, что пароходъ шелъ медленно, мы незамѣтно доѣхали до приволжскаго городка В*. И только темнота да часы убѣждали насъ въ томъ, что было около полуночи.

Непріятно въ темную и дождливую ночь оставлять огромный и хорошо освѣщенный пароходъ, выходить на пристань одной и сидѣть въ конторкѣ въ ожиданіи лошадей. Я никакъ не думала, что кто-нибудь другой изъ пассажировъ также сойдетъ въ В. и съ удовольствіемъ замѣтила, что одна изъ дамъ, видимо, собиралась также выходить. Дорогой она почти все время спала, или не принимала участія въ разговорѣ, а потому я не успѣла съ ней познакомиться. Но, когда мы вдвоемъ очутились въ неопрятной и неуютной конторкѣ, за стѣной которой раздавалась игра на гармоникѣ и пьяные голоса, то почувствовали большую солидарность между собою.

Маленькая керосиновая лампочка слабо освѣщала бревенчатыя стѣны конторки и деревянныя скамьи, на которыхъ намъ предстояло провести ночь; не смотря на слабое освѣщеніе, мы съ моей сосѣдкой, замѣтивъ ползающихъ по стѣнамъ таракановъ, какъ-то невольно придвинулись другъ къ другу, и каждая про себя рѣшили не спать. Вѣроятно, чтобы легче привести въ исполненіе свое намѣреніе, мы принялись разсматривать другъ друга. И я замѣтила, что моя спутница сѣдая, востроносенькая, худенькая женщина съ пріятнымъ, но страдальческимъ лицомъ. Она тоже производила свои наблюденія надо мною. Но вскорѣ мы обѣ почувствовали сначала сильный толчекъ, а потомъ насъ стало качать вмѣстѣ со всею конторкой изъ стороны въ сторону. Своеобразный свистокъ возвѣстилъ намъ, что къ пристани подошелъ большой пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“. Мы вышли изъ конторки и увидѣли великолѣпное зрѣлище ярко освѣщеннаго парохода, разсѣкающаго во мракѣ ночи темныя волны великой русской рѣки. Проводивъ пароходъ, мы снова остались однѣ, обмѣнялись своими впечатлѣніями и разговорились какъ старыя знакомыя. Моя спутница спросила, далеко ли мнѣ ѣхать, и я предложила тотъ же вопросъ ей; оказалось, что ей вдвое дальше ѣхать, чѣмъ мнѣ, но по одной и той же дорогѣ. И мы рѣшили на разсвѣтѣ вмѣстѣ нанять лошадей, а пока занялись разговоромъ. Она сказала, что здѣсь, въ В, живетъ ея двоюродная тетка, большая оригиналка и вообще женщина, какихъ мало! Дочь небогатыхъ, но благородныхъ родителей, она воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, вышла оттуда съ шифромъ, прослыла первой красавицей и превосходною музыкантшей. Прямо изъ института, не заглянувъ въ В., гдѣ жили ея мать и сестра, она пошла въ гувернантки и вскорѣ же вышла замужъ за человѣка очень знатнаго и богатаго; настойчиво утверждали, что не богатство ее привлекаетъ и идетъ она не по разсчету, а по любви. Тогда ей не вѣрили, а потомъ пришлось повѣрить...

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вполнѣ счастливой и избалованной жизни моя родственница бросила мужа, дѣтей, и снова поселилась въ В, въ маленькомъ сѣренькомъ домикѣ, мимо котораго мы сегодня поѣдемъ. Вѣдь никому не придетъ въ голову, что въ нашемъ В. обрѣтается вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, мать N-ской губернаторши и губернскаго предводителя одной изъ западныхъ губерній. Однако, жители В. хорошо знаютъ и дорожную карету, и лошадей губернаторши; два раза въ годъ она съ дѣтьми пріѣзжаетъ навѣстить мать, весной проѣздомъ въ деревню и осенью на возвратномъ пути она останавливается на нѣсколько часовъ въ В., гдѣ въ скромномъ домикѣ ея ждетъ такой же скромный обѣдъ или завтракъ. Свиданіе матери съ дочерью и бабушки съ внучатами всякій разъ выходитъ натянутымъ. Дѣтей за нѣсколько дней готовятъ къ этому свиданію и внушаютъ имъ, чтобы они не удивлялись простой сервировкѣ обѣда, бѣдной одеждѣ бабушки и ея маленькимъ низенькимъ комнатамъ. Но они все продолжаютъ недоумѣвать при видѣ всего этого и только благодаря свѣтской дрессировкѣ скрываютъ свое удивленіе, почтительно подходятъ къ ручкѣ бабушки и произносятъ заранѣе заученныя привѣтственныя слова. И бабушка смотритъ на нихъ, какъ на какихъ-то маріонетокъ, и про себя съ неудовольствіемъ замѣчаетъ родственныя внѣшнія черты внучатъ съ дѣдомъ. Но какъ быть, нельзя же сказать дочери „не пріѣзжай“, и если бы та не заѣхала, то матери было бы очень и очень горько, потому что, какъ тамъ хотите, а въ маріонеткахъ-то течетъ ея кровь, да и маріонетки онѣ здѣсь, въ сѣренькомъ домикѣ, а какъ только сядутъ въ карету, начинаются оживленные разговоры.

— Мама, говоритъ младшая внучка,— отчего это мы бабушку не увеземъ къ себѣ; у насъ такъ хорошо.

На это мать всегда отвѣчаетъ:

— Бабушка привыкла къ своему домику и никакъ не хочетъ съ нимъ разстаться.

— А ты возьми ее вмѣстѣ съ домикомъ —настойчиво совѣтуетъ очень на-

ходчивый прехорошенькій пятилѣтній мальчикъ,—мы изъ домика сдѣлаемъ вагонъ, подкатимъ подъ него колеса и увеземъ бабушку къ намъ въ садъ... И я ее буду любить, прибавляетъ онъ съ нѣжнымъ увлеченіемъ,—вѣдь она твоя мама!

Вслѣдъ за младшими начинаютъ высказываться старшія дѣти.

— Не правда ли, мама, замѣчаетъ дѣвочка лѣтъ тринадцати, бѣлокурая, блѣдная, съ греческимъ профилемъ и съ задумчивыми сѣрыми глазами,—вѣдь тебѣ грустно, что бабушка насъ всѣхъ какъ-то не любитъ. И отчего это мы никогда ничего не дарили бабушкѣ? Дѣдушка, твой папа, вѣдь какой богатый, а все-таки ты ему всегда что нибудь даришь, и еще такое хорошее, а бѣдной бабушкѣ букетъ бѣлыхъ розъ и ничего больше!

Эти дѣтскіе разговоры, разумѣется, растравляютъ старыя раны губернаторши, и она, какъ бывало въ дѣтствѣ, готова плакать о томъ, что между ею и ея родной матерью выросла какая-то каменная стѣна. И эта мать, — существо такое чистое, мирное, почти святое; хотѣлось бы носить ее на рукахъ, а не смѣешь ей привезти ничего—никакихъ пустяковъ... А главное печально то, что приходится въ разговорѣ съ ней избѣгать упоминать о дорогомъ отцѣ, который всегда произносилъ имя возненавидѣвшей его жены со слезами въ голосѣ и съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ. Онъ не иначе называлъ ее какъ „святой страдалицей“. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ они навѣки разстались. Это случилось во время путешествія ихъ заграницей, въ Дрезденѣ. Они только что пріѣхали въ этотъ городъ и остановились, разумѣется, въ лучшемъ Hôtel'ѣ, заняли всѣ лучшія комнаты, потому что съ ними были двое маленькихъ дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, а при дѣтяхъ француженка и англичанка сверхъ того нѣмка-горничная и русскій лакей. Это было не первое ихъ путешествіе заграницей, но въ Дрезденѣ тетка была въ первый разъ, и ей очень хотѣлось осмотрѣть какъ слѣдуетъ пользующуюся всемірной извѣстностью картинную галлерею, полюбоваться Сикстинской Мадонной, или, вѣрнѣе, преклониться передъ нею. Въ жаркое іюльское утро, они съ мужемъ собрались ѣхать въ Цвингеръ. Одѣтая въ изящное бѣлое платье, отдѣланное дорогимъ кружевомъ, въ бѣлой пелеринѣ и съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукахъ, она вышла на балконъ полюбоваться видомъ на Эльбу, на городъ и задумчиво опустилась въ кресло въ ожиданіи мужа. Въ то время она была красива, потому что глубокое сознаніе своего счастья сообщало мягкость ея правильнымъ, строгимъ чертамъ лица, и смѣлые, широко открытые стальнаго цвѣта глаза свѣтились какимъ-то тихимъ внутреннимъ свѣтомъ и были устремлены на дверь; она ждала появленія мужа. Однако, онъ что-то не шелъ, и она сама пошла его разыскивать. Нѣтъ сомнѣнія, онъ въ дѣтской, и, забывъ все на свѣтѣ, играетъ со своими любимцами-дѣтьми. У нея явилась мысль взять съ собой и дѣтей въ Цвингеръ. Она заглянула къ дѣтямъ. Бѣлокурая, нарядная дѣвочка и смуглый, краснощекій мальчикъ съ такимъ вниманіемъ слушали разсказъ своей англичанки, что ей жаль было имъ мѣшать. Но все же она спросила англичанку: „А гдѣ же Louise?“ Англичанка почтительно отвѣчала, что и сама не знаетъ, думая, что француженка послана куда-нибудь своей госпожею. Тогда тетка пошла дальше и хотѣла было отворить дверь въ „туалетную“ или, какъ въ то время называли, „уборную“ своего мужа, но остановилась у дверей какъ вкопаная; въ туалетной она услышала сдержанный страстный шопотъ своего мужа на французскомъ языкѣ и протяжный звукъ поцѣлуя. „Неужели измѣна?— мелькнуло у нея въ головѣ,—и еще съ кѣмъ, съ бонной?“ Она чуть не упала и крѣпко держалась за ручку двери. А передъ нею стоялъ лакей, со стакановъ воды и бутылкой какого-то краснаго вина на серебряномъ подносѣ, которыя онъ, очевидно, несъ своему барину. Это былъ старый, преданный слуга; по лицу своей барыни онъ понялъ, что она слышала. Онъ не смѣлъ ничего сказать, но взглянулъ на нее такимъ умоляющимъ взглядомъ. Она отняла свою руку отъ ручки двери, за которой теперь слышался предательскій смѣхъ, взяла стаканъ воды съ подноса и выпила его залпомъ.

— Велите мнѣ поскорѣе подать карету, сказала она лакею,— я поѣду въ Цвингеръ одна.

„Одна, думала она черезъ нѣсколько минутъ, сидя уже въ каретѣ; теперь я одна на всю жизнь, потому что я уже ни ему и никому на свѣтѣ не въ состояніи вѣрить и никого не могу любить“, дальше мысль ея не шла, она забилась въ уголъ кареты и сидѣла, закинувъ голову; ей хотѣлось ничего не понимать, ни о чемъ не думать и все только ѣхать, ѣхать и ѣхать. Она болѣзненно вздрогнула, когда карета остановилась, и была непріятно поражена тѣмъ, что дверцу отворилъ ей собственный лакей, которому она не приказывала сопровождать себя въ Цвингеръ. Но онъ посмотрѣлъ на свою барыню такими виноватыми глазами, и она снисходительно-грустно ему улыбнулась. При входѣ въ Цвингеръ тетка остановилась и подумала: „А вѣдь я, въ эту минуту, совершенно не въ состояніи осматривать картины и отчего мнѣ не пришло въ голову ѣхать въ русскую церковь?“ Потомъ она вспомнила о Мадоннѣ Рафаэля и нашла въ себѣ силы взглянуть хотя на это величайшее произведеніе искуства. Но невозможно было прямо попасть въ ту комнату, гдѣ помѣщалась Мадонна. Необходимо было пройти другія картинныя галлереи и не просто пройти, но останавливаться, смотрѣть картины и слушать объясненія.

Два часа тому назадъ она мечтала, какъ пріятно будетъ осматривать Цвингеръ вмѣстѣ съ мужемъ, который все это такъ прекрасно знаетъ, отличается такимъ тонкимъ вкусомъ, и еще пріятнѣе чувствовать, какъ желаетъ онъ просвѣтить ее, доставить ей удовольствіе. Теперь одна безъ мужа, она чувствовала себя въ картинной галлереи, какъ въ лѣсу, и какъ будто ничего не понимала, ничего не чувствовала, ясно сознавая одно, что такъ же тяжело и скучно будетъ ей теперь въ жизни.

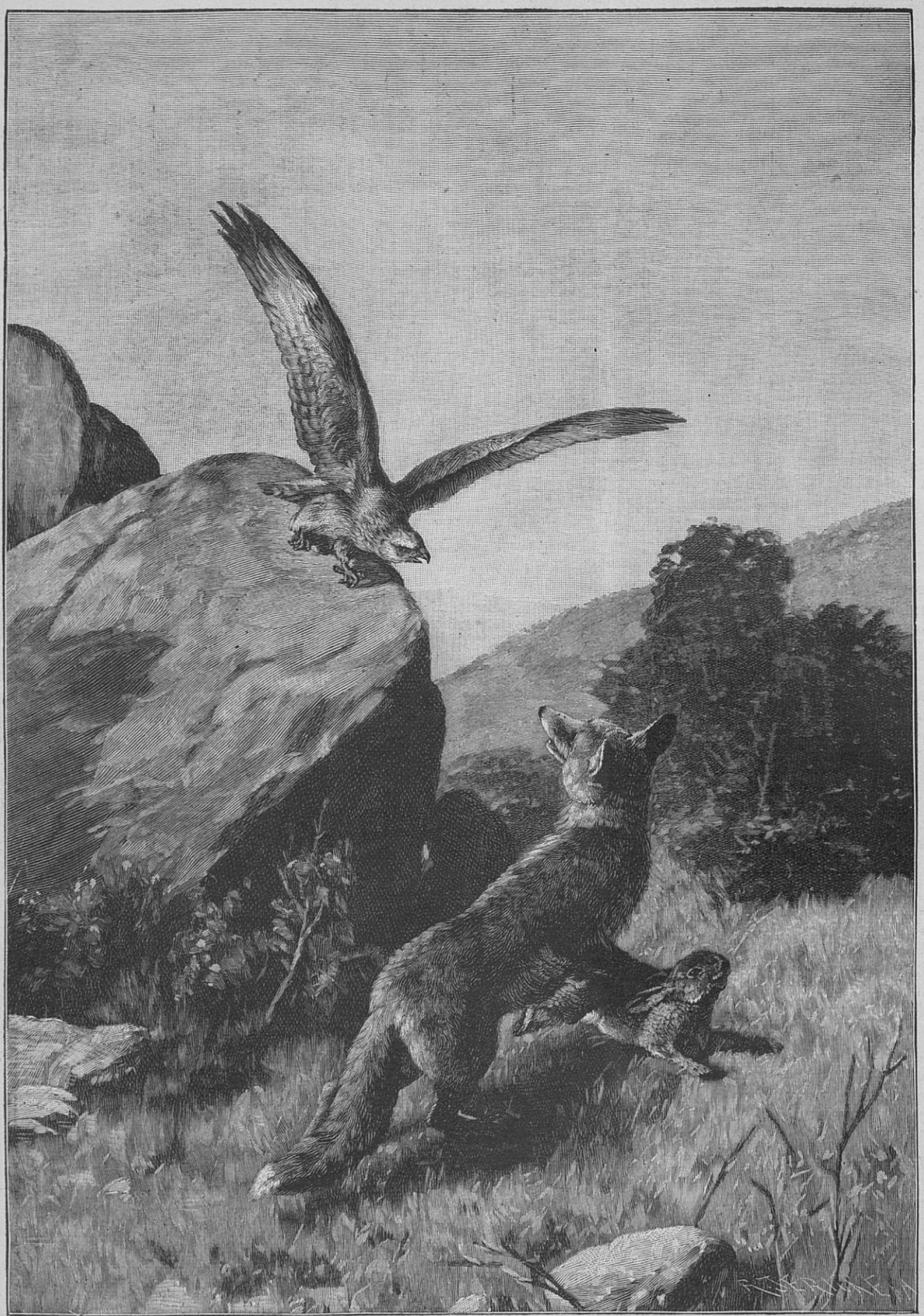
Наконецъ, послѣ долгаго странствованія она, вслѣдъ за другими, осторожно вошла въ ту комнату, въ которой находилась знаменитая мадонна; передъ Мадонной стоялъ бюстъ Рафаэля и у противоположной стѣны бархатныя скамейки, на которыхъ никогда никто не сидитъ...

Здѣсь моей спутницѣ пришлось прервать свой разсказъ, потому что опять подошелъ еще пароходъ къ пристани и насъ опять начало качать; мы вышли изъ душной конторки, потому что начало разсвѣтать. Я воспользовалась перерывомъ разсказа, чтобы выразить свое удивленіе разсказчицѣ: откуда ей такъ хорошо извѣстны всѣ эти подробности. Оказалось, что она ихъ вычитала въ дневникѣ тетки. Особенно ей врѣзались въ память впечатлѣнія тетки при видѣ Мадонны. Отрадно въ минуты полнаго разочарованія земнымъ видѣть или ощущать присутствіе чего-нибудь неземного. Въ комнатѣ Мадонны какъ бы ни было много людей, всегда какая-то торжественная тишина, которую всякій не только соблюдаетъ, но также ревниво оберегаетъ.

Очень немногіе рѣшаются тамъ сѣсть; всѣ стоятъ. Молодая женщина въ этой комнатѣ на минуту не только отвлеклась отъ своей печали, но почувствовала, что возвысилась до пониманія идеи картины Рафаэля. Пресвятая Дѣва изображена на ней спускающейся съ облаковъ на землю съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ. Немногимъ понятно выраженіе лица Богородицы. Оно кротко, безмятежно и въ то же время полно скорби и ужаса, передъ раскинувшейся передъ нею земной юдолью. Страшную скорбь выражаютъ и лица ангеловъ, при видѣ Спасителя, идущаго въ міръ. „А безпомощному человѣку, думалось молодой женщинѣ, жить становится страшно“. Она ужасалась при мысли о возвращеніи домой. Она чувствовала, что ей невыносимо говорить съ мужемъ иначе, чѣмъ прежде, видѣть и слушать его безъ прежняго полнаго довѣрія и беззавѣтной преданности. Но что дѣлать? Въ Дрезденѣ, да и вообще заграницей у нея нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ. Она безповоротно рѣшила ѣхать въ Россію къ матери, но даже не знала, сколько стоитъ дорога отъ Дрездена до приволжскаго городка В. Здѣсь она опять вспомнила о русской церкви и, отпустивъ карету и лакея домой, наняла фіакръ. Священникъ, конечно, употребилъ всѣ усилія примирить тетку съ мужемъ и совѣтовалъ по христіански его простить. Однако, ему не удалось даже склонить ее къ свиданію съ мужемъ. Она и сама была готова отдать жизнь за эти два слова забыть и простить, но не могла произнести ихъ и тогда, когда передъ нею стояли на колѣнахъ ея дѣти, которыхъ привели съ нею проститься. Какъ безумная, твердила она дѣтямъ: „у васъ нѣтъ больше мамы, ваша мама умретъ, забудьте маму“. Пріѣхавъ въ В., она была близка къ помѣшательству, и мать съ сестрою принуждены были везти ее въ Казань и совѣтоваться съ докторами. Но вскорѣ она пришла въ себя, и тогда, разумѣется, первая мысль ея была о дѣтяхъ. Мужъ ни за что на свѣтѣ не отпуститъ ихъ отъ себя; она же не можетъ вернуться къ нему; между ними навсегда все кончено. Она умолила свою мать поѣхать къ зятю и замѣнить мать ея дѣтямъ. Бабушка была въ то время здорова и бодра, а потому согласилась на просьбу

дочери тѣмъ болѣе потому, что зять также, съ своей стороны, трогательно звалъ ее къ „своимъ сиротамъ". Съ матерью уѣхала и младшая сестра, которую зять вскорѣ выдалъ замужъ за своего племянника. А наша молодая отшельница поселилась здѣсь и стала жить на свои скудныя средства, не желая пользоваться средствами человѣка, такъ глубоко оскорбившаго ея первое лучшее чувство. Въ В—скомъ уѣздѣ, и даже во всей губерніи, эта семейная драма не могла не произвесть громаднаго впечатлѣнія, одно время, кажется, всѣ о ней только и говорили. И въ это время моя тетка жила здѣсь въ полномъ уединеніи, занимаясь музыкой, чтеніемъ, рукодѣльемъ, потомъ мало-по-малу пришлось возобновить сношенія съ людьми.

Во всякомъ случаѣ она начала новую жизнь, жизнь женщины-труженицы; она хорошо знала музыку и три иностранныхъ языка—французскій, нѣмецкій и англійскій, читала и говорила по-итальянски. Эти знанія сдѣлали ее сущимъ кладомъ для В., его близкихъ и даже далекихъ окрестностей; богатымъ она давала уроки за деньги, а бѣдныхъ учила даромъ. Многія дѣвушки, благодаря ей, основательно выучились языкамъ и теперь зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба. На свои заработанныя крохи она перестроила и отдѣлала свой домикъ въ В. и устроила пансіонъ для дѣвицъ. И представьте, къ ней охотно отдавали дочерей даже богатыя помѣщики и купцы, не-



Соперники. Съ картины художника Ф. Хименеса.

смотря на то, что она не жила съ мужемъ. А вѣдь въ тѣ времена, говорятъ, на разводокъ на улицѣ показывали пальцемъ. Да я и сама ей такъ многимъ обязана и благодарна. Кажется, все бы на свѣтѣ я для нея сдѣлала, а не скажу, чтобы я ее любила.

Слушая этотъ разсказъ, я все время была поглощена имъ и очень мало обращала вниманія на самую разсказчицу, несмотря на то, что давно уже разсвѣло, но послѣднія слова были сказаны какъ-то совсѣмъ особенно, въ припадкѣ какого-то страдальческаго изнеможенія. Я замѣтила:

— Вѣрно, вы употребили много усилій полюбить вашу уважаемую тетушку?

— Да, — отвѣтила она, съ какимъ-то отчаяніемъ,—и никакъ не могла. Что-то въ ней есть жестокое, несмотря на то, что она никогда не перестаетъ дѣлать добро.

Знаете ли, она вся точно выточена изъ слоновой кости и въ этихъ стального цвѣта глазахъ съ холоднымъ блескомъ стали и тонкихъ губахъ такъ мало человѣческаго. Вотъ уже много лѣтъ она не старѣетъ, не сѣдѣетъ, и волосы ея все остаются густыми, какъ прежде, и все также удивительно ровно заплетена ея коса и точно прибита къ головѣ гвоздями. Тетка сама сознаетъ, что давне уже окаменѣла, и говоритъ: „развѣ я живу, я только работаю“.

Здѣсь разсказъ былъ снова прерванъ появленіемъ ямщика, который пришелъ

Легкая ноша. Съ картины художника А. Козакевича.

рядится везти насъ по домамъ. Сначала, конечно, онъ заломилъ съ насъ втридорога, и много прошло времени, добрыхъ часа два, до тѣхъ поръ, пока мы, наконецъ, усѣлись въ тарантасъ и проѣхали мимо дома героини разсказа. Моя спутница заявила, что не рѣшается такъ рано безпокоить свою родственницу. Дѣйствительно, въ двухъ-этажномъ сѣренькомъ домикѣ шторы были еще спущены и дворникъ только открывалъ ставни внизу, гдѣ, очевидно, находилась кухня и помѣщеніе для прислуги. Онъ узналъ мою спутницу и отвѣсилъ ей подобающій поклонъ; очевидно, ожидая, что она войдетъ въ домъ, онъ стоялъ передъ нами съ шапкою въ рукахъ. Но пока моя спутница объясняла дворнику, почему она не можетъ теперь зайти, а велитъ передать поклонъ тетенькѣ, я всматривалась въ домъ; мнѣ бросилась въ глаза только что выкрашенная зеленой краской желѣзная крыша, и домикъ оказался совсѣмъ ужь не такой маленькій, какимъ я его себѣ представляла; я насчитала семь оконъ въ рядъ; за домомъ былъ раскинутъ такой тѣнистый садъ, какъ мнѣ казалось, изобилующій ягодами и фруктовыми деревьями.

— Все это могло быть бѣдно и жалко только въ глазахъ людей, привыкшихъ къ большой роскоши, — замѣтила я вслухъ, когда мы нѣсколько отъѣхали отъ дома.

— Это правда,— отвѣчала моя спутница.—Дѣти тетки, можно сказать, милліонеры.—И она принялась было описывать мнѣ ихъ несмѣтныя богатства. Но я перебила ее вопросомъ объ отношеніи обладательницы сѣренькаго домика къ дѣтямъ. Она сказала: „Сначала тетя, казалось, имѣла твердое намѣреніе руководить издали ихъ воспитаніемъ и образованіемъ, бабушка и англичанка, состоявшая при дѣтяхъ, каждый день писали ей письма, но вскорѣ она увидѣла, что все же дѣтей ея онѣ ведутъ по своему, и она имъ своимъ вмѣшательствомъ еще портитъ дѣло. Мало-по-малу, переписка приняла болѣе скромные размѣры и ея стали увѣдомлять только о какихъ-нибудь болѣе крупныхъ событіяхъ въ жизни дѣтей: была корь; выдержалъ экзаменъ; ѣдетъ заграницу; дочь твоя обѣщаетъ сдѣлаться красавицей, и т. д. Дѣти твои тебя помнятъ, любятъ и горячо о тебѣ молятся... Что касается мужа, то, согласно своему настойчивому желанію, она о немъ ничего не знала; однако, намъ было извѣстно, что француженку-бонну, сдѣлавшуюся причиной его семейнаго горя, онъ тотчасъ же прогналъ. Трудно предположить, чтобы его жизнь прошла вся безъ новыхъ увлеченій, но въ домѣ-то все обстояло такъ, какъ будто хозяйка не надолго отлучилась и сейчасъ займетъ свое настоящее мѣсто. Она же не пріѣхала въ домъ и къ свадьбѣ дочери, сказавъ, что давно отвыкла отъ всѣхъ этихъ пышныхъ церемоній. Прежде къ ней разъ—два въ годъ мать привозила дѣтей, какъ теперь дѣти привозятъ внучатъ, но эти натянутыя свиданія между близкими людьми, только обоюдная мука. Однако, какъ тамъ ни говори, они оказали свою долю вліянія и на дочь, и на сына. Искреннее презрѣніе къ свѣтской мишурѣ, ко всему внѣшнему и уваженіе къ труду очень часто заставляли задумываться и дочь, и сына надъ вопросами, отъ которыхъ другихъ отвлекаетъ „вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая жизнь“, а потому изъ нихъ обоихъ и вышли незаурядные свѣтскіе люди. Кто знаетъ, можетъ быть теперь они и сблизятся съ матерью, потому что ихъ отецъ, виновникъ разъединенія, скончался. Недавно дочь пріѣхала въ В. въ траурной каретѣ. По глубокому трауру дочери и ея семейства тетушка, конечно, догадалась о кончинѣ своего мужа, но и тогда не проронила она о немъ ни одного слова. Однако, дочь не выдержала и со слезами на глазахъ сообщила матери о смерти отца“.

— Другъ мой,— отвѣтила мать, для меня онъ такъ давно умеръ, что я привыкла къ этому! Черезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія дочерью къ ней пріѣхалъ сынъ и какъ-то грустно и робко напомнилъ, что по закону ей принадлежитъ часть очень большого наслѣдства. Тетушка согласилась взять свою часть, какъ бы повинуясь закону, и дѣти радовались, что хотя подъ конецъ жизни ихъ мать поживетъ какъ слѣдуетъ. Но, вступивъ во владѣніе имуществомъ, она тотчасъ же подѣлила его между своими внучками поровну, а сама продолжаетъ жить въ В. по старому и объясняетъ свое предпочтеніе внучкамъ передъ внуками тѣмъ, что съ каждой изъ нихъ можетъ случиться нѣчто подобное ея несчастью; тогда понадобятся свои независимыя средства, а къ труду онѣ, вѣроятно, не привыкли. Мальчики — дѣло другое, и т. д.

Когда моя спутница кончила свой разсказъ, мы приближались уже къ усадьбѣ моихъ родственниковъ. И я была удивлена тѣмъ, что не видѣла знакомыхъ мнѣ селъ, черезъ которыя мы должны проѣхать. Точно проснувшись послѣ глубокаго сна, спрашивала я кучера: гдѣ жъ Воротынецъ, Майданы? а онъ же только смѣялся: давно проѣхали! Но еще удивительнѣе было то, что я совсѣмъ не замѣтила перѣзда на паромѣ черезъ Суру. Однако, въ эту минуту болѣе всего удивила меня моя спутница, считавшая свою тетку жестокой. Она покраснѣла и какъ-то вся съежилась, когда я ей это высказала, и отвѣтила мнѣ не сразу, а собравшись съ духомъ: „Потому считаю жестокой, что я своему мужу и не то прощаю, и не одинъ разъ, не два“.—Я замѣтила ей: „Какъ прощаете? вы отъ него не ушли, а чувства ваши къ нему развѣ не измѣнились?“ Она смутилась, задумалась и процѣдила: „Разумѣется, теперь все не то, но конечно...“ „Конечно, подсказала я, вы по востребованію, чтобы ее не огорчить, говорите о своихъ неизмѣнныхъ къ нему чувствахъ“. И она шопотомъ подтвердила: „Да, говорю, когда надо успокоить человѣка, утѣшить“. Объ мы замолчали. Мнѣ съ поразительной ясностью припомнился такой случай. Къ постели безнадежно больного ребенка позвали одного доктора; онъ, осмотрѣвъ ребенка и высказавъ свое мнѣніе о безнадежности больного, безполезности лѣченія, уѣхалъ. Пригласили другого, который тоже тотчасъ понялъ, что все уже кончено, но этотъ другой прописалъ, однако, рецепты и утѣшалъ близкихъ тщетной надеждой. Уже послѣ смерти мальчика мать его, встрѣтивъ перваго доктора, упрекнула его за отсутствіе состраданія и восхваляла передъ нимъ доброту второго доктора. Первый докторъ на это замѣтилъ: „Вотъ видите ли, доброта, вѣроятно, бываетъ различная, одинъ изъ доброты можетъ прописывать лѣкарства, сознавая ихъ безполезность, и поддерживать надежду съ большимъ искусствомъ, скрывая свое убѣжденіе, а другой именно изъ доброты-то ни того, ни другого сдѣлать не можетъ. То же относится и къ любви!“ Мою спутницу, мой разсказъ, кажется, привелъ въ большое смущеніе, такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ по ея совершенно растерянному виду. Въ это время мы въѣхали во дворъ усадьбы, и меня выбѣжали встрѣчать родные. Она же, погруженная въ свои мысли, воспоминанія и соображенія, простилась со мной и кивнула головой моимъ родственникамъ какъ-то совсѣмъ машинально. Я посмотрѣла вслѣдъ удаляющемуся тарантасу и подумала: черезъ часъ она будетъ спрашивать, чего добраго, у кучера: гдѣ та дама, что ѣхала со мною? Очевидно, она не замѣчала меня въ минуты раздумья, какъ и я, слушая ея разсказъ, не видѣла Воротынца, Майданъ и Суры съ ея переправой и татарами.

Но это все ничего! Пусть только она продолжаетъ прощать, пока можетъ, слѣдуя доброму совѣту Некрасова: „Прощай, пока прощается, и Богъ тебѣ судья!“

М. Уваръ.

* * *

Ладья готова. Гребцы у веселъ.
Прощайте, други. Отъ васъ я ѣду.
Свои сомнѣнья я прочь отбросилъ.
На гибель ѣду иль на побѣду!

Пусть мнѣ навстрѣчу шумятъ буруны,
Пусть вѣтеръ злится, волной играя,
И наши мачты поютъ какъ струны —
На бой стихіи я вызываю!

Лети же, лодка! Лети быстрѣе!
Судьбѣ наперекъ, навстрѣчу волнамъ.
О счастьѣ прошломъ я не жалѣю—
Я ѣду съ сердцемъ, надежды полнымъ!

А. Кондратьевъ.

НАДО УЧИТЬСЯ.

Разсказъ.

Смотри-кась, — барыня... Должно быть важная. Сама спитъ, а у самой на руки перчатки натянуты.

— Матерія-то на платьѣ—съ искрой! Платкомъ накрылась: холодно.

Двѣ дѣвочка одновременно толкнули другъ друга локтями и сдержанно расхохотались.

— Тише, разбудишь, — сказала та, которая казалась постарше и, переставъ смѣяться, степенно усѣлась на мягкій диванъ вагона II класса и сдѣлала серьезное лицо.

Дѣвочкамъ было на видъ лѣтъ по десяти-одиннадцати. Изъ-подъ ваточныхъ шубокъ выглядывали подолы ситцевыхъ платьевъ, головы были повязаны байковыми платками съ бахромой. У обѣихъ въ рукахъ было по корзинѣ, которыя онѣ бережно держали передъ собой.

Но шопотъ и смѣхъ уже разбудили важную барыню, и она открыла глаза, удивленно приглядываясь къ дѣтямъ.

— Дѣвочки, — сонным голосомъ окликнула она ихъ. — Вы что? Продаете что нибудь?

Дѣти повернули другъ къ другу свои свѣжія кругленькія лица и сдержанно фыркнули.

— Слышите, что-ли? Что у васъ въ корзинахъ?

Дѣвочки лукаво переглянулись, потомъ старшая искоса поглядѣла на важную барыню и поджала губы, дѣлая серьезное лицо.

— Книги, — важно сказала она.

— Какія книги? — удивленно спросила дама и приподнялась на локтѣ. — Я думала, вы пряники продаете или апельсины.

Дѣвочки опять фыркнули.

— Мы въ школу ѣдемъ, — неожиданно заявила старшая.

— Это ночью-то въ школу?

— Какая теперь ночь! Теперь шесть часовъ утра.

— Ну, все равно. Гдѣ же ваша школа?

— А въ Козловѣ.

— А это какая была станція?

— Эта-то? Развѣ вы не знаете? Александро-Невская.

Барыня окончательно проснулась, встала и, зѣвая, стала оправлять растрепавшуюся прическу.

— Скоро теперь Козловъ? — спросила она.

— Еще два часа ѣзды, — сказала дѣвочка и бойко перечислила всѣ станціи и полустанки.

— Вы, что же, на Александровскую въ гости пріѣзжали?

— Зачѣмъ въ гости? Мы здѣсь живемъ, а въ Козловъ ѣздимъ въ школу.

— Каждый день? — удивленно вскрикнула дама и уронила шпильку.

— А то какъ же? — спокойно отвѣтила дѣвочка.

— Каждый день?—продолжала удивляться дама. — Когда же вы возвращаетесь?

— Поѣздъ изъ Козлова въ 7, а дома — въ 9.

— Гдѣ же вы обѣдаете? Въ школѣ?

— А вотъ онъ, нашъ обѣдъ, — сказала дѣвочка и похлопала рукой по свертку, который лежалъ въ корзинѣ.

— Ай-ай! — сказала дама и покачала головой. — А это твоя сестра?

Обѣ дѣвочки расхохотались такъ, какъ будто услыхали что-то чрезвычайно смѣшное, или нелѣпое.

— Какая же она мнѣ сестра? — сказала, наконецъ, старшая. — Она Душкина, а я Шевелева.

— Ну, я не знала! — стараясь оправдаться, сказала дама. Она протяжно зѣвнула и опять улеглась на диванъ.

— Въ которомъ же часу вы встаете?

— Въ пять. Намъ на машину близко: мы служащіе.

— Вотъ что: служащіе. А ложитесь не раньше десяти? Дома, небось, какъ вернетесь, ужинаете?

— Ѣдимъ, что отъ обѣда остается. Чай пьемъ. А еще уроки готовимъ.

— На поѣздѣ бы готовили.

— А какъ же на поѣздѣ писать? — спросила дѣвочка и засмѣялась.

Дама удивленно глядѣла на дѣтей.

— Не спятъ, не ѣдятъ, а веселыя какія, — ласково замѣтила она. — Такъ вдвоемъ и ѣздите?

— Нѣтъ, насъ пятеро съ Александро-Невской. Еще три мальчика съ нами.

Меньшая дѣвочка соскользнула съ дивана и юркнула въ сосѣднее отдѣленіе.

— Вы изъ одного класса? — спросила дама, провожая ее глазами.

— Нѣтъ. Я во второмъ, а она въ первомъ.

— Надоѣло вамъ ѣздить? Тяжело вставать по утрамъ?

Кругленькое личико приняло вдумчивое, почти строгое выраженіе, и темные глаза перестали смѣяться.

— Надо! — сказала дѣвочка. — Нельзя не учиться, а въ Александровской у насъ своей школы нѣтъ.

Меньшая дѣвочка опять юркнула въ отдѣленіе и молча усѣлась рядомъ съ подругой. Вслѣдъ за ней въ дверяхъ показались три мальчика, изъ которыхъ старшему на видъ можно было дать лѣтъ тринадцать.

— Здравствуйте! — громко сказалъ этотъ старшій, приподнимая свою высокую барашковую шапку, а глаза его при этомъ привѣтствіи блеснули задоромъ и смѣшливостью.

— Здравствуй! — отвѣтила дама. — Сейчасъ видно, что ты шалунъ.

— А что я сдѣлалъ? — задорно спросилъ мальчикъ.

— Да ужь я знаю, что ты шалишь и дерешься.

— Это вы про то, что я давеча этого по затылку съѣздилъ? Такъ то въ шутку.

— Нѣтъ, онъ дерется, — убѣжденно вступилась дѣвочка.

— Про него всѣ скажутъ, что озорникъ.

— Вотъ это не хорошо! — сказала дама.

— Да что она вретъ! — возмущенно вскрикнулъ мальчикъ. — Вы ей не вѣрьте: она плакса.

— Шевелева плакса! — закричалъ другой мальчикъ и залился звонкимъ, подзадоривающимъ смѣхомъ.

— А ты молчи! — сказала дѣвочка и густо покраснѣла. — Ты старше всѣхъ, а Васька тебя перегналъ.

— Онъ, правда, старше, — сказалъ мальчикъ въ барашковой шапкѣ, указывая на своего товарища.—А я и ростомъ выше и классомъ его опередилъ.

— Ну, хвастай, — обиженно остановилъ его товарищъ. — Классомъ опередилъ! Много ты знаешь! Таблицы не знаешь!

— Не то что твою таблицу, а именованныя знаю. Какую хочешь задачу рѣшить могу.

— Драться ты гораздъ!

— А тебя какъ зовутъ? — спросила дама

— Меня-то? Василіемъ, — сказалъ высокій мальчикъ.

— Нѣтъ. Старшаго-то вашего?

— Дмитрій онъ. Митька Валуховъ.

— Ну, Митя, скажи: сколько семью восемь?

— Да неужели не знаю? — обиженно заговорилъ Митя. — Вы объ этомъ у дѣвчонокъ спрашивайте.

— Мы не учили! — испуганно заявила младшая дѣвочка и спрятала свое лицо въ спинку дивана.

— Ихъ развѣ чему учатъ? — презрительно замѣтилъ Вася. — Онѣ въ школѣ чулки вяжутъ.

— Ну, Вася! рѣши задачу...

Дама на минуту задумалась.

— Слушай: два берковца, три пуда муки насыпали въ мѣшки, но...

Но она не успѣла договорить: Вася махнулъ рукой и выскользнулъ изъ отдѣленія. Дѣти расхохотались.

— Нѣтъ, онъ, правда, озорникъ, — сказала Шевелева, дѣлая серьезное лицо.

— А этотъ что все молчитъ? — спросила дама, указывая на меньшаго мальчика.

— Не выспался, знать! — послѣ короткаго соображенія сказалъ Митя и засмѣялся, любуясь сконфуженнымъ видомъ товарища.

— А правда, дѣти, — замѣтила дама, — отчего вы не спите въ вагонѣ? Два часа ѣзды... Можно было бы соснуть.

— Нѣтъ, ужь не хочется, — лѣниво потягиваясь, отвѣтилъ Митя.—Просыпаться трудно: глаза-то пялишь, пялишь... Словно они у тебя слиплись. А встанешь — такъ ужь ничего. Да и въ вагонахъ тѣснота бываетъ: не то что спать, присѣсть негдѣ. Зачастую стоя ѣдемъ.

— И неужели такъ всю зиму, каждый день, по четыре часа въ дорогѣ? И никогда не обѣдаете горячимъ?

— По воскресеньямъ дома, да когда праздники случаются. Праздникамъ мы рады!

Дѣти притихли и молча глядѣли на даму. Вернулся Вася, но уже не пробрался впередъ, а всталъ позади товарищей.

— Пойдемте туда! — шепнулъ онъ Митѣ, очевидно, опасаясь того, что разговоръ приметъ нежелательный для него оборотъ.

Мальчики убѣжали, а Шевелева еще долго глядѣла на свою новую знакомую серьезными вдумчивыми глазами, но потомъ схватила за руку свою меньшую подругу и увлекла ее куда-то за собой.

Дама поправила подушку, улеглась поудобнѣе и закрыла глаза. Поѣздъ мчался, отбивая тактъ какого-то безконечнаго однообразнаго мотива. Издали, съ локомотива, донесся протяжный свистокъ, и тогда темпъ началъ сбиваться, становиться медленнѣе... Подходили къ станціи.

„Какая это?“ — подумала дама. И ей

вспомнился голосокъ дѣвочки и ея степенное выраженіе, когда она перечисляла остановки до Козлова.

„Бѣдняжки! — думала дама о дѣтяхъ. — Дѣтство въ вагонѣ и въ школѣ, а когда кончатъ учиться, ихъ уже ждетъ болѣе серьезный трудъ, болѣе тяжелыя заботы. И такъ всю жизнь! всю жизнь, пока не придутъ старость и смерть. Не досыпаютъ, не доѣдаютъ, а какъ весело блестятъ ихъ глазенки, сколько въ нихъ здоровой бодрости и невиннаго дѣтскаго задора".

И ей вспомнилась одна молоденькая петербургская дѣвушка: блѣдное, грустное личико съ большими черными глазами, которые не улыбались даже тогда, когда смѣялись губы. Она выросла окруженная роскошью и нѣгой, родители баловали ее и прилагали всѣ усилія, чтобы развлекать и веселить единственную дочь, а она, на вечерахъ, среди танцевъ, говорила о разбитой жизни, о желаніи умереть. Она скучала съ людьми и не любила природу; она боялась жизни и не ждала счастья, а жила, какъ живутъ тропическіе цвѣты, безцѣльно вдыхая искусственное тепло атмосферы: безъ почвы, безъ борьбы, безъ горя, но и безъ радости.

— Скучно! — говорила она, когда чувствовала потребность высказаться. — Скучно одной, скучно съ людьми. Скучно жить!

Поѣздъ мчался, а дама дремала, усыпленная качкой и тусклымъ разсвѣтомъ сѣраго зимняго утра.

— Прощайте! — услыхала она надъ собой тихій дѣтскій голосокъ. — Прощайте, барыня.

Она открыла глаза и не сразу поняла, въ чемъ дѣло.

— А! Козловъ? — спросила она.

— Козловъ. Подходимъ.

Знакомая дѣвочка смотрѣла на нее серьезными глазенками, и личико ея казалось утомленнымъ, или озабоченнымъ. Немного поодаль толпилась остальная дѣтвора.

— Проститься зашли, — сказалъ Вася, встряхивая головой въ высокой шапкѣ. — Все будто знакомые теперь.

— А какъ же не знакомые! — ласково подтвердила дама.

— Вы спать здоровы, — сказалъ Вася. — Бѣлый день на дворѣ, а вы все спите.

— Правда, голубчикъ. Ужь такая я лѣнивая.

— Барыни всѣ такія-то! — лукаво заявилъ Вася.

— Всѣ, думаешь? Нѣтъ, не всѣ. Ну, буду назадъ ѣхать, посмотрю васъ въ Козловѣ. Гостинцами для васъ запасусь. Учитесь, набирайтесь ума-разума.

Дѣвочка потянулась и довѣрчиво поцѣловала новую знакомую своими свѣжими румяными губками.

— Прощайте! — шепнула меньшая дѣвочка и тоже протянула свое лицо для поцѣлуя.

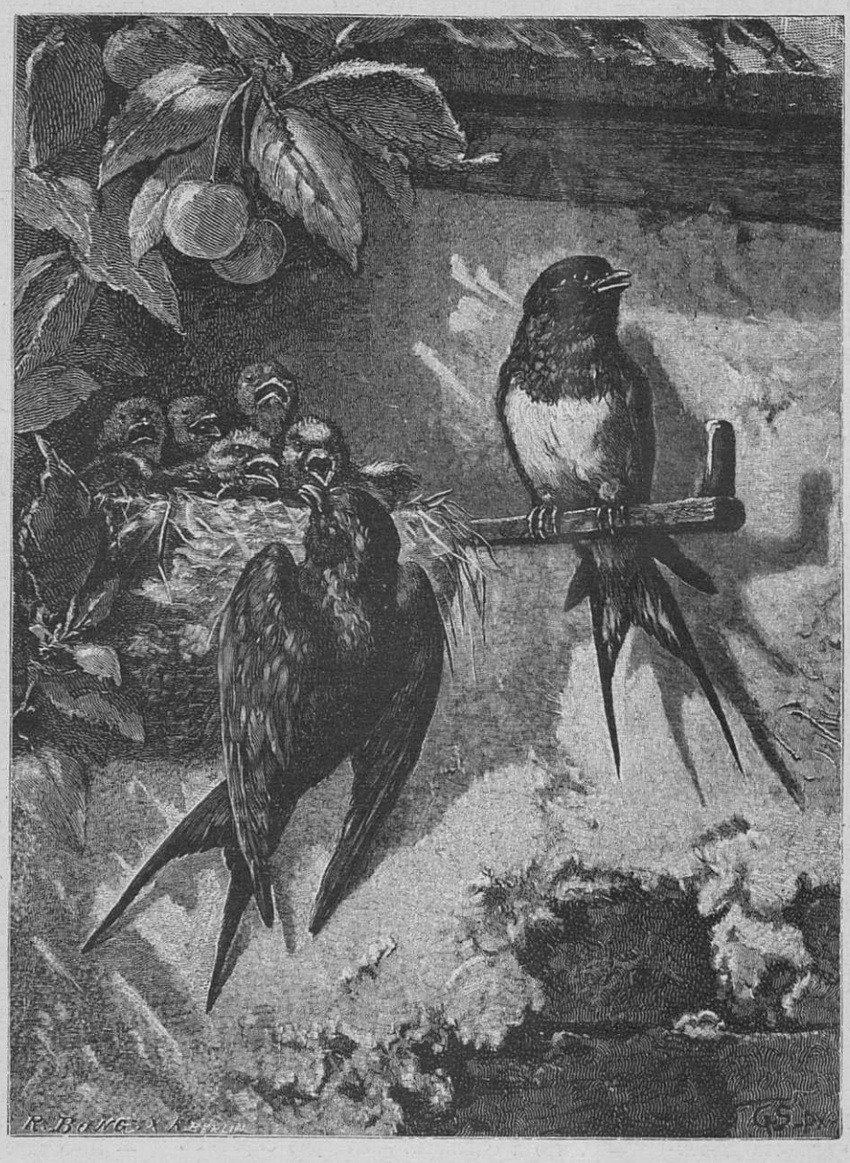
— До свиданія, ты, грубіянъ!

— Почему же я грубіянъ? — спросилъ Вася.

— А лѣнтяйкой-то меня назвалъ.

— Такъ это вы сами...

— Ладно!



Голодная семья. Съ картины художника Густава Зюсса.

Дама пожала мальчикамъ руки, и дѣти, смѣясь и толкаясь, направились къ площадкѣ вагона.

— Осторожнѣе, дѣти! — сказала дама, выходя туда же, вслѣдъ за ними. — Не слѣзайте на ходу.

— Зачѣмъ на ходу? — отозвался Вася. — Не великъ спѣхъ; до ученья еще цѣльный часъ.

— А вы когда назадъ поѣдете? — спросила дѣвочка.

— Дня черезъ три, черезъ четыре.

— Мы васъ разыщемъ. Опять къ вамъ придемъ.

— Приходите, приходите. Угощенія припасу.

— А ужь на меня вы не обижайтесь, — бойко сказалъ Вася. — Я и дерусь-то въ шутку, а не со зла.

Дама засмѣялась.

— Задачу-то не рѣшилъ! — напомнила она, чтобы подразнить его.

— Не рѣшилъ! Я и не такую рѣшу, а только неохота была.

— Разсказывай! Неохота!

— Ну, вотъ назадъ поѣдете — задавайте любую. Такъ ужь и быть...

Поѣздъ подошелъ къ крытой платформѣ, медленно проползъ во всю длину ея и остановился. Дѣти заторопились. Первыми спрыгнули мальчики, старшая дѣвочка спустилась по ступенямъ съ корзиной въ рукахъ, но не побѣжала за товарищами, а остановилась и стала помогать подругѣ. Объ онѣ суетились и щебетали, какъ птицы.

Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, Вася обернулся, снялъ шапку и помахалъ ей въ видѣ послѣдняго привѣтствія. Дѣвочки обнялись съ своими корзинами и старшая еще разъ крикнула:

— Прощайте!

На платформѣ было людно и шумно. Люди суетливо шли и бѣжали въ ту и другую сторону, а дѣти храбро вмѣшались въ толпу, тоже спѣша, тоже толкаясь, какъ полноправные граждане, у которыхъ было собственное дѣло, собственная неотложная забота.

„Нужно. Нельзя не учиться", — вспомнила дама слова дѣвочки, и умиленная, ласковая улыбка надолго застыла на ея лицѣ.

Л. Авилова.

ОДОЛЖЕНІЕ.

Разсказъ **Дж. Джерома**. (Пер. **С. Воскресенской**).

Разсказъ касается одного проповѣдника (такихъ разсказовъ не мало), обѣщавшаго произнести поученіе въ соборѣ св. Павла, въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ. Событіе было не маловажное, исключительное, поэтому нѣкоторыя благомыслящія газеты порѣшили отправить на мѣсто своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ для отчетовъ объ ожидаемой рѣчи.

Въ числѣ трехъ командированныхъ такъ репортеровъ былъ одинъ джентльменъ до того почтенной наружности, что никому не могло придти въ голову счесть его за прикосновеннаго къ газетному дѣлу. Его можно было принять только за какого-нибудь члена общиннаго совѣта или просто за духовное лицо. Въ сущности же, это былъ грѣшный человѣкъ съ большою слабостью къ джину. Жилъ онъ въ Боу и, въ назначенное воскре-

Чаровница. Съ картины художника До.

сенье, вышелъ изъ дома въ пять часовъ пополудни, чтобы поспѣть во-время туда, куда призывала его обязанность. Путь отъ Боу до Сити въ холодной и сырой вечеръ не особенно пріятенъ; можно ли его осудить за то, что онъ останавливался разъ-другой, чтобы подкрѣпить себя любимымъ напиткомъ? А когда онъ подошелъ къ собору, то увидалъ, что ему придется обождать еще минутъ двадцать и что, слѣдовательно, можно „пропустить“ еще разъ, напослѣдокъ. Неподалеку отъ церковной площади, въ узенькомъ переулкѣ, виднѣлся скромненькій ресторанчикъ. Онъ зашелъ туда, свернулъ въ отдѣльную комнату и шепнулъ вкрадчиво продавщицѣ, нагнувшись надъ выручкой:

— На два пенни горячаго джина, голубушка.

Голосъ у него былъ самодовольно-благодушный, какъ у пастыря, уже заслужившаго извѣстность; обращеніе прямое, открытое, но съ оттѣнкомъ желанія избѣжать лишнихъ взглядовъ. Продавщица, подмѣтившая все это, обратила вниманіе хозяина на этого посѣтителя. Хозяинъ, разсмотрѣвъ незнакомца, насколько это было возможно при его застегнутомъ до горла сюртукѣ и нахлобученной низко шляпѣ, подивился тому, какъ могъ такой скромненькій, невинный на видъ джентльменъ быть знакомъ съ джиномъ?

Но дѣло ресторатора не дивиться, а подавать то, что спросятъ. Поэтому, гостю подали джинъ, и гость выпилъ поданное. Оно пришлось ему по вкусу. Джинъ былъ, дѣйствительно, очень хорошъ: знатока не проведешь!.. Да, такъ хорошъ, что было жаль не воспользоваться случаемъ выпить и еще на два пенни. И онъ „пропустилъ“ второй стаканчикъ; можетъ быть и третій... Наконецъ, онъ вышелъ изъ ресторана, добрелъ до собора, выбралъ себѣ мѣстечко, сѣлъ, вынулъ свою записную книжку и приготовился слушать.

По мѣрѣ того какъ шла служба, имъ овладѣвало болѣе и болѣе то равнодушное отношеніе ко всему земному, которое наступаетъ у человѣка лишь при искреннемъ умиленіи или послѣ выпивки. Онъ записалъ текстъ, на который говорилась проповѣдь. Потомъ онъ разслышалъ: „и въ шестыхъ...“ занесъ это въ свою записную книжку, но подумалъ съ изумленіемъ: „Куда же дѣвались „во-первыхъ“, „во-вторыхъ“, и такъ далѣе?“ Онъ просидѣлъ надъ этимъ вопросомъ, пока не замѣтилъ, что присутствующіе встаютъ и выходятъ изъ церкви. Тогда его озарила внезапная догадка: онъ проспалъ и, слѣдовательно, не слышалъ главнаго содержанія рѣчи!

Что было дѣлать теперь? Онъ былъ представителемъ одной изъ главныхъ благомыслящихъ газетъ. Отъ него ожидали полнаго отчета о проповѣди въ тотъ же вечеръ. Онъ остановилъ проходившаго сторожа и спросилъ его съ трепетомъ:—Тутъ ли еще проповѣдникъ?

Сторожъ отвѣтилъ:

— Тутъ, только сейчасъ уходитъ.

— Я долженъ повидать его сію же минуту! воскликнулъ репортеръ съ волненіемъ.

— Невозможно, сэръ, возразилъ сторожъ.

— Скажите ему, продолжалъ тотъ съ возрастающею тревогой, что тутъ... раскаивающійся грѣшникъ, который хочетъ поговорить съ нимъ насчетъ только что произнесенной проповѣди!.. Завтра можетъ быть уже поздно!

Эти слова тронули сторожа. Онъ пошелъ доложить и воротился съ благопріятнымъ отвѣтомъ: г. ректоръ соглашался выслушать бѣднаго малаго.

Лишь только они остались вдвоемъ, „бѣдный малый“, со слезами на глазахъ, повѣдалъ всю правду ректору (не упомянувъ только о джинѣ). Онъ сказалъ, что человѣкъ онъ уже старый, здоровья не крѣпкаго, работалъ прошлую ночь почти всю напролетъ, теперь пришелъ изъ предмѣстья пѣшкомъ. Что было мудренаго, если онъ заснулъ? Между тѣмъ, онъ очень бѣденъ и послѣдствія его проступка передъ газетой тяжко отзовутся на немъ и на всей его неповинной семьѣ!

Ректору стало жаль старика. Сверхъ того, ему самому очень хотѣлось, чтобы отчетъ о его проповѣди былъ напечатанъ въ распространенной газетѣ.

— Ну, сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою, — я надѣюсь, что это послужитъ вамъ урокомъ и вы не будете болѣе засыпать въ церкви. На ваше счастье, я захватилъ съ собою конспектъ моей проповѣди, и если вы пообѣщаете мнѣ не потерять его и возвратить завтра утромъ поранѣе въ цѣлости, то я могу одолжить вамъ эти листки.

Сказавъ это, онъ открылъ маленькій черный кожаный саквояжъ, внутри котораго лежалъ рукописный свертокъ.

— Знаете, продолжалъ онъ, — возьмите лучше все и съ этимъ мѣшочкомъ. Такъ вѣрнѣе ничего не затеряете, а завтра и возвратите мнѣ въ полной сохранности.

Репортеръ, разсмотрѣвъ листки въ церковныхъ сѣняхъ, при свѣтѣ висѣвшей тамъ лампы, просто не вѣрилъ своимъ глазамъ отъ радости. Конспектъ проповѣди былъ такъ полонъ и ясенъ, что написать отчетъ о ней не представляло уже ни малѣйшаго труда: нечего было напрягать свою память, приводить въ порядокъ бѣглыя замѣтки... просто, садись и пиши! Старый репортеръ былъ такъ доволенъ, что рѣшилъ „спрыснуть“ свою удачу еще однимъ-другимъ стаканчикомъ джина и потому направилъ стопы свои къ уже извѣстному ему ресторанчику.

— У васъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительно хорошій джинъ, сказалъ онъ продавщицѣ, осушивъ первый стаканчикъ.—И я такъ разлакомился, что попрошу у васъ и второй, моя милая...

Когда пробило одиннадцать, хозяинъ очень вѣжливо, но и очень твердо, настоялъ на томъ, чтобы гость ушелъ. Тотъ исполнилъ требованіе при благосклонномъ содѣйствіи подручнаго мальчишки, который довелъ его даже до конца переулка... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, хозяинъ замѣтилъ на той скамьѣ, на которой полулежалъ гость, небольшой черный кожаный сакъ. Разглядывая его внимательно, онъ увидѣлъ, что между ручками была бронзовая пластинка, а на бронзовой пластинкѣ было выгравировано имя и званіе владѣльца. Открывъ мѣшокъ, трактирщикъ нашелъ въ немъ исписанные листки; на уголкѣ перваго изъ нихъ стояли адресъ и фамилія ректора-проповѣдника.

Трактирщикъ посвистѣлъ тихонько, не сводя вытаращенныхъ глазъ съ находки. Потомъ, надѣвъ пальто и шляпу, вышелъ изъ своего заведенія съ мѣшкомъ въ рукахъ и не переставая ухмыляться. Онъ шелъ прямо къ дому мѣстнаго каноника, позвонилъ и сказалъ отворившему дверь слугѣ:

— Доложите м-ру N. N., что мнѣ необходимо видѣть его сегодня же по экстренному дѣлу. Я не сталъ бы безпокоить его милость въ такой поздній часъ, если бы не особенно важное обстоятельство...

Его тотчасъ же впустили. Притворивъ за собою дверь кабинета поплотнѣе, онъ остановился у порога и кашлянулъ почтительно.

— Ну, въ чемъ дѣло, м-ръ Петерсъ? спросилъ каноникъ.

— Дѣло въ томъ, сэръ, началъ Петерсъ очень развязно, хотя и понизивъ голосъ: — что срокъ моей аренды можно было бы продлить до двадцати одного года, вмѣсто четырнадцати лѣтъ. Я надѣюсь, что вашъ капитулъ найдетъ это возможнымъ.

— Да вы въ полномъ разсудкѣ? воскликнулъ каноникъ, вскакивая съ мѣста въ негодованіи.—Вы являетесь ко мнѣ въ воскресный день, и чуть не въ полночь, для того, чтобы толковать только о вашей арендѣ?

— Не совсѣмъ такъ, сэръ, возразилъ трактирщикъ, нисколько не смущаясь такимъ рѣзкимъ отвѣтомъ.—У меня еще тутъ маленькое дѣльце...

Съ этими словами, онъ положилъ кожаный саквояжъ на столъ передъ каноникомъ и разсказалъ, какимъ образомъ онъ попалъ ему въ руки.

Каноникъ сталъ смотрѣть въ лицо Петерсу; Петерсъ смотрѣлъ также пристально на каноника.

— Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, сказалъ каноникъ.

— Никакого, возразилъ трактирщикъ. — Мнѣ стало подозрительно съ перваго же взгляда на него. Я тотчасъ же увидалъ, что онъ не изъ того сорта, какъ наши обычные посѣтители; притомъ, онъ такъ старался прятать свое лицо. Если это не пасторъ, то я отказываюсь распознавать ихъ когда-нибудь. Да чего лучше, наконецъ, если на мѣшкѣ его фамилія, а на рукописи стоитъ и его адресъ!

Проговоривъ это, м-ръ Петерсъ скрестилъ руки и сталъ ждать. Собесѣдникъ его погрузился въ думу. Чего не случается въ жизни!.. Подобные примѣры бывали въ исторіи. Могли они повториться и въ наше время...

— Знаетъ объ этомъ кто-нибудь, кромѣ васъ? спросилъ онъ.

— *До сихъ поръ* никто, отвѣтилъ Петерсъ.

— Я полагаю... я полагаю, м-ръ Петерсъ, что намъ будетъ возможно продлить срокъ вашей аренды, сказалъ каноникъ.

— Душевно благодаренъ вамъ, сэръ! отвѣтилъ Петерсъ, раскланиваясь.

На слѣдующее утро, каноникъ отправился къ проповѣднику и положилъ мѣшокъ передъ нимъ.

— О, сказалъ тотъ привѣтливо,—онъ поручилъ вамъ передать это?

— Да, сэръ, и я радъ, что онъ обратился ко мнѣ, произнесъ сухо каноникъ, продолжая еще болѣе суровымъ голосомъ:

— И я обязанъ прибавить, ваша милость-что мнѣ извѣстно, какимъ путемъ эта вещь попалась ему въ руки.

Онъ говорилъ очень строго, а проповѣдникъ засмѣялся, какъ бы смутясь немного.

— Можетъ быть, я поступилъ не совсѣмъ правильно, сказалъ онъ извиняющимся тономъ.—Но, впрочемъ, все хорошо, что хорошо кончается!

И онъ засмѣялся снова при этихъ словахъ. Это уже взорвало каноника.

— О, сэръ, воскликнулъ онъ съ упрекомъ,— ради самого неба... ради вашего собственнаго достоинства... и нашего общаго... не допускайте впередъ ничего подобнаго!

Ректоръ разсердился, въ свою очередь.

— Помилуйте! воскликнулъ онъ.—Стоитъ ли придавать столько значенія подобной бездѣлицѣ! Это...

Онъ не договорилъ, замѣтя выраженіе ужаса на лицѣ своего посѣтителя.

— Какъ вамъ достался мѣшокъ? спросилъ онъ.

— Мнѣ принесъ его трактирщикъ... содержатель ресторана, въ которомъ вы забыли мѣшокъ вчера вечеромъ, отвѣтилъ каноникъ.

Ректоръ такъ и опустился на стулъ, переводя съ трудомъ дыханіе. Придя немного въ себя, онъ разсказалъ гостю все, какъ оно было въ дѣйствительности. Тотъ все еще старается до сихъ поръ придти къ тому убѣжденію, что разсказъ вѣренъ истинѣ.

СЛУША-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао**. Переводъ **Н. Шульгиной**. (*Продолженіе*).

НѢТЪ, ничто не могло отогнать отъ нея этой ужасной мысли. Веселье, иллюзіи молодости, все это отцвѣло и навсегда разрушено. Никогда больше не будетъ она переживать часовъ опьяняющаго блаженства, часовъ веселой молодости, въ которыхъ судьба не отказываетъ даже самымъ жалкимъ бѣднякамъ. Но дѣло идетъ не объ ея особѣ. Сердце ея разрывается при видѣ своего малютки, этого нѣжнаго цвѣтка, распустившагося въ каторжной атмосферѣ, растущаго въ чудовищной и трагической средѣ, между сотнями закованныхъ людей. Мальчикъ, навѣрно, догадался и знаетъ, что всѣ эти люди были ворами и убійцами. Эта обстановка была причиной его грусти и хилости.

„Мы живемъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ!“ думала постоянно съ отчаяніемъ мать.

Между тѣмъ, такъ какъ мужъ не имѣлъ ничего противъ, а ребенку это доставляло иногда удовольствіе, она позволяла Рокко возить колясочку, оставаться съ Маріо на террасѣ, чинить его поломанныя игрушки. Рокко пробирался молча и смиренно въ домъ, держа цѣпь, чтобы она не гремѣла, прижатой къ ногѣ, весь какъ-то съеживался, избѣгалъ Сесиль, чувствуя ея отвращенье къ себѣ, слѣдовалъ, какъ тѣнь, по пятамъ за ребенкомъ, не спуская съ него нѣжнаго, совсѣмъ женскаго, почти материнскаго взгляда. Идя въ домъ, онъ останавливался всегда у двери, не смѣя ни войти, ни постучать, и ждалъ, какъ собака, ожидающая, но не смѣющая попросить кость и полагающаяся на жалость и память человѣка. Иногда Граціетта, проходя мимо, говорила ему:

— Войдите.

А иногда никто не проходилъ, и Рокко простаивалъ неподвижно, какъ статуя, слишкомъ часъ. Счастье его, если мать выглядывала на балконъ и, увидавъ его и зная, что онъ стоитъ уже давно, точно на молитвѣ, пересиливала свое врожденное отвращеніе и говорила ему:

— Можете войти.

Ее трогалъ умоляющій взглядъ этого сильнаго молодого человѣка, безмолвно просившій позволенія посмотрѣть на ея сына и побыть съ нимъ. Услышавъ приглашеніе, Рокко краснѣлъ отъ радости, поднимался проворно и безшумно на крыльцо, проходилъ съ колпакомъ въ рукѣ, мимо матери, опустивъ глаза, спѣшилъ къ Маріо и поднималъ его высоко на воздухѣ. Ребенокъ весело смѣялся.

Они просиживали цѣлыми часами на балконѣ. Каторжникъ садился на полъ, протянувъ цѣпь вдоль ноги, и между ними начинался странный разговоръ, прерываемый иногда долгимъ молчаніемъ.

— Кто тебѣ далъ твою куртку, Векша?

— Правительство.

— И колпакъ также?

— И колпакъ.

— Какое оно доброе, правительство.

Рокко молча смотрѣлъ на него. Если бы Маріо вздумалъ утверждать днемъ, что теперь ночь, каторжанинъ согласился бы, что „дѣйствительно, что-то не совсѣмъ свѣтло“.

Помолчавъ немного, ребенокъ продолжалъ:

— А что ты кушалъ сегодня утромъ, Векша?

— Вареные бобы, маленькій баринъ.

— А на второе блюдо?

— Опять вареные бобы.

— А на дессертъ?

— Опять-таки бобы, отвѣчалъ засмѣявшись каторжникъ.

Оба начинали смѣяться. Потомъ Маріо задумавшись прибавлялъ:

— Ну, Векша, а я ѣлъ макароны.

— И на здоровье.

— А ты любишь макароны?

— Еще бы.

— Слѣдующій разъ я буду ѣсть поменьше и оставлю тебѣ на маленькой тарелочкѣ.

— Нѣтъ, баринъ, не надо, отвѣчалъ растроганный колодникъ.

— Надо, я хочу, чтобы ты ихъ поѣлъ! восклицалъ Маріо, начиная сердиться.

— Ну, хорошо, хорошо, я поѣмъ, только не сердитесь.

Иногда ребенокъ былъ угрюмъ, не въ духѣ и принимался перелистывать книжку съ картинками.

— Прочитай, Векша, что тутъ написано внизу, говорилъ онъ, указывая на надпись подъ картинкой.

— Я не умѣю читать.

— Не умѣешь читать? О! какой ты глупый!

— Если бы я умѣлъ читать, то не былъ бы здѣсь, отвѣчалъ печально Рокко, подумавъ съ минуту.

— Ты здѣсь потому, что ты негодяй? продолжалъ ребенокъ.

— Да, отвѣчалъ шепотомъ Векша, тотъ, кто умѣетъ читать, не попадаетъ на каторгу.

— А тебя послали на каторгу потому, что ты негодяй, горячился ребенокъ.

— Такъ, такъ, баринъ, шепталъ смиренно каторжникъ.

Когда наступало молчаніе, мальчикъ смотрѣлъ иногда на пестрыя гвоздики, которыя, несмотря на ноябрь, цвѣли на балконѣ, пригрѣтыя солнцемъ. Всѣ растенія были покрыты тонкимъ слоемъ пыли.

— Не полить ли ихъ? спрашивалъ колодникъ, угадывая мысль ребенка.

— Да, только не залей.

Арестантъ вставалъ и отправлялся безшумными шагами черезъ комнаты въ кухню, чтобы взять въ лейку воды.

— Нужно бы почистить кастрюли, говорила Граціетта, охотно сваливавшая на него свою работу.

— Погодите немножко. Маленькій баринъ хочетъ, чтобы я полилъ теперь цвѣты, отвѣчаетъ терпѣливо Векша.

Возвращаясь къ цвѣтамъ, онъ слегка брызгаетъ на засохшую землю. Ребенокъ слѣдитъ внимательно за его работой.

— Полей еще немножко листья, Векша.

— Слушаю, сударь.

Покончивъ съ поливкой цвѣтовъ, каторжникъ обрызгиваетъ оставшейся въ лейкѣ водой балконъ, чтобы освѣжить его.

— Сорви мнѣ гвоздику, Векша, сказалъ ему разъ ребенокъ.

Каторжникъ сорвалъ осторожно цвѣтокъ и подалъ его мальчику.

— Я хочу отдать его мамѣ, сказалъ задумчиво ребенокъ.

— Очень хорошо, маленькій баринъ.

— Ты снесешь его ей.

Рокко смотрѣлъ на ребенка съ испуганнымъ видомъ.

— Иди же, приказалъ Маріо.

— Почему же вы не хотите отдать его сами? спросилъ нерѣшительно каторжникъ.

— Почему?

— Право, такъ было бы гораздо лучше, маленькій баринъ. Вашей мамѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы вы отдали его ей сами.

Голосъ его дрожалъ такъ сильно, что Маріо понялъ его смущеніе и устремилъ на него пристальный взглядъ.

— Вы вѣдь знаете, что ваша матушка не любитъ насъ, за то, что мы негодяи... И она права, прибавилъ онъ смиренно.

— Конечно, права, повторилъ ребенокъ.

Вставъ на свои дрожащія отъ худобы и слабости ножки, онъ вошелъ въ гостиную.

— Мама! Мама! звалъ онъ.

Каторжникъ услышалъ звукъ поцѣлуевъ, вызвавшихъ у него улыбку. Потомъ, помня, что Граціетта поручила ему вычистить кастрюли, онъ принялся обрывать у цвѣтовъ засохшіе листья.

Маріо вернулся на балконъ и упалъ съ усталымъ видомъ на свой стульчикъ. Онъ принялся перелистывать медленно, съ разсѣяннымъ взглядомъ, книжку съ картинками. Но скоро книга соскользнула у него съ колѣнъ на полъ, и Векша подбѣжалъ, чтобы поднять ее.

— Больше не хочу, сказалъ ребенокъ съ отвращеньемъ.

— А что же вамъ угодно, маленькій баринъ?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ мальчикъ, качая головой.

— Хотите, я вамъ разскажу какую нибудь исторію.

— Нѣтъ, твои исторіи гадкія.

— Ну, тогда хотите, я вамъ спою пѣсенку?

Арестантъ весело запѣлъ:

Si iesco da ccá dinto carcerato,
Voglio fá veni nu serra-serra,
Voglio fá nchiudè tutto la Mercato,
Voglio mettè a revuoto mare e terra!*)

Онъ пѣлъ вполголоса веселымъ напѣвомъ грозную пѣсню каторжника, который хочетъ выйдя съ каторги, предать все огню и облить все кровью.

— Эта слишкомъ весела, спой какую-нибудь другую, сказалъ ребенокъ усталымъ голосомъ.

Каторжникъ запѣлъ грустную, протяжную старинную пѣсню, со страннымъ размѣромъ и фантастическими риѳмами, которой онъ выучился въ Неаполѣ, въ тюрьмѣ св. Франциска:

A San Francisco
Gla ssona la sveglia;
Chi dorme e chi veglia
Chi fa npamità...**)

Онъ пѣлъ вполголоса, положивъ руки на колѣни и покачивая головой въ красномъ колпакѣ. Ребенокъ слушалъ съ полуоткрытыми глазами.

E a San Francisco
Ce stanno e'ccancelle
E'ninne chiù belle
Llà stanno a penà.
Ma vi che m'ha fatto,
Stu rillicato e'Ppuorto
Me vo'vedè muorto... ***)

Слушая эту странную, протяжную пѣсенку, Маріо кивнулъ уже два или три раза головкой.

Пѣвецъ запѣлъ строфу, въ которой говорится объ освобожденіи:

Me si mme passa
Sta sciorta de tossa,
La coppola rossa
I'voglio abbruscia... ****)

Ребенокъ спалъ, а каторжникъ продолжалъ тихонько напѣвать тюремную пѣсню, убаюкивая сонъ невиннаго созданья.

VII.

Капитанъ провелъ тревожную ночь. Жена его, спавшая очень чутко и сонъ которой постоянно нарушался перекличкой часовыхъ, замѣтила что онъ ворочается безпокойно на постели и по временамъ тяжело вздыхаетъ, какъ будто чувствуя удушье.

— Не боленъ-ли ты? спросила она его два или три раза, лежа съ открытыми въ темнотѣ глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ поспѣшно. Не безпокойся обо мнѣ. Я совершенно здоровъ, только никакъ не могу заснуть.

Она опустила послушно голову на подушку, пытаясь заснуть; но ей не удалось заснуть, и, лежа въ полудремотномъ состояніи, она чувствовала, что мужъ не спитъ и продолжаетъ безпокойно ворочаться. Утромъ онъ поднялся очень рано, на разсвѣтѣ, и, когда жена посмотрѣла на него удивленными глазами, онъ сказалъ ей:

— Спи, душа моя моя. Я хочу сдѣлать длинную, очень длинную прогулку. Къ завтраку онъ вернулся блѣднѣе обыкновеннаго, нервный и молчаливый. Онъ ходилъ все время взадъ и впередъ передъ окнами, посматривая на дорогу отъ пристани къ площадкѣ и на Баньольскій берегъ, слѣдя, не отчаливаетъ-ли отъ него какая-нибудь лодка. Онъ сѣлъ, наконецъ, за столъ, угрюмый и разсѣянный.

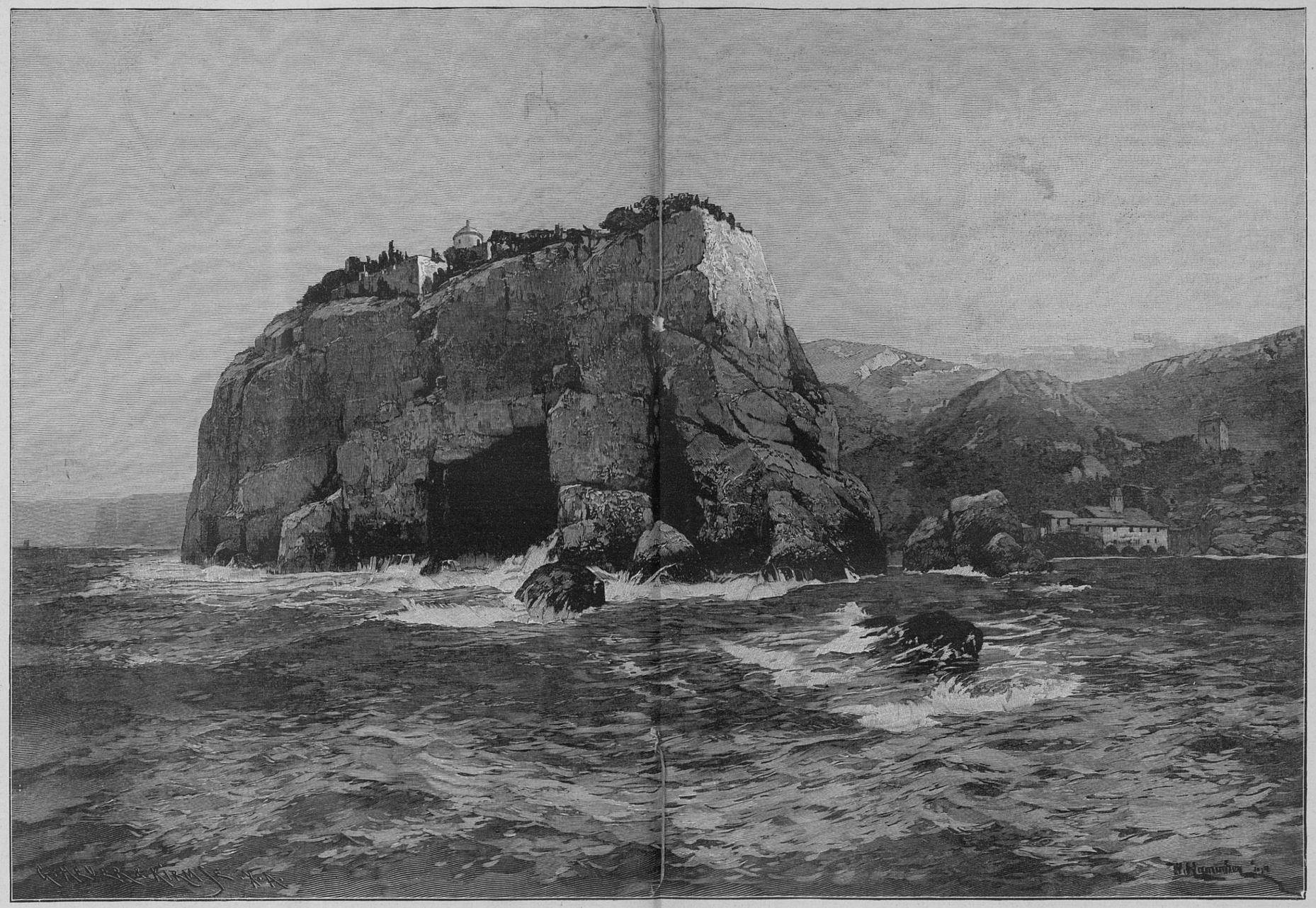
— Сегодня вѣдь, кажется, 6 ноября? спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Да, сегодня 6, отвѣчала Сесиль.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ папа? вмѣшался Маріо.

Онъ постоянно обращался съ вопросами, съ упорнымъ, настоятельнымъ любопытствомъ, доказывающимъ развитость ребенка.

— Я скажу тебѣ потомъ, сынокъ.



Монтезино. Съ картины художника В. Гамахеръ.

*) „Если я выйду изъ этой тюрьмы я хочу, чтобы изъ нея всѣ разбѣжались,—я хочу сдѣлать, чтобы весь рынокъ закрылся,—хочу перевернуть вверхъ дномъ море и землю".

**) „Въ С. Франциско звонятъ уже къ пробужденью; одни спятъ, другіе бодрствуютъ, а иные совершаютъ преступленья..."

***) „У св. Франциска есть рѣшетки, и самыя красивыя дѣвушки приходятъ къ нимъ плакать. Но тотъ, кто ихъ придѣлалъ, — послѣдняя дрянь изъ Порта, — хотѣлъ бы, чтобы я здѣсь умеръ..."

****) Но если у меня пройдетъ, этотъ проклятый кашель, — я хочу сжечь, мой красный колпакъ...

И капитанъ снова замолчалъ.

Послѣ завтрака, около трехъ часовъ, онъ потребовалъ всѣ газеты за эту недѣлю и лихорадочно перечитывалъ ихъ. Но вдругъ возбужденіе его улеглось: вошедшій телеграфистъ подалъ ему депешу, принесенную имъ изъ Неаполя. Руки капитана дрожали такъ сильно, когда онъ распечатывалъ депешу, что жена его, сама не зная почему, взволновалась до такой степени, что едва могла подписать росписку.

— Съ васъ слѣдуетъ получить за нарочнаго и за лодку, сказалъ телеграфистъ.

— Сколько это составитъ?

— Два франка шестьдесятъ сантимовъ.

Она отсчитывала мелочь, все посматривая украдкой на мужа. Капитанъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и сидѣлъ, уставившись глазами на депешу, хотя теперь уже и не читалъ ее. Онъ точно окаменѣлъ.

— Вотъ ваши два франка шестьдесятъ сантимовъ, обратилась Сесиль къ телеграфисту.

— Дай ему пять франковъ, душа моя, и пусть онъ выпьетъ стаканъ вина, сказалъ капитанъ такимъ измѣнившимся голосомъ, что испугалъ жену. — Онъ принесъ намъ хорошее, очень хорошее извѣстіе.

Сесиль подала пять франковъ и позвонила служанку.

— Дай мнѣ телеграмму папа, повторялъ Маріо, уцѣпившись за колѣни отца.

Сейчасъ, сейчасъ, прошепталъ тихонько отецъ.

Вошедшая Граціетта увела телеграфиста угощать въ кухню.

Теперь, когда они остались одни, мужъ, жена и ребенокъ. Жигли подошелъ торжественно къ женѣ и схвативъ ее за рукумедленно проговорилъ:

— Телеграмма сообщаетъ намъ важное очень важное извѣстіе, Сесиль: Викторъ Эммануилъ вступилъ сегодня утромъ въ Венецію. Венеціянаша. Венеція принадлежитъ Италіи.

Онъ умолкъ. Грубая солдатская кожа на его загорѣвшемъ и потемнѣвшемъ отъ солнца и непогода липъ, была покрыта мертвенной блѣдностью. Его гордые глаза, спокойно смотрѣвшіе столько разъ на поле битвы, были полны слезъ. Пораженная благородствомъ сердца мужа и его волненіемъ, жена ничего не отвѣтила, но и она также поблѣднѣла.

— Венеція принадлежитъ Италіи, повторилъ онъ еще разъ.

— Венеція принадлежитъ Италіи, отвѣчалъ ему, какъ эхо, тонкій дѣтскій голосокъ.

Отецъ схватилъ Маріо на руки и осыпалъ его неистово поцѣлуями.

— Венеція принадлежитъ Италіи! Венеція принадлежитъ Италіи! кричалъ малютка, смѣясь, обнимая отца и барахтаясь, точно въ припадкѣ судорожный радости.

— Дорогой мой сынокъ, дорогой мой сынокъ.

Мать улыбалась, любуясь этой трогательной картиной.

Видъ этого ликующаго душой солдата, итальянца, доставилъ ей минуту чистаго, полнаго счастья.

Теперь капитанъ Жигли не могъ усидѣть ни минуты на мѣстѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по всему дому, отдавалъ приказанія Граціеттѣ, обращался ежеминутно къ женѣ съ просьбой сдѣлать ему то то, то другое, повторялъ по разсѣянности нѣсколько разъ одну и ту же фразу и подхватывалъ на руки Маріо, кричавшаго каждый разъ своимъ тоненькимъ, веселымъ голоскомъ:

— Венеція принадлежитъ Италіи!

Спустя нѣсколько времени, директоръ отправился въ контору. Въ продолженіе часаили двухъ, тамъ шла необычная ходьба и суета. Люди входили, получали приказаніе и возвращались бѣгомъ назадъ. Двѣ лодки переѣзжали нѣсколько разъ съ острова на Баньольскій берегъ. Весь островъ оживился лихорадочнымъ движеніемъ.

Работы были, казалось, вездѣ прекращены. Въ кузницѣ не слышно было безпрерывныхъ ударовъ молота. Мастерскія опустѣли. Въ двадцати мѣстахъ стояли кучками солдаты и колодники.

Въ то время какъ директоръ шелъ изъ

конторы въ управленіе, Маріо увидѣлъ его въ окно и крикнулъ, замахавъ платкомъ:

— Венеція принадлежитъ Италіи!

Въ четыре часа послышался барабанный бой, раздававшійся по всему острову. Изъ арестантскихъ камеръ, изъ домовъ, казармъ, магазиновъ, отовсюду выходили офицеры и солдаты, направляясь толпами къ главной площади передъ директорскимъ домомъ. Офицеры и солдаты были въ полной парадной формѣ, какъ въ день годовщины плебесцита. Они все шли и шли, то толпами, то по одиночкѣ другъ за другомъ, замѣшкавшись за чисткой пряжекъ на ремняхъ, или пришивая къ штиблетамъ пуговицы. Всюду слышались оживленные разговоры. Наконецъ, показались небольшими отрядами, по два въ рядъ, каторжане, подъ конвоемъ сторожей и надзирателей. Красные и зеленые колпаки, съ блѣдными или красными лицами, налитыми порочной кровью, которую не могли исправить ни воздержанная каторжная пища, ни жизнь на чистомъ воздухѣ, подходя къ площади, строились въ глубинѣ ея правильными отрядами. Они тихо переговаривались между собой, позвякивая цѣпями, издававшими слабые, но рѣзкіе звуки. Оттѣсненные нѣсколько впередъ солдаты построились подъ окнами управленія въ каре, въ центрѣ котораго стояли офицеры.

Вдругъ наступила глубокая тишина. Подъ напоромъ каторжниковъ, двинувшихся впередъ, чтобы лучше видѣть и слышать, каре солдатъ сдвинулось плотнѣе. На площадь вышелъ капитанъ.

— Онъ былъ въ мундирѣ, придававшемъ ему болѣе мужественный, бодрый и строгій видъ. На груди его красовались три медали: одна за гражданскія, другая за военныя заслуги, а третья въ память кампаніи 1859—1860 годовъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ телеграмму, а другой велъ своего дорогого малютку Маріо, въ бѣломъ костюмѣ и съ бѣлымъ же беретомъ на головѣ, изъ-подъ котораго падалъ ему на плечи цѣлый дождь бѣлокурыхъ кудрей. Увидѣвъ отца въ мундирѣ, ребенокъ уцѣпился за него и не отходилъ ни на минуту. У отца не достало духа отвѣтить ему отказомъ въ такую торжественную минуту. Поэтому, мать поспѣшила надѣть на него его праздничный нарядъ и бѣлый беретъ, составлявшій всегда предметъ его гордости. Мальчикъ ухватился тогда съ побѣдоноснымъ видомъ за руку капитана и безпрестанно посматривалъ на него сіяющими любовью глазами, гордясь своимъ нарядным костюмомъ и тѣмъ, что идетъ какъ взрослый мужчина.

Площадь была биткомъ набита, толпа выступала даже за ея предѣлы. Каре сжималось, становясь все меньше. Шинели солдатъ образовали темно-синій бордюръ. Сзади и вокругъ нихъ размѣстилась многочисленная толпа каторжанъ, представлявшихъ своими грубыми холщевыми куртками всѣ оттѣнки краснаго цвѣта, начиная отъ самыхъ яркихъ и кончая выцвѣтшими и самыми блѣдными. Тутъ же были всѣ служащіе на островѣ, всѣ поставщики, словомъ, всѣ жившіе въ каторгѣ и каторгой. Подальше, въ самомъ уголкѣ, сгруппировались жены офицеровъ и служащихъ, старавшіяся избѣгать соприкосновенія съ этой странной толпой. Видно было, что въ то время, когда на площади стоялъ обычный гулъ многолюдныхъ сборищъ, остальная, какъ заселенная, такъ и не заселенная часть острова, дома и тюрьмы, улицы и переулки, все было пусто и безлюдно. Чувствовалось, что вся жизнь Незиды сосредоточилась на этой площади, а все остальное пусто и покинуто.

При видѣ капитана, каре разступилось, чтобы пропустить его. Онъ остановился посреди, одинъ съ своимъ малюткой, котораго онъ продолжалъ держать за руку, и окинулъ взглядомъ безмолвствующую толпу. Всѣ взоры какъ частныхъ людей, такъ и преступниковъ, были сосредоточены на немъ. Всѣ ждали какого-то важнаго событія. Капитанъ подалъ знакъ. Знаменщикъ вышелъ изъ рядовъ и всталъ подлѣ него съ лѣвой стороны. Знамя было развернуто, поднято и развѣвалось отъ вѣтра. Солдаты взяли „на караулъ. Каторжане въ красныхъ и зеленыхъ колпакахъ обнажили головы, и даже ребенокъ, взглянувъ на отца, снялъ также свой бѣлый беретъ. Всѣ сердца были потрясены глубокимъ волненіемъ.

Сесиль вышла на балконъ и встала за полузакрытыми ставнями такимъ образомъ, чтобы все видѣть, но самой оставаться невидимой. Видъ этой толпы, не спускавшей глазъ съ капитана, этой густой толпы арестантовъ, окружавшихъ съ непокрытыми головами солдатъ, ея мужа, стоявшаго посреди каре съ ребенкомъ, казавшимся маленькимъ бѣлымъ пятнышкомъ, и даже больше чѣмъ это зрѣлище,—царствовавшее въ толпѣ глубокое и торжественное безмолвіе,—навели на нее какой-то ужасъ, и она отскочила назадъ.

Раньше, чѣмъ начать говорить, капитанъ повернулся къ знамени и отдалъ ему честь, взявъ подъ козырекъ, и объявилъ громкимъ, но нѣсколько глухимъ голосомъ:

— Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты! Сегодня на нашемъ островѣ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Италіи, получено радостное извѣстіе. Нашъ король Викторъ Эммануилъ, главнокомандующій арміей, вступилъ сегодня утромъ въ Венецію. Венеція наша!

Въ отвѣтъ дрожащему голосу его раздались радостные клики офицеровъ и солдатъ. Посреди наступившаго смутнаго шума, слышно было только одно постоянно повторявшееся слово:

— Венеція! Венеція!

— Сердца наши ликуютъ не безъ причины, продолжалъ онъ. Великая мечта итальянскаго единства, которой тысячи людей посвятили свой умъ и свое мужество, ради которой тысячи людей жертвовали своей жизнью на полѣ брани и ради которой всѣ мы, старые и молодые, ветераны и новобранцы, всѣ готовы отдать свою жизнь, эта великая мечта постепенно осуществляется, становится неприлежной, могущественной дѣйствительностью... О! Венеція, Венеція! ты была трауромъ страны, отечество оплакивало тебя не какъ мертвую, но какъ украденную у него! Ты такая великая, славная, прекрасная; ты, чудо итальянскаго генія и искусства, въ рукахъ врага ты была нашимъ мученіемъ! Никто не могъ произнести твоего имени безъ слезъ въ душѣ. Всѣ сердца стремились къ тебѣ, и наши жены носили на груди ожерелья изъ черныхъ бусъ, называвшихся *слезами Венеціи*. Но теперь всѣ мы трепещемъ радостью при мысли о тебѣ и считаемъ высокой честью, когда слышимъ твое имя, быть солдатами и итальянцами!

Между присутствующими пробѣжалъ одобрительный шепотъ. Знамя заколыхалось въ рукахъ знаменоносца. Каторжники съ непокрытыми головами, казалось, ожидали чего-то.

— Я увѣренъ, продолжалъ капитанъ нѣсколько медленнѣе: вполнѣ убѣжденъ, что всѣ вы, гражданскіе чины и служащіе, отдающіе отечеству свой скромный, но усердный трудъ, знающіе, что всякій трудъ благороденъ, если къ нему относиться благородно, не гнушающіеся быть помощниками карающаго правосудія, покидающіе родину и поселяющіеся на нашемъ островѣ, этомъ мѣстѣ искупленія,—я убѣжденъ, что и ваши сердца также радуются, что Венеція наша.

Раздался громъ рукоплесканій. Сесиль, прижавшись за ставнями, зажимала ротъ платкомъ, чтобы заглушить рыданія. Толпа заколыхалась, казалось, что каре солдатъ еще больше сузилось, а арестанты, молча, не спуская глазъ съ директора, подвинулись еще больше впередъ. Капитанъ посмотрѣлъ на нихъ, или, скорѣе, смѣрилъ ихъ всѣхъ взглядомъ съ головы до ногъ, точно хотѣлъ допытаться до тайны ихъ души.

— Каторжники! началъ онъ звучнымъ голосомъ, громко раздавшимся не только въ ушахъ, но и въ сердцахъ присутствующихъ. Я хотѣлъ сообщить и вамъ, передъ знаменемъ, о счастливомъ событіи. По всей Италіи, по городамъ и селеніямъ, по деревнямъ и по самымъ бѣднымъ деревушкамъ, въ избахъ крестьянъ и въ хижинахъ сторожей, подъ кровлей богача, какъ и подъ кровомъ бѣдняка, вездѣ, всѣ сердца будутъ сегодня переполнены радостью. Въ самыхъ дальнихъ странахъ Европы, въ Америкѣ и въ Австраліи, подъ экваторомъ и около полюса, вездѣ, гдѣ найдется хоть одинъ итальянецъ, плавающій по волнамъ или странствующій въ степи, вездѣ, куда проникнетъ вѣсть, что Венеція наша, будетъ радость. Я не хотѣлъ исключить васъ изъ всеобщаго ликованія. Вы преступники, и мудръ былъ законъ, который покаралъ васъ именемъ государя и народа черезъ посредство судей, отлучивъ васъ отъ общества честныхъ людей и приговоривъ къ работамъ. Мудръ потому, что наказаніемъ онъ старается привести васъ къ раскаянію. Но тамъ, гдѣ кончается соціальный законъ, тамъ начинается законъ человѣческій, христіанскій, законъ милосердія и снисхожденія. Мы строги, но не безчеловѣчны. Итакъ, въ этотъ день всѣ сердца должны быть радостны. Я забываю ваше зловѣщее прошлое, такъ же какъ вы, въ свою очередь, забудете ваше наказаніе и упреки совѣсти. Я хочу, чтобы и вы приняли участіе въ празднествѣ вашей родины и вашихъ деревень. Вы также итальянцы. Помните только одно это!

Онъ умолкъ. Въ глубокой тишинѣ слышались прерывистыя дыханія, рыданія мужчинъ, стоявшихъ съ поникшими головами. И вдругъ, посреди волненія, заставлявшаго усиленно биться сердца, слабый, тонкій голосокъ крикнулъ:

— Да здравствуетъ Венеція!

Это закричалъ Маріо, махая своимъ бѣлымъ беретомъ. Подходящее слово было произнесено блѣднымъ, одѣтымъ въ бѣлое ребенкомъ. Тогда всѣ, офицеры и солдаты, служащіе и поставщики, осужденные на срокъ и пожизненно, повторили разомъ, изъ глубины души, крикъ ребенка съ громовымъ раскатомъ, поколебавшимъ, казалось, островъ до самаго основанія.

(*Продолженіе будетъ*).

ДОМЪ ТРУДОЛЮБІЯ

на Глухоозерской улицѣ.

Проѣзжая по конкѣ, мимо Александро-Невской лавры, къ Шлиссельбургскому тракту, тотчасъ-же за Архангелогородскимъ мостомъ черезъ Обводный каналъ, находишь вправо отъ него Глухоозерскую улицу съ одноэтажными деревянными домиками, принадлежащими вмѣстѣ съ землею Кабинету Его Императорскаго Величества. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ, подъ № 9, въ семь комнатъ, помѣщается „Домъ трудолюбія“ для мужчинъ. Шлиссельбургскій трактъ на селенъ до 61 тысячи фабрично-заводскимъ населеніемъ, и, казалось бы, что этому населенію, попреимуществу, необходимы дома трудолюбія, такъ какъ оно всегда можетъ, по разнымъ обстоятельствамъ, потерять заработокъ и нуждаться временно въ трудовой помощи. Практика, къ счастію, свидѣтельствуетъ, что чернорабочіе даннаго района рѣдко идутъ въ домъ трудолюбія на Глухоозерскую улицу, находя просто невыгоднымъ для себя работать въ этомъ домѣ. Они очень рѣдко остаются подолгу безъ мѣста, и всегда находятъ таковое, при нѣкоторомъ стараніи, на той или другой фабрикѣ. А идти въ домъ трудолюбія они избѣгаютъ еще и потому, что въ рабочемъ сословіи есть предубѣжденіе противъ нихъ. „Въ домъ трудолюбія идутъ послѣдніе люди, говорятъ они. Даже нищіе смѣются надъ трудолюбцами“. Самолюбіе и лучшій заработокъ на фабрикахъ и заводахъ (отъ 70 к. до 1 р. въ сутки) привлекаютъ къ себѣ рабочихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ мало оплачиваемый трудъ въ „Домѣ трудолюбія“. Вотъ почему большинство работающихъ и живущихъ въ немъ лицъ представляетъ изъ себя не чернорабочую массу, а городскую полуинтеллигенцію: здѣсь имѣются конторщики, писаря, начиная съ волостныхъ правленій и кончая правительственными учрежденіями; статисты, пѣсенники, хористы, уволенные чиновники, исключенные воспитанники учебныхъ заведеній и т. д. При первомъ взглядѣ на этихъ плохо одѣтыхъ трудолюбцевъ, нельзя не замѣтить ихъ болѣе осмысленныя лица и совершенно правильную рѣчь, когда вступаешь съ ними въ разговоръ.

— Почему вы здѣсь? спросилъ я одного, не рѣшаясь говорить ему на „ты“.

— Служилъ ранѣе въ портовой конторѣ, отвѣтилъ онъ. За окончаніемъ работъ, новаго мѣста не нашелъ и, вмѣсто почлежныхъ домовъ, пошелъ сюда.

— Этотъ, указала на другого несчастнаго завѣдующая домомъ г-жа Иванова: запилъ и потерялъ мѣсто, а былъ ранѣе чиновникомъ.

Вотъ другіе двое были волостными писарями, третій — бывшій монтеръ, а этотъ — портной. У насъ всѣхъ спеціальностей есть представители. Однажды даже зашелъ, можетъ быть, будущій писатель, плохо одѣтый и съ рукописью въ рукахъ. Я сейчасъ дала знать о немъ княгинѣ Барятинской (по сценѣ Л. Яворской), которая состоитъ предсѣдательницею нашего общества... Рукопись оказалась романомъ. Автора одѣли и многіе приняли въ немъ участіе. Оказалось, по словамъ автора, что этотъ романъ читалъ одинъ изъ редакторовъ давно установившагося журнала, и авторъ имѣлъ отъ него письмо въ томъ смыслѣ, что романъ этотъ, изъ жизни рабочихъ, написанъ въ духѣ марксистовъ и можетъ быть напечатанъ, но только въ другомъ мѣстѣ. Говорятъ, романъ недуренъ, но дальнѣйшую его судьбу я не знаю. Кн. Барятинская выхлопотала несчастному автору мѣсто на пятьдесятъ рублей, и онъ теперь совершенно на хорошей дорогѣ. Въ стѣнахъ этого дома, заключила Иванова: часто наблюдаешь тяжелыя драмы. Вѣдь у многихъ его обитателей имѣются дипломы, формуляры, и, не смотря на это, ихъ жизнь разбита.

Дѣйствительно, одинъ изъ нихъ, К—въ, имѣлъ дипломъ изъ московскаго коммисаровскаго восьмикласснаго училища и въ г. Псковѣ его отецъ богатый кожевенный торговецъ.

— Я хотѣлъ жениться на любимой мной дѣвушкѣ, говорилъ онъ г-жѣ Ивановой. Мать не позволила, и дѣвушку на моихъ глазахъ выдали за другого. Съ горя я запилъ и до сихъ поръ не могу забыть обиду.

— Изъ-за невѣсты пропалъ человѣкъ, сочувственно замѣтили товарищи по судьбѣ.

Былъ такимъ же несчастнымъ и А—въ, учившійся въ духовной семинаріи и не пожелавшій сдѣлаться священникомъ съ обязательствомъ жениться на незнакомой ему дѣвушкѣ, за которой числилось мѣсто священника.

— Вышелъ я ни попомъ, ни дьячкомъ и остался безъ хлѣба, закончилъ онъ свои признанія.

Передавая мнѣ нѣкоторыя біографіи обитателей дома, г-жа Иванова отмѣтила въ ихъ жизни безотрадную и пагубную роль женщинъ.

— Сверхъ всякаго ожиданія, многіе изъ этихъ несчастныхъ страдаютъ за женщинъ, пояснила она. Въ быту полуинтеллигенціи женщина—злой геній. Либо взаимная любовь, но родители противъ; либо счастливый бракъ, и обманутое ожиданіе въ первые же дни, и ревность къ прошлому; либо измѣны почти на глазахъ, впослѣдствіи съ пьянствомъ, драками и сплетнями. Многіе изъ здѣшнихъ обитателей имѣютъ очень благородныя души и возвышенные взгляды; но разбитая семейная жизнь выбила изъ ихъ рукъ работу, испортила навсегда настроеніе человѣка, и онъ растерялся... Многіе брались не только за водку, но и за ножъ при мысли, что ихъ невѣста была развратницей, а жена—рецидивисткой, судимой и осужденной, наконецъ, куда нибудь на поселеніе. „Изъ-за женщины погибъ я“, часто можно услышать здѣсь признаніе, и оно рѣдко оказывается рисовкой негодяя, а подтверждается офиціальными данными. Прежде чѣмъ осуждать его, всегда полезно разспросить его романъ и семейную жизнь. Среди женщинъ я не замѣчала подобныхъ признаній о своей судьбѣ, а у этихъ полуинтеллигентныхъ мужчинъ, дѣйствительно, жены либо гуляютъ съ другими, либо пьяницы и воровки, либо зарегистрированныя особыесъ скандалезными исторіями. Не всякій мужчина выдержитъ этотъ позоръ, и вотъ, поссорившись съ женой, пропьянствовавъ, онъ теряетъ заработокъ и начинаетъ бродяжничать изъ одного дома трудолюбія въ другой. Въ лицейскомъ домѣ трудолюбія (Петербургская сторона, Широкая улица, д. 36) малъ для него заработокъ; въ домѣ градоначальника на Обводномъ каналѣ или въ евангелическомъ—дисциплина строгая, и т. д. Вотъ онъ, наконецъ, узнаетъ о нашемъ домѣ трудолюбія, гдѣ на него не смотрятъ, какъ на нищаго и арестанта, а принимаютъ его прямо на работу, какъ во всякой мастерской берутъ учениковъ. Тогда онъ является къ намъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Фаресовъ.

ОНОРЕ БАЛЬЗАКЪ.

Отецъ натуралистическаго романа во Франціи, Оноре Бальзакъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ избранниковъ судьбы, для которыхъ даже сама смерть является ничѣмъ другимъ, какъ переходной ступенью къ безсмертію генія и таланта.

Романистъ, драматургъ, фельетонистъ и памфлетистъ, онъ поражаетъ и изумительной продуктивностью своего творчества, и его разнообразіемъ. Его творчество — это какой-то неизсякаемый источникъ творческой фантазіи, пестрый въ своемъ разнообразіи, во

О. Бальзакъ.

всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Прославленный послѣ смерти, добившись путемъ тяжелаго труда и усилій извѣстности при жизни, онъ представляетъ тотъ рѣдкій писательскій типъ, для котораго работа была все, но лихорадочность, спѣшность ея не убили ни проявленій его самобытности и таланта, наоборотъ, въ самомъ жару этой работы закалялся и крѣпъ этотъ талантъ. Славу Бальзака создали романы, но вѣчно ищущій, тревожный духъ влекъ его въ другія области. Онъ словно хотѣлъ в с е извѣдать, в с е испытать. Но эти попытки въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности не прибавили ни одного лавра къ славѣ замѣчательнѣйшаго романиста. Главная его сила лежитъ именно въ этомъ натуралистическомъ романѣ, явившемся во время господства романтизма своего рода новымъ откровеніемъ. Натуралистическій романъ, сыгравшій въ литературѣ XIX столѣтія такую выдающуюся роль, справедливо считаетъ своимъ родоначальникомъ Бальзака.

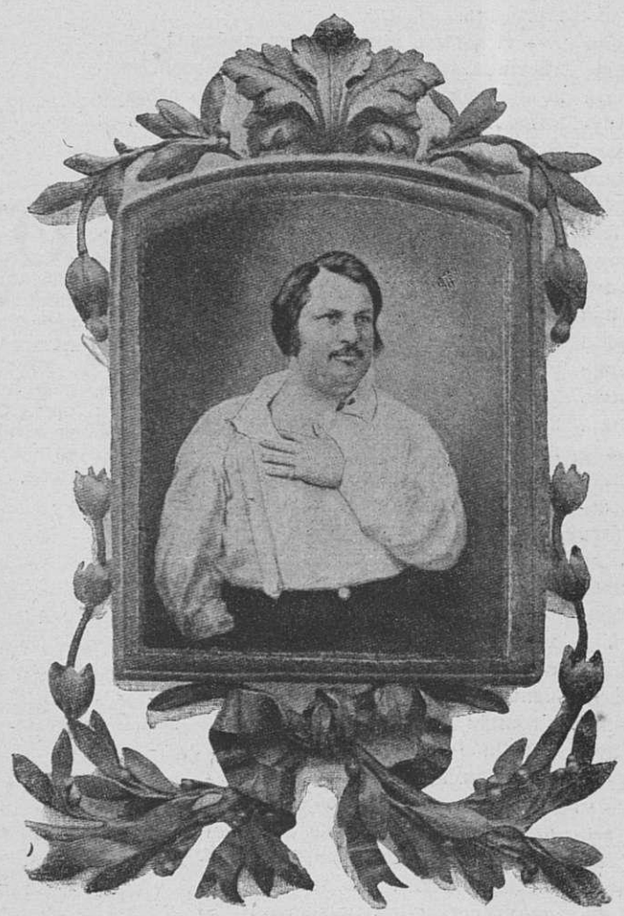
Вся жизнь Бальзака представляетъ изъ себя пеструю, но въ высшей степени поучительную страницу.

Оноре Бальзакъ родился 16 мая 1799 г. въ г. Турѣ въ буржуазной семьѣ мелкаго чиновника. Вскормленный молокомъ пріемной матери въ деревнѣ, куда помѣстили его тотчасъ же послѣ рожденія, онъ только на пятомъ году явился снова въ родную семью. Его дѣтскіе годы, какъ и многихъ впослѣдствіи замѣчательныхъ людей, прошли тускло и блѣдно; ребенкомъ Оноре вовсе не проявлялъ какихъ либо задатковъ выдающихся способностей или стремленій. Лѣнивый и вялый мальчикъ не представлялъ ничего особенно интереснаго ни для педагоговъ коллегіи, гдѣ онъ учился, постоянно принужденныхъ считаться съ его лѣностью, ни для родителей, для которыхъ плохое ученье и слабое здоровье сына были предметомъ постоянныхъ волненій и заботъ; во время краткихъ свиданій съ родными, Оноре видѣлъ не радость свиданья, такъ долго жданнаго имъ самимъ, но слышалъ лишь попреки, выговоры и жалобы. Наконецъ, источникъ всѣхъ бѣдъ маленькаго Оноре былъ найденъ: врачи открыли у него мозговое переутомленіе. Причина его была извѣстна только одному Оноре. Оно произошло на почвѣ массы поглощаемыхъ книгъ, чтенію которыхъ онъ неудержимо отдался, посредствомъ книгъ открывъ для себя новый міръ мечты и воображенья. Мечты и воображенье рано заполонили его и еще на ученической скамьѣ коллегіи въ Турѣ воображеніе его уже создало особый таинственный міръ грезъ; въ этихъ грезахъ онъ видѣлъ уже себя окруженнымъ извѣстностью, славой.

Пробиться изъ рядовъ неизвѣстности стало его завѣтной мечтой, мечтой, страстно лелѣемой съ дѣтства, всю жизнь бывшей его путеводной звѣздой. Конечно, подобныя мечты въ четырнадцатилѣтнемъ подросткѣ были смѣшны и непонятны для буржуазной семьи, жившей иными интересами и стремленіями, какъ непонятенъ былъ замкнутый міръ мечтаній и славолюбивыхъ грезъ Оноре. Онъ таилъ его въ себѣ, съ рѣдкимъ упорствомъ и стойкостью проводя въ жизнь свои мечты. Онъ хорошо понималъ, что неосуществленная мечта есть только пустой звукъ, что для осуществленія ея на дѣлѣ нужно употребить въ дѣло все мужество, силу характера и стойкость. Онѣ крѣпнутъ только въ борьбѣ, а борьба съ юношескихъ дней была знакома Бальзаку: она началась еще въ стѣнахъ родительскаго дома на ранней зарѣ его юности. Пока онъ проводилъ дни въ мечтахъ о будущей славѣ, въ грезахъ о литературѣ, къ которой влекло его неясное, но горячее стремленіе — родные осуществляли свои планы будущей его карьеры. Эта карьера должна была начаться со скромнаго мѣста клерка у нотаріуса, и потомъ со ступеньки на ступеньку, послѣдовательно, съ буржуазной аккуратностью и педантизмомъ подниматься все выше и выше. Бальзакъ наотрѣзъ отказался отъ этой заманчивой для родныхъ, но ненавистной для него самого перспективы. Онъ выдержалъ бой до конца и рѣшительно, упорно держался своего убѣжденія, что только въ занятіяхъ литературой онъ найдетъ дѣло, годное для его силъ. Онъ не написалъ самъ еще ни одной строки, но въ мечтахъ его толпились уже неясные образы и заманчивые планы будущихъ романовъ; они только что начинали складываться въ его головѣ въ пеструю, но еще въ безформенную картину, которой еще нужно было пройти сквозь горнило творчества, сквозь „магическій кристаллъ“ вдохновенья. Краски еще лежали на палитрѣ, дожидаясь своего сочетанія подъ рукою художника. Это были только первые цвѣты творческой мысли, ожидать плодовъ было еще рано.

Оноре былъ настойчивъ и твердъ. Трудъ не пугалъ его, и побѣда оказалась на его сторонѣ. Юношеская вѣра, горячность и страсть сломили упорство стариковъ. Отецъ отпустилъ ему скудныя средства на жизнь, и, сопутствуемый родительскимъ благословеніемъ Бальзакъ, покинулъ родныя мѣста для шумнаго города, ставшаго для него позднѣе „ареной мысли и труда“.

СТОЛѢТІЕ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ.



Оноре Бальзакъ.

II.

Жалкая, бѣдная мансарда на одной изъ улицъ Парижа. Одинокіе, тяжелые дни, холодъ и голодъ, нужда и лишенья. Вотъ обстановка, которая окружила Бальзака въ Парижѣ съ первыхъ же дней его творческой дѣятельности; онъ рано ее хорошо узналъ, испытавъ на самомъ себѣ всю тяжесть и всю сладость подобной обстановки. Онъ нашелъ эту сладость, осмыслившую всю его жизнь, въ своей работѣ; онъ не могъ не найти ея, потому что смутный идеалъ, воодушевлявшій его съ первыхъ же шаговъ въ Парижѣ, съ каждымъ днемъ свѣтлѣлъ и прояснялся, манилъ и звалъ къ себѣ юношу.

Съ чисто-юношеской энергіей онъ принимается за свой завѣтный трудъ; онъ проводитъ дни и ночи, исписывая листъ за листомъ и одновременно работая надъ трагедіей „Кромвель“ и надъ задуманнымъ послѣ романомъ „Стелла“. Онъ такъ искренно вѣритъ въ свое дѣло, такъ горячо, пылко любитъ его, что даже неуспѣхъ „Кромвеля“, его полная непригодность для печати не поселяютъ въ немъ малодушнаго отчаянья. Это какая-то фатальная вѣра въ мечту своего призванія, она движетъ имъ, и ею только живетъ Бальзакъ. Онъ находитъ для себя успокоеніе въ той мысли, что если у него нѣтъ способности писать трагедіи, то онъ все же способенъ писать что либо другое. Эта страстная горячая вѣра, эта энергія, съ которой онъ борется, его непоколебимая стойкость достойны глубокаго, искренняго уваженія въ каждомъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе въ писателѣ. Онъ бьется, мучится, но не отчаявается. Упорный трудъ дѣлаетъ изумительное. Талантъ его растетъ и крѣпнетъ подъ этимъ упорнымъ трудомъ.

Стойкость его характера, сила воли и непоколебимость побѣждаютъ даже родныхъ. Въ его „чудачествѣ“ они смутно, но видятъ опредѣленный идеалъ, чувствуютъ какую-то силу. Все еще смотря на его мечты о литературѣ, какъ на необъяснимое чудачество, они, однако, не желаютъ больше подвергать сына всѣмъ тяжелымъ условіямъ его парижской жизни, вреднымъ для его здоровья. Послѣднее они ставятъ на первый планъ.

Уступая настоянію родныхъ, онъ снова переселяется въ родительскій домъ и здѣсь на досугѣ, опять съ неудержимой силой отдается своей литературной работѣ. Въ 1820 году выходитъ первый его романъ „L'Heritiere de Birague“, затѣмъ второй и третій. Онъ самъ сознаетъ всю спѣшность, недодѣланность этихъ работъ, которыми онъ, по его мнѣнію, долженъ добиться своей самостоятельности, но тысяча франковъ, которые онъ впервые получилъ за свой третій и четвертый романъ, увлекаютъ его. Тысяча франковъ гонорара уже была своего рода брешь, пробитая въ его зависимости отъ родныхъ, это уже первый шагъ къ самостоятельности.

„Быть знаменитымъ и любимымъ“. Вотъ его два „единственныя, но громадныя желанья“. Любовь пришла ранѣе знаменитости, но она вела косвеннымъ путемъ къ послѣдней, придавая силы и энергію писателю.

Съ нѣжностью и благодарностью вспоминаетъ позднѣе самъ онъ чистый образъ этой женщины — предмета его первой любви. Она имѣла громадное вліяніе на Бальзака, была его „нравственнымъ солнцемъ“. Его отношенія къ женщинамъ вообще были всегда скромны и благородны. Болтливый и легко воспламеняющійся во всемъ остальномъ, въ любви онъ былъ скроменъ и постояненъ. Захваченный любовью, видя исполненнымъ одно изъ своихъ „громадныхъ желаній“, онъ съ замѣчательнымъ упорствомъ осуществляетъ второе, расчищая постояннымъ упорнымъ трудомъ путь къ знаменитости. Пять романовъ въ годъ достаются ему, повидимому, легко; усиленная затрата сердца и нервовъ, насчетъ которыхъ работаетъ каждый дѣятель мысли и пера, не могли не отразиться и отразились на немъ, хотя и значительно позднѣе. Пока же тысяча франковъ за романъ бодрятъ его, а въ головѣ встаютъ опять заманчивыя перспективы независимости.

Ради достиженія ея, онъ съ неудержимою силою кидается въ водоворотъ случайныхъ предпріятій, которыя на минуту отвлекаютъ его отъ прямого дѣла. Мечтатель-фантазеръ, съ карандашомъ въ рукѣ высчитывающій на бумагѣ будущіе доходы, онъ не былъ ни-

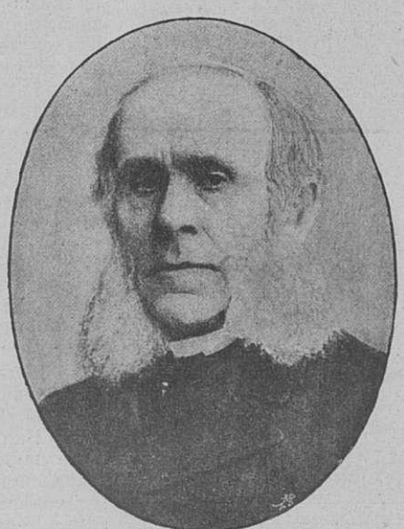
Буржуа.

когда практикомъ. Практичность его н когда не шла далѣе составленія смѣтъ будущихъ доходовъ. Доходы эти всегда оказывались въ видѣ новыхъ долговъ и кредиторовъ, не дававшихъ ему покоя всю жизнь. Сначала онъ увлекается отдѣльными дешевыми изданіями классиковъ и, осуществляя свою мечту, получаетъ круглую цифру долга, обременившую его и безъ того скромный писательскій бюджетъ. Позднѣе онъ пріобрѣтаетъ въ кредитъ типографію, къ послѣдней присоединяетъ, случайно купленную опять-таки въ кредитъ, словолитню и затѣмъ все идетъ съ молотка и въ итогѣ пятилѣтнихъ коммерческихъ предпріятій, начатыхъ въ Парижѣ, получается долгъ въ 120 тысячъ франковъ.

Литературная работа, отъ которой его почти совсѣмъ отняли предпріятія, тогда выступаетъ снова на первый планъ. Она уже является не какъ средство для пріобрѣтенія независимости, но какъ единственное прибѣжище, чтобы расплатиться съ кредиторами; писать приходится не для славы, а для уплаты долговъ. Опять знакомыя лишь нья парижской жизни встаютъ предъ Бальзакомъ, съ тою лишь разницей, что къ голоду и холоду, стучавшимся и прежде нерѣдко въ дверь его убогой мансарды, теперь туда же стучатся еще неотвязные кредиторы, которымъ необходимо если не уплачивать долгъ, то платить хотя бы проценты. Лишняя почтовая марка, поѣздка въ омнибусѣ — все это является теперь для него роскошью, которой онъ не можетъ себѣ позволить. Въ убогой комнатѣ на улицѣ Турнонъ, гдѣ поселился теперь Бальзакъ, онъ могъ позволить себѣ только одну роскошь: голубыя ситцевыя занавѣски и спальную мебель — этотъ остатокъ былого величья — которое онъ, какъ дитя, оберегалъ отъ поползновеній кредиторовъ и отъ молотка судебнаго пристава. Онъ могъ отказывать себѣ во всѣхъ прихотяхъ и даже въ необходимомъ, лишь-бы со вкусомъ была убрана его комната, въ которой приходилось ему теперь засѣсть за непрерывную работу, съ сознаніемъ, что прежде стремленій къ извѣстности надо выбиться отъ кредиторовъ.

Изнуренный нуждой и частыми голодовками, невысокаго роста, въ своемъ дурно сшитомъ платьѣ, онъ не отличался ни красотою, ни изяществомъ. О своемъ костюмѣ онъ вообще никогда особенно не заботился. Онъ не былъ красивъ, но во всей его наружности было нѣчто неотразимо привлекательное. Большой лобъ, на которомъ лежалъ какъ бы отблескъ свѣта, и каріе глаза, отливавшіе золотомъ, выражавшіе „такъ же ясно, какъ слова“, придавали своеобразную красоту живой мысли этому некрасивому лицу. Они скрашивали все. Постоянно искренній и веселый, наивный до безпечности и добрый до простоты, постоянно бредившій сюжетами своихъ будущихъ романовъ, витавшій постоянно въ заоблачномъ мірѣ своихъ грезъ, онъ могъ съ какой-то, ему одному свойственной, откровенностью, съ какимъ-то ребяческимъ самодовольствомъ говорить по цѣлымъ часамъ исключительно о себѣ самомъ, о своихъ надеждахъ и планахъ, и приходить въ восторгъ отъ своихъ творческихъ грезъ.

„Артистъ-фантазеръ, младенецъ жившій въ царствѣ золотыхъ сновъ“, онъ любилъ витать въ сотканномъ изъ грезъ и воображенія мірѣ и рядомъ съ этимъ работалъ во



Стааль.

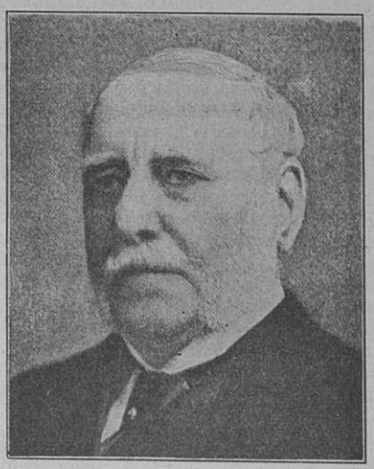
имя меркатильной уплаты, надѣланныхъ долговъ. Вся его натура была полна такими противорѣчіями. Все уживалась вмѣстѣ: сильный аналитическій умъ и младенческіе сны, искренность и хвастовство, умѣренность въ страстяхъ и неумѣренность въ работѣ, творчество во имя славы и подневольный трудъ изъ за-лишняго франка.

Такимъ былъ Бальзакъ въ годы своей безвѣстной литературной дѣятельности, такимъ же и сошелъ въ могилу, вѣрный себѣ въ предсмертный часъ, помышляя о своей „Комедіи человѣческой жизни“, созданной его геніемъ.

III.

Появленіе въ 1830 году романа Бальзака „Шагреневая кожа“ было своего рода тріумфомъ, нравственнымъ удовлетвореніемъ для самолюбія писателя. Романъ этотъ вывелъ его изъ рядовъ неизвѣстности; долго ожидаемая, съ юности лелѣемая мечта объ извѣстности, наконецъ, сбылась. И критика, и публика, и издатели — все было покорено. Звѣзда Бальзака, до сихъ поръ тускло свѣтившая на литературномъ небосклонѣ, вдругъ загорѣлась яркимъ блескомъ.

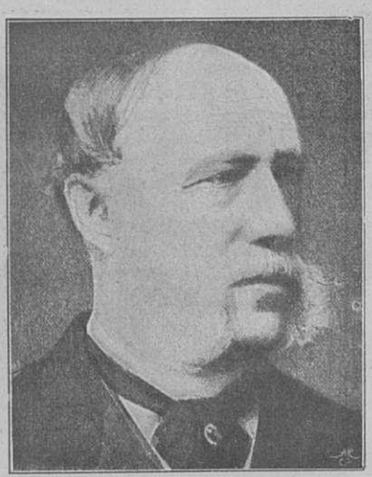
Предъ нимъ распахнулись двери салоновъ, знаменитости современнаго ему литературнаго міра свели съ нимъ знакомство. Самовольству Бальзака было, наконецъ, дано полное удовлетвореніе, и всякая мелкая самолюбиво-эгоистичная натура успокоилась-бы на этомъ и почила бы на лаврахъ.



Паунцефотъ.

Но не такъ было съ Бальзакомъ. Ни изъ того мелкаго и мутнаго источника обычнаго для мелкихъ душонокъ, выходило терзавшая его всю жизнь жажда славы. Она не могла успокоиться и остановиться. Наружный блескъ не могъ удовлетворить этой глубокой жажды. Онъ видѣлъ, что все написанное имъ, начиная съ юношескаго бреда и кончая послѣдними романами, выдвинувшими его, — все это были, по его мнѣнію, только камни большого зданія. За сооруженіе этого большого зданія, планъ котораго уже носился въ его головѣ, съ прежнимъ упорствомъ и настойчивостью, не разрушенной жизнью большого свѣта, куда онъ попалъ въ качествѣ прославленнаго романиста, онъ и принимается теперь. Онъ начинаетъ „спокойно обтесывать свои камни“, чтобы изъ этихъ камней создать величественное зданіе. Онъ задумалъ связать въ одно цѣлое всѣ свои романы, передѣлывалъ ихъ по нѣсколько разъ, чтобы развернуть одну общую картину „Комедіи человѣческой жизни“. Свой планъ онъ осуществляетъ позднѣе и появляется его „Комедія человѣческой жизни“, въ которую вошли 97 его произведеній, связанныхъ общей идеей.

А нужда опять съ прежней, неумолимой силой преслѣдовала его. Изъ журналовъ забирались авансы за еще неготовыя произведенія, деньги тотчасъ же проживались, а прежнія произведенія оставались недоконченными и замѣнялись новыми. Редакціи требовали рукописей, — Бальзакъ обѣщалъ, назначалъ сроки, посылалъ начала новыхъ вещей и снова требовалъ денегъ. Это былъ какой-то водоворотъ, въ которомъ пришлось ему кружиться. Судебный процессъ, возбужденный имъ противъ „Revue de Paris“, который началъ Бальзакъ за то, что редакція послала начало его романа „Les Lis“ въ Петербургъ для перевода безъ его вѣдома и послѣдней корректуры, нанесъ ему ударъ и окончательно подорвалъ его



Мюнстеръ.

Вельзергеймъ.

и безъ того незавидное матеріальное положеніе.

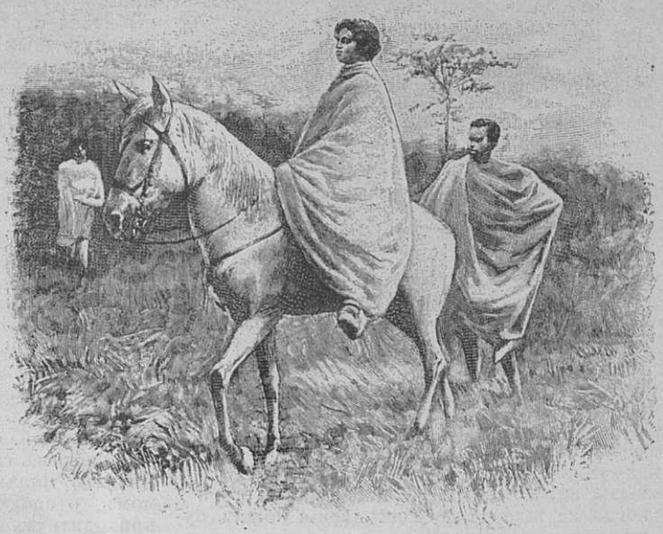
Бальзакъ выигралъ процессъ въ судѣ, но размолвки съ редакціями сдѣлались постоянными, хроническими явленіями. Онъ задумываетъ совсѣмъ освободиться отъ журнальной кабалы и рѣшаетъ издавать свои вещи прямо отдѣльными книгами. Но и здѣсь неудача. Его издатель Верде объявилъ себя банкротомъ. Нужда въ деньгахъ становится все ощутительнѣе. Деньги становятся своего рода культомъ, не какъ идеалъ корыстолюбца, но какъ средство, чтобы выйти изъ отчаяннаго положенія литературнаго поденщика. Снова перебирается Бальзакъ изъ своей затѣйливо убранной квартиры въ каморку улицы Батайль, чтобы снова тамъ предаваться печальнымъ мечтамъ о покрытіи долговъ и обязательствъ, надѣланныхъ во время пребыванія въ парижскихъ салонахъ, и работать, работать, не выпуская изъ рукъ пера, и ночи и дни. Онъ встаетъ въ полночь и принимается за работу, работаетъ до вечера, недолгимъ сномъ только слегка возстанавливая свои силы. Нужно знать, сколько затратъ и усилій стоила ему его работа, чтобы понять всю ту массу труда, которую ему приходилось постоянно затрачивать. Фраза не давалась ему легко, не ложилась прямо на бумагу. Онъ принужденъ былъ

Изъ абиссинской жизни.

тщательно отдѣлывать каждое свое произведеніе, памятуя древнее изреченіе: „Чаще перемѣняй стиль“. Сначала онъ набрасывалъ планъ новаго произведенія и отправлялъ его въ типографію; въ первой корректурѣ получался еще блѣдный остовъ будущаго произведенія, въ слѣдующихъ, исчерканныхъ и исписанныхъ корректурахъ романъ принималъ болѣе стройный характеръ, пока послѣ длиннаго ряда корректурныхъ поправокъ и вставокъ не получалось желаемой цѣльности и стройности. Съ каждымъ новымъ изданіемъ повторялось то же самое.

Въ эти тяжелые для него дни онъ носится съ мечтой о собственномъ журналѣ, осуществляетъ ее дважды, и дважды, кромѣ краха, ничего не получается отъ редактируемыхъ имъ изданій. Опять приходилось засаживаться за письменный столъ, бывшій его единственнымъ вѣрнымъ другомъ въ критическія минуты нужды. А нужда при его неразсчетливости была постоянной гостьей его жизни. Онъ постоянно мечталъ о быстромъ обогащеніи, о концѣ подневольной работы, но денегъ, въ собственномъ ихъ житейскомъ смыслѣ, не цѣнилъ вовсе. Всего какой-нибудь моментъ отдѣлялъ появленіе ихъ въ карманѣ Бальзака отъ ихъ исчезновенія изъ того же кармана. То онъ покупаетъ себѣ имѣніе, чтобы въ случаѣ его смерти было какое-нибудь обезпеченіе его долговъ, строитъ себѣ виллу своеобразной архитектуры и утѣшаетъ себя радужными грезами, что плафонъ, мозаичный паркетъ и каминъ будутъ художественнаго вкуса и изящества, и пишетъ на голыхъ известковыхъ стѣнахъ углемъ, что „отдѣлка изъ пароосскаго мрамора, мраморный каминъ“, и остается, какъ дитя, утѣшеннымъ. Одѣтый въ живописные лохмотья, какимъ онъ нерѣдко изображается на портретахъ, онъ принимаетъ съ важностью своихъ гостей, повѣствуя имъ о грядущихъ затѣяхъ. Ради тѣхъ же денегъ онъ предпринимаетъ писаніе драматическихъ произведеній, вѣря, что матеріальное положеніе драматурга завиднѣе положенія романиста. Первая драма не имѣетъ никакого успѣха, но О. Бальзакъ неунываетъ и добивается своего, его пьеса „La Marâtrë“ принимается уже съ удовольствіемъ публикой.

Всю свою жизнь тѣ-же неустанная энергія, вѣра и затѣмъ побѣда. Всю жизнь работа и нужда, одинокіе, ничѣмъ, кромѣ творчества, не согрѣтые дни... Но конецъ его жизни освѣтился любовью. Она застала его, когда ему было уже около сорока лѣтъ, и доставила ему минуты счастья. Началась она романически, съ заочной переписки, послѣ выхода въ свѣтъ его „Сценъ изъ частной жизни“. Анонимная корреспондентка, плѣненная талантомъ писателя, въ свою очередь плѣнила его своимъ



Абиссинская невѣста.

тонкимъ умомъ, своими искренними похвалами, расточаемыми въ ея письмахъ, по поводу его произведеній. Эта анонимная корреспондентка была Эвелина Ганская, урожденная гр. Ржевусская, которой суждено было, ставши женою Бальзака, закрыть глаза умирающему писателю. Много лѣтъ тянулась между ними переписка, то остроумная, страстная, то задумчиво-нѣжная со стороны Бальзака и нѣжная со стороны Ганской, пока въ 1843 г. Ганская не овдовѣла. Бальзакъ поспѣшилъ въ Россію, въ Петербургъ, гдѣ въ то время находилась Ганская, пріѣхавъ изъ своего имѣнія въ Кіевской губерніи для устройства дѣлъ по наслѣдству.

Онъ вернулся въ Парижъ изъ поѣздки въ Россію совсѣмъ обновленнымъ человѣкомъ. У него была новая цѣль въ жизни, и эта цѣль дѣлается самой задушевной его мечтой. Онъ поглощенъ всецѣло отдѣлкой своего маленькаго, только что купленнаго отеля, чтобы тамъ вмѣстѣ съ любимой женщиной, которая войдетъ въ него его женою, отдохнуть отъ всѣхъ мытарствъ своей далеко не легкой жизни. Почти два года пришлось томиться Бальзаку ожиданіемъ этого совмѣстнаго счастья, когда, наконецъ, 14 марта 1849 года, въ Бердичевѣ, въ католической церкви, былъ совершенъ въ скромной обстановкѣ бракъ знаменитаго романиста съ г. Ганской. Предъ счастьемъ этихъ минутъ, выпавшихъ на долю Бальзака, забывались всѣ неудачи и огорченья, и даже неудачная кандидатура въ академію, куда онъ тщетно старался проникнуть, не задѣвала больно его самолюбія. Но недолго продолжалось счастье брачной жизни Бальзака. Непосильная работа въ юности и въ молодые годы, ничѣмъ невознаградимая затрата сердца и нервовъ сказались теперь ясно. Сердце уже было не въ порядкѣ; безсонныя ночи, проведенныя за работой, истомили его вконецъ, и 20 августа 1850 г. это сердце перестало биться вовсе въ груди Бальзака.

Ник. Н—въ.

Абиссинскій солдатъ.

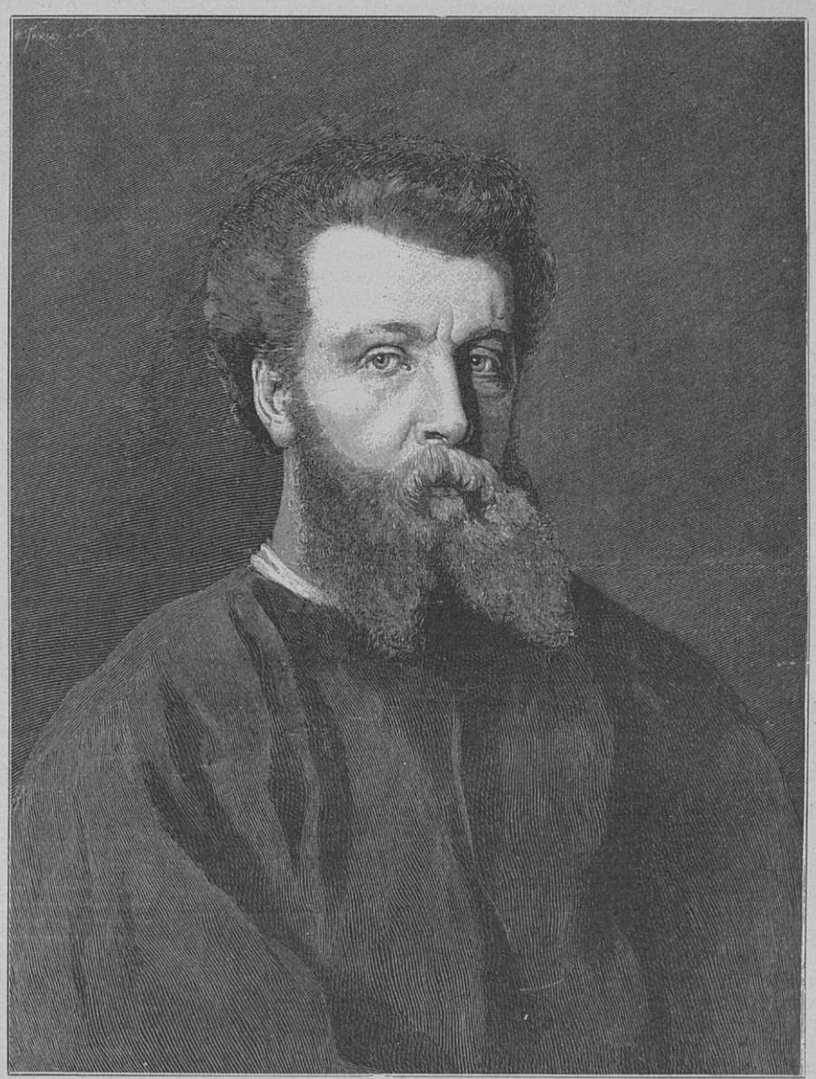
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ столицѣ Голландіи — торжественное открытіе конференціи мира, собравшейся по иниціативѣ Русскаго Императора. Съ этого дня мысли всѣхъ друзей мирнаго прогресса будутъ устремлены на Гаагу, въ нетерпѣливомъ ожиданіи вѣстей о ходѣ труднаго и сложнаго дѣла. На конференціи присутствуютъ представители 19 европейскихъ государствъ, Соединенныхъ Штатовъ, Персіи, Сіама, Китая, Японіи. Каждый пріѣхалъ съ твердою рѣшимостью соблюсти интересы своего отечества, и лучшимъ залогомъ ихъ сохранности, безспорно, является миръ. Что скажетъ конференція, къ какимъ она придетъ результатамъ, покажетъ будущее, но доброе сѣмя посѣяно, оно уже пустило корни въ общественномъ мнѣніи всѣхъ народовъ, и можно ожидать пышнаго цвѣтка.

Обстановка, въ которой придется работать депутатамъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ характеру ихъ занятій. Гаага— городъ сравнительно небольшой; въ немъ всего 170,000 жителей, онъ въ сторонѣ отъ космополитической суеты.

Въ прошломъ нумерѣ какъ мы уже говорили о послѣднихъ выборахъ въ Болгаріи и приводили отзывы болгарской печати; чтобы покончить съ вопросомъ о выборахъ въ X народное собраніе, приведемъ еще отзывъ „Нар. Защ.“, стоящей въ оппозиціи къ правительству, но свободной отъ предвзятыхъ партійныхъ взглядовъ. Газета эта является выразительницей той немногочисленной группы болгарскихъ гражданъ, которые, не стремясь къ сверженію того или другого правительства изъ партійныхъ соображеній, называютъ вещи своими именами и не позволяютъ себѣ безъ особыхъ причинъ чернить правительство.

Вотъ какъ „Нар. Защ.“ отзывается о послѣднихъ выборахъ: „Пусть умолкнутъ клеветники, которые вчера еще, къ стыду своему, злословили правительство за воображаемыя его беззаконія... Свобода выборовъ, это наиболѣе существенное обѣщаніе правительства — осуществилась на дѣлѣ. У противниковъ настоящаго режима отнято оружіе, которымъ они боролись противъ либеральной партіи... Хулители поражены, и мы видимъ, какъ на устахъ ихъ замираетъ клевета, которая была уже готова сорваться... Мы въ первый разъ за двадцать лѣтъ видѣли, что избирателямъ была дана свобода, о которой они давно мечтали“. Въ подтвержденіе своихъ словъ о свободѣ выборовъ, „Нар. Защ.“ приводитъ между прочимъ тотъ фактъ, что во многихъ округахъ были избраны рядомъ и кандидаты оппозиціи. Что же касается безпорядковъ, бывшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то „Нар. Защ“. обвиняетъ въ этомъ, главнымъ образомъ, руководителей партій оппозиціи. Но, впрочемъ, уже начато слѣдствіе, и вскорѣ мы узнаемъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ безпорядковъ. Сопоставляя всевозможные отзывы о выборахъ, можно убѣдиться, что министерство Грекова-Радославова вело себя вполнѣ корректно и не прибѣгало къ грубому насилію, — какъ это было, напримѣръ, во время выборовъ въ IX народное собраніе. И то негодованіе на дѣйствіе новаго правительства, которое сквозитъ въ каждомъ словѣ органа Стоилова „Миръ“, лишь укрѣпляетъ насъ на нашемъ мнѣніи о выборахъ: Стоиловъ не можетъ не примириться съ тѣмъ, что выборы прошли свободно, не можетъ простить новому министерству, что оно воочію показало населенію Болгаріи, насколько оно выше недавно павшаго министерства. И въ злобѣ своей на Грекова, и особенно на Радославова, органъ Стоилова переходитъ всякую мѣру приличія: такова, напримѣръ, грубая и совершенно неумѣстная замѣтка „Мира“, что Радославовъ уже съ дѣтства съ наслажденіемъ смотритъ на чужія страданія, что ему, еще ребенку, доставляло удовольствіе причинять сильную физическую боль животнымъ, что онъ съ улыбкой присутствовалъ при истязаніяхъ въ Черной Джаміи и въ другихъ мѣстахъ заключенія. Правда, это впервые пущено „Своб.“, но какъ же можетъ „Миръ“ перепечатывать подобныя заявленія, недостойныя порядочной газеты, тѣмъ болѣе, что онъ первый же всегда упрекалъ „Своб.“ въ печатаніи завѣдомой клеветы.



Эдуардъ Пальеронъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Спб. городская дума въ послѣднемъ своемъ засѣданіи приняла докладъ управы о праздничномъ отдыхѣ въ слѣдующемъ исправленномъ видѣ:

1) Торгово-промышленныя заведенія, за перечисленными исключеніями, а равно и торговцы въ разносъ въ воскресные и праздничные дни могутъ торговать только отъ 1 часа пополудни до 5 ч. вечера. Ранѣе же и позже указаннаго времени торговля въ воскресные и праздничные дни воспрещается.

2) Дѣйствіе обязательнаго постановленія не распространяется:

а) на лавки и разносчиковъ, которые торгуютъ исключительно съѣстными припасами, а равно кормомъ для скота;

б) на аптеки, кассы частныхъ театровъ, цирки, концертные залы и другія мѣста общенародныхъ садовъ и увеселеній, частныя лечебницы, катанья, катки и павильоны съ туалетными принадлежностями;

в) на транспортныя конторы, бюро, товарныя станціи желѣзныхъ дорогъ, а также различныя спеціальныя мѣста для продажи билетовъ, газетъ и повременныхъ изданій, на продажу газетъ въ разносъ;

г) на транспортныя заведенія 1 и 2 разрядовъ, на буфеты при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ пристаняхъ и при увеселительныхъ заведеніяхъ. Винныя же лавки, ренсковые погреба и портерныя лавки должны быть закрыты цѣлый день;

д) настоящія правила примѣняются въ воскресные дни, двунадесятые праздники, второй день Рождества Христова и второй день Пасхи и въ царскіе (табельные) дни, но торговля не ограничивается, если воскресенье слѣдуетъ за двунадесятымъ праздникомъ или табельнымъ днемъ, или предшествуетъ ему, а также если оно приходится въ одинъ изъ послѣднихъ дней передъ Рождествомъ Христовымъ, и въ день Благовѣщенія, если онъ приходится въ одинъ изъ послѣднихъ дней страстной недѣли. Постановленія эти распространяются на всѣхъ торговцевъ безъ различія вѣроисповѣданій.

Обязательное постановленіе это должно войти въ силу по истеченіи двухъ недѣль послѣ утвержденія его.

— Электротехническое общество, въ засѣданіи 3 мая, постановило присоединить свой голосъ къ мнѣнію Императорской академіи наукъ, обществъ естествоиспытателей, горныхъ инженеровъ, инженеровъ путей сообщенія, Императорскаго русскаго техническаго общества и многихъ другихъ о необходимости скорѣйшей замѣны принятыхъ въ Россіи мѣры и вѣса — аршина и фунта упрощающею дѣло метрическою системою, функціонирующею всюду на Западѣ и получившею уже широкое практическое примѣненіе въ Россіи. Въ виду того, что докладъ проф. Д. И. Менделѣева объ утвержденіи аршина и фунта и объ окончательномъ вытѣсненіи изъ практики метра и килограмма въ скоромъ времени будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ, общество электротехническое постановило обратиться въ Императорское русское техническое общество съ просьбою войти съ ходатайствомъ въ Государственный Совѣтъ о замѣнѣ мѣры на аршинъ и футъ и вѣса на фунтъ—мѣрою на метръ и килограммъ.

— „Спб. Вѣд.“ слышали, что вопросъ о переводѣ въ Пензу лѣсного института рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Кромѣ лѣсной спеціальности, при названномъ институтѣ предположено учредить агрономическое отдѣленіе.

Храмъ на Гутуевскомъ островѣ.

— „Спб. В.“ сообщаютъ, что слухи, относительно предстоящихъ вскорѣ перемѣнъ,въ порядкѣ завѣдыванія ветеринарною частью и ветеринарными институтами, а именно, что ветеринарная часть гражданскаго вѣдомства и ветеринарные институты переходятъ изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе министерства земледѣлія—лишены основанія. Вопросъ этотъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и опредѣленнаго направленія далеко еще не принялъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Высочайше учрежденная коммиссія по чествованію столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина возбудила вопросъ о подпискѣ и сооруженіи памятника поэту въ С.-Петербургѣ. На этомъ основаніи Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Императорской академіи наукъ и Предсѣдатель коммиссіи, 19-го апрѣля входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ избраніи особаго предсѣдателя, которому было бы предоставлено право: 1) составить по его усмотрѣнію коммиссію изъ числа лицъ, ему извѣстныхъ по своей спеціальности; 2) объявить о добровольной подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, и 3) принять мѣры къ составленію проектовъ памятника и, по утвержденіи одного изъ нихъ Государемъ Императоромъ, приступить къ постройкѣ самаго памятника.

Его Императорское Величество, изъявивъ Всемилостивѣйшее Свое согласіе на такое ходатайство, изволилъ 20-го апрѣля начертать Собственноручно: *„Предсѣдателемъ избираю Президента Императорской академіи наукъ“*.

Объявляя о семъ во всеобщее свѣдѣніе, Императорская академія наукъ проситъ лицъ, желающихъ содѣйствовать постройкѣ памятника Пушкину, адресовать свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, на имя экзекутора и казначея академіи: Васильевскій островъ, у Дворцоваго моста, домъ академіи наукъ.

— Въ виду вреднаго направленія журнала „Русское Богатство“ и допущеннаго въ № 3, въ статьѣ „Хроника внутренней жизни“, тенденціознаго толкованія законовъ, опредѣляющихъ державныя права Верховной власти въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак. Т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: пріостановить выпускъ въ свѣтъ этого журнала на три мѣсяца.

— Проектъ охраны правъ собственности на литературныя, художественныя и музыкальныя произведенія переданъ министерствомъ юстиціи на заключеніе академіи наукъ. Проектъ этотъ порученъ разсмотрѣнію особой коммиссіи, въ составъ которой входятъ, между прочимъ, академики Пыпинъ и Янжулъ.

Эдуардъ Пальеронъ.

Въ началѣ апрѣля текущаго года скончался одинъ изъ самыхъ остроумнѣйшихъ французскихъ писателей — Эдуардъ Пальеронъ. Это былъ человѣкъ впечатлительный, чрезвычайно отзывчивый, изящный, большой шутникъ. Онъ очень любилъ успѣхъ и боялся подвергаться его случайностямъ. Никто больше его не испытывалъ страха передъ первымъ представленіемъ. Онъ постоянно въ такихъ случаяхъ гдѣ нибудь скрывался, чтобы ничего не видать, не слышать. Его нервность бывала въ это время ужасна, и испытываемое имъ въ такое время чувство онъ передалъ въ очень хорошихъ стихахъ, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ добычей, брошенной публикѣ,—этому свирѣпому льву.

Пальеронъ родился въ 1834 году въ Парижѣ. Онъ занималъ мѣсто клерка у нотаріуса, когда задумалъ писать стихи, и написалъ небольшую комедійку „Parasite“, которая была съ большимъ успѣхомъ поставлена въ Одеонѣ въ 1860 году. Слѣдующая небольшая комедія въ двухъ актахъ „Mur mitoyen“, поставленная въ Одеонѣ въ декабрѣ 1861 года, выдвинула въ авторѣ особенную способность схватывать смѣшныя стороны, живость, веселость, расположеніе къ забавнымъ шуткамъ, иногда довольно рѣзкимъ. Около этого времени Пальеронъ женился на дочери Бюлоза, редактора „Revue des deux Mondes“, сталъ помѣщать въ журналѣ своего тестя стихи и продолжалъ писать для театра. Съ особеннымъ искусствомъ онъ пишетъ сцены, основанныя на движеніи, встрѣчныя и постоянно перекрещивающіяся. Многія его стороны напоминаютъ Скриба, особенно по стилю, который чрезвычайно звученъ. Зато стихъ его недостаточно поэтиченъ. Сарсэ говоритъ, что: „по мнѣнію Пальерона, стихъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ прозаичнѣе. Поэтому онъ постоянно въ свои стихи вводитъ восклицанія, вставки и тому подобныя паразитныя слова, которыя обыкновенно попадаются въ обыденномъ разговорѣ. Но такія выраженія, какъ: „наконецъ! въ самомъ дѣлѣ! вотъ! да, вы увидите! Но! вовсе не служатъ къ украшенію стиха“.

Кромѣ вышеупомянутыхъ комедій, Пальеронъ написалъ еще комедіи въ стихахъ, двухактную „Le dernier quartier“ (Послѣдняя четверть медоваго мѣсяца, когда супруги уже успѣли отчасти надоѣсть другъ другу). Другая комедія, „Faux menages“, была въ 4 акта, пользовалась большимъ успѣхомъ. Слѣдующая затѣмъ комедія называлась „Le monde où l'on s'amuse“ и была одноактная. Но наибольшій успѣхъ имѣла не только въ Парижѣ, но и заграницей его комедія „Le monde où l'on s'ennuie“, написанная въ 188 году. Она переведена на многіе европейскіе языки и въ томъ числѣ на русскій, подъ заглавіемъ: „Царство скуки“. Благодаря этой комедіи, Пальеронъ попалъ въ члены французской академіи (съ 1882 г.). Послѣ „Царства скуки“, Пальеронъ ничего подбнаго не написалъ; слѣдующія его пьесы не имѣли успѣха, а двѣ маленькія комедійки: „Mieux vaut donceur“ и „...Et violence“ совсѣмъ плохи.

Послѣ Пальерона за сорокъ лѣтъ его литературной дѣятельности остались драматическія произведенія, изъ которыхъ на русскій языкъ только два, переведено два тома стихотвореній (многія изъ нихъ переведены на русскій языкъ) и сборникъ академическихъ рѣчей. **В. М.**

Внутренній видъ храма.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Цезарская забава. Съ картины *В. Д. Поленова*, гр. *Творожниковъ*.

Цезарь веселится. Раболѣпные патриціи раздѣляютъ его веселье. А тамъ внизу въ сыромъ подземельи, прислонившись въ изнеможеніи къ каменной стѣнѣ, стоитъ молодая христіанка, ожидая близкаго конца. Уже нубійскій тигръ, выпущенный на свободу, притаился въ углу и, скаля зубы, пожираетъ налитыми кровью глазами свою жертву. Онъ крадется неслышными шагами къ ней, еще одинъ скачекъ, и, обагряя землю, польется невинная кровь мученицы, принесенной въ жертву порокамъ и распутству развратнаго Рима.

Соперники. Съ картины *Р. Химинеса*.

Соперники сошлись. Гордый орелъ и хитроумная кумушка-лиса одинаково оспариваютъ право на беззащитнаго зайченка, котораго кумушка уже придавила своей лапой. Одинъ только онъ не принимаетъ участія въ этой борьбѣ, равнодушный къ тому, на чей обѣдъ послужитъ его собственное тѣло.

Легкая ноша. Съ картины *А. Казакевича*.

Прелестная жанровая картинка изъ деревенской жизни, полная простоты и правды. Своя ноша не тяготитъ никого, говоритъ русская пословица, послужившая темой польскому художнику.

Чаровница. Съ картины *До*.

При видѣ этой картины, невольно приходитъ на память граціозная повѣсть Жоржъ-Зандъ „Теверино“, когда Леонсъ и Сабина отправились кататься въ горы, захвативъ по дорогѣ деревенскаго священника. Проголодавшись, они усѣлись завтракать на зеленомъ склонѣ горы, гдѣ имъ прислуживаетъ множество маленькихъ пастуховъ. Во время самаго дѣятельнаго занятія завтракомъ, дѣти вдругъ закричали: „Дѣвочка съ птичками! волшебница!..“

Обернувшись, Сабина увидѣла молоденькую дѣвушку, почти ребенка, которая поднималась на гору, буквально окруженная стаями птичекъ, летавшихъ вокругъ нея; одни клевали ея волосы, другія садились ей на плечи, на грудь, на руки; самыя молоденькія прыгали у ея ногъ въ пескѣ. Казалось, всѣ онѣ наперерывъ спѣшили коснуться ея и наполняли воздухъ своими радостными восклицаніями.

Монтезино Съ картины *В. Гомахера*.

Крутая скала, стремящая въ морю, то гнѣвно сердитому, пѣнящему свои сѣдыя волны и съ бѣшенствомъ бьющему объ утесы нагроможденныхъ скалъ, то ласково нѣжному, безбрежно лазурному, льнущему съ тихимъ всплескомъ къ подножью утесовъ. Наверху на терассѣ скалы раскинулся крошечный городокъ, словно маякъ посреди необъятнаго простора синихъ небесъ и лазурнаго моря, обнявшихъ даль.

Къ конференціи мира.

Мы помѣщаемъ портреты пяти представителей великихъ державъ, собравшихся на конференцію мира въ г. Гаагѣ (см. Полит. обозр. настоящаго №).

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Взрывчатыя раковины. До сихъ поръ были извѣстны взрывчатые плоды, но въ настоящее время журналъ „National Druggist“ сообщаетъ о существованіи взрывчатыхъ раковинъ, которыя, конечно, производятъ взрывъ только въ исключительныхъ условіяхъ. Гуляя въ Mobile-Bay, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, одна молодая женщина собрала нѣсколько раковинъ, названіе которыхъ неизвѣстно; эти раковины походили на маленькихъ улитокъ helix; не разсматривая, она положила ихъ въ карманъ и вспомнила о нихъ только вечеромъ, когда услышала характерный запахъ разложенія. Она вынула раковины изъ кармана, причемъ нѣсколько уронила на полъ и нечаянно наступила на одну изъ нихъ, причемъ послѣдовалъ довольно сильный взрывъ. Тогда она намѣренно раздавила нѣсколько другихъ, и явленіе повторилось. Устье раковинъ оказалось загороженнымъ болѣе или менѣе толстой перепонкой, которая, подобно двери, наглухо запирала входъ въ раковину. Запершись такимъ образомъ на подобіе улитокъ, животныя умирали, будучи разлучены съ благопріятной для ихъ существованія средой; затѣмъ каждая раковина, отъ разложенія умершаго въ ней слизняка, наполнялась газами, которые и производили взрывъ.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

ДЛЯ ВСКАРМЛИВАНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ

СУРРОГАТЪ МАТЕРИНСКАГО МОЛОКА.

Цѣна жестянки 1 р. 50 к.

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ

Цѣна жестянки 1 р. 10 к.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Оптовый складъ въ Центральномъ депо перевязочныхъ хирургич. матеріаловъ Торговаго Дома АЛЕКСАНДРЪ ВЕНЦЕЛЬ С.-Петербургъ, Гороховая, 33. 3007-1

Въ С.-Петербургѣ можно получать во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА.

Одинъ изъ большихъ американскихъ заводовъ издѣлій изъ бѣлаго металла «Британія» (Britisch Silver), который по виду и качеству не уступаетъ настоящему серебру, вынужденъ былъ назначить окончательную распродажу всѣхъ своихъ товаровъ.

Ликвидація находящагося въ Вѣнѣ европейскаго склада этого завода поручена мнѣ. Поэтому желающіе могутъ получить отъ меня за ничтожную цѣну 14 рублей, къ которую входятъ уже мною увеличенныя въ Россіи пошлина, пересылочные расходы и упаковка, нижеслѣдующія вещи:

6 штукъ амер. патент. (British-Silver) столовыхъ ножей брит. серебра съ насткой. англійск. клинками.

6	• • • • • •	вилокъ.
6	• • • • • •	ложекъ.
12	• • • • • •	чайныхъ ложекъ.
2	• • • • • •	большихъ роздивныхъ ложекъ.
1	• • • • • •	малая • • • • • •
3	• • • • • •	подставокъ для ножей и вилокъ.
2	• • • • • •	яицъ.
6	•	фруктовыхъ ножей бронзированной стали съ фарфоровыми черенками (Wiener Sake).
6	• • • • • •	вилокъ.
2	•	америнан. патентов. столовыхъ подсвѣчника.
1	• • • • • •	сѣтка-ложка для чая.
1	• • • • • •	сѣтка-ложка для сахара.
1	•	Спиртная скороварка «Идеалъ»; эта новоизобрѣтенная машинка варитъ необыкновенно скорымъ образомъ, поглощая незначительное количество спирта.

54 штуки.

Всего 54 штуки стоятъ 14 рублей.

Желающіе воспользоваться рѣдкимъ случаемъ просятъ поспѣшить своими заказами, ибо продажа будетъ производиться только пока хватитъ наличнаго запаса товара.

Съ требованіями можно обращаться на русскомъ языкѣ.

Всѣ вышеозначенные 54 штуки стоятъ съ упаковкою и уже увеличенною мною пошлиною и пересылкою только 14 руб.

Заказы исполняются по полученіи денегъ или наложеннымъ платежомъ.

Письма просить адресовать только:

Bix Exporthaus, Wien, II Praterstrasse, 16.

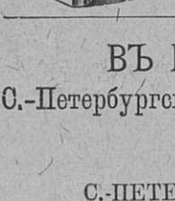
ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Невскій, 68—40.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Садовая ул., домъ Панченко.



МОДНЫЕ ДУХИ — Віола Одората Ауриха

О-ДЕ-КОЛОНЪ — Віола Одората Ауриха

ЖИРНАЯ ПУДРА — Віола Одората Ауриха

ВАСИЛІЙ АУРИХЪ

Лиговская № 44. 2795-20.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.*

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи міровоззанія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

ПО НОВѢЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕТОДѢ

«ВОРТА»

обучаю кройкѣ и шитью дамскихъ, дѣтскихъ нарядовъ, верхняго платья, бѣлья и корсетовъ въ школѣ и заочно—посредствомъ лекцій-корреспонденцій. Плата впередъ не взымается. По окончаніи установленное свидѣтельство. Условія высылаются безплатно. *Kiew, Большая Васильковская, № 89.* Е. Д. Ашмарина.

№ 2992

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ Вѣнѣ. 2802

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ.

Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкою.

Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ, въ С.-Петербургѣ, Лиговская, 44.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.

Цѣна 1 руб.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

„ПОГРОМЪ“

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

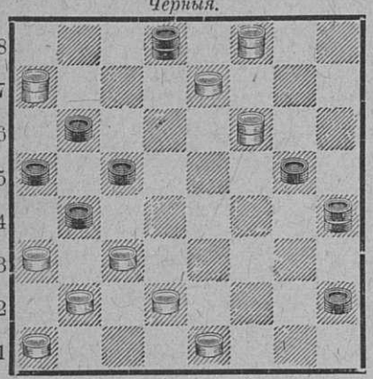
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. П. Шошина.**

ЗАДАЧА № 101.

В. С. Виноградова (пос. Ново-Александрія, Любл. губ.).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и 3 простыхъ.

Приготовленіе шартреза. Ликеръ шартрезъ извѣстенъ уже нѣсколько соть лѣтъ, но потребленіе его сильно развилось только съ конца прошлаго столѣтія, послѣ того какъ революція конфисковала монастыри и разсѣяла монаховъ. Къ концу существованія первой имперіи картезіанскіе монахи получили разрѣшеніе вступить во владѣніе своими монастырскими домами, съ платою за нихъ одного франка въ годъ, который они уплачиваютъ еще и въ настоящее время. Воспользовавшись собственнымъ помѣщеніемъ, одинъ молодой монахъ, по имени Гарнье и которому старики монахи передали секретъ рецепта, сталъ приготовлять бѣлый шартрезъ и мало по малу изобрѣлъ желтый и зеленый. На бутылкахъ и теперь всегда стоитъ имя Гарнье. Виконтъ д'Авенель нѣсколько разъ посѣщалъ картезіанскій монастырь и, между прочимъ, изучилъ способъ приготовленія шартреза. Онъ говоритъ, что въ составъ этого ликера входитъ болѣе сорока травъ. Главная изъ нихъ мелисса, пропорція ея мѣняется отъ 250 до 500 граммовъ на гектолитръ, затѣмъ синій звѣробой, перечная мята, альпійская бѣлая полынь, сѣмена и корни дягиля, — каждаго отъ 125 до 250 граммовъ. Далѣе въ значительно меньшихъ дозахъ — отъ 15 до 30 граммовъ, цвѣтъ арники, тимьянъ, калуферъ, почки душистаго тополя, китайская корица, мускатный орѣхъ, кишнецъ, алоэ, кардамонъ и многія другія. На каждый гектолитръ добавляется прежде всего три литра алкоголата, въ соединеніи со смѣшаннымъ настоемъ на винѣ малага майорана, гвоздики, лаванды, четырехъ сортовъ перцу, стручковаго, ямайскаго, кубебы и простого чернаго (русскаго); сосновой смолы, теріака, гіацинта и мускатнаго бальзама. По вѣсу всѣ эти ингредіенты не составляютъ и 2,600 граммовъ на гектолитръ шартреза, а цѣна ихъ не превышаетъ 7—8 франковъ, но не они составляютъ цѣнность напитка, а сложность его приготовленія.

Извѣстно, что правила послушанія картезіанскаго ордена самыя строгія и въ орденъ поступаютъ только лица, дѣйствительно отрѣшившіяся отъ земной жизни и вполнѣ посвятившія себя Богу. Куда же дѣваютъ картезіанцы тотъ громадный доходъ, который имъ доставляетъ продажа шартреза, около трехъ милліоновъ франковъ чистыхъ, которые остаются за уплатой всѣхъ пошлинъ и расходовъ. Ежегодно отправляется до двухъ милліоновъ бутылокъ. Весь доходъ идетъ на благотворительныя дѣла. Секретъ приготовленія шартреза извѣстенъ, въ сущности, только тремъ монахамъ. Но, какъ мы видѣли изъ перечня травъ, это все растенія самыя обыкновенныя, и рецептъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія. Все зависитъ отъ хорошаго качества вина и свѣжести травъ, собранныхъ тутъ же на горахъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ СПБ. АКЦ. ОБЩ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Кареѣва. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/д., Садовая ул., д. Панченко.

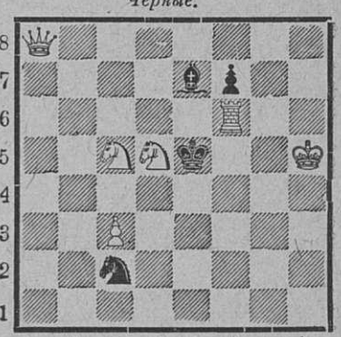
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 115.

К. Конделика (въ Прагѣ).

Изъ журнала «Bohemia».

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

РѢШЕНІЯ ШАХМАТНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

№ 105. *Тракслера.* Ф 1. c3—e3, Кр. d5 : e5; 2. Ф e3 : c5+ и 3. Ф×. 1.... С e6—f5; 2. Л f6—d6+ и 3. Ф×. 1.... С∞ : 2. c2—c4+ и 3. Ф×. 1... Кр d5—c6; 2. Ф e3—d2, ∞; 3. Ф×. 1... c5—c4; 2. Ф e3—d4+ и 3. Ф×.

№ 106. *Шошина.* 1. Ф. a6—b7, Кр c5—d6; 2. Кр d2—e4+ и 3. Ф×. 1... К∞; 2. b2—b4+ и 3. К×. 1.... e6—c5; 2. К d2—e4+ и 3. b2—b3×.

№ 107. *Шинкмана.* 1. Ф b4—a4, e5—e4; 2. Ф a4—a5+, ∞; 3. Ф. или К×. 1... f4—f3; 2. c2—c4+ и 3. Ф×. 1.... С ∞; 2. Ф a4—b5 (a8)+ и 3. Ф×. 1... f6—f5 (g5); 2. Ф a4—d7+ и 3. Ф×.

№ 108. *Галицкаго.* 1. К d7—e8, ∞; 2. Ф или К×.

№ 109. *Кальянова.* 1. Ф a8—h8, ∞; Ф или К×.

№ 110. *Бреде.* 1. С e1—d2, ∞; 2. Ф, Л, К или П×.

Рѣшили: Е. Ф. Андрезенъ (Спб.) и П. Н. Поповъ (Саратовъ) — всѣ; Н. Н. Сергѣевъ (Вологда)—№№ 106, 108, 109, и 110; М. Ивановъ (М. Москва)—№№ 108, 109 и 110; М. Соколовъ (Спб.)—№№ 108 и 109.

Редакторъ А. К. Шелперъ (А. Михайловъ).

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000.000** фунтовъ **10.000.000.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . **8 р.** | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. **7 р.** — Въ Москвѣ . **7 р. 75 к.**
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) **4 р.** — **На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) **2 р.** | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . **16 р.** —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ **15** руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 20 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 19 рисунками, обложки и приложеній: I) Новѣйшія Парижскія Моды, № 5 (за май 1899 года); II) Листъ выкроекъ и III) Оригинальные рисунки для выжиганія по дереву, сост. А. Стрѣльченко.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 13 мая 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 21.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 21-го нумера.

Воскресенье, 23-го мая 1899 г.

Статьи:

А. С. Пушкинъ. Ник. Носкова.—Къ столѣтію со дня рожденія А. С. Пушкина.—Объявленія.

Рисунки:

А. С. Пушкинъ (порт). — Въѣздъ въ с. Михайловское. — Видъ с. Михайловскаго. — Пушкинскій домикъ въ с. Михайловскомъ, съ картины худ. Г. П. Кондратенко. — Кресло и столикъ А. С. Пушкина. — Видъ изъ с. Михайловскаго.—Иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.—„Цыганы“. Рис. А. Райлянъ.—„Дубровскій“. Рисунокъ худ. Михайлова.—Аллея Пушкина въ кишиневскомъ городскомъ саду. Рисунокъ худ. А. Райлянъ.—Виды Гурзуфа (5 рисунковъ) худ. Э. Я. Магдесіана.—Видъ на Св. Горы съ дороги изъ с. Михайловскаго.—У могилы Пушкина, съ картины художника Г. П. Кондратенко. — Памятники Пушкину въ С.-Петербургѣ, Кишиневѣ и въ Одессѣ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ТЫСЯЧИ БЛАГОДАРСТВЕННЫХЪ ОТЗЫВОВЪ

отъ самыхъ интеллигентныхъ потребительницъ нашего изобрѣтенія дозволяютъ намъ рекомендовать всѣмъ дамамъ ПАТЕНТОВАННЫЙ ШИНДЛЕРА БЮСТГАЛЬТЕРЪ (Антикорсетъ). Изобрѣтеніе это, замѣняющее корсетъ и признанное во всѣхъ Государствахъ, даетъ полное свободное движеніе, вслѣдствіе чего его могутъ носить въ теченіе цѣлаго дня и безъ утомленія себя ВСѢ безъ исключенія дамы и даже страдающія, беременныя, кормящія грудью, хозяйки въ домашнемъ быту, трудящіяся въ разныхъ бюро, училищахъ, торговляхъ, путешествующія, управляющія всякаго рода спортъ и т. д., въ чемъ свидѣтельствуютъ отзывы докторовъ прилагающіеся къ каждому экземпляру.

Бюстгальтеръ, патентованный въ 13-ти Государствахъ, изготовляется изъ лучшихъ и модныхъ корсетныхъ матеріаловъ со щегольскою отдѣлкою.

ЦѢНЫ:	AA.	A.	B.	C.	D. D. шелк. черн.
	3,50.	4,50.	5,75.	6,75.	9,50.

Деталичные заказы высылаются почтою повсемѣстно наложеннымъ платежомъ (даже безъ задатка) съ причисленіемъ за пересылку 60 коп. При заказѣ слѣдуетъ прислать мѣрку въ сантиметрахъ, вершкахъ, дюймахъ или тесьмой по рисунку.

1) **Полную** окружность груди (со спиною), мѣря **на платьѣ** подъ мышкою кругомъ отъ A. до B.
2) **Полную** окружность таліи кругомъ отъ C. до D.
3) Высоту бока отъ A. до C.

Выписывающіе **три и болѣе** экземпляра за пересылку НЕ платятъ.

АДРЕСЪ ДЛЯ ЗАКАЗОВЪ:

Варшава, „Шиндлера Бюстгальтеръ“

Маршалковская 118м.

3000-1

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. 1. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/д., Садовая ул., д. Панченко.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ **А. Михайлова.** Цѣна 1 рубль.

Персидская поэма на смерть Пушкина. — Г. В. Каллашъ помѣстилъ въ одной изъ московскихъ газетъ, въ исправленной редакціи, поэму персидскаго поэта Мирзы-Фатх-Али-Ахундова на смерть Пушкина, въ которой, какъ и многіе другіе поэты, выразилъ свою печаль по поводу его смерти. Вотъ что онъ пишетъ: „Все, распростившись съ печалью, теперь наслаждается и веселится. Все, но не ты, мое сердце! Не участникъ ты въ общей радости и восторгѣ, не просыпаешься ты изъ безмолвія. Въ глубинѣ твоей нѣтъ склонности ни къ чему, нѣтъ любви ни къ кому. Далеко ты отъ страсти къ славѣ и отъ мечты къ поэзіи! Развѣ ты не то самое сердце, которое погружалось въ море мыслей для ловли жемчужинъ — стиховъ, и украшало этими перлами дѣвъ — тысячи игривыхъ выраженій? Откуда же печаль твоя? Почему ты стенаешь и сокрушаешься, какъ похоронная плакальщица?“ Отвѣчало на это сердце: „оставь меня самому себѣ, товарищъ моего уединенія! Если-бъ я, какъ бабочка, красавица луга, не знало, что за весеннимъ вѣтеркомъ слѣдуетъ бурный вихрь осени — о тогда бы на славную битву я препоясало мечомъ слова станъ наѣздника поэзіи. Но мнѣ знакомо вѣроломство судьбы и жестокость этой измѣнницы!.. Безумна птица, которая, вырвавшись изъ сѣти, ради зерна, снова полетитъ на опасность. Что такое громъ славы, что такое хвала за доблести, какъ не обманчивое эхо внутри коловратнаго небеснаго свода?! Не говори мнѣ о мечтѣ поэзіи: я хорошо знаю, чѣмъ это зловѣщее небо награждаетъ ея питомцевъ! Развѣ ты, чуждый міра, не слыхалъ о Пушкинѣ, о главѣ собора поэтовъ? о томъ Пушкинѣ, которому хвала стократно гремѣла со всѣхъ концовъ свѣта за его игриво-текущія пѣснопѣнія? о томъ Пушкинѣ, отъ котораго бумага жаждала на лицѣ ея потерять бѣлизну свою, лишь бы его перо рисовало черты? Въ мечтахъ его, какъ въ движеніяхъ павлина, являлись тысячи радужныхъ отливовъ словесности. Ломоносовъ украсилъ чертогъ поэзіи красой генія, но только мечта Пушкина утвердилась въ немъ. Державинъ завоевалъ державу поэзіи, но властелиномъ ея свыше былъ избранъ Пушкинъ. Карамзинъ наполнилъ чашу виномъ знанія, Пушкинъ выпилъ вино этой наполненной чаши. Слава его генія распространилась по всей Европѣ, до предѣловъ вселенной, какъ могущество и величіе Императора Николая отъ Китая до Татаріи. Своимъ свѣтлымъ умомъ онъ былъ дорогъ всему Сѣверу, какъ молодая луна дорога Востоку. Такого остроумнаго, такого даровитаго сына еще не рождали доселѣ общіе родители — четыре стихіи и семь небесъ. Съ удивленіемъ внимай мнѣ: эти родители не устыдились быть къ нему жестокими. Они прицѣлились въ него стрѣлой смерти, исторгли корень его бытія. По волѣ ихъ, черное облако одной градиной (пулей) побило плодъ древа его жизни. Грозный вѣтеръ смерти погасилъ свѣтильникъ его души; какъ тюрьма, стало мрачно его тѣло. Старый садовникъ — свѣтъ, пересѣкъ его станъ безжалостною сѣкирой, будто молодую вѣтку цвѣтка. Будто птица изъ гнѣзда, упорхнула душа его — и всѣ, и старъ и младъ, сдружились съ горестью. Россія въ скорби и печали восклицаетъ: „о, жертва смерти злодѣйки и злокозненнаго міра!“ Ты удалился отъ земныхъ друзей: да будетъ милосердіе Божіе въ небесахъ твоимъ другомъ! Бахчисарайскій фонтанъ посылаетъ твоему праху съ весеннимъ вѣтеркомъ благоуханіе двухъ твоихъ розъ“.

Fleichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Цѣна коробки 1 рубль.

Лучшая пудра для вечера, а также и дня. Незамѣтна на кожѣ. Косметическое средство для красоты кожи!

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ГРИМИРОВКИ!

РУМЯНА, БѢЛИЛА и КАРАНДАШИ ДЛЯ БРОВЕЙ!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ. БЕРЛИНЪ. Поставщикъ королевскихъ театровъ Берлина и Брюсселя.

Главное депо для Россіи у В. АУРИХЪ, Литовская, № 44. Спб. 2796—4

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи.
Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ
И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 21. Воскресенье, 23-го Мая 1899 г. Годъ изд. 64-й.

А. С. Пушкинъ.

ПУШКИНЪ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. „И пророческое“, прибавилъ отъ себя Достоевскій въ своей замѣчательной рѣчи, произнесенной на пушкинскихъ торжествахъ въ Москвѣ, при открытіи въ 1880 г. памятника великому поэту. И, дѣйствительно, историческая заслуга Пушкина предъ русской литературой, предъ всѣмъ русскимъ обществомъ громадна, неизмѣрима. Его геній, подобно генію великаго Петра, на обломкахъ стараго возводитъ новое величественное зданіе, на которомъ покоятся основы нашей народности, нашего самосознанія, о которыхъ до него никто не задумывался. „Онъ разомъ самымъ мѣткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго, надъ народомъ стоящаго, общества. Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца (Онѣгина), скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ, съ историческою судьбою его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ нашей грядущей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ, и, конечно, тоже первый изъ писателей русскихъ, провелъ передъ нами цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ типовъ въ ихъ правдѣ, правдѣ безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ какъ изваянные“.

Поэтъ-художникъ по преимуществу, онъ далъ намъ безсмертные образцы искусства и останется навсегда учителемъ поэзіи, великимъ мастеромъ слова. Его творчество обняло всѣ роды и виды искусства, и ни въ одномъ онъ не знаетъ себѣ соперниковъ, вездѣ онъ первый изъ первыхъ. Поэтъ, драматургъ, создатель русскаго романа, онъ былъ и первымъ русскимъ журналистомъ, высоко поднявшимъ свое знамя надъ толпой мелкихъ писакъ и торгашей, промышлявшихъ литературой единственно для выгодъ собственнаго кармана.

Тяжелой борьбою со всѣми условіями жестокаго вѣка была вся его жизнь и борьбою началась его поэтическая дѣятельность. Съ первыхъ же шаговъ его имя дѣлается синонимомъ раздѣленія двухъ литературныхъ становъ — стараго псевдо-классицизма съ новымъ романизмомъ. Новое побѣдило. И опять борьба, еще болѣе трудная, еще болѣе тяжелая — борьба генія съ непонимающей его толпою. Наконецъ и это кончено. Толпа побѣждена и рукоплещетъ, вѣнчая поздними лаврами и хвалами уже отошедшаго въ иной міръ поэта. Но краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ, — та же толпа и тѣ же рукоплесканія надъ поверженнымъ Пушкинымъ подъ скальпелемъ реалистической критики шестидесятыхъ годовъ. Но сила его генія такъ велика, такъ глубока неразрывная связь, соединяющая Пушкина съ русскимъ самосознаніемъ, что никакая критика не въ силахъ низвергнуть поэта съ его пьедестала, созданнаго его творческимъ геніемъ, ни умалить его значенія для мыслящей и понимающей Россіи, для всего нашего самосознанія.

Трудно представить себѣ жизнь болѣе богатую характерными яркими чертами и судьбу болѣе трагическую, какія выпали на долю великаго русскаго поэта. Непонятый при жизни характеръ, неоцѣненный въ самыхъ лучшихъ, зрѣлыхъ произведеніяхъ своего генія, онъ съ самыхъ первыхъ шаговъ въ жизни сталкивается съ окружающей его дѣйствительностью, всего менѣе благопріятной для развитія сильнаго таланта. Нелюбимый сынъ въ родительскомъ домѣ, выросшій безъ материнской ласки; непонятый товарищами въ лицеѣ; изгнанникъ, брошенный судьбою сначала на югъ, потомъ въ сѣверный уголъ Псковской губерніи; затѣмъ придворный этикетъ, чуждый его свободолюбивому духу и, наконецъ, самая смерть подъ пулею на поединкѣ, — во всемъ этомъ столько глубокаго, внутренняго трагизма, такая иронія судьбы.

„Онъ былъ рожденъ для поэзіи и счастья“, и дѣйствительно только въ этой поэзіи нашелъ онъ и счастье и примиренье вѣчно метущемуся пытливому духу, вырвавшемуся рано изъ тѣхъ оковъ, которыя налагали на него тогдашнія условія жизни. Все въ немъ было дивно и двойственно: сильный глубокій умъ, а наряду съ нимъ кипучія страсти, злой мѣткій, какъ стрѣла, сарказмъ и желчь ироніи, а наряду съ ними мягкое какъ воскъ, доброе до самоотверженія, въ буквальномъ смыслѣ, великое сердце; разсѣянный образъ жизни, страсть къ шуму городовъ и къ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, и тутъ же вмѣстѣ долгій, упорный трудъ въ одиночествѣ „за лампою ночной“. Міросозерцаніе широкое, ясное, не подчиняющееся шаблону и не укладывающееся въ узкія рамки, и опять-таки попутно съ тѣмъ какая-то болѣзненная, привитая средою, жажда тщеславія въ томъ именно кругу, который онъ самъ же называлъ „гадкою лужою грязи“ и самъ болѣе другихъ и ненавидѣлъ и презиралъ. Все въ немъ кажется двойственно и на первый взглядъ противорѣчиво. Но если мы вглядимся поглубже, попристальнѣе, то ясно увидимъ и расчленимъ тѣ наносные элементы въ его характерѣ, которые далеко не несвойственны его натурѣ, но были искусственно привиты условіями жизни и окружающей средой. Къ этимъ условіямъ жизни и окружающей среды мы и перейдемъ теперь.

I.

Въ отжившей уже свой вѣкъ обстановкѣ стараго русскаго барства суждено было увидѣть Божій свѣтъ Александру Сергѣевичу Пушкину въ памятный для всей Россіи день 26 мая 1799 года.

Воспитанное на французскій манеръ, тяготѣющее ко всему иноземному, русское барство считало себя цвѣтомъ родной страны. И, дѣйствительно, въ немъ одномъ сосредоточивались всѣ ин-

теллигентныя силы Россіи; оторванныя отъ народа, не доросшія еще до пониманія народности, онѣ, въ лучшемъ случаѣ, были горды своимъ европейскимъ просвѣщеніемъ, поставившемъ ихъ наряду съ требованіями вѣка и европейской образованности; въ худшемъ, выдвигались длинныя родословныя, чины и отличія, замѣнявшіе собою многое, если не все: и умъ, и образованіе, и таланты. Воспитанный на французской литературѣ, отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, не могъ не считаться человѣкомъ образованнымъ. Поверхностное образованіе, выражавшееся въ умѣніи вести бесѣду даже на серьезныя темы, остроуміе и погоня за модными теченіями, господствовавшими въ великосвѣтскихъ салонахъ, составляло основу жизни. Сергѣй Львовичъ отдавалъ свѣту всего себя и все свое время. Это былъ одинъ изъ тѣхъ дилетантовъ по профессіи, которыми вообще были полны тогда свѣтскія гостиныя. Разсѣянная, вѣчно веселая жизнь, казалось, улыбалась ему. Онъ любилъ городъ, шумъ столицы и отъ всей души недолюбливалъ деревню, — ту деревню, гдѣ Русью пахнетъ. Обширныя деревни лежали въ нищетѣ, имѣніе грозило полнымъ разореніемъ, а самъ помѣщикъ беззаботно кружился въ вихрѣ свѣта и его удовольствій. Его жена, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ, вполнѣ раздѣляетъ взгляды мужа, и супружеская чета живетъ полной жизнью свѣтскихъ удовольствій и развлеченій.

Врядъ-ли возможно назвать благопріятной ту обстановку, въ которой Пушкинъ ребенкомъ воспринялъ первыя впечатлѣнія бытія, и счастливыми тѣ условія, среди которыхъ прошли его дѣтскіе дни. Съ первыхъ же дней онъ видитъ кругомъ себя обстановку изнѣженнаго барства, прожигающаго жизнь въ безцѣльномъ сибаритствѣ, въ легкомъ эпикуреизмѣ, составлявшемъ всю его нравственную философію, всѣ устои. Онъ слышитъ кругомъ себя иноземную рѣчь, замѣнившую родной языкъ, изгнанный изъ великосвѣтскихъ салоновъ. Французская рѣчь, русскіе нравы, перелицованные на французскій манеръ, французскіе же писатели-энциклопедисты, на которыхъ воспитывались всѣ русскіе поэты прошлаго вѣка — вотъ что окружаетъ его. Великій русскій поэтъ отдалъ дань вѣку, и самъ началъ съ сочиненія французскихъ стиховъ. Уже съ дѣтства его окружаетъ двойственная атмосфера двухъ различныхъ теченій. Съ одной стороны онъ видитъ раболѣпное поклоненіе всему иноземному, съ другой широкій міръ русскихъ сказокъ и наивныхъ преданій развертывается передъ нимъ въ разсказахъ его няни Арины Родіоновны. Эту же двойственность мы можемъ продолжить и дальше: балованное дѣтище бабки Маріи Алексѣевны, онъ ростетъ нелюбимымъ матерью, явно отдававшей предпочтеніе старшей сестрѣ и младшему брату.

До девяти лѣтъ его развитіе идетъ медленно, не обѣщая ничего особенно выдающагося, ярко индивидуальнаго въ характерѣ ребенка. Впрочемъ, одна черта, это — склонность къ мечтательности, незамѣчаемая родными, уже наблюдается съ первыхъ же дней въ тяжеломъ и флегматичномъ, на первый взглядъ, ребенкѣ. Онъ рано началъ жить въ своемъ собственномъ мірѣ мечты и грезъ, открывшемся для него среди книгъ библіотеки отца. Онъ проводитъ въ ней цѣлые дни, читая безъ всякаго контроля, безъ разбора. Вольтеръ, Гельвецій, Руссо — вся школа энциклопедистовъ прошлаго вѣка были его первыми учителями, развившими его умъ; эротическіе писатели, какъ-то Парни, Грессе и др., рано пробудили въ немъ воображеніе, распаляя чувственность. Въ первыхъ эротическихъ стихахъ молодого Пушкина уже ясно сказывается сильное вліяніе послѣднихъ. Нельзя не признать, что подобное чтеніе было далеко не благотворнымъ для всего развитія ребенка. Въ его душѣ создавался переломъ столь естественный на грани, отдѣляющей дѣтство отъ юности, и слишкомъ преждевременный для девятилѣтняго ребенка; сложная натура поэта начинала слагаться рано, и это раннее, почти внезапное для домашнихъ перерожденіе было совершенно непонятно. О томъ, какая нездоровая атмосфера окружала ребенка, объ этомъ никто не задумывался.

Застѣнчивый и робкій при другихъ, онъ таилъ въ себѣ громадное упорство и не допускалъ проявленій ничьей власти надъ собой. Въ немъ рано пробудилось чувство независимости и свободомыслія, не признававшее надъ собою ничьей власти или опеки. Наемные гувернеры мало обращали вниманія на характеръ ребенка, родители еще того менѣе. Въ чаду удовольствій и свѣтскихъ развлеченій проходила жизнь Пушкиныхъ, и на дѣтей вообще удѣлялось не много вниманія. Сергѣй Львовичъ предпочиталъ всему вниманіе свѣта; новости свѣтскихъ гостиныхъ, остроумныя изреченія салонныхъ говоруновъ и различныя похожденія отнимали весь его досугъ и время, и на домашнія дѣла, на различныя хозяйственныя хлопоты оставляли очень мало времени. Надежда Осиповна слѣдовала примѣру мужа. Во всемъ домѣ царилъ тотъ безпорядокъ, который возникаетъ при отсутствіи настоящей хозяйки. Огромныя имѣнія были обременены долгами и лежали запущенными, не давая никакого дохода, въ то время, какъ обладатель ихъ частенько нуждался въ деньгахъ. Такова въ краткихъ чертахъ обстановка, среди которой пришлось провести раннее дѣтство великому поэту. Задержанное сначала, позднее развитіе смѣнилось вдругъ совершенно обратнымъ явленіемъ, и предъ неожиданностью этого явленія встали втупикъ и родные и гувернеры. Предначертанія ихъ упрямо не исполнялись мальчикомъ, строгость и домашнія внушенія, къ которымъ пробовали обратиться недальновидные педагоги, считая ихъ прекраснымъ и подходящимъ средствомъ для ребенка, не принимая во вниманіе его характера, достигали какъ разъ совершенно обратнаго: они еще болѣе озлобляли дѣтское сердце.

Въ немъ уже зрѣлъ какой-то безсознательный отпоръ окружающимъ, не могущимъ понять сложнаго, неустановившагося характера ребенка. Въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ они встрѣтили такой рѣзкій, не по лѣтамъ стойкій отпоръ ихъ требованіямъ и приказаніямъ, что сначала, растерявшись, не знали, чѣмъ его объяснить и, затѣмъ, объяснили по своему „жестокостью чувствъ и врожденнымъ упорствомъ“. Онъ дѣлался бичемъ не понимавшей его семьи, грозою для наемныхъ дядекъ и гувернеровъ. Приходилось подумывать болѣе серьезно, чѣмъ думали до сихъ поръ, о воспитаніи Александра Сергѣевича, и, наконецъ, Сергѣй Львовичъ пришелъ къ выходу. Этотъ желанный выходъ представлялся въ видѣ закрытаго учебнаго заведенія, какимъ былъ въ то время іезуитскій коллегіумъ въ Петербургѣ, гдѣ подъ надзоромъ католическихъ патеровъ русское юношество впитывало въ себя съ малыхъ лѣтъ благодать чужеземныхъ вліяній. Коллегія въ то время была единственнымъ и моднымъ питомникомъ для русскихъ барчуковъ и имѣла славу привилегированнаго во всѣхъ отношеніяхъ учебнаго заведенія.

Отъ этого шага Сергѣя Львовича предохранило два обстоятельства: вліяніе А. И. Тургенева и открытіе царскосельскаго лицея, отвѣчавшаго всѣмъ требованіямъ, гонявшагося за модой и большимъ свѣтомъ, Сергѣя Львовича. Судьба юноши Пушкина была рѣшена. Въ августѣ 1811 г. онъ безъ сожалѣнія покинулъ родительскій домъ и отправился въ Петербургъ для сдачи вступительнаго экзамена въ лицей.

II.

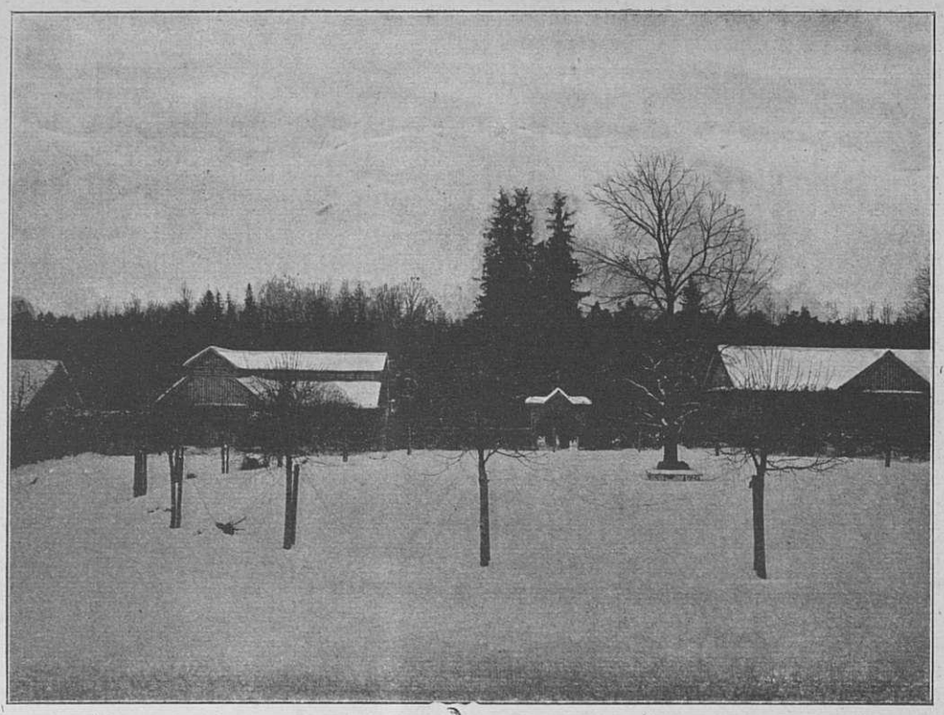
19 октября 1811 г. царскосельскій лицей распахнулъ свои двери предъ одиннадцатилѣтнимъ Пушкинымъ. Лицей и годы, проведенные въ немъ, имѣли громадное вліяніе на творчество будущаго поэта. Изъ стѣнъ лицея, „изъ царскосельскаго уединенья“, раздалась первая пѣсня Пушкина и облетѣла всю Россію; въ лицеѣ же сложились первые взгляды и убѣжденія поэта, съ которыми онъ вступилъ въ „море жизни шумной“.

По своей организаціи и воспитательному значенію лицей представлялъ крайне любопытное явленіе. Основанный въ 1811 г. императоромъ Александромъ I, для того, чтобы приготовлять юношей къ высшимъ степенямъ государственной службы, лицей во времена Пушкина представлялъ изъ себя замѣчательно нестройное цѣлое, — обычный разладъ россійскихъ мечтаній съ россійской же дѣйствительностью. Съ одной стороны составъ педагогическаго персонала былъ подобранъ превосходно и блисталъ яркими именами лучшихъ педагоговъ того времени, программы поражали своею обширностью и широтою положеннаго въ ихъ основу взгляда на преподаваніе, преслѣдовавшаго высокія цѣли, въ видѣ возбужденія самодѣятельности ума и жажды познаній въ воспитанникахъ. Это были прекрасныя мечты; посмотримъ же теперь, какова была дѣйствительность, съ которой пришлось столкнуться Пушкину въ лицеѣ.

Дѣйствительность очень мало походила на мечты. Правда, на первыхъ порахъ, лучшіе педагоги, приглашенные обучать привилегированныхъ юношей, для достиженія ими дипломатической карьеры, горячо принялись за дѣло, но этой горячности хватило на очень непродолжительное время. Одинъ за другимъ учителя спускаютъ рукава и начинаютъ относиться къ своему дѣлу съ обычной рос-

сійской халатностью. Лучшія силы лицейскихъ педагоговъ кончаютъ тѣмъ, что или спиваются и сходятъ съ арены, какъ Кошанскій, или вмѣсто чистой математики въ виду несочувствія привилегированныхъ воспитанниковъ къ математическимъ премудростямъ, начинаютъ разсказывать съ каѳедры, различные анекдоты, шумно принимаемые молодой аудиторіей (проф. Карцевъ); или, махнувъ рукою на кладезь лицейской науки, извѣрившись въ пользу и необходимость этой самой науки для барчуковъ, предназначенныхъ къ дипломатической карьерѣ, обращаютъ преподаваніе, въ лучшемъ смыслѣ, какъ проф. Куницынъ, въ сплошную зубрежку „отъ сихъ до онаго“, или, въ худшемъ, подобно добродѣтельному Галичу,— промѣнявшему каѳедру философіи на устройство попоекъ и поощрявшему учениковъ въ этихъ, съ философіей мало имѣющихъ общаго, занятіяхъ, — сами потворствуютъ вкусамъ учениковъ.

Въ своей средѣ лицейскіе педагоги также не встрѣчали ни сплоченности, ни единства, которое отличало его воспитанниковъ. Съ кончиной въ 1814 г. перваго директора Малиновскаго, лицей вступаетъ въ періодъ полной анархіи, управляясь поочередно однимъ изъ преподавателей. Все это не могло не отразиться на общемъ ходѣ преподаванія и воспитанія. Въ этомъ разладѣ педагогическаго персонала воспитанники ясно сознали, что ихъ единеніе будетъ силою. И они дѣйствительно представляли таковую. Они гордо оберегали свою свободу, независимость и свое аристократическое чувство отъ всякаго покушенія учебнаго начальства. Свобода и независимость, которую узналъ и полюбилъ Пушкинъ еще на лицейской скамьѣ, была однимъ изъ главныхъ элементовъ лицейской жизни.



Видъ с. Михайловскаго.

Воспитанники закрытаго заведенія, какимъ былъ лицей, пользовались полной свободой и являлись завсегдатаями всѣхъ гуляній и вечеринокъ, происходившихъ въ Царскомъ; они же бывали нерѣдкими гостями на гусарскихъ кутежахъ и попойкахъ, въ атмосферѣ табачнаго дыма и вина воспринимая первые уроки волокитства за крѣпостными артистками и горничными, заканчивавшіеся тайными свиданіями въ темныхъ аллеяхъ царскосельскаго сада. Любовь и ревность, измѣны и страсть непосредственно переживались самими царскосельскими „затворниками“, и отсюда понятно, почему первыя, такъ называемыя, „лицейскія“ стихотворенія Пушкина отмѣчены именно подобными элементами чувственности, рано проснувшейся въ его натурѣ и окрасившей въ одинъ общій колоритъ и первые звуки его музы, и его подражательное еще французскимъ эротическимъ поэтамъ творчество.

Въѣздъ въ с. Михайловское

Вліяніе французскихъ поэтовъ, съ которыми онъ ознакомился еще въ библіотекѣ отца, скорѣе только могло способствовать развитію этой рано проснувшейся чувственности, чѣмъ умѣрять ее; лицейскія впечатлѣнія, какъ мы видѣли выше, также не были способны ослабить ее. Но каковы бы ни были образцы этого подражательнаго творчества, важно то, что оно красною нитью проходило въ занятіяхъ воспитанниковъ, спасая ихъ отъ нравственной пустоты. Литература являлась своего рода спасительнымъ маякомъ для молодыхъ головъ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Наука, преподаваемая съ съ лицейскихъ каѳедръ, давала очень мало для ума и воображенія; гораздо болѣе способствовали къ самообразованію товарищескіе кружки и библіотека, въ которой собирались воспитанники.

Время, переживаемое лицемъ, было отмѣчено наибольшимъ подъемомъ патріотическаго духа, вызваннаго отечественной войной. Въ библіотекѣ лицея шли оживленые толки и обмѣнъ мыслей, по поводу занимающаго мысли всѣхъ, и воспитанниковъ и профессоровъ, исхода войны. Одушевленіе, внесенное въ литературу патріотическими статьями въ журналахъ, не могло пройти безслѣдно для лицея; своимъ шумнымъ и молодымъ проявленіемъ патріотизма лицей какъ бы пріобщался къ остальной Россіи, живя ея думами, мыслями и чувствами. И это одушевленіе не могло не сказаться на творчествѣ лицейскихъ поэтовъ вообще и на творчествѣ Пушкина въ частности. Мало по малу, вліяніе французскихъ поэтовъ уступаетъ мѣсто вліянію Батюшкова, Карамзина и Жуковскаго.

Въ тиши царскосельскихъ садовъ посѣтила Пушкина его первая авторская греза, и сумракъ аллей навѣялъ ему первое вдохновеніе. Первый плодъ пушкинской лиры достался ему съ превеликимъ трудомъ; онъ не могъ совладать съ цѣлой пьесой и бросилъ ее на первой строфѣ. Слѣдующіе опыты были удачнѣе, и лицейскій кружокъ весьма скоро обогатился эротическими стихами Пушкина, навѣянными и подражательностью французскимъ поэтамъ, и самими условіями разгульной

жизни лицея. Лицейское начальство, отбрасывая всякую мысль о подражательности юнаго поэта, объяснило по своему источникъ этихъ произведеній, находя его въ самомъ характерѣ юнаго Пушкина. Оно сочло „сердце поэта пустымъ и извращеннымъ съ рожденія", заподозрѣло „благородство" самой души поэта. Вообще, Пушкинъ не пользовался фаворомъ лицейскаго начальства.

Директоръ лицея Энгельгардтъ даетъ ему слѣдующую характеристику, показывающую, какъ ошибаются въ большинствѣ случаевъ педагоги въ оцѣнкѣ своихъ учениковъ, выходящихъ по своей натурѣ и характерамъ изъ ряда посредственностей. „Умъ Пушкина, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно французскій умъ". „Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце".

Товарищи также мало могли понять двойственность въ этомъ нервномъ впечатлительномъ юношѣ, съ необузданными проявленіями всѣхъ страстей, то вспыльчивомъ до бѣшенства въ минуты раздраженія, то вѣчно разсѣянномъ, вѣчно погруженномъ въ свои мечтанья не по лѣтамъ развитомъ и съ жадностью поглощавшемъ за книгою книгу; въ немъ не было чего либо стойкаго, опредѣленнаго. Онъ не подходилъ ни подъ одинъ готовый шаблонъ, характеръ его не укладывался въ обычныя рамки готовыхъ сужденій. Оттого-то для поверхностныхъ, близорукихъ наблюдателей въ немъ не было „ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ"; оттого-то онъ представлялъ для нихъ мало привлекательнаго и въ самомъ себѣ, и въ своемъ обращеніи съ другими.

Но люди, близко знавшіе его, постигшіе его душу, испытавшіе его сердце, понимали, знали и искренно цѣнили, какая великая во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ была эта душа, какое горячее отзывчивое сердце билось въ этой груди. Они знали, что какъ перлы таятся на глубинѣ морской и не появляются на поверхности, такъ и въ этой душѣ таится много любви и нѣжности, таится много цѣнныхъ перловъ, — ихъ надо только умѣть извлечь наружу. Эти близкіе друзья, съ которыми свела Пушкина лицейская скамья, уже тогда видѣли въ немъ хотя и своего сверстника по лѣтамъ, по классу, но не могли не замѣчать, что онъ головой выше ихъ и по массѣ прочитаннаго и продуманнаго, и по той ступени развитія, на которой стоялъ тогда Пушкинъ. Имъ-то, главнымъ образомъ, и довелось взлелѣять и привѣтствовать первые всходы его поэзіи, первые плоды его творчества.

Въ тѣсной комнаткѣ подъ № 14, помѣщавшейся въ четвертомъ этажѣ лицейскаго зданія, Пушкинъ пережилъ первые годы своего творчества, и полюбилъ тотъ „сумракъ неизвѣстный" и тайныя цвѣты „поэзіи прелестной благословенныя мечты". Здѣсь, въ этой комнаткѣ, наединѣ съ самимъ собою прошли томительные годы внутренняго разлада съ самимъ собою, минуты упоенья и творческаго досуга. Досуга этого было достаточно: лицейскія занятія не отнимали много времени.

Внутренній разладъ души, которая болитъ и рвется на просторъ, чувствуя всю тяжесть своего нравственнаго раздѣленія, былъ также великъ. Онъ слишкомъ рано овладѣлъ Пушкинымъ. Отсюда та двойственность, тѣ рѣзкіе контрасты, враждебныя другъ другу противоположности, которыя уживались въ поэтѣ, которыя были причиной непониманія характера его сложной натуры даже близкими людьми. Воспріимчивое, отзывчивое и чуткое сердце билось въ груди молодого лицейскаго поэта; умъ тонкій, наблюдательный и глубокій данъ ему былъ въ удѣлъ судьбою, но этотъ умъ и сердце были занесены массой различныхъ постороннихъ элементовъ, которые, выплывая наружу, кидались въ глаза поверхностнымъ наблюдателямъ болѣе, чѣмъ присущія ему достоинства. Недостатки всегда бросаются сильнѣе, ихъ легче отыскать въ человѣкѣ, чѣмъ достоинства.

Таково отношеніе толпы, таковъ ея общій критерій. Пушкинъ не миновалъ его, онъ рано испыталъ, что значитъ судъ „невѣжды и глупца". Понять, что творилось на глубинѣ его души, какой ѣдкій осадокъ горечи, тоски и раздраженья носило его юное сердце, какія неопредѣленныя, но глубокія порыванія духа испытывала его душа, его умъ—могли только немногіе изъ его лицейскихъ товарищей. Съ ними только и былъ настоящій Пушкинъ; остальные видѣли въ немъ лишь юношу, образъ дѣйствій котораго шелъ въ разрѣзъ съ настоящимъ его характеромъ. Это была личина, маска, то юношеское позированье, вообще свойственное зеленой юности. Весь образъ его дѣйствій, заносчивый, рѣзкій, напрашивающійся на вражду и оскорбленья, носилъ характеръ какого-то неяснаго еще протеста.

Яркимъ, самобытнымъ натурамъ, не подходящимъ подъ общій шаблонъ, всегда приходится испытывать подобное положеніе и въ школѣ и въ жизни. Оно рано развило въ немъ злое остроуміе, ядовитый желчный юморъ, которые онъ бросалъ въ лицо врагамъ, отвѣчая на ихъ вызовы и плоскія шутки. Они не могли не задѣвать его всего, глубоко давая перечувствовать всю боль этихъ нападокъ и оскорбленному самолюбію, и встревоженному сердцу поэта. Въ своей одинокой комнатѣ, или бродя по аллеямъ стараго сада, онъ замыкался отъ окружающихъ, перебирая всѣ жгучія впечатлѣнія дня, заставлявшія страдать его вновь, терзался сознаніемъ собственной вины, или горѣлъ негодованіемъ на окружающихъ и... снова шелъ къ нимъ, потому что уединенье и мрачное затворничество не было въ характерѣ жизнерадостнаго, искавшаго жизни и людей поэта. И тогда раздвигались шире стѣны его бѣдной кельи, и муза, съ младенчества любившая его, сдѣлавшаяся его избранницей, навѣщала его. Каковы бы ни были первыя его вдохновенья, навѣянныя эротизмомъ французскихъ поэтовъ, жаждой рано проснувшихся страстей и разнузданнаго воображенія — самый источникъ ихъ былъ чистъ.

Возмущенная поверхность хранила нетронутой глубину; страсти и воображеніе, распаляя умъ и фантазію оставляли незатронутымъ сердце поэта. Еще тогда

Пушкинскій домикъ въ с. Михайловскомъ. Картина Г. П. Кондратенко. Гравировалъ Павловъ.

Кресло и столикъ А. С. Пушкина

на лицейской скамьѣ онъ понялъ и высоко поставилъ идеалъ своего поэтическаго призванія, и на дѣятельность поэта онъ смотрѣлъ какъ на миссію, какъ на священнодѣйствіе:

О, милый другъ, и мнѣ богини
пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.

Эта вѣра въ мечту своего призванья, въ свою поэтическую миссію всегда жила въ немъ и, не смотря ни на какія превратности судьбы, неизмѣнно теплилась въ его груди,—ее не подавили ни годы изгнанья, ни водоворотъ большого свѣта, въ волны котораго, казалось, вполнѣ погрузился Пушкинъ.

Занятіе литературой, которому предавались воспитанники лицея, спасало ихъ отъ пустоты преподаванія, заполняло ихъ досуги и было спасительнымъ якоремъ, за который могли уцѣпиться болѣе сильныя, талантливыя натуры.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ
горѣлъ,
И дивное волненье мы познали,
Съ младенчества двѣ музы къ намъ
летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ
удѣлъ!

говоритъ Пушкинъ, вспоминая лицейскіе годы и обращаясь къ своему лучшему другу лицейскихъ дней, барону Дельвигу.

Но если для наиболѣе одаренныхъ натуръ творчество было спасительнымъ якоремъ, то для Пушкина оно составляло все. Не подражательностью или случайными, скоро преходящими, вѣяніями было вызвано оно, — но родилось изъ тайниковъ его духа, изъ самой сокровенной глубины его внутренняго міра; выражаясь его образнымъ, словно выкованнымъ изъ стали, стихомъ, именно „съ младенчества духъ пѣсенъ въ немъ горѣлъ“. Это былъ неизсякаемый источникъ, бившій внаружу.

Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ лицейскій періодъ творчества, то нельзя не поразиться тому быстрому совершенствованію, отмѣчающему каждый шагъ юнаго поэта. Отъ первыхъ подражательныхъ, слабыхъ еще по формѣ, стиховъ, ознаменовавшихъ первые годы творчества Пушкина, уже къ концу 1817 г. передъ нами вырастаетъ настоящій поэтъ, стихотворенія котораго, напечатанныя на страницахъ „Вѣстн. Евр.“, нисколько не уступаютъ лучшимъ пьесамъ поэтовъ того времени.

Величайшій русскій поэтъ началъ съ французскихъ стиховъ, съ подражанія французскимъ поэтамъ, отдавая тѣмъ дань времени.

Слушай, юноша любезный,
Дамъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови,
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья
И нѣтъ счастія въ любви.

Такимъ эпикурейскимъ взглядомъ на жизнь, въ которой необходимо ловить мигъ наслажденья и утѣхъ, проникнуты первыя пьесы Пушкина, но скоро наряду съ этимъ эпикуреизмомъ четырнадцатилѣтняго поэта начинаютъ встрѣчаться иные мотивы. Мы видимъ какъ современность начинаетъ задѣвать Пушкина, и изъ царскосельскаго уединенья онъ прислушивается къ ея пестрому, нестройному шуму и шлетъ ей свой отзывчивый откликъ.

Стихотворныя посланія, бывшія въ то время въ ходу въ литературѣ, могутъ служить прекраснымъ показателемъ того интереса къ современной русской литературѣ, которымъ былъ проникнутъ Пушкинъ. Русская современная литература, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не могла не обратить вниманія на этого лицеиста, откликавшагося изъ своего царскосельскаго уединенія звучными стихами. Прославленные мастера слова, какъ Батюшковъ, Жуковскій и Карамзинъ, не могли не видѣть въ подражательномъ еще творчествѣ Пушкина своего талантливаго ученика. Ученикъ скоро превзошелъ своихъ учителей, но надо отдать справедливость имъ, что именно первый всходъ пушкинскаго дарованья, первые всходы его поэзіи они — эти прославленные мастера слова, встрѣтили съ замѣчательно теплымъ братскимъ участіемъ, съ какой-то чисто отеческой нѣжностью. Лицейскій экзаменъ, происходившій въ присутствіи Державина, былъ своего рода тріумфомъ для молодого поэта.

„Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ“,—благословилъ на ту поэтическую стезю, съ которой самъ уже сходилъ, приближаясь „къ вѣчности и гробу“. Дряхлѣющій пѣвецъ стараго екатерининскаго вѣка, уже стоя ногою въ могилѣ, увидѣлъ и словно пророчески предсказалъ зарю новыхъ дней, занимающуюся въ лицѣ шестнадцатилѣтняго Пушкина.

Никто, кромѣ Пушкина, изъ нашихъ писателей не начиналъ своей поэтической дѣятельности при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ.

Юноша, „лишенный сердца и всякихъ нравственныхъ началъ“, по аттестаціи лицейскаго начальства, становится предметомъ общаго вниманія. На него, еще сидящаго на ученической скамейкѣ, уже обращены взоры всѣхъ лучшихъ людей Россіи, самая образованная часть родины уже ждетъ отъ него чего-то великаго, возлагая великія надежды на своего избранника. О томъ, насколько искренно вѣрили въ силу поэтическаго генія Пушкина, можетъ служить примѣромъ и то характерное заявленіе Державина, когда по окончаніи лицейскаго курса, на обѣдѣ у графа Разумовскаго, министранароднаго просвѣщенія, зашелъ разговоръ о будущей карьерѣ юнаго Пушкина.

— Я желалъ бы, однако-жъ, образовать сына вашего въ прозѣ, сказалъ Разумовскій, обращаясь къ отцу поэта.

— Оставьте его поэзіи, съ жаромъ возразилъ Державинъ.

Жуковскій, подъ обаяніемъ поэзіи котораго находился Пушкинъ, самъ достигшій апогея своей поэтической славы, ѣздилъ въ Царское Село и считалъ своимъ лучшимъ критикомъ юношу Пушкина. А онъ, какъ сказочный богатырь, росъ не по днямъ, а по часамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и крѣпъ его геній.

Лицейскіе годы подходили къ концу. Жизнь со всѣхъ сторонъ надвигалась къ поэту, и его чуткая организація не могла остаться чуждой проявленію этой дѣйствительности. Она вносила новый, правда, еще неопредѣлившійся элементъ реализма въ пушкинскую поэзію, и сквозь призму романтическихъ мечтаній уже робко звучатъ отголоски настоящей жизни, окрашенные въ элегическій тонъ. Элегическое настроеніе, столь родственное Жуковскому, еще господствовало надъ Пушкинымъ. Но это не было только слѣдствіемъ простого подражанія, оно коренилось глубже, въ самой натурѣ поэта, въ условіяхъ той обстановки, въ которой ему приходилось жить, оно являлось причиной, но не слѣдствіемъ, вытекало изъ живой потребности духа и сердца. Грубая чувственность, рано распалившая воображеніе Пушкина, не задѣвала сердца поэта, она была наноснымъ элементомъ, продуктомъ той нездоровой среды, въ которой прошли его ранніе дѣтскіе и юношескіе годы.

Семнадцатая весна его жизни была праздникомъ сердца. Безучастное до сихъ поръ, оно вдругъ проснулось и заговорило, когда первая чистая любовь къ К. П. Бакуниной охватила его. Проснулось сердце, и языкъ живыхъ образовъ, чистыхъ грезъ заговорилъ въ поэтѣ. Посвященныя ей пьесы („Уныніе“, „Элегія“, „Я думалъ, что любовь погасла навсегда“, „Разлука“, „Осеннее утро“) принадлежатъ къ однѣмъ изъ лучшихъ пьесъ лицейскаго періода. Молодой орелъ расправляетъ уже крылья, чтобы начать свой полетъ.

Жизнь уже стоитъ у лицейскаго порога, готовая умчать юношей. „Промчались годы заточенья, зоветъ насъ свѣта дальній шумъ, и каждый смотритъ на дорогу съ волненьемъ пылкихъ юныхъ думъ“. Но пылкія мечты о будущемъ, волненья о будущей карьерѣ, все это блекнетъ, кажется ничтожнымъ предъ мечтой своего поэтическаго призванья, съ вѣрой въ которое онъ покидаетъ лицей. Жажда иной славы увлекаетъ его, и лучшею завѣтною цѣлью жизни кажется ему „заря поэтическаго безсмертія“:

Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ-бы я скорѣй
Безмертію души моей
Безсмертіе своихъ твореній.

III.

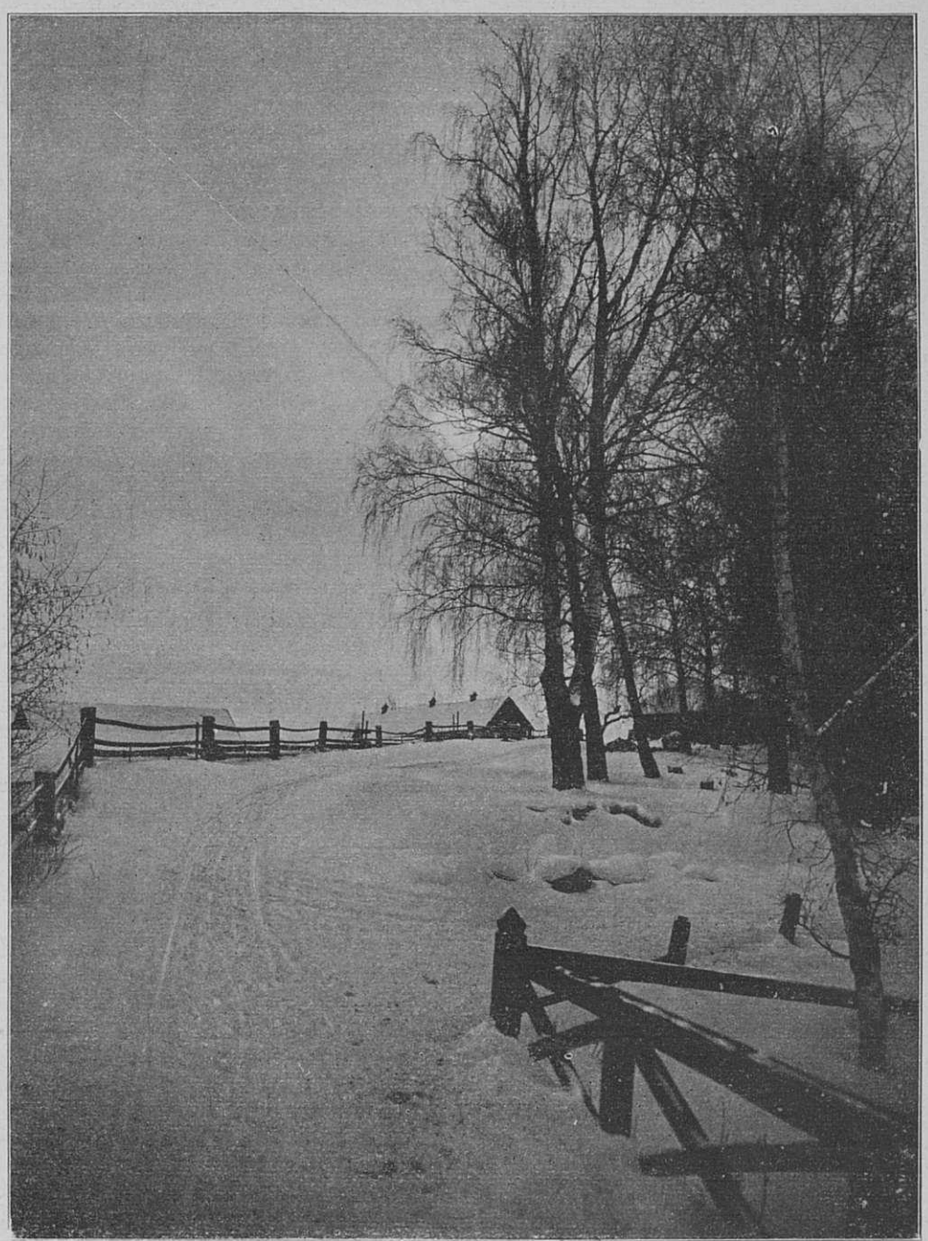
Лицей оконченъ. Жизнь лицомъ къ лицу стоитъ предъ Пушкинымъ.

Что дало ему шестилѣтнее пребываніе въ лицеѣ? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: очень немного. Обрывки какихъ-то знаній, именуемыхъ на языкѣ лицейскаго учебнаго начальства наукой, и въ награду за то, что эта наука превзойдена, чинъ коллежскаго ассесора. Съ внѣшней стороны только. Какихъ либо прочныхъ убѣжденій, какого либо фундамента для обоснованія прочнаго міросозерцанія, даже яснаго представленія объ явленіяхъ русской дѣйствительности, ничего подобнаго не могло дать шестилѣтнее пребываніе въ лицеѣ. Вмѣсто какихъ-либо основъ, опредѣляющихъ будущій взглядъ

на міръ и людей, Пушкинъ вынесъ экзотическіе, привитые средою взгляды и понятія о свободѣ, понимаемой крайне условно, своеобразные взгляды на честь и самолюбіе человѣка привилегированнаго высшаго круга, къ которому онъ, какъ и всѣ воспитанники лицея, принадлежалъ по рожденію. Съ такимъ легкимъ багажомъ, предоставленный вполнѣ своимъ силамъ, онъ вступилъ или, вѣрнѣе, кинулся въ жизнь, въ свѣтъ „завистливый и душный“. Онъ кинулся въ него со всей юношеской страстностью своей неуравновѣшенной натуры, вошелъ съ открытою душой, безъ всякаго нравственнаго критерія туда, гдѣ жизнь „катилась мутными волнами“, рѣзко выдѣляя изъ себя двѣ струи, два враждебныхъ теченія, характеризующихъ всякія переходныя эпохи. Такую именно эпоху и переживала тогда Россія.

Первая половина либеральныхъ вѣяній александровскаго царствованія смѣнилась надвигающейся реакціей. Свѣтлая звѣзда Сперанскаго приближалась къ закату, и на смѣну ей выплывало другое свѣтило, бросавшее кругомъ свой мрачный, тусклый блескъ.

Мрачная фигура Аракчеева стояла уже у кормила правленія. Внутренняя политика круто поворачиваетъ слѣва направо, и одинъ за другимъ появляются дѣятели въ видѣ Магницкаго. Струя мутнаго броженія надвигалась, и Пушкинъ не избѣжалъ водоворота, который произошелъ при столкновеніи этихъ двухъ прямо враждебныхъ, какъ свѣтъ къ мраку, теченій. Общество также раздѣлилось. Среди гвардейскихъ офицеровъ, составлявшихъ въ то время цвѣтъ русской интеллигенціи, дававшихъ тонъ всему и казавшихся идеаломъ для современнаго поколѣнія, мы видимъ такихъ самостоятельныхъ и просвѣщенныхъ, стоявшихъ на уровнѣ европейской образованности, личностей какъ П. Я. Чаадаевъ, П. А. Катенинъ, Маринъ, Кривцовъ и др. Оттѣнокъ либерализма, лежавшій на всѣхъ передовыхъ представителяхъ военной среды, придавалъ ей особенный отпечатокъ. Это были новые люди, люди молодого поколѣнія, преданные страстно идеѣ прогресса, стремившіеся порвать старыя путы и видѣвшіе въ нихъ основу всѣхъ золъ. Сподвижники и друзья по духу и убѣжденьямъ реформаторскихъ начинаній Сперанскаго, они не могли оставаться равнодушными зрителями надвигающейся аркчеевщины. Но въ томъ же военномъ сословіи рѣзко намѣчалась другая группа, для которыхъ всѣ новшества первой половины александровскаго царствованія были далеко не по душѣ, къ



Выѣздъ изъ с. Михайловскаго.

нимъ же примыкала и та молодежь, которая въ усилившейся реакціи чутко угадывала, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Золотую середину между этими двумя, съ каждымъ новымъ днемъ все яснѣе намѣчающимися, теченіями заполняла та „золотая молодежь“, жизненная философія которой сводилась къ полному эпикуреизму. Разгулъ, кутежи, швыряніе денегъ, трата состояній, физическихъ и нравственныхъ силъ составляли здѣсь все. Создавались цѣлыя общества для устройства оргій, въ родѣ, напримѣръ, знаменитаго общества „Зеленой лампы“. Разгулъ, возведенный на степень культа, излишества всякаго рода, доведенныя до крайности, являлись здѣсь главнымъ элементомъ. Было бы ошибочно предполагать, что сюда входили только пустые прожигатели жизни и отцовскихъ состояній, неспособные ни на что лучшее. Мысль, душевныя и умственныя силы не находили себѣ примѣненія въ жизни и искали какого-либо выхода въ торжествѣ плоти надъ духомъ. Это были своего рода палліативы, чтобы отвлечь мысль съ прямого пути;

Въ этотъ-то кругъ разгульной молодежи и попалъ Пушкинъ по выходѣ изъ лицея. Онъ кинулся въ него, причислился, такъ сказать, къ штату этой „аристократіи разгула“, искавшей и на время находившей даже романтизмъ въ дикихъ проявленіяхъ безшабашнаго разгула. Но въ толпѣ этой аристократіи Пушкину съ его тощимъ кошелькомъ приходилось плохо. Отецъ не отличался ни щедростью, ни особеннымъ богатствомъ, состояніе было уже порядочно разстроено; даже пустыя траты въ видѣ покупки бальныхъ башмаковъ или восьми гривенъ, заплаченныхъ за извозчика, встрѣчали, по свидѣтельству самого Пушкина, брань со стороны отца. Но, въ силу привычки, въ силу чисто юношескаго тщеславія, онъ не могъ порвать такъ скоро съ компаніей этой молодежи, принадлежавшей къ высшему кругу, бывшей на виду у всѣхъ предметомъ толковъ, удивленія и разговоровъ. Онъ тянулся къ ней, сознавая въ глубинѣ всю пустоту и безцѣльность подобной жизни. Наружно онъ принадлежалъ ей весь, но внутри его происходилъ сложный процессъ. Пытливый умъ искалъ новыхъ путей, не будучи въ состояніи удовлетвориться окружающей средой; нравственное чувство, убаюканное, но не растлѣнное душной атмосферой, просыпалось и звало въ совершенно противоположную сторону. Его умственные взоры отъ шумныхъ оргій и кутежей веселой компаніи начинаютъ постоянно обращаться куда-то въ даль, къ тѣмъ новымъ людямъ, которыхъ онъ второпяхъ, кинувшись въ омутъ жизни, не успѣлъ еще вполнѣ понять и разсмотрѣть. Группа

людей, приверженцевъ реформъ и враговъ реакціи, о которыхъ мы выше сказали, приковываетъ его вниманіе. Это уже не отдѣльныя обособленныя личности, еще недавно занимавшіяся умозрительными разсужденіями, бесѣдовавшія объ Адамѣ Смитѣ и проповѣдовавшія строгость нравственныхъ началъ. Они замкнулись въ отдѣльные тайные кружки, гдѣ на смѣну экономическимъ вопросамъ выступили вопросы политическаго характера. Въ 1818 г., на почвѣ объединенія этихъ отдѣльныхъ кружковъ, возникаетъ цѣлое тайное общество, подъ наименованіемъ „союза благоденствія“. Общество повело на первыхъ же порахъ дѣятельную пропаганду, вербуя новыхъ членовъ, внося въ теченіе столичной жизни новую кипучую струю. Это была своего рода оппозиція правительственнымъ начинаніямъ и реакціи. Но на этой точкѣ союзъ удержался недолго. Вообще эпоха александровскаго царствованія отмѣчена существованіемъ цѣлой сѣти подобныхъ обществъ. Сюда-то, въ сторону подобныхъ обществъ и направились взоры Пушкина. Но, не смотря на всѣ его попытки проникнуть въ члены тайной организаціи, союзъ держалъ свои двери крѣпко запертыми для поэта

Если мы теперь обратимся къ современной литературѣ, то увидимъ, что она стояла вдали, совершенно въ сторонѣ отъ общественныхъ теченій. Она не была ни отразительницей современныхъ идей, волнующихъ общество, ни его отголоскомъ. Литература едва еще вышла изъ младенческихъ пеленъ классицизма, и общество переросло ее. Два-три талантливыхъ представителя и десятокъ другой, прославленныхъ за давность лѣтъ, именъ, собственно, и составляли нашу литературу. Въ тускломъ зеркалѣ журналистики, приниженной и придавленной цензурными строгостями, не отражалась ничего. Журналистика спала и во снѣ грезила статьями „объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ египетскихъ и о томъ, почему знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ художниковъ не берутъ ихъ для себя за образцы“.

Общество жило своей жизнью, шедшей полнымъ ходомъ, литература же влачила тоскливые дни прозябанья и застоя. Нуженъ былъ какой нибудь ударъ, чтобы вывести ее изъ ея мрачнаго оцѣпененія. Гроза была уже близка, она надвигалась въ образѣ семнадцатилѣтняго юноши, только что покинувшаго ученическую скамью и вступившаго въ жизнь. Онъ не былъ уже новичкомъ для литературы. Его имя было окружено самыми радужными надеждами, которыя возлагались на него литературными кружками.

Но ему было скучно тамъ, какъ живому среди мертвыхъ. Увлеченный свѣтской жизнью, онъ рѣдко заглядывалъ въ нихъ, хотя и былъ желаннымъ гостемъ. Только съ однимъ литературнымъ кружкомъ онъ не порывалъ своей связи и послѣдній имѣлъ на поэта большое и несомнѣнное вліяніе. Это былъ знаменитый Арзамасъ, въ члены котораго Пушкинъ былъ записанъ еще въ лицеѣ. Основанный литературной молодежью романтиками во время борьбы съ классицизмомъ, онъ представлялъ какъ бы противовѣсъ „Державинско-Шишковской бесѣдѣ любителей россійскаго слова“, подъ сѣнью которой сошлись литературные старовѣры, приверженцы и ярые поборники чахнувшаго классицизма. Борьба романтиковъ съ классицизмомъ пережила уже свой острый фазисъ и затихла, когда Пушкинъ вступилъ въ первый разъ въ собраніе Арзамасцевъ.

Иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Первое посѣщеніе Пушкинымъ Арзамаса было послѣднимъ собраніемъ его членовъ. Арзамасъ выполнилъ свою роль и сошелъ съ арены жизни. Но духъ его, традиціи, соединявшія членовъ, остались. Ихъ воспринялъ глубоко Пушкинъ, и они пустили прочные корни и отразились въ его взглядахъ въ ихъ либеральной окраскѣ, въ вѣрѣ въ необходимость просвѣтительныхъ началъ для русскаго общества и въ пониманіи европейскихъ идей, столь ненавистныхъ поклонникамъ застоя и старовѣрамъ изъ „Бесѣды“. Не стало Арзамаса, какъ кружка, какъ оппозиціи уже поверженному классицизму, но остались его отдѣльные члены, остались примѣры нарождающейся общественной струи, сѣмена свѣжихъ стремленій, и эти сѣмена взошли прочно въ молодомъ Пушкинѣ. Здѣсь-же онъ сблизился съ Н. А. Катенинымъ и П. А. Чаадаевымъ, игравшимъ видную роль въ только что пробуждающемся самосознаніи нашего общества.

Водоворотъ жизни и свѣтскихъ увлеченій увлекалъ Пушкина въ другую сторону, казалось, захлестывали его иныя волны, уносили далеко отъ литературныхъ друзей, но внутренняя, крѣпкая связь соединяла его съ ними. Она была сильнѣе, чѣмъ это могло бы показаться на первый взглядъ.

Въ немъ смолода жила страстная мучительная потребность извѣдать всѣ стороны и слои общества, какъ и всѣ раздражающія удовольствія и всѣ впечатлѣнія и уроки, какіе они могутъ дать.

Натура Пушкина была многотребовательная въ высшей степени. Одна и та же обстановка, размѣренный и однотонный строй жизни, однообразный рядъ знакомствъ и впечатлѣній давилъ и мучилъ его, физически и нравственно. *Все* извѣдать, *все* охватить умомъ и сердцемъ—вотъ чего жаждалъ его тревожный духъ, вѣчно алчущій, вѣчно ищущій и вѣчно стремящійся къ истинѣ и красотѣ. На первыхъ же шагахъ, онъ кинулся въ большой свѣтъ, но свѣтъ заносчиво и кичливо встрѣтилъ юношу. Въ свѣтѣ онъ не нашелъ удовлетворенья; кипучая натура кидается въ водоворотъ похожденій прожигающей жизнь зеленой молодежи и молодящихся старичковъ. Удовлетворенья и тамъ нѣтъ. Онъ рвется къ тайнымъ обществамъ, магическое слово „переворотъ“, замышлявшійся этими обществами, манитъ его къ себѣ своею загадочностью и новшествомъ, среди общаго застоя русской жизни. Кружки захлопываютъ передъ нимъ двери, плохо довѣряя его порывистой зеленой юности, его размашистой натурѣ. Отверженный ими, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, онъ пытается изобразить, въ самомъ себѣ представить, необходимую, по его мнѣнію, оппозицію. Она была въ духѣ времени, а Пушкинъ былъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, сыномъ своей эпохи. Онъ принесъ ей въ дань все: и свой юношескій даръ стиховъ, и горячность сердца, и первый пылъ благороднаго негодованья противъ мерзости окружающей его дѣйствительности. Личныя побужденія предъ запросами времени отступали на второй планъ.

Сынъ своей эпохи, своего времени, онъ взялъ отъ нихъ только лучшее наслѣдіе: отбросивъ все скоро преходящее, онъ взялъ на себя отъ этого времени идеалы лучшихъ представителей — вражду ко всему низкому и раболѣпному, неизсякаемую жажду разумнаго, осмысленнаго существованія. Какъ бы ни посмотрѣли мы на обличительную дѣятельность Пушкина въ этотъ періодъ, нельзя не признать, что она была начата не только ради оригинальничанья или позированья. Натура прежде всего увлекающаяся, Пушкинъ не могъ быть не увлеченнымъ своимъ новымъ идеаломъ. Идеалъ могъ быть ложнымъ, онъ могъ скоро понять его лживость, но увлекаясь онъ не могъ не увлекаться не искренно.

Было, конечно, много тщеславія и юношескаго задора во всѣхъ этихъ выходкахъ.

Жажда славы и рукоплесканій, стремленіе создать себѣ

Иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

извѣстность въ качествѣ оппозиціоннаго дѣятеля, своего рода политической силой также не могли не увлечь Пушкина и играли не послѣднюю роль. Одинъ за другимъ изъ подъ его пера появляется рядъ памфлетовъ и сатиръ на политическія темы.

Тучи уже собирались надъ нимъ, и надъ головою поэта грянулъ громъ. Слѣдующая сцена, разыгравшаяся въ канцеляріи, генералъ-губернатора, прекрасно рисуетъ намъ открытую, чистую душу поэта, кладетъ особый отпечатокъ какой-то прямодушной рыцарской честности, которую не могли не замѣтить даже его отъявленные враги. Позваный для объясненій къ генералъ-губернатору графу Милорадовичу по поводу нѣсколькихъ ходившихъ по рукамъ политическихъ эпиграммъ, пѣсенъ и оды „Свобода“, онъ своимъ поведеніемъ тронулъ даже графа Милорадовича.

Когда привезли Пушкина, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ его другъ И. И. Пущинъ,—гр. Милорадовичъ приказываетъ полицейскому ѣхать на его (Пушкина) квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему:

— Графъ, вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищите. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.

Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevalesque!“ (Это по рыцарски) и пожалъ ему руку.

Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ.

Послѣ этого Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія.

Этотъ рыцарскій поступокъ, въ свою очередь, тронулъ государя, и, благодаря заступничеству гр. Каподистріи, Карамзина, Жуковскаго и Энгельгарда, предполагаемая ссылка Пушкина въ Сибирь или заточеніе для покаянія въ Соловецкій монастырь были замѣнены служебнымъ переводомъ на югъ Россіи, въ Екатеринославъ, гдѣ помѣщалась канцелярія „попечителя колонистовъ южнаго края“, генерала Инзова, находившаяся въ томъ же вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ числился на службѣ въ Петербургѣ и ранѣе Пушкинъ.

Окидывая бѣглымъ взглядомъ періодъ петербургской жизни великаго поэта, проведенной въ томленіяхъ и порываніяхъ тревожнаго духа, еще не установившагося характера, кидавшагося отъ одной крайности къ другой, мы должны указать на одну черту, постоянно бывшую у Пушкина, на тотъ завѣтный міръ его души, который постоянно былъ въ немъ, который онъ ненарушимо пронесъ среди жизненной сутолоки. То, говоря его словами, — „міръ души прекрасной, святой исполненной мечты, поэзіи живой и ясной, высокихъ думъ и простоты“.

Въ тѣсной комнаткѣ на Фонтанкѣ раскрывался предъ преображенной душой поэта этотъ прекрасный міръ,—міръ творческой мечты и воображенія, яркихъ красокъ и волшебныхъ созвучій, здѣсь переживалъ онъ и тотъ мигъ вдохновенья, „когда душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ“.

Рѣзкую противоположность этихъ двухъ крайнихъ міровъ внѣшней жизни и духа внутренняго онъ ярко отмѣтилъ въ своей неподражаемой льесѣ „Поэтъ“. Не смотря на всѣ условія своей личной жизни, далеко неблагопріятствующей развитію творческаго духа, не смотря на уклоненія въ сторону отъ литературныхъ кружковъ—онъ твердо памятовалъ, что „только лира—его удѣлъ“. Среди самыхъ неблагопріятныхъ условій разсѣянной свѣтской жизни онъ отдавался неудержимо творческому труду, упорно, настойчиво работалъ, передѣлывая и перечеканивая стихи своей новой поэмы „Русланъ и Людмила“, начатой еще въ лицеѣ и появившейся въ печати въ 1820 г., въ то время, когда уже самъ поэтъ былъ далеко отъ Петербурга.

IV.

Появленіе въ 1820 г. поэмы „Русланъ и Людмила“ вызвало цѣлый переполохъ въ литературныхъ кругахъ. Привѣтствуемая съ одной стороны, поэма вызвала сильную бурю среди отживающихъ поклонниковъ псевдо-классицизма. Съ новой, еще болѣе страстной силой начинается, заглохшій было уже, споръ между романтиками и классиками.

Журналы, до сихъ поръ пробавлявшіеся вопросами, показывавшими всякое отсутствіе общественности и какихъ-либо убѣжденій скучно пережевывавшіе одну и ту же жвачку, вдругъ „наполнились критиками“.

Въ поэмѣ современныхъ читателей поражало одинаково все: и легкій, музыкально - граціозный стихъ, казавшійся чѣмъ-то свѣжимъ и оригинальнымъ послѣ тяжелыхъ ямбовъ и хореевъ поэтовъ державинской школы; фантастическое, прикрытое дымкой народности, содержаніе поэмы было также новаторской смѣлостью; все это не могло не очаровывать современныхъ критиковъ и читателей романтическаго лагеря и не приводить въ ярость доживающихъ свой вѣкъ литературныхъ старовѣровъ псевдо-классическаго толка.

Въ „Русланѣ“ еще замѣчается тотъ благодушный эпикурейскій взглядъ на жизнь, съ придаткомъ чувственности, который составляетъ въ первый, ранній періодъ Пушкинскаго творчества одинъ изъ его основныхъ элементовъ. Въ „Русланѣ“ еще чувствуется прежнее вліяніе французскихъ поэтовъ. Начатая въ 1817 году, еще на лицейской скамьѣ, поэма эта стоитъ какъ бы на рубежѣ переходной эпохи въ творчествѣ поэта. Она замыкаетъ собою циклъ стихотвореній такъ называемаго перваго періода и намѣчаетъ новый фазисъ, въ который вступаетъ теперь пушкинская муза.

Великій художникъ слова какъ бы отдалъ дань юношескимъ грезамъ въ „Русланѣ“, чтобы, стряхнувъ съ себя всякія путы зависимости и подражательности, возстать во всей самобытной красотѣ своей поэзіи.

Пребываніемъ Пушкина на югѣ Россіи начинается этотъ второй періодъ, ознаменованный быстрыми смѣнами настроеній и впечатлѣній, какъ въ творчествѣ поэта, такъ и въ его личной жизни. Пушкинъ переживалъ настоящій Sturm und Drang своей юности, когда неустановившіеся еще талантъ и міровоззрѣніе ищутъ своего прямого пути и, окруженныя массой житейскихъ противорѣчій отклоняются отъ своей прямой дороги, когда сегодня сжигается все, что вчера было предметомъ поклоненія, чтобы завтра снова поклониться тому, что сжигалось вчера. Сильная, страстная, неуравновѣшенная натура Пушкина не могла не испытать этихъ тяжелыхъ мукъ блужданія и исканія истины, не могла примириться съ окружающей дѣйствительностью. Онъ носилъ уже на себѣ ореолъ изгнанника, ставшаго въ оппозицію съ правительствомъ. Онъ былъ опальнымъ поэтомъ, котораго ссылали на югъ. Если въ его переводѣ на югъ не было ничего особенно тяжелаго на первый взглядъ, то все же это была ссылка безъ права передвиженія, безъ свободы дѣйствій. Какъ реакція прежней разгульной и разсѣянной жизни въ Петербургѣ, переселеніе Пушкина на югъ не могло не отразиться благотворно на его творчествѣ. Роскошная природа Кавказа и Крыма, которые съ семействомъ Раевскихъ посѣтилъ Пушкинъ, также не могли пройти безслѣдно, не наложить своего отпечатка на чуткую душу поэта. Среда, обстановка и самые люди, его окружавшіе, были иные, запасъ впечатлѣній и „сердца горестныхъ замѣтъ“ пополнился и увеличился и все это должно было съ новой невѣдомой силой ударить по сердцамъ въ выстраданномъ. стихѣ поэта. Именно выстраданномъ. Жизнь, скользившая ранѣе по немъ, мало и не глубоко задѣвавшая его сердце, теперь задѣла его вполнѣ. Непосредственное чувство, ранѣе нерѣдко замѣнявшееся въ его стихахъ случайнымъ настроеніемъ, навѣяннымъ извнѣ, растетъ и переходитъ теперь въ настоящій „божественный“ паѳосъ.

Личная жизнь поэта также мало походила на прежнюю. Оторванный отъ столицы, отъ своего круга, отъ обычной его обстановки, онъ лежалъ больнымъ одиноко въ Елисаветградѣ, когда семейство Раевскихъ увлекло его съ собою на Кавказъ. Разрѣшеніе на путешествіе было дано вслѣдствіе ходатайства статсъ-секретаря графа Каподистріи, всегда замѣчательно хорошо относившемуся къ поэту. Вмѣстѣ съ отпускомъ онъ былъ снабженъ тысячью рублями денегъ на дорогу, которые были ему выданы „въ знакъ прощенія за прошлые его грѣхи“.

Измученный нравственно и физически всѣми передрягами жизни и прежними кутежами со столичной золотой молодежью, онъ отправился на Кавказъ. Это былъ необходимый для Пушкина отдыхъ и успокоеніе. Его окружаетъ давно уже невѣдомая ему обстановка покоя и тепла дружескихъ отношеній, которыя соединяли его съ семействомъ Раевскихъ. Послѣ Кавказа и Крыма онъ провелъ немногіе дни въ Каменкѣ — имѣніи своихъ друзей.

Каменка имѣла немаловажное вліяніе на Пушкина; здѣсь онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ цѣлымъ кружкомъ лицъ, близко прикосновенныхъ къ дѣятельности тайныхъ обществъ, въ которыя тщетно старался проникнуть Пушкинъ еще въ свою бытность въ Петербургѣ. Непосвященный въ тайны „союза благоденствія“, отъ поступленія въ члены котораго всячески оберегали поэта прикосновенные къ нему и близкіе люди — друзья, онъ на-

шелъ здѣсь первый сильный толчокъ своему политическому міросозерцанію. До сихъ поръ оно не было прочно обосновано и проявлялось въ формѣ простой оппозиціи правительству. Общественная или политическая сторона, особенно рѣзко выдвигаемая въ спорахъ и дебатахъ, происходившихъ въ Каменкѣ, не могла, однако, *вполнѣ, всецѣло* увлечь Пушкина: она не задѣвала его творческаго духа. Но общее вліяніе Каменки долго держалось на поэтѣ, пока не выработалось и не установилось прочно его собственное міросозерцаніе. Вліяніе Каменки на Пушкина было болѣе внѣшнее, чѣмъ глубокое, болѣе временное, чѣмъ постоянное, но на время Каменка подчинила его своимъ господствующимъ въ ней независимымъ тономъ, своею рѣзкою критикой жизни и людей, своимъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

Настроенный деревенскими бесѣдами, усвоивши ихъ тонъ, Пушкинъ явился въ Кишиневъ въ самый разгаръ греческой революціи.

Политическое броженіе, охватившее общество, не прошло безслѣдно для Пушкина. Оно захватило и увлекло его. Греческая гетерія уже подняла знамя возстанія противъ Турціи. „Греція возстала и провозгласила свободу“, восторженно пишетъ Пушкинъ. Онъ самъ стремится принять дѣятельное участіе въ возстаніи, но это продолжается недолго. Въ кишиневской жизни Пушкина были еще и другіе элементы, которые прочно владѣли поэтомъ. Атмосфера, которая окружала его, была душная, тяжелая, и она не могла не отразиться на личной жизни поэта, не подавить его своимъ смрадомъ и духотой. Разноплеменный городъ, чуждый всякой умственной жизни, обыватели, топившіе скуку своей жизни въ картахъ, безобразіяхъ и винѣ — вотъ что встрѣтило Пушкина въ Кишиневѣ, гдѣ помѣщалась канцелярія генерала Инзова. Служба не занимала у Пушкина много времени, и весь свободный остатокъ его онъ несъ тѣмъ же развлеченіямъ кишиневской жизни, которымъ служили и остальные обыватели. Начинается самый бурный періодъ въ жизни Пушкина. Казалось, онъ весь отдался своимъ страстямъ и любовнымъ похожденіямъ, дуэлямъ и кутежамъ. Съ внѣшней стороны это было дѣйствительно такъ, но если мы заглянемъ въ творчество поэта въ этотъ періодъ времени, то увидимъ, что кутежи и карты, вино и разгулъ далеко не исчерпываютъ всей жизни этой въ высшей степени сложной натуры. Наряду со всѣми этими внѣшними проявленіями его „своенравный геній позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій“, стремясь вознаградить „въ объятіяхъ свободы мятежной младостью утраченные годы и въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“.

Душная атмосфера уже давила нравственно Пушкина. Онъ чувствовалъ уже всю зловредность того воздуха, которымъ ему приходилось дышать, но наружно онъ продолжаетъ вести прежнюю жизнь. Только прежнее равнодушное отношеніе къ окружающей обстановкѣ и людямъ замѣняется раздражительностью, буйными вспышками раздраженнаго самолюбія, съ какимъ-то презрительнымъ отношеніемъ ко всему окружающему. Бросая вызовъ своимъ противникамъ, выходя съ ними къ барьеру, онъ бросалъ вызовъ всей мерзости окружающаго, которое онъ долженъ былъ ненавидѣть и презирать. Это была какая-то буря, вызванная изъ чистыхъ источниковъ оскорбленной души и возмущеннаго сердца, это былъ страстный, мучительный протестъ противъ всѣхъ и вся. Тогда же начинается увлеченіе Байрономъ. Первое знакомство Пушкина съ англійскимъ поэтомъ началось именно въ то время, когда измученный, озлобленный русскій поэтъ, напитавъ „свое сердце ядомъ“, бросилъ смѣлый вызовъ окружающему его обществу. Протестующая муза Байрона была своего рода новымъ откровеніемъ и поддержкой для Пушкина. И онъ, подобно Байрону, ощущалъ въ своемъ собственномъ сердцѣ презрѣніе къ „свѣту“ и людямъ, къ ихъ фарисейству, слѣпотѣ и предразсудкамъ. Байронъ и его вліяніе увлекло Пушкина, но не захватило прочно его. Поэтъ, болѣе слабый по размѣрамъ своего творческаго таланта, менѣе широкій, могъ бы подпасть подъ вліяніе сильнѣйшаго, утратить свою индивидуальность и, подобно звѣздѣ, потерять свой собственный блескъ при свѣтѣ настоящаго солнца. Не то мы видимъ у Пушкина. При всей несомнѣнности вліянія Байрона на его творчество, оно было крайне непродолжительнымъ и даже уже на первыхъ порахъ мы видимъ скорѣе поэта, борящагося съ этимъ вліяніемъ, чѣмъ ему, охотно подчиняющемуся. Широта взглядовъ и объективность, присущія Пушкину, его чисто русское исканіе правды и красоты, въ жизни и въ людяхъ, вѣра въ нихъ, уживавшаяся рядомъ съ минутнымъ озлобленіемъ, слѣдствіемъ странной обстановки, окружавшей поэта — все это были элементы, прямо враждебныя байронизму.

Безпечная на первый взглядъ и разгульная жизнь въ Кишиневѣ приходила къ концу. Во всей системѣ управленія Новороссійскимъ краемъ происходятъ сильныя перемѣны, учреждается постъ намѣстника, облеченнаго сильными полномочіями, которымъ назначается графъ М. С. Воронцовъ. Управленіе переводится въ Одессу, куда переѣзжаетъ и Пушкинъ, причисленный къ канцеляріи намѣстника.

Переходъ изъ сквернаго Кишинева въ Одессу на первыхъ порахъ улыбается Пушкину. Жизнь Одессы богаче впечатлѣніями, и своимъ шумомъ и сутолокой напоминаетъ болѣе столицу. Въ Одессѣ встрѣтила Пушкина иная жизнь и иныя служебныя отношенія. Прежнихъ патріархальныхъ отношеній, существовавшихъ между поэтомъ и генераломъ Инзовымъ, теперь нѣтъ и слѣда. Все сухо, чинно и строго оффиціально. Главное условіе, требуемое отъ подчиненныхъ, оффиціальная порядочность и въ образѣ мыслей, подведенныхъ подъ одинъ общій шаблонъ, и въ образѣ жизни. Мысль, сужденія и жизнь должны соображаться съ ней, или, вѣрнѣе, безусловно подчиняться ея формамъ. Грибоѣдовское „какъ смѣть свое сужденіе имѣть“ царитъ во всей своей красотѣ и силѣ. Чиновникъ Пушкинъ долженъ воспринять ее и угасить свой тревожный духъ; вольнолюбивый поэтъ долженъ подчиниться и уступить мѣсто чиновнику. Начальство видѣло въ Пушкинѣ только послѣдняго. За каждымъ проявленіемъ его остроумія, за каждымъ свободнымъ шагомъ его слѣдятъ зоркіе глаза доброхотныхъ наблюдателей, болтливыя уста оповѣщаютъ о каждомъ его поступкѣ. Это было своего рода нравственное порабощеніе, гнетъ, страстнымъ протестомъ противъ котораго явились пушкинскія эпиграммы и остроты, которыми онъ мстилъ за свое порабощеніе.

При такихъ условіяхъ жизнь въ Одессѣ не могла продолжаться долго. Оскорбленный пушкинскими эпиграммами и сарказмами гр. Воронцовъ въ мартѣ 1824 г. уже обращается къ министру иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде со слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ относительно поведенія Пушкина:

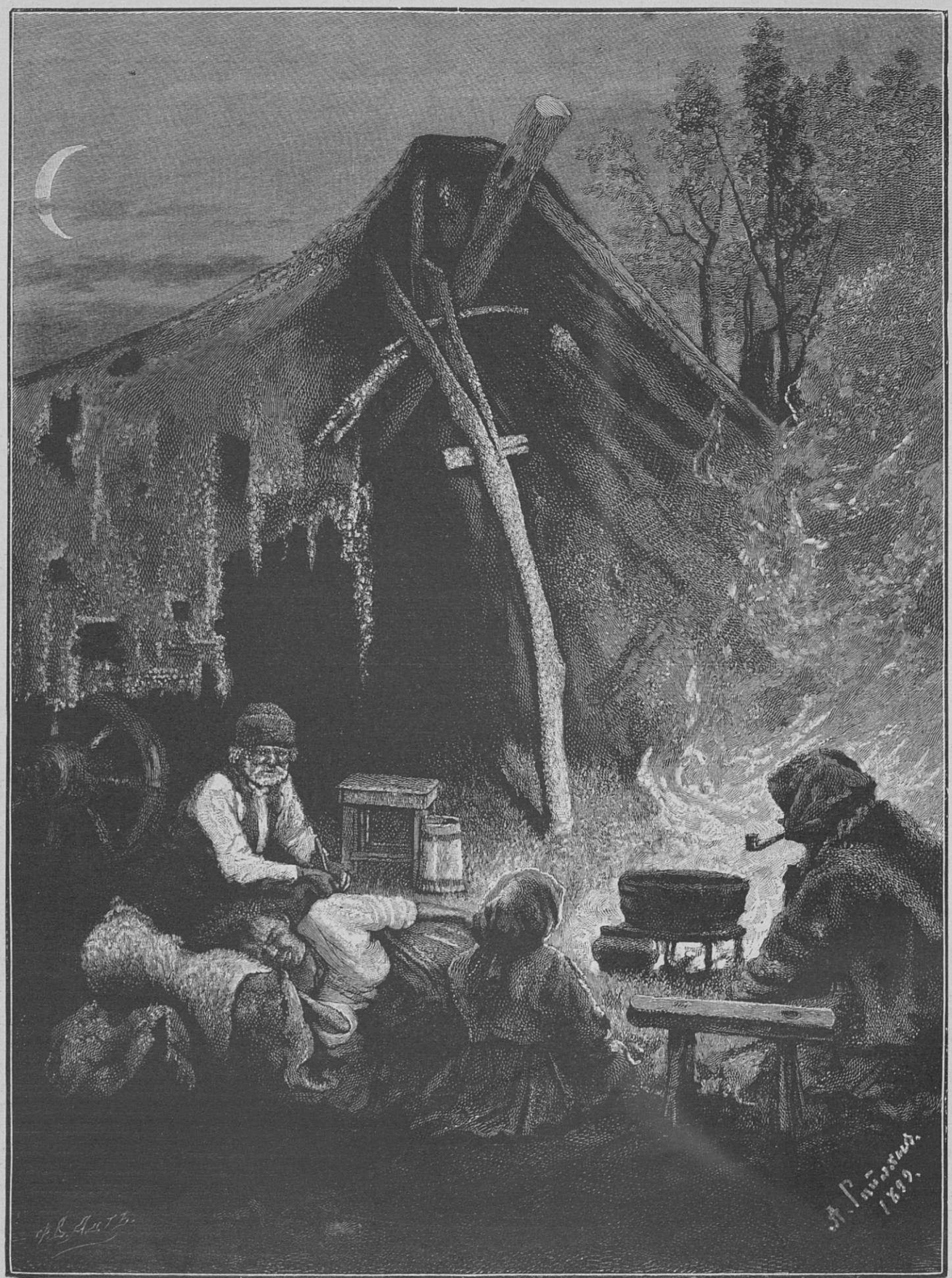
„Здѣсь есть много людей, говоритъ гр. Воронцовъ въ своемъ рапортѣ, а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затменію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца — лорда Байрона — и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказывать... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ бы ничему — Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ бы еще между молодыми греками и болгарами довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо губерніи могъ-бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей“. Нѣсколько перехваченныхъ писемъ, въ которыхъ поэтъ не весьма почтительно относится къ религіи, изъ которыхъ одно пошло даже гулять по рукамъ въ Москвѣ, прибавили еще больше жара.

„Вредныя начала“, которыми проникнутъ былъ весь Пушкинъ, подтвердились въ глазахъ высшаго начальства еще разъ.

Надъ Пушкинымъ разражается новый ударъ. Исключенный изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ „за дурное поведеніе“, онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи, для того, чтобы онъ „не могъ распространять свои вредныя идеи и не вынудилъ бы начальство принять противъ него самыя строгія мѣры въ дальнѣйшемъ“. Намѣстнику края предписывалось, снабдивъ Пушкина прогонными деньгами, „безъ отлагательства“ отправить его въ Псковскую губернію, въ имѣніе родителей и „подъ надзоръ мѣстнаго начальства“.

„Поднадзорный изгнанникъ“ выѣхалъ изъ Одессы 30 іюля 1824 г. и 9 августа былъ уже въ своемъ Михайловскомъ, подъ опекой родныхъ и надзоромъ мѣстнаго начальства.

РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА А. РАЙЛЯНЪ.



«Цыганы» поэма Пушкина. Гравировалъ В. Адтъ.

РИСУНОКЪ ХУДОЖНИКА МИХАЙЛОВА.

„Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника — оба молчали... Время летѣло“. *А. С. Пушкинъ. „Дубровскій“.*

V.

Сурово и непривѣтливо встрѣтили „усталаге пришельца съ юга“ родныя мѣста. „И былъ печаленъ мой пріѣздъ въ далекій сѣверный уѣздъ“, вспоминаетъ Пушкинъ въ своемъ „Онѣгинѣ“, въ которомъ разсыпано много цѣнныхъ автобіографическихъ чертъ.

Минутная радость свиданья и возбужденіе первыхъ минутъ смѣнились быстро натянутыми, холодными отношеніями съ родными, съ каждымъ днемъ обострявшимися все сильнѣе и сильнѣе. Пребываніе въ домѣ опальнаго сына заставляло ихъ малодушно трепетать за участь сына и за свою собственную. Трусливому и малодушному Сергѣю Львовичу и его „легковоспламеняющейся“ супругѣ уже грезились всякіе громы, готовые ежеминутно разразиться надъ ихъ головами. Сильное вліяніе поэта, сосланнаго по подозрѣнію въ атеизмѣ, на младшаго брата и сестру опять-таки казалось имъ гибельнымъ и опаснымъ. Правительственная опала, тяготѣвшая надъ Пушкинымъ, усугублялась опалой родственной; ему не довѣряли, отъ него сторонились, „страха ради іудейска“, даже самые близкіе люди. О томъ нравственномъ состояніи, которое переживалъ молодой поэтъ, о томъ тяжеломъ переломѣ, происходившемъ внутри его, никто не задумывался. Всѣ были заняты себялюбивыми заботами о собственномъ благѣ. Онъ былъ одинокъ въ родномъ и чуждомъ въ то же самое время домѣ. Борьба истомила его и ожесточила. Вспоминая эти тяжелые, одинокіе дни, онъ говоритъ:

... я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила.
Я былъ ожесточенъ. Въ унынiи, часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души, довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.

Въ такомъ тяжеломъ состояніи нуженъ былъ только какой-нибудь поводъ, толчокъ, чтобы подавленныя, заглушенныя чувства выплыли разомъ въ наружу, разразившись цѣлою бурей. Этотъ толчокъ далъ Сергѣй Львовичъ, принявъ добровольно на себя обязанность слѣдить за находившимся подъ надзоромъ сыномъ. Быть можетъ, принимая на себя эту далеко не почетную обязанность, возложенную на него начальникомъ края, маркизомъ Паулуччи,, какъ на „одного изъ добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей, Сергѣй Львовичъ дѣйствительно желалъ оправдать свою лестную аттестацію въ глазахъ властей, она не могла не льстить его тщеславію; быть можетъ, руководили имъ и болѣе добрыя побужденія, такъ какъ маркизъ Паулуччи ручался, что, при существованіи родительской опеки, никакого другого надзора за поэтомъ не будетъ. Какъ бы то ни было, поведеніе отца, игравшаго роль шпіона и сыщика, возмутило Пушкина. Отецъ и сынъ говорили на разныхъ языкахъ, и то что являлось естественнымъ для Сергѣя Львовича, до глубины души казалось отвратительнымъ Александру Сергѣевичу. Два противоположныхъ міровоззрѣнія столкнулись, и результатомъ этого столкновенія получилась тяжелая сцена, едва не окончившаяся печально для молодого Пушкина. Въ письмѣ къ Жуковскому, полномъ раздраженья, близкаго къ отчаянью, А. С. пишетъ:

„Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils denaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!.. потомъ, что хотѣлъ бить!..

„Предъ тобой не оправдываюсь. Но чего онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня“.

Въ другомъ письмѣ, посланномъ на имя псковского губернатора Б. А. Адеркаса, Пушкинъ проситъ, какъ милости, о переводѣ его въ одну изъ крѣпостей, лишь только бы покинуть отцовскій домъ.

Послѣднее письмо не было вручено адресату, такъ какъ посланный изъ Михайловскаго не засталъ губернатора во Псковѣ. Но оба эти письма крайне характерны, какъ показатели отношеній, существовавшихъ между сыномъ и отцомъ.

Благодаря содѣйствію Жуковскаго, дѣло не приняло печальнаго оборота и было затушено въ самомъ началѣ. Понялъ ли самъ свое положеніе Сергѣй Львовичъ, или помогли совѣты Жуковскаго, только онъ вскорѣ же покинулъ вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ Михайловское и уже изъ Петербурга прислалъ формальный отказъ отъ принятаго на себя ранѣе наблюданія за сыномъ.

Михайловское опустѣло.

Въ единственной жилой комнатѣ барскаго дома поселился его единственный жилецъ. Эта комната служила Пушкину спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ. На другой половинѣ, отдѣлявшейся отъ первой сѣнями, коротала свой вѣкъ прославленная Пушкинымъ и его поэтическими друзьями его „вѣрная подруга“, дѣлившая съ нимъ тоску изгнанья и одиночество долгихъ зимнихъ вечеровъ,—няня Арина Родіоновна.

Тихо и однообразно проходили дни въ Михайловскомъ. Подобно воспѣтому имъ Евгенію Онѣгину, Пушкинъ жилъ „анахоретомъ.

Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣглянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина.—

Деревня, гдѣ короталъ свои дни Пушкинъ, хотя и была „премилымъ уголкомъ“, но она томила его однообразіемъ своихъ картинъ и впечатлѣній, однотонностью подневольной жизни, среди которой онъ чувствовалъ себя неизмѣнно одинокимъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ заглядывали сюда друзья, не забывавшіе еще изгнанника-поэта въ его михайловскомъ уединеніи.

Здѣсь посѣтили Пушкина его лицейскіе „первые друзья“ И. И. Пущинъ и А. А. Дельвигъ и молодой поэтъ Н. М. Языковъ. О томъ, какимъ праздникомъ были для Пушкина эти кратковременныя свиданья съ друзьями, можно видѣть по его пьесамъ, посвященнымъ И. И. Пущину и Дельвигу.

Онъ тяготился своею поднадзорной жизнью, зная, что за каждымъ шагомъ его слѣдятъ и наблюдаютъ. Къ нему были приставлены два наблюдателя—одинъ дворянскій предводитель Пещуровъ, другой настоятель Святогорскаго монастыря, назначенный для религіознаго руководства сосланнаго по подозрѣнію въ атеизмѣ поэта. Какъ не снисходительно относились оба эти наблюдателя къ Пушкину, но самый фактъ существованія подобной опеки, безъ вѣдома которой онъ не могъ сдѣлать свободнаго шага, тяготилъ его и мучилъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго было расположено село Тригорское, принадлежавшее Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой (Вульфъ по первому мужу).

Между Пушкинымъ и обитателями Тригорскаго существовали самыя дружескія отношенія, но искать какой либо внутренней, неразрывной связи между ними было бы напрасно. Тригорское служило Пушкину источникомъ отдохновенья, развлеченья, но „святое святыхъ“ его творчества, грезъ и поэтическихъ думъ принадлежало исключительно Михайловскому. Центръ духовной жизни и дѣятельности находился только въ немъ. Здѣсь, въ тиши рабочаго кабинета, былъ „неизсякаемый источникъ мыслей, вдохновенья, страстныхъ вопросовъ моральнаго свойства“. Жизнь духа сосредоточивалась исключительно въ Михайловскомъ, тогда какъ въ Тригорскомъ его окружалъ веселый шумъ и смѣхъ молодыхъ голосовъ, молодое веселье. Тригорское являлось для поэта прекраснымъ мѣстомъ отдохновенья, источникомъ забавъ и развлеченій. Среди многолюднаго общества, населявшаго приземистый домикъ Пр. Ал. Осиповой, онъ любилъ проводить время, коротая досуги, среди оживленнаго кружка молодежи, группировавшейся кругомъ Пушкина. Онъ былъ центромъ общаго вниманія, душею же кружка являлась младшая дочь Осиповой — Евпраксія Николаевна Вульфъ. Всѣ впечатлѣнія Тригорскаго, которому Пушкинъ былъ преданъ сердцемъ, однако, мало задѣвали поэта. Они скользили, но не долго и не сильно задѣвали поэта. Его увлеченія красивыми обитательницами и Тригорскаго также не были прочны:

раздражая чувственность, они мало говорили сердцу. Сердце жило въ другомъ, далекомъ краю. Покинутый поэтомъ югъ соединяетъ его прочною связью. Когда приходило письмо изъ Одессы „съ печатью, изукрашенной кабалистическими знаками, такими же, какіе находились на его перстнѣ, съ которымъ никогда не разставался Пушкинъ,—онъ запирался, никуда не выходилъ и никого не принималъ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе „Сожженное письмо“.

До какой степени мало удовлетворяла тревожный, вѣчно ищущій духъ Пушкина деревенская жизнь, показываютъ ясно тѣ постоянныя мечты и попытки къ побѣгу заграницу. Онъ мечтаетъ о свободѣ, строитъ планы для осуществленія своей мысли.

Изобрѣтается мнимый аневризмъ, начинаются хлопоты о дозволеніи поѣздки въ Дерптъ для совѣщанія съ профессорами. Дерптъ является своего рода первымъ переходнымъ этапомъ, откуда до границы остается только одинъ шагъ.

Правительство, однако, не уважило этихъ хлопотъ и, разрѣшивъ Пушкину приступить къ леченію, назначило мѣстомъ этого леченія... давно уже опостылѣвшій поэту захудалый Псковъ.

Событіе болѣе важное, происшедшее въ русской жизни, отвлекло Пушкина отъ его плановъ о побѣгѣ заграницу. Событіе это было „14 декабря 1825 года“, своимъ далекимъ отраженнымъ ударомъ глубоко поразившее Пушкина.

Первое извѣстіе о петербургской катастрофѣ Пушкинъ получилъ въ Тригорскомъ. Всю ночь онъ провелъ безъ сна и съ первыми лучами разсвѣта покинулъ Михайловское. Онъ мчался въ Петербургъ, но что-то инстинктивно подсказывало ему о печальномъ исходѣ.

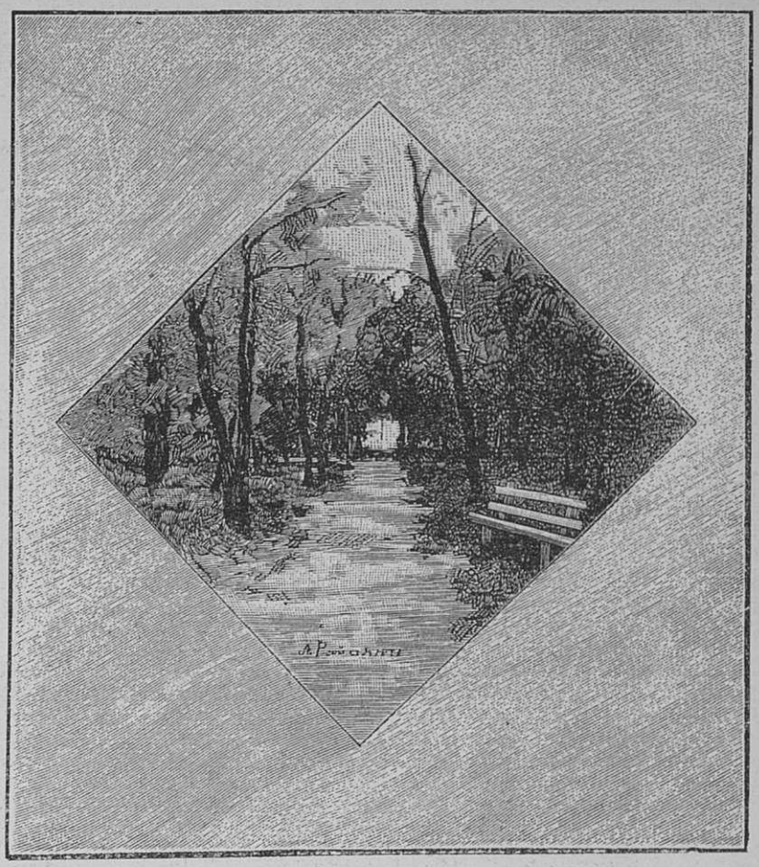
Примѣты, встрѣченныя дорогой, оказались дурными, и поэтъ вернулся обратно домой. Вѣсти, одна другой тревожнѣе и печальнѣе шли изъ Петербурга и проникали въ Михайловское, гдѣ, томимый отчаяньемъ и тоской неизвѣстности, опальный поэтъ предавалъ сожженію свои бумаги изъ опасенія новыхъ обысковъ и наблюденій.

Но въ Михайловскомъ все было тихо.

Александровская эпоха окончилась, и съ воцареніемъ Николая начинается новая эра для Пушкина. Она начинается съ хлопотъ передъ новымъ государемъ объ освобожденіи, которыя Пушкинъ предпринимаетъ по совѣту своихъ петербургскихъ друзей. Ко времени коронаціи поэтомъ посылается прошеніе на высочайшее имя, отвѣтъ не заставилъ долго ждать.

„Уединенный дворъ“ Михайловскаго былъ потревоженъ прибытіемъ новаго лица въ фельдъегерскомъ мундирѣ. А на утро слѣдующаго дня къ соннымъ еще обитателямъ Тригорскаго появилась встревоженная Арина Родіоновна и повѣдала печальную быль, происшедшую въ Михайловскомъ. По ея словамъ, пріѣзжалъ „какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ, прискакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собою Пушкина тотчасъ, какъ онъ явился домой изъ Тригорскаго, и при томъ такъ заторопилъ его, что Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только накинуть на себя шинель и захватить деньги. Посланный ничего не ворошилъ, нигдѣ не рылся“.

Пока въ Тригорскомъ предавались различнымъ гаданіямъ и предположеніямъ, волнуясь за участь поэта, фельдъегерскій тарантасъ мчалъ его уже по направленію къ Москву. Отшельническая жизнь Пушкина кончилась; началась другая, очень мало похожая на прежнюю.



Аллея Пушкина въ кишиневскомъ саду. Рисунокъ А. Райляпъ. Гравировалъ Павловъ.

Въ тиши Михайловскаго окончательно созрѣлъ и окрѣпъ геній Пушкина, здѣсь въ задумчивомъ молчаніи родныхъ полей имъ набросаны яркія картины „Онѣгина“, законченъ „Борисъ Годуновъ“. Поэтическое міросозерцаніе достигло уже до полной и широкой объективности; реализмъ уже ясно чувствуется во всѣхъ произведеніяхъ этого періода и тогда-же впервые сказалось вліяніе русской народной поэзіи и понятіе „народность“ получаетъ самое широкое выраженіе, становится вмѣстѣ съ реализмомъ однимъ изъ главныхъ элементовъ пушкинской музы.

VI.

Москва встрѣтила Пушкина блескомъ своихъ коронаціонныхъ торжествъ, шумомъ и сутолокой большого города, жившаго праздничной жизнью. Послѣ того, какъ разсказываетъ Пушкинъ:

„Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего покрытаго грязью меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

„Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?

„Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:

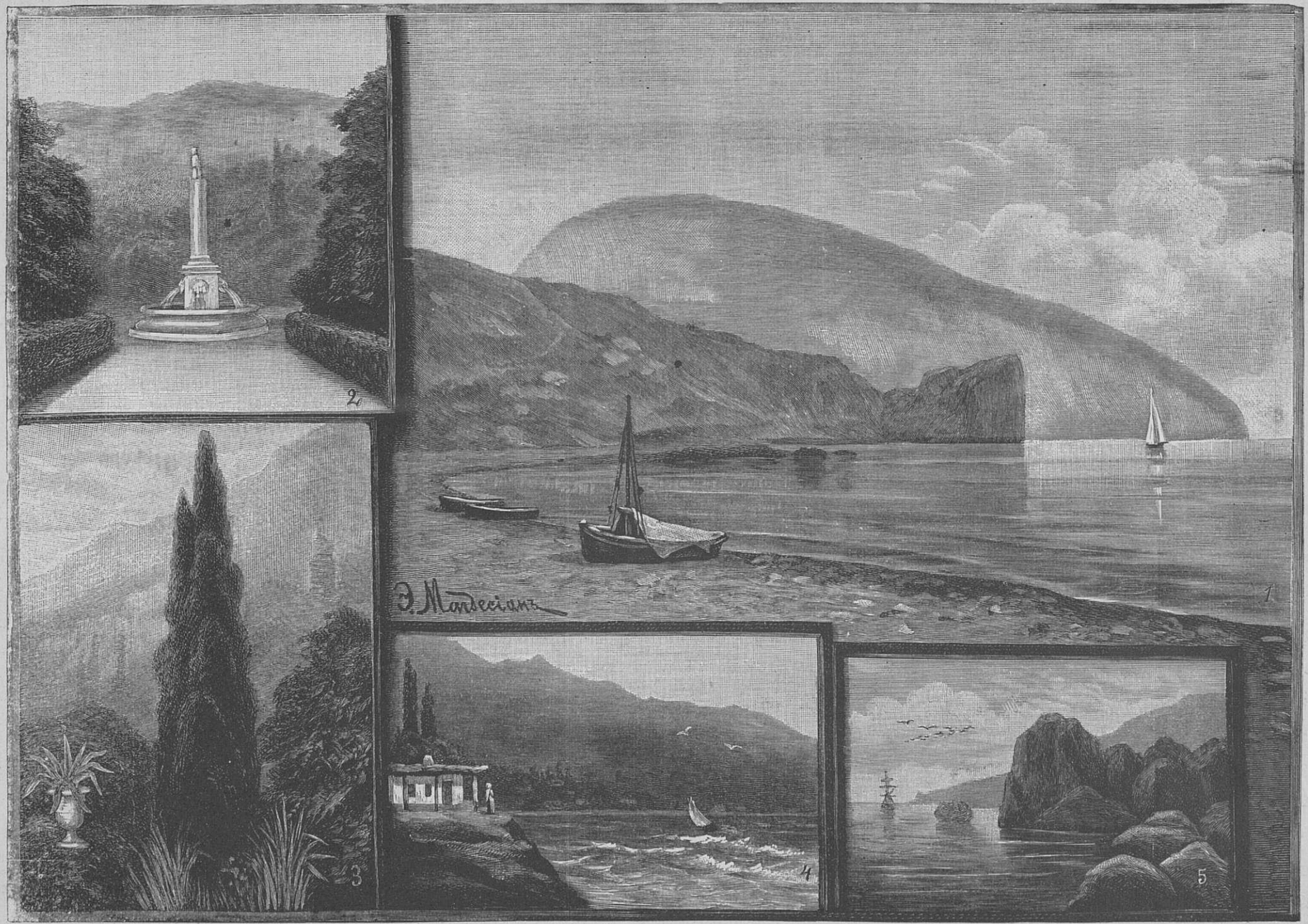
„Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14 декабря, если бъ былъ въ Петербургѣ?“

„Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!“

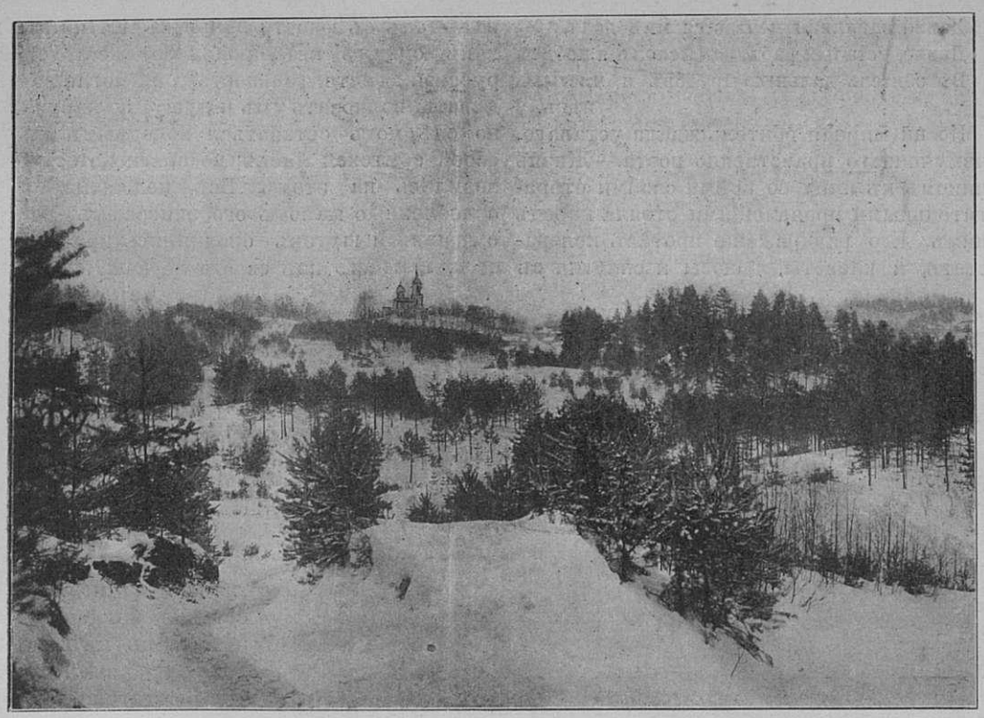
„Довольно ты надурачился, — возразилъ императоръ, — надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ“.

Предъ еще недавно опальнымъ поэтомъ распахиваются снова двери великосвѣтскихъ салоновъ, литературные кружки наперерывъ встрѣчаютъ его овиціями и шумными изліяніями восторга. Жизнь, слава, все улыбается поэту. Все, кажется, склоняется предъ обаяніемъ его генія, его славы и таланта. Безоблачная лазурь, кажется, разстилается предъ поизмученнымъ годами борьбы и изгнанія поэтомъ. Но это именно только кажется. Еще не успѣлъ пройти первый пылъ похвалъ и одобреній, какъ первый ударъ уже разражается надъ головою Пушкина. Всесильный графъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и временщикъ николаевскаго царствованія, подтверждая вышеприведенныя слова государя, начинаетъ уже свое близкое, хотя и оффиціальное знакомство съ Пушкинымъ, становится своего рода постояннымъ ментором въ его жизни. И скоро пришлось Пушкину убѣдиться, что свобода, дарованная ему, очень мало походитъ на дѣйствительную свободу, что каждое проявленіе его генія зависитъ всецѣло отъ предначертаній всесильнаго гр. Бенкендорфа, такъ какъ все написанное имъ и представленное государю проходитъ не иначе, какъ черезъ руки шефа жандармовъ.

Опять начинаются мелкія придирки цензуры и постоянныя объясненія съ полиціей; опять возникаютъ „дѣла о титулярномъ совѣтникѣ Пушкинѣ“, за нимъ учреждается особый секретный надзоръ, и онъ самъ чувствуетъ себя прежнимъ, гонимымъ и опальнымъ Пушкинымъ, только поставленнымъ въ еще болѣе тяжкія условія двойственнаго положенія. Съ одной стороны милости государя, дѣй-



Къ пребыванію А. С. Пушкина въ Крыму. Этюды Э. Я. Магдесіана: 1) Видъ Гурзуфа. 2) Фонтанъ Рахили. 3) Кипарисъ Пушкина. 4) Аю-Дагъ. 5) Пушкинская скала.



Видъ на св. Горы съ дороги изъ с. Михайловскаго.

ствительно любившаго его, съ другой придирки и отеческія внушенія графа Бенкендорфа. „Вредное направленіе" его мыслей опять выдвигается на первый планъ, а тамъ, гдѣ подобной вредоносности нельзя усмотрѣть и въ увеличительное стекло, выдвигается новый элементъ — неблагодарность.

Прочтите и вдумайтесь во всѣ эти просьбы, напр., о разрѣшеніи сопровождать русскую миссію въ Китай, или въ эти исканія смерти на войнѣ во время самовольной поѣздки на Кавказъ, и вы поймете, какая тяжелая трагедія совершалась въ душѣ Пушкина, сколько мукъ, томленія и тяжелыхъ минутъ пережилъ этотъ наружно всегда веселый, преданный жизни человѣкъ. Къ этому присоединилась любовь, муки ревности, томленія неизвѣстности. И опять хлопоты, огорченія и непріятности.

Вырвавшись изъ душной среды окружавшей, губительной для развитія всякаго таланта, занятый приведеніемъ въ порядокъ запущеннаго отцовскаго имѣнія, онъ, по случаю холеры и карантина, загостился въ своемъ Болдинѣ, Нижегородской губерніи. Вдали отъ стѣснительныхъ условій свѣта и его цѣпей творчество съ невѣдомою силою охватываетъ Пушкина. Въ этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени его творческая дѣятельность поражаетъ и своею продуктивностью, и замѣчательной зрѣлостью. Предъ нами развертывается во всю ширь родной геній во всемъ блескѣ своего великаго таланта, во всей дивной гармоніи „зуковъ сладкихъ и молитвъ".

Періодъ броженія, періодъ исканія окончился. Міросозерцаніе опредѣлилось вполнѣ.

Здѣсь, въ деревенскомъ затишьѣ, вдали отъ шума и сутолки столицы Пушкинъ весь предается творчеству. Здѣсь дописано имъ „собранье пестрыхъ главъ полусмѣшныхъ, полупечальныхъ" его безсмертнаго „Онѣгина", здѣсь же набросана граціозная бездѣлка, плодъ отдохновенья и забавы: „Домикъ въ Коломнѣ", и наконецъ, созданы такіе шедевры міровой литературы, какъ „Скупой рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Каменный гость" и „Пиръ во время чумы". Къ этому длинному ряду первоклассныхъ произведеній, которыми подарилъ Пушкинъ русскую литературу въ томъ же 1830 г., отмѣченнымъ небывалымъ подъемомъ силы и мощи его генія, должно еще присоединить написанныя тогда же „Повѣсти Бѣлкина".

„Повѣсти Бѣлкина" для насъ, для современныхъ читателей, быть можетъ, уже звучатъ анохронизмомъ и послѣ реалистическаго романа Гоголя кажутся блѣдными и неотвѣчающими современнымъ требованіямъ; но языкъ ихъ живой, образный, чисто пушкинскій языкъ, до сихъ поръ остается еще неподражаемымъ образцомъ чистаго русскаго языка, которому надо учиться у Пушкина.

Болдинское уединеніе смѣнилось для поэта печалью утраты и заботами о новой жизни. Въ январѣ 1831 года Пушкинъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего лучшаго лицейскаго друга, барона А. А. Дельвига, а 18 февраля того же года новая жизнь началась для поэта. Въ этотъ день онъ былъ обвѣнчанъ съ Натальей Николаевной Гончаровой...

VII.

Семейныя заботы, волненья и вѣчное исканіе матеріальныхъ средствъ, долги и обязательства — вотъ та обстановка, среди которой теперь вращается поэтъ. Близость ко двору, вмѣстѣ съ пожалованіемъ камеръ-юнкерскаго званія, большой свѣтъ, выѣзды и пріемы, — все это требовало денегъ, въ которыхъ, при неумѣнь и обращаться съ ними, постоянно нуждался Пушкинъ.

Это былъ какой-то своего рода заколдованный кругъ. Камеръ-юнкерство принесло ему скорѣе огорченіе, чѣмъ радость. Оно было уже не по лѣтамъ поэта, но онъ хорошо понималъ, что „государь не хотѣлъ его сдѣлать смѣшнымъ, а имѣлъ намѣреніе отличить". Понимали это и другіе, обращавшіеся къ нему съ іезуитскими вопросами: „доволенъ-ли онъ своимъ назначеніемъ?" Все это не могло не раздражать его. Онъ видѣлъ кругомъ себя толпу завистниковъ и недоброжелателей, толпу низкопоклонныхъ льстецовъ, для которыхъ онъ, не смотря на всѣ милости свыше, являлся опальнымъ, человѣкомъ вреднаго направленія. Его боялись, боялись его безпощаднаго юмора, хлесткихъ, попадающихъ прямо въ цѣль, эпиграммъ, его злыхъ, но мѣткихъ сатиръ. Попрежнему онъ не имѣлъ и тѣни свободы: его переписка скрывалась, „особы" позволяли себѣ дѣлать выговоры и замѣчанія за его свободомысліе. Цензурныя гоненія,

Могила А. С. Пушкина. Съ картины худ. Г. П. Кондратенко, гравировалъ Павловъ.

съ занятіемъ поста министра народнаго просвѣщенія гр. Уваровымъ, становятся прямо-таки невыносимыми. Къ этому присоединяются еще литературныя непріятности, сказавшіяся въ непониманіи толпою его развившагося вполнѣ и давно переросшаго эту толпу генія. Въ то время, когда онъ создаетъ величайшее изъ своихъ произведеній, произведеніе, достойное кисти мірового генія, свою „Русалку“ — этотъ крупнѣйшій и самоцвѣтный алмазъ въ его поэтическомъ вѣнцѣ, — въ это время изъ журнальныхъ подворотенъ раздаются голоса объ упадкѣ таланта, объ его измельчаніи. Въ то время, когда его поэтическій духъ глубоко проникаетъ въ сокровеннѣйшія тайны народнаго характера и народной поэзіи, когда талантъ его доходитъ до зенита своего творчества, поднимается вопросъ о близкомъ закатѣ.

Жизнь томитъ, томятъ тяжелыя цѣпи свѣта,—„этой гадкой лужи грязи“, куда вошелъ Пушкинъ съ открытою душой.

Жизнерадостный, любившій жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, поэтъ, въ концѣ-концовъ, приходитъ къ горькому сознанію, что „жизнь, какая она ни есть пріятная привычка, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною“. Порвать съ условіями этой отвратительной жизни, сбросить съ себя ея сковывающія умъ и дарованье цѣпи и уйти на покой въ сельскую тишину, „въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ“, становится его главною мыслью, самымъ задушевнѣйшимъ желаніемъ. Еще почти наканунѣ своей безвременно-ранней кончины онъ высказываетъ подобное желаніе, обращаясь къ женѣ:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ, умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Но ни мирная обитель ждала усталаго, измученнаго нравственно поэта.—Жизнь лицомъ къ лицу со всѣми своими отвратительными проявленіями стояла передъ нимъ. Его раздраженіе противъ нея растетъ, а клеветы, доносы и сплетни съ каждымъ днемъ язвятъ все сильнѣе и сильнѣе. Его пылкая натура, его открытый рыцарски-честный характеръ и правдивое сердце не могутъ оставаться не возмущенными, молчаливыми свидѣтелями людской подлости и двоедушія, но нуженъ какой-либо болѣе сильный толчекъ, чтобы вконецъ поразить это сердце, чтобы изъ искры выросъ пожаръ. И пожаръ уже близокъ. Пока клеветы, доносы и сплетни касались его собственнаго имени, Пушкинъ молчаливо выносилъ ихъ — онъ съ юности привыкъ къ нимъ, какъ однимъ изъ проявленій жестокой русской дѣйствительности. Они могли задѣвать, волновать умъ и душу, но наружно онъ могъ оставаться холоднымъ въ своей свѣтской маскѣ; но враги не остановились на этомъ. Всѣ недовольные, озлобленные жаломъ его эпиграммъ, насмѣшекъ и шутокъ ополчились противъ него, выбравъ изъ своего легіона ничтожество изъ ничтожествъ—пустого фата въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, нѣкоего барона Жоржа Геккернъ-Дантеса, прославившаго во вѣки вѣковъ свое ничтожное имя.

Памятникъ Пушкину въ С.Петербургѣ.

Этому-то иноземцу, который былъ „издалека, подобно сотнямъ бѣглецовъ, заброшенъ къ намъ по волѣ рока“, который „дерзко презиралъ земли чужой языкъ и нравы“, — суждено было сдѣлаться убійцей великаго русскаго поэта.

Во всей этой великосвѣтской интригѣ, веденной противъ Пушкина, Дантесъ игралъ далеко не первую роль. Онъ былъ не болѣе какъ подставнымъ лицомъ, за спиною котораго прятались не менѣе его прекрасные „надменные потомки извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, тѣ „свободы, генія и славы палачи“, сильные однимъ произволомъ, предъ которымъ „законъ и правда — все молчало“. Молчалъ и ревностный блюститель этого закона, шефъ жандармовъ гр. Бенкендорфъ. Еще въ ноябрѣ 1836 года выведенный изъ себя анонимными письмами, затрогивающими честь и доброе имя самаго близкаго къ нему человѣка — его жены — Пушкинъ увѣдомляетъ Бенкендорфа, что имъ получены „три экземпляра безыменнаго письма оскорбительнаго для моей собственной и жены моей чести“. „По виду бумаги, по слогу письма я догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата“. Этимъ дипломатомъ оказался пріемный отецъ Дантеса, нидерландскій посланникъ бар. Геккернъ. Пушкинъ прямо указываетъ на него.

Ухаживанье Дантеса за женой Пушкина, всячески поощряется Геккерномъ.

Сплетни и пересуды, начатые подъ сурдинку въ тишинѣ свѣтскихъ гостиныхъ, дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе, на разные лады склоняя имена Н. Н. Пушкиной и Дантеса. Чаша терпѣнія поэта переполнилась. Онъ кидаетъ вызовъ Дантесу, но Дантесъ сначала проситъ пятнадцатидневной отсрочки, а затѣмъ въ этотъ короткій срокъ успѣваетъ обдѣлать два дѣла, такъ ярко рисующія весь его характеръ: онъ влюбляется въ свояченницу Пушкина, Ек. Ник. Гончарову, и получаетъ согласіе на бракъ съ нею. И здѣсь опять замѣчательная черта: Пушкинъ, узнавъ объ этой помолвкѣ, проситъ смотрѣть на его вызовъ, какъ на не состоявшійся.

Но главнаго, своего врага онъ не можетъ оставить безнаказаннымъ. Сила людей, подобныхъ Геккерну, заключается въ дѣйствіяхъ изъ-за угла, и Пушкинъ прямо и смѣло въ своемъ письмѣ срываетъ съ него маску. Но Геккернъ и здѣсь вѣренъ себѣ: поднимая перчатку и кидая вызовъ поэту, онъ медлитъ съ поединкомъ, обиваетъ пороги гр. Бенкендорфа и, заключивъ съ послѣднимъ молчаливый союзъ противъ Пушкина, самъ трусливо уклоняется отъ дуэли за „преклонностью лѣтъ“.

У барьера, 27 января, стоялъ Дантесъ. Остальное извѣстно. Смертельно раненый Пушкинъ еще два дня боролся со смертью. Примиренный и очищенный, простивъ врагамъ своимъ, онъ отошелъ въ вѣчность 29 января 1837 г.

Ник. Носковъ.

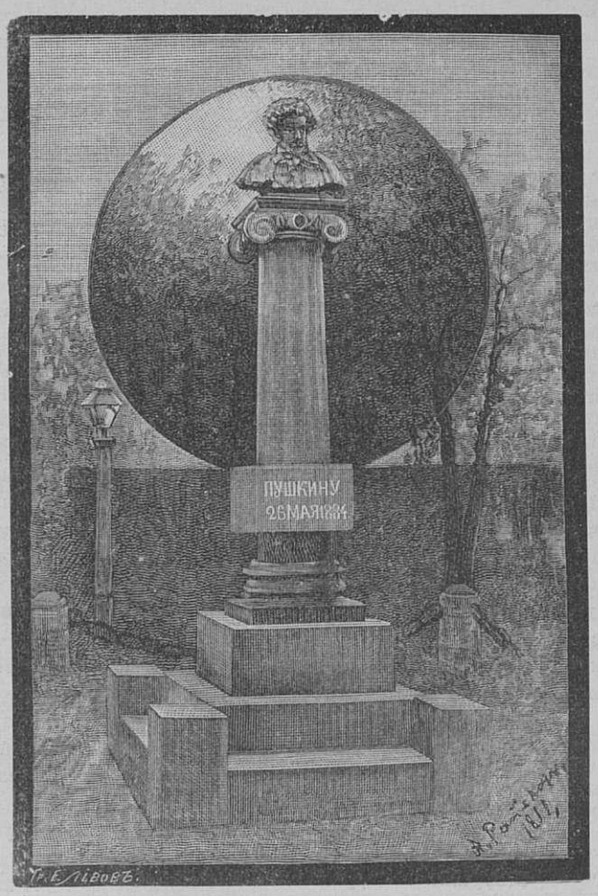
КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ДЕНЬ 26 мая — глубокознаменательный день для всей Россіи, прославленный сто лѣтъ назадъ рожденіемъ ея генія, ея „перваго изъ первыхъ“ сыновъ, „солнца родной поэзіи“.

Славному имени Пушкина, его „святой лирѣ“ посвященъ настоящій нумеръ нашего журнала, и предъ читателемъ возстанутъ снова въ безсмертной своей красотѣ неувядаемые типы, возсозданные кистью великаго художника слова, начиная съ юношеской поэмы „Русланъ и Людмила“, стоящей какъ бы на рубежѣ, отдѣляющемъ первыя лицейскія вдохновенія отъ сознательнаго творчества.

Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:
„Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очаровательнаго сна“.
Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину
И сходитъ въ долъ уединенный.



Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ.

За этими звучными строфами „Руслана“ слѣдуютъ по времени творчества „Цыганы“.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужь ночь,
И скоро мѣсяцъ ужь покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но мирная идиллія кочевой жизни смѣняется трагедіей. Обманутая любовь и ревность выступаютъ впередъ.

Алеко. Проснулся я.
Куда вы? Не спѣшите оба —
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.
Земфира. Мой другъ, бѣги, бѣги!
Алеко. Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!
(Вонзаетъ въ него ножъ).
Земфира. Алеко!
Цыганъ. Умираю!
Земфира. Алеко, ты убьешь его!
Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?
Алеко. Ничего.
Теперь дыши его любовью...
Земфира. Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.
Алеко. Умри-жъ и ты!
(Поражаетъ ее).
Земфира. Умру любя!

А за этой трагической сценой слѣдуетъ другая, еще болѣе полная глубокимъ драматизмомъ, не уже развернутая рукою опытнаго зрѣлаго художника, какимъ Пушкинъ явился въ „Полтавѣ“. Кочубей казненъ, по проискамъ Мазепы, но не спокоенъ гетманъ.

Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ, съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
„Иль это сонъ?.. Марія... ты-ли?“
Марія. Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могутъ насъ.
Мазепа. Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!.. Что съ тобой?
Марія. Послушай, хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,

И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову — Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья — видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно-ль ей меня терзать?
И для чего? Чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно-ль? — Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокій.
Но, вихрю мыслей предана,
„Однако-жъ, говоритъ она:
Я помню поле... праздникъ шумный...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ-жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужь поздно...
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ, — онъ прекрасенъ;
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь“.
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Вотъ, наконецъ, глубоко-поэтическій образъ настоящей русской женщины, пушкинской Татьяны, достигшій неподражаемой силы въ его „Онѣгинѣ“. „Давно сердечное томленье тѣснило ей младую грудь...“ Невѣдомый ранѣе герой — герой ея сердца, пришелъ и отнялъ прежнее спокойствіе, нарушилъ дѣвственный міръ ея чуткой души.

Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

„Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно да сядь ко мнѣ“.
— Что, Таня, что съ тобой? — „Мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ“.
— О чемъ-же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...—„Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?“

— И, полно, Таня! въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.—
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и, наконецъ,
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...—
„Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..“
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—„Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена“.
— Дитя мое, Господь съ тобою!—
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.

„Я влюблена“, шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.—
„Оставь меня: я влюблена“.
И между тѣмъ луна сіяла
И томнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ,
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
„Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости“. И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ.
И все Евгеній на умѣ.
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.

За строфами „небрежнаго плода забавъ“ „Онѣгина“ являются полныя зрѣлой простоты и глубины, до которой могъ только дойти пушкинскій геній, строки „Русалки“.

Князь. Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!..
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала—
Свободнаго—свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!.. И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!..
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось, опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...
(Русалочка выходитъ на берегъ)
Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?
. . . . . .

Этимъ заключительнымъ аккордомъ обрывается „Русалка“, это величайшее созданіе пушкинской музы, созданіе по силѣ и глубинѣ, по своему широкому захвату и проникновенію въ самую суть русской народности достойное быть поставленнымъ наряду съ величайшими проявленіями человѣческаго генія въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Справляя настоящій праздникъ столѣтней годовщины со дня рожденія своего величайшаго поэта, русское общество чествуетъ того, кто самъ могъ еще при жизни съ полнымъ правомъ сказать:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ немъ языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Передъ этимъ нерукотворнымъ памятникомъ ничто тѣ бѣдные монументы, воздвигнутые Пушкину въ Москвѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и въ Петербургѣ. Сотни тысячъ экземпляровъ сочиненій Пушкина, нашедшихъ себѣ читателей въ самомъ народѣ, прозвѣтительныя учрежденія имени поэта, всегда жаждавшаго и искавшаго свѣта—вотъ лучшій памятникъ ему, тотъ вѣчный памятникъ, который онъ особенно цѣнилъ, предпочитая еще при жизни „Безсмертію души своей безсмертіе своихъ твореній“.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ
СЛАБИТЕЛЬНАЯ
ГОРЬКАЯ ВОДА
ИСТОЧНИКА
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ВСѢ ВРАЧИ считаютъ натуральную слабительную воду
ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ
ЕДИНСТВЕННЫМЪ пріятнымъ на вкусъ слабительнымъ; уже въ МАЛЕНЬКИХЪ дозахъ она оказываетъ надежное дѣйствіе, сохраняющееся даже при продолжительномъ употребленіи.
Вода удостоилась ЗОЛОТЫХЪ МЕДАЛЕЙ на десяти всемірныхъ выставкахъ.
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.
Дирекція слабительной воды ФРАНЦА-ІОСИФА въ Будапештѣ. (8)

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА
НОВАЯ КНИГА ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА.
„ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ“
(НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ).
ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ТЕМЗѢ.
Полный переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской.
Продается въ книжныхъ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“ СПБургъ, Невскій, 68—40. РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, Садовая улица.
Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

„ПОГРОМЪ“
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.
Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное обозрѣніе“.
Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ВЕЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“ „BELGICA“ „АДЛЕРЪ“ „БРЕНАБОРЪ“ „ГРЕЙФЪ“
3067
отъ 100—200 руб. имѣютъ на складѣ Э. Кинкманъ и Ко.
С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ
вазелиновое туалетное, кусокъ 30 коп.
ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ
вазелиновую, коробка въ 60 и 30 коп. 3053
Поддѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла Голлендера явились въ продажѣ, а потому торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ», обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать во избѣжаніе покупки поддѣлки, только мыло «Голлендеръ» вазелиновое туалетное, высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ. Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Оптовая продажа у изобрѣтателей: С.-Петербургъ, Разъѣзжая № 13, торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ».

ПУШКИНА
ЖЕТОНЫ съ портрет. высыл. налож. платежъ: зол. 16 р., сер. 1 р. 50 к., бронз. 75 к., съ пересылк. СПБ., Сел. Импер. фарфоров. Завода 27, ЮРГЕНСЪ. Зн. Главн. физич. Обсерват.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева*. Спб. 1896. Ц. 1 р.
НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина*. Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.
СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ „ИЗДАТЕЛЬ“.
С.-Петербургѣ, Невскій пр., 68—40.
Ростовѣ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.
Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Опо — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи
В. АУРИХА,
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Лиговская 44.
Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-3.

Связь между атмосферическими и электрическими явленіями, какъ показываютъ наблюденія, несомнѣнна, но причины ея недостаточно изслѣдованы. Вліяніе, оказываемое на землю передвиженіями тучъ и другихъ испареній въ воздушномъ пространствѣ, далеко еще не изслѣдовано въ той степени, какъ было бы желательно въ интересахъ метеорологической науки, находящейся пока какъ бы въ зачаточной стадіи. Профессоръ Сорбонны Пелла въ журналѣ „Eclairage électrique“ напечаталъ весьма любопытную статью, въ которой, ссылаясь на работы Гаусса и Пельтье, говоритъ: каждый районъ почвы теряетъ все то количество электричества, какое изъ него уходитъ въ воздушное пространство вмѣстѣ съ поднимающимися отъ земли испареніями, причемъ убыль электрической энергіи, теряемой почвою, не вознаграждается даже частично, не смотря на чрезвычайную электро-проводность земли. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Пелла, вблизи поверхности земли совершаются огромныя передвиженія электричества. Въ большихъ городахъ выходящіе изъ трубъ дымъ и пары, въ свою очередь, играютъ весьма важную роль въ электро-статическомъ отношеніи. Со временъ великаго Лавуазье извѣстно, что всякое тѣло при горѣніи производитъ электричество. Дымъ, поднимающійся отъ горящаго предмета, содержитъ электричество, тогда какъ предметъ, производящій дымъ, наоборотъ, лишается его. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ Пулье, а профессоръ Пелла подтвердилъ его рядомъ опытовъ. Сожигая трутъ, табакъ и скипидаръ, онъ убѣдился, что дымъ отъ нихъ содержитъ отрицательное электричество, тогда какъ дымъ отъ стружекъ тополя насыщенъ положительнымъ электричествомъ. Эти опыты навели Пелла на мысль, что констатированныя имъ явленія представляютъ широкое поле для будущихъ изслѣдованій и, быть можетъ, наведутъ современемъ на устройство электро-возбудителей или генераторовъ электрической энергіи, въ которыхъ главнымъ элементомъ будетъ дымъ. Желѣзнодорожные паровозы производятъ тоже очень много электричества, безполезно расходящагося въ воздушномъ пространствѣ. Дымъ паровозовъ, пробѣгающихъ по городскому участку желѣзной дороги, идущей изъ Со (Sceaux), сильно дѣйствовалъ на самопишущіе аппараты парижской обсерваторіи, отмѣчающіе колебанія напряженности атмосфернаго электричества, не смотря на разстояніе, составляющее безъ малаго 400 метровъ. „Можно теперь смѣло сказать, — говоритъ Пелла, — что „нѣтъ дыма безъ электричества“. Надъ поверхностью земли непрерывно проносятся массы электрической энергіи, и весь вопросъ теперь въ томъ, какъ ее утилизировать“. Профессоръ увѣренъ, что этотъ вопросъ будетъ практически рѣшенъ въ близкомъ будущемъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА
„ИЗДАТЕЛЬ“.
ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.
МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.
Складъ изданій въ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».
Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“
Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.
Годичное потребленіе Цейлонскаго чая въ Россіи болѣе 10.000,000 фунтовъ 10.000,000.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей И. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-къ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.
ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.
КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 188. Ц. 60 к.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ".
Спб., Невскій пр., № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

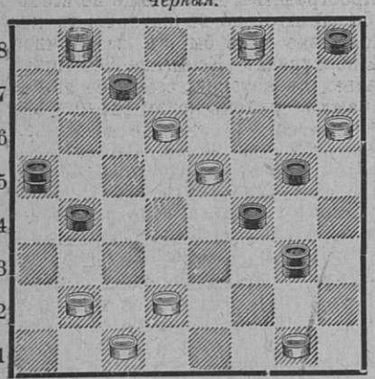
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. Н. Шошина.**

ЗАДАЧА № 103.

А. С. Егорова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Рѣшенія этюдовъ и концовъ партій.

№ 47. *Цыпалиной.* 1. g1—f2; 2. f8—g7; 3. a7:b2: 4. a3—b2 и выигрываютъ.

№ 48. *Волина.* 1. b2—c3; 2. a1:c3, e7—d6 (если 2... e7—f6, то 3. b4—c5, f6—g5; 4. c5—d6; 5. d6—e7 и выигр.; если же 2... g7—f6, то 3. h6—g7; 4. c3—d4; 5. f4:f8 и выигр.). 3. f4—g5, d6—e5; 4. g5—f6, e5—d4; 5. c3:e5, a5:c3; 6. g3—f4, c3—b2; 7. f6—e7; 8. h6:c1 и выигрываютъ.

№ 49. *Петрова.* 1. a3—b4, a5:e1 (если 1... a5:c3, то 2. h4—g5; 3. g3:a1 и выигр.; если же 1... a5:d2, то 2. g3—f4; 3. h4—f6 и выигр.); 2. g3—f2; 3. h2:f4; 4. h4—g5 и выигрываютъ.

№ 50. *Волина.* 1. c3—d4; 2. e3—f4; 3. b2:d8 и выигрываютъ.

№ 51. *Кульчицкаго.* 1. f8—b4, g3—f2 (если 1... g3—h2, то 2. b4—c3, e3—f2; 3. c3—e1, h2—g1; 4. e1:g3, g1—d4; 5. g3—f2; 6. b6—c7 и т. д.; если же 1... e3—f2, то 2. b4—e1, f2—g1; 3. e1:h4. g1—d4; 4. h4—f2 и т. д.); 2. a7—b8, f2—g1; 3. b6—a7, g1—f2; 4. b4—e1, f2—h4; 5. b8—f4, e3:g5; 6. a7—b8 и выигрываютъ. Варіанты понятны.

Рѣшили: Н. В. Люхинъ, В. В. Локотьяновъ, Е. Ф. Андрезенъ (Спб.) и И. В. Петровъ (Кострома)—всѣ; Н. Н. Сергѣевъ (Вологда) — №№ 47, 49 и 50; И. Ф. Краевскій (Спб.)—№ 47; М. Ивановъ (Москва)—№ 50.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

ФИЛАНТРОПЪ. Трудовая помощь. Ея основанія, задачи и важнѣйшія формы. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.
Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ".
Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.
Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.
Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ".
Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
для нѣжности и свѣжести лица,
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Цѣна за фаянсовую банку 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, № 3020 Михайловская площадь, № 2.

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
«ИЗДАТЕЛЬ»,
Спб., Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

№ 3002
МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ
ВЪ ТЕПЛОЙ ВОДѢ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ПАРКИ
* П. Н. ВИНОГРАДОВА. *
ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссійской Выставкѣ 1896 года.
Требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.
БѢЛЬЕ получается замѣчательно чистымъ. Желтизна и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ. ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНѢЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостоѣрено № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Отд. у П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:
1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»
С.-Петербургъ. Невскій, 68—40.
Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

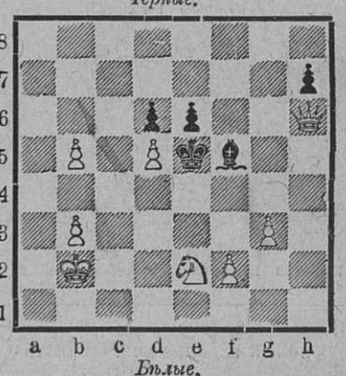
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 116.

К. К. Бетинга (въ Ригѣ).

Изъ „Шахматнаго Журнала".

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Редакторъ А. К. Шепперъ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:
НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ **ПОЛГОДА** (съ доставкою) 4 р. — **На ТРИ** мѣсяц. (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —
На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.
Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 21 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ $2^1/_2$ листовъ съ 18 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1899 г. Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель". Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 22.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 22-го нумера.

Воскресенье, 30-го мая 1899 г.

Статьи:

„Красавица-весна". Стихотвореніе В. Лебедева. — „Гнѣздышко". Разсказъ А. Федорова. — „Весенній сонъ". Стихотвореніе Леонида Афанасьева. — „Отказался." (Картинка съ натуры). Е. Ш.—„Судьба". Очеркъ Эрнста Альгренъ.— „Слуша-а-а-й!" Повѣсть Матильды Серао. Переводъ Н. Шульгиной. (Продолженіе). — Домъ трудолюбія въ Глухоозерской улицѣ. А. Фаресова. (Окончаніе).—С. Д. Дрожжинъ. Н. Н—ва.— Ф. Сарсэ. В. М. — Хроника. — Къ рисункамъ. — Разныя извѣстія. — Шашки и шахматы.—Объявленія.

Рисунки:

Несчастье. Ж. Вибера. — На лонѣ природы. К. Штеттена.—Взятіе Эривани. Ф. Рубо.—Лакомый кусочекъ. Г. Каульбаха.—Въ затруднительномъ положеніи. Г. Швенингера. — Идиллія. Раффаэля - Арменисе. Ф. Сарсэ. — С. Д. Дрожжинъ. — М. Н. Капустинъ (портретъ). — Пушкинскій спектакль въ Маломъ театрѣ. Апоѳеозъ. — Конференція мира въ Гаагѣ. Залъ засѣданій. — † Т. И. Никитинъ (портретъ).

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ПОГРОМЪ“
ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 38—40.

ВЕ-

ЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“, „BELGICA“, „АДЛЕРЪ“, „БРЕННАБОРЪ“, „ГРЕЙФЪ“ отъ 100—200 руб. имѣютъ на складѣ Э. Кинкманъ и Ко. С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17. Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО КРЕМЪ

Главный складъ въ Москвѣ. У В. КРЕМЕРЪ, Чижовское подворье.

Малый флак. 60 к. Больш. флак. 1 р.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЕЗДѢ.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золот. медалями и высшими знаками.

МИНДАЛЬНОЕ

МЫЛЬНОЕ ТѢСТО

Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ. — Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Михайловская площ. д. № 2 Жербина.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ

ТОВАРИЩЕСТВА

ЭЙНЕМЪ

СЪ ВЪ МОСКВѢ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА

НОВАЯ КНИГА ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА.

„ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ“

(НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ).

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ТЕМЗѢ.

Полный переводъ съ англійскаго З. Н. Журавской.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“ СПБургъ, Невскій, 68—40. РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, Садовая улица.

Цѣна **1** р., съ перес. **1** р. **20** к.

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА

ЗАМѢНЯЮЩ. ДУХИ ВСѢХЪ ЗАПАХОВЪ

ПО 60 К. И 1 Р. ФЛАКОНЪ

ЦВѢТОЧНОЕ МЫЛО ВЫСШІЙ СОРТЪ

8 ЗАПАХОВЪ ПО 30 К. КУС.

ЦВѢТОЧНО ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

8 ЗАПАХОВЪ ПО 20 К. КУС.

БАРХАТНАЯ ПУДРА ДЛЯ БѢЛИЗНЫ И НѢЖНОСТИ ЛИЦА.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩ.

А. РАЛЛЕ и Ко

ПОСТАВЩ. ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА.

Москва, Кузнецкій мостъ, Верхніе торговые ряды 34/44. С.Петербургъ, Невскій 18. Садовая 25.

СПЕЦІАЛЬНОСТИ

1846 1865 1896 1882

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.*

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

АНДЕРСЕНЪ.

Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ.

Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. К. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Всемірно-извѣстныя Швейцарскія бритвы фабриканта „Arbenz“

„Le Champion“

Высшаго качъ съ запасными лезвіями и полнымъ ручательствомъ, продаются во всѣхъ первокл. магаз. стальн. изд. Цѣна 3 р., каждое запасное лезвіе 1 р. 3070-1

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память.

Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

Краска для волосъ Голлендера „НАТУРЕЛЬ“

безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черный, каштановый и темнорусый. Краска „Натурель“ не имѣетъ дурнаго вліянія на волосы. Цѣна коробки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 50 к. Требовать во всѣхъ аптек. и парфюм. магазинахъ Имперіи. Главный складъ: торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ“. С.-Петербургъ, Разъѣзжая № 13. 3054-2

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

«ИЗДАТЕЛЬ»,

Спб., Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 22. Воскресенье, 30-го Мая 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Несчастье. Съ картины художника Ж. Вибера. Гравировалъ И. Павловъ.

КРАСАВИЦА-ВЕСНА.

Еще во снѣ суровомъ
И елка, и сосна,—
Но кличетъ звонкимъ зовомъ
Красавица-весна..

* * *

Идетъ, полна отваги,
И будитъ ото сна
Тропинки и овраги
Красавица-весна..

За ней гремятъ созвучья,
Трепещетъ тишина..
Листвою рядитъ сучья
Красавица-весна...

* * *

Звенитъ потоковъ мутныхъ
Весенняя волна;
Полна желаній смутныхъ
Красавица-весна...

Идетъ на подвигъ трудный—
Прекрасна и пышна—
Въ одеждѣ изумрудной,
Красавица-весна...

* * *

Даритъ потоки свѣта
И жизнь даритъ она;
И ласкою согрѣта
Красавица-весна...

Воскреснетъ вновь на волѣ
Родная сторона,
Пригрѣетъ лѣсъ и поле
Красавица-весна..

И тайною природы
Попрежнему сильна—
Взраститъ на нашей всходы
Красавица-весна...

В. Лебедевъ.

ГНѢЗДЫШКО.

Разсказъ.

Нѣтъ ничего менѣе долговѣчнаго университетской дружбы.

Пока мы находимся въ стѣнахъ университета, эта дружба кажется самой прочной въ мірѣ и самой безкорыстной.

Разставаясь по окончаніи курса, мы клянемся другъ другу во взаимной вѣрности и преданности юношескимъ идеаламъ, клянемся съ искренними слезами на глазахъ, подъ звонъ стакановъ, который можно назвать похоронным звономъ юности.

Едва всѣ порознь бросились, какъ выражались встарину, — въ житейское море, — глядь, для большинства идеалы оказываются дутыми пузырями, которые забываются, какъ только пловецъ очутился въ гавани.

Прошло не болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ университетскими товарищами, а изъ нихъ только съ однимъ Лощиловымъ у меня поддерживалась кое-какая связь, да и то потому, что помимо университета насъ сблизило еще кое-что: мы, по окончаніи курса, были вмѣстѣ на холерѣ въ провинціальномъ захолустьи.

Говорятъ, нигдѣ такъ тѣсно не сближаются люди, какъ на войнѣ. Эти три мѣсяца были для насъ довольно серьезнымъ военнымъ временемъ и, разставаясь, мы чувствовали себя вполнѣ взволнованными и поклялись не терять другъ друга изъ вида — переписываться.

Сначала мы переписывались очень усердно и часто, но мало-по-малу наша переписка естественно сократилась и напоминала тѣ короткія „ау“, которыми обмѣниваются люди, далеко разошедшіеся въ лѣсу, боясь потерять одинъ другого.

Послѣднему письму предшествовалъ почти двухлѣтній промежутокъ. Но за то, какъ я былъ обрадованъ, увидѣвъ совершенно неожиданно снова знакомый почеркъ, который узналъ сразу.

Лощиловъ увѣдомлялъ меня, что вотъ уже полтора года, какъ онъ женился, счастливъ и доволенъ своей судьбой, женой и малюткой, который не замедлилъ появиться на свѣтъ. Въ заключеніе онъ усердно приглашалъ меня пріѣхать погостить къ себѣ на дачу, на берегъ Чернаго моря.

Это письмо взбудоражило меня. Нахлынули юношескія воспоминанія. Что-то сладко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучительно запало въ груди, и, недолго думая, я взялъ въ своемъ земствѣ отпускъ на цѣлый мѣсяцъ и махнулъ „съ дальняго сѣвера въ сторону южную“, предваривъ его о своемъ выѣздѣ телеграммой съ однимъ только словомъ: «Ѣду».

* * *

Лощиловъ очень извинялся, что не могъ самъ встрѣтить меня на вокзалѣ, а выслалъ лакея; какъ разъ въ тѣ часы у него былъ пріемъ. Съ новыми извиненіями онъ поспѣшилъ къ ожидавшимъ его въ пріемной больнымъ. Въ моемъ распоряженіи оказалось часа полтора. Я умылся, переодѣлся, и, наконецъ, мы отправились съ нимъ на дачу, откуда Лощиловъ ежедневно ѣздилъ въ городъ.

На квартирѣ Лощилова мы не успѣли сказать другъ съ другомъ и двухъ словъ. По дорогѣ къ дачѣ, въ вагонѣ парового трамвая намъ также мѣшали бесѣдовать знакомые и паціенты моего пріятеля. Онъ глазами просилъ у меня извиненія, но я и не претендовалъ: впереди было еще много времени. Наконецъ, трамвай остановился у конечной станціи послѣ часового пути. Здѣсь стоялъ дилижансъ, неуклюжій и огромный, запряженный четверкой лошадей, куда стали проворно набиваться пассажиры. Предстояло еще минутъ двадцать пути до нѣмецкой деревушки,—дачной мѣстности,—гдѣ поселился мой пріятель. Замѣтивъ, вѣроятно, выраженіе нѣкотораго безпокойства на моемъ лицѣ при взглядѣ на этотъ Ноевъ ковчегъ, въ которомъ должно было быть душно, какъ въ чемоданѣ, Лощиловъ спросилъ меня:

— Ты не очень усталъ съ дороги?

— Нѣтъ.

— Такъ пойдемъ пѣшкомъ. Я поведу тебя, такъ сказать, парадным ходомъ къ себѣ, потому что тутъ дорога пыльная, и я называю ее чернымъ ходомъ. Это близко: полчаса ходьбы вонъ той тропинкой.

Онъ указалъ мнѣ на тропинку, свертывавшую влѣво отъ большой дороги къ обрыву надъ моремъ, и мы направились по ней, а за нами, поднимая облака невообразимой пыли, загрохоталъ дилижансъ.

— Уфъ! Чортъ бы ихъ взялъ, всѣхъ этихъ паціентовъ, облегченно воскликнулъ Лощиловъ, когда мы остались, наконецъ, вдвоемъ. — Ты, пожалуйста, прости мнѣ это вынужденное невниманіе. Нашему брату, волей-неволей, надо быть любезнымъ съ публикой. Тебѣ, какъ земскому врачу, это по счастью чуждо...

— А у тебя, должно быть, большая практика? вспомнивъ его превосходную городскую квартиру, замѣтилъ я.

— Да... порядочная... Но Алахъ съ ней и съ практикой! Ты не повѣришь, какъ я радъ твоему пріѣзду и какъ я мысленно ругалъ всѣхъ этихъ господъ, которые намъ слова не давали сказать. Зато теперь наговоримся. Вѣдь столько лѣтъ не видались.

— Да, давно.

— Однако, ты похудѣлъ, озабоченно проговорилъ онъ, вглядываясь въ мое лицо, точно только-что меня разглядѣлъ.

— Зато о тебѣ этого нельзя сказать. Ты не только пополнѣлъ, но какъ-то поважнѣлъ даже.

Дѣйствительно, въ своей широкой шляпѣ и чесунчевомъ пиджакѣ, Лощиловъ вы-

глядѣлъ какъ-то осанисто и внушительно, и эту внушительность особенно подчеркивалъ дорогой золотой хронометръ съ которымъ онъ довольно часто справлялся, вѣроятно, по привычкѣ доктора, дорожащаго своимъ временемъ. Онъ былъ широкоплечъ, бѣлокуръ, носилъ красивую, тщательно причесаную бороду, и отъ всего его существа вѣяло свѣжестью, какъ отъ здороваго человѣка, только что вышедшаго изъ холодной ванны.

Какъ между людьми, давно не видавшимися, разговоръ между нами какъ-то не клеился, и мы нѣсколько мгновеній шли молча, стараясь попасть въ ногу другъ другу.

— Что-ты ни съ кѣмъ еще не переписывался, кромѣ меня, изъ товарищей? спросилъ я, наконецъ, его, чтобы какъ-нибудь нарушить это молчаніе и смутно чувствуя, что нужно, прежде всего, помянуть прошлое.

— Ни съ кѣмъ. А ты?

— Тоже нѣтъ. Какъ-то, знаешь-ли, прошлаго стыдно переписываться.

Онъ, вѣрно, не совсѣмъ понялъ меня, такъ какъ продолжалъ немного невпопадъ, стараясь, однако, поддержать этотъ разговоръ о прошломъ:

— Да, да, именно... Хотя иногда пріятно вспомнить это прошлое! Помнишь, какъ мы съ тобой холерныхъ на своихъ плечахъ въ баракъ больничный таскали изъ Глѣбучева оврага, гдѣ ютилась вся эта бѣднота? Ночь... Грязь... Дождь... Тропинка глинистая. Изъ силъ выбиваемся, скользимъ, падаемъ, а все-таки тащимъ...

— Да, да...

— Все свое жалованье раздадимъ бѣднякамъ больнымъ, а сами кое-какъ перебиваемся... Только юность способна на такія жертвы и только впослѣдствіи придаешь имъ настоящую цѣну. Вѣдь, собственно говоря, мы совершали геройскіе подвиги, а тогда намъ это казалось только простымъ исполненіемъ обязанностей. Меня и теперь, порой, дрожь пробираетъ, какъ вспомню, какимъ опасностямъ и лишеніямъ мы себя добровольно подвергали такъ легкомысленно и нерѣдко глупо.

Я былъ нѣсколько озадаченъ послѣднимъ заключеніемъ.

— Почему же именно глупо?

— Гм... почему? Да хотя бы потому, что я рисковалъ не увидѣть и не испытать того, что испытываю и вижу теперь. Никакое сознаніе геройскаго подвига не можетъ дать такого могущественнаго ощущенія довольства жизнью, какое я испытываю .. ну, хотя бы вотъ теперь. Я въ мѣру и не безъ пользы для себя потрудился... Ко мнѣ пріѣхалъ пріятель... Дома ждетъ семья... Да одно наслажденіе природой чего стоитъ, помимо всего этого! Тамъ были какія-то фантасмагоріи, а здѣсь дѣйствительность.

— Однако, ты сказалъ, что тебѣ пріятно, порой, вспомнить эти фантасмагоріи?

— Да, для того, чтобы еще сильнѣе почувствовать трепетъ жизни и радость, что все геройство благополучно съ рукъ сошло. Природа учитъ насъ наслаждаться, и отказываться отъ этого во имя какихъ-то ни къ чему не ведущихъ подвиговъ, повторяю, глупо, и лишь въ юности—простительно. Нельзя быть вѣчно мальчикомъ и вдохновляться сантиментами. Отказаться отъ этой благодати!.. Развѣ это не глупо? Вѣдь жить-то одинъ разъ приходится!

И онъ глубоко втянулъ въ себя, насколько позволяли ему здоровыя легкія, свѣжій и крѣпкій воздухъ, постучавъ себя обѣими руками по выпяченной груди, и, оглянувъ окружающую картину съ такимъ самодовольствомъ, точно онъ былъ творецъ ея, или, по крайней мѣрѣ, она была обязана ему своимъ обаяніемъ, обратился ко мнѣ:

— Ну, каково здѣсь, *у меня*?

Мы шли по крутому обрыву, смѣло падавшему на ровный, песчаный берегъ моря своими дикими каменистыми выступами, на которыхъ кое-гдѣ, среди тощей жилистой зелени дремали пурпуровыя чашечки мака. Море, тихое, чуть слышно плескавшееся о песокъ, далеко отодвинуло голубые горизонты неба. Около берега море было такъ прозрачно, что виднѣлись на довольно большой глубинѣ огромные, мшистые камни, и отъ нихъ вода отливала зеленью. Кое-гдѣ чернѣли рыбачьи лодки. На горизонтѣ, какъ сѣдое привидѣніе, проплывало какое-то парусное судно, а направо отъ него, вдали, какъ будто изъ самаго моря, курился синій дымокъ скрывшагося изъ глазъ парохода.

Съ правой стороны—зеленѣла степь, съ пестрѣвшими кое-гдѣ хуторами, дачами, деревцами—вдали. Прямо виднѣлась зеленая колокольня нѣмецкой церкви, сообщавшая степи почему-то наивно-солидный характеръ. Солоноватый влажный запахъ моря смѣшивался съ теплымъ хлѣбнымъ запахомъ степи. Солнце приближалось къ закату, и трели жаворонковъ звенѣли въ вышинѣ какъ журчащій фонтанъ, падающій въ звонкій голубой басейнъ.

Издали доносился лай собакъ, и скоро показались деревенскія хаты.

— А вотъ и мое гнѣздышко!—со сдержанной гордостью, еще болѣе усиливавшей его довольство собой и окружающимъ, возгласилъ Лощиловъ, указывая на бѣленькую, съ красной черепичной крышей дачку, самой простой архитектуры, сразу выдѣляющуюся, однако, своимъ уютнымъ, чистенькимъ видомъ изъ всѣхъ неуклюжихъ нѣмецкаго типа деревенскихъ построекъ, вытянувшихся почти вплоть до моря одной ровной и широкой улицей, съ церковью по серединѣ.

Дачка стояла нѣсколько отдалившись отъ деревенскихъ домовъ, точно желая показать, что она совсѣмъ другой, болѣе привилегированной породы. Дикій, цѣпкій виноградъ, обвивая окна, ползъ по ея стѣнамъ и террасѣ, глядѣвшей на море, и окна, свѣтившіяся сытымъ довольствомъ, казалось, говорили: „Моя хата съ краю, ничего не знаю“.

Молодой садикъ изъ бѣлыхъ акацій и сирени окружалъ ее съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, выходившей на море, спускался по уклону внизъ молодой виноградникъ, точно зеленый шлейфъ кокетливой женщины.

Синій дымокъ вился кое-гдѣ изъ деревенскихъ трубъ мягкими клубами и сообщалъ этой идиллической картинѣ еще болѣе уютности и спокойствія.

По случаю субботы нѣмцы нынче раньше возвращались домой съ полевыхъ работъ, чтобы поспѣть въ церковь.

— Богатѣйшая деревня,—пояснилъ Лощиловъ.—Нѣмцы, какъ помѣщики, и это особенно пріятно, потому что нѣтъ вокругъ этой противной грязи и нищеты, которая въ русскихъ деревняхъ назойливо лѣзетъ въ глаза и не даетъ покоя.

* * *

Насъ встрѣтила хозяйка, бѣлокурая, въ интересномъ положеніи, что дѣлало ея фигуру, и безъ того довольно толстую, съ маленькой головой, узкими плечами, высокой таліей и широкими бедрами, похожей на спѣлый и сочный дюшессъ.

Лицо ея было красиво той незначительной красотой, которую мы видимъ въ цвѣтахъ безъ аромата.

Когда я взглянулъ въ ея ясные голубые глаза, мнѣ показалось, что я уже гдѣ-то видѣлъ этотъ взглядъ, и вдругъ вспомнилъ, что точно такимъ взглядомъ меня встрѣтили окна ихъ веселенькой дачи.

— Мнѣ такъ много говорилъ о васъ Коншкъ (Лощилова звали Кондратій), что я сердечно рада вашему пріѣзду: друзья моего мужа—мои друзья,—закончила она достойнымъ изреченіемъ свое привѣтствіе.

И голосъ у нея былъ такой тягучій, слащавый. Она говорила медленно, дѣля слова, точно каждое слово надо было тщательно обдумать. И эти слова лились изъ ея полныхъ, всегда полуоткрытыхъ губъ, какъ капли сладкаго сока изъ спѣлой надрѣзанной груши.

Затѣмъ, мнѣ показали комнату, выходившую окнами въ ровную зеленую степь. Кровать была покрыта бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ съ огромными мѣтками гладью—на виду. Очевидно, приданое хозяйки, такъ какъ инициалы были мнѣ не знакомы.

— Будьте, какъ дома,—любезно объявила хозяйка.

— А ты что-же не покажешь ему Карасика?—укоризненно обратился Лощиловъ къ женѣ и прибавилъ мнѣ въ видѣ поясненія:—Карасикъ нашъ сынъ. Отличный бутузъ. Прямо, можно сказать, по Дарвину, съ гордостью геніальнаго самца заявилъ онъ, указывая глазами на свою супругу.

— Ну, ужь...—скромно выразила свой протестъ супруга.—Ты всегда такъ... Карасикъ спитъ. Онъ черезъ часъ проснется, и тогда вы его увидите...

— У насъ все по часамъ. Засыпаетъ онъ по часамъ, просыпается по часамъ, ѣстъ по часамъ и все прочее также по часамъ. Мальчику это необходимо. Во-первыхъ, пріучаетъ къ порядку, во-вторыхъ — здорово. Мы и для себя завели тотъ-же режимъ. Когда есть дѣти, приходится дорожить своимъ покоемъ и здоровьемъ,—сентенціозно замѣтилъ онъ. — Ну, а какъ твой обѣдъ?

— Онъ будетъ во-время... Вы меня извините,—любезно обратилась ко мнѣ хозяйка,—я должна пойти на кухню... Коншкъ такъ любитъ хорошо покушать, а если за кухаркой не присмотрѣть,—она Богъ знаетъ, что наготовитъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Федоровъ.

На лонѣ природы. Съ картины художника К. Штеттена.

Взятіе Эривани. Съ картины художника Ф. Рубо. Гравировалъ Б. Пуцъ.

ВЕСЕННІЙ СОНЪ.

Снилось мнѣ: въ пустынномъ паркѣ
Ты стоишь, обращена
Въ мраморъ статуи холодной,
Неподвижна и блѣдна.

На тебя сквозь вѣтки кленовъ,
Съ выси неба голубой
Устремивъ свой взоръ унылый,
Смотритъ мѣсяцъ золотой.

Я-же—вѣтеръ, вѣтеръ шумный,
Твой поклонникъ и твой рабъ,
Въ гнѣвѣ ревности безумной
Обезсилѣлъ и ослабъ.

Съ тяжкимъ вздохомъ, полный дрожью,
Проношусь я въ тьмѣ аллей,
Осыпая, словно жемчугъ,
На тебя росу съ вѣтвей.

А роса — не слезы-ль это,
Въ грусти пролитыя мной?
Но ко мнѣ ты равнодушна
И въ груди твоей покой.

Отчего-жъ томлюсь я тяжко
И вздыхаю я о чемъ?
Оттого, что мѣсяцъ ясный
Освѣтилъ тебя лучемъ.

И, таинственно бѣлѣя
Сквозь мерцающую тьму,
Ты беззвучными устами
Улыбаешься ему.

Леонидъ Афанасьевъ.

ОТКАЗАЛСЯ.

(Картинка съ натуры).

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко...

Онъ отказался, отказался жениться на ея младшей дочкѣ Бети.

Обѣ его карточки—и та, что стояла на зеркалѣ въ плюшевой рамкѣ, и другая, висѣвшая надъ кроватью Бети и украшенная завявшими букетиками цвѣтовъ, среди которыхъ преобладали незабудки, посѣрѣвшія и высохшія уже отъ времени, были сняты и брошены въ большой черный сундукъ, тотъ самый сундукъ, куда въ продолженіе этихъ послѣднихъ двухъ лѣтъ Бети аккуратно складывала свое приданое, все сшитое ее собственными руками, и гдѣ теперь поверхъ тонкихъ батистовыхъ рубашекъ, обшитыхъ кружевами, отдѣланныхъ лентами, небрежно лежали обѣ карточки ея жениха, теряясь въ складкахъ изящнаго свѣтло-лиловаго зонтика съ тонкимъ стальнымъ кончикомъ.

Tante Фанни выдержала этотъ ударъ съ геройскимъ самообладаніемъ, самообладаніемъ, которое составляло отличительную черту характера всѣхъ Зигекранцевъ и было гордостью ихъ дома еще съ отдаленныхъ временъ Франца Францовича Зигекранца, пришедшаго, какъ гласило семейное преданіе, пѣшкомъ изъ Ганновера въ Петербургъ и считавшагося среди своихъ многочисленныхъ внуковъ и правнуковъ родоначальникомъ этой славной фамиліи. Даже тотъ, кто хорошо зналъ Tante Фанни, кто часто видѣлъ ея небольшую фигурку, неизмѣнно затянутую въ гладкое черное платье, кто внимательно изучилъ ея румяное, покрытое мелкими морщинами лицо, съ тонкими, всегда плотно сжатыми губами, которыя, казалось, вотъ-вотъ раскроются и изъ нихъ вылетитъ знакомый рѣзкій крикъ:

„Ш-ш-ш-а, Kinder!“

Кто съ дѣтства привыкъ невольно опускать глаза передъ ея пронзительнымъ взглядомъ и ясно еще помнилъ, какъ онъ въ былыя времена краснѣлъ до слезъ, когда, нисколько не смущаясь многочисленнымъ обществомъ, Tante Фанни, съ ядовитой улыбкой поймавъ его маленькую красную ручку, неумолимо отыскивала большое чернильное пятно на его же собственномъ указательномъ пальцѣ и читала длинныя нотаціи о чистоплотности, аккуратности и трудолюбіи. Даже тотъ, кто и теперь послѣ многихъ лѣтъ, промелькнувшихъ надъ этими дѣтскими впечатлѣніями, все еще немножко побаивался ея суроваго голоса, казалось созданнаго для того, чтобы дѣлать замѣчанія и не чувствовалъ себя безопаснымъ даже въ тѣ минуты, когда Tante Фанни, впадая въ благодушное настроеніе, садилась за рояль и, подзывая дочекъ, пѣла вмѣстѣ съ ними тоненькимъ сопрано, полная неподдѣльнаго негодованія:

Скажи, безумная ты дочь,
Гдѣ пропадала ты всю ночь?
Зачѣмъ распущена коса
И на ногахъ твоихъ роса?

Да и тотъ не уловилъ-бы на ея лицѣ послѣ этого тяжелаго событія никакого признака печали или отчаянья сквозь обычное ей выраженіе непреклонной суровости, которое Tante Фанни считала почему-то наиболѣе приличнымъ для хозяйки дома и матери двухъ взрослыхъ дочерей.

А между тѣмъ она не чувствовала себя такой несчастной и такой разбитой даже въ тотъ день, когда она получила неожиданное извѣстіе о скоропостижной смерти мужа, сидя вмѣстѣ со своими дочками Бети и Мицей на балконѣ небольшой дачки около Выборга и оканчивая изящный абажуръ изъ розоваго шелка въ подарокъ одной изъ своихъ многочисленныхъ родственницъ.

Положимъ, никто никогда не говорилъ, что между Tante Фанни и покойнымъ спутникомъ ея жизни существовали особенно нѣжныя отношенія, хотя... хотя они въ продолженіе тридцатилѣтняго супружества и гуляли подъ руку аккуратно каждое воскресенье, покорные традиціоннымъ завѣтамъ фамиліи Зигекранцевъ, по Большому проспекту Васильевскаго острова отъ двухъ до трехъ часовъ дня, причемъ Бети и Мица, одѣтыя въ совершенно одинаковые костюмы, мило шли впередъ, и вся семейная группа своимъ прилично-довольнымъ видомъ производила самое благопріятное впечатлѣніе на встрѣчныхъ прохожихъ, невольно заставляя ихъ думать о тихихъ радостяхъ счастливаго супружества. Но, какъ справедливо замѣчала по этому поводу чувствительная кузина Альма, подражая по обыкновенію невинному лепету ребенка:

„Наружность иногда обманчива бываетъ“.

Онъ отказался внезапно и неожиданно, послѣ того, какъ два года былъ женихомъ и въ теченіе послѣднихъ длинныхъ и скучныхъ мѣсяцевъ разлуки, каждый день аккуратно писалъ Бети изъ маленькаго заграничнаго курорта, куда онъ уѣхалъ поправлять свое вдругъ пошатнувшееся здоровье, очень милыя и даже нѣжныя письма, оканчивая слѣдующими трогательными словами четыре страницы, мелко исписанныя красивымъ и ровнымъ почеркомъ чистокровнаго нѣмца:

„Твой на вѣки и горячо тебя любящій Густавъ“.

Причина отказа была неизвѣстна и возбуждала не мало самыхъ разнообразныхъ

толковъ среди многочисленной фамиліи Зигекранцевъ. Одни, склонные къ болѣе прозаическому образу мыслей, утверждали, что Густавъ, охлажденный разлукой, просто испугался заботъ и стѣсненій семейной жизни; другіе, преимущественно дамы, воспитанныя на чувствительныхъ нѣмецкихъ романахъ, видѣли во всемъ козни какой-нибудь соблазнительной и коварной женщины, отнявшей у Бети сердце ея жениха. Въ общемъ всѣ Зигекранцы, недаромъ считавшіе обиліе родственныхъ чувствъ лучшимъ украшеніемъ своей фамиліи, выражали самое шумное, самое искреннее негодованіе по поводу происшедшаго событія.

Еще недѣлю тому назадъ, Tante Фанни, оставшаяся послѣ смерти мужа почти безъ всякихъ средствъ къ существованію и жившая благодѣяніями родственниковъ, мечтала о томъ, какъ она, занявъ тысячу рублей у богатаго жениха дочки, устроитъ на берегу Саймскаго канала пансіонъ для пожилыхъ и одинокихъ дамъ; это послѣднее соображеніе было придумано ею исключительно въ видахъ строжайшей нравственности.

Заманчивыя картины этого будущаго пансіона носились передъ ея глазами, и нетронутое воображеніе Tante Фанни, всю жизнь дремавшее подъ спудомъ мелочныхъ хозяйственныхъ заботъ, въ яркихъ краскахъ рисовало ей небольшой домикъ въ густомъ сосновомъ лѣсу, выкрашенный въ блѣдно-голубой цвѣтъ, и цѣлый рядъ маленькихъ свѣтлыхъ комнатокъ тамъ съ простыми желѣзными кроватями, накрытыми бѣлыми пикейными одѣялами ослѣпительной чистоты, съ кисейными занавѣсками на окнахъ и горшкомъ расползшихся кактусовъ на подоконникѣ, безъ котораго Tante Фанни вообще не могла себѣ представить уютнаго уголка. Мысль о небольшой квадратной дощечкѣ чернаго дерева на воротахъ съ предполагаемой надписью на ней крупными золотыми буквами:

„Пансіонъ Зигекранцъ“

заставляла ее улыбаться совершенно несвойственной ей сіяющей улыбкой, и сердце Tante Фанни, испытанное въ житейскихъ буряхъ и треволненіяхъ, исполнялось горделивымъ, почти восторженнымъ чувствомъ, быть можетъ, очень похожимъ на чувство художника, остановившагося въ экстазѣ передъ своей любимой картиной. Пожалуй даже, она ощущала нѣчто похожее на вдохновеніе, когда еще такъ недавно въ головѣ ея вихремъ кружился цѣлый рой самыхъ тончайшихъ соображеній о томъ, какъ устроить кладовую, ледникъ, погребъ въ своемъ будущемъ пансіонѣ такъ, чтобы ни одна даже самая ловкая кухарка не могла пробраться туда тайкомъ отъ ея зоркаго взгляда, и Tante Фанни, теряясь среди своихъ хитроумныхъ изобрѣтеній, призывала на помощь всю свою житейскую опытность, опытность женщины, перевидавшей на своемъ вѣку десятки самыхъ разнообразныхъ кухарокъ, провоевавшей съ ними, не теряя энергіи, въ теченіе тридцати лѣтъ изъ-за каждой передержанной копѣйки, изъ-за каждаго лишняго кусочка масла; опытность женщины, вздрагивающей при одномъ словѣ „прислуга“, какъ вздрагиваетъ старый боевой конь при звукѣ выстрѣла.

Да, еще недѣлю тому назадъ Tante Фанни, дожившая до пятидесяти лѣтъ безъ всякихъ иллюзій и мечтаній, мечтала о богатствѣ и даже извѣстности, еще недѣлю тому назадъ она часами просиживала въ бездѣйствіи надъ неоконченной работой, отдаваясь своимъ заманчивымъ грезамъ, и нерѣдко съ взволнованнымъ видомъ, съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, говорила самоувѣренно дочкамъ, потирая свои маленькія, плотныя руки:

— Мы еще постоимъ за себя, мы еще сумѣемъ устроить нашу жизнь!

И, можетъ быть, не случайно въ такія минуты ея свѣтлые голубые глаза самодовольно и даже немножко хвастливо глядѣли въ окно на шумную многолюдную улицу, частичку того міра, волненія и страсти, заботы и увлеченія котораго такъ чужды были Tante Фанни.

И вдругъ все разрушено такъ внезапно, такъ неожиданно.

Да, Tante Фанни нужно было не мало старой испытанной энергіи Зигекранцевъ, помогавшей еще Францу Францевичу преодолѣвать трудности пѣшаго путешествія изъ Ганновера въ Петербургъ, чтобы не пасть духомъ, чтобы, сохраняя обычное выраженіе суровости на лицѣ, попрежнему цѣлыми днями вышивать безконечные антимакасары, чайныя салфеточки и чайныя полотенца, по старому шить затѣйливыя лѣтнія кофточки изъ разноцвѣтнаго батиста и строчить мелкія складочки на изящныхъ ночныхъ рубашкахъ, аккуратно выполняя заказы сердобольныхъ родственниковъ, доставленные ей для поддержанія ея матерьяльнаго благосостоянія.

Только разъ Tante Фанни не выдержала, и ея геройское самообладаніе измѣнило ей; случилось это вскорѣ послѣ отказа Густава.

Въ небольшой гостиной Tante Фанни, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ для нея и для двухъ ея дочекъ и столовой и кабинетомъ, собрался семейный совѣтъ всѣхъ Зигекранцевъ. Положеніе было слишкомъ серьезнымъ, а въ такихъ случаяхъ еще со временъ Франца Францевича принято было прибѣгать къ семейнымъ собраніямъ. Большая бронзовая лампа подъ бѣлымъ матовымъ колпакомъ, старая семейная лампа, видѣвшая Бети еще въ пеленкахъ, мягко освѣщала скромную обстановку комнаты: и круглый столъ, покрытый вязанной скатертью работы Бети, и фарфоровыя пепельницы на немъ, гдѣ привѣтливо улыбались, нарисованныя тушью, нарядныя пастушки, работы Фанни, и тюлевыя занавѣски на окнахъ съ вышитыми на нихъ замысловатыми узорами, работы Бети и Фанни вмѣстѣ, и маленькій угловой диванчикъ, наконецъ, съ двумя креслами по бокамъ, подаренные Tante Фанни ко дню ея рожденія, лѣтъ двадцать тому назадъ, и сохранившіе съ того времени, къ немалой гордости своей хозяйки, славившейся аккуратностью даже среди Зигекранцевъ, и чистоту и свѣжесть своихъ дней; казалось, время, испещрившее морщинами румяное лицо Tante Фанни, сдѣлавшее изъ ея старшей дочки Мицы увядшую старую дѣву — безслѣдно пролетѣло надъ ними, и только слегка потускнѣли блѣдно-розовыя астры, раскинутыя то тамъ, то тутъ по свѣтлому фону ихъ нарядной обивки. Все было такъ, какъ бывало на всѣхъ семейныхъ собраніяхъ Зигекранцевъ: около чайнаго стола, накрытаго тутъ же въ гостиной, прихлебывала простывшій чай изъ маленькой фарфоровой чашечки всегда таинственная Tante Мери; хлопотливо поправляя на лбу и на вискахъ свои мелкіе сѣдые локоны, она, немилосердно коверкая русскія слова, быстро нашептывала что-то толстой тетѣ Сашѣ, не понимавшей, къ стыду своему, ни слова по-нѣмецки и удрученной по обыкновенію тоскливымъ сознаніемъ, что дѣдъ ея былъ не изъ Ганновера и даже не изъ Кенигсберга, а просто изъ прозаическаго Тамбова. Немножко слѣпая, немножко глухая Tante Каролина, какъ всегда, безучастно склонилась надъ своимъ неизмѣннымъ вязаньемъ безконечнаго чулка. Со стола безшумно убирала посуду чухонка-горничная, ярко сіялъ на ея свѣтлыхъ жирныхъ волосахъ бѣлоснѣжный чепчикъ изъ легкой кисеи, какой по традиціи носили всѣ горничныя Зигекранцевъ и который, еще со временъ Франца Францевича, ни на іоту не измѣнилъ своего фасона и даже размѣра воздушной тюлевой оборки, окаймляющей его продолговатое граціозное донышко; какъ только она вышла, унося съ собою блестящій круглый самоваръ, все еще шумѣвшій жалобно и уныло, съ одного изъ креселъ поднялся Onkel Альфредъ, величественный старикъ съ пушистыми сѣдыми волосами, старшій въ родѣ Зигекранцевъ, и, остановившись неподалеку отъ Tante Фанни, сидѣвшій на диванѣ, не спуская глазъ съ ея взволнованнаго лица, онъ заговорилъ пространно и краснорѣчиво о бѣдственномъ положеніи несчастной семьи своего покойнаго брата.

Упомянувъ о томъ, что всѣ надежды Tante Фанни возлагались на будущаго богатаго мужа дочки, коснувшись въ трогательныхъ выраженіяхъ неутѣшнаго горя бѣдной Бети, Onkel Альфредъ, способный плакать отъ музыки Шопена, произнесъ съ негодованіемъ, придавая угрожающее выраженіе своимъ маленькимъ бѣгающимъ глазкамъ, что только человѣкъ безъ сердца, человѣкъ съ низкой душой могъ при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ измѣнить своему слову и бросить на произволъ судьбы полюбившую его дѣвушку.

Затѣмъ онъ, остановившись на минуту, какъ бы давая время слушателямъ оцѣнить по достоинству его слова, перешелъ на свою любимую тему о томъ, что Зигекранцы еще со временъ Франца Францевича всегда жили и дѣйствовали, покорные девизу: „Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“. Что Tante Фанни, конечно, нечего бояться за свою судьбу, имѣя такихъ родственниковъ, и что помогать ближнему святая обязанность каждаго человѣка.

— Бодритесь, закончилъ Onkel Альфредъ свою длинную рѣчь, — не падайте духомъ; не смотря на всѣ ваши несчастья, у васъ осталось еще одно богатство неоцѣнимое: ваша честная репутація! Охранять ее — мой долгъ, моя обязанность по отношенію къ тому, кто теперь отъ насъ далеко.

Тутъ глаза его наполнились слезами, и онъ устремилъ умиленный взоръ на портретъ своего покойнаго брата, точно желая сказать красивому лицу съ холоднымъ жесткимъ выраженіемъ большихъ свѣтлыхъ глазъ, сурово глядѣвшему со стѣны изъ темной рамки:

„Ты меня поймешь и оцѣнишь!“

Печать умиленія легла на растроганныя лица Зигекранцевъ; казалось, тѣнь Франца Францевича незримо пронеслась надъ семейнымъ совѣтомъ. Слезы побѣжали по лицу Tante Фанни, глаза ея затуманились, и, неожиданно для нея самой, ясно-ясно представился ей въ эту торжественную минуту, вмѣсто знакомаго портрета мужа, вмѣсто старой рѣзной рамки — длинный корридоръ, застланный пестрой чухонской дорожкой, по которому медленно, шелестя шелковыми юбками, двигались одна за другой пожилыя дамы въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ и съ печатью несокрушимой добродѣтели на строгихъ лицахъ. Слегка наклоняясь къ

Tante Фанни, они любезно и мягко шептали: „Guten Abend, Frau Siegekranz“, исчезая затѣмъ въ маленькихъ свѣтлыхъ комнаткахъ съ простыми желѣзными кроватями, покрытыми пикейными одѣялами ослѣпительной бѣлизны.

Tante Фанни не выдержала и разрыдалась, и въ первый разъ что-то безпомощное, что-то растерянное, почти жалкое мелькнуло въ выраженіи ея лица.

Уже нѣсколько лѣтъ промелькнуло надъ этими событіями, разговоръ о нихъ замолкъ даже среди Зигекранцевъ. Tante Фанни сгорбилась и постарѣла, но ея плотныя маленькія руки все также неутомимо и дѣятельно вышиваютъ затѣйливые узоры на нарядныхъ антимакасарахъ; ея строгій испытующій взглядъ все еще заставляетъ трепетать Мицу, когда та, морщинистыми уже руками, по старой привычкѣ прячетъ подъ подушку романы Золя, которые попрежнему запрещаетъ ей читать строгая мамаша.

И еще болѣе самодовольное, еще болѣе самоувѣренное выраженіе мелькнетъ въ свѣтлыхъ голубыхъ глазахъ Tante Фанни, когда она въ длинные зимніе вечера подымаетъ свою посѣдѣвшую голову и смотритъ въ окно на многолюдный шумный городъ, далеко убѣгающій своими яркими огнями.—„Что, братъ, насъ не сломишь!“—казалось, хочетъ она сказать какому-то невидимому врагу.

Попрежнему Бети и Мица, покорныя ея строгому голосу, Бети и Мица, объ маленькія и худенькія, что, впрочемъ, составляетъ отличительную особенность всѣхъ Зигекранцевъ, и отчасти даже предметъ ихъ благородной гордости, объ съ пушистыми, слегка рыжеватыми волосами, зачесанными по послѣдней модѣ, искусно выдѣлываютъ изъ папи-

Лакомый кусочекъ. Съ картины художника Г. Каульбаха.

росной бумаги разноцвѣтныя розы, предназначенныя въ подарокъ то Tante Мери, то Tante Каролинѣ, то кузинѣ Альмѣ, которыя затѣмъ, тронутыя до слезъ подобнымъ вниманіемъ, также какъ и раньше дарятъ имъ съ видомъ добродѣтельныхъ фей свои, слегка поблекшія, шляпы, свои нарядныя платья прошлаго сезона.

„Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“—такова традиція фамиліи.

Въ затруднительномъ положеніи. Съ картины художника К. Швенингера.

Все такъ же медленно, все такъ же скучно катится по старой избитой колеѣ ихъ незамѣтная, неинтересная жизнь.

Только Бети иногда, задумавшись надъ неоконченнымъ цвѣткомъ, вздыхаетъ тяжело и грустно, и крупныя слезы катятся по ея поблѣднѣвшему лицу, уже поблекшему слегка; что вызываетъ ихъ?

Незажившая-ли рана обманутой любви, или просто горькое сознаніе разбитой жизни, идеалъ которой представляется Бети въ двухъ словахъ: быть дамой. Дальше не идетъ ея бѣдное воображеніе, безпомощно завязшее среди строгихъ принциповъ трудолюбія, аккуратности и благонравія и неподвижно застывшее надъ этой мыслью, подъ тихій шепотъ Tante Фанни, все еще не потерявшей надежду выдать замужъ дочку и съ таинственнымъ видомъ рисующей ей прелести семейной жизни, склонившись въ длинные зимніе вечера надъ причудливымъ антимакасаромъ при свѣтѣ большой бронзовой лампы подъ бѣлымъ матовымъ колпакомъ, старой семейной лампы, видѣвшей Бети еще въ пеленкахъ.

Е. Ш.

СУДЬБА.

Очеркъ **Эриста Альгренъ.**

Тихій лѣтній вечеръ, надъ ольхами съ болота поднимается легкій бѣловатый туманъ, который густѣетъ и темнѣетъ между дубами и становится непроницаемымъ въ чащѣ орѣшника и кратегуса; зеленый сводъ молчаливаго лѣса отсвѣчиваетъ яркими тѣнями; ни одинъ листочекъ не шелохнется.

На опушкѣ лѣса сидѣлъ рабочій, опираясь на опрокинутую кадку, въ которой когда-то была известь; онъ будто кого-то ждалъ, взглядъ его былъ неподвижно устремленъ на тропинку, которая шла отъ фермы вдоль плетня и недалеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ рабочій, сворачивала въ лѣсъ.

Сидѣвшій былъ широкоплечъ, слегка сутуловатый, какъ всѣ труженики земли; складки вокругъ крупнаго рта выказывали тупое равнодушіе обитателя равнины, но глаза, выглядывавшіе изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей, выдавали браконьера, вѣчно страстнаго, вѣчно пугливаго. Широкія, тонкія ноздри раздувались, какъ у кровной лошади.

Онъ сдвинулъ фуражку на затылокъ, — поперекъ низкаго незагорѣвшаго лба шла красная полоса, мокрая отъ поту; изъ-подъ козырька торчали космы мокрыхъ волосъ, похожихъ на сбившуюся шерсть пуделя. По временамъ этотъ человѣкъ проводилъ рукою вокругъ рта и подбородка, будто вытиралъ потъ. Уставъ опираться на одно колѣно, онъ перемѣнялъ позу и всею тяжестью тѣла ложился на другой локоть и другое колѣно. Въ его лицѣ незамѣтно было ни нетерпѣнія, ни мысли, — одно только выраженіе скрытой боли, — отчего ротъ его казался больше, носъ крючковатѣе, сильно развитой подбородокъ еще больше выдавался.

Туманъ густѣлъ, свѣжѣло, но сидѣвшій ничего не замѣчалъ. Онъ только часто проводилъ рукою по лицу, на которомъ ежеминутно выступалъ потъ.

Изъ фермы вышелъ работникъ, но пошелъ не по тропинкѣ, а свернулъ въ поле. Сидѣвшій слегка отклонился и притаился за кустъ, подъ которымъ сидѣлъ, — напрасный страхъ, работникъ не взглянулъ въ его сторону.

Свѣжѣло все больше и больше; на горизонтѣ за лѣсомъ поднималась луна. Было поздно, малѣйшій звукъ отчетливо раздавался на далекое разстояніе. — слышался протяжный лай дворовой собаки, мычаніе коровы въ лѣсу. Всѣ спали, — всѣ, кто бодрствовалъ и работалъ днемъ, не прячась свѣта и людскихъ глазъ.

Рабочій тяжело приподнялся съ мѣста и пошелъ къ строеніямъ.

Онъ сошелъ съ тропинки, подошелъ къ одному изъ оконъ и остановился въ раздумьи. Онъ былъ золъ на себя за свое малодушіе. Почему онъ не идетъ туда, гдѣ танцуютъ? Почему не можетъ пить, пѣть и веселиться съ дѣвушками? Почему существуетъ для него только она одна? Ихъ вѣдь такъ много, — стоитъ только протянуть руку. Поборовъ свою застѣнчивую трусость, онъ постучалъ въ окно.

Сердце его колотилось въ груди. Онъ испытывалъ чувство человѣка, котораго избили и который съ ужасомъ ждетъ, что изъ-за угла выскочатъ люди и еще изобьютъ его; окно не отворялось, онъ постучалъ сильнѣе. — Онъ не хочетъ быть посмѣшищемъ всѣхъ мужчинъ, — она не смѣетъ презирать его!

Онъ хотѣлъ еще стучать, но въ комнатѣ зашевелились. За окномъ что-то затемнѣло. Онъ зналъ, что это не она, и чувствовалъ себя оскорбленнымъ; но разъ началъ, — нужно кончить и подождать, что ему скажутъ.

— Это ты, Перъ? — послышался женскій голосъ, и окно слегка пріотворилось.

— Я! сквозь зубы отвѣчалъ онъ односложно и рѣзко.

— Анны нѣтъ дома; я думаю, что она только къ утру вернется, — ласково проговорилъ голосъ, и окно захлопнулось. Въ комнатѣ послышался сдержанный смѣхъ.

Будто сотни иголокъ впились въ его тѣло: ему казалось, что изо всѣхъ поръ потекла кровь, лицо его вспыхнуло; въ вискахъ застучали молотки.

Зачѣмъ онъ приходилъ? Вѣдь онъ заранѣе зналъ, что ему скажутъ! Онъ зналъ!!! Почему же онъ не ударилъ Малену по ея злорадостной физіономіи? Ей слѣдовало дать кулака, такъ чтобы кровь показалась изъ носа и рта! Ему стало бы легче! И зачѣмъ онъ ее не побилъ? Онъ взглянулъ на окно, оно затворено и спущена занавѣска. Поздно! Вотъ всегда такъ, онъ вездѣ опаздываетъ. Но онъ всѣмъ имъ себя покажетъ — всѣмъ!

Ноздри его раздувались, онъ тяжело дышалъ и стискивалъ зубы, чтобы не кричать отъ какой-то ужасной, невыносимой боли. Не глядя пошелъ онъ по тропинкѣ; ноги сами собою находили дорогу, какъ лошади безъ кучера. Онъ не сознавалъ, идетъ ли онъ или стоитъ, его мысли были съ тою, которая только къ утру вернется домой; которая засмѣется, — она тоже! — когда узнаетъ, что онъ приходилъ. И не она одна! Ему казалось, онъ слышитъ перешептываніе и смѣхъ, — всякій разъ какъ помянутъ его имя. *Они* ни о чемъ другомъ не говорятъ,— только о немъ! — ему даже не могло придти въ голову, что *они* могутъ говорить о чемъ нибудь другомъ. Утромъ имъ будетъ очень весело, — будетъ много смѣху, когда они узнаютъ, что онъ приходилъ просить у нея прощенія... Онъ покинутъ, забытъ, одинъ,— въ лѣсу, въ полѣ, — одинъ, — какъ собака безъ хозяина...

О, онъ дастъ имъ себя знать!.. Онъ на всю жизнь оставитъ имъ память!.. Память? Да! за это его посадятъ въ тюрьму, запрутъ, а между тѣмъ...

Да что? Развѣ онъ связанъ по рукамъ и ногамъ, чтобы быть общимъ посмѣшищемъ? Его вдругъ охватило сознаніе безпомощности, онъ готовъ былъ плакать, какъ ребенокъ, — плакать и стонать. Онъ готовъ продать душу, чтобы только быть *съ нею*, владѣть ею вѣчно, отнять ее у всѣхъ остальныхъ... Пусть только она не смѣется!.. Этотъ тихій смѣхъ, будто чириканіе птички, отъ котораго она не могла отстать и который невольно возбуждалъ недовѣріе Пера...

Перъ давно ждалъ подобнаго конца. И именно *поэтому* она стала ему такъ дорога. Уходила она, — ему казалось, они навѣки разстались; встрѣчались, — для него она будто изъ мертвыхъ воскресла, — онъ чувствовалъ небо, онъ бывалъ такъ счастливъ, что не умѣлъ выразить.

Сколько разъ проходилъ онъ по этой тропинкѣ, едва замѣтной въ покрытой росою травѣ; часъ за часомъ ждалъ *ее*, прислушивался — все напрасно. Утромъ, усталый, измученный, онъ съ трудомъ принимался за работу... Случалось, они встрѣчались гдѣ-нибудь на дорогѣ; онъ любовался ею, такой стройной, нарядной въ красивомъ ситцевомъ платьѣ и свѣтломъ платочкѣ на головѣ; она вышучивала его жалобы, обѣщала быть на этотъ разъ аккуратнѣй и придти въ назначенное мѣсто... И каждый день все то же! Невыразимая тоска росла все сильнѣе и сильнѣе!.. Ему казалось, весь міръ — болото, въ которое онъ глубже и глубже погружается, а она перегоняетъ его, легко перепрыгивая съ кочки на кочку...

Онъ только свою мать любилъ такъ же сильно; иногда ему приходило на мысль оставить Анну въ покоѣ, пусть она только скажетъ, что была счастлива, когда была съ нимъ, что тогда она надъ нимъ не смѣялась...

Молчать и уйти! Пусть она ждетъ, страдаетъ, безпокоится, мучается безполезными пустыми мыслями...

Раздались шаги, онъ спрятался за дерево, — должно быть, *они*! Изъ своей засады онъ видѣлъ, какъ *они* прошли обнявшись. Она говорила тихо, почти шептала. Перъ прислушивался, присматривался, будто звѣрь на добычѣ, но не могъ поймать ни одного слова. Когда они прошли мимо, Перъ услышалъ тихій повелительный смѣхъ, которымъ она могла загнать его въ мышиную нору; они о немъ говорятъ, обязательно. Этотъ смѣхъ только къ нему можетъ относиться, ни къ кому другому! Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ о немъ!..

Да, да, да, все прошло. Онъ можетъ плакать и просить, — а она будетъ только смѣяться!.. Онъ говоритъ, что убьетъ себя, а она смѣется.

А если онъ въ самомъ дѣлѣ лишитъ себя жизни? Она испугается, пожалѣетъ... Онъ не первый, который покончитъ жизнь изъ-за любовныхъ неудачъ. Теперь онъ шелъ и думалъ, какъ это сдѣлать... Труднаго ничего нѣтъ! Конецъ веревки съ подвижной петлей и больше ничего!

Его не станетъ!.. Она будетъ совсѣмъ свободна... Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный. Въ немъ что-то шевельнулось — чисто безсознательное. Ему казалось, что онъ на водѣ, въ опасности, готовится умереть, но вотъ руль снова въ его рукахъ, и онъ правитъ противъ бури... Она не смѣетъ хвастать, что играла съ нимъ, что оттолкнула его любовь. Онъ вылечитъ ее отъ желанія играть, — онъ!..

Перъ прибавилъ шагу, пришелъ на ферму, но не пошелъ въ душное помѣщеніе работниковъ, а перелѣзъ черезъ плетень и отправился въ конюшню, — тамъ онъ будетъ одинъ, тамъ онъ уснетъ.

Онъ приготовилъ себѣ постель на сѣновалѣ, отворилъ оконце въ лѣсъ, чтобы имѣть побольше воздуха, и легъ не раздѣваясь. Но заснуть не могъ, только лежалъ и думалъ. Все такъ опредѣленно, такъ ясно!

Онъ думалъ о своемъ отцѣ, — старикѣ съ восковымъ цвѣтомъ лица — слѣды долговременнаго заключенія въ тюрьмѣ, — и трусливыми глазами, насквозь пронизывавшими человѣка. Неужели и онъ пойдетъ по той же дорогѣ? Подвернется несчастный случай, попадешь въ тюрьму, и — безчестіе на всю жизнь!..

Съ отцомъ было не такъ; онъ сдѣлалъ *это* безсознательно, въ гнѣвѣ, не обдумывая. Но можно ли было думать, что *это* въ крови, — теперь онъ видитъ...

„Судьба!“ прошепталъ онъ. Въ немъ боролись двѣ воли, а та, которая была противъ него, была сильнѣе. Онъ долго лежалъ и думалъ, — не о томъ, долженъ ли онъ это сдѣлать или нѣтъ: — онъ думалъ, что такъ нельзя оставить и что онъ не можетъ уснуть. Ему казалось, что ночь прошла, что пора вставать на работу; онъ посмотрѣлъ, который часъ. — Только часъ! — Онъ всталъ, пошелъ къ оконцу, въ которое поднимаютъ сѣно на сѣновалъ, и, стоя на доскѣ, смотрѣлъ на ночь; лежать такъ удушливо, жарко, въ жилахъ кипитъ кровь; здѣсь лучше, свѣжѣе. Луна зашла; звѣзды будто устали свѣтить; все точно вымерло, тихо, ничто не шелохнется.

Мысль покончить съ собою не разъ приходила ему, — въ первый разъ это было, когда онъ былъ еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, — онъ не досмотрѣлъ, и сѣрая хозяйская лошадь сломала ноги. Да, тяжело пришлось ему тогда. Никогда ни съ однимъ человѣкомъ онъ не могъ говорить о своемъ горѣ, и отъ чего другой избавлялся шутя, то, подобно змѣѣ, грызло его сердце. Онъ не былъ дерзокъ на языкъ, еще менѣе былъ непослушенъ, какъ многіе изъ его товарищей. Если къ нему были несправедливы, онъ про себя мечталъ о мести, но еще никому не сдѣлалъ зла. Онъ готовился поджечь дворъ или засѣсть въ засаду и убить хозяина, но это остались только намѣренія... Своими мыслями онъ только успокоивалъ себя. Теперь не то, онъ готовъ вынести всѣ муки ада, такова судьба! — *онъ* или *она*!

Онъ усталъ стоять и улегся въ сѣно. Если бы только заснуть!.. Какая безконечная ночь! Онъ снова перебиралъ всю свою жизнь и все, что ему слѣдуетъ сдѣлать и какъ сдѣлать. Онъ снова посмотрѣлъ на часы, еще не было пяти, и онъ опять принялся за то же, опять и опять!.. Подъ конецъ ему стало казаться, что онъ лежитъ на муравьиной кучѣ, — онъ готовъ былъ стонать отъ боли, но не могъ уйти отъ своихъ мыслей, онѣ не покидали его. Силъ нѣтъ лежать, и онъ снова подошелъ къ оконцу. Ему часто случалось долго не засыпать. Часто смотрѣлъ онъ такъ въ пространство, одинъ со своими печальными мыслями. Небо высоко и безгранично поднималось надъ его головой, тихій вѣтеръ освѣжалъ его виски; отъ ночной свѣжести легче дышалось, онъ будто просыпался отъ дурного сна.

Теперь не то.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на небо, — сѣрое, тяжелое, оно спустилось низко. Нечѣмъ дышать!.. Воздухъ какой-то горячій, душный, — онъ возбуждаетъ только тошноту и давитъ грудь. Странная ночь! Никакого живого движенія. Ни луны на небѣ, ни птица не чирикнетъ въ лѣсу, не чувствуется дуновенія вѣтерка!

Его самого что-то давило, отъ чего онъ не могъ освободиться; нѣчто, выросшее до безобразія и обратившееся въ какой-то безформенный грибъ; нѣчто должно было развиваться сегодня и лопнуть завтра. Онъ сознавалъ, что гдѣ-то есть помощь, но какъ ее получить, онъ не зналъ. Да теперь и поздно.

Неужели ничто не можетъ помочь?

Ничто!.. Надъ нимъ всѣ будутъ только смѣяться и считать его дуракомъ. Не хватало настоящаго слова, чтобы разрѣшить то, что связалось въ настоящую ночь. Его оставятъ идти своею дорогою и никто не скажетъ ему этого слова, — а самъ онъ его не знаетъ.

Горло его пересохло; сотни и сотни разъ выносилъ онъ страхъ смерти... Онъ такъ усталъ и трусилъ... Все напрасно... Ужасная ночь! Онъ откинулъ волосы назадъ; они спутаны и влажны... Ему вдругъ померещилось, что онъ посѣдѣлъ! Неужели ему всю жизнь суждено носить память о сегодняшней ночи? Неужели люди увидятъ, что въ эту ночь онъ прожилъ двадцать, тридцать лѣтъ жизни?

* * *

Утро наступило, будто ничего не случилось; ночной отдыхъ кончился, началась работа. Волосы Пера не посѣдѣли, лицо не пожелтѣло, какъ у того старика, тамъ дома; сила его при немъ, онъ такой же, какъ и вчера.

Но всѣ мысли замерли; жизнь исчезла — осталось одно — *то*. *То*, чему суждено случиться. Онъ или она! Это освободитъ обоихъ. Онъ поговоритъ съ нею. Можетъ быть, выходъ найдется, но онъ сомнѣвается.

Наступилъ вечеръ, и Перъ снова сидѣлъ на кадкѣ у опушки лѣса.

Онъ терпѣливо ждалъ, когда она пройдетъ, и приподнялся, когда она подошла близко.

— Іисусе! Какъ я испугалась, — вскричала она.

— Ты не *меня* испугалась; ты боишься того, что ты дѣлаешь! Стыдись!

— Чего мнѣ стыдиться?

— Мнѣ кое-что нужно сказать тебѣ, — продолжалъ онъ, не заботясь объ ея вопросѣ: — сядь здѣсь, поговоримъ, — онъ показалъ на кадку, на которой сидѣлъ.

Анна молчала и не шевелилась.

— Ты со мной провела много вечеровъ, теперь нечего раздумывать, — рѣзко замѣтилъ онъ.

Ей сдѣлалось страшно. Въ его лицѣ было что-то, что пугало ее и заставляло повиноваться.

— Я здѣсь сяду, — сказала она и сѣла на камень подлѣ. Перъ усѣлся на свою кадку.

— У тебя слишкомъ много женіховъ, — замѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Полагаю, тебѣ рѣшительно все равно, что я имѣю или чего не имѣю, — упрямо возразила она.

— Да-а? Ну, мнѣ не все равно.

Отвѣта не послѣдовало.

Луна поднималась за лѣсомъ, и потемнѣть больше не могло. Перъ смотрѣлъ на Анну, — такую худую и блѣдную, какими только бываютъ дѣти закопченаго промышленнаго города. И, пока онъ смотрѣлъ на нее, лицо его выражало сильнѣйшую муку. Анна вся сжалась подъ его упорнымъ взглядомъ.

— Я не подписывала обѣщанія всю жизнь провести съ тобою, — сказала она, стараясь побороть свой страхъ. — Думаю, что имѣю право поступать, какъ хочу.

— Имѣешь, — отвѣтилъ онъ. — Но ты могла придти въ Бегюльтъ въ понедѣльникъ, какъ я тебя просилъ, — продолжалъ онъ помолчавъ.

— Нѣтъ, потому что между нами все кончено, — сказала она, смотря ему прямо въ лицо.

Онъ поднялъ руку и провелъ наружною стороною ея по бородѣ и рту. Прошло довольно времени, прежде чѣмъ онъ собрался съ отвѣтомъ.

— Но вѣдь ты знала, что я просилъ серьезно? — сказалъ онъ.

— Что-же съ того, что я знала?

— Правда, это ничего не значитъ. — Онъ ударилъ сжатымъ кулакомъ по дну кадки.

— Я пойду, — сказала она и хотѣла встать.

— Сиди! — вскричалъ онъ и такъ толкнулъ ее, что она сѣла.

— Я не понимаю, что съ тобою сталось сегодня вечеромъ, — нерѣшительно замѣтила она.

— *То*, что сегодня такъ или иначе должно быть между нами рѣшено.

— Другого ничего быть не можетъ. Я знать тебя не хочу.

— Ты *его* хочешь знать? — сказалъ Перъ, указывая на ферму: — если ты знаешься съ Ольсономъ Генрикомъ, ты можешь знаться и съ другими!

— Лжешь!

— Лгу?

Она снова приподнялась съ мѣста, но Перъ толкнулъ ее, и она ухватилась за что ни попало, чтобы не упасть.

— Іисусе! Что съ тобой сегодня? — вскричала она, задыхаясь и дрожа отъ страха.

Изъ фермы показалась мужская фигура, посмотрѣла черезъ плетень и увидала обоихъ.

— Неужели ты воображаешь, что такой баринъ, какъ тотъ, много думаетъ о такой дѣвчонкѣ, какъ ты? Между тѣмъ, какъ я... Я готовъ на тебѣ жениться.

— Благодарю. Не лучше ли подождать!

— Что-бы съ тобою ни случилось, я готовъ жениться, — продолжалъ онъ торопливымъ шепотомъ.

Тотъ, *другой*, былъ такъ близко, что слышалъ каждое слово.

— Получить тестя арестанта! Пріятная родня!

Если онъ теперь ее ударитъ, ей стоитъ только крикнуть, помощь недалеко. Перъ придвинулся къ Аннѣ.

— Ты прекрасно знаешь, что отецъ не помнилъ себя, когда это сдѣлалъ, спокойно сказалъ Перъ. У насъ, Больсэтрингаровъ, кровь легко закипаетъ, если насъ что нибудь затронетъ. Не зачѣмъ напоминать мнѣ позоръ моего отца, онъ и такъ постоянно у меня передъ глазами.

— Этого позора ничѣмъ не смоешь!

— Многаго нельзя смыть; мало-ли, что съ человѣкомъ случается.

Анна встала, Перъ не мѣшалъ ей, только крѣпко схватилъ ея руку.

— Зачѣмъ ты говоришь, что не можешь меня любить? Пусть будетъ по старому.

Анна вырывала руку, вертя ею во всѣ стороны.

— Не хочешь?..— продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ, — ну только сегодня вечеромъ будь со мной по старому... Какъ вспомню, какъ бывало прежде, мы вмѣстѣ... Сколько разъ сидѣлъ я тамъ у мостика и ждалъ... Если бы ты вырвала сердце изъ моей груди, — я бы только сказалъ: вотъ оно, — бери.

— Мнѣ не нужно такъ много.

— Не говори такъ! Ты не знаешь, что во мнѣ кипитъ.

— Не интересно знать.

Онъ всталъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее, она все отвертывалась, боясь взглянуть ему въ глаза. Онъ думалъ, — она знаетъ, что онъ умретъ скорѣе, чѣмъ сдѣлаетъ ей что нибудь дурное, пусть только ему доброе слово скажетъ. Онъ думалъ, — она *должна* понимать это. Потому онъ стоялъ и смотрѣлъ. Но на все, что онъ говорилъ, она отвѣчала насмѣшкой.

— Ты единственная женщина, которую я любилъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — быть можетъ, мы не увидимся больше.

— Ужь не думаешь-ли ты пугать меня, что повѣсишься?— насмѣшливо спросила она и беззаботно расхохоталась. Въ сущности же она только храбрилась.

— Это или что нибудь другое!— Голосъ его звучалъ глухо и совершенно неразборчиво.

— Послушай! Я тебѣ дамъ хорошій совѣтъ, — со смѣхомъ сказала она, оглядываясь, не близка-ли помощь. — Возьми крѣпкую веревку, какая могла-бы удержать быка, и хорошенько завяжи петлю. Нѣтъ ничего смѣшнѣе человѣка, который повѣсился и вдругъ ожилъ.

— Ты не женщина! Ты чертъ!

Перъ толкнулъ ее, — послышался глухой ударъ и вслѣдъ затѣмъ крикъ. Онъ толкнулъ еще, онъ боялся еще разъ услышать смѣхъ,—ужасный смѣхъ надъ ожившимъ!

Все тихо, такъ страшно тихо... Некому смѣяться!.. Кто-то подбѣжалъ — затрещали сучья; на землѣ что-то лежало...

Два человѣка остановились и смотрѣли на нее...— приказчикъ и работникъ садовника; онъ узналъ ихъ и разомъ опомнился.

— Ведите меня въ судъ, — сказалъ онъ, съ отвращеніемъ бросая ножъ, — я не жалѣю.

Идиллія. Съ картины художника Раффаэля Арменисе.

СЛУША-А-А-Й.

Повѣсть **Матильды Серао.**

Переводъ **Н. Шульгиной.** (*Продолженіе*).

При наступленіи сумерекъ зажгли иллюминацію. Фонари, со шкаликами внутри, были сдѣланы изъ прозрачной бумаги; одни

трехцвѣтные — бѣлые, красные и желтые,— а другіе одноцвѣтные, но расположенные въ формѣ знамени. Они были навѣшаны вездѣ, то прямыми рядами, то гирляндами или гроздьями, — на балконныхъ рѣшеткахъ, на выступахъ оконныхъ амбразуръ, на сводахъ надъ дверьми и по карнизамъ зданій. Они горѣли также на вѣтвяхъ акацій вдоль улицъ, даже на рѣшеткахъ карцеровъ съ заключенными въ нихъ за наказаніе арестантами въ арестантскомъ флигелѣ, окна которыхъ выходили на твердую землю. На вершинѣ мачты сверкала символическая звѣзда Италіи, составленная изъ трехцвѣтныхъ шкаликовъ. Иллюминація потребовала множество народа и стоила большого труда, Но каторжники работали заодно съ солдатами, влѣзали вмѣстѣ съ ними на лѣстницы, развѣшивали фонарики по деревьямъ, поднимали на окна корзины съ зажженными шкаликами. Въ восемь часовъ вечера островъ сверкалъ, точно драгоцѣнный камень, выступающій изъ моря. Онъ походилъ на громадный мостъ, который плылъ бы спокойно въ праздничный день по заливу, сверкая огнями и сіяя національными цвѣтами, отражавшимися на бѣлыхъ домикахъ и на черныхъ поляхъ, — лучезарный плотъ, съ котораго неслись въ ночной тишинѣ звуки музыки и пѣнія.

На площади помѣстилась гориизонная музыка, мгновенно окруженная плотной толпой. Всѣ каторжники пользовались въ этотъ день свободой. Директоръ отдалъ сторожамъ приказаніе держать ухо востро, но не мѣшать никому веселиться.

Музыканты едва успѣли показаться, какъ радостная толпа закричала:

— *Королевскій маршъ! Королевскій маршъ!*

— *Гимнъ! Гимнъ!*

Двадцать разъ сряду королевскій маршъ, начинающійся колеблющимися звуками трубъ, напоминающими военные клики, долженъ былъ чередоваться съ опьяняющимъ какъ вино своимъ энтузіазмомъ *гимномъ Гарибальди*. Каждый разъ, что трубы начинали играть гимнъ или маршъ, въ воздухѣ раздавался разносившійся по всему острову крикъ:

— Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!

— Ура Гарибальди!

Потомъ начали играть попури изъ бывшихъ тогда въ модѣ военныхъ и народныхъ пѣсенъ. Когда музыка заиграла мотивы: la Bella Gigogin и Fenestra che lucirvi *), тогда всѣ солдаты и арестанты начали ей хоромъ подтягивать. Но когда она заиграла знаменитую въ то время арію: Addio Rosina, addio, **) начался уже настоящій концертъ съ высокими и низкими голосами. Тѣ, которые только подпѣвали, не выговаривая словъ, тѣ какъ бы аккомпанировали остальнымъ.

— Еще! еще! кричали въ толпѣ, чтобы заставить повторить арію.

Вдругъ музыка заиграла польку.

— Посади меня къ себѣ на плечи, возьми меня, Векша, на плечи! просилъ ребенокъ арестанта.

Весь вечеръ, онъ любовался, уцѣпившись за руку каторжника, иллюминаціей, хлопая въ ладоши каждый разъ, что они проходили мимо трехцвѣтной звѣзды.

Проходя мимо балкона матери, онъ кричалъ ей снизу:

— Дорогая мама! дорогая мамочка!

— Хочешь домой?

— О! нѣтъ! я гуляю съ Векшей.

— Не бойтесь за него, прибавилъ каторжникъ.

Ведя ребенка за руку, время отъ времени Рокко спрашивалъ его:

— Не озябли ли вы, маленькій баринъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ тепло! отвѣчалъ каждый разъ ребенокъ.

Когда толпа пѣла на площади, онъ также подпяялъ головку и подтягивалъ своимъ тоненькимъ голоскомъ припѣвъ la Bella Gigogin и l'Armata se neva ***)

Но когда музыка заиграла танцы, онъ началъ просить:

*) „Красавица Жигоженъ“. и „Свѣтившееся окно“.
**) Прости, Розина, прости...
***) „Флотъ уходитъ“...

— Возьми меня, Векша, на плечи! посади меня къ себѣ на плечи!

Каторжникъ, думая, что онъ усталъ, подпялъ его своими могучими руками и посадилъ къ себѣ на плечи.

Ребенокъ смѣялся отъ радости, видя себя такимъ большимъ, и колотилъ Рокко по груди своими маленькими ножками.

— Потанцуй со мною, Векша!

Каторжникъ съ ребенкомъ на плечахъ, началъ медленно вертѣться подъ звуки польки. Это послужило сигналомъ. Сейчасъ составались пары солдатъ. Держа другъ друга за талію, близко прижавшись одинъ къ другому, они танцовали съ благоразумной медленностью, разставивъ немного ноги, сдвинувъ назадъ кепи и положивъ подбородокъ на плечо товарища. Каторжники довольствовались сначала тѣмъ, что смотрѣли. Но видя, что Рокко Траетта все продолжаетъ кружиться, держа на плечахъ заливавшагося смѣхомъ ребенка, колодники начали становиться въ пары. Между ними было много молодыхъ людей дурной жизни, неаполитанцевъ, умѣвшихъ превосходно танцовать. Эти весело плясали, не обращая никакого вниманія на свои тяжелыя и звенящія цѣпи и даже не слыша лязга желѣза. Другіе, взявшись за руки, скакали и прыгали, со смѣхомъ и криками кружась въ хороводѣ. А музыка все ускоряла темпъ. Одѣтый въ бѣлое ребенокъ, сидя на плечахъ у продолжавшаго вертѣться Векши, возвышаясь посреди громкаго шума и яркаго свѣта надъ всѣми головами, хохоталъ и хохоталъ, не умолкая.

VIII.

Ставни въ спальнѣ до половины заперты. Мать, склонившись въ полутьмѣ надъ кроваткой маленькаго больного, разсказываетъ ему тихонько волшебную сказку. Маріо слушаетъ съ широко открытыми, лихорадочно-блестящими глазами, съ красными, пересохшими, нѣсколько вспухшими губами, изъ которыхъ вырывается свистящее дыханіе Пять дней уже какъ онъ боленъ крупомъ Докторъ Карачіоло навѣщаетъ его два-три раза въ день, прописываетъ ему, чтобы уменьшить жаръ, хининъ, дѣлаетъ очень глубокія прижиганія въ горлѣ, покрывавшемся бѣловатыми пленками; когда онъ начинаетъ вырывать ихъ, ребенокъ кричитъ отъ боли. Блѣдная, безмолвная мать присутствовала, крѣпясь изо всѣхъ силъ, при этихъ операціяхъ, кусая себѣ губы, чтобы не закричать самой, и только шептала время отъ времени съ безграничной жалостью въ голосѣ:

— Дитя мое! дитя мое!

Но спустя часъ послѣ прижиганья когда обожженное мѣсто переставало болѣть, дыханіе становилось свободнѣе, и ребенокъ могъ дремать безъ свиста въ горлѣ, такъ жестоко раздиравшаго душу матери. Онъ настоятельно просилъ ѣсть и пить, и ему давали бульонъ со взбитыми желтками и поили марсалой, такъ какъ новая терапевтика учитъ, что при всѣхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ нужно, главнымъ образомъ, поддерживать силы организма. Видя, съ какой жадностью онъ ѣстъ и пьетъ, мать чувствовала себя мужественнѣе. Послѣ этого онъ засыпалъ. Тогда и мать прислонялась головой къ бѣлой подушкѣ, на которой спалъ ся дорогой малютка. Въ продолженіе часа или двухъ, онъ спалъ совершенно спокойно. Она считала минуты этого благодѣтельнаго сна, страстно желая, чтобы онъ продлился подольше, думая, что это будетъ служить признакомъ выздоравливанія. Но, продолжая лежать неподвижно, Маріо открывалъ глаза и искалъ своей маленькой, покрытой потомъ ручкой лицо матери.

— Я здѣсь, дитя мое, я здѣсь. Какъ ты себя чувствуешь?

— Хорошо! отвѣчалъ онъ постоянно, со слабой улыбкой.

И больше они не разговаривали. Мать обтирала платкомъ влажный лобъ и пылающія ручки малютки, ласкала и цѣловала его тихонько. Маленькая ручка оставалась лежать въ рукѣ матери, и въ комнатѣ воцарялась глубокая тишина. Иногда же Маріо просилъ слабымъ голосомъ:

— Разскажи мнѣ, мама, какую-нибудь исторію.

Мать, нагнувшись надъ кроваткой, начинала тихонько разсказывать, никогда не повторяясь, какую-нибудь исторію. Возбужденіе отъ смертельной тревоги развило въ ней удивительную изобрѣтательность. Она придумывала постоянно какія-то странныя происшествія, происходившія у маленькихъ королей со старыми волшебницами, исторіи маленькихъ королевъ съ колдуньями, и всѣ эти незамысловатыя сказки удивляли и очень занимали ребенка. Иногда, во время этихъ разсказовъ, въ комнату входилъ отецъ. Войдя неслышными шагами, онъ облокачивался на изголовье кроватки, стараясь свыкнуться съ полумракомъ, и ребенокъ улыбался ему молча, пока мать не доскажетъ своей исторіи. А исторіи эти кончались всегда торжествомъ красоты и добродѣтели и наказаніемъ злобы и безобразія. Ребенокъ оставался всегда очень доволенъ такой развязкой и покачивалъ одобрительно головкой.

— Ну что, какъ онъ сегодня? спрашивалъ капитанъ жену.

— Я чувствую себя совсѣмъ хорошо! спѣшилъ заявить ребенокъ, не давая матери времени отвѣтить.

— Онъ всегда говоритъ, что хорошо, чтобы не лишать насъ мужества, шептала мать, гладя его по головѣ.

— Да развѣ ему не хорошо? продолжалъ отецъ, тревожась сильнѣе, чѣмъ онъ показывалъ.

— Такъ себѣ, такъ себѣ, отвѣчала мать, поправляя подушки.

Она умолкала и сидѣла, грустная и неподвижная.

Капитанъ угадывалъ причину ея грусти.

— Тебѣ, вѣрно, хотѣлось-бы увезти его отсюда, сказалъ онъ, чтобы прервать ея тяжелое безмолвіе.

— Да, призналась она.

— Но докторъ объявилъ, что считаетъ это невозможнымъ.

— Невозможнымъ! повторила бѣдная женщина, всплеснувъ руками.

— Мнѣ здѣсь очень хорошо, мама, заявилъ едва слышнымъ голосомъ ребенокъ.

— Бѣдный малютка! бѣдный малютка! прошепталъ отецъ.

Молодая женщина подошла къ мужу и прошептала ему на ухо:

— Обѣщай, обѣщай мнѣ...

— Да, душа моя, обѣщаю тебѣ все, что ты хочешь.

— Дай слово, что какъ только онъ начнетъ поправляться и его можно будетъ перевезти, ты позволишь мнѣ уѣхать съ нимъ въ Неаполь. Обѣщай мнѣ!

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ онъ, лаская ее, какъ ласкалъ ребенка.

— Такъ обѣщаешь?

— Да, обѣщаю, — повторилъ онъ еще разъ терпѣливо. Онъ понималъ, какъ нельзя лучше, что страшная болѣзнь ребенка пробудила въ сердцѣ матери ея непобѣдимый ужасъ къ каторгѣ.

Къ вечеру, какъ и при всѣхъ острыхъ или хроническихъ болѣзняхъ, состояніе больного ухудшалось. Горло его сжималось, дыханіе становилось затруднительнымъ, и, кромѣ того, онъ страдалъ отъ сильнаго жара и постоянно метался. Если же ему случалось на минуту успокоиться, сейчасъ же начиналась перекличка часовыхъ, заставлявшихъ вздрагивать отъ своего крика это бѣдное, пылавшее лихорадочнымъ жаромъ тѣло. Какой пыткой для матери были эти безжалостные, перекликавшіеся между собой голоса, которые нарушали ночную тишину и отгоняли сонъ! Доходило до того, что, предчувствуя это ненавистное „Слуша-а-й“, она ловила себя на томъ, что прикладывала безсознательно руки къ ушамъ ребенка, чтобы помѣшать ему слышать.

— Ничего, мама, ничего! — говорилъ Маріо, начиная метаться и не находя покоя.

— Охъ! эта каторга, эта ужасная каторга! — вздыхала тихонько мать.

— Нѣтъ, это ничего, ничего, мама! — повторялъ малютка, махая простыней, чтобы хоть немножко освѣжить свое пылающее тѣло.

Ночи были такъ длинны и такъ тяжелы! Но Сесиль не соглашалась отойти ни на минуту отъ кровати сына. Напрасно Жигли просилъ, умолялъ ее позволить ему посидѣть ночью около больного малютки. Напрасно Граціетта предлагала себя въ сидѣлки. Нѣтъ, она не отойдетъ отъ кровати, на которой сосредоточена вся ея жизнь. Блѣдная, безмолвная, въ пеньюарѣ, стянутомъ въ таліи монашескимъ кушакомъ, въ туфляхъ, чтобы не шумѣть, она сидѣла неподвижно у постели своего ребенка и, указывая на подушку мальчика, отвѣчала на просьбы капитана и Граціетты:

— Я хочу спать здѣсь.

Приходилось уступать ея упорству. Мужъ и служанка уходили, покачивая головами, — онъ съ болью въ отцовскомъ сердцѣ, а она съ инстинктивной жалостью, свойственной всѣмъ матерямъ и женщинамъ.

Какъ ужасны были ночи! Жаръ усиливался. Ребенокъ задыхался и ежеминутно просилъ его приподнять. Тогда Сесиль завертывала его въ простыню и одѣяло и брала на руки. Онъ начиналъ дышать лучше, прислонившись головой къ материнскому плечу. Бѣдняжка принималась ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, тихонько напѣвая, чтобы усыпить его. Иногда онъ дѣйствительно засыпалъ у нея на рукахъ. Но даже, видя, что онъ спитъ, она не рѣшалась положить его на кровать и продолжала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Ребенокъ становился между тѣмъ все тяжелѣе. Наконецъ, боясь, чтобы онъ не почувствовалъ себя хуже отъ неловкаго положенія, она подходила тихонько къ постели и наклонилась, чтобы осторожно положить его; но ребенокъ сейчасъ же начиналъ стонать.

— Нѣтъ, нѣтъ! — говорила она и, торопясь поднять его, продолжала свою прогулку по комнатѣ.

Иногда же ей удавалось положить его такъ осторожно, что онъ ничего не замѣ-

чалъ и спускалъ на подушку голову съ закрытыми глазами такъ тяжело и безпомощно, что мать начинала дрожать отъ ужаса, точно передъ образомъ смерти. Но нѣтъ, онъ не спалъ: это была только тяжелая дремота, неожиданно прерываемая криками часовыхъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ начиналъ метаться и просыпался; но, увидѣвъ, что мать уснула, замолчалъ и смотрѣлъ угрюмо широко открытыми глазами на тѣни, отражавшіяся на потолкѣ. Потомъ, когда его начинало слишкомъ сильно душить, онъ принимался опять стонать и приподниматься на постели, какъ бы впивая недостающій ему воздухъ. Мать вскакивала въ страхѣ, боясь, что слишкомъ долго проспала, и почти просила прощенья у ребенка.

— Дитя мое, дитя мое...

Вотъ все, что она находила сказать ему въ утѣшенье и въ облегченье его страданій. О! какъ длинны ночи!.. Съ какимъ пылкимъ нетерпѣньемъ ждала она зари, которая избавитъ ихъ съ сыномъ отъ мученья, заставитъ умолкнуть зловѣщіе голоса часовыхъ, разставленныхъ вокругъ каторжной тюрьмы!.. Около пяти часовъ утра воздухъ становился прохладнѣе. Сквозь щели ставенъ проникали лучи свѣта, и Маріо впадалъ въ тяжелое оцѣпенѣніе. Мать смотрѣла пристально и долго на спящаго больного, точно старась замагнитизировать его и заставить заснуть крѣпче. Но даже этотъ пристальный взглядъ утомлялъ ея вѣки и рѣшимость бодрствовать. Голова ея склонялась; раза два-три она старалась пересилить сонъ, вздрагивала, какъ бы слыша плачъ ребенка. Но, наконецъ, погружалась и сама въ мрачный, бездонный, какъ бы летаргическій сонъ, которымъ, обыкновенно, засыпаютъ люди, исчерпавшіе до конца свои физическія и нравственныя силы.

Въ восемь часовъ, придя навѣстить утромъ своего больного, докторъ заставалъ одинаково блѣдныхъ мать и ребенка, спящими на одной подушкѣ.

— Какъ онъ провелъ ночь? — спрашивалъ докторъ, дѣлая приготовленья къ прижиганью.

— Дурно, — отвѣчала мать.

— Однако, онъ спалъ, когда я вошелъ.

— Да, но до пяти часовъ ему было очень не хорошо.

Докторъ опустилъ голову, приготовляя свою кисть для смазки.

— Всему виновата эта каторга, — прибавляла съ отчаяніемъ мать.

— Нисколько, нисколько, возражалъ докторъ. Въ Неаполѣ также очень много больныхъ дѣтей.

Ей-то что до того? По ея мнѣнію, во всемъ отвѣтственна была одна каторга. Поэтому въ тотъ день, когда Маріо захворалъ, она приказала Граціеттѣ не впускать въ домъ ни одного каторжника. Приказаніе было отдано съ такой запальчивостью, съ такимъ негодующимъ видомъ, что служанка испугалась. Съ этихъ поръ она запретила своему каторжнику-мужу приходить къ рѣшеткѣ кухоннаго окна за пищей, которую она удѣляла ему отъ своей доли, и приказала ждать ее въ другомъ мѣстѣ. Она принесетъ ему кушанье сама въ закрытомъ блюдѣ.

— Ни твоего мужа, ни Дженнаро Компаниле, ни Рокко Трастта, никого! кричала мать, точно боясь дурного глаза.

Между тѣмъ, съ самаго начала болѣзни ребенка, Рокко Трастта постоянно вертѣлся около дома. Въ первый день онъ пытался даже проникнуть въ комнату, но Граціетта объявила ему рѣзкимъ, не допускавшимъ возраженія тономъ:

— Барыня не хочетъ видѣть у себя въ домѣ каторжниковъ.

— А какъ здоровье piccerillo?

— Плохо. Будемъ молиться Богу, чтобы Онъ исцѣлилъ его.

— Будемъ молиться Богу, отвѣчалъ тотъ покорно.

Теперь онъ бросалъ ежеминутно работу, чтобы побродить около дома капитана, въ надеждѣ, что кто-нибудь выйдетъ, и тогда можно будетъ справиться о Маріо.

Наказанія сыпались на него, какъ дождь, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія; онъ способенъ былъ забыть ужинъ и сонъ, глядя на балконъ съ полузакрытыми ставнями, сквозь которые сверкали вечеромъ полоски свѣта. Встрѣчая служанку, онъ спрашивалъ каждый разъ:

— Что онъ? Какъ его здоровье?

— То лучше, то хуже. Что-то совсѣмъ непонятное. Будемъ надѣяться на Пресвятую Богородицу.

— Да, будемъ надѣяться на Пресвятую Богородицу.

— Что онъ, спитъ? спросилъ отецъ тихонько.

— Спитъ.

Капитанъ успокоился и вернулся къ себѣ въ спальню.

Сесиль только было задремала, когда ее разбудилъ тихій, однако, какъ дыханіе, голосъ:

— Мамаша, лампа...

Она думала, что свѣтъ ея слишкомъ силенъ, и наклонилась къ ребенку.

— Ты хочешь, чтобы я убавила огонь? спросила она.

— Нѣтъ... я ее не вижу.

(*Продолженіе будетъ*).

ДОМЪ ТРУДОЛЮБІЯ

ВЪ ГЛУХООЗЕРСКОЙ УЛИЦѢ.

(*Окончаніе*).

— Вы выдѣляете свой домъ трудолюбія изъ массы другихъ? спросилъ я, заинтересованный послѣдними словами г-жи Ивановой.

— Да, не безъ гордости отвѣтила она. Здѣсь, у г-жи Яворской, несравненно лучше трудолюбцамъ. . Мнѣ такъ кажется. Мы прежде всего стараемся внушить имъ, что они не нищіе и бродяги, а способные къ работѣ люди, для которыхъ у насъ есть заработокъ и что на свои сбереженія они могутъ сдѣлать себѣ приличнѣе одежду и потомъ съ нашими рекомендаціями найти себѣ постоянную работу. Мы не смотримъ на нихъ, какъ на арестантовъ и дурныхъ людей. Они ищутъ работу, и мы ихъ принимаемъ — вотъ нашъ взглядъ на нихъ. У насъ мастерская, а они хотятъ ѣсть и работать.

— Усвоиваютъ-ли они этотъ къ себѣ взглядъ?

— А какже! Вѣдь мы не отступаемъ отъ него... Къ намъ не полиція загоняетъ ихъ, а они добровольно идутъ, по слухамъ о томъ, что у насъ полуинтеллигенту лучше, чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Послѣ разбитой семейной жизни и мытарствъ по почлежнымъ домамъ, здѣсь, за работой, съ издѣльной платой, среди такихъ же несчастныхъ, онъ успокоивается, отдыхаетъ, отвыкаетъ отъ разъѣдающихъ мыслей и видитъ, что этотъ домъ— не тюрьма, а мастерская... Многіе исправляются и начинаютъ думать о дальнѣйшей своей судьбѣ, чего раньше не было. Они въ свободные дни или часы уходятъ искать мѣста, а мы рекомендуемъ тѣхъ изъ нихъ, которые поправились здоровьемъ, укрѣпили себѣ нервы и вновь стали привычны къ усидчивому труду. Мы сами для такихъ подыскиваемъ мѣста. По нашей просьбѣ, редакціи газетъ „Свѣтъ“ и „Нива“ взяли къ себѣ отъ насъ нѣсколькихъ писарей въ конторы, и, кромѣ того, самъ „домъ“ поставилъ до 40 человѣкъ въ теченіе года на разныя мѣста. Народный театръ попечительства о трезвости взялъ у насъ 7 человѣкъ въ статисты и т. д. Есть, конечно, и у насъ неисправимые алкоголики. Это в ѣ ч н ы е т р у д о л ю б ц ы! Они кочуютъ изъ разныхъ домовъ трудолюбія, но этому наступитъ конецъ, какъ только дома трудолюбія будутъ сообщать другъ другу всѣ свѣдѣнія о подобныхъ вѣчныхъ трудолюбцахъ, для которыхъ нужны не дома трудолюбія въ городахъ, а колоніи за городомъ или монастыри Соловки.

— Почему вы говорите „за городомъ“? спросилъ я.

— За городомъ, отвѣчала она: природа просторъ и солнце излечатъ пьяницъ отъ ихъ порока. Это мое мнѣніе... Я сама вижу, какъ эти пьяницы у насъ же лѣтомъ меньше пьютъ, а копаются въ огородѣ, въ саду, играютъ въ карты, рюхи. А наступаетъ зима, холодъ, одежда плохая у алкоголика, никто не беретъ его на работу въ такомъ видѣ, и онъ начинаетъ нищенствовать и пить до весенняго солнышка. Совсѣмъ иные эти пьяницы за городомъ, если ихъ опекать любовно и осторожно. Въ колоніи ихъ надо посылать или въ Соловки, Коневецъ, Валаамъ... Они сами говорятъ, что въ монастыряхъ, вблизи Бога, они работали бы и не пили...

„Можетъ быть, она и права“, подумалъ я объ Ивановой. Солнце излечитъ алкоголиковъ, а не города съ карательными мѣрами. Во всякомъ случаѣ, о монастыряхъ для алкоголиковъ слѣдуетъ подумать въ серьезъ: лучшая миссія чернаго духовенства—въ возрожденіи несчастныхъ и впавшихъ въ пороки людей, особенно въ бытовые пороки, какъ пьянство.

Осматривая домъ трудолюбія болѣе подробно, я, къ сожалѣнію, узналъ, что мастерскія: ткацкая, картонажная, сапожная и столярная, давно уже бездѣйствуютъ въ немъ.

— Все это было въ зачаткѣ у насъ, сказала г-жа Иванова, но опытъ отвергъ ихъ. Намъ нужна такая работа, за которую бы могъ тотчасъ же приняться пришедшій къ намъ трудолюбецъ. У насъ нѣтъ ни чернорабочихъ, ни мастеровъ. Никто изъ нихъ къ намъ не пойдетъ и всякій найдетъ выгоднѣе для себя работу на Шлиссельбургскомъ трактѣ. Къ намъ идутъ интеллигентные болѣе, неудачники по письмоводству и несчастные въ личной жизни. Что они знаютъ и могутъ дѣлать въ мастерскихъ? Да ничего... А если бы и забрелъ къ намъ мастеровой, то какъ взять какой либо заказъ, если этотъ мастеровой пришелъ на время и завтра насъ броситъ? Заказы останутся неисполненными.

— А если бы работать издѣлія на вольную продажу?

— Мастеровъ же не будетъ... У насъ другой контингентъ, чѣмъ въ домѣ градоначальника по Обводному каналу, и средствъ меньше у насъ. Были и такіе случаи: дашь мастеру по сапожному ремеслу купить товару, а онъ либо купитъ вмѣсто перваго сорта второй, и узнаетъ объ этомъ только покупатель въ носкѣ сапогъ, либо заньетъ посланный съ деньгами, либо совсѣмъ не вернется съ ними. Я такъ изъ-за этого и забросила сапожную мастерскую. Мы не можемъ по спеціальностямъ каждаго давать работу, а имѣемъ только коллективную и доступную работу. Пойдемте посмотрѣть.

На длинныхъ деревянныхъ столахъ лежали маленькія колодки и квадратные листики бумаги съ надписью:

Папиросы II сортъ № 51.
ЭЛЕГАНТНЫЯ
10 шт. 3 к.
Товарищество табачной фабрики
А. Н. БОГДАНОВЪ и К°.
Кабинетская д. № 16. * С.-Пбургъ.

На мой вопросъ о работѣ, одинъ изъ присутствующихъ трудолюбцевъ отвѣтилъ:

— Это картузная работа. Картузы дѣлаемъ на фабрику Богданова для папиросъ. Просто это: былъ бы клей, да эти бумажки. Завернешь бумажку вокругъ четырехгранной деревянной колодки, заклеишь бока и картузъ готовъ. Всякая другая работа требуетъ обученія и болѣе или менѣе цѣнныхъ приспособленій, а тутъ только клей.

— Что же можно заработать на этихъ картузахъ?— спросилъ я.

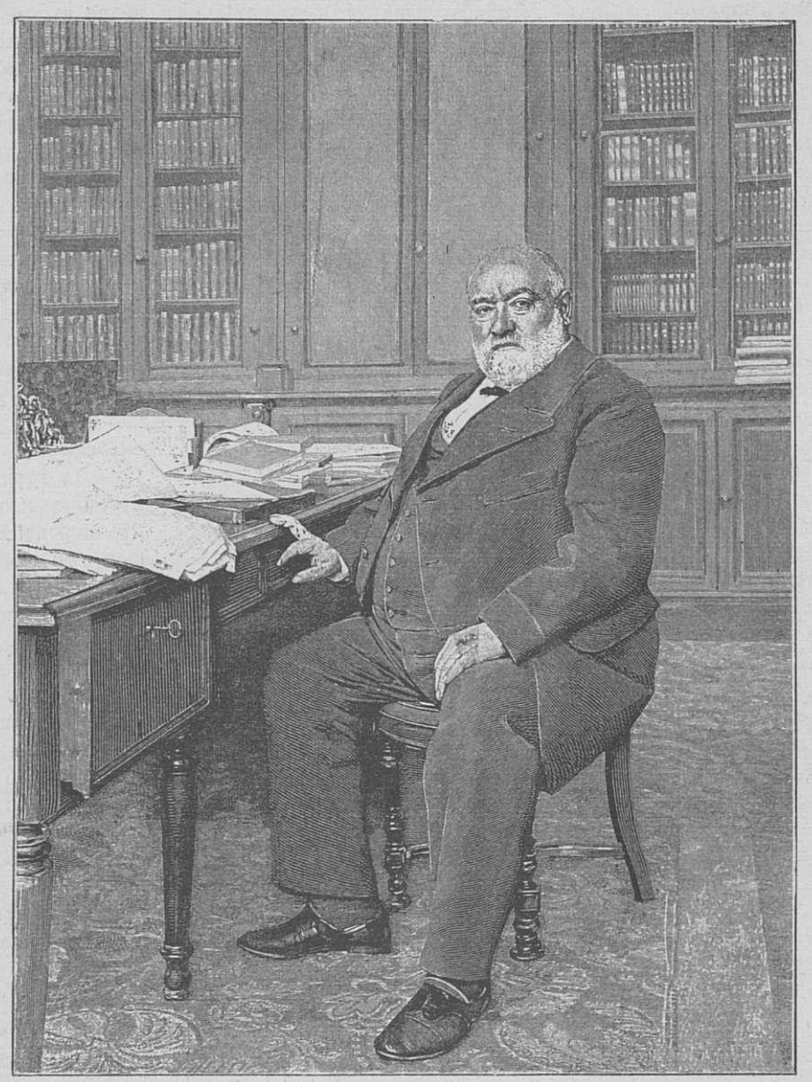
— Разно. Одни изъ насъ могутъ въ день сдѣлать 5 и даже 8 тысячъ картузовъ, а другой — едва тысячу сдѣластъ. За каждую тысячу мы получаемъ 13 копѣекъ.

— Изъ этихъ денегъ мы вычитаемъ 10 копѣекъ на содержаніе ихъ, пояснила завѣдующая.

Изъ дальнѣйшихъ разпросовъ мнѣ стало ясно, что въ среднемъ выводѣ, за вычетомъ 10 коп., лучшіе изъ трудолюбцевъ получатъ до 2—3 рублей въ недѣлю, т.-е. отъ 30 к. до 40 к. въ день, при выдѣлкѣ 5 — 6 и болѣе тысячъ картузовъ въ день; а кто выдѣлываетъ не болѣе тысячи, тотъ получитъ за недѣлю всего 30 копѣекъ на баню. При сравненіи этого заработка, на всемъ готовомъ и при ночлегѣ, съ заработной платой на фабрикахъ, на своемъ иждивеніи, лучшимъ трудолюбцамъ онъ кажется недурнымъ, хотя, думается мнѣ — при выдѣлкѣ 7—8 тысячъ картузовъ въ день, можно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ такого честнаго заработка сдѣлаться злодѣемъ или съ ума сойти.

Я высказалъ эту мысль г-жѣ Ивановой, но она опять повторила, что домъ трудолюбія изыскиваетъ коллективную работу, а не по спеціальностямъ.

— Контингентъ нашихъ трудолюбцевъ такой, что не всякій можетъ вынести даже заводскую работу. Были случаи, когда нѣкоторые поступали на заводы, но тотчасъ же простужались и возвращались обратно къ намъ. То зубы у иного начинали болѣть нестерпимо отъ сквозняковъ на заводѣ и частыхъ переходовъ изъ жаркой температуры въхолодную; то ревматизмы, то поранения и увѣчья.



† Ф. Сарсэ.

Какъ ни какъ, а у Яворской въ домѣ онъ получитъ 13 коп. съ тысячи картузовъ, а на Петербургской сторонѣ всего только 3 к. Правда, тамъ горячій ужинъ даютъ, а у насъ только черный хлѣбъ на ужинъ по фунту на человѣка. Но наши трудолюбцы довольны, если сравнительно разсуждать... Кто былъ въ другихъ домахъ трудолюбія, тотъ предпочитаетъ нашъ. Я только въ наказаніе иногда говорю которому-нибудь изъ неуживчивыхъ: „если не будешь слушаться, то иди на Обводный каналъ“... Они уже знаютъ, какая работа и жизнь въ домѣ трудолюбія на Обводномъ каналѣ, и тотчасъ же, послѣ угрозы, обыкновенно дѣлаются у насъ послушными и спокойными. Здѣсь они получаютъ въ 7 часовъ чай съ хлѣбомъ и сейчасъ же начинаютъ работу; въ 12 часовъ обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ: щей, супа и на второе—каша, макароны, картофель... Въ три часа чай и въ 7 часовъ вечера фунтъ хлѣба на человѣка. У каждаго изъ нихъ есть здѣсь своя кровать: это откидныя на ночь нары въ стѣнахъ, съ запирающимися шкапомъ внизу. Такъ сказать, свой собственный уголъ. Прежде они были приходящими у насъ, а теперь у насъ общежитіе на 40 человѣкъ. Въ ночлежныхъ домахъ они портились въ сообществѣ преступныхъ и вконецъ развращенныхъ людей, а теперь они избавлены отъ нихъ. Что касается другой коллективной и болѣе продуктивной работы, то какую же придумать?

Коробки дѣлать невыгодно, такъ какъ теперь фабрики дѣлаютъ коробки и гдѣ же ручнымъ способомъ конкурировать съ ними. Дай Богъ, чтобы картузной-то работы хватало на всѣхъ! А то иногда, въ февралѣ и мартѣ, ее меньше. Фабриканты сокращаютъ отправку товара, и работы на всѣхъ не хватаетъ. Можно бы сдѣлать что-нибудь новенькое... Напримѣръ, кузницу... У насъ даже своей бани нѣтъ... Да гдѣ взять денегъ? Членскихъ взносовъ да спектаклей г-жи Яворской хватаетъ на денежный оборотъ въ 4,000 рублей, и изъ нихъ мы должны за наемъ дома платить Кабинету около 500 руб. Можно было бы хлопотать о безвозмездной уступкѣ намъ этого дома въ пользованіе, да что-то ничего не выходитъ... А средствъ нѣтъ на самое необходимое. По положенію, трудолюбцы должны оставаться у насъ не болѣе 6 мѣсяцевъ; а какъ выгнать иного старика, всю жизнь пѣвшаго въ хорѣ и потерявшаго вдругъ голосъ? Ничего онъ не умѣетъ дѣлать, кромѣ пѣнія, а съ разбитой грудью и на это сталъ не способенъ. Вотъ онъ и заживется у насъ... Другому слѣдовало бы помочь платьемъ при выходѣ, а денегъ нѣтъ.

— Почему же попечительство о домахъ трудолюбія не поможетъ вашему дому?

— Видно, наше правленіе хочетъ своими средствами обойтись... Я не знаю, но только нужда велика, и вы сами опрашивали многихъ трудолюбцевъ, которые мало способны картузы клеить и хотѣли бы новой работы. А безъ затратъ ничего нельзя предпринять.

Тихія жалобы г-жи Ивановой касались исключительно судебъ трудолюбцевъ, и, къ моему изумлѣнію, я не слышалъ отъ нея ни одного сѣтованія на личную свою жизнь въ этомъ домѣ. Бодрой увѣренностью въ полезность дома трудолюбія для нуждающихся въ работѣ дышали всѣ ея рѣчи, и, прощаясь съ нею, я желалъ быть ей правой во всѣхъ ея надеждахъ на исправленіе ея трудолюбцевъ у г-жи Яворской.

А. Фаресовъ.

С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ родился въ деревнѣ Низовкѣ, Тверской губерніи, въ 1848 г., въ крестьянской семьѣ. Онъ рано познакомился съ нуждами и горемъ родной деревни, рано прошелъ ту тяжелую школу, которая зовется жизненной.

Вся жизнь его имѣетъ мало свѣтлыхъ, отрадныхъ страницъ. Нужда, лишенья и горе съ первыхъ же дѣтскихъ дней встаютъ передъ нимъ; заботы и исканіе труда ради хлѣба — постоянные спутники этой жизни.

Отъ дѣтства уцѣлѣли печальныя картины полной нищеты, какъ, напр., разсказываетъ онъ самъ: „Бабушка, всхлипывая и проглатывая слезы, готовилась надѣть дѣду черезъ плечо только-что заштопанную холщовую торбу. Было рано и темно. Морозный иней блисталъ на окнахъ и въ прогнившихъ углахъ старой дѣдовой избы; дядя Василій, дядя Петръ, раскидавшись на полу, крѣпко спали. Мать, утирая слезы, укачивала мою маленькую сестренку. Скоро дѣдушка, опираясь на суковатую палку, провожаемый плачущей бабушкой, вышелъ изъ избы и, крадучись, скрылся на задворкахъ...“

Сынъ деревни, обученный грамотѣ буквально на мѣдные гроши у деревенскаго дьячка, Дрожжинъ рано былъ оторванъ отъ своихъ родныхъ полей и закинутъ судьбою въ душный городъ, въ промозглую атмосферу трактира, среди обстановки котораго прошло его отрочество и началась юность. Но роль трактирнаго слуги не могла удовлетворять юный умъ, жаждавшій иныхъ путей, чѣмъ тѣ, на которые обыкновенно выводитъ людей подобная среда. Умъ не мирится съ окружающей обстановкой, ищетъ для себя иной пищи, и изъ трактирнаго слуги Дрожжинъ превращается въ приказчика табачной лавки. Здѣсь можно было хотя немного отдаться любимому чтенію.

И такъ во всей жизни Дрожжина проходитъ яркой нитью это исканіе работы ради хлѣба. Но ни одна работа ради хлѣба нужна была юношѣ. Былъ еще иной міръ, звавшій его къ себѣ — то міръ книгъ, которыя поглощали весь его досугъ. Изъ чтенія родился тотъ безсознательный процессъ творчества, основаннаго на подражаніи Кольцову, Никитину и Шевченко, имѣвшихъ безспорное и громадное вліяніе на всю литературную дѣятельность Дрожжина. Въ 1874 году онъ выбивается настолько, что первые его опыты попадаютъ въ печать. Личная жизнь Дрожжина, однако, мало измѣняется.

Бездольные скитальческіе дни, вѣчная борьба и постоянная забота о завтрашнемъ днѣ. И такъ продолжается цѣлые годы, пока, наконецъ, въ 1884 г. скитальческіе дни въ Петербургѣ заканчиваются для С. Д. Онъ перезжаетъ окончательно въ родную деревню и обращается снова къ сохѣ и плугу, къ роднымъ полямъ, живя общею жизнью своихъ односельчанъ.

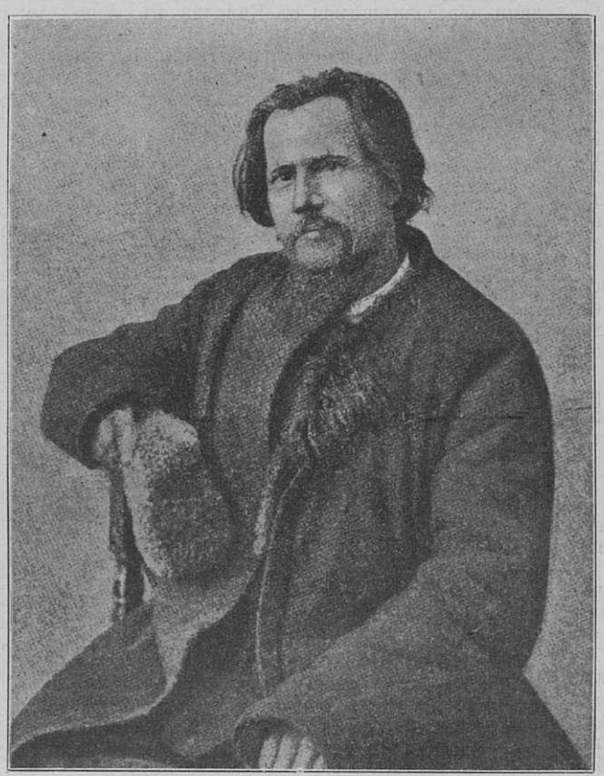
„Скоро два мѣсяца, говоритъ онъ въ своей автобіографіи, какъ я не бралъ пера въ руки. Косьба и уборка сѣна, вторичная пашня подъ озимь, возка съ поля сноповъ и молотьба мнѣ просто не давали вздохнуть. А тутъ еще вдобавокъ семейныя непріятности, о которыхъ не только что писать, но и говорить не хочется“.

Міръ пѣсенъ Дрожжина не великъ и не обширенъ. Это пѣсни труда и горя, невиднаго, незамѣтнаго для многихъ горя сѣраго люда.

Дрожжина постоянно сравниваютъ съ Суриковымъ, но, однородностью крестьянской среды, изъ которой вышли они оба, это сходство и кончатся. Мы уже не говоримъ о различіи въ степеняхъ дарованій.

Талантъ Сурикова непосредственъ. Дарованье Дрожжина чисто подражательное, навѣянное чтеніемъ книгъ; отъ стиховъ Дрожжина имѣнно вѣетъ подобною книжностью, и это непріятно поражаетъ читателя, требующаго отъ поэта непосредственной свѣжести чувствъ и индивидуальности. Съ подобнымъ критеріемъ нельзя подходить къ стихамъ Дрожжина, потому-что, строго говоря, поэзіи, въ строгомъ смыслѣ слова, въ нихъ очень немного. Они болѣе интересны какъ показатели духовной жизни ихъ автора, сына нашей деревни, до сихъ поръ не порвавшаго съ нею „живого, кровнаго союза“. И въ этомъ отношеніи стихи Дрожжина интересны и поучительны. Предъ нами развертывается особый укладъ деревенской жизни, которой живетъ самъ авторъ, близко принимая къ сердцу ея нужды и желанія. Онъ является, такъ сказать, ихъ отразителемъ. Въ своей пѣснѣ онъ находитъ для себя утѣшенье отъ наболѣвшихъ вопросовъ, тревожащихъ умъ и сердце. Но пѣсня его невесела и даже, какъ признается Дрожжинъ въ моментъ творчества:

„Нѣтъ, мнѣ не весело ни чуть,
Когда въ измученную грудь
На краткое мгновенье
Нисходитъ вдохновенье...“



С. Д. Дрожжинъ.

Двадцать пять лѣтъ работаетъ Дрожжинъ, имъ изданы пѣсколько сборниковъ стихотвореній; но къ лучшимъ его произведеніямъ надо причислить его автобіографію, гдѣ въ простыхъ безыскусственныхъ словахъ онъ передаетъ намъ печальную повѣсть своихъ дѣтскихъ лѣтъ, полныхъ безпросвѣтной нужды и горя, своихъ юношескихъ дней, проведенныхъ въ тяжеломъ подневольномъ трудѣ, и позже зрѣлыхъ годовъ убитыхъ среди такого же горя и труда. Но если во всей этой обстановкѣ ему удалось уберечь и сохранить живую душу и среди самой убійственной атмосферы горѣть и пылать жаждой свѣта и знанья, то мы не можемъ не отдать должной дани уваженія и терпѣливому труду, и всевыносящей душѣ русскаго человѣка. Дрожжинъ является разительнымъ примѣромъ этому.

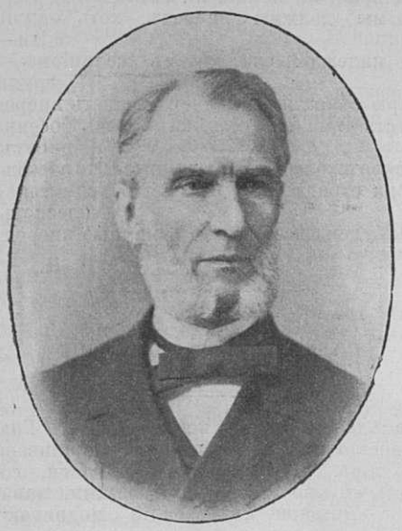
Тысячи болѣе слабыхъ гибнутъ, одинъ изъ тысячи, болѣе сильный, спасается и, чувствуя свою кровную связь съ покинутой деревней, идетъ къ ней, чтобы послужить ей по мѣрѣ силъ и возможности тамъ, гдѣ болѣе всего нужны люди. Всю жизнь работать, мучиться и биться и сохранить младенческую вѣру въ жизнь и людей — это что нибудь да значитъ. И эта вѣра не угасаетъ въ Дрожжинѣ.

„Измучены нуждой, подавлены трудомъ,
Мы крестъ тяжелый свой безъ жалобы несемъ.
Ни края, ни конца, ни свѣта на пути!
Но мы должны впередъ, хоть ощупью, идти—
Съ надеждой сладкою, съ желаніемъ въ груди
Зарю счастливыхъ дней увидѣть впереди.
Пусть тьма кругомъ, какъ ночь осенняя, виситъ,
И тернъ колючій насъ мучительно язвитъ,—
Пока отрадный лучъ намъ счастья не блеснетъ,
Мы будемъ все идти хоть ощупью впередъ“.

Н. Н.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Засѣданія мирной конференціи въ Гаагѣ привлекаютъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. По извѣстіямъ изъ Гааги, сообщаемымъ иностранными газетами, занятія мирной конференціи подвигаются впередъ, и вторая коммиссія, разсматривающая вопросы, относящіеся къ законамъ войны и къ женевской конвенціи, приняла нѣсколько статей брюссельской деклараціи 1874 года, направленныхъ къ смягченію обычаевъ войны. По общимъ отзывамъ, программа, изложенная въ рѣчи, произнесенной предсѣдателемъ съѣзда, г. Стаалемъ, произвела благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ свидѣтельствовала о желаніи представителя Россіи, по почину которой состоялся конгрессъ, выдвинуть на первый планъ предпочтительно тѣ вопросы, относительно которыхъ всего скорѣе можетъ быть достигнуто съ державами соглашеніе. На этомъ основаніи, центръ тяжести подлежащихъ конференціи задачъ былъ перенесенъ на вопросы о третейскомъ судѣ и посредничествѣ, какъ затрудняющихъ возможность войны и въ то же время сдерживающихъ запальчивость взрывовъ международныхъ несогласій. Въ газету „Temps“ сообщаютъ изъ Гааги, что въ засѣданіи третьей коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ французскаго уполномоченнаго Леона Буржуа, обсуждался вопросъ о третейскомъ судѣ, какъ о великомъ орудіи мирной жизни, къ которому всѣ государства должны стремиться, какъ къ идеальному средству для разрѣшенія своихъ споровъ. Предсѣдатель Леонъ Буржуа указалъ на порядокъ, какого слѣдуетъ держаться въ распредѣленіи занятій коммиссіи, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть обсужденію сначала тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ можетъ быть достигнуто скорѣе, и перейти потомъ къ такимъ вопросамъ, относительно которыхъ будетъ труднѣе достигнуть соглашенія. Затѣмъ предсѣдатель Леонъ Буржуа предъявилъ коммиссіи проектъ, полученный имъ передъ засѣданіемъ отъ русскаго делегата и состоящій изъ сорока пунктовъ. Почетный вице-президентъ коммиссіи, сэръ Юліанъ Паунсефотъ, внесъ отъ себя предложеніе клонившееся къ установленію постояннаго третейскаго суда, но противъ его выступили съ возраженіями второй почетный вице-президентъ коммиссіи, итальянскій уполномоченный графъ Нигра, и нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи, объявившіе, что слѣдуетъ держаться намѣченнаго предсѣдателемъ порядка, согласно которому, обсужденію вопроса о постоянномъ третейскомъ судѣ должно предшествовать рѣшеніе всѣхъ прочихъ пунктовъ программы коммиссіи. Въ заключеніе предсѣдатель заявилъ, что коммиссія вполнѣ согласна въ принципѣ съ тѣмъ, что въ высшей степени желательно прибѣгать предпочтительно къ мирнымъ средствамъ для улаженія международныхъ столкновеній. По предложенію Леона Буржуа, коммиссія назначила отъ себя подкоммиссію изъ восьми членовъ, для обсужденія проекта русскаго делегата и другихъ проектовъ, которые могутъ быть представлены по вопросу



М. Н. Капустинъ.

о посредничествѣ. Въ составъ этой коммиссіи вошли: Деканъ за Бельгію, Ассеръ за Голландію, д'Этурнель за Францію, Голльсъ за Соединенные Штаты, Ламашъ за Австрію, профессоръ Мартенсъ за Россію, Одьэ за Швейцарію, профессоръ Цорнъ за Германію. Гаагскій корреспондентъ газеты „Temps" заявляетъ, что вышеприведенное засѣданіе третьей коммиссіи конференціи мира ознаменовалось утѣшительнымъ результатомъ въ томъ смыслѣ, что ни съ какой стороны не было предъявлено никакого возраженія противъ принципа третейскаго посредничества, который такимъ образомъ можетъ считаться единогласно принятымъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Гааги, на разсмотрѣніе подкоммиссіи, кромѣ русскаго проекта о посредничествѣ и третейскомъ судѣ, состоявшаго изъ сорока статей, изъ которыхъ первыя шесть были приняты съ незначительными въ нихъ измѣненіями, поступили предложенія, внесенныя Соединенными Штатами и Италіею; къ обсужденію ихъ подкоммиссія еще не приступала.

Одинъ изъ делегатовъ передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ зала конференціи, въ слѣдующихъ словахъ: „Не остается теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что вторая коммиссія не преминетъ достигнуть серьезныхъ улучшеній въ законахъ и обычаяхъ войны, которыми значительно смягчится ихъ суровость. Въ виду состоявшагося по этому предмету обстоятельнаго обмѣна мнѣній, мы почти увѣрены въ томъ, что многое будетъ достигнуто въ томъ же смыслѣ и по вопросу о посредничествѣ и третейскомъ судѣ. Быть можетъ, результаты не вполнѣ отвѣтятъ ожиданіямъ, возлагаемымъ на насъ общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ не менѣе, мы увѣрены въ томъ, что они будутъ въ дѣйствительности весьма значительными. Что же касается сокращенія вооруженій, то въ этомъ направленіи собравшемуся въ Гаагѣ съѣзду, быть можетъ, придется встрѣтить затрудненія, въ виду которыхъ конференція будетъ вынуждена ограничиться въ своихъ обращеніяхъ къ правительствамъ одними только настоятельными увѣщаніями".

Тотъ же делегатъ объяснилъ и смыслъ принятаго конференціею постановленія относительно ея некомпетентности по вопросамъ, не внесеннымъ въ установленную ея предсѣдателемъ программу. „Мы получили, — сказалъ делегатъ, — нѣсколько петицій отъ армянскаго, македонскаго и другихъ комитетовъ, и, разумѣется, не можемъ заняться ихъ обсужденіемъ, такъ какъ не должны выходить изъ рамокъ вопросовъ, заключающихся въ циркулярѣ графа Муравьева, а конференція постановила строго держаться изложенныхъ въ немъ инструкцій. Нашъ международный съѣздъ собрался для опредѣленной цѣли, обстоятельно намѣченной, отъ которой мы не можемъ уклониться, и въ этомъ отношеніи нисколько не походитъ на берлинскій конгрессъ 1878 года, который могъ коснуться всѣхъ политическихъ вопросовъ, такъ какъ былъ созванъ съ тѣмъ, чтобы подвергнуть пересмотру различные договоры, передѣлавшіе карту Европы. Впрочемъ, конференція назначила нѣсколько членовъ, изъ которыхъ составится особая спеціальная коммиссія для разбора жалобъ, проектовъ и петицій, поступающихъ отъ разныхъ лицъ и обществъ, но это нисколько не измѣнитъ принятаго конференціею рѣшенія не выходить изъ предѣловъ, намѣченныхъ циркуляромъ графа Муравьева".

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

По словамъ „Закас. Обоз.", вслѣдствіе наступившей безкормицы въ окрестностяхъ Асхабада, начался довольно сильный падежъ скота, преимущественно мелкаго. Пріѣхавшіе изъ Гаудана увѣряютъ, что, начиная съ 12 версты отъ Асхабада и далѣе, почти на дорогѣ встрѣчаются массы павшихъ отъ недостатка корма барановъ.

— „Тифл. Лист." сообщаетъ, что для выдачи переселившимся съ Кавказа въ Америку духоборамъ вознагражденія за оставленныя на мѣстѣ прежняго жительства различнаго рода постройки предположено образовать особыя коммиссіи для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ.

— „Харьк. Губ. Вѣд." сообщаютъ, что на озимыхъ поляхъ, въ Кунянскомъ уѣздѣ отродился въ большомъ количествѣ жукъ, который щупальцами срѣзываетъ стебли, скатываетъ ихъ въ шарики и размѣщаетъ въ своихъ норкахъ. Вообще озимые хлѣба вышли изъ зимы неудовлетворительными; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они перепаханы подъ яровые. Оставшіеся же желтѣютъ отъ сильныхъ заморозковъ и отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Необходимость дождя очевидна. Яровые хорошо взошли, но погода послѣднихъ дней вліяетъ весьма дурно на ихъ развитіе.

— „Спб. Вѣд." сообщаютъ, что на-дняхъ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія былъ разсмотрѣнъ вопросъ о разрѣшеніи съѣздовъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ, причемъ комитетъ высказался въ пользу разрѣшенія такихъ съѣздовъ, ни разу не созывавшихся за послѣднія 14 лѣтъ. Починъ въ этомъ принадлежитъ московскому губернскому земству, которое обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о созывѣ съѣзда по Московской губерніи. Въ настоящее время предполагается придать дѣлу съѣздовъ правильную организацію и выработать новыя правила, въ которыхъ будутъ указаны какъ порядокъ разрѣшенія, такъ организація и веденіе съѣздовъ.

— Русское правительство получило приглашеніе на назначенный въ іюлѣ 1900 года въ Парижѣ международный конгрессъ земледѣлія.

— Учебное отдѣленіе департамента торговли и мануфактуръ сообщило городской управѣ, что по Высочайшему повелѣнію министерство финансовъ приступаетъ къ сооруженію зданій политехническаго института на пріобрѣтенномъ для этой цѣли участкѣ земли въ Лѣсномъ (Сосновкѣ). Для подвоза на этотъ участокъ строительныхъ матеріаловъ представляется необходимымъ построить особый временный конножелѣзный путь, на каковое сооруженіе департаментъ просилъ разрѣшенія городской думы. Въ засѣданіи 19 мая дума принципіально согласилась на устройство временнаго конножелѣзнаго пути до Сосновки.

— Въ учебной группѣ русскаго отдѣла всемірной парижской выставки 1900 г., между прочимъ, примутъ участіе два учрежденія, близко касающіяся своею дѣятельностью дѣла высшаго женскаго образованія въ Россіи: общество доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ и общество доставленія средствъ женскому медицинскому институту. Оба эти общества, кромѣ экспонатовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ ихъ дѣятельности, представятъ общую коллективную картину женскаго образованія на выставкѣ.

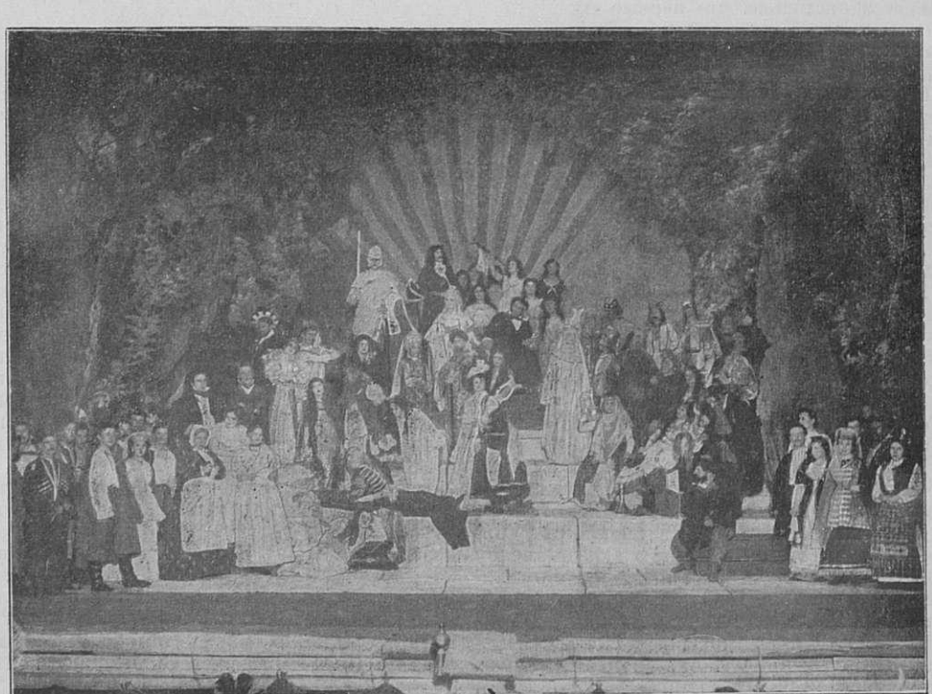
— Въ обществѣ горныхъ инженеровъ, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, возбуждается вопросъ объ образованіи особаго поощрительнаго фонда для выдачи наградъ за русскія изобрѣтенія и усовершенствованія въ горнопромышленномъ дѣлѣ, цѣлесообразность которыхъ будетъ доказана на практикѣ.

— Попечителемъ рижскаго учебнаго округа возбуждено въ министерствѣ народнаго просвѣщенія ходатайство о введеніи въ рижскомъ политехническомъ институтѣ закона Божія.

— „Спб. Вѣд." сообщаютъ, что министерство народнаго просвѣщенія вошло на-дняхъ съ представленіемъ объ учрежденіи выработаннаго министерствомъ образца нагруднаго знака для лицъ, окончившихъ университеты.

— 3 мая с.-петербургскому обществу „помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" разрѣшено открыть отдѣлъ общества въ Одессѣ. Цѣль общества способствовать внѣшкольному образованію малоимущихъ классовъ путемъ устройства библіотекъ и народныхъ чтеній.

— Нѣкоторые суда тихоокеанской эскадры, находящіяся въ настоящее время въ Портъ-



Пушкинскій спектакль въ Маломъ театрѣ. Апоѳеозъ — Пушкинъ среди своихъ произведеній.

Артурѣ, морское министерство оставляетъ въ вооруженномъ резервѣ.

— Изъ четырехъ миноносцевъ, наименованныхъ „Китъ“, „Скатъ“, „Дельфинъ“ и „Касатка“, строющихся для нашего флота въ Эльбингѣ, на заводѣ Шихау, одинъ предполагается изготовить къ 1 января будущаго года, а остальные три въ концѣ января того-же года.

— По словамъ „Харьк. Губ. Вѣд.“, нѣкоторыя земства Харьковской губерніи, приступивъ къ статистическому описанію дорогъ на суммы, ассигнованныя губернскимъ земствомъ, вошли въ соглашеніе съ взявшими на себя обязанности по описанію дорогъ статистиками, чтобы трудъ ихъ былъ оконченъ къ 1 октября с. г. По предположенной смѣтѣ всѣ работы по статистическому описанію дорогъ обойдутся земству около трехъ тысячъ рублей, при разсчетѣ, что въ уѣздѣ будетъ работать 6—8 статистиковъ подъ руководствомъ какого-либо опытнаго лица. По плану работъ рѣшено всѣ необходимыя свѣдѣнія о проѣздности дорогъ и пр. получать на мѣстѣ отъ жителей или изъ оффиціальныхъ данныхъ, не безпокоя въ этомъ отношеніи волостныя правленія. Предстоящій трудъ предоставитъ въ распоряженіе земствъ много въ высшей степени интереснаго матеріала по экономическимъ вопросамъ.

— Министерствомъ финансовъ разъяснено, что кредитныя установленія должны быть облагаемы основнымъ промысловымъ налогамъ по суммѣ принадлежащаго каждому изъ нихъ основного, паеваго, складочнаго или замѣняющаго ихъ капитала. Въ кредитныхъ установленіяхъ, не имѣющихъ подобныхъ капиталовъ, но выпускающихъ закладные листы и облигаціи, за основной капиталъ принимается одна десятая доля выпущенныхъ ими въ обращеніе закладныхъ листовъ или облигацій. Отдѣленія же, конторы, агентства и коммиссіонерства этихъ учрежденій должны подлежать обложенію основнымъ промысловымъ налогомъ по тому разряду торговыхъ предпріятій, по которому выбрано промысловое свидѣтельство на центральное кредитное установленіе.

— Министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ утверждено положеніе о спеціальномъ бюро ученаго комитета министерства по промысловой зоологіи и рыбоводству. Программа бюро слѣдующая:

I. Научный отдѣлъ: 1) Изслѣдованіе промысловыхъ животныхъ Россіи въ отношеніи ихъ жизни, распространенія, взаимодѣйствія и пр. 2) Изученіе вопросовъ, связанныхъ съ разведеніемъ рыбъ и другихъ промысловыхъ животныхъ, и производство опытовъ такого разведенія. 3) Изученіе условій, вредно вліяющихъ на жизнь промысловыхъ животныхъ. 4) Производство опытовъ акклиматизаціи этихъ животныхъ. 5) Разработка статистики промысловъ. II. Техническій отдѣлъ. 6) Опредѣленіе доставляемыхъ правительственными и общественными учрежденіями и частными лицами образцовъ промысловыхъ животныхъ и сообщеніе указаній относительно ихъ жизни, значенія и разведенія. 7) Опредѣленіе качествъ водоемовъ и указаніе степени пригодности ихъ къ разведенію той или другой рыбы. 8) Разсмотрѣніе проектовъ и данныхъ по организаціи рыбоводныхъ хозяйствъ и по устройству прудовъ и заводовъ для рыбы. 9) Испытаніе новыхъ приборовъ и методовъ, служащихъ для промысла и рыборазведенія. III. Справочный отдѣлъ. 10) Сообщеніе справокъ и указаній по разнымъ вопросамъ промысловой зоологіи и спеціально по пріобрѣтенію оплодотворенной икры и молоди рыбъ, выбору рыбоводныхъ аппаратовъ и т. п.

† Т. И. НИКИТИНЪ.

19 мая скончался отъ чахотки на тридцать восьмомъ году жизни художникъ-иллюстраторъ Тихонъ Ивановичъ Никитинъ. Покойный происходилъ изъ духовной семьи и родился въ 1862 г. въ Воронежской губерніи, гдѣ въ одномъ изъ селъ, Землянскаго уѣзда, священствовалъ его отецъ. Первоначальное образованіе Т. И. получилъ въ воронежскомъ духовномъ училищѣ, но, увлекаясь живописью, онъ началъ брать уроки у мѣстнаго художника Л. Г. Соловьева и промѣнялъ семинарію на техническое училище, отвѣчавшее болѣе его природнымъ склонностямъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ отдался исключительно иллюстраціонной работѣ, помѣщая свои рисунки въ журналахъ: „Жив. Обозр.“, „Нива“, „Всемірная Иллюстрація“. Многочисленныя изданія Девріена и Ледерле и др. также неоднократно иллюстрировались покойнымъ художникомъ. Въ нашемъ журналѣ Т. И. съ 1896 г. завѣдывалъ художественной частью, отдавая весь свой трудъ на невидную для постороннихъ, но кропотливую и далеко не легкую работу.

Конференція мира въ Гаагѣ. Залъ засѣданій.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

Въ зданіи академіи наукъ открыта выставка, посвященная имени великаго Пушкина. Выставка заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: I. Автографы (А. С Пушкина, С. Л. Пушкина, Н. О. Пушкиной, О. С. Павлищевой и Л. С. Пушкина), а также фотографическіе снимки съ автографовъ (всего 93). II. Журналы (21 нум.). III. Сочиненія и изданія Пушкина (51 экз.). IV. Альманахи. альбомы и сборники (28 экз.). V. Портреты и виды (525 нум.) и, наконецъ, нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Пушкину. Вещей немного, но за то онѣ въ высшей степени интересны. Среди нихъ самое грустное впечатлѣніе производитъ пуля, такъ дико и преждевременно пресѣкшая дни поэта. На видъ это маленькій, кругленькій, темный шарикъ, изящно обдѣланный въ золото въ видѣ брелока, но безъ содроганія на него смотрѣть невозможно. Затѣмъ, имѣются три кольца: 1) знаменитый „Талисманъ“, подаренный поэту княгиней Воронцовой, впослѣдствіи перешедшій къ В. А. Жуковскому а его сыномъ подаренный И. С. Тургеневу; 2) перстень Пушкина, принадлежавшій В. И. Далю и нынѣ составляющій собственность Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича, и 3) перстень Пушкина, пожертвованный имъ для домашней лотереи, устроенной въ домѣ Раевскихъ и выигранный М. Н. Раевской, супругой князя С. Г. Волконскаго. Нынѣ онъ принадлежитъ ея сыну, князю М. С. Волконскому. Въ той же витринѣ волосы Пушкина — въ серебряномъ медальонѣ; его чернильница, изображающая гробницу Наполеона I, простое гусиное перо взятое съ его стола; браслетъ, сдѣланный изъ цѣпочки Пушкина, и др. Въ особыхъ ящикахъ находятся—сабля, подаренная поэту княземъ Паскевичемъ, и четыре билліардныхъ шара.

Что касается массы выставленныхъ портретовъ А. С. Пушкина и его современниковъ, то, конечно, самый интересный — портретъ поэта масляными красками работы В. А. Тропинина, сдѣланный по заказу С. А. Соболевскаго къ 1827 г. Портретъ этотъ долгое время считался потерянымъ. Къ сожалѣнію, онъ, не особенно хорошо сохранился. Вообще на выставкѣ много въ высшей степени интересныхъ портретовъ, но описывать ихъ невозможно. Они подробно обозначены въ каталогѣ, обстоятельно и превосходно составленномъ. Посѣщеніе выставки — не только исполненіе долга предъ памятью великаго поэта, но и средство доставить себѣ высокоэстетическое и крайне поучительное зрѣлище.

— На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго общества любителей россійской словесности избранъ въ дѣйствительные члены редакторъ „Жив. Обозр.“ и „Сынъ Отеч.“ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

— Могила покойнаго писателя Н. Е. Каронина Петропавловскаго, какъ сообщаетъ „Сар. Лист.“, находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, хотя на приведеніе въ порядокъ могилы и на постановку памятника уже есть нѣкоторыя средства: отъ редакціи „Рус. Вѣдом.“ прислано 75 р., частныхъ пожертвованій поступило болѣе 60 р., ассигновано мѣстнымъ литературнымъ обществомъ 25 руб. редакціей „Сарат. Лист.“ 15 руб. Недавно комитетъ союза русскихъ писателей обратился къ мѣстному литературному обществу съ письмомъ по вопросу о постановкѣ памятника на могилѣ покойняго Каронина. Совѣтъ общества поручилъ гг. Архангельскому и Ширяеву, при участіи техниковъ и вдовы покойнаго, осмотрѣть могилу Каронина и составить проектъ и смѣту постановки памятника.

ФРАНЦИСКЪ САРСЭ.

Недавно скончался извѣстный французскій критикъ и романистъ Франциск Сарсэ, родившійся въ 1827 году въ Суттіерѣ. Онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ лицеѣ Карла Великаго, гдѣ дѣлилъ успѣхи съ Эдмондомъ Абу, который впослѣдствіи познакомилъ его съ литературнымъ міромъ. Оба они вступили въ нормальную школу въ 1848 году вмѣстѣ съ Тэномъ, Одижье и Ассоланомъ. По окончаніи училища, Сарсэ пришлось учительствовать въ провинціи. Особенная подчиненность, которой требовали отъ молодыхъ учителей, возмутила его, и онъ скоро послѣдовалъ примѣру Дешанеля и Депуа, людей съ независимымъ направленіемъ, бросившихъ учительствованіе и обратившихся къ литературѣ. Его первымъ враждебнымъ поступкомъ противъ педагогическаго начальства было насмѣшливое посланіе ректору по поводу циркуляра, приказывавшаго брить усы; за это посланіе его отправили въ Лесневенъ, на Финистере, затѣмъ попеременно переводили изъ одного мѣста въ другое. На него смотрѣли косо, грозили ему отставкой, онъ потерялъ терпѣніе, въ 1859 г. подалъ въ годовой отпускъ и отправился въ Парижъ съ цѣлью заняться журналистикой. Вилльмессанъ принялъ его на страницы „Фигаро“, гдѣ онъ подписывался де-Суттіеръ. Въ то же время Сарсэ сталъ работать и во многихъ другихъ журналахъ, и даже учавствовать въ ихъ изданіи и редакціи, какъ, напримѣръ, „XIX Siècle“, членомъ редакціи котораго онъ состоялъ все время и писалъ тамъ весьма остроумные фельетоны. Съ 1867 года онъ непрерывно работалъ въ „Temps“ и умеръ сотрудникомъ этой газеты.

Сарсэ главнымъ образомъ составилъ себѣ имя какъ драматическій критикъ. Кромѣ довольно значительнаго таланта, онъ обладалъ весьма основательными знаніями греческой и латинской литературы и классиковъ вообще, хорошо зналъ театръ и понималъ его. Статьи его были всегда хорошо обработаны, ихъ единственный недостатокъ составляетъ нѣкоторая тяжесть слога. Сарсэ до конца жизни остался въ душѣ и по характеру педагогомъ.

Нельзя было не удивляться особенной легкости писанія и гибкости мысли этого человѣка, который умудрялся писать ежедневно отъ двухъ до трехъ статей самаго разнообразнаго содержанія, свободно переходя отъ эстетики къ политикѣ, отъ соціологіи къ военнымъ вопросамъ, и обо всемъ писалъ, глубоко вдумываясь, съ живостью и увлеченіемъ.

По душѣ это былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, и не одинъ начинающій литераторъ находилъ въ немъ себѣ покровителя и учителя. Онъ охотно помогалъ, выводилъ въ люди, но и критиковалъ безжалостно.

Принадлежалъ онъ къ поколѣнію, которое жило въ то время, когда романтизмъ терялъ подъ собою почву какъ въ литературѣ, такъ и въ обыденной жизни, а реализмъ и позитивизмъ брали верхъ. Сарсэ всю свою душу вложилъ въ свое дѣло и остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Его отличительными чертами всегда были логика, трезвый взглядъ, здравый разсудокъ, ясное сужденіе, возмущеніе противъ всего смутнаго, нечистаго.

Воспитанный на латинскихъ и греческихъ классикахъ, онъ нашелъ мѣрило сужденія въ старыхъ произведеніяхъ; во французской литературѣ ему особенно по сердцу были злостныя разсужденія и ясность мысли Вольтера и юморъ Рабелэ. Сдѣлавшись журналистомъ, онъ скоро нашелъ подходящее для себя поле дѣятельности въ театральныхъ рецензіяхъ и критикахъ и сталъ проводить тогда не только цѣлые вечера по театрамъ, но и утра и послѣполуденное время.

Но, будучи критикомъ, онъ остался неизмѣнно учителемъ-педагогомъ и буржуа. Критическія его статьи были по большей части написаны въ дидактическомъ тонѣ, хотя не особенно скучномъ, — онъ всегда самъ признавался, что остается учителемъ. И даже, чтобы не разставаться вполнѣ съ каѳедрой, онъ создалъ новый способъ взаимо-развитія — бесѣды. Среди своихъ слушателей, знакомыхъ, поклонниковъ онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ дяди. Его бесѣды съ каѳедры всегда имѣли чрезвычайно веселый характеръ.

Какъ журналистъ, онъ принадлежитъ къ старой школѣ. Учился онъ на стилистахъ XVIII вѣка. Статьи его отличались чрезвычайною ясностью и юморомъ. Полемика съ нимъ была не легка.

Кромѣ того, въ своихъ статьяхъ онъ вполнѣ являлся парижекимъ буржуа, къ нему обращался и спускался до его понятія и развитія. Рядомъ съ превосходными, тонкими указаніями, у него являлись весьма претенціозныя шутки.

Избранныхъ онъ не могъ бы удовлетворить, но для всѣхъ онъ былъ неоцѣнимъ. Во всякомъ случаѣ смѣло можно сказать, что съ Сарсэ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ критиковъ драмы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ типичнѣйшихъ французскихъ умовъ, представителей буржуазнаго поколѣнія.

Прежде всего онъ добивался, чтобы сцена была сценой, изображеніемъ жизни, а не описаніемъ происшествій въ лицахъ, не ли-

† Т. И. Никитинъ.

рикой, не изображеніемъ страданій души. Отсюда происходятъ всѣ его симпатіи и антипатіи, — онъ очень любилъ Скриба, высоко поднявшаго комедію, любилъ сильную мысль и сценичность Дюма-сына, хотя не всегда соглашался съ его выводами, любилъ Делавиня съ его трагедіями, находилъ несравненными комедіи и драмы Ожье, или, лучше сказать, выведенное въ нихъ мѣщанство. Въ числѣ любимцевъ Сарсэ нужно еще упомянуть Мельяка, Галеви и Лабиша съ его легкимъ жанромъ. Въ то-же время Сарсэ былъ чрезвычайнымъ сторонникомъ комедіи высшей, классической.

Онъ находилъ, что только въ классическомъ репертуарѣ существуетъ то „мѣрило, подъ которое все слѣдуетъ подводить и этой мѣркой все мѣрить“.

Онъ все мѣрилъ здравымъ разсудкомъ и не признавалъ ничего не слишкомъ глубокомысленнаго, не слишкомъ утонченнаго. „Двѣ сироты“ д'Еннери имѣли для него больше значенія, чѣмъ „Гамлетъ“ или „Отелло“. Въ музыкѣ онъ предпочиталъ Оффенбаха Вагнеру. Вотъ почему молодое поколѣніе французскихъ писателей такъ любило этого „дядюшку“, отвлекавшаго публику отъ серьезныхъ и глубокихъ взглядовъ и сужденій. Онъ объ этомъ не особенно заботился, чувствуя за собой массу. Притомъ онъ такъ страстно любилъ театръ, что даже дня не могъ прожить безъ представленій Comédie Française, и когда ея труппа на лѣтніе мѣсяцы выѣзжала куда нибудь, онъ сопровождалъ всегда своихъ любимыхъ артистовъ.

Театръ оказался причиной его смерти. Онъ былъ на представленіи „Le torrent“ Мориса Доннэ, о которомъ долженъ былъ писать отчетъ въ „Temps“; выйдя изъ театра, онъ простудился, получилъ воспаленіе легкихъ, которое въ нѣсколько дней унесло его.

Кромѣ фельетоновъ и журнальныхъ статей, Сарсэ написалъ нѣсколько еще отдѣльныхъ вещей: „Le Nouveau seigneur de Village“ (1862) — политическая сатира на мэровъ второй имперіи; здѣсь выведенъ типичный мэръ, весьма ловко отличавшій дворовую птицу друзей отъ дворовой птицы враговъ имперіи. Двѣ небольшія довольно интересныя брошюры: „Le mot et la chose“, „Faut-il s'assurer“ и свои воспоминанія и приключенія во время осады Парижа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Блезъ Паскаль. Мысли о религіи съ предисловіемъ Прево-Парадоля. Переводъ Д. Первова. Изданіе второе: М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Мысли“ Паскаля, это — собраніе бѣглыхъ замѣтокъ, тонкихъ наблюденій, вчернѣ набросанныхъ главъ, которыя должны были войти затѣмъ, какъ матеріялъ, въ задуманную имъ великую апологію христіанства. Смерть прервала работу этого геніальнаго человѣка. До насъ дошли лишь вчернѣ набросанные матеріалы, — эти будущіе кирпичи великаго, грандіознаго зданія, но и они представляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу человѣческой мысли. Оригинальныя глубокія идеи облечены здѣсь часто въ блестящую форму, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ на умъ, какъ блескъ молніи, внезапно освѣщающей невидимый въ темнотѣ горизонтъ. Тѣмъ, кого интересуютъ вопросы религіи и жизни, нельзя не рекомендовать эту книгу.

Предисловіе Прево-Парадоля очень содержательно; переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, изданіе весьма изящно, хотя цѣна книги за 274 страницы высока и будетъ, вѣроятно, служить не малымъ препятствіемъ къ распространенію книги.

Біографія А. С. Пушкина, для дѣтей младшаго возраста. Составила М. А. Дьякова. Одесса, 1899 г.

Къ столѣтнему юбилею Пушкина появилось множество статей и отдѣльныхъ изданій, посвященныхъ имени великаго поэта. Настоящая книжка, заглавіе которой мы привели выше, написана со спеціальной цѣлью познакомить русскихъ дѣтей съ жизнью генія „русской земли“.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Несчастье. Съ картины *Ж. Вибера.*

Несчастье особаго рода. Завѣтная бутылка повержена, разбита, и благородная влага, предназначенная для поддержанія „жизненныхъ центровъ“ артиста, оросила полъ.

На лонѣ природы. Съ картины *К. Штеттена.*

Послѣ шумной сутолоки и духоты города, такъ пріятно отдохнуть на зелени мягкихъ луговъ и цвѣтущихъ полей, вдыхая полной грудью ароматный воздухъ лѣсовъ. Отдыхъ на лонѣ природы! Какъ пріятно звучитъ это манящее представленіе для усталыхъ нервовъ столичнаго труженика.

Взятіе Эривани. Съ картины *Ф. Рубо* Гр. *Пуцъ.*

Имя художника-баталиста Ф. Рубо хорошо знакомо нашимъ читателямъ; помѣщаемая нами новая картина художника отличается тѣми же достоинствами, какъ и предъидущія его работы.

Лакомый кусочекъ. Съ картины *Г. Каульбаха.*

Граціозная жанровая сценка изъ тѣснаго мірка дѣтскихъ радостей и печалей. Сюжетъ простъ и несложенъ, но эта простота подкупающе дѣйствуетъ на зрителя.

Въ затруднительномъ положеніи. Съ картины *Швеннингера.*

Положеніе дѣйствительно затруднительное: полныя руки картъ и ни одного козыря. Прекрасныя партнерши побѣждаютъ, и съ каждымъ мгновеніемъ становится все осязательнѣе ихъ побѣда. Одно остается утѣшеніе, что кому не везетъ въ картахъ, тотъ всегда счастливъ въ любви.

Идиллія. Съ картины *Раффаэля Арменита.*

Югъ благодатный, жгучій югъ. Синее небо Италіи, зелень, солнце и цвѣты; нѣжучіе звуки флейты, нѣмая тишина — все полно міромъ, счастьемъ и негой полуденнаго края... Если есть на землѣ мѣсто для идиллій, то несомнѣнно оно здѣсь, въ классической странѣ красоты и искусства.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

№ 5. — Май. — Приложеніе къ журналу «Живописное Обозрѣніе» за 1899 годъ. — Май. — № 5.

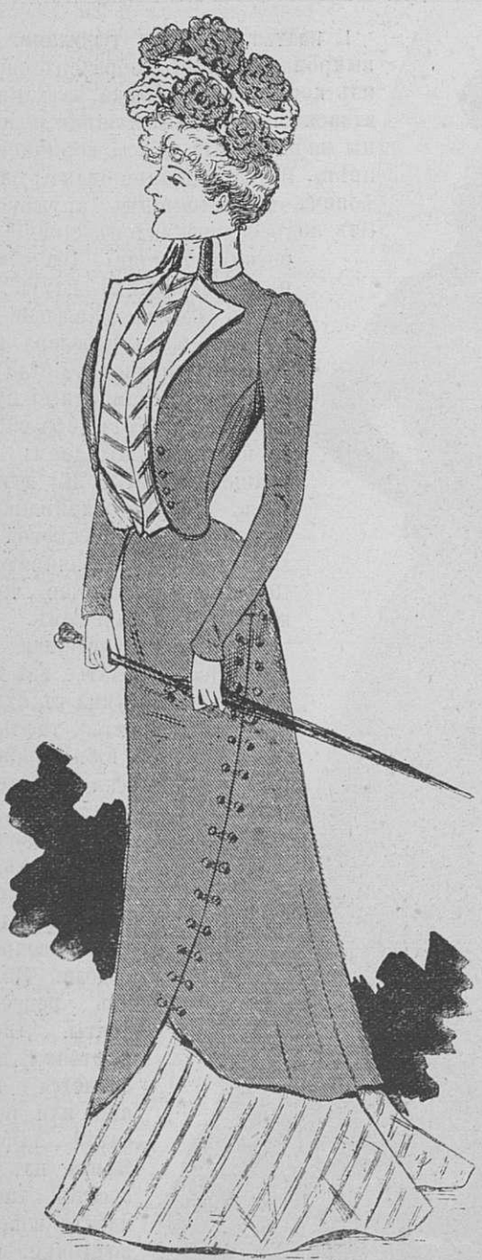
1. **Платье съ тремя тюниками.** (Съ выкройкой). Нашъ образецъ сшитъ изъ коричневаго барежа, затканнаго атласными полосами тюники положены на шелковый чехолъ коричневаго цвѣта. Блуза отдѣлана бѣлымъ шифономъ и настоящимъ кружевомъ. Изъ подъ болеро виденъ стоячій воротникъ и поясъ. Два отложныхъ воротника идутъ вокругъ ворота. Каждый воротникъ, какъ и болеро подбиваются шелкомъ. Петли изъ шнурка и аграмантныя пуговицы украшаютъ лифъ спереди и рукава. Мы даемъ сокращенную выкройку тюниковъ, которые окаймляются подшивкой изъ шелковой полоски и прострачиваются. Переднее полотнище чехла покрывается барежемъ.

2. **Платье для прогулки.** (Съ выкройкой). Платье изъ темно краснаго сукна съ отдѣлкой изъ полосатой тафты и бѣлаго атласа. Юбка кроится изъ одного куска и застегивается съ лѣвой стороны, гдѣ подбивается марле и прострачивается въ нѣсколько рядовъ. Строчка идетъ также вокругъ подола. Поясъ изъ репсовой ленты. Лифъ-кофточка подбивается черной или полосатой тафтой. Кантъ изъ полосатой тафты идетъ вокругъ кофточки. Небольшія пуговицы служатъ украшеніемъ. Отвороты бѣлые атласные. Спереди жабо изъ бѣлаго крепа и кружевъ.

1. Платье съ тремя тюниками. 2. Платье для прогулки. 3. Платье съ тюникомъ и отдѣлкой изъ бахромы.

4 Лифъ-блуза.

3. **платье съ тюникомъ и отдѣлкой изъ бахромы.** (Съ выкройкой). Кашемировое платье. Цвѣтъ зависитъ отъ вкуса. Кокетка кружевная подбита атласомъ одного цвѣта съ платьемъ. Весь кашемировый тюникъ обшитъ шелковой бахромой, поверхъ которой положенъ галунъ или



7. Домашнее нарядное платье.

5. Юбка для амазонки.

аграмантъ. Шелковый чехолъ подбитъ шелковымъ воланомъ, а сверху покрытъ воланомъ-серпантинъ, выше котораго нашитъ другой такой-же волантъ, слѣдуя изгибамъ подола тюника. Бахрома вокругъ кокетки. Шелковый поясъ.

4. **лифъ-блуза.** (Съ выкройкой). Этотъ фасонъ преимущественно годится для спорта и дѣлается изъ плотной лѣтней матеріи. Подкладка застегивается на пуговицы. Верхняя ткань получаетъ складки спереди и сзади. На спинѣ и плечахъ идетъ кокетка. Къ такому лифу полагается гладкая юбка, плотно обтягивающая бока. Галстухъ изъ полосы шелковой ткани. Бѣлый кожаный поясъ.

5. **Юбка для амазонки.** Юбка дѣлается изъ сукна, изъ коломянки и вообще изъ всякой тяжелой ткани. Лифъ дѣлается на сатиновой подкладкѣ, съ раздѣленнымъ передомъ и спинкой фракомъ, спереди отвороты, застежка на пуговицы. Юбка состоитъ изъ двухъ частей, для колѣннаго угла вшивается нѣсколько выточекъ. На углу колѣна пришивается петля, чтобы поднимать юбку съ этой стороны.

6. **шляпа и шарфъ на шею.** Шляпа изъ сѣрозеленой и желтоватой бастовой соломы. Прямая тулья окаймлена кружевной прошивкой, обшитой вверху, и рюшемъ изъ зеленой неширокой ленты. Петли изъ зеленой ленты въ два вершка ширины, обшитой съ одной стороны кружевной прошивкой и рюшемъ. Вокругъ тульи положена роскошная

6. Шляпа и шарфъ на шею.

гирлянда лиловой сирени, перехваченной спереди вѣткой зелени. Сзади приколоты стоячія и падающія петли. Шарфъ состоитъ изъ полосы бѣлаго газу въ 175 сантиметровъ длины и 23 сантиметровъ ширины, окаймленной желтоватымъ кружевомъ.

7. **Домашнее нарядное платье.** Нашъ образецъ сдѣланъ изъ полосатой матеріи. Юбка кроится въ три полотнища и отдѣлана шелковыми біэ. Спинка гладкая, передъ безъ выточекъ, біэ положено въ видѣ бретелей. Кисейная драпи-

8. Городской туалетъ.

9. Туалетъ съ богатой отдѣлкой изъ бія.

10. Плащъ для дѣвочки 9—10 лѣтъ.

11. Платье для дѣвочки 10—11 лѣтъ.

очень красива и особенно идетъ худымъ и стройнымъ фигурамъ. Нашъ образецъ сдѣланъ изъ зеленаго шерстянаго крепа и чернаго кружева; юбка на подкладкѣ. Лифъ съ кокеткой, покрытой кружевомъ. Вмѣсто пояса, шарфъ, завязанный розеткой съ длиннымъ концомъ. Рукава частью изъ бія, частью кружевные. На плечахъ положена узенькая бархатная лента и кружевныя розетки. Такая же розетка у воротника.

ровка приколота спереди банта, завязывается сзади и падаетъ сзади длинными концами. Кисейный поясъ. Длинные рукава, падающіе на кисть руки.

8. **Городской туалетъ.** Этотъ туалетъ состоитъ изъ двухъ юбокъ, нижняя полосатая, а верхняя гладкая, и застегивается съ боку на пуговицы. Корсажъ болеро съ гладкой спинкой, съ выточками спереди. Корсажъ открывается на полосатомъ жилетѣ, имѣющемъ прямой стоячій воротникъ. Передъ корсажа закругленъ внизу, украшенъ пуговками и бѣлыми отворотами. Рукава гладкіе.

9. **Туалетъ съ богатой отдѣлкой изъ бія.** Эта новая отдѣлка

12. Городской костюмъ.

13. Городской туалетъ.

10. **Плащъ для дѣвочки 9—10 лѣтъ.** Плащъ шьется изъ сукна песочнаго цвѣта. Кокетка его зашита складочками, къ ней крупными складками прикрѣпляются переднія и заднія полы. Шовъ кокетки прикрытъ воротникомъ серпантинъ. Воротъ обшитъ отложнымъ воротникомъ, много разъ простроченнымъ. Рукава тоже отдѣланы складочками.

11. **Платье для дѣвочки 10—11 лѣтъ.** Платье изъ клѣтчатой шерстяной бѣлой съ синимъ матеріи, отдѣлка бѣлая, аграмантъ и бархатные банты синіе. Стоячій воротникъ, вставка и рукава бѣлые, положены въ складочки. Поясъ аграмантный.

12. **Городской костюмъ.** Суконъ-

ная или другая плотная шерстяная матерія цвѣта бэжъ послужила матеріаломъ для этого костюма. Пальто подбито краснымъ шелкомъ. Спереди видна блуза такого же цвѣта, стоячій воротникъ и галстухъ изъ желтоватаго батиста. Аграмантъ окаймляетъ кофточку, отвороты, отложной воротникъ и рукава. Бѣлая соломенная шляпа отдѣлана газовыми буффами, спереди поднимаются два черныхъ крыла.

13. **Городской туалетъ.** Платье изъ альпага мелкими полосками, краснаго съ желтымъ. Юбка расходится спереди, на вставкѣ окаймлена довольно широкимъ рубцомъ и складочками; вставка изъ бѣлаго альпага, положеннаго узенькими поперечными складочками. На лифѣ складочки повторяются, спереди и сзади. Бѣлые отвороты расходятся на свѣтлой вставкѣ, положенной поперечными складками. Воротникъ стоячій. Гипюровый желтоватый воротникъ дополняетъ отдѣлку лифа. Узенькій поясъ изъ красной ленты. Рукава отдѣланы складочками. Соломенная шляпа отдѣлана бантами изъ полосатой ленты, страусовыми перьями и махровымъ макомъ въ тѣни.

14. **Городской костюмъ.** Платье изъ сукна двухъ цвѣтовъ. Сочетаніе красокъ зависитъ отъ вкуса. Нижняя юбка положена узенькими складками. Сверху падаетъ вторая юбка другого цвѣта, вырѣзанная крупными зубцами и паттой, которая застегивается на пуговицы. Эта юбка застегивается съ боку на крючки. Корсажъ фракъ плотно обтягиваетъ фигуру. Застежка на пуговицы. Спереди кружево; патта съ пуговицами перехватываетъ жабо. Высокій воротникъ. Рукава со складочками на плечахъ. Соломенная шляпа отдѣлана зеленью и розами.

15. **Платье для прогулки.** Платье изъ красноватаго легкаго сукна отдѣлано шелковой матеріей потемнѣе цвѣтомъ, положенной въ видѣ application волнистыми полосками. Конечно, эту довольно замысловатую по узору отдѣлку можно замѣнить простыми полосками. Отдѣлка образуетъ какъ бы вторую юбку и повторяется на лифѣ и рукавахъ. Поясъ изъ одной матеріи съ платьемъ перекрещивается спереди и застегивается красивой булавкой. Вставка жилетъ застегивается на золотыя пуговки и положена въ складочки. Жилетъ расходится у ворота на бѣлой шемизеткѣ. Шляпа изъ соломы фантэзи отдѣлана красноватыми страусовыми перьями и бархатнымъ узломъ съ пряжкой.

16. **Роскошный дорожный туалетъ.** Шерстяная юбка съ волановъ серпантинъ шьется изъ клѣтчатой черной съ бѣлымъ ткани. Кофточка бѣлая суконная можетъ быть замѣнена черной съ бѣлой вышивкой. Для клѣтчатой юбки могутъ быть взяты другія краски, синяя съ бѣлымъ, красная съ бѣлымъ, зеленая съ бѣлымъ и т. д. Кофточка вмѣсто бѣлой можетъ быть другого подходящаго цвѣта. Юбка дѣлается на чехлѣ. Спереди посерединѣ идетъ пристроченная бѣлая полоса, безъ которой, впрочемъ, можно обойтись. Отвороты и отложной воротникъ черные шелковые и вышиты. Рукава кофточки имѣютъ одинаковую отдѣлку внизу и вверху. Хрустальныя пуговицы. Изъ подъ отворотовъ видна бѣлая креповая шемизетка съ небольшимъ галстучкомъ. Бѣлая шляпа отдѣлана блѣдно-розовыми розами и бѣлыми страусовыми перьями.

17. **Ватерпруфъ.** Очень красивый по фасону ватерпруфъ шьется изъ темно-синей шерстяной матеріи. Онъ плотно охватываетъ талію и застегивается нѣсколько на боку на красивыя большія перламутровыя пуговицы. Отложной воротникъ и отвороты, изъ подъ нихъ падаетъ небольшая круглая пелерина. Бѣлая шелковая строчка окаймляетъ весь ватерпруфъ и повторяется на рукавахъ и кармашкахъ. Шляпа съ прямыми полями и низкой тульей отдѣлана синей лентой и большимъ бѣлымъ бантомъ съ лѣвой стороны, концы котораго подбиты голубымъ. Голубыя перья.

18. **Нарядный туалетъ.** (Съ выкройкой). Юбка и рукава платья сдѣланы изъ шелковой матеріи оливковаго цвѣта, затканной крупными розовыми цвѣтами. Лифъ со стоячимъ воротникомъ и полупоясомъ сдѣланъ изъ вышитаго бусами тисненаго бархата, тоже оливковаго цвѣта, сверху надѣта кофточка изъ серебристо сѣрой шелковой матеріи. Кофточка опускается эполетами на плечи, отдѣлана отворотами и обшита узенькими ленточками потемнѣе, по которымъ идутъ небольшія вышитыя мушки

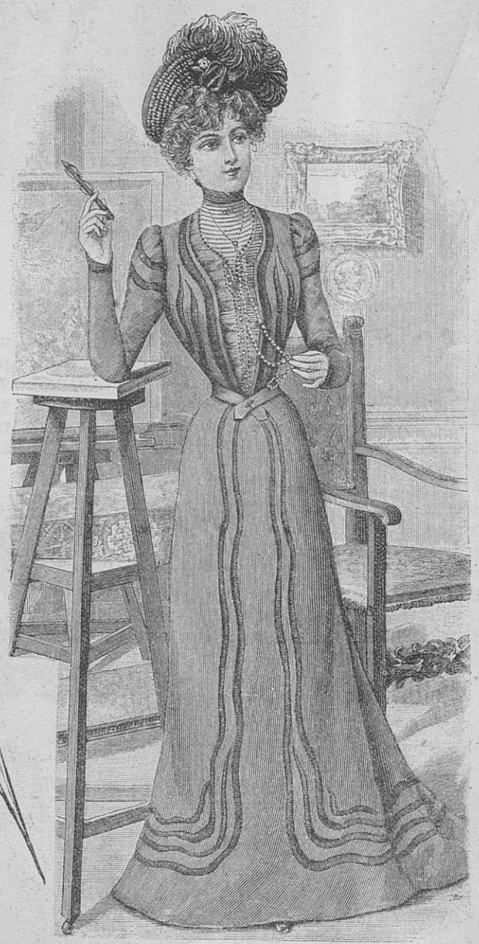
19. **Туалетъ для визитовъ.** Очень красиво платье изъ мусселинъ де-лена, затканнаго краснымъ узоромъ, отдѣлка котораго состоитъ изъ складочекъ и кружевныхъ прошивокъ. На чехолъ падаетъ тюникъ, вырѣзанный зубцами, положенными въ узенькія складочки. Къ тюнику подшитъ воланъ серпантинъ. Спереди вдоль всей юбки положена прошивка, подбитая лентой. Лифъ-блуза отдѣланъ спереди прошивкой и складочками, спинка гладкая. Край лифа, эполеты и манжетки окаймлены рюшемъ изъ ленты. Поясъ изъ одной матеріи съ платьемъ застегнутъ на пряжку. Стоячій воротникъ, а надъ нимъ поднимается воротникъ Медичи.

20—25. **Дорожный костюмъ съ нѣсколькими блузами.** (Съ выкройкой). Дорожный костюмъ состоитъ изъ юбки и короткаго пальто и шьется изъ синяго шевіота. Костюмъ пополняется блузами-лифами. Одинъ изъ нашихъ образцовъ приготовленъ изъ полосатаго синяго съ бѣлымъ батиста, второй изъ пунсовой шелковой матеріи. Юбка дѣлается на подкладкѣ. Пальто застегивается на перламутровыя пуговицы и подбивается шелкомъ. Блузы, выкройки которыхъ мы даемъ, могутъ разнообразиться, перемѣняя галстухи, воротники и пояса.

26—31. **Лифъ-блуза, кофточка, пояса и пряжки.** Красивая блуза изъ голубой шелковой матеріи отдѣлана черною бархатною ленточкой, положенной въ видѣ зубцовъ. Галстухъ изъ черной ленты перехваченъ двумя стальными пряжками; концы галстуха скрыты поясомъ. Рис. 27 даетъ понятіе объ очень красивой кофточкѣ изъ краснаго сукна, подбитой краснымъ атласомъ и вышитой бѣлыми фигурами, окаймленными синелью. Такая кофточка дополняетъ всякій туалетъ съ лифомъ блузой, или можетъ быть надѣта съ манишкой и галстухомъ. На кофточкѣ красные атласные отвороты. Рис. 28 и 31 изображаютъ модные пояса и пряжки. Первый поясъ сдѣланъ изъ золотого броката, окаймленъ кожей и украшенъ бронзовыми пряжками. Очень красивъ черный бархатный поясъ съ аметистовой пряжкой. Очень красивы пряжки изъ оксидированнаго серебра. Пряжка въ формѣ подковы украшена каменьями.

32. **Накидка для пожилой дамы.** (Съ выкройкой). Очень красива накидка изъ чернаго атласа, покрытая сѣткой изъ

14. Городской костюмъ.



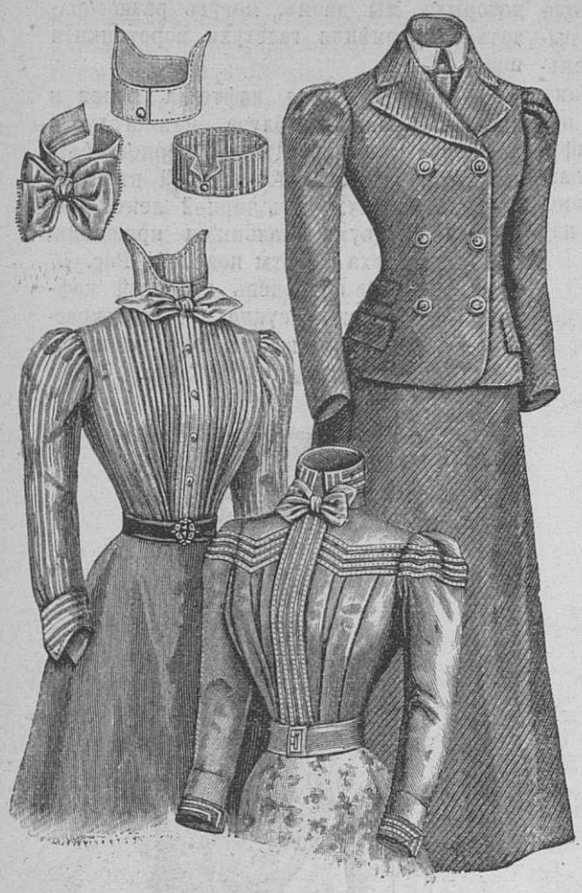
15. Платье для прогулки.

16. Роскошный дорожный туалетъ.

17. Ватерпруфъ.

18. Нарядный туалетъ.

19. Туалетъ для визитовъ.



20—25. Дорожный костюмъ съ нѣсколькими блузами.

стекляруса. Внизу пришито плиссе изъ тафты, окаймленное газовымъ рюшемъ, сверху падаетъ широкое тюлевое кружево, шовъ котораго прикрываетъ широкій креповый рюшъ. Спереди падаютъ длинные и широкіе концы кружева, они пришиты въ видѣ жабо. Густой рюшъ изъ широкаго кружева заполняетъ воротникъ. Къ этой накидкѣ подходитъ плоская шляпа изъ чернаго тюля, вышитаго стеклярусомъ. Шляпа приподнята съ лѣваго боку, и здѣсь приколотъ букетъ изъ розъ, зелени и черныхъ перьевъ райской птицы.

33. **Туалетъ для выѣздовъ.** Платье изъ сѣраго крепъ-дешина и кружева. Юбка кроится изъ одного куска, подбивается шелкомъ; сверху падаетъ короткая кружевная юбка, расходящаяся спереди и окаймленная воланомъ серпантинъ, отдѣланнымъ стальными пуговицами. Лифъ расходится на вставкѣ въ видѣ жилета, спинка безъ шва и передъ безъ выточекъ покрыты кружевомъ. Двойные креповые отвороты, одинъ покрытъ кружевомъ, другой отдѣланъ пуговицами. Гладкіе рукава. Поясъ изъ ленты.

34—36. **Ватерпруфъ.** (Съ выкройкой). Ватерпруфъ дѣлается изъ свѣло-коричневой матеріи. Пелерина къ нему пристегивается особо. Пелерина окаймлена воланомъ серпантинъ. Ватерпруфъ застегивается на перламутровыя пуговицы. Пелерина застегивается на пятіу и снабжена воротникомъ Медичи. Круглая соломенная шляпа отдѣлана лентами и перьями.

37. **Круглая шляпа.** Круглая соломенная шляпа съ высокой тульей и широкими полями. Отдѣлка состоитъ изъ цвѣтной тафты, положенной вокругъ тульи. Спереди петли и стоячая полоса въ видѣ вѣера изъ бѣлой тафты.

38. **Шляпа токъ.** Шляпа изъ волосяной ткани, въ которой продернуты соломенныя нити, прикрѣпленныя черными блестками. Соломенный бортъ образуетъ поля. Черное перо райской птицы, розы и креповая розетка.

39. **Платье для пожилой дамы.** (Съ выкройкой). Платье изъ сѣрой полосатой шерстяной ткани. Кофточка съ атласными отворотами расходится на шемизеткѣ, прикрытой частями бархатнаго жилета. Бархатный полупоясъ. Для гладкой юбки полосатая матерія берется вкось. Дальнѣйшую отдѣлку составляютъ кружева.

40. **Нарядный туалетъ съ тройнымъ тюникомъ.** Кокетка со стоячимъ воротникомъ, верхняя

26—31. Лифъ-блуза, кофточка и пояса.

32. Накидка для пожилой дамы.

33. Туалетъ для выѣздовъ.

34—36. Ватерпруфъ и шляпа.

37. Круглая шляпа.

38. Шляпа токъ.

39. Платье для пожилой дамы.

40. Нарядный туалетъ съ тройнымъ тюникомъ.

часть рукавовъ и манжетки у шерстяного малиноваго платья сдѣланы изъ бѣлаго атласа, въ который вшитъ шнурокъ. Лифъ подкладка застегивается на спинѣ. Вокругъ кокетки положено кружево съ пестрыми цвѣтами, которое спереди спускается въ видѣ вставки. Передъ, спинка и рукава вырѣзаны зубцами, обведены кантомъ и наложены вдвойнѣ. Выкройка юбки нѣсколько сложная; каждый тюникъ окаймленъ кантомъ.

41—42. **Двѣ новѣйшихъ блузы.** Первая блуза изъ красной шелковой матеріи съ узенькими нашитыми прошивками, подъ ними подложена бархатная ленточка; эту отдѣлку можно приготовить слѣдующимъ образомъ: приметанную ленту перекрещиваютъ бѣлымъ шелкомъ. Спереди сдѣланы прорѣзи, въ которыя продернута широкая бархатная лента. Небольшіе отвороты. Стоячій и отложной воротникъ. Бархатный бантъ вмѣсто галстуха Бархатный поясъ застегивается съ боку подъ розетку. Рукава изъ одного куска, вдоль локтя снабжены прошивкой. Очень красива блуза рис. 42, изъ голубоватой шелковой матеріи. Спинка гладкая, спереди положена въ складочки узоромъ; можно отдѣлку нѣсколько измѣнить и зубцами положить кружево или узенькую бах-

ромку. Вставка изъ желтоватаго батиста. Стоячій воротникъ въ складочкахъ и бантъ съ бахромой. Поясъ изъ одной матеріи съ юбкой.

43—47. **Вышитая подушка**, живопись иголкой. Для подушки берется шелковый репсъ соломеннаго цвѣта; она имѣетъ въ длину 39, а въ ширину 29 сантиметровъ. Вышитыя разбросанныя альпійскія фіалки, листья и букетъ этихъ цвѣтовъ служатъ отдѣлкой подушки. Цвѣты вышиваются нѣсколькими нѣжными тѣнями розоваго цвѣта, а листья сѣровато-зелеными и сливковыми тѣнями. Для вышивки употребляется блестящій филофлосъ шелкъ, который превосходно дѣлится на очень тоненькія нити, для этой же цѣли служитъ нашъ шемахинскій шелкъ. Вышивка производится довольно длинными

41—42. Двѣ новѣйшихъ блузы.

43—47. Вышитая подушка.

стежками, одинъ въ другой захватывающими. Задняя сторона подушки дѣлается изъ оливковой шелковой ткани. На углахъ нашиты розетки изъ шелковой матеріи соломеннаго цвѣта, подбитыя зеленымъ. Для этого нужны полосы ткани въ 4½ сентиметра ширины и 50 сентиметровъ длины.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Въ настоящее время появилось много новинокъ. Къ нимъ относятся цвѣтные канты, всякіе круглые и остроконечные зубцы, отдѣлки строчкой и вышивкой. Въ Парижѣ въ большой модѣ отдѣлка изъ двойныхъ суконныхъ полосъ въ ½ вершка ширины; полосы эти прострочены въ нѣсколько разъ и служатъ для каймы, разнаго плетенья и бантовъ въ стилѣ Людовика XV. Ими отдѣлываютъ какъ шелковыя, такъ и шерстяныя платья. Онѣ очень хороши на мелко клѣтчатой тафтѣ или канаусѣ, и берутся подъ тѣнь клѣтокъ темнаго цвѣта.

Для туалетовъ изъ фуляра и сатина либерти, кромѣ свѣтлаго канта, употребляютъ много кружевъ и тюля. Эти шелковыя ткани покрыты самыми крупными старинными узорами, но, не смотря на это, весьма изящны. Представьте себѣ платье изъ шелковой ткани синяго матросскаго цвѣта, покрытой бѣлымъ узоромъ, и отдѣланное чернымъ кружевомъ и бѣлымъ газомъ, изъ котораго на юбкѣ положено широкое плиссе, а на лифѣ вставка и рукава. Лифы-блузы продолжаютъ быть въ модѣ для дома, небольшихъ собраній, театровъ и т. п. Ихъ часто дѣлаютъ изъ тисненаго бархата или шелковой кисеи съ гипюровыми прошивками. Для болѣе жаркаго времени лифа легкихъ батистовыхъ платьевъ будутъ дѣлаться съ косымъ вырѣзомъ спереди, а болѣе нарядные будутъ имѣть такой вырѣзъ спереди и сзади. У вырѣза могутъ быть приколоты тюлевые розетки, банты, бабочки. Очень красивы черныя розетки на свѣтломъ платьѣ. Какъ на особенную новость сезона, можно указать на батистовыя блузы; онѣ отдѣлываются складочками, прошивками, цвѣтными батистовыми полосками. Къ блузамъ много носятъ черныхъ и цвѣтныхъ юбокъ.

Болеро тоже весьма разнообразны. Изъ бѣлаго или цвѣтного пике, съ батистовой рубашечкой и никейной юбкой одного цвѣта съ болеро будетъ самый лѣтній костюмъ. Вообще носятъ много блузъ изъ пике, онѣ отдѣлываются гипюромъ или вышивкой гладью. Къ высокимъ или отложнымъ воротникамъ этихъ блузъ носятъ цвѣтные батистовые галстухи. Болеро или перекрещиваются спереди или совсѣмъ расходятся на блузѣ или вставкѣ. Вмѣсто болеро начинаютъ носить небольшія, подходящаго къ платью цвѣта, суконныя пелерины, покрывающія только плечи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЦВѢТЫ ДЛЯ ШЛЯПЪ

Складъ: Невскій пр., 34.

Р. ЛЮТЕРМАНЪ.

Мастерская: Невскій, 34.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 3048 2—2

При этомъ номерѣ прилагается листъ выкроекъ и оригинальные рисунки для выжиганія по дереву, сост. А. Стрѣльченко.

Раскрашенная картинка Парижскихъ модъ будетъ приложена къ слѣдующему номеру.

Дозволено цензурою. Спб., 13 Мая 1899 г. Типографія Спб. Акц. Общ. печ. дѣла «Издатель». Ковенскій, 14.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ МОДНОМУ ОТДѢЛУ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ № 5 (Май) 1899 г.

МОДНЫЕ ТУАЛЕТЫ.

См. описаніе въ „Парижскихъ Модахъ“ № 5 (Май) 1899 г.

ГЕРМАНСКАЯ
Художественная выставка въ Дрезденѣ 1899 г.
20 Апрѣля—17 Сентября
съ отдѣлами: Лука Кранахъ. — Фарфоръ. — Худож. промышленность.
3066-1.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА.
ПАТОЛОГІЯ ДУШИ.
Популярныя бесѣды д-ра Мориса Флёри. Перев. съ 4 франц. издан. Съ рисунк. Ц. 1 р.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ФАБРИКА ТУАЛЕТНЫХЪ РУМЯНЪ.
VELOUTINE CH. FAŸ
PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЪ
РИСОВАЯ ПУДРА
СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ БИСМУТОМЪ
Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры « VELOUTINE » не снабженныя русской таможенной пломбой должны считаться поддѣлкой.

Зубастыя птицы. Судя по анатомическому строенію черепа современныхъ птицъ, почти несомнѣнно, что зубовъ у птицъ не можетъ быть; но было время, когда у пернатыхъ существовали зубы; конечно, это время отдѣляется отъ насъ цѣлыми тысячелѣтіями.

Въ ту отдаленную эпоху земля имѣла совсѣмъ другой видъ. Гдѣ теперь возвышаются горы, тогда простиралось безбрежное море. Обитатели земли и водъ мало походили на обитателей позднѣйшаго времени. На землѣ жили летающія пресмыкающіяся, извѣстныя подъ названіемъ «летающихъ драконовъ». Въ морѣ жили большія ящерицы, длина которыхъ достигала 25 метровъ. Въ такое время птица появилась впервые. Самая старинная порода птицъ, найденная въ верхнихъ пластахъ земли, есть Archoeopterух,—ея остатки найдены въ Германіи. Эта птица представляетъ особенный интересъ, благодаря разнорѣчивымъ мнѣніямъ, высказаннымъ при опредѣленіи ея вида. Первый экземпляръ Archoeopterих найденъ въ юрскомъ сланцѣ и пріобрѣтенъ англичанами за 17,500 франковъ, а за экземпляръ, находящійся теперь въ Берлинскомъ музеѣ, заплачено 25,000 франковъ. Сначала палеонтологи считали Archoeopterух'а ложнымъ ископаемымъ, одни причисляли его къ птицамъ, другіе къ пресмыкающимся. Въ настоящее время ученые окончательно признали Archoeopterух'а, настоящимъ ископаемымъ, и потому, что обладало перьями, оно причислено къ птицамъ, но къ самому первобытному типу птицъ, представляющихъ переходную ступень отъ пресмыкающагося къ птицѣ.

Въ величинѣ Archoeopterух приближается къ голубю, голова напоминаетъ птичью, но ротъ снабженъ челюстями съ хорошо развитыми зубами; крылья состоятъ какъ-бы изъ четырехъ пальцевъ. Три передніе пальца совершенно свободны, четвертый, задній, представляющій собственно крыло, покрытъ длинными перьями. Передніе три пальца вооружены когтями, позволявшими этому животному лазить по деревьямъ. Скелетъ Archoeopterух'а не пневматиченъ, т.-е. кости его не наполнены воздухомъ, по строенію позвоночникъ похожъ на позвоночникъ рыбы и ящерицъ. Если бы не ясно видимыя перья, покрывающія, кромѣ крыльевъ, также шею и хвостъ этой птицы, Archoeopterух можно было бы отнести къ пресмыкающимся, тѣмъ болѣе, что расположеніе и строеніе его зубовъ сильно напоминаютъ зубы летающихъ пресмыкающихся. Къ сожалѣнію, трудно отвѣтить на вопросъ, пѣли-ли птицы, этой порой, но жизнь ихъ проходила на деревьяхъ, и можно предполагать, что онѣ должны были обладать голосомъ, для того, чтобы сообщаться со своими пернатыми товарищами.

Hesperornis относится къ менѣе древнимъ птицамъ; эта порода, должно полагать, обитала въ мѣловой періодъ въ Сѣверной Америкѣ. Американскій палеонтологъ Маршъ написалъ исторію этой птицы, весьма интересной какъ по своему виду, такъ и съ научной точки зрѣнія. Hesperornis сильно напоминаетъ по своимъ привычкамъ современную гагару и живетъ преимущественно на водѣ. Длина этой птицы, отъ кончика носа до пальцевъ лапъ доходитъ до 2 метровъ, толщина равняется приблизительно одному метру. Удлиненный черепъ заключаетъ мало развитой мозгъ, что приближаетъ птицу къ пресмыкающимся, съ которыми онъ вообще имѣетъ много родственныхъ чертъ. Челюсти снабжены коническими зубами такого устройства и расположенія, какое замѣчается у нѣкоторыхъ древнихъ пресмыкающихся, какъ, напр., у ихтіозавра. Кости скелета такъ же, какъ и у Archoeopterух'а не пневматичны. Позвоночникъ былъ сильно вытянутъ; длинный хвостъ служилъ главнымъ органомъ передвиженія по водѣ. Грудная кость не имѣла ладьеобразнаго выступа, къ которому, какъ извѣстно, бываютъ прикрѣплены мускулы крыльевъ у летающихъ птицъ. Крылья чрезвычайно сокращены и состоятъ только изъ одной сравнительно небольшой кости. Отсутствіе воздушныхъ пустотъ въ костяхъ, ладьеобразнаго выступа въ грудной кости и почти полное сокращеніе крыльевъ дѣлаютъ Hesperornis неспособной летать. А сильное развитіе лапъ и длина хвоста усиливаетъ ея плавательную способность. По строенію своего костяка Hesperornis до нѣкоторой степени напоминаетъ страуса, только съ еще болѣе сокращенными крыльями. Длинная гибкая шея Hesperornis'а, подобная шеѣ лебедя, давала ему возможность погружать глубоко голову и легко вытаскивать изъ воды добычу, которая, попавъ на его острые зубы, никакъ уже не могла ускользнуть. Жизнь этого ископаемаго проходила почти исключительно на водѣ; на сушу оно должно было выходить только для кладки и высиживанія яицъ.

Hesperornis жилъ въ то время, когда не было другихъ ему подобныхъ животныхъ, а вода доставляла ему обильную пищу, которую оспаривать у него, благодаря его огромной величинѣ и силѣ, никто не могъ. При такихъ условіяхъ, онъ могъ-бы еще долго существовать въ своемъ водяномъ царствѣ, если-бы у него не появились сильные враги въ видѣ огромныхъ ящерицъ и въ особенности морскихъ змѣй, составлявшихъ Hesperornis'у большую конкуренцію въ рыбной ловлѣ, которая часто оканчивалась смертью его.

Еще одна птица, обладавшая зубами, но представлявшая полную противоположность предыдущей, жила въ той же мѣстности и въ туже эпоху, какъ и Hesperornis; называется она Ichtyornis. Это очень маленькая птичка, не больше голубя, съ прекрасно развитыми крыльями. Какъ и у Hesperornis'а, у нея очень крѣпкія челюсти, и по расположенію зубовъ онѣ представляютъ характеръ челюсти пресмыкающихся, совершенно незнакомый современнымъ намъ птицамъ. Мозгъ малъ, и позвоночникъ весьма примитивенъ. Про Ichtyornis смѣло можно сказать, что по черепу это — пресмыкающееся, по позвоночнику — рыба, а по остальнымъ частямъ скелета — птица. Такое странное сочетаніе разнородныхъ характеровъ объясняется тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первобытной птицей, у которой однѣ части тѣла, какъ, напр., крылья и лапы, переродились уже въ соотвѣтственныя части тѣла птицъ болѣе поздняго періода, а другія части остались почти безъ перемѣны, какими онѣ были у пресмыкающихся, или еще болѣе у отдаленныхъ предковъ; острые и загнутые зубы Ichtyornis'а, ея большія челюсти указываютъ на то, что птица эта принадлежитъ къ числу хищныхъ, что она питалась главнымъ образомъ рыбою, которую схватывала, летая низко надъ водой. Ichtyornis во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ современную чайку.

Все эти три типа птицъ могутъ показаться аномаліей въ природѣ. Это было бы дѣйствительно такъ, если бы онѣ существовали въ наше время, но, относясь къ далекому прошлому, онѣ указываютъ на интересныя данныя относительно закона измѣняемости видовъ. Если законъ эволюціи вѣренъ, то эти птицы происходятъ отъ пресмыкающихся. Три вида такихъ древнѣйшихъ птицъ служатъ однимъ изъ убѣдительныхъ доказательствъ правильности теоріи измѣняемости видовъ. Подробное изученіе строенія тѣла птицъ, обладающихъ зубами, ясно указываетъ, что эта порода животныхъ явленіе не случайное, что всѣ три вида птицъ сходятся въ одномъ общемъ типѣ, и не надо заходить далеко въ область гипотезъ, чтобы опредѣлить, какимъ образомъ создался этотъ типъ.

Выводы, къ которымъ пришли относительно зубастыхъ птицъ, съ тѣхъ поръ, какъ Маршъ въ семидесятыхъ годахъ открылъ впервый экземпляръ въ Скалистыхъ горахъ, будутъ слѣдующіе. Вся группа зубастыхъ птицъ, названная Odontornithes, отличалась отъ остальныхъ пернатыхъ присутствіемъ въ верхнихъ и нижнихъ челюстяхъ зубовъ. Около 100 экземпляровъ найденныхъ ископаемыхъ птицъ принадлежатъ къ двумъ группамъ, болѣе различающимся между собою, чѣмъ какія-либо изъ современныхъ намъ птицъ. Представители первой группы, названной Odontotormae, отличались зубами, сидѣвшими въ отдѣльныхъ луночкахъ, а представители второй группы, Odontoholcae,—зубами, сидѣвшими въ общей бороздкѣ. Птицы первой группы были небольшихъ размѣровъ, не больше голубя, но съ сильно развитыми крыльями, тогда какъ представители второй группы отличались огромными размѣрами.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи.
Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ—Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ
И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Кареева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. 1. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Въ конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“, С.-Петербургъ, Невскій д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ **А. Михайлова.** Цѣна 1 рубль.

Борьба противъ бугорчатки вездѣ ведется неослабно. Нѣтъ мѣстности, гдѣ бы не принимались всевозможныя мѣры противъ этого неумолимаго бича, подкашивающаго молодыя силы и уносящаго ихъ въ могилу. Въ Берлинѣ долженъ былъ собраться медицинскій конгрессъ по вопросу о борьбѣ съ бугорчаткою. „Лига“, основанная въ Парижѣ противъ этой болѣзни, число жертвъ которой не уменьшается, несмотря на успѣхи бактеріологіи, подъ руководствомъ доктора Арменго, учредила въ шестнадцати округахъ Франціи курсы гигіены и профилактики, какъ средствъ противъ заразныхъ болѣзней вообще и чахотки въ особенности. Къ обширной литературѣ по этому вопросу присоединилась брошюра одного изъ сотрудниковъ журнала „Science pour tous“, въ которой вкратцѣ собраны и изложены наиболѣе выдающіяся статьи, спеціально посвященныя борьбѣ противъ бугорчатки. Нѣкоторыя изъ газетъ приводятъ изъ этой брошюры краткія извлеченія, которыми, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы руководиться. Авторъ брошюры, основываясь на выгодахъ и изслѣдованіяхъ наиболѣ выдающихся авторитетовъ, указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что заразительность чахотки можетъ быть парализована надлежащими профилактическими мѣрами, и вліяніе ея заразныхъ свойствъ совершенно устранится. Главнымъ образомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что зараза передается непосредственно отхаркиваніями больныхъ чахоткою, а также черезъ посредство кушаній. Сметаніе пыли сухою щеткою должно быть безусловно замѣнено чисткою половъ мокрою шваброю. Песочныя плевательницы не должны быть допускаемы, вмѣсто нихъ слѣдуетъ имѣть предназначенные для плеванія сосуды съ растворомъ какого-либо обеззараживающаго вещества. Питье кипяченаго молока предохраняетъ отъ зараженія бугорчаткою. Особенно воспріимчивы къ чахоткѣ: 1) лица, въ семействахъ которыхъ имѣются больные бугорчаткою; 2) люди, организмъ которыхъ ослабленъ недостаточнымъ питаніемъ, умственнымъ или физическимъ переутомленіемъ, а также излишнимъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ; 3) люди, заболѣвающіе корью, коклюшемъ, оспою, а также страдающіе сахарною болѣзнею. Ихъ воспріимчивость къ чахоткѣ продолжается и въ періодъ выздоровленія. Бугорчатка — болѣзнь вполнѣ излечимая, особенно захваченная въ началѣ. Наилучшее ея леченіе — гигіеническое, требующее жизни на вольномъ воздухѣ и провѣриванія комнатъ по ночамъ.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургѣ, Невскій пр., 68—40.

Ростовѣ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

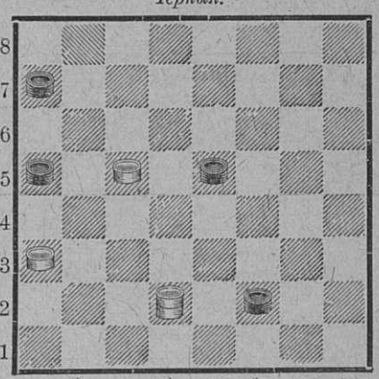
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЭТЮДЫ и КОНЦЫ ПАРТІЙ.

№ 54. И. В. Петрова (въ Костромѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

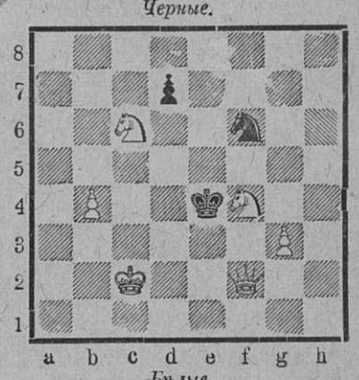
Выигрышъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 117.

С Циммермана (въ Мл. Болеславѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

18-го (30-го) мая въ Лондонѣ начался международный шахматный турниръ. Участвуютъ: Блэкбернъ, Ласкеръ, Ли, Мэзенъ, Тейхманъ, Тинсли — изъ Англіи; Бэрдъ, Пильсбери, Стейницъ. Шовальтеръ — изъ Америки; Мароци, Шлехтеръ — изъ Австро-Венгріи; Конъ—изъ Германіи; Чигоринъ—изъ Россіи; Яновскій—изъ Франціи.

Редакторъ А. К. Шелперъ (А. Михайловъ).

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 22 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ $2^1/_2$ листовъ съ 12 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 28 мая 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 23.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 23-го нумера.

Воскресенье, 6-го Іюня 1899 г.

Статьи:

*** Стихотвореніе М. Лохвицкой. — „Гнѣздышко". Разсказъ А. Федорова. (Продолженіе).— „Ангелъ-хранитель". Стихотвореніе А. А. Лебедева. — „Двѣ любви". Разсказъ А. Каменскаго. „Потеря". Раз. Штеттенгейма.—„Въ жатвенную пору". Разсказъ Я. Аренберга. Пер. со шведскаго М. К. А. — „Слуша-а-а-й!" Повѣсть Матильды Серао. Переводъ Н. Шульгиной. (Окончаніе).— „Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій-псевдонимъ).— Н. Н—ва.— Пушкинскіе дни. Вл. Новоселова. — Хроника. — Разныя извѣстія. — Шашки и шахматы. — Объявленія.

Рисунки:

Встрѣча. Съ карт. А Райляна.—Духовный наставникъ въ Марокко. Съ картины А. Гирша. — Уютный уголокъ. Съ картины Г. Херпфера. — Весенній разливъ р. Сороти около села Михайловскаго.—Сигналъ. Рисунокъ М. Малышева.— Въѣздъ въ Святогорскій монастырь. — Святогорскій монастырь. — Внутренній видъ монастырскаго собора. — Село Тригорское.—Баня въ с. Тригорскомъ. — Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій-псевдонимъ). — Село Михайловское. — Сабля, подаренная гр. Паскевичемъ Пушкину.— Засѣданіе кассаціоннаго суда по дѣлу Дрейфуса.

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

№4711
Рейнская фіалка
Поставщика Двора
Его Императорскаго Величества
Ферд · Мюльгенсъ
Колокольная №4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ н. Рить
Дѣйствительный Свѣжій Запахъ фіалки.
безъ примѣси (мускуса, пачулии проч.)
Модный Парфюмъ Зеликосвѣтскихъ круговъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

Продолжительность человѣческой жизни. Галль Шоолингъ, изъ Брюсселя, недавно напомнилъ старинную ариѳметическую выкладку, дававшую возможность опредѣлить предполагаемую дальнѣйшую продолжительность жизни человѣка, если его возрастъ колеблется между 12 и 90 годами. „Настоящій возрастъ слѣдуетъ вычесть изъ 86, остатокъ раздѣлить на 2, полученное число изобразитъ число лѣтъ, которыя можно еще прожить". Напр., вамъ 50 лѣтъ. Вы желаете узнать, сколько еще лѣтъ вамъ остается жить, вы вычитаете 50 изъ 86, остатокъ 36 дѣлите на 2, и полученная сумма 18 представитъ число лѣтъ, которыя вамъ остается прожить. Это правило изобрѣтено однимъ монахомъ, который въ 1685 году эмигрировалъ изъ Франціи въ Англію, преподавалъ въ Лондонѣ математику, былъ друженъ съ Ньютономъ и былъ членомъ Королевскаго Общества. Процентъ шансовъ жить высчитанъ для всякаго возраста. При рожденіи онъ составляетъ 5 противъ 1, въ 5 лѣтъ 119, въ 10 лѣтъ 512, въ 15 лѣтъ 347, въ 20 лѣтъ 207, въ 25 лѣтъ 156, въ 30 л. 120, въ 35 л. 97, въ 40 л. 78 шансовъ и т. д. Шоолингъ утверждаетъ, что изъ 1,000 человѣкъ 60-лѣтняго возраста доживутъ до 70 лѣтъ 599, 120 до 80 лѣтъ и 17 до 90 лѣтъ. А изъ 1,000 90-лѣтнихъ 4 достигнутъ ста лѣтъ. Средняя дѣйствительность почти согласуется съ этими выкладками. Различіе бываетъ относительно странъ. Въ Испаніи, по наблюденіямъ Олориса, прежде встрѣчалось 25 столѣтнихъ стариковъ на милліонъ обитателей, за послѣднее полустолѣтіе число ихъ увеличивается. Въ Андалузіи это число достигаетъ до 50—60 на милліонъ обитателей.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ. Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»
С.-Петербургъ. Невскій, 68—40.
Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

Новый фортъ Гезелэръ, который нѣмцы возводятъ теперь на франко-германской границѣ, въ окрестностяхъ Меца, по своей крѣпости и неприступности явится однимъ изъ наиболѣе укрѣпленныхъ пунктовъ на европейскомъ материкѣ. Фортъ строится на огромной холмообразной возвышенности Сентъ-Блэзъ и своими исполинскими сооруженіями займетъ сосѣднюю горную возвышенность Котъ-де-Сомми, высота которой достигаетъ 400 метровъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря. На этихъ холмахъ до сихъ поръ сохранились развалины величественныхъ римскихъ сооруженій. Сентъ-Блэзъ превосходитъ своею высотою не только Котъ-де-Сомми, но и Сентъ-Кентэнъ и противоположныя возвышенности Аръ и Анси, у подножія которыхъ величавая рѣка Мозель широко катитъ свои волны. Весь склонъ живописныхъ холмовъ покрытъ прекрасною растительностью, скрывающею древне-римскія водопроводныя сооруженія, обвитыя плющомъ. Отъ сильно-укрѣпленнаго рыцарскаго замка, существовавшаго на вершинѣ Сентъ-Блэза въ началѣ VIII столѣтія, уцѣлѣла только одна стѣна въ 10 саж. высоты, которую предположено срыть до основанія, для возведенія новыхъ верковъ. Видъ съ высоты форпостовъ на окрестность очаровательный, особенно съ дугообразнаго моста, перекинутаго еще римлянами, для сообщенія между Аромъ и Жуи. Подъ мостомъ несется съ бѣшеною быстротою и оглушительнымъ ревомъ рѣка, сжатая въ скалистыхъ берегахъ. На вершину, къ развалинамъ ведутъ нѣсколько тропинокъ и гротовъ, по которымъ пробѣгаютъ горные родники. Въ 100 метрахъ выше деревни Жуи прекращается районъ обработанныхъ полей и болѣе никакихъ жилищъ не попадается. Теперь на этой высотѣ прокладывается горная дорога и строятся бараки для рабочихъ партій, въ большомъ числѣ прибывающихъ уже. На вершинѣ Сентъ-Блэзъ имѣется ротонда, откуда открывается видъ на окрестности; отчетливо видна искусственная дорога, прокладываемая изъ Соважо въ Сентъ-Кентэнъ, виднѣется очаровательный водопадъ, съ шумомъ низвергающійся въ Мозель. Подъ ротонду, въ глубь горы, уходятъ искусственно вырытые и выложенные еще римлянами подземные ходы и корридоры.

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ для волосъ
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ,
уничтожаетъ перхоть и пріятно освѣжаетъ головную кожу.
Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 3022 № 2.

Всемірно - извѣстныя Швейцарскія бритвы фабриканта „Arbenz"
„Le Champion"
Высшаго кач. съ запасными лезвіями и полнымъ ручательствомъ, продаются во всѣхъ первокл. магаз. стальн. изд. Цѣна 3 р., каждое запасное лезвіе 1 р. 3070-1

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
«ИЗДАТЕЛЬ»,
Спб., Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА
„ИЗДАТЕЛЬ".
ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.
МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.
Складъ изданій въ магазинахъ „ИЗДАТЕЛЬ".
С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

„ПОГРОМЪ"
ЭМИЛЯ ЗОЛЯ
Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.
Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе".
Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

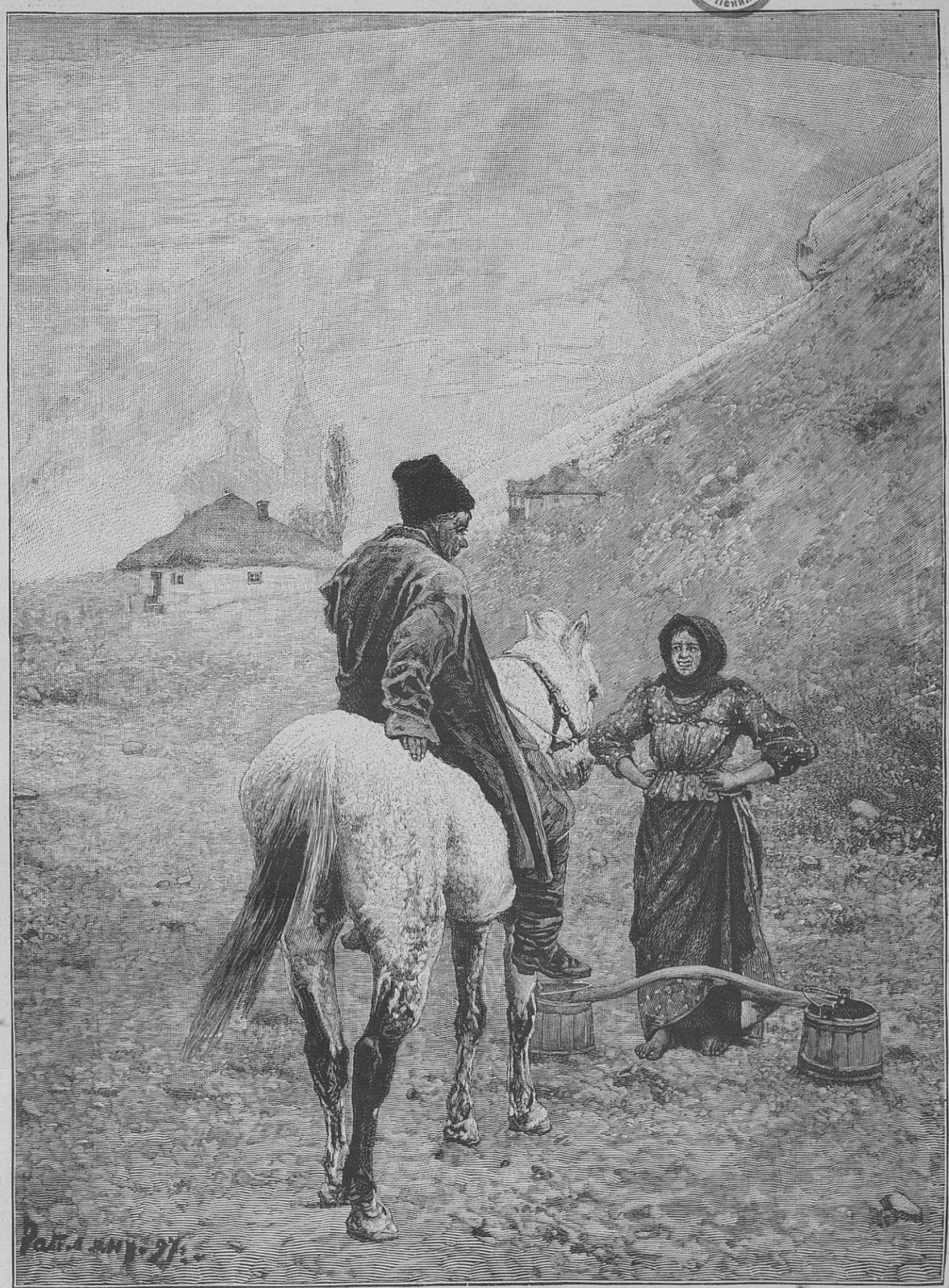
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»
С.-Петербургъ. *Невскій пр. д., № 68—40.*
Ростовъ-на-Дону. *Садовая ул., д. Панченко.*
СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.
ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ
проф. М. Неймайера.
Вышло 30 выпусковъ.
Переводъ (съ разрѣшенія издателей оригинала) съ дополненіями по геологіи Россіи и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ В. В. Ламанскаго и А. П. Нечаева, подъ общею редакціей
заслуж. ордин. проф. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета
А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.
30 выпусковъ (2 тома) въ 100 листовъ большого формата и убористой печати, на веленевой бумагѣ, около 1000 художественныхъ иллюстрацій въ текстѣ, 22 хромолитографіи, 12 рѣзанныхъ на деревѣ картинъ и 4 карты въ краскахъ.—Всѣ рисунки, карты, картины и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ).
Подписная цѣна за всѣ 30 вып. 12 руб. 80 коп.
При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются безплатно по первому требованію.

СЕРІЯ СОЧИНЕНІЙ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.
Открыта подписка на соч.
ЧЕЛОВѢКЪ
проф. І. РАНКЕ.
Переводъ съ дополненіями съ 2-го вновь переработаннаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія Д-ра медицины Берлинскаго университета А. П. Синявскаго подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго.
30 выпусковъ (ок. 90 листовъ большого формата убористой печати) или 2 больш. тома на веленевой бумагѣ, 140 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій.
Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи исполнены лучшими художниками и изготовлены въ Лейпцигѣ Библіографическимъ Институтомъ (Мейеръ). Цѣна за всѣ 30 выпусковъ по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ допускается самая широкая разсрочка (нач. съ 1 р. въ мѣс.). Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 коп. Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованію безплатно.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 23. Воскресенье, 6-го Іюня 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.



Встрѣча. Съ картины художника А. Райляна. Гравировалъ Е. Львовъ.

* *
*

Лучистымъ роемъ несутся мимо
Неуловимыя мгновенія,
Какъ будто счастье недостижимо,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ забвенія.

* * *

Вдали безвѣстно, вдали туманно,
И безотрадно ожиданіе.
Да, я безумна, но постоянна
И въ наслажденьѣ и въ страданіи.

И вновь зову я мой холодъ прежній,
Покой невѣрный, безстрастье ложное,
Чтобъ недоступнѣй, чтобъ безнадежнѣй,
Чтобъ дальше было невозможное.

* * *

Но призракъ свѣтлый, блеснувъ нежданно,
Манитъ такъ властно мечтой таинственной.
Да, я безумна, но постоянна.
Я вѣрю, близкій, я жду, единственный!

М. Лохвицкая.

ГНѢЗДЫШКО.

Разсказъ. (*Продолженіе*).

ОНА у меня отличная хозяйка!—поощрительно потрепавъ свою заботливую супругу по пухлой щекѣ, сказалъ Коникъ, очевидно, цѣнившій это драгоцѣнное въ домашнемъ обиходѣ свойство, наравнѣ со всѣмъ житейскимъ комфортомъ.

Въ установленный часъ мы сѣли за обѣденный столъ.

— А Николай опять къ обѣду не явился? — недовольно спросилъ Коникъ, вмѣсто крахмальныхъ воротничковъ облачившись въ вышитую косоворотку.

— По обыкновенію,—съ кротостью отозвалась супруга.—Онъ шатается гдѣ-нибудь на морѣ съ рыбаками. Тебѣ-бы надо съ нимъ поговорить серьезно; онъ меня совершенно знать не хочетъ и когда я дѣлаю ему какое-нибудь замѣчаніе,—или смѣется, или дѣлаетъ видъ, что не слышитъ его, а мнѣ всѣ эти безпокойства очень вредны.

— Безобразіе! Этому надо положить конецъ. Николай—это мой братъ,—пояснилъ онъ мнѣ:—странный какой-то субъектъ. Недоучка, не захотѣлъ учиться... Много читаетъ, знаетъ языки, но чуждается интеллигентнаго общества и постоянно якшается съ простымъ народомъ. Здѣсь съ рыбаками, съ крестьянами, а въ городѣ такъ прямо по трущобамъ шатается. Сколько я изъ-за него непріятностей перенесъ! Онъ просто компрометируетъ меня.

— А не пьетъ?

— Нѣтъ, пить не пьетъ. Я тутъ при моихъ связяхъ могъ бы ему добыть мѣсто,—такъ не желаетъ. Говоритъ, что его призваніе — литература.

— Да онъ все равно не удержался бы ни на какомъ мѣстѣ,—добавила супруга.—Въ первый же день всѣмъ бы наговорилъ дерзостей.

— Да, да, никакой дисциплины.

— А, можетъ быть, у него, въ самомъ дѣлѣ, дарованіе есть? — спросилъ я.

— Кто его знаетъ! Я, признаться, этимъ не интересовался.

— Да онъ и не сталъ бы намъ своихъ сочиненій читать. Кучеру, кухаркѣ, рыбакамъ,—это дѣло другого рода, а намъ не станетъ,—обиженно добавила супруга, очевидно, сильно недолюбливавшая своего beaufrè'ae.

— А сколько ему лѣтъ?

— Да ужъ не мало. Около двадцати. Придется, вѣрно, рукой махнуть на него и предоставить его самому себѣ.

Подали обѣдъ, и Николай былъ забытъ. Только почтальонъ съ письмомъ на имя Николая напомнилъ немного о немъ во время жаркого.

Обѣдъ, дѣйствительно, отлично рекомендовалъ кулинарныя способности хозяйки, и, усердноугощая меня то тѣмъ, то другимъ кушаньемъ, она такъ усиленно и убѣжденно внушала мнѣ, что все это свѣжее и настоящее: мясо, масло, вино, точно до этого обѣда я питался резиновыми калошами и пилъ синильную кислоту.

Обѣдъ окончился уже подъ вечеръ. Съ запада разлился пылающій загаръ во всѣ стороны неба, постепенно смущаясь и обнимая море золотисто-фіолетовымъ тономъ, отчего парусъ вдали казался лепесткомъ розы. Завечерѣвшіе надъ моремъ облака, тоже слегка порозовѣвшія, блѣдно-алыми столбами отразились въ притаившейся водѣ. Этотъ золотистый загаръ проникалъ и весь воздухъ и листья деревьевъ и сообщалъ всѣмъ предметамъ какой-то воздушный характеръ. Казалось, этимъ золотистымъ тономъ проникались даже звуки, и глаза почти видѣли жидкія золотисто-фіолетовыя звучащія волны, изливавшіяся съ деревенской колокольни.

Ласточки, прилѣпившія свое гнѣздышко на перекладинѣ, поддерживающей потолокъ террасы, прощебетавъ на ближайшемъ деревцѣ свою прощальную короткую пѣсенку, юркнули въ свой крошечный глиняный домикъ.

— Гнѣздышко—въ гнѣздышкѣ,— замѣтилъ мечтательно хозяинъ. — А вотъ и птенчикъ.

Толстая нѣмка-кормилка внесла на террасу ребенка съ опухшимъ отъ сна лицомъ и глазами, удивительно похожаго въ одно и то же время и на отца и на мать. Этотъ ребенокъ служилъ какъ-бы символомъ ихъ согласнаго союза. Широкія самодовольныя улыбки родителей встрѣтили младенца, который, по ихъ словамъ, не смотря на свои 9 мѣсяцевъ, проявлялъ уже необычайныя свойства ума и сердца. Отецъ посадилъ его къ себѣ на колѣни и сталъ покачиваться съ нимъ на качалкѣ, въ то время, какъ мать пошла приготовлять для малютки ванну, причемъ я также приглашенъ былъ присутствовать при купаньи младенца, представлявшемъ, по увѣренію родителей, красивѣйшую картину въ мірѣ.

Послѣ этого, все на той-же террасѣ бесѣдовали о семейномъ счастіи.

— Нашему брату, труженику,—ораторствовалъ въ качалкѣ хозяинъ: необходимо имѣть свое гнѣздышко. Послѣ работы нуженъ здоровый отдыхъ, покой, а гдѣ-же его искать, какъ не въ семьѣ. Семья, это такъ сказать, вѣнецъ жизни для каждаго человѣка, тихая пристань... и все такое...

— Отчего вы не женитесь? — обратилась ко мнѣ хозяйка.

— Да я, признаться, покуда не думалъ объ этомъ.

— Ну, жениться надо тоже умѣючи,— внушительно замѣтилъ хозяинъ.

— Конечно, по любви!—подхватила хозяйка.

— Ну, этого мало. Любовь — любовью, но надо и средства,—продолжалъ онъ.— Семейная жизнь хороша только тогда, когда она обезпечена. По моему, самый идеальный бракъ тотъ, когда мужъ вноситъ въ него свои знанія, свой трудъ, а жена—матеріальныя средства, дабы этотъ трудъ былъ независимъ и не подвергался никакимъ случайностямъ, на которыя мы не имѣемъ никакого права обрекать нашихъ дѣтей. Взаимная склонность, здоровье брачующихся и матеріальная обезпеченность, вотъ три кита, на которыхъ держится семейное благополучіе. А то, пожалуй, женись по любви, да плоди нищихъ.

Жена слушала его, какъ оракула, а онъ раскачивался въ качалкѣ и методично отбивалъ тактъ своей рѣчи—рукой по колѣнкѣ.

— Ну, мы тебя здѣсь женимъ непремѣнно,—не то въ шутку, не то серьезно обратился онъ ко мнѣ.—У насъ здѣсь много вполнѣ обезпеченныхъ невѣстъ изъ хорошихъ фамилій. Жена тебѣ сосватаетъ. Она и на этотъ счетъ мастерица. Въ каждой женщинѣ сидитъ сваха.

— Правда! правда!—воодушевилась та и даже захлопала въ ладоши съ манерой театральной энженю, не особенно, впрочемъ, умѣстной въ виду ея полноты и

особенности ея положенія.—Я вамъ такую невѣсту найду, что вы всю жизнь меня благодарить будете. Манечка Свердлова, Поленька Потатуева, Зоя Курзенкова.

— Да, да... перебилъ ее хозяинъ.—Каждая птица имѣетъ гнѣздо, а человѣку и подавно надлежитъ... Только тогда, когда обзаведешься семьею, начинаешь жить настоящею жизнью... Семья, это — все...

Онъ слегка позѣвнулъ и вяло продолжалъ:

— Кто-то сравнилъ семью съ любимѣйшею книгою, интересной и поучительной, въ которой каждый день—новая занимательная и полезная страница... И это правда... (Онъ снова позѣвнулъ). Меня перестали совсѣмъ занимать какія бы то ни было книги съ тѣхъ поръ, какъ я женился...

Послѣднія слова онъ договорилъ, ужь совсѣмъ не скрывая своихъ зѣвковъ. Супруга тоже вторила ему, однако, закрывая ротъ ладонью.

— Я рано ложусь спать, — объяснилъ онъ свою зѣвоту:—потому что рано уѣзжаю въ городъ. Хотя завтра воскресенье, но таково правило.

И, сдѣлавъ также входившую въ правило прогулку на море и подремавъ тамъ около часа, чета отправилась въ свое гнѣздышко на покой, предоставивъ мнѣ свободно, какъ дома, распоряжаться своимъ временемъ.

* * *

Мнѣ стало скучно. Ничего не жаль, ни за что не обидно, а именно скучно. Это была послѣдняя улыбка моей юности, и она погасла...

Скука вызвала въ душѣ моей какое-то гнетущее ощущеніе пустоты. Такое ощущеніе, вѣроятно, бываетъ у человѣка, который послѣ долгихъ странствованій возвращается назадъ, чтобы освѣжиться у покинутаго имъ источника, и вдругъ видитъ, что источникъ высохъ и превратился въ маленькую, мутную лужу стоячей воды, которая воображаетъ себя всеобъемлющимъ небомъ, единственно потому, что клочекъ этого неба отражается и въ ней.

Въ этомъ тоскливо гнетущемъ состояніи, я сошелъ на морской берегъ и пошелъ по песку, куда глаза глядятъ.

Ночь была неподвижная и тоскливо-безмолвная. Все небо покрылось тучами, и, порой, изъ-за нихъ на мгновеніе вырывалась луна, точно плѣнница, окруженная мрачными духами, которые тотчасъ же настигали и снова хватали ее въ молчаливой борьбѣ и, казалось, хотѣли раздавить. Море молчало, но, порой, когда луна вырывалась изъ плѣна, оно пріобрѣтало необычайный видъ: казалось, что надъ черными безднами тамъ скользятъ какіе-то блѣдные духи и то исчезаютъ, то появляются.

Мнѣ какъ-то невольно становилось жутко, какъ будто бы такая же борьба поднималась и во мнѣ.

Вдругъ, я увидѣлъ слѣва отъ себя впереди, между двухъ невысокихъ скалъ подъ высокимъ и почти отвѣснымъ обрывомъ – огонекъ и около него три фигуры въ разныхъ позахъ. Я направился къ нимъ и увидѣлъ старика и двухъ молодыхъ парней, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ сравнительно чище своихъ товарищей.

Очевидно, этотъ третій что-то разсказывалъ рыбакамъ, обернувшись спиной къ огню, надъ которымъ висѣлъ котелокъ съ ухой, и устремивъ глаза на море. Лица слушателей, поочередно помѣшивавшихъ уху, обращенныя къ огню, были внимательно сосредоточены и не особенно привѣтливо обратились ко мнѣ, когда замѣтившій меня разсказчикъ умолкъ.

Жидкій костеръ горѣлъ неровнымъ пламенемъ, и тѣни отъ двухъ фигуръ прыгали по отвѣсной стѣнѣ обрыва и по рэбрамъ скалъ.

— Добрый вечеръ.

— Спасибо, — отвѣтили два голоса.

Разсказчикъ слегка поднялся на локтѣ, и на меня взглянула пара сосредоточенныхъ умныхъ глазъ, въ которыхъ двумя огненными точками блеснулъ огонь костра.

„Это, навѣрное, Николай“, — рѣшилъ я мысленно, и мнѣ почему-то захотѣлось познакомиться съ этимъ юношей.

— Можно присѣсть?

— Садитесь, — отвѣтилъ другой парень. — Ну, досказывай, Николай.

— Пэслѣ, — отвѣтилъ тотъ.

— Вы не братъ Лощилова? — обратился я къ разсказчику.

— Братъ. А вы его гость?

— Да.

Мы познакомились.

— Что же это вы въ одиночествѣ гуляете? — съ насмѣшливой улыбкой обратился ко мнѣ Николай. — Видно, „Коникъ“ даже для пріятеля, котораго десять лѣтъ не видалъ, правилъ на нарушаетъ?

— Да, онъ пошелъ спать.

— Въ гнѣздышко...— все такъ же насмѣшливо продолжалъ Николай. Не человѣкъ, а правило... Гм... А вы почему узнали, что я братъ Лощилова? — помолчавъ спросилъ онъ.

— За обѣдомъ упоминали о васъ.

— То-есть, иначе сказать, аттестовали вамъ дуэтомъ. Воображаю, какое вы славное представленіе обо мнѣ вынесли послѣ этой аттестаціи. Ну, да это, положимъ, мнѣ все равно. Я на-дняхъ избавляю ихъ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ и отъ своей особы.

— Вы хотите уѣхать отъ нихъ?

— Да, ухожу. Я бы давно ушелъ, да моря жалко было.

— Куда же вы уходите?

— Куда глаза глядятъ. Странствовать. Надоѣло ужь. Видѣть не могу этого птичьяго счастія и самодовольства. Просто на душѣ отъ него тошно становится. А имъ желательно, чтобы я ими восхищался и благоговѣлъ передъ ними. Они и васъ-то для этого, вѣрно, пригласили, потому что безъ восторга со стороны все какъ будто не полно это счастіе-то.

— Мнѣ кажется, вы немного сгущаете краски? — слабо возразилъ я, съ цѣлью вызвать юношу на еще большую откровенность. — Семья для трудящагося человѣка необходима... Это, такъ сказать, вѣнецъ жизни...

— Ха-ха-ха! — перебилъ онъ меня искреннимъ смѣхомъ. — А ужь я думалъ сначала, что вы это серьезно. Значитъ, онъ вамъ ужь напѣлъ объ этомъ.. И съ книгой сравнивалъ семью... Ха-ха-ха... Труженикъ! Комедіантъ труда, а не труженикъ... Поѣздить въ городъ нѣсколько часовъ съ визитами, посплетничаетъ, пошарлатанитъ, — вотъ и весь трудъ.

— Развѣ вы не вѣрите въ медицину?

— Я не могу не вѣрить въ то, чего не знаю, точно такъ же, какъ онъ не можетъ вѣрить въ нее, потому что тоже не знаетъ. Сколько вотъ я его знаю, онъ ни одной книги въ руки не взялъ... Ни медицинской, никакой...

— А я его не зналъ такимъ.

— Узнаете, если поживете... Да нѣтъ, вѣроятно, не выдержите и тоже скоро сбѣжите.

— Почему вы думаете?

— Да потому, что вы, очевидно, другого поля ягода. Я немножко людей знаю и по глазамъ вижу ихъ характеръ, съ юношеской самоувѣренностью закончилъ онъ.

— Вы, кажется, литературой занимаетесь?

— А они и объ этомъ сообщили вамъ? Занимаюсь.

— Беллетристикой?

— Беллетристикой.

— Печатались гдѣ-нибудь?

— Покуда еще нигдѣ.

— Почему?

— Да должно быть, потому, что еще не выучился писать какъ слѣдуетъ. Послалъ было въ Петербургъ одинъ разсказъ, да вернули. Находятъ, что слишкомъ ужь грубо-реально.

— А вы съ этимъ согласны?

— Да, пожалуй... Однако, просили еще что-нибудь прислать. Я послалъ второй. Да что-то долго не отвѣчаютъ. Должно быть, рукой махнули.

Я вспомнилъ о письмѣ, полученномъ на его имя во время обѣда, и сообщилъ ему объ этомъ.

Онъ такъ и встрепенулся и вскочилъ на ноги.

— Что же вы прежде объ этомъ не сказали? А не знаете, куда это письмо положили?

— Кажется, Кондратій велѣлъ его прислугѣ снести въ вашу комнату.

— Ну, значитъ, я сейчасъ бѣгу туда, — взволнованно воскликнулъ онъ.

— А уха-то какъ же?!

— Сію минуту возвращусь... До свиданья, братцы, покуда.

И онъ бѣгомъ бросился куда-то между скалъ наверхъ по отвѣсной почти тропинкѣ.

На другой день я проснулся довольно поздно, уже не къ утреннему чаю, а почти къ завтраку.

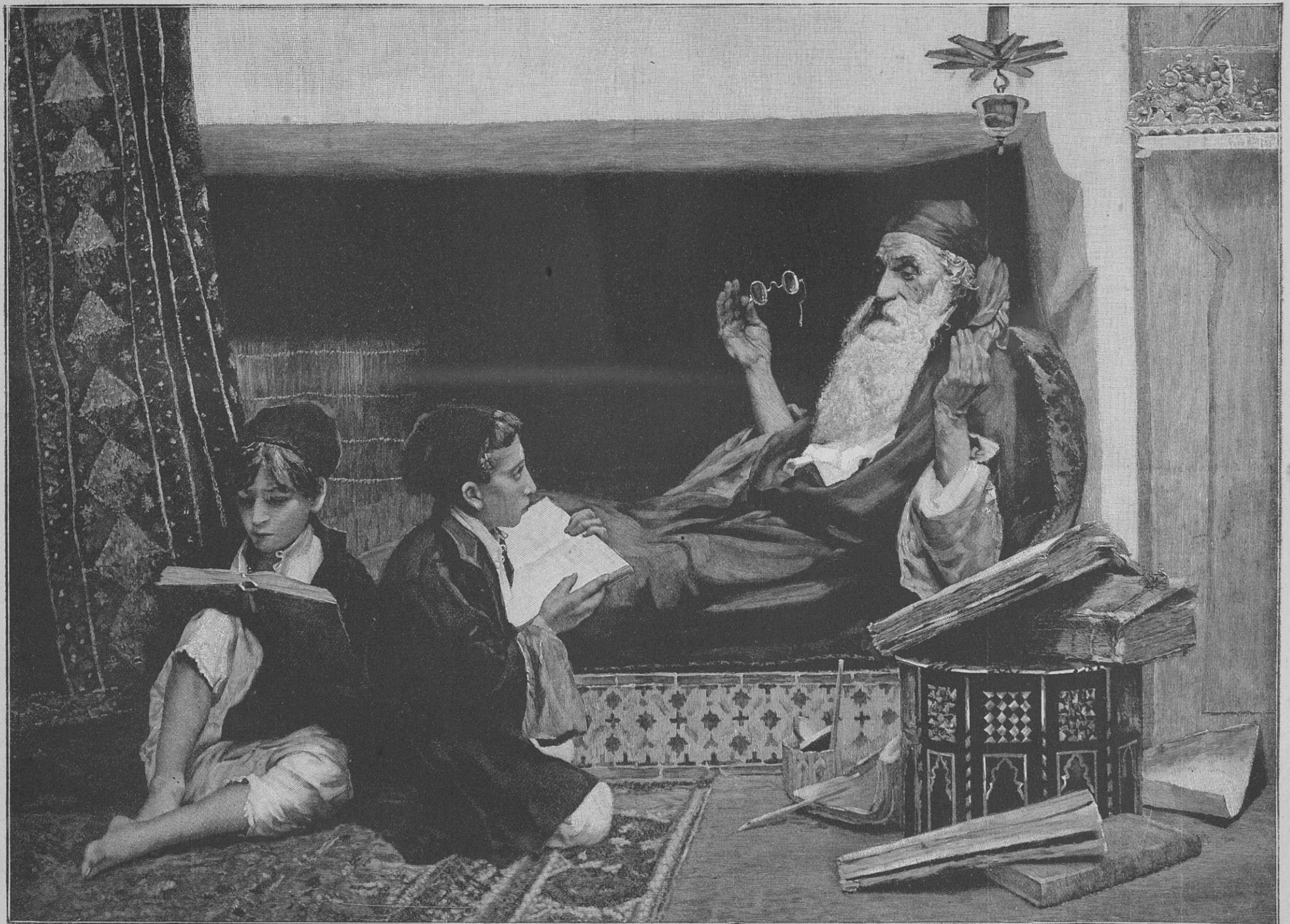
Лощиловъ предложилъ мнѣ пойти искупаться, и я съ удовольствіемъ принялъ это продложеніе, такъ какъ утро было душное и вчерашнія тучи собирались въ грозу.

Когда они вернулись на террасу, тамъ уже былъ накрытъ столъ на три прибора, и ихъ ожидала хозяйка, по случаю праздника одѣтая въ особенно красивый кружевной капотъ.

— Знаешь, Николай уходитъ отъ насъ,— пожавъ плечами, обратилась она къ мужу, поздоровавшись со мною.

(*Окончаніе будетъ*).

А. Федоровъ.



Духовный наставникъ въ Морокко. Съ картины художника А. Гирша.

Уютный уголокъ. Съ картины художника К. Херпфера.

АНГЕЛЪ-ХРАНИТЕЛЬ.

Милостью Бога, рукою всесильною,
Правды священною ризой одѣтъ,
Намъ благодатью ниспосланъ обильною
Ангелъ-хранитель отъ бѣдъ.

* * *

Часто идемъ мы стезею неправою,
Часто, забывши и совѣсть и грѣхъ,
Тщимся достигнуть, душою лукавою
Блага земного, неправыхъ утѣхъ.

* * *

Ангела Божьяго слову стрегущему
Внять мы тогда не хотимъ;
Руку, отъ бездны грѣховной влекущую,
Злобно отринуть спѣшимъ.

* * *

Взоръ его свѣтлый тогда затуманится,
Ликъ онъ закроетъ крыломъ.
Гибнетъ его соименникъ — обманется, —
Ангелъ поникнетъ челомъ.

Тщетно покоя ждать тѣлу разбитому;
Душу труднѣй излечить, —
Только раскаяньемъ чистымъ омытому
Сердцу тоску облегчить.

* * *

Сами себѣ изъ живого терновника
Скорбный вѣнецъ мы плетемъ,
Сами, хоть въ братьяхъ мы видимъ виновника,
Горькой неправдой живемъ.

* * *

Кто-же направитъ стопы, такъ невѣрныя,
Правду освѣтитъ въ умѣ,
Вложитъ совѣты нелицемѣрные,
Совѣсть пробудитъ во тьмѣ?

* * *

Кто успокоитъ страданіе жгучее,
Свѣтлой надежды дастъ день,
Вѣрой исполнитъ намъ сердце кипучее?
Мрака разгонитъ кто тѣнь?

Ангелъ-хранитель! Данъ милостью сильною,
Ризою правды одѣтъ,
Онъ, благодатью исполненъ обильною,
Онъ охранитъ насъ отъ бѣдъ.

А. А. Лебедевъ.

ДВѢ ЛЮБВИ.

Повѣсть.

I.

Студентъ - математикъ Денисовъ, стойный и красивый блондинъ лѣтъ двадцати, лежалъ на кровати въ своей петербургской комнатѣ, темнымъ осеннимъ вечеромъ 189* г. и съ тоскою припоминалъ два послѣднихъ мѣсяца своей жизни.

Въ началѣ сентября онъ выѣхалъ изъ города К. Онъ ясно помнитъ моментъ, когда пароходъ, увозившій его вверхъ по Волгѣ, медленно отходилъ отъ пристани. Было темно—часовъ двѣнадцать ночи. Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Денисовъ стоялъ на палубѣ и смотрѣлъ на берегъ, на которомъ остались его родные и дѣвушка, которую онъ любилъ первою юношескою любовью. Онъ былъ въ смятеніи. Ему казалось, будто онъ чего-то не успѣлъ сдѣлать, чего-то не досказалъ, и ему страстно хотѣлось еще разъ, хоть на мгновенье, увидѣть родныхъ и „ее“. Мысль, что онъ потерялъ ихъ изъ виду и что этого уже нельзя поправить, физическою болью сдавила его сердце. Пароходъ шумѣлъ колесами, огни города быстро убѣгали вдаль, пассажиры расходились по каютамъ. Мимо Денисова прошелъ матросъ въ синей рубахѣ и одну за другой потушилъ всѣ электрическія лампочки. Студента охватила темнота, а съ нею какъ бы увеличилась и свѣжесть ночи. Онъ отвернулъ воротникъ пальто и обошелъ кругомъ палубы. Онъ остановился на кормѣ у перилъ и простоялъ около часу въ какомъ-то испугѣ. Онъ все еще не сознавалъ, что случилось, и ему казалось страннымъ, что вотъ онъ стоитъ, не двигается, а его прежняя жизнь какъ-будто отходитъ отъ него вмѣстѣ съ роднымъ берегомъ.

Весь слѣдующій день онъ бродилъ по пароходу и никакъ не могъ примириться съ разлукой. Знакомыхъ не нашлось, читать не хотѣлось, и Денисовъ сѣлъ за письмо къ „ней“. Мысли путались. Студентъ думалъ, что напишетъ много, но тоска оказалась неопредѣленной и тупой, неподдающейся описанію. Денисовъ бросилъ перо...

Потомъ незамѣтно спустился вечеръ — тихій, свѣжій и ясный, полный грустной поэзіи. Волга чуть-чуть рябила, берега были далеко, вода казалась съ одной стороны свѣтло-сѣрой, съ металлическимъ отблескомъ, а съ другой — синеватой и темной, какъ чернила. Тишина, ровное движеніе парохода, водная гладь, поблѣднѣвшее небо наполнили сердце Денисова томительными думами. Скоро совсѣмъ стемнѣло, и пароходъ пошелъ близко-близко отъ нагорнаго берега. Плавно поднялась луна. Денисовъ сидѣлъ на кормѣ и чувствовалъ, какъ его мысли становятся расплывчатыми и застываютъ. Отраженіе берега рѣзкой и темной полосой двигалось по водѣ которая казалась въ этомъ мѣстѣ мрачною бездной. Отъ грустнаго взора Денисова убѣгали блестящія, зеленоватыя волны. Денисову чудилось, что вмѣстѣ съ ними отъ него убѣгаетъ и его счастье... Потомъ воспоминанія—сладкія и трогательныя, тоскливыя и радостныя—цѣлымъ роемъ пронеслись въ мозгу, мучительною болью отозвались въ груди...

Дня черезъ два, въ вагонѣ, ему стало еще тяжелѣе; онъ ощущалъ почти физическое страданіе; его душа металась и стонала. Часто, уже ночью, Денисовъ выходилъ на платформу. Мимо него въ смутныхъ и призрачныхъ очертаніяхъ проносились ели и сосны. Поѣздъ то мчался по дну оврага, покрытаго высокой травой, то мгновенно оказывался на вершинѣ крутой насыпи, и деревья видѣлись уже далеко внизу, точно провалились. Цѣлые снопы крупныхъ и красныхъ искръ неслись надъ полотномъ, между буферами. Небо было чистое и глубокое. Серебряный мѣсяцъ отдѣлялся и плылъ навстрѣчу. Пахло цвѣтами, землею и хвоей. Денисовъ прислушивался къ правильному постукиванію колесъ, которыя, казалось, пѣли ему грустную пѣсню разлуки съ любимой дѣвушкой. Засыпая, онъ слышалъ ея голосъ, а въ монотонномъ шумѣ поѣзда ему чудились ея рыданія...

II.

Въ Петербургѣ онъ зажилъ, какъ и въ первый годъ, тоскливою, безцвѣтною и однообразною жизнью. Каждый день одно и то же. Утромъ, часовъ въ восемь, онъ поднимался съ постели и встрѣчалъ мрачный и унылый сѣверный день; одѣвался, пилъ чай, проходилъ узкимъ неосвѣщеннымъ корридоромъ мимо комнатъ хозяевъ, отворялъ дверь на лѣстницу и, спускаясь на площадку четвертаго этажа, нервно и досадливо прислушивался къ звонкому громыханію дверного крючка, ударявшагося о стѣну...

Почти каждый день шелъ дождь. Фонтанка, мутно-свинцоваго цвѣта, была застлана туманною мглою, похожей на дымъ. Люди шли озабоченные, сердитые, толкались съ какою-то злобою. Каждый точно ненавидѣлъ все окружающее. Ни одного веселаго лица, ни одной улыбки. Дальше — Невскій, съ его ожесточающимъ движеніемъ и шумомъ — настоящій базаръ показной и раздутой роскоши, еще болѣе холодные люди, тупое и сытое выраженіе на лицахъ, праздное любопытство безъ капли участія.

До трехъ часовъ лекціи — безчисленное множество формулъ, выводовъ, длинныхъ и утомительныхъ выкладокъ, поражавшихъ Денисова своею искусственностью.

Возвращался студентъ уже въ сумеркахъ, поднимался по лѣстницѣ, съ тоскою заглядывая наверхъ уже со второй площадки. Передохнувъ у двери, Денисовъ входилъ въ квартиру, ощупью пробирался по корридору въ свою комнату, привычнымъ движеніемъ находилъ на столѣ свѣчу и спички и, засвѣтивъ огонь, стучалъ на кухню, чтобы дали обѣдать. Обѣдалъ поспѣшно, хотя торопиться было некуда. Потомъ ложился на кровать и предавался думамъ. Часовъ въ шесть, хозяйскій сынъ-гимназистъ начиналъ монотонныя и затасканныя упражненія на роялѣ, тянувшія Денисова за душу.

Часто, когда одиночество особенно томило студента, онъ подходилъ къ окну, отворялъ форточку и, вдыхая холодный воздухъ, всматривался вдаль... Его окно случайно выходило не на дворъ, а на полъ-Петербурга. Онъ видѣлъ мрачные силуэты огромныхъ домовъ, угрюмыхъ, какъ могильные памятники, ряды освѣщенныхъ фабричныхъ оконъ. Неподалеку смутно рисовалось большое зданіе съ единственнымъ освѣщеннымъ окномъ нижняго этажа. Одинокое окно, полузакрытое занавѣской, который разъ напоминало Денисову о родномъ домѣ, и ему становилось невыносимо грустно. А тамъ какой-нибудь фабричный или паровозный свистокъ—отдаленный, протяжный, мучительно замирающій, схватывалъ за сердце, и Денисовъ нерѣдко рыдалъ, прижавшись лицомъ къ холодному стеклу.

У него былъ всего одинъ близкій человѣкъ въ Петербургѣ, другъ и товарищъ по гимназіи, студентъ-технологъ Будаговъ. У Будагова Денисовъ сошелся еще съ другимъ технологомъ Хачатрянцемъ. Оба по временамъ заходили къ нему, но не надолго, такъ какъ были завалены работой.

III.

Денисову было душно въ Петербургѣ. Онъ чувствовалъ себя задавленнымъ этимъ тяжелымъ каменнымъ колоссомъ. Его не тянуло на улицу, и онъ цѣлыми часами лежалъ на кровати, вспоминая милую провинцію, добрыхъ и отзывчивыхъ людей, съ ихъ причудами и странностями, но мягкимъ и участливымъ сердцемъ.

Чаще всего Денисовъ думалъ о „ней“. Онъ хорошо помнитъ послѣднее лѣто, роскошные, тихіе вечера и теплыя, лунныя ночи, когда онъ впервые подружился съ своей Наташей. Они сидѣли на скамейкѣ у тополей на берегу рѣчки. Денисовъ держалъ Наташу за руку, а она потихоньку, понуривъ голову, высказывалась. Она говорила о „немъ“, о другомъ студентѣ, товарищѣ Денисова, Плетневѣ. Этотъ красавецъ брюнетъ съ жгучимъ и пристальнымъ взоромъ овладѣлъ ея помыслами, затуманилъ ея голову, покорилъ ея сердце. Она не скрывалась передъ Денисовымъ. Ей нужно было кому-нибудь высказаться. Что она можетъ сдѣлать, когда она потеряла надъ собою волю, бредитъ Плетневымъ, когда его неумолимый образъ стоитъ передъ ней и манитъ за собою?

Наташа говорила это наивнымъ тономъ, почти со слезами и совсѣмъ по-дѣтски топала ножкой. А Денисовъ не столько слушалъ ее, сколько любовался ею.

— Скажите, Николай Петровичъ, развѣ это грѣшно, что я полюбила? — спрашивала Наташа.

И Денисовъ невольно отвѣчалъ:

— Да развѣ можетъ быть грѣшно то, что вы думаете или дѣлаете?!

— Нѣтъ, я сама чувствую, что это не хорошо... Я все думаю только о немъ одномъ, ночей не сплю... если бы вы знали, что я испытываю! Знаете, — прибавила она шепотомъ, — онъ недавно... поцѣловалъ меня, а потомъ обнялъ и сказалъ, что увезетъ меня въ Москву.

Тогда Денисовъ понялъ, чего добивается этотъ безшабашный повѣса, настоящій цыганъ, еще въ гимназіи слывшій за Донъ-Жуана. И онъ со всею пылкостью, съ юношескимъ увлеченіемъ, сталъ разочаровывать Наташу, открывать ей глаза на Плетнева.

Уже въ тотъ вечеръ ея лицо покрыла задумчивость, и она, прощаясь съ Денисовымъ у калитки своего дома, проговорила:

— Я вижу, что вы мнѣ много правды сказали, Николай Петровичъ! Я многаго не понимала, о многомъ не подумала... Спасибо вамъ.

Ему не хотѣлось выпускать ея руку изъ своей. Онъ смотрѣлъ въ ея большіе синіе глаза, въ которыхъ отражалась луна, на ея легкое бѣлое платье, чувствовалъ ея близость, а отъ рѣки несло свѣжестью, пряднымъ ароматомъ тополя и лоха... Съ этой минуты онъ полюбилъ Наташу, и черезъ недѣлю, на площадкѣ старой деревянной церкви, она рыдала у него на груди, онъ цѣловалъ ее и тоже плакалъ, какъ ребенокъ, отъ счастья. Они поклялись другъ другу въ вѣчной любви.

Потомъ начались свиданія и вечернія прогулки вдвоемъ на Волгу. Денисовъ видитъ, какъ сейчасъ, эту розовую даль, съ едва замѣтной линіей горизонта, видитъ прозрачныя неподвижно повисшія въ воздухѣ облачка, верхушки мачтъ, густую и темную зелень порта, сочную и блестящую траву, спокойный прудъ, съ маленькими корабликами посрединѣ.

Скоро начались и страданія. Прошли первыя жаркія клятвы, нескончаемые разговоры о любви, наступили сомнѣнія. И Денисовъ уже тогда начиналъ понимать, какою цѣной пріобрѣтается счастіе.

И теперь, въ Петербургѣ, вдали отъ Наташи, его терзали эти сомнѣнія, это отсутствіе глубокой вѣры, малодушіе и нетерпѣніе. Онъ убѣждалъ себя, успокоивалъ, какъ могъ, смѣялся надъ собою, и все же страдалъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ онъ писалъ Наташѣ:

„Дорогой другъ мой, ангелъ мой! Если бы ты знала, какъ болитъ мое сердце и какая это ноющая, тоскливая боль. Умъ воспаленъ отъ постоянной мысли о тебѣ, душно какъ-то, тяжесть налегла какая-то, думать ни о чемъ не хочется, а передъ глазами — ты. Я вижу твое лицо, и мнѣ становится стыдно за себя, я гадокъ себѣ... Помоги мнѣ, родная! Я все не могу привыкнуть къ разлукѣ и теряю вѣру въ наше будущее. Наташа! вѣдь я знаю, какъ ты любишь меня, вѣдь мы клялись... и все-таки... Помнишь, я говорилъ тебѣ, что даже самое огромное счастье—въ то же время величайшая пытка. И я переживаю эту пытку. Зачѣмъ мы не вмѣстѣ? Ты не знаешь, какъ ты дорога мнѣ. Ты не чувствуешь, что сейчасъ со мной. Я готовъ вотъ этотъ листокъ бумаги, на которомъ пишу, изорвать въ клочки, волосы рвать на себѣ, убить себя. Господи! какъ ужасны муки невѣрія!..

„Наташа моя, Наташа! Я помню, какъ ты смотрѣла на меня въ такія минуты своими свѣтлыми ангельскими глазами. Мнѣ легко становилось, я все забывалъ и вѣрилъ. Я видѣлъ свою низость, я чувствовалъ твой укоръ. Слушай, напиши мнѣ письмо, любишь-ли ты, вѣришь-ли, спокойна, ручаешься? Приласкай меня, дурака, пожалѣй меня, запрети мнѣ мучиться...“

Денисовъ скоро получилъ отвѣтъ — встревоженный, страстный, умоляющій. Онъ вновь пережилъ приливъ свѣжаго, беззавѣтнаго и чистаго счастья.

Потомъ опять начались страданія.

Денисовъ ходилъ къ Будагову, читалъ ему Наташины письма, нылъ, почти плакалъ.

— Послушай, — говорилъ технологъ,— вѣдь она любитъ тебя, какого тебѣ еще рожна нужно?

— Не могу я, Степанъ, не могу — силъ нѣтъ. Когда я съ ней былъ, мнѣ лучше было. А теперь я не вижу ея, почти не представляю себѣ, не знаю каждаго ея шага... Ты понимаешь, самая разлука мнѣ кажется какимъ-то обманомъ... измѣной. Мнѣ нужна постоянная близость.

— Такъ поѣзжай въ К. и женись на ней.

— Ты хорошо знаешь, Степанъ, что это пока невозможно.

— Эхъ ты! кляча! — шутилъ Будаговъ.

— Да, тебѣ легко говорить — ты никогда не былъ влюбленъ.

(*Продолженіе будетъ*).

А. Каменскій.

ПОТЕРЯ.

Разсказъ.

Г-НЪ Глясманъ — членъ одного изъ знаменитѣйшихъ столичныхъ клубовъ. Онъ любитъ играть и находитъ, какъ самъ выражается, каждый день накрытый зеленый столъ. Онъ богатый человѣкъ, и игра пріятно возбуждаетъ его. Между членами его очень цѣнятъ, такъ какъ онъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Члены клуба рѣдко бываютъ хорошо настроены, такъ какъ большею частію они проигрываютъ. Кто теряетъ — тотъ разстраивается, а кто выигрываетъ—не хочетъ

выдавать себя хорошимъ расположеніемъ духа. Эта сдержанность присуща выигрывающимъ, такъ какъ они знаютъ, что своимъ хорошимъ настроеніемъ еще болѣе разстроятъ проигравшихъ. Игра — тягость, когда не выигрываютъ.

Г-нъ Глясманнъ играетъ высоко. То-есть, онъ играетъ такъ только въ глазахъ тѣхъ, средства которыхъ позволяютъ скромныя ставки. Про нихъ говорятъ, что, если они рискуютъ монетою въ 20 марокъ, они играютъ такъ-же высоко, какъ г-нъ Глясманнъ, когда онъ ставитъ тысячу. И это правда, даже если онъ рисковалъ еще больше. Г-нъ Глясманнъ нисколько не мѣнялся въ лицѣ, когда терялъ свои большія ставки и оставлялъ клубъ безъ слова жалобы, когда проигрывалъ сумму, о которой говорили, что на нее можно было прожить цѣлую недѣлю семейству ремесленника. Г-нъ Глясманнъ не радуется черезчуръ, когда онъ выигрываетъ, и не слишкомъ сердится, когда проигрываетъ. Ни большой выигрышъ, ни такой же проигрышъ ничего не измѣняютъ въ его настроеніи. Онъ играетъ каждый день, такъ какъ игра сдѣлалась его привычкой, и говоритъ самъ себѣ: „что я выигралъ сегодня, то завтра могу проиграть, а мой сегодняшній проигрышъ могу вознаградить завтрашнымъ выигрышемъ“.

Было уже поздно, когда онъ оставилъ сегодня клубъ. На улицахъ почти начался день.

Одинъ изъ друзей г-на Глясманна провожалъ его до извозчика.

— Сегодня ты удивительно разстроенъ, Глясманнъ, сказалъ его спутникъ. — Ты много проигралъ?

— Я совсѣмъ доволенъ, отвѣчалъ г-нъ Глясманнъ, приходя снова въ хорошее настроеніе. — Могло бы быть хуже. Это баккара не взлюбило меня съ нѣкотораго времени; послѣдніе разы стоили мнѣ сегодня отъ десяти до пятнадцати тысячъ марокъ. Не знаю точно, можетъ быть, и больше.

— Это кругленькая сумма, я желалъ бы имѣть ее, сказалъ другъ.

— Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ г-нъ Глясманнъ,—но этотъ проигрышъ не разстраиваетъ меня. Не хватало только, чтобы разстраиваться изъ-за этого. Вовсе нѣтъ. Тогда мнѣ нечего было бы и играть больше, потому что въ послѣднее время меня преслѣдуетъ неудача, это не очень хорошо. Я не разсчитываю на счастье. Нѣтъ, милый другъ, если я дѣйствительно разстроенъ, то отъ другой причины.

— Могу я ее узнать?

— Я все думаю объ одной непріятной вещи. Представь себѣ: я потерялъ одинъ талеръ, не знаю самъ, гдѣ и какъ. Я точно знаю, что вчера онъ былъ у меня въ портмонэ, а сегодня утромъ его уже тамъ не было. Значитъ, я его потерялъ, но я спрашиваю себя, какъ можно потерять изъ портмонэ талеръ? Я все думаю объ этомъ и не могу ни къ чему придти.

Другъ засмѣялся.

— Ты потерялъ его, Глясманнъ; это же просто. Какъ и гдѣ ты его потерялъ, это совершенно безразлично. Его нѣтъ болѣе, и раздумывать объ этомъ ничтожномъ происшествіи не стоитъ труда. Я думалъ, Богъ знаетъ, что ты мнѣ сообщишь. Ну, спокойной ночи и желаю тебѣ увидѣть во снѣ что-нибудь пріятное о потерянномъ талерѣ, напримѣръ, какъ бѣдный человѣкъ, поднявшій его, хоть разъ поѣлъ досыта, какъ слѣдуетъ, и благословилъ потерявшаго. Хорошій сонъ! Доброй ночи!

Г-нъ Глясманнъ закрылъ дверцу кареты. Мысль о талерѣ не покидала его. Онъ запустилъ машинально большой и указательный пальцы въ карманъ своего жилета, какъ будто тамъ долженъ былъ находиться талеръ, такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе класть иногда туда серебряныя монеты. Но въ теченіе дня онъ, по крайней мѣрѣ, около двадцати разъ щупалъ тамъ, и ничего не находилъ, кромѣ зубочистки.

Въ головѣ у него постоянно вертѣлось:

„Наконецъ, это становится ужасно непріятно“!

Передъ сномъ онъ прочиталъ еще вечерній листокъ. „Слишкомъ глупо!“ вскричалъ онъ, бросая его. Но эти недружелюбныя слова не относились къ какой-нибудь телеграммѣ. Это была потеря талера, которую г-нъ Глясманнъ считалъ слишкомъ глупою.

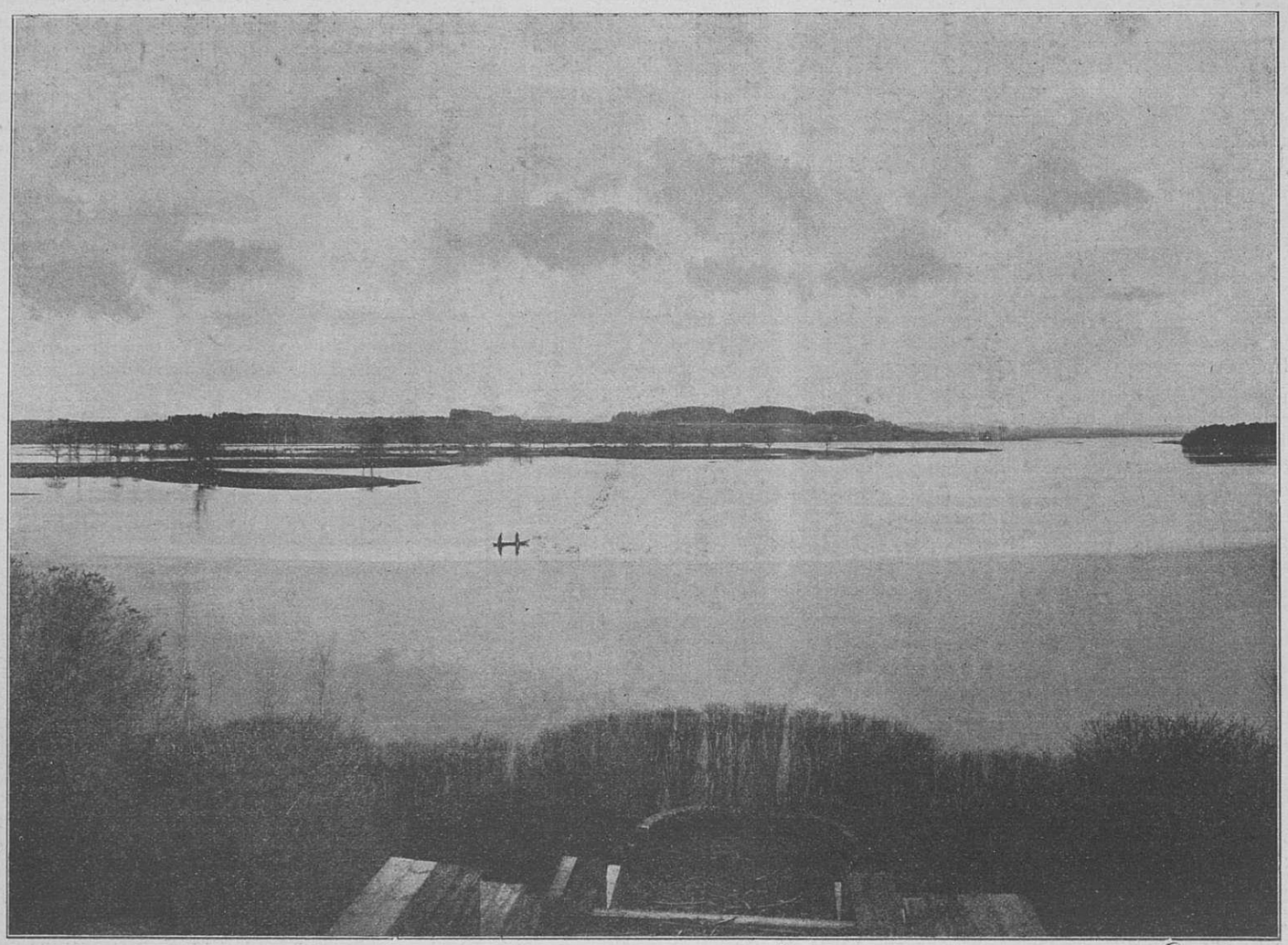
На другое утро за завтракомъ онъ молчаливо сидѣлъ противъ своей жены, которая вдругъ спросила его:

— Тебѣ чего-то не хватаетъ?

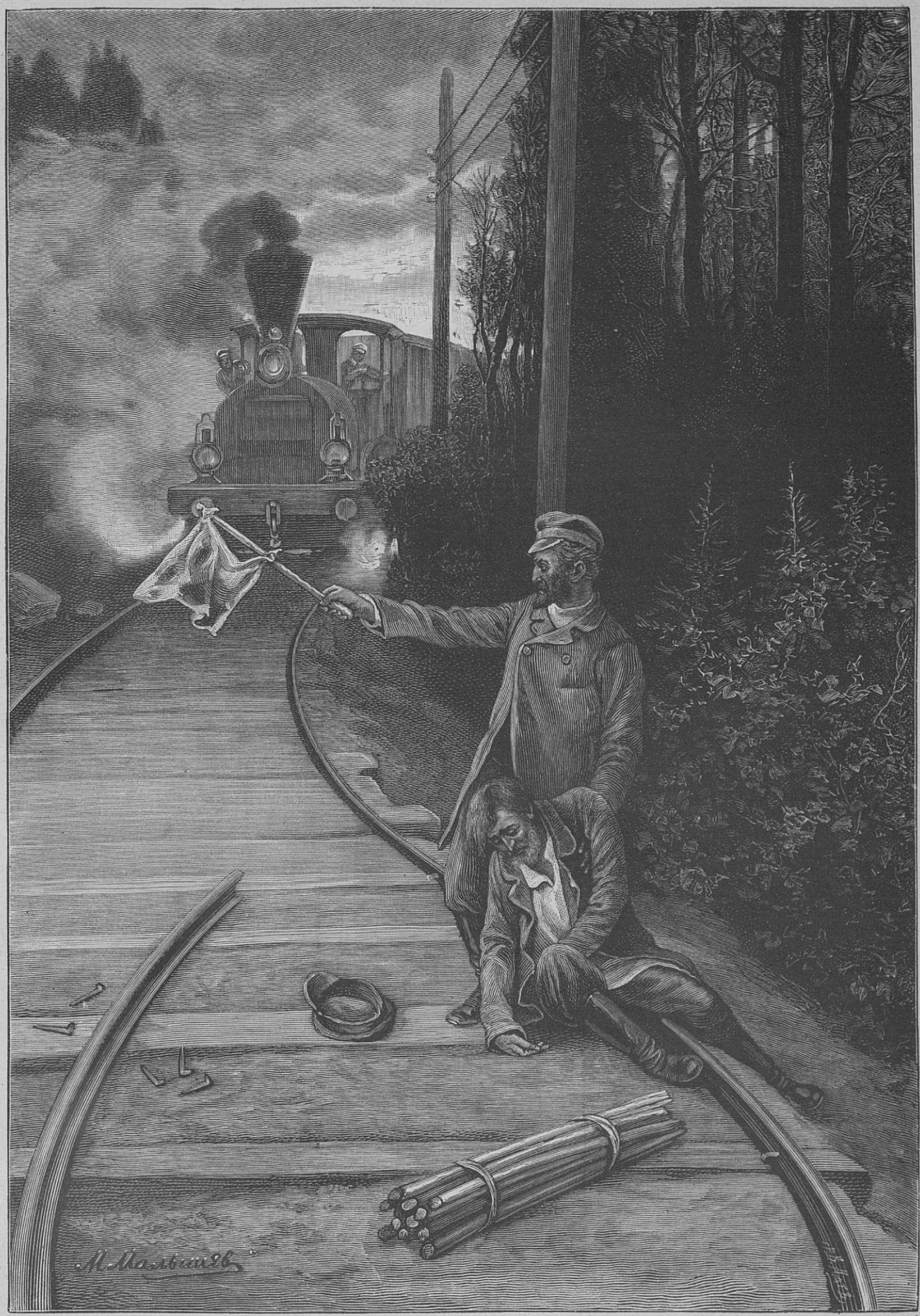
— Да, сказалъ онъ, „талера“.

Жена засмѣялась.

— Подумай только, дитя мое, продолжалъ г-нъ Глясманнъ,—я точно знаю, что третья-



Весенній разливъ р. Сороти около села Михайловскаго.



Сигналъ. Рисунокъ художника М. Малышева. Гравировалъ В. Адтъ.

го дня у меня въ портмонэ былъ талеръ. Я вижу еще, какъ онъ лежитъ тамъ. И вчера, да, вчера онъ пропалъ. Я потерялъ его. Гдѣ? какъ? Этого никогда еще не случалось со мной. Что ты на это скажешь?

— Ничего, отвѣчала, снова смѣясь, жена. Нѣтъ, — такъ нѣтъ, и сожалѣніемъ ничего не вернешь, добавила она въ заключеніе.

— Ты такъ только говоришь, сказалъ г-нъ Гляcманнъ. Пауза. Потомъ вдругъ, точно осѣненный новою мыслью, онъ спрашиваетъ: нашъ лакей и горничная — честные люди?

— Но! вскричала г-жа Гляcманнъ, выражая этимъ, что своимъ вопросомъ супругъ подозрѣваетъ двѣ личности, которыя она считаетъ безусловно честными.

— Нужно же спросить, сказалъ, смягчаясь, г-нъ Гляcманнъ.—Это слишкомъ загадочно, какимъ образомъ могъ исчезнуть талеръ. Что я его потерялъ—это очевидно, но какъ? Изъ портмонэ? Но я не играю же на улицѣ съ своимъ портмонэ. Талера нѣтъ, это доводитъ меня до отчаянія!

— Перестань ребячиться, старина! засмѣялась опять хозяйка.—Примирись съ тяжелой потерей и будь впередъ осторожнѣе съ твоими деньгами; тогда такое горе не будетъ смущать тебя больше!—Этими ободряющими словами закончился ихъ разговоръ.

Въ тотъ же вечеръ, или, вѣрнѣе, съ наступленіемъ слѣдующаго утра г-нъ Гляcманнъ опять спускался по лѣстницѣ клуба въ сопровожденіи своего друга. Онъ тихо насвистывалъ выходную пѣсню Лолы изъ „Кавалеріи“.

— Ты въ хорошемъ настроеніи, сказалъ ему другъ.—Это меня радуетъ. Сегодня тебѣ удалось лучше, чѣмъ вчера?

— Мнѣ — и лучше удалось! вскричалъ г-нъ Гляcманнъ:—этого, какъ извѣстно, не бываетъ.

— Ты опять проигралъ?

— Конечно, но немного. Я еще дешево отдѣлался. Когда я потерялъ около трехъ тысячъ марокъ, я счелъ себя удовлетвореннымъ, радуясь, что проигралъ не больше и оставилъ игру. Ты видишь, я сдѣлался скромнымъ въ проигрышахъ. Когда я теряю нѣсколько тысячъ, я благодарю моихъ партнеровъ за доставленное удовольствіе и предоставляю мое мѣсто другому, желающему попытать счастья.

— Очень благоразумно, отвѣчалъ другъ.

— Но ты хочешь, знать, заключилъ г-нъ Гляcманнъ, когда они дошли до кареты,—почему я такъ доволенъ. Я вѣдь разсказывалъ тебѣ вчера о талерѣ, который я считалъ потеряннымъ и который въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней вертѣлся у меня въ головѣ, какъ мельничное колесо.

— Что же, сказалъ другъ,—развѣ этотъ талеръ все еще не можетъ успокоиться?

— Къ моей великой радости, эта темная исторія разъяснилась. Когда сегодня вечеромъ я хотѣлъ выходить, мой лакей принесъ мнѣ талеръ, который былъ въ карманѣ моего жилета. Я былъ изумленъ.

— Въ какомъ жилетѣ? спрашиваю я его.

На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что, чистя мои платья, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя пуговицы на жилетѣ, который я носилъ, не плотно держались, и поэтому положилъ мнѣ другой черный жилетъ. И только сейчасъ дѣвушка, починяя, нашла талеръ. Ты не можешь себѣ представить, какъ это обрадовало меня.

— Конечно, нѣтъ, возразилъ другъ.

— Но ты согласишься, сказалъ г-нъ Гляcманнъ,—что въ высшей степени непріятно потерять изъ кармана талеръ, о которомъ знаешь, что онъ у тебя былъ. Талеръ есть и останется талеромъ, за который можно получить что-нибудь болѣе полезное, чѣмъ сознаніе, что потерялъ его. Въ этомъ долженъ ты сознаться, такъ какъ вообще ты не обращаешься легкомысленно съ деньгами. Я, по крайней, мѣрѣ очень радъ, что не потерялъ талеръ. Спокойной ночи!

— Спокойный ночи!

И, довольный, г-нъ Гляcманнъ поѣхалъ домой, не зная точно, проигралъ онъ сегодня въ клубѣ больше или меньше трехъ тысячъ марокъ. **Штетингера.**

ВЪ ЖАТВЕННУЮ ПОРУ.

Разсказъ **Я. Аренберга.** (Переводъ со шведскаго **М. К. А.**).

До слѣдующей почтовой станціи оставалось еще двѣ версты. Небо пасмурно, дождь льетъ, какъ изъ ведра, молніи сверкаютъ на горизонтѣ.

На бѣду переднее колесо все время соскакивало съ оси и держалось только тогда, когда кучеръ ставилъ на нее ногу. При такой обстановкѣ путешествіе было не особенно пріятно, тѣмъ болѣе, что я проѣхалъ въ этотъ день около пятидесяти верстъ.

Я обратился къ моему возницѣ:

— Слушай-ка, голубчикъ, намъ, кажется, ничего больше не остается, какъ поискать себѣ ночлега. Не знаешь ли гдѣ нибудь по близости двора?

Сію же минуту мы свернули на отвратительнѣйшій проселокъ, ведущій къ одинокому двору. На сѣромъ небѣ выдѣлялся силуэтъ рѣзного конька крыши. Къ немалому моему удивленію, я замѣтилъ свѣтъ сквозь маленькія, полузавѣшанныя окна. Крестьяне и приморскіе жители, живущіе въ болѣе тѣсномъ общеніи съ природой, чѣмъ прочіе классы, сильнѣе подвергаются ея вліянію.

Кто больше нашего финскаго крестьянина спитъ зимой? Но это только реакція, потому что лѣтомъ онъ почти не знаетъ сна, работая какъ никто другой.

Онъ ложится съ солнцемъ, съ солнцемъ же и встаетъ, если не проводитъ короткія сѣверныя лѣтнія ночи въ танцахъ или на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Если же въ разгаръ его дѣятельности выпадетъ дождливый день, какъ сегодня, онъ тотчасъ дѣлается такимъ же сонливымъ, какъ и зимой.

Я вполнѣ разсчитывалъ найти хозяевъ погруженными въ глубокій сонъ, но, къ удивленію, увидѣлъ всю семью за столомъ при слабомъ свѣтѣ сальной свѣчи.

— Добрый вечеръ, добрые люди! Не можетъ ли промокшій, усталый путникъ переночевать у васъ? спросилъ я.

Хозяинъ торжественно поднялся и указалъ на уголъ избы. Теперь только я замѣтилъ, что въ той сторонѣ на постели лежалъ старикъ въ агоніи. Длинные сѣдые волосы взбиты, грудь тяжело подымалась, издавая хрипѣнье, каждый вздохъ раздавался по всей комнатѣ и доказывалъ, съ какимъ трудомъ умирающій боролся за жизнь.

— Это мой отецъ, сказалъ шепотомъ крестьянинъ, когда я вопросительно взглянулъ на постель,—ему уже за восемьдесятъ лѣтъ. Пасторъ только что уѣхалъ; отецъ причастился, и теперь ему больше ничего не остается, какъ умереть.

— Что же съ нимъ, обращались ли вы къ врачу?

— Онъ умираетъ отъ старости, заговорила хозяйка, симпатичная женщина лѣтъ сорока. Мы хотѣли обратиться къ доктору, но отецъ и слышать не хочетъ, разсердился; вы бы только посмотрѣли, какой онъ рѣзкій и сердитый!—Этого еще не доставало, — говоритъ.—Поможетъ ли докторъ, когда вѣкъ свой изжилъ и теперь пора умирать. — А вѣдь такъ-то совсѣмъ не хворалъ. Еще въ Вальпургіевъ день самъ дрова кололъ и все лѣто ухаживалъ за табакомъ, посаженнымъ за конюшней. А тутъ вотъ вдругъ свалился—ну и конецъ. Господи, кто бы могъ недѣлю тому назадъ объ этомъ подумать! Да вѣдь это ужь всегда такъ: по утру не знаешь, что вечеръ принесетъ! со вздохомъ продолжала хозяйка.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ ужь придется въ другомъ мѣстѣ искать ночлегъ. Не укажете ли, гдѣ, добрые люди?

— Непогода усиливается, прошептала женщина.—Господи, помилуй, что за молнія и какой ударъ грома, вся изба дрожитъ. Вамъ невозможно ѣхать сегодня дальше. Войдите въ другую комнату, по ту сторону сѣней, тамъ вы найдете себѣ мѣсто. Въ комнатѣ чисто и соломы туда натаскали на случай, если бы старикъ умеръ въ ночь.

— Катри! позвалъ умирающій необыкновенно громкимъ, хотя дрожащимъ голосомъ. Всѣ вздрогнули, а хозяйка быстро подошла къ свекру, подала ему синюю чашку съ кофе и поправила подушки.

— Катри, заговорилъ старикъ, съ трудомъ произнося слова,—если завтра рано утромъ погода прояснится—такъ свозите овесъ вы всѣ—слышишь ты—всѣ.

— Хорошо, батюшка, не безпокойся, ужь мы свеземъ овесъ.

Наступила полнѣйшая тишина.

Старикъ, казалось, впалъ въ дремоту или въ обморокъ, а, можетъ, то была и смерть. Я пошелъ въ лѣтнюю избу, устроенную, по финскому обычаю, по другую сторону холодныхъ сѣней, раздѣлся и легъ на приготовленную для покойника солому.

Тишина, одиночество, моя странная постель, непосредственная близость смерти, поминутный блескъ молній, освѣщавшій всю комнату, а затѣмъ страшные раскаты грома, все это привело меня въ такое настроеніе, что, не смотря на всю усталость, я не могъ сомкнуть глазъ. Совершенно ненужныя, безсвязныя, причудливыя мысли бродили у меня въ головѣ, вызывая воспоминанія, одно мучительнѣе другого. Отвязаться отъ нихъ я былъ не въ силахъ. Въ очагѣ вспыхивали угли отъ порывовъ вѣтра.

Въ потухающихъ угольяхъ мнѣ чудилась угасавшая жизнь. Наконецъ, я впалъ въ тяжелое забытье, прерываемое мучительными снами. Мнѣ снилось, будто покойникъ пришелъ и проситъ уступить приготовленное для него на соломѣ мѣсто, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то невидимая сила не давала мнѣ подняться. Покойникъ становился все настойчивѣе, онъ просилъ, требовалъ и, наконецъ, началъ бороться со мной изъ-за мѣста. Въ этотъ моментъ я проснулся весь въ поту, но довольный, что отдѣлался отъ навязчиваго старика. Солнце, не показывавшееся уже цѣлую недѣлю, свѣтило

мнѣ прямо въ глаза и предвѣщало чудный осенній день.

У очага стоялъ крестьянинъ, окруженный семьей. Всѣ казались озабоченными.

— Хоть бы Господь въ эту ночь его прибралъ!—говорила женщина.

— Такъ-то такъ, да на то ужь Его, Господня, воля. Нельзя же оставить теперь старика одного. Слушай, Павелъ: ты бы могъ при немъ остаться.

— Нѣтъ, не останусь! говорилъ послѣдній, стараясь подавить слезы,— какъ вдругъ да онъ и въ самомъ дѣлѣ умретъ въ это время, тогда... нѣтъ, ни за что не останусь! Хозяева удалились изъ комнаты.

Я съ горестью полумалъ о неблагодарности спорящихъ о томъ, кому остаться у старика отца, чтобъ оказать ему послѣднюю нѣжную заботу, закрыть усталые глаза. Я вышелъ. Вся семья уже была въ полномъ сборѣ, чтобы покинуть домъ на нѣсколько дней. Берестовая котомка, бутыль молока, топоръ, вилы—все было на мѣстѣ.

— Вы собираетесь оставить старика одного на нѣсколько дней? спросилъ я и не получилъ никакого отвѣта. По праву высшаго сословія вмѣшиваться въ дѣла низшаго, я продолжалъ съ возмущеніемъ: — вѣдь это же безсердечно! Какъ вы можете своего собственнаго отца бросить умирать, какъ какую-нибудь собаку. Призовите хоть посторонняго человѣка, чтобъ тотъ за нимъ присмотрѣлъ!

Должно быть, я слишкомъ громко произнесъ послѣднія слова или же слухъ старика сталъ слишкомъ тонкимъ и напряженнымъ, съ кровати послышался дрожащій голосъ:

— Не надо... не стоитъ... не надо... скоро умру.

Хозяева колебались. Казалось, умирающій угадалъ ихъ мысли. Собравъ послѣднія силы, старикъ поднялся на кровати, упираясь на дрожащія руки. Холодный утренній свѣтъ падалъ на желтое, морщинистое лицо и на волосатую, тяжело подымающуюся грудь. Онъ раскрылъ ввалившійся ротъ, желая что-то сказать, но ни одинъ звукъ не прорывался сквозь засохшія, тонкія губы.

Гнѣвъ, какъ облако, скользнулъ по изрытому морщинами лицу, дрожащей рукой онъ указалъ на дверь и, съ трудомъ прошипѣвъ: „вонъ!“ опять повалился на постель.

Мы сію же минуту вышли, испуганные и взволнованные. У дверей хозяйка еще немного прислушалась, потомъ стали запрягать лошадей. Никто не говорилъ ни слова. Павелъ, заспанный, сидѣлъ на ступенькѣ и грызъ корку хлѣба, хозяйка собирала провизію, хозяинъ выводилъ изъ конюшни лошадь. Мы выѣхали изъ дому молча, какъ на похоронахъ. Мѣстность была пустынная, мрачная. Дорога шла по непривлекательной лощинѣ. Было раннее утро, туманъ клубился надъ болотомъ по обѣ стороны дороги. На сухихъ мѣстахъ, гдѣ стояли тощія сосны, раздавался заунывный, металлическій стукъ дятла. Собравшіяся стаями къ осеннему отлету утки, испуганныя грохотомъ телѣги, прятались въ осокѣ, тростникѣ и кустахъ ивы, оставляя за собой длинныя блестящія струйки на зеркальной поверхности воды.

Ни одного человѣческаго жилья на дорогѣ. Когда мы подъѣхали къ почтовой станціи, хозяйка, высморкавшись и обдергивая концы платка и передника, проговорила, какъ бы извиняясь:

— Видите ли, сударь, дѣдушка у насъ такой горячій, а поля теперь наша собственность, мы выкупили ихъ этой весной у казны.

— А кому принадлежитъ дворъ, который сейчасъ оставили?

— Онъ составляетъ донаціонную *) собственность землевладѣльца, и намъ остается только мѣсяцъ быть его крестьянами, проговорила она, и лицо ея засіяло.

— Свекръ служилъ все одному господину, хотѣлось ему выслужить свою собственность, да такъ и не дождался бѣдняга. Весной, какъ мы выкупали это мѣстечко, онъ настаивалъ на тщательной его обработкѣ.

На станціи я попрощался съ крестьянами и поѣхалъ дальше.

Четыре дня спустя я проѣзжалъ по той же дорогѣ. Старикъ умеръ. Я встрѣтилъ похоронное шествіе.

СЛУША-А-А-Й!

Повѣсть **Матильды Серао**. Переводъ **Н. Шульгиной**. (*Окончаніе*).

РАЗЪ она рѣшился даже обратиться прямо къ доктору Караччіоло. Тотъ не зналъ его, такъ какъ Рокко не былъ ни разу боленъ. Онъ загородилъ ему вдругъ дорогу, остановившись передъ нимъ, и спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Какъ здоровье piccerillo, что съ нимъ?

— Вамъ-то что за дѣло? возразилъ грубоватый докторъ, обращавшійся съ каторжниками довольно рѣзко..

— Я былъ его слугой, господинъ докторъ, я былъ слугой этого piccerillo.

Тонъ его былъ такой смиренный, и онъ говорилъ съ такой любовью, что докторъ, не привыкшій видѣть такія чувства у арестантовъ, внимательно посмотрѣлъ на него.

— Такъ себѣ, проворчалъ онъ, ни хорошо, ни худо.

— Но вы вылечите его? Вылечите его, господинъ докторъ, вы должны его вылечить.

— Будемъ надѣяться! отвѣчалъ докторъ и пошелъ дальше.

Но главнымъ огорченіемъ Рокко была невозможность попасть въ домъ. Каждый разъ, что Сесиль подходила къ окну, онъ показывался на углу площади, подходилъ къ дому, снявъ свой красный колпакъ, и кланялся ей нѣсколько разъ, бросая на нее такіе умоляющіе взгдяды, что могъ бы растрогать самаго равнодушнаго человѣка. Но она его не замѣчала, или не хотѣла замѣтить, поворачивалась въ другую сторону и отходила поспѣшно отъ окна, точно кто-нибудь звалъ ее въ комнатѣ. Тогда онъ отходилъ немножко подальше и принимался опять ходить взадъ и впередъ, какъ часовой.

Разъ, на третій или на четвертый день болѣзни ребенка, Рокко не утерпѣлъ и вошелъ въ контору управленія. Отецъ, блѣдный и взволнованный, писалъ что-то. Онъ не поднялъ головы и продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Рокко стоялъ съ колпакомъ въ рукѣ, ожидая, пока директоръ кончитъ писать.

Тотъ замѣтилъ, наконецъ, присутствіе каторжника и положилъ перо.

— Это вы, Рокко Траетта?.. Что вамъ нужно?

— Я хотѣлъ бы знать, ваше превосходительство, прошепталъ онъ: мнѣ хотѣлось-бы узнать, какъ здоровье piccerillo?

— Бѣдный ребенокъ очень боленъ! сказалъ тронутый отецъ. Онъ очень страдаетъ.

— О! Мадонна! Мадонна! воскликнулъ Рокко.

— Но бѣдняжка такъ терпѣливъ! прибавилъ отецъ тихо, какъ бы говоря про себя. Мать не отходитъ отъ него ни на минуту.

— Скоро-ли онъ поправится? Когда онъ выздоровѣетъ?

— Черезъ нѣсколько дней... пройдетъ еще много дней.

Каторжникъ стоялъ молча, въ смущеньи. Видно было, что онъ хочетъ еще что-то сказать, но не смѣетъ. Наконецъ, придя именно за этимъ, онъ рѣшился высказаться:

— Маленькій баринъ никого не желаетъ видѣть?

Капитанъ поднялъ глаза на преступника и увидѣлъ на лицѣ его странное выраженіе желанія и смертельной муки.

— Нѣтъ! по крайней мѣрѣ не теперь, отвѣчалъ онъ, подумавъ съ минуту. Онъ слишкомъ впечатлителенъ, и присутствіе постороннихъ утомляетъ его.

— Но прежде онъ любилъ играть со мной.

— Да, я знаю. Но видѣть его еще нельзя; докторъ запретилъ допускать къ нему постороннихъ... нужно подождать.

— Подождать... такъ... завтра или послѣзавтра...

— Нѣтъ, гораздо дольше, ему необходимо полное спокойствіе, замѣтилъ капитанъ въ отвѣтъ на настойчивость каторжника.

Опять наступило молчаніе. Рокко вертѣлъ въ рукахъ свой колпакъ, не рѣшаясь уйти: ему нужно было еще что-то сказать. Капитана стѣсняла настойчивость арестанта; онъ не зналъ, что ему отвѣчать. Ему хотѣлось бы, чтобы тотъ ушелъ, но у него недоставало духу отослать его; поэтому, онъ наклонилъ голову и принялся опять писать.

— Ваше превосходительство такъ добры, что удостоиваете меня отвѣтами. Не будете ли вы такъ милостивы, чтобы исполнить одну мою просьбу?

— Какую? спросилъ капитанъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

*) Донаціонныя владѣнія въ восточной Финляндіи тѣ, которыя русскіе владѣтели дарили въ прошломъ столѣтіи своимъ фаворитамъ. Эти послѣдніе старались ввести въ нихъ крѣпостное право, но ихъ намѣренія разбились объ упрямыя головы кареловъ.

Въѣздъ въ Святогорскій монастырь.

— Передайте отъ меня поклонъ маленькому барину. Скажите, что ему посылаетъ поклонъ Векша. Вы не забудете, ваше превосходительство, Векша.

— Хорошо, хорошо, я передамъ ему, будьте покойны.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, прошепталъ каторжникъ.

Онъ вышелъ медленно, сопровождаемый взглядомъ капитана. Проживъ шесть или семь лѣтъ въ этой каторжной тюрьмѣ, шесть или семь лѣтъ, Жигли привыкъ ко всему. Его не удивляло уже ни чрезмѣрное звѣрство, ни чрезмѣрное смиреніе, ни что дурное, ни что хорошее; но человѣческая натура проявлялась иногда въ такихъ странныхъ формахъ, что онъ невольно становился втупикъ. Этотъ Рокко Траетта, который изъ-за какого-то денежнаго вопроса убилъ однимъ ударомъ отца, этотъ отцеубійца, бывшій въ теченіе десяти минутъ кровожаднымъ дикимъ звѣремъ, дрожалъ отъ нѣжности и боли, говоря о больномъ ребенкѣ... Капитанъ зналъ, какъ зналъ все происходившее на островѣ, — что каторжникъ снуетъ постоянно около его дома, точно душа въ чистилищѣ. Что онъ не обращаетъ вниманія на замѣчанія и переноситъ безъ ропота всѣ наказанія, лишь бы ему оставаться на улицѣ; зналъ также, что разъ онъ даже убѣжалъ ночью изъ камеры, находящейся подъ самымъ строгимъ надзоромъ, и простоялъ до зари подъ освѣщеннымъ слабымъ свѣтомъ балкономъ. Старшій надзиратель подалъ даже по этому поводу отдѣльный рапортъ директору, чтобы предупредить его, что Рокко Траетта замышляетъ, должно быть, бѣжать. Но директоръ отвѣтилъ, что онъ не предполагаетъ у него такого рода замысла, и даже предложилъ относиться къ этому арестанту съ нѣкоторой снисходительностью.

Не смотря на то, что капитанъ чувствовалъ искреннюю жалость къ этому несчастному, онъ не смѣлъ заговорить о немъ съ женой. Ея суровое отчаяніе нагоняло на него какую-то робость. Она повторяла нѣсколько разъ въ его присутствіи, что „не хочетъ видѣть у себя въ домѣ каторжниковъ!“ Что ей до того, что человѣкъ, пожираемый безпокойствомъ, бродитъ подъ окнами, справляться со страхомъ о состояніи больного и умираетъ отъ желанія его видѣть. Человѣкъ этотъ принадлежитъ къ числу презрѣнныхъ людей, виновныхъ, по ея мнѣнію, въ болѣзни ея ребенка, противъ которыхъ она рѣшилась защищать его съ неутомимой энергіей. Она не видѣла ничего, кромѣ своего ребенка; въ глубинѣ ея материнскаго сердца не было мѣста ничему, кромѣ ея материнской жалости.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней состояніе больного то улучшалось, то ухудшалось. Воспаленіе уменьшалось, краснота пропала, жаръ спадалъ, снятыя кисточкой бѣлыя перепонки не появлялись больше, словомъ, все походило на начало выздоровленія. Тогда въ сердцѣ матери зарождалась надежда. Между тѣмъ лицо доктора не прояснялось, оставаясь попрежнему серьезнымъ; леченіе велось все такъ же упорно, и прижиганія дѣлались по два, по три раза въ день. И вдругъ происходило ухудшеніе: появлялись большіе прыщи, лихорадочный жаръ дѣлался сильнѣе прежняго. Ребенокъ сходилъ съ ума, хватаясь своими маленькими ручками за горло, и начиналъ задыхаться, съ безсмысленными глазами. Мать теряла въ одну минуту свою надежду, точно обезумѣвъ отъ неожиданной, быстрой перемѣны. Совершенно растерявшись, она звала его машинально по имени, брала его на руки, чтобы успокоить, но не имѣла уже силы напѣвать свою пѣсенку. Всѣ эти неожиданные переходы отъ радости къ горю, отъ надежды къ отчаянію довели ее почти до потери разсудка.

Отецъ, также мучаясь смертельной тревогой, проводилъ большую часть ночей безъ сна, ходя изъ угла въ уголъ по своей осиротѣвшей спальнѣ. Время отъ времени онъ подходилъ на цыпочкахъ къ двери въ дѣтскую, отворялъ ее тихонко и бросалъ взглядъ на кроватку Маріо. Иногда, увидѣвъ мать и сына на минуту задремавшими, онъ отходилъ отъ двери, немножко успокоившись. Но чаще всего онъ заставалъ, что походившая на тѣнь, усталая мать ходила по комнатѣ, укачивая на рукахъ стонавшаго, укутаннаго въ одѣяло ребенка. Онъ спрашивалъ тогда тихонько:

— Что, не хорошо ему?

— Да, не хорошо! отвѣчала она, не переставая ходить.

— Бѣдное дитя!

Двѣнадцатый день былъ тяжелѣе всѣхъ остальныхъ. Прижиганіе, сдѣланное особенно старательно докторомъ послѣ полудня, не принесло больному никакого облегченья. Онъ просилъ ежеминутно пить, но глоталъ съ большимъ трудомъ. Страданія вырывали у него жалобные стоны, разрывавшіе сердце матери. Сесиль давала ему глотать маленькими кусочками ледъ, освѣжавшій его на минуту. Но вслѣдъ затѣмъ жаръ и боль отъ прижиганья въ горлѣ возобновлялись съ новой силой, и бѣдное, худенькое тѣльце корчилось отъ боли.

Поздно вечеромъ, когда мать сидѣла у постели, а отецъ стоялъ, облокотившись у изголовья, больной немножко успокоился.

— Лучше ли тебѣ теперь? спросилъ капитанъ.

— Да, лучше! отвѣчалъ Маріо едва слышнымъ голосомъ.

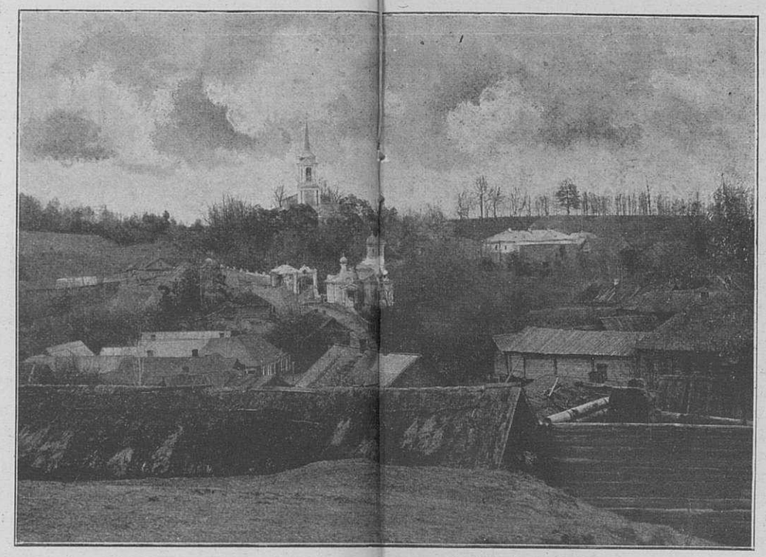
Онъ закрылъ глаза. Но, помолчавъ немного, онъ открылъ ихъ снова и посмотрѣлъ на отца и на мать.

— Вы очень любите меня? спросилъ онъ ихъ.

Этотъ странный вопросъ заставилъ ихъ обоихъ содрогнуться, и, не отвѣтивъ ничего, они только переглянулись.

— Очень ли вы любите меня, папа и мама? Меня нужно очень любить, сказалъ онъ, закрывъ опять глаза.

— О, дитя мое! мое сокровище! воскликнула мать, сдерживая съ трудомъ слезы.



Святогорскій монастырь.

— Да, да, мы очень любимъ тебя! прошепталъ отецъ, также задыхаясь.

Начало ночи прошло довольно спокойно. Ребенокъ былъ блѣденъ, очень слабъ, но не задыхался и не бредилъ. Минутами онъ даже спалъ спокойно, опустивъ голову на подушку и протянувъ вдоль тѣла руки. Просыпаясь, онъ продолжалъ лежать смирно и смотрѣлъ кругомъ, не говоря ни слова. Около полуночи капитанъ сказалъ женѣ:

— Кажется, ему сегодня не особенно худо?

— Да, отвѣчала она. Кажется, онъ спитъ. Поди, засни и ты.

— Я приду немного погодя.

Около двухъ часовъ онъ дѣйствительно пришелъ. Сонъ ребенка былъ теперь тяжелѣе. Иногда свистящее дыханіе его переходило въ хрипъ. Но онъ все-таки спалъ. Мать сидѣла съ открытыми глазами, опершись щекой на руку.

— Что онъ, спитъ? спросилъ отецъ тихонько.

— Спитъ.

Капитанъ успокоился и вернулся къ себѣ въ спальню.

Сесиль только задремала, когда ее разбудилъ тихій, однако, какъ дыханіе, голосъ:

— Мамаша, лампа...

Она думала, что свѣтъ ея слишкомъ силенъ, и наклонилась къ ребенку.

— Ты хочешь, чтобы я убавила огонь? спросила она.

— Нѣтъ... я ее не вижу.

Она подумала, что не поняла его, что онъ жалуется на недостатокъ свѣта, и поставила лампу такъ, что лучи ея падали прямо на глаза больного.

— Такъ хорошо?

Онъ слабо улыбался, кивнулъ утвердительно головкой и закрылъ опять глаза. Она думала, что онъ уснулъ. Но тѣмъ не менѣе ее тревожило это хрипѣніе, и она удерживалась всѣми силами отъ сна. Но усталость все-таки взяла свое, и голова ея склонилась на подушку.

Около четырехъ часовъ ребенокъ открылъ опять глаза и обводилъ комнату блуждающими глазами, точно будто оставшись одинъ.

Потомъ, сдѣлавъ усиліе, приподнялъ немного голову и увидѣлъ, что мать около него и спитъ. Онъ посмотрѣлъ на нее своими прекрасными, увеличенными лихорадкой глазами и, утомленный сдѣланнымъ усиліемъ, уронилъ голову на подушку. Лампа бросала яркій свѣтъ прямо на исхудавшее личико ребенка и на его посинѣвшія губы, изъ которыхъ едва вырывалось тяжелое дыханіе. Онъ никого не позвалъ и не сказалъ ни слова. Онъ только протянулъ свою маленькую ручку и положилъ ее на щеку матери. Та, вѣроятно, смутно почувствовала это легкое прикосновеніе и проговорила сквозь сонъ:

— Дитя мое...

Услышавъ эти слова, онъ кивнулъ тихонько головой и закрылъ глаза. Маленькая ручка его продолжала ласкать щеку матери.

Душа его была на небѣ.

IX.

Кто-то постучался тихонько въ дверь. Капитанъ сидѣлъ одинъ у своего стола, сжавъ обѣими руками лобъ. Онъ поднялъ облитое слезами лицо.

— Войдите, сказалъ онъ.

Граціетта вошла въ комнату и подала молча своему господину сложенную бумажку. Онъ развернулъ ее и прочелъ написанныя карандашомъ судорожной рукой жены слова:

„Помни твое обѣщаніе“.

И больше ничего. Сначала, онъ никакъ не могъ припомнить обѣщанія, даннаго женѣ. Чего желала и требовала убитая горемъ мать, написавшая эти слова у кровати своего умершаго ребенка? Потомъ вдругъ въ хаосѣ печальныхъ мыслей у него мелькнуло воспоминаніе объ обѣщанномъ.

— Скажи, что я сейчасъ приду. Скажи, что сейчасъ иду! крикнулъ онъ ей сжатымъ сердцемъ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, освѣщенной слабымъ мерцаніемъ восковыхъ свѣчей, носился запахъ цвѣтовъ и травы. Солдатъ, сражавшійся за независимость, смотрѣвшій безъ трепета на смерть въ сраженіяхъ и лазаретахъ, не рѣшился войти въ эту комнату. Подождавъ нѣсколько минутъ у двери, онъ позвалъ тихонько:

— Сесиль!

Въ черномъ платьѣ, опустивъ руки вдоль тѣла, она подошла медленно къ нему. Щеки ея были покрыты мертвенной блѣдностью, глаза были блуждающіе, какъ у людей, тщетно старающихся сосредоточиться на одной мысли. Она остановилась молча и выпрямившись на порогѣ. Раза два или три она обернулась, какъ будто кто-то звалъ ее въ комнатѣ.

— Дорогая, душа моя... сказалъ онъ, погладивъ ее по волосамъ.

Но у него не достало силы сдержаться, и по смуглымъ щекамъ его покатились крупныя слезы.

— Не плачь, не плачь! сказала она монотоннымъ, безстрастнымъ голосомъ.

— Видишь... я не плачу. Согласенъ ты исполнить свое обѣщаніе?

— Теперь?

— Да, теперь, отвѣчала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, не чувствуя въ себѣ мужества спрашивать. Она продолжала еще суровѣе:

— Я хочу увезти его.

— Увезти?.. какъ онъ есть?..

— Да, какъ онъ есть... Онъ родился и умеръ на каторгѣ. Теперь я хочу увезти его въ Неаполь, къ честнымъ людямъ.

— Въ Неаполь?

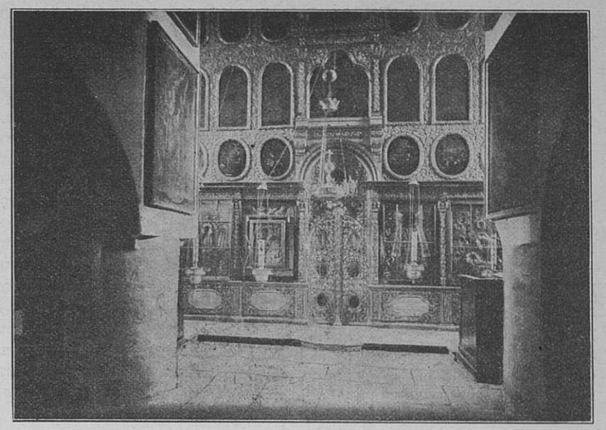
— Да, на Неаполитанское кладбище, къ честнымъ людямъ, гдѣ нѣтъ каторжниковъ.

Онъ продолжалъ смотрѣть на нее, взялъ ее за обѣ руки и, помолчавъ немного отвѣчалъ:

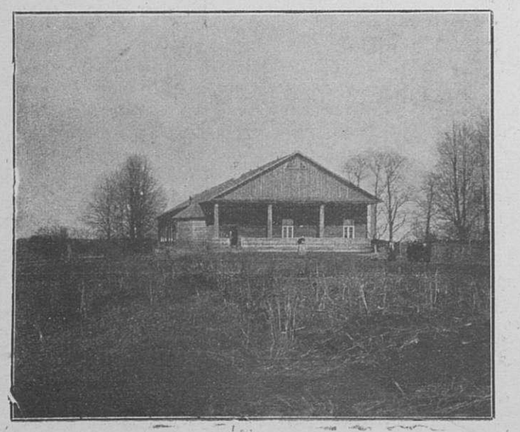
— Это будетъ очень затруднительно...

— Если-бы мнѣ пришлось унести его на рукахъ, я и тогда не оставила бы его здѣсь.

Тонъ ея голоса былъ суровый и упорный.



Внутренній видъ монастырскаго собора.



Село Тригорское.

Баня въ с. Тригорскомъ.

— Ты права! сказалъ онъ, наконецъ, побѣжденный.

— Я хочу еще, чтобы все было привезено изъ Неаполя, умоляю тебя! прибавила она смягчившись. Все изъ Неаполя и ничего съ Низиды, понимаешь, изъ жалости къ нему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего съ Низиды, дорогая моя.

Она вернулась къ мертвому ребенку съ блуждающими глазами, въ которыхъ послѣ сдѣланнаго усилія не могла сосредоточиться ни одна мысль.

Въ домѣ царствовала глубокая тишина. Всѣ двери были отворены, служанка ходила взадъ и впередъ на цыпочкахъ, утирая по временамъ своимъ синимъ передникомъ слезы. Она стряпала что-то на спѣхъ. Съ улицы виденъ былъ въ комнатѣ ребенка печальный свѣтъ восковыхъ свѣчей.

Отецъ пошелъ въ контору. Множество хлопотъ и формальностей, требующихся для перевозки тѣла, разрѣшеніе и пропускъ, о которыхъ нужно просить, отвлекли немного его мысли отъ горестнаго событія. Цѣлый день между островомъ Пуццолемъ и Неаполемъ происходилъ обмѣнъ депешъ, безпрестанно отправлялись и появлялись возвращавшіеся разсыльные. Эта кипучая лихорадочная дѣятельность доставляла какъ бы нѣкоторое облегченіе горю капитана. У всѣхъ приходившихъ и уходившихъ былъ видъ, свойственный всѣмъ людямъ, исполняющимъ поневолѣ, изъ снисхожденія, какую нибудь печальную обязанность. Войдя, всѣ говорили только самое необходимое, да и то вполголоса, точно боясь нарушить сонъ спящаго. Растерявшійся, озабоченный отецъ выслушивалъ, что ему говорили, и благодарилъ взглядомъ. И какъ только являлось какое нибудь затрудненіе, онъ принимался опять писать, телеграфировать и отдавать новыя приказанія.

Потомъ появилась толпа мужчинъ и женщинъ, спрашивавшихъ тихонько у отца, не могутъ ли они взглянуть на малютку. На югѣ существуетъ обычай, что, если въ домѣ есть покойникъ, каждый желающій имѣетъ къ нему свободный доступъ. Если же этотъ покойникъ ребенокъ, то никто не пропуститъ случая прибѣгнуть къ его заступничеству, такъ какъ есть повѣрье, что невинная душа его имѣетъ власть передать самому Господу Богу всѣ довѣренныя ему мольбы.

Но капитанъ отвѣчалъ всѣмъ:

— Потомъ, потомъ.

Въ сущности, онъ говорилъ уже два раза съ женой объ этихъ посѣщеніяхъ покойника. Но первый разъ она отвѣтила съ мрачнымъ упорствомъ:

— Нѣтъ, я не хочу.

— О! Сесиль, позволь имъ помолиться за него!

— Нѣтъ. Онъ въ раю. Онъ не нуждается въ ихъ молитвахъ.

Въ слѣдующій разъ рѣшимость ея была нѣсколько поколеблена настойчивостью мужа, и она сказала ему:

— Не теперь... потомъ.

Просители уходили, рѣшивъ про себя придти опять. Но одинъ человѣкъ остался и ждалъ въ передней конторы.

Утромъ того дня Рокко позвалъ черезъ рѣшетку кухоннаго окна Граціетту, чтобы узнать отъ нея о здоровьѣ малютки. А служанка отвѣчала ему, обливаясь слезами и закрывъ лицо передникомъ:

— Piccerillo теперь въ раю.

Ошеломленный горемъ и изумленіемъ, арестантъ только повторилъ:

— Piccerillo... Piccerillo...

— Войдя въ прихожую управленія, онъ сѣлъ на деревянную скамейку, понуривъ голову и держа въ рукахъ свой колпакъ. Капитанъ, проходя мило, видѣлъ его два или три раза, но не остановился: его стѣсняло присутствіе этого человѣка. Наконецъ, когда онъ шелъ въ послѣдній разъ, Рокко всталъ и остановилъ его.

— Сжальтесь, ваше превосходительство, разрѣшите мнѣ взглянуть на piccerillo!

— Послѣ, послѣ! отвѣчалъ поспѣшно отецъ.

— Скажите барынѣ, передайте ей, что когда онъ былъ боленъ, я ни разу не вошелъ въ домъ, зная, что она не хотѣла меня видѣть. Но скажите ей, что теперь она должна оказать мнѣ эту милость.

— Да, хорошо, я поговорю съ ней.

Каторжникъ ушелъ. Но черезъ часъ онъ опять явился на свое прежнее мѣсто въ передней и все ждалъ и ждалъ съ непоколебимымъ терпѣньемъ разбитыхъ сердецъ. Вечеромъ, уходя изъ конторы, капитанъ сказалъ ему, увидѣвъ его все въ томъ же углу:

— Завтра, передъ выносомъ.

Каторжникъ сдѣлалъ изумленный жестъ, прошептавъ:

— Покорнѣйше васъ благодарю, ваше превосходительство.

Вернувшись домой, капитанъ Жигли велѣлъ вызвать жену въ корридоръ. Она держалась, все такъ же инстинктивно оборачивалась назадъ, точно кто-то звалъ ее сзади.

— Все устроено, сказала она.

— Когда же?

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ дня.

И только тогда, когда онъ указалъ назначенный часъ, когда онъ произнесъ окончательное слово, безповоротно подтверждавшее ужасное несчастіе, только тогда растаяло окаменѣвшее сердце несчастной матери. Изъ груди ея вырвалось громкое отчаянное рыданіе. Она упала на руки мужа, кричала, плакала, извивалась отъ боли, содрагаясь, какъ потрясенное до корней дерево, — съ такимъ бурнымъ отчаяніемъ, что солдатъ испугался. Поддерживая ее на рукахъ, онъ спрашивалъ себя, не умретъ ли она на мѣстѣ, и приходилъ въ отчаяніе, не зная, чѣмъ ее спасти.

На другой день, въ теплое ноябрьское утро, двери дома отворились настежь и началось прощанье. Толстыя свѣчи, горѣвшія около мертваго ребенка, — символъ горящей вѣрою христіанской души, были доставлены изъ Неаполя. Свѣжіе цвѣты, разсыпанные на кровати, въ комнатѣ, по всей квартирѣ и даже на лѣстницѣ, были привезены также изъ Неаполя. Изъ Неаполя же былъ маленькій бѣлый костюмъ и бѣлые башмачки, въ которыхъ онъ отправлялся въ послѣдній путь. Изъ Неаполя былъ, наконецъ, и обитый внутри бѣлымъ атласомъ гробикъ, гдѣ онъ спалъ вѣчнымъ сномъ.

Первымъ вошелъ Рокко—легкими, точно скользившими по паркету шагами. Около кровати сидѣла, положивъ руки на колѣни, мать, съ нѣсколько растрепавшимися сзади волосами. Она взглянула на каторжника, но, какъ казалось, не видѣла его: въ глазахъ ея не было никакого выраженія. Рокко опустился очень тихо на колѣни, прислонился лбомъ къ краю кровати и простоялъ такъ безъ слезъ, безъ молитвъ нѣсколько минутъ. Потомъ, взявъ осторожно восковую ручку ребенка, онъ поцѣловалъ ее и вложилъ въ нее что то. Мать продолжала сидѣть неподвижно. Она только бросила на каторжника ледяной, какъ бы изгонявшій его взглядъ. Тогда онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, но не ушелъ, а остался стоять въ темномъ корридорѣ.

Мимо него шелъ народъ, женщины, дѣти, офицеры и солдаты, приходившіе не то изъ сочувствія, не то изъ любопытства въ убранную цвѣтами комнату, гдѣ лежалъ маленькій трупикъ. Никто не спрашивалъ, что это за сложенная и запечатанная какъ письмо бумажка, которую держалъ въ ручкѣ ребенокъ? Всѣ знали, что, если положить въ руку умершаго ребенка, за кушакъ или въ складки его одежды письмо, въ которомъ умоляютъ Христа или Пресвятую Дѣву о какой нибудь милости, ребенокъ, унеся съ собой это письмо въ могилу, передастъ его въ раю. Поэтому-то каторжникъ и довѣрилъ piccerillo свою молитву къ всѣхъ скорбящихъ Матери... Люди входили, становились на колѣни, молились и выходили, не имѣя мужества сказать хоть одно слово этой сидѣвшей неподвижно какъ статуя матери.

Капитанъ подошелъ къ женѣ и отвелъ ее въ сторону.

— Пора... сказалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Пойдемте, отвѣчала она рѣшительнымъ тономъ.

Она вошла машинально въ супружескую спальню, надѣла тамъ накидку и шляпу. Жигли задержалъ ее тамъ, пока закрывали гробъ. Исполненіе этой работы было поручено солдатамъ, и она была сдѣлана ими такъ осторожно, что мать ничего не видѣла, ничего не слышала. Присутствовали при этомъ только Рокко и Граціетта. Служанка молча плакала, смотря, какъ маленькое тѣльце укладывали въ гробъ — точно въ колыбель,—положивъ головку на маленькую атласную подушечку. У арестанта, стоявшаго также молча, глаза были красны и воспалены, точно онъ плакалъ кровавыми слезами, но онъ не плакалъ. Весь гробъ былъ засыпанъ внутри и снаружи цвѣтами.

Наконецъ, онъ былъ вынесенъ изъ дома. Кортежъ изъ офицеровъ, служащихъ и ихъ женъ, провожавшій тѣло до желѣзныхъ воротъ, составился на площади. Солдаты поставили на плечи скрытый подъ цвѣтами и походившій на душистый букетъ гробикъ. Только тогда вышли изъ дома отецъ съ матерью. На Сесиль былъ надѣтъ длинный черный вуаль. Яркій дневной свѣтъ и собравшаяся кучка людей, казалось, поразили ее. Она искала глазами личико своего ребенка, и увидѣла только его гробъ.

— Онъ тамъ, подъ цвѣтами? — спросила она мужа.

— Да.

— Увижу я его еще разъ?.. Можно мнѣ будетъ посмотрѣть на него въ Неаполѣ?

— Да, въ Неаполѣ.

Кортежъ двинулся медленно въ путь. За гробомъ шли родители, окруженные офицерами. Мать шла подъ руку съ мужемъ, сосредоточивъ свой взглядъ на гробѣ, цвѣты на которомъ колебались при спускѣ. Сзади всѣхъ шелъ Рокко. Теплое солнце обливало своимъ спокойнымъ свѣтомъ обнаженныя поля. Казалось, что кортежъ удаляется съ тѣмъ, чтобы никогда уже больше не вернуться. Никто даже не обернулся ни разу назадъ.

У большихъ желѣзныхъ воротъ сдѣлали остановку, чтобы проститься съ родителями. Каждый пожималъ руку капитана и говорилъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Ворота растворились. Въ то время какъ толпа обратно къ тюрьмѣ, два солдата съ гробомъ, отецъ, мать, нѣсколько офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ продолжали спускаться къ пристани.

Вмѣсто того, чтобы вернуться вмѣстѣ съ другими, Рокко, на котораго никто не обращалъ вниманья, остановился на спускѣ. Онъ смотрѣлъ оттуда на маленькую группу, спускавшуюся все ниже и ниже, то исчезавшую, то показывавшуюся между деревьями, вслѣдъ за гробомъ, въ которомъ уходилъ навсегда лежавшій подъ цвѣтами piccerillo. Кортежъ скрылся на время за поворотомъ дороги, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Рокко ничего не видѣлъ.

Но онъ продолжалъ терпѣливо ждать и увидѣлъ, что процессія подошла къ берегу.

На приготовленной большой лодкѣ не было никакого признака траура. Напротивъ, какъ дно, такъ и скамейки были усыпаны цвѣтами. Нагруженная разноцвѣтными ароматными цвѣтами барка поплыла медленно по синему морю, тихо колыхаясь на спокойной водѣ, точно уносила какой-то веселый кортежъ. Въ это утро на пустынномъ баньольскомъ берегу стояли только двѣ кареты, прохожихъ никого не было, и никто не останавливался взглянуть на нагруженную цвѣтами, медленно плывущую барку. Но Рокко все слѣдилъ за ней глазами, провожалъ взглядомъ ребенка, уходившаго подъ цвѣтами по синему морю изъ каторги на волю. Онъ привѣтствовалъ мертваго, съ которымъ не могъ говорить при его жизни, говорилъ съ нимъ неслышнымъ голосомъ, называлъ его piccerillo, piccerillo bello и просилъ его передать Богородицѣ сунутое ему въ ручку письмо.

Ребенокъ уходилъ все дальше и дальше... Вотъ уже подъѣхали къ берегу и поставили его въ цвѣтахъ въ одинъ изъ экипажей, куда вмѣстѣ съ нимъ помѣстились отецъ и мать. Остальные сѣли въ другой экипажъ... Кареты быстро покатились. Онъ былъ уже далеко, далеко... скрылся на дорогѣ въ Фруоригратта...

Все кончено.

X.

Ночь была темная, безлунная. Пелена легкаго осенняго тумана, заволакивавшаго небо днемъ, обратилась въ сумерки въ густыя облака. Надъ чернымъ моремъ тяготѣло черное же небо. Весь островъ Низида былъ окруженъ непроглядной тьмой. Между тѣмъ нельзя было ожидать ни грозы, ни бури. Въ воздухѣ стояла неподвижная тишина. Часовые, забравшись въ будки, посматривали разсѣянно въ темноту. Но, по обыкновенію, на одномъ концѣ острова начиналась каждые четверть часа перекличка и шла медленно и правильно до другого конца. Потомъ тѣмъ же путемъ шелъ въ обратномъ направленіи отвѣтъ.

— Слушай-а-ай!

— Слушай-а-ай!

Первый окликъ произносился живѣе и звучалъ громко какъ тревога, а отвѣтный былъ тише, спокойнѣе и выражалъ какъ бы спокойную увѣренность дозорныхъ. Ночь была такъ тиха и спокойна! Однако, около двухъ часовъ ночи, часовой занимавшій караулъ на краю острова, выходящаго къ Пуццоли, вдругъ вздрогнулъ. Не то чтобы онъ слышалъ, что кто-то шевельнулся, но точно электрическое сотрясеніе предупредило его, что по сосѣдству съ нимъ осторожно пробирается, должно быть, звѣрь или человѣкъ. Случается, что въ темной комнатѣ, на дворѣ, на улицѣ, на равнинѣ, гдѣ по вашему мнѣнію, навѣрное нѣтъ никого, кромѣ васъ, у васъ вдругъ является увѣренность, что подлѣ васъ есть кто-то. Вы ничего не видите, ничего не слышите, но чувствуете, что пространство, бывшее только что пустымъ, занято теперь какимъ-то тѣломъ. Такое же впечатлѣніе ощутилъ и часовой. Онъ уставился глазами въ темноту, но ничего не увидѣлъ. Предположивъ тогда, что, можетъ быть, часовой сосѣдняго поста шелъ къ нему попросить спичку, чтобы закурить трубку, онъ окликнулъ:

— Кто идетъ?

Отвѣта не послѣдовало. Онъ подумалъ, что ошибся. Между тѣмъ, такъ какъ солдатъ былъ калабріецъ, привыкшій къ ночной ходьбѣ по дурнымъ дорогамъ, гдѣ нужно быть готовымъ каждую минуту ко всякаго рода неожиданностямъ, онъ началъ ходить осторожно около своей будки, навостривъ глаза и уши. Но кругомъ все было опять спокойно... Но не прошло получаса, какъ у него явилось второй разъ твердое убѣжденіе, что въ тридцати шагахъ отъ него, въ кустахъ, покрывающихъ береговые утесы, двигается человѣкъ. Тогда, не колеблясь ни минуты, онъ перекинулъ ружье и выстрѣлилъ. Вслѣдъ за выстрѣломъ послышались два раздирательныхъ крика. Со всѣхъ сторонъ раздалась рѣзкая повелительная команда:

— Къ оружію! къ оружію!

Въ ту же минуту загремѣли еще три или четыре ружейныхъ выстрѣла, а вслѣдъ затѣмъ пошла круговая пальба изъ ружей, стрѣлявшихъ внизъ, такъ какъ, по отданному разъ навсегда приказанію, выстрѣлы направлялись всегда въ море, къ которому стремились добраться бѣглецы. Весь островъ былъ окруженъ въ темнотѣ кольцомъ огня и дыма. Посреди шума отъ шаговъ патрулей, бѣжавшихъ подъ командой офицеровъ искать бѣжавшихъ, слышно было рѣзкое щелканье заряжемыхъ снова ружей. Ординарецъ летѣлъ со всѣхъ ногъ на берегъ, съ приказаніемъ лодкамъ выйти изъ гавани и крейсировать вдоль береговъ острова.

Сторожа дѣлали по камерамъ перекличку, чтобы узнать имена исчезнувшихъ. Вездѣ были снова зажжены огни. При перекличкѣ присутствовалъ полуодѣтый, блѣдный, испуганный отвѣтственностью помощникъ директора, замѣнявшій въ этотъ день капитана Жигли. Заспанные, ошеломленные каторжники не отвѣчали, или медлили отвѣтомъ. Сторожа кричали во все горло, ругались и щедро назначали арестантамъ наказанія. Каждый разъ, что въ какой нибудь камерѣ всѣ арестанты оказывались на лицо, помощникъ директора глубоко вздыхалъ, точно сбросивъ съ себя тяжесть. Кто знаетъ? Все это, можетъ быть, фальшивая тревога. Онъ продолжалъ перекличку, прерываемую по временамъ ружейными выстрѣлами. Случалось иногда, что вызванный каторжникъ отвѣчалъ:

— Я-то здѣсь, но очень завидую счастливцамъ, которымъ удалось удрать!

Всѣ арестанты вообще завидовали неизвѣстнымъ бѣглецамъ, это видно было по ихъ лицамъ, по ихъ злымъ замѣткамъ и, наконецъ, по словамъ, которыми они обмѣнивались шепотомъ.

Оставалось сдѣлать повѣрку только въ одной камерѣ, гдѣ помѣщалось шестьдесятъ колодниковъ... Сдѣлали перекличку, и на лицо оказалось только пятьдесятъ восемь. Помощникъ директора поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Кого недостаетъ? спросилъ онъ сторожа.

— Джіакомо Каламо, по прозванію Обдуй-Смерть.

— А другого?

— Рокко Траетта, по прозванію Векша.

— Молодые они?

— Да, молодые.

Помощникъ директора закусилъ себѣ губу, чтобы удержаться отъ ругательства, и поспѣшно вышелъ, чтобы произвести обыски подъ личнымъ руководствомъ.

Имена Обдуй-Смерть и Векши не сходили всю ночь съ языка арестантовъ.

По кустамъ и оврагамъ забѣгали огоньки, другіе двигались взадъ и впередъ по морскому берегу, нѣкоторые зажглись даже на баньольскомъ берегу. Лодки запоздали выѣхать изъ гавани. Но теперь со своими большими красными фонарями, оставлявшими блестящій, кровавый слѣдъ на морѣ, онѣ плавали медленно вокругъ острова, обыскивая всѣ гроты, и не пропускали ни малѣйшей извилины берега. Въ лодкахъ при красномъ свѣтѣ фонарей, сверкали ружейные стволы.

Донесеніе о бѣгствѣ было доставлено помощнику директора только на слѣдующее утро. Обѣ цѣпи съ распиленными кольцами были найдены въ кустахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ калабрійскій часовой *чувствовалъ* присутствіе бѣглецовъ. Джіакомо Калама не нашли ни живымъ, ни мертвымъ, ни на землѣ, ни въ водѣ, ни въ Баньоли, ни въ Пуццоли, словомъ, нигдѣ, и онъ былъ объявленъ „бѣжавшимъ“. Что-же касается Векши, то онъ былъ найденъ мертвымъ, съ разбитымъ черепомъ, на береговыхъ утесахъ.

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ

(В. КРЕСТОВСКІЙ-псевдонимъ).

Среди русскихъ писательницъ Надеждѣ Дмитріевнѣ Хвощинской принадлежитъ безспорно самое выдающееся, первое мѣсто.

Десять лѣтъ прошло со дня кончины поровитой писательницы, но ея романы и повѣсти до сихъ поръ читаются и перечитываются, у нея до сихъ поръ сохранилась своя довольно обширная аудиторія, свои друзья и поклонники и до сихъ поръ ея литературное имя—В. Крестовскій-псевдонимъ—пользуется и широкой любовью, и заслуженной популярностью среди массы читателей.

Талантъ В. Крестовскаго-псевдонима замѣчателенъ не по яркости образовъ, не по силѣ идей, или по глубинѣ анализа,—но у него есть какая-то особая красота, одному ему свойственная, красота живой отзывчивой мысли, душевной теплоты и нравственной чистоты. Въ ея произведеніяхъ, хотя и подписанныхъ мужскимъ именемъ В. Крестовскаго, слышится какая-то подкупающая женственная мягкость, что-то неуловимо нѣжное, грустное и прекрасное. Какое бы произведеніе покойной писатель-

ницы мы ни развернули, во всѣхъ ихъ слышится бодрящій призывъ впередъ, чувствуется глубоко-симпатичная идея. Но ея герои, ея героини это не картонные манекены, говорящіе прекрасныя рѣчи, прекрасныя, быть можетъ, сами по себѣ, но не задѣвающія ни сердца, ни воображенія читателя. Ея идеи—это не излюбленная тенденція, плохо скроенная по трафарету и пришитая красными нитками. Крестовскій-псевдонимъ прежде всего настоящій художникъ, ему родственно и близко чувство красоты и мѣры, обыкновенно неизвѣстныя большинству такъ называемыхъ узко тенденціозныхъ писателей. Но что важнѣе всего, въ ея произведеніяхъ чувствуется прекрасная отзывчивая душа, та душа, незлобію и кротости которой нѣтъ мѣры, нѣтъ границъ... Въ свои произведенія она внесла именно эту прекрасную душу, которая вполнѣ раскрывается въ ея письмахъ, и эту душу во всю свою долгую жизнь она сумѣла сберечь среди пошлости людской и нетлѣнно пронести среди торжища жизни. Вся жизнь ея—это глубоко поучительная, трогательная страница борьбы русской женщины съ окружающей ея пошлой дѣйствительностью, борьбы за каждый самостоятельный шагъ, за свою независимость. Нелегка и невесела была эта жизнь, и съ первыхъ же сознательныхъ дней до гробовой доски нужда и лишенья, горе и трудъ являются постоянными, вѣчными спутниками Н. Д. Ея біографія бѣдна внѣшними подробностями, но зато богата жизнью духа. Для всѣхъ ищущихъ, жаждущихъ и рвущихся жить, для всѣхъ условіями среды подавленныхъ и все-таки вѣрящихъ, все-таки, ждущихъ отъ жизни чего-то лучшаго, образъ покойной писательницы, это — свѣтлый маякъ, ея жизнь—лучшій руководитель. Бросимъ же бѣглый взглядъ на эту жизнь, являющуюся среди нашихъ сѣренькихъ безцвѣтныхъ дней такимъ свѣтлымъ, отраднымъ явленіемъ.

Н. Д. Хвощинская родилась въ небогатой помѣщичьей семьѣ, въ Рязанской губерніи, 20 мая 1825 года. Съ первыхъ же дней она видитъ кругомъ себя лишенья и бѣдность. „Жили мы въ такомъ домишкѣ, что въ щели стѣнъ просвѣчивало зимнее солнышко“, вспоминаетъ она сама. Дѣйствительность рано познакомила съ собою ребенка, но какъ ни плоха была эта дѣйствительность, какъ ни трудно приходилось всей семьѣ, но въ ней была одна замѣчательная черта, столь рѣдко характеризующая наши русскія семьи,—черта сплоченности и сердечности, съ которой относились члены семьи другъ къ другу. Эта черта осталась на всю жизнь въ Н. Д., и въ крѣпкой привязанности къ ея сестрѣ С. Д. (тоже впослѣдствіи писательницы, работавшей подъ псевдонимомъ Весеньевъ) она отразилась особенно ярко.

Міръ книгъ рано открылся предъ Н. Д., и опять явленіе довольно рѣдкое: она встрѣтила самую горячую поддержку въ своемъ отцѣ, относившемся замѣчательно горячо и къ этой пробудившейся жаждѣ чтенія, и къ первымъ авторскимъ попыткамъ дочери. Въ немъ она встрѣтила и первую поддержку и сочувствіе. Вообще, семейный гнетъ не имѣлъ мѣста въ семьѣ Хвощинскихъ.

Въ юношеской тетради, исписанной стихотвореніями начинающей писательницы, рукою отца сдѣлана такая надпись, прекрасно характеризующая отношенія его къ дочери:

Черная книга свѣтлыхъ идей
Черной головки дщери моей,
Талантъ самобытный признанъ ужь въ ней.
Пиши, не лѣнись, чернилъ не жалѣй,
Въ ряды вдохновенныхъ втѣсняйся скорѣй.

И въ эти ряды „втѣснилась“ Н. Д. въ 1847 г., когда въ „Литературной Газетѣ“ В. Р. Зотова появилось первыхъ ея шесть стихотвореній, за полной подписью автора.

Литература увлекла ее, она вся безраздѣльно отдалась ей, чтобы на этомъ дорогомъ для нея поприщѣ испытать и тяжесть подневольнаго труда ради хлѣба, и сладость минутъ творчества. Но для цѣльной, искренней натуры, литература никогда не была только средствомъ, но всегда являлась цѣлью жизни, прямою потребностью.

Выѣзды и вечера, весь мишурный блескъ

Н. Д. Хвощинская.
(В. Крестовскій-псевдонимъ).

блестящихъ собраній скоро потеряли для нея всякую прелесть: она поняла рано всю пустоту ихъ и ничтожество. Все рѣже и рѣже появляется Н. Д. въ рязанскомъ обществѣ, замыкаясь въ своемъ собственномъ мірѣ грезъ и творчества, столь противоположномъ сутолокѣ губернскаго города. Уединенье и замкнутость отвѣчали скорѣе ея тихому характеру. Ея сочувствіе уже тогда идетъ къ тому, кто, „наклонясь подъ игомъ и трудомъ, клянетъ и трудъ, и жизнь, и разумъ, и терпѣнье“ и „всѣмъ горестнымъ душамъ, что низко, страшно пали“. Но стихотворная дѣятельность была только прелюдіей къ дальнѣйшему.

Въ головѣ уже роятся новые запросы, идеи и планы и по ночамъ пишется, украдкой отъ другихъ первая повѣсть „Анна Михайловна“, напечатанная въ „Отеч. Зап.“ 50 г. и впервые подписанная ея литературнымъ псевдонимомъ В. Крестовскій.

Незначительный гонораръ, полученный за повѣсть, однако, далъ молодой писательницѣ возможность перваго шага къ самостоятельности. Съ этихъ поръ литературный путь ея можетъ считаться начатымъ вполнѣ, такъ какъ послѣ „Анны Михайловны“ одна за другой слѣдуютъ повѣсти Хвощинской, на страницахъ лучшихъ журналовъ пятидесятыхъ годовъ, и съ этихъ поръ начинаются литературныя волненья и знакомства съ красными чернилами цензоровъ. Съ ними основательно пришлось познакомиться Н. Д. въ ея романѣ „Баритонъ“; тогдашняя цензура урѣзала болѣе одной пятой части, не щадя ни отдѣльныхъ мѣстъ, ни выраженій.

О томъ, какъ высоко считала Хвощинская званіе писателя, о томъ, какъ искренно и далеко не безразлично относилась она къ оттѣнкамъ и журнальнымъ партіямъ, видно по ея отношенію къ мѣсту помѣщенія своихъ рукописей. Скромная и лишенная всякаго тщеславія, она никогда сама не назначала себѣ платы за работу, предоставляя разсчетъ редакціямъ, вполнѣ довѣряя, что тѣ органы, въ которыхъ она работаетъ, никогда не унизятся до эксплоатаціи труда своихъ сотрудниковъ. Какъ ни нуждалась она, какъ ни круто приходилось ей, однако помѣстить свою рукопись въ журналѣ, хотя и платящемъ болѣе, но несимпатичномъ ея убѣжденіямъ, она ни за что не рѣшилась бы, потому что дороже всякой платы за литературный трудъ она считала свое честное, ничѣмъ не запятнанное имя, которымъ каждый литераторъ обязанъ дорожить больше всего. И въ этомъ честномъ имени было ея огромное богатство, нравственное удовлетвореніе.

Большаго самоотреченія, большей скромности, которыми отличалась Н. Д., трудно подыскать. Всю жизнь она жила не для себя: личной жизни, себялюбиваго „я“ у нея, кажется, не существовало вовсе. Смерть сестры Софіи Дмитріевны, съ которой жила Н. Д. душа въ душу, съ которой связывала ее общность симпатій, убѣжденій, надеждъ и стремленій, была для нея жестокимъ ударомъ. Жить для себя самой, жить исключительно личной жизнью было для нея невыполнимой задачей. Ей нуженъ былъ человѣкъ, на котораго можно было бы перенести всѣ свои заботы и симпатіи, и этимъ человѣкомъ теперь оказался докторъ Иванъ Ивановичъ Заіончковскій. Онъ много перестрадалъ въ жизни, политическія волненія и долгое пребываніе въ крѣпости превратили его, еще молодого человѣка, въ разбитое нравственно, измученное физически существо. За этого-то человѣка, нуждающагося въ заботахъ и попеченіяхъ, и вышла Н. Д. замужъ. „Изъ-за-того-то я и замужъ пошла, что боялась одиночества, — развѣ возможно никого не имѣть?“ Да, такимъ натурамъ, привязчивымъ, искреннимъ и нѣжнымъ, какою была Хвощинская, одиночество — ужасная пытка; одно сознаніе, что нѣтъ никого близкаго, любимаго, является уже тяжелымъ крестомъ. И, сбросивъ съ плечъ этотъ тяжелый крестъ одиночества, она взяла на себя другой, еще болѣе тяжкій, и пошла подъ его ношей, съ сознаніемъ, что она не одинока. Но не долго продолжалась совмѣстная жизнь. Разница лѣтъ, наклонностей и характеровъ не замедлила сказаться, и опять какъ ярко и свѣтло выступаетъ фигура Н. Д. въ ея поступкѣ съ мужемъ. Она все поняла, все простила, и, давая ему полную свободу, она не перемѣнила своихъ взглядовъ на него; онъ, попрежнему далекій по разстоянію, остался для нея тѣмъ же „милымъ, честнѣйшимъ“. Ни тѣни укора, ни слова о разбитой жизни, ни намека на прошлое. Читая ея переписку съ мужемъ, невольно проникаешься чувствомъ глубокаго уваженія и симпатіи

къ этой скромной, но величавой именно по своей скромности, самоотверженно-прекрасной, чисто русской женщинѣ. Женщины, среди которыхъ возможны люди, подобные Хвощинской, могутъ и должны гордиться ею.

„Взглянуть въ твои глаза—мнѣ радость, но не возьму ее за ту муку, что буду видѣть, какъ они потускнѣютъ. Я тебя люблю *для тебя*. Скажу ужасное слово: я не хочу тебя здѣсь видѣть. Опять твои страданья, и физическія и нравственныя, опять оглядка на нестоящихъ людей. Нѣтъ, жизнь моя, не сбивайся, продолжай, что началъ, перенеси временную скуку, поправляйся, хорошѣй, находи людей, *живи*, добивайся своего“, пишетъ она въ одномъ изъ писемъ къ мужу.

Именно *своего*. Нигдѣ такъ ярко не оттѣняется полная альтруистическихъ началъ натура Н. Д., какъ въ перепискѣ съ мужемъ. Она сама, вся полная заботъ объ его покоѣ, всячески старалась забыть про свою личную жизнь, въ которой осталась для нея одна радость, одно спокойствіе — усиленная работа, которой „конца не видно“. Измученная нравственно и утомленная непосильнымъ трудомъ, она проводитъ цѣлые дни и ночи за письменнымъ столомъ. Творческая работа не радуетъ, не успокоиваетъ, и съ чувствомъ глубокаго облегченія она ставитъ послѣднюю точку подъ двухгодовой работой, не принесшей ей никакого внутренняго удовлетворенія, кромѣ сознанія, что на завтра обезпеченъ кусокъ насущнаго хлѣба. Всѣ „эти кусочки“, какъ она сама называетъ отдѣльныя части романа „Большая Медвѣдица“, не удовлетворяютъ ее. „Взыскательный художникъ“ недоволенъ, а въ Хвощинской эта взыскательность къ самой себѣ, къ своей работѣ была всегда велика, она не страдала ни излишнею авторской гордостью, ни самоослѣпленіемъ...

Въ 1872 г. далеко на чужбинѣ умираетъ ея мужъ.

Двухгодичное литературное молчаніе было своего рода отдыхомъ, послѣ измучившаго ее романа, и затѣмъ снова, съ новой энергіей она принимается за литературную работу, найдя въ ней одной источникъ радостей и счастья всей своей далеко нелегкой жизни. Ея талантъ снова крѣпнетъ и развивается подъ не щадившими ея ударами судьбы.

Литературная извѣстность ея растетъ, а сама она замыкается въ четырехъ стѣнахъ рязанскаго дома. Вся ея внутренняя жизнь сосредоточилась въ литературѣ, въ средѣ ея волненій и интересовъ, а одинокая личная жизнь скрашивалась лишь привязанностью къ своей крестницѣ, на которую перенесла Н. Д. всѣ свои симпатіи, любовь. Но и эту привязанность суждено было ей пережить и снова остаться одной на рукахъ съ больной матерью. Закрывъ глаза послѣдней, Н. Д. порвала всякую связь съ рязанской жизнью и перебралась на житье въ Петербургъ. Рязанская жизнь, однако, дала ей на послѣднихъ порахъ то нравственное удовлетвореніе, которое дорого сердцу каждаго писателя. Это общественный взрывъ признательности ея литературныхъ заслугъ, послѣдовавшій со стороны молодежи, къ которой всегда съ особеннымъ сочувствіемъ относилась Хвощинская. Эта дружная манифестація, устроенная ей учащейся молодежью, разволновала и глубоко порадовала Н. Д.

Въ Петербургѣ, куда переселилась она изъ Рязани, обычные спутники ея жизни окружили ее снова. Тотъ же упорный, долгій трудъ и та же нужда. Окруженная ими, на рукахъ своей близкой пріятельницы, Н. Д. тихо скончалась 10 іюня 1889 г. въ Старомъ Петергофѣ, куда перевезли ее окончательно больную, разсчитывая, что свѣжій воздухъ возстановитъ ея упавшія силы...

На Старо-Петергофскомъ кладбищѣ, въ ряду другихъ могилъ, пріютилась скромная могила Н. Д., замѣненная въ 1898 г. мраморнымъ памятникомъ.

Н. Н—въ.

Н. Д. Хвощинская
(В. Крестовскій-псевдонимъ).

ПУШКИНСКІЕ ДНИ.

„Конченъ пиръ, умолкли хоры“... Сошли съ трибунъ праздничные витіи, повяли торжественные цвѣты, погашены огни, и снова мертвые будни тоскливыхъ сѣренькихъ дней, и снова тяжелая проза мелкихъ злободневныхъ волненій.

Праздникъ конченъ. И невольно среди этихъ сѣрыхъ будней, наступившихъ теперь, рвется вопросъ: да былъ ли въ самомъ дѣлѣ этотъ праздникъ, дѣйствительно ли сумѣли мы почтить славную память великаго поэта, или это было только „плѣнной мысли раздраженье“?

Послѣднее, какъ ни горько сознаться, вѣрнѣе.

Когда въ 1880 году въ Москвѣ, при открытіи памятника Пушкину, Островскій заявилъ, что „сегодня на нашей улицѣ праздникъ“, мы вполнѣ понимаемъ характеръ этого заявленія. Московскій праздникъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, праздникомъ литературы, праздникомъ мыслящей интеллигенціи, собравшейся въ Москвѣ, на время позабывшей партійные счеты и раздоры.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь.

Съ одной стороны, изъ всѣхъ градовъ и весей Россійской имперіи идутъ телеграммы о чествованіи Пушкина, съ другой—литература, на улицѣ которой долженъ былъ быть главнымъ образомъ праздникъ, молчитъ и

поражаетъ своимъ полнымъ отсутствіемъ. Сходятся люди, гремятъ рѣчи, звенятъ застольные кубки самодовольныхъ ораторовъ, а тѣ, кому ближе всего, всего роднѣе имя Пушкина, его великіе завѣты — тѣ настоящіе, заправскіе представители литературы поражаютъ своимъ полнымъ отсутствіемъ.

Литературные праздники имѣли замѣчательную особенность: они поражали отсутствіемъ самихъ литераторовъ. Это какъ бы напоминало тѣ литературно-вокально-музыкальные вечера, въ которыхъ литературно-вокальную часть изображаетъ нескладное пѣніе разноголосаго цыганскаго хора. Литература стояла гдѣ-то въ сторонѣ, и ее съ успѣхомъ замѣнялъ именно такой разноголосый хоръ журнальныхъ цыганъ, которые пестрою толпой кочуютъ въ наше время изъ стана въ станъ, съ кочевья на кочевье; эти господа съ одинаковымъ паѳосомъ и увлеченьемъ, съ одинаковымъ фарисействомъ бія себя въ грудь, могли бы воскликнуть, повторяя слова Пушкина: „да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма“ и такъ же искренно привѣтствовать уничтоженіе этого разума и наступленіе тьмы.

Иниціатива пушкинскихъ празднествъ должна была принадлежать литературѣ, какъ принадлежалъ ей Пушкинъ. Но этого не было, и литературный праздникъ обошелся безъ участія литераторовъ. Послѣдніе сошлись одиноко на свою трапезу въ послѣдній день „торжества“, сошлись, объединенные одною мыслью.

Вечеръ, устроенный „Союзомъ писателей“, — былъ единственнымъ вечеромъ, когда сошлась литература, гдѣ она занимала подобающее ей первое мѣсто, но и здѣсь была нѣкоторая странность, литераторы словно замкнулись въ своемъ кругу, они праздновали *одни* свой праздникъ, или, вѣрнѣе, справляли тризну по Пушкинѣ. Читателя-друга, какой-либо аудиторіи, столь необходимой для писателя, не было. Былъ только свой кружокъ. И въ этой замкнутости, въ этой отдѣленности, съ которой литература держалась на празднествахъ — былъ главный неуспѣхъ торжествъ. Поэта, журналиста и литератора Пушкина нельзя чествовать безъ участія представителей этой литературы. Хотѣли обойтись безъ нихъ, думали, что кто объявилъ себя литераторомъ и взялъ обѣденный камертонъ, тотъ и хозяинъ литературы, думали такъ, и ошиблись. Праздники прошли монотонно и вяло, не было ни все оживляющаго подъема, ни общаго увлеченья. „Избранная публика“, избранная не по какому-либо умственному цензу, а прямо могшая платить бѣшеныя деньги за зрѣлища, присутствовала на всѣхъ этихъ вечерахъ и обѣдахъ, гдѣ всуе поминалось священное имя поэта и гдѣ именно этимъ священнымъ именемъ менѣе всего дорожили; поразительно было отсутствіе литературы, не менѣе поразительно и малое участіе народа, которому отведена была самая незначительная роль во всѣхъ этихъ всероссійскихъ торжествахъ.

Всероссійскія литературныя торжества безъ участія народа, безъ участія литературы — это представляло, право, умилительное, хотя и глубоко грустное зрѣлище. Съ самыхъ первыхъ дней празднество какъ бы расчленилось на три части. При выборѣ мѣста празднества не было никакого центра. Святыя Горы, гдѣ „ближе къ милому предѣлу“ покоится прахъ Пушкина, должны были встать во главѣ программы торжествъ. Москва, гдѣ родился поэтъ, и Петербургъ, гдѣ онъ жилъ, творилъ и умеръ, каждый по своему старались организовать празднество. Москва выдвинула впередъ представителей науки, Петербургъ ни съ наукой, ни съ литературой особенно не желалъ знаться. Онъ выдвинулъ разомъ двѣнадцать соединенныхъ обществъ, блистательно доказавшихъ, что двѣнадцать объединеныхъ обществъ подобны ребенку, у котораго семь нянекъ.

Провинція тоже хлопотала, въ общемъ всѣ суетились и хлопотали. Посмотримъ теперь результаты этихъ хлопотъ. Естественно, что все вниманіе должно было быть устремлено

Село Михайловское.

на Святыя Горы. Здѣсь ожидался большой съѣздъ, и съѣздъ былъ не малый, но торжество носило слишкомъ оффиціальный характеръ. Все было чинно, все въ предѣлахъ той умѣренности и аккуратности, которыя исключаютъ всякій подъемъ чувствъ и мыслей. И мало было ихъ. Торжественная служба въ соборѣ, торжественная панихида по усопшемъ. Но духъ поэта не виталъ здѣсь среди собравшихся, не оживлялъ своимъ божественнымъ огнемъ. Сѣрое небо, нависшія тучи, мелкій, словно осенній дождь — все навѣвало и не могло ни навѣвать грустныхъ мыслей. Каждый настраивался по своему, общаго же не было ничего. По обычаю, поэты читали стихи, ораторы говорили рѣчи, пѣвицы и пѣвцы, актеры и артистки услаждали вниманіе публики. Однимъ словомъ, все какъ слѣдуетъ по программѣ юбилейныхъ торжествъ.

И снова опустѣли Святыя Горы.

Праздникъ конченъ, разъѣхались гости, и только на могилѣ Пушкина прибавилось нѣсколько десятковъ новыхъ вѣнковъ, этой блѣдной признательности его блѣдныхъ потомковъ, да отдаленный гулъ ракетъ и потѣшныхъ огней, которыми забавлялись гости, якобы въ честь Пушкина, во Псковѣ, быть можетъ, потревожили прахъ поэта въ его мирномъ успокоеніи, въ его послѣднемъ пріютѣ...

Въ Псковѣ были опять тѣ же рѣчи, обѣды, стихи и тосты за пирами и нѣсколько отрывковъ изъ пушкинскихъ пьесъ, любезно предоставленныхъ народу, незнающему въ большинствѣ случаевъ до сихъ поръ ни имени Пушкина, ни его вѣщихъ созданій. Народъ былъ здѣсь не болѣе какъ аксессуаромъ, фономъ той картины, которой услаждала сама себя интеллигенція.

И вотъ мы въ Петербургѣ. Тѣ же сѣрыя небеса, сѣрая мгла, мелкій дождь и холодъ. И холодно, грустно кругомъ, какъ-то не по праздничному грустно. Проѣзжая по улицамъ, живущимъ своей обычной жизнью, глядя на сѣрый людъ, преданный своимъ обычнымъ работамъ, невольно рождался вопросъ, гдѣ же этотъ праздникъ, въ чемъ выражается онъ? Что сдѣлано для этого сѣраго люда? Вѣдь сегодня долженъ быть „праздниковъ праздникъ, торжество изъ торжествъ“, сегодня въ Москвѣ сто лѣтъ назадъ родился величайшій русскій геній, величайшій изъ русскихъ сыновъ на всемъ протяженіи русской исторіи, сегодня взошло солнце надъ всей русской литературой, разбудившее своими лучами наше самосознаніе. Но, грустно поникнувъ своей курчавой головой, стояла маленькая бронзовая статуэтка Пушкина — признательная память городского управленія—затертая громадами домовъ, на которыхъ развивались пестрыя тряпки, долженствующія изображать праздничное убранство. Какіе-то столбы, помазанные охрой, изображали тріумфальную арку, повитую ельникомъ — этимъ символомъ смерти, обычной принадлежностью печальныхъ траурныхъ процессій. Подлѣ маленькаго памятника, обнесеннаго зацертой на ключъ рѣшеткой, толпилась публика, лежалъ бѣдный вѣночекъ и, сверкая золотыми литерами на гранитномъ пьедесталѣ, красовались перевранные, искаженные стихи Пушкина, которые пересочинили по своему, вѣроятно, изъ большаго усердія „отцы города“. Толпа стояла и сиротливо жалась къ памятнику, бронзовый Пушкинъ смотрѣлъ на толпу съ сокрушеніемъ, а дождь лилъ, ревѣлъ жалобно вѣтеръ, и было холодно, и было сыро и невыразимо грустно.

Въ этотъ приснопамятный день 26-го мая въ Казанскомъ соборѣ служилась торжественная литургія и панихида по Пушкинѣ, а въ два часа дня въ залѣ консерваторіи состоялся торжественный актъ академіи наукъ, на которомъ былъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи при академіи наукъ Пушкинскаго отдѣленія изящныхъ искусствъ. Кромѣ того, объявлено, что сельцо Михайловское выкупленно въ государственную собственность и дочери поэта М. А. Гартунгъ увеличена пенсія до 3,000 р. Академическій актъ, представлявшій, такъ сказать, государственное чествованіе памяти безсмертнаго поэта, закончился звуками кантаты.

Государственное признаніе заслугъ Пушкина, этого при жизни опальнаго изгнанника, было публичное и торжественное.

Начинаются общественныя чествованія памяти Пушкина. И начинаются съ весьма удачной пародіи на литературный обѣдъ, на которомъ было все, не было только однихъ литераторовъ. Литераторы, т. е. тѣ общепризнанныя литературныя силы, блистали своимъ полнымъ отсутствіемъ. Ихъ замѣнили, съ успѣхомъ въ собственномъ муравейникѣ, господа жонглеры литературы, взявшіе на себя главную роль руководителей и хозяевъ. Были рѣчи и тосты, но представители апокрифической литературы, прославлявшіе въ рѣчахъ свои имена, попутно съ великимъ именемъ Пушкина, не сумѣли внести хотя бы одной живой искры, хотя бы одного задушевнаго слова, но словъ и напитковъ былъ преизбытокъ полный.

Почему же не откликнулись литераторы почему они не пожелали сами войти въ это собраніе и почтить память Пушкина, быть можетъ, спроситъ читатель, почему на этомъ обѣдѣ, данномъ отъ имени печати, печать въ большинствѣ органовъ прислала только своихъ репортеровъ и не появились тѣ, кому болѣе чѣмъ по праву принадлежитъ именоваться ея представителями? Очень просто, потому, что на обѣдѣ, такъ называемомъ обѣдѣ печати, устроенномъ двѣнадцатью соединенными обществами, печать явилась тринадцатой, призванной напослѣдокъ, потому что устроители и вдохновители этого собранія пожелали идти особнякомъ, памятуя, кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Въ самомъ дѣлѣ, не оскудѣла наша литературная нива, есть на ней нѣсколько почтенныхъ именъ и дѣйствительныхъ талантовъ, и отъ нихъ-то и должна была исходить инціатива чествованія, къ нимъ то и должны были быть направлены предложенія тѣхъ же представителей двѣнадцати соединенныхъ обществъ. Вышло не то, и вышло плохо, повторилось то же, что повторялось и во времена Пушкина, когда капральствовали Гречи и Булгарины, а Бѣлинскіе скромно довольствовались своимъ кружкомъ и именемъ „недоучившагося студента“.

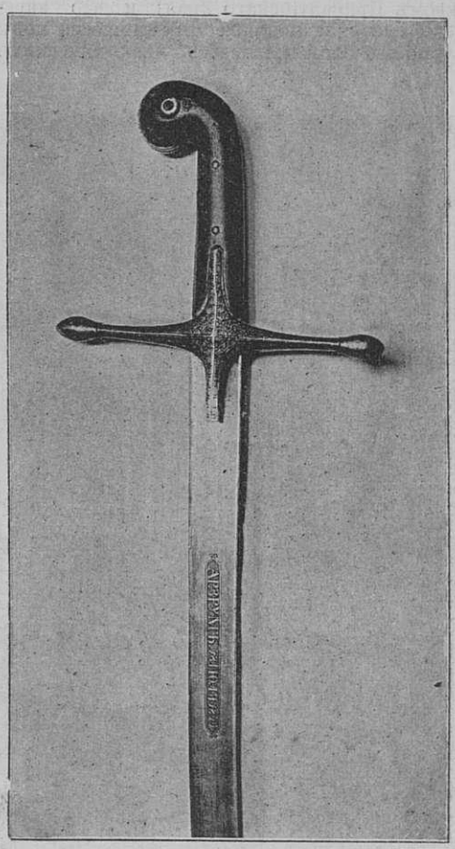
Времена перемѣнились, но нравы не далеко шагнули впередъ. Въ печати всегда есть и должна быть борьба мнѣній и убѣжденій, направленій и лагерей. Существованіе ихъ настолько же законно, насколько законно существованіе самой печати; даже болѣе: въ этой непрестанной борьбѣ кроется только прогрессъ печати, безъ нихъ была бы тина, застой. Люди противоположныхъ мнѣній и направленій, люди, еще вчера бывшіе искренними врагами, могутъ сойтись вмѣстѣ и уважать вообще мнѣнія своихъ противниковъ, разъ только этими противниками руководятъ искренно и честно ихъ убѣжденія.

Такъ на пушкинскомъ праздникѣ въ восьмидесятомъ году сошлись безъ злобы и пожали другъ другу руки искренній западникъ Тургеневъ и не менѣе искренній славянофилъ Аксаковъ. Но уважать мнѣнія господъ главнымъ девизомъ которыхъ есть и было „держи носъ по вѣтру“, съ такими господами общаться настоящему, истинному литератору, для котораго литература цѣль, а не средство, для котораго она служеніе идеѣ, а не лицамъ, — отъ подобнаго общенія, хотя бы и прикрытаго именемъ безсмертнаго поэта, лучше подальше. И литераторы такъ и сдѣлали, они поражали своимъ полнымъ отсутствіемъ, равно какъ не украшали они и городского раута, на который даже многія редакціи не получили вовсе приглашенія. Взамѣнъ литературы, иностранные гости видѣли здѣсь разливное море вина. При чемъ тутъ было имя Пушкина, хитрый Эдипъ, разрѣши!..

Гораздо симпатичнѣе, живѣе и отзывчивѣе, какъ и слѣдовало ожидать, чествовала Пушкина Москва. Около памятника великаго поэта собралась густая толпа народа, вѣнки, зелень окружили памятникъ, тысячи дѣтскихъ голосовъ подхватили хвалебный гимнъ Пушкину и наэлектризовали толпу. Москва дала нѣчто дѣйствительно праздничное, хотя одинъ моментъ подъема общихъ чувствъ, но все же это былъ праздникъ интеллигенціи, а не народа. И до сихъ поръ народъ мало знаетъ Пушкина, и до сихъ поръ можно повторить съ полнымъ правомъ его слова, что

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

День, когда „мужикъ не Блюхера и не Милорда глупаго“ съ базара понесетъ, когда свѣтлыя творенія поэта, пробуждавшаго своей лирою чувства добрыя, станутъ достояніемъ какъ барскихъ хоромъ, такъ и убогихъ деревень, когда Пушкинъ явится весь во всеоружіи передъ нашимъ темнымъ до сихъ поръ народомъ—вотъ когда наступитъ этотъ желанный праздникъ, этотъ дѣйствительно всероссійскій праздникъ. Великій народъ долженъ знать и цѣнить выразителей своихъ чувствъ и мощи, долженъ знать не по наслышкѣ только имя своихъ славныхъ сыновъ, однимъ изъ которыхъ является Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, этотъ вдохновенный поэтъ своего народа, своей родины, дѣйствительная гордость Россіи.



Сабля, подаренная гр. Паскевичемъ Пушкину.

Пушкинскіе праздники окончены, но когда же придетъ дѣйствительный праздникъ, настанетъ тотъ желанный, долгожданный день, настоящій день, предъ которымъ, какъ мракъ передъ свѣтомъ, побѣгутъ невѣжество и всѣ путы русской жизни — объ этомъ каждый можетъ мечтать по своему.

Вл. Новоселовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Конференція мира, собранная въ Гаагѣ, выработала слѣдующія шесть статей:

Ст. 1-я. Для того, чтобы препятствовать насколько возможно тому, чтобы въ международныхъ отношеніяхъ прибѣгали къ силѣ, державы пришли къ соглашенію приложить всѣ старанія къ тому, чтобы мирными средствами добиться рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Ст. 2-я. Въ случаѣ весьма серьезныхъ разногласій во мнѣніяхъ и прежде чѣмъ послѣдуетъ обращеніе къ оружію, договаривавшіяся державы прибѣгаютъ къ добрымъ услугамъ или къ посредничеству двухъ или нѣсколькихъ державъ, если только этому не препятствуютъ какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства.

Ст. 3-я. Независимо отъ этого средства, договаривавшіяся державы полагаютъ полезнымъ, чтобы одна или нѣсколько державъ, къ спорному вопросу непричастныхъ, по собственному почину и по скольку это допускается обстоятельствами, предлагали спорящимъ сторонамъ добрыя услуги или посредничество. Право предлагать добрыя услуги принадлежитъ непричастнымъ къ спору державамъ, и во время препирательствъ къ пользованію этимъ правомъ никакъ нельзя относиться, какъ къ недружественному поступку.

Ст. 4-я. Роль посредника сводится къ примиренію противоположныхъ сторонъ и къ успокоенію умовъ.

Ст. 5-я. Дѣятельность посредника прекращается, коль скоро будетъ установлено, что сдѣлка или основы дружественнаго соглашенія отвергнуты.

Ст. 6-я. Добрыя услуги и посредничество имѣютъ исключительно характеръ дружескаго совѣта.

Ст. 7-я. Принятіе посредничества не можетъ имѣть слѣдствіемъ пріостановки, замедленія или ограниченія мобилизаціи и другихъ приготовленій къ войнѣ. Если посредничество принято уже послѣ того, какъ непріязненныя дѣйствія начались, то текущіе военные вопросы, вслѣдствіе этого, не признаются пріостановленными.

Ст. 8-я. Въ случаѣ тяжкихъ, угрожающихъ миру раздоровъ, каждая изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ державъ выбираетъ по одной державѣ, и эти державы вступаютъ въ переговоры съ цѣлью предупредить разрывъ мирныхъ сношеній. Пока державы эти пользуются данными имъ полномочіями, т.-е. въ теченіе не болѣе тридцати сутокъ, спорный вопросъ считается исключительнымъ достояніемъ этихъ державъ, которыя обязаны приложить всѣ старанія къ уланженію спорнаго вопроса. Въ случаѣ дѣйствительнаго разрыва мирныхъ отношеній, на державъ-посредницъ возлагается общая обязанность пользоваться всякимъ случаемъ къ возстановленію мира.

Первыя шесть статей выработаны русскою делегаціею, ст. 7-я предложена главнымъ итальянскимъ делегатомъ, графомъ Нигра, а послѣдняя исходитъ отъ американскихъ делегатовъ.

Именной Высочайшій указъ.

Объ учрежденіи въ Императорской академіи наукъ разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Одушевляемые горячею любовью къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ Державными Предками Нашими,

признали Мы за благо, во вниманіе къ представленію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Президента академіи наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской академіи наукъ посвященныхъ его памяти: разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина.

Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности.

Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія академіи наукъ.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1. Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюля 1893 года штату Императорской академіи наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ.

2. На образованіе пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію академіи наукъ суммъ, по пятнадцати тысячъ рублей.

3. Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 года.

Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской академіи наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Въ Царскомъ Селѣ.
29-го апрѣля 1899 года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

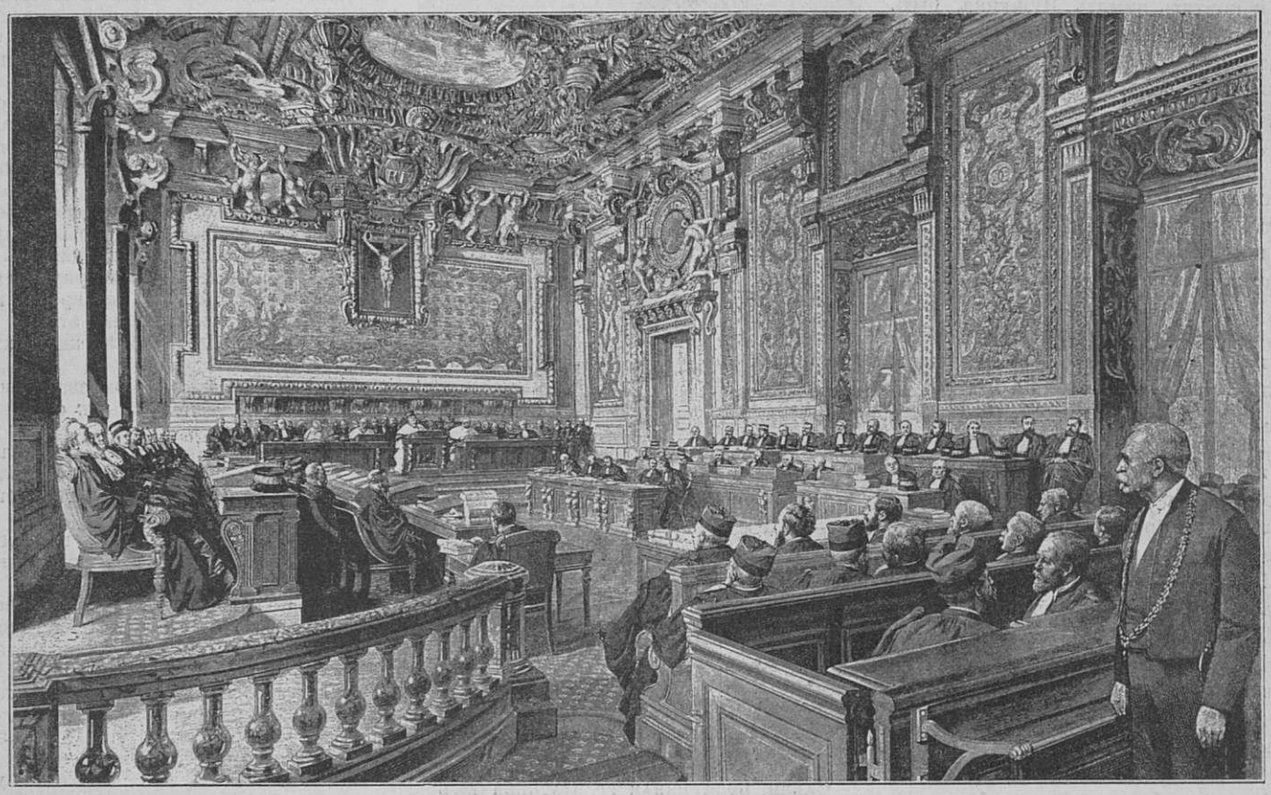
На-дняхъ прибылъ въ Петербургъ представитель одного бельгійскаго акціонернаго общества съ предложеніемъ построить на Охту постоянный мостъ изъ русскихъ матеріаловъ, русскими рабочими, но подъ наблюденіемъ бельгійскихъ инженеровъ. Смѣта исчислена въ 4.200,000 рублей.

— Произведенное лѣтомъ 1898 года ярославскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ краткое обслѣдованіе состоянія начальнаго образованія въ Ярославской губерніи выяснило, что здѣсь уже давно существуетъ сравнительно высокая степень грамотности населенія, особенно мужского, что происшедшее за послѣднее двадцатилѣтіе развитіе земской и церковно-приходской училищной дѣятельности выдвинули Ярославскую губернію, по числу учащихся на 1,000 чел. населенія, на первое мѣсто среди всѣхъ губерній Европейской Россіи (кромѣ Прибалтійскаго края) и что населеніе губерніи, издавна стремившееся подъ вліяніемъ благопріятныхъ экономическихъ условій къ просвѣщенію, начинаетъ цѣнить уже не только простую грамотность какъ орудіе для утилитарныхъ цѣлей, но и болѣе высокую степень начальнаго образованія, предлагаемую двухклассными министерскими училищами. Эти очень благопріятныя данныя о положеніи народнаго образованія въ губерніи, въ связи съ бытовыми условіями жизни ярославскаго крестьянина, постоянно кочующаго изъ губерніи въ столицы и имѣющаго возможность совершенствовать свое умственное развитіе, благодаря постоянному общенію съ болѣе высокой городской культурой, — вызвали мысль попытаться изслѣдовать, насколько населеніе въ районѣ губерніи ушло впередъ отъ простой грамотности или, вѣрнѣе, насколько оно воспользовалось этой грамотностью для расширенія своего образованія путемъ ознакомленія съ русской литературой. Пушкинскія торжества послужили внѣшнимъ поводомъ для пріуроченія перваго опыта такого изслѣдованія къ имени Пушкина. По иниціативѣ предсѣдателя губернскаго статистическаго комитета ярославскаго губернатора, былъ выработанъ рядъ вопросовъ, которые были предложены учителямъ народныхъ училищъ и отвѣты на которые должны были доставить матеріалъ для выясненія значенія произведеній Пушкина въ школѣ и степени распространенности ихъ въ населеніи Ярославской губерніи. Окончательная сводка всѣхъ добытыхъ отдѣльными лицами результатовъ была предоставлена секретарю ярославскаго губернскаго статистическаго комитета, А. Р. Свирщевскому. Результатомъ явилась составленная имъ (въ качествѣ X вып. „Трудовъ“ ярославскаго губернскаго статистическаго комитета) весьма интересная работа: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи“.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Встрѣча. Съ картины художника *Райлянъ*.

Желанная встрѣча за околицей молдованскаго поселка. Фигуры деревенской кокетки и тучнаго, простоватаго парня схвачены художникомъ очень удачно. Это настоящая жанровая сценка, выхваченная прямо изъ жизни.



Засѣданіе кассаціоннаго суда по дѣлу Дрейфуса.

Духовный наставникъ въ Морокко. Съ картины *А. Гирша*.

Учитель подрастающаго юношества, посѣдѣвшій въ изученіи „закона“, преподаетъ его молодымъ слушателямъ. Полная гордаго сознанья истинной премудрости, льется рѣчь старика, и въ нѣмомъ созерцаніи устремлены глаза юноши-подростка на своего учителя.

Уютный уголокъ. Съ картины *Г. Херпфера*.

Уютный уголокъ гостиной. Сумерки плывутъ въ комнату, и весело вспыхиваетъ багровый отсвѣтъ пылающихъ въ каминѣ дровъ, сливаясь съ вечернимъ мерцаніемъ уходящаго дня. Граціозное тріо клавикордъ, арфы и мандолины только что окончено молодыми артистками, собравшимися въ этомъ уютномъ уголкѣ.

Сигналъ. Рисунокъ *М. Малышева*. Гр. *В. Адт*.

Иллюстраціей М. Малышева мы продолжаемъ нашъ литературный альбомъ рисунковъ къ сочиненіямъ русскихъ писателей. Разсказъ В. М. Гаршина „Сигналъ“— одно изъ послѣднихъ произведеній этого молодого, безвременно угасшаго писателя.

Засѣданіе кассаціоннаго суда по дѣлу Дрейфуса.

Въ слѣдующемъ политическомъ обозрѣніи мы дадимъ подробный отчетъ о событіяхъ, происходящихъ во Франціи.

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

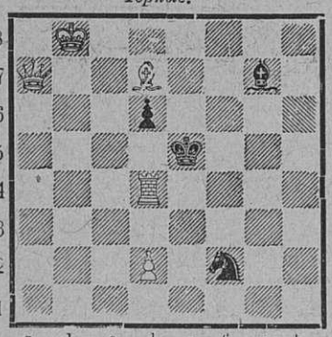
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 118.

С. Трчала (въ Богеміи).

Изъ „Ceské Listy Sachové“.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ

СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА

ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

СЛАБИТ. ВОДА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

НЕ ТОЛЬКО НАШЛА СЕБѢ У НАСЪ

ВЕЛИЧАЙШЕЕ РАСПРОСТРАНЕНІЕ,

но заняла выдающееся положеніе и на міровомъ рынкѣ. Требовать непремѣнно „Franz Josef-Bitterwasser“, такъ какъ въ продажѣ имѣются подъ сходными этикетами другія менѣе дѣйствительныя воды.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

Дирекція слабительной воды ФРАНЦА-ІОСИФА въ Будапештѣ. (6)

Затемнѣніе помѣщеній. Во многихъ квартирахъ, выходящихъ на солнечную сторону, ради сбереженія ковровъ и мебели, затѣняютъ окна. Обладатели этихъ квартиръ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о разрушительномъ дѣйствіи солнечнаго свѣта и воздуха на различныхъ возбудителей болѣзни. Въ Пастеровскомъ институтѣ дѣлались опыты, доказавшіе, что бактеріи, подвергнутыя дѣйствію солнца и воздуха, уничтожались въ теченіе 2 часовъ; такія же бактеріи, подвергавшіяся дѣйствію одного только солнца, безъ воздуха, были живы и по прошествіи 50-ти часовъ. Холерныя палочки, защищенныя отъ дѣйствія солнца, убивали морскихъ свинокъ въ продолженіе 18 часовъ, а выставленныя передъ тѣмъ на солнце, были совсѣмъ безвредны. Вообще, чѣмъ больше подпускается кислорода, тѣмъ сильнѣе бактеріи страдаютъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Опо — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи

В. АУРИХА,

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

Лиговская 44.

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-9.

Способность молока вбирать запахъ. „Annales de médecine vétérinaire“ печатаютъ пространную статью объ этой способности, въ сущности, давно извѣстной, но на которую мало обращаютъ вниманія. Въ этой статьѣ между прочимъ указываютъ на нѣсколько случаевъ, въ родѣ того, какъ молоко, оставленное въ стаканѣ рядомъ со стклянкой дегтярной воды, пропахло дегтемъ, а другое, рядомъ со скипидаромъ, пропахло скипидаромъ такъ, что его нельзя было пить. На этомъ основаніи дѣлались опыты, для чего кувшинъ съ молокомъ ставили рядомъ съ горшками, наполненными разными пахучими веществами, и спустя 8 часовъ пробовали вкусъ молока. Каждое изъ этихъ веществъ, какъ-то каменно-угольный газъ, скипидаръ, лукъ, табачный дымъ, парафинъ, асса-фетида, гнилая рыба, придало стоявшему подлѣ него молоку свой собственный спеціальный запахъ. Запахъ отъ мускуса и камфоры былъ значительно слабѣе другихъ. Молоко сохраняло пріобрѣтенный имъ запахъ въ теченіе 14 часовъ. Но молоко можетъ портиться еще и въ вымени коровъ, если онѣ дышатъ воздухомъ, продушеннымъ пахучими веществами или содержащимъ вонючіе газы. Сельско-хозяйственные журналы приводятъ случаи, когда коровамъ приходилось возвращаться съ пастбища мимо брошеннаго трупа какого-нибудь павшаго животнаго, и молоко не только этихъ коровъ, но даже и тѣхъ, которыхъ доили рядомъ, имѣло сильный непріятный запахъ. Всѣмъ хозяевамъ извѣстно, что въ хлѣвъ, только что обеззараженный карболкой, нѣкоторое время, т. е. пока запахъ не улетучится, нельзя помѣщать ни дойныхъ коровъ, ни скота, назначеннаго на убой. Мясо такихъ животныхъ тоже имѣетъ сильный запахъ карболки.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. ВУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ и свѣдѣнія изъ международнаго права. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

Вліяніе глазированной бумаги на зрѣніе. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ англійскаго журнала «Invention» указываютъ на борьбу, поднятую нѣкоторыми нѣмецкими врачами противъ глазированной бумаги, которой они приписываютъ вредное вліяніе на зрѣніе. Нечего говорить о полномъ преобразованіи, которому вообще подверглась печатная бумага за послѣднее время. Мы далеко ушли впередъ отъ прежней тряпичной бумаги, сѣроватаго или синеватаго цвѣта и изъ грубоватой массы, требовавшей какъ для печатанія, такъ и для письма болѣе крупныхъ буквъ. Въ настоящее время почти исключительно употребляютъ бумагу, сфабрикованную изъ различныхъ растительныхъ волоконъ; отличительную черту ея составляетъ чрезвычайно гладкая поверхность, по которой перо скользитъ, на которой можно печатать самымъ мелкимъ шрифтомъ. Если мы станемъ разсматривать эту усовершенствованную бумагу, мы замѣтимъ на ней сильныя отраженія. Глазированная печатная страница представляетъ цѣлый рядъ отраженій, тѣней и свѣтовыхъ отблесковъ, которые сильно утомляютъ глазъ. Часто нужно повертывать печатную страницу въ разныхъ направленіяхъ, чтобы имѣть возможность отчетливо разобрать буквы. Нѣмецкіе врачи основательно изучили вопросъ и предлагаютъ отказаться отъ слишкомъ глазированной бумаги, и вмѣсто бѣлаго цвѣта употреблять сѣроватый или синеватый.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей В. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 188. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Н. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескье. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/д., Садовая ул., д. Панченко.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

ГОЛЛЕНДЕРА

для уничтоженія мозолей и бородавокъ.

Самыя застарѣлыя мозоли уничтожаются, при употребленіи мозольной жидкости „Голлендера“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флак. 35 коп.; за 1 рубль почтою высылаются въ Европейскую Россію 2 флак. Главный складъ: СПБургъ, Разъѣзжая, № 13.

Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашей не имѣющими. 3055-1

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ Д. Аѳанасьева. Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ А. Д. Апраксина. Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургѣ, Невскій пр., 68—40.

Ростовѣ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что

СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТЬНЫХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ,

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше просимъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдуемаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. І. Избранныя мысли Бѣлинскаго. П. Ромалъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40, Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

ВЕ-

„EMPIRE“
„BELGICA“
„АДЛЕРЪ“
„БРЕНАБОРЪ“
„ГРЕЙФЪ“

отъ 100—200 руб. имѣютъ на складѣ **Э. Кинкманъ и К°.**

С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла
«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи міроздапія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

РОДЖЕРСЪ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Перев. съ англійскаго. Спб. 1899. Ц. 3 руб.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

ШАШКИ.

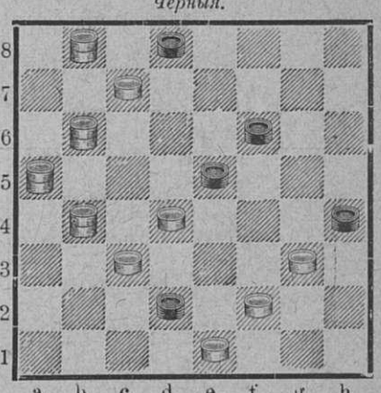
Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 103.

А. В. Харьянова (въ Воронежѣ).

Посвящается В. И. Шошину.

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку.

Рѣшенія шашечныхъ задачъ.

№ 98. *Ильина.* 1. c1—a3; 2. e1—d2; 3. e5—c3; 4. b8:d2, g3—f2 (4... a5—b4; 5. h2:f4); 5. h2—g3; 6. a3—b4; 7. d2—e3 и т. д.

№ 99. *Харьянова.* 1. f8—d6; 2. h6—g7, b6—a5 (2... b6—c5; 3. c3—b4 и 4. g7—b2.—2... c7—d6; 3. g7—e5 и 4. e1—g3); 3. c3—b4; 4. g7:b2, c7—b6 (4... c7—d6; 5. b2—e5 и т. д.); 5. e1—a5 и 6. a5—b4.

№ 100. *Иванова.* 1. c1—b2, h6—g5 (1... f8—g7; 2. b2:h8; 3. g3—h4; 4. h4—g5; 5. h8—d4; 6. d4—f2 и т. д.); 2. b2—g7; 3. g3—h4; 4. h4—g5 и 5. d2:f4 или 5. h2:f4.

№ 101. *Виноградова.* 1. e1—f2; 2. f6:h4; 3. f8—e7, 4. e7—b4; 5. a7:g1 и 6. h4:e1.

Рѣшили: Н. В. Люхинъ, В. В. Локотьяновъ, Е. Ф. Андрезенъ (Спб.). И. В. Петровъ (Кострома) и Н. Н. Сергѣевъ (Вологда)—всѣ; А. Мей (Варшава) -№№ 98 и 99; В. С. Виноградовъ (пос. Ново-Александрія, Люблин. губ.)—№ 98; М. Соколовъ (Спб.)—№ 100; А. Н. Киселевъ и С. Н. Васильевъ (Спб.)—№ 101.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!
ПЕЙТЕ ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ!!!

ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ экономиченъ.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ очень полезенъ для здоровья.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ чистаго приготовленія.
ЦЕЙЛОНСКІЙ ЧАЙ есть лучшій чай по вкусу и аромату.

Годичное потребленіе Цейлонскаго чая **въ Россіи** болѣе **10.000,000** фунтовъ **10.000,000.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р. — **На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 23 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2 1/2 листовъ съ 15 рисунками и обложки.

Кромѣ того, при этомъ нумерѣ журнала «Живописн. Обозрѣн.» всѣмъ гг. подписчикамъ разсылается шестая книга ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній: «Новые романы, повѣсти и разсказы» (за іюнь 1899 г.).

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 3 іюня 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, сов. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 24.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 24-го нумера.

Воскресенье, 13-го іюня 1899 г.

Статьи:

„Бѣлыя ночи". Стихотвореніе Григорія Арищенко. — „Гнѣздышко". А. Ѳедорова. (Окончаніе). — „Замѣтки". Стихотвореніе К. Фофанова. — „Двѣ любви". Повѣсть А. Каменскаго. (Продолженіе). — „Образцовое преступленіе". Разсказъ Ж. Ришпена. — „Правители и мыслители". (Александръ I и Парротъ). Е. Литвинова. — „Выставка перваго дамскаго художественнаго кружка". П. К. — Хроника. — Ор. Ѳ. Миллеръ. Н. Д. Н. — „Роза Бонеръ" В. М. — Разныя извѣстія. — Шашки и шахматы. — Объявленія.

Рисунки:

„Лодку"! Съ картины Г. Бахмана. — На маневрахъ. Съ картины Бернъ-Балькуръ. — Устный счетъ въ школѣ. Съ картины Н. Богданова-Бѣльскаго. — На кладбищѣ. А. Е. Архипова. — Народный театръ въ с. Михайловскомъ. — Видъ Святогорскаго монастыря. — Богадѣльня и читальня въ с. Михайловскомъ. — Сцена изъ оп. „Алеко". — Г. Ершовъ въ роли „Цыгана". — Апоѳеозъ сказки „Золотая рыбка" въ Василеостровскомъ театрѣ. — Сцена изъ „Русалки". — Сцена изъ „Бориса Годунова". — Сцена изъ „Руслана и Людмилы". — Царскосельскій лицей. — Памятникъ Пушкину въ лицейскомъ саду, — Генералъ Геліени въ Филанцонѣ. — Пожаръ верфи. — Карлотта Гризи. — О. Ѳ. Миллеръ. — Роза Бонеръ. — Президентъ Крюгеръ въ сопровожденіи конвоя. — Пріемъ посѣтителей президентомъ Крюгеромъ. —

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ".

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что

СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТЬНЫХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ,

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше просимъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдуемаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

№4711

Рейнская фіалка

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества

ФЕРД · МЮЛЬГЕНСЪ

Колокольная №4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ригѣ

Дѣйствительный Свѣжій Запахъ фіалки.

безъ примѣсей (мускуса, пачули и проч.)

Модный Парфюмъ Зеленосвѣтскихъ круговъ

Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Н. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

КОНСУЭЛО.

(Consuelo).

Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

«ИЗДАТЕЛЬ»,

Спб., Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-Петербургѣ. Невскій, 68—40.

Ростовъ-на-Дону. Садовая ул., домъ Панченко.

Всемірно-извѣстныя Швейцарскія бритвы фабриканта „Arbenz“

„Le Champion“

Высшаго кач. съ запасными лезвіями и полнымъ ручательствомъ, продаются во всѣхъ первокл. магаз. стальн. изд. Цѣна 3 р., каждое запасное лезвіе 1 р. 3070-1

ВЕ-

ЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“ „BELGICA“ „АДЛЕРЪ“ „БРЕНАБОРЪ“ „ГРЕЙФЪ“

отъ 100—200 руб. имѣютъ на складѣ

Э. Кинкманъ и К°.

С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

3057

КРАСКА

ДЛЯ ВОЛОСЪ

ПРИДВОРНАГО ПАРФЮМЕРА

АЛЕКСАНДРА ГЕРКЕ

окрашиваетъ въ черный и коричневый прочный цвѣтъ,—смотря по надобности свѣтлѣе и темнѣе.

Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Главный складъ *А. Энлундъ*, С.-Петербургъ, Михайловская площ. д. № 2 Жербина. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. 3023

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей В. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

КРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЙ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.*

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. І. Избранныя мысли Бѣлинскаго. ІІ. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

„ПОГРОМЪ“

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращеній). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 24. Воскресенье, 13-го Іюня 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.

Лодку! Съ картины художника Г. Бахманъ.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

I.

Бѣлою ночью, какъ днемъ, я гляжу на тебя, дорогая.
Бѣлою ночью, какъ днемъ, ты прекрасна, невинна, чиста...
Только ночной вѣтерокъ, въ комнату быстро вбѣгая,
Кудри колышетъ твои, тихо цѣлуетъ уста...

* * *

Вечеромъ позднимъ іюньскимъ солнце, разставшись съ тобою,
Въ путь одинокій ушло, полное грезъ о тебѣ,
Полное радужныхъ грезъ, полное жгучаго зноя,
И не смогло позабыть образъ твой въ тщетной борьбѣ

И, съ полдороги вернувшись, снова къ тебѣ, дорогая,
Съ прежнею лаской спѣшитъ... Вотъ почему вкругъ тебя
Свѣтъ не померкъ въ эту ночь, чистый твой сонъ охраняя,
Словно любуясь тобой, кротко и нѣжно любя...

* * *

Вотъ почему въ эту ночь мнѣ впервые открылась святыня
Свѣтлой любви неземной, сотворенной изъ свѣтлыхъ лучей...
О, въ эту ночь не посмѣетъ взоръ омраченный ничей
Чистой коснуться тебя,—ночи бѣлой богини!

* * *

II.

Заря не гасла въ небѣ синемъ,
И духовъ свѣтлые полки
Мнѣ пѣли тихо: „Не покинемъ
Мы землю скорби и тоски,

* * *

Пока заря на небѣ ночи
Алѣетъ отблескомъ огня,
И все свѣтлѣе и короче
Небесный путь къ разсвѣту дня;

* * *

Пока — въ сердцахъ людскихъ смятенныхъ,
Надеждой пламенной горя,
Любви и счастья неизмѣнныхъ
Не вспыхнетъ свѣтлая заря!“

III.

Эту бѣлую майскую ночь,
Ночь безгрѣшныхъ и чистыхъ видѣній,
Ты грѣховной мечтой не порочь,
Отгони соблазняющій геній.

* * *

Эта ночь не потерпитъ грѣха
И не приметъ угрозъ и проклятій...
Эта ночь, какъ смиренье, тиха
И свѣтла, какъ улыбка дитяти.

* * *

Эта ночь воплотила мечты,
Сокровенныя грезы поэта:
Въ эту ночь незакатнаго свѣта
Пала грѣшная власть темноты.

Григорій Арищенко.

ГНѢЗДЫШКО.

Разсказъ (*Окончаніе*).

ВЗДОРЪ, — отрѣзалъ Лощиловъ. — Поставить приборъ для Николая Ѳеофановича и позвать его къ завтраку! — приказалъ онъ прислугѣ, усаживаясь за столъ и приглашая къ тому же меня. — Куда онъ уйдетъ безъ денегъ?

— Я тоже думаю такъ, комедіи однѣ, — поморщилась супруга.

Всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ.

— Ахъ, какъ сегодня парить! — вздохнула хозяйка. — Навѣрно гроза будетъ... Сегодня и Карасикъ такой безпокойный. Дѣти удивительно грозу чувствуютъ. Да и надъ моремъ, вонъ, какія тучи.

Сквозь зелень винограда, обвивавшаго террасу, надъ моремъ, вдали, видны были темныя, клубящіяся тучи... Ласточки съ крикомъ рѣяли въ выси.

Вошелъ Николай.

Я только тутъ разсмотрѣлъ его какъ слѣдуетъ. Это былъ довольно высокій для своихъ лѣтъ, стройный юноша съ худощавымъ, загорѣлымъ до пятенъ лицомъ, открытымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямымъ, съ сѣрыми насмѣшливыми глазами и широкимъ лбомъ, выдававшимся замѣтно надъ бровями. Онъ былъ въ высокихъ грубыхъ сапогахъ и простой сѣрой косоворткѣ дешеваго полотна.

Снявъ съ головы бѣлый картузъ, онъ поклонился намъ, поправилъ пятерней свои густые, бѣлокурые, какъ у брата, волосы и остановился у косяка террасы.

— Ты звалъ меня? — обратился онъ къ брату.

— Да... Завтракать, — не глядя на него, лаконически отвѣтилъ тотъ, заправляя за воротникъ конецъ бѣлоснѣжной салфетки.

— Спасибо. Я ужь поѣлъ.

— Что это за скверная манера ѣсть отдѣльно отъ насъ. Можно подумать, что тебя на кухнѣ держутъ, — покраснѣвъ, недовольно замѣтилъ Кондратій.

Николай ничего не отвѣтилъ.

— Я бы тебя просилъ бросить эти... эти... фокусы...

— Да вѣдь я ужь сказалъ вамъ, что сегодня ухожу...

— А-а...—поморщился Лощиловъ, какъ бы не придавая никакой цѣны этому заявленію. — Нельзя-ли безъ этихъ комедій.

Николай криво ухмыльнулся и еще тверже сказалъ:

— А не дальше, какъ сейчасъ.

— Гм... Куда же это, позвольте спросить? Опять въ трущобы, что-ли?

— Да хоть-бы и въ трущобы! — слегка поблѣднѣвъ, отвѣтилъ Николай.

— Что-же, тамъ, должно быть, лучше, чѣмъ здѣсь, у брата?

Николай только пренебрежительно повелъ плечомъ. Хозяйка презрительно взглянула на него, затѣмъ перевела краснорѣчивый взглядъ на меня, какъ будто говоря: „Каковъ молодецъ! Сами видите“.

— Гм... такъ... продолжалъ Лощиловъ, глядя въ упоръ на брата съ оскорбленнымъ выраженіемъ благороднаго человѣка.

Что-же, мы тебѣ зло какое сдѣлали, что ты покидаешь насъ какъ враговъ?

— Никакого зла,—просто отвѣтилъ Николай. — Я и хотѣлъ только проститься, а вы волнуетесь, называете это комедіями.

— Могли-бы и смолчать передъ старшимъ братомъ-то! не выдержала своего олимпійскаго пренебреженія невѣстка.

Николай и бровью не шевельнулъ, точно не о немъ говорили.

Она покраснѣла отъ негодованія и тяжело вздохнула, покачавъ головой, точно удивляясь долготерпѣнію мужа.

— Интересно знать все таки, почему ты не желаешь жить съ нами? — допрашивалъ старшій братъ.

— Не ко двору я вамъ, — уклончиво отвѣтилъ Николай.

— Интересно знать, что-же это значитъ, не ко двору?

Николай только двинулъ опять правымъ плечомъ и взглянулъ въ сторону, ясно давая понять, что ему скучны эти объясненія, ни для чего не нужныя.

Тогда Лощиловъ взглянулъ на меня, какъ-бы приглашая въ свидѣтели своего безсилія сломать это упрямство, и опять обратился къ брату внушительнымъ тономъ:

— Я тебѣ еще разъ совѣтую подумать, прежде чѣмъ уходить куда-то. Обязанность моя, какъ старшаго брата, сдѣлать все, чтобы остановить тебя отъ твоихъ бродяжническихъ стремленій. Еще разъ совѣтую остаться и готовиться въ университетъ, или поступить на службу, наконецъ, просто, жить у меня, но только помнить, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Хозяйка безпокойно взглянула на мужа, потомъ на Николая. Тотъ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ни того, ни другого, ни третьяго мнѣ не нужно. Спасибо...

— Значитъ, ты рѣшительно уходишь?

— Да, я сказалъ...

— Ну... вольному воля, — холодно рѣшилъ Лощиловъ, поднимаясь со стула. Насильно удерживать я тебя не могу. Но если тебѣ когда-нибудь придется круто, не забывай, что есть... семья... (онъ едва не сказалъ „гнѣздышко“) въ которой ты всегда найдешь пріютъ.

— Благодарю. Я врядъ ли теперь вернусь скоро...

— До свиданья...

— До свиданья.

Они сначала протянули другъ другу руки, но потомъ какъ-то неловко поцѣловались.

— Я сейчасъ не при деньгахъ, усаживаясь снова въ кресло, сказалъ старшій братъ, но все-же могу дать тебѣ на дорогу рублей двадцать. Когда будетъ нужно, напиши.

И онъ протянулъ ему двѣ красненькихъ.

— Мнѣ не надо, — спокойно отказался Николай. А если бы и было надо, я-бы отказался.

— Почему же это? — вспыхнулъ Лощиловъ.—Что-же, у меня воровскія, что ли, деньги-то?

— Потому что я никому и ничѣмъ не хочу быть обязаннымъ.

Хозяйка презрительно фыркнула.

— За то, что я прожилъ у васъ три мѣсяца, — я вамъ вскопалъ почти весь виноградникъ и сдѣлалъ прививки... — понявъ ея улыбку и покраснѣвъ, отвѣтилъ Николай, обращаясь уже прямо къ ней. — Значитъ, мы квиты... Затѣмъ...

— Ну, ладно, ладно... — остановилъ его старшій братъ... Но вѣдь ни съ голода же ты будешь умирать безъ денегъ?

— Не умру. На это я всегда заработаю. Затѣмъ, я на-дняхъ еще получу рублей сто, а это для меня обезпеченіе на полгода.

— Откуда это?—недовѣрчиво сощуривъ глаза, спросила невѣстка.

— Разсказъ мой принятъ въ одномъ журналѣ, — съ нескрываемымъ торжествомъ отвѣтилъ Николай. Вчера я получилъ письмо, въ которомъ редакторъ меня увѣдомляетъ объ этомъ и проситъ присылать еще...

И точно сожалѣя о томъ, что онъ не выдержалъ и похвастался, какъ мальчишка, Николай нахмурился и еще разъ сказалъ:

— До свиданья.

— До свиданья, — не глядя на него, протянула ему руку невѣстка.

Мы простились тоже.

— Что же, ты сейчасъ идешь?—все еще какъ бы не вѣря, обратился къ нему старшій братъ.

— Да.

— Но вѣдь гроза собирается.

— Ничего... я люблю.

— Дождь вымочитъ.

— А это, говорятъ, хорошая примѣта. До свиданья. Онъ одѣлъ картузъ, кивнулъ еще разъ и сошелъ съ террасы. Подали ароматный молодой картофель, который, дымясь, щекоталъ аппетитъ вкуснымъ запахомъ поля и травы. Всѣ облегченно вздохнули послѣ этого непріятнаго объясненія.

Минутъ черезъ пять, Николай проходилъ черезъ садъ съ пальто на рукѣ и съ котомкой за плечами. Поровнявшись съ террасой, онъ мелькомъ взглянулъ на насъ и поднялъ фуражку. Лицо его было взволновано: даже нелюбимыя мѣста трудно покидать безъ грусти.

Онъ направился по знакомой мнѣ тропинкѣ по обрыву.

Сизая лохматая туча, поблескивая извивавшимися молніями и погромыхивая веселыми раскатами грома, шла ему навстрѣчу, точно веселая бука, которой пугаютъ дѣтей.

Три пары глазъ, обладатели которыхъ молча, съ аппетитомъ кушали картофель, отъ времени до времени, не глядя другъ на друга, обращались къ этой быстро удалявшейся фигурѣ.

Наконецъ, Николай прошелъ садъ, виноградникъ и очутился на обрывѣ, съ котораго открывалось вплоть отъ самаго берега море, недвижно отражавшее тучи и казавшееся чугуннымъ.

Николай снялъ фуражку и, обращаясь къ морю, громко и радостно крикнулъ молодымъ и сильнымъ голосомъ:

— До сви-дань-я!

— ...О... ань... я... — чуть слышно, какъ эхо, донеслось снизу. Это Николай прощался съ своими рыбаками.

Затѣмъ, онъ на мгновеніе обернулся назадъ и снова зашагалъ вдаль, махнувъ на прощаньи рыбакамъ своей бѣлой фуражкой.

Чувство не то сожалѣнія, не то досады мелькнуло въ глазахъ Лощилова.

— Психопатъ, — пробормоталъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Писатель тоже! — отправляя въ ротъ горячую картофелину съ сливочнымъ масломъ, подхватила супруга.—Пожалуй, насъ опишетъ еще за всѣ наши заботы о немъ.

— Ничего изъ него не выйдетъ, — продолжалъ Лощиловъ.—Можетъ быть, у него и дарованіе есть и все такое, но не достаетъ...

— Чувства! — окончила за него супруга. — Чувство у него только къ мужикамъ и есть.

— Дисциплины, — слегка нахмурясь на слова жены, продолжалъ Лощиловъ. — И потомъ эти бродяжническія наклонности! Мѣсяца не можетъ прожить на мѣстѣ. Все его куда-то тянетъ и тянетъ.

— И весь вѣкъ такъ проживетъ безъ своего гнѣзда, какъ бездомовная кукушка, — вторила супруга.— Ну, чего ему здѣсь не жилось? Сытъ, обутъ, одѣтъ!..

Никто ничего не отвѣтилъ ей на это. Тогда она сама разрѣшила этотъ вопросъ:

— А можетъ быть, ему, просто, завидно было глядѣть на братнино счастье.

Николай все удалялся и удалялся по обрыву, и навстрѣчу ему, все смѣлѣе и смѣлѣе блистала молніями и ворчала громомъ растрепанная, надувшаяся и почернѣвшая туча, которая обняла все небо и только тамъ, на горизонтѣ, отдѣлялась отъ моря ярко-голубой, чистой, какъ-бы омытой дождемъ, полосой неба, обѣщающей послѣ недолгой вешней грозы ясный и ликующій день.

Отъ этой тучи въ душномъ, неподвижномъ воздухѣ замѣтно пахнуло влажной свѣжестью. Бѣлые голуби съ церковной колокольни взмыли въ высоту, и на густомъ темномъ фонѣ этой тучи они казались ослѣпительно бѣлыми и прекрасными.

Николай остановился и, должно быть, любовался этими въ упоеніи купающимися въ посвѣжѣвшемъ воздухѣ бѣлыми птицами. Его стройная фигура на чугунномъ фонѣ тучи казалась воздушной и каждое движеніе можно было различить удивительно отчетливо, не смотря на дальнее разстояніе. Вотъ онъ снова двинулся впередъ. Дымчатыя полосы дождя быстро неслись ему навстрѣчу.

— Тебѣ, Коникъ, кофе или чаю? — заботливо и нѣжно спросила хозяина супруга.

— Кофе, дружокъ.

А. Ѳедоровъ.

ЗАМѢТКИ.

I

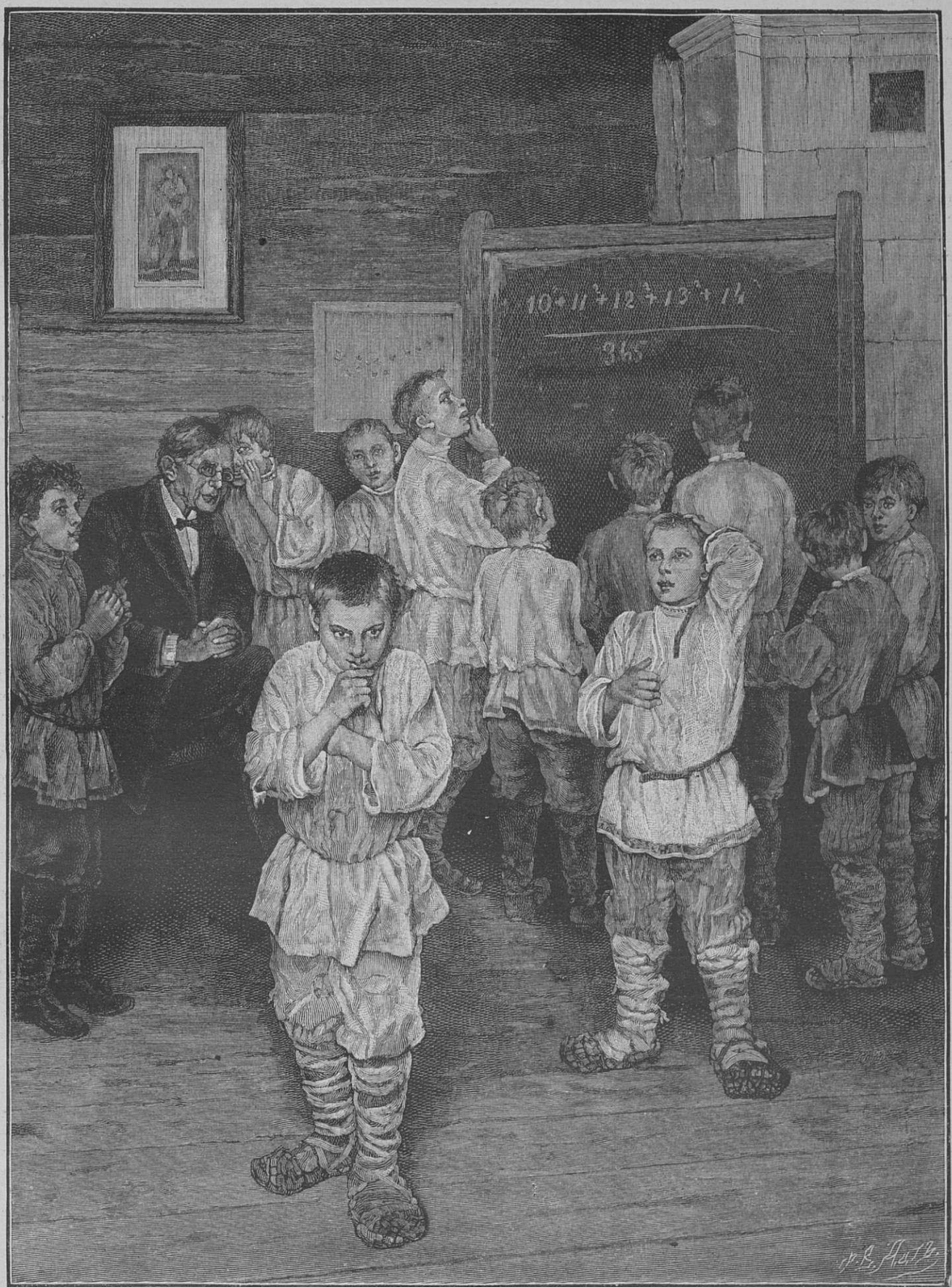
Вокругъ все тайна; міръ просторнѣй
Того, что владствуетъ душой.
Всегда въ землѣ таятся корни,
И только вѣтки надъ землей.

II.

Не вѣрь—люби, не вѣрь—живи,
Не вѣрь—страдай... и умирая,
Не вѣря, все благослови,
Чтобъ вѣрить слаще въ царство рая!

К. Фофоновъ.

На маневрахъ. Съ картины художника Бернъ-Белькуръ. Гравировалъ Е. Львовъ.



Устный счетъ въ школѣ Рачинскаго. Картина художника Н. Богданова-Бѣльскаго.

ДВѢ ЛЮБВИ.

Повѣсть. (*Продолженіе*).

IV.

ОДНАЖДЫ, уже въ ноябрѣ, къ нему зашелъ Хачатрянцъ. Денисовъ, съ первыхъ словъ, началъ жаловаться на свое мучительное состояніе.

На другой день, съ самаго утра, студенты искали себѣ комнату, чтобы поселиться вдвоемъ.

Подходящая, довольно большая комната отыскалась скоро на Садовой, во дворѣ огромнаго дома, занятаго почти одними складами и мастерскими. Денисовъ съ Хачатрянцемъ поднялись во второй этажъ по довольно чистой лѣстницѣ и позвонили у двери, на которой была прибита мѣдная дощечка съ надписью:

Ольга Ивановна
Брагина.
Акушерка.

Имъ отворила сама хозяйка. Она оказалась очень молодой особой съ медлительными движеніями и грудным пѣвучимъ голосомъ. Она была хороша собою и съ перваго взгляда понравилась студентамъ. Когда Денисовъ далъ ей задатокъ вмѣстѣ съ визитной карточкой и сказалъ, что они переѣдутъ вечеромъ, она проговорила, растягивая каждое слово:

— Ну вотъ и прекрасно — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... я очень рада, что у меня будетъ молодежь.

Она показалась Денисову ребенкомъ съ манерами взрослой женщины. Она была слишкомъ миніатюрна, свѣжа и моложава въ сравненіи съ той солидностью и сдержанностью, которыя сквозили въ ея словахъ и движеніяхъ. На ней былъ широкій бумазейный капотъ сиреневаго цвѣта, съ тонкими кружевами у ворота. Руки были нѣжны и бѣлы.

Вечеромъ, часовъ въ восемь, Денисовъ переѣхалъ на новую квартиру.

Онъ внесъ съ помощью дворника свои вещи. Пожилая прислуга зажгла стѣнную лампу и удалилась.

Денисовъ нервно, въ радостномъ возбужденіи, ходилъ по комнатѣ, осматривалъ ея стѣны съ темными обоями, олеографіи въ черныхъ и позолоченныхъ рамахъ, фотографическія карточки, этажерку съ маленькими статуэтками изъ терракоты и краснымъ кувшиномъ съ надписью: „Ялта“. Мебель была легкая, рѣзная, малиноваго бархата. На окнахъ висѣли тяжелыя занавѣски, красиво и небрежно подобранныя шнурами...

Денисовъ сѣлъ къ столу. За стѣной слышались легкіе шаги. Въ комнату Ольги Ивановны вела дверь, наполовину заставленная шкапомъ. Шкапъ стоялъ пока пустымъ и усиливалъ звуки. Денисовъ слышалъ, какъ хозяйка сказала въ кухню своимъ протяжнымъ голосомъ:

— Вѣра! поставьте самоваръ.

Денисову становилось весело. Онъ отворилъ дверь въ корридоръ, постоялъ на порогѣ. Слышалъ, какъ Ольга Ивановна выходила зачѣмъ-то въ кухню и какъ прислуга трясла уголья въ самоварѣ. Въ корридорѣ чувствовался легкій, почти неуловимый запахъ. Онъ напоминалъ о присутствіи женщины и чуть-чуть кружилъ голову. Онъ какъ бы исходилъ отъ стѣнъ, отъ каждаго предмета. Денисовъ увидалъ на вѣшалкѣ нѣсколько платьевъ. Онъ подошелъ, потрогалъ ихъ и испыталъ странное, совершенно новое для него ощущеніе. Подъ руку попался тотъ самый сиреневый капотъ, въ которомъ хозяйка была утромъ. Онъ былъ мягкій и толстый, и какъ будто еще теплота осталась въ немъ.

Денисову показалось, что онъ прикасается къ женщинѣ, и ему стало жутко.

Онъ вернулся въ комнату и началъ думать объ Ольгѣ Ивановнѣ. Кто она такая? Живетъ одна, акушерка, слѣдовательно курсистка бывшая. Не побоялась пустить къ себѣ студентовъ, даже какъ будто обрадовалась. Но на лицѣ никакихъ признаковъ того вызывающаго, задорнаго выраженія, которымъ отличается большинство петербургскихъ женщинъ. Какъ она оригинально говоритъ, прямо смотритъ въ глаза и ходитъ медленно, точно плыветъ. Денисову вдругъ захотѣлось ее увидѣть. Онъ всталъ передъ зеркаломъ и поправилъ прическу... Потомъ вспомнилъ Наташу, какъ-то странно улыбнулся, выругалъ себя и пошелъ по корридору.

Дверь въ комнату хозяйки была закрыта. Онъ тихо постучалъ и сейчасъ же услышалъ:

— Войдите.

Ольга Ивановна сидѣла у стола въ глубокомъ креслѣ. Бронзовая лампа съ нарядным шелковымъ абажуромъ зеленовато золотистаго цвѣта бросала тѣнь на верхнюю половину ея лица, а нижняя — съ яркими и выпуклыми губами, красиво закругленнымъ подбородкомъ — была сильно освѣщена.

Ольга Ивановна сказала:

— Ну здравствуйте, Николай Петровичъ! какъ вы устроились?

Денисовъ сѣлъ напротивъ и отвѣчалъ:

— Что-же мнѣ было устраивать? переѣхалъ и все тутъ.

Хозяйка что-то вышивала гладью. Денисовъ сталъ говорить о своей тоскѣ на старой квартирѣ, объ одиночествѣ, желаніи забыться и спасительномъ рѣшеніи жить вмѣстѣ съ Хачатрянцемъ. Она медленно подняла на него свои темные глаза и перестала работать.

— Вы тосковали? скучали? это въ Петербургѣ? по комъ же?

— По всему, — сказалъ Денисовъ, — по семьѣ, по городу, природѣ, друзьямъ...

— И еще навѣрное по „ней“? не скрывайте.

Видно было, что она сдерживаетъ улыбку. На ея щекахъ появились двѣ ямочки. Денисову сдѣлалось непріятно, но онъ спокойно отвѣчалъ:

— Можетъ быть, и по ней.

— А какой, должно быть, чудакъ вашъ пріятель, — немного погодя сказала Ольга Ивановна. — Онъ переѣхалъ за часъ передъ вами. Вбѣжалъ съ лампой въ рукахъ и пѣніемъ какого-то марша на своемъ комичномъ языкѣ. Затопалъ ногами по корридору, что-то недолго возился въ комнатѣ, а потомъ влетѣлъ ко мнѣ, сказалъ: „здрасти“ (она передразнила Хачатрянца), взглянулъ поверхъ очковъ и объявилъ, что ночевать не будетъ дома и вернется утромъ... Посуетился на одномъ мѣстѣ и убѣжалъ, какъ угорѣлый.

— Это онъ къ Будагову, сказалъ Денисовъ.

— А кто такой Будаговъ?

— Это мой хорошій другъ, — они занимаются вмѣстѣ.

— А-а... вашъ другъ, задумчиво произнесла она и потомъ прибавила:

— А легко сдѣлаться вашимъ другомъ?

„Зачѣмъ она это спрашиваетъ?“ мелькнуло въ головѣ у Денисова, и непріятное чувство сново шевельнулось въ груди. Онъ просто сказалъ:

— Спросите у моихъ друзей.

Она засмѣялась. Студентъ увидѣлъ великолѣпные, ослѣпительной бѣлизны зубы. Канарейки, висѣвшіе въ клѣткѣ у окна, проснулись и слабо чирикнули — сначала одна, потомъ другая. Ольга Ивановна положила работу на столъ. Вѣра внесла маленькій самоваръ, потомъ подносъ со стаканомъ и чашкой. Денисовъ вопросительно поглядѣлъ на стаканъ. Хозяйка поймала его взглядъ:

— Мы будемъ пить чай вмѣстѣ? неправдали? — спросила она.

Студентъ чувствовалъ, какъ ему становится хорошо и пріятно въ этой уютной полуосвѣщенной комнатѣ. Отъ самовара поднимался паръ и легкимъ облачкомъ тянулся у потолка, Ольга Ивановна перемывала посуду, звеня ложечками. Денисовъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Потомъ сѣлъ и заговорилъ мягко и спокойно:

— Если бы вы знали, какъ мнѣ нравится ваша обстановка, Ольга Ивановна, — сколько у васъ тутъ тихой и хорошой поэзіи.

— Неуже-е-ли? — протянула она.

— Да, — продолжалъ онъ, — настоящая идиллія: эти канарейки, абажуръ, этотъ самоваръ, ваша работа...

И я, — съ улыбкой докончила Ольга Ивановна.

Денисовъ немного смутился и сказалъ:

— Да, если хотите — и вы.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — серьезнымъ и загадочнымъ тономъ произнесла она: — вотъ познакомитесь покороче, перемѣните мнѣніе...Я очень дурная, очень злая...

— Ну это еще не бѣда, — пошутилъ Денисовъ, — лишь бы эта злость была красива.

— Ахъ, какой вы!.. погрозила она и подвинула къ нему стаканъ.

— Вотъ что, Ольга Ивановна, — медленно отпивая чай, сказалъ Денисовъ, — мнѣ хотѣлось бы съ самаго начала предложить вамъ.. съ мѣста въ карьеръ... возможно простыя и дружескія отношенія. Вы молоды, должно быть, недавно кончили курсъ... мы слѣдовательно товарищи.

Ольга Ивановна сдѣлала строгое лицо и проговорила:

— Однако, вы поспѣшны, милостивый государь! что вы хотите этимъ сказать? Я уже дѣятель на пользу человѣчества... я старше васъ, а вы совсѣмъ маленькій мальчикъ... Извольте быть почтительнѣй!

Оба разсмѣялись, и Денисовъ сказалъ:

— Ну это положимъ... сколько вамъ лѣтъ?

— А какъ вы думаете?

— Лѣтъ двадцать, самое большее.

— Не угадали.

— Сколько же?

— Подумайте.

Студентъ пристально посмотрѣлъ на хозяйку. На ней было черное платье, оттѣнявшее матовую бѣлизну ея лица, красиво облегавшее плечи и грудь. Ея щеки были свѣжи и румяны. Пышные волосы, только слегка завитые, дѣлали ее похожей на подростка. „Сколько же, — думалъ Денисовъ, неужели меньше?"

— Девятнадцать?

— Нѣтъ.

— Восемнадцать?

— Господи! да вы меня совсѣмъ молодите, скажите прямо: десять... нѣтъ-съ, коллега, мнѣ цѣлыхъ двадцать шесть.

— Неужели? вырвалось у него.

— Правда, старуха?

— Что вы? да я вамъ, ей Богу, на десять лѣтъ меньше дамъ. Вы, должно быть, очень счастливы, если выглядите такой моложавой — васъ совсѣмъ не старитъ жизнь...

— Да, я очень счастлива! рѣзко сказала она.

Денисова изумилъ этотъ тонъ. Ему послышалась даже нотка горечи въ ея словахъ.

— Да, меня не старитъ жизнь, — задумчиво продолжала она, и у ней странно заблестѣли глаза.

Ему почему-то сдѣлалось неловко. Онъ спросилъ:

— У васъ есть родные?

— Есть, только не здѣсь.

— И сестры?

— И сестры тоже.

— Замужемъ?

— Одна замужемъ, а другія нѣтъ.

— А вы думаете выходить замужъ? — шутливо спросилъ Денисовъ.

— Я?.. но я уже замужемъ!.. развѣ я вамъ не говорила?

— Какъ вы? — опять невольно вырвалось у студента, и онъ совсѣмъ сконфузился. „Дуракъ! — мысленно обругалъ онъ себя,— что же въ этомъ удивительнаго?.. Она можетъ не жить съ мужемъ".

Хозяйка засмѣялась.

— Да вы меня совсѣмъ за дѣвочку принимаете, Николай Петровичъ, это даже обидно... Ну вотъ знайте: я не только была замужемъ, но и овдовѣть успѣла.

И Денисову она уже начала казаться другой. Ему стало съ ней уже не такъ свободно, какъ раньше. Онъ не находилъ, что сказать, и заговорилъ о провинціи, о Волгѣ, о семьѣ. Ольга Ивановна внимательно слушала. Когда онъ остановился, она медленно и протяжно по своему произнесла:

— Какой вы еще ю-у-ный...

Денисовъ удивился и спросилъ:

— Это вы за что-же?

— А такъ... видно, что вы еще совсѣмъ не знаете жизни.

И она стала жаловаться на Петербургъ, на людей, на свое одиночество и скуку, на холодъ окружающаго. Она говорила съ такимъ разочарованіемъ, съ такой горькой досадой, что студентъ слегка оторопѣлъ.

Они еще долго бесѣдовали. Денисовъ, съ каждой минутой, все больше и больше дивился опредѣленности и законченности ея сужденій. Въ нихъ слышалась жизненная опытность, иногда иронія. Одно казалось ему немного страннымъ. Ольга Ивановна какъ будто совсѣмъ не касалась себя. Денисову было неловко разспрашивать ее. Она говорила совершенно серьезнымъ тономъ, и Денисовъ думалъ, что она намѣренно отдаляетъ его отъ себя, даетъ понять что онъ въ сравненіи съ нею мальчикъ.

Было уже за полночь, когда онъ пожелалъ ей спокойной ночи. Ольга Ивановна пожала ему руку своей мягкой и маленькой ручкой и сказала:

— Надѣюсь, наши бесѣды будутъ часто повторяться.

Когда Денисовъ шелъ къ себѣ по корридору, а потомъ ложился спать, ему все еще чудился ея грудной пѣвучій голосъ. Она стояла у него передъ глазами съ красивой, словно немного сдержанной улыбкой, на устахъ... Онъ задремалъ. На мгновеніе ему мелькнулъ образъ Наташи, потомъ онъ увидалъ себя на пароходѣ, почувствовалъ легкую качку. Ему было хорошо и мирно. Изъ рубки вышла Ольга Ивановна и, качая головой, проговорила:

„Какой вы ю-у-ный!.."

V.

Утромъ его разбудилъ толчекъ.

Передъ нимъ стоялъ Хачатрянцъ и щурилъ глаза. Очки у него сползли на носъ, усы торчали отъ мороза.

— Здрасти! — говорилъ онъ — Ты понимаешь, понимаешь?.. Чортъ возьми!

И онъ началъ уморительно вертѣться и прыгать по комнатѣ, какъ былъ — въ пальто, башлыкѣ и калошахъ.

Денисовъ протеръ глаза и сказалъ:

— Ничего не понимаю.

Хачатрянцъ сѣлъ къ нему на кровать.

— Я гаварю, что мы вэликолѣпно устроились, — произнесъ онъ съ своимъ тифлисскимъ акцентомъ, — панимаешь?.. Такая комната!.. обстановка... прелесть!.. Пятнадцать рублей... а какая хозяйка!.. Ва!.. можешь влюбиться въ нее... панимаешь?

Онъ щелкнулъ пальцами.

— А почему не ты? спросилъ Денисовъ.

— Убирайся къ чорту — глупости гаваришь! гдѣ мнѣ съ институтомъ.

Денисовъ вскочилъ съ постели и началъ одѣваться. На его душѣ былъ праздникъ, Такимъ онъ поднимался дома по воскресеньямъ. Онъ сознавалъ, что ему уже не будетъ больше такъ скучно и тоскливо какъ на старой квартирѣ, не будетъ уже этихъ ужасныхъ упражненій на роялѣ, не придется уже спускаться съ пятаго этажа и до самаго низа слышать унылый звонъ дверного крючка.

Хачатрянцъ раздѣлся, затопалъ сапогами, по корридору, сказалъ низкимъ басомъ:

— Вѣра! самаваръ!

Вернулся и запѣлъ:

„Вечеркомъ гулять ходи-и-ла..."

Денисовъ весело подбѣжалъ къ умывальнику и съ увлеченіемъ сталъ вторить теноромъ:

„Дочь султа-а-на... молода-а-я..."

Получился довольно красивый дуэтъ. Хачатрянцъ комично разѣвалъ ротъ съ тонкими и ярко-красными губами. Его маленькіе черные глаза бѣгали и смѣялись. Онъ басилъ съ эффектомъ и съ видимымъ наслажденіемъ ударялъ на буквѣ а.

Вѣра внесла самоваръ. Хачатрянцъ приказалъ поставить его на полъ, у двери, взялъ его самъ, растопырилъ руки и торжественно понесъ къ столу, напѣвая маршъ. Вѣра разсмѣялась и выбѣжала изъ комнаты. Черезъ минуту къ ея смѣху присоединился другой, отъ котораго у Денисова дрогнуло сердце.

— Что ты чудишь, дубовый носъ? сказалъ онъ.

Хачатрянцъ съ засученными рукавами и домовитымъ видомъ хлопоталъ у самовара. Услыхавъ гимназическую кличку, онъ вдругъ расхохотался и бросился на Денисова. Завязалась борьба. Хачатрянцъ прыгалъ и кричалъ:

—Вотъ я тебя! сѣкимъ башка!

Было весело.

Студенты усѣлись за столъ. Хачатрянцъ налилъ себѣ чаю на блюдечко и, вытянувъ губы, сталъ дуть. Отъ этого его глаза ушли глубже, носъ расширился, на лицѣ появились морщины, и онъ сталъ походить на большую, старую крысу. Студенты пили чай, и Хачатрянцъ безостановочно повторялъ:

— Собственно говоря... собственно говоря..

Это была его любимая поговорка. Допивъ стаканъ, технологъ вскочилъ съ мѣста, почти мгновенно очутился въ пальто, башлыкѣ и калошахъ и ринулся въ корридоръ.

— Когда вернешься? пустилъ ему въ догонку Денисовъ.

— Собственно говоря, собственно говоря... — донеслось изъ кухни.

VI.

Черезъ полчаса Денисовъ отправился въ университетъ. Ольги Ивановны уже не было дома. Онъ зашелъ въ ея комнату на минуту. Запахъ тонкихъ духовъ и еще тотъ особый ароматъ, который чувствовался въ корридорѣ, защекоталъ его нервы. Денисовъ поглядѣлъ на канареекъ, посвистѣлъ... Птицы сейчасъ же запѣли въ отвѣтъ и запрыгали въ клѣткѣ. Денисовъ улыбнулся и вышелъ.

У него на душѣ все еще былъ праздникъ, съ которымъ онъ проснулся. Люди казались ему добродушнѣе. Родина не вспоминалась. Онъ незамѣтно перешелъ черезъ Дворцовый мостъ и добрался до университета. Ходячіе выводы и формулы въ сюртукахъ и фракахъ какъ будто пріободрились и ожили.

Денисовъ возвращался домой и машинально, въ какомъ-то самозабвеніи твердилъ:

— Дискриминантъ уравненія второй степени есть инваріантъ... дискриминантъ, инваріантъ, дискриминантъ.

Вечеромъ пили чай втроемъ. Ольга Ивановна со смѣхомъ спрашивала у Хачатрянца:

— Что, вы такой же... неопытный, какъ Николай Петровичъ или нѣтъ?

Технологъ, приподнявъ брови и закручивая усы, отвѣчалъ:

— Собственно говоря, собственно говоря— совсѣмъ другой.

— Ра-азвѣ?.. неуже е-ли?.. надо принять къ свѣдѣнію, — почти пѣла Ольга Ивановна.

Потомъ студенты пѣли вдвоемъ. Хачатрянцъ началъ съ чувствомъ:

„Не гавари, что молодость сгубила..."

Хозяйка задумчиво перебирала скатерть, опустивъ свои красивые каріе глаза. Денисовъ думалъ о ея молодости и терялся въ догадкахъ. Играли въ карты, въ домино. Часовъ въ одиннадцать Ольга Ивановна ушла къ себѣ. Денисову сдѣлалось какъ-то грустно, когда онъ услыхалъ, какъ хлопнула дверь въ ея комнату. Хачатрянцъ

сѣлъ за книги, а онъ легъ въ постель и и сталъ думать.

Съ того дня началась для Денисова новая жизнь. По утрамъ онъ заходилъ къ Ольгѣ Ивановнѣ и до университета болталъ съ ней о пустякахъ. Въ университетѣ лѣниво слушалъ лекціи и уже съ перваго часа подумывалъ, какъ его дома встрѣтитъ милая обстановка, пѣнье птичекъ, неуловимый запахъ, протяжный голосъ и взглядъ глубокихъ глазъ.

Онъ садился въ кресло противъ Ольги Ивановны, и они говорили, не замѣчая, какъ надвигаются сумерки. Когда становилось совсѣмъ темно, она бросала работу, съ которой почти не разлучалась, откидывалась на спинку кресла и, задумчиво глядя въ лицо Денисова, слушала его, какъ она называла, „возвышенные разговоры“.

(*Продолженіе будетъ*).

А. Каменскій.

На кладбищѣ. Рисунокъ академика А. Е. Архипова. Гравировалъ В. Адтъ.

ОБРАЗЦОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Разсказъ **Ж. Ришпена.**

Его имя было Оскаръ, фамилія Ляписсотъ; онъ былъ бѣденъ, не обладалъ талантомъ и считалъ себя геніальнымъ человѣкомъ.

Его первою заботой по вступленіи въ жизнь было выбрать себѣ псевдонимъ, второю — взять другой, и т. д. въ продолженіе десяти лѣтъ онъ изощрялъ свою фантазію, чтобы возбудить любопытство своихъ современниковъ. Однако, это любопытство, котораго онъ дѣлалъ видъ, что боялся, но котораго, въ сущности, добивался всѣми силами, не проникалъ густой мракъ его существованія. Назывался ли онъ Жакъ де-Моль, Антуанъ Гирляндъ, Тильди Бобъ, Грегоріусъ Ханеска, онъ все равно оставался неизвѣстнымъ, темнымъ, непонятымъ и самымъ бѣднымъ литераторомъ. Слава не давалась ему.

— А все-таки у меня тутъ что-то есть, говорилъ онъ съ убѣжденіемъ самъ себѣ, стуча пальцемъ по своему черепу, который онъ считалъ глубокимъ благодаря тому, что онъ хорошо звучалъ.

Нельзя себѣ представить, къ какимъ заблужденіямъ приводитъ литературное тщеславіе. Есть люди съ настоящимъ талантомъ, которыхъ оно сдѣлало смѣшными и даже приводило къ постыднымъ и презрѣннымъ поступкамъ. Что же удивительнаго, если оно мучитъ несчастнаго, признаннаго ничтожествомъ. Терпѣніе истощено, гордость раздражена, жизнь испорчена безполезной и постоянной надеждой, всего этого слишкомъ достаточно, чтобы дойти до мысли окончить ее самоубійствомъ или найти себѣ выходъ съ помощью преступленія.

Оскаръ Ляписсотъ не былъ довольно храбръ, чтобы избрать смерть. За-то его желанія умственнаго превосходства нашли себѣ пищу въ идеѣ о преступленіи. Онъ сказалъ самъ себѣ, что до сихъ поръ его геній шелъ по ложному пути, занимаясь мечтами объ искусствѣ и наукѣ, и что онъ предназначенъ къ болѣе жестокой дѣятельности. Съ другой стороны, преступленіе приносило богатство, которое могло, наконецъ, выставить въ настоящемъ свѣтѣ этотъ высокій умъ, незамѣтный въ бѣдности. Такимъ образомъ, непонятый рѣшилъ, что необходимо совершить преступленіе. Онъ совершилъ его. И дѣйствительность не обманула его; первый разъ въ жизни съ его стороны это былъ верхъ искусства.

II.

Около десяти лѣтъ раньше того дня, когда онъ сдѣлался злодѣемъ, Оскаръ Ляписсотъ жилъ въ шестомъ этажѣ въ домѣ на улицѣ С. Дени. Затерянный между многими жильцами, извѣстный только подъ однимъ изъ своихъ многочисленныхъ псевдонимовъ, онъ былъ любовникомъ одной старой болтливой женщины, которая разсказывала ему о всѣхъ своихъ маленькихъ дѣлахъ. Она служила у вдовы очень старой, больной и страшно богатой. Ему не долго пришлось жить въ этомъ домѣ.

Однажды вечеромъ, когда онъ уходилъ отъ своего друга, жившаго въ одной изъ больницъ, ему пришлось проходить черезъ комнату, гдѣ лежали больные, и тутъ на одной изъ постелей онъ узналъ свою прежнюю знакомую, которая была при смерти. Она сказала ему, что только три недѣли, какъ она больше не у вдовы, что на время ее замѣнили экономкою, что ея госпожа слишкомъ больна, чтобы навѣстить ее, и это ее сильно огорчаетъ.

— Понятно, сказалъ Оскаръ. Вы хотѣли бы ее повидать, такъ?

— О, не только это. Я боюсь, если я умру здѣсь, то барыня прочитаетъ всѣ письма, которыя я оставила у нея, и будетъ презирать меня послѣ моей смерти.

— За что же она могла бы васъ презирать?

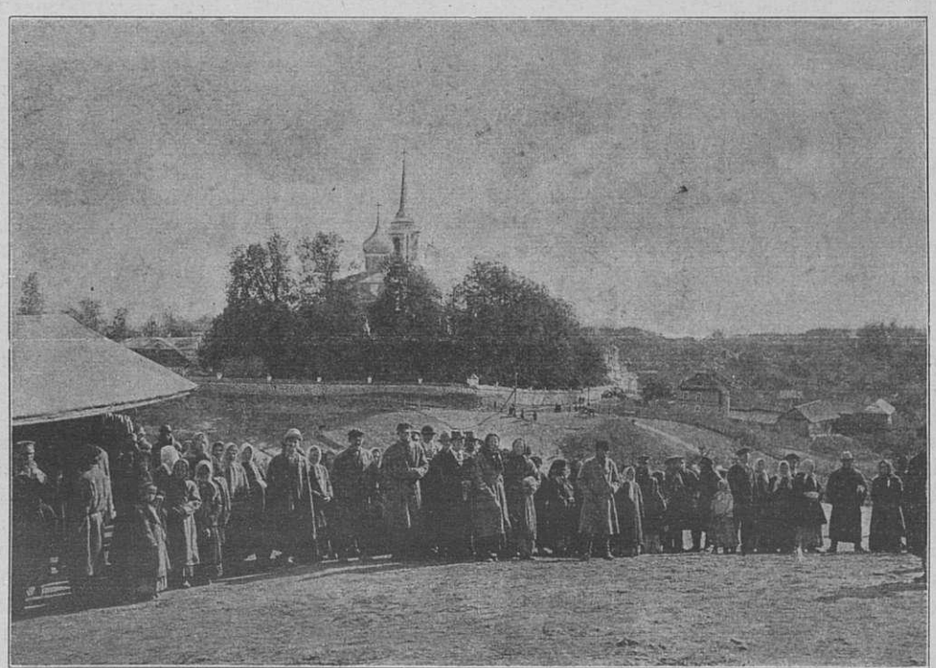
Народный театръ въ с. Михайловскомъ.

— Слушайте! Я скажу вамъ всю правду. Вы были моимъ любовникомъ, но это было уже такъ давно, и я могу признаться вамъ, что у меня были и другія привязанности. Вы не сердитесь на меня, э? И потомъ вѣдь вы знаете, что я была не то, что вамъ было нужно. Вы артистъ, свѣтскій человѣкъ. Вы привязались ко мнѣ мимоходомъ, не придавая этому особеннаго значенія. Но дома у меня есть человѣкъ моего званія, кучеръ, и если бы это узнала барыня, это погубило бы меня. И я дѣлала столько сквернаго для него! Ахъ, бездѣльникъ! Я была безъ ума отъ него. Онъ отецъ моего ребенка, изъ-за этого я шла туда, куда онъ приказывалъ. Онъ часто обѣщалъ мнѣ признать его и жениться на мнѣ. Теперь я вижу, что это былъ обманъ; но все равно! Мой мальчикъ не будетъ несчастенъ съ тѣмъ, что я ему оставлю, а барыня довольно добра, чтобы позаботиться о немъ, потому что я написала ей, что у меня былъ ребенокъ. Это письмо здѣсь подъ моей подушкой, и я хочу, чтобы ей отдали его, когда меня уже не будетъ болѣе, но только нужно, чтобы мои бумаги были сожжены раньше. Потому что иначе я лучше съѣмъ письмо. Я не хочу, чтобы барыня знала все, что я дѣлала. У ней не будетъ жалости къ мальчишкѣ, если она узнаетъ, что онъ сынъ развратницы и воровки.

— Посмотримъ, посмотримъ, моя милая, рѣзко сказалъ Оскаръ: объясните мнѣ лучше, въ чемъ дѣло. Вы говорите слишкомъ скоро и все путаете, а я долженъ знать все какъ слѣдуетъ, если вы хотите, чтобы я оказалъ вамъ услугу; если это возможно, я все сдѣлаю, только мнѣ нужно хорошенько понять.

Въ эту минуту Оскаръ Ляписсотъ вовсе не думалъ о преступленіи. Имъ овладѣло только любопытство литератора, онъ уже предвкушалъ романъ и приготовился воспользоваться имъ.

— Хорошо, сказала женщина. Вотъ въ чемъ дѣло. Я постараюсь быть ясной. Я заболѣла вдругъ, со мной сдѣлался на улицѣ апоплексическій ударъ, и меня отвезли въ больницу. Барыня оставила меня здѣсь, такъ какъ перевезти меня было трудно. Я писала ей, и она отвѣчала мнѣ. Ея экономка приходила отъ нея. Но ни барынѣ, ни экономкѣ я не могу сказать того, что меня мучитъ. У меня есть пакетъ съ письмами кучера, вы знаете, отца. Письма переполнены скверными вещами, напоминаніями о воровствѣ, которымъ онъ совѣтуетъ мнѣ заняться и благодарностями за исполненное уже, потому что я крала, да, я крала для него



Видъ Святогорскаго монастыря.

у моей госпожи. Я должна была бы ихъ сжечь, эти проклятыя письма. Но тамъ были также обѣщанія жениться и признать мальчика своимъ. Потому я и сохранила ихъ. Однажды негодяй угрожалъ мнѣ отнять ихъ у меня, чтобы обнаружить все. Я отказала ему въ деньгахъ, и онъ далъ мнѣ понять, что, овладѣвъ моими бумагами, онъ можетъ сдѣлать изъ меня, что хочетъ. Я страшно испугалась. Все-таки я не хотѣла ихъ уничтожить. Чтобы оградить себя, я попросила барыню взять мои семейныя бумаги, которыя для меня очень важны, и такимъ образомъ я пристроила свои письма въ ея письменный столъ. Барыня уступила для меня одинъ ящикъ съ ключемъ. Я могла бы сказать ей, что мнѣ нужны мои бумаги, но я не довѣряю экономкѣ, которая должна бы была отнести ихъ мнѣ. Судя по ея словамъ, я догадываюсь, что у нея есть что-то съ кучеромъ. Это такой льстецъ! И онъ подладится къ ней, чтобы овладѣть пакетомъ. Теперь вы понимаете мое безпокойство. О, если бы вы были настолько добры! Правда, я не заслуживаю этого, но это было бы доброе дѣло съ вашей стороны.

— Что я долженъ сдѣлать?

— Принести мнѣ мои письма.

— Но какъ же я достану ихъ?

— Очень просто, вотъ какъ. Вечеромъ въ десять часовъ барыня принимаетъ свой хлоралъ, чтобы заснуть, и послѣ этого она спитъ очень крѣпко. Въ это время экономки нѣтъ дома, такъ какъ она уходитъ въ семь часовъ послѣ обѣда. Вы можете быть увѣрены, что барыня не говорила ей, что она принимаетъ хлоралъ, изъ боязни быть обкраденной. Она сказала это только мнѣ, такъ какъ ко мнѣ она имѣла полное довѣріе, бѣдняжка. Ну, вотъ! Вы войдете такъ, что она васъ не услышитъ, и можете опять выйти и принести мои письма. Никто васъ не увидитъ. О, сдѣлайте это для меня!

— Но вы съ ума сошли. А письменный столъ, какъ открыть его? А дверь комнаты, какъ попасть черезъ нее?

— У меня есть другой ключъ отъ письменнаго стола. Я заказала его, къ своему стыду, чтобы обкрадывать барыню. Вотъ онъ вмѣстѣ съ ключемъ отъ моего ящика. А вотъ еще одинъ, чтобы войти въ кухню по черной лѣстницѣ. Умоляю васъ. Не знаю отчего, но я вѣрю въ васъ; я увѣрена, что вы сдѣлаете это, чтобы я могла умереть въ мирѣ.

Оскаръ Ляписсотъ взялъ ключи. Глаза его остановились. Внезапная блѣдность покрыла лицо. Нервныя судороги подергивали его тонкія губы. Онъ вдругъ рѣшилъ воз-

Богадѣльня и читальня въ с. Михайловскомъ.

можность преступленія. Разъ эта женщина умретъ, дѣло легко было сдѣлать.

— Охъ, я задыхаюсь, сказала больная, утомленная длиннымъ разговоромъ. Пить! дайте мнѣ пить!

Дортуаръ былъ въ тѣни, только одинъ почникъ неясно освѣщалъ его. На сосѣднихъ постеляхъ всѣ спали. Оскаръ поднялъ голову больной, вытащилъ подушку и положилъ на ея ротъ, гдѣ и поддерживалъ ее своимъ желѣзнымъ кулакомъ по крайней мѣрѣ десять минутъ. Онъ имѣлъ ужасное мужество ждать съ часами въ рукахъ. Когда онъ опять открылъ лицо, больная была задушена. Она не успѣла ни пошевелиться, ни закричать. Онъ опять положилъ подушку подъ голову и натянулъ одѣяло до подбородка. Трупъ казался спящимъ. Такъ какъ постель женщины находилась довольно близко къ двери, то убійца вышелъ безъ шума. Онъ прошелъ внутреннимъ корридоромъ, потомъ подземнымъ ходомъ и очутился, никѣмъ не замѣченный, на улицѣ. Было двадцать минутъ девятаго.

Не теряя времени, въ лихорадкѣ несчастный отправился большими шагами на улицу С. Дени. Онъ вошелъ въ домъ раньше десяти часовъ. Дорогой онъ обдумалъ свой планъ. Онъ прошелъ сначала въ конюшню, гдѣ должны были находиться вещи кучера. Тамъ онъ взялъ шейный платокъ, оторвалъ отъ него небольшой кусокъ и положилъ его въ карманъ. Потомъ онъ поднялся по черной лѣстницѣ; это было въ первомъ этажѣ и можно было пройти восемнадцать ступеней, не рискуя быть замѣченнымъ. Онъ открылъ дверь, безшумно вошелъ, достигъ спальни и сразу задушилъ старуху, которая спала. И здѣсь онъ хладнокровно держалъ ея горло сжатымъ въ продолженіе доброй четверти часа. Потомъ онъ открылъ письменный столъ. Въ большомъ среднемъ ящикѣ были акціи и облигаціи; въ лѣвомъ банковые билеты, въ правомъ свертки луидоровъ. Всего было на сто сорокъ тысячъ франковъ, которыми онъ и набилъ свои карманы. Теперь онъ занялся письмами. Онъ ихъ легко нашелъ на мѣстѣ, указанномъ женщиною. Онъ сжегъ ихъ въ каминѣ, но позаботился оставить цѣлыми отрывки, болѣе всего компрометирующіе служанку и кучера. Они были такъ хорошо подобраны, что ясно обнаруживали всю исторію ребенка, предполагаемую кражу, совершонное воровство. Онъ положилъ ихъ на виду около каминной рѣшетки, чтобы можно было подумать, что ихъ жгли, торопясь, и что ушли прежде, чѣмъ они совсѣмъ сгорѣли. Онъ растрепалъ обрывокъ платка въ правой судорожно сжатой рукѣ мертвой. Тогда онъ вышелъ, какъ молнія пробѣжалъ до улицы и сряду же пошелъ спокойнымъ шагомъ, съ разсѣяннымъ видомъ мечтателя.

Оскаръ Ляписсотъ не ошибся, считая себя геніемъ. Онъ геніально совершилъ преступленіе и дѣйствовалъ мастерски.

III.

Преступленіе можно считать удачнымъ только тогда, когда преступникъ остается безнаказаннымъ. Съ другой стороны, безнаказанность бываетъ полною только тогда, когда правосудіе осуждаетъ невиннаго. Оскаръ Ляписсотъ наслаждался полной безнаказанностью. Судъ не колеблясь призналъ убійцу. Очевидно, это былъ кучеръ. Обрывки писемъ были вѣрныя улики. Кто другой, кромѣ кучера, любовника служанки, могъ знать такъ хорошо подробности, благопріятствовавшія преступленію? Кто другой могъ имѣть ключи? Не началъ ли онъ обкрадывать вдову еще раньше по соглашенію съ служанкой? Не логично ли было, что онъ переступилъ шагъ, отдѣляющій воровство отъ убійства? Кромѣ того, кусокъ предательскаго платка ясно говорилъ противъ него. Къ его несчастію, въ прошломъ было также много дурныхъ поступковъ. И послѣднее уличающее обстоятельство было то, что онъ не могъ дать отчета о времени, проведенномъ имъ въ этотъ роковой часъ. Онъ отрицалъ, защищалъ свою невинность; все было противъ него, ничто не говорило въ его пользу.

Онъ былъ осужденъ, приговоренъ къ смерти, казненъ; и судьи, присяжные, адвокатъ, журналы, публика, всѣ съ спокойной совѣстью признавали это справедливымъ. Одно только оставалось темнымъ въ этомъ дѣлѣ, это деньги, которыя не могли найти. Думали, что негодяй скрылъ ихъ въ вѣрномъ мѣстѣ, но никто не сомнѣвался, что онъ ихъ укралъ.

IV.

Говорятъ, что сознаніе сдѣланнаго хорошаго дѣла даетъ глубокій миръ. Но немногіе возьмутся утверждать, что безнаказанность въ дурномъ такъ же доставляетъ пріятное чувство. Барбей д'Оревильи между своими превосходными „Diaboliques“ не побоялся написать разсказъ подъ заглавіемъ „Счастье въ преступленіи“, и онъ былъ правъ, такъ какъ и злодѣи испытываютъ спокойствіе.

Оскаръ Ляписсотъ могъ вполнѣ наслаждаться своимъ двойнымъ убійствомъ и совершенно спокойно пожиналъ плоды его. Онъ не испытывалъ ни угрызеній совѣсти, ни страха. Единственнымъ смущающимъ его обстоятельствомъ, которое мало-по-малу возрастало, была чрезмѣрная гордость. Это была гордость артиста. Въ остальномъ онъ остался посредственнымъ человѣкомъ, темнымъ, неизвѣстнымъ. Какъ онъ ни старался воспользоваться своимъ новымъ богатствомъ, чтобы втереться въ журналы и обозрѣнія, какъ онъ ни превозносилъ критику, онъ не могъ заставить публику слушать себя. Его стихи, его проза, театральные опыты были признаны ничтожествомъ. Извѣстные люди мало знали объ Анатолѣ Дерозъ, литераторѣ-любителѣ, который имѣлъ больше дохода, чѣмъ таланта, читатели смѣялись надъ нимъ, и всѣ соглашались въ одномъ, что у него не было ни капли таланта.

— И однако, говорилъ онъ иногда самъ себѣ, и огонь загорался въ его глазахъ: однако, если бы я захотѣлъ! Если бы я разсказалъ мое великое дѣло, такъ, какъ я его совершилъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Анатоль Дерозъ, можетъ быть, дуракъ; но Оскаръ Ляписсотъ—геніальный человѣкъ. Страшно подумать, что это дѣло, такъ хорошо обдуманное, такъ энергично выполненное, такъ совершенно удавшееся, останется навѣки неизвѣстнымъ. Сегодня я чувствую, что на меня нашло истинное вдохновеніе, производящее великое твореніе. Боже мой! Аббатъ Прево намаралъ болѣе сотни отвратительныхъ романовъ и написалъ только одну „Манонъ Леско“. Берн. де С. Пьеръ оставилъ только одного „Павла и Виргинію“. Есть много этихъ особыхъ геніевъ, производящихъ только одно твореніе, но зато какое твореніе. Оно остается памятникомъ въ литературѣ. И я принадлежу къ ихъ числу. Я совершилъ только одно замѣчательное дѣло. Если бы я описалъ его, я сдѣлался бы знаменитымъ. Всѣ захотѣли бы прочесть его, такъ какъ это было бы единственное въ своемъ родѣ. Я совершилъ образцовое преступленіе.

Эта мысль сдѣлалась у него неотступною. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ боролся съ нею. Сначала онъ мучился сожалѣніемъ, что это не была только его фантазія, а дѣло, потомъ желаніемъ разсказать дѣло въ видѣ фантазіи. То, что его мучило, это не былъ демонъ испорченности, заставлявшій лицъ Эдгара Поэ кричать о своихъ тайнахъ; это было только литературное безпокойство, жажда славы.

„Отчего бы и не написать правды? чего ты боишься, думалъ онъ про себя. Анатоль Дерозъ внѣ правосудія. Преступленіе старо; оно забыто всѣми. Виновный извѣстенъ; онъ мертвъ и погребенъ съ головою между ногъ. Ты можешь артистически обставить это старое уголовное дѣло. Ты помѣстишь туда всѣ свои мрачныя мысли, всѣ невзгоды, натолкнувшія тебя на убійство, всѣ хитрости, придуманныя тобою, чтобы совершить его, все, что тебѣ доставилъ случай. Ты одинъ знаешь тайну этого дѣла, и никто не отгадаетъ, что ты черпалъ все это изъ дѣйствительности. Въ твоемъ разсказѣ увидятъ только усиліе необыкновеннаго воображенія. И тогда ты будешь тѣмъ, чѣмъ хочешь быть, великимъ писателемъ, проявляющимъ хотя поздно, но зато великій талантъ. Ты получишь отъ твоего преступленія то, чего никогда не получалъ ни одинъ преступникъ; ты получишь отъ него не только богатство, но и лавры. И кто знаетъ? Послѣ этого перваго успѣха, когда ты сдѣлаешь себѣ имя, ты заставишь читать твои другія произведенія, и, безъ сомнѣнія, прежнее несправедливое мнѣніе о тебѣ перемѣнится. На пути къ извѣстности стоитъ только сдѣлать первый шагъ. Мужайся! Собери немного той удивительной смѣлости, которую ты имѣлъ однажды въ твоей жизни. Помнишь, какъ все тогда удалось тебѣ. Теперь будетъ то же самое. Неужели ты упустишь такой случай? И вотъ разскажи все безъ страха, безъ обиняковъ, гордо, въ его величественномъ ужасѣ. И если ты сдѣлаешь это, то иди до конца въ своей гордости, откажись отъ псевдонима, который только кажется твоимъ именемъ, подпишись своимъ настоящимъ, которое будетъ казаться псевдонимомъ. Это не Жанъ де ля Моль, Антуанъ Гирляндъ, ни даже Анатоль Дерозъ, это не масса неизвѣстныхъ безъ таланта; это ты одинъ, Оскаръ Ляписсотъ“.

И въ одинъ прекрасный вечеръ Оскаръ Ляписсотъ сидѣлъ передъ бѣлой бумагой; голова его горѣла, руки лихорадочно дрожали, какъ у великаго поэта, чувствующаго, что онъ произведетъ великое твореніе. Онъ разомъ описалъ исторію своего преступленія. Онъ разсказалъ объ отчаянныхъ попыткахъ Оскара Ляписсотъ, его цыганской жизни, его многочисленныхъ неудачахъ, его признанной посредственности, его ужасныхъ невзгодахъ, мысли о самоубійствѣ и преступленіи, возникшихъ въ его мозгу, возмущеніе его неудовлетвореннаго сердца, обманутаго мечтою и желающаго отомстить въ дѣйствительности. Потомъ съ удивительною ясностью онъ описалъ сцену въ больницѣ, на улицѣ С. Дени, смерть невиннаго преступника, торжество истиннаго убійцы.

Дальше онъ разобралъ причины, заставившія автора опубликовать свое преступленіе, и окончилъ апоѳеозомъ Оскара Ляписсотъ, подписавшагося подъ этимъ признаніемъ.

V.

„Образцовое преступленіе“ появилось въ „Revue des Ceux Mondes“ и имѣло огромный успѣхъ. Можно судить объ этомъ по слѣдующимъ выдержкамъ критическихъ статей, привѣтствовавшихъ его появленіе. „Всѣ знаютъ, что подъ псевдонимомъ Оскара Ляписсотъ скрывается авторъ, которому нравится этотъ родъ переодѣванья, г. Анатоль Дерозъ. Долгое время размѣнивавшій свой талантъ въ мелкой журналистикѣ, г. Анатоль Дерозъ только теперь является въ своей настоящей величинѣ. Разсказъ взятъ изъ уголовной драмы, происшедшей 10 лѣтъ тому назадъ на улицѣ С. Дени. Воображеніе романиста сумѣло преобразить вульгарное убійство въ нѣчто удивительное. Самъ бѣдный Габоріо не нашелъ бы такого стеченія обстоятельствъ, которое изобрѣлъ г. Анатоль Дерозъ. Мы дадимъ „Образцовое преступленіе“ въ двойномъ нумерѣ въ будущее воскресенье“.

(Филиппъ Жиль.—„Фигаро“).

„Образцовое преступленіе“, дѣйствительно, образцовое произведеніе! И не такое преступное! Потому что это перо обладаетъ взмахами шпаги и лезвіемъ скальпеля. Онъ видитъ яснѣе, вотъ все! Съ діавольскимъ искусствомъ г. Анатоль Дерозъ раздираетъ платье преступленія и показываетъ человѣческое сердце, не прикрытое виноградными листьями. Онъ нравится мнѣ, этотъ Анатоль Дерозъ, онъ нравится мнѣ, какъ порокъ“.

(Ж. Барбей д'Оревильи. — „Конституція“).

Сарсей устроилъ на бульварѣ Капуциновъ засѣданіе по поводу „Образцоваго преступленія“. Онъ сдѣлалъ сравненія съ Гофманомъ и Эдгаромъ Поэ, затронулъ немного драматическое искусство относительно психологическихъ приготовленій, приведшихъ къ сценѣ убійства, и, въ концѣ концовъ, похлопывая автора фамильярно по животу, назвалъ его четвертью генія. Въ общемъ это былъ концертъ похвалъ, исключая неизбѣжнаго брюзжанья завистниковъ, глупцовъ и другой мелочи журналистики.

VI.

И все таки во всѣхъ, даже самыхъ лестныхъ, статьяхъ были двѣ вещи, которыя очень сердили Оскара Ляписоттъ. Первое— всѣ упорно принимали его настоящее имя за псевдонимъ и называли его Анатолемъ Дерозъ; второе — говорили слишкомъ много о его воображеніи и мало о высказываемой правдоподобности его разсказа. Эти два обстоятельства такъ мучили его, что онъ забылъ все счастіе своей восходящей славы. Артистъ такъ устроенъ, что, если даже критика кладетъ его на ложе изъ розъ, онъ страдаетъ отъ малѣйшей складки на листкѣ. Такъ, однажды, когда кто-то поздравлялъ великаго человѣка, написавшаго „Образцовое преступленіе“, этотъ великій человѣкъ отвѣчалъ ему, смотря прямо въ глаза:

— Э, любезный, вы поздравляли бы меня совсѣмъ иначе, если бы знали послѣднее слово всего этого. Мой разсказъ не романъ— это дѣйствительное происшествіе. Преступленіе было совершено, какъ я его разсказалъ, и оно совершено мною. Мое настоящее имя Оскаръ Ляписсотъ.

Онъ сказалъ это холодно, съ убѣжденіемъ, отчеканивая фразы, какъ человѣкъ, желающій убѣдить.

— Ахъ, это прекрасно! — вскричалъ его собесѣдникъ: какъ вы умѣете, однако, шутить!“

И на другой день всѣ газеты повторяли этотъ анекдотъ. Находили забавной мистификацію, посредствомъ которой Анатоль Дерозъ хотѣлъ прослыть за убійцу. Правда, онъ былъ оригиналъ и умѣлъ занимать Парижъ.

Оскаръ Ляписсотъ пришелъ въ ярость. Теперь ему стало необходимо, чтобы кто нибудь повѣрилъ ему.

Онъ повторялъ свое признаніе всѣмъ своимъ друзьямъ, которыхъ ему пришлось встрѣтить на бульварѣ. Первый день это казалось смѣшнымъ. На другой нашли, что это дѣлается монотоннымъ; на третій день онъ былъ объявленъ скучнымъ, а въ концѣ недѣли прослылъ истымъ дуракомъ.

Онъ не сумѣлъ поддержать себя на высотѣ своей репутаціи великаго человѣка. Это начало паденія раздражало его.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ! — говорилъ онъ въ кафе, полномъ народу: никто не хочетъ повѣрить тому, что чистая правда, никто не хочетъ признать, что я не только написалъ, но и совершилъ „образцовое преступленіе“! Ну, хорошо-же! Завтра весь Парижъ узнаетъ, кто Оскаръ Ляписсотъ.

VII.

Онъ пошелъ искать судебнаго слѣдователя, который разбиралъ дѣло на улицѣ С. Дени.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ ему, я объявляю себя преступникомъ. Я Оскаръ Ляписсотъ.

— Безполезно продолжать, м. г., — отвѣчалъ ему судья любезнымъ тономъ. Я читалъ вашъ разсказъ и приношу вамъ мои искреннія похвалы. Я знаю также и объ эксцентричности, которою вы забавлялись въ продженіе недѣли. Другой на моемъ мѣстѣ разсердился бы, можетъ быть, что ваша шутка доходитъ до суда, но я радъ случаю познакомиться съ вами.

— Э, милостивый государь, — сказалъ Оскаръ, которому надоѣли эти вѣжливости: какая тутъ шутка! Клянусь вамъ, что я Оскаръ Ляписсотъ и что я совершилъ преступленіе; сейчасъ я докажу вамъ это.

— Хорошо, сударь, — отвѣчалъ судья, вы увидите, что я сговорчивый человѣкъ. Изъ любопытства я согласенъ на это, я слушаю васъ; признаюсь вамъ даже, что я заранѣе радуюсь посмотрѣть, какъ такой умъ, какъ вашъ, сумѣетъ мнѣ доказать нелѣпость.

— Нелѣпость! Но то, что я разсказалъ, чистая правда. Кучеръ не виновенъ. Это я устроилъ...

— Я, кажется, сказалъ вамъ, что я читалъ вашъ разсказъ. Если вы сами желаете разсказать мнѣ его, я буду безконечно радъ. Но это ничего не докажетъ мнѣ, кромѣ того, что вы обладаете удивительно богатымъ и страннымъ воображеніемъ.

— У меня было воображеніе, чтобы только совершить преступленіе.

— Не совершить! Чтобы написать его, мой дорогой господинъ, чтобы написать его. И позвольте мнѣ высказаться на этотъ счетъ. У васъ было даже слишкомъ много воображенія; вы переступили границы, дозволенныя фантазіи писателей; вы изобразили нѣкоторыя обстоятельства, которыя грѣшатъ противъ правдоподобности.

— Я, я говорю же вамъ...

— Позвольте! позвольте! Вы признаете, что я понимаю немного въ преступленіяхъ. Ну вотъ, и я увѣряю васъ по совѣсти, что ваше преступленіе совсѣмъ неестественно. Встрѣча съ служанкой въ больницѣ слишкомъ случайна; и много другихъ подробностей. Какъ литературное произведеніе, вашъ разсказъ прекрасенъ, оригиналенъ, хорошо задуманъ, то, что вы называете захватывающимъ, и я признаю, что вы, писатели, въ правѣ переиначивать такъ дѣйствительность. Но ваше знаменитое преступленіе само по себѣ невозможно. Мой дорогой г-нъ Дерозъ, мнѣ очень жаль огорчать васъ, но если я удивляюсь вамъ какъ писателю, я не могъ бы принять васъ серьезно за преступника.

— Ты это увидишь! — зарычалъ Оскаръ Ляписсотъ, набрасываясь на судью. Пѣна выступила у него на губахъ, глаза налились кровью, все тѣло его дрожало отъ гнѣва. Онъ задушилъ бы судью, если бы не поспѣшили на его крикъ. Бѣшенаго схватили, связали и тотчасъ же заперли. Черезъ пять дней его отвезли въ Шарантонъ какъ безумнаго.

— Вотъ до чего доводитъ литература! — говорилъ на другой день я не знаю какой-то хроникеръ. Анатоль Дерозъ написалъ однажды случайно прекрасную вещь. Это такъ повліяло на него, что онъ сталъ думать о возможности своей мечты. Это старая басня о Пигмальонѣ, влюбившемся въ свою статую.

VIII.

И что ужаснѣе всего, это то, что Оскаръ Ляписсотъ не былъ сумасшедшимъ. Онъ былъ въ полномъ умѣ и отъ этого мучился еще больше.

„Итакъ, — думалъ онъ, теперь всѣ несчастія обрушились на меня. Не хотятъ вѣрить ни моему имени, ни моему преступленію. Когда я умру, я останусь просто Анатолемъ Дерозъ, писателемъ, который имѣлъ счастье придумать одинъ прекрасный разсказъ, и за героя романа возьмутъ этого Оскара Ляписсота, мое существо, человѣка рѣшительнаго, дѣятельнаго, героя жестокости, отрицателя угрызеній совѣсти. О, пусть меня гильотинируютъ, но узнаютъ правду! Одна минута — всунуть голову въ отверстіе гильотины; другая — пока упадетъ лезвіе; мгновеніе, и я буду имѣть увѣренность въ своей славѣ и безсмертіи!“

Эту экзальтацію умѣряли душами. Наконецъ, живя постоянно съ своей idée fixe, въ обществѣ безумныхъ, онъ и самъ сдѣлался сумасшедшимъ.

И тогда его выпустили, объявивъ выздоровѣвшимъ. Оскаръ Ляписсотъ кончилъ тѣмъ, что сталъ думать, что онъ дѣйствительно Анатоль Дерозъ и что онъ никого не убивалъ.

Онъ умеръ съ убѣжденіемъ, что вообразилъ свое преступленіе, но не совершилъ его.

ПРАВИТЕЛИ и МЫСЛИТЕЛИ.

АЛЕКСАНДРЪ I и ПАРРОТЪ.

ГЕОРГЪ-Фридрихъ Парротъ, профессоръ физики дерптскаго университета, принадлежалъ къ ограниченному числу тѣхъ иностранцевъ, временъ Александра I, которые стремились въ Россію не ради однѣхъ матеріальныхъ выгодъ, но имѣли въ виду болѣе идеальныя цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, Россія въ то время имѣла притягательную силу для всѣхъ истинныхъ друзей человѣчества, одаренныхъ большой энергіей; къ числу такихъ людей мы отнесемъ иллюмината Броннера, учителя Лобачевскаго, математика Бартельса, астрономовъ Литрова и В. Струве, основателя Пулковской обсерваторіи, а также ректора дерптскаго университета Паррота.

Сцена изъ оп. „Алеко“.

Въ нашемъ очеркѣ „Александръ Благословенный и Лагарпъ“, мы уже имѣли случай говорить объ отношеніи императора въ разные періоды его жизни къ личности своего воспитателя, воплощавшей всѣ свободныя стремленія своего вѣка.. Такими же особенностями отличался и Парротъ съ тою разницею, что Лагарпъ былъ общественный дѣятель, а Парротъ главнымъ образомъ занимался наукой. И вообще, можно сказать, что положеніе всѣхъ упомянутыхъ иностранцевъ, руководимыхъ истиннымъ желаніемъ блага русскому народу, было сходно съ судьбою Барклай-де-Толли, которую такъ трогательно и вѣрно изобразилъ Пушкинъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи: „У русскаго царя въ чертогахъ есть палата“.

* *

Начало сношеній императора Александра I съ профессоромъ физики Парротомъ относится къ 1802 г. При посѣщеніи императоромъ дерптскаго университета, Парротъ привѣтствовалъ его на французскомъ языкѣ слѣдующей рѣчью:

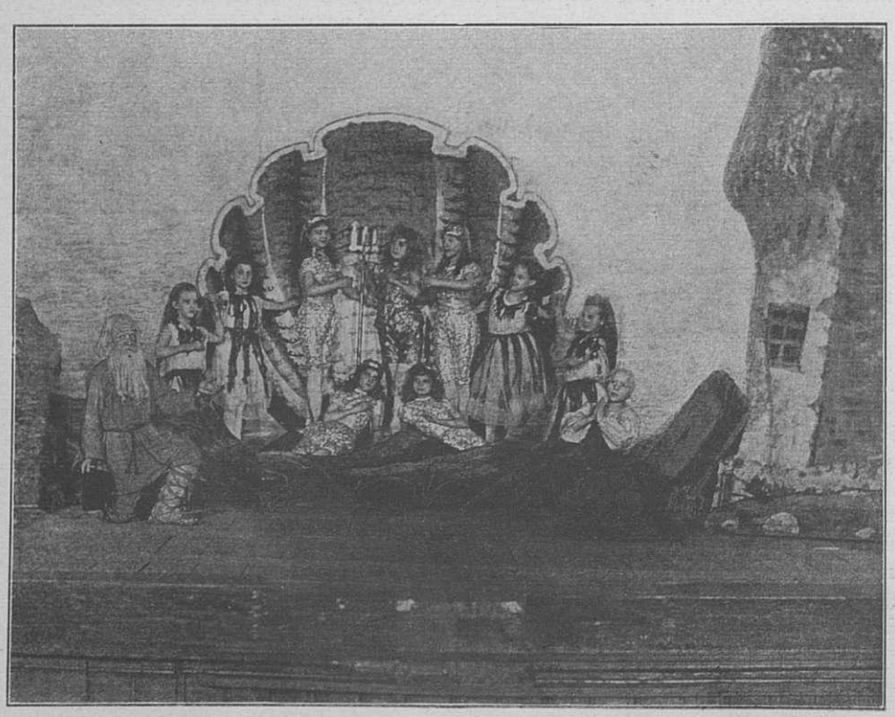
„Вы слышали восторженные клики своего народа, искренніе и правдивые, которые раздаются только во слѣдъ любимымъ монархамъ. Вы глубоко тронуты ими, ваше великое сердце испытываетъ въ настоящую минуту самую сладкую радость, — увѣренность, что вы дѣйствительно дѣлаете все доброе, составляющее предметъ вашихъ желаній. И эти крики радости и выраженія нашей любви суть только образчикъ того, что будетъ имѣть мѣсто во всякомъ городѣ, который вы почтите своимъ присутствіемъ. Ваше величество! Перенеситесь мысленно на каждую точку вашей обширной имперіи, посмотрите, въ эту минуту весь вашъ народъ у вашихъ ногъ, обратите вниманіе на каждаго вашего подданнаго, приносящаго вамъ благодарность за какое нибудь особое благодѣяніе. Землевладѣлецъ этой провинціи обязанъ вамъ уменьшеніемъ налоговъ, писатель—возстановленіемъ литературы, купецъ — свободой торговли, ремесленникъ — пробужденіемъ промышленности; вы не презираете, ваше величество, и земледѣльца, которому феодальная система оставила одно жалкое существованіе; невидимая сила выдала ему тайну вашего сердца; отецъ бросилъ уже свѣтлый взглядъ на своихъ дѣтей“.

Г. Ершовъ въ роли „Цыгана“.

Далѣе Парротъ говоритъ объ академіи наукъ, и ея задачахъ и ея обязанностяхъ по отношенію къ царю и народу, о необходимости посвящать труды и таланты на распространеніе просвѣщенія и кончаетъ свою замѣчательную рѣчь словами: „Мы, ученые, клянемся уважать все человѣческое во всѣхъ классахъ и во всѣхъ его проявленіяхъ, не дѣлая различія между богатымъ и бѣднякомъ, слабымъ и сильнымъ, только для того, чтобы оказать бѣдному и слабому болѣе живое и нѣжное участіе .

Искреннее слово истиннаго ученаго проникло въ сердце юнаго императора, какъ нельзя болѣе подготовленнаго оцѣнить то отношеніе ко всѣмъ классамъ народа, которому Парротъ всю жизнь оставался вѣренъ. Въ послѣднемъ легко убѣдиться, просматривая многочисленные популярно-научные труды Паррота, на которые этотъ профессоръ никогда не жалѣлъ времени. Въ числѣ такихъ трудовъ видное мѣсто занимаютъ „Разговоры о физикѣ“, изданные черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ упомянутой рѣчи; въ предисловіи своемъ къ этому сочиненію Парротъ говоритъ:

„Наука есть собственность человѣка, но не одинъ ученый долженъ пользоваться плодами ея: всѣ классы общества, по мѣрѣ своихъ потребностей, имѣютъ на нихъ право, въ осо-



Апоѳеозъ сказки „Золотая рыбка“ въ Васильевскомъ театрѣ.

бенности же физикъ обязанъ знакомить свѣтскаго человѣка (т. е. неспеціалиста) съ успѣхами своей науки и всячески содѣйствовать уничтоженію мнѣнія, что знанія физики недоступны, требуя глубокихъ размышленій и трудныхъ вычисленій. „Правда,— замѣчаетъ Парротъ,—что истина физическая должна предварительно пройти сквозь сумракъ гипотезъ и сомнѣній, сквозь длинный рядъ опытовъ, сквозь лабиринтъ вычисленій; но изъ лабораторіи ума человѣческаго она, наконецъ, должна появиться въ простомъ видѣ, въ формѣ ясной и привлекательной для ума и дѣйствующей на воображеніе".

Поэтъ Жуковскій, которому Парротъ самъ читалъ въ Дерптѣ первый томъ своихъ „Разговоровъ о физикѣ", свидѣтельствуетъ, что, будучи совершенно незнающимъ въ этой наукѣ, онъ слушалъ Паррота съ удовольствіемъ", и вообще „Разговоры о физикѣ" заставляютъ невольно полюбить физику.

Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что отношенія императора къ Парроту, отличавшіеся вначалѣ такимъ возвышеннымъ характеромъ, оказались столь же прочными, какъ

Сцена изъ „Русалки".

которыхъ почему нибудь считаетъ достойными довѣрія! И Парротъ сразу внушилъ къ себѣ довѣріе государю, и Шильдеръ въ своемъ трудѣ „Императоръ Александръ I" справедливо говоритъ:

„Александръ сочувствовавшій всякому идеальному порыву, былъ особенно увлеченъ этимъ привѣтствіемъ и пожелалъ видѣть Паррота у себя; съ тѣхъ поръ между этими двумя страстными друзьями человѣчества завязались на многіе годы небывалыя въ исторіи сношенія подданнаго съ государемъ. Парротъ, ничего не искавшій, довольствовавшійся всю жизнь своимъ скромнымъ служебнымъ положеніемъ и даже рѣзко отклонявшій всякое внѣшнее изъявленіе царской милости, всецѣло предался Александру со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ идеальнымъ стремленіямъ его возвышеннаго ума и любящаго сердца; постепенно онъ усвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора и какъ бы живой совѣсти своего царственнаго друга. Александръ уполномочилъ Паррота писать о всемъ, что хочетъ: о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ; во время же посѣщеній Парротомъ Петербурга, вслѣдъ за дерптскимъ знакомствомъ, онъ приглашался до начала войны 1812 г. прямо въ кабинетъ государя и въ дружеской откровенной бесѣдѣ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера".

Во время этихъ непрерывныхъ одиннадцатилѣтнихъ сношеній съ Парротомъ, императоръ былъ особенно внимателенъ къ дѣлу просвѣщенія въ Россіи; къ этому проме-

Группа изъ „Бориса Годунова".

Группа изъ „Руслана и Людмилы".

убѣжденія профессора, высказанныя въ упомянутой рѣчи. Намъ извѣстно, что дѣятельность ученаго, который всегда разсуждаетъ о фактахъ, имъ самимъ установленныхъ или по крайней мѣрѣ провѣренныхъ, укрѣпляетъ умъ и волю. Положеніе правителя въ этомъ отношеніи иное; онъ часто не имѣетъ времени и возможности устанавливать, ни даже провѣрять факты, наоснованіи которыхъ долженъ дѣлать выводы, имѣющіе такія важныя послѣдствія для жизни! Правитель всегда до извѣстной степени принужденъ вѣрить людямъ

жутку времени относится между прочимъ основаніе университетовъ казанскаго и харьковскаго. Но и тогда уже люди противоположнаго направленія стремились по своему воздѣйствовать на императора.

По просьбѣ великой княгини Екатерины Павловны, Карамзинъ написалъ свою записку „О старой и новой Россіи“, въ которой совершенно искренно выступилъ противникомъ всѣхъ либеральныхъ идей и защитникомъ всего патріархальнаго. Однако, не смотря на увлекательное краснорѣчіе Карамзина, онъ не скоро нашелъ доступъ къ сердцу государя. Во время проѣзда императора черезъ Тверь, сестра заботливо передала ему „Записку“ Карамзина. Государь тотчасъ же прочелъ ее и затѣмъ очень холодно простился съ Карамзинымъ. Великая княгиня старалась утѣшить историографа, смущеннаго и огорченнаго холодностью государя. Она сама была очень горячей патріоткой и проявила большое мужество и энергію въ 1812 г. Что касается ея образа мыслей, то онъ опредѣленно выразился въ сильной симпатіи къ Карамзину и въ глубокой ненависти къ Сперанскому. Можно сказать, что великая княгиня употребила всѣ зависящія отъ нея средства удалить отъ государя Сперанскаго и приблизить къ нему Карамзина. Но послѣднее, какъ мы видили, удалось ей не сразу; однако, мало по малу государь примирился съ Карамзинымъ и привыкъ слушать разсужденія его о томъ, что основаніе университетовъ, гимназій и школъ стоило милліоны рублей, но принесло болѣе убытка для казны, чѣмъ выгодъ для отечества, и т. д.

Терпѣливо выслушивая все это, государь продолжалъ еще въ то время идти „своимъ путемъ“. Въ Петербургѣ былъ учрежденъ учительскій институтъ въ ожиданіи университета, и Александръ не переставалъ оказывать покровительство наукѣ и литературѣ. Литературныя заслуги лицъ, находящихся на государственной службѣ, награждались чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на службѣ, получали цѣнные подарки. Многіе писатели посылали свои рукописи императору, который приказывалъ печатать на счетъ кабинета тѣ изъ нихъ, которыя находилъ полезными и предоставлялъ въ распоряженіе авторовъ прибыль, доставленную продажей изданія. Государь заботился также о появленіи на русскомъ языкѣ переводовъ иностранныхъ книгъ, преимущественно по общественнымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ, чтобы подготовить русское общество къ будущимъ реформамъ. Въ тотъ же періодъ царствованія Александра I былъ изданъ извѣстный александровскій цензурный уставъ, въ которомъ между прочимъ внушалось цензурѣ руководствоваться „благоразумнымъ снисхожденіемъ“, а цензурный комитетъ состоялъ изъ профессоровъ университета. Нѣкоторые указы свидѣтельствовали о томъ, что государь думалъ и о крестьянахъ, запретивъ, напримѣръ, дѣлать объявленія о продажѣ крестьянъ безъ земли и прекративъ раздачу населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли немногіе слѣды переписки Паррота съ императоромъ Александромъ Первымъ, относящейся къ тому времени, когда императоръ и профессоръ дерптскаго университета жили душа въ душу. Намъ извѣстно только одно письмо Паррота, характеризующее эти отношенія, но прежде, чѣмъ познакомить читателей съ этимъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытнымъ документомъ, мы замѣтимъ, что позднѣе, вспоминая объ этомъ времени, Парротъ говорилъ, что государь не скупился тогда на чувства.

Александръ Первый всегда отличался склонностью къ такъ называемому платоническому кокетству, т. е. любилъ, чтобы любовались его умственными и нравственными превосходствами тѣ люди, которыхъ онъ считалъ выдающимися по своему уму и характеру. Что касается Паррота, то, конечно, онъ не имѣлъ и понятія о существованіи такого рода кокетства. Извѣстный своимъ безкорыстіемъ и скромностью, онъ былъ горячо преданъ научнымъ и общественнымъ интересамъ; и та и другая его дѣятельность отличались свойственной его темпераменту кипучестью. Въ открывшейся неожиданно дружбѣ съ императоромъ онъ прежде всего увидѣлъ возможность воспользоваться ею для распространенія просвѣщенія въ Россіи, въ то же время его притягивала самая личность императора, которая доставляла ему эту возможность, а императору были новы чувства чистаго человѣка, отличающіяся особой упругостью и силой и притомъ совершенно свободныя отъ всякаго честолюбія и корыстолюбія. Сверхъ того, государь былъ въ то время проникнутъ мыслью о необходимости просвѣщенія для Россіи и видѣлъ, съ своей стороны, въ Парротѣ могучее орудіе въ этомъ дѣлѣ. Лагарпъ, Сперанскій и Парротъ, вотъ три человѣка, которые дѣйствовали въ одномъ направленіи, хотя всѣ трое оставались чуждыми другъ другу. Парротъ открыто признавался, что многія черты характера Сперанскаго отталкивали его отъ этого необыкновеннаго государственнаго человѣка. И Сперанскій съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дружбу императора съ Парротомъ даже въ то время, когда широко пользовался этою дружбою самъ. И въ то время, какъ Лагарпъ и Парротъ любили государя какъ человѣка, Сперанскій цѣнилъ только свое вліяніе на императора.

Любя Сперанскаго и восторгаясь его талантами, считая его своей правой рукой, государь, однако, по свойственной ему самому подозрительности, не слишкомъ довѣрялъ благородству его души; и, можетъ, это недовѣріе было слѣдствіемъ наблюденій надъ неуловимыми въ то время проявленіями того коварства, которое черезъ много лѣтъ такъ блистательно проявилось въ сношеніяхъ Сперанскаго съ Аракчеевымъ. Какъ бы то ни было, нашлись люди, которые не побоялись оклеветать Сперанскаго въ неправдоподобной измѣнѣ отечеству, разсчитывая на то, что государь повѣритъ этой клеветѣ. И разсчетъ этотъ оказался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ; государь не только повѣрилъ клеветѣ, но и пришелъ въ глубокое негодованіе отъ этой мнимой измѣны, причинившей ему глубокія нравственныя страданія.

Въ то время, когда у государя возникло сомнѣніе въ вѣрности Сперанскаго, отношенія императора къ Парроту сохраняли еще тотъ исключительный характеръ, о которомъ говоритъ Шильдеръ. Это доказываетъ письмо Паррота къ государю отъ 17-го марта 1812 г., гдѣ профессоръ описываетъ свое нравственное состояніе по возвращеніи изъ дворца слѣдующимъ образомъ: „Одиннадцать часовъ ночи, вокругъ меня царствуетъ глубокая тишина; я хочу писать тому, кого я такъ люблю, дорогому для меня существу, съ которымъ бы я хотѣлъ никогда не разставаться. Цѣлыя сутки прошли съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Я употребилъ это время на то, чтобы приготовиться какъ слѣдуетъ вамъ отвѣчать. Теперь мы будемъ говорить о томъ, что представляетъ наибольшій интересъ для васъ въ эту минуту. Я чувствовалъ себя счастливымъ въ моментъ признанья, не смотря на горечь разлуки; я ощущалъ возрожденіе мира въ своемъ и въ вашемъ сердцѣ, этого десятилѣтняго блаженнаго мира, не омраченнаго ни однимъ облакомъ. Мой Александръ! Мы оба нуждаемся въ этомъ мирѣ! какъ неизмѣримо ваше сердце стоитъ выше вашего положенія“. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе мыслей относительно измѣны Сперанскаго, которой Парротъ ни на минуту не вѣритъ; онъ говоритъ императору: „Примите въ эту рѣшительную минуту нѣкоторые совѣты—квинтэссенцію моихъ размышленій о вашемъ настоящемъ положеніи. Это положеніе, моя любовь къ вамъ, точка зрѣнія, на которой я нахожусь, все это вмѣстѣ создаетъ священную для меня обязанность. Я начну со Сперанскаго, согласно вашему желанію. Впрочемъ, я не придерживаюсь никакого правила! Я пишу только для васъ это изліяніе моего сердца. Вы меня поймете. Когда вы довѣрили мнѣ свое горестное подозрѣніе Сперанскаго въ измѣнѣ, вы были внѣ себя. Я надѣюсь, что теперь вы оставили свое намѣреніе его казнить“.

Не оправдывая безусловно Сперанскаго, Парротъ осторожно стремится смягчить сердце государя и обратить его вниманіе на то, что у Сперанскаго такъ много враговъ и завистниковъ, а потому въ осужденіи его и надо быть особенно осмотрительнымъ и отнюдь не дѣйствовать сгоряча. По поводу же этого проявленія подозрительности относительно Сперанскаго Парротъ заводитъ рѣчь съ государемъ объ его подозрительности вообще, объясняя ее тѣми особенными условіями, среди которыхъ прошло дѣтство императора. Онъ указываетъ также на то, что многіе пользуются и злоупотребляютъ этою подозрительностью и, раздувая искры подозрѣнія, стремятся овладѣть его душой. Въ этомъ же письмѣ Парротъ обращаетъ вниманіе государя на Барклай-де-Толли, военный геній котораго какъ бы стѣсненъ своей безграничной застѣнчивостью, но вниманіе государя могло бы окрылить этотъ геній. Замѣчательно, что Парротъ говоритъ здѣсь также о необходимости того, чтобы Барклай пользовался предпочтеніемъ государя передъ Аракчеевымъ.

И вообще въ этомъ письмѣ Парротъ является въ той роли живой совѣсти, которую ему предписываетъ Шильдеръ; онъ напоминаетъ государю о необходимости какъ можно строже судить поступки сильныхъ и вліятельныхъ людей и быть снисходительнымъ по отношенію къ „малымъ“. Наше вниманіе невольно останавливаетъ и та свобода, съ которой Парротъ говоритъ съ государемъ, даже о такихъ личностяхъ, какъ зять императора, принцъ Ольденбургскій. Изъ того же письма видно, какъ горячо принималъ Парротъ къ сердцу интересы Россіи; эта преданность царю и Россіи простиралась до того, что онъ просилъ Александра I позволить ему принять участіе въ походѣ противъ Наполеона. Но императоръ отклонилъ эту прось-

бу, не желая подвергать риску жизнь ученаго, который могъ еще принести большую пользу дѣлу народнаго образованія. И пламенный Парротъ съ болью въ сердцѣ подчинился волѣ императора. Чувствуя въ себѣ настоящее мужество, онъ желалъ перелить его въ душу своего царственнаго друга, которому нужно было въ тѣ минуты такъ много твердости. Въ 1833 г., когда Александра I уже не было въ живыхъ, Парротъ коснулся событій этого времени въ письмѣ своемъ къ императору Николаю I. Изъ этого письма мы видимъ, въ какомъ ужасномъ нравственномъ состояніи находился Александръ Первый, когда его убѣдили въ измѣнѣ Сперанскаго, наканунѣ ужасной войны 1812 года. Было отъ чего выйти изъ себя и произнесть приговоръ, такъ несвойственный Александру Благословенному. Парротъ откровенно сообщаетъ императору, какъ смѣло и прямо онъ своевременно указалъ его брату на невозможность дѣйствовать въ этомъ случаѣ сгоряча и за это удостоенъ былъ благодарности покойнаго государя, выраженной въ самой трогательной формѣ. Но эта благодарность, какъ видно, была послѣднимъ проявленіемъ дружбы императора къ профессору. Вскорѣ же имъ пришлось разстаться. Сравнительно съ тѣмъ, что не приходилось переживать героямъ на войнѣ, Парроту его собственная дѣятельность въ то время казалась бездѣйствіемъ, и онъ говорилъ: „на что жизнь, если она обречена на бездѣйствіе“.

Неутомимо слѣдя за военными дѣйствіями и всею душой восторгаясь тою благородною ролью защитника мира, которая выпала на долю русскаго императора, Парротъ ждалъ-не-дождался возвращенія его въ Россію. Онъ не ожидалъ въ то время, что всѣ бѣдствія войны надломятъ нѣжную организацію Александра Перваго и выроютъ пропасть между его прошлымъ и будущимъ...

Въ 1814 г., какъ намъ извѣстно, государь въ сердцѣ своемъ рѣшилъ поставить во главѣ управленія внутренними дѣлами Аракчеева. Тотчасъ же послѣ заключенія мира, императоръ не замедлилъ приступить къ осуществленію задуманныхъ еще въ 1810 г. военныхъ поселеній, въ которыхъ видѣлъ благо народа.

Что касается Паррота, онъ какъ будто не предвидѣлъ, или не хотѣлъ предвидѣть, такой перемѣны въ дѣйствіяхъ Александра Перваго.

Два года прошли со времени послѣдняго свиданія этого ученаго съ его обожаемымъ императоромъ. И какихъ два года! Наконецъ, въ 1814 г., Парротъ узналъ о возвращеніи Александра I въ Петербургъ и съ трудомъ боролся съ своимъ желаніемъ увидѣть его тотчасъ по возвращеніи. Онъ понималъ, что въ первые дни послѣ своего пріѣзда государь не могъ бы удѣлить ему ни своего вниманія, ни своего времени, и ждалъ... Но любовь его къ государю достигла въ это время своей высшей степени. Думая о немъ ежеминутно, пылкій Парротъ повторялъ себѣ: „я имѣлъ основаніе его любить съ такою силой, которая изумляла его самого; я имѣлъ основаніе считать его героемъ; теперь вся Европа думаетъ о немъ такъ же, какъ я“.

Воспоминаніе о дружбѣ съ такимъ государемъ наполняло счастіемъ душу ученаго Дружба эта была такъ неизмѣнна со стороны Паррота... И это онъ какъ нельзя живѣе ощущалъ. Но настолько-ли постоянъ былъ въ своей благосклонности къ нему государь? Казалось, эта благосклонность и раньше подвержена была нѣкоторымъ колебаніямъ, неимѣвшимъ въ глазахъ Паррота, не обращавшаго вниманія на мелочи, никакого значенія. „Слава не могла же сдѣлать императора высокомѣрнымъ; она въ состояніи была только еще возвысить его душу“, — думалъ Парротъ и съ увѣренностью повторялъ себѣ: — „я найду императора такимъ же, какимъ оставилъ его въ то время, какъ онъ готовился къ этой страшной войнѣ“. Въ этой увѣренности Парротъ и написалъ Александру I изъ Дерпта: „Я пріѣду въ Петербургъ, когда буду знать, что вы можете посвятить мнѣ хотя нѣсколько минутъ, тогда мое сердце будетъ биться опять однимъ біеніемъ съ вашимъ, какъ это было всегда. Изъ того же, чѣмъ полна душа моя, я открою вамъ только то, что вы сами захотите видѣть“.

Но, говоря это, Парротъ въ то же время прибавляетъ: „Однако, я принужденъ буду говорить съ вами и о дѣлахъ. Во время вашего отсутствія произошло такъ много. А пока умоляю васъ не предпринимать ничего рѣшительнаго въ департаментѣ народнаго просвѣщенія прежде, чѣмъ я не сообщу вамъ всего того, чему мнѣ довелось быть свидѣтелемъ“.

Далѣе Парротъ напоминаетъ императору о томъ, что теперь царь Россіи самый вліятельный человѣкъ въ Европѣ, что онъ законодатель общественнаго мнѣнія и ему предстоитъ неизмѣримое счастье употребить свою власть на благо человѣчества.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, 16 августа 1814 г., Парротъ пріѣхалъ въ Петербургъ самъ и тотчасъ написалъ императору слѣдующія строки:

„Вотъ я и въ Петербургѣ. Какія нибудь двѣ улицы отдѣляютъ меня отъ моего дорогого государя. Только нѣсколько улицъ! Эта мысль составляетъ мое счастье; она наполняетъ всю мою душу и ее возвышаетъ. Удѣлите мнѣ поскорѣе нѣсколько минутъ, чтобы я могъ прочитать въ вашихъ глазахъ то, что непрерывно повторяетъ мнѣ мое сердце: онъ меня все еще любитъ.

Вашъ Парротъ“.

Слѣдующее письмо Паррота написано послѣ тщетнаго трехнедѣльнаго ожиданія этого свиданія, когда, наконецъ, онъ рѣшился снова напомнить о себѣ государю...

Намъ извѣстно, какъ невелики были средства дерптскаго профессора въ то время, поэтому насъ не можетъ удивить то, что неожиданное долгое пребываніе въ Петербургѣ поставило Паррота въ самое затруднительное матеріальное положеніе. Не смотря на то, онъ ждалъ желанной минуты свиданія съ императоромъ; тайный голосъ говорилъ ему, что именно теперь онъ могъ оказаться полезнымъ государю. 24 января онъ, все еще находясь въ Петербургѣ, писалъ государю: „Вы никогда еще не были такъ жестоки; мнѣ выпало на долю сдѣлаться первой жертвой вашей жестокости“.

На всѣ шесть писемъ, написанныхъ Паротомъ въ это время государь, отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ, не давая своей живой совѣсти ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Не смотря на свое крѣпкое здоровье, Парротъ изнемогалъ отъ этого томительнаго ожиданія; ему захотѣлось уѣхать не только изъ Петербурга, но изъ Россіи; ему захотѣлось увидѣть свою родину, насладиться прекрасной природой, возобновить свои сношенія съ европейскими учеными, наконецъ, поправить здоровье.

(*Продолженіе будетъ*).

Е. Литвинова.

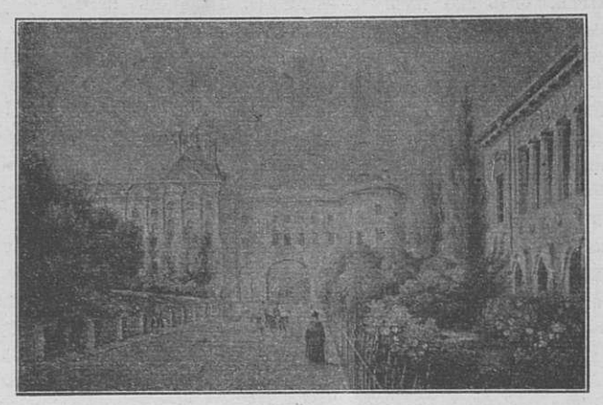
Выставка перваго дамскаго художественнаго кружка.

„Первый дамскій художественный кружокъ“ возникъ въ 1882—83 гг.

Иниціаторомъ всего дѣла, имѣвшаго первоначально благотворительныя цѣли, явилась покойная П. П. Куріаръ. Предметомъ занятій на періодическихъ собраніяхъ кружка были живопись, скульптура, рѣзьба и выжиганіе по дереву и т. п. Здѣсь принимали участіе и нѣкоторые художники, не отказывая членамъ кружка въ своемъ совѣтѣ и руководствѣ. Скоро одной изъ главныхъ задачъ кружка стало поддержаніе и развитіе художественныхъ стремленій въ русскихъ дамахъ. А въ 1885 году кружокъ былъ признанъ оффиціально и получилъ особый уставъ. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія этого учрежденія.

При обсужденіи дѣятельности кружка и ея осязательныхъ результатовъ на выставкѣ, необходимо не упускать изъ виду памятую цѣль кружка: развитіе художественныхъ стремленій въ русскихъ дамахъ. Именно, дамахъ, а не женщинахъ вообще, хотя, быть можетъ, уставъ кружка и не признаетъ этой разницы. Женщинѣ, захоти она только получить нужное всякому художнику образованіе, открыты тѣ-же пути, что и мужчинѣ: академія художествъ, общество поощренія художниковъ, частныя школы и пр. Но для того, чтобы рѣшиться на долгій, упорный трудъ въ одномъ изъ такихъ заведеній, надо почувствовать настоящее, не заслоненное никакими посторонними соображеніями влеченіе къ искусству, надо постоянно твердить себѣ, что художнику, болѣе чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ быть очень образованнымъ и очень развитымъ человѣкомъ, надо вѣрить въ свой талантъ и, въ то-же время, сомнѣваться въ немъ. А нѣтъ такихъ настроеній въ человѣкѣ — нечего тогда и говорить объ его художественной личности: ея тоже нѣтъ. Подразумѣвая подъ понятіемъ „дамы“ часто скучающую, богатую (относительно), не слишкомъ образованную, не черезчуръ развитую женщину, легко придти къ заключенію, что главной задачей (мы не говоримъ о благотворительности) дамскаго художественнаго кружка можетъ быть только кокетничаніе съ искусствомъ, пропаганда новаго способа убить и скуку и время, взявъ въ руки палитру и вообразивъ себя на нѣсколько минутъ „живописицей“. Высказывая это, мы далеки отъ предвзятыхъ сужденій: выставка, и только она дала намъ смѣлость сдѣлать столь печальный выводъ. Негдѣ, не на чемъ отдохнуть глазу отъ невѣроятной мазни. А увидишь двѣ-три картинки получше — оказывается, писалъ мужчина. Сгоряча не трудно составить нелѣпое, разумѣется, убѣжденіе о полной неспособности женщинъ къ живописи... Итакъ, переходя къ обзору выставленныхъ дамами произведеній, будемъ помнить, что всѣ они лежатъ ниже порога сколько-нибудь строгой критики, выражаясь языкомъ психологовъ. Большинство картинъ писано акварелью. Масляныя краски поца-

даются сравнительно рѣдко. Довольно много головъ и жанровыхъ этюдовъ. „Слѣпой нищій“ и „Этюдъ нищаго“, г-жи Гротъ, являются наиболѣе яркимъ типомъ дамской трактовки жанровыхъ сюжетовъ: необычайно тщательная выписка совершенно ненужныхъ и несущественныхъ деталей лица и костюма, полное отсутствіе колорита, фотографическая мертвенность и деревянность фигуры. „Хивинецъ“ и „Восточная женщина“ того-же автора написаны не менѣе добросовѣстно и терпѣливо. Какъ ни удивительно, но и древній Венеціановъ, основатель русскаго жанра, нашелъ себѣ поклонницъ. Таковы именно, по слащавости и манерности, произведенія г-жи бар. фонъ-деръ-Паленъ: „Крестьянскія дѣти“ и „Дѣвочка съ козой“ (масл. краск.). Пріятно просто посмотрѣть на этихъ небывало-граціозныхъ, чистенькихъ, отлакированныхъ дѣтей-манекеновъ. Очень мило.—Рядъ этюдовъ и головокъ г-жи Граве отнюдь не выходитъ изъ общаго уровня. Наиболѣе удолетворителенъ „Портретъ Лели Е.“ За-то прочія головки пересинены. Нѣсколько удачнѣе работы г-жи Крамской „Головка“, и г-жи Висковатой—тоже „Головка“ (пастель). У нихъ и рисунокъ правильнѣе и жизни больше.



Царскосельскій лицей.

Изъ немногочисленныхъ портретовъ нельзя не остановиться на „Портретѣ г-жи А. В. Б.—Р.“, работы г-жи Кулибиной. Трудно представить себѣ что-либо печальнѣе этого зрѣлища. Буквально, нѣтъ образа человѣческаго! Невозможно писать портретъ, не имѣя никакого понятія объ анатоміи, да, впрочемъ и о живописи, въ данномъ-то случаѣ.

Пейзажъ, судя по выставленнымъ образчикамъ, написать весьма легко. Красокъ нужно немного, всего четыре: темно-коричневую — для древесныхъ стволовъ и земли, темно-зеленую — для листвы, свѣтло-зеленую — для травы, голубую — для моря и неба. Необходимо еще знать, что деревья не растутъ корнями вверхъ, что отдаленные отъ зрителя предметы кажутся маленькими, что листьевъ не стоитъ пересчитывать и зарисовывать каждый отдѣльно. Остальное — сущіе пустяки. Къ такимъ пустякамъ относится, напримѣръ, картина г-жи бар. Майдель „Осенній день на Лифляндскомъ берегу“, гдѣ деревья завиты какъ барашки или барышня. Не менѣе великолѣпны: „Рожь“, г-жи Вуичъ, и „Золотая осень“—г-жи Вознесенской. Та-же г-жа Вознесенская изобразила удивительную „Вьюгу“: снѣжные вихри очень напоминаютъ растрепанные сѣдые волосы; изъ нихъ пугливо выглядываетъ традиціонная избушка на курьихъ ножкахъ.

Г-жа Блашке дала рядъ маринъ, съ лодочкой, буксиромъ, и даже просто „Лодку“. Г-жа бар. Врангель выставила „Мостикъ въ Маріенбадѣ“, „Ручеекъ“, „Водопой“. Г-жа Онуфріева—„Черное море“; г-жа кн. Кудашева—„У ручья“, „Марина“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ вода точно изъ жести сдѣлана, такъ неподвижны „бурныя“ волны, тверда гладкая поверхность озерковъ и прудковъ, неупруги широкіе валы прилива... Но нѣкоторые пейзажи болѣе удались. Сюда принадлежитъ „Дорога на станцію Корфъ“, г-жи Якобсъ: нешрокак, сѣро-песчаная, сильно разъѣзженная тяжелыми тарантасами дорога бѣжитъ среди пологихъ равнинъ; ее окаймляютъ неровные валы, поросшіе мѣстами низенькимъ кустарникомъ,—и вѣтеръ буйно треплетъ его тощія вѣтви, кровавые лучи солнца блѣдно ложатся слѣва на дорогу... Видно, что автору хотѣлось выразить не разъ овладѣвавшее имъ настроеніе.

Памятникъ Пушкину въ Лицейскомъ саду.

Не менѣе добросовѣстны по исполненію картины г-жи Куцынской: „Лунная ночь“ и „Ostseestrand“ (копія). Въ „Лунной ночи“ мягкіе переливы луннаго свѣта слегка напоминаютъ манеру покойнаго Ендогурова. Нѣсколько рѣзче эффекты ночного освѣщенія у г-жи Пане, въ „Санто-Кіора“.

Nature morte и всяческихъ panneaux—цѣлыя тучи. Особенно много почему-то грибовъ, даже поганыхъ, и часто громадной величины. Декоративныя panneaux неудачны: у г-жи Линдманъ все занялъ очень аляповатый павлинъ; „Муза“, г-жи Смирновой, состряпана по Ломброзо и, по выраженію лица, подходитъ къ лунатичкѣ, не говоря ужь о невозможномъ колоритѣ. Nature morte, противъ ожиданія, далека отъ всякой природы. А вѣдь цвѣты, фрукты, овощи, хрусталь, какой-нибудь уголокъ обѣденнаго стола — все это любимѣйшіе сюжеты дилетантокъ въ живописи. Одной изъ наиболѣе удовлетворительныхъ работъ является довольно большая картина масляными красками: „Nature morte“, г-жи Крамской; здѣсь нѣтъ той вымученности каждаго мазка, что рѣжетъ глазъ въ другихъ произведеніяхъ этого рода. Отдѣлъ прикладного искусства удачнѣе и обширнѣе прочихъ. Очевидно, живопись по фарфору, стеклу, шелку, атласу, бархату, выжиганіе по дереву завоевали себѣ симпатіи среди членовъ дамскаго художественнаго кружка. Часто встрѣчаются изящныя вещицы: дѣтская мебель (г-жа бар. Гревенитъ), расписанная (сепіей) группами карликовъ, въ разно образныхъ позахъ; шкапъ (г-жа Шильдкнехтъ), весь покрытый тонкимъ, гармонично сплетающимся узоромъ—выжиганіе по дереву; фарфоровое блюдо (г-жа Доссъ), съ хорошо посаженнымъ и выполненнымъ рисункомъ. Тарелочекъ, полочекъ, табуреточекъ, подушечекъ, коробочекъ, бюваровъ, экрановъ — легіоны. Ширмы тутъ всѣхъ видовъ, начиная отъ простыхъ деревянныхъ, затянутыхъ одноцвѣтнымъ плойчатымъ атласомъ, и кончая металлическими, шестистворчатыми, съ акварельнымъ рисункомъ въ каждой створкѣ. Много фото-миніатюръ. Кто немного знакомъ со сложнымъ и долгимъ процессомъ фотоминіатюръ: предварительной обработкой фотографическаго снимка, просушкой, наклейкой, подборомъ стеколъ, раскраской и пр., тотъ не можетъ не оцѣнить по достоинству работъ г-жи Штрамъ: „Карла XII“, „Мадонну“, „Falsch' Spielera'a“ и другихъ. Посмертная выставка картинъ П. П. Куріаръ, первой предсѣдательницы кружка, помѣщается въ отдѣльной небольшой залѣ. Здѣсь собраны наиболѣе извѣстныя работы покойной, и около 70 эскизовъ. Картина „Дубы“, за которую П. П. Куріаръ получила званіе почетнаго вольнаго общника академіи Художествъ, написана подъ сильнымъ вліяніемъ Шишкина и доказываетъ, что техника не всегда была въ загонѣ у членовъ дамскаго художественнаго кружка. Въ заключеніе упомянемъ о работахъ нѣкоторыхъ художниковъ, помѣстившихъ на выставкѣ свои произведенія. Г-нъ Александровъ далъ недурную „Головку“, писанную масляными красками. Г-нъ Крыжицкій—тонко сдѣланный пейзажъ (углемъ). Г-нъ Соломко—„Цингалеску“ (сингалезку?), „У фонтана“—обѣ акварелью. „Цингалеска“ сдѣлана крайне манерно и, не смотря на этнографическія подробности, похожа на хорошо загримированную даму, совсѣмъ европейскаго происхожденія

П. К.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Министерство Дюпюи пало. Телеграфъ сообщилъ, что президентъ Лубэ совѣщался съ Пуанкарэ, но не съ цѣлью поручить ему составленіе министерства, а съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе относительно положенія дѣлъ, созданнаго послѣдними событіями въ Парижѣ и отставкою министерства Дюпюи. Между тѣмъ, изъ вечернихъ депешъ, переданныхъ телеграфнымъ агентствомъ, слѣдуетъ заключить, что Лубэ призывалъ къ себѣ Пуанкарэ спеціально для того, чтобы предложить ему сформированіе кабинета. Пуанкарэ посѣтилъ затѣмъ Рибо, Саррьена, Мелина, Пейтраля и Бриссона и послѣ того совѣщался съ нѣсколькими членами парламента. Наиболѣе вѣроятнымъ, какъ телеграфируютъ изъ Парижа, представляется кабинетъ Пуанкарэ. Большинство палаты высказалось, въ засѣданіи 31-го мая (12-го іюня), за переходную формулу депутата Рюо, вызвавшую паденіе министерства Дюпюи. Принятая 321 голосомъ противъ 173 формула Рюо заявляла, что палата будетъ поддерживать только такое министерство, которое „рѣшится энергически отстаивать республиканскія учрежденія Франціи и обезпечитъ общественный порядокъ“. Во всякое другое время, какъ замѣчаетъ „Journ. de St. Pétersbourg“, Дюпюи могъ бы принять такую формулу безъ малѣйшихъ колебаній по той причинѣ, что на самомъ дѣлѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, твердая рѣшимость главы кабинета блюсти уваженіе къ закону не могла бы быть заподозрѣна. Онъ проявилъ въ день лошанскихъ скачекъ исключительную энергію, отчасти даже хватившую черезъ край, по увѣренію нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ критиковъ. Поэтому, нельзя было, по чистой совѣсти, заподозрить его въ несочувствіи тому, что большинство парламента ставило въ обязанность правительству, но парламентскія формулы переходовъ къ очереднымъ дѣламъ имѣютъ зачастую не тотъ смыслъ, который можно было бы имъ приписать, сообразуясь съ ихъ редакціею. Нежеланіе палаты отдать предпочтеніе переходной формулѣ депутата Сомада, одобрявшей заявленія правительства, было понято Дюпюи въ смыслѣ доказательства недовѣрія къ нему парламента, и подъ этимъ впечатлѣніемъ ему, какъ видно, показалось, что предложенный Рибо переходъ къ очереднымъ дѣламъ непремѣнно долженъ былъ скрывать въ себѣ что-либо непріятное для министерства и лично для него обидное. Судя по результату голосованія понедѣльничнаго засѣданія, въ рѣшеніи большинства палаты, въ сущности, не заключалось прямыхъ указаній, въ смыслѣ которыхъ могъ бы быть сформированъ новый кабинетъ. Всякое министерство, призванное къ власти президентомъ Лубэ, будетъ, разумѣется, проникнуто твердымъ намѣреніемъ защитить республиканскія учрежденія Франціи; но вопросъ въ данномъ случаѣ не въ этомъ. Важно теперь знать, къ какой собственно группѣ обратится президентъ, съ тѣмъ, чтобы обезпечить новому правительству достаточно прочное парламентское большинство. Политика Дюпюи, угождавшаго и тѣмъ и другимъ, въ настоящую минуту рухнула. Онъ обставилъ себя представителями какъ радикальной, такъ и умѣренной партій. Его министерство скорѣе походило на министерство концентраціи. Въ настоящую же минуту рѣчь должна зайти не столько о вопросахъ, въ свое время раздѣлявшихъ республиканскія партіи, сколько о томъ, какой политики должно держаться новое правительство по отношенію къ послѣдствіямъ пересмотра дѣла Дрейфуса. Группы крайней лѣвой продолжаютъ настаивать на привлеченіи къ отвѣтственности нѣкоторыхъ высшихъ представителей арміи за ихъ образъ дѣйствій въ первомъ процессѣ Дрейфуса. Онѣ непремѣнно требуютъ новыхъ жертвъ, и министерство, которое захочетъ найти себѣ поддержку въ этихъ партіяхъ, должно пойти на подобную уступку. Но такой образъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ „Journ. de St. Pétersbourg“, можетъ увлечь его далеко и быть небезопаснымъ для спокойствія страны. Фрейсинэ это давно уже сообразилъ, а за нимъ понялъ и Дюпюи. Фрейсинэ сложилъ съ себя обязанности военнаго министра, такъ какъ предвидѣлъ, что кабинетъ, въ концѣ концовъ, не выдержитъ напора крайней лѣвой и поддастся ему. Дюпюи, въ свою очередь, разсудилъ, что наступило время, не позволяющее ему управлять дѣлами государства согласно его личнымъ убѣжденіямъ умѣреннаго республиканца. Если будущій кабинетъ сочтетъ нужнымъ опереться на крайнія партіи, то долженъ будетъ представить имъ какой-либо залогъ, т.-е. сдѣлать то, на что Дюпюи не могъ рѣшиться. Разрывъ съ крайнею лѣвою и съ соціалистами на много сократилъ бы большинство, опирающееся на принципъ республиканскаго союза, и, ослабилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскую основу кабинета. Съ другой стороны, трудно было бы вернуться, при настоящихъ обстоятельствахъ, къ кабинету Мелина, который не преминулъ

О. Ѳ. Миллеръ.
Скончался 2-го іюня 1889 года.

Роза Бонеръ.

Президентъ Крюгеръ въ сопровожденіи конвоя.

бы, конечно, возобновить свою политику соглашенія съ правыми. Для такого министерства не нашлось бы большинства въ палатѣ. „Какъ бы то ни было,—говоритъ въ заключеніе нашъ французскій органъ,—но по милости политики республиканскаго союза, соціалисты явились хозяевами положенія, такъ какъ составляютъ, въ сущности, ту партію, на которую будетъ вынужденъ опереться всякій кабинетъ, намѣревающійся слѣдовать политикѣ сосредоточенія республиканскихъ силъ". Но внѣ парламента стоитъ страна, жаждущая успокоенія, котораго не могъ ей дать Дюпюи; нападки же соціалистовъ на армію и ихъ явно враждебныя къ ней отношенія далеко не предвѣщаютъ Франціи спокойныхъ дней.

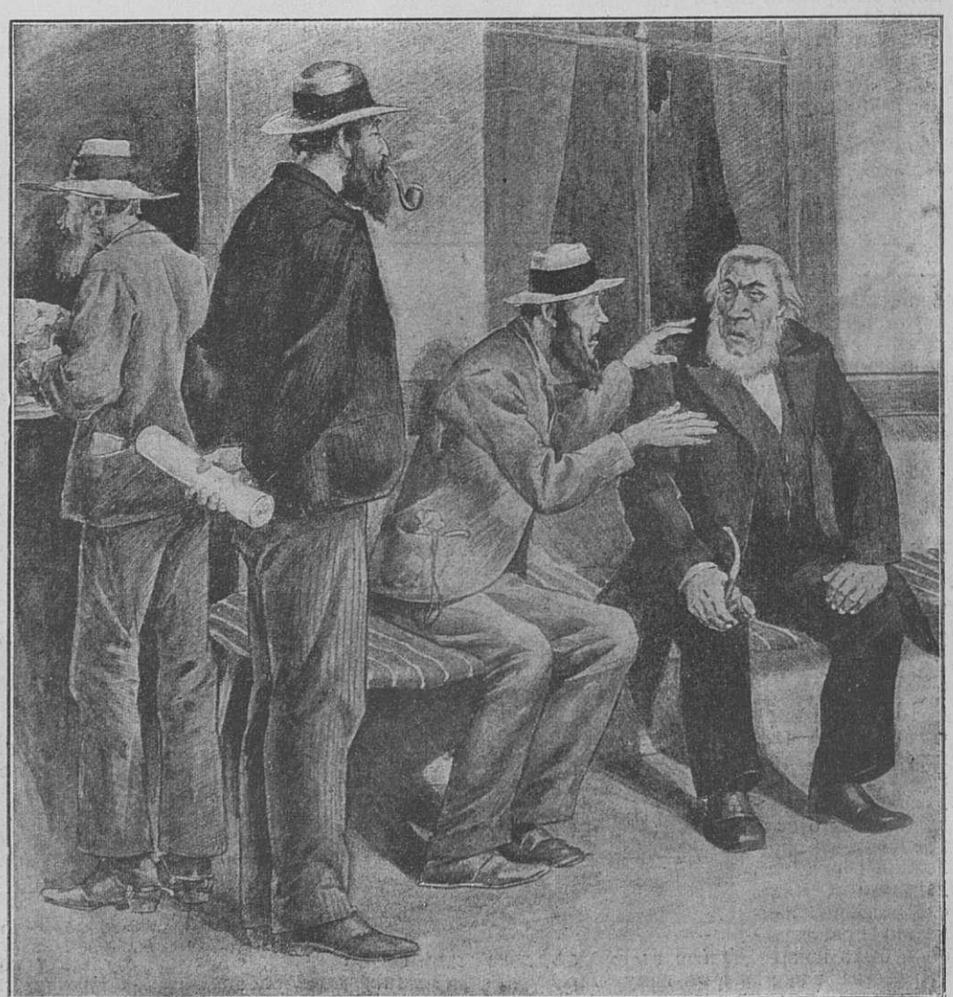
По поводу послѣднихъ парижскихъ событій въ газету „Berl. Tageblatt" пишутъ, что вся безпочвенность ни съ чѣмъ несообразной манифестаціи, устроенной въ Отёйлѣ сторонниками реакціи, выступила въ яркомъ свѣтѣ на лоншанскихъ скачкахъ. Какъ только стало для нихъ яснымъ, что полиція и войско воспротивятся всякимъ новымъ съ ихъ стороны скандаламъ, носители „бѣлой гвоздики" предпочли вовсе не появляться на полѣ сраженія, и всѣ ихъ громкія угрозы и запугиванія свелись къ нулю, въ виду принятаго правительствомъ рѣшенія оградить порядокъ. Эти господа отступили по всей линіи, и день лоншанскихъ скачекъ прошелъ сравнительно спокойно. Хотя можно было почти навѣрное предвидѣть это отступленіе, тѣмъ не менѣе наканунѣ лоншанскаго дня, въ Парижѣ господствовало тревожное настроеніе. Парижскій корреспондентъ газеты „Berl. Tageblatt" телеграфировалъ въ день скачекъ, что всѣ утреннія газеты были переполнены догадками и разсужденіями насчетъ того, что должно было произойти, по ихъ предположенію, на лоншанскомъ полѣ Соціалисты, а, къ сожалѣнію, также и анархисты толпами двинулись къ Лоншану. Ихъ отдѣльныя группы и ассоціаціи собрались къ часу дня въ нѣсколькихъ пунктахъ Булонскаго лѣса. У всѣхъ почти въ петлицахъ красовались алыя розы. Что же касается настоящей отборной публики лоншанскаго „Grand Prix", то по адресу ея нѣкоторые изъ органовъ реакціонной и націоналистской прессы заблаговременно выступили съ предостереженіями. Можно утвердительно сказать, что на публику привилегированныхъ трибунъ въ не малой степени подѣйствовали увѣщеванія „Gaulois" и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ ему органовъ антиреспубликанскаго направленія, убѣждавшихъ представителей и представительницъ французской знати, еще за три дня до скачекъ, не показываться въ народѣ на Лоншанскомъ полѣ. Нельзя себѣ представить, телеграфировалъ корреспондентъ газеты „Berl. Tageblatt", до чего договорились вдохновители статей реакціонныхъ органовъ, всячески старавшіеся убѣдить своихъ читателей, ради ихъ личной безопасности, остаться дома въ день лоншанскаго „Grand Prix". Мужчинъ они стращали тѣмъ, что имъ придется почти навѣрное лишиться своихъ бумажниковъ, часовъ и кошельковъ, а дамъ предупреждали, что анархисты непремѣнно учинятъ надъ ними свои звѣрскія расправы.

Неудивительно, что подъ вліяніемъ этихъ запугиваній, обычная блестящая публика лоншанскихъ скачекъ предпочла отсутствовать. Даже многіе иностранцы покинули Парижъ, и нѣтъ сомнѣнія, что агитація реакціонной печати, благодаря которой аристократическія трибуны на лоншанскомъ ипподромѣ пустовали, имѣла цѣлью создать предлогъ къ распространенію въ народѣ убѣжденія, что, благодаря устроенной въ честь Лубэ манифестаціи, торговля и промышленность потерпѣли милліонные убытки. Тотализаторъ дѣйствительно недовыручилъ, по увѣренію парижскихъ телеграммъ, двухъ милліоновъ франковъ; но что касается торговыхъ домовъ, то они едва-ли потерпѣли недочеты, такъ какъ изящные туалеты законодательницъ модъ къ лоншанскому дню были изготовлены заранѣе. Члены „Жокей-Клуба", учредившаго „Grand Prix", совѣщались наканунѣ скачекъ и постановили привѣтствовать президента, какъ гостя клуба, черезъ особую депутацію, а графу Гаркуру предложили поднести букетъ г-жѣ Лубэ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Министерство народнаго просвѣщенія, какъ сообщаютъ „Пет. Вѣд.", разъяснило, что начальство отдѣльныхъ учебныхъ округовъ имѣетъ право самостоятельно разрѣшать учрежденіе воскресныхъ школъ для дѣтей и взрослыхъ при частныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы преподаваніе въ такихъ школахъ поручалось наблюденію лицъ, стоящихъ во главѣ правительственныхъ учебныхъ заведеній этого вѣдомства.

— Министерствомъ финансовъ разъяснено, что экспедиторамъ, биржевымъ маклерамъ и биржевымъ нотаріусамъ, выбирающимъ на свои промыслы надлежащія промысловыя свидѣтельства второго и третьяго разрядовъ на личныя промысловыя занятія, разрѣшается получать по этимъ свидѣтель-



Пріемъ посѣтителей президентомъ Крюгеромъ.

ствамъ сословное купеческое свидѣтельство по второй гильдіи безъ выбора свидѣтельствъ для приписки въ купечество.

— Извѣстный польскій романистъ Генрихъ Сенкевичъ, какъ сообщаетъ „Варш. Дн.“, серьезно заболѣлъ.

— „Рус. Лис.“ передаетъ, что московская дума постановила открыть въ Сокольникахъ и близъ университетскихъ клиникъ четыре начальныхъ училища—два мужскихъ и два женскихъ, наименовавъ ихъ по мѣстностямъ, съ прибавленіемъ эпитета „Пушкинское“. Попечителями двухъ мужскихъ школъ дума избрала сына поэта, почетнаго опекуна генералъ-лейтенанта А. А. Пушкина и внука поэта, Пушкина. Попечительницами-же учреждаемыхъ женскихъ городскихъ училищъ избраны внучки поэта — Н. А. Пушкина и В. А. Пушкина. Кромѣ того, дума, одобривъ проектъ положенія о стипендіи въ 420 р. въ годъ, выдаваемый одному лицу для окончанія средняго и высшаго образованія, постановила ходатайствовать о присвоеніи этой стипендіи наименованія „стипендія въ намять А. С. Пушкина“. По предложенію П. И. Санина, дума постановила, что стипендія эта предназначается для потомковъ А. С. Пушкина, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ выдается даровитымъ ученикамъ, окончившимъ курсъ начальныхъ городскихъ училищъ и пожелавшимъ продолжать ученіе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— По словамъ „Южн. Кр.“, спросъ на сочиненія А. С. Пушкина въ Харьковѣ во время празднованія юбилея поэта былъ необыкновенный. Особенно бойко раскупались дешевыя народныя изданія, которыя требовались главнымъ образомъ изъ окрестныхъ селеній и деревень. Попечители народныхъ школъ на свои средства снабжали учащихся дѣтей дешевыми изданіями произведеній поэта.

— Въ виду того, что лица, производящія желѣзнодорожныя изысканія, нерѣдко вторгаются въ частныя владѣнія и наносятъ собственникамъ частныхъ земель убытки, не войдя съ ними въ предварительное соглашенія относительно прохода черезъ ихъ землю, министерство путей сообщенія предложило желѣзнымъ дорогамъ обязывать отнынѣ своихъ агентовъ наблюдать, чтобы производители изысканій приступали къ изысканіямъ не иначе, какъ по предварительномъ извѣщеніи заинтересованныхъ владѣльцевъ земель о предстоящихъ работахъ, и, въ случаѣ неизбѣжности производства порубокъ въ садахъ, благоустроенныхъ паркахъ и цѣнныхъ лѣсахъ, приступали бы къ такимъ порубкамъ лишь по соглашенію съ владѣльцами, а при невозможности достигнуть соглашенія испрашивали бы указаній министерства путей сообщенія.

— Выпускные и переводные экзамены на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ окончились, по словамъ „Нов. Вр.“, 26 мая. Экзаменовалось всего до 300 человѣкъ. Осенніе экзамены на курсахъ назначены: по историко-филологическому отдѣленію съ 24 августа по 16 сентября и по физико-математическому отдѣленію съ 1 по 2 сентября. Пріемъ прошеній отъ желающихъ поступить на высшіе женскіе курсы продолжится до 1 августа. По ходатайству директора курсовъ, министромъ народнаго просвѣщенія разрѣшено принять на курсы въ 1899 — 1900 учебномъ году 300 человѣкъ.

— Осенью, съ 28 сентября по 4 октября, въ Берлинѣ состоится седьмой международный географическій конгрессъ. Видное мѣсто въ работахъ конгресса займутъ, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: о мѣрахъ для предупрежденія наводненій, о пользованія избыткомъ воды, о всеобщемъ введеніи счета часовъ отъ 0 до 24 и Грегоріанскаго календаря въ научную практику и о новѣйшихъ данныхъ воздухоплаванія въ примѣненіи къ географической метеорологіи.

Генералъ Галіени въ Филанцонѣ.

— Въ составъ комитета, учрежденнаго, по Высочайшему повелѣнію, для пересмотра нынѣ дѣйствующихъ установленій о финляндскомъ сенатѣ и о губернаторахъ, съ цѣлью усиленія власти послѣднихъ, генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Н. И. Бобриковымъ приглашены, по словамъ гельсингфорской газеты „Hufvudstadsbladet“, въ качествѣ членовъ, сенаторы Шауманъ и Гугбергъ и губернаторы: выборгскій—генералъ-лейтенантъ Гриненбергъ и с.-михельскій — тайный совѣтникъ Спорэ. Предсѣдателемъ комитета будетъ помощникъ генералъ-губернатора, генералъ-лейтенантъ Шиповъ, при секретаряхъ генералъ-губернаторской экспедиціи, статскомъ совѣтникѣ Экштуббе и чиновникѣ особыхъ порученій надворномъ совѣтникѣ Ганцгау.

— Въ настоящее время министромъ народнаго просвѣщенія испрошенъ въ законодательномъ порядкѣ отпускъ изъ государственнаго казначейства слѣдующихъ кредитовъ: 1) 172,000 р.—на капитальную перестройку зданія калужской мужской гимназіи (72,000 р. въ 1900 г. и по 50,000 руб. въ 1901 и 1902 гг.); 2) 110,000 р.—на расширеніе и капитальный ремонтъ зданія кутаисской мужской гимназіи (46,000 р.—въ 1900 г., 42,000 руб.—1901 г. и 22,000 руб.—1902 г.); 3) 60,000 р. (1900 г.)—на постройку зданія для ананьевской мужской гимназіи, и 4) 64,153 руб. (въ 1900 г.)—на постройку дома для нуждъ русскихъ учебныхъ заведеній въ городѣ Выборгѣ.

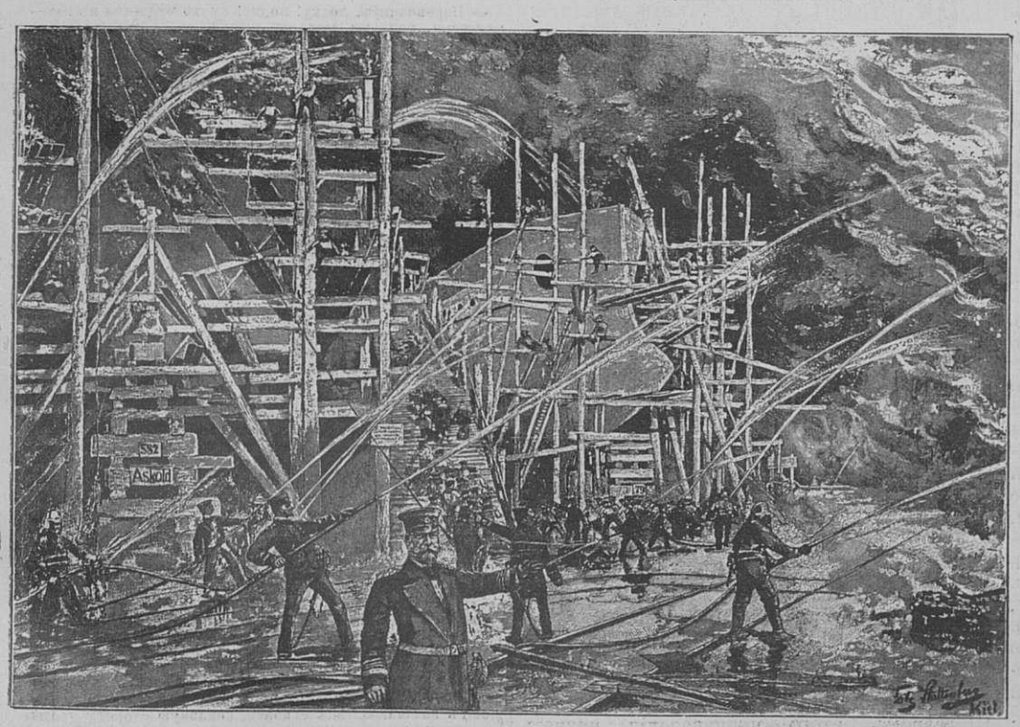
— Въ видахъ поощренія развитія сельскаго хозяйства, министерство земледѣлія приступило къ разсмотрѣнію проекта устава общества образованія и дѣятельности женщинъ на поприщѣ садоводства и огородничества.

— Въ будущемъ 1900 году рѣшено созвать въ Лондонѣ всемірный конгрессъ по вопросамъ борьбы съ проказою.

— Высочайше утвержденнымъ, 17-го минувшаго мая, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Императорской академіи наукъ, въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1900 года, по 2,000 руб. въ годъ на продолженіе изданія архивныхъ документовъ XVI—XVII вѣковъ.

— Для разработки проекта положенія о коммиссіонерскихъ сдѣлкахъ по хлѣбной торговлѣ, при министерствѣ финансовъ организована особая коммиссія.

— Устроенная въ помѣщеніи общества поощренія художествъ особая выставка картинъ и изящныхъ работъ, исполненныхъ машиннымъ способомъ изъ разноцвѣтнаго шелка, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, будетъ продолжена, вмѣсто предполагавшагося 31-го мая закрытія, еще на нѣсколько дней. Выставка довольно охотно посѣщается публикой, и за время открытія ея на ней перебывало до 2,000 посѣтителей. Всего выручено за входные билеты около 500 руб., которые цѣликомъ поступятъ въ пользу населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей. Кромѣ того, администраціей выставки былъ предоставленъ безплатный входъ воспитанницамъ многихъ учебныхъ заведеній и пріютовъ, изъ которыхъ посѣтили



Пожаръ верфи.

ставку 314 человѣкъ, въ большинствѣ учащіеся петербургскихъ профессіональныхъ школъ. Изъ Петербурга выставку, по закрытіи, предполагается перенести въ наиболѣе крупные провинціальные города, также съ благотворительною цѣлью.

О. Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

Десять лѣтъ назадъ, въ жаркій іюньскій день, толпа молодежи, собравшаяся въ оградѣ Смоленскаго кладбища, опустила въ могилу прахъ своего любимѣйшаго профессора, одного изъ искреннѣйшихъ и гуманнѣйшихъ людей, съ именемъ котораго связано было много хорошихъ, отрадныхъ воспоминаній въ сердцахъ этой молодежи.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ былъ именно такимъ настоящимъ, искреннимъ другомъ этой молодежи,—онъ любилъ ее, любилъ ея молодые беззавѣтные порывы, и молодежь платила ему тѣмъ же. На его лекціяхъ русской литературы, которыя онъ читалъ въ спб. университетѣ, аутиторія всегда ломилась отъ слушателей. Его живое, образное изложеніе, его горячая рѣчь невольно сообщались слушателямъ, и между профессоромъ и его учениками существовала живая кровная связь.

Молодежь видѣла въ Миллерѣ высокій примѣръ дѣятельной силы добра, онъ самъ словомъ и дѣломъ готовъ былъ всегда служить интересамъ этой молодежи.

Онъ зналъ и близко принималъ къ сердцу ея нужды. А такихъ неотъемлемыхъ нуждъ среди студенчества было не мало. Онъ первый положилъ основаніе обществу вспомоществованія нуждающимся студентамъ спб. университета и много поработалъ въ немъ. Безгранично добрый, самоотверженно поставившій цѣлью своей жизни жить для другихъ, альтруистъ и идеалистъ, унаслѣдовавшій лучшіе завѣты лучшихъ учителей, онъ жилъ и сошелъ въ могилу такимъ-же, какъ жить начиналъ.

Его личная жизнь была проста и несложна, какъ и всѣхъ людей, для которыхъ свое эгоистическое „я“ не представляетъ предмета главнаго поклоненія. 4 августа 1833 г., въ г. Гапсалѣ, въ нѣмецкой семьѣ родился Орестъ Ѳедоровичъ. Дѣтскіе и юношескіе годы его прошли въ Варшавѣ и Вильнѣ, и въ 1851 г. уже Миллеръ поступаетъ на историко-филологическій факультетъ спб. университета. Въ 1858 г. выходитъ отдѣльнымъ изданіемъ его магистерская диссертація „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“. Диссертація была встрѣчена далеко не дружелюбно, въ особенности рѣзкій отзывъ о ней далъ Добролюбовъ въ „Современникѣ“. Этотъ отзывъ надолго оставилъ за Миллеромъ особое мѣсто въ глазахъ толпы — какого-то ретрограда и карьериста.

Самъ же Миллеръ отдается положительно научнымъ занятіямъ, но за этими занятіями онъ не превратился въ общеизвѣстный типъ сухого ученаго, не замкнулся въ мірѣ книгъ, въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета. Жизнь, ея проявленія и борьба притягивали всегда къ себѣ его чуткое, отзывчивое сердце; онъ не могъ не откликнуться этимъ сердцемъ, когда кругомъ все волновало и мучило именно его, когда кругомъ кипѣла борьба. Самъ замѣшавшись въ борьбу двухъ партій онъ выступилъ съ лекціей на современную тему: „Славянофилы и Катковъ“. Эта лекція повлекла за собою отставку Миллера отъ университетской каѳедры послѣдовавшую въ 1887 г. Вдали отъ привычной аудиторіи, отъ искренно любимой имъ молодежи онъ дожилъ свои послѣдніе дни, не порывая до конца ихъ внутренней, глубокой связи съ молодежью. Однако, протекли эти дни въ небогатой квартирѣ, гдѣ 2 іюня 1889 г. параличъ сердца сразилъ Ор. Ѳ., и это сердце, „такъ много либившее“, перестало биться. Но память объ Ор. Ѳед. пережила его, и отъ поколѣнія къ поколѣнію передадутся воспоминанія объ этомъ хорошемъ человѣкѣ, другѣ учащейся молодежи и ея руководителѣ...

Н. Д. Н.

РОЗА БОНЕРЪ.

14 мая н. с. текущаго года скончалась извѣстная французская художница-анималистка, Роза Бонеръ. Ей было уже семьдесятъ семь лѣтъ отъ роду, но талантъ ея и умственныя способности нисколько не ослабѣли, и смерть застигла ее за работой,—она кончала картину для выставки. Роза Бонеръ родилась 4/16 марта 1822 г. въ Бордо. Она была художница отъ рожденія, и кисть художника служила ей игрушкой въ колыбели. Отецъ ея, Раймундъ Бонеръ, въ свое время замѣчательный живописецъ, но слава дочери затмила какъ его славу, такъ и славу брата и сестры. Живая, веселая, съ выразительнымъ лицомъ, въ молодости она чрезвычайно любила шумъ и движеніе. Но больше всего она любила забиться куда нибудь въ уголъ и рисовать звѣрей и маленькихъ человѣчковъ, которыхъ она затѣмъ весьма искусно вырѣзала. Въ 1829 году вся семья переѣхала въ Парижъ, гдѣ, спустя четыре года, умерла мать Розы,—это было первое страшное и неутѣшное горе маленькой дѣвочки. Скоро послѣ этого Раймундъ Бонеръ разорился, и единственнымъ источ-

Карлотта Гризи.

никомъ заработка для поддержанія семьи, состоявшей изъ четырехъ дѣтей, оказалась его кисть. Принужденный вполнѣ отдаться искусству, онъ рѣшился разстаться съ семьей, составлявшей его утѣшеніе, и помѣстить всѣхъ дѣтей въ пансіонъ. Здѣсь Роза еще сильнѣе выказала свое расположеніе, или, лучше сказать, страсть къ живописи. Притомъ нужно замѣтить, что учиться она ничему не хотѣла, а въ пансіонѣ обращались съ ней скверно, какъ съ ребенкомъ изъ очень бѣдной семьи. Отецъ ея взялъ ее домой и, угадывая ея талантъ, сталъ ея учителемъ. Молодая, любящая и талантливая художница дѣлила труды отца и служила радостью его жизни. Ея жажда работать и учиться была неутолима; большую часть своихъ этюдовъ и наблюденій она дѣлала на бойнѣ. Она не обращала вниманія ни на окружающій воздухъ, ни на нечистоту, а даже въ жаркіе лѣтніе дни терпѣливо возвращалась въ излюбленный ею уголокъ до тѣхъ поръ, пока не кончала работы. Любопытную противоположность представляла эта молоденькая дѣвушка съ окружавшими ее грубыми мясниками и животными, предназначенными на убой. Ея энергія тратилась не напрасно. Въ 1840 году была принята ея первая небольшая картина. Можно представить себѣ ея восторгъ, когда въ оффиціальномъ каталогѣ она прочла: „Два кролика“. Шедевромъ этого произведенія назвать нельзя, но сколько наивной прелести, живости, ласки въ этихъ двухъ кроликахъ, которые преважно грызутъ морковь и рѣпу. Эта картина принадлежитъ сестрѣ Розы, госпожѣ Пейроль, тоже замѣчательной художницѣ.

За этимъ первымъ опытомъ послѣдовали многія другія картины, за которыя она получила медали, 3-го класса въ 1845 и 1-го класса въ 1848 годахъ.

Въ 1849 году она потеряла своего отца, который, умирая, непремѣнно захотѣлъ еще взглянуть послѣднюю картину своей дочери „На пашнѣ“, настоящій шедевръ. Смерть отца сильно поразила Розу, и долго еще она не могла оправиться отъ этой потери, но, обладая энергичной натурой, она побѣдила свое горе и стала усердно работать. Тогда-то она создала всѣ эти чудныя произведенія, такъ высоко поднявшія ея славу. Между ними къ самымъ замѣчательнымъ принадлежатъ „Конная ярмарка“ (1853); этюды для этой картины она дѣлала на конныхъ ярмаркахъ, куда забиралась, переодѣтая мужчиной, и „Сѣнокосъ въ Оверни“ (1855). Затѣмъ снова послѣдовало множество весьма замѣчательныхъ картинъ, а въ 1879 снова два шедевра: „Царь лѣсной“ и „Стадо дикихъ кабановъ“.

Императрица Евгенія захотѣла, во что бы то ни стало, наградить Розу Бонеръ орденомъ Почетнаго Легіона и отправилась сама къ ней въ мастерскую, чтобы приколоть ей этотъ орденъ.

За послѣдніе годы произведенія этой замѣчательной художницы довольно рѣдко появлялись на выставкахъ, потому что англичане, большіе поклонники ея живописи, забирались къ ней въ имѣніе и скупали ея картины на мѣстѣ.

Картины Розы Бонеръ отличаются нѣкоторымъ, довольно сильнымъ оттѣнкомъ мужественности, но это потому, что она рисуетъ съ натуры, а сердце ея всегда указываетъ истинное чувство и въ недостаткѣ его ее нельзя упрекнуть. Она женственна во всѣхъ своихъ малѣйшихъ произведеніяхъ, хотя, обладая твердымъ характеромъ и замѣчательной энергіей — она поневолѣ принадлежитъ къ эмансипированнымъ, но въ хорошемъ смыслѣ этого слова; это было существо, одаренное благородствомъ, глубокимъ чувствомъ и неспособное ни на какое низкое побужденіе. Нужно сказать, что во всѣхъ ея произведеніяхъ замѣчательно изображена проза жизни животныхъ, но часто чувствуется недостатокъ ея поэзіи, и даже ландшафты ея отличаются какою-то особою трезвою простотою.

В. М.

КЪ РИСУНКАМЪ.

„Лодку!“ Съ картины *Г. Бахмана.*

— Перевозчикъ, лодку! лодку! гулко отдается въ вечерѣющемъ воздухѣ молодой голосъ поселянки, окончившей кругъ дневныхъ занятій и возвращающейся съ поля домой. И гулкое эхо подхватываетъ звонко ея голосъ и разноситъ его надъ широю зеленыхъ полей, надъ лазурной гладью безмолвной рѣки.

На маневрахъ. Съ картины *Бернъ-Белькуръ.* Гр. *Е. Львовъ.*

Недолгій отдыхъ послѣ утомительнаго перехода, но и этотъ отдыхъ посвященъ чисткѣ аммуниціи, за которую теперь ретиво принялись сыны Марса.

Устный счетъ. Съ картины *Н. Богданова-Бѣльскаго.*

Сельская школа. Простая, незатѣйливая обстановка. Выразительныя лица мальчугановъ, занятыхъ головоломной работой, и добрая, нагнувшаяся фигура сельскаго учителя —учителя по призванію, вѣрящаго въ свое дѣло. Мы помнимъ картину художника Н. Богданова-Бѣльскаго, выставленную на одной изъ выставокъ передвижниковъ; среди многочисленной публики, посѣтившей выставку, она имѣла большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ; около полотна собирались цѣлыя толпы народа. Къ своему простому сюжету художникъ отнесся замѣчательно искренно и тепло, и все его полотно дышетъ жизнью и живетъ.

Карлотта Гризи, извѣстная балерина, имѣвшая громадный успѣхъ на петербургской сценѣ.

Къ пушкинскимъ праздникамъ. Шесть рисунковъ (стр. 477, 480, 481, 484).

О внутренней сторонѣ пушкинскихъ торжествъ мы уже высказали свое мнѣніе въ статьѣ прошлаго нумера, посвященный пушкинскимъ днямъ. Наши рисунки изображаютъ внѣшнюю, такъ сказать, показную сторону этихъ празднествъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

1846. 1865. 1882. 1895.
ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА
Т-во А. РАЛЛЕ и Ко
МОСКВА
ПАРФЮМЕРІЯ
„СНѢЖНАЯ ФІАЛКА“
ДУХИ, МЫЛО и ПУДРА.
ПАРФЮМЕРІЯ
„ВѢЯНІЯ ВЕСНЫ“
МЫЛО, ДУХИ.
Москва, Пассажъ Солодовникова. С.-Петербургъ, Невскій, 18.
и въ лучшихъ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.
Ф. Шиковскій, Москва.

Выносливость рыбъ въ противодѣйствіи низкимъ температурамъ далеко не соотвѣтствуетъ элементарному взгляду, съ давнихъ поръ сложившемуся относительно степени холода, за предѣлами которой не только проявленіе жизни, но и самая жизнеспособность становится немыслимою. И дѣйствительно, многочисленныя экспериментальныя изслѣдованія безусловно подтвердили фактъ, что жизнь нѣкоторыхъ организмовъ обладаетъ баснословною устойчивостью въ противодѣйствіи разрушительному вліянію чрезвычайно низкихъ температуръ. Въ „Archives des sciences physiques et naturelles“ и въ журналахъ „Revue scientifique“ и „Cosmos“ сообщалось о поразительныхъ результатахъ изслѣдованій извѣстнаго физика Рауля Пиктэ, относившихся исключительно къ вопросу о дѣйствіи низкихъ температуръ на организмы живыхъ существъ. Этотъ ученый производилъ эксперименты съ рыбами, принадлежащими, какъ извѣстно, къ разряду животныхъ холоднокровныхъ, для которыхъ температура, падающая ниже замерзанія, равносильна полному промерзанію ихъ тканей и обращенію въ ледъ самой ихъ крови. Пиктэ въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ держалъ разныхъ пресноводныхъ рыбъ въ сосудѣ съ водою при 0°, который потомъ ставилъ въ помѣщеніе въ родѣ холодильнъ, съ температурою, постепенно понижавшеюся до 15° холода по Цельсію. Вода въ сосудѣ превращалась въ сплошной кусокъ льда, а заключавшіяся въ немъ рыбы до того промерзали насквозь, что ихъ можно было разрубать и крошить подобно куску льда. Не смотря на это состояніе, жизнеспособность въ нихъ не утрачивалась. Рауль Пиктэ давалъ замороженнымъ такимъ образомъ рыбамъ вмѣстѣ со льдомъ постепенно оттаивать, и рыбы оживали, начинали плавать и развиться, не обнаруживая ни малѣйшихъ слѣдовъ состоянія, въ какомъ съ полчаса тому назадъ онѣ находились. Экспериментаторъ понижалъ температуру до—20° и болѣе и пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя рыбы не теряютъ жизнеспособности даже при 20-градусной температурѣ; но ниже этой предѣльной для нихъ точки онѣ не оживаютъ, какъ бы осторожно ихъ ни оттаивали. Изъ отчетовъ, представленныхъ Пиктэ швейцарскому обществу любителей естествознанія, извѣстно, что низшіе организмы дѣйствительно оказались много разъ выносливѣе сложныхъ. Его опыты съ многоножкою (Polipodium vulgare) показали, что это животное выдерживаетъ такой холодъ, при которомъ замерзаетъ ртуть. А нѣкоторыя улитки выносятъ такую низкую температуру, какая вовсе не встрѣчается на нашей планетѣ и можетъ производиться только искусственнымъ, лабораторнымъ путемъ. Одна изъ улитокъ выдержала 120° ниже нуля. Чѣмъ проще организмы, тѣмъ легче переносятъ они самыя низкія температуры, а неуязвимость нѣкоторыхъ микробовъ въ этомъ отношеніи превосходитъ всякое воображеніе. Пиктэ, въ своихъ опытахъ съ разными бактеріями, доводилъ охлажденіе температуры до—200°, такъ что самый воздухъ въ сосудахъ превращался въ жидкость, и все-таки бактеріи, бациллы, споры и другіе микроорганизмы не теряли своей жизнеспособности и когда оттаивали, то попрежнему продолжали развиваться и множиться. Что касается рыбъ, то случается, что пруды совершенно промерзаютъ до самаго дна, но замороженная въ нихъ рыба съ наступленіемъ оттепели оживаетъ. Эти явленія вызвали, между прочимъ, вопросъ о томъ, есть ли возможность перевозить нѣкоторыя рыбы въ замороженной водѣ и возвращать ихъ потомъ къ жизни.

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ
ТОВАРИЩЕСТВА
ЭЙНЕМЪ
ВЪ МОСКВѢ.

ЖИРНАЯ ПУДРА АУРИХА
ДЛЯ БѢЛИЗНЫ ЛИЦА
НЕЗАМѢТНА НА КОЖѢ
С. ПЕТЕРБУРГЪ ЛИГОВСКАЯ, 44.

Изслѣдованіе глубины почвы для кладки фундамента. Обыкновенно при изслѣдованіи плотности почвы для кладки фундамента прибѣгаютъ къ бурению, которое останавливаютъ, едва встрѣчаютъ достаточно твердый грунтъ, по своему уже составу представляющій обезпеченіе. Толщина этого твердаго слоя почти никогда не изслѣдуется, но недавно въ Канадѣ произошелъ случай, указывающій на важность такого изслѣдованія.

Въ сентябрѣ 1898 г. провалилась часть Корнуолскаго моста, выстроеннаго на рѣкѣ св. Лаврентія въ Онтаріо, для прохода желѣзнодорожнаго пути „Нью-Іоркъ—Оттава“; два пролета опустились въ воду вслѣдствіе наклона одного изъ быковъ. Произведено было слѣдствіе, посредствомъ особо приготовленнаго бура произведено буреніе твердаго слоя, на которомъ былъ укрѣпленъ фундаментъ покосившагося быка. Оказалось, что онъ стоялъ на слоѣ очень плотной глины, слѣдовательно по своимъ свойствамъ несжимаемой, но имѣющей толщину всего только 13½ вершковъ, а подъ этимъ глинянымъ пластомъ лежалъ пловатый слой, въ который буръ легко опустился на 4—5 метровъ, не встрѣчая твердой почвы. Нужно предполагать, что вслѣдствіе неизвѣстныхъ еще причинъ глинистый слой слегка погрузился въ илъ и мостовой быкъ неизбѣжно пошатнулся.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (crème amycos).
Новый кремъ, составл. по указан. спеціалист. Придаетъ и сохраняетъ на долго свѣжій и здор. цвѣтъ лица; уничт. веснушки, пятна, загаръ и красн. лица. КРЕМЪ АМИКОСЪ необходимъ для сохраненія на долго красоты лица. Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европ. Россію высыл. 2 банки за 3 р. 50 к. Получ. можно во всѣхъ аптек. и космет. маг. Россіи, Опт. торг. у изобрѣтат. торг. домъ „Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ“, С.-Петерб. Разъѣзжая, № 13.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 63—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.
ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.
ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. БУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.
ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.
ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.
ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.
МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.
РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ и СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

Вредъ алкоголя въ жаркихъ странахъ. Если алкоголь приноситъ такой вредъ въ умѣренномъ поясѣ, то какъ же долженъ быть великъ его вредъ подъ тропиками! Не смотря на несомнѣнность этой истины, ее почти ежедневно приходится доказывать, такъ великъ постоянный вывозъ алкоголя и всякихъ опьяняющихъ напитковъ, который производится въ колоніяхъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ колонистовъ, М. А. Фикъ, предсѣдатель отдѣленія колоніальнаго нѣмецкаго общества, пишетъ въ „Deutsche Kolonialzeitung“: „Тропическій климатъ самъ по себѣ нисколько не вреденъ европейцу. Колонисты и путешественники, гибнущіе здѣсь, гибнутъ не отъ вреднаго вліянія климата, воздуха, воды, пищи, но *исключительно* отъ вреднаго вліянія алкоголя“. Докторъ Георгъ Кольбъ, проживший долгіе годы въ Восточной Африкѣ, съ своей стороны, утверждаетъ: „Я не фанатическій послѣдователь трезвости, но долженъ сказать, что если алкоголь не полезенъ въ Европѣ, то несомнѣнно, что при всякихъ условіяхъ и во всякой мѣстности тропическихъ странъ его нужно считать вреднымъ и опаснымъ, равносильнымъ ядуи... Тропическія болѣзни часто щадятъ европейскихъ женщинъ, а почему? потому что онѣ умѣреннѣе мужчинъ“.

Главнокомандующій англійской арміей въ Индіи, лордъ Робертсъ, говоритъ, что половина болѣзней солдатъ происходитъ отъ алкоголя.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Аѳанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**
С.-Петербургѣ, Невскій пр., 68—40.
Ростовѣ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

АБРИКОТИНЪ **ABRICOTINE** АБРИКОТИНЪ

ПРЕВОСХОДНЫЙ ЛИКЕРЪ

Требовать подпись: П. Гарнье. *P. Garnier*

ENGHIEN-LES-BAINS
(Франція)

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова.
Цѣна 1 руб.

Новый способъ оздоровленія питьевой воды. Въ Бельгіи придуманъ особый способъ оздоровленія воды для питья. Онъ основывается на примѣненіи мало извѣстнаго газообразнаго состава, растворяющагося въ водѣ и разлагающагося отъ дѣйствія свѣта, теплоты, а также отъ прикосновенія съ органическими веществами. Этотъ газъ состоитъ изъ соединенія хлора съ кислородомъ и обладаетъ окисляющею энергіею, во много разъ превосходящею то-же свойство озона, рекомендуемаго какъ наилучшее средство для оздоровленія воды. Названный составъ получается посредствомъ разложенія хлорноватисто-кислаго кали сѣрною кислотою при обыкновенной температурѣ. Достаточно трехъ десятыхъ частей миллиграмма (миллигр.=0,016 грана) для полной дезинфекціи цѣлаго литра воды, и къ тому этотъ составъ нисколько не портитъ вкуса воды. Примѣненіе его къ оздоровленію питьевой воды отчасти увеличиваетъ пропорцію растворенаго въ нихъ кислорода.

ROYAL-MONDAIN
EXTRAIT TRIPLE
GELLÉ FRÈRES
Parfumeurs
6, Avenue de l'Opéra, 6
PARIS

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

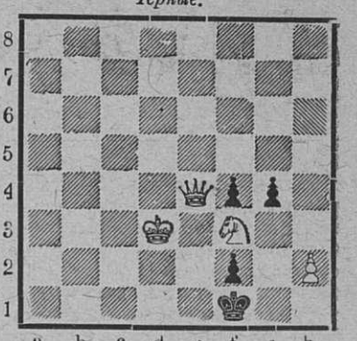
Снаряженіе экспедиціи герцога Абруццкаго къ сѣверному полюсу. Въ настоящее время въ Христіаніи дѣятельно снаряжается экспедиція герцога Абруццо, она отплыветъ 6-го іюня, если къ тому времени все будетъ готово. Судно, долгое время служившее для котиковаго промысла, а впослѣдствіи доставившее Нансена въ Гренландію—«Язонъ», теперь переименованное въ „Stella polare“, предназначено для плаванія итальянской полярной экспедиціи по Ледовитому океану. Судно это значительно скрѣплено, хотя не можетъ быть и рѣчи о сравненіи его въ этомъ отношеніи съ „Фрамомъ“; послѣдній, отличался такою крѣпостью, что легко преодолѣвалъ огромную оковывающую силу полярныхъ льдинъ въ моментъ ихъ смерзанія между собою; тѣмъ не менѣе, и „Stella polare“—замѣчательное во многихъ отношеніяхъ судно: при водовозмѣщеніи въ 300 тоннъ, оно располагаетъ паровою силою въ 400 лошадиныхъ силъ и безъ груза можетъ развить скорость отъ 10 до 12 миль въ часъ. Посрединѣ парохода, надъ машиннымъ отдѣленіемъ, расположенъ залъ, а по обѣимъ его сторонамъ устроены каюты для офицеровъ и для ученыхъ, участвующихъ въ экспедиціи, но каютъ для каждаго; каюты для матросовъ, каждая на четыре человѣка, помѣщаются на палубѣ; онѣ настолько темны, что днемъ и ночью непрерывно освѣщаются электричествомъ. Въ общемъ, судно производитъ нѣсколько мрачное впечатлѣніе, что объясняется тѣмъ, что оно не наполнено еще предметами снаряженія и не оживлено присутствіемъ интеллигентнаго общества. Весь экипажъ состоитъ изъ 20 человѣкъ; изъ нихъ 10 норвежцевъ, въ числѣ коихъ капитанъ судна, лоцманъ и машинистъ. Капитанъ судна, нѣкто Эвенсонъ, извѣстный морякъ, лѣтъ 13 плававшій по Ледовитому океану и четыре года подрядъ управлявшій судномъ, когда оно еще именовалось „Язонъ“. Планъ, начертанный главою экспедиціи, отличается отъ плана, котораго держался Нансенъ, но имѣетъ много общаго съ планомъ, составленнымъ американцемъ Уильмэномъ. Герцогъ Абруццкій неохотно говоритъ о задуманномъ имъ планѣ путешествія къ сѣверному полюсу; но все-же кое-что изъ его намѣреній проникло въ печать. Такъ, напримѣръ, достовѣрно извѣстно, что изъ Христіаніи „Stella polare“ направится прямо въ Архангельскъ, гдѣ возобновитъ запасы каменнаго угля и приметъ на палубу до 120 сибирскихъ собакъ; отсюда судно возьметъ курсъ прямо на сѣверъ и броситъ якорь у мыса Флоры, на землѣ Франца-Іосифа. Послѣ кратковременнаго отдыха, пароходъ направится прямо на сѣверъ и будетъ неуклонно держаться этаго направленія, пока ледяныя массы не понудятъ измѣнить его. Въ случаѣ, если, не смотря ни на какія усилія, судну не удастся проникнуть далѣе на сѣверъ, герцогъ рѣшилъ отыскать безопасную отъ бурь и льдинъ гавань и до тѣхъ поръ оставаться въ ней, пока не будетъ найдено исхода и не будутъ устроены зимнія станціи для членовъ экспедиціи. Для организаціи депо во многихъ пунктахъ, рѣшено предпринять небольшія экскурсіи по льду въ сѣверномъ же направленіи. Послѣ этого, съ наступленіемъ весны, экспедиція двинется къ полюсу. Въ составъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ экспедиціи, кромѣ самого герцога Абруццкаго, войдутъ только капитанъ Кагни, докторъ Кавалли, четыре альпійскихъ проводника и два итальянскихъ моряка. При помощи саней американской конструкціи, запряженныхъ самоѣдскими собаками, экспедиція разсчитываетъ упорно добиться цѣли, по мѣрѣ проникновенія къ полюсу устроивая по пути депо, съ цѣлью обезпечить себѣ отступленіе. Между тѣмъ, „Stella polare“ съ остальными членами экспедиціи и экипажемъ будетъ дожидаться возвращенія смѣльчаковъ въ упомянутой выше безопасной гавани. Угольные и провіантскіе запасы судна разсчитаны на пятилѣтнее пребываніе въ приполярныхъ водахъ. Для саннаго пути къ полюсу, туда и обратно къ судну, назначено 120 сутокъ. Герцогъ Абруцкій извѣстенъ отвагою, необыкновенною энергіею и неустрашимостью; прибавимъ къ этому, что его окружаютъ лица, отличающіяся большою опытностью въ подобнаго рода путешествіяхъ, и станетъ яснымъ, почему европейскіе ученые ожидаютъ блестящихъ результатовъ отъ вновь снаряженной экспедиціи къ сѣверному полюсу.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 119.

Г. Кейданскаго (въ Берлинѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшенія шахматныхъ задачъ.

№ 111. *Добрускаго.* 1. Кр e3—b3, Кр e4—d4; 2. Ф h5—f3, ∝; 3. Ф или С×. 1..., d6—d5 (e6—e5); 2. Ф h5—g4+ и 3. Ф×.

№ 112. *Г. З.* 1. Ф g4—h3, d6—d5; 2. Ф h3:h7, ∝; 3. Ф×. 1... Кр. ∝; 2. Ф h3—b3 +и 3. Ф×. 1.... h7—h6; 2. Ф. h3—b3, ∝; 3. Ф×.

№ 113. *Каритедта.* 1. Ф e8—b8, ∞; 2. Ф или С×.

№ 114. *Реша.* 1. С h1—f3, ∞; 2. С, К или П×.

№ 115. *Конделика.* 1. К d5—e3, ∝; 2. Ф или К×.

Рѣшили: Е. Ф. Андрезенъ (Спб.) и П. Н. Поповъ (Саратовъ)—всѣ; Н. Н. Сергѣевъ (Вологда) — №№ 113, 114 и 115; Н. Гулинъ (Тула)—№№ 113 и 114; М. Соколовъ (Спб.)—№ 115.

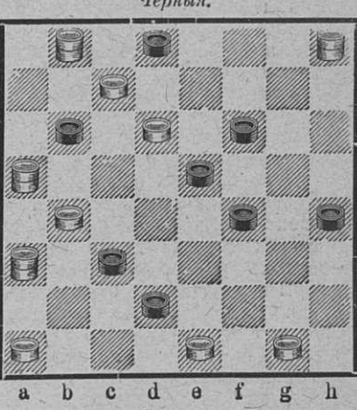
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. П. Шошина.**

ЗАДАЧА № 105.

А. С. Егорова (въ С.-Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть дамку и простую.

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ И ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ И ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 24 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ $2^1/_2$ листовъ съ 22 рисунками и обложки.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюня 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель“. Ковенскій, соб. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 25.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**

Содержаніе 25-го нумера.

Воскресенье, 20-го іюня 1899 г.

Статьи:

* * * Стихотвореніе Леонида Афанасьева.—„Демонъ“. (Кавказская легенда). В. П. Лебедева. — „Падшія“. Стихотвореніе А. Леонидова. — „Двѣ любви“. Повѣсть. А. Каменскаго. (Продолженіе).—„Правители и мыслители“. (Александръ I и Парротъ). Е. Литвиновой. (Окончаніе). — „Діэго Веласкецъ“ (1599—1899). П. К.— Хроника: 1) Политическое обозрѣніе; 2) Внутреннее обозрѣніе. — Къ рисункамъ. — Разныя извѣстія. — Шашки и шахматы. — Объявленія.

Рисунки:

Королева Марія-Антуанетта. Съ карт. Виже-Лебренъ.—Въ степи. Съ карт. Г. Нестерова.—Сѣнокосъ. Съ карт. Ж. Дюпре.—Способъ передвиженія по горамъ въ Гватемалѣ.—На тоняхъ. Рис. В. Матасова.—Среди друзей. Съ карт. О. Геблера.—Въ осадномъ положеніи. Съ карт. Л. Гофмана-Цейтца.—Памятникъ л.-гв. сапернго баталіона.—Выставка художественныхъ работъ.—Проѣздъ Лубэ.—Военная тюрьма въ Реннѣ.—Зала военнаго суда въ Реннѣ.—Маршанъ.—Пріемъ Маршана.—Шахматный турниръ въ Лондонѣ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что

СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТЬНЫХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ,

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше просимъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдуемаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

Всемірно-извѣстныя Швейцарскія бритвы фабриканта „Arbenz“

„Le Champion“

Высшаго кач. съ запасными лезвіями и полнымъ ручательствомъ, продаются во всѣхъ первокл. магаз. стальн. изд. Цѣна 3 р., каждое запасное лезвіе 1 р. 3070-1

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ“.

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. П. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ“

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панчѣнка.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ВѢРИТЬ ИЛИ НЕ ВѢРИТЬ?

Научный обзоръ загадочныхъ явленій. Д-ра В. В. Битнера. Съ 43 рисунками въ текстѣ. СПБ. 1899 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. 3073

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Спб. Акціон. Общест. печ. дѣла
„ИЗДАТЕЛЬ“
ПРОДАЕТСЯ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Невскій пр., д. № 68—40, у Аничкова моста.
РОСТОВЪ-НА-ДОНУ,
Садовая улица, домъ Панченко.

СОЧИНЕНІЕ

ЗЛАТОВРАТСКАГО.

Въ трехъ томахъ съ портретомъ автора, цѣна 4 руб., въ изящномъ переплетѣ — 4 руб. 75 коп., пересылка за 5 фунтовъ.

Изданіе третье, дополненное.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей В. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова и съ иллюстраціями и виньетками. 3 тома. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ 2-хъ коленкоров. перепл. 2 р. 50 к.

ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Легенды любви. Спб. 1898. Цѣна 50 к.

ГРАУСХАРЪ, А. Жертва терроризма. Легенда и историческая правда о трагической кончинѣ Розаліи Любомірской, казненной въ 1784 году. Перев. съ польскаго Ч. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ Спб. Акц. О-ва „ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панчѣнка.

Самый древній мостъ въ Европѣ. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ древностей, каменному мосту на Дунаѣ, въ Ратисбоннѣ, построенному герцогомъ Генрихомъ Великолѣпнымъ между 1135 и 1146 годами. Эта древняя постройка имѣетъ въ длину 994 фута; въ немъ 15 пролетовъ и каждый изъ его быковъ снабженъ съ верхней стороны ледорѣзами. Шоссе на мосту очень узко, а по тротуару можетъ идти только одинъ человѣкъ въ рядъ. Извѣстный поэтъ Гансъ-Саксъ воспѣвалъ его, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ искусства и самый великолѣпный мостъ въ Германіи. Прочность его такова, что онъ могъ бы еще столько же лѣтъ прослужить, сколько прослужилъ уже. Но онъ осужденъ на разрушеніе, потому что не представляетъ достаточно простору для новѣйшихъ судовъ и долженъ уступить мѣсто металлическому мосту съ огромнымъ пролетомъ.

Артиллерія трансваальскихъ буровъ. Газета „Daily Mail“ говоритъ, ручая ъ за достовѣрность собранныхъ ею данныхъ: въ мартѣ нынѣшняго года у буровъ насчитывалось до 46 скорострѣльныхъ орудій новѣйшей конструкціи фирмы Шнейдера, съ гидро-пневматическими тормазами. Для безопасности состоящей при немъ прислуги, каждое орудіе снабжено щитомъ изъ никелированной стали. Эти пушки стрѣляютъ меленитовыми гранатами и шрапнелью. Каждый шрапнелевый снарядъ содержитъ не менѣе 300 пуль. Кромѣ того, каждая шрапнелевая граната снабжена особеннымъ приспособленіемъ, вслѣдствіе котораго въ моментъ ея разрыва въ воздухѣ распространяется густой дымъ дающій возможность наводчикамъ регулировать свою стрѣльбу. Газета говоритъ, что у буровъ артиллерійская прислуга состоитъ не изъ 200, а изъ 900 человѣкъ офицеровъ и рядовыхъ, и что въ послѣднее время численный составъ прислуги ихъ батарей увеличился на 300 человѣкъ, прибывшихъ изъ Голландіи и Германіи черезъ бухту Делагоа. Въ этомъ отношеніи англичане Капской колоніи далеко отстали отъ буровъ, гордящихся превосходствомъ своей артиллеріи.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО для ДАМЪ

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ.

Употребляется для мытья кожи, лица и рукъ. Способъ употребленія: при приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу. Цѣна флакону 1 р. 65 к.; бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ. Оно — помада 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіатской 1 руб. Главный складъ для всей Россіи

В. АУРИХА,
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Лиговская 44.

Имѣется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ нѣкоторыхъ аптекахъ Россіи. 2801-9.

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА:

1) АБРАМОВЪ, Я. В. Ибсенъ и Бьернсонъ. Ц. 30 к.
2) Онъ же. Пѣвецъ тоски (Гюи де Мопассанъ). Ц. 15 к.
3) Онъ же. Два великихъ француза. Луи Пастеръ и Жанъ Масэ. Ц. 20 к.
4) ФЛАММАРІОНЪ, К. Люменъ. (Разговоры о безсмертіи души). Перев. съ франц. Ц. 50 к.
5) АБРАМОВЪ, Я. В. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Ц. 25 к.
6) ФЛАММАРІОНЪ, К. Стелла. Романъ Перев. съ франц. Ц. 60 к.
7) СВИРСКІЙ, А. И. Несчастныя дѣти. Ц. 15 к.
8) ГОРОДЕЦКІЙ, М. Б. Подъ землей. Ц. 30 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ «ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Невскій, 68—40.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ.
Садовая ул., домъ Панченко.

«ГЕРОЙ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 25. Воскресенье, 20-го Іюня 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.

Королева Марія-Антуанетта. Съ картины художницы Виже-Лебренъ.

* *
*

Жизнь грустна и тьмой одѣта,
Міръ для сердца малъ и тѣсенъ.
Больше шири, больше свѣта,
Больше радости и пѣсенъ!

* * *

Силы скованы безсильемъ,
Воля попрана неволей.
Мощи падающимъ крыльямъ
Для борьбы съ тяжелой долей!

Жажда свѣтлаго стремленья
Гаснетъ въ холодѣ безстрастья.
Больше къ ближнему влеченья,
Больше братскаго участья!

* * *

Въ рабствѣ міръ у лжи ужасной
Палъ, униженный позоромъ.
Солнца истины прекрасной.
Обращеннымъ къ небу взорамъ!

Жизнь грустна и тьмой одѣта,
Братства кругъ такъ малъ и тѣсенъ.
Больше шири, больше свѣта,
Больше радости и пѣсенъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

ДЕМОНЪ.

(Кавказская фантазія).

I.

На сѣдыя громады кавказскихъ предвѣчныхъ горъ спускался сумрачный вечеръ. На льдахъ и снѣгахъ не играли мягкія краски спокойной зари; горы засыпали тревожно; багровые лучи извивались по ихъ бѣлымъ вершинамъ кровавыми потоками. Грохотъ падающихъ каменныхъ глыбъ, зловѣщій ревъ горныхъ потоковъ—все это вырывалось изъ дикихъ ущелій бурнымъ аккордомъ безпокойной жизни.

На остромъ утесѣ, жадно обглоданномъ вихремъ и дождями и отчаянно распростершимся надъ сѣдой, клубящейся туманами, пропастью взмахнули и опустились страшныя черныя крылья невѣдомаго существа. На буро-красномъ каменномъ уступѣ вырѣзалась темная зловѣщая фигура гиганта.

Въ этотъ бурный вечеръ, который дышалъ дикими звуками, который умиралъ мучительной порывистой смертью, Демонъ кавказскихъ горъ, оторванный отъ свѣтлой души Тамары и отвергнутый отъ земной любви лучезарной рукой ангела, искалъ покоя отъ адскихъ мукъ на своей любимой скалѣ. Бѣлѣе снѣга были искаженныя гнѣвомъ, мрачно-прекрасныя черты его гордаго лика. Очами, черными, какъ зимняя ночь, грозный демонъ смотрѣлъ на подвластную ему природу. Свирѣпый хаосъ каменныхъ громадъ сливался съ дикимъ хаосомъ великой, но падшей души.

Демонъ скрестилъ свои могучія руки и на мгновеніе закрылъ блеснувшіе, какъ молнія, мрачные глаза. Онъ не былъ утомленъ,—онъ, который хотѣлъ мощнымъ усиліемъ перевернуть весь небесный и земной міръ—онъ не отдыхалъ: онъ предался воспоминаніямъ. Недалеко летѣла его мрачная мысль. Онъ видѣлъ плоскую крышу горнаго дома; онъ видѣлъ тѣсную каменную келью горнаго монастыря, и повсюду на него смотрѣли съ кроткой мольбой газельи очи юной Тамары.

Кратко было свѣтлое воспоминаніе, кратко, какъ умирающій свѣтъ бурной зари, кратко, какъ улыбка на лицѣ преступника.

Вокругъ него разомъ наступила темная ненастная ночь. Горный вѣтеръ, который одинъ не боялся горнаго духа, неистово зарыдалъ и завылъ надъ нимъ... Мракъ и стужа оковали дикія горы. И — снова злобный, снова мстительный — мрачный Демонъ распахнулъ гигантскія крылья и устремился въ стихію мрака и холода, неотъемлемо принадлежащую ему. И, заглушивъ горный вихрь, неумолимымъ холоднымъ звукомъ пронесся по суровой природѣ грозный кликъ Демона:

— Месть и гибель!

II.

Окутанный густымъ туманомъ, невидимый людскому взору, въ черномъ ущельи надъ гремучей Арагвой таился Демонъ— и ждалъ!

Холоднымъ, злобнымъ взоромъ впился онъ въ цвѣтущую долину у подножья горъ, гдѣ жили люди. Тамъ красовались крѣпкія, сложенныя изъ тесаннаго камня стѣны; тамъ, въ сердцѣ гордой княжеской крѣпости, сіялъ золотымъ крестомъ христіанскій храмъ.

Мирно встрѣчало горное храброе племя тихую зарю. Въ низкихъ сакляхъ копошились люди; надъ ихъ плоскими крышами кудрявился дымокъ, уходя въ ясное небо. Бѣлыя покрывала женщинъ спускались вереницей къ пѣннымъ струямъ Арагвы.

Восходящее солнце одинаково согрѣвало и гордую крѣпость, и бѣдное жилище.

Но на блѣдныхъ устахъ Демона змѣилась улыбка. Онъ видѣлъ въ окрестныхъ ущельяхъ несмѣтныя полчища враговъ-мусульманъ, которые шли за боевымъ полумѣсяцемъ. Онъ ждалъ бранныхъ кликовъ, крови и гибели.

И вотъ вторгнулся въ цвѣтущую долину предательскій набѣгъ. На мѣстѣ бѣдныхъ жилищъ клубилось и свирѣпствовало пламя. По бурному теченію рѣки плыли окровавленные трупы. Но Демонъ видѣлъ, что гордая крѣпость еще держалась противъ враговъ. Во главѣ съ могучимъ сѣдовласымъ княземъ, воины до послѣдней капли крови отстаивали жизнь и вѣру. Христіанская и мусульманская кровь, смѣшиваясь, текли по камню стѣнъ. Еще сіялъ золотой крестъ на церкви, въ которой блѣдныя женщины припадали въ отчаяніи къ темнымъ иконамъ.

Молніей сверкнулъ взоръ Демона. Онъ увидѣлъ на мусульманскомъ копьѣ сѣдовласую, мертвенно-блѣдную голову князя. Враги наводнили крѣпость. Стоны умирающихъ и крики раненыхъ зловѣщимъ хоромъ разливались по окрестнымъ горамъ. Холодное сердце Демона съ жадностью впитывало ихъ. Онъ видѣлъ каждую кровавую подробность неравнаго боя. Но вотъ защитники крѣпости всѣ до одного улеглись блѣдными трупами. Грохотъ боя смѣнился мольбами и воплями истязуемыхъ женщинъ. Вотъ на вершину высокой башни взбѣжала, спасаясь отъ чалмоноснаго вождя мусульманъ, красавица-княгиня. Вотъ бросилась она отъ позора и безчестія въ объятія смерти. Стремительно падая съ высокой стѣны на острые камни, она, въ своемъ бѣломъ покрывалѣ, казалась подстрѣленной птицей, низвергающейся съ высоты полета.

Демонъ видѣлъ, какъ въ стѣны многовѣкового храма, съ дымящимся еще отъ крови оружіемъ, ворвались мусульмане. Онъ видѣлъ разбитый алтарь и поруганныя иконы. Онъ видѣлъ святые лики, пронзенные и изсѣченные мусульманской сталью...

До поздняго вечера длились грабежъ и убійство. И когда, отягощенныя бранной добычей, полчища мусульманъ двинулись въ путь, когда въ разграбленной долинѣ остались только дымящіяся головни и темныя груды окровавленныхъ труповъ, когда замолкъ послѣдній стонъ послѣд-

няго раненаго—Демонъ поднялся въ своемъ ущельѣ и расправилъ гигантскія крылья. Громадный и мрачный, пронесся онъ надъ мѣстомъ свирѣпаго побоища,— и вновь громовымъ эхомъ раздался въ горахъ его непримиримый грозный кликъ:

— Месть и гибель!

III.

По отвѣсной крутизнѣ, поросшей сухимъ жалкимъ кустарникомъ, вилась къ самому небу опасная горная тропинка. Только еще занималась блѣдная заря. Неохотно снимаясь съ мѣста, волновались бѣлые утренніе туманы. Застывъ въ ледяной неподвижности, одинокій Демонъ, лежавшій среди безформенныхъ каменныхъ грудъ, самъ казался огромнымъ чернымъ камнемъ. Мстительный духъ не пресытился людской кровью, не пресытился картиной земныхъ преступленій... Онъ попрежнему ждалъ и жаждалъ ихъ, онъ зналъ, что ужасъ черной смерти слѣдуетъ по его стопамъ. Острый взглядъ его мрачныхъ очей слѣдилъ за сосѣднимъ ущельемъ. Тамъ, надъ узкимъ, дрожащимъ мостомъ, протянутымъ, какъ нитка, надъ горнымъ потокомъ, возвышалась укрѣпленная башня, наполненная вооруженными людьми. Тамъ смуглые свирѣпые мюриды, подъ зеленымъ знаменемъ имама, готовились къ послѣднему бою. Жалобно звенѣла шашка, которую точила о камень сильная рука; блестѣли при зарѣ стволы заряжаемыхъ ружей; слышалась гортанная горячая проповѣдь фанатика-муллы; мощныя руки втаскивали на башню огромные камни, готовясь бросать ихъ въ ряды наступающихъ враговъ.

Словно двѣ молніи сверкнули сквозь бѣлѣющій туманъ. Это Демонъ метнулъ взоръ на горную тропинку. Въ самомъ началѣ этой тропинки, внизу, медленно ползъ сѣрый чешуйчатый змѣй: воины сѣвера шли сражаться съ воинами юга.

Ближе и ближе подходилъ отрядъ. Яснѣе и яснѣе сверкали штыки. Блеснули грозные стволы боевыхъ пушекъ. При этомъ видѣ горный духъ улыбнулся радостной и коварной улыбкой. Кто какъ ни онъ или одинъ изъ его собратій внушилъ людямъ изобрѣсти адскій громъ и адскую силу этихъ орудій!

Бой начался. Цѣпляясь за камни, падая, опять вставая, взбирались нападающіе къ башнѣ, окутанной пороховымъ дымомъ. Жадная пропасть поглощала окровавленныя человѣческія тѣла, летѣвшія внизъ. Громъ выстрѣловъ, дикіе возгласы сражающихся и ѣдкій зловѣщій запахъ пороха достигали до него, до холоднаго зрителя битвы, до мрачнаго Демона. И мстительный духъ торжествовалъ!

Усыпавъ рядами труповъ узкій мостъ и подножье башни, окровавленные, закопченные порхомъ нападающіе добрались до стѣнъ укрѣпленія. Чугунныя ядра раздробляли вѣковые камни, свинцовыя пули ложились дождемъ.

Въ безнадежномъ холодномъ отчаяніи осажденные укрѣпились въ послѣднемъ невзятомъ углу башни — и готовились умереть.

Демонъ приподнялъ голову, готовясь слѣдить за послѣдними судорогами битвы.

Демонъ приподнялъ могучую голову, и на блѣдномъ лицѣ его выразилось напряженное ожиданіе. Адскій духъ любилъ слѣдить за послѣдними муками, за послѣдней отчаянной борьбой. Онъ любилъ видѣть послѣднюю каплю крови, вытекающую изъ послѣдней смертельной раны. Онъ любилъ уловить послѣдній дикій взглядъ одинокаго уцѣлѣвшаго бойца, окруженнаго стѣной враговъ. Онъ любилъ упиваться крикомъ жестокосердыхъ побѣдителей, торжествующихъ кровавый праздникъ побѣды. И теперь онъ злорадно ждалъ, когда будетъ раздавлена послѣдняя горсть осажденныхъ.

Но вотъ онъ приподнялся еще больше. На мрачномъ лицѣ мелькнула тѣнь изумленія: такой конецъ битвы онъ видѣлъ впервые.

Онъ увидѣлъ, какъ начальникъ нападающихъ подошелъ къ оставшимся врагамъ и обѣщалъ имъ жизнь и свободу. Онъ видѣлъ на лицахъ сѣверныхъ воиновъ проблескъ милосердія. Онъ видѣлъ, какъ они ласкали враговъ, перевязывали имъ раны, давали имъ пищу и питье.

Возмущенный, разгнѣванный Демонъ взмахнулъ чернымъ крыломъ и улетѣлъ отъ поля битвы, ставшаго ему ненавистнымъ съ той минуты, какъ побѣдители и побѣжденные мирно протянули другъ другу руки. Но, взвиваясь надъ дикими скалами и погружаясь въ горные туманы, мрачный Демонъ вспомнилъ, что этотъ миръ, это милосердіе обагрены кровью. И, грозно блеснувъ очами, онъ вновь огласилъ горную пустыню непримиримымъ кликомъ:

— Месть и гибель!

IV.

Надъ хмурыми вершинами кавказскихъ горъ пролетѣла теплая весна. Ея свѣтлая улыбка озарила снѣга и ледники. Она не проникала въ обледенѣвшее сердце горъ,—она только слегка растопила поверхность снѣга и льда и погнала тонкія струйки воды внизъ по крутымъ отвѣсамъ. Чѣмъ ниже спускались студеныя свѣжія струйки, тѣмъ болѣе встрѣчали онѣ новыхъ, такихъ же свѣтлыхъ и быстрыхъ товарокъ. Струйки сливались въ ручейки, ручейки скатывались сильнѣй и шумнѣе, громко и весело переговариваясь.

Мрачныя, молчаливыя горы оживились отъ этого юнаго веселаго журчанія.

Защебетали веселыя птицы. Кое-гдѣ на весенній призывъ пробились зеленыя былинки травъ. Ручейки докатились до дна глубокой пропасти и жадно бросились въ объятія горной рѣчки. Мелкая рѣчка повеселѣла, вздулась, разлилась и зашумѣла. Силой переворачивала она камни, которые всю зиму обѣгала по сторонамъ, оросила и пробудила засохшіе кусты и пѣнистымъ потокомъ помчалась внизъ къ долинамъ.

Мрачный Демонъ, бозмолвно сидѣвшій на крутой скалѣ, завидѣлъ этотъ бурный потокъ и зловѣще засмѣялся. Его смѣхъ, глухо отдавшійся въ горахъ, горцы приняли за весенній громъ.

Демонъ зналъ неукротимую силу своей родной природы,—и снова въ злорадномъ восторгѣ предвидѣлъ людскую погибель, горе и отчаяніе.

Онъ взобрался выше и злобными очами слѣдилъ за горнымъ потокомъ.

Ненасытная масса бушующей воды алчно бросилась на мирныя поля и виноградники. Хищная рѣка неожиданно и лукаво подкрадывалась къ деревнямъ, срывала и уничтожала плотины и постройки, губила посѣвы и бросала на воздѣланныя нивы цѣлыя груды песку и камня. Она топила и разбивала о пороги людей и животныхъ, сносила, какъ игрушки, каменные мосты,—и жаждала все новыхъ и новыхъ жертвъ.

— Месть и гибель! — злобно радуясь, воскликнулъ горный духъ и распростеръ свои гигантскія черныя крылья.

Но сейчасъ же за побѣднымъ кликомъ душу его охватили сомнѣнія и тоска.

Царь ужаса и смерти, властитель мрака и отчаянія внезапно увидѣлъ, что не все подвластно его свирѣпому могуществу.

Онъ устремилъ грозный недоумѣвающій взглядъ вдаль, на ту благородную долину, которую онъ думалъ видѣть разрушенной и потопленной. Черными, мрачными пятнами виднѣлись тамъ тѣ мѣста, гдѣ свирѣпствовало наводненіе. Но вокругъ этихъ немногихъ мѣстъ зеленѣли нетронутые пышные сады, стояли мирныя, оживленныя селенія. До самыхъ горъ долеталъ шумъ людской работы и вѣчно-дѣятельной, кропотливой земной жизни...

Демонъ взглянулъ еще дальше. Онъ увидѣлъ великолѣпныя зданія, возведенныя рукою слабаго человѣка. Онъ увидѣлъ чудные, невѣдомые ему, города, гдѣ желѣзо и камень, вырванные изъ груди земли, волею и искусствомъ смертнаго созданія, превратились въ величавые памятники неутомимаго человѣческаго труда.

Демонъ увидѣлъ спокойную умиротворенную страну, кипучую торговлю — и мрачно задумался!

Когда настала темная облачная ночь, Демонъ широко распахнулъ гигантскія черныя крылья и полетѣлъ надъ мирной страной, надъ дивными каменными строеніями. Острый, злобный взоръ адскаго духа проникалъ въ дивныя жилища, проникалъ въ сердца и души людей, населяющихъ шумные города и богатыя деревни.

Демонъ читалъ въ нихъ, какъ въ раскрытой книгѣ, подмѣчалъ людскую скорбь и горе...

Демонъ искалъ зла, того зла, царемъ котораго онъ былъ.

И много разъ въ эту хмурую ночь мрачныя очи Демона вспыхивали злобной радостью. Онъ видѣлъ, что сами же люди сумѣли вездѣ разсыпать крупинки этого вездѣсущаго зла.

Лачуги бѣдняковъ были подавлены пышными палатами богачей. Мучительную корысть и жажду проклятаго золота Демонъ читалъ въ мечтахъ и мысляхъ усталаго народа. Зло, порокъ и ненависть вездѣ показывали свои острые когти.

Ликовалъ и радовался адскій духъ, пролетая надъ мирной страной. Но его злобный восторгъ былъ омраченъ однимъ. Ему, плававшему во мракѣ и ненависти, какъ въ родной стихіи, слышалось въ эту темную ночь какое-то свѣтлое вѣяніе, враждебное и чуждое ему. Онъ зналъ, что это такое было. Это было Добро, это былъ свѣтъ, борющійся съ тьмой, это было то благое начало, на которое онъ

Въ степи. Съ картины художника Г. Нестерова. Гравировалъ А. Творожниковъ.

Сѣнокосъ. Съ картины художника Ж. Дюпре. Гравировалъ Б. Пуцъ.

возсталъ и которымъ онъ былъ побѣжденъ. Рядомъ съ злобными чувствами ненависти и порока теплились искорки любви и милосердія. Онъ подмѣчалъ ихъ своимъ быстрымъ взоромъ. Въ немногихъ людскихъ сердцахъ неугасимо горѣлъ свѣточъ высшей истины. Ихъ было мало, этихъ избранныхъ чистыхъ сердецъ, но ихъ грѣющій лучезарный пламень порой одолѣвалъ густую тьму зла и порока.

И въ бурномъ гнѣвѣ мрачный Демонъ широко распростеръ черныя гигантскія крылья надъ спящей страной и, призывая къ себѣ всѣхъ подвластныхъ духовъ мрака и зла, стремясь уничтожить и подавить проблески добра и свѣта, онъ вновь издалъ свой непримиримый кликъ:

— Месть и гибель!

Но никто не отвѣтилъ на его призывъ.

Небо просвѣтлѣло ранней зарей, и въ первыхъ ослѣпительныхъ лучахъ восходящаго солнца адскій духъ увидѣлъ предъ собой свѣтлаго генія.

У лучезарнаго пришельца не сверкалъ въ рукѣ мечъ архангела. Онъ не былъ облеченъ въ пламенныя латы. Онъ не походилъ на грознаго архистратига небеснаго воинства, который когда-то въ бурѣ и пламени низвергъ Демона во мракъ преисподней.

Свѣтлый духъ не грозилъ властителю зла, не вызывалъ его на бой. Въ знакъ мира онъ держалъ въ рукѣ зеленую вѣтку.

— Кто ты?!—прогремѣлъ Демонъ, ослѣпленный сіяніемъ, прикрываясь гигантскимъ чернымъ крыломъ.

— Я геній людского труда, геній любви и терпѣнья!—отвѣчалъ тотъ.

Демонъ видѣлъ, какъ все ярче разгоралось утро, какъ пугливо убѣгали дорогія ему тѣни мрака и ужаса. Онъ почувствовалъ себя такимъ чуждымъ и слабымъ въ этомъ морѣ лучезарнаго свѣта и тепла.

Неутомимый властитель смерти увидѣлъ передъ собой неутомимую жизнь, которая дышала любовью и надеждой, была равна ему по силѣ и даже грозила побѣдить его.

И онъ помчался въ свои родныя горы.

Онъ ничего не отвѣтилъ свѣтлому генію и только улетая обратилъ къ нему блѣдное лицо, на которомъ рѣзко вырѣзалась адски-злобная, но безсильная насмѣшка.

В. П. Лебедевъ.

ПАДШІЯ.

Изъ низменной среды общественныхъ отребій,
Впитавъ въ себя развратъ и гибельный порокъ,
Онѣ обречены нести печальный жребій,
Озлобленно кляня преслѣдующій рокъ.

* * *

Обольщены посулъ ласкающимъ соблазномъ,
Принявъ по простотѣ за правду ложь и лесть,
Онѣ забыть позоръ къ утѣхамъ безобразнымъ
Спѣшатъ, бросая въ грязь поруганную честь.

Безъ проблеска надеждъ, безъ правъ на долю счастья,
Лишенныя любви, лишенныя семьи,
Отвыкшія отъ ласкъ и нѣжнаго участья
Влачатъ онѣ, томясь, безцѣльно дни свои.

* * *

Печаленъ ихъ удѣлъ! Но есть изъ нихъ у многихъ
И благородства пылъ, и чувство теплоты,
И — сами нищія, — ютясь въ углахъ убогихъ,
Онѣ несутъ свой грошъ на помощь нищеты.

* * *

И часто мы виной въ ихъ нравственномъ паденьи,
И мы виною въ томъ, что ихъ загубленъ вѣкъ,
И все не потому-ль, что въ дикомъ изступленьи
Въ насъ звѣря побѣдить не въ силахъ человѣкъ?

Л. Осиповъ.

ДВѢ ЛЮБВИ.

Повѣсть (*Продолженіе*).

VII.

ОДНАЖДЫ, уже недѣли черезъ двѣ послѣ переѣзда студентовъ, зашелъ къ нимъ Будаговъ. Хачатрянца не было дома, у него былъ урокъ.

Друзья усѣлись и заговорили, какъ послѣ долгой разлуки. Будаговъ жилъ у дяди въ другомъ концѣ города и не могъ часто навѣщать Денисова. Это былъ серьезный, на первый взглядъ—молчаливый человѣкъ съ выразительными и умными глазами. Онъ готовился быть хозяиномъ фабрики, такъ какъ имѣлъ большое состояніе.

Стемнѣло. Студенты поговорили о томъ, о семъ — о занятіяхъ, родномъ краѣ, петербургскихъ новостяхъ.

— Да, — какъ будто спохватился Будаговъ,—Аракелъ передавалъ, что у васъ хозяйка молоденькая, правда это?

— Да, да... а что?

— Такъ... ничего, — сказалъ Будаговъ.

Поговорили о будущемъ лѣтѣ. Технологъ спросилъ:

— А что тебѣ пишетъ Наташа?

Денисова кольнулъ этотъ вопросъ. Онъ почти не вспоминалъ о невѣстѣ. На-дняхъ онъ послалъ ей небольшое письмо въ отвѣтъ на нѣсколько листовъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ.

— Да все то же,—небрежно сказалъ онъ,— о хозяйствѣ, рукодѣльяхъ, погодѣ...

Будаговъ поднялъ на него удивленный взглядъ.

— Николай! что это?.. когда ты говорилъ о Наташѣ такимъ тономъ?

— Не все же пыть, Степанъ, пора и образумиться,—вотъ поѣдемъ лѣтомъ, опять стану на луну смотрѣть.

Будаговъ грустно посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Не узнаю я тебя... Бѣдная Наташа!.. Эхъ, Николай, — прибавилъ онъ, — хочешь пари: скрутитъ тебя твоя акушерка. Недаромъ ты сидишь съ ней по вечерамъ въ темной комнатѣ.

— Какъ?.. растерянно спросилъ Денисовъ.

— Да знаю ужь, братецъ, объ этомъ и пришелъ поговорить съ тобой.

— Дубовый носъ насплетничалъ?..

— Ну что за бѣда?.. или ты скрываешь это? Слушай, Николай, я вижу, что пока не стоитъ говорить съ тобой о многомъ. Только вотъ что, дай мнѣ слово... случится что-нибудь, не скрывай, скажи—вмѣстѣ переживемъ... Ну, кляча, — уже весело закончилъ Будаговъ,—я на тебя надѣюсь, теперь будемъ чай пить.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Денисовъ,— чего ты испугался, чудакъ?.. Да можно ли сравнить эту женщину съ Наташей... Ей вѣдь и всѣ двадцать шесть къ тому же...

Вернулся Хачатрянцъ.

— Аракелъ, здорово!—сказалъ Будаговъ.

— Здрасти, господа, — отвѣчалъ Хачатрянцъ, поправилъ очки и прибавилъ шепотомъ:

— А не пригласить ли намъ Ольгу Ивановну?

Будаговъ слегка нахмурился и молчалъ.

Хачатрянцъ, не дожидаясь отвѣта, зашагалъ по корридору.

Когда молодая женщина вошла въ комнату студентовъ, какъ всегда свѣжая и спокойная, Будаговъ приподнялся и, опершись на столъ, ждалъ. Хачатрянецъ познакомилъ его съ хозяйкой. Она съ привѣтливой улыбкой спросила его:

— Это вы и есть лучшій другъ Николая Петровича?

— Кажется,—сухо сказалъ технологъ.

Разговоръ не пошелъ дальше банальныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Будаговъ говорилъ односложно, смотрѣлъ къ себѣ въ стаканъ и хмурился. Денисову было неловко. Хачатрянецъ сыгралъ на скрипкѣ. Потомъ всѣ пропѣли „Ноченьку“. У Ольги Ивановны былъ маленькій, но гибкій голосъ.

Она поднялась очень скоро и ушла своей плавной и медленной походкой.

Будаговъ тоже простился, не смотря на всѣ просьбы товарищей.

VIII.

Приближалось Рождество. Денисовъ, столовавшійся раньше на Васильевскомъ, неподалеку отъ университета, началъ обѣдать дома, вмѣстѣ съ хозяйкой. Обѣдали весело, а потомъ по обыкновенію дожидались сумерокъ, молча, другъ противъ друга.

Иногда Ольга Ивановна, откинувшись навзничь, притворялась мертвой, опускала руки, которыя падали, какъ плети, склоняла голову на бокъ. Денисовъ заговаривалъ съ нею, она не отвѣчала. Онъ бралъ ее за руку. Огонь пробѣгалъ по его нервамъ. Она не отнимала руки.

— Чѣмъ васъ разбудить? чѣмъ васъ разбудить? проснитесь,—торопливо говорилъ Денисовъ.

Она молчала.

Спускался вечеръ. Вѣра топила печку. Въ комнатѣ становилось теплѣе. Денисовъ смотрѣлъ на мягкій сиреневый капотъ, на закрытые глаза съ длинными рѣсницами, на обнаженныя до локтя руки. Одну изъ этихъ нѣжныхъ и полныхъ рукъ онъ держалъ въ своихъ и гладилъ. А сердце билось... Кружило голову... Денисовъ подвигался ближе. Онъ сжималъ ей руку. Она вздрагивала и говорила:

— Это такъ больно, что мертвый проснется.

Денисовъ уже давно забылъ о Наташѣ. Она, не получая отъ него писемъ, тоже почти замолчала. Но онъ не замѣчалъ этого, не удивлялся. Воспоминанія не тревожили его, совѣсть не мучила: онъ весь былъ поглощенъ Ольгой. Любилъ ли онъ ее? Кажется, да. По крайней мѣрѣ, онъ думалъ о ней каждую минуту, интересовался только тѣмъ, что касалось ея. Кромѣ университета, не ходилъ никуда, сдѣлался разсѣянъ, задумчивъ... Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, онъ какъ-то боялся его, не вѣрилъ. Ему было какъ-то странно, жутко; главное, онъ совсѣмъ ея не зналъ — ни ея жизни, ни прошлаго; у ней онъ никого не встрѣчалъ. Сама она уходила довольно часто, не всегда ночевала дома.

Должно быть, она ходила на акушерскую практику. Ея трудъ, повидимому, хорошо оплачивался. У ней такая славная обстановка. Всегда вино, фрукты, конфеты. Но съ кѣмъ она знакома? у кого бываетъ, помимо практики? Денисовъ ничего не зналъ и продолжалъ теряться въ догадкахъ.

Онъ привыкъ просиживать съ хозяйкой нѣсколько часовъ подрядъ, засыпать и просыпаться съ думой о ней, пить вмѣстѣ чай, обѣдать, дожидаться сумерокъ; потомъ читать ей вслухъ, или заниматься у ней въ комнатѣ математикой, когда ея не было дома. Онъ такъ полюбилъ эту жизнь, что на просьбы родителей пріѣхать на праздники отговорился занятіями.

IX.

За два дня до Рождества Денисовъ проснулся съ мыслью, что онъ не можетъ жить безъ Ольги. Онъ видѣлъ ее во снѣ всю ночь, стоялъ передъ ней на колѣняхъ, и утромъ, когда онъ открылъ глаза, его голова закружилась отъ счастья.

Въ университетѣ лекцій уже не было. Денисовъ наскоро одѣлся и прошелъ къ Ольгѣ Ивановнѣ. Хачатрянца, по обыкновенію, не было дома. Онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ; приходилъ часа на два, сидѣлъ съ Денисовымъ и хозяйкой, потѣшалъ ихъ своимъ акцентомъ и манерами и вновь исчезалъ.

Ольга Ивановна сидѣла въ чистенькой свѣтло-голубой кофточкѣ, только что умытая, свѣжая, разгоряченная холодной водой. Она поджидала его. Денисовъ смутился и оробѣлъ отъ ея пристальнаго взгляда. Онъ вспомнилъ свое пробужденіе.

Цѣлый день онъ говорилъ странными полунамеками.

За обѣдомъ Денисовъ спросилъ:

— Когда вы мнѣ разскажете исторію своего замужества?

— Не нужна она вамъ, Николай Петровичъ,—это горькая ошибка.

— Ну, что же — тѣмъ лучше: вѣдь вы вдова.

— Не знаю.

— Какъ не знаете? вы говорили...

— Ну, хорошо: вдова.

Ольга Ивановна паревела разговоръ на общія темы.

Когда стемнѣло, они опять сидѣли. Опять Денисовъ пожималъ ей руку и чувствовалъ сладкое волненіе. Ему уже хотѣлось прямо сказать ей: „Ольга Ивановна! я васъ люблю“. Онъ тысячу разъ говорилъ эти слова мысленно, а когда она полулежала съ закрытыми глазами, онъ почти губами шевелилъ, уже почти рѣшался.

— Ольга Ивановна!

Она молчала.

— Ольга Ивановна! я васъ...

Ея рука слегка дрогнула. Онъ не посмѣлъ докончить.

— Я васъ... разбужу, наконецъ!..

Онъ потянулъ ея руку къ своимъ губамъ. Она вскочила съ кресла и крикнула ему въ ухо:

— Что?

Онъ взялъ ее за обѣ руки и сталъ ихъ сжимать—все крѣпче и крѣпче.

— Да что вы думаете, Николай Петровичъ, что я слабѣе васъ?

И Ольга Ивановна начала вырываться. Денисовъ старался поставить ее на колѣни. Она ловко изгибалась и терпѣла пытку. Ея пальцы хрустѣли. Она поворачивалась къ нему бокомъ, и онъ касался локтемъ ея плеча. Минутами она была совсѣмъ близко отъ него, дышала ему въ лицо, щекотала его своими волосами. Онъ почти обнималъ ее. Вдругъ онъ сдѣлалъ неосторожное движеніе. Ольга Ивановна поскользнулась и упала на полъ. Она зашибла себѣ локоть и капризно вскрикнула:

— Ой! больно!

Денисовъ помогъ ей встать. Оба запыхались. Они сѣли рядомъ на диванѣ, наискось отъ печки. Дрова догорѣли, остались одни крупные уголья. Лампы не было. Черезъ цвѣты и занавѣски, съ противоположной стороны двора, пробирался красноватый свѣтъ, скользилъ по чему-то блестящему на столѣ, ползъ черезъ картины на стѣну и терялся въ обояхъ. А уголья распадались на части, слегка шипѣли и искрились. Денисовъ держалъ Ольгу Ивановну за локоть и нѣжно гладилъ косточку.

— Бѣдный локотокъ!—шутилъ онъ.

Она говорила нѣвучимъ тономъ:

— Вылечите...

Это было похоже на намекъ. Но онъ не рѣшался на поцѣлуй. Наступило молчаніе.

— Боже!—вдругъ вырвалось у него,—какъ мнѣ хорошо!

— Неуже-е-ли? — протянула она шепотомъ,—отчего это?

И онъ рѣшился. У него заколотилось сердце быстро-быстро. „Вотъ возьму и скажу,—думалъ онъ,—ну что будетъ? возьму и скажу“.

— Ольга Ивановна, знаете, что?..

Она приблизила къ нему свое лицо и медленно проговорила:

— Не знаю.

У Денисова захватило дыханіе. Онъ притянулъ ея локоть къ своимъ губамъ и страстно поцѣловалъ мѣсто ушиба. Она какъ бы не замѣтила этого и спросила:

— Ну что-же?

— Ольга Ивановна!.. я не знаю... ну вы поймите... мы цѣлый мѣсяцъ вмѣстѣ... я о васъ к ждую минуту думаю, вижу васъ... близко отъ васъ... мы однимъ воздухомъ дышимъ... я не могу... вы понимаете?

Она молчала.

— Вы понимаете? вы понимаете? твердилъ онъ, цѣлуя ея руку, — ну, я влюбленъ въ васъ... поняли теперь?

Она быстро поднялась съ дивана. Онъ услышалъ не то вздохъ, не то легкое: „ахъ“. Она стояла передъ нимъ. Догоравшіе уголья озарили ея руки, часть ея лифа, подбородокъ. Денисовъ потянулся къ ней, захватилъ обѣими руками ея талію, слегка приподнялся и крѣпко, горячо прильнулъ къ ея губамъ своими. Она подалась назадъ. Онъ всталъ и покрылъ ея лицо поцѣлуями. Она ускользала отъ него, какъ-будто падала. Онъ посадилъ ее на диванъ. Она вся трепетала. Ему послышался сдавленный стонъ. Она какъ бы теряла сознаніе.

Онъ прижималъ ее къ себѣ и говорилъ:

— Оля! родная моя!.. будь моей женой.

Она вырвалась отъ него, подбѣжала къ столу, поспѣшно зажгла свѣчку, и Денисовъ увидѣлъ, что она блѣдна, какъ полотно... По ея щекамъ, одна за другой, побѣжали слезы. Она упала въ кресло.

— Коля... наконецъ-то... какъ я счастлива... ты полюбилъ меня... я тебѣ все скажу, все...

Она рыдала. Денисовъ не помнилъ себя. Онъ опустился на колѣни, отнималъ ея руки отъ глазъ и спрашивалъ:

— Что съ тобой?.. что съ тобой?

Она оправилась. Краска вернулась къ ней на лицо. Она смѣялась, ея глаза сверкали, она тянулась къ нему, гладила его волосы и говорила:

— Ты измучилъ меня... мой добрый, чистый, хорошій... я съ перваго дня тебя полюбила... Мы будемъ вмѣстѣ... я тебѣ все скажу... ты оправдаешь, простишь.

— Милая! въ чемъ-же дѣло?.. что съ тобой?..

— Нѣтъ, нѣтъ... только не теперь. Потомъ... завтра. Сегодня ничего не спрашивай, забудь мои слова... ахъ! какъ я счастлива!.. Слушай, милый, ты давно полюбилъ меня?.. Я знаю, когда ты хотѣлъ сказать, ты началъ: „Ольга Ивановна, я васъ...“ какой ты плутъ!

Они цѣловались. Потомъ Вѣра подала самоваръ. Денисовъ говорилъ, что женится какъ можно скорѣе... этой весной, что онъ съ ума сойдетъ, если ее у него отнимутъ... Она отвѣчала:

— Коля! мнѣ все равно—какъ ты хочешь... я тебя люблю... я свободна; когда хочешь—я твоя...

Они просидѣли до часу ночи. Денисовъ крѣпко поцѣловалъ Ольгу Ивановну въ лобъ, перекрестилъ и сказалъ:

— До завтра.

Она осталась въ креслѣ, когда онъ пошелъ, и проводила его глубокимъ, замирающимъ взоромъ.

Онъ подошелъ у себя въ комнатѣ къ ея двери. Онъ ловилъ каждый звукъ. Онъ слышалъ ея легкіе шаги и шелестъ платья, слышалъ потомъ, какъ что-то тяжелое и мягкое зашуршало и упало на полъ. У Денисова томительно сжалось дыханіе. Онъ тихонько постучалъ въ дверь. Онъ тотчасъ-же услыхалъ, какъ она подошла, и почувствовалъ, что она тутъ, вотъ сейчасъ за дверью, въ трехъ вершкахъ отъ него. Ему казалось, что ея теплота проникаетъ сквозь дерево.

— Спокойной ночи! шепнулъ онъ.

— Спокойной ночи! прозвучалъ отвѣтъ.

— Дай мнѣ поцѣловать тебя,— сказалъ Денисовъ.

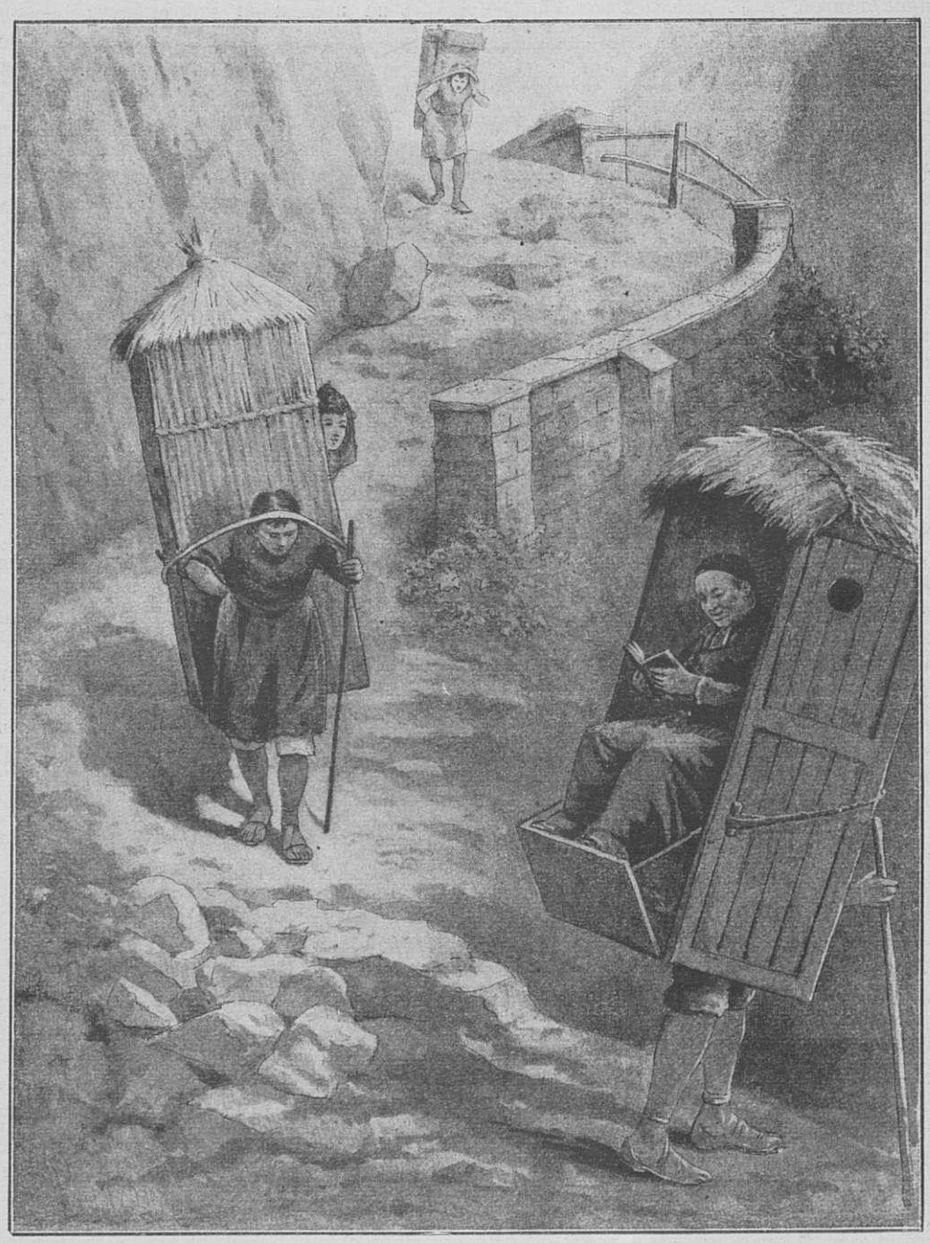
— Я раздѣта,—сказала она.

— Постучи, гдѣ твои губы.

Она стукнула два раза. Онъ звучно поцѣловалъ дверь. Она не отходила и смѣялась.

— Милый!—глухо и томно произнесла она.

— Прощай!—почти вскрикнулъ Денисовъ и отбѣжалъ отъ двери.



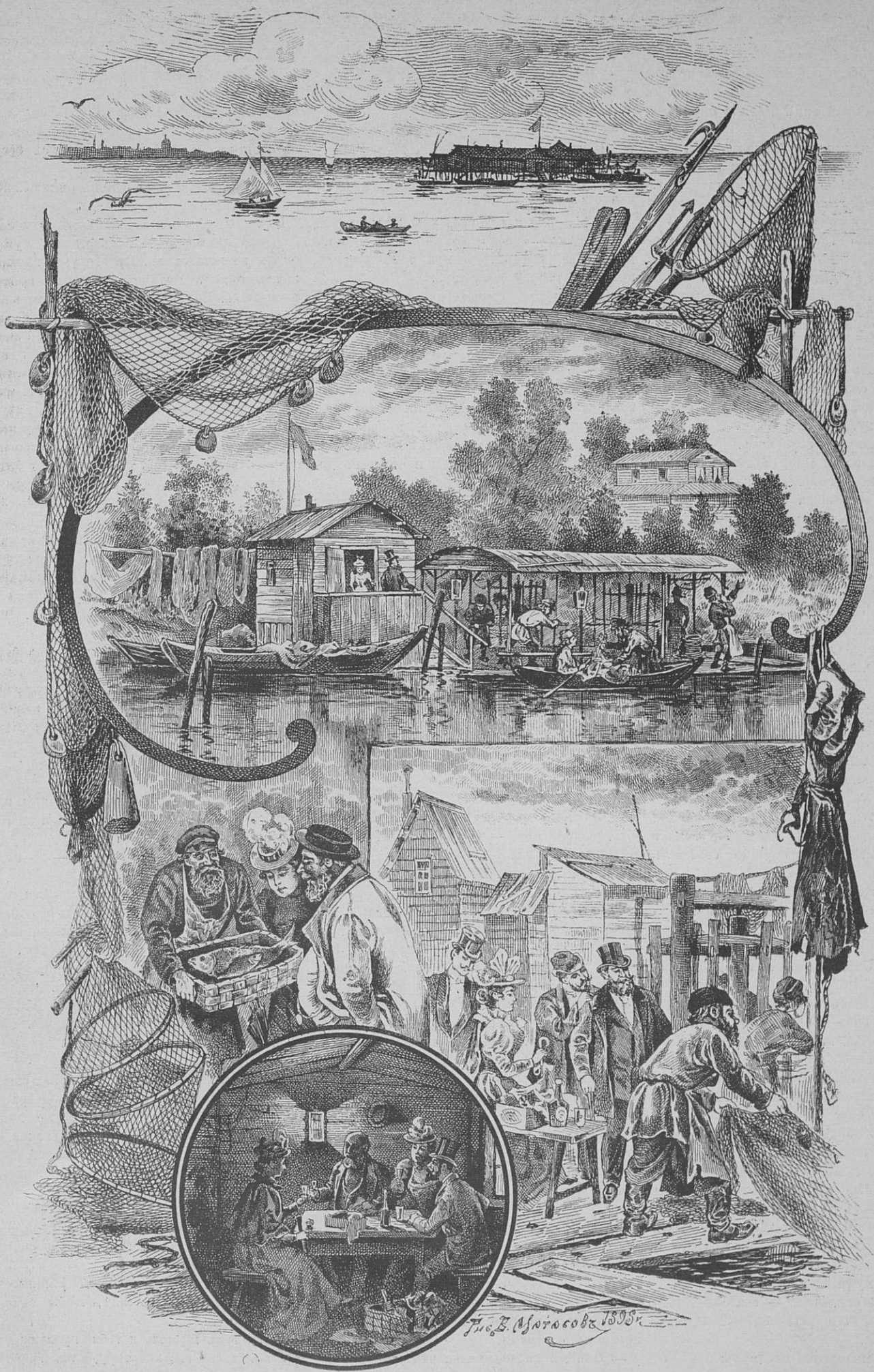
Способъ передвиженія по горамъ въ Гватемалѣ.

X.

На другой день, въ сочельникъ, Хачатрянцъ остался дома съ самаго утра.

— Надо-же посидѣть подольше хоть одинъ разъ,—говорилъ онъ.

Денисовъ проснулся съ жуткимъ и томи-



На тоняхъ. Съ картины художника В. Матасова

тельнымъ ощущеніемъ въ груди. Онъ одѣлся, громко напѣвая:

„Задремалъ тихій садъ...“

Когда онъ былъ готовъ, студенты вмѣстѣ пошли къ хозяйкѣ. Хачатрянцъ напустилъ на себя сумрачный видъ и молча опустился въ кресло.

— Что вы надулись, Аракелъ Григорьевичъ?—спросила Ольга Ивановна.

— Это съ нимъ бываетъ,—весело сказалъ Денисовъ,—соскучился по Кавказу — шашлыку и кахетинскому.

— Собственно говоря, — началъ Хачатрянцъ.

Но хозяйка не дала ему кончить.

— Вотъ и прекрасно. У меня есть вино. Мы вмѣстѣ позавтракаемъ. Идетъ?

Скоро всѣмъ стало очень весело. Послѣ завтрака играли въ карты. Денисовъ предложилъ сыграть въ носки. Хачатрянцъ самъ прошелся на свой счетъ.

— Ничего не панимаишь,—сказалъ онъ,— какія карты нужны!.. Ва!

И онъ указалъ на свой носъ.

Ольга Ивановна поминутно смѣялась, подливала технологу вино. Тотъ хмелѣлъ и начиналъ пѣть армянскія пѣсни. Его глаза сузились и замаслились. Онъ смотрѣлъ на Ольгу Ивановну особеннымъ взоромъ, оскорблявшимъ Денисова.

Потомъ играли въ жмурки. Хачатрянцъ, какъ медвѣдь, суетился на мѣстѣ, топалъ каблуками, и его ловили сразу. Но когда ему завязывали глаза, онъ метался по комнатѣ, какъ сумасшедшій, и кричалъ:

— Сейчасъ поймаю, сейчасъ поймаю...

Денисовъ и хозяйка убѣгали вмѣстѣ на цыпочкахъ въ дальній уголъ и крѣпко, беззвучно цѣловались.

Когда Хачатрянцу удавалось поймать ее, онъ долго не выпускалъ ее изъ рукъ, а Денисову становилось непріятно, и онъ говорилъ:

— Что же ты, поймалъ или не поймалъ?

— Собственно говоря, поймалъ, только боюсь упустить, — добродушно отвѣчалъ технологъ.

Обѣдали тоже вмѣстѣ. Потомъ всѣ сидѣли притихнувъ, и Денисовъ медленно и мечтательно разсказывалъ о Волгѣ.

Вдругъ, часовъ въ пять, раздался сильный звонокъ. Ольга Ивановна странно встрепенулась.

— Вѣра, подождите отворять, — взволнованно сказала она,—господа, идите къ себѣ... это, должно быть, ко мнѣ по дѣлу.

Когда студенты прошли корридоръ, они услыхали стукъ наружной двери. Кто-то медленно и тяжеловѣсно прошелъ черезъ кухню въ комнату хозяйки. Послышался чей-то ужасно низкій басъ. Студенты прислушивались, но не могли разобрать словъ. Голосъ иногда повышался, и Денисову чудились стальныя нотки. Ольга Ивановна говорила совсѣмъ тихо. Пришедшій мужчина—медленно и авторитетно. И Денисовъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ хваталъ Хачатрянца за обѣ руки, шепталъ ему: „не двигайся“, и мучительно ждалъ.

— Ва, какой сердитый! — сказалъ Хачатрянцъ — надо его развеселить... Споемъ „крамбамбули“.

И студенты молодецки затянули:

„Крамба-амбули, отцовъ наслѣдство—
Питье любимое у насъ...“

Они шагали по комнатѣ съ какимъ-то общимъ торжествомъ.

— „Есть у-утѣшительное средство...“ вопилъ Хачатрянцъ, топая каблуками.

Когда кончили, технологъ сказалъ:

— Ну вотъ, довольно съ него!

И потомъ прибавилъ:

— Наконецъ-то, онъ явился.

— Кто это онъ? — удивленно спросилъ Денисовъ.

— Какъ кто?.. чудакъ!.. да ея содержатель!

— Что ты говоришь?.. блѣднѣя, прошепталъ Денисовъ.

— Ва!.. что я говорю!.. какой ты право.., да развѣ она можетъ жить иначе?.. я пари держу: въ Петербургѣ всѣ такъ живутъ, иначе съ голоду помрешь...

— Ты съ ума сошелъ!—почти крикнулъ Денисовъ — она?.. Ольга Ивановна?.. Оля?.. вырвалось у него.

— Ну да! что такое! — сердито сказалъ Хачатрянцъ: — какой ты наивный, не панимаишь!.. Развѣ ты не видишь?.. Властный, хозяйскій тонъ... Чудакъ!.. мы пили его вино...

У Денисова упало сердце, подкосились ноги. Онъ сѣлъ и не возражалъ Хачатрянцу. Онъ сталъ считать секунды и не могъ дождаться, когда уйдетъ этотъ гость.

Минутъ черезъ пять густой басъ сказалъ:

— Ну, до свиданья!

И Денисовъ побѣжалъ къ ней.

Онъ затворилъ за собой дверь. Она сидѣла у стола передъ зажженной лампой. Онъ подошелъ и обнялъ ее сзади. Ольга Ивановна сдѣлала движеніе, какъ будто отстранилась. Денисовъ заглянулъ ей въ лицо. Ея глаза были странны; щеки поблѣднѣли; углы губъ вздрагивали.

— Милая, что съ тобою?.. кто это приходилъ?...

Она зарыдала вмѣсто отвѣта. Потомъ онъ услышалъ:

— Проклятая жизнь... звѣри... оскорбляютъ на каждомъ шагу ..

— Кто онъ такой, Оля?.. ради Бога...

— Жестокіе люди!.. на себя оглянулись бы... рыдала она. — Слушай, Коля, я скажу тебѣ все... садись.

Она вся дрожала. Ея лицо дышало рѣшимостью.

— Я обманула тебя... я не вдова и не была замужемъ... я любила четыре года... и тотъ человѣкъ.. не этотъ, — другой... женился и потомъ былъ у меня. Я ничего не знала... Онъ женился въ апрѣлѣ, а въ маѣ продолжалъ мнѣ клясться, что никогда не броситъ, что обожаетъ меня... Господи! я вѣрила, глупая... Потомъ мнѣ открыли глаза... я пошла на курсы... Добрый человѣкъ помогъ... у-у, проклятый! какъ я его ненавижу... Коля, ты пойми меня — вотъ я сейчасъ покажу тебѣ.

Она вынула изъ кармана маленькую записную книжку, открыла ее и дала ему. Оторопѣвшій Денисовъ машинально прочиталъ:

августъ	. .	5 р.	— к.
сентябрь	. .	8 „	— „
октябрь	. .	1 „	— „
ноябрь	. .	— „	— „
декабрь	. .	— „	50 „

Онъ перевелъ глаза на Ольгу. Она закрыла лицо руками.

— Оля!.. я не понимаю... что это?..

— Это моя прошлогодняя практика.

Онъ какъ-будто еще недоумѣвалъ.

— Ну что же? – холодѣя, спрашивалъ онъ.

Она встала, подошла къ нему, обняла за шею.

— Ну вотъ, милый,—тихо сказала она,— надо же мнѣ было жить.. этотъ человѣкъ и помогалъ мнѣ и теперь помогаетъ.

Тупая и короткая боль сдавила его душу. Онъ ничего не сознавалъ. Ему хотѣлось кричать, разбить что-нибудь, убѣжать. Ольга Ивановна смотрѣла ему въ лицо. Онъ стоялъ, опираясь на спинку стула, съ безумнымъ блуждающимъ взоромъ.

— Коля, Коля, родной мой... очнись... надо примириться.

Онъ слышалъ эти слова, какъ сквозь сонъ.

„Надо примириться... съ чѣмъ?“ думалъ онъ и не понималъ... Въ его умѣ промелькнулъ образъ Наташи — чистый, кроткій, ласковый... Ему стало горько. Потомъ онъ тряхнулъ головой, переломилъ себя и заходилъ по комнатѣ. Хозяйка сидѣла спиною къ нему. Онъ остановился въ углу и смотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ мягкіе контуры ея спины, плечъ, ея шеи съ гордымъ изгибомъ и золотистыми волосами, видѣлъ ея грустную и подавленную позу. И ему стало невыразимо жаль ее. Страстное чувство проснулось въ немъ. Она сдѣлалась ему безконечно дорога. Онъ страдалъ. Онъ уже сознавалъ, что разрывъ невозможенъ. Это значило бы — вырвать сердце съ кровью. Онъ подбѣжалъ къ ней и упалъ на колѣни. Она опять заплакала. Онъ цѣловалъ ея руки — возвышенно-спокойный, примиренный, и думалъ, что вотъ эта женщина теперь для него дороже всего въ мірѣ.

Онъ говорилъ:

— Милая моя, голубка моя... успокойся— ты выше этого... мы забудемъ обо всемъ— ты будешь моей женой... Я самъ скажу ему.

Ее охватилъ порывъ восторга и радости. Она цѣловала его, замирая въ его объятіяхъ.

И вдругъ она вскочила.

— Коля! я пойду... жди меня здѣсь... я сейчасъ, скоро вернусь.

Она съ лихорадочной поспѣшностью причесывалась, оправлялась, пудрила подъ глазами.

— Куда ты идешь? зачѣмъ? — въ изумленіи спрашивалъ Денисовъ.

— Я иду къ нему... не удерживай: я сама хочу ему сказать... я хочу видѣть его лицо... Ты не поймешь — это чувство женщины. Я все готова отдать за это наслажденіе... Онъ оскорблялъ меня — черствый, злой... Я иду.

Въ ея голосѣ звенѣли истерическія нотки. Ея лицо судорожно подергивалось. Она сорвала ротонду съ вѣшалки: и вдругъ сѣла на полъ у кровати и захохотала:

— Ха-ха-ха-ха!

Ея смѣхъ переходилъ въ вопль. Ее душили рыданія безъ слезъ. Прибѣжала Вѣра со стакановъ воды. Хачатрянца уже давно слѣдъ простылъ. Денисовъ перепугался, не зналъ, что дѣлать. Вѣра брызгала ей лицо. Ольга Ивановна понемногу успокоилась. Вѣра ушла.

— Эгоистъ, проклятый, — твердила Ольга Ивановна, — говоритъ: „студентовъ приманила, пѣсни поютъ — что же ты не подпѣваешь?..“ у-у, звѣрь!

Она, съ новымъ приливомъ рѣшимости, одѣлась. Денисовъ умолялъ, чтобы она не ходила одна.

— Пойдемъ вмѣстѣ, я тебя провожу, ты мнѣ покажешь его квартиру, я самъ войду...

— Нѣтъ, нѣтъ, Коля, я не могу, не лишай меня этого счастья.

А. Каменскій.

(*Продолженіе будетъ*).

ПРАВИТЕЛИ и МЫСЛИТЕЛИ.

АЛЕКСАНДРЪ I и ПАРРОТЪ.

(Окончаніе).

ИМПЕРАТОРЪ долгое время такъ необыкновенно отличалъ Паррота и это отличіе создало ему много враговъ-завистниковъ, которые дали уже ему себя почувствовать во время отсутствія государя; теперь же явная немилость монарха влекла за собой новыя испытанія ни въ чемъ неповинному Парроту, который только оставался самимъ собою и тогда, когда образъ мыслей государя, очевидно, измѣнился. Наконецъ, онъ рѣшился было уѣхать въ Дерптъ, куда призывали его обязанности профессора и отца своего семейства, но болѣзнь задержала его; у него сдѣлалось кровохарканье. Однако и нравственныя страданія его были едва-ли не сильнѣе физическихъ. „Ваше величество, — писалъ онъ въ послѣднемъ изъ упомянутыхъ шести писемъ къ государю, — если вамъ во второй разъ представится случай имѣть дѣло съ такимъ чувствительнымъ человѣкомъ какъ я, привлеченнымъ благородствомъ вашей души и желающимъ вамъ всецѣло предаться, то, ради Бога, оттолкните его тотчасъ же. Довольно съ васъ одной жертвы чувства".

„Ну что же, — думалъ Парротъ, уѣзжая въ Дерптъ,—должно быть, какія-нибудь важныя причины заставили государя порвать всѣ сношенія со мной, но онъ во всякомъ случаѣ могъ бы сдѣлать это менѣе жестоко и оскорбительно... послѣ одинадцатилѣтней дружбы!" Но чѣмъ же объясняется теперь съ нашей точки зрѣнія эта жестокость? Мы готовы думать, что государь не читалъ этихъ послѣднихъ писемъ Паррота; онъ, по всей вѣроятности, не распечатывалъ ихъ, какъ и писемъ своего учителя Лагарпа. И это было единственнымъ средствомъ порвать связь съ человѣкомъ, вліяніе котораго на себя государь въ то время считалъ уже вреднымъ для блага Россіи. Сперанскій и Парротъ не уживались съ Аракчеевымъ! Но съ Парротомъ государю было еще труднѣе порвать сношенія, чѣмъ со Сперанскимъ, потому что Паррота ни въ чемъ не могли оклеветать передъ государемъ даже враги. Итакъ, если причина разрыва съ Парротомъ лежала въ измѣненіи взгляда на вещи, то жестокій способъ его обусловливался именно одиннадцатилѣтней дружбой, которая не только покорила душу Паррота государю, но и дала Парроту власть надъ душой Александра I. Но эту-то власть государь и считалъ пагубной для Россіи; онъ могъ догадаться, о какихъ дѣйствіяхъ министерства намѣревался сообщить ему Парротъ, и не читая его писемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не одно только страстное желаніе видѣть государя удерживало Паррота въ Петербургѣ: упорно добиваясь свиданія, онъ чувствовалъ, что къ этому обязываетъ его и нравственный долгъ!

Изъ исторіи послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія императора Александра I намъ извѣстно, что въ то время, какъ Парротъ напрасно добивался свиданія съ нимъ, такъ же трудно было увидѣть государя и другимъ лицамъ; онъ принималъ одного только Аракчеева, и получить аудіенцію у императора можно было только по протекціи Аракчеева. Къ этой протекціи должны были прибѣгнуть даже такіе люди, какъ Карамзинъ и Сперанскій; послѣдній долгое время томился въ изгнаніи, лишенный всякой возможности оправдаться въ несправедливыхъ обвиненіяхъ. Карамзинъ при содѣйствіи Аракчеева вскорѣ водворился въ Царскомъ Селѣ и получилъ возможность печатать свою „Исторію Государства Россійскаго"; Сперанскій же по протекціи этого „перваго вельможи" добился назначенія пензенскимъ губернаторомъ. Но пріѣздъ въ Петербургъ былъ запрещенъ Сперанскому еще долгое время; онъ увидѣлъ государя не ранѣе 1814 г. послѣ того, какъ успѣлъ побывать и въ Сибири, хотя въ качествѣ генералъ-губернатора. Открыто признавъ несправедливость всего того, въ чемъ обвиняли Сперанскаго въ 1812 г., государь обращался съ нимъ, однако, вообще холодно, только изрѣдка являя слабые проблески благоволенія, которые возбуждали одно время тщетныя надежды бывшаго любимца. Что касается Паррота, то ему, конечно, и въ голову не приходило прибѣгать къ Аракчееву. Потерявъ дружбу государя, онъ хотя во многомъ нуждался, но ничего болѣе для себя отъ него не желалъ. Сильная воля помогла ему справиться съ сильнымъ чувствомъ, и онъ надолго замолкъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ не написалъ ни одного письма императору и обратился къ нему только въ 1821 г., какъ старѣйшій профессоръ дерптскаго университета, по поводу университетскихъ дѣлъ. Но, какъ видно, не смотря на такое воздержаніе, старая любовь не ржавѣла! Возобновивъ, хотя и оффиціальныя, сношенія съ государемъ, Парротъ и въ 1822 г. не могъ не выразить ему своей благодарности за благодѣяніе, оказанное императоромъ какой-то вдовѣ, и началъ писать къ нему въ своемъ прежнемъ стилѣ; онъ стремился доказать необходимость освобожденія Греціи и горячо возставалъ противъ дѣятельности тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время безграничный произволъ Магницкаго могъ бы возмутить всякаго!

Одинъ изъ современниковъ говоритъ: „Магницкій и его сподвижники накладывали руки на все, что люди считаютъ неприкосновеннымъ и священнымъ для себя, на истину, мысль, чувство долга, на убѣжденіе, на все онъ наложилъ оковы инструкцій и предписаній, требовавшихъ одного безпрекословнаго повиновенія формамъ, обрядамъ, дисциплинѣ. Онъ хотѣлъ создать оффиціальную науку, оффиціальную добродѣтель, оффиціальное благочестіе, не замѣчая, что этимъ истязаніемъ внутреннихъ человѣческихъ силъ онъ развилъ систему лжи и лицемѣрія".

Все это навело Паррота на мысль составить записку, извѣстную подъ названіемъ: „Руководящіе принципы министерства народнаго просвѣщенія съ нравственной точки зрѣнія".

Свой мемуаръ Парротъ препроводилъ при своемъ послѣднемъ письмѣ императору 22 февраля 1825 г. Изъ этого письма видно, что Парротъ снова добивался свиданія съ государемъ какъ и въ 1814., потому что оно начинается словами: „Итакъ, жребій брошенъ! Я никогда болѣе васъ не увижу. Сегодня я уѣзжаю. Я долженъ вѣрить, что такова воля Провидѣнія, и обязанъ ей покориться". При этомъ письмѣ, которое самъ Парротъ называетъ прощальнымъ, онъ препроводилъ императору въ знакъ своей неизмѣнной преданности упомянутый мемуаръ, прося императора прочитать его прежде письма. Но государь или не прочиталъ этого мемуара, или послѣдній не оказалъ на него никакого вліянія. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстно, что Магницкій оставался въ силѣ до конца царствованія Александра I, и честь избавить отъ него министерство народнаго просвѣщенія была предназначена императору Николаю I. Для того, чтобы дать понятіе о продолжительности власти Магницкаго, мы замѣтимъ, что мемуаръ Паррота былъ написанъ еще въ 1814 г. И съ тѣхъ поръ Парротъ встрѣчалъ только указы, направленные противъ молодежи и просвѣщенія. Видя, что не дождаться лучшихъ временъ, онъ не могъ забыть о своемъ мемуарѣ. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности его содержанія и ограничимся только слѣдующей выдержкой изъ послѣдняго письма Паррота къ императору:

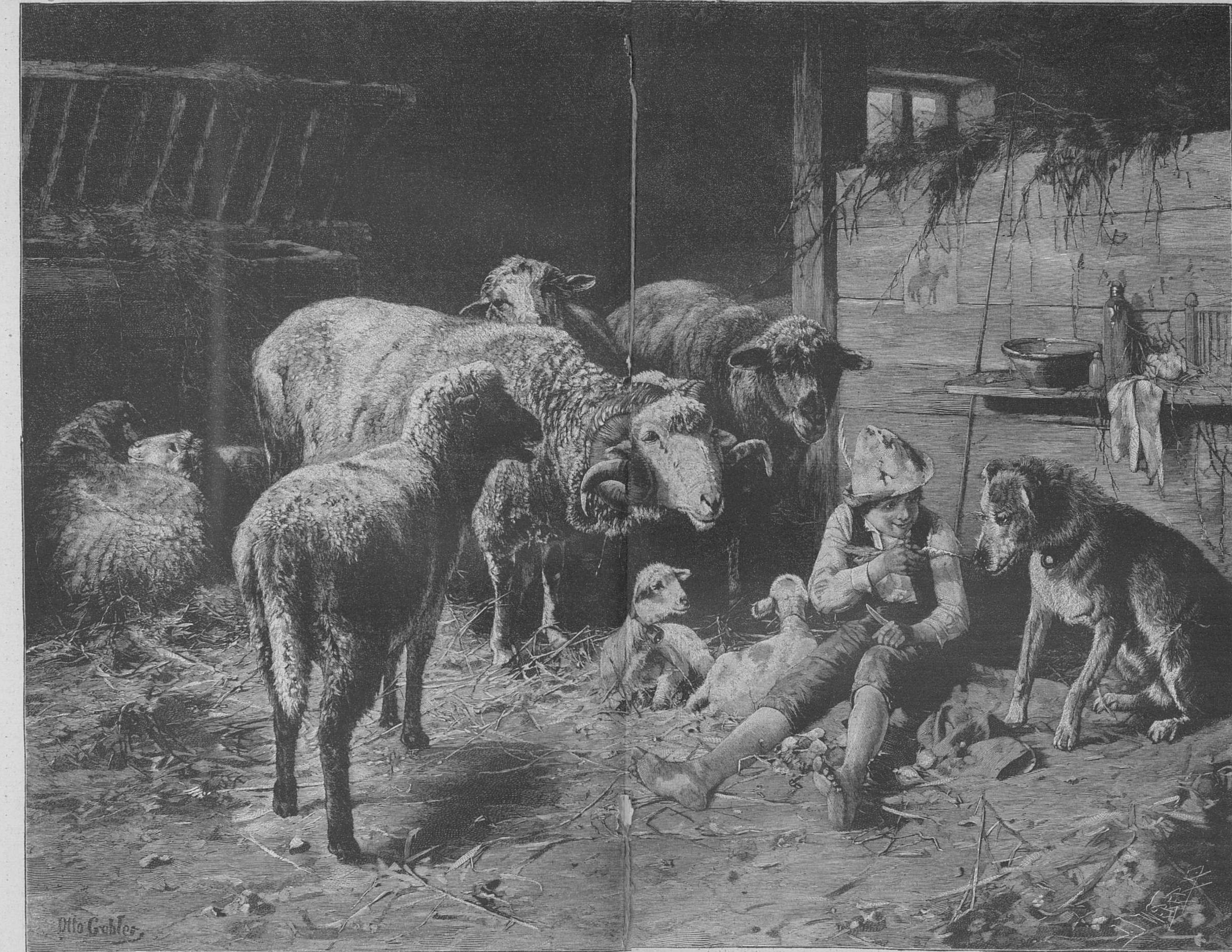
„Я имѣлъ случай убѣдиться, что князь Голицынъ слишкомъ склоненъ слушать г. Магницкаго, который сдѣлался пугаломъ народнаго просвѣщенія. Я не разъ спрашивалъ себя, какимъ рычагомъ дѣйствуетъ этотъ жестокій человѣкъ, пріобрѣтая такое сильное вліяніе, и нашелъ, что это могучее средство заключается въ опутываніи вашей благородной рыцарской души безъ страха и упрека тучею опасеній и подозрѣній". И далѣе: „вамъ стремятся представить въ самомъ мрачномъ свѣтѣ молодежь, ту молодежь, которую вы любите, не смотря на то, что вамъ всѣми силами внушаютъ боязнь и отвращеніе къ молодежи высшихъ учебныхъ заведеній". И Парротъ приводитъ въ примѣръ Пруссію въ то время, когда принято было раздувать студенческія исторіи, и указываетъ на всѣ вредныя послѣдствія этого раздуванія. По мнѣнію Паррота, самое вѣрное средство лишиться своей популярности, это начать преслѣдовать юность. Каждый скорѣе проститъ жестокость по отношеніи къ самому себѣ, чѣмъ къ своему сыну. И Парротъ проситъ государя повѣрить въ этомъ отношеній на слово ему, какъ старому наставнику юношества, съ которымъ ему приходится имѣть дѣло болѣе 40 лѣтъ. Далѣе онъ стремится доказать государю, что никакіе страшные призраки революціи не грозятъ Россіи, если не будутъ вызваны искусственно дѣятелями, подобными Магницкому. Онъ говоритъ: „такимъ людямъ на руку создавать опасности, чтобы явиться въ роли охранителей порядка".

Будущее какъ нельзя болѣе оправдало предсказаніе проницательнаго Паррота; Магницкій, какъ извѣстно, привелъ въ совершенный упадокъ казанскій университетъ и вообще явился истиннымъ бичемъ просвѣщенія въ Россіи.

Изъ того же письма Паррота къ Александру I намъ извѣстно, что государь все еще интересовался научными трудами этого ученаго, имѣющими практическое приложеніе; Парротъ говоритъ: „герцогъ Виртембергскій сообщалъ мнѣ, что вы желаете видѣть въ подлинникѣ составленный мною планъ. Вѣрьте, я умѣю цѣнить эту милость". Но эти мирные труды были единственными точками соприкосновенія императора съ ученымъ; во всемъ остальномъ пути этихъ двухъ „друзей человѣчества" разошлись навсегда. Въ 1825 году не стало Александра I; Парротъ-же, бывшій на

десять лѣтъ старше государя, находился еще въ полной силѣ и продолжалъ дѣйствовать въ избранномъ имъ направленіи, все еще говоря: „развѣ жизнь безъ дѣятельности имѣетъ хотя какую нибудь цѣну?“

Въ заключеніе этого очерка отношеній императора Александра къ Парроту, мы познакомимъ читателя съ условіями развитія этой замѣчательной личности. Фридрихъ-Георгъ Парротъ родился въ 1767 году, въ городкѣ Монбельярѣ, принадлежавшемъ въ то время герцогу Виртембергскому; отецъ его занималъ должность лейбъ-хирурга и инспектора дорогъ. Ребенокъ явился на свѣтъ безъ признаковъ жизни и не подавалъ ихъ такъ долго, что его уже положили въ гробикъ и намѣревались заколотить крышку, но мать все не могла помириться со смертью новорожденнаго и пожелала взглянуть на него еще разъ, и въ ту минуту, когда ей подали ребенка, онъ пошевелилъ губами. Впослѣдствіи Парротъ говорилъ, что онъ дважды обязанъ жизнью своей матери. Парроты были шотландскаго происхожденія, но роднымъ языкомъ Георга-Фридриха былъ французскій; по-нѣмецки онъ началъ говорить, только поступивъ въ монбельярскую гимназію, директоръ которой былъ не только преданный своему дѣлу человѣкъ, но принесъ ему въ жертву и свои силы, и свое здоровье. Этотъ примѣръ самоотверженнаго педагога оказалъ самое благотворное вліяніе на всю жизнь Паррота. Окончивъ гимназію, Парротъ поступилъ въ каролинскую академію въ Штутгардтѣ. Эта академія была основана подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, мирно уживавшихся съ солдатчиной и феодальными предразсудками. Образованіе академія давала двоякое: общее, необходимое для каждаго гражданина міра и честнаго человѣка, и, спеціальное. Учениковъ въ академіи было около 400 и они раздѣлялись на шесть категорій: двѣ первыя состояли изъ дворянскихъ дѣтей. Каждая категорія имѣла особый дортуаръ. Въ концѣ каждаго семестра происходили торжественные экзамены, на которыхъ присутствовалъ самъ основатель академіи, герцогъ Карлъ. Ученикамъ раздавались преміи, и тотъ, кому удавалось взять четыре преміи, получалъ золотой крестъ и званіе chevalier; имѣющіе же званіе кавалера обѣдали за особымъ столомъ съ молодыми принцами, также учениками академіи, и пользовались особымъ покровительствомъ герцога. Изъ біографіи Паррота намъ извѣстно, что онъ ни разу не былъ удостоенъ званія кавалера, можетъ быть, потому-что по желанію отца занимался политической экономіей и гуманными науками, какъ обязательными предметами, имѣя склонность къ естествознанію, которому и отдавалъ свои досуги. Товарищами Паррота по гимназіи и академіи были знаменитый натуралистъ Кювье и извѣстный физикъ Паффе. Изъ біографіи Кювье намъ извѣстно, что онъ читалъ естественную исторію во время уроковъ и тѣмъ навлекалъ на себя гнѣвъ учителей гимназіи. Очень можетъ быть, что Кювье заинтересовалъ естественной исторіей и любознательнаго Паррота. Въ академіи успѣшнымъ занятіямъ естествознаніемъ содѣйствовали и талантливые профессора по этимъ предметамъ, и еще болѣе даровитые сотоварищи, которые образовали даже между собою общество любителей естествознанія. Занятія общества заключались, главнымъ образомъ, въ собираніи и опредѣленіи растеній и животныхъ и въ предприниманіи различныхъ экскурсій. Въ первый же годъ академической жизни Парроту пришлось присутствовать при торжественной встрѣчѣ графа и графини сѣверныхъ (наслѣдника престола Павла Петровича и супруги его Маріи Ѳеодоровны, племянницы герцога Виртембергскаго). На другой же день, графъ и графиня посѣтили академію и Парроту герцогъ предложилъ доказывать въ ихъ присутствіи существованіе Бога. „Я не могу этого доказать“, — сказалъ Парротъ. И великій князь замѣтилъ ему съ нѣкоторымъ ужасомъ: „Неужели вы, молодой человѣкъ, не вѣрите въ Бога?“ Но Парротъ отвѣчалъ, что, напротивъ, онъ глубоко вѣритъ въ существованіе Бога, но сердцемъ.



Среди друзей. Съ картины художника О. Геблера.

Въ 1786 г. Парротъ вышелъ изъ академіи и взялъ мѣсто домашняго учителя во Франціи, въ семействѣ графа Герица, жившаго въ Нормандіи, въ замкѣ Фикенвиль, близъ порта Фекамфа. Разставаніе его съ товарищами по академіи было самое трогательное, особенно завидовалъ ему Кювье, написавшій даже стихи по случаю этого разставанья; молодые академики, какъ видно изъ этихъ стиховъ Кювье, рвались въ то время „въ жизнь, какъ въ бой“. На пути отъ Штудгардта до Нормандіи Парротъ сдѣлался женихомъ одной красавицы, и только крайняя необезпеченность положенія заставила его отложить свадьбу на неопредѣленное время. Жизнь въ семействѣ графа Герица открыла много новаго Парроту, онъ впервые увидѣлъ океанъ. Черезъ два года, однако, Парротъ оставилъ домъ Герица и поспѣшилъ женитьбой, потому что отецъ его невѣсты умеръ; она осталась безъ средствъ и, при своей выдающейся красотѣ, задумала поступить въ актрисы, съ чѣмъ, конечно, не могъ помириться пылкій женихъ. Намѣстникомъ Паррота въ домѣ графа Герица явился Кювье. Парротъ же послѣ свадьбы поселился въ Карлсруэ и содержалъ себя и свое семейство частными уроками математики. Тяжелый трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба не могъ заглушить умственныхъ интересовъ молодого труженика и только давалъ имъ извѣстное направленіе. Еще во время пребыванія своего во Франціи Парротъ написалъ учебникъ ариѳметики, который заслужилъ одобреніе извѣстнаго астронома Лаланда, затѣмъ, онъ издалъ свое сочиненіе „Духъ воспитанія, или катехизесъ отцовъ и воспитателей“, въ которомъ высказалъ очень оригинальныя воззрѣнія на этотъ предметъ. Въ то же время вниманіе его привлекали и другіе теоретическіе вопросы, всегда связанные съ практикой. Замѣтивъ, напримѣръ, какъ вредно отражается маловодье на работѣ водяныхъ мельницъ, онъ написалъ трактатъ объ устройствѣ мельницъ. 1792 г. сестра Паррота, жившая въ гувернанткахъ въ Лифляндіи, пригласила его занять мѣсто домашняго воспитателя въ семействѣ одного лифляндскаго дворянина. И Парротъ принялъ это предложеніе; положеніе его было самое затруднительное; съ больной женой и двумя сыновьями онъ отправился было въ дальній путь, но жена его, находившаяся въ послѣдней степени чахотки, умерла на дорогѣ, оставивъ ему двухъ сыновей, которые были еще такъ малы, что пришлось отдать ихъ на попеченіе бабушкѣ. Мѣсто въ Лифляндіи, о которомъ писала сестра, тѣмъ временемъ было уже занято. Но Парротъ, глубоко огорченный смертью жены и донимаемый нуждою, продолжалъ свои научные труды. Вскорѣ, впрочемъ, ему представилось въ остезейскихъ провинціяхъ другое мѣсто, у графа Сиверса, близъ Вендена. Во время своего пути Балтійскимъ моремъ, Парротъ наблюдалъ устройство и ходъ корабля и защищалъ молодыхъ гувернантокъ-француженокъ отъ грубой любезности пассажировъ, и даже училъ математикѣ одного любознательнаго штурмана. Наша сѣверная природа съ ея бѣлыми ночами произвела сильное впечатлѣніе на Паррота; страстному естество-испытателю открылось новое поле для наблюденій. „Въ природѣ больше простоты, чѣмъ въ людяхъ“, обыкновенно говорилъ Парротъ, объясняя этимъ свою любовь къ естествознанію. Не смотря на свое предпочтеніе природы людямъ, Парротъ не оставлялъ безъ вниманія и послѣднихъ. Поселившись въ новой странѣ, онъ быстро вникнулъ и въ новыя условія окружавшей его жизни; его поразило бѣдственное положеніе крестьянъ Остзейскаго края и жалкое состояніе земледѣлія. Графъ Сиверсъ и многіе просвѣщенные владѣльцы края задавались цѣлью улучшить какъ-нибудь экономическое положеніе крестьянъ и подумывали объ устройствѣ „вольно-экономическаго общества“. Эту мысль носилъ въ душѣ своей и Парротъ, горячо убѣжденный въ томъ, что наука должна служить такъ или иначе къ улучшенію положенія обездоленныхъ. Это убѣжденіе заставило его посвятить всѣ свои силы созданію „вольно-экономическаго общества“ въ Ригѣ. Наконецъ, въ 1796 году, черезъ три года послѣ пріѣзда Паррота въ Лифляндію, оно было открыто, и первымъ секретаремъ его былъ сдѣланъ самъ Парротъ. Въ эти три года онъ потерялъ и оплакалъ отца и вторично женился на лифляндкѣ г-жѣ Шварцъ, связавъ себя кровными узами съ своимъ новымъ отечествомъ. Разумѣется, Парротъ былъ радъ представившейся возможности зажить, наконецъ, своимъ домомъ хотя и на малыя, но все же опредѣленныя средства. Не смотря на энергію, трудолюбіе и талантъ Паррота, оказалось, однако, что не легко примѣнять научныя данныя къ практикѣ, да еще при маломъ знаніи внѣш-

нихъ условій жизни. Парротъ производилъ одинъ за другимъ интересные физическіе опыты, которые служили будущему науки, а нужды крестьянскаго населенія требовали продолжительныхъ и непрерывныхъ усилій. Вскорѣ Парроту открылась и другая дѣятельность, болѣе отвѣчающая его призванію: въ Дерптѣ былъ возстановленъ университетъ. Извѣстно, что Петръ Великій взялъ Дерптъ вмѣстѣ съ другими городами Остзейскихъ провинцій. Лифляндское дворянство, такъ называемое рыцарство, въ 1710 г. подало прошеніе царю съ просьбою о подтвержденіи своихъ правъ и преимуществъ и о возобновленіи университета. Однако, не смотря на полученное согласіе царя, университетъ не только не былъ открытъ, но о немъ какъ будто забыли. Вѣроятно, въ немъ не было никакой надобности. Балтамъ была знакома и открыта дорога въ Германію; съ этой страной ихъ связывали общій языкъ образованныхъ классовъ и религія. Они ѣздили учиться въ германскіе университеты. Если же нехватало своихъ пасторовъ, учителей, медиковъ, то ихъ приглашали изъ-заграницы. Такъ продолжалось до 1798 г., когда императоръ Павелъ вдругъ своей самодержавной властью пресѣкъ всякое сообщеніе Россіи и Остзейскихъ провинцій съ заграницею; молодымъ людямъ строго запрещенно было ѣздить туда учиться. Пришлось просить императора о разрѣшеніи открыть университетъ въ Дерптѣ. Въ 1802 г. университетъ былъ открытъ, ректоромъ его назначенъ Парротъ и вольно-экономическое общество изъ Риги перенесено въ Дерптъ. Въ тотъ же годъ Парротъ впервые увидѣлъ императора, и между ними завязались тѣ знаменательныя отношенія, о которыхъ мы говорили.

Энергія, прямота и желаніе добра ближнему были всегда отличительными чертами Паррота. Отношеніе Паррота къ студентамъ дерптскаго университета не имѣло ничего общаго съ тѣми формальными отношеніями, которыя мы видимъ повсюду теперь. Въ то время заботы о дисциплинѣ въ заведеніи, о тишинѣ и порядкѣ не брали такъ много времени, какъ теперь, и Парротъ былъ истиннымъ отцомъ своихъ студентовъ. Такое участіе отзывалось на нихъ особенно плодотворно, потому что онъ былъ въ то же время талантливымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. Намъ извѣстно, какъ многимъ былъ обязанъ Парроту нашъ знаменитый астрономъ Струве, котораго этотъ живой, доброжелательный и властный человѣкъ отвлекъ отъ занятій филологіей и привлекъ къ астрономіи. Въ 1814 г., въ то время какъ Парротъ такъ жестоко страдалъ, тщетно добиваясь свиданія съ Александромъ Первымъ, Струве началъ свои самостоятельныя наблюденія въ Дерптской обсерваторіи. Книжная, научная и общественная дѣятельность и отрадные ея результаты помогли Парроту перенести это горе, какъ и многое другое тяжелое въ жизни. Въ 1827 году дерптскій университетъ праздновалъ свое двадцатипятилѣтіе. Парротъ былъ въ то время еще бодръ и съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за процвѣтаніемъ научной дѣятельности своихъ учевиковъ, питомцевъ и родныхъ сыновей; старшій сынъ его сдѣлался его помощникомъ, занявъ каѳедру физики въ дерптскомъ университетѣ. Въ томъ же году академія наукъ занялась составленіемъ плана новой обсерваторіи; въ этомъ дѣлѣ принималъ большое участіе бывшій ректоръ, членъ академіи Парротъ. Сынъ его оказалъ большую услугу астрономіи, построивъ подвижную башню въ Дерптской обсерваторіи. Академику Парроту какъ нельзя лучше были извѣстны требованія современной астрономіи, и онъ служилъ посредникомъ между Струве и академіей. Основаніе Пулковской обсерваторіи послѣдовало въ 1838 г.

Семейная жизнь Паррота представляетъ тоже свои особенности; онъ отпраздновалъ со второй женой свою золотую свадьбу и затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ, оплакавъ смерть своей вѣрной подруги, женился въ третій разъ. Онъ умеръ въ глубокой старости, и его ученикъ, въ то время уже знаменитый ученый В. Струве, произнесъ на его могилѣ такую прочувствованную рѣчь, что каждое слово ея глубоко врѣзалось въ памяти присутствовавшихъ.

Бросивъ взглядъ на жизнь Паррота, мы не можемъ не замѣтить, что она въ высшей степени близка къ нормальной жизни человѣка. Мы видѣли, что онъ былъ способенъ глубоко страдать и страдалъ, но эта же способность живо чувствовать обогатила также его жизнь и радостями. Источникомъ его страданій являлись всегда причины, лежащія внѣ его мощной природы, въ то время какъ обожаемый имъ Александръ Первый носилъ въ душѣ своей источникъ своихъ страданій. „Трудно изобразить, — писалъ современникъ его Вигель, — то состояніе, въ которомъ находился Петербургъ въ послѣдніе годы царствованія Александра Перваго. Онъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ... Говорили многіе: „ Чего ему надобно, онъ стоитъ на высотѣ могущества?“

Всякій объяснялъ по своему причину его неутѣшной грусти. И всѣ были правы, потому что, по всей вѣроятности, ему было много причинъ грустить, но всѣ причины были внутренняго происхожденія. Въ противоположность императору, Парротъ носилъ въ душѣ своей причины своихъ многочисленныхъ радостей; онѣ обусловливались, во-первыхъ, сознаніемъ истинности приносимой пользы людямъ, истинности своихъ стремленій и убѣжденій вообще. Императоръ же былъ лишенъ этого сознанія; его душа была настолько истерзана исканіемъ того, въ чемъ должно заключаться истинное благо народа, что, наконецъ, онъ въ изнеможеніи остановился на Аракчеевѣ и рѣшился закрыть глаза на все остальное. Но это дорогой цѣной купленное искусственное спокойствіе было не прочно; каждую минуту приходилось за него дрожать и его оберегать. И въ этомъ заключался весь трагизмъ жизни императора, совершенно чуждый ясной душѣ Паррота.

Е. Литвинова.

ДІЭГО ВЕЛАСКЕЦЪ.

(1599—1899).

ВСЕ средневѣковье Испаніи было сплошнымъ актомъ кровавой борьбы съ маврами. Два народа, глубоко различные по преданіямъ, обычаямъ, языку и религіи, не могли, разумѣется, ужиться мирно на одномъ и томъ-же клочкѣ земли. Началась не война, въ которой взаимный пылъ противниковъ умѣряется общепринятыми условіями международныхъ поединковъ, а настоящая бойня, уничтоженіе одного племени другимъ, борьба за родной кровъ, за долго угнетаемую свободу, за христіанскую католическую вѣру. Этотъ послѣдній стимулъ соединилъ въ себѣ подъ конецъ все остальное. Быть добрымъ испанцемъ и христіаниномъ значило быть католикомъ; не быть католикомъ значило быть мавромъ, или тѣмъ-же, что мавръ. Такъ сложилось народное сознаніе. Голода, моровыя повѣтрія, землетрясенія, столь нерѣдкія въ эпоху среднихъ вѣковъ, дѣлали жизнь ненадежной, поневолѣ обращали мысль на загробное существованіе, порождали массу то уродливо-грубыхъ, то казуистически-тонкихъ суевѣрій и окончательно предавали духъ каждаго испанца въ руки корыстолюбиваго и честолюбиваго духовенства.

Фанатическая привязанность къ католической церкви, а отсюда къ ея первому слугѣ, ставленнику и защитнику отъ внѣшнихъ насилій — королю, окрашивала національнымъ цвѣтомъ всѣ слои испанскаго общества и народа.

Въ Испаніи жива была, однако, струя бодраго народнаго духа и присущее этому духу творчество. Сжатое тяжкимъ гнетомъ суевѣрнаго невѣжества и привычкой къ рабству, оно устремилось по единственному сколько-нибудь свободному руслу—искусства.

Но и здѣсь, какъ должно ожидать, рѣзкими, характерными чертами легли на произведеніяхъ искусства правовѣрный католицизмъ и романтическое, хотя и гордое поклоненіе предъ абсолютизмомъ даже такихъ монарховъ, какъ Филиппы. Въ XV вѣкѣ Испанія не могла еще противопоставить продуктамъ національнаго творчества другихъ странъ ничего имъ равноцѣннаго. Въ ней водворились, въ качествѣ руководителей, нидерландцы ванъ-Эйковской школы.

Нѣсколько самобытнѣе были тогда только сооруженія внутри соборовъ: исполинскіе алтари и окружающія ихъ ограды, статуи и рельефы на сюжеты священнаго писанія. Въ XVI вѣкѣ Италія особенно сильно дѣйствуетъ на изобразительныя искусства Испаніи. Аллонзо Берругвенте носитъ рѣзкіе слѣды вліянія Микель-Анджело и Сансавина, особенно Микель-Анджело: его мощный размахъ и пластическая гармонія колоссальныхъ образовъ стали недосягаемымъ идеаломъ для испанскаго художника. Луисъ-де-Варгасъ и Винценте Хоанесъ перенимали задушевную мягкость Рафаэля, граціозную строгость Леонардо-да-Винчи. Коэльо и Наваррете научились у венеціанцевъ владѣть колоритомъ и тѣмъ окончательно подготовили расцвѣтъ національнаго искусства въ Испаніи. Въ XVII вѣкѣ, послѣ того какъ Рубенсъ и Ванъ-Дейкъ открыли художникамъ всего міра глаза на живую дѣйствительность, испанская школа дала такихъ геніевъ, какъ Мурильо и Веласкецъ.

Донъ Діэго Родригецъ-да-Сильва-и-Веласкецъ родился 6 іюня 1599 года въ Севильѣ. Предки его, съ отцовской стороны, были родомъ изъ Португаліи, но уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ переселились въ Севилью. Склонность къ живописи обнаружилась въ Веласкецѣ весьма рано и ярко и, къ счастью, не встрѣтила осужденія и препятствій со стороны родителей, немедленно отказавшихся отъ первоначальныхъ плановъ относительно мальчика.

Юный Діэго сталъ ученикомъ знаменитаго Герреры старшаго, Herrera el Viejo. Геррера первымъ изъ севильскихъ живописцевъ круто и рѣзко порвалъ со всякимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ и энергично повелъ эмансипацію отнынѣ навсегда обрѣтенной національно-испанской школы. Вспыльчивый до жестокости, нетерпѣливый, необузданный, онъ перенесъ эти черты своего характера на свое дарованіе и его плоды. Онъ любилъ изображать мучениковъ, терзанія преступниковъ, мистическій ужасъ видѣній апокалипсиса. Но, со всѣмъ тѣмъ, Геррера обладалъ качествами настоящаго художника, создавшаго „Послѣдній судъ“ и „Св. Василія, диктующаго свое ученіе“: замѣчательно правильнымъ и свободнымъ рисункомъ, энергическимъ колоритомъ, всегда гармоничнымъ, не смотря на его могучую простоту, яснымъ пониманіемъ свѣтописи.

Художника обвинили въ чеканкѣ фальшивыхъ монетъ; онъ скрывался отъ галеръ въ монастырѣ св. Герменчильды, пока, въ 1824 г., Филиппъ IV не возвратилъ ему свободы. Характеръ его, благодаря всѣмъ этимъ испытаніямъ, до того обострился, что жена ушла отъ него, дочь сбѣжала въ монастырь, младшій сынъ (Herrera el Mozo) скрылся въ Италію. Оставленный близкими, ожесточенный до послѣднихъ предѣловъ, Геррера умеръ въ Мадридѣ въ 1654 г.

Легко себѣ представить, какъ чувствовали себя ученики Герреры. И Веласкецъ, пробывъ у него около года, не выдержалъ постоянныхъ дерзостей, жестокостей, а весьма нерѣдко и насилій со стороны своего маэстро, и перешелъ къ другому художнику, а именно Франциску Пачеко, пламенному пропагандисту и защитнику чисто-итальянской живописи.

Живописецъ, поэтъ, писатель — ревностный католикъ, Пачеко отличался холоднымъ, догматическимъ, консервативнымъ умомъ. Въ своей книгѣ: „Del arte de la pintura“ („Объ искусствѣ живописи“), въ отдѣлѣ эстетики, онъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что творческое вдохновеніе художника совершенно излишне, даже грѣшно, и предлагаетъ рядъ неизмѣнныхъ формъ, для обработки религіозныхъ сюжетовъ и композицій изъ священной исторіи. „Не должно имѣть искусство иной цѣли, пишетъ онъ: кромѣ какъ возбуждать въ людяхъ благочестивые помыслы и вести ихъ къ подножію престола вся Создавшаго...“ Словомъ, текстъ для него былъ всѣмъ, творчество — ничѣмъ. Самъ онъ довольно неудачно подражалъ Рафаэлю.

Нельзя сказать, слѣдовательно, чтобы замѣна Герреры Пачеко была выгодна для Веласкеца, какъ художника. Но геніальные люди слишкомъ самобытны, цѣльны и оригинальны въ своемъ творчествѣ, чтобы серьезно поддаться какимъ-бы то ни было вліяніямъ. И Веласкецъ, не обращая никакого вниманія на догматическій мистицизмъ своего учителя, упорно слѣдовалъ своей собственной системѣ художественнаго образованія: писалъ массу этюдовъ съ натуры, вглядывался въ жизнь и тщательно, кропотливо изучалъ природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, стремясь оживить и передать на полотнѣ мельчайшія детали своей модели. Въ немъ уже сказался навѣянный пребываніемъ у Герреры натурализмъ.

Первыя работы Веласкеца относятся къ періоду отъ 1618 по 1623 гг. Это—„El Aguador de Sevilla“ („Севильскій водоносъ“), подаренный Фердинандомъ VIII Веллингтону, „Поклоненіе пастырей“ (въ National Gallery) и „Поклоненіе царей“ (Мадридскій музей). Здѣсь довольно ясно обозначилось вліяніе Герреры, Рибейры, Луиса Тристана, а особенно учителя Тристана, Доменико Эль-Греко.

Еще въ 1618 году Веласкецъ женился на дочери Пачеко, Жуанѣ де-Миранда, ставъ изъ ученика зятемъ своего маэстро, который, впрочемъ, ничего не прибавилъ, какъ мы видѣли, къ вынесеннымъ Веласкецомъ отъ Герреры познаніямъ и послужилъ только чѣмъ-то въ родѣ смягчающаго дикій натурализмъ послѣдняго элемента. Въ 1622 году, по совѣту тестя, Веласкецъ отправился въ Мадридъ, съ рекомендаціями къ Донъ-Жуану Фонсека, главному канонику Севильи и духовнику короля. Фонсека принялъ участіе въ молодомъ художникѣ и представилъ его всемогущему первому министру, графу-герцогу д'Оливарецу, съ просьбой доставить Веласкецу честь написать портретъ Филиппа IV. Герцогъ обѣщалъ; но различныя обстоятельства не позволили ему выполнить обѣщаніе, и Веласкецъ, написавъ портретъ знаменитаго тогда поэта Гонгоры и изучивъ живопись королевской картинной галлереи, вернулся ни съ чѣмъ въ Севилью. А въ концѣ 1623 г. письмо д'Оливаренца снова вызвало его въ Мадридъ. Тамъ онъ написалъ портретъ Фенсеки, показанный и понравившейся королю, и былъ тотчасъ-же принятъ по королевскую „службу“ въ качествѣ придворнаго живописца. Къ этому времени относится первый портретъ Филиппа IV, на конѣ, въ латахъ вороненой стали (портретъ сгорѣлъ, и до насъ дошелъ только эскизъ), и портретъ инфанта Донъ-Карлоса. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ картинъ на сюжеты изъ охотничьей жизни XVII столѣтія, въ родѣ „Охоты на оленя“ и „Охоты въ Гойо“, и большое число panneaux для стѣнъ королевской залы nature morte, преимущественно, трофеевъ охоты.

Желая ознаменовать чѣмъ-нибудь память объ эдиктѣ, которымъ его отецъ осудилъ на изгнаніе изъ Испаніи послѣдніе остатки мавровъ, Филиппъ IV устроилъ въ 1627 г. состязаніе между придворными живописцами. Висентъ Кардухо, Евгеній Каксесъ, флорентинецъ Анджело Нарди и, наконецъ, Діэго Веласкецъ получили каждый приказаніе прославить дѣяніе Филиппа III въ соотвѣтствующей картинѣ. Наградой достойнѣйшему былъ титулъ камеръ-юнкера короля, и достался Веласкецу. Къ несчастью, его „Изгнаніе мавровъ“ погибло въ пожарѣ 1734 г., уничтожившемъ Альказаръ.

Между 1628 и 1629 годами Веласкецъ закончилъ столь знаменитое „Общество питуховъ“, болѣе извѣстное подъ именемъ „Бахуса“ или „Пьяницъ“. За исключеніемъ названія, взятаго Веласкецемъ, быть можетъ, въ насмѣшку изъ миѳологіи, эта картина дышетъ чистѣйшимъ реализмомъ и по концепціи, и по колориту. Здѣсь замѣтно уже все протяженіе эволюціи, которая совершится въ манерѣ Веласкеца видѣть, чувствовать и наблюдать природу; здѣсь видна рука мастера, водворившаго принципы натурализма въ испанской живописи.

Въ слѣдующемъ, 1628 году совершились два крупныя событія въ жизни Веласкеца. Въ августѣ прибылъ въ Мадридъ Рубенсъ, въ качествѣ посланника отъ Изабеллы-Евгеніи, правительницы Нидерландовъ, и сдѣлался на нѣсколько мѣсяцевъ гостемъ Веласкеца. Художники работали въ одной и той-же мастерской, вмѣстѣ посѣщали королевскія картинныя галлереи, тогда уже богатыя шедеврами различныхъ школъ. Тѣсная дружба, почти тотчасъ связавшая ихъ обоихъ, въ связи съ рядомъ работъ, сдѣланныхъ Рубенсомъ за время пребыванія въ Мадридѣ, даютъ право предполагать, что великій фламандецъ оказалъ нѣкоторое вліяніе на Веласкеца хотя-бы въ смыслѣ наблюденія надъ моделью. Однако, во всѣхъ послѣдующихъ за отъѣздомъ Рубенса картинахъ Веласкеца этого вліянія нѣтъ и слѣда. Оно выразилось въ иной, гораздо болѣе плодотворной формѣ: Рубенсъ, опираясь на собственный опытъ, посовѣтовалъ своему молодому хозяину отправиться въ Италію и тамъ, на мѣстѣ, изучить произведенія великихъ мастеровъ прошедшаго. Веласкецъ оцѣнилъ и немедленно привелъ въ исполненіе этотъ совѣтъ друга. Таково второе, дѣйствительно, важное событіе въ жизни Веласкеца—его путешествіе въ Италію.

Венеція была первымъ городомъ, который посѣтилъ Веласкецъ. Здѣсь Тиціанъ привелъ его въ этузіазмъ, Веронезъ восхитилъ его, но наибольшій восторгъ онъ обнаружилъ предъ работами Веронеза, сдѣлавъ даже копіи съ „Распятія“ и „Тайной вечери“.

Затѣмъ чрезъ Феррару и Болонью онъ прибылъ въ Римъ, пробылъ около года, изучая антики, Рафаэля и Микель-Анджело. Онъ жилъ на виллѣ Медичи и написалъ съ ея окрестностей два изящныхъ этюда. Здѣсь-же была начата „Кузница Вулкана“.

За исключеніемъ колорита, ни одна сторона художественной личности Веласкеца не претерпѣла особенныхъ измѣненій подъ вліяніемъ итальянскихъ и венеціанскихъ мастеровъ.

По характеру мало склонный ко всему отвлеченному, Веласкецъ обнаруживалъ непреодолимое отвращеніе ко всякой формулѣ, пытающейся схватить тѣсными рамками живую жизнь; онъ ничего не видитъ, ничего не ищетъ внѣ природы; онъ не понимаетъ „чистаго“ идеализма, и даже въ грезахъ хочетъ уловить дѣйствительность, съ ея движеніемъ, вѣчнымъ разнообразіемъ и то ужасающими, то комическими контрастами. И въ „Кузницѣ Вулкана“, какъ въ „Бахусѣ“ и другихъ своихъ миѳологическихъ и аллегорическихъ композиціяхъ, Веласкецъ, не заботясь о философскомъ и мистическомъ значеніи сюжета, видитъ не болѣе, какъ видѣнную и пережитую сцену, и, изображая циклоповъ, вспоминаетъ о кузнецахъ Севильи и Мадрида. Его „Меркурій“, „Богъ Марсъ“, его фигуры Менинпа и Эзопа особенно рѣзко подчеркиваютъ его насмѣшливую натуру андалузца: Олимъ, кажется, постоянно заставляетъ его улыбаться.

Познакомившись лично въ Неаполѣ съ Рибейрой, Веласкецъ въ 1631 году вернулся въ Мадридъ. Здѣсь онъ написалъ портреты Филиппа IV и инфанта дона Балтазара Карлоса. А съ 1639 года началась для него эпоха особенно мощной творческой работы. Художникъ свободно располагалъ тогда уже всѣми силами своего оригинальнаго, свободнаго таланта. „Христосъ на крестѣ“, портреты герцога Моденскаго, адмирала Парейи, д'Оливареца, „Аллея королевы“, „Сады на островѣ“, портреты короля, Филиппа III, Маргариты Австрійской, Елисаветы Валуа, наконецъ, изображенія карликовъ и шутовъ, сдѣланныя для развлеченія скучающаго

короля, — всѣ эти замѣчательныя произведенія слѣдуютъ одно за другимъ почти непрерывно вплоть до 1647 года, когда появилась его грандіозная композиція „Сдача Бреды“, или „Копья“.

Сюжетъ этой великолѣпной картины былъ подсказанъ Веласкецу самимъ покорителемъ Бреды, маркизомъ Спинолой. — На огромной, на половину затопленной равнинѣ передъ Бредой, дымящіяся развалины которой видны на горизонтѣ, среди каналовъ, траншей, осадныхъ сооруженій и длинныхъ рядовъ сѣрыхъ палатокъ выстроилась, точно для битвы или парада, испанская армія. Всюду вѣютъ ея бѣлые, розовые и голубые значки и знамена. Направо, ближе къ центру картины, щетинятся, точно лѣсъ мачтъ, тѣ высокія копья, что дали имя и самой работѣ Веласкеца. На первомъ планѣ группируется свита обоихъ полководцевъ, испанскаго и голландскаго; Жюстинъ Нассаускій, склоняясь предъ испанцемъ, вручаетъ ему крѣпостные ключи, которые тотъ принимаетъ съ обнаженной головой, разсыпаясь въ нелицемѣрныхъ похвалахъ храбрости защитниковъ. Таково, приблизительно, содержаніе этой исторической по своему значенію для испанской живописи картины.

Съ 1649 по 1651 годы, Веласкецъ совершилъ свое второе путешествіе по Италіи. Цѣлью его было пріобрѣтеніе картинъ и статуй для украшенія Альказара. Въ Римѣ Веласкецъ написалъ свой знаменитый „Портретъ папы Иннокентія X“ и, законтрактовавъ на королевскую службу нѣсколько архитекторовъ-художниковъ, вернулся въ Испанію. Король Филиппъ IV, оставивъ его завѣдывать всѣми работами по отдѣлкѣ Альказара, далъ ему почетное званіе „apostentador“, иначе гофмейстера. Эта должность сопряжена была съ довольно хлопотливыми и утомительными занятіями: сопровождать короля во всѣхъ путешествіяхъ, заботиться объ его квартирѣ и т. п. Но за-то здѣсь открывался просторъ художественнымъ наклонностямъ Веласкеца, вылившимся въ цѣломъ рядѣ чудесно осуществленныхъ декоративныхъ замысловъ. Нельзя думать, что всѣ эти новыя обязанности дурно отозвались на творчествѣ Веласкеца, если принять во вниманіе „Фабрику ковровъ“, или „Ткачихъ“, и „Вѣнчаніе Дѣвы“, написанныхъ имъ, кромѣ большого числа портретовъ, въ эту эпоху. Сюда-же относится и „Въ мастерской художника“ („Les Meninеs“). „Ткачихи“ и „Въ мастерской художника“ служатъ выраженіемъ послѣдней стадіи развитія таланта Веласкеца. Отрываемый постоянно отъ работы и поставленный вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимость удовлетворять прихотливымъ требованіямъ капризнаго монарха, Веласкецъ достигъ той удивительной смѣлости и размаха въ рисункѣ, которую его современники называли „tanera abreviada“, а мы назовемъ импрессіонизмомъ, и притомъ могучимъ, дающимъ возможность однимъ геніальнымъ штрихомъ сказать больше, чѣмъ иногда цѣлой картиной.

Въ 1660 году Веласкецъ имѣлъ случай развернуть во всю ширь свои таланты декоратора и архитектора — на свадьбѣ Людовика XIV съ инфантой Маріей-Терезіей. На островѣ Фановъ былъ воздвигнутъ цѣлый дворецъ, причемъ одна половина комнатъ была меблирована по испанской, а другая по французской модѣ. Осыпанный милостями обоихъ монарховъ, Веласкецъ не вынесъ, однако, напряженной до послѣдней степени работы и по прибытіи въ Мадридъ серьезно заболѣлъ. Онъ уже началъ выздоравливать, когда жестокій приступъ внезапно возобновившейся лихорадки окончательно подорвалъ его слабыя силы. На 61 году отъ рожденія, 6 августа 1660 года, скончался Діэго Веласкецъ. А недѣлю спустя за нимъ послѣдовала въ могилу и его жена.

Говорить о громадномъ значеніи Веласкеца въ исторіи искусства и культуры значило-бы выходить изъ рамокъ настоящей замѣтки. Скажемъ только, что его вліяніе отразилось не только на его ученикахъ и на такомъ геніи, какъ Мурильо, но отражается и будетъ отражаться на многихъ и многихъ современныхъ намъ художникахъ, не смотря на трехсотлѣтній промежутокъ, отдѣляющій нашу дѣйствительность отъ времени Веласкеца.

П. К.

Въ осадномъ положеніи. Съ картины художника Л. Гофмана-Цейтца.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общественное мнѣніе въ Англіи, какъ можно заключить изъ отзывовъ большинства лондонскихъ газетъ, нисколько не сочувствуетъ войнѣ съ Трансваалемъ, которую считаетъ не только неудобною, но и не безопасною для англичанъ, рискующихъ подвергнуться участи сподвижниковъ Джемсона. Буры доказали уже много разъ свое умѣнье отстаивать неприкосновенность своей родины силою оружія; но, независимо отъ ихъ личной храбрости, Англіи пришлось бы считаться и съ вѣрными друзьями буровъ въ самой Капской землѣ. Противъ вызывающаго образа дѣйствій Чемберлэна высказывается общественное мнѣніе даже и въ Австраліи, гдѣ происходили митинги, постановившіе резолюціи свои въ томъ смыслѣ, что уитлэндеры, какъ люди пришлые, должны подчиниться законамъ страны. Въ рядахъ оппозиціи заносчивость министра колоній безусловно осуждается. Предводитель ея, сэръ Кэмпбль-Баннерманъ, какъ сообщаютъ въ газету „Temps“, заявилъ въ одномъ собраніи по поводу отношеній Англіи къ Трансваалю, что нѣтъ никакихъ основаній ни для политики угрозъ, ни для военныхъ приготовленій. „Нынѣшняя ссора наша съ бурами въ высшей степени нелѣпа, — сказалъ глава оппозиціонной партіи.—Она нелѣпа уже потому, что мы не имѣемъ не только права, но и повода сердиться на буровъ за то, что они не обнаруживаютъ желанія превращать англичанъ въ трансваальцевъ. Коль скоро мы совершенно чужды всякаго стремленія завладѣть Трансваалемъ, то намъ нечего и безпокоиться о томъ, что британскіе подданные въ этой странѣ останутся англичанами. Блюмфонтенское свиданіе не имѣло успѣха съ нашей точки зрѣнія, но вѣдь съ тѣхъ поръ президентомъ Крюгеромъ были сдѣланы новыя уступки. Онъ заявилъ, что останется въ границахъ своихъ предложеній и не выйдетъ изъ нихъ ни подъ какимъ предлогомъ; но изъ этого намъ все-таки не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе и отказаться отъ всякой надежды добиться того, что намъ нужно, путемъ мирныхъ переговоровъ“.

Герой Фашоды, капитанъ Маршанъ, объ экспедиціи котораго мы сообщали въ одномъ изъ „Полит. обозрѣній“, прибылъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ громкими манифестаціями.

Въ настоящее время Маршана привѣтствуетъ его родной городъ Туассэ, почтившій своего соотечественника банкетомъ, на которой собралось болѣе тысячи гражданъ.

Отвѣчая на шумныя изліянія восторга застольныхъ ораторовъ, сравнившихъ по свойственной привычкѣ къ преувеличенію подвигъ Маршана съ дѣяніями Сципіона въ Африкѣ и нашедшихъ, что капитанъ французской арміи Маршанъ превзошелъ даже послѣдняго Маршанъ отвѣтилъ застольнымъ тостомъ:

„Прежде всего, — сказалъ Маршанъ, — я желалъ бы выразить мою благодарность населенію Туассэ. Я желалъ бы отсюда, изъ нѣдръ моей маленькой родины, привѣтствовать великую обожаемую Францію возгласомъ честнаго солдата, въ лицѣ котораго она чествовала свой патріотизмъ и свое довѣріе къ арміи. (Восторженные крики: да здравствуетъ армія!)

Памятникъ л.-гв. сапернаго баталіона.

„Благодаря населенію Туассэ, я присутствую при величественномъ зрѣлищѣ, я вижу, что всѣ партіи, всѣ классы общества объединяются въ одномъ чувствѣ глубокой солидарности и гуманности. Объ этомъ-то единеніи я и желалъ бы сказать нѣсколько словъ.

„Какъ сынъ народа, какъ сынъ рабочаго, я имѣю право сказать, что въ нильской миссіи участвовали представители всѣхъ классовъ.

„Въ лицѣ Баратье—высшее сословіе, въ моемъ — народъ стремились къ одной великой цѣли: къ преуспѣянію нашей родины.

„Каковы-бы ни были убѣжденія офицеровъ, ихъ долгъ — поддерживать правительство и свободныя учрежденія, которыя введены во Франціи.

„Я вспоминаю, что въ день моего пріѣзда я видѣлъ статью, подъ заглавіемъ: „Будемъ чествовать Фашоду!“ Нѣтъ, не надо чествовать Фашоду, такъ какъ Фашода, это пораженіе! (Возгласы: нѣтъ! нѣтъ! неправда!)

„Да, вы чествуете пораженіе, мы побѣжденные! (нѣтъ, нѣтъ, да здравствуетъ Маршанъ!)

„Почему-же мы были побѣждены? Потому, что мы отказались отъ нашей задачи, а намъ пришлось отъ нея отказаться потому, что Франція была разъединена.

„Я не желаю говорить о политикѣ, но я думаю, что наши политическіе дѣятели принуждены были отдать Фошоду въ виду того, что Франція была ослаблена внутренней рознью.

„Ахъ, господа, объединимся! Между нами не должно быть розни, когда дѣло идетъ о внѣшнихъ интересахъ. И здѣсь, и въ Парижѣ я призывалъ къ объединенію. Всѣ французы — ваши братья, и между ними нѣтъ нашихъ враговъ. Если вы хотите бороться съ врагами, то не ищите ихъ здѣсь, ищите ихъ за предѣлами нашей родины!

„Я говорю, вѣроятно, въ послѣдній разъ. Я призываю къ соглашенію, къ единенію. И я кончаю рѣчь, провозглашая тостъ за Францію, за армію, за объединенную родину! Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ армія, да здравствуетъ республика!“

Выставка художественныхъ работъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Согласно Высочайшему повелѣнію 6-го мая 1899 года, разсмотрѣнію коммиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки подлежатъ, между прочимъ, вопросы:

1. О замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями;
2. Объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ;
3. О переустройствѣ каторги и послѣдующаго за ней поселенія;
4. Объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири;
5. Объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и каратель-ныхъ.

Признавая, что для достиженія необходимой полноты и всесторонности въ обсужденіи этихъ вопросовъ, имѣющихъ важное государственное и общественное значеніе, было бы весьма полезно воспользоваться свѣдѣніями, указаніями и предположеніями лицъ, какъ теоретически изучившихъ эти вопросы, такъ равно практически знакомыхъ съ ихъ постановкою въ Россіи и заграницей, предсѣдатель коммиссіи доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что коммиссія съ благодарностью и вниманіемъ приметъ всякаго рода сообщенія, которыя могли бы быть ей сдѣланы по вышеуказаннымъ предметамъ.

Сообщенія эти, форма и объемъ которыхъ всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія состави-

телей, должны быть доставляемы на имя управляющаго дѣлами коммиссіи, начальника главнаго тюремнаго управленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Петровича Саломона, по адресу: С.-Петербургъ, главное тюремное управленіе.

Въ составъ Высочайше учрежденной, 6 мая сего года, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, коммиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки назначены: сенаторы, тайные совѣтники, Таганцевъ и Фойницкій, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, въ должности шталмейстера Саломонъ и члены консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, тайный совѣтникъ Мѣщаниновъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Чаплинъ; отъ министерства внутреннихъ дѣлъ — товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ должности шталмейстера князь Оболенскій; отъ министерства финансовъ — товарищъ министра финансовъ, тайный совѣтникъ Коковцовъ и отъ государственнаго контроля—членъ совѣта государственнаго контроля, тайный совѣтникъ Тычино.

Кромѣ того, въ засѣданіяхъ коммиссіи на правахъ членовъ оной будутъ принимать участіе по особымъ приглашеніямъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся другихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, представители: министерства Императорскаго Двора — чиновникъ особыхъ порученій при Кабинетѣ Его Величества, въ званіи камергера, Дурасовъ; министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—товарищъ министра, тайный совѣтникъ баронъ Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ; министерства путей сообщенія—директоръ канцеляріи министра путей сообщенія, тайный совѣтникъ Ермоловъ; военнаго министерства — помощникъ начальника главнаго военно-суднаго управленія, заслуженный профессоръ Александровской военно-юридической академіи, генералъ-майоръ Лузановъ; морского министерства — главный военно-морской прокуроръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Виноградовъ, и государственной канцеляріи—помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дерюжинскій.

Управленіе дѣлами коммиссіи Высочайше возложено на начальника главнаго тюремнаго управленія, съ сосредоточеніемъ въ семъ управленіи дѣлопроизводства коммиссіи.

Въ первомъ засѣданіи коммиссіи, 3-го іюня, былъ разсмотрѣнъ подробный перечень вопросовъ, вытекающихъ изъ возложенной на нее Высочайшимъ повелѣніемъ, 6-го мая сего года, задачи. При этомъ коммиссія опредѣлила, въ какой очереди и въ какомъ порядкѣ должны быть разрѣшены эти вопросы, и постановила, что прежде всего надлежитъ разработать предположенія объ отмѣнѣ ссылки судебной и по непринятію обществами послѣ наказанія, а также о переустройствѣ каторги. Опредѣливъ, затѣмъ, какіе матеріалы, кромѣ имѣющихся уже на лицо, надлежитъ собрать и подготовить для этихъ работъ въ теченіе лѣта, коммиссія рѣшила возобновить свои засѣданія послѣ каникулярнаго времени, осенью сего года.

Къ событіямъ во Франціи. — Проѣздъ Лубэ.

— Министерство народнаго просвѣщенія сообщило всѣмъ учебнымъ округамъ для руководства, что, согласно разъясненію св. синода, дѣти раскольниковъ и сектантовъ, обучающіяся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства, должны изучать Законъ Божій у православнаго законоучителя и подвергаться испытанію въ этомъ предметѣ наравнѣ съ православными учениками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ обязательномъ изученіи Закона Божія, дѣти этихъ лицъ должны аттестоваться соотвѣтственными баллами, какъ въ теченіе года, такъ и на экзаменахъ, причемъ баллъ по Закону Божію долженъ выставляться также и въ аттестатахъ и увольнительныхъ свидѣтельствахъ.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ собранъ матеріалъ, необходимый для окончательнаго разрѣшенія вопроса о введеніи земства въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Работы организованной по этому вопросу коммиссіи при министерствѣ уже подходятъ къ концу.

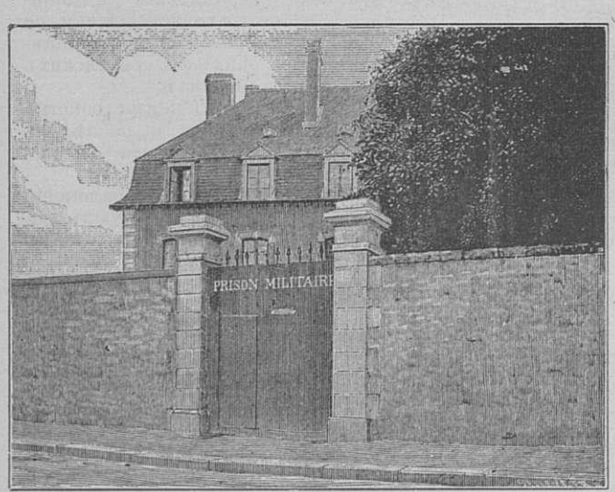
— Экзамены въ испытательныхъ коммиссіяхъ при с.-петербургскомъ университетѣ уже закончены, и въ настоящее время выдаются выдержавшимъ испытанія временныя свидѣтельства. Экзамены эти дали слѣдующіе результаты. Въ юридическую коммиссію было подано прошеній 333; удостоены диплома первой степени 89 человѣкъ,— диплома второй степени 189 человѣкъ, а 12 вовсе не приступало къ экзаменамъ. Въ физико-математическую коммиссію, по разряду естественныхъ наукъ, подано было прошеній 51, а окончили 38 человѣкъ; по разряду же математическихъ наукъ подвергались испытанію 24 человѣка, а выдержали 22. Въ историко-филологической коммиссіи изъ 28 подавшихъ прошенія получили дипломы 26. Въ коммиссію восточныхъ языковъ подано было прошеній 26, выдержали испытанія 22 и одинъ не приступалъ къ экзамену.

— Пушкинская юбилейная выставка, устроенная въ Петербургѣ, по почину Высочайше утвержденной при Императорской академіи наукъ коммиссіи по предмету чествованія столѣтней памяти А. С. Пушкина, оставалась открытою для публики съ 16 по 31 мая, за исключеніемъ 26 числа. Кромѣ воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній, допускавшихся безплатно, выставку осматривали 4,733 лица, что дало чистаго дохода 473 руб. 30 коп.; каталоговъ и другихъ предметовъ продано на 503 руб. 40 коп. Въ общемъ, выставка дала дохода 976 руб. 70 коп., которые и обращены въ капиталъ, собираемый на сооруженіе памятника Пушкину въ Петербургѣ. Всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ выставкѣ присылкою на нее принадлежащихъ имъ предметовъ, а равно трудами по устройству, Августѣйшій Предсѣдатель пушкинской юбилейной коммиссіи выражаетъ Свою искреннюю благодарность.

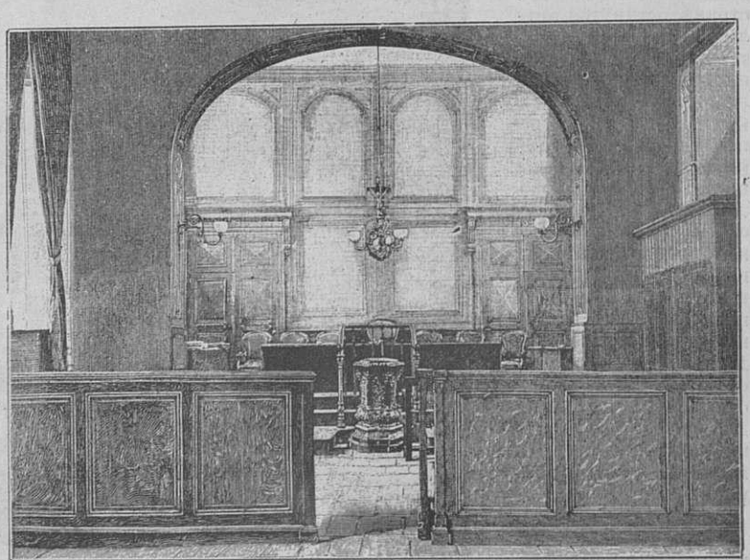
— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ,—по словамъ „Моск. Вѣд.“, — на одобреніе мысли объ учрежденіи въ Москвѣ женскаго медицинскаго института и на разрѣшеніе сбора пожертвованій съ этою цѣлью, чтобы всѣ собираемыя суммы, впредь до открытія института, находились въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

— Въ Петербургѣ, по иниціативѣ столичныхъ типографовъ, въ скоромъ времени открывается постоянный музей печатнаго искусства, въ которомъ будутъ собраны образцы работъ и машинъ и другіе предметы изъ области типо-цинко-хромолитографіи.

— Правленіемъ владикавказской желѣзной дороги предполагается вести линію Ца-



Военная тюрьма въ Реннѣ.



Зала военнаго суда въ Реннѣ.

рицинъ—Челябинскъ уже не на Орскъ, а отъ Оренбурга на преображенскіе и магнитные заводы. Линія эта сооружается съ цѣлью вывоза сибирскаго хлѣба заграницу по Черному морю; длина ея 1,552 версты; годовой грузооборотъ предполагается въ 100.000,000 пудовъ.

— 9 іюня начались земляныя работы одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ желѣзнодорожной линіи Кіевъ—Полтава. Работаетъ около 4,000 подводъ и около 5,000 грабарей; руководятъ работами 20 инженеровъ; наблюдаютъ 12 врачей санитарнаго надзора. Сегодня началась прокладка просѣки въ казенномъ лѣсу, близъ Кіева, на протяженіи 10 верстъ. Сооруженіе полотна подвигается быстро; во второй половинѣ лѣта начнется укладка рельсъ подъ рабочіе поѣзда. Въ серединѣ лѣта начнется постройка станціонныхъ зданій. Дорога откроется къ концу 1900 года. Длина дороги Кіевъ— Полтава 318 верстъ. Строитъ кіево-воронежская дорога.

— Въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ приступлено къ разработкѣ спеціальныхъ законоположеній, относящихся къ обязательному охраненію полезныхъ перелетныхъ птицъ отъ массоваго ихъ истребленія на перелетныхъ пунктахъ.

— Со стороны министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало разъясненіе, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20 декабря 1871 г. учители приготовительныхъ классовъ, неимѣющіе права на преподаваніе въ основныхъ классахъ гимназій или прогимназій, пользуются по службѣ и по пенсіи правами, одинаковыми съ учителями уѣздныхъ училищъ. Въ виду этого учителями приготовительнаго класса гимназій и прогимназій могутъ быть опредѣляемы лишь лица, имѣющія, по крайней мѣрѣ, званіе учителя уѣзднаго училища.

— Въ текущемъ году въ институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I будутъ приняты 100 человѣкъ на 1-й курсъ, 10 — на 2-й и — 5 на 3-й. Къ конкурснымъ экзаменамъ на 1-й курсъ будутъ допущены только лица, имѣющія въ аттестатѣ зрѣлости или въ свидѣтельствѣ объ окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи въ среднемъ выводѣ не менѣе четырехъ балловъ. Лица, окончившія высшія учебныя заведенія, на 1-й курсъ совершенно не будутъ приниматься; на 2-й же и на 3-й курсы будутъ приняты по конкурснымъ экзаменамъ только окончившіе математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета по первому разряду. Конкурсныя испытанія начнутся 16 августа.

— На предстоящемъ въ Петербургѣ съѣздѣ зубныхъ врачей и докторовъ будетъ возбужденъ вопросъ объ обязательномъ требованіи отъ лицъ, поступающихъ для изученія зубоврачебнаго искусства, свидѣтельства объ окончаніи курса не менѣе четырехъ классовъ гимназіи, и о сокращеніи нѣкоторыхъ правъ практикующихъ въ настоящее время дантистовъ, среди которыхъ имѣется не мало лицъ безъ всякаго образованія. Попутно съ этимъ вопросомъ будетъ обсуждаться вопросъ объ уничтоженіи порядка полученія званія дантистовъ путемъ приписки и практики лицъ, изучающихъ зубоврачебное искусство въ кабинетахъ дантистовъ. Такъ какъ дантисты въ послѣднее время, въ особенности въ провинціи, поставили это дѣло на коммерческую почву и, не смотря на ограниченную ихъ практику, далеко недостаточную для обученія своихъ учениковъ, приписываютъ, за опредѣленную сумму денегъ, неограниченное число учениковъ.

— Совѣтомъ спеціальныхъ классовъ Ларишаго института восточныхъ языковъ объявлены двѣ темы на соисканіе премій имени Д. Г. Кананова: „Сводъ и классификація свѣдѣній, сообщаемыхъ арабскими писателями объ Арменіи и армянахъ до конца XIV вѣка, съ критическимъ комментаріемъ представляемаго матеріала“ и „Матеріалы по обычному праву современныхъ армянъ“. Сочиненія могутъ быть представлены на одномъ изъ языковъ—армянскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. За лучшее сочиненіе по каждой изъ темъ будетъ присуждена совѣтомъ премія въ размѣрѣ 600 р. Срокъ представленія сочиненія — не позднѣе 7 августа будущаго года.

Маршанъ.

— „Кур.“ сообщаетъ, что группа извѣстныхъ московскихъ благотворителей открываетъ въ Москвѣ новое общество „улучшенія участи женщинъ“, которое ставитъ своей задачей борьбу съ развратомъ. Съ этой цѣлью общество предполагаетъ принимать падшихъ женщинъ, желающихъ оставить свой промыселъ, на свое попеченіе, устраивать для нихъ пріюты и убѣжища и пріискивать имъ занятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общество будетъ устраивать библіотеки, публичныя лекціи и чтенія, школы, мастерскія, общежитія, кассы взаимопомощи, выставки, продажи женскихъ рукодѣлій и проч. Предположено также издавать брошюры по вопросамъ, преслѣдуемымъ обществомъ.

— Гидрографической экспедиціей Тихаго океана составлена и представлена въ главное гидрографическое управленіе морского министерства карта береговъ Татарскаго пролива и острова Сахалина; при этомъ, между прочимъ, оказалось, что въ расположеніи берега на существующихъ картахъ, составленныхъ во времена Невельскаго, есть нѣкоторыя неточности, противорѣчащія дѣйствительности.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія разрабатывается вопросъ о расширеніи курса преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ.

— Далеко по ту сторону Урала, въ одной изъ наиболѣе заселяемыхъ переселенцами мѣстностей Тобольской губерніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовался небольшой переселенческій поселокъ, наименованный, въ честь нашего величайшаго поэта, Пушкинскимъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже около 5 лѣтъ, новоселы обзавелись своимъ хозяйствомъ, укрѣпились на мѣстѣ и стали мечтать о томъ, о чемъ мечтаютъ и чего жаждутъ переселенцы столькихъ другихъ поселковъ въ Сибири, т.е. о церкви и школѣ. Но не таковы достатки сибирскихъ крестьянъ-переселенцевъ, чтобы съ ними одними приступать къ постройкѣ церкви или школы. При всемъ страстномъ желаніи переселенцевъ соорудить въ своемъ поселкѣ эти постройки, они могутъ помочь дѣлу только своимъ трудомъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ небольшими денежными суммами. Въ такомъ же положеніи и населеніе пос. Пушкинскаго. Оно готово всѣми силами способствовать постройкѣ у нихъ школы и церкви, но денегъ на это не имѣетъ. Въ эти дни, когда вся Россія съ такимъ благоговѣніемъ чтитъ память своего національнаго поэта, какъ своевременно и какъ желательно было-бы собрать хотя небольшую сумму на устройство сельской школы имени поэта въ посвященномъ ему сибирскомъ поселкѣ. Какимъ прекраснымъ памятникомъ Пушкину была бы эта школа на нашей далекой окраинѣ, служа въ ней очагомъ и разсадникомъ просвѣщенія, для пользы котораго такъ много ратовалъ нашъ великій поэтъ. Пожертвованія на „Пушкинскую“ школу въ Сибири принимаются въ канцеляріи комитета министровъ: С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ.

Встрѣча Маршана.

— Петербургскимъ ювелиромъ Э. Шубертомъ выпущены серебряные жетоны въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. Жетоны очень изящной работы и продаются по весьма недорогой цѣнѣ —

— Департаментомъ народнаго просвѣщенія, какъ сообщаютъ „Пет. Вѣд.“, разъяснено, что законъ о зачетѣ платы за ученіе при переходѣ учениковъ изъ одного сред-

няго учебнаго заведенія въ другое касается исключительно мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и на ученицъ тѣхъ же женскихъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не распространяется.

— Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось и было принято представленіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ утвержденіи устава и штата высшаго горнаго училища въ Екатеринославѣ. Училище будетъ открыто съ 1 сентября текущаго года и имѣетъ цѣлью спеціальное образованіе лицъ, посвящающихъ себя преимущественно практической дѣятельности по горному дѣлу, какъ рудничному, такъ и заводскому. Учебный курсъ въ Екатеринославскомъ горномъ училищѣ будетъ продолжаться три года и раздѣляться на три годичныхъ курса. Общая сумма, необходимая на постройку зданій и первоначальное обзаведеніе училища исчислена въ 550,000 руб., причемъ въ эту сумму вошли слѣдующія пожертвованія: екатеринославское городское общественное управленіе заявило въ 1895 г. о своемъ намѣреніи ассигновать на устройство высшаго горнаго училища въ распоряженіе правительства до 200,000 руб. и представить, для сооруженій училищныхъ зданій необходимый участокъ земли; кромѣ того, одинъ изъ гласныхъ названной думы изъявилъ готовность пожертвовать на это же дѣло 50 т. р. Помимо этихъ 250 т. р., на съѣздѣ горнопромышленниковъ южной Россіи въ 1896 г. въ Харьковѣ постановлено собрать, путемъ обложенія угольныхъ грузовъ повагоннымъ сборомъ, сумму до 1 милл. руб.; равнымъ образомъ, общества брянскихъ и другихъ важнѣйшихъ южно-русскихъ металлургическихъ заводовъ изъявили желаніе, путемъ извѣстныхъ отчисленій въ теченіе 2 лѣтъ изъ своихъ прибылей, придти на помощь дѣлу учрежденія упомянутаго училища причемъ въ настоящее время уже поступило въ депозитѣ горнаго департамента 21,300 р. отъ правленія общества брянскаго завода и до 25 т. р. отъ правленія днѣпровскаго металлургическаго общества. Въ видахъ ускоренія осуществленія мысли о созданіи проектируемаго горнаго училища и усиленія прилива средствъ, жертвуемыхъ лицами и учрежденіями, сочувствующими этому начинанію, 1 мая 1898 г., по всеподданнѣйшему докладу министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на образованіе въ г. Екатеринославѣ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, комитета для сбора пожертвованій на устройство училища и возведеніе необходимыхъ для него зданій.

— Правительствующимъ сенатомъ разъясненъ весьма важный вопросъ о томъ, — можно ли допустить свидѣтельскія показанія, какъ доказательство происхожденія ребенка, если не представлено метрическаго о его рожденіи свидѣтельства. Сенатъ нашелъ, что если требуемое 1,460 ст. метрическое свидѣтельство о рожденіи ребенка не представлено при прошеніи объ узаконеніи, не смотря на то, что оно можетъ быть представлено, то нѣтъ основанія замѣнять его свидѣтельскими показаніями. Но въ другомъ видѣ представляется тотъ случай, когда невозможно получить метрическое свидѣтельство. Въ такомъ случаѣ, по разъясненію сената, свидѣтельскія показанія могутъ быть приняты, въ видѣ вспомогательнаго доказательства, въ дополненіе къ другимъ письменнымъ доказательствамъ о происхожденіи ребенка отъ опредѣленной матери.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 14-й день сего іюня Любезнѣйшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной **Маріей**.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ знаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ къ Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь Великую Княжну Марію Николаевну Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Петергофѣ, іюня въ день 14-й въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Въ Петергофѣ.
14-го іюня 1899 года.

Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени Дочерью Великою Княжною, нареченною при святой молитвѣ Маріей, 14-го іюня, сего года, въ 12 час. 10 мин. пополудни въ Петергофѣ.

Министръ Императорскаго Двора,

генералъ-адъютантъ *баронъ Фредериксъ*.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, сего 14-го іюня, въ 12 час. 10 мин. дня, благополучно разрѣшилась отъ бремени Дочерью, нареченною при святой молитвѣ Маріей. Здоровье Ея Величества и Высоконоворожденной находится въ совершенно удовлетворительномъ состояніи.

Лейбъ-акушеръ,
проф. *Оттъ*
Лейбъ-хирургъ
Гиршъ.

Петергофъ,
14-го іюня 1899 г.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Марія-Антуанетта. Съ картины *Виже-Лебренъ*.

Марія-Антуанетта, французская королева извѣстна своею трагической судьбой. Дочь австрійскаго императора Франца I и Маріи-Терезіи, Марія-Антуанетта шестнадцатилѣтней дѣвушкой вышла замужъ за короля Франціи Людовика XVI, тогда еще наслѣдника престола. Бракъ былъ заключенъ безъ любви. Версальскій дворъ также недружелюбно встрѣтилъ молодую австріячку, которая, ставъ королевой, начала вмѣшиваться въ политику, поддерживая Австрію. Съ паденіемъ монархіи Марія-Антуанетта была заключена въ Тампль и 16 октября 1792 погибла подъ гильотиной. Марія-Антуанетта блистала красотой; лучшій портретъ ея принадлежитъ художницѣ Виже-Лебренъ, воспроизведеніе котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала.

Въ степи. Съ картины *І. Нестерова*. Гр. *Творожниковъ*.

Усталые, измученные люди. Долгій путь утомилъ, утомили тяжелые переходы, съ остановками въ степи подъ открытымъ небомъ, и далека еще та заповѣдная страна, куда стремятся мечты этихъ измученныхъ жизнью людей, тотъ „зеленый долъ“, гдѣ можно будетъ отдохнуть полною грудью...

Сѣнокосъ. Съ картины *Ж. Дюпре*.

Въ полномъ разгарѣ деревенская работа.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами.
Пѣсней душу веселя,
Бабы граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля...

Среди друзей. Съ картины *О. Геблера*.

Кругомъ все друзья. Они жмутся къ этому шалуну, который съ раннихъ лѣтъ привыкъ себя видѣть въ сообществѣ своихъ четвероногихъ товарищей. Онъ ихъ другъ, они его друзья.

Въ осадномъ положеніи. Съ картины *Л. Гофмана и Цейтца*.

Пренепріятное положеніе! Съ двухъ сторонъ атакуютъ враги и нѣтъ возможности отбиться отъ ихъ приступа, нѣтъ силъ справиться съ ними. И имъ не менѣе, чѣмъ этой дѣвчуркѣ, нравится лакомый кусокъ хлѣба, и осталось ей только жалобно и громко плакать, взывая о помощи...

Памятникъ л.-г. сапернаго батальона.

6 іюня л.-гв. саперный батальонъ справлялъ свой батальонный праздникъ и вмѣстѣ открытіе перенесеннаго по Высочайшему повелѣнію изъ Петергофа, изъ бывшаго сапернаго лагеря на Бабьемъ Гонѣ, памятника подвигамъ л.-гв. сапернаго батальона, поставленнаго императоромъ Николаемъ I. Памятникъ перенесенъ въ скверъ, передъ церковью батальона во имя св. Космы и Даміана (по Кирочной ул.). Памятникъ изображаетъ гранитную скалу, увѣнчанную золотымъ громадньмъ орломъ. На памятникѣ надпись: „Подвигамъ Л.-Г. Сапернаго батальона“.

Къ событіямъ во Франціи (пять рисунковъ).

См. „Пол. Об.“ настоящаго и прошлаго №№ „Жив. Обозрѣнія“.

Ветеранъ шахматистъ Бёрдъ. Гартъ-Дикъ открывающій турниръ.

Ласкеръ и Стейницъ.

Международный шахматный турниръ въ Лондонѣ.

Редакторъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи міроздания. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Въ конторѣ журнала «Живоп. Обозр.» Спб., Невскій, д. 68—40, продается:

„ИЗЪ-ЗА ВЛАСТИ“.

Историческій романъ А. Михайлова. Цѣна 1 руб.

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ, томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

Его-же. МАТЪ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравированъ. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

АБРИКОТИНЪ **ABRICOTINE** АБРИКОТИНЪ

ПРЕВОСХОДНЫЙ ЛИКЕРЪ

Требовать подпись: П. Гарнье.

ENGHIEN-LES-BAINS (Франція)

P. Garnier

№ 3002

МЫЛО ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ ВЪ ТЕПЛОЙ ДИСПОЗЕ БЕЗЪ ВОДЪ * П. Н. ВИНОГРАДОВА. * ПАРКИ

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВЪ на Всероссійской Выставкѣ 1896 года.

Требовать куски съ этикетомъ утвержден. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

БѢЛЬЕ получается замѣчательно чистымъ, Желтизна и пятна уничтожаются. ЭКОНОМІЯ въ топливѣ, ДЕШЕВИЗНА и быстрота стирки. Мыла ДИСПОЗЕ расходуется въ ТРИ РАЗА МЕНѢЕ простаго. Совершенно безвредно для тканей бѣлья. Удостовѣр. за № 3780. ЭКОНОМИЧНО ДЛЯ БАНИ. Продажа вездѣ. Отъ П. Н. Виноградова, Москва, Рождественка, домъ № 2.

Я УПОТРЕБЛЯЮ ЭЛЕОПАТЪ ПР. КИНУНЕНА,

рекомендуется **какъ средство для волосъ, способствующее росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.**

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ **20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинуненъ** имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 руб. Адресъ для писемъ **„Главный Складъ Элеопата Провизора Кинуненъ“**, въ С.-Петербургѣ Разъѣзжая № 13.

№ 3051-1

Туннель изъ Нью-Іорка въ Бруклинъ. Кромѣ знаменитаго моста, соединяющаго оба берега Истъ-Ривера, въ настоящее время предполагается еще одинъ путь для соединенія обоихъ береговъ. Это будетъ тоже колоссальная работа, но, какъ извѣстно, колоссальныя работы американцевъ не пугаютъ. Дѣло идетъ о желѣзнодорожномъ туннелѣ изъ Мангатано въ Бруклинъ; туннель называется „туннель Атлантической Авеню“. Постройка подъ Истъ-Риверомъ будетъ состоять изъ огромныхъ цилиндровъ, съ хорошей вентиляціей и освѣщенныхъ электричествомъ. Длина предполагаемаго пути составитъ около 20 верстъ. Расходы опредѣлены въ 6 милліоновъ долларовъ, а постройка продолжится два года.

Дуговая лампа какъ дезинфекторъ. Если вѣрить „Electrical World“ въ Нью-Іоркѣ, то новѣйшіе опыты нашли, что электрическая дуговая лампа обладаетъ сильною дезинфецирующею способностью. Эта способность вытекаетъ частью отъ свѣта, частью отъ освобождающагося озона, частью отъ испусканія паровъ, еще не вполнѣ изслѣдованныхъ. Авторъ статьи въ упомянутомъ журналѣ утверждаетъ, что достаточно поставить дуговую лампу въ какое нибудь помѣщеніе съ весьма сквернымъ запахомъ, чтобы вполнѣ уничтожить вонь. Основываясь на этомъ, слѣдовало бы въ такихъ мѣстахъ вмѣсто лампочекъ накаливанія употреблять дуговыя лампочки.

Гигантская карта американскихъ желѣзныхъ дорогъ приготовляется всѣми обществами желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ для предстоящей въ Парижѣ всемірной выставки 1900 года. Для этой карты, въ 42 метра длины и 69 метровъ ширины, будетъ устроенъ спеціальный павильонъ. На ней изобразится вся сѣть американскихъ рельсовыхъ путей, съ обозначеніемъ мельчайшихъ подробностей топографическаго рельефа почвы, а также и уклоновъ желѣзнодорожныхъ линій. Каждая изъ линій будетъ обозначена какимъ-нибудь спеціальнымъ электрическимъ освѣщеніемъ въ отличіе отъ другихъ линій, а въ извѣстные часы, съ помощью другой системы освѣщенія, на протяженіи всѣхъ линій этой желѣзнодорожной сѣти, будутъ обозначаться относительныя положенія поѣздовъ въ данный моментъ ихъ движенія. Видъ этой сѣти скрещивающихся во всѣхъ направленіяхъ рельсовыхъ путей, выдѣляющихся на темномъ фонѣ карты, и относительныхъ положеній пробѣгающихъ по нимъ поѣздовъ, дастъ вполнѣ наглядное представленіе о дѣятельности и интенсивности желѣзнодорожнаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

ВТОРЫМЪ ИСПРАВЛ. И УДЕШЕВЛ. ИЗДАНІЕМЪ

СОЧИНЕНІЕ

Н. И. ЗИБЕРА

ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Цѣна 2 р. 50 к.

Спб. Акц. Общества „ИЗДАТЕЛЬ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 68 — 40. | РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, Садовая ул., д. Панченко.

Откуда получаются соломенныя шляпы? Подъ именемъ соломенныхъ шляпъ подразумѣваются не только чисто соломенныя шляпы, но и всѣ тѣ матеріаломъ для которыхъ служатъ пальмовые листья, бамбукъ, тростникъ, волосъ, кожица съ перьевъ, древесныя волокна. Изъ какого бы матеріала ни дѣлались шляпы, онѣ всегда или связываются или плетутся. Связанныя шляпы идутъ большею частью изъ Савои, Швейцаріи и Эльзаса. *Ротанговыя* шляпы дѣлаются изъ индѣйскаго тростника (пальма ротангъ), главное ихъ производство на Зондскихъ островахъ, на о-вѣ Ява и на Филиппинскихъ о-вахъ. Онѣ очень тонки и требуютъ чрезвычайно тщательнаго выполненія, рабочія руки для котораго оказались бы очень дороги въ Европѣ. Шляпы *манилья* идутъ изъ города этого имени и также двойныя. Манилья дѣлаются изъ бамбука.

Фабрикація плетеныхъ шляпъ породила два отдѣльныхъ ремесла: приготовленіе плетенки и приготовленіе шляпъ. Плетенка идетъ изъ Китая, Японіи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи. Въ Карпи, въ Италіи, спеціально занимаются выдѣлываніемъ *рисовой соломы*, которая есть не что иное, какъ плетенка изъ волоконъ стружекъ вербы.

Бѣленіе шляпъ и плетенокъ производится посредствомъ напитанной кислородомъ воды. Городъ Льютонъ въ Англіи долгое время пользовался монополіей бѣленія и крашенія шляпъ, но въ настоящее время французскіе фабриканты сами занимаются этой операціей.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ **МЫЛО** НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись А. ЭНГЛУНДЪ *красными чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ. Главный складъ СПБургъ Михайловская пл. д. № 2, Жербина. 3024

„ПОГРОМЪ“

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращенія). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 33—41.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1895. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ГЕРМАНСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА ВЪ ДРЕЗДЕНѢ 1899 г.
20 Апрѣля—17 Сентября
съ отдѣлами: ЛУКА КРАНАХЪ. — Фарфоръ. — Худож. промышленность.
3068-1.

КОНСУЭЛО.
(Consuelo).
Романъ Жоржъ-Зандъ, перев. Лѣтнева.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Складъ въ книжныхъ магазинахъ
«ИЗДАТЕЛЬ»,
Спб., Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

ВЕЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“ „BELGICA“ „АДЛЕРЪ“ „БРЕННАБОРЪ“ „ГРЕЙФЪ“
отъ 100—200 руб. имѣются на складѣ **Э. Кинкманъ и К°.**
С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.
Прейсъ-куранты высыл. безплатно.
3087

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“
Спб. Невскій пр., д. № 68—40.
Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

Большое депо часовъ
Невскій пр. № 32.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С.Петербургъ
Прейсъ-Кур. высыл. безпл.

БАШЕННЫЕ ЧАСЫ
безъ боя отъ . . . . 120 до 300 руб.
съ боемъ „ . . . . 250 до 10,000 руб.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.
Я. В. Абрамова. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ
„ИЗДАТЕЛЬ“.
Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

Телеграфное сообщеніе между Европою и Америкой. Въ настоящее время между европейскимъ континентомъ и Сѣверной Америкой проложено 12 подводныхъ кабелей. А именно: 4 кабеля Англо-Американской Компаніи, идущихъ отъ Валентіи (въ Ирландіи) до Гертсъ-Контентъ (на Новой Землѣ). 3 кабеля Торговой кабельной Компаніи изъ Уотервиля (въ Ирландіи) до Кансо въ Новой Шотландіи. 2 кабеля Французской Компаніи телеграфныхъ кабелей, одинъ изъ Бреста до мыса Кодъ близъ Бостона, другой прямо изъ Бреста къ мысу Кодъ. 1 кабель Кабельной Компаніи Соединенныхъ Штатовъ изъ Баллиншелигсъ Бэй въ Галифаксъ (Новая Шотландія). Наконецъ, 2 кабеля, которые эксплоатируетъ Западная Союзная Телеграфная Компанія, изъ Сенненъ-Кова на западномъ берегу Англіи въ Кансо (Новая Шотландія). Станція Гертсъ-Контентъ соединена съ американскимъ материкомъ кабелемъ, который доходитъ до Капъ-Бретонъ. Другіе кабели идутъ изъ Кансо въ Нью-Іоркъ и въ Рокпортъ близъ Бостона.

Изъ этого видно, что Франція и Англія въ настоящее время единственныя европейскія страны, непосредственно соединенныя съ Америкой. Скоро будетъ проведенъ кабель между Германіей и Сѣверной Америкой. Онъ соединитъ Боркунъ или Эмденъ съ Нью-Іоркомъ, затронувъ Азорскіе острова. Открытіе его предполагается 1-го іюля 1900 года.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
Спб. Акціон. Овщ. «ИЗДАТЕЛЬ»
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи.
Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. БУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. С РЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

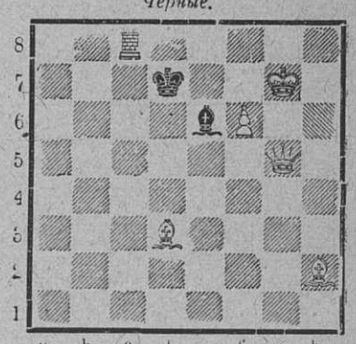
РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ
И СВѢДѢНІЯ ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 120.

Г. Нанца (въ Германіи).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

ШАШКИ.

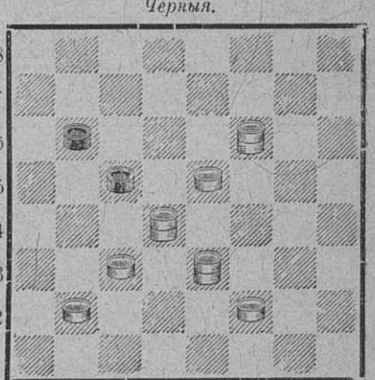
Подъ редакціей **В. И. Шошина.**

ЗАДАЧА № 105.

В. И. Шошина (въ Петербургѣ).

Посвящается А. В. Харьянову.

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть простую.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) . . . . 8 р. | **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.
„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р. — **На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. | **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 25 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 15 рисунками, обложки и приложеній: I) Новѣйшія Парижскія Моды, № 6 (за іюнь 1899 года); II) Двѣ модныя раскрашенныя картинки (за май и іюнь) и III) Листъ выкроекъ и узоровъ для вышиванія.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюня 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Овщ. „Издатель“. Ковенскій, соб. д., № 14.

Годъ изданія 64-й. Цѣна нумера 20 коп. № 26.

Живописное Обозрѣніе

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)

Содержаніе 26-го нумера.

Воскресенье, 27-го іюня 1899 г.

Статьи:

Изъ Мицкевича. (Неоконченное стихотвореніе). И. Толмачева. — „Вечеръ“. (Посвящается подольскимъ друзьямъ). Е. Зеландъ.—„Двѣ любви“. Повѣсть. А. Каменскаго. (Продолженіе).— „Помогъ“. Разсказъ Ю. Штеттенгейма.—„Подъ лучами солнца“. Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго — „Лили“. Разсказъ Святополка Чеха. Переводъ съ чешскаго А. Сахаровой. — Свадебные обычаи у черногорцевъ и сербовъ. Н. Георгіева. — Стекляный заводъ въ Сенъ-Гобэнѣ. В. М. — Хроника. — Къ рисункамъ. — Объявленія.

Рисунки:

Съ поля. Съ карт. худ. К. Лингера. — Семейный праздникъ. Съ карт. худ. І. Шперля.—Раздача даровыхъ обѣдовъ. Съ карт. худ. Ф. Заде. — Стекляный заводъ въ Сенъ-Гобэнѣ. (7 рисунковъ.—Данило, княжичъ черногорскій.—Принцесса Ютта Мекленбургъ-Стрелицкая. — Я. Галеви. (Портреты). — Нѣмцы въ Китаѣ. Уличныя сцены въ Кіао-Чау. — Султанъ Маската и его семья. — Замокъ Маскатъ. — Панорама Маската. Рейдъ. — Гавайскій водяной спортъ. (2 рисунка).—Іоганнъ Штраусъ. — Кормленіе львенка молокомъ.

ИЗДАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА „ИЗДАТЕЛЬ“.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

СРОКЪ ВТОРОГО и ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА.

Главная контора журнала „Живописное Обозрѣніе“ доводитъ до свѣдѣнія Гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ РАЗСРОЧКОЮ, что

СРОКЪ ТРЕТЬЯГО ВЗНОСА ДЛЯ ТРЕТЬНЫХЪ и ВТОРОГО ВЗНОСА ДЛЯ ПОЛУГОДОВЫХЪ ИСТЕКАЕТЪ ВЪ ІЮНѢ МѢСЯЦѢ,

а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ. Лицамъ, не выславшимъ своевременно слѣдуемаго взноса, дальнѣйшая высылка журнала **СЪ ПЕРВАГО ІЮЛЯ БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА.**

ШОКОЛАДЪ ДЛЯ ВАРКИ
ТОВАРИЩЕСТВА
ЭЙНЕМЪ
СЪ ВЪ МОСКВѢ.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ФАБРИКА ТУАЛЕТНЫХЪ РУМЯНЪ.
VELOUTINE CH. FAŸ
PARIS 9, rue de la Paix, 9 ПАРИЖЪ
РИСОВАЯ ПУДРА
СПЕЦІАЛЬНОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ СЪ БИСМУТОМЪ
Имѣемъ честь увѣдомить Гг. Покупателей, что коробки пудры « VELOUTINE » не снабженныя русской таможенной пломбой должны считаться поддѣлкой.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
Спб. Акціон. Общест. печ. дѣла
„ИЗДАТЕЛЬ“
ПРОДАЕТСЯ:
СОЧИНЕНІЕ
ЗЛАТОВРАТСКАГО.
Въ трехъ томахъ съ портретомъ автора, цѣна 4 руб., въ изящномъ переплетѣ — 4 руб. 75 коп., пересылка за 5 фунтовъ.
Изданіе третье, дополненное.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій пр., д. № 68—40, у Аничкова моста.*
РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ
ВТОРЫМЪ ИСПРАВЛЕННЫМЪ И УДЕШЕВЛ. ИЗДАНІЕМЪ
СОЧИНЕНІЕ
Н. И. ЗИБЕРА
ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
Продается въ книжныхъ магазинахъ Цѣна 2 р. 50 к.
Спб. Акц. Общ. печ. дѣла „ИЗДАТЕЛЬ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 68 — 40.
РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, Садовая ул., д. Панченко.

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ
Косметика А. Энглундъ.
При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.
Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.
Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.
Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, 3019 С.-Петербургъ, Михайловская площадь, № 2.

Задачи полярной экспедиціи герцога Абруццкаго, принца Людвига-Амедея Савойскаго. „Temps“ получилъ изъ Рима свѣдѣнія, что герцогъ Абруццо вовсе не заявлялъ о своемъ непремѣнномъ намѣреніи перейти за 86 град. сѣверной широты, съ котораго вернулся Нансенъ, но что онъ намѣтилъ болѣе скромныя цѣли. Всѣ полярныя экспедиціи имѣли до сихъ поръ въ виду исключительно самый полюсъ и каждая изъ нихъ старалась подойти къ нему ближе предыдущей. Итальянскій принцъ имѣетъ въ виду другую цѣль, которая сводится къ обстоятельному изслѣдованію возможно большаго района полярныхъ странъ, по большей части неизвѣстныхъ. Принцъ лично руководилъ всѣми приготовленіями къ экспедиціи и входилъ во всѣ частности. Въ прошломъ году, посѣтивъ Христіанію, онъ много бесѣдовалъ съ Нансеномъ и вмѣстѣ съ нимъ выработалъ до малѣйшихъ частностей планъ экспедиціи, а въ нынѣшнемъ году отправился въ столицу Норвегіи, чтобы лично наблюсти за всѣми приготовленіями и изъ трехсотъ тоннъ груза, предназначавшагося для его экспедиціи, помимо его не упаковано ни одной вещицы. Онъ подробно ознакомился со всѣми научными сочиненіями, записками и отчетами, касающимися полярныхъ экспедицій и позаботился о переводѣ на итальянскій языкъ книги Норденшильда, старѣйшаго изъ нынѣшнихъ изслѣдователей полярныхъ морей. Яхта „Stella Polare“ пойдетъ совсѣмъ другимъ путемъ. Нансенъ воспользовался теченіемъ, которое, по его предположенію, должно было унести его корабль отъ сибирскихъ береговъ черезъ полярный кругъ къ Гренландіи. Его разсчеты частью оправдались: предугаданное имъ теченіе дѣйствительно существуетъ, но не направляется прямо къ полюсу, а уклоняется къ западу и огибаетъ землю Франца-Іосифа, вслѣдствіе чего Нансенъ и покинулъ свое судно, въ надеждѣ достигнуть по льду конечной цѣли своей экспедиціи. Пользуясь опытомъ своего предшественника, герцогъ Абруццкій направится не къ сѣверу-востоку, т.-е. не къ исходной точкѣ констатированнаго Нансеномъ полярнаго теченія, а въ прямомъ направленіи къ сѣверу, что дастъ ему возможность въ теченіе періода полярнаго лѣта выиграть много времени. Его первымъ этапомъ на этомъ пути будетъ мысъ Флоры, на землѣ Франца-Іосифа, послѣ чего его яхта обойдетъ восточное побережье этой земли и постарается достигнуть одной изъ самыхъ сѣверныхъ бухтъ. Оттуда принцъ со своими спутниками пустится далѣе на саняхъ и опять-таки по прямой линіи къ сѣверу. Эта первая экскурсія продлится два или три дня и закончится устройствомъ склада съѣстныхъ припасовъ. Вторая экспедиція по льду пойдетъ далѣе, третья опять еще дальше, четвертая и пятая зайдутъ уже весьма далеко и отмѣтятъ свой путь линіею складочныхъ станціонныхъ пунктовъ, отстоящихъ другъ отъ друга на десятки верстъ. Въ такихъ послѣдовательныхъ экскурсіяхъ герцогъ Абруццкій предполагаетъ провести всю зиму. Если эти подготовительныя экспедиціи окажутся возможными среди безпросвѣтнаго полярнаго мрака, то такимъ образомъ подготовится путь для долгосрочныхъ экспедицій въ періодъ наиболѣе благопріятнаго для нихъ времени года. До осени будутъ получаться извѣстія съ яхты принца, а затѣмъ наступитъ долгое время полной неизвѣстности насчетъ его судьбы.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

№ 26. Воскресенье, 27-го Іюня 1899 г. Годъ изд. 64-й.

Гос. Публичная в Ленинграде.

Съ поля. Съ картины художника О. Лингера.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

(Неоконченное стихотвореніе).

Когда среди васъ я, какъ тѣнь, одиноко
Слѣжу, безучастный, вашъ говоръ и шумъ,
Душа той порою блуждаетъ далеко,
Исполнена скорбныхъ, таинственныхъ думъ.

* * *

Есть край мнѣ знакомый: отчизной второю
Для сердца онъ сталъ и для мыслей моихъ;
Онъ краше того, что теперь предо мною,
Милѣй самой родины, ближе родныхъ...

Въ трудахъ ли, въ печали, среди-ль наслажденій—
Въ тотъ край уношусь я крылатой мечтой,
Мнѣ снятся деревьевъ развѣсистыхъ сѣни
И шелестъ привѣтливый листвы густой.

* * *

Вдыхая всей грудью тамъ воздухъ душистый,
Мнѣ мнится: въ высокой травѣ я лежу,
Внимаю кузнечиковъ звонъ серебристый,
За птичкой и бабочкой взоромъ слѣжу.

Тамъ, вижу, съ крылечка бѣлѣя спустилась
И къ лѣсу летитъ по зеленымъ лугамъ,
Порхая надъ нивой, въ волнахъ ея скрылась,
То сверху какъ звѣздочка свѣтится тамъ...

И. Толмачевъ.

ВЕЧЕРЪ.

(Посвящается подольскимъ друзьямъ).

Съ Карпатъ потянулъ вѣтерокъ. Послѣ жаркаго дня наступилъ тихій, прохладный вечеръ.

Все населеніе пограничнаго мѣстечка высыпало на улицу.

У дверей, подъ окнами, высохшія какъ щепки или расплывшіяся еврейки вязали чулки. Ихъ мужья, отцы стояли тутъ же, толкуя о гишефтахъ, обдѣланныхъ за день. Дѣтвора сновала между старшими, валяясь въ пыли. Повсюду слышался оживленный говоръ, раздавались веселые крики, смѣхъ, а съ окружающихъ горъ неслось мычанье стадъ, и гдѣ-то разливалась, плыла вмѣстѣ съ свѣжестью полей мечтательная думка.

Заложивъ руки за спину, неторопливо возвращался домой докторъ Плавскій. За много лѣтъ онъ имѣлъ, наконецъ, возможность сколько угодно отдыхать, гулять. Однако, выраженье его лица было нѣсколько пасмурно.

Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ неслись сердечныя привѣтствія: „добрый вечеръ пану!.. Здравствуйте, пане Плавскій!..“ И стоявшіе на улицѣ почтительно разступались, женщины весело кивали головами, а дѣтвора, забѣжавъ впередъ, торопливо сдергивала жалкое подобіе фуражекъ, ухмыляясь при этомъ до ушей.

— Добрый вечеръ, коханы мои!—ласково отвѣчалъ старикъ, притрогиваясь къ шляпѣ и безпрестанно останавливаясь. Хотя вся окружность знала, что Плавскій передалъ практику своему воспитаннику, тѣмъ не менѣе бѣдное крестьянство, еврейство упорно предпочитали обращаться къ „самому пану“.

Докторъ выслушивалъ каждаго терпѣливо, съ внимательнымъ выраженіемъ своего красиваго лица, замѣчательнаго жизнью все еще темныхъ, блестящихъ глазъ, тогда какъ голова отливала чистымъ серебромъ.

Давъ совѣтъ, пообѣщавъ отпустить просимое лекарство изъ своей аптечки, Плавскій шелъ дальше, чтобъ снова остановиться. Раза два ему пришлось взойти въ грязныя мазанки. Замѣтно повеселѣвъ, повернулъ онъ, наконецъ, въ переулокъ, въ концѣ котораго поднимался хлопкомъ снѣга его домикъ. Бѣлыя стѣны и выкрашенная въ такой же цвѣтъ крыша, ласкали еще издали глазъ, красиво выступая на темномъ фонѣ раскинувшагося кругомъ сада.

Никто, однако, не встрѣтилъ хозяина. Зато черезъ окна, двери кухни слышалась такая возня, словно былъ канунъ именинъ доктора, или наступала Пасха. Въ чистенькомъ же корридорчикѣ на Плавскаго налетѣла шарообразная фигура, нагруженная баночками, бутылками, графинчиками. Раскраснѣвшаяся, запыхавшаяся, съ кружевной наколкой на бокъ, пани Анеля имѣла чрезвычайно возбужденный видъ.

— Владекъ вернулся отъ Червинскихъ и Чесь въ столовой! Приходи скорѣй на каляцоно (ужинъ), крикнула она по-польски брату и стремительно покатилась дальше.

Плавскій добродушно лишь усмѣхнулся, но, взойдя въ кабинетъ, слегка поморщился. Пыль оставалась послѣ обѣда нетронутой; холодная вода для умыванья, противъ обыкновенья, не была приготовлена. Положимъ докторъ привыкъ, что, когда пріѣзжала молодежь, и сестра, и старая Мариня отчасти измѣняли ему. Притомъ, онъ самъ любилъ племянника и воспитанника, выросшихъ у него, какъ сыновей. На этотъ разъ, однако, доказательство невниманья къ нему непріятно кольнуло старика.

Умывшись и переодѣвшись, подошелъ онъ къ письменному столу. На мгновенье его потянуло взяться снова за перо, уйти въ завѣтную работу, которую прервалъ, чтобъ прогуляться. Но тутъ же онъ почувствовалъ, что тяжесть въ головѣ не прошла, напротивъ, увеличилось чувство физическаго и нравственнаго утомленья.

Слегка вздохнувъ, Плавскій сталъ собирать исписанные имъ за день листы съ безчисленными помарками, показывавшими, какъ не легко шла работа. Въ то же время онъ разсѣянно прислушивался къ голосамъ, доносившимся изъ столовой.

Розоватые отблески вечерней зари затопили эту комнату, чистенькую, уютную, съ выбѣленными стѣнами, украшенными потемнѣлыми портретами. Горящій какъ золото самоваръ шумѣлъ на кругломъ столѣ, соблазнительно уставленномъ закусками. А въ открытыя окна заглядывали старыя деревья и вливалась ароматная свѣжесть начинающихъ дремать полей. Но никто изъ находившихся въ столовой не обращалъ вниманья на мирную прелесть вечера.

Горячо что-то доказывая, отчаянно при томъ ероша голову, кружился по столовой худощавый брюнетъ, съ энергичнымъ, нѣсколько блѣднымъ лицомъ, на которомъ углемъ горѣли, изъ-подъ шапки курчавыхъ волосъ, живые, темные глаза.

— Да не кричи ты, Чесь!.. Дай же и мнѣ хоть слово сказать! добродушно замѣтилъ ему плечистый блондинъ, спокойно курившій, прислонясь къ косяку окна.

— Іезусъ, Марія! И все-то они спорятъ!.. вздыхала между тѣмъ пани Анеля, суетясь вокругъ стола.— Если самъ книгами только и сытъ, хоть бы Владеку далъ поѣсть! укоризненно обращалась она къ сыну, продолжавшему носиться изъ угла въ уголъ.—Смотри, Чесь, зразы твои любимыя... Сольцисонъ свѣжій... Присядьте, коханы, да покушайте лучше...

— Нѣтъ, братъ, извини, гремѣлъ Чесь, не обративъ вниманья на приглашенье

матери. — Одно изъ двухъ: либо высшая разумная цѣль, умственные, научные интересы!.. либо жалкое прозябаніе, услажденное разными сольцисонами! и онъ презрительно кивнулъ на столъ. — Вѣрь, ничего нѣтъ легче, какъ превратиться въ двурукое жвачное.

— А запершись въ кабинетѣ, замуравившись въ лабораторіи, не трудно также зачерствѣть окончательно душой и ставъ какой-то муміей, плевать презрительно и на жизнь, и на людей съ ихъ страданьями! возразилъ Владекъ, передернувъ плечами, и, къ великой радости пани Анели, направился къ столу.

— Ну и врешь! и врешь!.. гнѣвно крикнулъ Чесь.— Замуравливаются въ кабинетахъ, лабораторіяхъ именно ради человѣчества, чтобъ уменьшить невѣжество, сумму страданій...

— Ну да, какже! перебилъ Владекъ, слегка даже покраснѣвъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, ради эгоистичнаго удовлетворенія своихъ вкусовъ, наклонностей. Одному нравится возиться съ микроскопомъ, ретортами; другому—мазать картины; третьему—летѣть чортъ знаетъ зачѣмъ на сѣверный полюсъ...

— А четвертому забраться въ глушь и разводить потомство!.. выпалилъ Чесь съ яростью, доходящей до комизма.—Держу пари, что живо окрутишься и будешь имѣть цѣлую дюжину Стасекъ, Юзекъ, Казекъ...

— Надо же кому нибудь позаботиться о продолженіи рода человѣческаго... уже шутливо замѣтилъ Владекъ, кладя въ ротъ кусокъ сольцисона. — Дѣти благословенье Божіе! не даромъ Аврааму, Исааку...

— Когда такъ, говорить больше не хочу съ тобой, шутомъ гороховымъ!.. и весь побогровѣвъ, Чесь бросился на стулъ такъ, что онъ заскрипѣлъ.

— Отлично! давно бы такъ!.. обрадовалась пани Анеля. — Кушай же, мой золотой!.. Пишешь, пишешь цѣлый день, вонъ какой худой... И лѣтомъ отдохнуть не хочешь, вздыхала она.

— Ну, ну, мама, не строй слезливыхъ минъ, словно дѣвочка передъ конфессіоналомъ!.. Клади лучше зразъ, чего хочешь. Чувствую, голоденъ какъ волкъ... А славно работалось сегодня, главу кончилъ... уже весело обратился Чесь къ товарищу.

— Я тоже доволенъ, отозвался тотъ. — Пани Червинская на-дняхъ встанетъ.

— Что же дяди нѣтъ? спохватился Чесь.

— Вѣдь просила его приходить скорѣй!.. Навѣрно за бумаги свои сѣлъ. Да хоть бы толкъ былъ!.. а то пишетъ да рветъ, пишетъ да жжетъ... Пойти за нимъ... и пани Анеля торопливо вышла.

Старушка, однако, ошиблась.

Заперѣвъ рукопись, докторъ направился было въ столовую, но остановился на порогѣ столовой, никѣмъ не замѣченный. Обыкновенно Плавскій очень любилъ послушать разговоры молодежи, вносившей въ его тихій домикъ отзвуки кипучей жизни большихъ умственныхъ центровъ, гдѣ старикъ не былъ много лѣтъ. Нерѣдко онъ вмѣшивался въ ихъ споры. На этотъ разъ, однако, докторъ былъ особенно нервно настроенъ, и громкіе голоса племянника съ воспитанникомъ даже раздражали его. Мало того, при видѣ ихъ, разгоряченныхъ, полныхъ жизни, задора лицъ, въ Плавскомъ шевельнулось какое-то странное, тонкое, но непріятное ощущенье, и сильно захотѣлось тишины, одиночества. Вмѣсто того, чтобъ взойти въ столовую, онъ безшумно повернулъ на небольшую веранду.

Это былъ уютный уголокъ, полный зеленоватаго сумрака отъ разросшагося дикаго плюща. А главное, отсюда открывался видъ на весь садъ, дѣтище Павловскаго, съ любовью имъ взращенное.

Устало откинувшись на спинку плетенаго диванчика, докторъ заумчиво глядѣлъ передъ собой.

Прохваченный мягкимъ свѣтомъ догорающей зари садъ начиналъ уже дремать. Замолкли птицы, перестали шептаться деревья, слабо лишь вздрагивая верхушками, и неподвижно тянулись вдоль желтѣющихъ дорожекъ роскошныя шпалеры розъ. Миръ, тишина слетали на горы, темнѣвшія вдали, на безмолвныя поля, затихшія улицы мѣстечка и маленькаго заграничнаго городка, полныхъ съ восхода солнца суетни. Толко на австрійской сторонѣ нѣжно звенѣлъ angelus и громче неслось журчанье протекающей вблизи рѣки.

Это безмолвіе засыпающей природы сладко вливалось въ смущенную душу доктора, словно баюкало его.

— Да, жаль мнѣ дядю! отчетливо донесся на веранду звучный голосъ Чеся.— Старикъ напрасно только мучаетъ себя. Дѣйствительно, изъ его работы никакого толку не будетъ.

Плавскій сдѣлалъ легкое движенье.

— Между тѣмъ, вопросъ, взятый паномъ Станиславомъ, очень интересенъ. Притомъ, онъ собралъ массу цѣннаго матерьяла, возразилъ Владекъ.

— Но, чтобъ разработать его, нужны молодыя силы, или хотя навыкъ, необходимая привычка къ умственному труду. Вотъ почему дядѣ нечего думать о какой либо серьезной работѣ, поздно!.. А помнишь, что старикъ профессоръ разсказывалъ о немъ? Какъ много ждали отъ дяди! Въ немъ видѣли будущее свѣтило науки. Но онъ забился ни съ того ни съ сего въ эту глушь, отдалъ свои силы на дѣло самаго заурядняго лекаря и выкинулъ самъ себя изъ ряда людей, благодаря которымъ расширяется поле наблюденій, анализа, развертывается шире человѣческая мысль, растутъ сокровища знаній. Вотъ тебѣ примѣръ, какъ тина засасываетъ даже выдающіяся натуры.

— Пожалуй, отчасти ты правъ, задумчиво протянулъ Владекъ. — Во всякомъ случаѣ, за то не бойся. И въ этой глуши я стану читать, слѣдить за наукой, писать и не дамъ своей жизни пройти даромъ.

— Ну, смотри! Ты малый съ головой и будетъ будетъ обидно, если кончишь какъ дядя. А вѣдь онъ, замѣть, не грѣшилъ, какъ одинъ мой знакомый, слабостью къ вкусному куску и къ женскимъ глазкамъ.

— Та-та-та, какой полякъ равнодушенъ къ женскимъ мордочкамъ?! шутливо произнесъ Владекъ.— И твой дядя былъ въ молодости не святымъ...

— Вотъ вамъ, исчезъ, нѣтъ его нигдѣ! раздалось жалобное восклицанье пани Анели.—Навѣрно явилась мерзкая хлопка или явился поганый жидъ и потащили старика. Привыкли не давать ему покоя ни днемъ, ни ночью. Что я теперь съ зразами буду дѣлать?!.

— Вели поставить въ печку. Мы же съ Владекомъ пойдемъ въ мѣстечко и разыщемъ дядю. Засидѣлся, надо подышать чистымъ воздухомъ, добавилъ Чесь.

— Я-то вдосталь надышался, но, пожалуй, пойдемъ! согласился податливый другъ. — Кстати, покажу тебѣ прехорошенькую жидовочку... Головка Мадонны...

— Тьфу, тьфу, съ ожесточеніемъ заплевалась пани Анеля.—Что сказалъ!.. жидовка и... Грѣхъ-то какой!..

Но молодежь смѣясь уже исчезла. Ворча вышла и пани Анеля съ зразами. Въ столовой стихло. Но еще тише было на верандѣ, особенной, давящей тишиной. Плавскій не шевелился, словно застылъ на мѣстѣ.

— Поздно!.. прошепталъ онъ вдругъ и оглянулся съ растерянным выраженьемъ поблѣднѣвшаго лица. Это слово племянника сразу освѣтило его тяжелое внутреннее состоянье за послѣднее время, уяснило причину явившагося вдругъ глухого раздраженья, смутнаго недовольства собой и другими.

— Поздно!.. А съ какимъ наслажденьемъ мечталъ онъ, бывало, о работѣ, задуманной десятки лѣтъ тому назадъ, готовилъ матерьялы, въ ожиданьи свободнаго времени приняться за нее. Вернувшись усталый отъ больныхъ, спѣшилъ онъ набросать подмѣченныя характерныя явленія болѣзни, странности организма, ненормальности характера, все, имѣвшее отношенье къ плану работы... Годы летѣли, накоплялись вороха замѣтокъ. Наконецъ, явилась возможность осуществить свою мечту... И вдругъ такой приговоръ... безпощадный, но вѣрный. Да, вѣрный! Плавскій почувствовалъ это всѣмъ своимъ дрогнувшимъ сердцемъ.

Такъ вотъ отчего работа не шла и цѣлые часы мучился онъ, стараясь одѣть свои мысли въ плоть, кровь словъ. Напрасно пробовалъ онъ писать рано по утрамъ и почти ночью, пилъ крѣпкій чай, кофе... Умственная энергія не являлась, не было нервной приподнятости, не вспыхивалъ особый огонекъ въ мозгу, выбрасывающемъ тогда потокъ блестящихъ обобщеній, сравненій, глубокихъ выводовъ... Значитъ, не сбыться надеждѣ, красившей его будничные дни, грустные одинокіе вечера!.. Поздно!..

Тяжелый вздохъ, почти стонъ, сорвался съ его губъ. На мгновенье передъ нимъ отчетливо всталъ образъ красиваго смуглаго юноши съ лицомъ, дышащимъ молодымъ задоромъ, съ энергіей во взглядѣ, движеньяхъ, съ горячей головой, полной широкихъ замысловъ и страстнаго желанія проникнуть въ тайны природы, сказать въ наукѣ новое слово. Вотъ какимъ онъ былъ! Да, отъ него многаго ждали!..

Медленно провелъ Плавскій рукой по лбу. Ему показалось, что онъ спалъ долгіе-долгіе годы и вдругъ проснулся. До сихъ поръ дни, мѣсяцы, годы незамѣтно уходили у него на борьбу за жизнь ближнихъ, на облегченье ихъ страданій, некогда было задумываться о себѣ, разбирать прошлое, заглядывать въ будущее. И вотъ теперь Плавскій почувствовалъ въ первый разъ, что, дѣйствительно, мо-

лодость осталась позади, силы ушли, жизнь протекла, впереди же лишь жалкое старческое прозябанье.

Холодная тоска, отчаянье душили его. Хотѣлось вскрикнуть, громко-громко зарыдать... Быстро вставъ, Плавскій подошелъ къ периламъ. Словно опавшіе листья, поднятые вѣтромъ, неслись отрывочныя мысли, походившія на ощущенья, вставали воспоминанья. И вдругъ изъ этого хаоса выплыло чувство прежней страстной энергіи. Легкимъ румянцемъ вспыхнули морщинистыя щеки, юношескимъ огнемъ загорѣлись глаза, докторъ сразу помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

Нѣтъ, неправда, не поздно!.. Онъ докажетъ это.

Выпрямявшись, твердымъ шагомъ спустился Плавскій въ садъ и быстро пошелъ по дорожкѣ, но тутъ же остановился, судорожно прижавъ руку къ лѣвому боку. Лицо его помертвѣло, на лбу выступили капли пота. Словно острые желѣзные когти впились въ сердце, медленно-медленно тянули, раздирали его. Наконецъ, боль понемногу стихла. Но этотъ приступъ болѣзни сразу унесъ все возбужденье, смѣнившееся безконечнымъ утомленьемъ тѣла и души. Грустная улыбка мелькнула на его поблѣднѣвшихъ отъ страданья губахъ. Уже медленно пошелъ Плавскій дальше, старческой походкой, понуро опустивъ голову. Ему ли мечтать о работѣ, когда за спиной стоитъ смерть?! За послѣднія недѣли болѣзнь быстро двинулась впередъ. Но тутъ одна мысль тревожно кольнула Плавскаго, и онъ остановился.

Неужели завтра пятнадцатое іюня? Да, да... Онъ чуть было не пропустилъ этотъ день и все изъ-за своей работы... Въ первый разъ за тридцать пять лѣтъ не висѣла-бы завтра на мраморномъ крестѣ свѣжая душистая гирлянда изъ ея любимыхъ цвѣтовъ!..

Въ слѣдующую минуту Плавскій направился съ корзиной и садовыми ножницами къ шпалерамъ розъ. Не только никому изъ знакомыхъ, но даже на праздникъ Божьяго Тѣла не давалъ докторъ ни одной розы, щедро опустошая, однако, клумбы съ другими цвѣтами. Лишь два раза въ лѣто, въ іюнѣ и въ августѣ, въ канунъ святой Розаліи, производилъ онъ настоящую жатву розъ.

Такъ было и теперь. Поскрипывая, раскрывались жадными челюстями ножницы, и розы сыпались душистымъ дождемъ въ корзину, быстро опоражнивавшуюся и вновь наполнявшуюся. Наконецъ, столъ у бѣлой акаціи исчезъ подъ грудой цвѣтовъ, разсыпавшихся гаммой самыхъ прихотливыхъ оттѣнковъ. Тщеславныя, ярко желтыя, и страстныя красныя, почти черныя, перемѣшивались съ томными чайными, мечтательными бѣлыми и чуть подернутыми краской стыдливыми розовыми.

Но надо было торопиться. Приходилось выѣхать утромъ чуть свѣтъ, чтобъ успѣть попасть на экзеквію (панихиду). Шестьдесятъ верстъ не шутка!

Въ ящикѣ стола лежало все необходимое для Плавскаго, и, сѣвъ на скамейку, онъ началъ плесть гирлянду. Работа быстро двигалась. Подъ привычными руками доктора, розы ложились въ гармоничномъ сочетаньи красокъ, красиво выдѣляясь на темной зелени бордюра. Между тѣмъ, незамѣтно раскинулась сверкающая лунная ночь. Въ голубоватомъ воздухѣ отчетливо вырѣзывался каждый предметъ, словно подернутый лишь серебристой дымкой. Ярче разгорался повиснувшій въ высотѣ мѣсяцъ, съ бѣжавшей за нимъ одинокой звѣздочкой. Обрызганныя алмазной пылью, безъ звука тянулись аллеи, дремали кусты и неподвижно лежали перекрещиваясь черныя тѣни. Все замерло въ сладкой нѣгѣ, охватившей небо и землю. Но посреди этой страстной, говорящей душѣ тишины, невольно пробуждались грезы, мечты, придавленныя суетой будничнаго дня, поднимались воспоминанья. Въ душѣ Плавскаго ожило вдругъ далекое прошлое, заговорили давно смолкнувшіе голоса, встали полустершіеся образы. Вспомнилось счастливое, но короткое дѣтство, согрѣтое лаской, нѣжностью матери, затѣмъ сиротливая жизнь по чужимъ угламъ, наконецъ, полуголодное и все-таки веселое время студенчества, полное широкихъ замысловъ, плановъ, блестящихъ надеждъ. Вспомнился такой же ароматный лѣтній вечеръ, измѣнившій всю его жизнь.

Опустивъ со вздохомъ гирлянду на колѣни, Плавскій оперся о столъ и взглянулъ въ сторону горъ, гдѣ надъ рѣкой темнѣла заброшенная барская усадьба. Не подозрѣвая, что его ждетъ, опускался онъ въ тотъ вечеръ съ своей мансарды, съ кахохленнымъ видомъ молодого пѣтуха. Если-бъ не боязнь разсердить опекуна, въ домѣ котораго гостилъ, онъ прошатался бы по полямъ до поздней ночи, а на другой день снова улизнулъ бы съ урока, и такъ, пока не уѣдутъ непожиданно явившіеся важные гости. Уже при одномъ представленьи спѣси стараго графа и чванства его дочери, въ Плавскомъ закипала вся гордость бѣднаго, но родовитаго шляхтича, и онъ заранѣе щетинился ежомъ.

Семейный праздникъ. Съ картины художника І. Шперля.

Подавивъ невольную робость, стремительно направился онъ въ столовую, но столкнулся на порогѣ носомъ къ носу съ миніатюрнымъ созданьемъ, почти дѣвочкой. Оба смутились. Плавскій, однако, тутъ же оправился, замѣтивъ простой костюмъ и скромный видъ дѣвушки, очевидно, компаньонки молодой графини. Представившись, онъ заговорилъ довольно развязно.

Дѣвушка отвѣчала ему нѣсколько застѣнчиво.

Оказалось, что все общество отправилось осматривать новую сельско-хозяйственную машину, привезенную графомъ изъ-заграницы владѣльцу имѣнья, а панну соблазнилъ тѣнистый садъ. Плавскій продолжалъ, съ несвойственной ему любезностью, быть ея спутникомъ. Бываютъ минуты, сразу сближающія людей, слова, даже просто взгляды, перекидывающіе мостъ отъ одной человѣческой души къ другой. Кружась по аллеямъ, Плавскій почувствовалъ, что между нимъ и этой хрупкой, нѣжной дѣвушкой устанавливается какая-то внутренняя связь, что все ему невыразимо нравится въ ней, начиная съ неправильнаго, замѣтно болѣзненнаго лица, освѣщеннаго глубокими голубыми глазами, и кончая легкой хромотой, придающей ей видъ нѣкоторой безпомощности. И всегда сдержанный, молчаливый, какъ большинство черезчуръ самолюбивыхъ людей, Плавскій вдругъ развернулся, разговорился.

Остроумныя сравненья, мѣткія словца, замѣчанья, полныя тонкаго юмора, сыпались у него блестящимъ каскадомъ, вызывая все чаще и чаще улыбку дѣвушки, ея нѣжный смѣхъ. На ея блѣдныя щеки выступилъ легкій румянецъ удовольствія, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно исчезала нѣкоторая сдержанность дѣвушки.

Солнце ярко еще свѣтило, старый садъ весело шумѣлъ, а молодая парочка, разговаривая, не замѣчала, какъ время летитъ.

— Рузя... прошепталъ старикъ съ невыразимой нѣжностью и задумчиво потянулъ запахъ бѣлой розы. Да, недаромъ этотъ цвѣтокъ былъ ея любимымъ: по чистотѣ души она сама была настоящей розой...

Вдругъ легкая улыбка скользнула по лицу Плавскаго. Боже, какимъ смѣшнымъ болваномъ стоялъ онъ, когда парочку нашли и та, которую онъ считалъ компаньонкой графини, оказалась вдругъ самой ясновельможной панной!.. Всѣ смѣялись надъ его ошибкой. Угрюмо даже улыбнулся суроваго вида старый графъ. Не смѣялась только молодая дѣвушка и быстро, ловко отвела общее вниманіе отъ смутившагося юноши. Но цѣлый вечеръ онъ оставался какъ въ туманѣ, а ночью онъ снова видѣлъ передъ собой блѣденькое милое личико съ ласковыми васильковыми глазами, отъ взгляда которыхъ сердце его даже во снѣ сладко замирало. Эти глаза съ перваго же мгновенья завладѣли его сердцемъ и навсегда. „Навсегда!..“ повторилъ Плавскій, тихо качнувъ сѣдой головой и снова улыбнулся.

Что можетъ быть выше счастья чистой любви?.. Пускай это счастье продолжалось всего три недѣли, пускай за каждую хорошую минуту ему пришлось расплачиваться годами одиночества и страданій!.. Эти три недѣли оставили въ его душѣ чудный свѣтъ, освѣтившій навсегда его жизнь. Любящая, отзывчивая на всякое страданье, умѣющая каждаго понять, каждому простить, его Рузя была

настоящей женщиной, въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. И подъ вліяньемъ особеннаго тепла, вѣявшаго отъ этой дѣвушки, жившей исключительно сердцемъ, стала исчезать горечь, накопившаяся въ его душѣ благодаря сиротливому дѣтству, полуголодной молодости. Подъ быстро установившимся вліяньемъ Рузи, его самолюбивыя желанья, эгоистическія мечты о славѣ начали быстро принимать болѣе чистую окраску. Именно Рузя зажгла въ немъ свѣтлую искорку сознательнаго сочувствія и широкаго состраданья ко всему живущему. Эта искорка превратилась впослѣдствіи въ яркій огонекъ, согрѣвшій его одинокую жизнь, давшій ему силы перенесть тоску разлуки, отчаянье утраты любимаго существа... Романъ узнался, богатую наслѣдницу увезли обратно заграницу и все было, повидимому, кончено... Но Рузя осталась ему вѣрна, какъ онъ ей... Въ нѣсколькихъ строкахъ, набросанныхъ передъ отъѣздомъ, она просила его не сомнѣваться въ ея любви и терпѣливо ждать. И онъ ждалъ цѣлые три года, поселившись въ этомъ тихомъ уголкѣ, ставшемъ для него завѣтнымъ. Шумъ большого города, суета жизни, такъ называемыхъ удовольствій, сразу опротивѣли ему, общество стало невыносимымъ. Лишь по временамъ сказывался въ немъ прежній человѣкъ, являлось страстное желанье добиться извѣстности, положенья, денегъ и тогда просить у графа руку Рузи. Вслѣдъ затѣмъ, однако, мелькало сознанье, что въ глазахъ надменнаго магната научная слава—ничто, и никогда не отдастъ онъ своей дочери самому блестящему профессору. Но она велѣла ждать, и онъ ждалъ, убивая время за книгами, леча бѣдный людъ, становившійся ему все ближе. Онъ ждалъ, не зная, что Рузя зачахла, умираетъ въ холодныхъ монастырскихъ стѣнахъ. И вдругъ отъ нея письмо, писанное невѣрной рукой наканунѣ смерти. Въ немъ она обѣщала ему снова свиданье, но уже тамъ, за гробомъ...

Вздохнувъ, Плавскій взглянулъ вверхъ на потемнѣвшій и выше уйдшій сводъ неба, зажигавшійся быстро выбѣгающими одна за другой звѣздами.

Да, тамъ, въ этой безконечности вселенной, онъ твердо вѣритъ, ждетъ его чистая любящая душа. Тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и свиданье это теперь уже близко. Онъ заслужилъ его, оставшись вѣренъ предсмертному завѣту Рузи—отдать свою душу ближнимъ, наполнить любовью къ нимъ свое одинокое сердце. И каждый разъ, когда онъ перечитывалъ эти предсмертныя строки, ярко отражавшія всю нравственную красоту чудной дѣвушки, страдавшей до послѣдняго вздоха исключительно за него, падали его озлобленье и возмущенье противъ судьбы.

Любовь Рузи продолжала свѣтить ему и за гробомъ ея, спасая отъ отчаянья, самоубійства, а затѣмъ отъ пролитія человѣческой крови... Не встрѣться онъ съ ней, никакая сила не удержала бы его впослѣдствіи принять участье въ повстаньи. Но сознанье, что это дѣло, подготовленное графомъ вмѣстѣ съ другими, вызвало бы въ Рузѣ ужасъ, это сознанье заставило его оставаться въ своемъ углу. Мало того, онъ спокойно перенесъ обвиненья бывшихъ друзей, товарищей въ эгоизмѣ, недостаткѣ патріотизма. Только онъ одинъ зналъ, сколько несчастныхъ спасъ впослѣдствіи, переводя по ночамъ заграницу. И въ то время общаго озлобленья, ненависти, и впослѣдствіи онъ дѣлалъ добро сколько могъ, не справляясь о національности, вѣрѣ, повинуясь лишь завѣту Рузи. Понемногу, онъ полюбилъ окружающій его бѣдный темный людъ и жить для другихъ стало уже необходимостью...

Плавскій тяжело прислонился къ спинкѣ скамьи, тогда какъ руки соскользнули на колѣни. Все существо старика охватило вдругъ чувство глубокаго утомленья и вмѣстѣ особеннаго покоя. Это было знакомое ощущенье, являвшееся, бывало, послѣ тяжелаго трудового дня. И какъ крѣпко засыпалъ онъ тогда; во снѣ же снилась ему она, Рузя... Вѣдь всѣ эти слезы радости, благодарности спасенныхъ имъ людей были чистыми розами въ невидимой гирляндѣ, которую онъ свивалъ долгіе годы для своей Рузи...

Тихо улыбнувшись, Плавскій оглянулся.

Залитый волшебнымъ свѣтомъ высоко поднявшагося мѣсяца, неподвижно стоялъ садъ. Словно обрызганныя алмазною пылью, безъ шороха тянулись высокія аллеи, и въ серебристомъ воздухѣ фантастично выдѣлялся каждый листокъ дремлющихъ кустовъ. Лишь по временамъ легкій ароматный вѣтерокъ пролеталъ надъ садомъ страстнымъ вздохомъ. Томно вздрагивали тогда деревья, просыпались цвѣты и безпокойно шевелились тѣни. Но вѣтерокъ улеталъ дальше, и сновo все затихало въ сладкомъ покоѣ.

— Да, вечеръ прошелъ, наступила ночь... пора кончать работу... Пора!... едва слышно прошепталъ Плавскій и протянулъ было гирлянду. Но слабость увеличивалась, затягивала мозгъ, мысли трускнѣли, расплывались, дремота клонила голову. И вдругъ торжественное величіе голубой высоты, ароматное безмолвіе сада, дремота серебристаго воздуха слились для Плавскаго въ одно цѣлое, невыразимо прекрасное. Исчезли отдѣльныя краски, запахи, очертанья, опредѣленныя понятія, представленья. Кругомъ Плавскаго и въ немъ самомъ была лишь таинственная могучая красота, заливщая дрогнувшую душу старика волной полнаго блаженства и покоя. На мгновенье сквозь какой-то туманъ мелькнули ему яркія далекія звѣзды, но тутъ же онѣ превратились въ чудные васильковые глаза, съ любовью улыбавшіеся ему...

Послышался радостный вскрикъ, затѣмъ глубокій вздохъ. Тѣло слегка дрогнуло, и голова, отливающая серебромъ, тихо опустилась на столъ, на свѣжія душистыя розы.

Попрежнему молча стоялъ садъ, безшумно двигалась лѣтняя ночь, все дремало. Крѣпко спалъ и Плавскій тихимъ вѣчнымъ сномъ. Лишь блѣдный лучъ мѣсяца, скользнувъ по стынущему лицу, облилъ его призрачной жизнью.

* * *

Снова наступилъ душистый вечеръ. Солнце садилось, но все мѣстечко было запружено толпами народа, а съ высоты горъ, гдѣ бѣлѣла православная церковь, неслся грустный, протяжный звонъ навстрѣчу медленно подвигавшейся процессіи. Со всѣхъ же сторонъ слышались глубокіе вздохи, плачъ толпы различной національности, вѣры, сошедшейся за десятки верстъ и слившейся на мгновенье въ одномъ чувствѣ скорби по человѣку, умѣвшему быть для каждаго братомъ.

При видѣ всѣхъ этихъ взволнованныхъ горемъ лицъ, глазъ, полныхъ слезъ, Чесь и Владекъ обмѣнялись грустнымъ, выразительнымъ взглядомъ, понявъ другъ друга безъ словъ; съ благоговѣньемъ взглянули они на голову, покоившуюся въ яркой душистой рамкѣ еще свѣжихъ розъ. Глубокимъ миромъ, величавымъ спокойствіемъ вѣяло отъ прекраснаго старческаго лица, тогда какъ легкій вѣтерокъ чуть-чуть шевелилъ серебристые волосы, а губы продолжали улыбаться радостной, таинственной улыбкой.

А. Зеландъ.

ДВѢ ЛЮБВИ.

Повѣсть. (*Продолженіе*).

XI.

ВСЕ-ТАКИ, они вышли вмѣстѣ. Они въ первый разъ шли вдвоемъ по улицѣ. На Садовой толпился народъ. Денисовъ поддерживалъ ее подъ руку. Она шла уже совсѣмъ спокойная, поглядывала на него и улыбалась. Дошли до Невскаго. Ольга Ивановна остановилась и сказала:

— Теперь иди домой, дружокъ, оставь меня.

— Оля! я провожу.

— Нѣтъ, ты любишь меня — ты домой пойдешь.

— Оля! пощади, я не могу...

— Но это недалеко, — возразила она, — тебѣ незачемъ знать, гдѣ... иди домой, что тебѣ стоитъ? я сейчасъ вернусь.

Денисовъ взялъ ее за руку и сказалъ сдавленнымъ отъ внутренней боли голосомъ.

— Оля, подумай... ты отравляешь наше первое счастье... ты идешь отъ меня къ нему.

Она повернулась и сказала:

— Идемъ назадъ.

— Правда это? — радостно заговорилъ Денисовъ:— ты не пойдешь?.. ты позволяешь мнѣ все устроить? написать ему?.. да?..

Она не отвѣчала. Прошли Гостиный дворъ. Она опять остановилась.

— Коля! не удерживай,—съ мольбою прошептала она, — это выше силъ... до свиданья.

И она почти побѣжала отъ него.

Онъ остался одинъ съ тупымъ и несноснымъ ощущеніемъ на сердцѣ. Ему начинало казаться все какой-то мистификаціей. По улицѣ шли и ѣхали люди съ покупками. На всѣхъ лицахъ было написано: „завтра Рождество“. И Денисову вспомнилась родина. Его засосала тоска. Наплыли воспоминанія о семьѣ, красивой елкѣ, теплой и большой квартирѣ, добрыхъ и сердечныхъ людяхъ, ласкахъ матери. Вспомнилась и Наташа съ ея полудѣтской и чистой улыбкой, ея отецъ— славный старичекъ-докторъ. И его органически потянуло туда, къ Волгѣ, въ милый провинціальный городъ. Одинъ, совсѣмъ одинъ на улицѣ, въ сочельникъ. Какая-то странная женщина! На мгновеніе мелькнула ея красота, обворожительная улыбка, потомъ блѣдное, искаженное лицо. Денисовъ схватился за голову. „Это ужасно! это какое-то сумасшествіе!“ подумалъ онъ. Ему захотѣлось заглушить боль. Онъ вошелъ въ талачную лавочку и купилъ сигаръ.

Онъ шелъ по улицѣ, ничего не замѣчая, наталкиваясь на встрѣчныхъ. Онъ курилъ одну сигару за другой, ничего не соображалъ, только думалъ: „Ольга! Ольга! кто ты, наконецъ?“ Онъ не находилъ отвѣта. Онъ чувствовалъ, что порабощенъ этой женщиной. У него уже кружилась голова отъ никотина. Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ домой.

Вѣра отворила ему дверь. Вездѣ, кромѣ кухни, было темно. Онъ пробрался въ свою комнату и легъ. Онъ лежалъ, какъ пластъ, съ потухшей сигарой во рту. Какія то сѣрыя, длинныя тѣни, безъ очертаній, тягучіе, безконечные образы ползли въ умѣ. У него уже не было мыслей. Мягкіе тиски сжимали грудь, потомъ отпускали. Ему показалось, что онъ быстро летитъ вмѣстѣ съ кроватью внизъ... такъ плавно, лицомъ кверху... какъ будто онъ лежалъ въ полѣ на землѣ и смотрѣлъ въ бездонное небо.

XII.

Денисовъ очнулся съ чувствомъ тошноты и тяжести въ головѣ. Онъ потерялъ всякое представленіе о времени, не понималъ, гдѣ онъ, не могъ припомнить, какъ онъ очутился здѣсь... Онъ хотѣлъ подняться, но не могъ. За стѣной, въ комнатѣ хозяйки, часы начали бить. Денисовъ машинально сосчиталъ: двѣнадцать. Потомъ ему все еще слышался звонъ. Онъ механически считалъ дальше: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Онъ не слыхалъ звонка на кухнѣ. По корридору раздались шаги. Вошелъ Хачатрянцъ со свѣчкой. Онъ приблизился къ кровати. Денисовъ лежалъ на спинѣ, блѣдный, какъ мертвецъ, съ открытыми и неподвижно устремленными въ потолокъ глазами.

— Здрасти! - сказалъ Хачатрянцъ и испугался, — что съ тобой такое?

Онъ поставилъ свѣчу на столѣ, поспѣшно зажегъ лампу и, подбѣжавъ къ Денисову, взялъ его за руку. Тотъ слабо отвѣтилъ на его пожатіе и заговорилъ безсвязно, чуть слышнымъ и дрожащимъ голосомъ:

— Аракелъ... пошли въ аптеку... я накурился сигаръ... легкое отравленіе... я не могъ... мнѣ тяжело было... она не знала, что дѣлаетъ... я обожаю ее... она ушла... сегодня сочельникъ... первый день нашего счастья... ея нѣтъ... понимаешь, какъ тяжело...

Хачатрянцъ началъ трясти его за плечи.

— Чудакъ!.. про кого ты говоришь? неужели про хозяйку?.. чудакъ, собственно говоря... брось, что за чепуха!.. Ну поигралъ, — шахеръ-махеръ... брось... глупости все! авантюристка какая-то, понимаешь?.. Надо дѣломъ заниматься... въ университетъ ходить будешь...

Денисовъ молчалъ. Каждое слово било его въ голову вмѣстѣ съ пульсомъ, какъ молотъ.

— Однако, — спохватился Хачатрянцъ, — ты не на шутку боленъ... собственно говоря, собственно говоря... Вѣра, — закричалъ онъ и, не дожидаясь, пока она придетъ, побѣжалъ въ кухню.

Нашатырный спиртъ и валерьяновыя капли освѣжили и успокоили Денисова. Онъ сидѣлъ у стола противъ Хачатрянца и говорилъ:

— Ты вникни, Аракелъ, ты поймешь, если захочешь... я знаю, ты не признаешь любви—до времени... Но я ее полюбилъ серьезно, окончательно. И вовсе я не игралъ... Между нами еще ничего не было рѣшительнаго... Она меня любитъ и пошла сказать тому человѣку, что невѣста моя... И вотъ ея нѣтъ; уже часъ ночи... Господи!

— Послушай, — сказалъ Хачатрянцъ, — вотъ ты увидишь, — она тѣшится съ тобой, какъ съ мальчикомъ... Что ты для нея? если ты даже ей всѣ свои пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ отдашь, ей не хватитъ... Ты видѣлъ, вино, закуски... духи, кофточки всякія... Она привыкла къ этому, понимаешь?

— Боже! какой ты циникъ, Аракелъ! при чемъ тутъ деньги, если она меня любитъ?

— А почему она не идетъ домой?—вызывающе спросилъ технологъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ. Денисовъ всталъ, напряженно прислушиваясь.

— Вѣра!—услыхалъ онъ, — Николай Петровичъ вернулся?.. давно?.. что ты говоришь? боленъ?.. И Аракелъ Григорьевичъ здѣсь?.. А?.. неуже-е-ли?..

Тихо отворилась дверь.

— Можно? — сказалъ пѣвучій голосъ.

Хачатрянцъ отвѣчалъ:

— Пожалуйста.

Ольга Ивановна медленно подошла къ столу.

— Смотрите, что надѣлалъ Николай Петровичъ,—сказалъ технологъ, — я прихожу... смотрю: лежитъ... думалъ—мертвый... нѣтъ—живъ... послалъ за нашатыремъ... теперь глядите, на кого похожъ?..

Ольга Ивановна съ тревогой взглянула на Денисова. Онъ стоялъ и молча смотрѣлъ внизъ.

— Господи! какія глупости! что вы ребенокъ, что ли?

— Представьте себѣ, — продолжалъ Хачатрянцъ, — выкурилъ чуть ли не десять сигаръ—собственно говоря: сумасшедшій!

Денисовъ взялъ ее за руку. Она, улыбаясь, смотрѣла на него и говорила:

— Вотъ дитя! вотъ дитя!

Денисовъ нервно сказалъ:

— Ольга!

Она вспыхнула. Денисовъ показалъ на Хачатрянца.

— Онъ знаетъ, я долженъ былъ ему сказать.

Ольга Ивановна ласково поглядѣла на Хачатрянца и засмѣялась.

— Что онъ вамъ сказалъ?

Хачатрянцъ засуетился и проговорилъ:

— Поздравляю, поздравляю... собственно говоря...

— Ольга! пойдемте на минутку къ вамъ: мнѣ необходимо высказаться, позвольте...

— Николай Петровичъ! я хочу спать — лучше завтра.

— Нѣтъ, я васъ прошу.

Въ его голосѣ слышалась мольба.

Она взяла его подъ руку и повела къ себѣ.

Въ ея комнатѣ горѣла лампада. Она не зажгла больше ничего. Они сѣли на тотъ диванъ. Онъ нагнулся къ ней и, тяжело дыша, спросилъ:

— Ты у него была все время?

Она спокойно сказала:

— Да.

Отъ нея пахнуло виномъ. У него остановилось дыханіе. Онъ подвинулся ближе, взялъ ее за обѣ руки повыше локтя и, крѣпко сжимая, спросилъ глухимъ голосомъ:

— Ты пила?

Она отвѣчала тѣмъ же спокойнымъ тономъ:

— Да.

— Оля!.. что это?.. ты смѣешься?..

— Нѣтъ... я вижу, что ты хочешь оскорбить меня... Развѣ я не читаю въ твоихъ глазахъ?.. Вѣдь ты думаешь: „она пробыла пять часовъ, пила у него...“

— Ольга!

— Что?.. неправда?.. ну что же — я была, я ничего ему не сказала раньше... мнѣ было пріятно, что онъ со мною грубъ. Мы ужинали—я берегла къ концу... При первой его нѣжности, я сказала ему, что онъ видитъ меня въ послѣдній разъ.

— Оля! зачѣмъ же тогда вся эта комедія?

— Ты упрекаешь меня?.. тогда иди, иди къ себѣ... не нужно мнѣ тебя... никого мнѣ не нужно...

Она встала, зажала уши, замотала головой.

— Ничего не хочу слушать... ты мнѣ не вѣришь... ты не любишь меня, довольно...

Денисовъ тихо подошелъ къ ней, нагнулся и началъ цѣловать ее въ щеку часто-часто, не отрываясь.

— Прости меня, я изстрадался,—прошепталъ онъ.

Она скоро успокоилась, и они снова сѣли. Онъ говорилъ, что съ этой минуты онъ ей беззавѣтно вѣритъ, что онъ безумно и навѣки счастливъ. Она улыбалась, положивъ ему голову на плечо и глядя на него прищуренными глазами. Онъ ласкалъ ее, гладилъ ей руки, цѣловалъ ихъ.

— Какой ты нѣжный, хорошій,—говорила она,—тебѣ надо было родиться дѣвушкой.

Потомъ они услыхали движеніе въ комнатѣ Хачатрянца. Онъ какъ будто танцовалъ. И вдругъ громко запѣлъ:

„Вечеркомъ гулять ходи-и-ла...
Дочь султа-а-на... молода-а-я...“

— Аракелъ Григорьевичъ! идите сюда, къ намъ,—крикнула Ольга Ивановна.

Онъ прервалъ пѣніе и отвѣчалъ:

— Не могу: я не одѣтъ.

— Одѣньтесь.

— Не стоитъ, я вамъ лучше пѣть буду.

И онъ продолжалъ:

„Каждый день она къ фонта-а-ну
Шла, красо-о-ю... всѣхъ плѣня-а-я“.

Онъ спѣлъ еще нѣсколько романсовъ, поигралъ на скрипкѣ.

Когда Денисовъ вернулся въ комнату, Хачатрянцъ, лежа въ постели и перебирая

струны, тихо напѣвалъ печальную армянскую пѣсню.

— Паздравляю, паздравляю, — сказалъ онъ, обрывая пѣніе на полусловѣ.

XIII.

Наступило Рождество, потомъ святки. Къ Денисову заходилъ раза два Будаговъ. Онъ казался очень грустнымъ, противъ обыкновенія не говорилъ о Наташѣ и тщательно обходилъ въ бесѣдѣ Ольгу Ивановну. Денисовъ какъ-то не рѣшался самъ заговорить о ней. Онъ привязался къ ней еще больше, почти молился на нее и мечталъ о веснѣ, когда онъ на ней женится. Нужно было объявить объ этомъ Будагову, посовѣтоваться насчетъ свадьбы, занять у него денегъ.

— Степанъ почему ты перемѣнился ко мнѣ? почему холоденъ?.. объяснись, ради Бога, — я привыкъ говорить съ тобой, какъ съ своей совѣстью... мнѣ обидно, что ты какъ-будто избѣгаешь меня.

У Будагова вдругъ заблестѣли глаза. Онъ взволновался.

— Ну, Николай, — торопливо началъ онъ, — слушай, все я скажу тебѣ... прими это, какъ хочешь... я остаюсь твоимъ другомъ и былъ имъ, могъ ли ты сомнѣваться?.. Ты думаешь, я не страдалъ этотъ мѣсяцъ?.. Я почти шпіонилъ за тобой, я у Аракела выпытывалъ. Я знаю, что она уже твоя любовница. И я не могу простить тебѣ этого... Послушай, вспомни Наташу, вспомни, какъ ты увлекъ ее своими сладкими рѣчами о поэзіи... Она довѣрилась тебѣ — этотъ свѣжій невинный цвѣтокъ. Вы клялись, на свиданья ходили... Ты уѣхалъ, ты мучился; вѣдь на тебѣ лица не было; ты плакалъ, помнишь, когда стоялъ у окна на старой квартирѣ... Что-же это? Пойми, ты клялся— ты въ тѣ минуты преступленіе совершалъ, значитъ? Ты губишь Наташу... Вѣдь она совсѣмъ поникла тогда отъ любви къ Плетневу... Ты спасъ ее, и... и снова губишь! Что-же ты мальчишка, что-ли? да могу ли я вѣрить тебѣ?.. Ты завтра на улицѣ на кого-нибудь повѣсишься... Увлекся!.. спасать вздумалъ содержанку!

— Степанъ! рѣзко сказалъ Денисовъ.

— Чего ты орешь? ну извини — я не хотѣлъ оскорбить тебя... Ты самъ подумай, мечтатель ты, чудакъ! вѣдь жизнь не шутка. На какія средства вы будете существовать? Тѣхъ денегъ, которыя тебѣ высылаетъ отецъ, вамъ не хватитъ. Она слишкомъ избалована... Уроковъ ты давать не станешь—знаю я тебя — да и не найдешь.. На что ты способенъ? Да имѣешь ли ты право брать на нее отъ отца—старика, труженика? Тутъ ты уже самъ обязанъ зарабатывать деньги—ты созидаешь семью. Какой ты гражданинъ? Слушай, одумайся, ради Христа! вспомни еще разъ Наташу... Ты ошибаешься, что разлюбилъ... Это ты только немного позабылъ ее, отвыкъ... Пріѣдешь въ провинцію—все вернется... Я понимаю тебя: у тебя воздухъ промозглый въ квартирѣ — духи, платья женскія; кажется — все пропитано женщиною... Поневолѣ голова закружилась. Это страсть у тебя. Уѣзжай, спасайся! Завтра же на поѣздъ, и маршъ!.. Николай! — горячо воскликнулъ Будаговъ,— ты цѣловалъ Наташу, ты въ глаза ей клялся!.. что ты теперь будешь дѣлать? какъ ты примиришься съ этими поцѣлуями?

Денисовъ положилъ руку на плечо Будагову и сказалъ почти со слезами:

Раздача даровыхъ обѣдовъ. Съ картины художника Ф. Заде.

Наконецъ, онъ рѣшился и отправился къ нему самъ.

— Степанъ!— сказалъ Денисовъ, — я пришелъ къ тебѣ поговорить по душѣ и серьезно.

Будаговъ прямо смотрѣлъ ему въ глаза и подергивалъ бородку.

— Видишь ли, Степанъ, я откровенно скажу тебѣ: я не люблю уже Наташу... вовсе не люблю... ну вотъ поди — чужая она мнѣ, забылъ я ее... къ тому же и она не пишетъ мнѣ что-то...

Онъ остановился. Будаговъ покачалъ головой и сказалъ:

— Хорошо! дальше...

— Слушай, Степанъ, будь мнѣ другомъ, какъ всегда, помоги... я жениться хочу.

— На комъ? въ умѣ ли ты? на ней, на хозяйкѣ?

— Да!—убѣжденно и восторженно отвѣчалъ Денисовъ.

— Ну что же, я тутъ не при чемъ. Дѣлай, какъ знаешь, отвѣчай самъ за все... любишь ее — женись...

— Ты правъ, Степанъ! мнѣ самому тяжело, но что-же дѣлать? прошлаго не воротишь—отошло оно.. Я не могу принудить себя... я органически привязанъ къ Ольгѣ— я близокъ ей.

— Слушай, возразилъ Будаговъ,—если бы ты не клялся Наташѣ раньше, не увлекалъ, не писалъ ей страстныхъ писемъ, я бы самъ тебѣ руки не подалъ, вздумай ты только не жениться на этой женщинѣ, кто бы она ни была. Но для Наташи, для этого ангела, ты можешь, ты долженъ ею пожертвовать... Не безпокойся—она скоро примирится...

— Голубчикъ мой! какъ ты не можешь понять? вѣдь я люблю Ольгу... ты не повѣришь: когда она согласилась быть моею, я молиться былъ готовъ на нее. Ты этого, можетъ быть, не поймешь— ты совсѣмъ не знаешь женщинъ... я, конечно, уважаю въ тебѣ это... но... но ты самъ когда-нибудь испытаешь..

— Ну что съ тобой дѣлать, кляча!—сказалъ Будаговъ:—женись, такъ женись—твое

дѣло... я готовъ быть шаферомъ... я хотѣлъ тебя убѣдить; не удалось—ты упрямъ... ну и чортъ съ тобой!

Будаговъ весело махнулъ рукой. Они одѣлась и вышли вмѣстѣ на улицу. Денисовъ съ увлеченіемъ говорилъ объ Ольгѣ, о своемъ счастьѣ... о томъ, что онъ видитъ въ бракѣ спасеніе отъ той гнетущей пустоты и скуки, которая охватила его въ Петербургѣ. Онъ говорилъ, что единственная несомнѣнная для него истина—любовь, любовь отца и мужа, крѣпость семейнаго очага. На этомъ построена жизнь... Остальное—фикція: земная слава, общественное положеніе, даже наука... Онъ хотѣлъ бы въ деревню уѣхать, опроститься, какъ предлагаетъ Толстой. Люди всякіе принципы ниспровергли, во всемъ ошибались, къ отрицанію Бога пришли, а семья осталась...

Будаговъ молча слушалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Ты знаешь, что я съ тобой согласенъ, но, ради Бога, Николай, подумай еще разъ, на что ты рѣшаешься: вѣдь женитьба — трудная миссія... ну хорошо, я помогу тебѣ въ первое время, а потомъ?

— Потомъ я самъ буду работать — служить, учительствовать... мало ли тамъ.

— Ну Богъ съ тобой, Богъ съ тобой, кляча!

А. Каменскій.

(*Окончаніе будетъ*).

ПОМОГЪ.

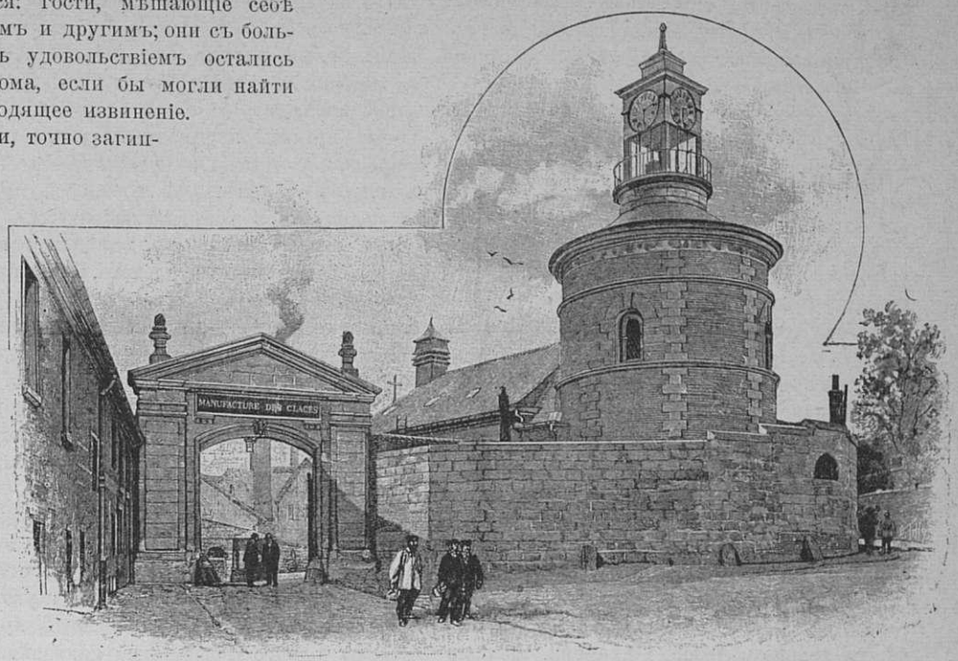
Разсказъ **Ю. Штеттенгейма**.

Между бальными гостями въ домѣ тайнаго коммерціи совѣтника Фалльберга и сегодня, какъ обыкновенно, находилось нѣсколько такихъ, которыхъ только по имени можно было назвать бальными гостями.

Какъ на войнѣ бываютъ праздношатающіеся люди, такъ и на балѣ не обходится безъ лишнихъ, которые стоятъ кругомъ, смотрятъ и потомъ удаляются въ курительную комнату, чтобы болѣе уже не показываться: гости, мѣшающіе себѣ самимъ и другимъ; они съ большимъ удовольствіемъ остались бы дома, если бы могли найти подходящее извиненіе.

Они, точно загипнотизированные, смотрятъ на танцы, зѣваютъ за chapeau claque, находятъ ту или другую даму сносно танцующею и стремятся къ сигарѣ. Это все, что они дѣлаютъ для развлеченія общества.

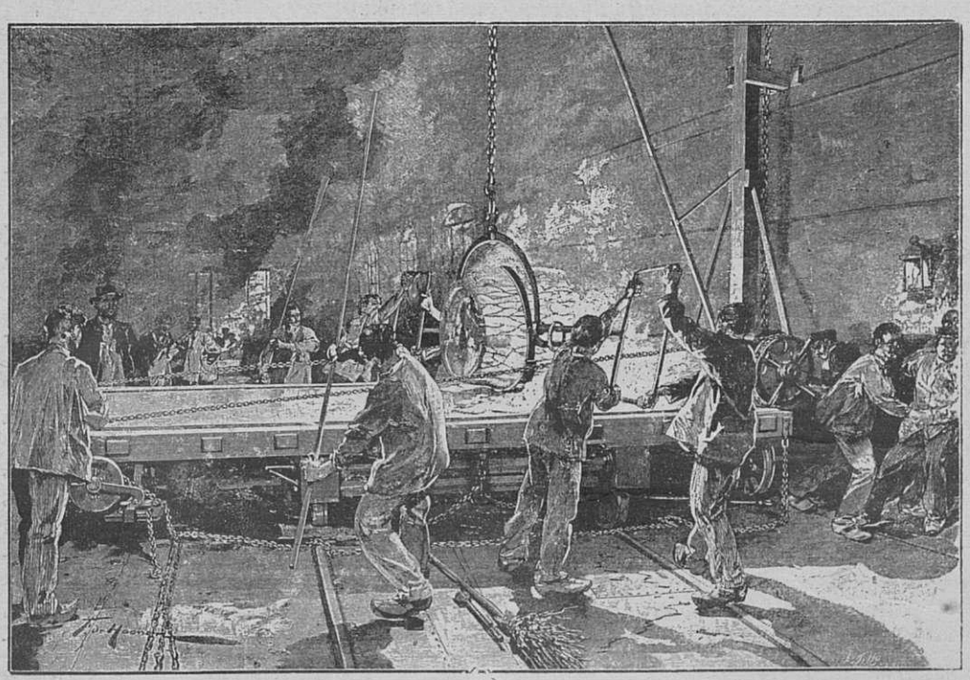
Такимъ гостемъ былъ обыкновенно г. Виндель. Тому уже много времени, какъ онъ принадлежалъ къ золотой молодежи. Теперь же онъ причисляетъ себя къ позолоченнымъ, именно къ сильно позолоченнымъ въ огнѣ спекуляціи. Годы, времяпрепровожденіе и разстраивающая нервы забота о состояніи денежныхъ операцій посеребрили его бороду, между тѣмъ, какъ черепъ его былъ гарантированъ отъ такихъ испытаній тѣмъ, что волоса почти вылѣзли на немъ, уступивъ мѣсто изображенію, похожему на страусовое яйцо, нестерпимо блестѣвшее при электрическомъ освѣщеніи бальной залы. Но, замѣчая всего этого въ зеркалѣ, г. Виндель утѣшалъ себя тѣмъ, что къ его выгодѣ курсъ поднялся и изъ богатыхъ капскихъ рудниковъ онъ получитъ дивиденда болѣе, чѣмъ можетъ издержать. Онъ былъ богатый человѣкъ и жилъ сообразно этому.



Входъ на Сенъ-Гобенскую фабрику.

Въ продолженіе своихъ десяти ежедневно свободныхъ часовъ, два часа отнимали у него биржевые листки, онъ любилъ женщинъ — членовъ спеціальныхъ театровъ.

Въ этой области онъ былъ знатокъ. Знакомство съ дамскими квартетами и эксцентричными куплетными пѣвицами составляло его спортъ. Только недавно онъ измѣнилъ своему принципу, прибавивъ къ своему дорогому собранію англичанку-акробатку, летавшую съ трапеціи на трапецію и осыпаемую одобреніями публики. Но эта обожаемая не замедлила однажды вечеромъ обмануть его, влюбившись въ своего товарища по искусству, къ которому она подошла на трапеціи такъ близко, что тотъ поймалъ ее обѣими руками. Господинъ Виндель, которому надоѣло терять время съ упражняющеюся надъ сѣткой цирка подругою, сдѣлалъ, когда она охладѣла къ нему, паузу въ своемъ спортѣ.



Формировка стеколъ въ Сенъ-Гобенѣ. Выливаніе.

Въ этомъ состояніи мы и паходимъ его на балѣ въ домѣ господина тайнаго коммерціи совѣтника Фалльберга. Какъ его ни тянуло курить, онъ остался сегодня въ залѣ дольше обыкновеннаго. Въ курительной комнатѣ стояло, по крайней мѣрѣ, восемь раскрытыхъ ящиковъ превосходныхъ сигаръ, но ихъ магнитическая сила не дѣйствовала сегодня, такъ какъ дочь хозяина дома, fräulein Лили Фалльбергъ, обладала большею. Господинъ Виндель смотрѣлъ на нее съ живымъ интересомъ. Нѣтъ, какъ она танцовала! Другія, можетъ быть, болѣе важныя, прыгали только, она одна танцовала. Теперь она потягивала лимонадъ, другія же просто пили. И какъ всѣ желали ее! Только одна ея карта имѣла три ряда записей. Теперь лейтенантъ кавалеріи танцовалъ съ нею экстра-туръ. Господинъ Виндель рѣшился. Что-нибудь да значило, что онъ не пошелъ курить и остался въ бальномъ залѣ; онъ открылъ свое сердце. Fräulein Лили не акробатка и не костюмированная субретка, но это ничего не значитъ, она дочь тайнаго коммерціи совѣтника, онъ хочетъ на ней жениться.

„Несогласна!“ — отвѣчала Лили на другой

день своему отцу, прибавивъ, что ей не нравится имя Виндель; Виндель вовсе не имя, это принадлежность бѣлья, и она не хочетъ сдѣлаться ею.

Отецъ посмѣялся надъ ней, приведя цитату:

Что въ имени? Что для насъ имя розы;
Какъ бы она ни называлась, лишь бы
благоухала.

Но ему тотчасъ же пришло въ голову, что между розою и Винделемъ все же большая разница; тогда ему пришлось позвать на помощь сестру своей жены, которая и налетѣла съ быстротою пожарной команды. Эта энергичная дама имѣла ужасный талантъ составлять изъ двухъ людей, не сдѣлавшихъ ей никакого зла, мужа и жену, и такимъ образомъ, благодаря ея буквально съ силою пара дѣйствующему искусству убѣжденія, значительное число людей было соединено навѣки. Многіе изъ этихъ союзовъ оказывались не особеенно продолжительными, такъ что конецъ ихъ вѣчности былъ большею частію только вопросомъ времени. Ея появленіе fraulein Лили, ея любимой племянницы, не возбудило въ ней подозрѣнія. Не смотря на ея сопротивленіе выйти замужъ за Винделя, тетка была далека отъ мысли прочитать ей убѣдительное увѣщаніе. Напротивъ, она придумала новую хитрость: напасть на племянницу врасплохъ, и рѣшила сегодня подвергнуть ее генеральной пробѣ.

Она отдала справедливость fraulein Лили, что она не желаетъ сдѣлаться г-жею Виндель не изъ-за имени, такъ какъ это пустяки, но потому, что свобода драгоцѣнный даръ, и если она, какъ говорятъ поэты, живетъ на горахъ, то все же сыплетъ и на жителей долинъ изобиліе неоцѣнимыхъ наслажденій. Она описала такими яркими красками радости и преимущества старыхъ дѣвъ и такъ поставила на видъ своей любимой племянницѣ обладаніе всѣми этими радостями и преимуществами, если она только еще года два будетъ твердо противостоять соблазнамъ замужества, что fraulein Лили, противъ всякаго ожиданія, смягчилась, поспѣшила къ своему отцу и 10 минутъ спустя вышла отъ него будущею г-жею Виндель. Ея внутренно польщенная тетка дѣлала видъ, что она сильно потрясена. Изъ будущей скоро сдѣлалась настоящая г-жа Виндель. Господинъ Виндель часто жаловался на чувствительную холодность своей супруги, а она неизмѣнно отвѣчала на это: „но это твоя собственная вина. Зачѣмъ ты такой поклонникъ чувства? Не требуй его, и ты не будешь замѣчать его отсутствія!“

Но это не помогало г. Винделю. Какъ горячо относились во времена его молодости обожаемыя имъ спеціальности, когда онъ появлялся у нихъ съ ящичкомъ, на бѣломъ бархатѣ котораго блестѣли драгоцѣнныя украшенія. Онъ обходился съ своей супругой съ такимъ же вниманіемъ, но отъ нея все-таки вѣяло холодомъ. Богатый человѣкъ, какъ онъ, не могъ этого понять. Скоро послѣ своего свадебнаго путешествія г. Виндель сдѣлался задумчивымъ. Это было не въ его пользу. Размышленіе никогда не было его любимымъ занятіемъ, и теперь обнаружилось, что онъ былъ правъ. Потому что вдругъ ему пришло въ голову, что, можетъ быть, его жена не любитъ его. Это казалось ему смѣшнымъ, онъ не понималъ, какъ она, такая образованная и съ развитымъ вкусомъ, могла не любить его. Но сряду же онъ сказалъ самъ себѣ, что на женщинъ нельзя вообще смотрѣть, какъ на пути небесныхъ тѣлъ. Поэтому онъ рѣшилъ зорко наблюдать за своей супругой, особенно за путями, предпринимаемыми иногда безъ сопровожденія ввѣреннымъ ему этимъ женскимъ тѣломъ. Онъ говорилъ, что онъ не недовѣряетъ женѣ, но нельзя было всего знать, нельзя было быть довольно осторожнымъ; это необходимо для того, чтобы предотвратить несчастіе. Куда ходила его жена, выходя со двора? Дѣйствительно-ли она посѣщала подругъ, дѣлала поздравительные визиты, гуляла на свѣжемъ воздухѣ? Онъ хотѣлъ разрѣшить эти вопросы. Нѣкоторые изъ его друзей были обмануты съ помощью тѣхъ же самыхъ предлоговъ. Даже нѣсколько недѣль тому назадъ, одна жена, аккуратно выходившая каждый день, устраивая свиданія, отправилась въ Парижъ съ другомъ дома и все еще не вернулась оттуда.

Занятый подобными вопросами и размышленіями, онъ былъ остановленъ привѣтствіемъ одного господина, показавшагося ему знакомымъ. Замѣтивъ, что г. Виндель не знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить, тотъ объяснилъ: „я первый лейтенантъ фонъ-Кляпсъ, или, вѣрнѣе, я былъ имъ, и имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ на балѣ тайнаго коммерціи совѣтника Фалльберга. Тогда я былъ еще въ формѣ“.

— А! — вскричалъ г. Виндель, — совершенно вѣрно, теперь я припоминаю, я еще завидовалъ вамъ тогда, видя, какъ вы превосходно танцовали, летая по залѣ съ моей теперешней женой.

— Теперь конецъ танцамъ, любезный господинъ Виндель, я уже статскій.

— Отчего? — спросилъ г. Виндель. — Что вы сдѣлали?

— Долги, — былъ откровенный отвѣтъ, которому можно было повѣрить. — Частію я меньше занимался картами генеральнаго штаба, чѣмъ другими, частію былъ легкомысленъ и въ другомъ отношеніи. Такъ что теперь европейскій міръ, насколько онъ зависитъ отъ военной службы, будетъ держаться безъ моей помощи.

— А теперь? — спросилъ г. Виндель, готовый помочь совѣтомъ и дѣломъ прежнему легкомысленному танцору.

— Теперь? — повторилъ г. фонъ-Кляпсъ.

— Чего не сдѣлаешь, когда захочешь ѣсть. Теперь я представляю одну изъ головъ Цербера.

— Что вы? — спросилъ г. Виндель. — Я понимаю, Церберъ — развѣ это не...

— Вѣрно, вѣрно, — сказалъ г. фонъ-Кляпсъ, — Церберъ — адская собака, Церберъ — надсмотрщикъ, караульщикъ.

— Ага! — вскричалъ г. Виндель, такъ какъ онъ не понялъ ни слова.

Господинъ фонъ-Кляпсъ замѣтилъ это и прибавилъ, старясь пояснить: „Церберъ — это фирма бюро свѣдѣній, занимающаяся тѣмъ, что разъясняетъ темное, доставляетъ объясненія, предотвращаетъ обманъ. Я участвую въ этой фирмѣ, я...“ Г. фонъ-Кляпсъ искалъ подходящаго слова.

— Детективъ, — дополнилъ г. Виндель. — Что же, можно этимъ прокормиться?

— Да, если найдешь работу.

— И вы нашли что нибудь?

— Пока немного, — сказалъ г. Кляпсъ. Однажды, я имѣлъ, нужно сказать, несимпатичное порученіе обнаружить совсѣмъ не по товарищески мѣстопребываніе скрывшагося въ Парижъ должника. Потомъ я содѣйствовалъ счастью одной дамы, помогая ей въ дѣлѣ развода тѣмъ, что указалъ любовницу ея мужа. Вотъ пока и вся слава, выпавшая на мою долю.

Господинъ Виндель снова впалъ въ задумчивость. Потомъ онъ вдругъ сказалъ:

— Я доставлю вамъ порученіе. Я довѣряю вамъ, г. фонъ-Кляпсъ. Одинъ изъ моихъ друзей сомнѣвается въ своей женѣ и хочетъ успокоенія или какого бы то ни было конца.

— Этотъ одинъ изъ вашихъ друзей, господинъ Виндель, вы сами.

— Вы знаете?

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ г. фонъ-Кляпсъ, но всѣ вступленія обыкновенно такъ начинаются.

— Ну, да, признался г. Виндель, — это дѣйствительно такъ. Моя жена...

— Хотя я только мелькомъ знаю вашу жену, но все-таки считаю ее за положительную даму, — увѣрялъ г. Кляпсъ, — и вы ревнивы, какъ всѣ мужья, не имѣющіе никакого повода къ ревности.

— Но я имѣю поводъ, — сказалъ г. Виндель, — моя жена посѣщаетъ подругъ, дѣлаетъ поздравительные визиты, выходитъ подышать свѣжимъ воздухомъ, и я не знаю, дѣйствительно-ли это такъ или это только предлогъ. Понимаете вы меня? Она уходитъ, и я не знаю, куда, я требую увѣренности.

— Такъ вы хотите, чтобы... — спросилъ г. фонъ-Кляпсъ.

— Я хочу, чтобы вы пожаловали къ намъ и постарались узнать, что означаютъ прогулки моей жены, — энергично объяснилъ г. Виндель, — идите къ ней, пока меня нѣтъ дома. На это вы уполномочены мною.

— Теперь васъ нѣтъ дома, — сказалъ г. фонъ-Кляпсъ, принимая предложеніе, — я иду къ вамъ и дѣлаю вамъ и вашей женѣ визитъ.

— И доставите мнѣ увѣренность, — дополнилъ г. Виндель, — прежде же всего спокойствіе, безъ котораго я не могу предаваться своимъ удовольствіямъ. Поняли?

— Совершенно, — сказалъ г. фонъ-Кляпсъ.

— Итакъ, смѣло за работу! — ободрилъ его г. Виндель, я повременю еще часокъ, и вы можете совершенно спокойно начать свои наблюденія.

Г-жа Виндель была одна, когда горничная принесла ей визитную карточку. Она прочитала:

„Куртъ фонъ-Кляпсъ“. И была сильно изумлена.

— Вы съ ума сошли? — спросила она входящаго.

— Благодарю за любезный вопросъ, — отвѣчалъ онъ. — Какъ всякій влюбленный, я, по крайней мѣрѣ, полусумасшедшій.

— А если придетъ мой мужъ?

— Тогда онъ порадуется, что я послѣдовалъ его приглашенію.

Они засмѣялись.

— Разскажите, вы фокусникъ! — просила г-жа Виндель.

Онъ разсказалъ, конечно, не правду, въ которой ему было стыдно сознаться. Онъ встрѣтилъ случайно г. Виндель, который просилъ его сдѣлать ему честь своимъ посѣщеніемъ, и онъ исполняетъ это.

— Но мой мужъ ни слова не сообщалъ мнѣ объ этомъ, — сказала г-жа Виндель. — Онъ обыкновенно ничего не говоритъ мнѣ.

— Радуйтесь этому, г-жа Лили, онъ молчитъ о многомъ, что было бы вамъ непріят-

но узнать. Но зато я скажу вамъ все, что у меня на сердцѣ, именно: мнѣ было невыносимо только мелькомъ видѣть васъ на короткихъ свиданіяхъ, которыя могли бы быть, наконецъ, опасными для васъ, какъ бы невинны они ни были. У вашего мужа могло случайно явиться подозрѣніе. Теперь этой опасности нѣтъ болѣе, я буду теперь часто приходить и не буду очень несчастенъ, если не застану дома вашего мужа.

И г. фонъ-Кляпсъ, какъ человѣкъ, не боящійся быть слишкомъ скорымъ, обнялъ прекрасную женщину.

Она позволила это, точно все это было въ порядкѣ вещей, и спросила его:

— Отчего я не видала васъ больше въ формѣ?

— Были непріятности съ моимъ полковымъ командиромъ, — отвѣчалъ г. фонъ-Кляпсъ и, желая окончить этотъ непріятный для себя разговоръ, зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ.

Выходя изъ дома, онъ встрѣтилъ возвращающагося супруга.

— Ну, что? — спросилъ тотъ.

— Все идетъ, какъ нельзя лучше, — сообщилъ г. фонъ-Кляпсъ дѣловымъ тономъ, — дайте мнѣ только время.

— Я полагаюсь на васъ, — сказалъ г. Виндель, подавая своему другу руку на прощанье. Каждый день я не бываю дома отъ двухъ до трехъ часовъ, такимъ образомъ у васъ есть время исполнить вашу задачу.

— Точно такъ, — заключилъ г. фонъ-Кляпсъ, — предоставьте все мнѣ и будьте совершенно спокойны.

И г. Виндель предоставилъ ему дѣлать, какъ онъ хочетъ, и совершенно успокоился. Онъ желалъ только увѣренности.

ПОДЪ ЛУЧАМИ СОЛНЦА

„Наконецъ-то, дождались мы солнца!“ —
Шепчутъ сосны соснамъ, мнѣ во слѣдъ.
Весь пронизанъ солнцемъ перелѣсокъ,
Каждой травкѣ шлетъ оно привѣтъ...

* * *

Вѣтерокъ надъ полемъ чуть трепещетъ,
„Дождались мы солнца!“ — говоритъ.
Высоко-высоко надо ржами
Пѣсня жаворонка таетъ и звенитъ...

* * *

Пригрѣваетъ... Смолью дышатъ сосны...
На опушкѣ, окруживъ кусты,
„Дождался краснаго мы солнца!“ —
Шепчутъ синимъ бѣлые цвѣты...

Мотыльки кружатся надъ ложбиной...
Я прилегъ-припалъ къ землѣ сырой, —
Мать-земля, и та кому-то шепчетъ:
„Дождались мы солнышка съ тобой!..“

* * *

Чуетъ сердце, слышитъ сердце шепотъ, —
И въ него, какъ въ душную тюрьму,
Солнце льетъ свой свѣтъ животворящій,
Разгоняетъ мертвой жизни тьму...

* * *

И горитъ, и рвется рѣтивое
Къ небу, къ солнцу, въ золотую высь,
И невольно вторитъ старымъ соснамъ:
„Дождались мы солнца, дождались!..“

Аполлонъ Коринфскій.

ЛИЛИ.

Разсказъ **Святополка Чеха**. (Переводъ съ чешскаго **А. Сахаровой**).

Я человѣкъ необщительный и, заходя въ лѣтній загородный ресторанъ подъ тѣнью старыхъ каштановъ, охотнѣе всего забирался въ такой уголъ, гдѣ бывало менѣе всего гостей.

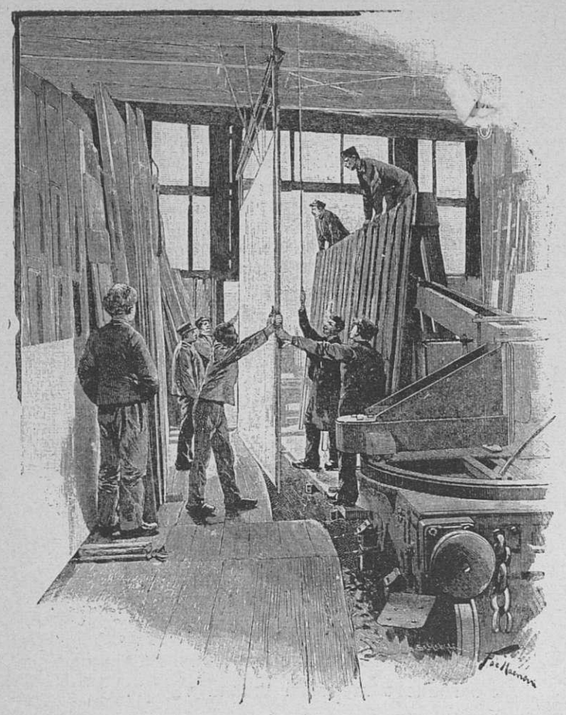
Зато тамъ я могъ заглянуть въ небольшое хозяйство содержателя ресторана. Въ углу, защищенномъ черепичной крышей, стоялъ ненакрытый столъ съ обильнымъ запасомъ пустыхъ стакановъ, полныхъ солонокъ и перечницъ, безукоризненно сложенныхъ скатертей и салфетокъ — святилище пана Якуба — престарѣлаго содержателя ресторана, съ лицомъ, напоминающимъ губку, и прядью посѣдѣлыхъ волосъ надъ ухомъ, которую онъ, однако же, умѣлъ очень искусно расчесывать по всей головѣ, такъ что его черепъ, совершенно голый, за исключеньемъ этой прядки, только просвѣчивалъ, какъ луна, заходящая за безлиственныя вѣтви деревьевъ зимою.

За паномъ Якубомъ приходила аккуратно каждый вечеръ его супруга, сухощавая женщина съ неправильнымъ, худымъ, желтымъ лицомъ, но всегда опрятно, хотя и просто, одѣтая. Періодической перестановкой этихъ стакановъ, солонокъ, перечницъ и складываньемъ заново скатертей и салфетокъ она выказывала, что охотно помогаетъ супругу въ его трудномъ призваніи; но такъ какъ эта перестановка и складыванье заново являлось чистой роскошью, то я безъ всякихъ колебаній повѣрилъ словамъ одного назойливаго меня утверждавшаго, что благоразумная женщина приходитъ за паномъ Якубомъ единственно на томъ основаніи, чтобы по окончаніи его дневной обязанности, подобно опытному лоцману, благополучно провести его утлую ладью между различными ущельями и подводными камнями въ пристань тихой семейной обители.

Панъ Якубъ, хотя онъ и держалъ себя всегда съ достоинствомъ, какъ совѣтникъ верховнаго земскаго суда въ отставкѣ, былъ, однако же, въ позднюю вечернюю пору подверженъ нѣкоторымъ слабостямъ, среди которыхъ первое мѣсто занимала страсть къ различнымъ карточнымъ играмъ — на основаніи извѣстнаго психологическаго закона — именно къ запретнымъ. Если иногда случалось, что панъ Якубъ направлялся домой одинъ, потому что терялъ по дорогѣ своего лоцмана, что, однако, было весьма затруднительно, то онъ возвращался въ пристань только къ утру, подобно жалкому, опустошенному судну, котораго ночная буря лишила всего цѣннаго груза, да и вообще всего не связаннаго нераздѣльно съ его личностью. Зато же онъ и игралъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывалъ не только всѣхъ своихъ наличныхъ денегъ, но и не исчерпывалъ всего своего кредита, а потомъ проигралъ бы безъ малѣйшихъ колебаній и свою примѣрную жену, если бы кому-нибудь вздумалось поставить на нее десять крейцеровъ—проигралъ бы ее тѣмъ охотнѣе, такъ какъ она, послѣ такого возвращенья, по принципу отравляла ему послѣобѣденный, необходимый сонъ.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ панъ Якубъ былъ человѣкъ серьезный, съ размѣренными движеньями, молчаливый и глубокомысленный. Гостей онъ признавалъ неизбѣжнымъ зломъ и относился къ нимъ съ холодной сдержанностью.

Онъ умѣлъ цѣлыхъ четверть часа предаваться глубокимъ размышленіямъ, стоя въ саду на одномъ мѣстѣ неподвижно какъ статуя; на одной рукѣ его была перекинута салфетка, другую онъ держалъ въ заднемъ карманѣ поношеннаго фрака, на лицѣ его выражалась гордость настоящаго философа, и онъ чаще всего отворачивался отъ пестраго, оживленнаго общества, собравшагося въ саду.



Нагрузка въ вагоны вольшихъ стеколъ.

— Панъ Якубъ, пива!

Панъ Якубъ медленно вытягивалъ руку изъ задняго кармана и легкимъ прикосновеніемъ къ темени убѣждался въ томъ, что луна прикрыта аккуратно.

— Гей, панъ Якубъ! панъ Якубъ!

Панъ Якубъ медленно протягивалъ руку, какъ бы желая испробовать упругость ея мускуловъ, а потомъ снова погружалъ ее въ отвисшіе карманы своего фрака.

„Звякъ! звякъ!“ стучалъ гость перстнемъ о солонку.

Панъ Якубъ мигалъ правымъ глазомъ, тщательно скрытымъ подъ мясистымъ вѣкомъ, и почесывалъ себѣ подбородокъ.

„Звякъ! звякъ!“ стучалъ гость солонкой о стаканъ.

Панъ Якубъ полегоньку опускался на ближайшую скамейку, раскладывалъ салфетку на колѣняхъ и подпиралъ ладонью глубокомысленное чело.

Такія сцены оканчивались крайне разнообразно. Человѣку, наблюдающему за характерами и темпераментами ближнихъ, представлялась тутъ обширная арена. Флегматикъ обыкновенно отказывался отъ тщетныхъ попытокъ и ожидалъ съ безмолвнымъ смиреньемъ, пока панъ Якубъ самъ устремитъ на него взоръ; меланхоликъ видѣлъ въ невниманіи содержателя ресторана подтвержденье своего опасенья, что онъ для всего человѣчества отверженный изгнанникъ, и покидалъ ресторанъ съ горькой усмѣшкой, не вызывая сожалѣнья ни въ комъ, менѣе всего въ панѣ Якубѣ; сангвиникъ принимался подшучивать и бомбардировалъ пана Якуба хлѣбными шариками до тѣхъ поръ, пока который нибудь изъ нихъ не заставлялъ его взглянуть на неотесаннаго стрѣлка; холерикъ колотилъ палкой по столу и подбѣгалъ къ пану Якубу съ дикимъ ревомъ: „Глухи вы, что ли? развѣ вы не дорожите гостями? Я цѣлый часъ стучу по столу, и мнѣ остается бѣжать самому за пивомъ. Хороша услужливость!“ послѣ чего панъ Якубъ серьезнымъ взглядомъ порицалъ его выходку и, пожимая плечами, давалъ понять, что онъ не можетъ разорваться.

Если бы вы на этомъ основаніи хотѣли опредѣлить темпераментъ самого пана Якуба, вы бы причислили его къ флегматикамъ. Ну, возможно, что вы и не ошиблись бы. Но достовѣрно одно, что достаточно было одного слова, чтобы зашевелилась его голова, оживилось неподвижное лицо и блеснули бы изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ одушевленные глаза. Это волшебное вліяніе имѣло словечко:

— Лили.

Чтобы вы не подумали, что кто-нибудь называлъ самого пана Якуба этимъ нѣжнымъ именемъ, пригоднымъ для прозвища канарейки, что за нелѣпая мысль,—я скажу вамъ немедленно, что такъ звали единственнаго ребенка нашей супружеской четы. Не знаю, какое имя въ календарѣ или въ романѣ на нѣжномъ материнскомъ языкѣ превратилось въ этотъ сладостный звукъ, я разузналъ только, что такое же имя носила маленькая графиня въ томъ аристократическомъ домѣ, гдѣ служила пани Якубова, прежде чѣмъ выйти замужъ за философа во фракѣ оффиціанта. Эта эпоха была для нея неисчерпаемымъ источникомъ радужныхъ воспоминаній, и оттуда-то она и выбрала такое имя для своей любимицы, которую нельзя же было прозвать обыденнымъ именемъ. Вѣдь маленькая Лили была жемчужиной и гордостью своего пола и возраста.

Во мнѣ уже самое имя, напоминающее лилію, лилипутовъ, златовласокъ и все миловидное и нѣжное, вызывало представленье о необычайной прелести — это впечатлѣніе еще усиливалось тономъ, какимъ оно было произнесено.

Когда панъ Якубъ спрашивалъ у жены: „Что же Лили?“ онъ произносилъ это „что же“ своимъ обычнымъ рѣзкимъ, ворчливымъ тономъ, но послѣ краткой паузы голосъ его совершенно измѣнялся, и слово „Лили“ звучало въ его, слегка оттопыренныхъ губахъ, какъ самый сладостный звукъ флейты.

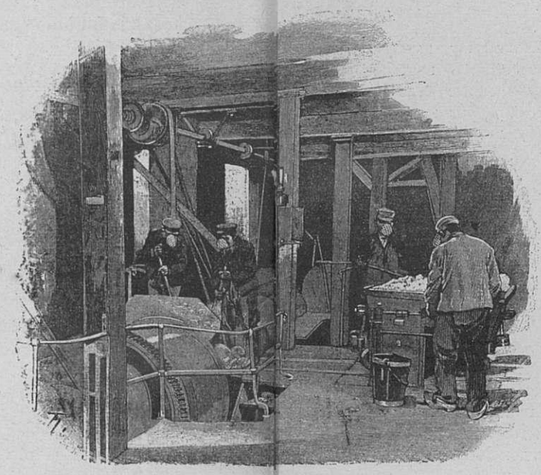
Когда же жена его отвѣчала: „Знаешь, ее выпросила къ себѣ совѣтница, та не можетъ жить безъ нея“, или: „учится, бѣдняжка. Завтра у нихъ какой-то праздникъ въ школѣ и учитель для нея именно сочинилъ стихотворенье, которое она должна продекламировать за цѣлую школу“, — голосъ ея дрожалъ отъ радостнаго волненья и безконечной гордости.

Я жаждалъ лицомъ къ лицу столкнуться съ этимъ маленькимъ идеаломъ всѣхъ прелестей и добродѣтелей.

Желанье мое скоро исполнилось, но меня постигло разочарованье.

Однажды задумавшійся панъ Якубъ тронулся съ мѣста съ невиданной живостью, презрительно прошелъ мимо двухъ столовъ,

Ложка для расплавленнаго стекла.



Растираніе и смѣшеніе ядовитыхъ веществъ.

за которыми недождавшіеся пива гости давали уже четверть часа звучный концертъ на пустыхъ стаканахъ, направился эластическими шагами подъ черепичную крышу, подъ которую его жена, гордо откинувъ голову и бросая на насъ, гостей, торжествующіе взгляды, вела расфранченную маленькую дѣвочку. Представьте себѣ общераспространенный типъ эмансипированной барышни, придайте этому типу дѣтскіе размѣры, и у васъ получится вѣрное изображенье сокровища Якуба. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, сухощавая, съ некрасивыми чертами и болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ коротко обстриженными бѣлыми волосами, съ черными очками на больныхъ глазахъ, съ странными, какими-то нервными движеньями, съ манерами не по возрасту обдуманными, какъ-то смѣшно притязательными — такова была наша Лили.

Но стоило посмотрѣть, какъ прояснилось, прямо озарилось весеннимъ солнцемъ тусклое лицо пана Якуба съ ея приходомъ, съ какой нѣжностью онъ взглянулъ на нее изъ-подъ опухшихъ вѣкъ!

Видно, именно потому, что природа оказалась по отношенію къ ней мачихой, или благодаря особымъ душевнымъ качествамъ, о которыхъ я не имѣю права судить съ внѣшней стороны, или просто вслѣдствіе сильно распространенной галлюцинаціи, превращающей въ глазахъ любящихъ родителей самую отталкивающую дурнушку въ идеалъ красоты, Лили являлась настоящимъ идоломъ своихъ родителей.

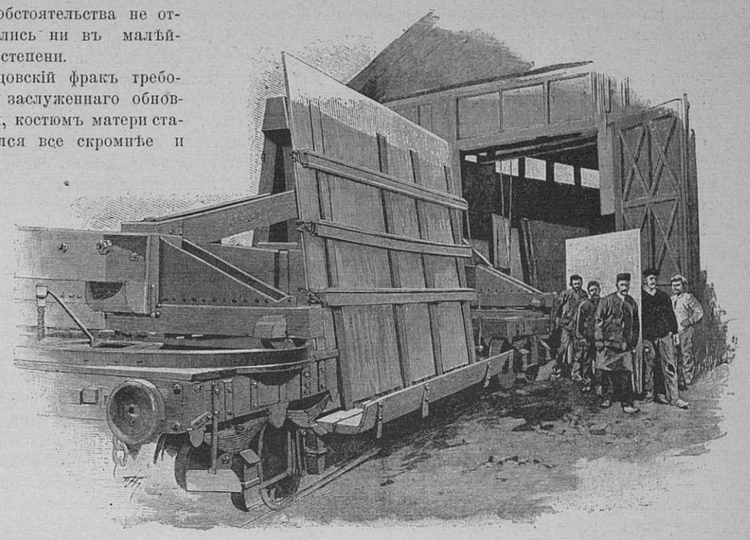
Я долженъ признаться, что это идолопоклонство возбуждало во мнѣ смѣхъ, но въ то же время трогало меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ страннѣе былъ его предметъ.

Меня въ особенности трогало и забавляло наблюденіе за матерью, какъ она съ восхищеньемъ слѣдила за каждымъ движеніемъ своего идеала, какъ счастлива она была при каждомъ его взглядѣ и словѣ, прислуживая ему, конечно, внимательнѣе и вѣрнѣе, нежели она служила когда-то маленькой графинѣ.

Нашъ садовый ресторанъ былъ довольно приличенъ; тѣнь старыхъ каштановъ, хорошій видъ, порядочная кухня, хорошее пиво; а все-таки количество посѣтителей, по неизвѣстнымъ причинамъ, далеко не соотвѣтствовало желаніямъ содержателя. Панъ Якубъ часто ломалъ себѣ голову надъ этимъ непонятнымъ явленіемъ и выражалъ результаты своихъ размышленій словами: „Ну если человѣку не везетъ, то что пользы въ томъ, что онъ будетъ разрываться“.

Конечно, этой неудачей обусловливалось то печальное обстоятельство, что доходы содержателя не были блестящи, а часть ихъ исчезала еще, не смотря на всю прозорливость пани Якубовой, въ ненасытной утробѣ ночного молоха. Но на Лили эти стѣсненныя обстоятельства не отражались ни въ малѣйшей степени.

Отцовскій фракъ требовалъ заслуженнаго обновленія, костюмъ матери становился все скромнѣе и скромнѣе, но дочка всегда была разряжена, какъ самая хорошенькая куколка, выставленная въ окнѣ лавки.

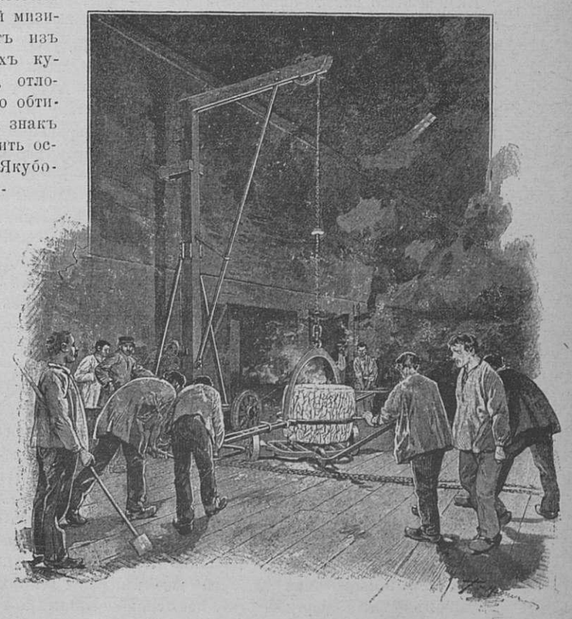


Транспортировка вольшихъ стеколъ.

Пріятно было посмотрѣть, когда Лили ужинала въ уголкѣ подъ крышей. Мать стирала каждую пылинку съ табурета, отставляла стаканы, солонки и перечницы съ той половины стола, за которой она сидѣла, и накрывала ее самой лучшей скатертью изъ хозяйскаго запаса. Потомъ она осторожно завязывала около шеи Лили бѣлоснѣжную салфетку и приносила ей изъ кухни ресторана ужинъ, который панъ Якубъ, безъ сомнѣнія, считалъ надлежащей ему за услугу доплатой. Послѣ этого она усаживалась въ уголъ въ сторонку, наблюдая непрерывно съ радостнымъ восхищеніемъ, какъ искусно Лили беретъ ножъ и вилочку въ худенькія ручки, какъ при этомъ она съ аристократическимъ жестомъ поднимаетъ свой прозрачный мизинецъ, какъ она вылавливаетъ изъ тарелки нѣсколько крохотныхъ кусочковъ, а немного спустя, отложивъ ножъ и вилку, деликатно обтираетъ себѣ ротъ салфеткой въ знакъ того, что мать можетъ отложить остатки ужина для отца. Пани Якубова сама не ѣла во время посѣщеній Лили; навѣрно она была сыта, любуясь своей любимицей.

Все, что Лили дѣлала и чего не дѣлала, было для ея матери чѣмъ-то необычайнымъ. Никакой другой ребенокъ не держалъ себя такъ хорошо, никакой другой не могъ похвалиться такими нарядами и никому эти наряды не были такъ къ лицу, какъ Лили. А на дѣвочкѣ я могъ подмѣтить, что обожаніе матери не прошло безслѣдно для нея. Она, очевидно, думала, что очаровываетъ каждаго, какъ мать, своими серьезными движеніями, что каждый восторгается тѣмъ, какъ она поправляетъ свои черныя очки, и что она является предметомъ зависти для всѣхъ остальныхъ дѣтей. Было нѣчто трогательное въ этомъ самообманѣ. Болѣзненная дѣвочка глядѣлась въ волшебное зеркало любви материнской и отцовской, показывающее ей прелестнаго ангелочка, если-бы этой любви не существовало, и чужіе безжалостные люди подставили ей съ насмѣшливой улыбкой настоящее зеркало, то она бы съ ужасомъ отступила и окаменѣла, какъ при видѣ головы медузы!

Я нѣкоторое время забавлялся идолопоклонствомъ супружеской четы, забавлялся и страдалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, потому что панъ Якубъ въ присутствіи маленькой Лили еще ворчливѣе, нежели когда либо, относился къ каждому требованію со стороны гостей, а его супруга думала, что мы, подобно ей,



Подъемъ котловъ для выливанія.

можемъ насытиться, глядя на прелестнаго ангелочка.

Но потомъ настали холодные октябрьскіе дни, желтые листья каштановъ опали, и лѣтній ресторанъ опустѣлъ.

Панъ Якубъ, его супруга и Лили исчезли съ моего горизонта.

Когда же снова вернулась весна, эта улыбающаяся любимица людей здоровыхъ и безпощадный врагъ больныхъ, я однажды утромъ отправился гулять по предмѣстью.

Вдругъ на меня натолкнулся неосторожный прохожій, въ которомъ я узналъ Якуба. По его наружности я догадывался, что онъ опять пострадалъ отъ ночной бури и безъ веселъ и парусовъ неся къ пристани.

Онъ извинялся дрожащимъ голосомъ:

— Простите, господинъ докторъ (въ этотъ чинъ онъ меня произвелъ уже лѣтомъ по окончаніи мною университскихъ экзаменовъ): — сегодня я не вижу свѣта.

— Что же съ вами случилось?

— Пойдемте, господинъ докторъ, это въ нѣсколькихъ шагахъ, вамъ тоже надо посмотрѣть на нее,—голосъ ему измѣнялъ.

Я шелъ съ нимъ. Мы вошли въ домъ, передъ которымъ стояла кучка женщинъ, оживленно бесѣдующихъ, и въ подъѣздѣ и на лѣстницѣ толпились женщины и дѣти. Всѣ уставились на насъ пристальнымъ взглядомъ. Во второмъ этажѣ мы вошли черезъ настежь открытыя двери въ маленькую кухоньку, въ которой толпа гостей разступилась передъ паномъ Якубомъ, пропуская насъ въ небольшую комнатку.

Теперь я понялъ все. Панъ Якубъ потерпѣлъ крушеніе, но на этотъ разъ на худшемъ подводномъ камнѣ, нежели обыкновенно.

Среди комнатки на обтянутомъ чернымъ сукномъ катафалкѣ, окруженнымъ свѣчами въ высокихъ подсвѣчникахъ, обвитыхъ чернымъ крепомъ, у подножья большого распятія съ двумя колѣнопреклоненными посеребренными ангелами по обѣимъ сторонамъ, лежала въ нарядномъ гробу осыпанная цвѣтами и образками Лили.

На ней было надѣто нарядное бѣлое атласное платье, голова ея покоилась на затканной серебромъ подушкѣ, тщательно причесанные волоски были украшены миртовымъ вѣночкомъ, а въ тоненькихъ бѣлыхъ какъ алебастръ ручкахъ лежалъ роскошный крестикъ изъ слоновой кости съ букетикомъ подснѣжниковъ. Впалое, сухощавое, болѣзненно блѣдное личико ея сохранило то не по-дѣтски серьезное выраженіе, которымъ оно отличалось при жизни; съ больныхъ глазъ были сняты черныя очки и они были тщательно закрыты навѣки.

Изъ кучки женщинъ, перешептывающихся около катафалка, ко мнѣ прибрела несчастная пани Якубова, съ глазами красными и опухшими отъ плача, судорожно сжимая въ рукѣ, мокрый отъ слезъ, носовой платокъ.

— Ахъ, господинъ докторъ, простонала она, вы вѣдь знали тоже ее—мою единственную, мою золотую, моего дорогого ангелочка.— А ей — ей... дочушечкѣ, было суждено... О, Боже!.. Смотрите, какая хорошенькая, какъ серьезно и умно смотритъ еще послѣ смерти... О, Боже, мой Боже!

Замѣчаніе матери, какъ достойно держитъ себя несравненная дѣвочка уже въ ледяномъ объятіи смерти, тронуло меня сильнѣе, нежели послѣдовавшіе за нимъ взрывы ея отчаянья, которое сочувствующія ея горю сосѣдки сумѣли смягчить утѣшеньемъ, что Господь Богъ призвалъ къ себѣ маленькаго ангелочка, который былъ непригоденъ для этого грѣшнаго міра.

Я обернулся, ища отца; но панъ Якубъ былъ въ саду.

Я явился также на похороны.

Въ это лѣто я не посѣщалъ загороднаго ресторана. Только когда листья каштановъ начали опять желтѣть, я забрелъ туда однажды и усѣлся на свое обычное мѣсто недалеко отъ черепичной крыши.

Гдѣ былъ порядокъ, царившій когда-то на столѣ передъ нею. Въ безформенной грудѣ валялись тутъ небрежно сложенныя скатерти и грязныя салфетки, опрокинутыя перечницы, плохо вытертые стаканы и солонки. А на этотъ безпорядокъ смотрѣла тупымъ взглядомъ пани Якубова въ поношенномъ, грязномъ платьѣ, подпирая руками сморщенный лобъ, надъ которымъ уже серебрилась во многихъ мѣстахъ сѣдина въ растрепанныхъ волосахъ, съ лицомъ еще болѣе худымъ и желтымъ, нежели прежде, погруженная въ мрачныя размышленья.

Весь садъ представлялъ образъ запустѣнья; только нѣсколько задумчивыхъ гостей сидѣло тамъ и сямъ за столами, накрытыми неопрятными и кое-какъ разложенными скатертями, подъ старыми каштанами, съ которыхъ кружась падали пожелтѣвшіе и увядшіе листья.

Панъ Якубъ сидѣлъ въ заднемъ углу сада, по обычаю, спиною къ гостямъ, прижимая грязную и скомканную салфетку къ низко опущенному лбу. Его фракъ являлся уже чистой карикатурой фрака, а голова—оголенной; голова пана Якуба свѣтилась, какъ луна въ полнолуніе—прядь посѣдѣвшихъ волосъ, которая когда-то такъ искусно заслоняла ее, развѣвалась теперь безцѣльно и шаловливо на осеннемъ вѣтрѣ.

Я не надѣялся вывести содержателя ресторана изъ раздумья.

Наконецъ, на меня обратила вниманье его жена и подошла ко мнѣ нерѣшительно.

— Ахъ, господинъ докторъ ожидаетъ пива,—говорила она печально. — Сейчасъ подадимъ, сейчасъ!

Но, увы, обѣщанье не было исполнено, такъ какъ хозяйка принялась разсказывать:

— Ахъ, господинъ докторъ, куда я ни взгляну, я всюду вижу ее, — говорила она, по временамъ всхлипывая и отирая слезы, непрерывно катившіяся по ея впалому лицу.—Когда вы были тутъ послѣдній разъ, она сидѣла еще тамъ здоровая и веселая какъ рыбка, хорошенькая, какъ ангелочекъ, и такого ребенка мнѣ пришлось потерять! Не могу, не могу примириться съ этой мыслью; мнѣ всякій разъ кажется, что она стоитъ опять передо мною въ своей новой шляпкѣ съ ландышами, которая такъ шла къ ней, что она покачиваетъ головкой и умно поглядываетъ на меня сквозь свои очки, — сердце у меня разрывается при этомъ... Якубъ! гость, сидящій за сосѣднимъ столомъ хотѣлъ платить. — У меня единственное утѣшенье, что мы воспитывали ее въ такой нѣгѣ и роскоши, какъ рѣдко воспитываютъ дѣтей, и что она умерла такъ легко, такъ спокойно. Такъ не умиралъ еще ни одинъ ребенокъ. Вы вѣдь видѣли, какъ умно она смотрѣла еще въ гробу. А похороны вы также видѣли: она была засыпана цвѣтами и вѣнками, гробъ у нея былъ прекрасный, дроги съ ангелами, дружки, два священника, каждый изъ провожавшихъ ее до сихъ поръ вспоминаетъ эти прекрасныя и трогательныя похороны.

— Якубъ! Якубъ! — гость у сосѣдняго стола также терялъ терпѣнье.—А Якубъ ни на что не пригоденъ! Ходитъ, какъ лунатикъ. Съ Лили его покинулъ его ангелъ-хранитель. Онъ скитается по цѣлымъ ночамъ—даже стыдно сказать! проигрываетъ въ карты послѣдній крейцеръ и носитъ подъ закладъ свои вещи... Якубъ! Якубъ! Якубъ!

Наконецъ, панъ Якубъ приковылялъ, какъ бы подавленный, и сталъ писать на клочкѣ бумаги счетъ сосѣдняго гостя.

Его жена докончила свою элегію: „но мнѣ уже все равно. На свѣтѣ меня уже ничто не радуетъ, и я кое-какъ все же добреду до могилы, гдѣ снова обниму свою Лили, свою дорогую, золотую Лили“.

Панъ Якубъ завертѣлъ головою; онъ, очевидно, различилъ имя своей отлетѣвшей канарейки. Онъ нагнулся ниже къ бумагѣ и продолжалъ писать: жареный цыпленокъ, что нибудь къ нему?..

— Огуречный салатъ.

— Огуречный салатъ.

Тутъ что-то заблестѣло между цыпленкомъ и салатомъ, и панъ Якубъ вопросительно поднялъ свои утомленные беззсонной ночью глаза, точно спрашивая у безоблачнаго неба, откуда взялась на счетѣ эта дождевая капля.

Свадебные обычаи у черногорцевъ и сербовъ.

Чтобы изучить характеръ извѣстнаго народа, необходимо познакомиться съ особенностями нравовъ и обычаевъ его жизни, потому что нигдѣ такъ рѣзко не высказывается народный характеръ, нигдѣ такъ рельефно не выступаютъ черты народнаго духа, его умственный, нравственный и политически-бытовой складъ, какъ въ этихъ особенностяхъ обычаевъ домашняго обихода, которыя связуютъ всѣхъ, и въ отдѣльности каждаго, въ одну громадную семью-племя.

Предполагая, что для каждаго интересно познакомиться съ характеромъ бурнаго черногорскаго народа, мы поставили себѣ задачу познакомить русскаго читателя съ частью его обычаевъ, именно съ свадебными обычаями его, гдѣ особенно рѣзко выражаются характерныя особенности живого, веселаго черногорскаго племени.

Прежде, чѣмъ начать описаніе этихъ обычаевъ, мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ нѣкоторыми предварительными особенностями. Трудно вообще и почти невозможно опредѣлить время, когда молодые люди женятся, а дѣвицы выходятъ замужъ въ Черногоріи. Но обыкновенно вступленіе въ бракъ молодого черногорца зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, состоитъ-ли онъ членомъ большой семьи или нѣтъ. Молодой человѣкъ женится поздно, если въ семействѣ есть много дѣвицъ и не чувствуется нужды въ женскихъ рабочихъ силахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черногоріи встрѣчаются слѣдующіе обычаи. Напримѣръ, бываютъ случаи, что двѣ стороны дѣлаютъ уговоръ о бракѣ тогда еще, когда матери носятъ будущую чету въ своей утробѣ, но съ тѣмъ условіемъ, конечно, если новорожденные будутъ разнаго пола. Такое преждевременное обрученіе обыкновенно совершается подъ давленіемъ какихъ-нибудь

чрезвычайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Напр., какъ взаимная любезность двухъ лицъ за оказанное другъ другу благодѣяніе, помощь и вѣрность въ схваткахъ съ врагами и др. Такіе обычаи обрученія считаются святыми и цѣнятся даже болѣе, чѣмъ религіозные. Вслѣдствіе этого рѣдко найдется въ средѣ черногорцевъ такой, кто бы отказался отъ такого брака, и только какой либо недостатокъ, или физическій, или нравственный, можетъ послужить помѣхою къ выполненію заключеннаго между двумя сторонами условія. Но часто встрѣчаются и такіе случаи, что вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, отдѣльный родъ имѣетъ только единственнаго представителя въ лицѣ какого-нибудь мальчугана. Въ данномъ случаѣ нужда невольно заставляетъ родителей этого мальчика женить его преждевременно. Они находятъ ему невѣсту изъ соотвѣтствующей фамиліи, часто даже моложе его, и вѣнчаютъ ихъ, какъ взрослыхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ брачныхъ церемоній. Послѣ этого переводятъ дѣвочку въ домъ ея мужа, гдѣ она дальше подрастаетъ. Но при этомъ нужно замѣтить тотъ интересный фактъ, что не допускается никакое злоупотребленіе со стороны мужа, пока молодая невѣста не будетъ въ состояніи раздѣлить съ нимъ супружеское ложе. Онъ не позволяетъ себѣ пользоваться правами супруга раньше, пока не явится у его молодой жены способность рождать. Нарушеніе этихъ обычаевъ, по народному повѣрію, карается строго. Самъ Богъ накажетъ виновнаго, и плодъ въ утробѣ его жены превратится въ камень, даже самый ребенокъ будетъ наказанъ за грѣхъ родителя: вся жизнь его будетъ мученіемъ вслѣдствіе того или другого недостатка, физическаго или умственнаго. Самыя формы заключенія брака у черногорцевъ распадаются на троякаго рода сдѣлки. Они происходятъ въ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и тѣхъ условій, въ какихъ находится въ данное время страна, или же въ зависимости отъ семейныхъ условій самихъ брачущихся. Первая сдѣлка сопровождается слѣдующими церемоніями. Если женихъ и невѣста не обручены еще въ дѣтствѣ, то отецъ, мать, близкій родственникъ, или даже самъ женихъ должны пройти длинную процедуру, пока начнется самый обрядъ. Знакомство жениха съ дѣвушкой совершается на хороводахъ, въ гостяхъ или на базарахъ, и если онъ заинтересуется, то начинаетъ ухаживать за ней и распрашивать о ней знакомыхъ, и въ особенности ея сосѣдей. Обыкновенно соблюдаются слѣдующія требованія: чтобы дѣвица была изъ большого семейства, изъ знатной, особенно отличавшейся храбростью и геройствомъ фамиліи. Но, кромѣ этого, требуется, чтобы и мать ея была хорошей женщиной, незазорнаго поведенія. Это ясно выражается народной черногорской пословицей: „гледай майку, попроси дѣвойку“, что на русскомъ языкѣ значитъ: „смотри мать и потомъ сватай ея дочь“. Но бываетъ иногда и такъ, что женихъ не самъ непосредственно узнаетъ эти подробности, а поручаетъ кому нибудь изъ своихъ близкихъ родственниковъ или товарищей. И только послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла онъ рѣшается просить руки намѣченной дѣвушки. Замѣчательно, что все это дѣлается тайно отъ всѣхъ до тѣхъ поръ, пока благополучно не окончится дѣло. Въ этомъ случаѣ сказывается значительно развитое самолюбіе черногорца: онъ больше всего боится позора, какъ своего, такъ и своей семьи. Затѣмъ дѣло зависитъ уже отъ дѣвушки и ея родителей. Если они согласятся на предложеніе жениха, то съ согласія уже его семьи снаряжается въ домъ невѣсты депутація, состоящая обыкновенно изъ двухъ лицъ, его отца и старшаго брата, или же отца и дяди, или кого-нибудь изъ другихъ близкихъ родственниковъ, или, въ крайнемъ случаѣ, кого-либо изъ товарищей. Эта депутація, приблизившись къ дому невѣсты на извѣстное разстояніе, останавливается и прежде всего вызываетъ отца невѣсты, или другого, замѣняющаго его, и съ нимъ ведетъ переговоры. По народному обычаю, вызванное изъ дома невѣсты лицо садится вмѣстѣ съ пріѣзжими на травѣ или на камняхъ, и между ними начинаются переговоры. Обыкновенно разговоръ начинается издалека: „Ну, что, другъ, какъ поживаешь“, обращаются представители жениха къ вызванному лицу, — „разсказывай, что интереснаго, не слышно-ли о войнѣ съ турками, не бывалъ-ли ты въ гайдуцкихъ четахъ?“ и т. д., при этомъ бесѣда идетъ обычно весьма оживленно. Но если въ то же время мимо нихъ пройдетъ невѣста, то депутація обращаетъ на нее особенное вниманіе и, осмотрѣвъ дѣвушку съ головы до пятъ, уже начинаетъ бесѣду въ другомъ направленіи: „что за прелесть дѣвица! будь здорова, дѣвица!“ И этимъ тайна уже начинаетъ открываться. Затѣмъ постепенно представители жениха переносятъ разговоръ на самый предметъ, ради котораго они и пріѣхали. „Слышали мы, начинаетъ депутація, что у тебя есть дѣвушка, вслѣдствіе этого, какъ мы, такъ и вся наша семья желаетъ породниться съ тобою и твоей фамиліею, поэтому согласенъ-ли ты выдать ее за нашего Гюро, или Савко, замужъ?“ На это представитель невѣсты обыкновенно отвѣчаетъ: „Не знаю, я самъ согласенъ, но надо спросить, согласны-ли сама дѣвица, мать, братья и вся наша фамилія“. Послѣ этого поднимается, входитъ въ домъ и, спросивъ согласія помянутыхъ лицъ, возвращается къ представителямъ жениха и, пожавъ имъ крѣпко руки, произноситъ: „Даю ее вамъ, дай Богъ, чтобы она вамъ принесла счастіе, намъ же не принесла бы безчестья“. „Благодаримъ, братъ“, отвѣчаютъ ему гости и цѣлуются. Затѣмъ депутація стрѣляетъ изъ пистолетовъ въ честь успѣшности своего дѣла, вынимаетъ изъ дорожнаго мѣшечка водку, и выпиваютъ всѣ по рюмкѣ за здоровье невѣсты, жениха и за всѣхъ членовъ двухъ фамилій и только послѣ этого входятъ уже въ домъ невѣсты. На порогѣ ихъ встрѣчаютъ привѣтствіями хозяева, и начинаются новыя цѣлованія, а невѣста, узнавъ по выстрѣлу о состоявшемся обрученіи, скрывается и до самаго вѣнца не показывается ни жениху, ни его роднымъ. Гостямъ отдается первое и почтенное мѣсто въ домѣ. Въ то же время, узнавъ объ этомъ, вся родня и сосѣди невѣсты приходятъ поздравить какъ представителей жениха, такъ и родителей невѣсты. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, на которомъ гости достаточно угощаются, начинаются пѣсни и танцы; кто нибудь беретъ гусли и начинаетъ воспѣвать національныхъ героевъ.

Послѣ этого всѣ расходятся по домамъ, а депутація остается въ домѣ невѣсты до слѣдующаго дня. На другой день устраивается завтракъ, на которомъ гости испрашиваютъ разрѣшенія ѣхать домой: „Ну, милые пріятели, намъ уже пора отправиться домой“. При этомъ кто нибудь вынимаетъ изъ кармана червонецъ и черезъ мать посылаетъ невѣстѣ отъ имени жениха. Невѣста, въ свою очередь, отвѣчаетъ подарками. Обыкновенно она посылаетъ черезъ мать каждому изъ гостей по парѣ носковъ собственноручнаго издѣлія, изящно вышитыхъ шелкомъ. Прощаясь, депутація цѣлуется со всѣми присутствующими и говоритъ: „Съ Богомъ оставайтесь“. „Счастливая дорога“, отвѣчаютъ домашніе. Въ то же время въ домѣ жениха собираются всѣ почти родственники его и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ депутацію. И, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, снова и здѣсь сыплются благословенія на жениха. Этимъ кончается такъ называемая „малая просьба“.

(*Продолженіе будетъ*).

И. Георгіевъ.

Стекляный заводъ въ Сенъ-Гобэнѣ.

ВЕНЕЦІАНСКІЯ стекла въ дѣйствительности не заслуживаютъ своей репутаціи. Умѣніе венеціанцевъ отливать стекло никогда не шло дальше обыкновенныхъ оконныхъ стеколъ, и ихъ пресловутыя зеркала, въ сущности, не представляютъ въ настоящее время ничего особенно замѣчательнаго и могутъ интересовать развѣ только антикваріевъ, хотя въ XVI и XVII столѣтіяхъ они считались чудомъ свѣта. Искусство литья стекла въ Венеціи не двигалось впередъ, и когда Кольберъ, въ 1665 году, задумалъ ввести во Франціи фабрикацію зеркалъ, онъ долженъ былъ выписать рабочихъ изъ Мурано, такъ что, когда восемь лѣтъ спустя, графъ д'Аво, французскій посланникъ въ Венеціи, предложилъ Кольберу нѣкоторые секреты дѣланія стеколъ, тотъ съ гордостью могъ отвѣтить: „Наши стекла лучше венеціанскихъ“. И уже въ 1688 году, когда въ Мурано еще продолжали выдувать стекло, какъ это дѣлалось въ XIV столѣтіи, нормандскій дворянинъ Луи-Лука де-Негу и парижскій обыватель Авраамъ Теваръ придумали способъ выливанія стекла.

Изобрѣтеніе литья стеколъ быстро привело въ упадокъ венеціанскую промышленность. Этотъ способъ называется сенъ-гобенскимъ.

Общество Теваръ, съ которымъ Луи-Лука де-Негу покончилъ счеты, въ 1693 году устроило свою мануфактуру на мѣстѣ древняго замка Сенъ-Гобэнъ, близъ ла-Фера. Въ VII вѣкѣ эту страну обратилъ въ христіанство одинъ ирландскій монахъ, по имени Гобэнъ, происходившій изъ королевскаго дома и умершій мученикомъ, въ 660 году. Въ десятомъ вѣкѣ замокъ принадлежалъ епископу Лаонскому, перейдя затѣмъ послѣдовательно черезъ нѣсколько рукъ, онъ въ XVI вѣкѣ перешелъ къ Бурбонамъ. 1 іюля 1692 г. общество Авраама Теваръ наняло его за 24 ливра въ годъ у графа Лонгевиля, губернатора ла-Фера. Наконецъ, въ 1698 году общество купило его за 3,000 ливровъ.

Въ 1692 году Сенъ-Гобэнъ представлялъ только развалины, но эти развалины находились среди великолѣпныхъ лѣсовъ, — то-есть, готоваго топлива. „Близость лѣса и рѣ-

ки Уазы, направляющейся къ Парижу", соблазнили Тевара, Негу и ихъ товарищей. На мѣстѣ башенъ и рвовъ господъ Куси они настроили зданій, „какъ для производства стекла, такъ и для помѣщенія мастеровъ, конторщиковъ и рабочихъ". Въ февралѣ 1693 они получи.., кромѣ разныхъ другихъ милостей и привилегій, патентъ на право поставить у дверей мануфактуры швейцара въ королевской ливреѣ, навѣсить французскій гербъ и прибить вывѣски съ названіемъ: „Королевская мануфактура большихъ стеколъ". Это названіе скоро обратилось просто въ „Мануфактура стеколъ". Гербъ исчезъ. Но у монументальныхъ воротъ Сенъ-Гобэна, сдѣланныхъ по рисунку Суффло, подлѣ которыхъ помѣщается часовня, швейцаръ остался со своей треуголкой, перекрещивающейся на груди портупеей, со своей шпагой и алебардой.

Данило, Княжичъ Черногорскій.

Настоящее общество унаслѣдовало владѣніе мануфактурой отъ перваго, получавшаго королевскія привилегіи и существовавшаго отъ 1665 по 1703, и которое насчитывало въ числѣ своихъ членовъ родственниковъ Моліера и Расина. Общество Сенъ-Гобэнъ, Шони и Сирэ, давно присоединившее къ себѣ всѣхъ своихъ конкурентовъ, имѣетъ теперь нѣсколько стеклянныхъ заводовъ, и не только во Франціи, но и въ Германіи и въ Италіи. Въ Сирэ работаетъ 628 рабочихъ, а въ Штольбергѣ 842 человѣка. Въ Сенъ-Гобэнѣ рабочихъ меньше, чѣмъ въ другихъ заводахъ,— всего 375 рабочихъ и служащихъ. Здѣсь зеркала вполнѣ не кончаются, а для полированія и серебренія отправляются въ Шони.

Среди бѣлой неосязаемой пыли быстро вертятся блоки, ремни, жернова, цѣпи съ черпаками, совки, двигаются рабочіе въ маскахъ (полумаски въ формѣ намордника, закрывающія носъ и ротъ и фильтрующія отчасти воздухъ, которымъ они дышатъ). Здѣсь производится первый процессъ фабрикаціи стеколъ — растираніе и смѣшеніе годныхъ для стеклованія продуктовъ, — песку изъ Фонтенебло, Немура и Шампаньи, извести изъ Бельгіи, Германіи или Сѣверной Франціи и, наконецъ, сѣрнокислой соли.

Тигели съ глиной и размельченнымъ песчаникомъ помѣщаются въ два ряда въ огромныхъ печахъ, въ которыхъ можно поставить отъ восьми до двадцати тигелей. Печи выстроены по системѣ Сименса и отапливаются газомъ. Доставка и выпускъ газа, воздуха и дыма происходитъ черезъ подъ печи, образуемой длиннымъ сводомъ. Каждый тигель сообщается съ дверью, въ верхней части которой продѣлано отверстіе, снабженное клапаномъ, который при помощи цѣпи поднимается.

Когда печь нагрѣется до надлежащей теплоты, въ тигели посредствомъ особыхъ лопатъ опускаются сначала обломки зеркалъ и стеколъ для облегченія плавленія, затѣмъ послѣдовательно годная для стеклованія смѣсь. Когда продукты вполнѣ расплавились, въ чемъ можно убѣдиться, зачерпнувъ нѣсколько стекло желѣзной палочкой, если стекло проварилось хорошо, то-есть, если стекла однородно и всѣ могущіе образоваться пузыри были удалены; если температура была достаточно охлаждена до того, что стекло получило необходимую густоту тѣста, тогда можно приступить къ плавленію.

Конечно, въ Сенъ-Гобэнѣ не господствуетъ лихорадочная дѣятельность заводовъ, производящихъ бутылки, оконныя стекла или посуду, но и здѣсь можно найти много интереснаго.

Когда стекло достаточно расплавилось, печи открываются, подвигаются такъ называемые чертн. Чертъ состоитъ изъ двухъ колесъ и длиннаго дышла, снабженнаго гигантскими щипцами. Эти щипцы проникаютъ въ пылающую печь, выхватываютъ раскаленный котелъ и ставятъ его на низенькую телѣжку, на очень, очень маленькихъ колесахъ. Затѣмъ низенькая телѣжка и высокій журавль подвигаются одинъ къ другому. Журавль снабженъ особыми клещами, которые захватываютъ тигель, поднимаютъ его и направляютъ его къ столу для отливки, посыпанному мелкимъ пескомъ. Тигель тихо опускается, наклоняется, всѣ его движенія точно разсчитаны, и, наконецъ, опрокидывается. Жидкое стекло имѣетъ опаловый цвѣтъ. Прозрачная жидкость кажется маслянистой. Она разливается по столу, и огромная скалка, движущаяся механически посредствомъ цѣпей, проходитъ съ одного конца на другой, чтобы сравнять массу. Если образуется неровность, ее быстро удаляютъ, ширина и толщина стекла опредѣляется раздвиганіемъ и высотою желѣзныхъ прутьевъ, на которыхъ двигается скалка.

Яковъ Галеви.

Ни минуты остановки. Стекло должно еще подвариться, или, лучше сказать, медленно и послѣдовательно охладѣть. Печь для подвариванія какъ бы продолжаетъ работу стола; едва скалка прошла по стеклу, какъ его поспѣшно при помощи длинныхъ грабель отправляютъ въ эту печь, гдѣ оно остается нѣсколько дней.

Едва изъ тигелей будетъ вылита вся жидкость, какъ ихъ снова наполняютъ и снова ставятъ въ печи.

Въ прошломъ столѣтіи, директоръ завода при шпагѣ и треуголкѣ всегда присутствовалъ при выливаніи стекла, но теперь эта церемонія упразднилась.

Принцесса Ютта Мекленбургъ-Стрелицкая.

Вынутыя изъ второй печи стекла помѣщаются на качающійся деревянный столъ, который поднимается и кладетъ ихъ на слегка наклоненный пюпитръ, укрѣпленный на колесахъ и движущійся по рельсамъ. Этотъ пюпитръ отправляется въ мастерскую, гдѣ находятся различныя приспособленія для обращенія со стеклами. Длинные ремни навернуты на столбы, помѣщающіеся въ телѣжкахъ, двигающихся по воздушнымъ рельсамъ. Эти ремни позволяютъ поднимать и переносить стекла, которыя внимательно изслѣдуются. Положивъ ихъ на столъ, отыскиваютъ въ нихъ недостатки и, въ случаѣ надобности, расширяютъ.

Если недостатки незначительны, стекло не расширяютъ, а недостатки удаляютъ посредствомъ очищенія алмазомъ или подравниванія небольшими стальными колесками. Затѣмъ столъ выпрямляется, ремни поднимаютъ стекло, переносятъ его къ выходу изъ складовъ и тамъ кладутъ на другой пюпитръ, помѣщенный въ вагонѣ. Спеціальный способъ укладки допускаетъ уложить вмѣстѣ нѣсколько стеколъ съ каждой стороны пюпитра. Вагонъ отвозитъ ихъ въ Шони по желѣзной дорогѣ, всего 15 верстъ разстоянія; они привозятся шероховатыя, непрозрачныя. Здѣсь ихъ чистятъ, полируютъ и, наконецъ, серебрятъ.

Переноски громадныхъ стеколъ на рукахъ насколько возможно избѣгаютъ. Но иногда приходится прибѣгать и къ этому способу. Особенно поражаютъ эти огромныя пространства стекла, отъ 15 до 20 метровъ въ квадратѣ (метръ почти равняется 1 аршину 7 вершкамъ) при 1 центиметрѣ толщины (центиметръ немного меньше полудюйма), приподнятыя на широкихъ тесьмахъ командами въ шесть, восемь или десять человѣкъ. Стекло волнуется и гнется, будто полоса листового желѣза. Малѣйшее сотрясеніе въ

походкѣ нарушитъ равновѣсіе, и стекло разобьется. Потеря стекла не имѣетъ особаго значенія, но осколки его причиняютъ серьезныя поранения.

На всемірную выставку 1889 г. Сенъ-Гобэнъ прислалъ зеркала замѣчательной величины. Одно изъ нихъ имѣло поверхность въ 34 квадратныхъ метра и 24 центиметра и было вылито изъ одного тигеля, въ которомъ помѣщалось 1,600 килограммовъ (килограммъ = 2 ф. 42 золот.) жидкаго стекла. Это былъ единственный опытъ.

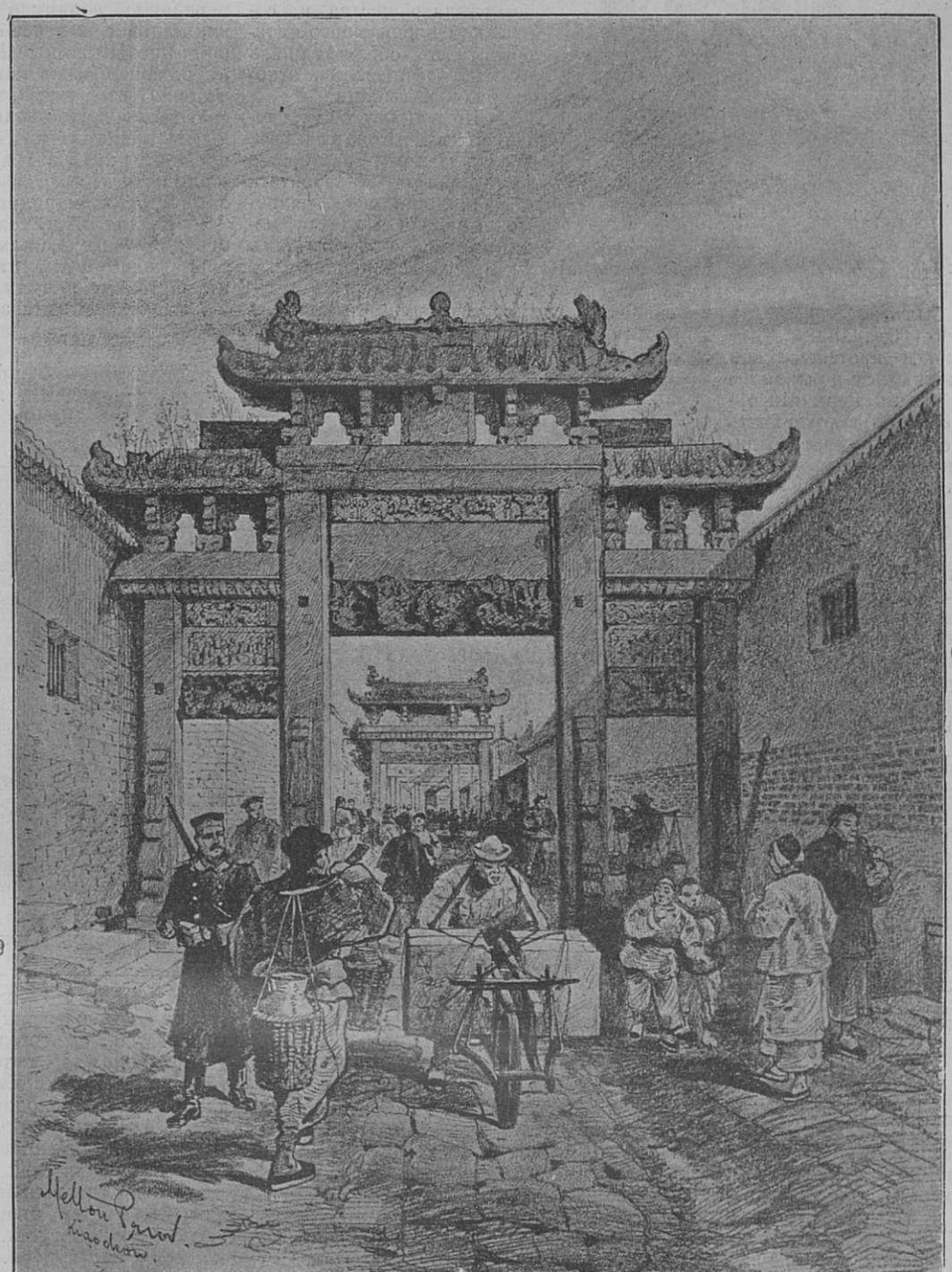
Въ мастерскихъ Сенъ-Гобэна рядомъ съ большими гладкими столами, служащими для литья стекла, имѣются другіе, поменьше, поверхность которыхъ покрыта выбитымъ рисункомъ. Нѣкоторые изъ этихъ столовъ гладки, но тогда рисунокъ выгравированъ на скалкѣ. Эти рисунки по большей части состоятъ изъ желобковъ, косоугольниковъ, изображеній деревьевъ, завитковъ, различныхъ декоративныхъ фантазій.

Къ производству зеркалъ, Сенъ-Гобэнъ присоединилъ еще производство литыхъ стеколъ, покрытыхъ рельефами, которыя идутъ для перегородокъ, дверей, оконъ въ училищахъ, конторахъ, магазинахъ и т. п. Для этого производства стекло черпается изъ бассейновъ особыхъ печей, не допускающихъ тигелей, посредствомъ мѣдныхъ или литой стали кармановъ. Литье происходитъ одинаковымъ порядкомъ, какъ и для большихъ зеркалъ, но только на одномъ изъ вышеупомянутыхъ маленькихъ столовъ.

Затѣмъ, Сенъ-Гобэнъ стремится производить предметы совсѣмъ другого сорта. Въ настоящее время стекло стремится расширить свою область. Стеклянныя нити можно еще спрясть, но при тканьѣ онѣ ломаются, такъ что на стекляныя ткани намъ нельзя разсчитывать. Но въ виду имѣются стеклянные дома, и части убранства такого дома можно уже видѣть: занавѣси, столы, столики на одной ножкѣ, стеклянныя прозрачныя доски для отдѣлки комнатъ, плиты, черепицы, трубы, чаны, водохранилища и т. п. Для этихъ предметовъ необходимо скульптированіе стекла. Относительно рабочихъ фабрики можно сказать, что значительная часть ихъ, какъ это было при открытіи мануфактуры, живетъ въ помѣщеніяхъ общества. Они занимаютъ два рабочихъ города; одинъ выстроенъ въ 1764 году, другой въ 1818 году. Изъ 151 помѣщенія 146 даровыхъ. Съ другой стороны 113 рабочихъ изъ 445 (изъ числа которыхъ 258 женатыхъ) владѣютъ каждый домикомъ съ садомъ, для пріобрѣтенія котораго имъ были даны различныя льготы; 89 человѣкъ отставныхъ рабочихъ и 77 вдовъ съ дѣтьми, получающихъ пенсію, пополняютъ рабочую колонію Сенъ-Гобэна. Въ этой колоніи находится еще спеціальное училище, потребительное общество, общество стрѣльбы въ цѣль, отрядъ пожарныхъ и филармоническое общество.

Сенъ-Гобэнъ можетъ похвалиться, что въ немъ никогда не было стачекъ.

В. М.



Нѣмцы въ Китаѣ. Уличныя сцены въ Кіао-Чау.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-Венгрія. 13 іюня сербы праздновали пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности любимаго своего поэта Змая-Іована Іовановича; такъ какъ Змай Іовановичъ живетъ въ настоящее время въ Загребѣ (въ Босніи), то и празднованіе его юбилея было предположено устроить въ этомъ городѣ. Уже 12-го прибыли въ Загребъ гости изъ Праги, Бѣлграда, Любляны, Сараева, Будапешта, Мостара, Цетинья, Дубровника, Новаго Сада и другихъ городовъ. Хорватская молодежь воспользовалась этимъ съѣздомъ, чтобы проявить свою ненависть къ православнымъ сербамъ; она устроила демонстрацію съ цѣлью принудить собравшихся отложить празднество. Прежде всего, хорватская молодежь напала 13 іюня на сербскую православную церковь и выбила въ ней камнями всѣ стекла и дикими криками старалась помѣшать богослуженію. Когда же юбиляръ, въ сопровожденіи прибывшихъ гостей, возвращался изъ церкви домой, то хорваты бросали въ нихъ тухлыми яйцами и т. п., а затѣмъ повыбили стекла въ квартирѣ юбиляра. Этотъ грубый поступокъ хорватской молодежи достоинъ тѣмъ большаго осужденія, что это случается уже не въ первый разъ въ Загребѣ: католическая пропаганда отравила своимъ ядомъ хорватскую молодежь и породила антагонизмъ между двумя братскими народами, сербами и хорватами. Извѣстно, что хорваты не пропускаютъ ни одного случая, чтобы не проявить своей ненависти къ сербамъ, и на каждомъ шагу мѣшаютъ ихъ прогрессу. „Правая“, которую создалъ Старчевичъ, и которою руководитъ теперь еврей Франкъ, не можетъ слышать сербскаго имени и стремится стереть сербовъ съ лица земли. Но если всѣ грубыя, шовинистскія выходки хорватовъ по отношенію сербовъ въ Австро-Венгріи не могутъ особенно повредить послѣднимъ, то не такъ обстоитъ дѣло въ Босніи и Герцеговинѣ: тамъ хорваты своей дѣятельностью попираютъ народную волю и, такимъ образомъ, помогаютъ пришлому правительству убивать въ оккупированныхъ земляхъ народный духъ. Это поведеніе хорватовъ, выгодное для враговъ славянскаго племени, достойно глубокаго осужденія; и нельзя не пожалѣть, что хорватская интеллигенція не имѣетъ настолько мужества и мудрости, чтобы воспитывать молодое поколѣніе въ славянскомъ духѣ, тѣмъ болѣе, что тѣмъ путемъ, по которому идутъ теперь хорваты, имъ никогда не удастся создати

Султанъ Маската и его семья.

„великой Хорутаніи“,— этой конечной цѣли всѣхъ ихъ мечтаній.

На-дняхъ въ Вѣнѣ былъ арестованъ, а затѣмъ изгнанъ пасторъ Эверлингъ, уличенный въ политической и протестантской пропагандѣ; изъ захваченныхъ у почтеннаго пастора бумагъ видно, что въ Германіи организовано общество съ цѣлью отвратить австрійскихъ нѣмцевъ отъ католической династіи Габсбурговъ и привлечь ихъ къ Берлину, который долженъ быть религіозной и политической столицей всѣхъ нѣмцевъ. Все это прекрасно обнаруживаетъ истинныя цѣли прусской агитаціи въ Австріи. Было, кромѣ того, изъ тѣхъ же бумагъ удостовѣрено, что въ Германіи устроено общество, поставившее своей задачей вызвать политическое разложеніе Австріи. Но австрійское правительство такъ боится Германіи, что не рѣшилось принять энергичныхъ мѣръ противъ возмутительной пропаганды и ограничилось лишь высылкой пастора Эверлинга за предѣлы Австріи.

Венгерскій парламентъ окончилъ обсужденіе вопроса о заключеніи съ Австріей торгово-таможеннаго договора. Министръ-президентъ старался опровергнуть неосновательныя опасенія оппозиціи, хотя и не могъ не согласиться съ тѣмъ, что есть извѣстная доля неудобства въ томъ, что Австрія заключила соглашеніе на основаніи 14 параграфа. Но Кол. Селль высказалъ надежду, что австрійскій парламентъ утвердитъ соглашеніе, заключенное правительствомъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Государственный Совѣтъ поручилъ соотвѣтствующимъ органамъ управленія приступить къ поземельному устройству горнозаводскаго населенія и государственныхъ крестьянъ на Уралѣ. Для этой цѣли будетъ отпущено изъ государственной казны въ текущемъ году 50,000 руб., а начиная съ 1900 г. въ теченіе 5 лѣтъ по 77,000 руб. въ годъ. Министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставлены распоряженія по выбору, распредѣленію по районамъ и награжденію необходимыхъ для этого дѣла чиновъ.

— Восточно-сибирскій отдѣлъ Императорскаго русскаго географическаго общества обратился къ Императорской академіи наукъ съ ходатайствомъ объ оказаніи содѣйствія дѣлу изданія трудовъ якутской экспедиціи, совершонной съ начала 1894 по 1897 годъ на средства И. М. Серебрякова, подъ общимъ руководствомъ восточно-сибирскаго отдѣла общества и собравшей очень много интереснаго въ общенаучномъ и этнографическомъ отношеніяхъ матеріала.

— По вопросу объ аптекарскихъ помощникахъ, возбужденному ректоромъ варшавскаго университета и начальникомъ военно-медицинской академіи, медицинскій совѣтъ, какъ сообщаютъ „Пет. Вѣд.“, разъяснилъ, что право на испытаніе на степень аптекарскаго помощника сохраняется лишь за тѣми лицами, у которыхъ установленный срокъ аптекарской практики вмѣстѣ съ временемъ пребыванія ихъ внѣ аптекъ, по окончаніи означенной практики, не превышаетъ 5 лѣтъ.

— Согласно смѣтѣ морского министерства, расходы по расширенію и улучшенію Владивостокскаго военнаго порта первоначально были исчислены въ 17.869,050 р. Когда же Портъ-Артуръ и Таліенванъ перешли во владѣніе Россіи и русскій флотъ не былъ болѣе исключительно стянутъ во Владивостокѣ, сумма расходовъ была уменьшена до 13.611,300 р. Работы будутъ продолжаться всего пять лѣтъ. Въ прошломъ году уже израсходовано около 2½ милліоновъ рублей, а въ текущемъ году отпущено около 2 милліоновъ руб., а именно: на устройство дока на такъ называемомъ „Гниломъ Углу“ — 500,000 р., на улучшеніе порта — 375,000 р., на устройство мастерскихъ — 368,150 р., на электрическую станцію—151,000 руб., на жалованье служащимъ—55,800 р., на контроль рабочихъ—12,750 р. и на разные непредвидѣнные расходы — 237,300 рублей.

— Вопросъ объ учрежденіи на Уралѣ политехникума по ходатайству, возбужденному мѣстнымъ земствомъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, рѣшенъ будетъ въ близкомъ будущемъ. Вопросъ о мѣстѣ учрежденія этого учебнаго заведенія пока еще не предрѣшенъ: намѣчены города Пермь и Екатеринбургъ. На устройство этого учебнаго заведенія рѣшено употребить образованный мѣстнымъ земствомъ капиталъ имени Императора Александра III въ 120,000 руб. и самой политехникумъ предполагается назвать Александровскимъ.

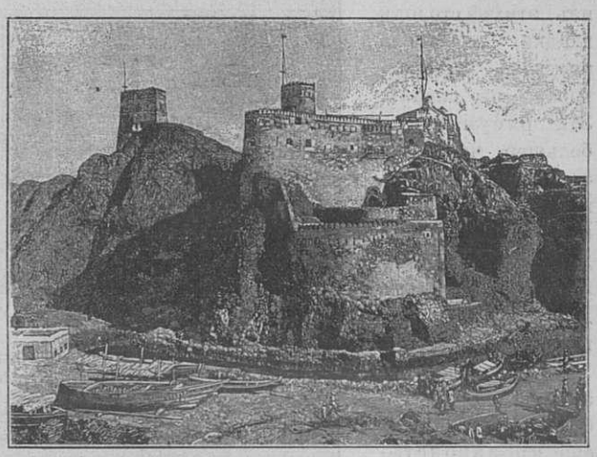
— Въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ образована особая коммиссія по организаціи управленія и подъема доходности имѣній заграничныхъ монастырей въ Бессарабской губерніи, находящихся въ вѣдѣніи министерства.

— Духовнымъ вѣдомствомъ проектировано открытіе епархіальныхъ женскихъ училищъ въ новыхъ русскихъ владѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ.

— На-дняхъ отмѣнена статья горнаго устава, воспрещающая отводить участки для развѣдокъ мѣстонахожденій нефти одному и тому же лицу ближе двухъ верстъ между участками.

— Среди интеллигентныхъ женщинъ провинціи, и особенно Поволжья, какъ намъ передаютъ, возникла мысль основать провинціальное женское общество имени покойной писательницы Н. Д. Хвощинской-Заіончковской, цѣль котораго будетъ заключаться въ доставленіи матерьяльныхъ средствъ и нравственной поддержки молодымъ женщинамъ, отправляющимся изъ провинціи какъ заграницу, такъ и въ наши столицы и университетскіе города для пріобрѣтенія или пополненія своего образованія.

— На-дняхъ начался пріемъ прошеній отъ лицъ, желающихъ поступить въ женскій медицинскій институтъ, въ которомъ въ настоящемъ году имѣется 185 свободныхъ вакансій; для замѣщенія ихъ будутъ приниматься лица женскаго пола не моложе 20 и не старше 25-лѣтняго возраста, изъ нихъ 5 проц. лицъ нехристіанскихъ исповѣданій и 3 проц. іудейскаго исповѣданія. Кромѣ документовъ, необходимыхъ при поступленіи на курсы (свидѣтельство о званіи, метрическое свидѣтельство, свидѣтельство объ окончаніи гимназіи, о благонадежности и о выдержаніи испытанія по латинскому языку), при прошеніи необходимо приложить автобіографію съ двумя фотографическими карточками и письменное разрѣшеніе на поступленіе отъ родителей или отъ мужа, если просительница вышла уже до поступленія замужъ. Пріемъ прошеній будетъ продолжаться до 1 августа. Занятія на курсахъ начнутся 1 сентября.



Замокъ Маскатъ.

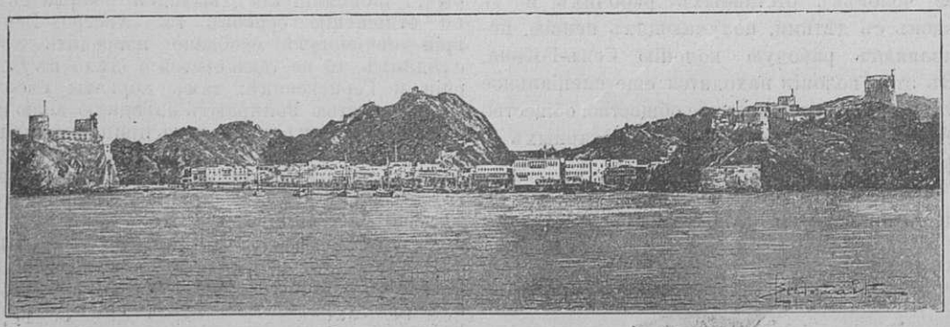
— Дѣло Скитскихъ будетъ разсматриваться въ сенатѣ осенью текущаго года. Жалобу бр. Скитскихъ будетъ поддерживать присяжный повѣренный Коробчевскій.

— Открытіе женскаго медицинскаго института въ Москвѣ послѣдуетъ не раньше 1901 года.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается проектъ объ установленіи для работающихъ въ аптекахъ фармацевтовъ рабочаго дня, по примѣру аптекъ Западной Европы, въ 7 и не болѣе 8 часовъ въ сутки.

— Государственный Совѣтъ ассигновалъ министерству внутреннихъ дѣлъ 9 милліоновъ рублей на устройство новыхъ окружныхъ лечебницъ для душевно-больныхъ. Эта сумма, какъ мы слышали, будетъ поступать въ распоряженіе министерства по 1 милліону ежегодно, начиная отъ настоящаго года. Первыя лечебницы будутъ строиться около Москвы, Екатеринослава, Астрахани, Томска и Риги.

— Шведское спасательное общество „Нептунъ“ разсчитываетъ въ этомъ мѣсяцѣ окончить выпрямленіе на днѣ затонувшаго эскадреннаго броненосца „Гангутъ“ и при-



Панорама Маската. Рейдъ.

ступить къ извлеченію его на поверхность воды. Выпрямленіе производится посредствомъ цѣпей, идущихъ отъ понтоновъ къ иллюминаторамъ въ бортѣ броненосца при натяженіи 700 тоннъ. Для облегченія выпрямленія, вдоль праваго борта на днѣ при помощи сжатаго воздуха промытъ каналъ, въ который и входитъ броненосецъ при натяженіи цѣпей.

— Мы слышали, что комитетомъ добровольнаго флота заказывается для рейсовъ на дальній Востокъ новый пароходъ, предназначаемый спеціально для перевозки переселенцевъ и арестантовъ, со скоростью хода не менѣе 14 узловъ въ часъ.

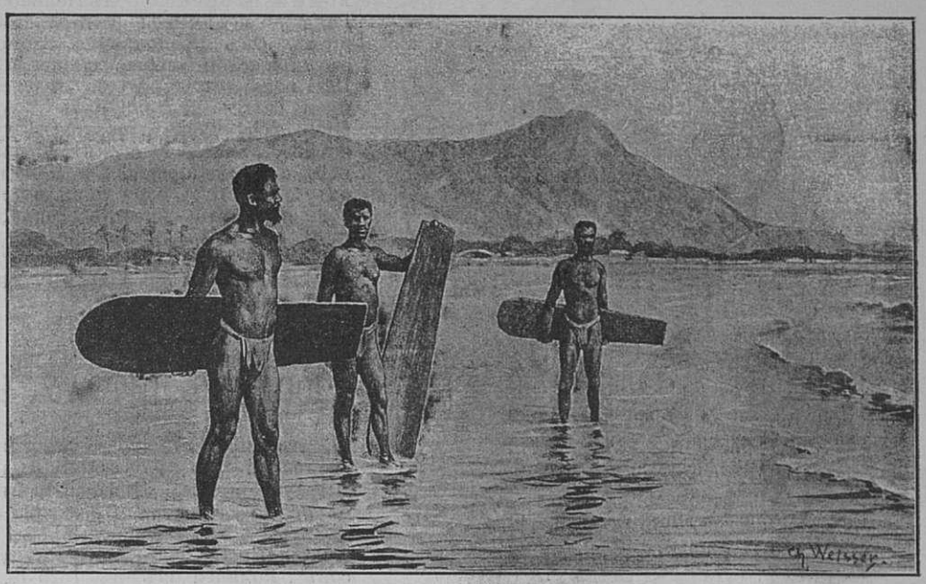
— Министерствомъ финансовъ для устраненія сознательнаго уклоненія отъ платежа гербоваго сбора проектируется установить фактическую ревизію дѣлопроизводства и счетоводства въ правительственныхъ, земскихъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ публичнаго характера.

— Московская дума въ экстренномъ засѣданіи постановила въ ознаменованіе рожденія Великой Княжны Маріи Николаевны открыть 5 школъ, сложить 15,000 р. съ бѣднѣйшихъ лицъ, не уплатившихъ сбора за леченіе въ городскихъ больницахъ, и поднести кубокъ царскому вѣстнику радостнаго событія—князю Долгорукому.

— Въ святѣйшемъ синодѣ разработанъ вопросъ о введеніи для всѣхъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ одного общаго устава. Отличительною чертою выработаннаго проекта устава является передача свѣчного дѣла подъ непосредственное покровительство епархіальнаго и окружного начальства, причемъ всѣ благочинные отдѣльныхъ епархій будутъ назначаться почетными членами и сотрудниками управленій мѣстныхъ свѣчныхъ заводовъ.

— Въ министерствѣ финансовъ поставленъ на очередь и будетъ внесенъ въ осеннюю сессію на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ новаго устава о гербовомъ сборѣ. По этому проекту предполагается на нѣкоторые роды документовъ повысить стоимость марки до 1 рубля, на другіе же понизить до 40 коп. Марки высшаго достоинства будутъ налагаться на такіе документы, которые употребляются рѣдко, иногда 1 разъ въ жизни, какъ, напримѣръ, метрическія свидѣтельства; марки же низшаго достоинства для облегченія дѣловыхъ сношеній, будутъ налагаться на документы, которые повторяются часто. Новый уставъ этотъ предполагается ввести съ 1 января 1900 г.

— Третьей публикаціей дворянскаго банка назначено было къ продажѣ 1,677 имѣній, продано изъ нихъ только 12, по слѣдующимъ губерн.: Полтавской — 1; Тамбовской — 4; Курской — 1; Пензенской — 1; Орловской — 3; Харьковской — 1 и Воронежской — 1. Всѣ остальныя имѣнія сняты за взносомъ денегъ, лишь за небольшимъ исключеніемъ, на льготныхъ условіяхъ.



Гавайскій водяной спортъ. — Предъ купаньемъ.

— Вопросъ о введеніи такъ называемыхъ „сберегательныхъ карточекъ“, какъ намъ сообщаютъ, въ министерствѣ финансовъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Карточки будутъ выпущены осенью, вмѣстѣ съ новыми книжками сберегательныхъ кассъ „на предъявителя“. Для такихъ карточекъ предположено отпечатать марки трехъ достоинствъ: въ 5, 10 и 20 коп.; однако, наклейка на карточки марокъ дозволяется только одинаковаго достоинства, причемъ по достиженіи суммы въ 1 руб. бланки съ марками препровождаются въ сберегательную кассу, гдѣ на имя вкладчика заносится 1 руб., переводимый впослѣдствіи въ книжку. Карточки выдаются безплатно, но для полученія каждой изъ нихъ требуется наклейка хотя одной марки на карточку; въ этихъ видахъ на послѣднихъ предполагается отпечатать уже готовую марку и этимъ наглядно показать, гдѣ наклеиваются марки и каковъ ихъ цвѣтъ, что для неграмотныхъ (а для большинства такихъ и предназначаются карточки) имѣетъ очень большое значеніе.

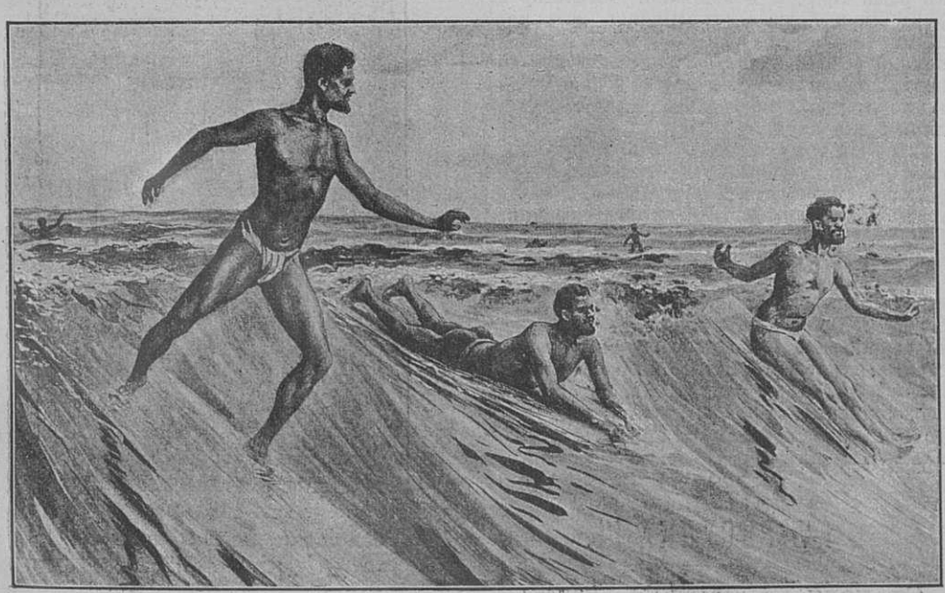
— Въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ районахъ Россіи для ознакомленія мѣстнаго населенія особыхъ опытныхъ хозяйствъ по культурѣ льна, конопли, крапивы и другихъ волокнистыхъ растеній.

— Главнымъ управленіемъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ установленъ прямой поѣздъ изъ Петербурга до Иматры и обратно.

— Въ настоящее время поднятъ вопросъ о выработкѣ болѣе опредѣленной системы въ производствѣ выпускныхъ экзаменовъ въ начальныхъ школахъ. Составленный по этому предмету докладъ разосланъ с.-петербургскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ въ городской и уѣздный училищный совѣтъ съ просьбой доставить свои заключенія не позже октября.

— На-дняхъ разсмотрѣны и утверждены въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ слѣдующія представленія министерства народнаго просвѣщенія: 1) объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ предстоящемъ 1900 году единовременно 29 тысячъ рублей на окончательное оборудованіе с.-петербургскаго низшаго химико-техническаго училища; 2) объ отпускѣ въ теченіе пяти лѣтъ, начиная съ 1900 года, по 1,500 руб. въ годъ въ пособіе на содержаніе ремесленно-грамотной школы Владимірскаго благотворительнаго общества, и 3) объ отпускѣ 158 тысячъ рублей на постройку новаго зданія и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій рижскаго политехническаго института.

М. С. Никитинъ. 11 іюня скончался 64 лѣтъ, послѣ продолжительной болѣзни, одинъ изъ старѣйшихъ по лѣтамъ служащихъ въ канцеляріи городской управы, отставной статскій совѣтникъ Михаилъ Степановичъ Никитинъ. Занимая должность помощника дѣлопроизводителя въ больничномъ столѣ, М. С. Никитинъ неоднократно въ прежнее время исполнялъ обязанности экзекутора городской управы и, въ качествѣ таковаго, снискалъ симпатіи и извѣстность у обширнаго круга лицъ, съ которымъ ему приходилось сталкиваться по своимъ служебнымъ обязанностямъ. Скончался этотъ дѣятельный и неутомимый труженикъ въ Цѣхановскомъ уѣздѣ, Ломжинской губерніи, куда отправился на похороны своей тещи, а между прочимъ и для возстановленія здоровья на лонѣ деревенской жизни, воспользовавшись 2-хъ мѣсячнымъ отпускомъ. Тѣло покойнаго, 6 іюня, привезено въ Петербургъ по Варшавской желѣзной дорогѣ и предано землѣ на Большеохтенскомъ кладбищѣ.



Гавайскій водяной спортъ. — Въ бурунъ.

ЯКОВЪ ГАЛЕВИ.

Яковъ-Илья Фроменталь-Галеви родился 27-го мая 1799 года въ Парижѣ. Родители его были нѣмецкіе евреи. Отецъ его, Илья Галеви, былъ еврейскій поэтъ и происходилъ изъ Нюрнберга, а мать, Юліана Мейеръ, была родомъ изъ Лотарингіи. Первоначальное имя отца было Леви. Замѣчательный музыкальный талантъ сына заставилъ отца отдать его въ 1809 году въ

Іоганнъ Штраусъ.

консерваторію въ Парижѣ. Мальчикъ скоро переросъ своихъ учителей и сталъ учиться композиціи у Керубини, извѣстнаго своими строгими требованіями. Ученіе продолжалось пять лѣтъ. За кантату „Германія“ онъ получилъ въ 1819 году большую премію, за композицію, и стипендію на два года для дополненія образованія въ Италіи. Эти два года онъ провелъ преимущественно въ Римѣ, гдѣ подъ руководствомъ Баини изучалъ старую классическую музыку. Вернувшись въ Парижъ Галеви выступилъ на сценѣ съ своею первою оперою, комическою, „L'artisan“. Опера имѣла посредственный успѣхъ, хотя въ ней выдѣлялся уже замѣчательный талантъ. Отъ 1829 по 1834 г. онъ написалъ нѣсколько оперъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ, но теперь большею частью почти забытыхъ. Большее значеніе имѣла опера „Ludovic“, которую началъ писать Герольдъ, а Галеви только кончилъ. Но особенной славы достигъ Галеви, поставивъ въ Парижѣ въ 1835 г. большую оперу „Жидовка“. Эта опера произвела сильное впечатлѣніе. Она отличается драматическою силою, пылкою фантазіей и богатствомъ мелодическихъ мыслей. Она быстро перешла съ французской на иностранныя сцены и до сихъ поръ на нихъ удержалась. Особенно выдается роль Элеазара. Въ томъ же году Галеви поставилъ въ Парижѣ, трехъактную комическую оперу „Молнія“, которая имѣла не меньшій успѣхъ и который вездѣ повторялся, гдѣ бы эта опера ни ставилась. На этотъ успѣхъ еще тѣмъ болѣе нужно указать, что опера написана для двухъ сопрано и двухъ теноровъ, не имѣетъ хоровъ и никакой сценической обстановки, которая такую роль играетъ въ „Жидовкѣ“. Весьма возможную монотонность при такихъ условіяхъ Галеви сумѣлъ удалить тонкою наблюдательностью, пріятною и умною музыкой и богатой инструментовкою. Галеви имѣлъ передъ собою образцы въ операхъ Мейербера и комическихъ операхъ Обера, хотя до высоты ихъ онъ не поднялся. Его позднѣйшія оперы,— всего онъ написалъ ихъ около тридцати, пользовались также огромнымъ успѣхомъ въ Парижѣ, но теперь почти забыты.

Во всѣхъ произведеніяхъ Галеви, къ которымъ принадлежатъ также духовныя произведенія, кантаты и романсы, нерѣдко выступаетъ не самобытный вымыселъ, а нѣчто изысканное, вымученное, хотя и полное ума, поддерживаемое основательными техническими знаніями,— онъ вообще принадлежалъ къ особенно добросовѣстнымъ художникамъ.

Многія изъ его произведеній при наружномъ блескѣ отличаются какою-то пустотою, сильно имъ вредящею. Къ числѣ особенностей композитора нужно отнести его упорное непониманіе Моцарта. Къ „Донъ-Жуану“ онъ относился съ полною холодностью. Рядомъ съ своею композиторскою дѣятельностью Галеви занимался учительствованіемъ. Онъ преподавалъ гармонію въ парижской консерваторіи, а съ 1833 года занялъ мѣсто Фетиса и преподавалъ контрапунктъ и фугу. Съ 1846 членъ академіи художествъ, съ 1854 г. онъ былъ назначенъ ея секретаремъ. Въ 1861 году онъ напечаталъ свои рѣчи, которыя говорилъ въ качествѣ секретаря, подъ заглавіемъ: „Souvenirs et portraits. Etudes sur les beaux arts“.

Галеви умеръ въ Ниццѣ 17 марта 1862 года.

Іоганнъ Штраусъ.

22-го мая текущаго года въ Вѣнѣ скончался на 75 году Іоганнъ Штраусъ, извѣстный когда-то у насъ въ Россіи дирижеръ и особенно знаменитый своими вальсами, за что былъ даже прозванъ „королемъ вальсовъ“. Родился онъ въ 1825 г. Рихардъ Вагнеръ говорилъ про вальсы Штрауса, что поэтичностью, граціозностью и музыкальностью они превосходятъ многія серьезныя произведенія. Пожилые люди хорошо должны помнить, какимъ огромнымъ успѣхомъ пользовался Штраусъ въ Павловскѣ, гдѣ онъ съ 1854 г. по 1870 г. каждое лѣто дирижировалъ оркестромъ. Ни одинъ дирижеръ послѣ него не пользовался такою популярностью. Первый свой вальсъ онъ сочинилъ, когда ему едва исполнилось шесть лѣтъ; этотъ вальсъ былъ напечатанъ и до сихъ поръ пользуется извѣстностью.

Но странно, и надъ Штраусомъ отчасти было исполнились слова: „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“; отецъ его, тоже музыкантъ и тоже въ свое время славившійся своими вальсами, не признавалъ у своего сына никакого музыкальнаго дарованія и разошелся даже со своею женою, которая поощряла музыкальныя занятія своего сына. Восемнадцати лѣтъ уже онъ дирижировалъ оркестромъ и приводилъ вѣнцевъ въ восторгъ исполненіемъ такъ называемой легкой музыки. Всю свою жизнь онъ съ особеннымъ жаромъ работалъ; ему случалось писать свои вальсы на меню въ ресторанахъ. Одинъ изъ его лучшихъ вальсовъ написанъ на кредитной бумажкѣ во время прогулки. Жилъ онъ музыкой и для музыки. Все свое крупное состояніе,— нѣсколько десятковъ тысячъ дохода, нажитое дирижерствомъ и музыкальными произведеніями, онъ завѣщалъ одному изъ вѣнскихъ музыкальныхъ обществъ.

Вальсы и даже кадрили и польки Іоганна Штрауса обладаютъ такимъ содержаніемъ, которое даетъ имъ выдающееся мѣсто въ искусствѣ. Даже знаменитые композиторы, въ родѣ Брамса, завидовали богатству его фантазіи и даже вдохновлялись его мелодіями. Но нельзя сказать, чтобы его вальсы, польки и т. п. очень бы годились для танцевъ; подъ нѣкоторые совсѣмъ даже нельзя танцовать, но они очень поэтичны и мелодичны для слуха.

Лѣтъ 30 тому назадъ онъ попробовалъ себя въ другомъ жанрѣ, сталъ писать оперетки и даже комическія оперы. Къ лучшимъ принадлежитъ „Цыганскій баронъ“. И тутъ онъ отличился прелестными поэтическими танцовальными мотивами.

Творчество Іоганна Штрауса имѣетъ чисто національный австрійскій, или, лучше сказать, вѣнскій характеръ. Оно проникнуто граціознымъ и непосредственнымъ чувствомъ, которое такъ ярко выражено въ прошломъ столѣтіи у Гайдна. Но, не смотря на свою національную исключительность, Штраусъ, благодаря своему таланту, доступенъ всѣмъ народамъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Съ поля. Съ картины *К. Лингера.*

Густѣетъ сумракъ. Вечерняя тишь объемлетъ сонныя поля. Трудовой день оконченъ. Узкой тропою бредетъ молодая поселянка, возвращаясь домой, къ родному селенью. А кругомъ торжественная тишина и молчанье, словно застыли зеленыя поля, смолкли голоса людей, и мирный вечеръ тихо спускается кругомъ, неся съ собою желанный отдыхъ и прохладу...

Семейный праздникъ. Съ картины *І. Шпеля.*

Семья благодушествуетъ. Во всемъ виденъ отпечатокъ довольства и сытости. Семейный праздникъ нарушилъ своей торжественностью обычную прозу будничныхъ дней. За обѣдомъ прибавилось лишнее блюдо, лишняя чашка кофе кажется настоящимъ праздничнымъ подаркомъ для этихъ невзыскательныхъ людей, для всей этой обстановки „мѣщанскаго“ счастья.

Раздача даровыхъ обѣдовъ. Съ картины *Ф. Заде.*

Пестрая толпа народа, различная по своему званію, положенію и полу, но объединенная одной только нищетой, собралась около дверей столовой для бѣдныхъ. Вся эта разношерстная толпа ждетъ даровой раздачи обѣдовъ, чтобы унести въ свой нищенскій уголъ тѣ жалкія крохи, которыя перепадутъ имъ по милости благодѣтелей.

Львенокъ, выкормленный на рожкѣ.

Посѣтители зоологическаго сада въ Ахенѣ не мало были удивлены недавно, встрѣчая въ аллеяхъ сада спокойно прогуливавшуюся молодую львицу. Но еще болѣе пугались случайные посѣтители директора сада, если въ ихъ присутствіи эта-же самая львица выглѣзала вдругъ изъ-подъ мебели, или выходила изъ угла за печкой. Можно, однако, съ полнымъ правомъ сказать, что этотъ страхъ ничѣмъ не оправдывался, потому что эта львица вполнѣ ручная и безпрекословно подчиняется превосходно воспитавшей ее госпожѣ.

Однако, эта львица не сирота, она родилась отъ жестокой матери, которая причинила смерть уже многимъ изъ своихъ дѣтенышей. Чтобы спасти этого дѣтеныша отъ ожидавшей его участи, его унесли изъ клѣтки и поручили боннѣ дѣтей директора, госпожѣ Гольмъ, которая взялась воспитать львенка на рожкѣ. „Принцесса“, какъ назвали необыкновенную воспитанницу, очень выросла и окрѣпла, и скоро придется лишить ее свободы. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ она получила товарища, маленькаго львенка, тоже рожденнаго въ неволѣ. Но этотъ юный царь пустыни вовсе не выказываетъ кроткихъ наклонностей, какъ „Принцесса“.

Кормленіе львенка молокомъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

№ 6. — Іюнь. — Приложеніе къ журналу «Живописное Обозрѣніе» за 1899 годъ. — Іюнь. — № 6.

1. **Пикейное платье съ тюникомъ.** (Съ выкройкой). Платье изъ свѣтло-голубого пике отдѣлано вышивкой бѣлой и голубой бумагой и листьями, вырѣзанными изъ пике, которые ложатся на кружевную шемизетку и манжетки. Лифъ состоитъ изъ кружевной рубашечки и пикейной кофточки болеро. Рукава отдѣланы косыми біэ въ нѣсколько рядовъ и вышивкой. Вышитый воротникъ. Поясъ пикейный или изъ ленты можетъ быть пришитъ къ юбкѣ.

2. **Нарядное платье.** (Съ выкройкой). Красивое платье изъ лиловаго органди съ пестрыми цвѣтами отдѣлано желтоватыми прошивками валансьеннъ въ 2 центиметра ширины; прошивки пристрочены и ткань подъ ними по серединѣ разрѣзана и загнута въ стороны. Чехолъ и подкладка лифа изъ бѣлаго сатина. Лифъ съ кокеткой, покрытой біэ изъ бѣлой тафты. Біэ окаймлены лиловымъ кантомъ изъ аграманта. Весь лифъ украшенъ прошивкой. Отложной воротникъ, выкройку котораго мы дадимъ, обшитъ плиссе. Стоячій воротникъ покрытъ прошивками. Юбка колоколомъ покрыта прошивками, положенными лучами.

3. **Платье съ вышитой кокеткой.** Платье изъ синяго этамина

1. Пикейное платье съ тюникомъ. 2. Нарядное платье. 3. Платье съ вышитой кокеткой.

6. Лифъ-блуза съ баской въ видѣ фрака.

отдѣлано синей тафтой. Кокетка бѣлая шелковая, покрыта вышитымъ золотомъ бѣлымъ толстымъ гипюромъ. Рококо-бантъ изъ чернаго шелковаго рюша миньоннъ. Спинка лифа гладкая, спереди складка. Плечо рукава покрывается также кружевомъ и образуетъ какъ бы одно съ кокеткой. Воротъ лифа у кокетки обшитъ рюшемъ въ два ряда. Узенькій поясъ изъ одной ткани съ платьемъ застегивается на пряжку сзади. Круглая шляпа отдѣлана крепомъ и полевыми цвѣтами.

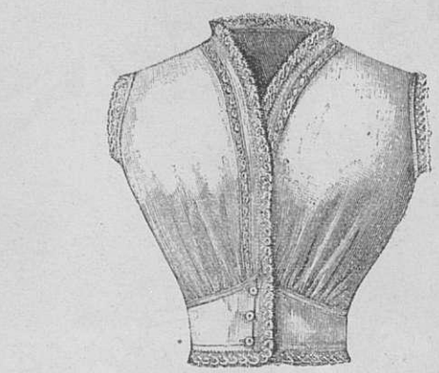
4. **Купальный костюмъ для дѣвочки 12—14 лѣтъ.** (Съ выкройкой). Матеріаломъ для купальнаго костюма служитъ бѣлая цвѣтная фланель, для отдѣлки берется шерстяная тесьма, рѣзко отличающаяся по цвѣту. Чепчикъ изъ желтой вощеной ткани окаймленъ цвѣтной шерстяной тесьмой, подъ цвѣтъ тесьмы, служащей для отдѣлки костюма. Въ козырекъ продергивается проволока. Чепчикъ собирается на резинку.

5. **Нижній лифъ.** (Съ выкройкой). Весьма удобный лифчикъ или cache-corset дѣлается изъ нансу и окаймляется кружевомъ валансьеннъ и прошивкой. Перламутровыя пуговки.

6. **Лифъ блуза съ баской въ видѣ фрака.** Бѣлыя или черныя кружевныя прошивки и кружевные отвороты служатъ отдѣлкой шелковаго лифа-блузы, цвѣтъ котораго зависитъ отъ вкуса. Баска въ видѣ фрака можетъ быть уничтожена. Бархатный поясъ съ бантомъ.

7. **Плащъ отъ пыли или дождя.** (Съ выкройкой). Матеріаломъ для этого плаща служитъ шелковая ткань глорія. Фасонъ этого плаща весьма удобенъ преимущественно для сбереженія наряднаго туалета. Кокетка плаща обшита широкой оборкой плиссе, вверху и внизу которой нашитъ густой рюшъ съ выдернутой бахромой. Такимъ же рюшемъ окаймленъ воланъ серпантинъ, идущій вокругъ всего плаща. Внутри воротника пришитъ рюшъ.

8.–9—10. **Шарфъ и отдѣлки для ворота.** Очень изященъ шарфъ (№ 8), онъ вышивается изъ кружевныхъ тесемочекъ, соединенныхъ между собою паутинками. Шарфъ имѣетъ ширину почти полъ-аршина, а длину около четырехъ аршинъ. Для отдѣлки ворота № 9 требуется кусокъ розовой шелковой ткани въ 26 центиметровъ длины и 48 ширины, обшитой узенькой кружевной прошивкой и узенькой оборочкой съ бахромой, сложенный плиссе и перехваченный пополамъ. Онъ пришивается къ галстуху, который застегивается сзади. Сверху этого квадрата пришиваются два куска плиссе, такъ-же отдѣланныхъ и перехваченныхъ металлическимъ кольцомъ. Воротникъ съ галстухомъ (№ 10) кроится съ углами. Галстухъ дѣлается изъ бѣлой тафты, конецъ обшивается двумя оборками. Оборки прикрѣпляются біэ съ кантомъ. Самый воротникъ обшитъ такимъ же біэ. Вокругъ воротника положенъ сложенный кусокъ бѣлой тафты въ видѣ галстуха, къ которому узломъ прикрѣпленъ конецъ его, падающій на грудь



5. Нижній лифъ.

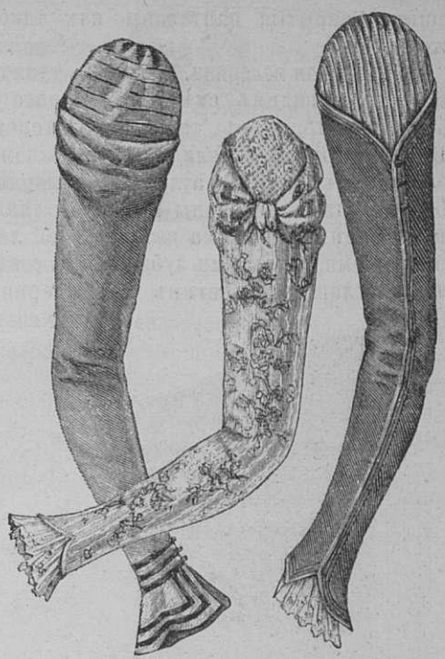
7. Плащъ отъ пыли или дождя.

4. Купальный костюмъ для дѣвочки 12—14 лѣтъ.

11—12—13. **Модные фасоны рукавовъ.** (Съ выкройкой). Рукавъ № 13 годится для платья изъ шерстяной ткани, и верхъ, и подкладка кроятся одинаково. Верхъ рукава дѣлается изъ другой ткани, положенной въ складочки. Самый рукавъ получаетъ швъ наверху руки и нѣсколько разъ простречивается. Кружевная манжетка. Рис. № 12 даетъ образецъ рукава, драпированнаго на кружевномъ плечѣ. У кисти руки подшито кружево. Рукавъ подъ № 8 обшитъ у кисти руки манжеткой серпантинъ. На плечѣ отдѣлка складками. Манжетка дѣлается на газовой подкладкѣ со вставкой изъ марле.

14. **Нарядный туалетъ.** Свѣтло-сѣрая шелковая юбка отдѣлана широкими гипюровыми прошивками, подложенными цвѣтной тафтой. Прошивки окаймлены черной шелковой ленточкой. Того-же цвѣта лифъ по-

8—9—10. Шарфъ и отдѣлки для ворота.



11—12—13. Модные фасоны рукавовъ.

крыть гипюромъ. Лифъ застегивается съ боку. Лифъ отдѣланъ вставкой изъ сѣраго шелка, покрытаго черными ленточками. Шелковый поясъ. Стоячій воротникъ; гладкіе рукава кончаются зубцомъ.

15. **Дорожное платье.** Лоденъ песочнаго цвѣта служитъ матеріаломъ для изящнаго дорожнаго костюма, состоящаго изъ юбки колоколомъ и кофточки. Подъ кофточку надѣвается блуза изъ шелковой или моющейся ткани. Строчка въ нѣсколько рядовъ окаймляетъ кофточку и служитъ отдѣлкой юбки. Юбка и кофточка подбиты двуцвѣтнымъ шелкомъ. Бѣлая матросская шляпа отдѣлана кружевнымъ вуалемъ, положеннымъ въ видѣ рюша.

16. **Плащъ отъ дождя или пыли.** (Съ выкройкой). Этотъ плащъ дѣлается изъ легкой шерстяной ткани или шелковой ткани глорія. Кокетка кладется на шелковую подкладку. Спереди края подбиваются шелкомъ. Рукава широкіе на манжеткѣ. Воротникъ съ паттами. Застежка прикрыта большимъ бантомъ.

17. **Костюмъ для гулянія.** Этотъ красивый костюмъ дѣлается изъ малиноваго пике, покрытаго узоромъ, и отдѣланъ вставкой спереди, стоячимъ воротникомъ и матросскимъ воротникомъ съ бантомъ, для чего берется бѣлый плотный сатинъ. На сатинѣ наложены кружевные желтоватые цвѣты, бѣлая ткань подъ ними подрѣзана и виднѣется малиновая подкладка. Рукава внизу и вверху обшиты поперечной малиновой полосой, по которой проходятъ поперечныя бѣлыя перекладинки. Такая же отдѣлка идетъ на юбкѣ съ воланомъ серпантинъ. Малиновый шелковый поясъ. Шляпа изъ англійской бѣлой соломы съ высокой тульей и слегка загнутыми полями отдѣлана розетками изъ малиновой тѣневой ленты. Бѣлый съ чернымъ шелковый зонтикъ обшитъ атласной лентой и кружевомъ.

18. **Лѣтній костюмъ.** Юбка изъ свѣтлосѣраго тонкаго сукна застегивается спереди съ боку. Внизу она вырѣзана зубцами, которые отдѣланы самымъ узенькимъ, простроченнымъ по серединѣ біэ, какъ и воланъ, подшитый подъ юбку. Кофточка расходится на бѣломъ шелковомъ рубашечкѣ-жилетѣ. Изъ подъ кофточки падаютъ на юбку бѣлые шелковые углы. Отвороты окаймлены бѣлымъ шелкомъ и покрыты біэ.

19. **Платье съ цвѣтнымъ лифомъ.** Для нашего образца взятъ для юбки сѣро-голубой этаминъ, а для лифа темно-синяя шелковая матерія. Отдѣлка лифа изъ бѣлаго сукна, вышитаго бѣлымъ. Шелковый чехолъ покрытъ внизу воланомъ серпантинъ, а сверху падаетъ очень длинный тюникъ изъ этамина, вырѣзанный зубцами, и на половину покрываетъ воланъ. Тюникъ будто застегнутъ на пуговицы. Кофточка лифъ съ небольшой баской, въ видѣ отворотовъ отдѣлана бѣлымъ вышитымъ сукномъ, такая же отдѣлка на рукава. Бѣлая батистовая шемизетка. Красивый галстухъ и отложной воротникъ изъ бѣлаго газа отдѣланъ плиссе бахромкой и бусами Круглая шляпа изъ сѣросиней соломы отдѣлана пышными газовыми буффами и двумя фантастическими перьями.

20. **Костюмъ для велосипеда.** (Съ выкройкой). Нашъ образецъ сшитъ изъ зеленаго лодена, матеріаломъ для него можетъ служить также коломянка или чертова кожа. Строчка идетъ по всѣмъ швамъ и краю. Спереди и на кармашкахъ пуговицы. Узкіе рукава. Шелковая подкладка подо всѣмъ костюмомъ. Юбка можетъ быть раздѣлена сзади или

14. Нарядный туалетъ.

спита. Закрытыя панталоны изъ такой-же ткани.

21. **Вышитая пелерина.** Въ этомъ туалетѣ мы снова видимъ смѣшеніе чернаго съ бѣлымъ, которое въ такой модѣ теперь. Бѣлая шелковая подкладка въ видѣ канта окаймляетъ черную атласную пелерину. Верхняя часть пелерины вышита вѣтками и цвѣтами и украшена изъ атласной ленты рюшами, нашитыми зубцами. На соединеніи волана серпантинъ съ пелериной рюшъ нашитъ въ пять рядовъ, а по краю волана, вырѣзаннаго зубцами; изъ подъ зубцовъ виднѣется бѣлый узкій серпантинъ съ двумя широкими черными газовыми рюшами. Высокій воротникъ подбитъ бѣлымъ шелкомъ и подшитъ густымъ рюшемъ, бѣлымъ съ чернымъ. Галстухъ изъ того же матеріала.

22. **Кружевное платье.** Такія кружевныя платья находятся въ продажѣ различныхъ цвѣтовъ, желтоватаго, экрю, бѣлаго и чернаго, уже въ подобранномъ видѣ. Очень красиво кружевное платье, образецъ котораго мы даемъ. Кружевная вышитая юбка, аршинъ въ 7 ширины, кладется на подходящій по цвѣту чехолъ. На нее нашиваются воланы, головку которыхъ составляетъ вышитая полоса. Лифъ тоже отдѣланъ воланчиками. Шелковый стоячій воротникъ. Полудлинные рукава съ широкимъ воланомъ.

23. **Круглая шляпа для деревни, дачи и т. п.** Бѣлая шляпа, изъ толстой соломы или стружекъ, съ большими полями отдѣлывается бѣлой кисеей или тюлемъ. Для нашего образца взята полоса бѣлой кисеи. Въ край вшивается очень тонкій каркасъ, а поверхъ него кладется рюшъ изъ желтоватаго валаньсеннъ. На поля положено такихъ два волана, одинъ нѣсколько шире другого. Вокругъ тульи положено бандо изъ кисейной косой полосы въ 40 центиметровъ ширины, завязанной съ боку узломъ.

24. **Тюлевая пелерина съ концами.** Пелерина кроится изъ шелковаго толстаго тюля и имѣетъ на спинѣ и на плечахъ 56 центиметровъ длины, а спереди закруглена; кругомъ она обшита шелковымъ плиссе въ четверть аршина ширины, которое суживается, поднимаясь спереди къ вороту. Поверхъ этой тюлевой пелерины положена другая, тюлевая же, вышитая шнуркомъ, окаймленная широкимъ тюлевымъ воланомъ, продернутымъ въ нѣсколько рядовъ шнуркомъ. Поверхъ волана положенъ креповый рюшъ. Шелковый воланъ окайменъ такимъ-же рюшемъ. Длинные концы изъ вышитаго тюля имѣютъ 85 центиметровъ длины и 35 центиметровъ ширины, обшиты кружевомъ и креповымъ рюшемъ. У ворота широкое шелковое плиссе съ креповымъ рюшемъ. Атласная лента въ 6 центиметровъ ширины.

15. Дорожное платье.

16. Плащъ отъ дождя или пыли.

17. Костюмъ для гулянія.

18. Лѣтній костюмъ. 19. Платье съ цвѣтнымъ лифомъ. 20. Костюмъ для велосипеда. 21. Вышитая пелерина. 22. Кружевное платье.

25. **Купальный костюмъ.** (Съ выкройкой панталонъ и кителя). Этотъ костюмъ шьется изъ бѣлаго шевіота. Если же для костюма берется бумажная ткань, то отдѣлка дѣлается изъ такого-же бумажнаго матеріала, но другого цвѣта. Для шевіота берется цвѣтная шерстяная тесьма. Всѣ швы французскіе. Вырѣзъ у ворота пополненъ вставкой. Матросскій воротникъ завязанъ бантомъ. Короткіе рукава.

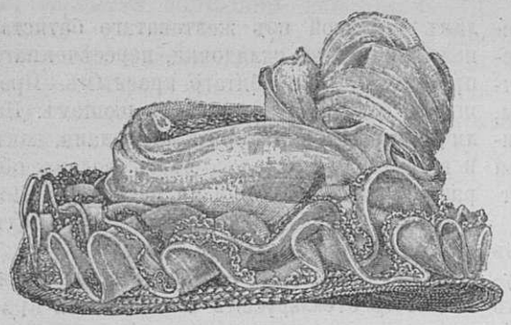
26. **Купальный чепчикъ.** (Съ выкройкой). Чепчикъ кроится изъ желтоватой вощеной ткани и подшивается полотномъ. Спереди пришивается положенный складочками воланъ въ 5 центиметровъ ширины, окайменный цвѣтной тесемкой. На чепчикѣ въ нѣсколько рядовъ нашита зубчатая тесьма. Сзади продернута резинка. Розетка и завязки изъ тесьмы.

27. **Купальный костюмъ съ блузой.** (Съ выкройкой). Матеріаломъ для него служитъ бѣлая полосатая розовая съ бѣлымъ киперная ткань, а отдѣлкой бѣлый тикъ, вышитый розовымъ. Костюмъ можно кроить по выкройкѣ, данной для № 25. Поясъ съ мысомъ. Воротникъ, поясъ и біэ на рукавахъ, панталонахъ и на блузѣ дѣлаются изъ бѣлаго вышитаго тика.

28. **Лѣтнее фуляровое платье.** (Съ выкройкой). Матеріаломъ для платья служитъ желтоватый фуляръ съ красными горошинами. Юбка обшита на подолѣ двумя воланами, окайменными краснымъ кантомъ и вышитыми красной елочкой. Такой-же воланъ идетъ отъ пояса вокругъ юбки и образуетъ какъ бы тюникъ. Лифъ отдѣланъ вставкой изъ желтоватаго батиста, положеннаго въ складочки, пересѣченнаго прошивками и подбитаго краснымъ. Прошивки окаймлены краснымъ рюшемъ. На лифѣ отдѣлка изъ такого-же волана, какъ и на юбкѣ; на плечахъ этотъ воланъ образуетъ эполеты. Юбка на подкладкѣ. Поясъ изъ пунсовой ленты, застегнутъ подъ бантомъ. Рукава гладкіе.

29—30—31. **Поясъ и ожерелье изъ тюля, вышитаго стеклярусомъ и блестками.** Красивую новость представляетъ ожерелье, подходящее къ поясу. Такое украшеніе легко сдѣлать дома. Толстый черный тюль, черныя блестки, черный стеклярусъ и стальной бисеръ служатъ матеріаломъ. № 34 даетъ образецъ вышиванія. Поясъ подбивается шелковою тканью.

32—33—34. **Различные образцы модныхъ поясовъ.** № 32 дѣлается изъ какой-нибудь ткани, застегивается на крючки; пуговицы придерживаютъ біэ. № 33 изображаетъ бархатный поясъ, окайменный шнуркомъ или бусами и застегнутый на филигра-



23. Круглая шляпа для деревни, дачи и т. п.

24. Тюлевая пелерина съ концами.

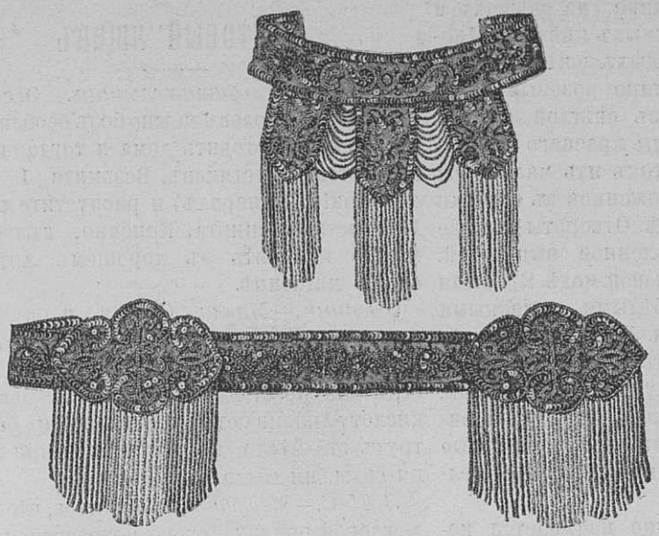
26. Купальный чепчикъ. 25. Купальный костюмъ. 27. Купальный костюмъ съ блузой.

новую пряжку. № 34 даетъ образецъ резиноваго пояса, застегивающагося на красивую металлическую пряжку.

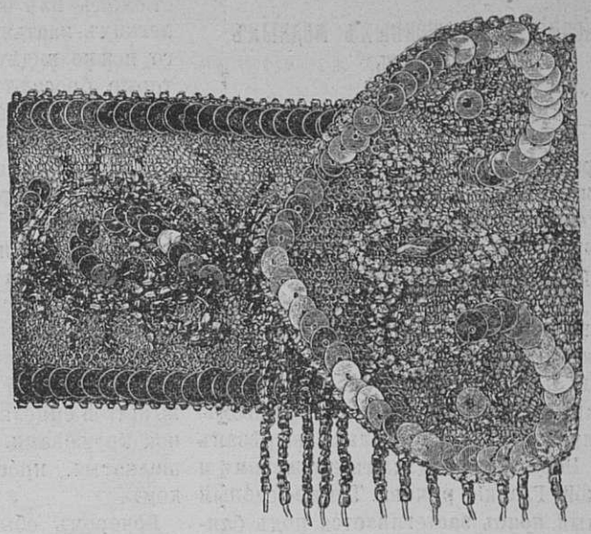
35—39. **Предметы для письменнаго стола**. Эти три вещицы для письменнаго стола очень красивы и въ то же время не дороги. Ихъ дѣлаютъ изъ папки и покрываютъ сверху зеленымъ шелковымъ репсомъ, подложеннымъ ватою и вышитымъ ленточками и блестками. Ящикъ для открытыхъ писемъ (2) имѣетъ 19½ центиметровъ длины, въ серединѣ 16, а по бокамъ 12½ цент. вышины. Верхъ задней стѣнки вырѣзается зубцами. Боковыя стѣнки имѣютъ 2½ цент. ширины, вверху слегка скошены, а передняя стѣнка, покрытая вышивкой, имѣетъ 9 цент. вышины. Дно выступаетъ съ боковъ и спереди, и для него берется кусокъ папки въ 4 цент. ширины и 21 цент. длины. Задняя сторона передней и задней стѣнки и изнанка дна подклеены зеленой кожаной бумагой. Вышивка дѣлается узенькой ленточкой, цвѣты розовой, а листья зеленой. Для этого узенькая ленточка продергивается въ острую канвовую иголку и дѣлаются обыкновенные стежки; въ серединѣ цвѣтка нашивается золотая блестка; вѣтки проводятся японской мишурой, а бантъ дѣлается изъ блестокъ. Такая же вышивка, только безъ боковыхъ вѣтокъ, служитъ для ящика, величина котораго зависитъ впрочемъ, отъ его назначенія. Если онъ долженъ служить для сигаръ или папиросъ, онъ можетъ имѣть 7 цент. вышины, 16 цент. длины и 12½ цент. ширины и внутри долженъ быть обклеенъ блестящей металлической бумагой. Если назначеніе его будетъ для почтовой бумаги, конвертовъ и т п., то онъ можетъ быть больше и тогда обклеивается внутри кожаной бумагой и раздѣляется на отдѣленія. Бюваръ имѣетъ 16 цент. длины, 7 цент. ширины, снабженъ бронзовой ручкой. Для вышивки служитъ узоръ подъ № 35.

28. Лѣтнее фуляровое платье.

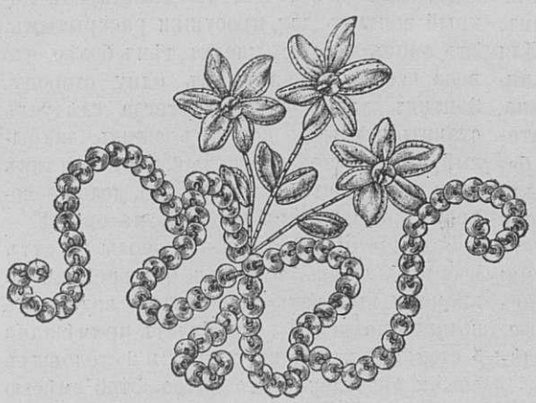
Гипюровое кружево крючкомъ, на листѣ узоровъ № 3. Для этого кружева квадраты и продолговатыя фигуры вяжутся отдѣльно. 1 рядъ (для квадрата) 10 возд. пет. связываются въ кольцо, * 1 полустолб. 3 воздушн. петли, 5 двойныхъ столбиковъ, 3 возд. петли, три раза отъ * повторить и остановиться на полустолбикѣ. 2 рядъ, 8 возд. петель, * 2 двойныхъ столбика, раздѣленныхъ 7 воздушными петлями, въ средній изъ 5 ближайшихъ двойныхъ столбиковъ, 4 воздуш. петли, 1 двойной столбикъ въ полустолбикъ, 4 воздуш. петли, два раза отъ * повторить, затѣмъ 2 двойныхъ столбика, раздѣленныхъ 7 воздуш. петлями, какъ передъ тѣмъ, 4 возд. петли и заключить въ 4-ю петлю изъ воздушныхъ. 3 рядъ. * 4 полустолбика въ 4 первыхъ воздуш. петли, 1 пико (4 возд. петли и 1 полустолб. въ послѣдній полустолбикъ), 3 полустолбика; въ ближайшія 7 воздуш. петель четыре раза по три полустолбика, раздѣленные пико; въ ближайшія 4 воздуш. пет. 4 полустолбика, 1 пико и 3 полустолбика; три раза отъ * повторить



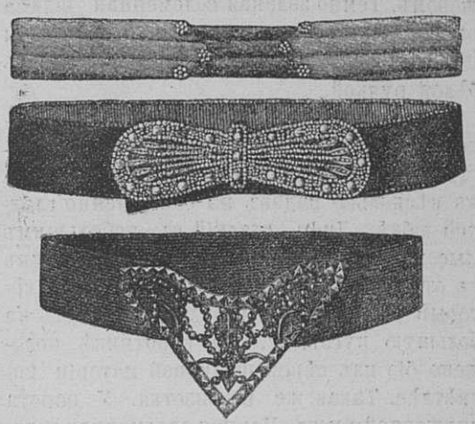
29—30. Поясъ и ожерелье изъ тюля, вышитаго стеклярусомъ и блестками.



31. Узоръ для пояса и ожерелья.



35. Узоръ для бювара.



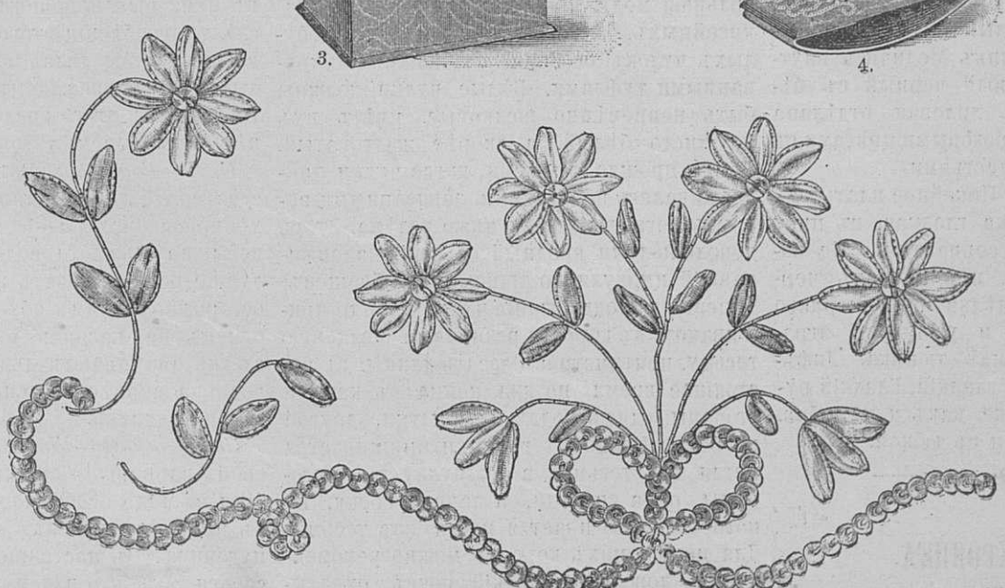
32—33—34. Различные образцы модныхъ поясовъ.

Соединяются между собою квадраты въ средній изъ трехъ угловыхъ пико. Крестообразныя фигуры тоже вяжутся изъ середины; * 11 воздушныхъ петель, 3 воздушныхъ петли (вмѣсто столбика) 10 столб. въ 10 петель. — 1 воздушная петля и три раза повторить отъ * и кончать. — Продолговатыя фигуры тоже вяжутъ изъ середины вокругъ и соединяютъ ихъ посредствомъ пико съ остальными фигурами; 22 воздуш. петли, возвращаясь, 1 полустолбикъ въ 12 воздуш. петлю, 5 возд. петель и 4 полустолбика въ послѣднія 4 воздуш. петли, 7 воздуш. петель, 1 столбикъ въ среднюю изъ 5 воздушныхъ петель; 4 воздуш. петли, 1 полустолбикъ въ 3-ю возд. петлю большого углового зубца, 3 воздуш. петли, 1 столбикъ, въ слѣдующую третью воздуш. петлю, 11 воздуш. петель, 1 столбикъ въ ту-же самую воздушную петлю и дальше вязать наоборотъ вторую половину фигуры, затѣмъ заключить въ послѣдній полустолбикъ, и далѣе 10 полустолбиковъ въ первый зубецъ, 6 полустолбиковъ во второй зубецъ, 5 въ третій, 17 въ большой угловой и далѣе продолжать, какъ съ первой стороны, повернуть; 2 ряда плиссе вокругъ всей фигуры, только въ самой серединѣ угла всякій разъ по 3 полустолбика; передъ вторымъ рядомъ повернуть и одновременно дѣлать пико въ этомъ ряду, сначала 1 пико черезъ 5 полустолбиковъ, затѣмъ 2 раза по 1-му пико послѣ 4 полустолбиковъ. У трехъ фигуръ, образующихъ уголъ зубца, оба внизу находящіеся пико между собою соединяются, а два, вверху находящіяся, соединяются съ квадратомъ. У первой и пятой фигуры верхнія пико соединяются съ крестообразною фигурой. Затѣмъ все кружево обвязывается внизу и вверху. Вокругъ зубцовъ вязаніе идетъ справа налѣво и начинается изъ глубины зубца. Петлю ввязываютъ въ 13 полустолбикъ: 5 воздушныхъ петель ввязываются въ 13 полустолбиковъ ближайшей лѣвой фигуры, считая отъ угла: 7 полустолбиковъ въ зубецъ; * 7 воздушныхъ петель ввязываются въ лежащій правѣе слѣдующій лѣвый столбикъ, затѣмъ снова 8 полустолбиковъ въ зубецъ, отъ * 11 разъ повторить; послѣ послѣднихъ 8 полустолб. вести работу дальше и 5 воздушными петлями соединить съ находящеюся лѣвѣе фигурой, далѣе вязаніе повторяется; для нижней средней фигуры нужно разсчитать 16 такихъ палочекъ и затѣмъ вокругъ слѣдующихъ фигуръ работаютъ какъ указано раньше. Теперь готовый зубецъ въ обратную сторону обвязывается пико вокругъ воздушныхъ петель 4 полустолбика и 1 пико. Верхъ кружева легко можно разобрать на узорѣ.

2.

3.

4.



35—39. Предметы для письменнаго стола и узоръ къ нимъ.

Описаніе раскрашенныхъ модныхъ картинокъ.

ЗА МАЙ.

1. **Нарядный туалетъ.** Зеленое съ бѣлыми клѣтками шелковое платье сшито съ длиннымъ тюникомъ. Тюникъ окаймленъ оборкой серпантинъ, обшитой узенькимъ бѣлымъ кружевомъ. На тюникъ въ нѣсколько рядовъ нашита узоромъ узенькая бѣлая шелковая ленточка съ зеленымъ узоромъ. Она можетъ быть замѣнена бѣлымъ аграмантомъ. На юбкѣ на подолѣ три косыхъ оборочки, тоже обшитыхъ кружевомъ. Лифъ-блуза спереди нѣсколько вырѣзанъ угломъ. Воротникъ отдѣланъ кружевомъ и вышивкой. Гладкіе рукава. Темно-зеленый бархатный поясъ застегивается подъ бантомъ-розеткой, тоже окаймленнымъ кружевомъ. Темно-зеленая соломенная шляпа отдѣлана черными перьями и розовыми цвѣтами подъ полями. Бѣлый зонтикъ съ бѣлой ручкой.

2. **Городской туалетъ.** Сѣро-синеватое суконное платье, фасонъ тальеръ. Единственную отдѣлку его составляетъ строчка въ нѣсколько рядовъ на совершенно гладкой юбкѣ. Лифъ гладкій съ небольшимъ мысомъ застегивается съ боку. Воротникъ съ отворотомъ начинается внизу лифа, который въ этомъ мѣстѣ будто застегнутъ на большую пуговицу. На воротникѣ положено біэ изъ сѣрой шелковой матеріи посвѣтлѣе. Такая же шемизетка. У ворота кружевной рюшъ. Черная соломенная шляпа съ черными перьями и розовымъ бархатнымъ бантомъ.

ЗА ІЮНЬ.

1. **Нарядный туалетъ для визитовъ.** Лиловое шелковое платье въ нѣсколько оборокъ, каждая оборка покрыта чернымъ мушчатымъ тюлемъ и обшита черной бархатной лентой. Такая же отдѣлка на лифѣ-блузѣ. Бѣлая суконная пелерина вышита черными выпуклыми цвѣтами и листьями (любимое сочетаніе красокъ). Вокругъ пелерины идетъ черное широкое кружево, подбитое бѣлымъ шелковымъ плиссе. Сверху кружева идетъ бѣлый шелковый высѣченный рюшъ. Воротникъ Медичи и внутри его широкій газовый черный съ бѣлымъ рюшъ. Шляпа лиловая отдѣлана лиловыми лентами и розовыми цвѣтами съ свѣтло-коричневыми листьями.

2. **Домашнее платье.** Пикейное платье соломеннаго цвѣта. Юбка гладкая, къ низу расширяется въ видѣ серпантинъ. На подолѣ рюшъ изъ пике, прикрѣпленъ чернымъ шнуркомъ. Отдѣлка изъ чернаго шнурка или строчки и узенькаго аграманта положена въ видѣ тюника. Лифъ-блуза, но совершенно гладкій. Гладкій рукавъ. Отдѣлка такая же, какъ и на юбкѣ. Поясъ изъ одной ткани съ юбкой.

МОДНАЯ ХРОНИКА.

Въ Парижѣ красное вездѣ, много краснаго; красное весело выдѣляется на костюмахъ изъ бѣлаго пике, на свѣжихъ и легкихъ платьяхъ нѣжныхъ цвѣтовъ. Много можно видѣть красныхъ зонтиковъ, которые бросаютъ на лицо розовый оттѣнокъ; на шляпахъ изъ свѣтлой соломы лежатъ цѣлыя гирлянды краснаго мака.

Много носятъ жакетокъ изъ малиновой шелковой матеріи, положенной въ складки въ шашечномъ порядкѣ Отвороты гладкіе съ выпуклой и вставленной вышивкой. Такая вышивка въ большой модѣ. Красныя жакетки носятся съ бѣлыми пикейными или суконными юбками. Лица, избѣгающія всего рѣзко бросающагося въ глаза, замѣняютъ красную жакетку черной шелковой, вышитой синелью, стеклярусомъ, украшенной кружевами. Отвороты дѣлаются сѣрые шелковые, простроченные бѣлымъ шелкомъ.

Вечеромъ обыкновенно надѣвается небольшая красная суконная пелерина, какой бы ни былъ цвѣтъ костюма, но эта пелерина служитъ скорѣе украшеніемъ чѣмъ предупрежденіемъ отъ холода. Для болѣе холоднаго времени готовятъ длинные бурнусы изъ мягкаго бѣлаго сукна, они подбиваются бѣлой шелковой матеріей и окаймляются бѣлой шерстяной бахромой, которая вообще въ модѣ и для платьевъ также, но она представляетъ очень дорогую отдѣлку. Впрочемъ, есть искусницы, умѣющія дѣлать бахрому дома; тѣмъ эта отдѣлка обойдется все же дешевле. Очень красиво, напримѣръ, платье, лифъ, верхъ юбки и подолъ котораго отдѣланы бахромой различной ширины.

Нарядные костюмы весьма роскошны, но мы не можемъ ни рекомендовать, ни сочувствовать этой роскоши. Для самыхъ простыхъ туалетовъ употребляютъ пике, полотно, кути всѣхъ цвѣтовъ. Туалеты нарядные шьются изъ шелковаго фуляра голубого, цвѣта резеды, лиловаго съ бѣлымъ узоромъ и отдѣлываются гипюромъ. Кисейныя, батистовыя платья, вышитыя, отдѣланныя кружевами, надѣваются только для выѣздовъ.

Шляпы представляютъ какое-то облако тюля, газа; иногда онѣ завязываются на груди большимъ воздушнымъ бантомъ.

Хотя черные чулки попрежнему въ большой модѣ, но при легкихъ туалетахъ, кисейныхъ, батистовыхъ, носятъ много бѣлыхъ чулокъ, особенно съ бѣлыми лакированными туфлями. Бѣлые чулки должны быть непремѣнно шелковые, цвѣтъ ихъ не чисто бѣлый, а скорѣе желтоватый. Давно прошло то время, когда чулки придерживались подвязками, завязанными вокругъ ноги, выше или ниже колѣна. Этотъ довольно-таки вредный обычай, задерживавшій циркуляцію крови, давно брошенъ. Теперь для поддержанія чулка крѣпко пришиваютъ къ корсету резиновую шелковую тесьму, сантиметровъ десять длины, въ настоящее время по два конца съ каждой стороны, одинъ подлѣ планшетки, другой на боку. На концѣ резинки пришивается петля изъ тесьмы, а къ чулку двѣ пуговицы, одна спереди, а другая сбоку, на которыя застегивается петля изъ тесьмы. Для неносящихъ корсета можно рекомендовать довольно широкій поясъ, охватывающій верхъ живота и бока.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Деревенской обитательницѣ. Эссенцію для завивки волосъ можно безъ особенныхъ хлопотъ приготовить дома и тогда она будетъ стоить пустяковъ. Возьмите 1 часть колофонія (минералъ) и распустите его въ 100 частяхъ спирта. Конечно, колофоній можно получить въ хорошемъ аптекарскомъ магазинѣ.

Ученицѣ.—Млава. Свѣжія ржавильныя пятна изъ некрашенаго дерева легко удаляются посредствомъ соляной кислоты, если они не отмылись мыломъ Соляную кислоту наливаютъ на пятна и быстро трутъ это мѣсто, не употребляя при этомъ ни соды, ни мыла.

Л. П. С.—Москва. Вы жалуетесь, что вашъ дождевой зонтикъ скоро потрескался, хоть матерія была превосходная. Это случилось, вѣроятно, оттого, что вы ставили мокрый зонтикъ для просушки раскрытымъ. Это очень портитъ шелкъ, тѣмъ болѣе, что вода всегда стекаетъ въ одну сторону. Зонтикъ для просушки всегда слѣдуетъ ставить острымъ концомъ внизъ, закрытый, конечно незастегнутый. Поступая такъ вы увидите, что вашъ зонтикъ дольше сохранится, даже при плохомъ матеріалѣ.

Помѣщицѣ. Крашенные полы будутъ всегда блестѣть, если ихъ отъ времени до времени вытирать тепловатой водой, къ которой на ведро воды будетъ примѣшано 5 столовыхъ ложекъ спирту и 2 столовыхъ ложки двууглекислаго натра. Этой смѣсью намазываютъ полъ и немедленно насухо вытираютъ.

Молодой жокеткѣ. Для сохраненія бѣлизны зубовъ, полезно ихъ изрѣдка чистить порошкомъ пемзы. Каждый день этого средства употреблять нельзя, вмѣсто пользы, оно принесетъ только вредъ. Для обыкновеннаго употребленія можно рекомендовать обыкновенный мѣлъ, къ которому прибавляютъ нѣсколько капель мятнаго масла. Если зубы сильно почернѣютъ, тогда берутъ перекись водорода (четырехъ-процентный растворъ его подъ этимъ названіемъ продается въ аптекахъ). Смочивъ въ немъ зубную щеточку, опускаютъ ее въ пемзовый порошокъ и трутъ зубы. Послѣ употребленія этого средства нѣсколько разъ, зубы дѣлаются блестящими и бѣлыми. Предупреждаемъ, что между употребленіемъ этого средства долженъ быть нѣкоторый промежутокъ времени.

Б. Л.—Конотопъ. Вотъ прекрасное средство противъ бородавокъ. Взять растворъ хромовой кислоты—1 часть хромовой кислоты на 2 части воды. Этотъ растворъ лучше всего заказать въ аптекѣ и весьма осторожно съ нимъ обходиться. Бородавку, отнюдь не касаясь окружающей кожи, слегка смачиваютъ два раза въ день. Бородавка чернѣетъ и спустя нѣсколько недѣль отпадаетъ.

Наслѣдницѣ.—Кіевъ. Серьги, не смотря на свой варварскій обычай, продолжаютъ быть въ модѣ, особенно много носятъ серегъ въ видѣ жемчужныхъ или бриллiантовыхъ пуговицъ. Въ настоящее время дѣлаютъ серьги такъ, что ихъ можно носить, не прокалывая ушей.

При этомъ нумерѣ прилагаются: двѣ модныя раскрашенныя картинки и листъ выкроекъ и узоровъ для вышиванія.

Дозволено цензурою. Спб., 17 Іюня 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. печ. дѣла «Издатель». Ковенскій, 14.

М-1 Ф-3583

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ МОДНОМУ ОТДѢЛУ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ № 6 (Іюнь) 1899 г.

МОДНЫЕ ТУАЛЕТЫ.

См. описаніе въ „Парижскихъ Модахъ“ № 6 (Іюнь) 1899 г.

„БЫВАЛЬЩИНЫ“

Аполлона Коринфскаго

только-что поступили въ книжные магазины **Акціонернаго Общества «Издатель»**, а также и во многіе другіе.

Цѣна ДВА рубля.

Выписывающіе отъ автора *(А. А. Коринфскаго)*: С.-Петерб., Фонтанка, домъ Министерства Внутрен. Дѣлъ, Редакція „Правит. Вѣстника“, за пересылку не платятъ. 3079 1—1

2-е ИЗДАНІЕ исправленное и дополненное.

Большой томъ въ 20 печатн. лист. (болѣе 300 стран.).

43 народныхъ баллады, 25 **„КАРТИНЪ ПОВОЛЖЬЯ“**, циклъ стихотвореній „Сѣверный лѣсъ“.

Роскошное изданіе на лучшей веленевой бумагѣ.

!3 р. 50 к.!

„ЛИЛИПУТЪ“.

● Усоверш. складн. карманн. фотографическій аппаратъ. ● Снем. моментъ. и съ выдержк. Днемъ и ночью. Портреты, группы, виды и пр. ● Фотографировать можетъ каждый. ● (Вѣсовъ. 2 ф.). Треб. адр.: Москва, Почтамтъ, ● ПОЛИВАНОВУ. ●

Какъ устранять утомленіе глазъ. Въ одномъ нѣмецкомъ медицинскомъ журналѣ (Wochenschrift für Therapie und Hygiene des Auges) напечатанъ разсказъ одного французскаго журналиста, какъ онъ случайно напалъ на простой способъ *устранять утомленіе глазъ*. Однажды ему пришлось просидѣть половину ночи, чтобы поспѣть къ утру со срочной работой. Глаза, уставшіе уже за цѣлый день, отказывались видѣть, и онъ еле разбиралъ то, что написалъ. Въ это время онъ случайно взглянулъ на нѣсколько разноцвѣтныхъ лоскутковъ шелка, забытыхъ на столѣ его женой, и нѣсколько секундъ невольно не отводилъ отъ нихъ глазъ. Когда онъ снова перевелъ глаза на работу, то замѣтилъ, что глаза его будто не такъ утомлены. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ пользоваться этимъ средствомъ, положивъ подлѣ чернильницы пластинку, оклеенную полосками разноцвѣтной бумаги. Всякій разъ, обмакивая перо, онъ взглядывалъ на цвѣтныя полоски. Съ тѣхъ поръ, увѣряетъ журналистъ, онъ не испытываетъ больше утомленія глазъ при работѣ.

«ГЕРОИ ТЕМНАГО МІРА».

Романъ изъ жизни червонныхъ валетовъ Владимірова. Цѣна 1 рубль.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 66—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

МЫЛО ГОЛЛЕНДЕРЪ

вазелиновое туалетное, кусокъ 30 коп.

ПУДРУ ГОЛЛЕНДЕРЪ

вазелиновою, коробка въ 60 и 30 коп. 3053

Подѣлки вазелиноваго туалетнаго мыла Голлендера явились въ продажѣ, а потому торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ», обращая на это вниманіе почтеннѣйшей публики, проситъ всегда требовать во избѣжаніе покупки подѣлки, только мыло «Голлендеръ» вазелиновое туалетное, высокое качество котораго не нуждается въ рекламахъ. Продажа во всѣхъ городахъ Имперіи, въ аптекахъ, аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ. Оптовая продажа у изобрѣтателей: С.-Петербургъ, Разъѣзжая № 13, торговый домъ «Парфюмерная лабораторія І. Голлендеръ».

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургскаго Акціонернаго Общества печатнаго дѣла

«ИЗДАТЕЛЬ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Невскій просп., д. № 68—40.* ‖ РОСТОВЪ-НА-ДОНУ, *Садовая улица, домъ Панченко.*

Поступили въ продажу новыя книги:

БОГДАНОВЪ, А. Основные элементы историческаго взгляда на природу. (Природа. — Жизнь. — Психика. — Общество). Спб. 1899. Ц. 2 руб.

ГЕЛЬДЪ, АД. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Пер. съ нѣмецк. Н. С. Т—ва. Съ приложеніемъ лекціи А. Гельда: «Ремесло и крупная промышленность». Спб. 1899. Ц. 1 руб. 75 коп.

ГЕТЧИНСОНЪ, Г. Н. Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англійск. З. М. Журавской. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірозданія. Спб. 1899. Ц. 1 руб. 50 коп.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е, съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 руб.

АБРИКОТИНЪ **ABRICOTINE** АБРИКОТИНЪ

ПРЕВОСХОДНЫЙ ЛИКЕРЪ

Требовать подпись: П. Гарнье.

ENGHIEN-LES-BAINS

(Франція)

P. Garnier

„ПОГРОМЪ“

ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Переводъ П. А. Каншина. Три части (безъ сокращенія). Цѣна 75 коп.

Складъ изданія при конторѣ журнала „Живописное Обозрѣніе“.

Невскій пр., у Аничкова моста, д. 68—40.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ АКЦ. ОБЩЕСТВА

„ИЗДАТЕЛЬ“.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбургскаго университета В. Виндельбандта. Переводъ съ нѣмецкаго П. Рудина. Спб. 1898. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. Мезьера. Перев. М. Г. Васильевскаго подъ редакціей и съ предислов. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Складъ изданій въ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургъ, Невскій пр., 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. за 6 т. 6 р.

ЕГО-ЖЕ. Убитыя силы. (Na Marne). Повѣсть. Перев. Ф. В. Домбровскаго. Спб. 1898. Ц. 75 к.

СМИРНОВА, А. О. Записки. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Часть I. Спб. 1895. Ц. 2 р. Часть II. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“

Спб. Невскій пр., д. № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ЧУЖАЯ ВИНА. Романъ *Д. Афанасьева.* Спб. 1896. Ц. 1 р.

НА ВОЛОСКѢ. Романъ *А. Д. Апраксина.* Изд. 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

СКЛАДЪ ВЪ МАГАЗИНАХЪ **„ИЗДАТЕЛЬ“.**

С.-Петербургѣ, Невскій пр., 68—40.

Ростовѣ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА

Т-во **А. РАЛЛЕ и К°**

МОСКВА.

КРЕМЪ-РАЛЛЕ

Банка 50 и 75 коп.

МЫЛО

УТРЕННЯЯ РОСА

кусокъ 20 коп.

МОСКВА. 1) Пассажъ Солодовникова. 2) Тверская, д. Спиридонова.

С.-Петербургъ, Невскій, 18.

И ВЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ.

ВЕ-

ЛОСИПЕДЫ „EMPIRE“ „BELGICA“ „АДЛЕРЪ“ „БРЕНАБОРЪ“ „ГРЕЙФЪ“

3037

отъ 100—200 руб. имѣютъ на складѣ **Э. Кинкманъ и К°**

С.-Петербургъ, Гороховая ул. д. № 17.

Прейсъ-куранты высыл. безплатно.

Всемірно-извѣстныя Швейцарскія бритвы фабриканта „Arbenz“

„Le Champion“

Высшаго кач. съ запасными лезвіями и полнымъ ручательствомъ, продаются во всѣхъ первокл. магаз. стальн. изд. Цѣна 3 р., каждое запасное лезвіе 1 р. 3070-1

Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Составилъ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ руководствамъ В. Вельяминовъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897. Цѣна 60 коп., съ пересыл. налож. платежемъ 85 коп.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб., Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ-на-Дону, Садовая ул., д. Панченко.

АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО

КРЕМЪ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЕЗДѢ.

ПАМЯТИ БѢЛИНСКАГО.

Я. В. Абрамова. І. Изборныя мысли Бѣлинскаго. ІІ. Ромазъ Бѣлинскаго. Съ портретомъ и снимкомъ съ могилы. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Справедливость. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ

„ИЗДАТЕЛЬ“.

Спб. Невскій пр., д. № 68—40. Ростовъ н/Д., Садовая, ул., д. Панченко.

УДОЧКИ

и всѣ принадлежности для рыбной ловли извѣстной фабрики Алькокъ и К° (S. Allcock & C° in Redditch) вновь получены изъ Англіи въ большомъ выборѣ

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

С. И. ДОЙНИКОВА,

СПБ. 1-й магазинъ — Невскій пр., Милютинъ рядъ, д. Лѣсницкой, 27 — 18; 2-й магазинъ — Гост. Дворъ, противъ Пажескаго корпуса, № 73 и 3-й магазинъ — Чернышевъ пер. Банковская линія, № 15. Иллюстр. пр.-кур. рыболовн. принадл. высылается за 2 к. почт. марку. 8603

„VIKING"

НОРВЕЖСКОЕ СТЕРИЛИЗОВАННОЕ СГУЩЕННОЕ МОЛОКО

БЕЗЪ САХАРА

Генриха Нестле, Христіанія.

Для путешественниковъ, охотниковъ, моряковъ, для дѣтей и т. д.

Приготовлено безъ всякой примѣси. Стерилизовано безукоризненно. Въ запаянныхъ жестянкахъ никогда не портится.

Цѣна за фунтовую жестянку — 75 к., за полуфунт. — 40 к.

Продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель.*

С.-Петербургъ, Гороховая, 33.

НАТУРАЛЬНАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ СЛАБИТЕЛЬНАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА

ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРІЯТНОЕ на вкусъ слабительное, это—слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ уже болѣе двадцати лѣтъ пользующаяся рѣдкою популярностью.

Организмъ не привыкаетъ къ дѣйствію. Воду эту ОБЯЗАТЕЛЬНО должно имѣть во всякой семьѣ.

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

Дирекція слабительной воды Франца-Іосифа въ Будапештѣ. (7)

АНДЕРСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій. Въ 4-хъ томахъ. Полный переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1894 г. Ц. за 4 т. 8 р., въ переплетѣ 10 руб.

ЕГО-ЖЕ. МАТЬ. Сказка на 22 языкахъ. Съ портретомъ автора, гравиров. В. Матэ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Складъ въ книжныхъ магазинахъ **„ИЗДАТЕЛЬ".**

Спб., Невскій пр., № 68—40.

Ростовъ н/Д., Садовая ул., д. Панченко.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Спб. Акціон. Общ. «ИЗДАТЕЛЬ»

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: СПБ., Невскій, у Аничкова м., д. 68—40. РОСТОВЪ-на-Д., Садовая ул., д. Панченко.

ОПЫТЪ МЕТОДИКИ элементарнаго курса исторіи. Съ прилож. программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библіографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Составилъ бывш. препод. Нижегородск. клас. гимназіи А. КРОЛЮНИЦКІЙ. Одобрена въ 1-мъ изд. У. К. М. Н. П. для фундаментальныхъ библ. средн. учебн. завед. Изд. 2-е, исправленное. Спб.

ГИПНОТИЗМЪ и ВНУШЕНІЕ. В. БУНДТА. Пер. съ нѣмец. Н. Колубовской. Издан. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ. Проф. Страсбург. унив. В. ВИНДЕЛЬБАНДТА. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

МИРАБО. А. МИЗЬЕРА. Переводъ М. Г. Васильевскаго подъ редакц. и съ предислов. проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ КАПАНЕЛЛА. П. ЛАФАРГА. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ. Романъ Вас. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО. Спб. 1898 г. Ц. 1 руб.

МОНТЕСКЬЕ. А. СОРЕЛЯ. Пер. М. Г. Васильевскаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Н. И. КАРѢЕВА. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ и ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ и свѣдѣнія изъ международнаго права. Курсъ законовѣдѣнія. Сост. по поруч. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній заслуженнымъ проф. А. А. МУШНИКОВЫМЪ. Изд. 2-е, исправл. Первое изданіе рекомендовано У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебн. завед. старшаго кл. Спб. 1898. Ц. 2 руб.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ Спб. Акц. Общ.

„ИЗДАТЕЛЬ".

АБРАМОВЪ, Я. В. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Изд. 4-е, дополнен. съ видомъ школы. Спб. 1897. Ц. 40 к.

СОРЕЛЬ, А. Монтескьё. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакц. и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1898. Ц. 75 к.

РЫШКОВЪ, В. І. На больничныхъ койкахъ. Три очерка. 2. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Складъ въ книжн. магаз. „ИЗДАТЕЛЬ"

Невскій пр., 68—40,

Ростовъ н/д., Садовая ул., д. Панченко.

АМЕРИКАНСКАЯ

РУЧКА СЪ ЧЕРНИЛАМИ „СЭВТИ".

Самое лучшее Американское издѣліе.

Одинъ оборотъ руки открываетъ ручку для вливанія чернилъ, другой оборотъ вывертываетъ **ЗОЛОТОЕ ПЕРО** изъ чернильницы ручки и прикосновеніемъ къ бумагѣ готово къ письму. ◆ Просятъ обратить вниманіе на фабрич. марку и названіе „Сэвти" (Safety).

Купить можно во всѣхъ писчеб. магазинахъ.

Главный складъ для Россіи

у Т. И. ГАГЕНЪ, МОСКВА.

◆ ◆ ТОРГОВЦАМЪ СКИДКА ◆ ◆

Иллюстрированные Прейсъ-Куранты высылаются по требованію безплатно.

№ 4711

Рейнская фіалка

Поставщика Двора Его Императорскаго Величества

ФЕРД · МЮЛЬГЕНСЪ

Колокольная №4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ритъ

Дѣйствительный Свѣжій Запахъ фіалки.

безъ примѣси (мускуса, пачулли и проч.)

Модный Парфюмъ Великосвѣтскихъ круговъ.

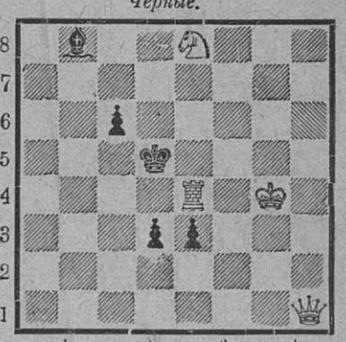
Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 121.

В. Цизара (въ Вѣнѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

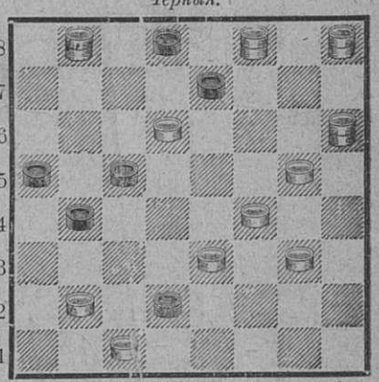
ШАШКИ.

Подъ редакціей **В. Н. Шошина.**

ЗАДАЧА № 106.

А. Чубукова (въ Петербургѣ).

Черныя.



Бѣлыя.

Запереть двѣ простыхъ.

Редакторъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»

СЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ КНИГАМИ ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ), 12 НУМЕРАМИ «НОВѢЙШИХЪ МОДЪ», 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ, 12 ВЫКРОЙКАМИ, ОБРАЗЦАМИ ВЫПИЛОВОЧНЫХЪ и ДАМСКИХЪ РАБОТЪ, СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ и ДРУГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи). . . . . 8 р. { **БЕЗЪ ДОСТАВКИ** на годъ: въ Спб. 7 р. — Въ Москвѣ . 7 р. 75 к.

„ ПОЛГОДА (съ доставкою) 4 р.—**На ТРИ мѣсяц.** (съ доставкою) 2 р. { **ЗАГРАНИЦУ** на годъ (съ книгами) . . . . . 16 р. —

На веленевой бумагѣ (безъ сгиба) цѣна на годъ 15 руб.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. 68—40.

№ 26 журнала «Живописное Обозрѣніе» состоитъ изъ 2½ листовъ съ 21 рисункомъ, обложки и оглавленія за первое полугодіе 1899 года.

ИЗДАНІЕ СПБ. АКЦІОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА «ИЗДАТЕЛЬ».

Дозв. цензурою. С.-Петербургъ, 24 іюня 1899 г.

Типографія Спб. Акц. Общ. „Издатель". Ковенскій, сов. д., № 14.

1/124 н
1899
т. 1
№ 14-26
прилож.
м/ф